

История Русской Церкви

Николай Дмитриевич Тальберг

Часть первая. Распространение христианства среди славян

Просветителями славян были Святые братья *Кирилл и Мефодий*. Отец их, Лев, занимал должность помощника военачальника в Солуни (Салониках), откуда и сам был родом. По некоторым изысканиям Лев был славянином, мать их гречанкой. Задолго до жизни Св. братьев г. Солунь был окружен славянскими племенами, которые – без успеха – пробовали захватывать самый город. Близкое соседство греков и славян оказывало на оба племени взаимное влияние. Понятно, что Св. братья могли с детства хорошо знать славянский язык, учитывая, в особенности, славянское происхождение их отца. В то время – начало 9 века – в Византии господствовали еще иконоборцы, которые в Солуни занимали и епископскую кафедру. Не страшась возможности потерять свой пост, Лев, с семьей, сохранял благочестие и истинное благоверие.

В семье с раннего детства выделялся младший сын Константин (род. в 827 г.). Он превосходил своих сверстников в учении, поражал своею памятью. Особенно прилежно изучал он труды Св. Григория Богослова, но не мог всего постигнуть. Горячо молился отрок о просветлении. В 842 г., после смерти отца, Константин на 15 году был приглашен в Царьград, в качестве сверстника к шестилетнему императору Михаилу 3. Ожидалось, что он окажет доброе влияние на отрока государя. Константину, по прибытию в столицу, удалось усовершенствоваться в науках, к чему он так стремился.

В это время патриархом был сицилиец родом, ученый монах Св. Мефодий (сконч. 846), пострадавший за Православие и чтимый, как исповедник. Он, вместе с опекунами императора, стремился поднять образование. При дворце была устроена высшая школа. Константин учился у выдающихся ученых, среди которых были Лев Философ, ранее митр. Солунский, и будущий (с 857 г.) знаменитый патриарх Фотий. С последним. Константин особенно сблизился; влияние его сказывалось и в дальнейшей жизни Святого. Константину открывалось блестящее положение

при дворе, а также возможность женитьбы на крестнице воспитателя царя, Феоктиста, ученого сановника, выписавшего его из Салоник. Он же назначил Константина библиотекарем Св. Софии. Но все это было ему чуждо. Рукоположенный около 850 г. во священники, он вскоре оставил Царьград и удалился в монастырь на «узком» море (разумеется Мраморное море). Но там ему удалось остаться недолго. Он был возвращен в столицу и назначен учителем философии в придворной школе кесаря Варды. По желанию царя, Константин вступил в прения с низвергнутым патриархом иконоборцем Иоанном Грамматиком, прозванным Ианнием, считавшим себя непобедимым в спорах. Константин оказался победителем.

Около 851 г. Константин Философ был отправлен к сарацинам и – вернее всего в Багдаде – вел прения с тамошними мудрецами. Их более всего интересовали вопросы о Св. Троице и о воплощении Господа Иисуса Христа от Девы Марии. После обнаружившегося в спорах бессилия сарацин, произведена была попытка отравить Константина, но Господь охранил его. Эта миссия, расширив знания Константина в области изучения религий и языков (в особенности арабского), явилась подготовкой к главной его апостольской деятельности.

Старший из всех сыновей Льва, Мефодий, отличался сродными брату нравственными качествами. Он обладал величавой наружностью. Царь, зная достоинства Мефодия, назначил его воеводой (князем) Струмской области в Македонии. Состоялось это, повидимому, около 843 г. Мефодий, прослужив около 10 лет, познал суету мирской жизни и решил искать высшего удовлетворения в тиши иноческой келлии. Он удалился в обитель на горе Олимп. В местности этой было несколько монастырей. Там подвизался одно время Пр. Феодор Студит. Мефодий предался молитве и книжным занятиям. К нему присоединился затем брат Константин. Они, подвизаясь аскетически, расширяли, вместе с тем, свои знания. По воле Божией, Св. братья готовили себя к будущей просветительной работе.

Когда они пребывали в обители, к имп. Михаилу явились послы от хазар. Племя это, урало-чудского происхождения,

обитало с III – IV в. по берегам Каспийского моря, вблизи устья Волги. В это время хазары распространяли свою власть до Днепра и даже доходили до Оки. Они были язычниками, мусульманами, и, в меньшем числе, евреями и христианами. В конце 8 века усилилась среди них иудейская религия, которую исповедывали знатные вельможи и «каганы» (князья). Хазары издавна поддерживали дружеские отношения с Византией. Теперь – в 858 г. – они просили прислать исповедников византийской веры, которые могли бы состязаться с евреями и сарацинами. Император отправил в эту миссию Константина, поручив ему взять с собой Мефодия. По пути Св. братья пол года прожили в тогдашнем греческом Крыму – Херсонесе (Корсуни). Константин основательно постиг еврейский язык, читал самарянские книги. Нашел он Евангелие и Псалтирь, написанные русскими письменами. Св. братьями были обретены мощи Св. Климента, папы Римского (третий епископ Рима, сосланный на работы в каменоломнях нынешнего Инкермана и утопленный в море ок. 100 г.). В хазарской земле Св. братья исповедывали превосходство христианства и крестили до 200 человек. Миссия их продолжалась три года. По возвращении в Царьград, Константин остался при церкви Св. Апостолов. Мефодий, отказавшись от предложенного ему епископства, стал игуменом Полихрониева монастыря, не имея священного сана, что тогда иногда допускалось. Во время хазарской миссии, относимой к 858 г., патриархом был Фотий.

В конце 862 г. моравский князь Ростислав отправил послов к имп. Михаилу. Он указывал, что народ его принял христианство, но никто не разъяснил ему веру на понятном языке. Он просил прислать учителя, который просвещал бы моравов на славянском языке. Выбор царя и патр. Фотия остановился на Св. братьях. Михаил III, в беседе с ними, подчеркивал знание ими, как солунянами, славянского языка. Они перед отъездом составили славянскую азбуку. Предполагается, что основой Кирилло-Мефодиевского переводного языка была обработанная разговорная речь византийских славян, дополненная фракийско-македонским говором и особенностями моравско-паннонским.

К этому времени Моравия входила в состав империи Карла Великого, который первый позаботился об ее крещении. По его желанию, еп. Зальцбургский, в юрисдикции которого значилась Моравия, и еп. Пассауский отправили туда миссионеров.

Но богослужения и проповеди на немецком языке были непонятны населению. Князь Ростислав, хотя и посаженный на престол внуком Карла Великого, королем Людовиком Немецким, сочувствовал национализму народа и, с переменным успехом, боролся с чужеродной властью. В 855 г. он отложился от германского императора. Поэтому Ростислава устраивала миссионерская деятельность, направлявшаяся не из католического запада, а из Византии.

Св. братья прибыли в Моравию весной 863 г. Они привезли с собою, кроме азбуки, часть переводов Св. Писания и богослужебных книг. Обосновавшись в *Велеграде* (Девине), они продолжали эту работу, установили богослужение на славянском языке, создали школы и поучали народ. Последний с радостью внимал их проповеди. Появление греческих проповедников в земле, считаемой немцами своей, не нравилось германским епископам и папе. Именно в это время очень обострились отношения папы Николая I с патр. Фотием. Последовало приказание папы Св. братьям прибыть в Рим. Пробыв в Моравии три года, они пустились в путь. По пути они задержались в Паннонии. Тамошний князь Коцел, племянник князя Ростислава, учился у них по славянским книгам. Оттуда с ними отправились в Рим 50 учеников, в дополнение к тем, которых они взяли с собой из Моравии. В Венеции Св. братья встретились с враждебным к ним отношением западного духовенства. Последнее, ссылаясь на Пилатовы надписи на Кресте Христовом, признавало церковными языками только греческий, латинский и еврейский. Пришлось вести с ними прения, подобные тем, которые имели иногда место и в Моравии.

Прибыв в Рим в конце 867 г. они не застали в живых папу Николая I (ум. 867). Новый папа *Адриан II*, более мягкий, с почетом встретил их, привезших мощи Св. Климента, которые были положены в церкви его имени. В Риме, с одной стороны,

были довольны успехами христианства в Моравии, с другой же стороны, не одобряли широкого введения славянского языка в богослужения. Вообще, при изучении отношения пап к деятельности Св. братьев в славянских землях, надо учитывать общую политику Рима. Перемены в отношении их миссионерской работы зависели от того, каковы в то или иное время были отношения Рима с Византией, к коей церковно тяготела Болгария, а также кого из наследников Карла Великого в данный момент поддерживали папы. Когда Св. братья прибыли в Рим, в Царьграде царствовал Василий Македонянин, патриарх же Фотий, столь ненавистный Риму, был заменен Игнатием. Последний был настроен к Риму примирительно. Болгарский вопрос находился в стадии рассмотрения. Папа в это время поддерживал западных Каролингов и ему важно было доброжелательство моравского князя, враждовавшего с восточными – немецкими Каролингами.

Папа Адриан проявил доброжелательство к Св. братьям. Привезенные ими ученики славяне были поставлены в диаконы и в священники. Тогда же, по-видимому, Мефодий стал иеромонахом. Папа и его совет, выслушав доводы Константина, утвердили введенные им в славянских странах порядки. Последовало разрешение совершать канонические часы и божественные службы на славянском языке. Константин вскоре заболел и, приняв за 50 дней до смерти схиму с именем *Кирилла*, преставился 14 февраля 869 г. Он был торжественно погребен. Мефодий, ссылаясь на завещание матери, просил о разрешении похоронить брата на родине. Папа сначала согласился, затем же, по настоянию ближайших советников, отказал, предложив, в виде особого исключения, погребсти Св. Кирилла в храме Св. Петра. Тогда Мефодий просил и получил разрешение погребсти брата в церкви Св. Климента в Риме.

Вскоре после смерти брата, *Мефодий*, посвященный во епископа Моравии и Паннонии, был отправлен папой в последнюю страну. Об этом просил князь Коцел. К этому времени Болгария церковно подчинилась Византии. В Моравии же воцарился Святополк, выдавший дядю своего, Ростислава, немцам и в те годы друживший с ними. Папе важно было

привлечь на свою сторону князя Паннонии и моравский народ. В грамотах к моравским и паннонским князьям папа Адриан сообщал о разрешении применять славянский язык за богослужениями, с тем только чтобы на литургии Евангелие и Апостол читались сначала по латыни, а потом по славянски. Мефодий поселился в г. Мосбурге у Блатенского озера и сначала работа его в Паннонии развивалась успешно. Но вскоре яростную кампанию против него повел Зальцбургский епископ, считавший Паннонию в своей юрисдикции. По его распоряжению Мефодий был схвачен и в начале 871 г. заточен в Швабии. Там он просидел два с половиной года. Только тогда – опять по причине общей политики – новый папа, Иоанн VIII (с 872), решился заступиться за него. Он доказывал Зальцбургскому епископу правоту Мефодия и то, что Паннония, как часть Иллирии, находится в непосредственной юрисдикции Рима. Мефодий был освобожден в конце 873 года или в начале 874 года. В 874 г. он был уже в Моравии и вновь поселился в *Велеграде*.

Миссионерская работа его не ограничивалась Моравией. Она распространялась на Краковскую Польшу, частично подчиненную Святополку, и на Чехию. Семена его попадали в Словакию, в Прикарпатскую Русь (Угорскую и Червонную), через Паннонию в Сербию, в Словению. Немецкие епископы продолжали борьбу с Мефодием, находя поддержку у коварного кн. Святополка. Они донесли папе, что Мефодий не исповедует католического учения о происхождении Духа Святого и от Сына, а также не признает папской власти, отчего и устанавливает славянскую службу. В 879 г. папа вызвал Мефодия в Рим. По выслушании его перед лицом епископов, папа Иоанн сообщил Святополку, что архиепископ моравской Церкви признан «православным во всех церковных учениях» и он возвращает его в Моравию. Наряду с этим был поставлен викарным епископом в г. Нитру пресвитер немец Вихинг, присланный Святополком и не сочувствовавший Мефодию.

По возвращении в Велеград, Мефодий ощутил тяжесть положения. Против него был князь, еп. Вихинг и прочие немцы. Чувствуя приближение кончины, Святитель усилил работу по

переводу священных книг. Он имел уже подготовленных «споспешников». Святыми братьями были переведены все книги Священного Писания, кроме Маккавейских, Номоканон, Патерик, Часослов, Служебник, избранные чтения Нового Завета, Паремейник, Чины таинств и др. В 882 г. архиепископ Мефодий ездил в Царьград к царю Василию Македонянину. Патриархом в то время был снова Фотий. Преставился Святитель Мефодий в Велеграде 6 апреля 885 г., назначив своим преемником Горазда моравлянина, почитаемого народом.

Сразу после его кончины, еп. Вихингом, при полной поддержке Святополка, воздвигнуты были гонения против учеников Св. Мефодия. Новый папа Стефан V (с 885) был тоже противником святого дела. Не получив еще сведений о кончине Св. Мефодия, папа писал Святополку: «Мы весьма удивились, что Мефодий предал лжеучению, не назиданию, вражде, а не миру, и, если это так, как мы слышали, то лжеучение его мы совершенно отвергаем». Ученики Святителя – Горазд, Климент и Наум – подверглись заточениям, издевательствам и, вместе с 200 священниками, были изгнаны из Моравии в 886 г. Положение православия улучшилось в Моравии при внуке Святополка, Моймире II. Папой был тогда – с 898 г. – Иоанн IX, враждовавший с немцами и нуждавшийся в поддержке славян. Но в 907 г. окончилось бытие Моравии, разделенной между богемцами (чехами) и венграми.

В *Болгарии* ученики Св. Мефодия приняты были с большою радостью. Царь Борис – Михаил, крещением своим в 864 г. способствовавший насаждению христианства в стране, был учеником Св. Мефодия. В 866 г., по соображениям политическим, Он просил Рим прислать в Болгарию способных учителей веры, что и было исполнено. Но в 870 г. он окончательно примкнул к восточному Православию. Борис желал иметь национальную Церковь, а не зависимую от Византии. Приход учеников Св. Мефодия был ему особенно важен. Св. Климент, с помощью Св. Горазда, Св. Наума (основателя известного монастыря на Охридском озере) и др. учеников Св. Мефодия, развил широкую просветительную

деятельность на славянском языке. Св. Климент, объезжая страну, понятно для народа проповедывал слово Божие, разъяснял заповеди и догматы. Св. Князь Борис удалился в 893 г. в монастырь, где скончался в 907 г. При втором сыне его Симеоне, правившем по воле отца с 896 г., Св. Климент был поставлен в 899 г. епископом. Св. Климент, подготовив достойных людей, поставил многочисленных священников, диаконов, чтецов. Царь Симеон († 927) известен и тем, что в 907 г. прекратил церковную зависимость от Царьграда и объявил Доростольского митрополита Леонтия патриархом болгарской Церкви. Это был золотой век православной национальной культуры Болгарии. Позднее последняя политически и культурно подпадает под власть Византии. Эта просвещенная православная страна имела большое значение для зарождавшегося христианства на Руси.

Из Моравии христианство перешло в *Богемию* (Чехию). Распространению его способствовал брак (871) кн. Святополка с богемской княжной. В 874 г. богемский князь Боривой и его супруга Людмила крещены были в Велеграде Св. Мефодием. Святитель лично трудился в Чехии. В Праге воздвигнуты были церкви Св. Климента и Св. Георгия. После кончины Боривоя (894), Чехия, в лице *Св. Людмилы* († 928) и, воспитанного ею в знании славянской письменности, внука *Св. Вячеслава*, имела двух преданных Православию членов династии. Оба они приняли мученическую смерть от родственников. Св. Вячеслав был убит в 935 г. братом Болеславом, главой языческой партии. Последний старался истреблять христиан, пока германский император Оттон I, силою оружия, не принудил его в 950 г. оставить их в покое. При кн. Болеславе II Благочестивом христианство восторжествовало, но как католическое. В 967 г. в Праге учреждена была католическая епископия. Саксонский славянин Дитмар, знавший славянский и латинский языки, поставлен был епископом. Народ некоторое время боролся за Православие. Но в 1097 г. разгромлен был последний оплот Православия – Сазанская обитель. С этого времени православная вера сохранилась только в глубинах народных.

В древней *Польше* было время, когда богослужение совершалось на славянском языке и по восточному обряду. Часть Польши входила в обширную епархию Св. Мефодия. В 965 – 6 г. г. польский князь Мечислав женился на христианке Дамбровке, дочери Болеслава I чешского и крестился. Позднее же, женившись на княжне католичке, он признал власть папы. В церквах славянское богослужение было заменено латинским. В 1025 г. король Мечислав II изгнал из Польши священников и монахов восточного обряда.

Для судеб России было особенно важно, что великое дело Святых Кирилла и Мефодия закрепилось и развилось в самой близкой к ней Болгарии, передавшей ей православную славянскую культуру.

Христианство в пределах России до начала Русского Государства. Христианство при первых князьях Рюриковичах

Древнее предание, отмеченное в русской летописи, гласит, что начало христианства на Руси положено было Св. Апостолом *Андреем Первозванным*. Проходя с проповедью Евангелия

Фракию, Скифию и Сарматия¹), он доходил до Днепровских гор, где позднее возник Киев. Летопись указывает, что Св. Апостол из Синопы, чрез Корсунь, Днепром доходил до гор, где создастся потом Киев. Благословив горы, Св. Апостол предрек, что на том месте создастся великий град и будут церкви. После этого очень долго нет следов христианства в будущей России. Раньше всего следы появляются в юго- западных пределах ее – у Угличей и Тиверцев, славянорусских племен, живших на нижнем Днестре и от Днестра до нижнего Дуная. Они граничили с греческой провинцией, называвшейся Скифией. Блаж. Феодорит сообщает, что Св. Иоанн Златоуст первый попытался обратить в христианство, соседей греков, скифов кочевников, живших около Дуная. Сам Святитель Иоанн (сконч. 407), говоря о распространении христианства, упоминает Скифов с Сарматами. На это же указывают церковные писатели IV века Св. Афанасий Александрийский и Блаж. Иероним. Имеются сведения о существовании в устьях Дуная Скифской или Томитанской епархии. В слабой степени христианская проповедь могла проникать к полянам, жившим южнее Киева. Их далекими соседями к югу были греческие колонисты, находившиеся на Днепре южнее будущего Екатеринослава. Последние поддерживали торговые отношения с полянами. В Крыму христиане были уже во дни Св. Климента, сосланного туда из Рима в 94 г. Там упоминаются несколько епархий. В IV веке была епархия у готов (кочевников, осевших на юге России), живших между Доном и Днестром. Более благоприятные условия для евангельской проповеди наступили со времени поселения в пределах будущей Руси оседлых славянских племен. Славяне рано познакомились с Византией, куда они

ездили для торговли, службы в императорских войсках. Иногда же производили и набеги.

В житии *Св. Стефана Сурожского* (Сурож-Судак на южном берегу Крыма), говорится о набеге русского князя Браваллина, пришедшего в первой половине IX века из Новгорода и опустошившего крымское побережье. В Суроже грабители начали грабить гроб Святого. Браваллин (сам, видимо, варяг, т. к. в Скандинавии имеется г. Браваллы) после этого кощунства, в видении, испытал удар по лицу от Святого и поражен был страшной болезнью. Браваллин приказал вернуть все награбленное и крестился, после чего получил исцеление. Подобный же рассказ о Россах, напавших на Амастриду (город в Малой Азии, на берегу Средиземного моря) и хотевших раскопать гроб *Св. Георгия Амастридского* († 805 – 806 г.) рассказывается в его житии. Происходило это в начале IX века.

В те же времена христиане были уже в Киеве. Руссы или Россы сделали 18 июня 860 г. набег на Царьград и подошли к его стенам. Патриарх Фотий повествует о том, что положив все упования на помощь Владычицы, он обносил по городским стенам чудотворную ризу Богоматери, после чего осаждавшие отступили. Спустя некоторое время пришло в Царьград от Руссов, пораженных чудом, посольство и просило о крещении. Видимо, христианами в эти годы были князья варяги, Аскольд и Дир, правившие в Киеве с 862 – 882 г. На могиле Аскольда, в более позднее время, киевские христиане воздвигли церковь Святителя Николая.

Преемник первого – с 862 г. – русского князя варяга Рюрика, кн. Олег, правивший в малолетство Игоря Рюриковича, убил Аскольда и Дира, и обосновался в Киеве. Успехи христианства замедлились. Но именно при нем усилилась связь с Византией и возможность христианского влияния на русских. Выгодный торговый договор заключенный Олегом с Византией в 910 г. давал права русским приезжавшим торговать с греками. Они могли жить по несколько месяцев при монастыре Св. Маммы в Царьграде, благодаря чему лучше и ближе знакомились с Православием. Влиянию подвергались и те, кто поступал на службу к императору.

В 946 г. новый князь, *Игорь Рюрикович*, заключил опять договор с Византией. Договаривавшаяся Русь разделялась уже на *крещенную* и *некрещенную*. Первая клялась в соблюдении договора в киевской «Сборной» – общественной – церкви Св. Пророка Илии. То, что христиане выделялись в особую группу и, в особенности, упоминание о них на первом месте, доказывает, что, при наличии государственной языческой веры, христиан было уже много в Киеве. Проф. Голубинский высказывает предположение, что сам кн. Игорь был «внутренним» христианином. Он не решился открыто исповедывать христианство, т. к. на киевском престоле был только вторым государем в понимании своих подданных славян и не имел достаточно власти, чтобы заставить тех же славян язычников переменить привычную веру. Св. кн. Владимир мог решиться на это. Народ считал его, внука Игоря, прирожденным государем, превратившимся уже из варяга в славянина. Игорь был убит древлянами в 945 – 6 гг.

Внутренней христианкой была супруга Игоря Св. княгиня *Ольга*, повидимому, уроженка Псковской земли ²). Отличаясь исключительным умом, она рано отошла от грубого язычества. Чистая и непорочная жизнь киевских христиан и их проповедь убедили ее в истинности христианства. Крестилась она между 954 и 957 гг., получив имя Елены. В 957 г. она предприняла путешествие в Царьград, намереваясь, очевидно, поклониться тамошним святыням. Ея проезд отметил в своем повествовании тогдашний император Константин Багрянородный (Порфирогенит). Княгиня христианка до конца жизни отличалась благочестием. Имеются сведения, что она строила церкви в Киеве и предрекла построение во Пскове знаменитого Троицкого собора. Ей не удалось склонить к принятию христианства сына своего Святослава, который опасался насмешек дружины, крестись он один. Св. Ольга, бесспорно, оказала влияние на воспитывавшихся ею внуков. Для киевлян явным проявлением исповедания Св. княгиней христианства была ея кончина в 969 г. Она запретила справлять по себе языческую тризну. Удивленный народ, вместо привычного пышного обряда, видел умиленное христианское погребение

любимой престарелой княгини. Св. Владимир, после крещения своего, перенес мощи святой бабки в построенную им Десятинную церковь. Древний летописец именует Св. княгиню Ольгу «звездой утреннею, предваряющею солнце, зарею утра, предвещающею свет дневный; она сияла, как полная луна в ночи, блистала между неверными, как жемчужина».

Князь Святослав Игоревич (946–972), последний, по натуре своей, варяг на русском престоле, не имел влечения к христианству. Ему, целью своей жизни ставившему войну для войны, странной казалась религия, проповедывавшая дела милосердия, нищелюбия и всего возвышенного, свойственного христианству. Относясь к нему насмешливо, он, однако, не воздвигал особых гонений против христиан. Число их росло. Вслед за варягами, давно уже принимавшими христианство, таковыми становились и коренные славяне, больше из среды боярства. Внутренним христианином был главный его воевода Свенельдь.

Преемник Святославов, старший сын его *Ярополк* (ум. 978), был воспитан Св. Ольгой и считался расположенным к христианству. Примечательно то, что через 40 примерно лет после его смерти, племянник Ярополков, Ярослав Мудрый, велел отпеть кости дядей Ярополка и Олега по христианскому обряду.

Ревностным язычником был младший внук Св. Ольги, кн. *Владимир Святославович* (980 – 1015). Победив брата Ярополка, он, воцарившись в Киеве, проявлял свою приверженность к язычеству. Исповедуя его он, по свойству своей натуры, отдающей тому что признается правильным, старался возвеличивать язычество. В Киеве воздвигались новые кумиры. На холме перед своим дворцом он поставил деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами. По словам летописи, никогда еще в русской земле не было такого «гнусного идолослужения». В 983 г., после удачного похода против ятвягов (литовское племя в будущих Гродненской и Минской губ.), решено было принести идолам даже человеческую жертву. Жребий пал на христианского юношу Иоанна, сына варяга Феодора. Отец не пожелал выдать

сына и открыто обличал безумие язычников. Обозленная толпа убила обоих христиан. *Промыслом Божиим, начинавшаяся воздвигаться, Русская Церковь освящалась кровью мучеников.*

Твердое исповедание христианской веры Святыми Феодором и Иоанном, воспоминания о мудрой бабке христианке, воспитывавшей его (до 10 лет) и братьев, ознакомление с положительной жизнью киевских христиан, возможное влияние супругов христианок (их среди законных пяти жен было четыре) – все это западало в душу и ум Владимира. Общение с иностранцами, в особенности с просвещенной Византией, все более оттеняли в его глазах грубость и пустоту язычества. Князь внимательно ко всему присматривался и прислушивался. В Киев ведь стекались люди из разных стран, различных исповеданий. Приближенные его, а также русские торговцы, посещая другие страны, главным же образом православную Византию, с ее чудными храмами, с ее церковным благолепием, конечно, передавали свои впечатления пытливому князю. Кн. Владимир все более внутренне воспринимал христианство и именно восточное. Для развития и укрепления новой веры в государстве ему нужна была помощь греков. Для сохранения своей независимости он, в отличие от Святослава, воевавший только в интересах Руси, решил вступить в сношения с греками в итоге удачной войны.

Крещение Руси и распространение христианской веры

Время, избранное Владимиром для похода против Византии, было удачное. Константинопольские императоры находились в трудном положении вследствие бунта полководца Варды – Фоки. Окончательно одолеть его удалось с помощью шеститысячного русского вспомогательного войска. Императоры не исполнили обязательства, данного, в связи с этим, кн. Владимиру, о выдаче за него замуж сестры императоров Анны. В 988 г. Владимир двинулся в Крым и, после осады, взял Корсунь (Херсонес). Императоры Константин и Василий просили мира. Условием такового Владимир поставил женитьбу свою на сестре императоров, царевне Анне. Тогда же был разрешен вопрос о крещении Владимира, к этому уже подготовленного внутренне. В это время он очень сильно разболелся глазами. Царевна Анна, прибывшая в Корсунь, советовала ему, для выздоровления скорее креститься. Как только корсунский епископ совершил обряд крещения, дав ему имя Василия, Владимир стал ясно видеть. Крестилась также дружина. После крещения совершен был брак. Соорудив в Корсунь церковь, возвратив город грекам, Владимир вернулся в Киев. Его сопровождали священники корсунские и прибывшие с Анной. В Киев перенесены были из Крыма частицы мощей Св. Климента и ученика его Фивы. В Киеве крестились сыновья Владимира и многие бояре. Духовенством и самим князем усердно проповедывалось христианство. Последовало распоряжение об уничтожении идолов. Когда Владимир убедился, что проповедь дала плоды, он издал повеление об общем крещении киевлян в Днепре. Крестившиеся рассуждали так: «Если бы новая вера была бы не хороша, то князь и бояре не приняли бы ее». Некоторые боялись быть ослушниками княжеской воли. Событие это относится к 988 г. На Руси господствующей верой стало христианство. Образовалась новая поместная Православная Церковь. Преставился Владимир в 1015 г. и

погребен был в Десятинной церкви в приделе св. Климента, рядом с ранее умершей кн. Анной.

Св. *Владимир*, крестившись, совершенно переродился. Ревностно насаждая христианство, князь в жизни своей старался следовать его заветам. Проявлял он исключительное милосердие. Помощь оказывалась и тем, кто за нею не обращался. Княжеские слуги, сопровождая возы с хлебом, мясом, рыбой, овощами, медом и пр., возглашали на улицах Киева: «Нет ли где больного и нищего, который не может идти к князю во двор». В Киеве на месте Перуна он соорудил храм Св. Василия, а на месте мученической кончины Свв. Феодора и Иоанна в 996 г. – величественный храм Успения Божией Матери. На него он жертвовал десятую часть своих доходов, отчего храм и именовался Десятинным. Владимир сам насаждал христианство, объезжая прилегавшие к столице племена славян, и поручал то же сыновьям. Сначала крестилась Русь чисто русская. В Новгороде язычники оказали сопротивление прибывшему туда первому епископу Иоакиму (991). Воеводам пришлось применить силу. Сохранилась пословица: «Путята крестил их мечем, а Добрыня огнем».

Труднее происходило крещение Руси инородческой (Меря и Весь) и состоявшей из славян польского происхождения (вятичи). В Ростове народ изгнал первых епископов – грека Феодора и Илариона. В Муроме язычники заставили удалиться князя Св. Глеба Владимировича. Ростовские язычники проявляли упорство и позднее. Третий епископ Св. *Леонтий*, проявлявший ревность и мужество, привлечший к себе молодое поколение, около 1077 г. был убит язычниками. Только преемнику его, Св. *Исаии* – родом русскому, постриженнику Печерского монастыря, потом игумену Дмитриевского мон. в Киеве, – удалось крестить ростовцев и жителей соседней суздальской области. Помогал ему кн. Владимир Мономах. Святитель Исаия преставился около 1090 г. Значительно позднее ревностным миссионером был св. архимандрит *Авраамий Ростовский*, живший сначала в хижине на берегу озера Неро. Он сокрушил идола Волоса с помощью жезла, полученного им в видении от св. ап. Иоанна Богослова. На

месте сверженного идола он основал Богоявленский монастырь и был его первым архимандритом. Преставился преп. Авраамий предположительно в 1107 г. В Муроме просветителем края, входившего в состав черниговского княжества, был сын Святослава Ярославича черниговского, кн. Ярослав-Константин. Язычники в самом начале его деятельности убили сына князя, Михаила. Он, с другим сыном, Феодором, продолжал миссионерствовать до самой кончины в 1129 г. Князья Муромские Константин, Михаил и Феодор причислены к лику святых.

Дольше всех славянских племен оставались язычниками вятичи (север Черниговской, восточная половина Орловской и южная – Калужской губерний). В составе черниговского княжества просветителем их был в 12 веке священномуч. *Кукуша*, инок печерский, принявший от них в 1113 г. мученическую смерть. Корелы, тогдашнюю территорию которых составляли: юго-восточ. Финляндия, части нын. Петербургской и Архангельской и большая часть Олонецкой губ., крещены были в 1227 г. Просветителем Вологодского края был Пр. *Герасим*, пришедший из Киева и в 1147 г. поселившийся около Вологды (прест. в 1178 г.). В конце 12 века утвердилось христианство на р. Вятке. Скрытую – иногда только выходившую наружу – работу против христианства вели языческие волхвы. Деятельность их особенно проявлялась во время народных бедствий, которые ими приписывались гневу покинутых богов. Но большого значения это противодействие не имело. Христианство утверждалось, чему помогало наличие славянских книг. Вера стала национальной. Значительное время в некоторой части народа существовало двоеверие. Чтились и священник и волхв, иногда последний даже больше. Много старых верований и обрядов перешло и к христианскому народу; часть их сохранилась до позднейшего времени.

Значение христианства стало сказываться уже при ближайших преемниках Св. кн. Владимира. Столь несвойственные языческому миру смирение и послушание проявили сыновья Крестителя Руси, Святые князья *Борис* и *Глеб*. Они покорились старшему брату Святополку Окаянному,

зная о подготовленном им убийстве их, совершенном в 1015 г. Пр. Нестор летописец, инок Печерский, так писал о князьях, первых святых русской церкви: «Видите, как важна покорность старшему брату. Если бы они воспротивились ему, то едва ли удостоились такого дара от Бога (чудотворения). Потому что и ныне много юных князей, которые не покоряются старшим, сопротивляются и бывают убиваемы; но они не удостоиваются благодати, как сии святые братья».

При вел. князе *Ярославе Мудром*, сыне Св. Владимира, победителе Святополка, ярко разгорается свет христианства. Летописец пишет: «Отец его Владимир вспахал и умягчил землю, просветив ее святым крещением, а он насеял словами книжными сердца людей, а мы пожинаем, учение приемля книжное». Св. Владимир озаботился просвещением народа. Им открыты были первые школы, куда родители должны были отдавать детей. Сначала матери плакали о них, как о мертвых. При Ярославе же, которого Голубинский называет «ограмотителем», прославился, столь ценимый им, питомец этих школ, будущий митрополит Иларион, до этого священник в княжеском селе Берестове. Его «Слово о законе и благодати» включает в себя «похвалу кагану нашему Владимиру, от него же крещени быхом», блестящую по мысли и изложению. Ярослав заботился об умножении церквей и священников.

Из Византии и Болгарии к нам пришла книжность, носившая религиозный характер. Книги св. писания употреблялись в древнем переводе Свв. Мефодия и Кирилла болгарской редакции.

Голубинский по отделу догматическому на первом месте ставит точное начертание православной веры пр. Иоанна Дамаскина, по библейскому – Шестоднев Иоанна пресвитера и экзарха Болгарского, по отделу нравоучительному Жития Святых, сочинения Мефодия Патарского, Слословец Геннадия Константинопольского, Лествицу Иоанна Лествичника и др., из слов церковных – небольшой выбор нравоучительных слов Григория Богослова, огромный выбор слов Иоанна Златоустого, собрание 106 слов Ефрема Сирина, т. н. Паренезис, собрание 124 слов Феодора Студита, под именем Малого катихизиса и

др. Известны были Златоструй и Пчела (сборник кратких изречений, выбранных из Св. Писания, из отцов и учителей Церкви, из светских греческих писателей, относительно христианской нравственности и всего житейско-общественного добро- и-благоповедения. Первый такой сборник составил преп. Максим Исповедник).

При Ярославе Киев стал украшаться храмами. В 1037 году, на месте окончательного поражения в 1036 г. печенегов, где стояла небольшая, несколько раз горевшая, деревянная церковь времен св. кн. Ольги, Ярослав заложил большой каменный храм во имя Софии Премудрости Божией (окончен он около 1045 г.). В соборе этом позднее поставлялись митрополиты и освящалось вступление на престол великих князей. Собор не раз страдал при войнах и нашествиях. В нем сохранилась доселе большая запрестольная мозаичная икона Божией Матери, именуемая «Нерушимая стена». Вблизи Софиевской церкви Ярослав построил две каменные церкви и при них княжеские монастыри мужской – в честь своего Ангела великом. Георгия Победоносца, и женский – в честь Ангела супруги своей муч. Ирины (шведская королева Индигерда, дочь короля Олофа, во крещении Ирина, в иночестве св. Анна). Митрополит Иларион освятил Георгиевскую церковь 26 ноября (не раньше 1051 г.) и установил праздновать в этот день память Св. Великомученика. Сей праздник существует и в Греции, где был установлен в честь освящения одной из тамошних церквей. Одновременно с закладкой Софиевского собора Ярослав начал ограждать свою расширенную столицу и на земляном валу воздвиг каменную церковь, посвященную Благовещению Пресв. Богородицы. Летописец замечает: «Радость всегда будет граду тому святым благовещением Господним и молитвами св. Богородицы и архангела Гавриила».

Второй сын Ярославов *Св. Владимир Новгородский* (по смерти в 1019 г. брата Илии – старший), родоначальник первых Галицких князей, соорудил в 1052 г. (по древним свед. в 1050 г.) в Новгороде храм св. Софии. Скончался Св. Владимир в 1052 г. Ближайшее потомство Ярослава, часто, в ущерб Руси, враждовавшее между собою, отличалось, вместе с тем,

преданностью Церкви, строительством храмов, заботами о монастырях. Братья соперники, Изяслав Киевский и Святослав Черниговский Ярославичи, оба поддерживали Печерскую обитель. Святослав имел у себя полные клети книг и заботился о просвещении. Он закончил строение в Чернигове Спасского собора, заложенного кн. Мстиславом Владимировичем, умершим в 1036 г. Любовью к образованию известны также любимый сын Ярослава, Всеволод, и сын последнего Владимир Мономах (мать его – дочь византийского императора Константина Мономаха).

Любимый всю Русью, великий князь *Владимир Мономах* (1053 – 1125), отличался христианскими добродетелями и был воистину благоверным князем. Облик его ярко выявляется в оставленном им «Поучении» к сыновьям. «...Диавол, враг наш», писал он, «побеждается тремя добрыми делами: покаянием, слезами и милостынею. Не имейте гордости ни в уме, ни в сердце и думайте: мы тленны, ныне живы, а завтра во гробе... Не засыпайте никогда без земного поклона, а когда чувствуете себя нездоровыми, то поклонитесь в землю три раза. Да не застанет вас солнце на ложе. Идите рано в церковь воздать Богу хвалу утреннюю; так делал отец мой, так делали все добрые люди. Когда озаряло их солнце, они славили Господа радостью... Главное не забывают убогих, и по силе, как можете, кормите их... Все, что дал нам Господь, не наше, а только поручено на короткое время. В землю сокровищ не зарывайте – это великий грех. Епископов, попов, игуменов почитайте... Старика почитайте как отца, а молодых как братьев. В деле своем не ленитесь... Больного посетите, покойника проводите и не оставляйте никого без привета; скажите всякому доброе слово... Что знаете полезного не забывают, а чего не знаете, тому учитесь... Творите добро, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего по отношению к Церкви».

Исключительною религиозностью и церковностью отличались ближайшие потомки Владимира Мономаха. Таковым был старший сын его, Св. вел. кн. *Мстислав – Феодор Великий* (1076 – 1132), правивший ранее в Новгороде, где он известен

был строением храмов. Для храма Божией Матери на городище, его иждевением, было написано драгоценное для Русской Церкви Евангелие Мстиславово, богато им украшенное. В Киеве он начал в 1129 г. строить храм и монастырь во имя ангела своего вмч. Феодора. Сыновья Мстиславовы: Св. *Всеволод – Гавриил* (умер в 1138 г.), кн. Псковский, ранее Новгородский. Блаж. *Ростислав – Михаил Набожный* (ум. в 1168), кн. Смоленский, позднее вел. кн. Киевский. Сын последнего, Св. *Мстислав Храбрый* (ум. 1180), кн. Новгородский. «Прекрасный душою и телом» говорит о нем древняя летопись, он «соединял храбрость с любовью; особенно был заботлив о долге милосердия, снабдевал обители, утешал иноков, принимал всех игуменов, испрашивая благословение их, снабдевал приходские церкви и священников, отдавал достойную честь сану святительскому. На войне был крепок и всегда рвался умереть за землю русскую, за христиан; когда видел христиан плененных погаными, говорил дружине своей: «братья! не думайте ни о чем; если умрем за христиан, очистимся от грехов, и Бог причтет кровь нашу к крови мучеников; если бы Бог дал, слава Ему! не умрем ныне, но умрем». Внук Мономахов, Св. *Андрей Боголюбский*, сын Юрия Долгорукого, выдающийся князь северо-восточной Руси, где слагалось великое русское государство. Он вывез тайно в 1155 г. из Вышгорода под Киевом чудотворную икону Божией Матери, по преданию писанную Св. Евангелистом Лукой. Он намеревался поставить ее в одном из старых городов Ростово-Суздальского княжества, но лошади остановились около Владимира и ничто не могло заставить их двигаться дальше. Владычица выбрала этот город, начинавший только развиваться. Там икона Владимирской Божией Матери пребывала до 1395 г., когда была перенесена в Москву и чудесно спасла столицу от разгрома ее страшным и мощным вождем татар Тамерланом. Два великолепных храма – один в Боголюбове, другой Успенский во Владимире, были памятниками изумительно щедрого усердия кн. Андрея к Богу. Он трудился и для христианского просвещения. В 1164 г. победа его над волжскими болгарами – магометанами прославила силу Креста Господня. В то же время византийский император

Мануил победил магометан – арабов. Посему и в Византии и в России подтверждено было празднование 1 августа *Кресту Христову*. Архиепископ Филарет Черниговский в своей «Истории Русской Церкви» так заключает сказанное им о сем князе: «Чувствуя, как гибла Россия от раздробления власти по уделам, он старался ввести единоедержавие, и ошибки своей слабости заглаждал глубоким смирением пред судом Божиим, наказывавшим страсть. За любовь ко Господу, Господь удостоил его страдальческой смерти: люди, осыпанные благодеяниями его, убили его в Боголюбове (в 1174 г.); последние слова его были: «Господи! в руке Твои предаю дух мой».

Боголюбием и благочестием отличался внук Ярослава Мудрого, Св. кн. *Ярополк – Петр Изяславич Владимиро-Волынский*. Он желал себе смерти, подобной Св. кн. Бориса, и ее достиг, убитый в 1186 г. во время междоусобий. Правнук Ярославов, кн. Святослав – Святоша Давидович Черниговский, в иночестве Св. *Никола* († 1143), прославился высокими монашескими подвигами в Киево – Печерской обители. Св. *Игорь, в схиме Гавриил Олегович*, сначала кн. Черниговский, а потом вел. кн. Киевский, принял мученическую кончину от толпы неистовых киевлян в 1147 г. Тогда шла борьба за киевский престол. Противники черниговских князей выволокли Святого, тогда инок Феодоровского монастыря и, несмотря на уговоры митрополита и киевского князя, зверски убили его. Прославилась своею святостью Предслава княжна Полоцкая (правнучка сына Св. Владимира, Изяслава), в иночестве *Пр. Евфросиния*, преставившаяся в 1173 г. в Иерусалиме. Св. мощи ее были перенесены в Киево – Печерскую обитель и, в начале XX века, возвращены родному ей Полоцку. Из потомства Св. Владимира Ярославича Новгородского своею заботою о просвещении выделялся князь Галицкий Ярослав Осмомысл (ум. в 1187 г.). О нем же летописец пишет: «пред смертью, находясь в тяжелой болезни, он ... собрал мужей своих и всю галичскую землю, созвал все соборы, монастыри, нищих, здоровых и больных, и так говорил со слезами: «отцы, братия и дети, согрешил я больше всех, как никто другой; отцы и братия! простите и отпустите!» И приказал раздавать имение свое

монастырям и нищим. Раздавалось имущество его три дня по всему Галичу. Князь Роман Смоленский († 1180), сын св. Ростислава Мстиславича, строя училища, держал при них учителей даже греческих и латинских и истощал на них все свое имение.

Боязнь Бога, часто смирение, понимание, что только от Господа зависят и победы и поражения, преклонение перед волею Божьею свойственно было потомкам Св. кн. Владимира. «Божье блюденъе лучше человеческого», поучал Владимир Мономах. Поэтому победы и счастливые события правлений своих князья ознаменовывали не сооружением памятников славы, а строением храмов и обителей.

Духовное просвещение. Учители Церкви Русской

За переводами книг религиозного содержания следуют сочинения киевских митрополитов – греков, написанные на греческом языке и переводившиеся. Таковы: сочинения против латинян об опресноках митр. Леонтия, полемическое послание митр. Иоанна II к папе Клименту III и его же церковное правило, два послания к русским князьям митр. Никифора о латинянах, его же послание к Владимиру Мономаху о посте и поучение к народу в неделю сыропустную. Русские писатели в своих сочинениях старались подражать греческим образцам и подвергались опасности усвоить те недостатки, какими страдала тогдашняя греческая литература. В ней было мало проповедников, да и те скудные. Жизнеописатели были многословны, но без силы в мыслях. Толкователей писания не было, отсутствовали и строгие догматики, исключая полемиков с западом. Но русских выручал добрый обычай подражать не столько новым греческим авторам, сколько древним отцам Церкви – Григориям, Василию, Иоаннам. То чего не могли дать русским учителям внешние пособия, то – пишет архиеп. Филарет – дали дарования, то дало живое русское благочестие, то дала благодать Божия, которую призывало на себя благочестие русское. Первое место по времени занимает поучение новгородского епископа *Луки Жидяты* или *Жиряты* (с 1036 по 1059 г.г.). Оно, весьма необширное, представляет собою ряд кратких и общих наставлений в вере и добром поведении христианском. Пр. Феодосий Печерский, стремясь уподобиться своему идеалу, Пр. Феодору Студиту, оставил несколько поучений инокам. В них он обличает иноков за леность к богослужению, несоблюдение правил воздержания, собирание имения в келлии, недовольство общей одеждой и пищей, ропот на игумена за то, что он на монастырские средства содержал странных и бедных. Два поучения его ко всему народу, одно «о казнях Божиих» замечательно изображением остатков языческих пороков времени, другое направлено, главным образом, против пьянства. В послании к

кн. Изяславу Пр. Феодосий отвечает на современные вопросы о постах в среду и в пятницу; в другом же – о вере варяжской или латинской – исчисляет отступления от православия и обычаи латинские, запрещает всякое общение с ними в пище, питье и браках. Известно также поучение Св. *Илии*, архиепископа Новгородского (ум. 1186; в схиме Иоанна). Обращено оно к священникам. Язык его складно – простой и живой, любящий драматическо – диалогическую форму, свидетельствует об его способности к слаганию настоящих поучений.

Особенное внимание обращает арх. Филарет на труды: Пр. Нестора – как историка, Св. Кирилла Туровского – как проповедника, Св. Симона, еп. Владимирского – как назидательного повествователя и митр. Илариона – как учителя веры. Пр. *Нестор Летописец* – киевлянин, вступил в обитель Печерскую 17 лет, перед кончиной Пр. Феодосия (1073), пострижен Св. Стефаном, им же признан был достойным сана диаконского. Скорое пострижение и посвящение в сан диакона (по уставу Пр. Феодосия искус продолжался долго) показывают (как отмечает архиепископ Филарет), что он до вступления в обитель успел в духовном просвещении. Образованием своим он должен преимущественно чтению книг, которое продолжал он, по заповеди Феодосия, и в обители. Памятником преуспевания его в духовном совершенстве служит то, что он участвовал в молитвах, исцеливших подвижника Никиту от бесовского обольщения, а в 1091 г. первый открыл мощи Пр. Феодосия. Кончина его последовала, вероятно, в 1114 г. Первым его трудом было сказание о мученической кончине Свв. кн. Бориса и Глеба. Им написано житие Пр. Феодосия, с полным знанием его жизни, и *Временник русский*, описывающий исторические события с 852 г. по 1100 г. Древнейшим повествователем (XI века) был *Иаков мних* (повидимому инок Печерской обители, ценившийся Пр. Феодосием). Им написаны сказания о первоначальниках славы русской Церкви – о Владимире с Ольгой, ея равноапостольных, и о Борисе и Глебе, ея мучениках, а также нравоучительное послание к «Божію слуге Димитрию» – вел. кн. Изяславу Ярославичу, носившему это христианское имя.

Св. епископ *Кирилл Туровский* (ум. не прежде 1183 г.), сын богатых родителей, принял монашество в туровской обители и потом заключил себя в столпе, по примеру великих столпников Симеонов. Святость жизни побудила избрать его перед 1169 г. епископом туровским. Не оставляя подвигов благочестия, он предлагал пастве поучения. В 1182 г. он оставил кафедру, но продолжал писать наставления. Известны до 11 слов Св. Кирилла на Господские праздники. Его именовали русским Златоустом. Слова его дышат витийством Св. Иоанна, его духом, его любовью к слову Божию и спасению других. Особенно прекрасно его слово на 5 неделе по Пасхе. «Скажите мне, братия», говорилось в нем, «если бы кто при восходе солнца зажмурил очи, не желая видеть света сего, и говорил: лучше для меня тма, чем свет: ужели кто сожалеть о нем стал бы, и не скорее возненавидел и отверг его? Светом слово Божие называется в писании... Спрошу еще раз, и вы отвечайте мне... если бы раздавал я вам каждый день золото и серебро, мед или пиво: не стали бы вы сами приходить, и без зова предварять друг друга? Но теперь раздаю вам словеса Божия, лучшие, чем золото и дорогие каменья, сладчайшие меда и сота, и вы лишаетесь их, не приходя в церковь. Не из своего сердца выношу я слова: в душе грешной не родится ни дело доброе, ни слово полезно, мы предлагаем повесть, заимствуя из святого Евангелия». Св. Кирилл написал не малое количество статей нравоучительного содержания, называемых также большею частью словами и обращенных отчасти вообще ко всем, отчасти к мирянам, а отчасти к монахам. Превосходны его мысли об иноческой жизни. Кроме молитв Св. Кирилла известен его *великий канон ко Господу*, который – по свидетельству архиеп. Филарета – достоин имени великого, не по обширности, которая незначительна, но по обилию и глубине чувств; это искренний горький плач души о грехах пред Господом.

Св. *Симон*, первый с 1214 г. епископ суздальский и Владимирский (ум. 1226 г.) – был иноком Печерского мон., архимандритом Рождественского мон. во Владимире на Клязьме. Когда вел. кн. Св. Георгий II Всеволодович (убит

татарами в 1238 г.) пожелал иметь особого епископа в своей столице, до того зависевшей от ростовского епископа, то Св. Симон был избран таковым. Исполняя ревностно свои архипастырские обязанности, он всегда всей душой своею стремился в родную обитель. «Кто не знает меня, грешного епископа Симона, и соборной церкви красоты Владимирской и другой суздальской, которую я создал сам. Сколько у них городов и сел, и собирают десятину со всей этой земли, и всем этим владеет наша худость! Скажу тебе, что всю эту славу и честь я признаю грязью и хотел бы лучше щепкою торчать за воротами или сором валяться в Печерском монастыре и быть попираемым людьми, или быть одним из тех убогих, что просят милости перед вратами честной лавры.. .» – писал он о Печерской обители иноку Поликарпу. В летописях Св. Симон назван учительным и милостивым; по сочинениям же известен он как благочестивый и искусный жизнеописатель. Сказания о подвижниках и чудесах Печерских, написанные Симоном, имеют форму приложения к письму, отосланному им к другу своему Поликарпу, тоже иноку Печерскому. Последний, сознавая себя не худшим других, стремился к власти, чтобы, будучи начальником, приносить более пользы, но получая власть он раскаивался и находил, что лучше быть подчиненным: дважды ему было доставляемо игуменское место в других монастырях, и он возвращался с него в Печерский монастырь. Возвратившись в последний раз, он все-таки не успокоился, стал снова все критиковать и, вместе с тем, воображать себя человеком не ценимым, преследуемым и обижаемым. Свои недовольство и обиды он высказал в письме к Симону. Это письмо Поликарпа в совокупности со всем его поведением заставило Симона написать ему строго обличительное и наставительное письмо. К этому то посланию, чтобы показать Поликарпу, какое избранное и исключительно святое место – Печерский монастырь, и чтобы убедить его пребывать неисходно в нем, Симон и приложил ряд сказаний о чудотворцах Печерских и о чудесах, бывших в самом монастыре при построении его главной церкви. Собрание сказаний, написанных Симоном, дополнил новым собранием тот самый

Поликарп, к которому писал он, и который свой труд, как послание адресует тогдашнему архимандриту Печерскому Акиндину. Из всего этого и составилась *Патерик Печерский*³⁾, бывший любимой книгой в старой Руси. В Патерик вошло и повествование Несторова о Пр. Феодосии.

«Русская Церковь», пишет архиепископ Филарет Черниговский, «как дочь греческой Церкви, приняла христианское учение в том самом виде, в каком содержала оное православная восточная Церковь, в том виде, в каком изображал его западу великий патриарх *Фотий*, бывший для всех славян образцом лучшего образа мыслей. После вековых споров, стоивших жизни и крови тысячам, учение слова Божия в X веке получило в общем понятии членов Церкви определенный вид, и Церкви русской оставалось наслаждаться плодами кровавых трудов православия. Это уясненное понятие об откровенной истине, это проникновение освящающею истиною видим в сочинениях русского учителя веры – бл. митр. Илариона: преимущественно же в его исповедании веры».

Иларион был священником села Берестова, где был дворец вел. князя и где, по примеру отца, любил жить Ярослав, обогащая храм и его причт дарами своего благочестия. Тогда уже Иларион был известен как «муж благий и книжный и постник». Не довольствуясь отправлением священнического служения, он из Берестова ходил на уединенный холм днепровский, покрытый тогда лесом. Выкопав в горе двухсаженную пещерку, он удалялся в нее от шума житейского. Здесь он уединенно пел часы и тайно молился. Такие подвиги, ставшие все же известными, расположили к нему благочестивого Ярослава и возвысили его в глазах народа. В 1051 г. избранный и посвященный в митрополиты, он не оставлял строгой жизни. В сочинении своем о законе и благодати Иларион объясняет взаимное отношение закона и благодати типическою историей Агари и Сарры, далее показывает всемирное значение христианства и местное Моисеева закона; затем излагает основную мысль христианства – соединение Божества с человечеством в *Иисусе Христе*.

Похвала Владимиру – одушевленное изображение Иларионом заслуг и свойств равноапостольного вел. князя. «Встань от гроба твоего, честная главо!» писал он в заключительной части своего слова. «Встань, отряси сон! Ты не умер, но спишь до общего всем восстания. Встань, ты не умер. Не свойственно умирать тебе, когда уверовал ты во Христа, жизнь всего мира. Встань, отряси сон, возведи очи и посмотри, как Господь, сподобив тебя почестей небесных, не оставил тебя без памяти и на земле. Встань, посмотри на сына твоего Георгия, посмотри на кровного своего, посмотри на возлюбленного своего!.. Встань, посмотри на внуков и правнуков твоих, как они живут, как Господь хранит их; как содержат они благоверие, тобою преданное, как часто посещают святые храмы, как славят Христа, как поклоняются Его имени. Посмотри и на город, сияющий величием, посмотри на процветающие церкви, посмотри на возрастающее христианство; посмотри на город, освящаемый и блистающий иконами святых, благоухающий фимиамом и оглашаемый святыми и божественными песнопениями, и виде все, возрадуйся, возвеселись и восхвали Благое Бога, строящего все сие». В исповедании веры Иларион излагает свое понимание догматов веры. Пространнее, чем другие, изображает догматы о Святой Троице и о воплощении Сына Божия. Веру понимал Иларион ясно, точно и превосходно; его исповедание дело не одной мысли, а дело всей верующей души. (архиеп. Филарет).

К описываемому времени составлены были также жития: Пр. Антония Римлянина, написанное преемником его по игуменству Андреем, Пр. Авраамия Смоленского, написанное учеником его Ефремом и Свв. Леонтия и Исаии Ростовских.

Составлено было также *игуменом Даниилом*, черниговским уроженцем, описание паломничества в Святую Землю, бывшее самым употребительным чтением благочестивых людей. Он был в Иерусалиме после первого крестового похода (Иерусалим был взят в 1099 г.), приблизительно в 1106 – 08 г. г., был обласкан королем Балдуином I, видел там много русских путешественников, в течение 16 месяцев осмотрел все святые

места, видел на Пасху чудесное схождение огня ко гробу Господню, молился о русских князьях, боярах и своих духовных детях, записал имена их при гробе Господнем и повесил лампаду – «кандило стеклянное» – с чистым «маслом деревянным» от Русской земли. Спустя около ста лет после игумена Даниила, архиепископ новгородский *Антоний* (в мире один из знатных новгородцев Добрыня Ядрейкович) написал «Паломник Константинопольский или Цареградский», который содержит описание христианских достопримечательностей столицы Византии, которую он посетил. По возвращении в Новгород он постригся в монашество в Хутынском мон. у его основателя и друга своего Пр. Варлаама, из которого и был возведен в 1211 г. на архиепископскую кафедру.

В до-монгольский период писаны были службы и молитвы. Митрополит Иоанн I написал службу Свв. князьям Борису и Глебу, празднование памяти которых было установлено при Ярославе. Монах Печерского мон. Григорий, живший в конце XI – начале XII века и называемый в Патерике творцом канонов, написал канон Пр. Феодосию и, предположительно, канон на праздник перенесения мощей Св. Николая Чудотворца. Иоанн II епископ Ростовский (1190 –1214), написал канон Св. Леонтию Ростовскому, празднование памяти которого сам установил в 1194 г.

Известны две молитвы, написанные Пр. Феодосием Печерским. Одна – «За вся Христианы» – предназначалась, повидимому, для ежедневного домашнего чтения на сон грядущим, содержит краткие моления за все состояния живых людей и о упокоении всех усопших. О другой молитве Св. Симон так рассказывает в Патерике Печерском: к вел. кн. Ярославу пришел на службу из Варяжской земли прогнанный из отечества тамошний княжич Шимон, который потом был первым боярином у сына Ярослава Всеволода. Этот Шимон по переходе из латинства в православие или по превращении из варяга в русского переименованный в Симона, вследствие особенных чудесных, бывших с ним знамений, имел великую веру и любовь к преп. Феодосию. Однажды он пришел к последнему и просил его молиться за него и за род его так же,

как он молится за своих чернецов. Преп. Феодосий отвечал, что он молится не только о своих чернецах, но и обо всех любящих его обитель. Тогда Симон поклонился до земли и сказал: «отец мой, не выйду от тебя с пустыми руками, удостоверь меня писанием». Феодосий принужден был сделать это за любовь его и написал: «во имя Отца и Сына и Святого Духа ... и так далее, говорит Симон, – ту молитву, которую доньше влагают в руку покойнику». «Это с тех пор – прибавляет он – утвердился обычай класть такое письмо с умершими, прежде же никто не делал этого в Руси». Св. Кирилл Туровский, кроме покаянного канона, написал целый ряд молитв и несколько канонов молебных. Известно 30 молитв, которые, представляя собою одно целое, написаны на дни седмицы, для чтения каждый день после заутрени, после часов и после вечерни. Это моления горячия тяжкого грешника. Литературно оне составлены хорошо и могут быть приравлены к лучшим греческим молитвам. (Голубинский).

Сочинением, в котором нравоучения христианские соединены с житейскими, является «Поучение» детям вел. кн. Владимира Мономаха, о котором упоминалось выше.

Первые храмы после крещения Руси. Святые. Праздники. Богослужебные книги и пение

«Православный храм», пишет архиеп. Филарет, «есть дом Бога благодати и училище веры. Проникнутый этою мыслию о храме, благоверный Владимир, вслед за крещением народа, стал воздвигать храмы новой веры». На месте крещения народа им построен был храм во имя Ап. Петра, твердого проповедника веры. На месте низвергнутого Перуна – храм Св. Василия Великого – ангела Владимирова. На месте кончины первых мучеников киевских – храм Богородицы – Десятинный, с особенною любовью построенный и обогащенный. В Василеве, любимом загородном имении князя, – храм Спасителя. Сын равноапостольного отца, Ярослав, продолжал это дело. Софийский во славу Премудрости Божией собор – снимок с цареградского Софийского в меньшем размере, но украшенный щедрою рукою Ярослава «золотом, серебром, драгоценными камнями, дорогими сосудами и мозаикою, так что церковь сия заслужила удивление окружающих народов».

Храм был памятником веры и благодарности за окончательную победу, одержанную над печенегами. «Посем», говорит летопись, «заложи Ярослав церковь на Златых воротех св. Богородицы Благовещение, по сем св. Георгия монастырь и святые Ирины». Сын его, Св. Владимир, воздвиг Софийский собор в Новгороде. Брат Ярославов, Мстислав Владимирович, воздвиг в Чернигове храм Спасо – Преображенский. Владимир Мономах построил соборы в Ростове и Смоленске. Храмостроителем в Новгороде был его старший сын, Св. Мстислав. Младший сын, Георгий – Юрий Долгорукий, построил собор в Суздале, внук, Св. Андрей Юрьевич, – богатейший собор Успения Божией Матери во Владимире и монастырь Боголюбов. Владимирский храм был украшен Андреем Боголюбским с изумительною щедростью. Пять куполов были вызолочены, трое дверей церковных украшены золотом, паникадила серебрянные вызолоченные, ризы на иконах кованные из золота и осыпанные жемчугом, три сени для

хранения Даров из чистого золота и с дорогими камнями, священнические ризы, шитые золотом. Брат его Всеволод III воздвиг во Владимире Дмитриев собор.

Много церквей построено архипастырями, частными лицами и народными общинами. О числе церквей можно судит по пожарам. Например, в 1124 г. в Киеве сгорело до 600 церквей, во Владимире в 1185 г. – 32. В Новгороде в 1211 г. сгорело 15, а в 1217 г. в одной части города 15.

Церкви большею частью были деревянные. Каменные составляли незначительное исключение. Первой каменной была киевская Десятинная церковь, оконченная постройкой в 996 г. Обетный храм (по случаю избавления от смерти в сражении с печенегам) св. Владимир «поставил» деревянным. Для постройки их обращались к греческим и немецким мастерам. Это не считалось грехом. Говорилось: «приведе Бог из умных земель мастера». При известии о возобновлении суздальского собора в 1193 г. летописец, как о чуде, замечает, что епископ Иоанн не искал для того мастеров от «немец», а довольствовался своими русскими. По внутреннему и внешнему расположению, храмы в России были византийские. У греко-римлян, от которых принято все христианское, установились два архитектурных типа церквей – базилики и купола или церкви купольной. Тип базилики, первоначально был общим. Потом он остался на римском Западе. Греческий Восток усвоил себе тип церкви купольной. Установил это Св. импер. Константин Великий. Через двести лет купольная церковь приобрела окончательную форму в Константинопольском храме Св. Софии. Император Юстиниан – его строитель с 532 по 537 гг. – дал ему форму купола на четырех столбах над центром четвероугольника. После Юстиниана на место купола сферического стали созидать купола тамбурные, которые, как более легкие, начали ставить не только на столбах, но и на колоннах. Тем самым отпал закон единокуполия, ставили один купол или многие. Русь воспроизводила церкви греческие в том виде, который они получили после Юстиниана – купол тамбурный, и одновременно – единокуполие и многокуполие. Все это относится к храмам каменным. Известны две

восьмистолпные церкви – Софийская в Киеве и Успенская во Владимире. Шестистолпными были Софийский собор в Новгороде и храм Киево – Печерской обители, в подражание которым такие же церкви создавались в большинстве киевских монастырей. Соборные храмы имели галереи по бокам и на западной стороне, в два или один ярус (т. н. полати), (данные Голубинского).

В Киеве церкви были кладены из кирпича квадратного на известковой с мелкотолченым кирпичем подмазке, которая клалась между рядами кирпичей слоями вдвое более толстыми, чем они сами. В Новгороде церкви были кладены из камня и отчасти из кирпича. Камень, большею частью, употреблялся в естественном разнообразной формы виде. Из плит, глыб и круглышей окладывалась стена, промежутки которой как бы затыкались кирпичами и потом заваливались известью со щебнем. В Суздальской области наружное и внутреннее лицо (облицовка) выкладывалось из камней белой известковой породы обтесанных в правильную кубическую форму, а внутренность наполнялась булыжником и обломками от предыдущих камней и заливалась известкой. Киевский способ кладки – греческий. Суздальско – Владимирский – заимствован из соседней Камской Болгарии, имевшей такой камень и каменную архитектуру (в мечетях) с первой половины X в. Новгородский способ – первобытен. Отчасти он употреблялся на западе. Возможно он был изобретен греческими мастерами в России (Голубинский).

Зодчество деревянное было на Руси издревле и в северной ее части – лесной и холодной – до принятия христианства достигло уже высокой степени развития. Вспомним, что в 1016 году воевода Святополка Окаянного, южанин, укорял новгородцев, пришедших воевать под начальством кн. Ярослава (хромого от рождения): «что пришли с этим хромцом вы плотники? заставим вас рубить нам хоромы». Первоначальный деревянный собор в Новгороде, построенный епископом Иоакимом одновременно с крещением местных жителей, имел 13 верхов и был «честно» устроен и украшен. Вероятно, новгородскими мастерами была построена «дивная и

великая» церковь в – тогда еще языческом – Ростове первым епископом Феодором. В Южной Руси – малолесной или безлесной – церкви были беднее. Хорошие храмы строили, вероятно, мастера, пришедшие с севера. Первоначальной формой деревянных церквей была форма храмов каменных. Вторую форму составлял четвероугольник значительно продолговатый, разделявшийся внутри поперечной стеной на две половины, и как бы составленный из двух квадратов. Купола, ставимые прямо на стены, были устрояемы двоякие – сферические и башнеобразные. Были и деревянные церкви шатровые. Крыши на деревянных церквях, не имевших куполов, – были двух- и четырехскатные и бочками, вернее полубочками. Наши храмы имели главы, которых не знало греческое церковное зодчество. Ставились они на церкви, как имевшие купола, так и имевшие крыши.

Греческий Восток ознакомлен был с колоколами Западом в половине IX в. По настоящему же они вошли в употребление значительно позднее. Употребляли греки била. Русь заимствовала колокола от немцев (слав. клакол, из нем. глоке). Колокола наши были сначала маленькие – единицы и десятки пудов. В до-монгольский период употреблялся греческий способ созыва прихожан – битье в била или клепала. Колокольни (древн. колокольницы, но не звонницы – позднейшее малороссийское именование из польского дзвонница), если судить по Новгородскому Софийскому собору, представляли собою как бы отрезок стены, в пролетах которой повешены колокола. Когда появились большие колокола, то стали сооружаться отдельные колокольни. Надо полагать, что они появились в по-монгольский период (Голубинский).

Первые иконы пришли к нам из Царьграда и Корсуни. Позднее появились русские иконописцы. Известен Пр. Алипий Печерский (ум. 1114). Необходимой принадлежностью русских каменных церквей – по примеру греческих – была стенная живопись. Особый род ее составляла мусия, или мозаика, в которой изображения составлялись из маленьких цветных квадратиков особо приготовленного стекла. Мусия, ведущая свое начало из глубокой древности, была употребительна у

греков. Представляя род живописи более прочный, чем живопись красками, она преобладала над последнею в украшении церквей. В древней Руси известны только несколько церквей, имевших мозаику – в Киеве Десятинная, Софийская, храмы Печерского и Михайловского монастырей, в Новгороде – Софийский собор.

Храмы имели большое общественное значение. Вокруг них сосредоточивалась вся общинная жизнь. На погосте около него собирались общинные сходы, решались общинные дела, завязывались сделки, торги, тут же стояла приходская школа, в которой учило местное духовенство, и приходская богадельня, в которой чрез посредство того же духовенства совершались дела общественной благотворительности. От того наша древняя община всегда носила не столько юридический, договорный характер, сколько религиозно – братский. Лучшим выражением такого религиозного братства ея членов служит древняя приходская *братчина*. Вся приходская община из сборного солода и круп готовила общее братское пиво и кашу, сообща праздновала свой приходский праздник. О важности этих праздников для развития общности говорит старая пословица, замечаящая о неуживчивом человеке: «с ним пива (каши) не сваришь». С течением времени такие временные братские собрания от частого повторения их обращались в постоянные союзы, в братства, которые принимали на себя заботу о всех приходских делах, о содержании церкви и причта, о богадельне и приходской школе. Чем был приходский храм для общины, тем же был собор для города и для целого удела. Около него сосредоточивалась вся городская жизнь, жили владыка и князь, собиралось по звону соборного колокола вече. Самый город считался как бы принадлежностью собора. Новгород был городом Св. Софии, Псков – Св. Троицы, Владимир – Богородицы и т. д. Все волости и пригороды тоже были волостями и пригородами Софии, Спаса, Богородицы. Имена этих святынь служили военными кликами в удельных битвах. Все городское благосостояние поставлялось под покровительство местной святыни (Смирнов).

Христиане издревле почитали мощи святых. Креститель Руси, неся своим подданным весть о новой вере, принес с собою из Корсуни мощи Св. Климента, папы римского, и ученика его Фивы. Царьград, тогда хранилище мощей, доставлял по усердным мольбам русского благочестия останки святых. Так принесены были мощи Св. Влкм. *Варвары* – дар драгоценный для Церкви русской. Открывались и мощи русских святых: в 1020 г. – Свв. кн. Бориса и Глеба, а в 1091 г. – Пр. Феодосия Печерского, в 1164 г. – Святителей Леонтия и Исаии Ростовских и несколько позднее Пр. Авраамия Ростовского, в 1192 г. – Св. кн. Всеволода Псковского. В более позднее – до-монгольское время – установлено было празднование Св. Ольги и Св. Владимира, мощи коих почивали в Десятинной церкви.

Усердие к св. иконам, которым одушевлены были все, от епископа и князя до простолюдина, награждено было особенными дарами благодати Божией – явлением чудес от некоторых св. икон. Особенно известны: Икона Богоматери *Печерская*, в 1083 г., вследствие видения принесенная в обитель греческими мастерами. Икона Богоматери *Смоленская* (Одигитрия), присланная из Царьграда кн. Всеволоду Ярославичу черниговскому, потом (в 1111 г.) перенесенная в Смоленск сыном его, Владимиром Мономахом. Икона Богоматери *Владимирская*, по преданию писанная Св. Ев. Лукой. Патриарх Лука Хризверг прислал ее в Киев вел. кн. Юрию Долгорукому. Пребывала она сначала в женском мон. в Вышгороде, под Киевом. Св. кн. Андрей Боголюбский, уходя от отца из Киева в родовую Суздальскую область, взял с собою святыню, которая, чудесным образом, пожелала пребывать во Владимире. Князь Андрей великолепно украсил икону – «вкова в ню боле тридесят гривен золота, кроме серебра и камня драгого и жемчюга» – и соорудил для нея чудный храм. Он брал Святыню с собою в походы и верил, что с помощью ее победил камских болгар в 1164 г. В 1237 г. при разграблении Владимира татарами икона лишилась своих украшений. В 1395 г., по случаю грозного нашествия на Россию Тамерлана, Святыня была перенесена в Москву и, оградив ее, осталась там.

Икона *Знамения Божией Матери* Новгородская, явленная в 1170 г. Вел. кн. Андрей Боголюбский послал против новгородцев большое войско, которое, опустошив область, подошло к городу. Четыре дня продолжалась осада. Святитель новгородский Св. Иоанн пламенно молился. Небесный голос возвестил Святителю: «иди возьми икону Богоматери на Илииной улице, и увидишь спасение». На утро архипастырь со всем клиром вынес икону на наружное укрепление города. Народ молился с воплем и слезами. Осаждавшие осыпали молящихся стрелами и «застрелиша суздальцы икону Богоматери». Обратилась тогда икона к городу и напала на суздальцев тьма. Их охватил страх. Новгородцы же вышли на поле и сильно разгромили суздальцев. Событие это произошло 25 февраля. Но так как это было в среду на второй неделе великого поста, то праздник был перенесен на 27 ноября – день памяти вмч. Иакова Персского, небесного покровителя тогдашнего воеводы Якуна. Икона Св. *Николая Чудотворца* (Николы – по народному) *Мокрого*, находящаяся в Киевском Софийском соборе. Около 1090 – 1100 г. двое жителей Киева, возвращавшихся из Вышгорода по Днепру на лодке, потеряли сына, свалившегося в реку. После горячих молитв их перед образом Св. Николая, младенец через несколько дней был найден у иконы невредимым, только мокрым. Чудотворная икона и поныне находится на левой боковой стороне хор (ранее полатях). Икона Св. *Николая Чудотворца Зарайская*, принесенная, вследствие повеления свыше, в 1224 – 25 г. священником корсунским Евстафием из Корсуни Крымской в Зарайск рязанский. Почитались иконы Божией Матери: *Пирогощая* или *Пирогоща*, известная с 1131 г. по храму, основанному в Киеве вел. кн. Св. Мстиславом Владимировичем и *Полоцкая Евфросиньинская*, полученная Пр. Евфросиньей от византийского императора для основанного ею в половине XII в. женского мон. в Полоцке. В 1239 г. икона эта была перенесена в соборную церковь г. Торопца Псковской губ.

Русская Церковь приняла праздники греческой Церкви в тогдашнем их виде. С любовью праздновала она и дни духовной радости современной славянской Церкви, каковы дни: свв. *Методия* и *Кирилла*, св. *Вячеслава* чешского и бабы его св.

Людмилы. В до-монгольский период было установлено и несколько собственных праздников. Таковы были празднования, установленные новоявленным святым: мученикам князьям Борису и Глебу, пр. Феодосию Печерскому и св. Леонтию Ростовскому. Князья *Борис* и *Глеб*, по христианским именам Роман и Давид, были убиты братом Святополком в 1015 г., первый 24 июля, т. е. через 9 дней после смерти отца, Св. Владимира, на р. Альте близ Переяславля, а второй 5 сентября на Днепре близ Смоленска при впадении речки Смядыни. Тела их были погребены в Вышгороде при церкви Св. Василия. Скоро на их могиле стали совершаться чудеса. При Ярославе, с благословения митр. Иоанна I, была сооружена в 1020 г. в Вышгороде в честь мучеников церковь и в нее перенесены их мощи. Тогда был установлен праздник 24 июля. В память двукратного перенесения их мощей из старых церквей в новые – в 1072 и в 1115 годах – установлен был праздник Свв. Борису и Глебу также 2 мая. В 1091 г., через 14 лет после преставления Пр. *Феодосия Печерского*, мощи его были перенесены в главную монастырскую церковь. В 1108 г. митр. Никифор соборно вписал его имя в синодик святых. Празднование было установлено 3 мая. Перенесение мощей празднуется 14 августа. Вблизи Софийского храма в Киеве вел. кн. Ярослав воздвиг монастырский храм в честь своего ангела – влмч. Георгия. По освящении его митр. Иларионом установлен был ежегодный праздник 26 ноября. Около 1090 г. митр. Ефрем установил 9 мая празднование в день перенесения мощей Св. *Николая из Мвр Ликийских* в Бар в Апулии, где в южной Италии жили тогда православные греки. Установлено было празднование 1 октября *Покрова Божией Матери* в воспоминание чудесного видения, о котором повествуется в житии Пр. Андрея константинопольского юродивого, родом скифа. Жил он во времена императора Льва Великого (457 – 474). Он и его друг, Епифаний, во время всенощного бдения, совершавшегося во Влахернском храме, видели Богородицу, распростершую свой омофор поверх стоящего в храме народа. В 1164 г., когда в Ростове стали копать рвы для фундамента нового, вместо сгоревшего, собора открыли мощи Св. Леонтия и

Св. Исаии. Между 1190 – 94 г. установлено было празднование 23 мая памяти Св. *Леонтия* в день обретения его мощей. По случаю победы в 1164 г. Св. кн. Андрея Боголюбского над болгарами – магометанами подтверждено было праздновать *Кресту Христову* 1 августа. Не установлено было еще празднование, но почитались местно уже тогда Пр. Антоний и некоторые другие печерские подвижники, кн. Игорь черниговский, новгородский архипастырь Никита, вел. кн. Мстислав Владимирович, кн. Всеволод – Гавриил Псковский, еп. ростовский Исаия, Пр. Авраамий Смоленский, Авраамий мученик болгарский.

В большинстве бедных церквей не доставало сначала даже самых нужных богослужебных книг, а о постоянной уставной организации трудно было думать. Первый определенный устав введен был ранее всех церквей и монастырей Пр. Феодосием в Печерском мон. – это был устав *Студийский*. Отсюда он распространился повсюду и сделался надолго господствующим в русской Церкви. Богослужебные книги употреблялись у нас сначала в болгарском переводе. В самой России их стали переводить со времени Ярослава, который, по отзыву летописца, любил церковные уставы. Дошли до нас следующие богослужебные книги русской Церкви XI – XII веков: евангелие, стихирарь, два служебника, октоих с песнями Иосифа и Феофана, имп. Льва и Константина, праздничная минея. Употреблялся и требник. В конце XI в. известен русский песнопевец, современник Пр. Нестора, *Григорий*, творец канонов, написавший, вероятно, службу Пр. Феодосию. Митр. Иларион писал «молитвы за князя и за все православие». Упоминалось о молитвах Св. Кирилла Туровского.

До Ярослава уставщиками церковного пения у нас были люди «от славян болгарских». Доселе известен у нас болгарский напев. В 1053 г. прибыли в Киев из Царьграда «трие певцы гречестии с ноты своими». С тех пор началось в русской земле, по выражению Степенной книги, «ангелоподобное пение» «изрядное осмогласие» – пение по 8 гласам октоиха, «наипаче же и трисоставное сладкогласование» – пение с прибавлением верхних и нижних тонов, или на три голоса.

Установилось тогда в храмах «демественное пение» – мелодии, составленные придворными и патриаршими «доместиками» – регентами – пение во славу Богу и Пречистой Его Матери и всем Святым (Архиеп. Филарет).

Устройство Русской Церкви

Русская Церковь была устроена в виде особой митрополии Константинопольского патриарха. Отношение митрополита всей России к последнему выражало не столько подчиненность митрополита патриарху, сколько союз младшей Церкви со старшей. Самое значительное влияние патриарха на состояние митрополии русской выражалось в том, что он пользовался правом *избирать и поставлять митрополита всей Руси*. Но после посвящения он предоставлял предстоятелю русской Церкви управлять делами ее по наставлениям Духа Утешителя и законов православной Церкви. Митрополит чтил в патриархе духовного отца, но и сам был отцем своей паствы. Русская митрополия была на правах митрополии – экзархии, а отдаленность ее от Цареграда и независимое политическое бытие Руси заставляли предоставлять русскому митрополиту даже более, чем пользовались экзархии Греции. Патриарх присылал ему грамоту за свинцовой печатью, – честь, какой удостаивались только патриархи и коронованные лица. Вместе с тем, митрополит был в постоянной связи с патриархом. Он обращался к нему в спорных случаях. Понятно, что, если бы митрополит подвергся какому либо нареканию, суд над ним принадлежал патриарху и его собору. Митрополиты, когда дозволяли обстоятельства, бывали на константинопольских соборах. Отмечено присутствие их на соборах в 1067, 1099 и 1155 годах. Летопись отмечает также поездку в 1073 г. в Константинополь митр. Георгия.

Первым русским митрополитом был Св. *Михаил*, по происхождению сирий, просветитель земли нашей, подражатель Апостолам в вере и благочестии. Скончался он в 991 г. Преемник его был *Леон* или *Лев* (именуется и Леонтием), с особенным старанием выбранный патр. Николаем Хризотомом. Он известен, как писатель, составивший полемическое сочинение против латинян. Им оказывалось содействие Св. кн. Владимиру в крещении Руси. Им учреждено

было церковное управление, открыты епархии и поставлены епископы. Умер он после 1004 г. и до 1008 г.

Среди знаменитейших возглавителей русской Церкви были: *Иларион*, о котором говорилось выше. Св. *Иоанн II* (приблизительно с 1077 г., скончался в 1089 г.), заслуживший, по отзыву архиеп. Филарета, имя *доброе*, как по сердечной доброте своей, так и по полезным распоряжениям. Пр. Нестор говорит о нем: «подобного ему еще не было в Руси, да и не будет. Был муж, сведущий в книгах, искусный в учении, милостивый к убогим и вдовицам, равно ласковый к богатому и бедному, смиренный и молчаливый, владевший даром слова, и утешавший святыми беседами печальных». Им написано обоснованное каноническое сочинение. Слова летописца надо понимать так: молчалив на пустяшные речи, а речист на учительные. *Никифор I* (1104–1121), из малоазийских греков, известный своими посланиями к Владимиру Мономаху, ближайшим советником которого он был. Известен также преемник Илариона *Ефрем*. Любимец и казначей вел. кн. Изяслава Ярославича, он явился из дворца в пещеру Пр. Антония и «умолял старца о милости быть ему черноризцем». Он был пострижен Пр. Никоном, что вызвало сильный гнев Изяслава. Ефрем, спустя недолгое время, отправился в Константинополь изучать монашескую жизнь. Вернувшись оттуда, он принес с собою знание устава монашеской жизни, благочиния церковного и архитектуры церковной. Он управлял делами митрополии при простом, больном и некнижном м. Иоанне III. В 1090 г. Ефрем уже называется митрополитом, оставаясь жить в любимом им Переяславле. Он украсил храмами Переяславль и отдаленный Суздаль. Им заведены были в разных местах больницы, где безмездно пользовались больные. Он получил от Христа дар творить чудеса при жизни и после смерти, последовавшей в 1096 г. Бл. *Кирилл II* – «учителен зело и хитр ученью божественных книг», прибывший из Греции в Киев в 1224 г. Это было тяжелое время первого поражения, понесенного русскими от татар. Не прекращались и княжеские раздоры. Кирилл должен был ездить из одного края земли в другой, чтобы погашать враждующий дух князей, что не

всегда ему удавалось. В Кирилле видели князя пастыря просвещенного, мужа жизни евангельской, и однако порою не слушались его. В 1228 г. «Кирилл, митрополит преблаженный и святой», не смог примирить Волынских и галичских князей. В 1230 г. он, вместе с черниговским еп. Порфирием и несколькими игуменами, приезжал во Владимир мирить вел. кн. Св. Георгия Всеволодовича и брата его с черниговским князем. Это ему удалось. Скончался в 1233 году.

В числе митрополитов киевских до-монгольского периода (числом 21 без Иосифа) только двое были природными русскими, избранными и поставленными в самой России. Обычно же митрополиты избирались и посвящались в Константинополе. Как упоминалось раньше, первым русским митрополитом был *Иларион* (1051–55). Ярослав почитал очень последнего, как пастыря строго подвижнической жизни, блестяще талантливого и высоко образованного. Ему могло казаться обидным для русской чести, чтобы, обходя такое светило, посылать за митрополитом в Грецию. Тогда еще свежи были воспоминания о войне с Византией, когда греки ослепили русских пленных. Видимо это поставление не вызвало осложнений с греками: Ярослав женил своего любимого сына, Всеволода, на Греческой царевне. В дальнейшем само собою восстановился прежний порядок. Упомянувшийся выше Ефрем, видимо, только правил митрополией, будучи епископом Переяславльским.

В 1145 г., в правление вел. кн. Всеволода Олеговича, внука Святослава Ярославича, митр. Михаил II, занимавший кафедру 14–16 лет, оставил Киев и удалился в Константинополь. Патриарх медлил назначением нового митрополита, возможно недовольный междоусобиями князей, отражавшимися и на положении главы русской Церкви. Заменивший Всеволода, вел. кн. Изяслав II Мстиславович (родоначальник линии князей Волынских), недовольный промедлением и знавший о тогдашних беспорядках на патриаршем престоле, созвал в 1147 г. в Киеве собор епископов для избрания нового митрополита. На соборе возникли споры. Св. *Нифонт*, еп. Новгородский, русский, видимо, постриженник Печерский, возражал против

самовольного посвящения митрополита русскими епископами без благословения патриарха и против того, что посвященный митрополит не искал вступить в общение с патриархом, оставаясь в расколе с ним. Канонически он был прав. Его поддерживал еп. смоленский Мануил, грек. Голосами шести русских епископов против трех (не согласен был также еп. полоцкий Косьма) митрополитом был избран *Клим* или *Климент*, смолятич, монах Зарубинского мон., схимник, человек книжный и «философ», пользовавшийся общим уважением. Он был поставлен в митрополиты, по предложению еп. черниговского Онуфрия, главою Св. Климента (делалась ссылка: «у греков ставят рукою крестителя Иоанна»). По свидетельству архиеп. Филарета, посвящение Климента во епископы могло совершиться возложением рук епископских. Но на возглавление русской Церкви требовалось тогда согласие Константинопольского патриарха. Ошибочно было заявление еп. Онуфрия. В 1025 г. к умиравшему парю Василию пришел Студийский игумен Алексей, принеся, ради больного, главу Иоанна Предтечи; царь тогда назначил его патриархом на место умершего патр. Евстафия. Климент старался примирить с собою протестовавших епископов. Особенно важно было для него признание законности со стороны Святителя Нифонта, пользовавшегося авторитетом и известного в качестве знатока канонов. После двухгодичных тщетных стараний прибегнуто было к силе. При содействии вел. князя, Св. Нифонт был привезен в Киев и заключен в Печерский монастырь. Еп. Мануил спасался тем, что укрывался. Патриарх Николай Музалон прислал одобрительную грамоту Нифонту и, возведя его в архиепископы, принял в свою непосредственную власть. Но он же не присылал митрополита, ожидая просьбы из России. В 1149 г. Изяслав был согнан с престола своим дядей, Юрием Долгоруким. Вместе с князем должен был удалиться и Климент, законность которого не признавал Юрий. В продолжение 1150 г. Изяслав дважды сгонял Юрия и столько же раз возвращался митрополит. Возвратившись во второй раз, он оставался на кафедре в течение пяти лет до 1155 г., когда Юрий, после смерти Изяслава, окончательно занял княжение. Климент,

занимавший кафедру с перерывами, с 1147 по 1155 г., окончательно потерял престол. Св. Нифонт возвращен был Юрием в Новгород.

Вел. кн. Юрий просил патриарха прислать митрополита. Таковым поставлен был Св. *Константин*, который прибыл в Киев в 1156 г. Св. Нифонт, ждавший с радостью его приезда, скончался в Киеве, не дождавшись такового. Епископы Мануил и Косьма сначала убедили м. Константина запретить священников, поставленных Климентом. Но вскоре они были разрешены, дав митрополиту рукописание против Климента. Но эти временные преследования духовенства вызвали неудовольствие против Константина. Когда в 1158 г. – через год после смерти Юрия – киевским престолом овладели сыновья покойного Изяслава, они призвали занять его дядю, Св. Ростислава Мстиславича Смоленского. При первом вступлении в Киев Изяславичей, м. Константин ушел в Чернигов, где умер в 1159 г. Изяславичи хотели вернуть Климента, но против этого решительно был Св. Ростислав, считавший незаконным его поставление. Когда племянники звали его на киевский престол, он поспешил высказаться так относительно Климента: «се выявляю, не хочу Климана у митрополыи видети, зане не взял благословения от святыи Софии и от патриарха». Изяславичи же ни под каким видом не хотели Константина.

Решено было, по общему сговору, просить нового митрополита. Прибывший из Константинополя в 1161 г. м. Феодор прожил год и 10 месяцев. К этому времени племянники сумели, видимо, расположить Ростислава в пользу Климента, после смерти Феодора. Он просил патриарха признать Климента законным митрополитом. Но посол Ростиславов встретился в пути с митрополитом Иоанном IV, которого патриарх поставил во главе русской Церкви. Ростислав сначала не хотел его принимать, но затем согласился. Климент скончался после 1164 года (в этом году имеются еще упоминания о нем).

Митрополит Константин, не по своей воле оказавшийся в водовороте княжеских удельных смут, ушел в Чернигов. Об его кончине так повествует Лаврентьевская летопись: «Бысть же

смерть его сица: яко умирающе ему призва к собе епископа Черниговьского Антонья (преемника Онуфриева, родом грека), заклят и, глаголя сице: яко по умертвии моем не погребешь тела моего, но ужемь поверзше (повязавше?) за нозе мои извлечете мя из града и поверзете мя псом на разхытанье; по умертвии же его епископ то все створи повеленая ему имь, народи же вси дивишася о смерти его; на утрий же день Святослав князь, здумав с мужи своими и с епископом, взявше тело его, и похорониша в церкви у Святого Спаса». У гроба смиренного Святителя, пожелавшего унижением тела своего, искупить грех невольного участия в церковной смуте, совершались чудеса, и он был причислен к лику святых.

В 1162 г. вел. кн. Андрей Юрьевич Боголюбский, желавший возвысить свою столицу, Владимир, просил патриарха Луку Хризотерга учредить в этом городе митрополию. Патриарх отказал ему в этой просьбе, не желая иметь в России две митрополии.

В до-монгольской Руси не любили греков. В тогдашнем представлении грек – это хитрец, обманщик, скаред и трус. Сказывалось это частично и в отношении греческих иерархов, пребывавших в России. Наличие же их в ту эпоху бесспорно приносило большую пользу юной русской Церкви. Русской иерархии, образуйся она сразу после крещения Руси, не на что было бы опереться среди полуязыческой паствы и при неустойчивости гражданских основ удельного времени. Митрополит, избранный дома и из своих людей, мог легко подвергаться разным случайностям княжеских счетов и усобиц. Да и сам он не мог бы возвыситься над этими счетами и усобицами, держаться к ним безпристрастно и независимо. Легко могло случиться и то, что враждующие между собой князья избрали бы для себя нескольких митрополитов в одно время – тогда удельная рознь стала бы угрожать разделением самой Русской Церкви. С этой стороны иметь митрополитом человека постороннего, чуждого местным удельным счетам и независимого от отдельных князей, нужно было до известного времени не только для русской Церкви, но и для самого государства. Зависимость же митрополита от заграничной

власти греческого патриарха была не велика и не могла быть большой помехой ни для его собственной церковно-правительственной деятельности, ни для самобытного развития местной церковной жизни. Для государства также полезно было иметь чужую иерархическую власть. Она явилась в виде крепко сплоченного общества образованных лиц, хорошо знакомых с политической мудростью своей тысячелетней империи и сразу приобрела громадный авторитет не только духовный, но и политический (Голубинский).

Юное государство само добровольно устремилось под опеку Церкви. Князья, начиная с Владимира, сами призывали митрополитов и епископов к участию в государственных делах; на княжеских советах и съездах на первом месте, после князей, было духовенство. Но, верная своим православным, греко-восточным понятиям об отношении духовной власти к светской, русская иерархия не воспользовалась выгодами своего положения для того, чтобы создать для себя в создававшемся государстве самостоятельное церковно – политическое могущество, как это происходило в однородных условиях на Западе. Обратно латинству русская иерархия употребляла свое влияние на устройство государства, на воспитание и укрепление в нем слабой сначала княжеской власти. Она перенесла на Русь неведомые ей понятия о верховной власти, поставленной от Бога. Советуя Св. Владимиру казнить разбойников, епископы говорили ему: «Князь, ты поставлен от Бога на казнь злым и добрым на помилование». Самое единство русской иерархии способствовало содействию ее развитию верховной власти. Стягивание всех уделов к Киеву, где сидел общий русский митрополит, усиливало власть великого князя киевского. К той же цели направлялись и назидания князьям лучших иерархов, всегда склонявших их к миру, единению и повиновению великому князю. (Голубинский).

Русские иерархи вступались почти в каждую усобицу князей, как общие миротворцы и ходатаи за благо народа. Митр. Николай в 1097 г. удержал князей от усобицы по случаю ослепления кн. Василька волынского: «Если станете воевать друг с другом – говорил он – то поганые возьмут землю

Русскую, которую приобрели отцы ваши; они с великим трудом и храбростию поборали по Русской земле и другия земли приискивали, а вы хотите погубить землю Русскую». Митр. Никифор I, ближайший советник Владимира Мономаха, в своем поучении говорил ему: «Пишу на напоминание тебе: ибо великие власти великого напоминания требуют». Еп. Феоктист черниговский взывал к князьям во время междоусобиц: «Блюдайте землю Русскую, не носите розно земли Русской... Стыдитесь, враждуя с братьями и единокровными». Митр. Никифор II (1182–97) говорил киевскому князю Рюрику: «Князь! мы поставлены от Бога в Русской земле, чтобы удерживать вас от кровопролития, да не проливается кровь христианская в Русской земле». Великим миротворцем был митр. Кирилл II (1224–33).

По утверждению Голубинского, в продолжении первых 50 лет, кафедра митрополитов была не в Киеве, а в Переяславле, ныне Полтавском.

Первое разделение Русской Церкви на епархии произведено было в 991 г. митрополитом Леонтием. Никоновская летопись называет, кроме Новгорода, еще следующие города, куда были поставлены епископы: Чернигов, Ростов, Владимир (Волынский) и Белгород (в настоящее время м. Белгородка, находящаяся в 23 вер. от Киева на р. Ирпени). Затем летописец прибавляет города: Туров (в наст. время местечко Минской г., Мозырского у., на р. Припети), Полоцк и Тмутаракань (на теперешнем полуострове Тамани). В последнем городе епархия существовала недолго. Потом открыты были до 1072 г. епархии в Переяславле Русском или Киевском, на соединении рек Альты и Трубежа (впосл. уездный город Полтавской г.) и в Юрьеве (на р. Роси, теперешняя Белая Церковь Киевской губ.). В 1137 г. открыта епархия Смоленская, в 1165 г. – Галичская (столицей Галичины с 907 г. при кн. Олеге вошедшей в состав Русского государства, сначала был Перемышль, с 1141 г., незадолго основанный, Галич), до 1207 г. – Рязанская, в 1214 г. – Владимиро-Кляземская или Суздальская, около 1220 г. – Перемышльская, незадолго до нашествия монголов – Угровская (Угровск или Угореск, при

впадении р. Угер в зап. Буг, в позднейшей Люблинской г.). Последняя епархия кн. Даниилом Галицким была переведена в Холм.

Иерархи, которым поручались епархии, назывались епископами. В одном только Новгороде в 1165 г. митр. Иоанн IV предоставил звание архиепископа Св. Иоанну, с предоставлением того же и его преемникам. Святитель был известен строгой, добродетельной жизнью. Новгород издавна выделялся из городов русских. Избрание епископа в удельном княжестве зависело от князя, как представителя народного голоса; а князь представлял избранного митрополиту. От воли князя зависело удалить епископа, но если это совершалось помимо духовного суда, то удаление считалось незаконным. Своевольные новгородцы, во время безурядий своих, иногда сами отказывали пастырям своим в управлении и заставляли даже лучших своих святителей терпеть неприятности и оскорбления. В Новгороде, где вече становилось все сильнее князя, с 12 века установилось народное избрание владык. В выборах обычно принимали участие – князь, духовенство, софияне (лица, принадлежавшие к ведомству Софиевского собора и владычней кафедре) и народ. В случае несогласия избирателей прибегали к жребию. Для этого жребии избираемых клали на престол святой Софии и посылали вынимать или слепца, или младенца. Избранного владыку посылали в Киев для посвящения. Епископ в своей епархии поставлял служителей алтаря, судил и подвергал их наказанию, согласно церковным правилам. Как провозвестники христианской совести и мудрости, епископы были призываемы на народные совещания, и князья не решались на важные предприятия без их благословения. Епископы, подобно митрополиту, мирили князей в их распрях. Более других епископов участвовал в гражданском управлении новгородский владыка.

Благочестивую волю князей предоставлены были ведению пастырей Церкви: 1) «все люди церковные», со включением богоугодных заведений 2) все преступления мирян против веры и церковного благочиния, со включением святотатства 3) все дела, относящиеся к брачному союзу и правам родителей, со

включением споров о наследстве 4) наблюдение за верностью торговых весов и мер. Существование таких прав видим в уставах князей Св. Владимира и Ярослава; также приведены они в грамотах смоленского кн. Ростислава и новгородского князя Всеволода. Такой порядок частью сообразен с греческим Номоканоном, а еще более с усердием князей к Церкви. Они, благоговей к духовной власти, готовы были сделать более для Церкви, чем требовалось обычаями греческой империи, конечно, с учетом гражданского быта тогдашней Руси (Архиеп. Филарет).

При епископе состоял собор пресвитеров. Коллегия епархиальных чиновников у епископов – клиросы или крылосы. Кроме кафедральных клиросов, которые представляли собою пресвитерские советы или соборы при епископах, епархиальное управление еще состояло из наместников, тиунов и, по всей вероятности, из десятинников. Одни наместники находились при самих епископах. Другие жили в уездах, заведывая известными частями епархии, и имели при себе свои клиросы⁴⁾ или соборы пресвитеров. Тиуны появляются в начале второй половины 12 века. Тиуны – подручные судьи и, большею частью, светские люди, нарочито знавшие суд и законы. В уездах были десятинники – низшие чиновники из мирян, являвшиеся сборщиками десятины в пользу епископов с населения епархии. По временам епископ сам обозревал епархию.

Основанием для внутреннего церковного управления служил *Номоканон*, несомненно существовавший у нас в славянском переводе, потому что из него делали заимствования в свои уставы наши князья. Правила его приводили в своих сочинениях чисто русские авторы, напр. Пр. Феодосий и новгородский иеродиакон Кирик. В 16 веке видели у нас списки правил «первых преводник», писанные при Ярославе и сыне его Изяславе. То, что приводит из этих списков ученик Максима Грека Зиновий Отенский, показывает, что в них правила соборов были полные, а не в сокращенном составе, как в списках поздних. Кроме болгарского перевода древнейшей редакции Номоканона Иоанна Схоластика (патриарха 6 века), у

нас еще употреблялись списки Кормчей, содержавшие в себе Номоканон, известный под именем Фотиева, но еще в неполной до-Фотиевской редакции без толкований. Русские пастыри в своих постановлениях применяли Кормчую к потребностям русской жизни. Так явилось церковное правило митрополита Иоанна II на вопросы Иакова черноризца, с 13 века постоянно вносившееся в наши Кормчия. В них содержатся постановления относительно веры (против остатков язычества и пр.), семейной жизни, церковного благочиния, иерархии. Вносились в Кормчия выписки из вопросов Кирика и ответов на них епископов и других духовных лиц. Они живо изображают дух времени, церковные обычаи, остатки язычества, религиозность и нравы духовенства и народа.

Бесспорно обязательными частными законами были указы патриархов Константинопольских, особо касавшиеся Русской Церкви. В до-монгольский период их известно два (Голубинский).

Источниками содержания для митрополита и епископов служили: 1) *десятина* из княжеских доходов и имения, какую давали, напр., Св. Владимир своей Десятинной церкви, Св. Всеволод новгородский Софии, Св. Андрей Боголюбский Владимирскому собору, Св. Ростислав Смоленской епископии. Иногда десятина заменялась деньгами. Так, кн. Святослав, находя, что сбор десятины произведениями земли затруднителен и для князя и для епископа, определил вместо того для кафедры новгородского епископа постоянный денежный оклад, равный десятой части доходов князя. Другие князья заменяли ту же десятину частью денежным окладом, частью угодьями. 2) *Весчия* пошлины с торговых мер и весов. 3) *Судные* пошлины, как штраф с виновного и вознаграждение за труд судье. 4) *Ставленные* пошлины с новопоставляемых лиц и с церквей. 5) *Недвижимые имения*. Митрополит, напр., имел во владении несколько городов с волостями и селами. Андрей Боголюбский дал Владимирскому собору несколько слобод, сел и город Гороховец. Уставы князей замечательны еще тем, что утверждали за духовенством разные права, свободу от мирского суда, службы и податей. Но эти права часто нарушала

практика удельно-вечевого уклада. Князья и веча иногда судили и низвергали даже епископов. Новгородского архиепископа заставляли нести городовую повинность.

Митрополиты и епископы получаемые ими доходы употребляли не для себя одних. Митр. Кирилл писал, что имущество кафедры идет на содержание клира, кафедрального храма и дома, на содержание нищих, больных, странников, сирот и вдов, а также в пособие потерпевшим от пожара и несправедливого суда, на возобновление церквей и монастырей. Таким образом, дом епископа был домом призрения всякой нищеты. Поместья жертвовались и обителям, которые в свою очередь помогали страждущим. Так Пр. Феодосий отделил десятую часть доходов обители на содержание больных и бедных, и сверх того каждую субботу посылал воз хлебов заключенным в темницах. Приходские храмы обезпечиваемы были частью пожертвованиями своих строителей и благотворителей. Ярослав, вместе с тем, строя по городам и селам храмы, давал «от имени своего урок» (княжья руга). Общим же источником содержания причту были добровольные пожертвования прихожан. Кроме того, священникам дозволялось обращать в свою пользу доход от продажи ладана и церковного вина.

Низшее духовенство первоначально, как и епископы, было пришлое. Несколько духовных лиц пришло с Св. Владимиром из Корсуни и с кн. Анной из Константинополя. Многие были присланы из Болгарии. Первое же грамотное поколение русских людей дало своих пастырей. Рано получило значение выборное начало. Князья, городские общины, владельцы сел представляли для поставления епископам местных грамотеев. Кандидаты во иереи были чаще дети священников, а также миряне. Кроме приходских священников, было немало священников домовых. Самым трудным вопросом относительно низшего духовенства было его недостаточное образование, что так нужно было для борьбы с остатками языческих суеверий и для утверждения народа в христианстве. Памятники древней Руси показывают в причте белого духовенства священника, диакона и дьячка, при епископе – иподиакона, весьма редко –

протопопа. Кроме приходских, было много священников домовых церквей. Дьячек есть уменьшительное от дьяка. Последний же является уменьшительным от дьяконов. У греков они именовались чтецами и певцами, будучи церковными служителями. На Руси те и другие именовались сначала диаконами, при чем настоящие диакона именовались «урарными» (орарными). Позднее появилось название дьяков. Были также пономари (по гречески стерегущий). Они в Греции содержали церковь в чистоте, приготавливали для богослужения и прислуживали священникам. К причту принадлежали еще просфоропеки или просвирницы. В иноческом духовенстве значились: игумены, иеромонахи, иеродиаконы. Архимандритов было только три.

Жизнь народная после принятия христианства

Русский народ, обратясь к вере Христовой, чувствовал превосходство ея, но частию не вполне и не везде понимал это, частию же не отказывался сразу от привычки к языческим обычаям. Таким образом обнаруживались в жизни его разные слабости, мешавшие преуспеванию в жизни христианской, и пастырям Церкви надлежало бороться с правилами язычества, оставшимися в жизни народной. «Иные вспоминали по временам разгульную жизнь язычества при прежних священных колодезях, реках, болотах», пишет архиеп. Филарет. «Там приносили жертвы, предавались пьянству, играли и плясали, бросали своих жен и брали новых». Огорчался этому Святитель митр. Иоанн и поучал пастырей, как бороться с этим злом. Он находил и таких, которые занимались волхвованием и чародейством; архипастырь повелел не только вразумлять их словами, но даже считал нужным против закоренелой привычки действовать телесным наказанием, только не проливать крови. Страсть к корысти побуждала некоторых христиан продолжать языческий торг рабами. Строго обличал таковых Святитель Иоанн. С привычками языческими действовал заодно во вред христианской жизни дух времени, невежественный и дышавший кровию во всей Европе, довольно мрачный и между греками.

История древней Руси тоже представляет печальную картину диких раздоров. Удельные князья боролись друг с другом, старались захватить великокняжеский престол в Киеве. Брат восставал на брата, нередко дети поднимали оружие на отца, и отец на детей. Так протекали два столетия. Редко проходил год, о котором бы не сказала летопись: «бысть сеча зла». С умножением удельных князей положение ухудшалось. Упоминалось уже убийство Святополком Окаянным святых братьев князей Бориса и Глеба, убийство Св. вел. кн. Игоря киевлянами, Св. вел. кн. Андрея Боголюбского его дружинниками по подговору некоторых бояр. Ослеплены были князьями кн. Василько Волынский (1097) и позднее князья Ростиславичи.

Необузданная вольность новгородцев подвергла страданию Св. кн. Всеволода-Гавриила. Сей достойный сын Св. вел. кн. Мстислава Великого много сделал для Новгорода. Он совершил в 1123 г. удачный поход в Финляндию, дважды ходил против беспокойных эстонцев. Богобоязненный и правдивый, он любил счастье их; искренно набожный, ограждал духовенство от бедности. Несмотря на это, новгородцы не поддерживали его в трудное время, когда у него Юрием Долгоруким отнят был Переяславль. Затем стали ограничивать его власть. Князь же продолжал заботиться о новгородцах – победил в 1134 г. восставшую чудь. В 1136 г. вспыхнул бунт против него. Новгородцы осудили его на изгнание и заключили его, вместе с женою, детьми и тещею. Св. князь сидел, как преступник, семь недель под стражей. Потом, удержав заложником сына, новгородцы выслали его. Псковичи пригласили доброго князя к себе. Изнуренный трудами и скорбями, он скончался во Пскове в 1138 г. Когда прославились мощи Св. кн. *Всеволода*, новгородцы хотели взять их к себе, но на то не было изволения святого. Псковичи дали им только ноготь с его руки. (Архиеп. Филарет).

При всей неприязненности духа времени, при всем влиянии остававшегося язычества на нравы, искренность и простота нравов была украшением первых христиан русских. Она не давала злу времени – духу вражды глубоко нисходить в сердца многих: скоро забывались обиды, иногда кровавые. Сердечная простота спасала их от многого мелочного, порою блестящего по виду и весьма вредного по действию на душу. Она же не допускала отыскивать тысячи извинений грехам, как это бывает при ея недостатке. Летопись и жизнь часто отмечали простодушное и тем более высокое покаяние князей. В покаянном смирении вел. кн. Святополк II Изяславич (ум. 1113) говорил обиженному им преподобному Прохору Печерскому: «Если я прежде тебя умру, положи меня в гроб своими руками, чтобы видно было на мне твое незлобие; если сам престоишься прежде меня, я возьму тебя на плечи и сам отнесу в пещеру, чтобы Господь простил мне грех мой перед тобою». Князю довелось хоронить святого. Князь Василько

Романович Волынский (ум. 1271), храбрый и неутомимый воин, жизнь свою завершил труженником монахом в дикой пещере под Львовом, замаливая грехи своего прежнего участия в междоусобных распрях.

Нами приводилось выше замечательное по своему смирению и вере завещание князьям детям Владимира Мономаха. Такая богобоязненность свойственна была многим современным ему людям. Отсюда и происходила та теплая любовь, которая строила и украшала храмы Божии с изумительною щедростью при всей скудости тогдашних средств. Брань с врагами князя и войско начинали и оканчивали не иначе, как молитвою к Богу. Вообще же, отправляясь на войну, готовились исповедью и св. причастием. В 1103 г., вступая в битву с полчищами половцев, князя и воины дали обет: одни совершить поминовение по усопшим, другие – раздать милостыню бедным и монастырям. И славная победа окончилась благодарною хвалою Богу. (Архиеп. Филарет).

Кн. Изяслав Давидович Черниговский (ум. 1161), отправляясь в походы, надевал крест и власяницу преставившегося в 1143 г. брата Пр. Николы Святоши. Летописец повествует, что в 1111 г. в войне с половцами «священники предшествовали войску и пели тропари и кондаки Креста честного и канон св. Богородицы». Вступая в самую брань, воины «целовали друг друга; возведши очи свои на небо, призывали Бога вышнего». И опять надежда христианская была прославлена: «Бог вышний возре на иноплеменники с гневом, падаху пред хрестьяны». Сами пленники говорили русским: «како можем битися с вами? А другие ездяху верху вас в оружьи светле и страшни, иже помогаху вам». Русские воздали сердечную хвалу Богу. Кн. Мстислав Изяславич в 1152 г. в день именин своих дал свободу всем пленным. Святитель Иоанн новгородский полагал правило, что, если бы кто находился под епитимиею, но идет на войну, разрешать его и сподоблять Св. Таин. Кн. Андрей Боголюбский не прежде отправился на войну с болгарами, как приготовив себя и все войско животворящею Тайною.

Христианская любовь к бедным, инокам и служителям храма, была господствующею добродетелью первых русских христиан. В летописи очень часто встречается отзыв о князьях того времени: «милостив бяхе паче меры, тем и не щадяше имения своего, раздавая требующим,» или «любовь имеяше ко всем, паче же милостыни прилежаще ... паче всего дивную любя и славную милостыню». Особенно перед смертью князья считали за правило раздавать имение свое слугам своим, бедным, больным, храмам и монастырям. Выше указывалось о такой раздаче имущества кн. Ярославом Осмомыслом Галицким. (Архиеп. Филарет).

Естественно, что введение христианства в Руси обратило там взоры на восток, откуда озарил ее свет веры. Отсюда вытекло паломничество. Первым благочестивым путешественником на Афон был Антоний, будущий угодник Киево-Печерский. В 1060 г. (ок.) путешествовал в Иерусалим Пр. Варлаам Печерский. Он был, сколько известно, первым русским, поклонившимся Гробу Господню. По возвращении из Иерусалима он путешествовал в Царьград. Упоминалась уже поездка в Царьград м. Ефрема, тогда инок Печерского. Говорилось и о паломничестве игумена Даниила. Он писал: «Поставих аз кандило на св. гробе и поклонихся честному тому гробу и облобызах с любовию и слезами место святое, идеже лежаше тело пречистое Господа нашего Иисуса Христа». Там он нашел и несколько других паломников русских. В 1173 г. посещала св. места игуменья, княжна полоцкая, Пр. Евфросиния, там и преставившаяся. Паломников было много. Среди них оказывались и желавшие просто скитаться, быть праздными. Таким новгородские владыки с пол. XII в. запрещали идти на Восток.

Благочестие в народе поддерживалось примером князей. Высокий пример истинного благочестия был подан жизнью Крестителя Руси. Св. Владимир, приняв христианство, стал совсем другим человеком и проводил в жизнь заветы Господни. Указывалось выше на боголюбие и благочестие Ярослава, сыновей его Св. Владимира новгородского и Всеволода, сына последнего, Владимира Мономаха, на Мономаховичей – Св.

вел. кн. Мстислава Великого, Св. Всеволода-Гавриила псковского, Св. Ростислава Мстиславича Смоленского, потом Киевского, Св. Мстислава Ростиславича Храброго новгородского; Пр. Николы Давидовича черниговского, инок Печерского, Св. Ярополка-Петра Изяславича Волынского, Св. Андрея Юрьевича Боголюбского. Благодетели были Глеб Юрьевич Киевский, сыновья Св. Ростислава Роман и Давид смоленские, Святослав смоленский.

Из митрополитов того времени причислены к лику святых: Михаил, Иоанн II, Ефрем и Константин. Из епископов: ростовские – Феодор, Леонтий и Исаия, Владимирский – Симон, туровский – Кирилл, новгородские – Иоаким, Лука Жидята, Никита, Иоанн-Илия, Нифонт, Аркадий.

Иноческая жизнь. Киево – Печерская обитель

Как в Греции, так и в России, лучшими училищами благочестия были монастыри. Они явились на Руси очень рано. Пр. Антоний ходил уже по монастырям, когда возвратился с Афона. Надо полагать, что монахи были у нас и до крещения Руси. «Христианство», пишет проф. Голубинский, «существовало у нас до Владимира между Варягами в продолжение целого полу столетия, и весьма трудно допустить, чтобы, при тогдашней решительной наклонности к монашеству, это полувековое христианство все время оставалось без монахов. Варяги были ремеслом и духом воители, и с первого взгляда как будто мало вероятности предполагать, что между ними могли быть охотники идти в монахи. Но между воителями естественно находиться людям, которые бы, после бурно проведенной жизни, желали тихой, отрешенной от суеты мирской и посвященной Богу, старости; притом же между этими воителями, нарочито имевшими дело со смертью, не могло обходиться без тех случаев, чтобы люди, поставленные в страшные положения, искали искупать жизнь обещанием посвятить ее Богу». Вероятно, монахи по-христианского времени на Руси примкнули к этим прежним. Были, конечно, монахи и среди тех греков, которые прибыли с самого начала из Корсуни и из Константинополя. На Руси имелись с древнего времени два класса монастырей – монастыри собственные и настоящие, наряду же с ними – монастыри несобственные, монастырьки или монашеские слободки при приходских церквях.

Собственные или настоящие монастыри впервые явились у нас во второй половине правления Ярослава. Таковыми были построенные им после 1037 г. мужской мон. Св. Георгия и женский – Св. Ирины (оба в Киеве). У греков был обычай, чтобы цари, бояре и вообще люди богатые строили ктиторские или вотчинные монастыри. Таковые обители появляются и у нас по почину Ярослава. Наряду с ними строятся монастыри и самими монахами. В отношении первых монастырей в до-монгольской

Руси примечательно то, что они создавались почти исключительно князьями. Исключения видим лишь в Новгороде.

Монастыри, построенные самими монахами, по способу своего построения, разделяются на два класса. Или человек богатый в миру постригался в монахи и строил монастырь на готовые деньги. Или основание обители полагал отшельник «без злата и сребра» и затем постепенно он созидался «слезами, пощением, молитвою, бдением», – трудами монахов и по вере их доброхотными подаяниями и приношениями усердствующих мирян. Последним способом построен в до-монгольский период только один Киевский Печерский монастырь. Все же другие построены первым способом. При этом все наши монастыри этого периода построены в городах или по близости их. Некоторым исключением является Хутынский мон. Пр. Варлаама – в пустыни в 10 вер. от Новгорода.

Великими князьями были построены в Киеве монастыри: Изяславом-Димитрием – Димитриевский, Святополком-Михаилом Изяславичем – Златоверхий Михайловский, Всеволодом Ярославичем – Выдубицкий-Всеволожий, основанный на месте, где выплывал – выдыбал – Перун, ввергнутый в Днепр, Межигорский и женский Андреевский, Св. Мстиславом Владимировичем – Феодоровский, названный его сыновьями в память отца Вотчим. Первый из князей, добровольно посвятивший себя иночеству и прославившийся своими подвигами, был Святослав Давидович черниговский, в иночестве Преподобный Никола Печерский. Инокиней была супруга Св. кн. Владимира – когда он был еще язычником – Рогнеда Рогволодовна, княжна полоцкая, в монашестве Анастасия. От сына ея, Изяслава, произошли князья полоцкие. Инокиней была сестра Владимира Мономаха, Анна Всеволодовна, в мире Янка, подвизавшаяся в Андреевском или Янчином мон., основанном ея отцом. Принять пострижение желал Св. вел. кн. Ростислав Мстиславич (ум. 1168), говоривший Пр. Поликарпу, архимандриту печерскому: «Отче, хотел бы я избавиться от суетного мимотекущего и мятежного житья сего». Святой архимандрит ответил ему: «вам Бог тако велел быти: правду деяти на сем свете, в правду суд

судити и в крестном целовании стояти». Он отказал ему в постриге. Упоминалось выше об инокине Пр. Евфросинии Полоцкой.

Основателем Киево-Печерского мон. был Пр. *Антоний*, а его настоящим создателем и устроителем Пр. *Феодосий*. Пр. Антоний, в крещении Антипа, был родом из г. Любеча в Черниговской области и был, видимо, мещанско-крестьянского происхождения. Он возымел желание отправиться в Грецию на поклонение тамошним святым местам. На Афоне, ознакомившись близко с монастырской жизнью, он принял там пострижение. Наречен он был Антонием, чтобы быть для Руси тем же, чем для Египта Св. *Антоний Великий*. По научении его монашеской жизни, он старцем своим был отправлен в Россию. Пр. Антоний не вернулся в Любеч, а остался в Киеве. Это было в 1051 г. Обойдя монастыри, он не пожелал ни в одном из них остаться и начал искать уединенное место. Таковое он обрел на земле подгородного великокняжеского села Берестова (нынешний Печерск). Там поселился он в пещере небольшой, оставленной после себя митр. Иларионом. «И поча жити ту, моля Бога, ядый хлеб сух, и тоже через день и воды в меру вкушая, копая печеру, и не да себе упокоя день и ночь, в трудех пребывая, в бдении и в молитвах». Вскоре узнали про Антония добрые люди и начали приходить к нему, принося потребное и прося благословения. Ко времени смерти Ярослава – в 1054 г. – он уже прославился, как подвижник. Преемник Ярославов, Изяслав, приходил к нему с дружиной просить у него благословения и молитвы. Начала образовываться монастырская братия. Пострижения совершал пресвитер Никон. Сам Пр. Антоний не имел сана священства. В числе первого братства из 12 иноков были Великий *Никон*, духовник братства, второй преемник Пр. *Феодосия* на игуменстве в монастыре, прич. к лику святых, Пр. *Феодосий*, Пр. *Варлаам*, сын знатного боярина Иоанна Творимича, который тщетно пытался отговорить сына от пострижения. Он был первым игуменом монастыря. Св. *Ефрем*, боярин и главный домоправитель Изяслава.

Пострижение этих двух любимцев кн. Изяслава вызвало настолько большой гнев последнего, что Пр. Антоний собрался

с учениками удалиться из пещеры. Изяслав одумался и упросил Святого не оставлять Киева. Вскоре после этих событий в пещерной общине произошли важные перемены. Пр. Никон удалился в Тмутаракань, где основал новую обитель. Св. Ефрем уехал в Константинополь, где занимался списыванием книг для России. Пр. Антоний, «яко же бе обыкл един жити и не терпя всякого мятежа и молвы», затворился в пещерной келлии, поставив игуменом Пр. Варлаама. Вскоре, чтобы быть еще в меньшем общении с кем либо, он переселился на другой холм, и, выкопав пещеру, затворился в ней. Изнурение тела постом, очищение духа молитвой и богомыслием, прославлены были в Пр. Антонии даром прозрения и чудес. Вольные получали исцеление, принимая простую пищу святого. Князья братья, Изяслав, Святослав и Всеволод, в 1067 г. выступили в поход против вторгнувшихся половцев и решили дать сражение на Альте. Когда они пришли за благословением к Пр. Антонию, он со слезами предсказал им поражение, а полководцу Шимону-Симону невредимость в бою и обстоятельства, имевшие последовать долго после битвы. В 1068 году мирное уединение святого было снова возмущено житейской бурей. Изяслав, изгнанный из Киева кн. Всеславом Брячиславовичем полоцким, возвратился в Киев и начал гневаться на Антония, думая, что тот благоприятствовал Всеславу. Тогда кн. Святослав черниговский прислал ночью за преподобным и взял его в Чернигов. Там Пр. Антонию понравились Болдины горы; он выкопал пещеру и пребывал в уединении. Точно неизвестно время его возвращения в Печерскую обитель. Скончался он в ней в 1073 г. в той пещере, в которую удалился до отбытия в Чернигов.

Уединенной затворнической жизни Пр. Антония следовали при нем и после него многие. Летописи показывают таких подвижников даже в 1154 и в 1174 годах. Известны прославленные подвижники уединения: *Исаакий, Никита, Лаврентий, Иоанн и Пимен*, многострадальные: *Иоанн и Афанасий*. Два первые показали своим примером трудности подвижничества уединения, и как благодать Божия укрепляет немощь человеческую. Пр. *Исаакий* провел семь лет в пещере в

подвиге и борьбе с бесами и однажды подвергся такому сильному бесовскому искушению – бесы, принявшие вид ангелов, побудили его поклониться им и потом обрушились на него. Он дошел до потери сознания и телесных сил. Потребовались многие годы, чтобы святой оправился от болезни. Выздоровев, он потом ушел опять в затвор, где и подвизался до кончины в 1090 г.

«Был», пишет Поликарп, «во дни Пр. Никона один брат, именем Никита, пожелавший быть славимым от людей; избрав дело великое не Бога ради, он просил у старца дозволения взойти в затвор. Игумен возбранял ему и говорил: чадо! ты молод, а посему не полезно для тебя сидеть праздным: лучше тебе среди братии трудиться, и не потеряешь мзды своей; ты самовидец брата нашего св. Исаакие печерского, как прельщен он был, если бы не великая благодать Божия спасла его, – того Исаакие, который и ныне творит многия чудеса. Никита отвечал: никогда не соблазнюсь я такую вещь; а прошу у Господа Бога, дабы дал мне дары чудотворения. Никон отвечал: выше сил твое прошение; остерегайся, брат, чтобы вознесшись не пасть; смирение наше велит тебе служить братии». Никита настоял на своем. И тайная гордость привлекла к нему отца гордости. Явившись в виде ангела, бес дал ему совет оставить молитву и заниматься только книгами, а на себя принял молиться за него и молился в виду его. Никита стал пророком и учителем. Так он послал сказать Изяславу: «ныне убит Глеб Святославич на заволочьи – пошли скорее сына своего Святополка на престол новгородский». Глеб точно был убит в 1078 г. С удивлением приходили слушать Никиту. Одна странность замечена в новом учителе: он знал на память ветхий завет, но не хотел и слышать о новом. Опытные старцы поняли состояние Никиты, а любовь их не могла быть равнодушной к несчастью брата. «Преподобные мужи: игумен Никон, Иоанн, бывший после него игуменом, постник Пимен, Матфей прозорливый, св. Исаакий печерник, Агапит врач, Григорий чудотворец, Николай, бывший после епископом Тмуторакани, Нестор, написавший летопись, Григорий, творец канонов, Феоктист, бывший после епископом Чернигова, Онисифор прозорливый – все сии богоносные

пришли к прельщенному и, помолившись, отгнали от него беса, и тот более не видел его. Они вывели его и спрашивали о ветхом завете, желая чтонибудь слышать от него. И он с клятвою уверял, что никогда не читал книг. Но тот, который прежде на память знал ветхозаветные книги, теперь не знал ни слова. Преподобные отцы едва научили его грамоте. С того времени он предал себя воздержанию и чистому, смиренному и послушливому житию, так что превзошел многих добродетелями. За добродетель поставлен был епископом Новгороду и сотворил много чудес: молитвою низвел дождь, погасил пожар. И ныне чтут со святыми преподобного и блаженного Никиту». Новгородским епископом Св. Никита был поставлен в 1096 г. и преставился в 1108 г. «После сего», пишет Поликарп, «другой из братий, некто *Лаврентий*, восхотел в затвор. Святые иноки никак не дозволили ему этого. Лаврентий пошел к игумену св. Димитрия, в монастырь Изяславов, и там затворился. Ради крепкого жития его Бог даровал ему благодать исцелений». Повидимому, он заместил Св. Кирилла на кафедре Туровской с 1182 г. Нетленные мощи Св. Лаврентия, еп. Туровского, покоятся в Печерской обители. Особенно изумительны подвиги Пр. *Иоанна Многострадального*. «Истинно блажен посветивший себя», пишет Поликарп, «воле Божией и сохранивший заповеди Его непорочные, соблюдший тело и душу без осквернения плотского и душевного; я говорю об Иоанне преподобном, затворившем себя в узком месте пещерном. Тридцать лет пребыл он в великом воздержании, удручая тело свое крепким постом, нося железы на всем теле». Весь великий пост пробыл он в яме, засыпав себя землею по перси.

Пр. *Феодосий* родился в Киевском Василеве, от одного служилого великокняжеского человека, до известной степени родовитого. Детство и юность провел он в черниговском Курске. Там он, настояв на отдаче его в училище, очень успешно учился. Во время учения он узнал о великих подвижниках и в своем детском сердце принял твердое намерение стать их подражателем. Он отказался от участия в играх сверстников, и, вместо светлых одежд, свойственных общественному

положению его родителей, к огорчению их, старался одеваться в заплатанные рубища, чтобы казаться одним «из убогих». Когда исполнилось Феодосию 13 лет, умер его отец. Оставшись с матерью домохозяином, Феодосий присоединился к рабам своим, как один из них. Он начал, наравне с ними, «со всяким смирением» работать на селе или на поле. Пришлось ему пройти и школу смирения. Мать восставала против такого его поведения и, когда все ее увещания остались тщетными, не остановилась и перед жестокими побоями. Раз случилось ему встретиться со странниками. Охваченный мыслию об их подвиге, он тайно ушел с ними в св. землю. Мать догнала его, избила и дома на несколько дней заключила в оковы. Продолжая усердно посещать церковь и убедившись, что иногда не бывает богослужения из за отсутствия просфор, он два года печет их. Мать преследует его за это, но он и дальше продолжает печь просфоры. На время он тайно уходит к одному священнику в соседний город и помогает ему в качестве дьячка. Длится это «многи дни». Мать снова находит его и, подвергая побоям, водворяет домой. Видя его смирение и благочестие, посадник Курска берет его к себе в качестве крестового дьяка в домово́й церкви. Феодосий носит тайно вериги. Обнаружив это, мать увещаниями, бранью и побоями старалась заставить его вернуться на путь обыкновенной жизни. В отсутствие матери он удаляется в Киев и приходит к Пр. Антонию, о подвигах которого узнал, обходя монастыри. Подвижник сначала не хотел принять его, указывая на то, что «место скорбно и теснейше паче иных мест», а он юн и не может «терпети на месте сем скорби». Но потом преклонился усердными мольбами и твердым желанием пришедшего и повелел пресвитеру Никону постричь его. Точный год пострижения неизвестен и оно было не раньше 1051 г. (архиеп. Филарет указывает 1052 г.).

Тогдашнее братство, вскоре по приходе Пр. Феодосия, состоя из 12 чел., ископало «печеру велику и церковь и кельи» (устроило их). Тогда Пр. Антонием и был поставлен игуменом Пр. Варлаам, а сам он удалился на другой надречный холм, отделенный от прежнего глубоким оврагом, где и ископал новую пещеру. Число братии продолжало увеличиваться, и Варлаам, с

благословения Пр. Антония, выселился из пещеры и поставил над нею малую церковку во имя *Успения Божией Матери*, а потом решили построить близ нея и настоящий монастырь. Для этого испросили у в. к. Изяслава гору, в которой находилась пещера, построили небольшую деревянную церковь и многия келлии и огородили тыном – «столпьем». Так начался Печерский мон. около 1062 г. Вслед за построением монастыря, Изяслав взял Пр. Варлаама игуменом в построенный им монастырь Св. Димитрия. Братия просили Пр. Антония поставить нового игумена. Святой отвечал: «кто болий в вас, як же Феодосий, послушливый, кроткий, смиренный, да сь (сей) будет вам игумен». Пр. Феодосий, уже прежде того посвященный во пресвитеры или иеромонахи на место Пр. Никона, стал игуменом. Ему было тогда не более 30 лет.

В то время жизнь братии была строгая. Пищею были: ржаной хлеб, и только в субботу и воскресенье – сочиво, а за недостатком его – травяная снедь. Чтобы иметь хлеб, занимались простыми рукоделиями, продавали их и, купив зерна, мололи сами. По окончании утрени шли в огород и копали; после литургии опять труд. Феодосий с самого начала брал на себя часть трудов у других, носил другим воду, рубил дрова, молол рожь и относил каждому муку. Много лет пек он просфоры. Иногда в знойную ночь, нагой, отдавал он свое тело в пищу комарам и мошкам, – кровь текла по нем, а он спокойно прят волну. Став в 1062 г. игуменом, Пр. Феодосий присоединил к прежним подвигам своим бдительность настоятеля. Ночью обходил он келлии иноков, чтобы видеть житие их. Кого заставлял на молитве, благодарил Господа, а если слышал беседу двух или трех, ударял в двери и на утро давал краткое наставление о внимании к своей душе. И словом и личным примером одушевлял паству на подвиги. Многое он делал своими руками, приходил в пекарню и весело трудился с хлебопекарями, месил тесто, пек хлеба; всех немощных учил, укреплял и утешал. На трапезе он довольствовался сухим хлебом и щами без масла, но никогда не видели его дряхлым или невеселым на трапезе. Засыпал он обыкновенно сидя, и проснувшись становился на молитву. Одежда его была

шерстяная, и та весьма худая, которую часто покрывал он заплатами, чтобы не видно было власяницы на его теле. Полный любви к бедным и страждущим, для которых построен был им и дом, он отдавал последнее требующим помощи, и награждаем был сторицею. Труды и горячие молитвы очистили и возвысили дух его, и он получил дар исцеления и прозрения, творя знамения по вере своей. Князья и бояре приходили исповедывать ему грехи свои и выслушивать наставления. Он говорил каждому правду с любовью, а иногда и со строгостью. Он часто ходил с наставлениями в дома мирян, своих духовных чад. Бедные, угнетенные в судах, находили в нем заступника, и судьи перерешали дела по его просьбе.

Пр. Феодосий имел большой вес у в. к. Изяслава. Когда Святослав отнял престол у брата, один Печерский мон. остался верен Изяславу. Святослав, однако, терпеливо выслушивал обличения в неправде от преподобного и не смел гневаться на него. Однажды святой, придя к Святославу, застал у него музыку, песни и пляски скоморохов. Пр. Феодосий сел поодаль и со слезами заметил князю: «будет ли так на том свете?» Святослав велел прекратить игры, и с тех пор оне всегда умолкали, когда докладывалось о приходе святого. Число братии при нем увеличилось с 20 на 100. Он пожелал ввести в монастыре хороший устав – чернеческое правило. Получил он его от Пр. Ефрема и от одного грека, пришедшего с митр. Георгием и бывшего иноком Студийского мон. «Устави в монастыри своем, как пеня пети монастырская и поклон как держати и чтенья почитати и стоянье в церкви и весь ряд церковный и на трапезе седанье и что ясти в кие дни, все со уставленьем». Это первое введение полного и притом строгого устава Студийского мон. составило знаменитое дело, навсегда доставившее Печерскому мон. старейшинство между всеми монастырями русскими, самому же Пр. Феодосию наименование *начальника общего жития монашеского в России*.

Пр. Феодосий, приняв Студийский устав, не ограничивался пределами буквы его, но, имея в виду дух его, вводил некоторые свои правила. Так, он не отвергал никого из

приходивших к нему, но и не спешил облекать в иноческую одежду; сперва повелевал ходить в мирской одежде; когда же пришедший привыкал к монастырскому порядку, давал ему черную одежду и определял к послушаниям; потом уже постригал и облекал в мантию. Если тот житием чистым достигал того, что становился искусным иноком, то удостоивался великой схимы. Также полагал после вечерни не ходить из келлии в келлию братьев, а в своей келлии каждый день заниматься после молитвы рукоделием, каким кто может, имея в устах псалмы Давида. После трапезы врата монастырские были запираемы, и никто не мог ни войти, ни выйти. (Архиеп. Филарет).

Через 11 или 12 лет после строения монастыря над пещерой, Пр. Феодосий решился построить новый, обширнейший монастырь на новом месте. Оно было выбрано близ второй пещеры Пр. Антония. К 1068 г. относится следующее повествование. Приходить к Пр. Антонию варяжский князь Шимон, тогда еще католик, и повествует: «Отец мой Африкан сделал крест величиною в десять локтей, с изображением распятого на нем Спасителя, и, в знак особого почитания святыни, возложил на бедра Распятого пояс с пятьюдесятью гривнами золота, а на главу Его – золотой венец. Изгнанный родными с родины, я взял пояс и венец и при этом слышал голос: «Не возлагай, человек, этого венца на главу Мою, но неси на приготовленное место, где преподобным создается церковь Матери Моей, дай ему в руки, чтобы он повесил над жертвенником Моим». И позднее, на море во время бури, получил Шимон указание о размерах этой церкви. В 1073 г. Пр. Феодосий приступил к осуществлению своего намерения. Небесная роса – по молитвам святого игумена – указала место для храма. Сама Богоматерь направила греческих зодчих из Царьграда и, заплатив им вперед, дала им для будущего храма Свою икону Успения и мощи семи мучеников. Пр. Феодосий совершил лишь закладку храма. 3 мая 1074 года он преставился и был погребен в первоначальной пещере Преп. Антония, наследованной им от Илариона. Новый монастырь достраивали его преемники: Пр. *Стефан*, потом

епископ Владимиро-Волынский, Пр. *Никон*, вернувшийся из Тмутаракани, соорудивший там монастырь (игумен Печерский с 1078 по 1088 г.) и *Иоанн*. Каменная церковь нового монастыря освящена была в 1089 г.

Ученики Пр. Феодосия, одушевленные его подвигами, были крепки духом для следования по его пути. «Господь», говорит Пр. Нестор, «собрал таких черноризцев в обители Матери нашей, что они сияли добродетелями, как звезды, в земле русской. Одни крепки были в посте, другие в бдении или коленопреклонении; иные постились через день или чрез два дня, другие вкушали только хлеб с водою, иные вареную зелень, а другие невареную. Все же пребывали в любви. Младшие покорялись старшим, не смея говорить с ними иначе, как с покорностью и послушанием великим. А старшие имели любовь к младшим, наставляя их, как детей любезных. Если кто падал в некое согрешение, утешали его; и трое или четверо по любви делили эпитимию одного. Если брат выходил из монастыря, вся братия скорбела о том, посылали за ним и просили возвратиться в монастырь. И когда приходил, все шли к игумену, кланялись и умоляли игумена. И потом с радостью принимали брата. Такова была божественная любовь, таковы смирение и воздержание в святой братии. Они и по смерти сияют, как неугасающая свеча, различными чудесами и молят Бога». Нами приводился любящий сыновний отзыв о Печерской обители Св. Симона, епископа Владимирского.

Ранее поминались отдельные подвижники Печерские. Укажем также на: Пр. *Дамиана*, постника и молитвенника. Когда в обитель приходили больные, то Пр. Феодосий повелевал Дамиану сотворить молитву над ними, тот совершал молитву, помазывал елеем, и приходившие получали исцеление. Пр. *Марк*, живя в пещере, своими руками выкопал много пещер; на своих плечах носил он землю, день и ночь трудясь для дела Божия. Прпп. *Спиридон* и *Никодим* занимались 30 лет печением просфор, и угодили Господу. Первый в немолодых годах научился грамоте и поставил себе за правило – всякий день прочитывать всю псалтирь. Пр. *Прохор* лебедник, питавшийся просфорой и хлебом из лебеды. Во время голода он кормил

народ таким хлебом и солью из золы. Пр. *Пимен Многоболезненный*, никогда не роптавший и перед самой смертью освобожденный от страданий. Пр. *Феофил*, не выдавший 12 лет солнца в пещере, плакавший день и ночь. Пр. *Агапит*, безмездный врач. Пр. *Алипий* (Алимпий) иконописец, отличавшийся смирением, незлобием, терпением, исцелявший помазанием краски. Упоминались выше Преподобные: Нестор, Исаакий, Никита, Никола Святоша, мученик Кукша. Велик сонм святых печерских, почивавших в Ближней или Антониевой пещере и в Дальней или Феодосиевой пещере.

Как уже кратко упоминалось, Печерский мон. сделался образцом для всех других обителей и получил огромное влияние на всю русскую религиозность. Из него аскетическая настроенность распространялась в обществе. Благочестие понималось в тех именно формах, в каких оно проявлялось здесь. По своей славе он считался старейшим между всеми монастырями. В 12 веке игумен его *Поликарп* получил сан архимандрита. Из Печерской обители брали игуменов в другие монастыри и иерархов для епархий. Более 50 из его иноков занимали епископские кафедры. По мере своей славы обитель обогащалась пожертвованиями князей и других благочестивых людей и стала богатейшим монастырем в России. Это давало ему возможность возводить постройки и совершать дела благотворительности в самых обширных размерах.

Другие монастыри. Святые столпники

В то время, вслед за киево-печерским монастырем, возникали новые обители во всех городах, преимущественно с половины 12 века. В одном Киеве их было 13; в Переяславле – 4, в Чернигове – 4, из них главные Успенский-Елец кий и Ильинский-Троицкий, в Галицком княжестве – 3, в Полоцке – 3 и Спасский мон., созданный Пр. Евфросинией. В Тмутаракани – 1. В Смоленске было 5.

Пр. *Авраамий* подвизался в смоленском монастыре. До поступления туда он, раздав свое богатство нищим, некоторое время юродствовал по улицам. Пребывая в обители, Пр. Авраамий, достигший большой мудрости, сделался любимым учителем и священником всего Смоленска. Из зависти против него восстало городское духовенство и обвинило его перед епископом в ереси. Но святой скоро был оправдан своим благочестием и чудесами. Он был поставлен игуменом Ризположенского мон., который своим мудрым управлением довел до высокого духовного совершенства. В Галичской области был известен Полонинский Григориев мон. Создал его в селении Полонина подвижник *Григорий*, о котором в летописи под 1268 г. говорится как о человеке старом. Повидимому, обитель создана была в самом конце домонгольского периода. Он выделялся между современными ему монахами и славился своею жизнью. Его избрал своим наставником кн. Войшелк Литовский, когда после своих неистовств решился стать иноком. В Муроме под 1096 г. упоминается Спасский монастырь, воздвигнутый, по всем вероятиям, монахами самостоятельно.

В одном Новгороде было до 20 монастырей, а по всему пространству новгородских владений более 30. Первое место между новгородскими обителями занимал, основанный кн. Ярославом Мудрым, *Юрьев мон.*, настоятель которого носил титул архимандрита. За ним более других пользовались уважением *Антониев* и *Хутынский*. Первый основан в начале 12 века Пр. *Антонием Римлянином*. Уроженец Италии, он, удаляясь с родины из за гонений латинян, в 1106–08 г. чудесно

прибыл в Новгород. Он построил в двух верстах от города, вниз по течению р. Волхова, великолепный монастырь с каменной церковью, подвизался в нем, став в 1131 г. игуменом. Преставился Пр. Антоний в 1147 г. Кирик, диакон и domestик Антониева мон., при жизни святого написавший сочинение о хронологии и известный своими вопросами новгородским пастырям, о чем упоминалось раньше, – служит живым свидетелем того, что учитель его воспитывал в своих детях разумное благочестие. Писал о Пр. Антонии и основании обители также Андрей, ученик его и преемник по игуменству. «Пр. Антоний», пишет Голубинский, «как должно или по крайней мере можно подозревать, с великими усилиями и скорбями вводил в Новгороде монашество; но в продолжение полувека после него монашество в Новгороде привилось и в конце 12 века мы встречаем весьма любопытное явление, что собирается целая небольшая дружина или целое небольшое общество знатных Новгородцев, которое желает посвятить себя христиански-философской жизни отшельничества, удаляется за город и устрояет себе пустыньку». Во главе ее был некто мирским именем Алексей Михайлович, в монашестве Варлаам. Пустынь стала монастырем, и в нем – в 10 в. от Новгорода – подвизался Пр. *Варлаам Хутынский*, преставившийся в 1192 г. Одновременно с Хутынским мон. в Старой Русе создан монастырь Мартириев. Он построен в 1192 г. игуменом Мартирием, избранным на следующий год новгородским архиепископом.

В Ростовском крае были монастыри – в Ростове два, в Суздале 4, во Владимире 5, в Переяславле-Залесском, Костроме, Нижнем-Новгороде, Ярославле по одному. Первым монастырем с архимандричьим настоятельством был в этой земле Рождественский Владимирский, основанный вел. кн. Всеволодом III Юрьевичем в 1192 г. Славился своим богатством Боголюбов мон., основанный в 1158 г. кн. Андреем Боголюбским. В начале 13 века супруга Всеволода III, Мария, создала Владимирскую Успенскую обитель, в которой и почил вскоре после своего пострижения. В Ризположенском суздальском мон. спасалась княжна Феодулия, в иночестве Св.

Евфросиния, дочь Св. кн. Михаила Черниговского, прибывшая в Суздаль невестой тамошнего князя Мины, но не заставшая его в живых. Она преставилась в середине 13 века.

В Греции трудный подвиг столпничества продолжался до 12-го века. В домонгольской Руси известны двое столпников: Св. *Кирилл*, бывший потом епископом Туровским и преставившийся не прежде 1183 года, и Пр. *Никита Переяславский*. Последний рожден был и воспитан в г. Переяславле-Залесском. «Когда пришел он в совершенный возраст, то стал другом мытарям, с ними вместе хлопотал около судей и наносил много пакостей и смятений людям невинным; собирая неправедную мзду, тем кормил себя и жену». Так прожил он много лет. Раз взошел Никита в церковь и услышал проповедь пророка: измываетесь и чисти будете, отъимите лукавство от душ ваших и пр. Слова сии поразили его. Целую ночь провел он без сна. Неправды лежали как камень на совести его. На утро вышел он к приятелям своим, и, чтобы развлечь себя, пригласил их к себе на вечер. Когда жена его начала готовить пищу, то увидела сперва кровь поверх воды, потом то голову, то другую часть человеческого тела. В ужасе сказала она о том мужу. Тот пришел и увидел то же. «Горе мне, много согрешившему!» – сказал Никита и, не говоря более ни слова, вышел из дома. Игумен буд. Никитского мон., куда пришел Никита, назначил ему стоять три дня у ворот обители. Никита сделал более: он пошел и сел нагой в топкое место. Рои комаров и мошек осыпали его и покрыли кровью его тело. Принятый в обитель, Никита наложил на себя весьма тяжелые вериги и затворился в столпе. Там молился он о грехах своих, открытый морозу и зною. Длилось это несколько лет, и душа его, исполнившись благодати, была удостоена дара исцелений. Св. кн. Михаил Черниговский, тогда еще совсем молодой, был тяжело болен и в 1186 г. исцелен был святым. Вскоре после сего, воры, приняв железные вериги подвижника – обтершиеся и получившие блеск – за серебряные, убили в 1186 г. Пр. Никиту.

Верность православию. Попытки католичества утвердиться в России

Русская Церковь, благодатию Божиею, первые два века своего бытия соблюдала православное учение верно, спокойно и без потрясений со стороны замыслов преступной любознательности.

Этот покой показывает, что христианское учение было принято и соблюдалось с глубокою благоговейною верою. До нашествия монголов известны только два лица с враждой против церковного учения. Под 1004 г. летопись указывает на появление в Киеве еретика *Адриана*, монаха и скопца. Он хулил Церковь, ея уставы, епископов, пресвитеров и иноков. Митр. Леонтий отлучил Адриана от Церкви, заключил его в темницу, и виновный раскаялся. Под 1123 г. имеется в летописи известие, что тогда явился «злой еретик» *Дмитр*, и митр. Никита велел держать его под стражей в своем городе Синельце (Синце на Суле). О сущности ереси летопись не говорит. Принимая во внимание связь болгарской Церкви с русскою, предостережения против богомилов, встречающиеся в русских рукописях, сильное распространение ереси их с 10 века в Болгарии, Греции и по всему западу, наконец сходство Адрианова учения с ересью богомилов, самым вероятным можно признать, что Адриан и Дмитр были последователями богомилов. (Архиеп. Филарет).

Русская Церковь отличалась терпимостью к иноверцам. Князья разрешали жить в своих владениях и евреям. Около 1096 г., когда евреи, гонимые крестоносцами, прибежали в Польшу, а оттуда переходили в Россию, – в Киеве образовалась целая улица, заселенная евреями. Евреи вели издавна торговлю с Киевом из Крыма. Латиняне, как подданные России, так и иностранцы купцы, имели свои храмы около Киева, в Киеве, в Новгороде и в Ладоге.

Папа присылал посольство к кн. Владимиру еще в Корсунь, когда тот вел переговоры с греками об иерархическом устройстве Церкви. Посольство стремилось, как необходимо думать, отклонить Св. Владимира от церковного союза с

греками и подчинить папской власти. Посольство успеха не имело. Приходили посольства от папы в Киев к Владимиру и позднее – в 991 и 1000 гг. Продолжались попытки перезвать его в Рим, что поддерживалось и послами дружественных Владимиру католических королей – польского и чешского. Святой князь принимал посольства дружелюбно, но от греков не отходил. В связи с этим появилось обличительное сочинение митр. Киевского Леонтия против латинян. Но обличения его кротки. Он не употребляет ни одного резкого выражения, или укоризненного отзыва. Спокойным размышлением вводит митрополит римлян в сознание несправедливости их учения. Он пространно рассуждает об опресноках, указывает на неправильности субботного поста, совершения полной литургии во весь великий пост, безженства священников, употребления удавленины в пищу и, наконец, о несправедливости учения об исхождении Св. Духа и от Сына. Позднее митр. Георгий, упоминаемый под 1072 г., написал «Стязанье с латиною».

Во время княжения Св. Владимира король польский Болеслав успел ввести в Богемии на место греческого служения римское. Император Оттон облек Болеслава властью (которой и сам не имел) над всеми славянами, включая Россию. Вскоре Болеслав выдал дочь свою за сына Владимира, Святополка I Окаянного. С нею прибыл в Киев, в качестве ея придворного священника, или вернее духовника, епископ Колобрежский (по немецки Кольбергский – город в нынешней Померании) Рейнберг. Имел он и политическое задание. Святополк, тайно подущаемый Болеславом, с помощью Рейнберга, склонялся к латинству и готовился восстать против отца. Заговор был раскрыт. Святополк с женою и Рейнберг посажены были в темницу. Последний там и умер. Святополк с женой были освобождены по настоянию Болеслава. Святополк после этого был не в милости у Св. Владимира. Во время борьбы Святополка с братом Ярославом Мудрым, он призвал к себе на помощь тестя, который занял Киев и привел с собою нового католического бискупа. Только окончательная победа Ярослава на Альте в 1019 г. положила конец католическим замыслам,

проводившимся через Болеслава. Пребывание поляков в Киеве оставило у населения скверное воспоминание.

Есть не совсем ясное указание, что папа пытался перезвать русских к себе в самую минуту разделения Церквей. Когда послы папские, бывшие в 1054 г. в Константинополе, положив на алтарь св. Софии отлучительную грамоту против греков, удалились из города, то имп. Константин Мономах, не доверяя верности этой грамоты, которую передал ему патр. Михаил Керруларий (решительное поведение какового против папы император не одобрял по политическим видам), вслед за римскими послами отправил своих чиновников в Россию. Оттуда и получил он вернейшую копию отлучительной грамоты. «Вероятнейшее толкование этого не совсем ясного известия есть то», пишет Голубинский, «что послы папы держали свой обратный путь чрез Россию и что в ней они были настигнуты чиновниками императора, которым и вручили копию. Если так, то Россия вовсе не лежала послам папы на прямой дороге домой и следовательно они, делая большой крюк, заходили в нее нарочно. Единственной причиной, для чего они это сделали, может быть предпологаемо то, что они хотели попытаться вооружить русских против греков и оторвать их от последних». Во всяком случае, послам повлиять на русских и на этот раз не удалось.

Следующая связь с папой имела политический характер. Внук Св. Владимира, вел. кн. Изяслав Ярославич, изгнанный вторично из Киева братом Святославом черниговским, обращался тщетно за помощью к польскому королю и германскому императору Генриху IV. Изяслав, в надежде на духовную власть папы над Западом, послал сына к знаменитому папе Григорию VII Гильдебранду, жалуясь и на обобравшего его Болеслава и на свои несчастия в России. «Царь царей», как называл себя папа Григорий, в 1075 г. требовал от Болеслава возратить все взятое у Изяслава. Можно предполагать, что Изяслав изъяслял папе, вероятно притворную, готовность признать его власть. Никакой помощи Гильдебранд Изяславу не оказал и последний, после смерти в

1076 г. Святослава, вернулся на престол, оставаясь православным.

Между 1080–89 гг. присылал посольство в Россию антипапа Климент III, поставленный имп. Генрихом против Григория VII, с которым император вел ожесточенную борьбу. Характерно, что папа не искал подчинения себе русской Церкви, а предлагал воссоединение. Митрополит Иоанн II, к которому в Киев приходил католический епископ, посол папы, написал последнему ответное послание. Вежливо и с соблюдением самого мягкого тона, но твердо, по существу, митрополит обличал «согрешения» римской Церкви и предлагал ему обратиться к константинопольскому патриарху. Свят. Иоанн способен был дать должный ответ. Летописец, именуюя его «добрым и кротким», называет также «хитрым в книгах и ученьи». Митр. Никифор I, занимавший престол с 1104 по 1121 годы, писал два сочинения против латинян.

Покушения были и при Владимире Мономахе В начале 12 века один польский аббат послан был в Россию с тем, чтобы «приобрести Христу народы чуждые». При митр. Иоанне IV (1164–66) были послы папы в Киеве, но митрополит отвечал посланием к папе о причинах разделения церквей. Митрополиты греки твердо стояли на страже Православия. Надо упомянуть еще о посланиях пап: Иннокентия III в 1207 г., Гонория III от 1227 г. и Григория IX от 1231 г. Доводы в них – единая Церковь имеет единого пастыря в Св. Петре, которого он – папа – преемник. В послании папы Григория имеются и доводы политические, а именно – в случае присоединения к римской Церкви, князь (Св. Георгий-Юрий Всеволодович Владимирский), как государь, будет щедро взыскан милостями и благоволением его – папы. Интересно, что папы усвояли русским князьям титул королей, который они признавали только за теми государями, которым давали его сами.

Одна только галицкая область к концу домонгольского периода испытала зависимость от римской власти. В конце 12 века она находилась в руках венгров, которые всячески оскорбляли Православие. Мужественный и умный кн. Роман Мстиславич Волынский, утвердившийся в Галиче, освободил в

1198 г. это древнее русское княжество от иноземной власти. В 1204 г. крестоносцы захватили Константинополь и посадили там патриархом Фому Морозини, одного из духовных лиц католической Венеции. Папа Иннокентий III считал, что таким образом произошло соединение греческой и латинской церквей. Но этого не произошло. Духовенство и знатнейшие сановники византийской империи переехали в Азию – в Никею. Императором был признан Феодор Ласкарис, зять прежнего императора Алексея III. Патриархом в 1206 г. избран был Михаил IV Авториан.

Папа Иннокентий III счел это время подходящим для обращения к князю Роману Мстиславичу. Папский легат уверял князя, что папа мечем св. Петра покорит народы и сделает его королем. Тогда Роман, обнажив свой меч, спросил легата: «таков ли меч Петров у папы? Если такой, то он может брать им города и дарить другим. Но это противно Слову Божию: ибо иметь такой меч и сражаться им Господь запретил Петру. А я имею меч, от Бога мне данный, и пока он при бедре моем, дотоле не имею нужды покупать себе города иначе, как кровию, по примеру отцев и дедов моих, распространивших землю русскую». Архиеп. Макарий пишет, что это обращение папы еще более вооружило против него, лишь усилив то раздражение против латинян, которое чувствовали русские и греки за злодейское опустошение крестоносцами Константинополя. В 1207 г. тот же папа прислал обращение ко всем русским архипастырям, клиру и народу, в котором имелись и следующие строки: «вот теперь греческая империя и Церковь почти вся покорилась апостольскому седалищу и униженно приемлет от него повеления, – ужели ж не будет несообразным, если часть (т. е. Церковь русская) не станет сообразовываться с своим целым и не последует ему?». Обращение папы успеха не имело. В 1261 г. полководец Михаил Палеолог изгнал латинян из Константинополя и вскоре стал императором.

После смерти Романа Великого, юные сыновья его, Датил и Василько, не были в силах удержать в своих руках галицкое княжество. Десять лет происходили там смуты, а затем княжество было захвачено венгерским королевичем Коломаном,

и вновь там стало действовать католическое духовенство. Коломан был коронован католическим архиепископом. Православные епископ и духовенство были изгнаны, церкви превращались в костелы, народ принуждали принимать католичество. Князю Мстиславу Удалому, внуку Св. Ростислава, удалось в 1220 г. выгнать венгров и латин из Галича и восстановить там права православной Церкви. С 1229 г. в нем воцарился знаменитый сын Романа, кн. Даниил Галицкий.

Как в те времена, так и ныне, католические писатели утверждают, будто русские обращены в христианство латинскими миссионерами и будто уже после принятия христианства они перешли или были переманены от папы на сторону греков. Утверждают они и то, будто, передавшись грекам, русские не порвали связи с Римом и признали его верховенство и главенство в Церкви чуть ли не в продолжение всего домонгольского периода. Вопросу этому проф. Голубинский посвящает следующие строки.

«История наших отношений к папам в продолжение периода домонгольского должна быть разделяема на две половины. Мы приняли христианство до окончательного разделения церквей Восточной и Западной, и это разделение, случившееся в 1054 г., т. е. через 60 лет после нашего крещения, и должно быть полагаемо гранью двух половин. Ссора патриарха Фотия и папы Николая I в половине 9 века, ссора весьма сильная и сопровождавшаяся взаимными отлучениями, не была однако началом совершенного и формального разделения церквей. После ссоры мир снова был восстановлен, и хотя он был очень непрочен, хотя прерывался вспышками затаенной вражды и хотя греки смотрели на латинян подозрительно и обличали их в отступлениях от православия и правосмыслия: однако до 1054 года, когда совершилось окончательное разделение, последние были для первых, хорошими или худыми, православными и сынами единой вселенской церкви. Само собою разумеется, что как смотрели на латинян до разделения греки, так смотрели на них и мы. Папа не был для греков еретиком (не быв вполне доброкачественным и православным); конечно, прежде греков

не объявляли его еретиком и мы. Если католические писатели докажут, что греки признавали папу главою церкви, то вместе с этим будет доказано, что таковым признавали его и мы (ибо и мы признавали его тем, чем признавали греки). Но было ли когданибудь последнее и особенно было ли чтонибудь похожее на это последнее в период времени от ссоры патр. Фотия с папою Николаем до окончательного разделения, к концу которого относится наше христианство?»

«После окончательного разделения церквей, происшедшего в 1054 г., папа стал для греков еретиком, отлученным от вселенской церкви (разумею большинство частных мнений, но не голос церкви). Повидимому, совершенно ясно, что тем же должен был он стать и для нас, ибо мы остались на стороне греков и под их властью, чего католические писатели не отрицают. Однако, эти писатели говорят, что – нет, что и после сего мы то или другое время признавали власть папы (некоторое, – как говорят одни; весьма долгое, до самого конца периода домонгольского, – как говорят другие). Писатели не берут на себя труда объяснить удовлетворительно, каким образом могло быть, чтобы мы в одно и то же время признавали две враждебные и исключаящая одна другую власти (ибо того факта, что мы остались и оставались под властью греков они, повторяем, не отрицают); но, как кажется, они предполагают, что в вопросе о папе мы – русские – вели себя независимо от греков, что после того, как греки провозгласили его еретиком, для нас – русских – он остался православным и что таким образом, не отделяясь от них и не отлагаясь от их непосредственной власти, мы продолжали признавать в то же время, вопреки им и его – папы верховную (над непосредственною) власть».

«Но если это так, то, не говоря о совершенной оригинальности мысли усвоить нам указанную самостоятельность, т. е. иначе о крайней и смешной ее несостоятельности, не говоря о недоказанности, т. е. хотим мы сказать – совершенной ложности того, что составляет здесь сущность, а именно, – будто бы в продолжение времени, предшествовавшего разделению, греки передали нам учение о

главенстве папы в церкви, – в ответ на сказанное выше мы считаем достаточным указать только на то, что после разделения у нас митрополитами были греки: возможно ли и сообразно ли с человеческим смыслом допускать, что одни и те же греки в Константинополе признавали папу еретиком, а в Киеве православным и главою вселенской церкви?»

«Но, говорят католические писатели, у них есть факт, доказывающий то, что они утверждают. Этот факт – наш русский праздник 9 мая в честь перенесения мощей Николая чудотворца в Бар-град. Праздник установлен в России помимо Греции, которая его не знает и не признает; событие, в память которого он установлен, вовсе не есть для греков предмет радости и торжества: ясно-де, что он установлен русскими по приказанию папы и следовательно ясно-де, что в минуту установления праздника, что было уже после разделения церквей (в последних годах XI века), они признавали его власть. Этот праздник есть собственный и единственный фундамент, на котором зиждутся все уверения римско-католических писателей. Но, увы! судьба, как бы избавляя нас от напрасных словопрений, хотела, чтобы они имели со своим толкованием праздника специальные «ад хок» решительные против себя доказательства. В то самое время, как был установлен у нас праздник 9 мая, папа обращался к нашему митрополиту с предложением воссоединения, и митрополит отвечал ему обличениями его неправомыслия и отказом на предложение (сношение папы Климента III с нашим митрополитом Иоанном II): ясно, что праздник установлен у нас не по приказанию папы. Если бы он был установлен у нас по приказанию папы, то был бы установлен и во всей католической церкви, ибо нельзя же, конечно, утверждать, чтобы папа имел фантазию установить его в одной Русской церкви: но католическая церковь этого праздника не имеет и никогда не имела; следовательно ясно, что он был установлен у нас не по приказанию папы (не устанавливая его на наше, так сказать, счастье во всей католической церкви, папа установил его только как местный праздник в Баре)».

Добавим к этому указание на приводившееся выше письмо папы Иннокентия III, обращенное в 1207 г. к русским иерархам. Приглашая их соединиться с Римом, он, тем самым, показывает, что дотоле русская Церковь не признавала власти пап.

Часть вторая. От нашествия монголов до разделения Русской митрополии

Татарское иго

Монголы или татары, кочевой народ т. наз. алтайского или урало-алтайского семейства, обитавшие с древнего времени в той же обширной азиатской степи, в которой живут до настоящего времени их потомки и которая называется Монголией, – не составляли, до второй половины 12 века, одного государственного целого. Они распадалась на отдельные племена и орды, состоявшая под властью своих, больших и малых, владетелей или ханов.

В половине 12 века явился у монголов великий и страшный человек, сумевший соединить их в одно целое, совершить огромные завоевания вне Монголии и основать могущественнейшее монгольское государство. Это был *Темучин*, сын удельного владетеля одной монгольской орды, родившийся около 1155 года. Наследовав отроком отцу, он, долго ничем себя не проявляя, в 1195 г. вступил на стезю завоеваний. Через десять лет он, на съезде покоренных князей, принял титул *Чингиз-хана*, что значит великий, могущественный хан, и утвердил свою столицу в г. Каракоруме, на юго-запад от нынешней Кяхты, на правом притоке р. Селенги. Он быстро завоевал и покорил сев. Китай, Тибет с частью зап. Китая, Туркестан, Хиву (с Бухарой и Кокандом), часть Афганистана и отдельные места в сев. Персии. Затем захвачена была им туркмено-киргисская степь, называвшаяся кипчакской, продолжением которой являлась наша новороссийская степь. Чингиз-хан умер в 1227 г. Перед смертью он разделил свои завоевания между тремя сыновьями и внуком на четыре улуса, с тем, чтобы хан, пребывавший в Каракоруме, был великим ханом и имел верховную власть над остальными ханами, стоявшими во главе улусов. Русь была потом покорена ханами кипчакского улуса, который, занимая северную половину восточного *Кипчака* – степь киргиз-кайсацкую – отдан был Чингиз-ханом внукам – детям его старшего сына Джучи.

В 1223 г. хорезмшах Мухаммед, разбитый монголами, бежал в Персию. Чингиз-хан для его преследования отрядил

полководцев Джебе и Субута, которые, выполняя это, вторглись в кавкассские земли и оттуда в половецкие степи. Напав на половцев, они гнали их до границы Руси, которая начиналась за Переяславлем. Половецкие князья умоляли русских помочь им. Кн. Мстислав Мстиславич Удалой, сидевший тогда в Галиче, был зятем половецкого князя Котяна. Внимая мольбам тестя, он привлек на свою сторону кн. Мстислава Романовича киевского. Южные князья на съезде в Киеве решили выступить против татар. Отступившие от русских пределов, татары были настигнуты в юго-восточном углу будущей Екатеринославской губернии, на р. Калке (впадавшей в р. Калмиус, которая впадает в Азовское море ок. Мариуполя). Русские потерпели страшное поражение. Татары, преследуя их, дошли до Днепра в 70 вер. от Киева. Опустошив все на своем пути, татары отхлынули назад.

Третий и любимый сын Чингиз-хана, Угедей, став великим ханом, решил в 1235 г. выполнить завещание отца о завоевании всего света. Во главе армий, двинутых в Европу, был поставлен внук Чингиз-хана, сын Джучи, Батый, повелитель Кипчака. Сначала завоевана была в 1236 г. Камская Болгария. В конце 1237 г. татары вторглись в самое южное княжество – Рязанское. Захвачена была Рязань, позднее Коломна, Москва. В. кн. *Георгий Всеволодович* удалился с ратью за Волгу и сосредоточил силы на р. Сити (в буд. Моложском у. Ярославской губ.).

В Москве татары захватили сына вел. князя, Владимира, и умертвили его под стенами осажденного ими затем г. Владимира. 8 февраля столица была взята. Во время краткой осады все понимали, что отклонить неминуемую гибель нельзя. Епископ Митрофан убеждал встретить смерть без трепета. Сердца всех обратились к небу. Другой сын в. кн., Всеволод, с супругой, бояре с женами желали принять страдальческую смерть в иноческом образе. Владыка исполнил их желание. Стены города были пробиты, кн. Всеволод зарезан; многие из семьи великокняжеской, бояр и народа затворились с епископом *Митрофаном* в соборном храме. Святитель молился с ними и за них: «Господи! простри невидимую руку Твою, и

приими души рабов Твоих с миром». Татары сперва зажгли храм, потом ворвались в него. Одни задохались в пламени, другие пали от меча врагов. В. кн. Георгий, узнав о гибели семейства и сожжении 14 городов княжества своего, молил Господа даровать ему терпение Св. Иова. 4 марта 1238 года татары обрушились на русский стан. В битве на р. Сити русские были разбиты. Великий князь погиб в бою.

Позднее, в Шеринском лесу, вблизи Кашина, татары сразились с племянником Георгия, *Василько Константиновичем* Ростовским, и взяли его в плен. «Красавец лицом», пишет о нем летописец, «с очами светлыми и грозными, он был храбр, добр сердцем, ласков с боярами. В нем мужество соединено было с умом и правдивость со знанием. Он был сведущ, на все способен. Это был отец и кормилец сирот, великое утешение печальным. Очи сердца его отверсты были Богом на весь церковный чин, и он был отцем для всех бедных». Татары преклонились перед величественным видом пленника, знали его мужество. Они предложили ему променять верность христианству на дружбу Батые, признав их нечестивые обычаи. «О, темное царство!» отвечивал им князь, «не разлучить тебе меня с Христом моим, как ни тяжело бедствие мое. Он предал нас в ваши скверные руки, любя нас и даруя нам жизнь вечную. Есть Бог, и ты погибнешь, когда исполнится мера злодеяний твоих; взыщет Он кровь верных Своих». Истомленный голодом, князь молил о спасении близких сердцу его и благодарил Бога, что умирает, в цвете лет, смертью, достойною христианина. Татары мучили и свирепо умертвили его. Церковь причислила к лику Святых вел. кн. *Георгия* и князя *Василько*.

Татары двинулись к Новгороду, но, не доходя ста верст до города, около Игнача Креста повернули на юг. Они, вероятно, испугались новгородских топей и болот, которых монголы, будучи жителями степных сухих мест, боялись вообще. В будущей Калужской губ. прославились своим мужеством жители маленького города Козельска. Слабые числом, но сильные верою, они положили между собою: «наш князь (Василий, из Ольговичей) – младенец, но мы, как верные слуги, должны

умереть за него; оставив здесь добрую славу, на небе примем венцы от Христа Бога». Семь недель они мужественно выдерживали осаду. Когда же татары, разбив городскую стену, взошли на вал, козельцы резались с ними ножами, ворвались в их стан и перерезали четыре тысячи человек, пока сами не были все до одного перебиты. Татары называли Козельск «злым городом». В следующем – 1239 – году, три отдельные группы татар опустошали Россию. Обратили они в пепел Переяславль южный и Чернигов, подходили к Киеву, а также опустошали берега Оки и Волги.

Зимой 1240 г. Батый пошел на Киев. Татарское войско было так многочисленно, что, по словам летописца, от скрипа телег обоза, от рева верблюдов и от ржания коней нельзя было слышать человеческого голоса. Киев в это время взят был Даниилом Галицким. Оборонять его от татар он поручил тысяцкому Дмитрию, который и проявил исключительное мужество. После продолжительной осады, причем стенобитные машины осаждающих били стены города день и ночь, Киев был взят 6 декабря. Последнее сопротивление Дмитрий оказал в Десятинной церкви, вокруг которой он воздвиг деревянные укрепления. В бою, исходя кровью от ран, он запирается со сподвижниками в церкви и продолжает сражаться. Раненым приведен он к Батыю, который, пораженный его мужеством, даровал ему жизнь. В Киеве все было ограблено, или сожжено и истреблено. То же испытали Волынь и Червонная Русь. Батый двинулся в Зап. Европу, и передовые отряды его доходили почти до Вены. Получив известие о смерти Угедея, он остановил наступление и повернул назад.

Возвратившись в половецкую степь в 1242 г., Батый утвердил свое пребывание на восточном краю ея, на берегах Волги. Тогда же пошли к нему русские князья для изъявления покорности и для получения утверждения на своих престолах. Затем они должны были предпринимать очень далекие и трудные путешествия в Каракорум к великому хану. Батый (ум. в 1255 г.) построил город Сарай (значит дворец) в 110 вер. от Астрахани. Орда эта стала называться сарайской или золотой (палатки ханов ставились на шестах, покрытых золотыми

листами). Путешествия в Каракорум прекратились довольно скоро, т. к. в второй половине 13 века великий хан сделался императором китайским. Им основан был гор. Дайду, буд. Пекин. Прекратилось существование великого ханата, установленного Чингиз-ханом. В самой России, как в стране вассальной, появлялись, преимущественно для сбора податей, ханские наместники, называвшиеся баскаками.

Кипчакские ханы, утвердившиеся в Золотой Орде, не изменили в России ее законов и установлений. Не касались они и веры русской. Благодаря этому Россия сохранила, столь необходимую ей, собственную княжескую власть и, все объединявшую, церковную иерархию. На счастье России первые вел. князья того времени: брат погибшего Св. Георгия, Ярослав Всеволодович, и, еще более, сын его, Св. Александр Невский, сумели поставить себя должно в Орде и установить взаимоотношения с ханами. Во главе же Церкви в самое трудное время закрепления ее положения в Орде находился выдающийся иерарх, митр. Кирилл.

При покорении Руси, ханы были язычниками. Они не принуждали никого к отступлению от своей веры. Это зависело частично от того, что некоторые народы, вошедшие в государство Чингиз-хана, были христианами (несторианами). Последние распространили христианство среди монгольского племени Уйгуров. Из среды же Уйгуров Чингиз-хан, нуждавшийся, с расширением государства, в грамотных людях, заимствовал грамоту и набирал администраторов, знавших письменность. Хотя среди Уйгуров были также буддисты и магометане, но знатнейшие из них были христиане-несториане. Понятно, что уважение, которым у ханов пользовались высшие чиновники из христиан, отразилось на их отношении к христианам вообще. Благоприятное отношение к христианам проистекало, главным образом, из того, что основным правилом жизни монголов служила *Яса* или «книга запретов», содержащая в себе узаконения Чингиз-хана и строго предписывавшая веротерпимость и одинаковое уважение ко всем религиям. Преемники великого хана, при своем вступлении на престол, давали клятву в точности следовать

Ясе под опасением, в противном случае, лишиться престола. Чингиз-хан, признавая «Единого Высочайшего», вместе с тем, велел бояться злых духов и всех богов, чьи бы они ни были. Монголы поклонялись идолам, планетам, стихиям, особенно огню. Ламы, шаманы, заклинатели составляли касту жрецов. С суеверным страхом смотрели ханы на служителей других вер и предпочитали быть с ними в мире. В ханских ярлыках строго каралась хула веры русских.

Когда Чингиз-хан покорил второй христианский народ Монголии – Кераитов, то одну из племянниц нового своего вассала взял в жены себе, а двух – в жены двум своим сыновьям. Таким образом, два последних великих хана, Мангу и Хубилай, были детьми христианки.

Архиепископ Макарий по поводу монголов пишет: «И очень естественно, если они везде, где ни господствовали, покровительствовали всем религиям, позволяли каждому из своих подданных и покоренных народов держаться своей веры и свободно отправлять свое богослужение; сами даже соблюдали обряды и присутствовали при священнодействиях христиан разных исповеданий, магометан, буддистов и других язычников. В частности о Гаюке, первом императоре Монголов после покорения ими нашего отечества, известно, что он имел при себе христианских священнослужителей и давал им содержание, и что пред большим шатром его всегда стояла христианская часовня, в которой свободно звонили к часам и совершали службы по обрядам греческой Церкви. Точно так же и об императоре или великом хане Мангу (1251–1259) повествуют, что он «при дверях главного дворца своего имел церковь, где священники христианские отправляли свое богослужение без всякой помехи». О преемнике Мангу, великом хане Хубилае или Кублае (1260–1292) вот, что свидетельствует христианин-очевидец, служивший при нем 17 лет: «зная, что Пасха один из главных наших праздников, он велел всем христианам явиться к нему и принести с собою то священное писание, в котором заключается Четвероевангелие. Окулив торжественно ладаном эту книгу, он благоговейно поцеловал ее, то же должны были сделать, по его приказанию, и все тут

бывшие, вельможи. Это у него всегдашний обычай при всяком большом празднике у христиан, о Рождестве и о Пасхе. То же соблюдал он и в праздники сарацын, жидов и язычников». Одно только, повидимому, противоречило этой веротерпимости, именно то, что ханы заставляли некоторых русских князей, когда последние являлись к ним, исполнять обряды монгольской веры – проходить чрез огонь и поклоняться кусту и солнцу. Но, по своим понятиям о веротерпимости, ханы не могли считать этого стеснением для чьей либо веры. Как они сами, держась веры своего народа, в то же время оказывали уважение и прочим верам, присутствовали иногда при богослужении христианском и даже целовали Евангелие; так могли думать, что и русские князья, нимало не отрекаясь от своей веры, могут выражать уважение к вере, содержимой ханом, чрез выполнение ее обрядов, – хотя, по понятиям христианским, поклонение ложным богам есть уже измена Богу истинному, и христианин должен скорее потерпеть смерть за веру свою, нежели выполнить обряды богослужения языческого ...».

Примечательно, что ханы, и став магометанами, не переставали соблюдать древния узаконения Чингиз-хана и обычаи своих предков по отношению веротерпимости к русским. И это происходило, несмотря на то, что магометанство притязает быть религией единой истинной и обязывает своих последователей распространять ее, не останавливаясь перед насилием. России за 240 лет татарского ига пришлось долгое время подчиняться власти магометан. Третий преемник Батые, его брат Берке или Берге, наследовавший ему в 1257 или 1258 г., принял магометанство. Преемники Берке, умершего в 1266 г., до хана Узбека, снова были язычниками. Узбек (1313–42) утвердил магометанство как родовую религию ханов. Он был женат на дочери византийского императора Андроника младшего.

Батый фактически признал русскую веру, не выдавая ярлыка. При первой переписи, произведенной им в России в 1246 или 1247 г., для обложения данью, духовенство не было подвергаемо переписи, как свободное от дани. От восьми

ханов, предшествующих Узбеку, дошел до нас ярлык только одного хана Менгу-Темира (1266–81). Ярлык этот дан был в 1267 или, что вероятнее, в 1279 г., митрополиту Кириллу. По ярлыку вера русских ограждается от всяких ей хулений и оскорблений и принадлежности внешнего богослужения ограждаются от посягательств на них. «А кто (из наших всяких чиновников) веру их (русских) похулит или ругается», говорилось в ярлыке, «тот ничем не извинится и умрет злою смертью ... или что в законе их – иконы и книги или иное что, по чему Бога молят, того да не емлют, ни издерут, ни испортят». Далее, – духовенство освобождалось от даней, пошлин и повинностей; все церковные недвижимые имения признавались неприкосновенными и церковные слуги (принадлежавшие епископам и др. церковным властям рабы и холопы) объявлялись свободными от общественных работ. В последующих ярлыках, данных ханами-магометанами – Узбеком Св. Петру, Джанибеком, сыном Узбека – Св. Феогносту, Бердибеком – Св. Алексею – подтверждался первый ярлык. Добавлено было только право митрополита судить по уголовным делам принадлежавших ему людей.

При дворе великих ханов в Каракоруме, как указывалось, находились служители вер всех покоренных ими народов, дабы они молились о ханах. Неизвестно, было ли так при дворе золотоордынских ханов. Но русские с 1261 г. имели при ханах своего представителя, в лице епископа, кафедра которого была учреждена в столице ханской – Сарая, с согласия хана Берке. Первым епископом, поставленным митр. Кириллом, был Митрофан. Преемник его, еп. Феогност, обращал уже татар в христианство, не встречая к сему препятствий со стороны ханов-язычников. Хан Берке призывал в Сарай епископа Ростовского Кирилла для исцеления от болезни сына и в благодарность «повеле давати владыце оброки годовнии в дом святые Богородицы». Епископ Кирилл говорил при дворе хана о просвещении Руси верой, о подвигах Св. Леонтия в обращении ростовских язычников, о чудесах при его гробе. Красноречивый рассказ святителя так тронул племянника Берке, что тот стал размышлять о пустоте монгольской религии. Когда же еп.

Кирилл в следующем году опять прибыл в орду, то царевич тайно отправился с ним в Ростов. Крестившись, он, при Св. еп. Игнатии, построил обитель, вступил в супружество; овдовев, скончался иноком и, под именем *Петра* царевича Ордынского (ум. 1290), причислен к лику Святых. Ханы допускали выход татарских девиц за наших князей и бояр, с дозволением первым принимать христианство. В 1257 г. женился в орде на близкой родственнице хана Берке благочестивый и смиренный Глеб Василькович, первый удельный князь Белозерский. Князь Феодор Ростиславич Ярославский и Смоленский, причисленный к лику Святых, женился вторым браком на дочери хана Менгу-Темира, принявшей крещение с именем Анны и отличавшейся высоким благочестием. Хан Узбек не возбранил сестре своей Кончаке стать христианкой Агафией и супругой московского князя Георгия (Юрия) Даниловича.

Известны принявшие св. веру: князь Беклемиш, сын кн. Бахмета, пришедший в 1298 г. из Большой Одры в Мещеру, овладевший ею и сделавшийся родоначальником князей Мещерских. Беклемиш крестился в Мещере со множеством других татар, получил имя Михаила и построил Преображенскую церковь. Царевич Берка приехал в 1301 г. из Большой Одры к князю Иоанну Даниловичу Калите и крещен был св. митрополитом Петром с именем Иоанникие, став родоначальником Аничковых. Крестившийся царевич Аредичь – родоначальник Белеутовых (Архиеп. Макарий). Мурза Чет, пришедший в 1330 г. в Москву. По пути из Орды он отдыхал на берегу, при впадении в Волгу р. Костромы. Будучи больным, он во сне удостоился явления Божией Матери с предвечным Младенцем и с предстоящими в молитвенном состоянии Апостолом Филиппом и св. Ипатием Гангрским. Чет получил исцеление. В Москве он крестился с именем Захария и на месте явления воздвиг исторический Костромской Ипатьевский монастырь. Он был родоначальником Годуновых. К вел. кн. Димитрию Донскому прибыл царевич Серкиз, родоначальник Старковых. Внук хана Мамаю, князь Олекса, прибыл к вел. кн. литовскому Витовту (1392–1430), крестился в Киеве с именем Александра и сделался родоначальником князей Глинских, к

каковому роду принадлежала мать царя Иоанна Грозного, вел. кн. Елена.

Уважение к христианству вызывали высокие добродетели и чудеса Св. митрополита *Алексия*. В 1357 г. хан Джанибек писал вел. кн. Иоанну II Иоанновичу: «Мы слышали, что небо ни в чем не отказывает молитве главного попа вашего, да испросит он здоровье моей супруге». Тайдула, жена его, ослепла. Святитель Алексей пригласил паству к молитве. Когда он служил во Владимире молебен перед иконою Богоматери, сама собою зажглась свеча. Икона эта писана была Св. митр. Петром. По прибытии в орду, Святитель отслужил молебен с дивною свещею, окропил больную св. водою. Когда кропило коснулось глаз Тайдулы, она прозрела. Главный мулла вступил со Святителем в спор об ислализме, но на стороне митрополита было очевидное преимущество – свидетельство неба. При Св. Алексии ряд мурз приняты были в недра русской Церкви. Джанибек подарил в благодарность Святителю ханский конюшенный двор в Москве. Св. Алексей на этом месте воздвиг в 1365 г. монастырь в память Чуда Архистратига Михаила в Колоссах – Чудов мон. В 1393 г. Св. митр. Киприан, в присутствии вел. кн. Василия I Дмитриевича и массы народа, совершал в р. Москве крещение над знатными татарами – постельниками ханскими – Бахтыем, Хидырем и Маматом. Смиренно внимали новые христиане – Анания, Азария и Мисаил – словам Святителя. Эта победа веры над ислализмом была торжеством для Москвы. «И та татарина новокрещена хождуху вкупе, яко союзом любви связаемая», говорили с умилением москвичи. При митр. Киприане были уже храмы христианские в некоторых татарских поселениях.

Известны два случая осуждения татарами за веру двух наших князей, вызванных в орду, а также одна попытка обложить данью наше духовенство. В 1246 г. кн. Михаил Всеволодович Черниговский получил приказание явиться в орду. Духовный отец, наставляя его, говорил, что многие князья отправились туда, но немногие остались верны христианской совести, – «идоша сквозь огонь и поклонишася кусту и солнцу, и погубиша души своя славы ради света сего; ты же, княже, не

твори тако», присовокупил духовник. «Я желал бы за Христа пролить кровь свою» – отвечал князь. Михаил отправился в орду с другом своим, боярином Феодором и кн. Борисом Ростовским. Надо указать, что татары затаили злобу против кн. Михаила. Он княжил в Киеве, когда к городу этому впервые подходили татары. Предводитель отряда отправил послов к Михаилу, предлагая сдаться и обещая в таком случае пощадить город. Князь отвечал тем, что приказал тогда – в 1239 г. – умертвить послов. Францисканский монах Плано-Карпини, побывавший в Каракоруме и посетивший Батые в 1237 г., писал в своей книге: «у татар есть обыкновение, чтобы с теми, которые убьют их посланников или худо с ними поступят, никогда не делать ни мира, ни перемирия; они не остаются в покое до тех пор, пока не отмстят». Можно поэтому предполагать, что кн. Михаилу были нарочито предъявлены особенные против других князей строгия требования. Батый приказал допустить его в ставку ханскую не иначе, как с соблюдением обрядов монгольского верования. Михаилу приказано было пройти между двумя огнями и молиться на юг перед Чингиз-ханом (как бы образом его). Прохождение через огонь не составляло в строгом смысле языческого религиозного обряда, являясь, конечно, суеверием. Огонь считался у татар очистительным средством и, по суеверию своему, они полагали, что прохождение сквозь двух огней уничтожит чары колдовства, опасные для хана. Что касается поклонения Чингиз-хану, то, конечно, это было правильно понято кн. Михаилом не как гражданское воздаяние почести основателю ханской династии, а как молитвенное поклонение обоготворенному человеку. Плано-Карпини прямо говорит, что татары боготворили Чингиз-хана. Некоторые князья выполняли это требование. Михаил же поступил, как истинный христианин, отказавшись это сделать. Благоверный князь заявил: «Христианам нельзя идти сквозь огонь и поклоняться тому, чему поклоняются здесь, такова христианская вера! Она запрещает кланяться твари и идолам». Волхвы передали ответ князя Батыю. Последний велел сказать Михаилу через посланца: «избирай любое – жизнь или смерть; если не пойдешь чрез огонь и не поклонись кусту и солнцу,

ни кумирам, погибнешь злою смертью; исполнишь волю, и – получишь княжество». Князь сказал: «Царю готов я кланяться, ему поручил Бог славную власть над земными царствами; но чему здесь кланяются, не могу кланяться». Напрасно сановник Эльдега уговаривал князя, указывая на предстоящую ему смерть за послушание. Михаил отвечал: «готов пролить кровь мою за Христа моего». Напрасно князь Борис Василькович, его внук, и бояре предлагали Михаилу принять на себя епитимию за него. Михаил говорил: «не хочу быть христианином по имени, а поступать по язычески». Боярин Феодор укреплял его и против искушений любви к супруге и детям. Эльдега продолжал уговоры. «Не слушаю вас, не погублю души моей» – воскликнул Михаил, снял с себя княжескую епанчу и бросил ее со словами: «прочь, слава мира тленного; она не надобна мне». Эльдега отправился к Батыю, а исповедники стали петь хвалебные песни мученикам и причастились запасными дарами. Пришедшие убийцы бросились, как звери, на Михаила, растянули и били кулаками против сердца; бросили на землю и топтали ногами, били, мучили. Наконец, какой-то отступник Доман отсек князю голову. Феодору обещали княжество Михаила, но он отказался, и также принял венец мученический (Архиеп. Филарет). Было это 20 сентября 1246 г. Князь *Михаил Черниговский* и боярин *Феодор* причислены к лику Святых. Дочь князя Феодулия приняла постриг, подвизалась в Суздальском мон. Память Пр. *Евфросинии Суздальской*, преставившейся в 1274 г., празднуется 25 сентября.

В 1270 г. хану Менгу-Темиру сообщили, что рязанский князь Роман Ольгович, находившийся в орде, хулит хана и его веру. Менгу-Темир напустил на него татар, которые начали нудить его к своей вере. Князь заявил им, что не должно православным христианам, оставив свою веру, принимать чужую. Татары заткнули уста его платком и стали мучить с ужасающим зверством. Резали тело его по частям и бросали на стороны. Когда осталось одно туловище, то содрали кожу и воткнули голову на копье. Князь Роман, благочестивый и воспитывавший детей своих в благочестии, «страданиями уподобившийся Якову персидскому, купил страданиями венец нетленный» (Архиеп.

Филарет). Память Пр. *Романа* кн. Рязанского празднуется 19 июля.

В 1342 г. Св. митр. Феогност приходил в орду, чтобы, согласно с узаконением Узбека, получить ярлык от Джанибека, нового хана. По словам Никоновской летописи «неции рустии человеци оклеветаша Феогноста митрополита ко царю Джанибеку, яко много безчисленно имать дохода – и злата и сребра и всякого богатства, и достоит ему тебе давати в Орду на всяк год полетные дани». Вследствие этого хан, подвигнутый русскими наговорщиками, стал требовать от митрополита ежегодной дали. Дело кончилось тем, что Св. Феогност, с твердой решительностью отвергнувший это требование, опираясь, очевидно, на закон Чингиз-ханов и первый ярлык, принужден был раздарить хану, ханше и их главнейшим боярам (князьям) шестьсот рублей. «И выйде на русь здрав» – заканчивает летопись изложение этой единственной попытки обложения духовенства данью.

В Золотой Орде погибли еще три князя от руки татар, но не из-за исповедания веры, а вследствие вражды между собою удельных князей. Сыновья св. кн. *Даниила* Московского боролись за великокняжеский престол с Тверскими князьями, как и они, прямыми потомками Всеволода III Большое Гнездо. Московский князь Георгий-Юрий Данилович сумел завоевать расположение хана Узбека и женился на сестре его, Кончаке.

С татарами, ведомыми Кавгадыем, Георгий двинулся на Тверь, (в 1317 г.), но был разбит вел. кн. Михаилом Ярославичем в с. Бортеневе, в 40 в. от Твери. В плен попали Кончака и Кавгадый. Михаил освободил их обоих, но, на его несчастье, Кончака, во крещении Агафия, заболев, скончалась в плену. Это дало повод Георгию и Кавгадыю оговорить Михаила в Орде. По прибытии туда Михаила, опасавшегося разорения тверского княжества татарскими отрядами, Узбек нарядил над ним суд, при чем главным судьей был Кавгадый. Михаил обвинен был в обнажении меча против ханского посла – Кавгадые – и отравлении Кончаки. На шею его наложили тяжелую колоду. В таком виде его возили в стане Узбека, уехавшего на охоту на берега Терека. В это время проявилось

удивительное христианское смирение вел. князя. Когда тверские бояре грустили об его участи, он с веселым лицом ободрял их, говоря: «Друзья! Вы долго видели меня в чести и славе; будем ли неблагодарны? Вознегодуем ли на Бога за унижение кратковременное? Вые моя скоро освободится от сего древа, гнетущего оную». Ночи проводил он в молитве и в пении утешительных псалмов Давидовых. Отрок княжеский держал перед ним книгу и перевертывал листы, ибо стража на ночь руки Михаила забивала в колодки.

За Тереком, на р. Севенце, под г. Дедяковым, недалеко от Дербента, где расположились татары, Кавгадый решил покончить с Михаилом. Сначала велел привести его на торг и издевался в присутствии толпы, в которой были и русские, греки, немцы, литовцы. Отпущенный в свою вежу, Михаил понял, что приближается смертный час. Он попросил бывших с ним игумена и священника отпеть заутреню и часы, прочел со слезами правило ко причащению, исповедался, объявил свою волю сыну Константину, велел ему искать защиты у ханши, и попросил дать ему псалтирь. Открыв книгу, прочел псалом: «Сердце мое смутися во мне, и страх смертный прииде на мя». «Что значит этот псалом?» – спросил князь у священников. Те, чтоб не смутить его еще больше, указали ему на другой псалом: «Возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает, и не даст во-веки смятение праведному». Смиренный князь добавил: «Кто даст ми криле яко голубине? И полещу, и почию ...» В это время прибыли кн. Юрий и Кавгадый. Посланные ими убийцы бросились на Михаила, повалили на землю и били пятами нещадно. Наконец один из них, именем Романец, выхватил большой нож, ударил им Михаила в ребро и вырезал сердце. Было это в среду 22 ноября 1319 г., в седьмом часу дня. Тело мученика бросили нагое. После убийства, Юрий и Кавгадый, находившиеся вдали, подъехали к телу. Кавгадый с сердцем сказал Юрию: «Старший брат тебе вместо отца; чего же ты смотришь, что тело его брошено нагое?» Юрий велел своим прикрыть тело, потом положили его на доску, привязали ее к телеге, и перевезли в г. Маджары (на р. Куме). Оттуда тело перевезено было в Русь и похоронено в московском Спасском

мон. (по Соловьеву). 6 сент. 1320 г. мощи праведного князя перенесены были в Преображенский собор в Твери. Вскоре установлено было местное празднование; общее прославление состоялось в 1549 г.

Супруга *Св. вел. кн. Михаила Тверского*, дочь кн. Дмитрия Борисовича Ростовского, после его мученической кончины приняла постриг, и с именем пр. Анны Кашинской преставилась в 1337 г. В 1649 г. обретены были мощи *св. Анны Кашинской* и состоялось ее прославление.

Юрий Данилович вернулся в Москву с ярлыком на великое княжение. Позднее кн. Дмитрий Михайлович Тверской, побывав в Орде, сумел разъяснить Узбеку всю неправду Юрия и Кавгадые. Последний был казнен. Дмитрий получил ярлык на великое княжение. В 1324 г. в Орде встретились Дмитрий и Юрий. Первый, понадеявшись на расположение хана, убил Юрия. Узбек счел это самоуправством и в 1325 году велел убить Дмитрия. Ярлык дан был его брату Александру. С ним соперничал брат Георгиев, Иоанн Калита Московский. Александр разгневал хана допущением убийства в Твери его посла Чол-хана, или Щелкана, и бывших с ним татар. Узбек отправил против него Иоанна Калиту с татарским войском. Александр бежал в Псков, потом в Литву. Иоанн в 1328 г. получил ярлык. В 1337 г. Александр решился поехать в Орду и сумел смирением умиловить хана, разрешившего ему вновь править тверским княжеством. С этого времени вновь возгорелась вражда между Москвой и Тверью, и победительницей оказалась первая. В 1339 г. Александр был вызван в Орду, где еще раньше находился его сын Феодор. Убедившись в том, что его ожидает, он причастился. 29 октября Александр и Феодор были убиты – розняты по составам. Тверской удел отдан был ханом кн. Константину Михайловичу, спасенному в 1319 г. ханшей.

Вопрос о татарском владычестве тесно связан с судьбами московского княжества, которому, в конце концов, удалось его свергнуть. Впервые Москва упоминается в 1147 г., как маленькое пограничное село, в котором суздальский князь Юрий Владимирович Долгорукий принимал своего союзника,

черниговского князя Святослава Ольговича. Правнук Юрия, Св. вел. кн. Александр Невский, дал Москву в удел младшему сыну своему, Св. кн. *Даниилу* († 1303). Крупное значение приобретает сын последнего, вел. кн. *Иоанн I Калита*, правивший Русью с 1328 по 1341 г. Москва занимала выгодное географическое положение, находясь в узле дорог из южной Руси в северную, и из Новгорода в Рязань. Переселенцы оседали в московском княжестве. Там жилось безопаснее, чем в других местах. Москва богатела от все увеличивавшегося сельского хозяйства и от сборов за провозимые через княжество товары. Князья московские отличались ловкостью и, проводимой от отца к сыну, планомерной одинаковой политикой. Сумели они, следуя примеру Св. Александра Невского, до времени, поддерживать хорошие отношения с Ордой. Порою в этом отношении действия их были неблагоприятны, будучи, впрочем, свойственны тому времени во всем мире. Но, пользуясь благоволением татар, они обезопасили своих подданных. Особенно важным было собирание ими самими дани для Орды, чем избегалось появление корыстных и безнаказанных татарских сборщиков. Московские князья, увеличивая свои земли, уходившие от удельных князей, постепенно сколачивали единое государство, усиливая возможность сопротивления татарам. Свержение их ига было заветной мечтой московских князей. Помышляя именно об этом, вел. кн. Симеон Иоаннович Гордый († 1353) писал в своем завещании: «Свеча бы не угасла». Одобряя стремление потомков Св. кн. Даниила установить единое державие на Руси и их тайные помыслы относительно татар, Святые митрополиты, начиная с Петра, поддерживали их. В 1380 г. племянник Симеона, вел. кн. *Дмитрий Иоаннович*, решился на открытую борьбу с татарами. Дмитрий, выпестованный Св. митр. Алексием, получил на эту борьбу благословение Пр. Сергия Радонежского, давшего ему и двух иноков – Пересвета и Ослябя. Хан Мамай был разбит русским воинством на Куликовом поле у берегов Дона. Дмитрию Донскому не удалось свергнуть татарское иго. Хан Тохтамыш через два года совершил нашествие и сжег Москву. Но Дмитрий, начав вооруженную борьбу с Ордой, показал, что

татар можно разбивать на полях сражений, а также ясно выявил то, что московские вел. князья заботятся не только о своем уделе, а о благе всей России. На счастье Руси, Орда все более ослаблялась внутренними раздорами, и с нею можно было все менее считаться.

В 1395 г. страшная гроза надвигалась на Россию. Победитель Востока, подчинивший себе и Золотую Орду, могущественный Тимур или Тамерлан, с огромными силами вторгся в Россию, дойдя до Ельца. Все московские храмы были открыты до глубокой ночи. Народ молился и постился, возлагая надежды единственно на милость Божию. Сын Дмитрия, вел. кн. Василий I, став с войском на берегу Оки, просил Св. митр. Киприана, чтобы принесена была из Владимира икона Божией Матери. Умилительно было перенесение древней иконы из старой столицы в новую. Множество народа, стоя у дороги, преклонялось перед Святыней, со слезами взывая: «Матерь Божия! Спаси землю русскую!» Жители владимирские провожали икону с горестию; московские принимали ее с радостью и упованием. Встречена была икона москвичами на Кучковом поле, за городом, где, в память этого события, был потом воздвигнут Сретенский монастырь. В тот самый день, когда икона была встречена в Москве, Тамерлан, остановленный Небесной Силой, не двинулся дальше и вскоре ушел обратно. Это было 26 августа, и в этот день празднуется икона Владимирская. Вел. князь все меньше считался с татарами. В 1408 г. хан Эдигей дошел до Москвы, но не смог взять ее. В 1412 г. вел. кн. Василий I в последний раз ездил в Орду с дарами к сыну Тохтамыша Зелени-Салтану. В 1480 г. правнук Дмитрия Донского, вел. кн. *Иоанн III*, свергнул татарское иго.

Христианство на севере и северо-востоке

В половине XIII в. на *Каменном* острове Кубенского озера подвизались 23 отшельника, неизвестные миру. После молитвы они обращались с евангельским словом к диким племенам *чуди* и *карелам*, кочевавшим особенно по сев.-вост. берегу озера. Пустынники терпели от грубых идолопоклонников оскорбления и побои, но продолжали свою проповедь. От притеснений и своей бедности они не могли построить храма, нужного и для них и для успеха веры.

Господь послал им помощь. Князь белозерский Глеб, сын Св. Василько ростовского († 1278), отправился ок. 1260 г. из Бела-озера в Устюг водным путем. На Кубенском озере захватила его сильнейшая гроза с бурей. Князь, находясь в крайней опасности, искал спасение в молитве. Он дал обет построить храм там, где найдет пристанище. Суда его принесло 6 августа к Каменному острову, где подвизались пустынники-проповедники. Благочестивый князь *Глеб* построил деревянный храм во имя Преображения Господня и кельи. После этого проповедь значительно усилилась. Вскоре создан Спасо-Каменный монастырь. В Белозерской стране самым древним монастырем был Устьшехонский Троицкий, основанный первоначально в 17 в. от Белоозера на устье р. Шексны кн. Глебом Васильковичем, в память чудесного исцеления сына Михаила от слепоты. (Архиепископ Филарет). Местные карелы, в значительной своей части, были крещены новгородскими священниками в 1227 г. В самом конце XIII в. на горе Челме в 57 верстах от Каргополя поселился Пр. *Кирилл Челмский* или *Челмогорский* († 1368) и основал там монастырь Челмогорский. В течение свыше полувековой своей подвижнической жизни он просветил христианством всю окрестную *Чудь*.

В 1329 г. Пр. *Сергий* пришел на остров *Валаам* на Ладожском озере. К нему прибыл потом Пр. *Герман*. Трудом их создан знаменитый монастырь. Тамошние *карелы* обращены были к св. вере. Позже – в конце 14 в. – на соседнем Коневском острове поселился Пр. Арсений. Жители этого острова –

чудские язычники – каждый год оставляли на утесе Конь-камень коня в жертву идолу. Пр. *Арсений*, новгородский инок († 1447), совершил у камня молитву, окропил его святою водой и, окрестив бедных жителей, освободил их от страха духов. Там создан в 1398 г. Коневский Рождественский мон. В половине 14 в. новгородский инок Лазарь, подвизавшийся раньше в Кесарийском мон. в Константинополе, отправился на Онежское озеро. Там на острове Мучи или Мурмане он построил храм Успения Божией Матери на месте, где узрел он «Жену светоносну, златом сияющую». Он терпел сначала много скорбей и гонений от диких окрестных *лопарей*, но затем они увидели крайнее незлобие святого и стали относиться к нему с доверием и уважением. Оно особенно укрепилось, когда Пр. Лазарь исцелил чудесно сына одного из старшин. Многие начали креститься. К нему стали приходить иноки. Пр. *Лазарь*, преставившийся в 1391 г. на 105-м году жизни, основал Успенский Муромский мон., в 31 в. от г. Пудожя Олонецкой губ. Ученики его с ревностью проповедывали слово спасения по обоим берегам Онеги, и христианство там укрепилось. В конце описываемого времени на Соловецком острове Белого моря возникла знаменитая обитель. Первым подвижником на Соловецком острове был Пр. *Герман* († 1484). Первоначально он жил в уединении на берегу р. Выги. Ища уединения, пришел к нему из Кирилло-Белозерского мон. Пр. *Савватий* († 1435), инок этой обители. Герман указал Савватию на Соловецкий остров, и сам отправился туда с ним. Переплыв, с помощью Божией, на ладье Белое море, подвижники вышли на остров, построили келлии и подвизались шесть лет. Пр. Савватий умер, и тогда Пр. Герман нашел себе сподвижника в лице Пр. *Зосимы* († 1478). Последний стал созидать *Соловецкую* обитель. Пр. Герман много помогал ему. Он не раз отправлялся в Новгород по нуждам обители, несмотря на опасности плавания по бурному морю и на свои преклонные лета. Принимал он там приношения для обители и собирал книги для ее библиотеки. В Новгороде он и скончался в 1479 г. в обители Пр. Антония, прибыв по делам обители.

В половине 14 в. в молодом причетнике устюжского собора возгорелось желание посвятить жизнь свою просвещению *зырян* – диких сынов северных лесов. Родился он около 1345 г. Наделенный от природы блестящими умственными способностями, он, научившись грамоте, был допущен канонархом и чтецом в соборе г. Устюга Вологодского. Тогда уже зародилось в нем желание стать просветителем язычников, в немалом количестве живших по соседству с Устюгом и в самом городе. Он начал учиться их языку. После 10–12 лет дьячества в соборе, Стефан постригся в монастыре св. Григория Богослова в Ростове, находившемся подле епископии и называвшемся Затвором. Это был монастырек особенно строгих затворников (он был пригорожен глухой стеной к стене архиерейского мон. и не имел собственных ворот) и обладал хорошей библиотекой. В монастыре он занялся довершением своего самообразования, предавшись денно-нощному чтению книг, как о том говорит его жизнеописатель инок Епифаний премудрый, его современник, инок Троицкого Сергиева мон. Для лучшего уразумения читаемого он искал собеседования со старшими книжными и разумными людьми. Выучился он также греческому языку, чтобы иметь возможность читать книги, которые не были переведены на славянский язык. Епископом Ростовским был грек Парфений. Для окончания изучения зырянского языка, Стефан, тогда уже подходивший к тридцатилетнему возрасту, прожил некоторое время в Устюге.

Последуя примеру Св. Константина, первоучителя славян, он решил дать язычникам богослужение на их зырянском языке и для этого, прежде всего, составил зырянскую азбуку. На это он, надо полагать, получил благословение от Святителя митр. Алексия перед его кончиной. В отличие от Св. Константина, приспособившего к славянскому языку греческую азбуку, Стефан сочинил свою особую азбуку. Составив азбуку и переведя богослужебные книги, он получил благословение пойти на проповедь евангелия зырянам от правившего митрополией архимандрита Михаила – Митяя. Вполне одобрил намерение Стефана благочестивый вел. кн. Димитрий Иванович Донской. Архим. Михаил щедро снабдил его всем нужным для

поставления церквей и для введения богослужения у будущих христиан. Помогли ему и московские бояре. Поставленный в Москве еп. коломенским в иеромонахи, Стефан вернулся в Устюг и оттуда начал свою просветительную работу.

Языческий народ, поселения которого прилегали к Устюгу, составляли, принадлежавшие к финскому семейству народов, вычегодские Пермьане или Пермьаки, получившие потом и нас особое имя Зырян (от одного из племен, которое у Епифания называется Сырьянами). Этот народ составлял половину Пермьаков. Другую половину составляли Пермьаки камские, область которых называлась Великая Пермь. Главным городом зырян было позднейшее селение Усть-Вымь, при впадении Выми в Вычегду (около 350 вер. от Устюга). Туда направился Стефан и начал там проповедь. На первых порах ей вняли немногие. Большинство же старалось выпроводить проповедника. Действовать решительно язычники все же опасались, зная, что за Стефаном стоит сильная Москва, данниками которой они тогда состояли (раньше были под Новгородом). Они старались выжить его своими страхованиями. Под предводительством волхвов собирались они вокруг его жилища, вооруженные кольями, и грозили убить его. Или обкладывали домик его хворостом и соломой, грозя сжечь святого. Готовый потерпеть за Христа и смерть, Стефан отвечал на страхования усилением проповеди и продолжал перевод богослужебных книг.

В Усть-Выми на холме стояла невзрачная кумирня. Против нея на насыпном холме Стефан воздвиг великолепную деревянную церковь во имя Благовещения Богородицы, освятив ее торжественно с духовенством, вызванным из Устюга. Храм этот, кротость и ласковое обращение привлекали к Стефану зырян, но мало кто решался креститься. Надо было наглядно доказать то, о чем проповедывал святой – идолы суть мертвые обрубки дерева и чурбаны и, конечно, защитить себя не могут. Улучив время, когда в кумирнице никого не было и она не была охраняема, Стефан поджог ее. Прибежавшие разъяренные волхвы и кудесники бросились на него с кольями и топорами, но от идолов остался один пепел. Это быстрое обращение

множества богов в ничто и то, что боги не тронули ни единого волоса на голове дерзновенного, поднявшего на них руку, произвело на народ потрясающее впечатление. На пепелище своей кумирни и как бы на пепелище своего язычества, жители Усть-Выми собрались на сход решать вопрос: что им делать. Горячая проповедь святого к этому сходу убедила язычников принять истинного Бога. Таким образом началось крещение зырян как целого народа. Одержал он победу и над главным волхвом Памою. Кудесник сам вызвался пройти, вместе со Стефаном, сквозь огонь и реку под льдом (от проруби до проруби), чтобы испытать, чья вера сильнее. «Я не повелеваю стихиями, но Бог христианский велик, – иду с тобою» – сказал Стефан. Пам затрепетал, отказался от испытания. Огромная толпа едва не растерзала Пама. Этим завершилось торжество веры над суеверием. Народ толпами крестился и бросал в огонь идолов. Из среды крещеных святой набрал мужей, юношей и детей, которые могли бы быть поставлены во священники и на прочие церковные должности. Он обучал их новоизобретенной зырянской азбуке и совершению служб по своим зырянским книгам. Поставил еще две церкви. На одном холме стояла большая береза, к которой народ имел великое благоговение, как к своего рода божеству (возможно, считая ее обиталищем богов). Дерево это, к которому никто не смел приступить, Стефан срубил собственноручно и поставил церковь так, чтобы пень дерева служил основанием для его престола. Со всех концов зырянской земли стекался в Усть-Вым народ, ища у святого научиться новой вере и прося у него крещения. Требовались и личные путешествия Стефана, как для крещения, так и для уничтожения местных кумирниц. Как всегда бывает при обращении язычников, последние некоторое время не перестают питать страх к своим прежним богам и не дерзают поднимать на них собственные руки, опасаясь их мщения. Приходилось уничтожать кумирницы самому Стефану. Совершая это, святой приказывал строить по погостам и селениям церкви и определял к ним священников, которых посылал в Москву для поставления.

Святой отправился на проповедь в 1378 или 1379 г., а к 1383 г. он настолько успел распространить между язычниками христианство, что отправился в Москву просить о даровании новокрещенным особого епископа. Просьба его была принята с полной благосклонностью митр. Пименом и вел. кн. Димитрием Донским. Во епископы пермские в начале 1383 года был поставлен Св. Стефан, который правил 13 лет. В 250 вер. от Усть-Выми святой основал Ульяновскую Спасскую пустынь, а в 60 верстах от Усть-Сысольска, на р. Сыsole, Стефановскую пустынь. В миссионерской деятельности Св. Стефана примечательно то, что свою проповедь Евангелия он совершал без помощи гражданских властей и не применял совершенно принуждения. Быв крестителем зырян и их епископом, Св. Стефан являлся не только духовным пастырем народа, но и его ходатаем, печальником, помогая советами и делом в его житейских нуждах. Он просил за него великого князя, ища устранения злоупотреблений и притеснений при взимании податей. Он старался отвратить грабительские набеги на него новгородских ушкуйников, увещевая последних. При нападении другого инородческого народа – вогуличей, он воодушевлял воинские рати зырян и предводительствовал ими с оружием креста в руках. Когда случался голод, он старался доставать хлеб из пограничных областей России. Кроме просветительной деятельности, Св. Стефан известен как переводчик с греческого языка. Им переведен сборник, известный под именем «Мерила праведного». Предисловием к нему является поучение к «князю Димитрию». Им составлено также после поездки в 1386 г. в Новгород, по просьбе тамошнего архиепископа Алексия, обличение еретиков *стригольников*. Оно написано очень литературно и с весьма искусной постановкой полемики. Св. Стефан был очень близок с Пр. Сергием Радонежским. Святитель *Стефан Пермский* скончался 26 апреля 1396 г., во время пребывания своего в Москве, куда он прибыл к митр. Киприану по церковным нуждам. Погребен он был в придворном монастыре Спаса на Бору, что показывает, каким уважением пользовался креститель зырян у вел. кн. Василия I

Димитриевича. На соборе 1549 г. он был причислен к лику Святых. (По Голубинскому).

Трудами Св. Стефана обращена была Малая Пермь с зырянами по Вычегде и Выми. Но Великая Пермь, с разными обитателями своими, жившими по Каме и Чусовой, оставалась языческой. Вогуличи обнаруживали ненависть к вере и при Св. Стефане, а по смерти его пытались нападать на Усть-Вымь, где была кафедра епископа. Преемники Святителя Исаак и Герасим старались обратить и эти народы ко Христу. Св. *Герасим* претерпел в 1442 г. мученическую смерть от слуги своего вогулича, который задавил его омофором. Это была месть злобных язычников за успехи веры. Иноки Троицкого мон., основанного в 1397 г. за 600 вер. от Усть-Сысольска, распространяли тогда веру на Печоре до Пустоозерска. В 1455 г. кн. Асыка с толпами вогуличей напал на крещенных пермян, опустошил берега Вычегды и, захватив с другими пленниками Св. еп. *Питирима*, злодейски истерзал и умертвил его. При преемнике его, Св. *Ионе*, вера одержала победу. В 1462 г. Святитель обратил ко Христу самого князя Великой Перми, крестил пермян, устроив церкви и монастыри.

Борьба православия с католичеством на северо-западе

Древняя русские владения по берегам Балтийского моря были заселены различными языческими племенами, частью литовскими (Ливы, Куры, Летты, Земигола или Жмудь и др.), частью финскими (Чудь, Эсты, Водь и пр.). Владения эти делились на две половины: северная зависела более или менее от Новгорода, южная – от Полоцка. На земли эти обратили внимание немцы и старались там закрепиться. В середине 12 в. туда проникли бременские купцы, которые затем в устье Зап. Двины образовали два укрепленных поселка. В это же время римские папы усердно разыскивали языческие страны, чтобы насаждать в них латинство. Папа Александр III, осведомленный бременским архиепископом, испросил у полоцкого князя разрешение выстроить в одном из основанных немцами поселков – Уксуле – латинскую церковь. Латинский проповедник монах Мейнгард стал обращать ливов в католичество, но особого успеха не имел. Тогда он просил папу объявить крестовый поход для проповеди латинства ливам. В то же время, в 1196 году, датский король Канут VI пристал к эстонскому берегу, утвердился там и стал силой распространять латинство. Папа же объявил отпущение грехов тем, кто отправится с назначенным им епископом против ливов. Первый отряд потерпел неудачу. В битве епископ Бартольд был убит. Немцы, правда, разорили страну, крестили силой жителей. Но когда отряд ушел, то жители стали окунаться в Двину, чтобы смыть с себя крещение, и выгнали оставленных священников. Вслед затем прибыл новый епископ Альберт Бугсгевден. Он привез с собой войско на 23 кораблях. Это был человек исключительного ума и силы воли. Он понял, что для успеха обращения ливов немцам надо твердо укрепиться в стране. В 1200 г. он заложил у устья Двины город *Rigu* и обнес его крепкой стеной. В Германии он набрал поселенцев для нового города и испросил разрешение у папы Иннокентия III устроить, по образцу военных орденов в Палестине, военное братство,

или *Орден* воинствующих монахов-рыцарей. С разрешения папы в 1202 г. на нашем Балтийском побережье появились рыцари ордена меча – *меченосцы*, получившие устав Храмового ордена. Они носили белый плащ с нашитым красным мечом и крестом, вместо которого начали впоследствиишивать звезду. Первым магистром их был Винно-фон-Горбах. Став твердо в устье Зап. Двины, немцы постепенно проникали вглубь страны и отбирали владения полоцких князей. Взят был Куkenойс (Кокенгузен) и Герсик, принадлежавший князю Всеволоду († 1215), врагу латинян. В 1224 г. взяли они приступом самое старое и крепкое русское поселение в чудской земле – город *Юрьев*, основанный Ярославом Мудрым. В те же времена усилилась католическая Швеция, в которой с 1221 г. главную роль играл вельможа – «ярл» – Биргер, представитель рода Фолькунгов.

Римский папа, зорко следя за ходом мировых событий, учел тяжелое положение, в которое попала Русь после разгрома ее татарами, решил, что настало благоприятное время для нанесения сильного удара Православию. Он объявил крестовый поход как против язычников, населявших Финляндию, так и против русских, обещая прощение грехов всем участникам его и вечное блаженство. Большое войско, собиравшееся в Швеции слишком два года из знатных рыцарей, воинов и искателей приключений, было готово к 1240 году для вторжения в русские пределы. Его вел Биргер, в сопровождении епископов и многих духовных лиц. В Новгороде в это время правил 31-летний князь Св. *Александр Ярославич*, про которого уже тогда магистр меченосцев, Вельвен, видевшийся с ним, говорил: «Я прошел много стран и народов, но нигде не видал такого ни в царях царя, ни в князьях князя».

Точно на магометан в Святую Землю, с пением священных гимнов, с крестом впереди, вошли шведские крестоносцы на свои корабли летом 1240 г. Биргер рассчитывал прежде всего напасть на Ладогу, и оттуда обрушиться на Новгород. Остановившись в устье р. Ижоры, Биргер, не сомневаясь в победе, послал сказать Александру: «Выходи против меня, если можешь сопротивляться; я уже здесь и пленю твою Землю».

Получив этот надменный вызов и узнав об огромном воинстве пришельцев, Александр «разгорелся сердцем». Приказав собраться своей малочисленной дружине, он отправился в собор Св. Софии и горячо молился перед алтарем: «Боже хвальный, Боже праведный, Боже великий и крепкий, Боже превечный! сотворивший небо и землю и поставивший пределы языкам, и жити повелевый, не преступая в чужия части ... И ныне, Владыко прещедрый! слыши словеса гордого варвара сего, похваляющася разорити Святую Веру Православную и пролити хоца кровь христианскую. Призри с небес и виждь, и посети нас, винограда своего, и суди обидящих мя, и возбрани борющихся со мною, и приими оружие и щит и стани в помощь мне, да не рекут врази наши, где есть Бог их? Ты еси Бог наш, и на Тя уповаем». Получив благословение епископа Спиридона, Александр, выйдя к дружине и народу, объявил: «Братья! Не в силе Бог, а в правде! Вспомним слова псалмопевца: «сии во оружии, и сии на конях, мы же во имя Господа Бога нашего призовем ... Не убоимся множества ратные, яко с нами Бог». Слова эти вызвали необычайное воодушевление. Александр решил, что только быстротой и внезапностью можно победить огромное вражеское воинство. Когда утром 15 июля 1240 г. – годовщина кончины Св. кн. Владимира – Александр подходил к берегам Невы, то старшина языческого финского племени Ижоры, ревностный христианин Пелгусий, следивший за крестоносцами, дал ему нужные о них сведения. Он же поведал князю о чудном видении, которое он имел. «Всю ночь провел я без сна на берегу, наблюдая за врагами. На восходе солнца услышал я на воде сильный шум и увидел один насад (ладью) с гребцами. Посреди насада стояли в алых одеждах, положивши на рамена друг друга руки, Святые мученики Борис и Глеб, а гребцы, сидевшие в насаде, были «яко мглою одеяны». И сказал Борис: «Брат Глеб! вели грести, да поможем сроднику нашему, великому князю Александру Ярославичу». Увидя дивное видение и услышав Святых мучеников, я стоял в трепете и ужасе, пока видение не исчезло из вида». Обрадованный слышанным, Александр скрытно подошел к шведскому стану и, призвав помощь Всевышнего, смело ударил на врага.

Неожиданное нападение произвело неопишное смтение в шведском стане. Александру удалось достичь Биргера, которому, по словам летописи, он ударом копья «возложил печать на лицо его». Шведы были разбиты. Все герои битвы на Неве не дерзали – по свидетельству летописей – приписывать победы своим личным доблестям, но говорили, что за них и вместе с ними сражались Ангелы Божии.

Через два года Александру Невскому пришлось отбивать натиск Ордена крестоносцев. Папа неотложно требовал от ливонских рыцарей распространения их власти над русскими. Юрьевский, тогда уже Дерптский, католический епископ Герман стал первый созывать ополчение. Немцы без объявления войны вторглись в псковские пределы, затем и в новгородские. Новгородцы обратились тогда к кн. Александру, занятому в это время сооружением в Переяславле Залесском монастыря во имя Священномученика Александра. Мужественный князь прибыл немедленно к Святой Софии. В 1242 г. освободил он занятый рыцарями Псков. Рыцари стали собирать огромное ополчение, решив навсегда покончить с Александром. Последний, горячо помолившись во Пскове в Троицком соборе, выступил в дальнейший поход. Морозы еще держались. Александр считал выгодным ждать врагов на Чудском озере, где лед был еще крепок. Когда противник подошел, Александр, воздев руки к небу, громко произнес: «Помоги мне, Господи, как некогда моему прадеду Ярославу против Святополка Окаянного». «О, дорогой и честный наш княже! Пришло время. Мы все положим за тебя свои головы!» – восторженно воскликнула мать. Рыцари в броне двинулись в особом клинообразном порядке, носившем название «свиный» (острой колонны). Они врезались в наши ряды, но Александр обогнал их с тыла и, после «злой» сечи победил. Ледовое побоище имело место 5 апреля 1242 г. Надолго остановились вооруженные нападения шведов и рыцарей, направлявшихся папой. Последний тогда решил предложить Св. Александру Невскому познакомиться лучше с католической верой. Благоверный князь в 1248 г. ответил папе Иннокентию IV через присланных в Новгород легатов, что он знает хорошо историю

веры и Церкви с самого начала, «но от вас учения не принимаем».

В 1266 г. пришел во Псков, из-за усобиц на родине, литовский князь *Довмонт*, во крещении *Тимофей*. Сделавшись псковским князем, он прославился защитой земель от литовцев и ливонских рыцарей, которые снова принялись за распространение латинства вооруженною силою. В год своей кончины – 1299 – он снова отразил рыцарей. В часы опасности и кровопролития на войне Благ. кн. *Довмонт-Тимофей* обыкновенно говорил: «Добрые мужи Псковичи! Кто из вас стар, тот мне отец, кто молод, тот брат. Помните отечество и Церковь Божию ... Потянем за Св. Троицу и за свое отечество». Несмотря на подвиги Святых князей Александра и Довмонта, владычество Ордена укрепилось на Балтийском поморье. Ливы, латыши и чудь были обращены в католичество, и слабые зачатки Православия среди них были вытеснены из края.

В Швеции позднее снова появлялись папские буллы, подвигавшие шведов к религиозной борьбе с Русью. В 1347 г. шведский король *Магнус*, в намерении загладить свою распутную жизнь, с благословения папы, явился с сильным войском в новгородских пределах и послал сказать: «Пришлите умных людей для прения о вере; узнаем, чья вера лучше, и лучшая будет принята всеми, иначе мой меч научит всему». Новгородский архиеп. Василий ответил ему: «Мы приняли веру от греков, и потому, если король хочет узнать, чья вера лучше, пусть пошлет послов к патриарху; если же он имеет другое дело до нас, – обиду, пусть объяснит ее послам». Магнус ответил дальнейшим вторжением в русскую землю, заявив, что он намерен обратить русских к своей вере волею или неволею. Орешек сдался королю, и он поспешил перекрестить половину жителей. Но вскоре Магнус был разбит на-голову (Архиеп. Филарет). Пострадали Корельская и Ижорская земли. По его уходе завоеванные места отложились от Швеции, а жители возвратились к Православию.

Деятельность католичества на Юго-Западе России

Монах Плано-Карпини, отправленный папой Иннокентием IV к великому хану с дружелюбными письмами, будучи в 1246 г. во Владимире-Волынском, убеждал кн. Василько Романовича, от имени папы, перейти в латинство. Василько с епископами отвечали, что они без кн. Даниила Романовича, бывшего в Орде, этого решить не могут. Даниил тяжело пережил свое пребывание в Орде. Не мог он забыть «злой чести татарской» – всех унижений, вытерпленных им там. Он решил искать сближения с Западом, чтобы иметь союзников в борьбе с монголами. Помышляя о крестовом походе против татар, Даниил вступил в сношения с папой. Возник вопрос о переходе земли его в католичество. Даниил настаивал на созыве Вселенского Собора для примирения Православия и латинства. Папа писал к Даниилу, что принимает его и царство под покровительство Св. Ап. Петра и свое. Тогда же он послал к нему проповедников доминиканцев. Спустя три месяца, папа дозволил Даниилу отнимать земли у королей, не исповедающих римской веры. В тот же день, отдельной буллой на имя Даниила, папа разрешал совершать литургию на квасном хлебе и соблюдать обычаи, непринятые латинской церковью. Новую буллой он уполномачивал прусского архиепископа привести в соединение с римской церковью «возлюбленного сына – русского короля». Но из этой же буллы видно было, что папа не верил искренности Даниила. В этом он не ошибался. В 1253 г. Даниил убедился в том, что на Западе прошло увлечение крестовыми походами и что никто не отзовется на призыв папы сражаться с татарами. Уступки папы он понимал как стремление переманить его с подданными в латинство. Иннокентий IV, убедившись в колебаниях Даниила, решил прельстить его королевским венцом. Но тот ответил ему: «Рать татарская не перестает; как я могу принять венец, прежде чем ты подашь мне помощь?» Посредничество короля венгерского утишило эту ссору.

В 1254 г. папа прислал Даниилу венец с другими царскими украшениями. Даниил и тогда колебался, но был убежден матерью и князьями польскими. Последние говорили ему: «Прими только венец, а мы уже будем помогать тебе на поганных». Даниил потребовал тогда, чтобы Иннокентий принял действительные меры для обороны христиан от татар и до всеобщего собора, не осуждал догматов греческой Церкви. Папа проклял тех, которые хулили православную греческую веру и обещал созвать собор для рассуждения о соединении церквей. Даниил признал папу своим отцом и наместником Св. Петра, коего властью посол Иннокентиев, аббат мессинский, в присутствии народа и бояр возложил в 1255 г. венец на его главу. Этот обряд совершен был в Дрогичине, и князь Галицкий с того времени именовался королем. Папа написал грамоты к христианам богемским, моравским, польским, сербским и др., чтобы они вместе с галичанами, под знаменем *креста*, ударили на монголов. Ничего из этого ополчения не вышло по общему равнодушию и из за междоусобий христианских государей. Тогда Даниил снял с себя личину, отрекся от связи с Римом и презрел гнев нового папы Александра IV, который в 1257 г. писал к нему, что «он забыл духовные и временные благоденствия церкви, венчавшей и помазавшей его на царство; не исполнил своих обетов и погибнет, если с новым раскаянием не обратится на путь истинный; что клятва церковная и булат мирский готовы наказать неблагодарного». Даниил строгим соблюдением уставов православной Церкви доказал, что присоединение его к латинству было одной государственной хитростью. Король Даниил Романович строил и украшал православные церкви, чтит православные святыни. Скончался кн. *Даниил* Галицкий, как отмечает Соловьев, между 1264–66 годами, и был погребен в, выстроенной им в Холме, церкви Пресвятой Богородицы.

Верными Православию оставались князья дети и внуки Даниила и брата его Василько. Но около 1336 г. угас в мужской линии род Галицко-Волинских князей, потомков Мстислава II Изяславича. Две галицких княжны были замужем – одна за литовским князем Любартом Гедиминовичем, сыном русской княжны Еввы, другая за мазовецким князем Тройденом. Любарт,

по жене получил Волынь, сын Тройдена, Юрий, Галич. Любарт был верен Православию. Юрий был воспитан матерью в Православии. Но потом, по наущению польского короля, он отпал в католичество. Сделавшись галицким князем, Юрий II – Болеслав, по наущению папы и поляков, теснил православных и вообще все русское. В 1340 г. он был отравлен галицкими боярами. Мстителем за Юрия выступил свояк его, ярый латинянин, король польский Казимир Великий. Папа, усердно помогая ему, уступил на карательный поход часть десятины, которая собиралась в Польше в пользу пап. В 1340 г. Казимир вторгся в Галицию, замышляя подчинить всю страну римской церкви. Им заняты были Львов, Перемышль и др. города. На время Любарту удалось вытеснить поляков. Но затем Казимир уже прочно завладел Галицией. Любарт отстоял Волынь, как ни силился папа помочь полякам, призывая к крестовому походу на русских, обещая участникам его отпущение грехов. Одно время Галицией правил потомок Пяста, польский князь Владислав Опольский. Покидая позднее Галицию, он увез древнюю чудотворную икону Божией Матери, которая по преданию принесена была из Византии еще при Св. кн. Владимире. Эту икону он поставил в Ченстохове, где ее до сих пор, как свою, особенно почитают католики. Папа учредил в 1375 г. для Галиции, входившей в состав Польши и юга России, латинские епископства, с тем чтобы православные, именовавшиеся «схизматиками», обращались в латинство. Кроме галичского, епископы были только титулярными. Особым рвением отличались монахи доминиканцы. В 1381 г. учреждена была там, под заведыванием доминикан, *инквизиция*.

Православие и католичество в Литве

Литовцы, особый народ в индоевропейском семействе народов, ближайший между другими народами семейства к нашему славянскому, жил по южному и восточному берегам Балтийского моря в нынешней северо-восточной Пруссии (начиная на западе от реки Вислы) и в будущих русских губерниях курляндской, частью лифляндской, а потом внутрь от моря – в губерниях ковенской и частью виленской, сувалкской, минской и гродненской. (Голубинский). Главными племенами были: собственно Литва, Жмудь, Пруссy, Ятвяги⁵). Литовцы отстали от славян в росте своего общественного быта и государственности. Еще более отстали они на пути к вере христианской. Литовцы обожествляли солнце, луну, звезды; главным богом почитали Перкуна, бога грома. Были у них священные рощи, в которых горел огонь или «Зничь», почитаемый и в домах. Почитали некоторых птиц, особенно аистов, даже ужей. Были у них идолы и капища, жрецы-гадатели, называвшиеся «вайделотами». Происходили у литовцев столкновения с русскими. Св. Владимир и Ярослав ходили войной на ятвягов (в б. Гродненской губ.). На границе Литвы Ярослав построил Новгород (Новгородок), в посл. названный Новогрудком. Особенную силу в Литве приобрели князья Роман Мстиславич и сыновья его, Даниил и Василько.

Начало Литовскому государству положил около 1238 г. кн. *Миндовг*, современник Св. Александра Невского и Даниила Галицкого. Он захватил большую часть т. н. Черной Руси, племянники его утвердились с 1262 г. в Полоцке. Стольным городом его стал, выше упомянутый, Новгородок Литовский. Миндовгу пришлось вести упорную борьбу с рыцарскими орденами: ливонским (меченосцами) и тевтонским, обосновавшимся в земле пруссов. Папа, намереваясь крестить язычников литовцев, благословил эти ордена соединиться для борьбы с Литвой (ок. 1237 г.). Миндовг – хитрый, коварный и умный – постарался задобрить главу ордена меченосцев (магистра) и обещал креститься. Это он и выполнил в 1252 г. в

Новгородке, а затем папа прислал ему и королевскую корону, как христианскому государю. Но по настоящему он продолжал быть язычником. Когда немецкие рыцари довели угнетение Литвы и Жмуди до поголовного восстания народа в 1260 году, то Миндовг открыто отрекся от христианства, стал во главе восставших и нанес рыцарям жестокое поражение. Одного из рыцарей он принес в жертву богам, сжегши его на костре вместе с конем. Видя возрастающую силу Даниила Галицкого, Миндовг отправил к нему сына своего *Войшелка*, княжившего в Новгородке. Переговоры заключились тем, что дочь Миндовга, сестра Войшелка, после крещения ея, была выдана замуж за сына Даниила, Шварна, а другому сыну Даниила, Роману, Войшелк уступил княжество Новоградское, с оставлением его под верховной властью Миндовга. Вслед за этим произошла назидательная перемена с Войшелком. Русский летописец так повествовал о нем до этого: «Войшелк каждый день убивал по три и по четыре человека, в который день не убивал никого, то бывал печален и смутен, а как убьет кого, так и развеселится». Теперь этот язычник, проехав к кн. Датику в Холм, зажил там, полюбил русских, их веру, и принял крещение. Учителем его в святой вере был праведный игумен Полонинского монастыря *Григорий*. Внимая ему, Войшелк так сокрушался, что принял монашество, жил три года в Полонинском мон., пытался проехать на Афон, но вернулся, встретив препятствия в пути. Он основал монастырь в Лаврашеве на Немане, вблизи Новгородка. Миндовг гневался за все это на сына, сам же, гордый своими успехами, стал самоуправствовать над удельными князьями Литвы и Жмуди. Овдовев, он отобрал от князя Нальщанского Довмонта жену, сестру своей покойной супруги. Тогда Довмонт составил заговор с ближайшими родственниками Миндовга, и в 1263 г. последний был убит. Сын его, Войшелк, сбросив монашескую рясу, начал жестокую расправу с врагами отца. Триста семейств литовских бежало в Псков. В числе их был и Довмонт. Войшелк, воздав дань языческому обычаю мести, через три года снова облекся в рясу, и замаливал свои грехи в Угровецком Даниловском монастыре. Вместе с тем, защищая Литву, Войшелк заботился о

просвещении ее христианством. Для этого он вызвал священников из Пскова и Новгорода, знакомых с литовским языком. Позднее он вмешался в смуты русских князей и был убит в 1269 году.

В Литве воцарился Тройден, после кн. Шварна Даниловича правившего ею одно время. Жестокий язычник, он был врагом православной Руси и преследовал христиан. Три же брата его были православными и, по волынской летописи: «жили в любви, кротости и смирении, храня правую веру христианскую, пламенно любя веру и нищих». Сын Тройдена, Римонт, во крещении Лавр или Лаврентий, умер иноком Елисеем, в новоградском Лаврашевском мон. Язычниками были восстановители литовского государства, при них начавшего быть литовско-русским, *Витенс* (1293–1316) и *Гедимин* (1316–1339). Последний подчинил себе все русские княжества от Полоцка до Киева и подготовил присоединение Волыни. Границами его земель с востока были Смоленская и Черниговская, с юга Волынская губернии. Он управлял из города Троку, потом из Вильны, построенной им на р. Вилии, притоке Немана (Платонов).

Гедимин, будучи язычником, с уважением относился к Православию. Две последние его жены были православными. Из семи его сыновей четыре – Кориат-Михаил, Любарт-Димитрий, князь Волынский, Явнут – Иоанн, князь Заславский, Наримунд – Глеб – были православными. Дочь его, Анастасия, была женою вел. кн. московского Симеона Иоанновича, другая, Мария – тверского кн. Дмитрия Михайловича. Две другие были тоже православными.

Способнейший из сыновей Гедимины, *Ольгерд* (1341–1377), утвердился в Вильне и стал великим князем. Как он, так и дружественный ему брат, Кейстут, были язычниками. Ольгерд еще более увеличил государство за счет русских земель. Он присоединил Смоленскую и Северскую землю с Черниговом. Киев и Волынь были ему окончательно подчинены. На княжение в Киеве он поставил сына своего Владимира. Собственная коренная Литва к этому времени составляла меньшую часть Литовско-Русского государства. В главной части его – коренных

русских землях, – в которых искони жил русский народ, господствовали русский язык, грамота, образованность, православная вера и Церковь с храмами, епископами, прочим духовенством, под общею властью одного митрополита. Русское влияние было очень сильно в государстве. В Вильне сооружены были православные храмы, из которых древнейшим был имени Св. *Николая*.

Первой супругой Ольгерда была княжна Мария Витебская, православная; ей приписывается построение в Вильне древней церкви Св. Параскевы. «Ради жены», еще при жизни отца, Ольгерд крестился и дозволил построить в Витебске две православные церкви. Дети их были православные. Но, вступив на престол, он решил опереться на язычников и сам стал таковым.

Духовником Марии был священник Нестор. Он обратил в Православие, в числе других литовцев, двух знатных придворных, любимцев Ольгерда Кумеца и Нежило, родных братьев. Христианские их имена были Иоанн и Антоний. Они перестали приносить жертвы огню «Зничу» в капище Перкуна. Это озлобило языческих жрецов. Не было уже в живых кн. Марии. Ольгерд, считаясь со значением жрецов, велел бросить братьев в темницу. Год томились они там, но оставались твердыми в исповедании веры. Затем старший брат, Иоанн, поколебался и отрекся от христианства. Ольгерд освободил обоих братьев. Антоний продолжал утверждать верность христианству. Его вновь заточили и жестоко мучили. Смирненное спокойствие, с каким он переносил страдания, сила веры его возбудили такое удивление в народе, что толпы спешили к темнице повидать подвижника. Вернулась совесть к Иоанну. Он заявил Ольгерду: «Государь! Открыто сознаюсь, что я опять христианин – делай со мною, что хочешь, но более не изменю я святой вере». Его вернули в темницу. К их тюрьме началось еще большее паломничество, многие тайно принимали христианство. Испуганные жрецы решили покончить с ними. После сильных пыток братья были повешены на дубе, стоявшем на горе в конце города. 14 апр. 1347 г. умерщвлен был Антоний, 24 апр. Иоанн. Рассчитывая поколебать его, страдальца, мучили

дольше. Их родственник, Круглец, тоже придворный, пораженный верой мучеников, крестился с именем Евстафия, и мужественно исповедовал христианство. Он был подвергнут страшным мукам. В конце концов ему переломали ноги, отрезали нос и уши, содрали с головы кожу. 13 дек. его повесили. *На крови Св. муч. Иоанна, Антония и Евстафия созидалась православная церковь в Литве.*

В 1350 г. Ольгерд женился на княжне Иулиании Александровне Тверской. Благочестивая княгиня стала привлекать мужа к христианству. Ольгерд подарил христианам землю, на которой пострадали Святые и сам построил церковь Пресвятой Богородицы (Пречистенскую) в Вильне; там уже существовали храмы свят. Николая и Св. Троицы (у последней были погребены Святые), где потом создался известный монастырь. Он не препятствовал тому, что все 12 сыновей от Иулиании были православными. При конце жизни и он крестился. Перед самой кончиной духовник Иулиании, архим. Киево-Печерской обители Давид, постриг Ольгерда-Александра в схиму с именем Алексия. Погребен он был в Пречистенской церкви, воздвигнутой незадолго перед этим. Католическое влияние, хотя и проникало в Литву, но не могло осилить православного. Оно, к тому же, имело скверных представителей в лице рыцарей тевтонского и ливонского орденов, которые были ненавидимы в Литве за их жестокость. Половина жителей Вильны ко времени воцарения Ягайлы была православная.

Положение в Литовско-Русском государстве существенно изменилось при преемнике Ольгерда, его сыне *Ягайло-Иакове* (1377 – 1434), не мужественном, коварном, достигавшим власти всеми способами. Он велел удавить дядю своего, Кейстута, заключенного им в тюрьму; готовил ту же участь сыну последнего, Витовту, спасенному супругой Анной Святославной, дочерью князя Смоленского, сумевшей переодетым вывести его из заключения. Ягайло принял план польских панов и епископов о супружестве с молодой польской королевой Ядвигой, внучатой племянницей Казимира Великого. Прекратилась мужеская линия древнего королевского дома Пястов. Паны рассчитывали соединением корон Польши и Литвы в лице

Ягайло усилить Польшу. Латинское же духовенство надеялось окатоличить Литву, а затем и западную Россию. Ягайло легко согласился не только променять Православие на латинство, но перевести в католичество литовцев. Ядвига долго не соглашалась на этот брак, будучи обвенчанной с Вильгельмом, герцогом австрийским. Но ее убедили совершить богоугодное дело, ибо Ягайло тогда примет латинство и окатоличит Литву. В 1386 г. брак этот состоялся. Ягайло отрекся от православия и принял католичество с именем Владислава. Он, исполняя обещанное, прежде всего крестил в католическую веру язычников. Новые христиане получали от Ягайлы белые, суконные кафтаны. В Жмуди самоуправство ксендзов вызвало восстание народа, которое было жестоко подавлено. Затем начались стеснения православных. Литовцам католикам разрешалось вступать в брак только с теми русскими, которые переходили бы в латинство. Казнены были два литовец, занимавшие видные места, за отказ отречься от Православия. Издан был закон о предоставлении прав чиновной службы только католикам. Наибольшие насилия производились в Галиции. Унижались православные епископы и возвышались католические. В Перемышле передан был католикам православный собор. Но повсюду русский народ оставался верен Православию. Не отреклись от него братья и другие родственники Ягайло. Оставались православными: князя Андрей Кейстутович Полоцкий, Димитрий-Корыбут Ольгердович Брянский (оба участвовали в Куликовской битве), другие Ольгердовичи – Владимир Киевский, Скиригайло Трокский, двоюродный брат Ягайлы – Феодор Любартович Волынский.

Сын Кейстута, *Витовт*, став почти самостоятельным вел. князем литовским (1392–1430), хотя, из политических видов, и стал католиком, отличался терпимостью в отношении православных. Дочь его, София, была супругой сына Дмитрия Донского, вел. кн. Василия I. Большое число подданных Витовта были православные. Желая побольше оторвать их от Москвы, где пребывал православный митрополит, он старался добиться поставления константинопольским патриархом самостоятельного главы православной Церкви в Литве, что, как

мы увидим ниже, ему и удавалось. Держаться католичества заставляло Витовта желание получить королевскую корону от папы или от католического германского императора. Последний на это согласился, но дело это сорвали польские паны, опасавшиеся независимости Литвы. Преемник Витовта, *Свидригайло* († 1452), сын Ольгерда, был ревнителем Православия и выгнал многих католических духовных лиц из княжества. В это время католичество вырабатывало унию на Флорентийском соборе 1439 г.

Церковное управление

Архиепископ Макарий (Булгаков), говоря об иерархии во время татарского ига, пишет: «Прежде общим правилом было избирать и поставлять для России митрополитов в Греции и из Греков. Теперь допущено было избирать для России митрополитов то в Греции, то в России или Литве, из Греков и Русских или других Славян: по этому поводу появились в России и Литве искательства митрополитского сана и случалось, что когда в России избирался один митрополит и отправлялся в Грецию, там уже был избран и поставлен другой. Прежде вся Русская Церковь составляла одну митрополию. Со времени митрополита Ионы все русские митрополиты избирались только в России и Литве и из Русских, а иногда Литовцев. Теперь начался ряд попыток к разделению русской митрополии на две и даже на три, – попыток, которые по временам увенчивались успехом, хотя не надолго, и послужили новым поводом к искательствам митрополитской кафедры и к разным другим беспорядкам».

В самый год нашествия монголов на Русь – в 1237 г. – прибыл из Константинополя новый митрополит грек Иосиф. Неизвестно, что случилось с ним, когда в 1240 г. Киев был взят татарами. Он мог погибнуть под развалинами или удалиться в другое место и там скончаться. Не исключена возможность, что он вернулся в Грецию. Летописи, сообщив об его прибытии в Киев, затем ничего о нем не говорят. В момент нашествия монголов не было уже великого князя Киевского. Существовали два вел. князя, сидевшие на двух наискось противоположных окраинах государства – Владимирский и Галицкий. Почин в деле избрания нового митрополита взял на себя в 1242 г. кн. Даниил Галицкий. Выбор его остановился на *Кирилле*, повидимому, игумене одного из местных монастырей. В Никею, где пребывали тогда царь и патриарх, Кирилл смог попасть только значительно позднее. Поставленным патр. Мануилом II митрополитом, он вернулся не позднее 1249 г. До избрания его

на митрополичью кафедру, ее покушался самовольно занять угровский епископ Иоасаф, за что лишился и собственной.

Замечателен он тем, что управлял Церковью дольше всех своих предшественников и преемников. Если исчислять время со дня его избрания, когда он фактически вступил в управление, то он правил более 30 лет. Другой особенностью его было то, что он постоянно объезжал епархии митрополии и менее всего пребывал в Киеве. Со времени возвышения суздальско-владимирского великого княжения, Киев постепенно начал падать в политическом отношении. Сначала вел. князя его должны были уступить первенство Владимирским, затем снизошли на степень простых князей. Захваченный же в 1238 году Даниилом Галицким, Киев был присоединен к его великокняжению в качестве пригорода и получил в наместники боярина. Боярин Димитрий и защищал его в 1240 г. от татар. Последние, заняв Киев, разорили его совершенно, почти поголовно истребили жителей, и он сделался бедным, захудалым городом. Ему всегда грозила опасность от татарских отрядов, протянувшихся своими становищами и за Днепр, а также от литовцев, делавших набеги в киевскую землю. При этих условиях Киев не мог быть подходящим местом пребывания митрополита Кирилла. Большую часть своего времени м. Кирилл провел на севере, конечно посещая и Галич. На то, что он считал Владимир наиболее устойчивым местом своего страннического пребывания, показывает поставление им только в 1274 г. нового епископа во Владимир, на место убитого татарами в 1238 г. владыки Митрофана. Таковым был поставлен просвещенный еп. Св. *Серапион*.

Митр. Кирилл III управлял Церковью, когда над всею русской землей началось владычество татар⁶). Во время страшного опустошения, учиненного Батыем, гибли духовенство, храмы и монастыри. Когда взаимоотношения государственной власти с ханами установились, начали действовать законы монголов, признававшие веротерпимость. В 1261 г. м. Кириллом была учреждена епископская кафедра в Сарае, и поставлен владыка Митрофан. В 1279 г. м. Кирилл исходатайствовал у хана Менгу-Темира ярлык. Во время своих

разъездов м. Кириллу пришлось обнаруживать много беспорядков, как в церковном управлении, так и в жизни народа. Умножилось святокупство; в духовный чин поставлялись без должной разборчивости. Оставались в народе без исправления обычаи, противные христианству. Правила церковного благочиния были невразумительны и по языку и по недостатку толкования на них. Митрополит прежде всего достал у болгарского удельного владетеля (деспота) Иакова Святослава славянскую Кормчую с толкованием Иоанна Зонары. Список этот переведен был в Болгарии со списка, полученного от константинопольского патриарха. Список был получен в 1262 г. (по др. свед. в 1270 г.).

Намереваясь поставить архимандрита Печерского Св. Серапиона во епископы Владимирские, м. Кирилл призвал в 1274 г. во Владимир известнейших тогда архипастырей: Далмата новгородского, Св. Игнатия ростовского, Феогноста переяславского и Симеона полоцкого. Вместе с новым еп. Серапионом Владимирским состоялся Собор. «Какую пользу получили мы, пренебрегшие божественные правила?» – говорил Собор. «Не рассеял ли нас Бог по лицу всей земли? Не взяты ли были наши города? Не пали ли сильные наши от острия меча? Не отведены ли в плен дети наши? Не запустели ли святые церкви? Не томят ли нас каждый день безбожные и нечестивые люди? И все это постигло нас за то, что не храним мы правил св. отец наших». Собор постановил следующие правила благочиния: 1) ни за возведение на степень настоятеля, ни за поставление во священство отнюдь не требовать никаких уроков или даров, исключая семи гривен для клира кафедрального; 2) безчинных игр и поединков в праздничные дни не совершать, убитых на них не отпевать, а священников, которые осмелились бы совершить над ними обряды церкви, лишать сана. Собор указал рукополагать во священный сан только после тщательного испытания предположенных лиц; духовенство, впадавшее в зазорную жизнь, лишать сана. Собор указал на неправильность того, что в новгородских пределах диакона изымали божественный Агнец и прежде священников творили проскомисание. Исправлены

были погрешности в совершении таинства крещения. Собором был утвержден новый список церковных правил, выписанный из Болгарии.

В 1270 г. новгородцы сильно поссорились с вел. кн. Ярославом Ярославичем Тверским, и тот двинулся на них с большим войском. Враги стояли друг против друга и должно было последовать кровопролитие. Митрополит прислал новгородцам увещательную грамоту, в которой писал: «мне поручил Бог архиепископию в русской земле, вам (должно) слушать Бога и меня: крови не проливайте, а Ярослав отложить весь свой гнев на вас, – за это я вам ручаюсь; если вы и крест целовали (не принимать к себе князя), я разрешаю вас от крестоцелования и на себя беру епитимию и отвечаю за то перед Богом». Новгородцы помирились с князем.

Владыка Кирилл был верным другом и сподвижником Св. Вел. кн. Александра Невского. Он был во Владимире, когда в Городце на Волге умирал благоверный князь. Совершая в соборном храме литургию и молясь о благополучном возвращении Александра из Орды, Святитель внезапно поднял свой взор вверх и увидел, что перед ним, как живой, стоит Александр, но озаренный неземным сиянием, а затем тихо, как бы вознесясь на крыльях, скрылось из глаз митрополита «подобие образа блаженного великого князя *Александра*». Владыка понял, что не стало защитника и печальника за Родину. «Дети мои милые! Знайте, что зашло солнце Земли Русской» – проговорил он сквозь слезы с амвона и, когда народ недоумевал, объявил о кончине государя. 23 ноября он отпевал его во Владимире (1263 г.). Митр. *Кирилл* скончался 6 дек. 1281 г. в Переяславле Залесском, погребен же был в Киеве в кафедральном Софиевском соборе, оставив по себе память, как о выдающемся архипастыре.

Преемником его патриарх назначил грека *Максима*, прибывшего в Киев в 1283 г. По прибытии в Россию, он отправился в Орду. По возвращении оттуда созвал в Киеве в 1284 году собор всех русских епископов. Он тоже вел странническую жизнь, пока – в 1300 г. – навсегда не переселился во Владимир⁷). Это не понравилось вел. князьям

галицким. Внук Даниила, Юрий Львович, настоял перед патриархом о назначении отдельного митрополита галицкого. Таковым в 1303 г. был поставлен Нифонт. Митр. Максимом издана была грамота, содержащая предписание относительно поста среды и пятка и увещание к вступлению в супружество не иначе, как посредством законных церковных браковенчаний. В 1301 г. он присутствовал на соборе в Царьграде. Св. митр. Максим скончался 6 декабря 1305 г. во Владимире и погребен в Успенском соборе.

По кончине митр. Максима выдвинуты были в Константинополе два кандидата. Тогдашний вел. князь, Св. Михаил Ярославич Тверской, отправил к патриарху игумена Геронтия. Вел. кн. Галицкий – игумена Петра для поставления его в отдельные митрополиты галицкие. Митр. Нифонт, повидимому, умер одновременно с митр. Максимом. Патриарх Афанасий поставил Петра, при том митрополитом Киевским и всея Руси. Он полагал, очевидно, что что новый митрополит, выдвинутый Юрием, пребывая во Владимире, будет иметь и достаточное попечение о галицкой земле.

Св. митр. *Петр* родился неизвестно где в галицко-волынской области. Точно неизвестно и его происхождение. В житии Святителя, составленном еп. Прохором Ростовским, сконч. в 1347 г., написано, что он «родися от родителю крестьяну, отца Федора, матери же благоверные суща». Предполагается, что родители его были состоятельные и принадлежали к боярам или купцам. Родиной его были города Львов или Бельз, между которыми он построил свой монастырь. Будучи 12-летним, он поступил в монастырь. Обучился он там иконописанию и стал потом «иконник чуден». Позднее он основал на север от Львова Преображенский мон. на р. Рате, притоке зап. Буга, и был в нем игуменом. Когда Св. м. Максим был у него, он поднес ему в дар образ Богоматери собственной работы. Образ этот – Петровская икона Божией Матери – очень почитался на Руси и с древности считался чудотворным. Игумен Ратский был известен своей благочестивой жизнью. Был поставлен митрополитом летом 1308 г. В том же году святитель прибыл в Киев. Посетив Юрия Галицкого, он в 1309 г. прибыл во

Владимир. Он был сразу встречен враждебно вел. кн. Михаилом Тверским.

Вскоре патриарх получил жалобу на митрополита от еп. Андрея тверского (сына литовского князя Герденя, сановитого и мудрого), обвинявшего, видимо, Святителя в симонии. Патриарх прислал своего клирика для соборного исследования дела. Собор состоялся в 1310 или в начале 1311 г. в Переяславле-Залесском с участием двух епископов, многих клириков и значительного числа видных мирян. Велико было количество тверских бояр. Собор был бурный. Между светскими сторонниками тверского вел. кн. и митрополита (на его стороне были представители московского князя) дело едва не дошло до оружия. Св. Петр сказал: «Братие и чада! Я не лучше пророка Ионы; если ради меня великое смятение, изгоните меня, да утихнет молва». На Соборе обнаружилась полная правота Св. Петра. Святитель простил еп. Андрея, сказав ему: «Мир тебе, чадо, не ты сотворил это, а диавол». Еп. Андрей после этого еще пять лет оставался в Твери и затем по собственной воле удалился на покой. Тверские князья и позднее недоброжелательно относились к м. Петру, что еще более сближало его с московскими.

Ревностный архипастырь, Св. Петр совершал поездки по России с целью учения и исправления. Многие его архипастырские послания указывают, что в этих делах он проявлял почин и являлся нововводителем. Так, им установлено, во избежание соблазнов, чтобы вдовые священники, если желают сохранить священство, шли в монастыри. В других учительных посланиях он наставляет священников быть истинными пастырями, а не наемниками, а мирянам указывает их христианские обязанности. Видна настойчивость большая в проведении своих распоряжений. В первом его житии указывается, что он был пастырь очень учительный. В связи с этим, Голубинский приводит сказанное Святителем в одном из его посланий: «того ради, дети, писанием и неписанием понуждаю вас на дела благая, зане должен есмь всегда поминати и писати (вам) душеполезная и спасительная».

В 1313 г. Святитель предпринимал поездку в Орду к новому суровому хану Узбеку. Митрополит произвел на хана большое впечатление своею мудростью и был отпущен с большою честью. В выданном ему ярлыке расширялись прежние права митрополитов. Ему предоставлялось право судить принадлежащих ему людей во всем без изъятия. Святитель постарался пресечь в Орде намерения латинян и немцев, замышлявших иметь там католического епископа. При м. Петре появляется особый митрополит литовский. По просьбе вел. кн. литовского Гедимина патриархом Иоанном XIII Глика в 1316–17 г. поставлен был таковым Феофил. Во время управления м. Петра появился на Руси еретик некий Сеит. Видимо, это был или магометанин – духовный, принявший христианство, а потом впавший в ересь, или просто один из духовных магометан, вступивший в спор с митрополитом. Он был посрамлен. С 1324 г., на основании постановления патриаршего собора, киевская митрополия должна была вносить патриархии добровольную денежную помощь (называлась у нас «константинопольский выход»).

В Москве современником Св. Петра был сначала старший сын Св. Даниила Александровича, Юрий, ожесточенный враг вел. кн. тверского, Св. Михаила. Святитель был близок с братом его Иоанном, видясь с ним в Переяславле, где тот княжил. Приезжал он довольно часто в Москву, где правил Иоанн, после трагической смерти в Орде брата Юрия. В Москве Святитель имел свой двор сначала при церкви Иоанна Предтечи у Боровицких ворот, потом на месте будущей синодальной палаты. Прибыв в Москву незадолго до кончины, он пророчески говорил Иоанну: «если ты слушаешь меня, сын мой, то и сам прославишься более иных князей с родом твоим, и град твой будет славен между всеми городами русскими, и святители проживут в нем, и кости мои здесь положены будут». Сближало его с ним его благочестие, а также понимание исторического значения московских князей, которым надлежало, как он провидел, быть создателями единого государства и освободителями Руси от татарского ига. Предсказание это стало исполняться еще при Иоанне Калите, через два года после

смерти м. Петра получившего ярлык на великокняжение. Митр. Петр завещал похоронить себя в Москве. В авг. 1326 г. заложен был *Успенский* собор и началось спешное сооружение его. Святитель приготовил для себя каменный гроб и поставил его в отделении для жертвенника у внешней стены. Предупрежденный ангелом о кончине, Святитель роздал свое имение нищим, священникам, монахам, монахиням, церковникам и домочадцам. Преставился Св. митр. *Петр* 21 дек. 1326 г. Церковь не была еще окончена строением, но Святителя погребли в ней. Освящена она была в 1328 г. Чудеса при мощах Святителя начали твориться с самой минуты его погребения. Прославлен он был после получения митр. Феогностом в 1339 г. разъяснения от патриарха Иоанна XIV.

Константинопольский патриарх преемником Св. Петра поставил Святителя *Феогноста*. В мае 1328 г. новый митрополит, уроженец Константинополя, прибыл в Россию, посетив прежде всего волынскую землю. Из перечня епископов, участвовавших тогда, вместе с ним, в хиротонии епископов владими́ро-во́лынского и галицкого видно, что митрополия литовская к этому времени была уже упразднена. Все наличные епископы галицко-во́лынской Руси участвовали в поставлении. В том же году м. Феогност прибыл в Москву, где Иоанн Данилович Калита только что перед этим получил ярлык на великокняжение. В Москве он и поселился окончательно, придав этим важное значение княжеству, становившемуся средоточием русской Земли. Во все время своего правления он был полным единомышленником, как Калиты, так и сына его, вел. кн. Симеона Гордого. Когда тверской князь Александр Михайлович навлек гнев хана Узбека за восстание против посла его, Щелкана, и бежал во Псков, отчего грозила опасность татарского нашествия, м. Феогност наложил в 1328 г. на Псков отлучение, выполняя просьбу Калиты. Александр бежал тогда в Литву. Тотчас по прибытии м. Феогноста в Москву началось строение там каменных церквей. Именно тогда были воздвигнуты церкви: Св. Спаса (придворный собор Спаса на Бору) и архангела Михаила (Архангельский собор). При нем, в 1339 г., с благословения патриарха, состоялось причисление

Святителя Петра к лику святых. Эта канонизация, наряду с церковным значением, привлекала к Св. мощам новоявленного святого народ всей северной Руси.

Много забот доставляли м. Феогносту церковные дела в юго- и северо-западной Руси, где Польша и Литва, поделившие исконные русские земли, старались иметь там отдельных митрополитов, не связанных с Москвой. Митр. Феогносту пришлось добиваться в Константинополе упразднения открывавшихся патриархом периодически галицких митрополий. Патриархи, правда, с неохотой шли на разделение русской митрополии, но иногда уступали. В 1347 г. патриарх упразднил галицкую митрополию. Патриаршая грамота о сем заключала, наряду с соборным постановлением, и царскую золотую буллу. Приводим выдержку из грамоты:

«Что для мореходцев спокойное море и попутно дующий ветер; то самое для политических дел хорошие законы, мир и единомыслие ... Беспорядок есть величайшая из опасностей в жизни; его свойство превращать все вверх дном и смешивать вместе дела божественные и человеческие. В этом всяк может убедиться из следующего. Народ русский, долгое уже время, в течение почти четырех сот лет, признавая одного митрополита, всегда управлявшего митрополией киевской, наслаждался глубоким миром, и если что, по нужде, иногда отвергал или изменял, то сам же и воссозидал и легко исправлял. Но по допущению Божию, за множество грехов бывшее незадолго пред сим время нестроение ниспровергло это состояние русского народа и привело в такое замешательство, что едва не возбудило браней и междоусобной войны...» Ознакомившись с положением в России, Священный Собор признал за благо издать золотую буллу, которая читается так: «святейшия епископии, находящиеся в стране малой России названной Волинью, как то: галицкая, володимирская, холмская, перемышльская, луцкая и туровская, с того самого времени, как народ русский, по благодати Христовой, познал Бога, входили в состав митрополии киевской, которой ныне управляет законно святейший митрополит препочтенный и экзарх всея России, Кир Феогност, равно как и святейшия епископии великой России.»

Отмечалось далее состоявшееся ранее, из за нестроений в Константинополе, «нововведение» – отделение от святейшей митрополии киевской помянутых епископий малой России, с подчинением их власти архиерея галицкого, с рукоположением его в митрополита. Отвергнув прежнее постановление касательно Галиции, патриарх и собор определили: «Посему имеют опять подчиняться киевской митрополии упомянутые святейшия епископии, и это постановление, как древнее и справедливое, и совершенно основательное, и направленное к пользе столь многочисленного народа, и поистине необходимое для его мира и единомыслия, будет принято без перемены и святейшими патриархами после нас. И не только нынешний святейший митрополит киевский, препочтенный и экзарх всея России, возлюбленный брат в Св. Духе нашей мерности и сослужителя, но и после него святейшие архипастыри той Церкви будут исполнять постановление сие в означенных епископиях безпрекословно, как предоставлено им канонами». Патриарх и Константинопольский Собор отвергли в 1354 г. Феодорита, которого болгарский терновский Патриарх незаконно посвятил в митрополита юга России.

О тех неприятностях, которые имел м. Феогност в Орде, когда от него потребовали дани, говорилось выше. Относительно м. Феогноста имеются свидетельства современного ему греческого историка Никифора Григора. Он говорит, что святитель еще юношей приобрел знание божественных канонов и был украшением Царьграда. Русские летописи называют его великим наставником. Великой заслугой м. Феогноста было и то, что он озаботился оставить по себе достойнейшего преемника и, будучи греком, выдвинул русского, постриженника московского Богоявленского мон. Алексия. Митрополит Феогност скончался 11 марта 1353 г. от моровой язвы, жертвой которой были вел. кн. Симеон Гордый и его сыновья. Погребен он был 14 марта (в каковой день и празднуется его память), в приделе Успенского собора – церкви Св. Петра (поклонение честным его веригам), им ранее воздвигнутой.

Преемником Святителя Феогноста был Св. митр. *Алексий*. Происходил он из знатного боярского рода Бяконтов. Отец его Феодор был черниговским боярином, покинувшим разоренную татарами родину. Он приехал в Москву на службу к Св. кн. Даниилу и занимал видное положение. Сын его Симеон-Елевферий род. в Москве между 1293–98 годами. Крестным отцом его был Иоанн Калита. В юности он приобрел возможно хорошую по тому времени грамотность. На 20–21 году он принял постриг в московском Богоявленском мон. с именем Алексия. Подвизаясь в добродетели, обладая блестящими способностями, он был предназначен митрополитом и вел. кн. Иоанном Калитой к замещению в будущем Святителя Феогноста. В 1340 г. Св. Алексий был назначен митрополичьим наместником и 12 лет оставался в этой должности. В 1350 г. м. Феогност заболел и тогда он и вел. князь обратились к патриарху с просьбой поставить митрополитом лицо, которое будет прислано из Москвы. На это последовало согласие. В 1352 г. – за три месяца до своей смерти – м. Феогност поставил Алексия в епископы владимирские т. е. в свои митрополичьи викарии.

Летом 1353 г. еп. Алексий отправился в Константинополь для поставления в митрополиты. Он прожил там на испытании в продолжение целого года. Император и патриарх не с охотой согласились на поставление митрополитом русского и испытывали его, в частности, в отношении подчинения патриарху. В июне 1354 г. он был возведен патр. Филофеем в митрополиты киевские и всея России. В соборном постановлении сказано, что м. Алексий должен являться к патриарху каждые два года. Этим подчеркивалось желание патриарха иметь постоянные доказательства его подчинения. В крайности ему разрешалось присылать на собор одного из своих клириков. Известно, что м. Алексий, за время своего 24-летнего пребывания на кафедре, был потом в Константинополе один раз. Новому митрополиту пришлось в Константинополе добиваться принятия патриархом мер против Феодорита, продолжавшего, несмотря на патриаршее распоряжение, править в Киеве. С этим званием он обосновался в Киеве.

Феодорит вновь был признан патриархом незаконным. Вместе с тем соборным определением патриарха утверждалось переселение митрополитов всея России из Киева во Владимир. Грамата патриарха 1354 г. начиналась так: «Святейшая митрополия российская в числе прочих городов и областей, принадлежащих к ея округу, имела и находящийся в малой России город, именуемый Киевом, в котором издревле была кафолическая Церковь митрополии. Известно, что и архиереи российские имели в нем свое пребывание. Но, по смутам и тревогам настоящего времени и страшным нападениям соседственных Аламанов, он разорен и подвергся бедственному состоянию...». Отмечалось, вызванное этим, переселение в «епископию владимирскую» митр. Феогноста и прежде него других двух митрополитов, продолжавших считаться киевскими, оказывая этим Киеву предпочтение. Патриарх повелел митрополиту Алексию пребывать во Владимире и иметь сей город «своею кафедрою неотъемлемо и неизменно навсегда». «Но», говорилось далее, «пусть и Киев числится собственным их престолом и первою кафедрою архиерея, если останется целым».

Митрополиту Алексию пришлось испытать и другое огорчение. По просьбе вел. кн. литовского Ольгерда патриарх поставил митрополитом Романа, человека знатного, родственника второй жены Ольгерда, Юлиании Тверской. Его управлению поручалась Литва и Волынь. Роман изъявил притязания и на Киев. С большим трудом, расходуя большие деньги, м. Алексию удалось отстоять Киев. Кафедрой Романа был Новгородок, откуда он делал попытки распространить свою власть на Киев, Брянскую епархию и даже посылал распоряжения в Тверь, пользуясь тем, что тамошний князь, Михаил Александрович, был родственник и союзник Ольгерда. Митр. Алексию только осенью 1355 г. вернувшись в Россию, пришлось в 1356 г. по этому делу снова ездить в Константинополь. Там он снова отстоял свои права на Киев, несмотря на то, что и Роман к этому времени прибыл в Царьград. По наущению Романа Ольгерд напал и предал разграблению г. Алексин, принадлежавший, как вотчина,

московской кафедре. Пришлось м. Алексию отправлять в 1357 г. к патриарху послов с жалобой на Романа. Патриарх решил отправить в Россию своих «апокрисиариев» для исследования дела на месте. Сам м. Алексий зимой 1358 г. предпринял путешествие в Киев для закрепления там своего положения; там он пробыл два года. В грамотах цареградского собора 1380 г. отмечалось, что митр. Алексий по пути был схвачен Ольгердом, заключен под стражу, но тайно бежал. Патриархии следователи прибыли в 1361 г. Дело это не было окончено, когда в том же году умер Роман. Митр. Алексию удалось добиться воссоединения литовско-галицкой митрополии с его митрополией.

В 1371 г. король польский Казимир, владевший Галицией и частью Волыни, просил патр. Филофея посвятить отправленного к нему еп. *Антония* в митрополиты галичские. При этом он писал ему: «если не будет милости Божией и вашего благословения сему человеку, не сетуйте на нас после, если придет печальная нужда крестить русских в веру латинов, т. к. нет митрополита в России, (малой), а земля не может быть без закона». Патриарший собор постановил возвести Антония в митрополиты галичские и подчинить ему епископии: холмскую, туровскую, перемышльскую и владимирскую (на Волыни). Извещая м. Алексия, патриарх писал ему: «что же мы должны были тут делать? Тебя призываем в судьи, что ты сам скажешь? Другое дело, если бы государь земли был православный и нашей веры, тогда мы, может быть, и подождали бы... Он намерен был немедленно поставить митрополита литовского, как говорил, и крестить руссов в латинскую веру. – Посуди сам, хорошо ли было бы, если бы так случилось? Благодарю еще Бога, что он, прежде чем сделал сие, послал к нам и требовал митрополита... Мы дали ему Галич, чтобы быть митрополией, епископии же – Владимир, Перемышль, Холм, что все под властью короля польского. Больше того мы ему не дали ни Луцка, ни чего другого». Ольгерд, в свою очередь, в то же время просил поставить отдельного митрополита не только для Литвы, но и для всей той Руси, которая, по его представлению, была враждебна Москве (он упоминал Тверь, Нижний

Новгород). В этом патриарх ему отказал. Но, после смерти Антония, в 1376 г. патриарх посвятил в митрополиты *Киприана*, с тем условием, чтобы он, по смерти Алексия, остался митрополитом всей России. Еще при жизни м. Алексия, м. Киприан появился в Москве. Вел. кн. Димитрий Донской заявил ему, что не имеет нужды в новом митрополите, когда жив святитель Алексий. Предъявлял он права на Новгород, но оттуда ему ответили: «Посылай к вел. князю в Москву, и если он примет тебя митрополитом на Русь, то и нам будешь митрополитом». Киприан остался в Киеве. В России тогда были два митрополита: Алексий и Киприан.

Сохранились учительные послания Св. Алексия к пастве при занятии им митрополичьей кафедры и послания отправленные им в отдельные епархии. Видимо, в бытность Святителя в Константинополе, где он в первый раз пробыл долго, им сделан перевод или сличение одной из существующих редакций перевода Евангелия с греческим подлинником. Текст этого Евангелия, по преданию, переписан по славянски самим Святителем и отличается буквальной близостью к греческому подлиннику.

При м. Алексии совершена была канонизация им литовских мучеников Антония, Евстафия и Иоанна. Выше указывалось на чудесное исцеление Св. Алексием ханши Тайдулы. Митр. Алексий украсил Москву монастырями. В 1365 г. им воздвигнут Чудов мон. посвященный празднованию чуда Архангела Михаила в Хонех (6 сент.), быв предназначен быть его усыпальницей и домовым митрополичьим монастырем. Поставлен он на месте, на котором стояла ханская конюшня, и подарен м. Алексию Джанибеком. Спасский Андроников м. построен Святителем вследствие особого побуждения. Возвращаясь в 1355 г. из своего первого путешествия в Константинополь, он был застигнут бурей в Черном море и дал обет построить обитель в честь святого или праздника того дня, в который благополучно достигнет берега. Это произошло 16 августа в день перенесения Нерукотворенного образа из Едессы в Царьград. Близ Москвы на берегу р. Яузы он воздвиг монастырь. Для заведывания строением и устройством обители

Святитель испросил у Пр. Сергия его ученика, Пр. Андроника, от которого обитель и получила название. Монастырь во имя Пр. Алексия человека Божия – первый женский монастырь в Москве – был построен Святителем, по преданию, для двух его сестер. Митр. Алексей благословил также создание Симонова мон., построенного племянником Пр. Сергия, Св. Феодором. Столько же обителей создал митр. Алексей и вне Москвы. Святитель, вместе с Пр. Сергием, с которым он был очень близок, были преобразователями в России монашеской жизни.

Митр. Алексей занимал исключительное положение в государственной жизни России в XIV веке. Он начал выдвигаться при Иоанне Калите, его глубоко почитал сын последнего Симеон Гордый, который завещал братьям: «Слушали бы есте отца нашего владыки Алексия». При преемнике его и брате, Иоанне, кротком, малодеятельном Святитель принимал большое участие в управлении государством. При вступившем же на престол 9-летнем Димитрии Иоанновиче, он ряд лет был правителем государства, воспитав будущего героя Донского в искреннем благочестии и в понимании своего государева долга. В 1360 г. ярлык на великое княжение получил «не по отчине и не дедине» младший суздальский князь Димитрий Константинович. Московским боярам, при сильной поддержке митр. Алексия, почитавшегося в Орде, переживавшей в то время смуты, удалось получить ярлык на великое княжение на имя Димитрия Иоанновича. С этого – 1362 г. – началось наследственное и никем неоспариваемое сидение московских князей на великокняжеском престоле. В том же году престол окончательно перенесен был из Владимира в Москву. Митр. Алексей благословил юного князя и на брак с дочерью недавнего соперника, Димитрия Суздальского, Евдокией, впоследствии с именем *Евфросинии* причисленной к лику святых. Митр. Алексей твердо поддерживал вел. кн. Димитрия в его спорах с тверским князем Михаилом Александровичем и подверг последнего церковному запрещению за наведение войска Ольгерда на Москву. Церковное запрещение было наложено на Нижний Новгород, посланным туда м. Алексием Пр. Сергием,

когда тамошний князь Борис не желал мириться с братом своим, Димитрием Суздальским. Мир после закрытия церквей в городе наступил.

Святитель митрополит Петр дал свое благословение нарождавшейся Москве.

Святитель митрополит Алексей подвел твердую основу под московское государство, создавшее великое царство, и должен почитаться одним из главных создателей такового.

Митр. Алексей скончался 12 февраля 1378 г., имея 80, а возможно и больше лет. Через два года после его кончины, питомец его, вел. кн. Димитрий, отважился на открытую борьбу с татарами, разбив в 1380 г. хана Мамаю на Куликовском поле и заслужив именование Донского. Погребен он был в Чудовом мон. В 1431 г. были обретены его мощи. В конце 1448 – нач. 1449 г., при Св. митр. Ионе установлено было празднование его памяти.

После кончины Св. Алексея наступили большие замешательства в отношении занятия митрополичьей кафедры. Сам Святитель желал видеть своим преемником Пр. Сергия, но тот решительно отказался. Вел. князь Димитрий указал тогда на своего любимого духовника *Михаила*, называвшегося Митяем. Это был священник видной наружности, с громкой и чистой речью, прекрасный певец, образованный, назидательный в беседах духовных и мирских, но любивший власть. О нем, как кандидате, и пошло представление в Константинополь еще при жизни м. Алексея. Сам же Михаил, по настоянию Димитрия, согласился принять постриг за два года до кончины м. Алексея и был поставлен архимандритом Спасского придворного мон. Но кончины Святителя ожидал в Киеве м. Киприан. Получив известие о ней, он прибыл в июне 1378 г. в Москву, сумев даже миновать кордоны, которые, в ожидании его приезда, были расставлены вел. князем. В Москве он был схвачен, посажен в заключение и с безчестием выслен. К этому времени относится его письмо к Пр. Сергию, в котором он жалуется на все перенесенное. Тогда же в Москву пришла грамота патриарха Макария, в которой отрицались права Киприана на Москву, вручалась Церковь «Великой России» архимандриту Михаилу и

предлагалось последнему прибыть в Константинополь для посвящения.

К этому времени Михаил, тотчас после смерти м. Алексия, возведен был вел. князем, в согласии с боярами, очень почитавшими Митяя, на двор митрополичий. Почти полтора года пробыл Михаил в качестве нареченного митрополита. У него возникала даже мысль, чтобы поставление его совершенно было русскими епископами в Москве, на что соглашался и вел. князь. Но против этого решительно восстал еп. суздальский Дионисий и убедил Дмитрия. Очень резкое столкновение было между Дионисием и Михаилом. Духовенство не любило Михаила, который собирался навести большие порядки. Как указывалось выше, архим. Михаил оказал большую поддержку Св. Стефану в его миссионерской работе.

Архим. Михаил готовился к поездке в Константинополь. Туда же намеревался ехать еп. Дионисий, вызываемый патриархом, который слышал о нем много доброго. По просьбе Михаила вел. князь велел задержать Дионисия в Москве. Последнему удалось освободиться от надзора, дав обещания не ехать в Царьград. Поручителем за него был Пр. Сергей. Дионисий все же тайно выехал в Константинополь, заставив этим поспешить поездкой туда в июле 1379 г. Михаила. Вел. князь Дмитрий, отправляя Михаила, снабдил его неписанными хартиями или бланками, припечатанными великокняжескою печатью, в которые тот мог вносить от имени Дмитрия грамоты и заемные письма или векселя.

Когда, путешествуя по Черному морю, Михаил видел уже Константинополь, он внезапно заболел и скончался. Спутникам Михаила надлежало после его смерти вернуться в Москву, но они сделали иное. Видимо, по наущению ловких греков, желавших получить крупные суммы, которыми распоряжались приехавшие, использованы были неписанные хартии и заняты деньги у местных банкиров. Спутники Михаила, три архимандрита, после споров между собою, остановились на *Пимене*, архим. переяславского Горицкого мон. Его имя было вписано в одну пустую хартию, как прошение великого князя. Подложность этого ходатайства не могла не быть известной в

патриархии. Но туда потекли крупные средства. Пимен был поставлен митрополитом. Никоновская летопись указывает, что московскими послами не только была истрачена огромная привезенная казна, но очень большие суммы взяты были в долг у константинопольских банкиров (Голубинский).

Все это время в Константинополе находился (он пробыл там три с половиною года) еп. суздальский Дионисий. Он не был поставлен митрополитом, а возведен только в сан архиепископа. Вел. князь страшно разгневался, узнав о происшедшем в Константинополе, откуда не спешил уезжать Пимен. Не желая принимать последнего, Дмитрий пригласил на кафедру владыку Киприана, который прибыл в Москву весной 1381 г. Через полгода вернулся Пимен. Не доезжая Москвы, он и члены посольства были схвачены. Последних посадили «в железа». Пимен был сослан. Но вскоре Киприан впал в немилость за оставление Москвы во время нашествия и сожжения ее ханом Тохтамышем в 1382 г. Он был выслан, митрополитом же вел. князь признал Пимена, за которого не раз предстательствовал патриарх. Вслед затем вернувшийся архиеп. Дионисий подробно осведомил вел. князя о поведении Пимена в Константинополе. Дмитрий, низложив Пимена, послал в Константинополь Дионисия для поставления его митрополитом. Но, по пути, в Киеве Дионисий был захвачен кн. Владимиром Ольгердовичем и там 15 октября 1385 г. скончался. В Константинополе же, куда отправился Пимен и вызван был Киприан, решали, кому быть митрополитом в Москве. Дело это тянулось около трех лет. Только в 1389 г. патриарх Антоний и собор провозгласили окончательно Киприана митрополитом Киевским и всея России. Было подтверждено низложение и отлучение Пимена. Он до этого сумел ненадолго побывать в Москве и, на обратном пути в Константинополь, умер в сентябре 1389 г. в Халкидоне. 19 же мая 1389 г. скончался вел. кн. Дмитрий Донской. Вел. кн. Василий I Дмитриевич, наследовавший ему, согласился принять митрополита Киприана.

Митрополит *Киприан* принадлежал к знатному боярскому болгарскому семейству Цамблаков, и родиной его был стольный

город Болгарии Тернов. Был он иноком на Афоне, а затем состоял в клире патриарха, в качестве чиновника. В Москве первый раз он был еще при жизни Св. Алексия. По приглашению вел. кн. Василия он прибыл в Москву в начале марта 1390 г. и правил 17 лет. Он сделал новый славянский перевод книги законов церковных или Кормчей. Для этого ему пришлось поработать над древними уставами князей: Св. Владимира и Ярослава. Архиеп. Филарет пишет, что вел. князь и митр. Киприан нашли нужным составить новое приложение Номоканона к жизни русской и издали уставную грамоту о церковных судах и пошлинах. Во второй половине XIV в. константинопольский патриарх Филофей, с целью положить конец разнообразию, приготовил нарочитую редакцию служебника и как обязательную ввел ее в употребление в своей патриаршей церкви. Митр. Киприан перевел эту редакцию и ввел в употребление в России. В церквях наших сначала употреблялись различные греческие уставы, позднее же вошел в общее употребление во всех церквях монастырский устав Студийского мон. в редакции константинопольского патриарха Алексия. Но в патриархате константинопольском в течение первой половины XIII в. принят был в общее употребление монастырский иерусалимский устав Саввы Освященного. Этот устав, в славянском переводе, и ввел м. Киприан в употребление в России. Святитель перевел с греческого на славянский немало количество частных служб и молебных последований, которые частично составлял сам.

В правление м. Киприана перенесена была в 1395 г. из Владимира в Москву в Успенский собор чудотворная икона Владимирской Божией Матери во время нашествия Тамерлана. За два года до этого он торжественно крестил в Москве реке трех знатных татар. Оба эти события отмечены выше. При м. Киприане теряли уже значение ханские ярлыки. Сами вел. князья с тех пор стали определять гражданские права духовенства. Грамотой 1404 г. права эти были стеснены. Люди митрополичьи, по прежнему, освобождались от податей и повинностей и от суда княжеских судей, но с ограничениями. Некоторые повинности, в том числе и военную, они обязаны

были нести (на войну митрополит должен был ставить свой полк с воеводой под стяг вел. князя). Дела общия княжого и митрополичьего человека рассматривались судом митрополита и вел. князя. Митрополит не должен был ставить в попы и диаконы служилых и тяглых людей вел. князя. Это было главной причиной того, что на церковные места поступали преимущественно дети самого же духовенства. Митр. Киприан не сочувствовал непосредственному управлению селами монастырями, получавшими их в дар. В письме к игумену Афанасию он писал: «Если бы можно было, то вот как поступить: быть селу за монастырем, но с тем, чтобы чернецу никогда не быть в нем, а поручить его богобоязненному мирянину; он бы пусть заботился о всем, в монастырь же доставлял бы готовое рожью и другими вещами».

После занятия кафедры митрополии в Москве, м. Киприан дважды путешествовал в тогдашнюю литовскую Русь – в 1396 и 1404 гг., прожив оба раза по полтора года в Киеве, где дела вел митрополичий наместник. В его управление Церковью состоялся в 1386 г. брак Ягайло и Ядвиги. С Ягайло и Витовтом он был в хороших отношениях. Когда м. Киприан занял кафедру митрополии всей России, то он соединил в своем лице кафедры Москвы и литовской Руси. Но кафедра Галиции оставалась особой митрополией. Поставленный в 1371 г. в митрополиты Галицкие Антоний жил еще в 1390 г., когда м. Киприан пребывал в Москве, и умер или в конце 1391 или в начале 1392 г. После его смерти Галиция оставалась отдельной митрополией. Только часть Волыни, оказавшаяся в составе Литвы, была подчинена церковно м. Киприану. Из за неудачных кандидатов, представлявшихся патриарху, при м. Киприане в Галицию не был назначен митрополит, и она управлялась экзархом патриарха. История с м. Пименом ухудшила отношение к грекам, как Димитрия Донского, так и его сына, Василия I. В 1393 г. патриарх писал последнему: «за что пренебрегаешь ты меня – патриарха, и вовсе не воздаешь (мне) чести, которую воздавали предки твои, великие князья, – презираешь и меня и людей, которых я посылаю к вам, так что они совсем не имеют (у вас) чести и места, которые всегда имели люди

патриаршие?» Но такое отношение не помешало вел. князю, по просьбе м. Киприана, послать щедрую помощь в 1398 г. императору и патриарху, когда Константинополь очень потерпел от блокады его в 1395–6 гг. турецким султаном Баязидом. Помощь оказывалась грекам и ранее митрополитом Феогностом.

Митр. Киприаном написано было житие Св. м. Петра. Известно его послание (частично приведенное выше) к Пр. Афанасию, ученику Пр. Сергия, основателю Высотского Серпуховского мон. Любил м. Киприан заниматься собственноручным списыванием книг, собирал материал для русской летописи и писал историю по степеням вел. князей. Работал он, главным образом, то в тихом подмосковном с. Голенищеве, то во Владимирской волости на святом Озере. Он скончался 16 сент. 1406 г. За четыре дня до смерти он написал прощальную грамоту, в которой всем преподавал прощение и благословение и от всех взаимно просил того же и каковую приказал прочитать над своим гробом при отпевании. Погребен он был в Успенском соборе. Местное празднование установлено было после 1805 г.

В год смерти Св. м. Киприана открылась вражда, приведшая к войне, между литовским в. кн. Витовтом и его зятем, в. кн. Василием I. Витовт не хотел иметь одного с Москвой митрополита. Поэтому, одновременно с представлением Василия, просившего патриарха о поставлении митрополита, Витовт представил своего кандидата на отдельную митрополию, грека, еп. полоцкого Феодосия. Но патриарх поставил 1 сентября 1408 года *Фотия* митрополитом всея России. Фотий был родом пелопоннесец или мореец. Он в отроческие годы поступил в монастырь и имел своим руководителем знаменитого подвижника Акакие, впоследствии митр. монемвасийского. Через год после своего посвящения – 1 сентября 1409 г. – Фотий прибыл в Киев, сопровождаемый послами императора и патриарха. Витовт встретил его сначала недоброжелательно, но затем признал его. В Москву, в сопровождении тех же послов, Фотий прибыл 22 марта 1410 г. Много забот доставило ему печальное состояние

митрополичьего хозяйства, вызванное набегом в 1408 году мурзы татарского Едигея и расхищением вотчин боярами и лихоимцами. Из за этого ему пришлось претерпеть скорби. В 1411 г. он едва не захвачен был в своем имении на Святом озере шайкой татар. В благодарность за спасение он воздвиг в три дня на озере Сеньги храм. С благословения митрополита, Василий I выдал дочь свою Анну замуж за царевича Иоанна, старшего сына византийского императора Мануила. Через три года Анна умерла от моровой язвы. От м. Фотия сохранились поучения, грамоты, послания. В послании к псковичам он указывает на уклонения их к латинским обычаям и дает распоряжения относительно стригольников.

В дальнейшем обострились отношения Витовта с митр. Фотием и первый задумал поставить в особые митрополиты литовские игумена Григория Цамблака, племянника м. Киприана. Болгарин из Тернова, *Григорий Цамблак* состоял при болгарском терновском патриархе, был игуменом Дечанского мон. в Сербии и Плинаирского в Константинополе или его окрестностях. Он направлялся к митр. Киприану, им вызванный, но, узнав в Литве об его кончине, остался там. Митр. Фотий выехал в Литву, собираясь примириться с Витовтом и, в противном случае, отправиться в Константинополь. Там он намеревался воспрепятствовать намерениям Витовта. Последний заставил в 1416 г. литовских епископов, даже угрозой смерти, подать ему жалобу на митрополита Фотия. По прибытии в Литву, митр. Фотий был, по приказанию Витовта, схвачен, ограблен и, непропущенный в Царьград, вернулся в Москву. Григорий же прибыл в 1411 г. в Константинополь, для поставления, по просьбе Витовта, митрополитом. Но Фотию удалось оказать воздействие на патриарха. Григорий не только не был поставлен митрополитом, но за великое смущение, которое он произвел в Церкви, низвергнут из священнического сана и предан отлучению. Когда Григорий возвратился из Константинополя с отказом, Витовт собрал епископов и уговорил их поставить его митрополитом, вопреки патриарху. Удалось на некоторое время задержать приведение этого решения в исполнение. Но в 1415 г. литовские епископы

поставили Григория митрополитом в *Новгородке*. В особой грамоте епископы оправдывали свой незаконный поступок тем, что м. Фотий, по их уверениям, пренебрегал киевской половиной митрополии, заботясь только о собирании дани. В том же духе опубликовал грамоту и Витовт. Митр. Фотий ответил своим посланием и обратился за помощью к патриарху. Патриархи Евфимий и его преемник Иосиф предали его отлучению. Несмотря на это, Григорий продолжал оставаться митрополитом. В 1414 г. он был послан Витовтом на созванный папой собор в Констанце. На этом соборе постановлено было в 1415 г. сожжение чешского реформатора Иоанна Гусса. Григорий был в Констанце одновременно с послами византийского императора. Они все были приняты торжественно папой Мартином V, и православным не запрещалось совершать богослужения по своему обряду. Григорий заявил папе, через присутствовавших на соборе польских епископов, что готов рассуждать о вере, но решительно не желает приступить к соединению с римской церковью. По возвращении своем в Литву, Григорий скончался зимой 1419 г. или в начале 1420 г. Митр. Фотий после этого имел в 1420 г. в *Новгородке* свидание с Витовтом, сумел примириться с ним, переставшем думать об отдельном митрополите. Литва, таким образом, снова соединилась в церковном отношении с Москвой.

Григорий Цамблак, по отзыву Голубинского, данные которого использованы в отношении литовской смуты, занимает очень почетное место в истории нашей русской и вообще восточно-славянской церковной литературы и считался знаменитым проповедником. Но можно подозревать, добавляет историк, что он был то, «что на светском языке называется карьеристом и авантюристом». Архиеп. Макарий считает его преданным Православию и чуждым латинству.

При м. Фотии Галиция вновь соединилась с митрополией всея России. В 1412 г., в свою поездку в Литву, м. Фотий посещал Галич. В 1421 г. он снова был в Галиче и Львове. В последний раз он был у Витовта в 1430 г., с внуком последнего, юным вел. князем Василием II. Витовт как раз в это время тщетно поджидал коронования с согласия папы и оказывал

большое внимание м. Фотию. Через три дня после его отъезда Витовт скончался. На возвратном пути в Москву он виделся в Новгороде с новым вел. кн. литовским Свидригайлом и удостоился от него великой любви и почести.

Митр. Фотий занимает среди русских митрополитов выдающееся положение, как пастырь усердно учительный. Он подвизался на поприще церковного проповедывания. Выше упоминались его учительные послания. Из его церковно-правительственной деятельности известно его подтверждение узаконения Св. м. Петра, чтобы вдовые священники стриглись в монахи и не оставались служить в мирских церквах. Продолжался при нем, начатый м. Киприаном, спор с новгородцами по поводу обжалования судебных постановлений тамошнего архиепископа.

В правление м. Фотия и при его участии прекратился в Пскове раскол *стригольников*. Последние представляли собою сообщество отделившихся от Церкви раскольников, не желавшее признавать истинными пастырями современных им епископов и священников, якобы поставляющих и поставляемых на мзде и ведущих жизнь, недостойную пастырей. Став судьями иерархов и прочего клира, основатели раскола, Карп стригольник (занимавшийся стрижением волос)⁸⁾ и диакон Никита, дошли до того, что во всем отделились от Церкви. Они не хотели участвовать в общих церковных молитвах, запрещали своим последователям принимать от священников крещение, разрешение грехов и евхаристию, отвергали поминовение усопших церковною службою. Раскол из Пскова перешел в Новгород. В 1375 г. новгородский архиепископ лишил Никиту сана и вместе с Карпом отлучил от Церкви. В 1376 г. Карпа с двумя его товарищами бросила толпа в Волхов. Но это вызвало усиление смуты. Пришлось обратиться к патриарху Нилу. Архиеп. Суздальский Дионисий привез в 1381 г. в Псков обличительное послание патриарха. В Новгороде начались бунты и потребовалось вмешательство вел. князя. В 1394 г. привезено было вифлеемским епископом Михаилом новое сильное послание патр. Антония, и в Новгороде волнение утихло. Но во Пскове раскольники еще

оставались. Как упоминалось, обличительное сочинение против раскольников написано было Св. Стефаном Пермским. Митр. Фотий с 1416 года несколько раз выступал с письменными обличениями стригольников, державшихся во Пскове. Он предписывал накладывать на них духовные и церковные кары и только в 1427 г. разрешил применять и гражданские взыскания, вероятно телесное наказание и заключение, продолжая запрещать смертную казнь. После этого года раскол, проявившийся впервые в 1371 г., замер. Архиеп. Макарий, признавая, в связи с этим расколом, вероятность существования в тогдашнем духовенстве некоторых недостатков и злоупотреблений, пишет: «В Новгороде и Пскове, по крайней мере, некоторые из этих недостатков, может быть, чувствовались даже более, нежели где либо: оттого раскол стригольников там и привился. А притом самый дух этого раскола, состоявший в противлении властям духовным, так гармонировал с общим духом вольности и своеволия, которым издавна отличались Псковичи и особенно Новгородцы».

В 1425 г., по смерти в. кн. Василия I, м. Фотий твердо поддержал права на престол десятилетнего сына последнего – Василия II. Права племянника оспаривал кн. Юрий Дмитриевич звенигородский и галичский. Начались военные действия. Наконец, в Москве решено было просить митрополита отправиться в Галич и убедить Юрия заключить мир. Юрий решительно отказался, и Святитель покинул город, не преподав ему и князю благословения. В Галиче открылся великий мор. Юрий поспешил с дороги вернуть митрополита, прося его молитв и соглашаясь исполнить его требования. По молитвам возвратившегося м. Фотия мор прекратился, и Юрий прислал в Москву послов для заключения мира. Найдя по вступлении на митрополичью кафедру имущество в большом разорении, м. Фотий привел все в порядок и умножил его. Имеются основания предполагать, что м. Фотий, по примеру м. Киприана, вел летопись своего времени. Митр. Фотий скончался 1 или 2 июня 1431 г. В духовном завещании он сообщил биографические сведения о себе и писал, что пребывание его на кафедре было временем непрерывных скорбей, слез и рыданий. Святитель

Фотий почитался издавна; местное празднование ему в Успенском соборе последовало после 1805 г.

В Москве, после кончины святителя Фотия, предполагено было представить на его место русского кандидата. Выбор такового задержан был княжескими спорами. Юному Василию Васильевичу пришлось отстаивать лично в Орде свои права на великокняжеский престол, которого домогался его дядя Юрий Дмитриевич Звенигородский. В 1432 г. вел. кн. Василий II избрал кандидатом епископа Рязанского и Муромского *Иону*, который с 1433 г. назывался «нареченным в святейшую митрополию русскую». В том же году вел. кн. литовский *Свидригайло*, преемник Витовта, послал в Константинополь ставиться в митрополиты епископа смоленского *Герасима*, что и было осуществлено. Герасим считал себя не только митрополитом Литвы, но и «на русскую землю». Таковым он упоминается в псковских и в третьей новгородской летописях. В 1434 г. Герасим, пребывавший в Смоленске, поставил Евфимия архиепископом новгородским. Известно, что Герасим и Свидригайло намеревались принять участие в намечавшемся соединении церквей, что видно из письма последнего к папе Евгению IV. Но вскоре Свидригайло заподозрил Герасима в тайных сношениях с Сигизмундом, сыном Витовта. Герасим был схвачен вблизи Смоленска, сослан в Витебск и в июле 1435 года сожжен.

Княжеская смута продолжалась. Юрию удавалось удалять племянника из Москвы. Только после его смерти в 1434 г. святитель Иона смог в начале 1436 г. выехать в Константинополь. Когда он прибыл туда, то ему выразили сожаление, что он опоздал, и пообещали сделать митрополитом после назначенного уже Исидора, грека из Пелопоннеса. Архиепископ Макарий считает его родом из Болгарии, Голубинский – греком.

Митрополит *Исидор* отличался большими способностями и был весьма образованным. Состоял он игуменом монастыря Свят. Димитрия в Константинополе. В 1433 г. император Иоанн VII Палеолог посылал его на Базельский собор, приведший к устройению Ферраро-Флорентийского собора. В Москву Исидор

прибыл в начале апреля 1437 г., сопровождаемый владыкой Ионой. Василий II был очень недоволен назначением Исидора, без его воли и прошения, и принял нового митрополита только «не хотя рушiti изначальные старины».

Видимо Исидор, умный, отличавшийся дипломатическими способностями, владевший славянским языком, сумел потом понравиться вел. князю. Митрополит сразу стал готовиться к отъезду на Флорентийский собор, куда выехал в сентябре 1437 г. Ему сопутствовал еп. суздальский Авраамий, архим. Вассиан, священник Симеон, княжеский посол Фома. Вел. князь, дав Исидору большую свиту, для поддержания достоинства Руси, напутствовал его, как указывает Соловьев, следующими словами: «Смотри же, приноси к нам древнее благочестие, какое мы приняли от прародителя нашего Владимира, а нового, чужого не приноси; если же принесешь что-нибудь новое и чужое, то мы не примем». Исидор обещался крепко стоять в православии, но уже в дороге спутники стали замечать в нем склонность к латинству. По пути он побывал в Твери, Новгороде и Пскове. В Феррару он прибыл через год без 20 дней.

В январе 1439 г. собор был перенесен папой во Флоренцию. На соборе присутствовали император Иоанн Палеолог и патриарх Иосиф. Содержание императору и всем грекам шло от папы. Восточные православные приехали на собор с большими надеждами, т. к. император обещал ничего не изменять в вере. С июня происходили частные беседы и препирательства о чистилище и прибавке к символу, но соглашение не достигалось. Папа распорядился выдавать содержание только высказывавшим склонность к унии. Пока происходили прения, м. Исидор в деяниях соборных не принимал участия. Беседы с латинянами вели митр. ефесский *Марк* и м. никейский Виссарион. Но когда прения были закончены и выдвинулся в решительной форме вопрос о соглашении, то м. Исидор выступил главным действующим лицом. 5 июля 1439 г. акт флорентийской унии был подписан, а 6 июля торжественно провозглашен в флорентийском кафедральном соборе. Акт гласил, что: «Дух Святый исходит от Отца и Сына, как одного

начала; есть чистилище; Евхаристию можно совершать и на квасном и на пресном хлебе, безразлично; папа, как глава Церкви, имеет главенство во всем мире». Не подписались под актом патр. Иосиф, умерший перед этим, Святитель *Марк* Ефесский и немногие другие. Митр. Исидор подписал акт за себя и за патр. антиохийского Досифея, которого был уполномоченным. Он заставил подписаться еп. Авраамия. Исидор был, по словам Голубинского, «главным творцом и виновником этой Флорентийской унии». Митр. Виссарион больше следовал за ним. Исидор влиял и на колебавшегося императора, заявив ему, что дело может устроиться и без него. Его авторитет был силен между епископами. Свящ. Симеон суздальский, составивший описание собора, подчеркивает, что «ни единого возлюбил папа митрополита, якоже Исидора». Он был возведен папой Евгением в сан кардинала-пресвитера, а перед отъездом облечен титулом «легата от ребра апостольского в землях ливонских, литовских и русских», а также в землях «Лехии» (должно подразумевать Галицию, как часть тогдашней Польши).

Во время обратного пути Исидора от него бежали из Венеции боярин Фома и священник Симеон. Из Будима в Венгрии Исидор отправил пастьрское послание о совершившемся соединении церквей. Через польский Краков Исидор проехал во Львов, тогдашний главный город Галиции. Побывал он еще в Вильне и Киеве. Православные князья литовские принимали его только как православного митрополита, а не как папского легата. Он же служил как в православных храмах, так и в латинских костелах. В Москву он прибыл постом – 19 марта 1441 г. В Москву доходили сведения о событиях во Флоренции. Сначала там наступило смущение, но затем решено было дать ему отпор. Тверже всех держал себя вел. кн. Василий II. Он успел снестись с Афоном и знал, что как там, так и во всей Византии духовенство и миряне с негодованием отнеслись к унии. Через несколько дней по прибытии, Исидор был взят под стражу и помещен на житье «за сторожами» (под домашний арест) в Чудовом митрополичьем монастыре. Соборный Василием церковный собор, угрожая

смертной казнью, без успеха старался убедить Исидора отказаться от заблуждений. Просидев в Чудовом монастыре весну и лето, он ночью 15 сент. 1441 г. бежал из Москвы. Вел. кн. был этим доволен. Таким образом этим разрешался вопрос, что с ним делать дальше. Его не преследовали и дали возможность исчезнуть из России. Он объявился в Твери. Там кн. Борис Александрович посадил его «за приставов». Но Василий II приказал выпустить его. Некоторое время пробыл он в Новгородке у литовского в. кн. Казимира. Видимо, и там он чувствовал себя неловко среди православных. Оттуда он отправился к папе. В 1452 г. Исидор из Рима выехал в Царьград, чтобы действовать в пользу унии, но и там побывал в тюрьме. Епископ Арсений пишет, что «Кардинал Исидор, неузнанный, успел выкупиться за несколько монет на другой день взятия Константинополя и бежал в Рим». Им описано было взятие Константинополя. Папа Николай дал ему титул патриарха константинопольского и декана кардинальской коллегии. Умер он в Риме в 1453 г. («Прав. Богосл. Энц.»).

По словам священника Симеона, Исидор обнадеживал папу во Флоренции, что ему удастся ввести унию в России. Он считал, что Василий II по молодости не посмеет воспротивиться его воле, а некнижные московские епископы не сумеют возражать ему. Василий же первый назвал его латинским прелестником и волком. Полная неудача в России явилась неожиданностью для него и для папы.

Для понимания дальнейших событий в Москве, необходимо указать на то, что происходило в Царьграде. Император Иоанн Палеолог оставался верен унии, против которой были Византия и весь православный Восток. Большое значение имели выступления Марка Евгеника Ефесского. Преемник Иоаннов и брат его, Константин XII, сначала был верен Православию, когда же надвинулась непосредственная опасность Константинополю, прибег к унии, считая ее единственным средством спасения. Народ же, напротив, смотрел на унию, как на способ привлечь на Византию гнев Божий. 29 мая 1453 г. Константинополь был взят турками. Император Константин пал геройской смертью. Султан Магомет обратил храм Св. Софии в

мечеть, но дозволил выбрать патриарха. Таковым выбран был видный борец против унии, монах *Геннадий* Схоларий.

После свержения Исидора вел. князь в 1441 г. заготовил к патриарху письмо, в котором, обвиняя Исидора в измене Православию, просил о поставлении митрополитом Святителя Иону. Но письмо это не было отослано. Видимо не решились обращаться к патриарху униату, свергнув Исидора за униатство. Задерживалось и избрание митрополита в Москве. Дело в том, что в июле 1445 г. Василий II во время борьбы с казанскими татарами был захвачен ими в плен и оставался в нем около трех месяцев. В 1446 г. он был захвачен в обители Троицкой двоюродным братом, кн. Димитрием Юрьевичем Шемякой, ослеплен и лишен престола. Только в феврале 1447 г. Василий Темный вернулся в Москву. Во время этой усобицы в доме потомков Иоанна Калиты духовенство крепко стояло за Василия и содействовало победе самодержавия над старым удельным порядком. Святитель Иона тоже неизменно действовал в пользу Василия, несмотря на то, что Шемяка, завладев Москвой, ввел его в управление делами митрополии. В 1448 – 15 дек. – Святитель *Иона*, оставаясь все это время «нареченным», был наконец поставлен митрополитом собором *русских* архиереев. В 1452 г. Василий составил послание императору Константину XII Палеологу, в то время остававшемуся православным. Вел. князь, упомянув об отступничестве Исидора, об избрании митрополитом Ионы и о своем желании послать послов в Константинополь для поставления митрополита, указывает на возникшие препятствия: трудность пути и междуусобные рати и брани. Василий II просил извинения за самовольный вынужденный поступок и уверял в своем неизменном признании власти патриарха. В заключение он сообщает, что намеревался писать патриарху, но не знает, имеется ли таковой в Константинополе и каково его имя. Письмо императору не было послано. Повидимому в Москву пришли сведения, что император сделался униатом, как то имело место в 1452 году.

Голубинский так представляет себе тогдашнее отношение Москвы к происходившему в Царьграде: «В Константинополе после взятия его Турками место православного императора

греческого занял мусульманский или бусурманский султан турецкий. Как император был мирским главой патриарха константинопольского, утверждал его в его звании и возлагал на него отличия (инсигнии) этого последнего, так тем же стал по отношению к нему и тоже стал делать и султан, вследствие чего патриарх превратился теперь в раба христоненавистного бусурмана. Но у Русских не могло быть желания, чтобы их митрополит получал посвящение от этого раба бусурмана, – чтобы бусурманская скверна, которую султан сообщал своими руками патриарху, переходила и на митрополита и чтобы через рабство патриарха султану и они до некоторой степени становились рабами этого ненавистника креста Христова. И дело тут шло не об одних только отвлеченных понятиях и мнениях, но и об осязаемой действительности, ибо митрополит русский, имевший отправляться – предполагая, что он был бы избираем дома – для посвящения в Константинополь, обладаемый Турками, должен был бы иметь непосредственные сношения с чиновниками турецкими, в ведении которых находился патриарх с церковию, – мог бы быть требуем для непосредственных представлений самому султану, который мог видимым образом поставить дело так, чтобы он – митрополит казался бы таким же рабом его, как и сам патриарх, через что могли быть изъясняемы султаном некоторые притязания на верховенство и над самим великим князем...»

С этого времени установился порядок ставить митрополитов в самой Москве и своими русскими епископами, так чтобы митрополиты могли быть на будущее время фактически независимыми от патриархов. Об отношении к этому патриархов Голубинский пишет: «Как бы то ни было, дали или не дали патриархи свое формальное дозволение Русским на то, чтобы ставить им своих митрополитов в самой Москве, но во всяком случае положительно известно, что они не протестовали открытым образом против самого ставления. Следовательно, если они и не давали на него формального дозволения, то с охотой или неохотой допустили и признавали его как факт».

Первый патриарх после начала турецкого ига, Святитель Геннадий, просил митрополита Иону о помощи вопиющим нуждам греческой Церкви. Митрополит поспешил исполнить желание праведного патриарха и просил его не оставлять Русской Церкви своим попечением. В 1465 г. митрополит Феодосий, по грамоте патриарха Иерусалимского Иоакима, посвятил в Москве грека Иосифа в митрополиты Кесарии-Филипповой.

Святитель Иона, заняв столь высокое положение, позаботился о внешней представительности. На своем дворе он поставил палату каменную с домовою церковью Ризположения Пречистые Богородицы; Успенский кафедральный собор украсил иконами в золотых и серебряных ризах с драгоценными камнями и пр. Богослужение в нем сделал более торжественным чрез умножение певчих и числа чтецов.

Святитель *Иона* родился близ г. Солигалича Костромской обл., от вотчинника Феодора Одноуша, следовательно был по своему происхождению из людей благородных. 12-летним мальчиком он поступил в один из галичских монастырей, а затем перешел в московский Симонов мон. Он проявлял там большую ревность. Любил он писание божественных книг. Житие сообщает, что Святитель Фотий застал его однажды заснувшим в хлебне «от великого воздержания и от прилежного труда и молитвы» с правой рукой, согбенной для благословения. Св. Фотий, запретив будить его, предрек, что Иона будет великим святителем. Поставленный ок. 1430 г. епископом рязанским, он обратил в христианство многих инородцев.

Первою заботою митр. Ионы было подчинить своей власти епископии, находившиеся во владениях короля польского и одновременно вел. кн. литовского Казимира. Он сносился с последним, с православным киевским князем Александром Владимировичем, женатым на сестре Василия II, и отправлял послания южной пастве. В 1451 г. в грамоте, данной в Вильне, Казимир признал Иону главой литовских епархий с Киевом, но не галицким. Все старания Святителя подчинить и Галицию оказались напрасными. Святитель сразу произвел очищение

литовско-русских епархий от заразы униатства. Один из литовских епископов, Даниил Владимирский и берестейский, ходил ранее для посвящения в Константинополь к патриарху-униату Григорию Мамме и был посвящен, находившимся там, Исидором. Еп. Даниил был вызван в Москву, где, совершив перед митрополитом отречение и подписав его, получил прощение и благословение. Первым делом м. Ионы было торжественное причисление к лику святых митрополита *Алексия*. Сохранились учительные грамоты Св. Ионы. Две – на Вятку, получавшую из России священников, но не имевшую над собою епископа и сначала не подчинявшуюся русской иерархии. В двух грамотах в Новгород Святитель обличает кулачные (вернее палочные) бои. В послании к псковичам он дает им пастырски-учительное указание

Митрополит Иона собирал собор для суда над ростовским архиепископом Феодосием. В 1455 г. навечерие Богоявления случилось в воскресенье, и арх. Феодосий распорядился, чтобы по отпении литургии и вечерни монахи ели сыр, молоко и рыбу, а миряне – мясо. Нарушение принятого устава о постах, допущенное архиепископом, считавшим, на осн. апостольск. пр. 64 и Гангрск. соб. пр. 18, что в день недельный не полагается поста, м. Иона признал настолько важным, что хотел было снять с него сан и уступил только печалованию за него вел. княгини. На соборе владыка Феодосий принес смиреннейшее покаяние и обещал твердо держаться церковных правил (по Голубинскому).

Митрополиту Ионе пришлось сначала править в смутное время на Руси, о котором говорилось выше. В правление Василия II Темного он принимал большое участие в государственных делах. Король польский просил митрополита содействовать успеху посольства, присланного им в Москву. Псковичи просили его быть ходатаем перед Василием. В договорах последнего с польским королем и кн. рязанским м. Ионе предоставлялось быть третейским судьей. Когда он был еще нареченным митрополитом, отправлена была им в 1447 г. обличительная грамота от всего духовенства кн. Дмитрию Шемяке. Против последнего он писал его доброжелателям среди новгородцев, а также архиеп. новгородскому Евфимию.

Святитель Иона скончался в глубокой старости 31 марта 1461 г. В самый год кончины его близкий друг и единомышленник, Св. Иона, архиеп. новгородский, возревновал прославить его память канонем, который и написал, по его поручению, известный творец их и житий Пахомий Сербин, живший тогда в Новгороде. В 1472 г. были обретены его мощи и установлено местное празднование. Общецерковное празднование было установлено при м. Макарии в 1547 г. При м. Ионе произошло, длившееся долгое время, разделение русской Церкви на две половины – московскую и киевскую. Об этом будет сказано в третьем отделе.

Государственное значение митрополитов

Митрополиты греческого происхождения в домонгольское время выступали, главным образом, в качестве миротворцев. Со времени татарского ига, митрополиты, коренные русские, к этому присоединяли исключительное отечестволюбие. Велико значение митрополита Кирилла III, столь ревностно помогавшего великим князьям Ярославу Всеволодовичу и его сыну, св. Александру Невскому в восстановлении разрушенной монголами Руси. Первоиерархи и епископы в то время в особенности сделались связующим звеном между отдельными русскими землями. Они до последней возможности поддерживали связь сев.-восточной России с западной ее частью, отторгнутой литовскими и польскими князьями, пока последние не добились разделения и Церкви. Замечательно, что, в противовес латинству, русская иерархия, храня и укрепляя создававшееся на сев.-востоке московское княжество, вовсе не старалась, с помощью своего сильного влияния на князей, добиться независимости от светской власти. Митрополиты, вынужденные оставить разоренный и незащищенный Киев, сами стремились обосноваться, под покровом мирской власти, сначала во Владимире, потом в Москве. Они неуклонно старались об утверждении мира в государстве и подчинении всех единокровному великому князю. Сознанием необходимости этого проникнут и грек св. митр. Фотий. Он отказом в благословении заставлял кн. Юрия Дмитриевича Звенигородского признать великим князем своего малолетнего племянника, Василия II Васильевича. Москва становится столицей Руси с благословения св. митрополита Петра, уроженца волыноско-галицкой области. Грек свят. митрополит Феогност был продолжателем его дела.

Исключительно значение свят. митрополита Алексия. Голубинский пишет о нем: «Св. Алексия обстоятельства времени поставили во главе государственного управления, так что он был митрополитом и в то же время первым государственным человеком, главой боярской думы своих

князей. Ему выпало занимать митрополичью кафедру в то время, как князьями московскими были люди, требовавшие опеки над собой. В один год с митрополитом Феогностом, спустя 47 дней после него, умер князь Симеон Иванович и оставил своим преемником брата своего Ивана Ивановича; этот Иван Иванович был, как говорят летописи, государь «тихий и кроткий», т. е. государь слабый. Иван Иванович умер в 1359 году и оставил своим преемником сына своего Дмитрия Ивановича 9-летним мальчиком. Оба князя, один по слабости, другой по малолетству, имели нужду в руководителе себе и опекуне над собою: и руководителем – опекуном обоих был он – св. Алексей. Мы не знаем, был ли он настоящим или официальным главой государственного управления при Иване Ивановиче; Симеон Иванович в своем духовном завещании, написанном перед смертью, приказывает своим братьям – Ивану Ивановичу и Андрею Ивановичу (умершему вскоре после него самого): «слушали бы есте отца нашего владыки Олексея, такоже старых бояр, хто хотел отцю нашему добра и нам», и этим как будто формально ставил его – св. Алексея во главе боярской думы. Как бы то ни было, но мы имеем положительные и ясные свидетельства, что Иван Иванович перед своей смертью оставил его формальным и настоящим регентом государства при своем малолетнем сыне Дмитрии». Голубинский пишет, что греческие акты указывают, что Святитель «прилагал все старания, чтобы сохранить дитя и удержать за ним страну и власть», что он весь предавался возложенному на него делу попечения о «государе-дитяти». К этому Голубинский добавляет: «Дмитрий Иванович Донской первый из великих князей московских ясно и определенно заявил стремления к государственному единодержавию, но он заявил их в такие еще юные годы, что необходимо должен быть предполагаем при сем св. Алексей. До какой степени за его время Москва возрасла в своей силе и сознала эту последнюю видно из того, что знаменитая Куликовская битва была на третий год после его кончины».

В значительной мере благодаря св. митрополиту Ионе сохранен был и утвержден благодетельный порядок

наследования престола от отца к сыну, окончательно установленный вел. кн. Дмитрием Донским. Святитель решительно выступал против кн. Дмитрия Юрьевича Шемяки, ослепившего своего троюродного брата вел. кн. Василия II, и захватившего его престол. Когда, по изгнании из Москвы, Шемяка снова начал смуту, св. Иона в 1447 г., вместе с владыками ростовским, суздальским, коломенским и пермским, от имени всего духовенства, обратился к нему с грозным обличением, сравнивая с «братоубийцами» Каином и Святополком Окаянным. Изложив все его вины и измены, духовенство заканчивало послание так: «Мы, служители алтарей, по своему долгу молим тебя, господин князь Дмитрий, очистить совесть, удовлетворить всем праведным требованиям великого князя, готового простить и жаловать тебя из уважения к нашему ходатайству, если обратишься к раскаянию. Когда же в безумной гордости посмеешься над клятвами, то не мы, но сам возложишь на себя тягость духовную: будешь чужд Богу, церкви, вере и проклят на веки со всеми твоими единомышленниками и клеветами». Святитель Иона, уведомляя о посвящении своем в 1448 г. в митрополиты «князей, панов, бояр, наместников, воевод и все Христоименитое Господне людство», обличая Шемяку, призывал их подчиняться Василию Темному. В заключение он писал: «Если же не станете бить челом своему государю, и прольется от того кровь христианская, то вся эта кровь взыщется от Бога на вас, за ваше окаменение и неразумие; будете чужды милости Божией, своего христианства, благословения и молитвы нашего смирения, да и всего великого священства; Божия благословения не будет на вас; в Земле вашей никто не будет больше называться христианином, ни один священник не будет священствовать, но все Божии церкви затворятся от нашего смирения».

Соловьев, в связи с этими выступлениями духовенства, пишет: «Если русское духовенство, в лице своего представителя, митрополита, так сильно содействовало возвеличению Москвы, то одинаково могущественно содействовало и утверждению единовластия, ибо в это время

духовенство сознательнее других сословий могло смотреть на стремление великих князей Московских, вполне оценить это стремление. Проникнутое понятиями о власти царской, власти получаемой от Бога и независимой ни от кого и ни от чего, духовенство по этому самому должно было находиться постоянно во враждебном отношении к старому порядку вещей, к родовым отношениям, не говоря уже о том, что усобицы княжеские находились в прямой противоположности с духом религии, а без единовластия они не могли прекратиться. Вот почему, когда Московские князья начали стремиться к единовластию, то стремления их совершенно совпали с стремлениями духовенства; можно смело сказать, что вместе с мечом светским, великокняжеским, против удельных князей постоянно был направлен меч духовный».

Проф. Петр Знаменский, обсуждая тот же вопрос, пишет: «Великие князья понимали, что для них значат митрополиты, и оказывали им высокое уважение и полное доверие. Все княжеские грамоты начинались словами: «по благословению отца нашего митрополита», и скреплялись митрополичьей подписью и печатью; пред митрополитом князья давали крестное целование друг другу и разбирали свои споры; в их договорных грамотах писалось: «а о чем ся сопрут, ино им третий митрополит, а кого он обвинит, ино обидное отдати». Понятно, что верховная власть, воспитывавшаяся под руководством иерархии, приучилась действовать на основании не столько юридических, сколько нравственных начал, считала своим долгом простираť свое влияние не только на гражданские отношения подвластных, но и на их религиозно-нравственную жизнь, а чрез это получало обширное влияние и на церковные дела. С течением времени власть великого князя окрепла, стала меньше нуждаться в подпоре и руководстве церковной власти. С половины XIV века видим уже весьма резкую перемену в их положении; если прежде князей было много, а митрополит был один, то в XIV в. наоборот сильный князь был один, а митрополитов 2–3; значение митрополита от этого ослабело, а власть великого князя усилилась. Неизбежным следствием этого было то, что прежнее участие

верховой власти в церковных делах под руководством иерархии, участие вспомогательное и служебное, обращалось в независимое от иерархии, самостоятельное. Избрание Митяя и поступки Донского с Пименом и Киприаном были выразительным знаменем нового порядка вещей, который развился потом в Московском государстве».

Власть митрополита. Епархии. Белое Духовенство

Власть митрополита простиралась на все епархии. Его собственная епархия, очень обширная, разделялась на московскую и киевскую. Митрополит получал большие доходы со своих вотчин. От поставления епископов ему шли *ставленные* пошлыны и дары как от поставленного, так и от его епархии. Во время поездок он получал дары, а духовенство платило ему *подъезд* на содержание его со свитою и ставило подводы. Важную статью доходов составляли *судные* пошлыны с духовенства и мирян. В своей собственной епархии митрополиты, как и все архиереи, получали со всех церквей дань, петровские и рождественские сборы, *подъезд*, *ставленные* пошлыны, сбор на десятильников и др. служилых и домовых людей. На свои богатые средства первосвятители строили многие церкви и монастыри и совершали дела благотворительности. Двор митрополичий был устроен, как двор удельного князя, имел своих бояр, отроков и др. слуг. У митрополита был свой полк с воеводой. Для управления митрополичьей областью у него имелись особые духовные и светские органы власти. Постоянными его помощниками по управлению, по прежнему, были его соборяне, составлявшие при нем постоянный совет – его «клирос». В Киеве всеми делами заведывал *наместник* митрополита из духовных лиц. Для суда и сборов назначались *десятильники*, поставлявшиеся над округами из нескольких приходов (десятинами), а для управления вотчинными волостями – *волостели*.

По тому же образцу было устроено управление и в других епархиях. В них были те же клиросы и духовные чины, даже наместники у престарелых владык, и такие же доходы, как в епархии митрополита, только в меньших размерах. Всех богаче был владыка новгородский. У него были большие вотчины; жил он в богатых палатах, имел своих бояр, стольников, множество слуг и особый полк. Между другими владыками он занимал первое место и носил титул архиепископа, который имели только епископы ростовские (с конца XIV века), суздальские

Дионисий и Евфросин и некоторые архиереи других епархий, удостоивавшиеся этого титула только лично. (Знаменский).

Избрание епископов в описываемое время происходило сначала как и прежде, при участии удельных князей. Так, летопись отмечает, что в 1289 г. вел. кн. Михаил Ярославич Тверской, вместе с матерью своею, послал игумена Андрея, сына литовского князя, в Киев к митрополиту Максиму, и тот поставил его епископом в Тверь. В конце же данного периода, как свидетельствует Соловьев, известен был устав, как должно избирать епископа. «Здесь говорится, что по случаю избрания митрополит созывает всех епископов, ему подчиненных; который из них не мог приехать – присылал грамоту, что будет согласен на решение остальных: собравшиеся епископы избирают три лица, имена которых в запечатанном свитке отсылают митрополиту, и тот из троих выбирает уже одного. Такой порядок действительно мог быть введен в конце описываемого времени, когда значение областных князей поникло. Избранный пред посвящением давал обет исповедывать православие, повиноваться митрополиту, не препятствовать в своей епархии сбору митрополичьих пошлин, не исполнять обязанностей своего звания в чужих епархиях, приезжать к митрополиту безпрекословно по первому зову, не позволять в своей епархии православным вступать в браки, кумиться и брататься с Армянами и Латинами; тут же новопоставленный объявлял, что не дал ничего за поставление, не обещал дать и не даст; запись эту он писал собственною рукою и подписывал». Архиепископы и епископы не могли называть митрополита братом, но только отцом; в противном случае подвергались выговору.

Митрополит мог отлучать епископов от службы. В 1280 году митр. Кирилл отлучил от службы ростовского епископа Игнатия, и простил его только по усердным просьбам кн. Димитрия Борисовича. Святитель Петр снял сан с епископа Сарайского Измаила. Святитель Феогност отлучил и потом простил Суздальского епископа Даниила. Святитель Киприан, по жалобе кн. Михаила Александровича, судил в Твери епископа Евфимия

и отослал его в Москву. В этот период митрополиты созывали соборы епископов для разрешения ряда важных вопросов.

После опустошительного нашествия монголов и перенесения митрополии на север были упразднены епархии: черниговская, переяславская, белгородская и юрьевская. Архиепископ Макарий пишет: «Другия епархии, подвергавшиеся таким же опустошениям, может быть, не были закрываемы даже на время, но более или менее оставались без архипастырей, хотя по имени существовали: о епископе владимиристо-волинском упоминается только с 1260 года, о перемышльском – с 1271 г., о рязанском – с 1284 г., о галицком – с 1331 г., о Туровском – с 1345 г. Епархия Владимирская на Клязьме не имела своего епископа до 1250 года, потом в продолжении четырнадцати лет управляема была митрополитом, с 1274 г. имела своих епископов, которые назывались Владимирскими, суздальскими и нижегородскими, а с 1299 г. окончательно перешла в ведение русских митрополитов. Между тем одна за другой возникали новые епархии. Около 1250 г. открыта была епархия холмская по воле галицкого князя Даниила, который, украсив Холм после нашествия Батыева, переместил в него епископскую кафедру из Угровеска. В 1261 г. открыта была епархия в Сарае – самой столице татарских ханов; около 1271 г. – в Твери; около 1347 г. в Суздали; около 1360 г. – в Брянске, куда собственно перенесена была кафедра епархии черниговской; в 1383 г. – в Перми. С 1288 г. упоминается епархия луцкая, с 1353 г. – коломенская, с 1389 г. – звенигородская, которая впрочем была открыта только на короткое время. Жители Пскова, издавна находившиеся под властью новгородского владыки, желали иметь у себя особую епархию и в 1331 г. просили митрополита поставить епископом избранного ими Арсения, но получили отказ. Таким образом, к концу XIV и в начале XV века число епархий в русской Церкви возросло до восемнадцати, если не считать звенигородской. Девять из них, со включением епархии митрополичей, находились в Руси северо-восточной: владимиристо-московская, заключающая в себя Владимир, Москву, а иногда Нижний Новгород и Городец, новгородская, ростовская, суздальская, рязанская, тверская, сарская, коломенская и пермская. А

девять – в Руси юго-западной, кроме Киева, принадлежавшего с некоторыми другими городами к епархии митрополичей: черниговская или брянская, полоцкая, смоленская, галицкая, перемышльская, владими́ро-во́лынская, холмская, туровская и луцкая».

По мере ослабления власти удельных князей, все чаще стали назначать епископов прямо из Москвы. Избрание их происходило там на соборе всех епископов, которые или лично являлись, или изъявляли согласие повольными грамотами. Собор избирал троих кандидатов на свободное место, а митрополит избирал из них одного. В XV веке порядок этот утвердился окончательно, что и было изложено в чине поставления епископа 1423 г. Епископы по прежнему стояли во главе удельных событий, но стали постепенно терять свои местные симпатии и тянулись к общему центру – Москве.

Примеры произвольного суда над иерархами становятся очень редкими и наблюдаются там, где держался еще вече́вой уклад. В 1388 г. ростовцы удалили Св. еп. *Иакова* по ложному подозрению в нечистой жизни и убедились в его правоте проявившейся чудом. Святитель был снисходителен к грешникам. Однажды в Ростове осудили на смерть преступную женщину. Он вступился за нее и назначил ей место для пожизненного покаяния. Князь и бояре оскорбились таким распоряжением Владыки и изгнали его. Святитель подошел к озеру Неро, разостлал на воде свою мантию и, встав на нее, поплыл, как в лодке. Ростовцы умоляли его вернуться, но он поставил себе хижину на берегу озера, основал потом обитель, в которой подвизался до своей кончины в 1391–2 г. В Муроме по наветам духа злобы горожане восстали против епископа Св. *Василия*, обвинили в предосудительной жизни и постановили изгнать его. Святитель, помолившись в храме и взяв образ Владычицы, став на разложенную на воде мантию, поплыл по Оке против течения в старую Рязань, где и остался, преставившись в 1360 г. (по другим данным между 1356– 78 гг.). В 1424 г. новгородцы выгнали владыку Феодосия, единственно за то, что он был «шестник», пришлец, а не новгородец, хотя сами выбрали его два года назад. Законный суд над епископами

принадлежал власти митрополита и собора. Епископы величали митрополита «отцем».

Только Новгород и Псков продолжали избирать на вече владык, независимо от митрополита. Изредка встречавшийся обычай избрания по жребию, с половины XIV века, становится в Новгороде постоянным. Три жребия избираемых клали на престол св. Софии и после литургии соборный протопоп выносил на вече один за другим два жребия и объявлял народу. Третий, остававшийся на престоле, знаменовал того, «его же оставил Себе Бог и святая София». Посвящаться избранные владыки ездили в Москву. Но некоторые управляли епархией и до посвящения по 2–3 года, а владыка Евфимий II даже более 5 лет, да и посвящение он принял в Смоленске от м. Герасима, сожженного, как указывалось выше, Свидригайлой, после чего считал себя независимым от московского митрополита. Новгородцы хотели пользоваться разделением русской Церкви, чтобы решать где их больше устраивает поставление своих архиепископов. Но когда в Литве митрополитом оказался ученик униата бывшего митр. Исидора, Григорий, то Новгород снова стал признавать одного московского митрополита. Местное значение новгородского владыки развивалось все больше. С его благословения вече начинало войну, заключало мир, решало свои внутренние дела. В грамотах его имя ставилось на первое место. Во внутренних делах города владыка был средоточием, около которого стягивались и примирались все разрозненные взаимными распрями «концы» и улицы города. Владыка был всегдашним миротворцем в вечевых раздорах. На богатые средства владычней казны архиепископ выставял свой полк, нес городские повинности – мостил мост в кремле, строил стены в Новгороде, Пскове, Орешке, в особенных случаях делал крупные пожертвования. Особенно почитались в Новгороде в описываемое время Св. архиепископы: *Василий*, ум. в 1352 г., *Моисей*, ум. в 1362 г., *Евфимий*, ум. в 1458 г. и *Иона*, ум. в 1470 г. Как говорилось, новгородские владыки, по своему видному положению, носили титул архиепископов. В 1346 г. св. митр. Феогност дал Святителю Василию новое отличие – кресчатые ризы, потом патриарх прислал ему белый

клобук. В связи с этим, новгородцы, стремясь к независимости своих владык, придумали следующее: клобук этот Константин Великий дал св. папе Сильвестру; когда папы стали нечестивыми, клобук, после ряда чудес, был отослан в Царьград патр. Филофею; наконец, когда Царьграду суждено было погибнуть, он явился в Богом любимую страну – Россию, и именно в Новгород, а не в Москву. (Знаменский).

Отношения новгородских владык с митрополитами временами обострялись, при чем иногда это зависело от того, был ли Новгород в мире с вел. князем. Дурные отношения впервые обнаружились, когда Симеон Гордый стеснил новгородцев. Святитель Моисей жаловался патриарху на св. митр. Феогноста, не давшего ему кресчатых риз, которые имел св. Василий. Патриарх дал ему ризу, но увещевал покоряться митрополиту. Митр. Алексей жаловался патриарху на преемника Моисея архиеп. Алексия, указывая, что тот самовольно надел кресчатую ризу. Патриарх велел архиепископу снять таковую, объяснив, что это отличие принадлежит не кафедре, а есть личное. При св. м. Киприане новгородцы не желали признавать митрополичьих судебных прав. Митрополит в 1391 г. прибыл сам в Новгород. Его приняли с почетом, но отказались представить спорные дела на суд, заявив: «мы клялись, что не будем зависеть от суда митрополитов, и написали о сем грамату». После долгих бесплодных убеждений митр. Киприан оставил Новгород, не дав благословения непокорным, и известил о сем патриарха. В свою очередь новгородцы жаловались патриарху Антонию. Последний ответил им, что он подтверждает отлучение, произнесенное митрополитом, который имеет полную власть над ними. Одновременно он отправил своего уполномоченного митрополита вифлеемского рассмотреть дело на месте. Вел. кн. Василий I вступился в это дело, т. к. новгородцы отказывались платить ему «черный бор» (по полтине с деревни). После военных действий новгородцы в 1393 г. принуждены были смириться, обещали платить дань, отправили грамату митрополиту, который прислал им свое благословение. В Троицкой летописи по этому поводу говорится: «не дивись сему, таков обычай новгородцев ... Они

люди суровые, непокорные, упрямые, неосновательные (непоставны). Кого из князей не оскорбляли они? Кто из князей угодил на них?» В 1398 г., когда вновь вспыхнула война с вел. князем Василием I, из за Двинских областей, владыка Иоанн благословил новгородцев на брань. После окончания войны он был вызван в Москву и более трех лет пробыл там в заключении. В дальнейшем он приезжал в Москву советоваться с митрополитом по духовным делам, чего раньше не бывало. Преемник его Святитель Иона находился в постоянной связи с Москвою. Когда он был тихим отроком в Новгороде, блаженный Михаил Клопский пророчески предрек ему: «Иоанн, учись прилежно, ты имеешь быть архиепископом великому Новгороду». Истинный подвижник и опытный архипастырь, Св. Иона был связан узами дружбы с Св. м. Ионой. Когда Василий II Темный угрожал свободе Новгорода, он, тогда уже дряхлый старец, ездил в Москву просить вел. князя за родной город, предрекая за выполнение просьбы освобождение Москвы от татарского ига.

Как Новгород пытался обособиться от Москвы, так его бывший пригород Псков стремился отделиться от него самого. В 1331 г. псковичи просили себе особого епископа, но получили отказ. В 1348 г. им обещано было в особом договоре, что архиепископ будет назначать своего наместника в Псков из псковичей, а не из новгородцев. Настаивали псковичи и на соблюдении обычая о приезде к ним новгородских владык для суда через каждые три года и проживании там месяц. Из за нарушения этого происходили постоянные споры. Иногда псковичи по своим церковным делам обращались непосредственно к митрополиту, что в Москве поощрялось. Собор духовенства во Пскове имел такое же значение, как владыка в Новгороде; но сам город усилил свою власть над духовенством. Вече присвоило себе право даже судить духовенство и распоряжаться церковными имуществами. Митрополиты Киприан и Фотий посылали во Псков грамоты, в которых обличали такой противоканонический порядок. Подобно городскому строю псковское духовенство разделялось на общины, из которых каждая, состоя из нескольких приходов,

была приписана к одному из соборов и управлялась *старостою поповским* (благочинным). Сельское духовенство наравне с паствою своею питалось плодами обрабатываемых им участков земли. Иногда для вспомоществования давалась ему часть церковных доходов. Сельские дьяконы и дьячки, как отмечает архиеп. Филарет, бывали по местам земскими дьяками, т. е. писцами, и за то получали от сел определенное жалование, священники же участвовали в сельском суде, а следовательно и в судебных доходах.

В других местах с XIV в. стали умножать число архимандритов и протопопов. Последним назначалось участие в управлении причтами, а из архимандритов выбирались исполнители распорядительной и судебной воли архипастырей. Это оказывалось нужным и потому, что, при умножении храмов и оскудении средств к содержанию причтов, некоторые иереи, оставаясь без приходов, требовали особенного надзора. В отношении архиереев белое духовенство было классом «тяглым», было обложено разными сборами и повинностями и ведалось по ним архиерейскими десятильниками. Поставление в члены клира по выбору приходской общины было уже повсеместное. Приходская же община пеклась и о содержании причта, давала ему землю, известное количество руги и сборов. Некоторые, преимущественно соборные, церкви были под покровительством князей, которые давали им свои земли и ругу. Только немногие церкви, тоже преимущественно соборные, имели небольшие вотчины. Духовенство, исходя из простого народа, плохо обеспеченное, едва грамотное, мало чем отличалось от своей паствы, страдало и ее пороками. В поучениях митрополитов и в тогдашней письменности обличались недостатки духовенства и незнание богослужебного дела. Митрополиты Петр и Фотий запрещали вдовым попам и дьяконам священнослужение, если они не постригнутся в монашество.

Богослужение

Требовалось устранение из богослужения разных нестроений. Проистекали последние прежде всего от крайнего недостатка богослужебных книг, которых стало еще меньше после монгольского разорения. По причине дороговизны их не могли приобретать в достаточном количестве даже городские церкви. В богатом Пскове, при митрополите Киприане, нельзя было найти в церквях некоторых необходимых церковных чинов. Богатый галицкий князь Владимир Василькович мог только любомльскую георгиевскую церковь наделить, сверх триоди и октоиха, 12 минеями; остальным храмам он жертвовал Евангелие, Апостол и молитвенник. От того переписка богослужебных книг и снабжение ими церквей считалось великим богоугодным делом. Перепиской занимались благочестивые люди из грамотеев всякого чина. Много писалось на востоке, – в Константинополе и на Афоне, куда посылались иногда нарочно грамотные монахи и писцы. Стефан Новгородец, бывший в Царьграде (ок. 1350) встретил там своих земляков Ивана и Добрилу, искусных книгописцев, работавших в Студийском мон., посылавшем в Русь много книг. Но часто, вследствие невежества переписчиков и спешности в работе, в богослужебные книги все более вкрадывались разные ошибки. Святители Алексей и Киприан занимались исправлениями, первый – Нового Завета, второй – Служебника, Требника и следованной Псалтыри. Обнаруживались и разночтения в составе самих богослужебных чинов. Это произошло от разновременного перевода ряда новых служб, вновь появившихся в Греции, и не одновременного распространения их по отдельным местностям России, разделенным удельными перегородками. Важной причиной подобных разночтений было также тогдашнее переходное состояние нашего богослужения. Со второй половины XIV в. в нем совершался постепенный переход от господствовавшего раньше *студийского* устава к уставу Иерусалимскому св. *Саввы*. Вследствие всего этого

церковная власть была постоянно озабочиваема водворением порядка и единства в богослужении (Знаменский).

Определения касательно богослужения заключаются в правилах соборов Владимирского 1274 и Константинопольского 1276 гг. Относительно собора во *Владимире*, созванного м. *Кириллом*, говорилось выше. Собор, пишет архиеп. Филарет, прежде всего обратил внимание на служителей алтаря. Повторив церковные правила о недопущении до священства человека неизвестного и несвободного, собор писал: «Хочет ли кто быть посвященным, пусть со всею подробностью испытают его, чиста ли жизнь его, соблюл ли он целомудрие, с девицей ли вступил в брак и законно ли вступил? Хорошо ли знает грамоту? Притом не спешить поставлять, хотя бы были не кощунники, не хищники, не пьяницы, не охотники клясться, не сварливые: испытывать их... Если кто окажется свободным от всех вин за поручительством духовного отца, 7 священников и других надежных свидетелей, пусть поставляют». Требовалось не возводить вдруг на степень священства, но, поставив в чтеца, заставить изучить весь церковный чин под руководством опытного церковника. Собор резко осудил, применявшееся в некоторых местах, смешение при крещении св. мѹра с маслом и помазание всего тела. Говоря что в новгородских странах творят некоторые священнослужители «глупости в безчестие священству», собор постановил: «Мы заповедаем преподобным епископам и повелеваем извергнуть всех, если не покаются, ибо лучше один священнослужитель достойно, чем тысячи беззаконников». Собор в *Константинополе* отвечал на вопросы, поставленные, с согласия м. Максима, сарайским епископом Феогностом и постановления его имели в виду, главным образом, особенные потребности этой епархии. Так разрешены были походные храмы. На вопрос: «Должно ли служить (литургию) с сухим виноградом или нет?» отвечено – Если где, в какой либо земле, совсем не будет вина, пусть выжмут свежую виноградную кисть, но не сухую. На вопрос: «Если обращаются татары и ходят креститься, а не будет большого сосуда, не встретится ни реки, ни озера, где можно было погрузить, как поступать?» отвечено – Пусть обливают его

трижды, произнося: во имя Отца и Сына и Святого Духа. Позволяется в случае нужды совершать крещение и причетнику. Несториан и яковитов предписывается мвропомазывать, но с тем, чтобы предварительно проклинали свое учение и учителей. Надо иметь в виду, что в войске монголов было много несториан и яковитов из Монголии, Индии и Персии. Даны были ответы и на другие вопросы еп. Феогноста (Архиеп. Филарет).

Дальнейшие определения относительно богослужения относятся ко времени св. митрополитов *Киприана* и *Фотия*. В своих посланиях во Псков оба святителя вооружались против принятого в новгородской епархии, из за частых сношений с латинянами, обливательного крещения. При крещении оба митрополита требовали ставить для крещаемых только по одному восприемнику или восприемнице, смотря по полу крещаемых, а не обоих вместе. Митр. Фотий заметил во Пскове, что там употреблялось латинское мвро. Из послания его видно, что мвро тогда не варилось в России, а получалось от патриарха. Крестить детей установлено было в скором времени по рождении. Во Пскове из за недостатка антиминов их резали на части. Митр. Киприан запретил это и послал во Псков 60 новых антиминов. Обнаружив во Пскове недостаток уставов и богослужебных книг, м. Киприан старался снабдить церкви всем необходимым. Из посланий м. Фотия видно, что псковское духовенство не знало как совершать литургию Иоанна Златоустого и Василия Великого, как готовить агнец для литургии преждеосвященных даров и о необходимости троить аллилуия. Оба Святителя, обнаружив неисправности в соблюдении таинств, потребовали устранения таковых и указали как их надлежит совершать.

Много храмов было разрушено во время нашествия монголов. Восстановление их и строение новых сделалось господствующим подвигом народного благочестия. Особенно много церквей строилось во время голода, мора и др. народных бедствий. Это, т. н. *обетные* и *обыденные* церкви, которые строились по обету, обыкновенно в *один* день, и тут же освящались. Сговорившись на сходе, жители города или селения шли в лес, рубили бревна, свозили и всем миром

выстраивали церковь. Особенно большим количеством и богатым украшением храмов отличались Новгород и Псков, потом Москва. При Иоанне Калите были сооружены соборы Успенский, и Архангельский (1332), сделавшийся усыпальницей московских царей. Им же выстроена в 1328 г. церковь св. Иоанна Лествичника. Супруга Дмитрия Донского вел. кн. Евдокие воздвигла на своем дворе в 1393 г. церковь Рождества Пр. Богородицы, ее сын вел. кн. Василий I Дмитриевич соорудил Благовещенский собор. В Твери вел. кн. Михаил Ярославич воздвиг (1285 – 89) собор Преображения Господня. В Нижнем Новгороде кн. Константин Васильевич соорудил в 1352 г. Спасо-Преображенский собор, брат его Андрей в 1358 г. Михайло-Архангельский. В Серпухове кн. Владимир Андреевич создал в 1378 г. Троицкий собор. Во Пскове вновь сооружен в 1365 г. Троицкий собор на старой основе. Там воздвигались церкви в 1373, 1383, 1384, 1398 и в 1421 по две или три. О большом количестве церквей в разных частях города свидетельствуют данные о числе сгоревших при больших пожарах. В Новгороде, когда в 1340 г. пожар охватил обе стороны, сгорело 50 церквей. В 1385 г. во время сильного пожара на Торговой стороне сгорело 26 каменных и 6 деревянных.

Из новгородских владык особенно усердствовал храмостроительством Св. Евфимий II. Строили храмы отдельные посадники и частные лица. Лучшие русские мастера для строения и украшения церквей были в Новгороде и в Пскове; там удобнее было достать и немецких мастеров. До XV в. храмы строились без печей. Первый устроил две теплые церкви в сороковых годах XV в. новгородский владыка Св. Евфимий II.

В юго-западной Руси кн. Даниил Галицкий, после разгрома учиненного Батыем, «создал многие города и церкви поставил, и украсил их разно личными красотами». Лучшими и богатейшими были три церкви в любимом им Холме: Св. Иоанна Златоуста, св. бессребреников Косьмы и Дамиана и Пресв. Богородицы, где впоследствии он был погребен. Много храмов строил его племянник кн. Владимир Василькович; из них

самые богатые в Каменце Благовещенская, в Любомли Георгиевская и в Бересте церковь св. Петра.

Архангельский собор в Москве создан был по случаю избавления Руси от голода, названного в летописях «рослою рожью». В Новгороде владыки Климент (1296) и Иоанн II (1412) воздвигли церкви в память побед над шведами. Известны обыденные церкви сооруженные в Новгороде и в Пскове по случаю морового поветрия. В городах, где было много церквей, главнейшие назывались соборами. Первая походная церковь сооружена была еп. сарским Феоностом.

«В архитектуре церквей», пишет архиеп. Макарий, «не произошло никакой перемены. Церкви, по прежнему, строились небольшие и примрачные, освещавшиеся чрез узкие слюдовые окна с железными решетками. Только церковь Пресв. Богородицы, созданную князем Даниилом Галицким в Холме, летопись называет «превеликою» и, как бы за редкость, рассказывает, что другая холмская церковь во имя св. Златоуста имела три окна, «украшенные стеклами римскими». В настоящий период уже не встречаем таких богатых церквей, как существовали прежде, особенно в Киеве и княжестве Владимирском. Но и теперь некоторые храмы отличались ценностью своих украшений и утвари». Такими были новгородский Софийский собор, псковский Троицкий, ростовский Успенский и церкви, богато обставленные кн. галицким Владимиром Васильковичем.

Сохранялось прежнее общественное значение храмов. Новгород был городом Св. Софии, Псков – св. Троицы, Москва, с Успенским собором, была землею Богородицы. Пограничная с Литвой р. Угра называлась поясом Богородицы.

Одно из выразительнейших проявлений приходской жизни – *братчина* – составляла повсеместное явление. Граматы князей давали братчинам права варить на праздник пиво и мед и разбирать самим происшедшие на пиру ссоры. Братчина судила, как судья, и передавала княжескому суду только дела уголовные и такие, которых не могла разобрать сама. В таком виде братчина является во всей Великороссии. В зап. России она развилась до формы настоящего союза – *братства*.

Раньше всего – в середине XV в. – становятся известны братства в Вильне и во Львове (Знаменский).

«Главное украшение и нераздельно святыню церквей», пишет архиеп. Макарий, «как и всегда, составляли св. иконы, которые помещались преимущественно в иконостасах. Но многие каменные храмы в городах и монастырях, особенно в Москве и Новгороде, были расписываемы разными священными изображениями и по стенам, именно – украшались стенною иконописью по сырому грунту. С этою целию у нас существовали даже целые дружины или товарищества иконописцев, греческих и русских, имевшая своих старейшин и начальников и находившаяся иногда под особым покровительством или на содержании властей духовных и светских. Так, в Новгороде Входоиерусалимскую церковь расписывал (1338 г.) Грек Исаия «с други». В Москве Успенский собор расписывали (1344) Греки, иконописцы митрополита Феогноста, а собор Архангельский – русские мастера, иконописцы великого князя Симеона Иоанновича Гордого: они составляли «дружину», а начальниками и старейшинами у них были – Захарий, Дионисий, Иосиф и Николай. В следующем году расписана в Москве церковь – Спас на Бору: тут мастерами были «русские родом, а греческие ученики» – Гойтан, Семен и Иван со своими учениками и дружиною. В 1378 году Спасскую церковь в Новгороде на Ильинке улице расписывал мастер Грек Феофан. Этот самый Феофан вскоре затем переехал в Москву и здесь расписывал три церкви: Рождества Пресв. Богородицы (1395 г.) вместе с Симеоном черным и учениками, Архангельский собор (1399) с учениками своими и Благовещенский собор (1405) вместе с старцем Прохором из Городца да чернецом Андреем Рублевым. В 1408 году, по повелению великого князя Василия Дмитриевича, расписали великую Владимирскую соборную церковь мастера – Даниил иконник да Андрей Рублев. Они же расписали потом Троицкий собор в Сергиевской Лавре, построенный (1422) над гробом преп. Сергия Радонежского чудотворца. Лучшими из всех этих, изчисленных нами, иконописцев были Феофан Грек, Даниил иконник и Андрей Рублев. Первый, по свидетельству

лично знавшего его современника, был преславный мудрец, весьма искусный философ и «книги изограф нарочитый и живописец изящный в иконописцах». Он более сорока каменных церквей расписал своею рукою – в Константинополе, Халкидоне, Галате и Кафе, а потом в Великом и Нижнем Новгородах и три в Москве. Когда писал он, то никогда и нигде не видели его взирающим на образцы, как делали тогда некоторые наши иконописцы, которые, вследствие своих недоумений, принуждены были безпрестанно обращаться то к тем, то к другим образцам. Казалось, что не он писал, а другой: потому что, изображая что либо руками, он ногами стоял беспокойно, а языком беседовал с приходящими. С самого незначительного рисунка, набросанного им случайно и наскоро, наперерыв спешили снимать для себя копии московские иконописцы.⁹⁾ Иконника Даниила и Андрея Рублева называет «чудными и пресловущими иконописцами» преп. Иосиф Волоцкий († 1516), свидетельствуя, что последний был учеником первого, что оба они были иноки Андрониковой обители и отличались духовною, подвижническою жизнью. Другой, безымянный писатель XVI века говорит о них, что они превосходили всех прочих живописцев и что чудные изображения, которыми украсили они Троицкую церковь в Сергиевой Лавре, еще в его время удивляли всех. Отцы столбчатого собора в половине того же века указывали на произведения Рублева, как на образцы для русских иконописцев». Рублеву приписывается чудотворный образ Живоначальной Троицы, стоящий по правую сторону царских врат в Троицком соборе Сергиевой Лавры.

Из других известных лиц духовного и монашеского звания, занимавшихся иконописью, архиеп. Макарий называет: преп. Пахомия Нерехтского († 1384); инока Иринарха, ему помогавшего; преп. Феодора, архим. Симонова мон., впоследствии архиепископа ростовского, написавшего, между прочим, образ своего дяди – преп. Сергия Радонежского и «Деисусы у Николы на Болванке»; старца Игнатия иконника Симонова м., бывшего в нем спостником преп. Кирилла Белозерского; ученика преп. Сергия Радонежского Епифания

премудрого; преп. Дионисия, основателя Глушицкого м. В числе творений последнего имеется икона преп. Кирилла Белозерского, написанная при жизни чудотворца. В юные годы, едва поступившим в монастырь, был «иконником чудным» будущий Святитель митрополит Петр. Иконописанием занимался Святитель Василий, архиепископ новгородский.

Свят. митрополит Алексей, после вторичной поездки в Царьград, привез оттуда чудную икону Нерукотворного Спаса, которую поставил в основанной во имя этого образа Спасо-Андрониковой обители. Свят. Дионисий, архиеп. суздальский, пребывая долго в Царьграде, снял точные копии образа Пресв. Богородицы-Одигитрии, находившегося в Софийском соборе. Одна из копий прислана была им в 1381 г. в суздальский собор, другая – уцелевшая позднее – в нижегородский Преображенский собор. Преп. Арсений Коневский, подвизавшийся три года на Афоне, привез оттуда ок. 1393 г. икону Божией Матери. Чудотворная икона эта чтится в Коневском монастыре.

С того времени чтутся чудотворные иконы Пресв. Богородицы: *Устюжская*, перед которой в 1290 г. блаж. Прокопий Устюжский силой своей молитвы отклонил от Устюга каменную тучу. *Владимирская*, писанная Святителем Петром, в бытность его игуменом Ратским и поднесенная им ок. 1301 св. митрополиту Максиму. Она находилась во Владимирском кафедральном соборе. *Донская*, сопутствовавшая вел. кн. Димитрию Донскому в 1380 г. на Куликовом поле. Икона пребывала в Благовещенском соборе в Москве. *Максимовская*, написанная по видению, бывшему во сне Святителю Максиму в 1299 г. при начале переселения его из Киева во Владимир и находившаяся во Владимирском Успенском соборе над гробницей с его мощами.

Явленными были чудотворные иконы Пресв. Владычицы: *Феодоровская – Костромская*, по преданию писанная св. Ев. Лукой. Она с начала ХП в. находилась в часовне вблизи г. Китежа, потом в монастыре вблизи г. Городца, Нижегородской губернии. Обитель сгорела при нашествии Батые. В 1239 г. икона была чудесно обретена в лесу кн. Василием Яросл.

Костромским и находилась в обители, сооруженной в Костроме. *Знамения Курская* или *Коренная*, обретенная в 1295 г. на корне дерева жителем г. Рыльска. *Толгская*, явленная в 1314 г. ночью ростовскому епископу Трифону на берегу р. Волги. На месте ея явления воздвигнут был Толгский мон. *Чухломская*, явившаяся около 1350 г. преп. Авраамию Галицкому или Чухломскому на дереве в лесу. Создалась Чухломская обитель. *Тихвинская*, виденная в 1383 г. в нескольких местах новгородской области окруженной светом и окончательно оставшаяся в г. Тихвине, где основан был после этого Тихвинский монастырь. *Колочская*, явившаяся в 1413 г. бедному селянину Луке в колочском лесу вблизи Можайска. Сооружен был Колочский мон. С 1291 года почиталась Муромская икона Пресв. Богородицы, с которой в руках Святитель Василий, еп. Муромский чудесно плыл по Оке на расprostертой мантии от Мурома в Новую Рязань, где она поставлена была в кафедральный собор.

В 1347 г. греческий император Иоанн Кантакузин прислал вел. кн. Симеону Иоанновичу наперсный крест из животворящего Древа с мощами. В 1362 г. св. Дионисий, архиепископ суздальский, вывез из Константинополя Страсти Господни – части от гроба Спасителя, тернового венца и под. Кивот хранился в московском Успенском соборе. В 1397 г. император Мануил Палеолог и патриарх прислали в Москву мощи святых и иконы, в благодарность за милостыню, полученную из России. Через два года такой же дар получил князь Михаил Александрович Тверской (Архиеп. Макарий).

В XIV веке открыты были мощи митрополита Петра и вел. князя Александра Невского. Почитание Святителя началось очень скоро после его преставления, прославление последовало в 1339–40 г. Почитание благоверного князя имело место сразу после его кончины. В 1380 г., вследствие чудесного видения у его гроба перед Куликовской битвой, вслед за нею обретенны были мощи и установлено местное празднование; общее – Собором в 1547 году. С 1422 г. установлено празднование 5 июля памяти Преп. Сергия Радонежского, в 1448 г. празднование Святителя Алексия, в 1439 г. местное празднование Свят. Иоанна, архиепископа Новгородского

(общее в 1547 г.). Местные праздники установлены в дни памяти: вел. кн. Георгия Владимирского, вел. кн. Михаила тверского; князей: Василька ростовского, Михаила черниговского и боярина его Феодора, Романа рязанского, Довмонта – Тимофея псковского, Владимира Ярославича новгородского и его матери Атты, Святителя Игнатия ростовского. В месяцесловах XV в. уже находятся имена местно чтимых святых Стефана Пермского, Феодора Ростовского, Кирилла Белоезерского и Димитрия Прилуцкого.

Митрополит Алексей установил в 1364 г., по сношению с патриархом, общее празднование памяти свв. мучеников литовских Иоанна, Антония и Евстафия. Вел. кн. Димитрий Иоаннович после Куликовской победы прибыл в Троицкий мон. и просил пр. Сергия отслужить литургию и панихиду о воинах, павших на брани. Вслед затем по почину вел. князя установлена была Церковью *Дмитриевская суббота*. В субботу перед 26 октября, днем великомуч. Димитрия Солунского, ежегодно совершается с тех пор поминовение всех православных воинов, живот свой положивших. По случаю внезапного ухода в 1395 г. Тамерлана из Руси, перед чем в Москву была перенесена чудотворная Владимирская икона Божией Матери, немедленно на месте встречи образа соорудили храм, вскоре и монастырь. Самый день встречи иконы, 26 августа, – *Сретение* – установлено было праздновать.

В святцах XI – XIV в. из славянских святых имелись Кирилл философ и брат его Мефодий., кн. Вячеслав чешский и Иоанн Рыльский. В месяцесловах XV в. упоминаются еще, в одних – преп. Параскева-Пятница, Святители Савва и Арсений, в других вместе с Саввой Симеон сербский (Архиеп. Макарий).

Богослужебные книги и чинопоследования, переписывавшиеся у нас и приносимые вновь из Греции, были, преимущественно, те же, которые употреблялись до татарского ига. Встречались и новые, но очень немногие. Впервые, как отмечалось выше, наряду с Уставом Студийским появляется Иерусалимский Устав св. Саввы (известны один список XIII в. и два XIV). В XV в. известно большее число списков этого Устава.

В них внесены и т. н. Марковы главы или правила иером. Марка относительно господских и богородичных праздников. Из отдельных чинопоследований, песней и молитв перешедших из Греции известны несколько канонов и акафистов и молитва особая Св. Духу в день Пресв. Троицы патриарха Филофея, помещенная в Служебнике митр. Киприана. В самой Русской Церкви известны в монгольский период служба и канон Свят. Петру, составленные еп. ростовским Прохором, последование похвальное Пресв. Богородице 26 августа – в день Сретения ея чудотворной иконы и канон Святителю Алексию, составленный архим. Питиримом, впоследствии епископом пермским, по случаю открытия мощей (Архиеп. Макарий).

Архиепископ Макарий пишет: «О церковном пении того времени не сохранилось в летописях почти никаких известий. Упоминается, только мимоходом, в одном месте о демественном пении (1440 г.), в другом о демественнике новгородского Софийского собора (1387), в третьем о «словутном певце Митусе» перемышльского владыки (1241). Отсюда можем догадываться, что у нас, вероятно, поддерживалось тогда по местам демественное или гармоничное пение, введенное еще со времен великого князя Ярослава и что, по крайней мере, при кафедрах архиереев продолжали существовать хоры певчих под управлением доместиков ... Во многих рукописных Стихирарях наших встречаются напевы и ноты киевского митрополита Григория Самвлака, который, следовательно, был и любителем и даже знатоком церковного пения».

Наряду с серебряными и золотыми сосудами и вообще церковной утварью, которыми наделил храмы своей области кн. Галицкий Владимир Василькович, таковые находились в ростовском и владимирском соборах, в новгородском Софийском, и в московских церквях. В большинстве сельских храмов и в некоторых монастырях употреблялись еще деревянные священные сосуды. Об этом свидетельствуют сохранившиеся сосуды пр. Сергия, пр. Никона, потир пр. Мефодия Песношского. Чаше, чем прежде, летописи говорят о

колоколах. Известны колокола, слитые в Холме, Москве, Твери. (Архиеп. Макарий).

Христианская жизнь

Монгольское иго, поставившее Россию под огрубляющее влияние диких татар, унижавших и портивших народ, конечно отразилось на перемене к худшему характера последнего. Отрицательно отражалась на народе и смута княжеская. В это время происходил – естественный и благодетельный – переход от удельно-вечевого уклада к единой державе московских вел. князей, доказавших свое попечение о государственных нуждах всей русской земли. Но самый переход сопровождался часто борьбой, не знавшей нравственных пределов. Насилия сильных, коварство слабых, общее недоверие друг к другу, разбои, грабежи, убийства нередко имели место. В соседних христианских странах в описываемое время было не лучше. Соловьев напоминает напр. о разбоях в польских владениях в правление Казимира Ягайловича.

Кроме общественных неурядиц, пороки сильные господствовали и в частной жизни. Жаловались тогда на пьянство, сквернословие, чувственность. Женщина окончательно запирается в тереме, который признан был единственным средством для сохранения семейной чистоты. Соловьев пишет: «Женщина спешила удалиться, или ее спешили удалить от общества мужчин, чтобы волею или неволею удержать в чистоте нравственность, чистоту семейную; не вследствие византийского, или татарского, или какого-нибудь другого влияния явилось затворничество женщин в высших сословиях, но вследствие известной нравственной экономии в народном теле; подтверждение здесь сказанному нами найдем мы после в прямых известиях современников-очевидцев. Историк не решится отвечать на вопрос: что бы стало с народом в XIV веке без церкви, монастыря и терема?».

Чем дальше на восток, тем нравы были грубее, что видно из послания в Вятку Св. Ионы, архиеп. новгородского. Сильны были еще остатки язычества. Господствовала вера в волхвов и ведьм. Во Пскове, однажды, по случаю моровой язвы, сожгли в начале XV в. 12 ведьм. Во Владимире во время бездождия

выкапывали из земли утопленников. Продолжались в некоторых местах даже жертвы домовым, лешим, водяным. Народные веселия сопровождались языческими обрядами даже при ознаменовании церковных праздников. (Знаменский). Нужда заставила добросердечного вел. кн. Дмитрия Донского ввести смертную казнь, тогда как Владимир Мономах говорил: «не убивайте виновного, – жизнь христианина священна». Но прежде денежная пеня удерживала от воровства, а в XIV в. пришлось воров вешать, за другие же преступления бить кнутом. Естественно было то, что русские в период монгольских насилий утратили часть доверчивого простодушия. Горькая нужда заставила ограждать себя хитростью, когда не в силах были противопоставить насилию отпор мужества. Это была – дань тяжкому времени со стороны слабых (Архиеп. Филарет).

Но наряду с этим, заметны отрадные проявления и новые успехи христианских понятий и чувств. Тяжкие беды – татарское нашествие и иго, разражавшиеся мор и голод – оказались для разрозненного русского общества удельного времени исправительным бичом благого Промысла Божия. Пробудилось чувство покаяния, к чему все более стали призывать послания и летописцы. В словах святых еп. Серапиона Владимирского и митр. Киприана приводились назидательные примеры ниневитян, вспоминался израиль – невольник Египта, народ призывался обратиться от земли к Богу. Постоянной мыслью народа было, что он – христианин, а жестокие владыки его – неверные, ненавистные Богу. Основой жизни становилась высокая мысль – вера в превосходство христианской веры. Среди бед тяжких выковывалась твердость в характере народа, стойкость в своих правилах. Там, где дух христианский благодатно проникал в душу и давал высшее направление ее силам, любовь к Богу не боялась самых суровых и тяжких подвигов. Благоговение к вере, к имени Христову было общим для всех состояний. (Архиеп. Филарет).

Смягчались и сердца князей, которые все более полагались на волю Божию, а не на свой меч. Во время мора – черной смерти – проявлялось человеколюбие. Лучшие люди погребали и чужих, служили по ним панихиды, молились среди гробов

умерших от заразы. Иные в такие времена спешили оставить мир и уходили в монастыри, отказывали имущества церквам и обителям; другие в домах готовились к христианской смерти. Когда мор впервые возник во Пскове в 1352 г., то жители его просили своего владыку, архиеп. новгородского св. Василия прибыть для молитвы. Святитель обошел весь Псков с иконами и со священниками. Народ с воплем взывал: Господи помилуй! Язва к зиме ослабела. Назидательно выразился один современный летописец о бедствиях: «бысть милость Божия над христианы, послан от Бога мор на люди». Показательно, что новгородцы, не видевшие у себя Батые, редко, по отдаленности от Орды, испытывавшие грабежи и насилия татар, меньше отдавались и покаянию. В монгольский период новгородцы пятнали себя зверскою необузданностью и злодействами, каких не видно было в других краях России.

Высокими образцами в вере и благочестии были для паствы святые митрополиты: Петр, Феогност, Алексей, Киприан, Фотий и Иона, а также м. Кирилл. Великими святителями были владыки ростовские: святые Игнатий (1288¹⁰), Иаков (1392) и Феодор (1395); епископ рязанский Василий (1295); архиепископы новгородские святые Феоктист (1310), Моисей (1359), Василий (1352); св. Стефан, еп. пермский (1396); св. Дионисий, архиеп. суздальский (1385); св. Арсений, еп. тверской (1409); св. Серапион, еп. Владимирский (1275).

Благочестивым был старший сын в. кн. Всеволода III, Константин ростовский. Незадолго перед смертью (1218), сей князь, отличавшийся начитанностью, книголюбием, посылая детей своих на уделы, так поучал их: «Любезные сыновья мои! будьте в любви между собою, всей душою бойтесь Бога, соблюдая Его заповеди, подражайте моим нравам и обычаям: нищих и вдов не презирайте, церкви не отлучайтесь, иерейский и монашеский чин любите, книжного поученья слушайте, слушайте и старших, которые вас добру учат, потому что вы оба еще молоды; я чувствую, дети, что конец мой приближается, и поручаю вас Богу, Пречистой Его Матери, брату моему и господину Юрию, который будет вам вместо меня». Имя Константина поминается с прозванием *добрый*. Брат его

Юрий – св. вел. кн. *Георгий* – убит татарами в битве при р. Сити. О нем летописец писал: «Он старался хранить заповеди Божии, всегда имея в сердце страх Божий, и любил не только друзей, но и врагов. Милостив был выше меры, не щадя имения своего и раздавая его требующим; создал многия церкви и монастырь св. Богородицы в Нижнем-Новгороде, украшая их безценными иконами и книгами; до крайности любил чернорисский и поповский чин, подавая им потребное». Ранее упоминалось о святых князьях: сыне Константина *Васильке Ростовском*, *Михаиле Черниговском*, *Михаиле Тверском* и *Романе Рязанском*, замученных татарами. Постником и молитвенником был внук Константина, св. кн. *Роман Угличский* (1285). Праправнук св. Ростислава смоленского и киевского, св. *Феодор Ярославский* и *Смоленский* (1300), с молодых лет отличался благочестием, а затем смирением и миролюбием. Ему подражали в этом супруга, Анна, дочь хана Менгу-Темира, и их сыновья святые *Давид* и *Константин*.

Святые вел. кн. *Александр Невский* (1263), как и брат его кн. *Феодор Ярославичи* (1233) были воспитаны в истинно церковном духе матерью Феодосиею, в иноч. Евфросиниею. Проникнутый всю жизнь истинным христианским духом, св. Александр всего себя посвятил служению Православию и России, отражая натиски воинственного латинства, облегчая иго татарское. Благочестивым был его младший сын, св. *Даниил Московский* (1303). Во Пскове благочестием и тоже отражением латинского натиска прославился св. кн. *Довмонт-Тимофей* (1299). Летописец, сравнивая его с Владимиром Мономахом, писал, что он был милостив безмерно, священников любил, церкви украшал, нищих миловал, все праздники честно проводил, за сирот, вдов и всяких обиженных заступался. Современники так писали о вел. кн. *Димитрии Донском* (1389): «Димитрий всю жизнь совершил во благе. Приняв власть от Бога, он с Богом возвеличил землю русскую, которая во дни его княжения воскипела славою... имел ум высокий, сердце смиренное; взор красивый, душу чистую... благотворя всем, мог назваться оком слепых, ногою хромых, трубою спящих в опасности». Ревностный в благочестии, Димитрий, подобно

Владимиру Мономаху, ежедневно ходил в церковь, в великий пост всякую неделю приобщался и носил власяницу на голом теле. Достойной спутницей его жизни была в. кн. Евдокие, в иночестве св. *Евфросиния* (1407), строительница в Москве Вознесенского женского монастыря и храмов. После кончины любимого мужа, она, изнуряя тело свое постами, нарочно казалась тучной, для чего носила на себе несколько одежд, украшалась бисером, являлась везде с лицом веселым и радовалась, что злословие представляет сомнительным ее целомудрие. Молва эта волновала и ее сыновей. Тогда, призвав их, она свергнула с себя часть одежды. Сыновья ужаснулись, видя худобу ее тела и кожу совершенно иссохшую. «Верьте», сказала она им, «что мать ваша целомудренна, но виденное вами да будет тайной для мира. Кто любит Христа, должен сносить клевету и благодарить Бога за оную». К лику святых причислены дочь св. Михаила Черниговского княжна Феодулия, в иночестве *Евфросиния Суздальская*, и супруга св. Михаила Тверского *Анна Кашинская*. Великую ревность в отстаивании Православия проявил, как указывалось выше, вел. кн. *Василий II Темный*, когда м. Исидор предал его на Флорентийском соборе. Святители и бояре так прославляли действия Василия: «Государь! мы дремали: ты один за всех бодрствовал, открыл истину, спас веру; митрополит отдал ее на злате римскому папе и возвратился к нам с ересью».

Из южных князей удивительное смирение проявил кн. *Владимир-Иоанн* владимиристо-волинский (1288). Смелый на войне, начитанный (назывался философом), кроткий, милостивый, строгий к себе, он четыре года страдал, как прав. Иов. Нижняя челюсть гнила, болезнь распространялась, он же безропотно переносил боль и занимался делами. Никто из южных князей не построил столько монастырей, не наделил храмов книгами и утварью, как он. Перед кончиной все имущество кн. Владимир роздал бедным. Его отец, кн. *Василько Романович* волинский (1271), храбрый и неутомимый воин, жизнь свою закончил в дикой пещере монахом Георгиевского львовского монастыря, оплакивая грехи мирские.

Шесть вел. князей монгольского периода скончались, приняв перед смертью иночество – Александр Невский, сыновья его Димитрий и Андрей, внук его Иоанн Калита и сыновья последнего Иоанн и Симеон. Князь Димитрий Святославович юрьевский, внук Всеволода III, больной и онемевший, приняв в 1269 г. пострижение от св. Игнатия, еп. ростовского, внятно обратился к святителю: «Святый владыко! да воздаст тебе Бог за труд; ты приготовил меня в дальний путь добрым воином Христовым; там Царь – Бог милости, иду к Нему с верой и надеждою». Выделявшийся в то время, кн. Михаил Александрович тверской, внук св. Михаила, правосудный, истребивший разбои и ябеду в судах, отменивший ряд налогов, на 66 году жизни вдруг жестоко занемог. Встав с одра, он встретил икону Страшного Суда, привезенную ему в дар из Царьграда от патриарха. Потом он пригласил на пир бояр и знатнейшее духовенство вместе с нищими, слепыми и хромыми; братски обедал с ними, и сам каждому поднес прощальную чашу вина, прося благословения. После трапезы, облобызав родных, бояр и слуг, Михаил, поддерживаемый, пошел в соборную церковь, поклонился предкам и указал место для могилы. Народ стоял около церкви; князь на паперти поклонился всем и сказал: «иду от людей к Богу: братья! отпустите меня с искренним благословением». Все зарыдали и говорили в один голос: «Господь благословит тебя, добрый князь наш». Михаил велел вести себя прямо в лавру св. Афанасия, принял пострижение, названный Матфеем, и на седьмой день скончался (в 1399 г.), с именем князя умного, милостивого и грозного в похвальном смысле (Карамзин).

Монастыри

Главу о монастырях архиепископ Макарий начинает следующими строками: «В кровавый период владычества Монголов над Россиею число мирных обителей иночества не только не уменьшилось в ней, а еще увеличилось: их возникло теперь, в двести лет, вдвое больше, нежели сколько было основано прежде – в два с половиною века со времени основания русской Церкви. Этого явления, впрочем, никак не должно приписывать самим Монголам. Они, напротив, только разоряли наши монастыри и разорили их множество как при первом, так и при последующих своих нашествиях на Россию. И если монгольские ханы в своих ярлыках русскому духовенству предоставляли льготы и нашим монастырям, то отнюдь не новые, которыми бы прежде они не пользовались. Нет, такое умножение у нас св. обителей в монгольский период, можно считать, прежде всего, прямым следствием естественного хода и дальнейшего развития у нас религиозно-христианской жизни, которая, с течением времени более и более проникая в сердца людей, возбуждала их более и более устремляться к высшим степеням нравственного совершенства, представляемым иночеством. Еще ближе – следствием глубокого уважения к иноческой жизни, которое тогда было господствующим в России, как в простом народе, так между боярами и князьями, и вызывало многих, особенно из князей, благодетельствовать обителям, обновлять их и устроят вновь. Далее – следствием совершенной безпрепятственности, легкости и удобства, с какими основывались тогда у нас монастыри. Каждый инок, желавший уединения, один или с товарищем, отходил в пустыню или лес, строил себе хижину или копал пещеру и начинал подвизаться. Вскоре он делался известным. К нему приходили, одни за наставлениями и советом, другие с просьбой поселиться вместе с ним. Он принимал. Сами же строили небольшую деревянную церковь и келлии. Добрые люди делали приношения и пожертвования. И монастырь устроился. Случалось, что тот же инок, оставив собранное им

братство, удалялся на новое пустынное место и точно таким же образом устраивал другой монастырь, потом переходил в третью пустыню и основывал третий монастырь. Так, преподобный Авраамий Галицкий основал четыре монастыря, Макарий Унженский – три монастыря, Дионисий Глушицкий – три монастыря и четвертый восстановил, Ферапонт Белоезерский, Димитрий Прилуцкий, Стефан Махрицкий – по два. А всего более умножению у нас монастырей в то время и возбуждению монашеского духа способствовали своим нравственным влиянием, своими трудами и примером, такие великие подвижники, каковы были преподобный Сергей Радонежский, Кирилл Белоезерский и другие, и такие великие святители, каковы были – св. Петр и Алексей московские, Мовсей новгородский, Стефан пермский и им подобные. Монголам можно вменить разве то, что они, не вмешиваясь во внутренние дела нашей Церкви, не возбраняли самим русским заботиться об устройении своих святых обителей, делать на них пожертвования, вклады, как не препятствовали вообще естественному течению церковной жизни. Что же касается до мысли, будто некоторые принимали тогда у нас монашество вследствие государственных бедствий, чтобы найти для себя безопасный приют и покой в стенах мирных обителей, а другие устремлялись туда толпами из городов и сел, привлекаемые одними мирскими преимуществами монастырей: то, признавая эту мысль совершенно сообразною с тогдашними обстоятельствами и свойствами человеческого сердца, мы однакож не находим возможности подтвердить ее фактами. Надобно еще заметить, что большая часть наших монастырей того времени возникла не в первое столетие монгольского ига, когда оно давило Россию всюю своею тяжестью, а уже во второе, когда юго-западная Россия совсем освободилась от этого ига и вошла в состав литовского государства и отчасти Польши, когда в Руси восточной утвердилось и возвысилось Москва и начала жить почти самостоятельною жизнью, и что самое значительное число монастырей основано у нас тогда в области новгородской и других северных, куда владычество Монголов вовсе не проникало».

В 13 веке, с размножением средоточий общественной жизни, продолжает расширяться круг городских и пригородных обителей. В северных городах – в Ростове, Суздали, Москве, Владимире, Твери, Ярославле, Костроме, Нижнем-Новгороде, Юрьеве-Польском, Устюге – прибавляются новые монастыри и являются первоначальные. В Москве в это время были сооружены монастыри Богоявленский и Данилов. Удельное дробление сев.-вост. Руси содействует этому распространению монастырей. Первый князь нового удела старался украсить свою землю хотя одной обителью. Город, особенно стольно-княжеский, не считался благоустроенным, если не имел монастыря и собора. В то время редко появлялась «пустынь» – монастырь, возникавший в глухой, незаселенной местности.

Нашествие татар уничтожило много обителей. Большая часть киевских монастырей исчезла под развалинами, другая оставалась в развалинах. На Волыни и в Галиции, пока там еще владели сильные православные князья, держались и воздвигались новые обители. Выше упоминались Полонинский, Ратский и Георгиевский мон. В Литве близ Новгородка Войшелком основан был мон. Лавришев, обогащенный вкладами.

Даже обители Новгорода, куда не доходили татары, не только не цвели, но некоторые заглохли. Только ученики преп. Варлаама Хутынского основали несколько обителей вблизи Новгорода. *Антоний Дымский* (1273) основал в 14 верстах от Тихвина обитель на озере Дымском. Преп. *Ксенофонт* основал в 25 верстах от Новгорода в пустыне Робейскую обитель (1262). Преп. *Константин*, также из учеников преп. Варлаама, основал с сотрудником своим *Космою* Косин м. около Старой-Руссы. Но и эти обители не процветали. Далее на север существовала обитель, основанная Преп. *Киприаном Устюжским* (ок. 1276) близ Устюга. Святой, в миру богатый землевладелец, полюбив нищету Христову, в тесной келлии посвятил себя Богу. Когда некоторые начали избирать около него такую же жизнь, он отдал земли свои обители новых пустынников, являя пример строгой жизни. Дикий камень, величиною в большую человеческую

голову, побуждал его к бодрствованию: он держал его в руках, чтобы не предаваться дремоте среди молитвенного подвига.

С 14 века начинается сильное развитие монашества, приобретающего новый вид. Лучшее усвоение народом христианства и тяжкие обстоятельства времени побуждали верующих людей к этому.

Тогда же быстро и сильно стало развиваться среди сев. монашества движение в лесную пустыню. В XIV веке пустынные монастыри сравнялись с новыми городскими (42 и 42), в XV веке превзошли их вдвое, в XVI в. в полтора раза. В эти три века построено в пределах московской Руси, сколько известно, 150 пустынных и 104 городских и пригородных монастырей (Ключевский).

Городские и пустынные монастыри различались между собою не только внешней обстановкой, но и общественным значением, духом складывавшегося в тех и других быта, даже в большинстве случаев самим происхождением. Городские и пригородные монастыри обыкновенно создавались набожным усердием высших иерархов, князей, бояр, богатых горожан, – людей, которые оставались в стороне от созданного ими монастырского братства. Ктитору обстраивали обитель, созывали братию и давали ей средства содержания. Митрополиты и епископы строили обители, чтобы отдыхать там от пастырских трудов, пребывать временами в молитвенном уединении и упокоиться по оставлении паствы. Владетельный князь украшал обителями свой стольный город, свое княжество, чтобы создать «прибежище» для окрестных обывателей и иметь постоянных богомольцев за себя с семьею и родителей, иногда исполняя обет, данный в трудном случае, или ознаменовать память о каком либо счастливом событии своего княжения. Боярин или богатый купец создавал себе в монастыре место, где надеялся с наибольшей пользой для души молиться и благотворить при жизни и лечь по смерти. Новгородский боярин Своеземцев, богатый землевладелец, в XV веке построил около своего городка на р. Ваге монастырь, в котором сам постригся с именем Варлаама, приписав к нему значительные земли и оставив братии завет посмертный – ежегодно в день его

кончины вдоволь кормить бедных, сколько бы их ни набралось; после трапезы наказал наделять их печеным и зерновым хлебом. Это был Преп. *Варлаам Шенкурский* или *Важский* (прест. 1462). Иногда обитель строилась при содействии общества городского или сельского. Обитель была нужна, чтобы обывателям было где постричься в старости и при смерти и «устроить душу» посмертным поминовением. Такие монастыри, бывшие в ежедневном общении с миром, назывались «мирскими» (Ключевский).

Другия обители имели более самобытное происхождение, основывались людьми, которые, отрекшись от мира, уходили в пустыню, там становились руководителями собиравшегося к ним братства и сами изыскивали средства для построения и содержания монастыря. Иные основатели становились отшельниками прямо из мира, еще до пострижения, подобно Преп. Сергию Радонежскому, но большинство проходило иноческий искус в каком либо монастыре, обыкновенно также пустынном, и оттуда потом уходило для лесного уединения и создавало новые пустынные обители, являвшиеся как бы колониями старых. Три четверти пустынных монастырей XIV и XV веков были такими колониями. Будущий основатель пустынного монастыря готовился к своему делу продолжительным искусом у опытного старца, часто основателя монастыря. Он проходил разные монастырские службы, начиная с самых черных работ, при строгом посте. Пройдя школу физического труда и нравственного самоотвержения, подвижник, часто еще юный, вызывал среди братии удивленные толки, опасную для смирения «молву», а пустынная молва, как говорится в одном житии, ничем не отличается от мятежной городской славы. Искушаемому подвижнику приходилось бежать из воспитавшей его обители, искать безмолвия в настоящей глухой пустыне, и настоятель благословлял его на это. Основатели пустынных монастырей даже поощряли своих учеников, в которых замечали духовную силу, по окончании искусства уходить в пустыню, чтобы основывать там новые монастыри. Пустынный монастырь признавался

совершеннейшей формой общежития, основание такого монастыря – высшим подвигом инок (Ключевский).

Создатель нового пустынного монастыря некоторое время пребывал в полном уединении. Но постепенно к нему притекали другие искатели безмолвия, и устроялась пустынка. Проф. В. О. Ключевский в «Курсе Русской истории» пишет: «Строгость жизни ея насельников, слава подвигов привлекала сюда издавна не только богомольцев и вкладчиков, но и крестьян, которые селились вокруг богатевшей обители, как религиозной и хозяйственной своей опоры, рубили окрестный лес, ставили починки и деревни, расчищали нивы и «искажали пустыню», по выражению жития преп. Сергия. Здесь монастырская колонизация встречалась с крестьянской и служила ей невольной путеводительницей. Так на месте одинокой хижины отшельника вырастал многолюдный, богатый и шумный монастырь.

Но среди братии нередко оказывался ученик основателя, тяготившийся этим иноческим шумом и богатством; верный духу и преданию своего учителя, он, с его же благословения, уходил от него в нетронутую пустыню, и там тем же порядком возникала новая лесная обитель. Иногда это даже делал не раз и сам основатель, бросая свой монастырь, чтобы в новом лесу повторить свой прежний опыт. Так из одиночных разобщенных местных явлений складывалось широкое колонизационное движение, которое, исходя из нескольких центров, в продолжение четырех столетий проникало в самые неприступные медвежьи утлы и усеивало монастырями обширные лесные дебри средней и северной России».

«Некоторые монастыри явились особенно деятельными метрополиями. Первое место между ними занимает монастырь Троицкий Сергиев, возникший в сороковых годах XIV века. Пр. *Сергий* был великим устроителем монастырей: своим смирением, терпеливым вниманием к людским нуждам и слабостям и неослабным трудолюбием он умел не только установить в своей обители образцовый порядок иноческого общежития, но и воспитать в своей братии дух самоотвержения и энергию подвижничества. Его призывали строить монастыри и

в Москву, и в Серпухов, и в Коломну. Он пользовался всяким случаем завести обитель, где находил то нужным. В 1365 г. в. кн. Димитрий Донской посылал его в Нижний Новгород мирить ссорившихся князей-братьев Константиновичей, и на пути, мимоходом, он нашел время в глуши Гороховского уезда, на болоте при р. Клязьме, устроить пустыньку, воздвигнуть в ней храм Св. Троицы и поселить «старцев пустынных отшельников, а питались они лыками и сено по болоту косили». Обитель Сергия и развила широкую колонизаторскую деятельность: в XIV веке из нея вышло 13 пустынных монастырей- колоний, и 2 в XV в. Потом ея ослабевшую деятельность в этом отношении продолжали его колонии и колонии колоний, преимущественно монастырь преп. *Кирилла Белозерского*, вышедшего из основанного пр. Сергием подмосковного Симонова монастыря (в конце XIV в.). Вообще в продолжение XIV и XV веков из Сергиева монастыря или из его колоний образовалось 27 пустынных, не говоря о 8 городских монастырях».

На то была воля Божия. Однажды, когда Пр. *Сергий* молился, он услышал голос, зовущий его по имени. Сотворив молитву, он открыл окно, и узрел необыкновенный свет. «Сергий», возглашал голос, «Господь внял молитве твоей о чадах твоих». И тогда же преподобный увидел вокруг келлии множество прекрасных птиц. Небесный голос продолжал: «Как видишь этих птиц, так умножится число учеников, и после тебя не оскудеют последующие стопам твоим».

«Так при разносторонних местных уклонениях», пишет В. О. Ключевский, «движение пустынных монастырей сохраняло свое общее направление на беломорский север, к «студеному морю окияну», как выражаются жития заволжских пустынников. Это движение имело очень важное значение в древне-русской колонизации. Во первых, лесной монастырь сам по себе, в своей деревянной или каменной ограде, представлял земледельческое поселение, хотя и непохожее на мирские, крестьянские села: монахи расчищали лес, разводили огороды, пахали, косили, как и крестьяне. Но действие монастыря простиралось и на население, жившее за его оградой ... Вокруг пустынного монастыря образовывались мирские, крестьянские

селения, которые вместе с иноческой братией составляли один приход, тянувшийся к монастырской церкви. Впоследствии монастырь исчезал, но крестьянский приход с монастырской церковью оставался. Таким образом, движение пустынных монастырей есть движение будущих сельских приходов, которые при том в большинстве были первыми в своей округе».

Известный историк С. Соловьев так определял большое значение монастырей в народной жизни: «За стенами монастыря грубым страстям давался полный разгул при первом удобном случае; в стенах монастыря – один ест через день просфору, носит власяницу, никогда не ляжет спать, но вздремнет иногда сидя, не выходит на свет из пещеры; другой не ест по целым неделям, надел вериги и закопался по плечи в землю ... Неудивительно, что монастырь привлекал к себе многих и лучших людей». Отмечая сочувствие Василия III к Волоколамскому мон., он пишет: «Видим в Василии живое сочувствие к господствующему интересу времени, интересу религиозному, сочувствие к монастырю, который имел для лучших людей неотразимую привлекательность, как лучшее, избранное общество, занимавшееся высшими вопросами жизни...» В монастырь шли «за разрешением этих вопросов, за умною беседой вообще; здесь они могли всегда узнать что-нибудь для них важное, ибо здесь собирались книги, здесь сосредоточивалось тогдашнее просвещение, здесь складывалось духовное, умственное оружие, необходимость которого в важных вопросах и тогда хорошо понимали».

Тем, чем для древней киевской Руси являлись преподобные Антоний и Феодосий, создавшие Печерский монастырь, тем для нового средоточия России, северо-восточной ее части, были преподобные Сергей и Никон, воздвигшие Троицкую обитель.

Соловьев, отмечая прежнее значение *монастыря* вообще, пишет: «В одно почти время явились в Московскую область два выходца с концов противоположных: из Южной Руси, из Чернигова, боярин Феодор Плещеев, убегая от разорений татарских; с севера, из самого древнего и знаменитого здесь города, Ростова, боярин Кирилл, разорившийся и принужденный

оставить свой родной город вследствие насилий московских. Сыновья этих пришельцев, один – в сане митрополита всея Руси, другой – в сане смиренного инокa, но отвергнувшего сан митрополиций, заключили тесный союз для того, чтобы соединенными нравственными силами содействовать возвеличению своего нового отечества. Ростовский выходец Кирилл поселился в Радонеже ...».

Сын его Варфоломей, родившийся предположительно в 1314 году, еще отроком отличался строгим постом и по целым ночам молился. Начав семи лет учение, он оказался неспособным, о чем скорбел, прося Господа вразумить его. Один раз в лесу он встретил инокa, который, помолившись о нем, сказал: «с этого дня Бог даст тебе вразумление грамоте», и отрок стал хорошо учиться и мог отдаться чтению церковных книг. Достигши юношеского возраста, он начал проситься у родителей в пустыню. Но те убеждали его не покидать их до кончины, т. к. женатые сыновья заботятся более о женах, нежели о них. Перед кончиной Кирилл и супруга его Мария постриглись и погребены в Хотьковском монастыре в 10 верстах от Троицкого мон. Старший брат Варфоломея, Стефан, постригся, потеряв жену. Варфоломей уступил брату Петру свою часть наследства и отправился по окрестностям искать пустыню. Вместе со Стефаном поселился Варфоломей в 10 верстах от Радонежа московского в глухом непроходимом лесу. Они построили убогую хижину и малую церковь Св. Троицы, которую в 1340 г. освятил священник, присланный св. м. Феогностом. Вскоре Стефан оставил брата и был потом игуменом московского Богоявленского монастыря. Варфоломей принял в 1342 г. от игумена Митрофана пострижение в день свв. Сергия и Вакха.

Для Преп. Сергия началась трудная пустынная жизнь с ея лишениями, с безмолвной внутренней борьбой со страстями, унынием и страхом. Пребывая один с Богом, юный подвижник постоянно чувствовал Его силу и помощь и крепнул духом. Такой светильник не мог укрыться от людей. Молва о нем стала привлекать в его пустыню посетителей. Некоторые из них просили позволения поселиться около него и воздвигали

келлии. Так собралось 12 человек братии. Иноки собирались из своих келлий отдельных для совершения вседневных служб. Для служения литургии приглашался со стороны пресвитер или иеромонах. Долгое время братия, во время нескольких свиданий, упрашивала преп. Сергия принять самому священный сан и быть в их обители игуменом. Наконец, побежденный братолюбием, он изрек: «Желаю лучше учиться, нежели учить; лучше повиноваться, нежели начальствовать; но боюсь суда Божия; не знаю, что угодно Богу; святая воля Господня да будет!»

Митрополит Филарет московский пишет: «Какая замечательная распря! Распря едва ли не превосходнейшая, нежели самое согласие. Здесь смирение старшего сражается с любовью и покорностью младших – единственная брань, в которой ни одна сторона не теряет, а обе приобретают в каждом сражении! Как благополучны были бы общества, если-бы члены их так же препирались между собой за сохранение подчиненности, а не за домогательство власти!»

Рукоположен был пр. Сергей в Борисоглебском мон. в Переяславле-Залесском епископом Волынским Антонием, которому Святитель Алексей, отбывший в 1354 г. в Царьград, поручил управление митрополией. Тогда же был пр. Сергей поставлен игуменом.

Игуменство его было во многом сходно с игуменством пр. Феодосия печерского. Та же строгость в жизни, неутомимость в трудах, бессонные ночи, ночные обходы братских келлий, обличения праздных, тихия и кроткие речи, растворенные слезами братской любви и религиозной ревности. На первых порах монастырь был крайне беден. Иногда литургия не могла совершаться по недостатку вина. Богослужение нередко отправлялось при свете лучины. Ризы были из крашенины, церковные сосуды деревянные, книги писались на бересте. Братия голодала порою по несколько дней, не имея хлеба. Игумен, однако, строго запретил ходить за милостыней и установил, чтобы все жили от своего труда или от добровольных даяний. Сам пр. Сергей показывал пример трудолюбия: молол пшеницу, сеял муку, пек просфоры, носил

воду, рубил дрова, питался только хлебом и водою, одежду носил самую бедную. От братии он тоже требовал суровой жизни. Через некоторое время положение обители улучшилось. Слава об обители, о благочестии иноков и святой жизни игумена ширилась и привлекала многих богомольцев, приносящих порою и обильные пожертвования. Из Смоленска пришел архим. Симон и пожертвовал значительное имущество. Прибыл и брат Сергиев, Стефан, и привел 12-летнего сына, который был затем пострижен с именем Феодора. Число братии увеличилось, но до пострига святой подвергал послушников длительному испытанию. Улучшение материальное дало возможность пр. Сергию устроить странноприимный дом. Патриарх Филофей, зная о подвижничестве пр. Сергия, прислал ему в дар крест, параманд и схиму, а вместе и благословенную грамоту, советуя завести в обители общежитие. На это благословил его и Свят. Алексей. Этим завершено было пр. Сергием внутреннее благоустройство монастыря.

Пр. Сергей постом, бдением и молитвами получил дар прозрения и чудотворений и удостоился посещения Богоматери, которая обещала покровительство его обители. Св. м. Алексей нередко делил с ним время и желал видеть его своим преемником. Смиранный игумен отказался от этого, как и от награждения золотым крестом. «От юности своей», говорил он, «я не был златоносцем, в старости же тем более хочу пребыть в нищете». Пр. Сергей продолжал вести скромный образ жизни и с равной любовью обращался с князьями, которые обогащали монастырь, и с бедняками, питавшимися от обители.

Смиранный пр. Сергей, когда этого требовали исключительные обстоятельства, не уклонялся от участия в государственных делах. В 1365 г. он ходил увещевать суздальских князей Бориса и Дмитрия Константиновичей. В 1380 г. он благословил вел. кн. Дмитрия Иоанновича на борьбу с татарами и прислал ему просфору перед самой Куликовской битвой. В 1385 г. он устроил вечный мир между долго враждовавшими Дмитрием Донским и кн. Олегом Рязанским. Кроткий игумен грозно накладывал церковные наказания на непокорных князей, поддерживавших смуту в государстве. Он

же дал Димитрию для борьбы с татарами иноков Пересвета и Ослябю.

Преставился пр. *Сергий* 25 сентября 1392 г. Святые мощи его были обретены 5 июля 1422 г. В 1447–8 гг. он уже именовался в числе, немногих тогда, великих чудотворцев Русской земли.

Академик В. О. Ключевский отмечает одновременность праведной и созидательной деятельности пр. Сергия с таковой же Святителей Алексия и Стефана. Он пишет: «Эта присноблаженная троица ярким созвездием блещет в нашем XIV веке, делая его зарею политического и нравственного возрождения Русской земли. Тесная дружба и взаимное уважение соединяли их друг с другом. Митрополит Алексий навещал Сергия в его обители и советовался с ним, желая иметь его своим преемником. Припомним задушевный рассказ в житии преп. Сергия о поездке св. Стефана Пермского мимо Сергиева монастыря, когда оба друга на расстоянии 10 слишком верст обменялись братскими поклонами».

«Все три святые мужа», продолжает Ключевский, «подвизаясь каждый на своем поприще, делали одно общее дело, которое простиралось далеко за пределы церковной жизни и широко захватывало политическое положение всего народа. Это дело – укрепление Русского государства, над созданием которого по своему трудились московские князья XIV века. Это дело было исполнением завета, данного русской церковной иерархией величайшим святителем древней Руси митрополитом Петром. Еще в мрачное время татарского ига, когда ни откуда не проступал луч надежды, он, по преданию, пророчески благословлял бедный тогда городок Москву, как будущую церковную и государственную столицу Русской земли. Духовными силами трех наших святых мужей XIV века, воспринявших этот завет святителя, Русская земля и пришла поработать над предвозвещенной судьбой этого города. Ни один из них не был коренным москвичем. Но в их лице сошлись для общего дела три основные части Русской земли: Алексий, сын черниговского боярина – переселенец, представлял старый киевский юг, Стефан – новый финско-русский север, а Сергий,

сын ростовского боярина – переселенца, велокорусскую средину. Они приложили к делу могущественные духовные силы. Это были образованнейшие русские люди своего века; о них древние жизнеописатели замечают, что один «всю грамоту добре умея», другой «всякое писание ветхого и нового завета пройде», третий даже «книги греческие извыче добре». Потому ведь и удалось московским князьям так успешно собрать в своих руках материальные, политические силы русского народа, что им дружно содействовали добровольно соединившиеся духовные его силы».

Под руководством Пр. Сергия в его обители образовались высокие подвижники благочестия. *Симон* безмолвник, ранее архимандрит смоленский, смиренный ученик богоносного старца, удостоившийся быть свидетелем видения об учениках святого. *Исаакий* безмолвник, любимый ученик преподобного; его первого пригласил пр. Сергей разделить духовную радость о посещении его Божией Матерью и Апостолами. Пр. *Михей*, живший в его келлии и видевший сие посещение. *Макарий*, вместе с Исаакием, видевший ангела, сослужившего преподобному при совершении Евхаристии. *Симеон* еkkлесиарх, который зрел духовными очами небесный огонь, когда святой совершал литургию. (Архиеп. Филарет).

Пр. Сергей был распространителем монашества. Святитель Алексей, устроая в Москве Спасский монастырь, испросил у преподобного любимого ученика его Пр. *Андроника* (ум. между 1374–1404) в настоятели. Он с юных лет воспитывался под надзором пр. Сергия и усвоил его строгия правила. Спасо-Андроников мон. сделался «велик и славен», особенно добродетелями и мудростью первых своих настоятелей: Андроника, ученика его – Саввы, и ученика Саввина – Александра. Обитель дала многих игуменов в другия обители и нескольких епископов. Для обители своей в память чуда архангела Михаила Свят. Алексей вызвал несколько учеников пр. Сергия. Св. *Феодор* (1395), племянник святого, постриженный им на 12 году от рождения, получил от него благословение на желание построить обитель. Пр. Сергей сам ходил благословить место для *Симоновской* обители на берегу

р. Москвы, и св. Феодор, вполн. архиеп. Ростовский, был ея игуменом и архимандритом. По желанию кн. Владимира Андреевича Храброго, пр. Сергей в 1374 г. заложил близ Серпухова *Высотский* монастырь, пришел туда пешком, и оставил игуменом пр. *Афанасия* (прест. после 1401), отличавшегося любовью к просвещению. Пр. *Мефодий* (1392), после нескольких лет обучения монашеству у пр. Сергия, по его благословению, удалился за г. Дмитров в глухое лесное уединение; когда стали стекаться ученики, святой благословил его перейти в другое место. Мефодий сам трудился при построении церкви и келлии, и основал Николаевскую *Песношскую* обитель. Быв на родине своей, в Ростове, пр. Сергей благословил иноков *Феодора* (1409) и *Павла* (прест. вскоре) устроить, на выбранном им месте, Борисоглебский монастырь. По просьбе вел. кн. Димитрия Донского пр. Сергей основал два монастыря: в 1378 г. *Дубенский на Стромьни*, поставив игуменом ученика Леонтия, и обетный, после Куликовской победы. Игуменом последнего был ученик святого и духовник Сергиевой обители, пр. *Савва*, которого позднее сын Димитриев, Юрий, упросил создать *Звенигородскую* обитель на Сторожевой горе. Не раз отправляясь, и всегда пешком, умиротворять беспокойного кн. Олега рязанского, пр. Сергей основал по пути, близ Коломны, на урочище Голутвине, монастырь, наименованный *Голутвинским*, и поставил игуменом ученика Григория. Пр. *Авраамий Галичский* (1375), постриженник святого, построил обитель на урочище Чухломе, бл. Галичского озера. Им были созданы еще три монастыря. Пр. *Сергий Нуромский* (1412), оставивший Афон для пр. Сергия, был его учеником; желая потом пустынного уединения, он основал обитель на утесистом берегу р. Нурмы.

Учениками пр. Сергия были: Пр. *Роман Киржачский* (1392), основатель и игумен обители около села Киржача. Подвижники Костромской области – Пр. *Павел Комельский* или *Обнорский* (1429), Пр. *Сильвестр Обнорский* (1379) и Пр. *Иаков Железоборовский* (1442). Спостником пр. Сергия был его преемник по игуменству, Пр. *Никон Радонежский* (1427–8), так

много сделавший для дальнейшего развития и устройства Троицкой обители.

Другом Пр. Сергия был Пр. *Димитрий Прилуцкий* (1392), приходивший к нему из Никольского монастыря, основанного им на берегу Переяславского озера. Лицом красивый, целомудренный, он ходил с закрытым лицом и избегал встреч с женщинами. Вел. кн. Димитрий пригласил его быть восприемником сына. В 1371 г. пр. Димитрий, удаляясь славы человеческой, ушел в вологодские леса, пребывал в болотистой местности. Позднее он основал Прилуцкий мон. около Вологды. Близок был пр. Сергей с Святителями *Стефаном Пермским*, *Дионисием Суздальским* и с пр. *Стефаном Махрицким*, постриженником Киево-Печерской обители, основавшим Святотроицкий мон. на р. Махрице, близ Александрова.

В Симоновском монастыре, в пекарне, смиренно трудился послушник, потом постриженник св. Феодора, Кирилл. Взор на огонь пекарни переносил мысль его к вечному огню, и он часто плакал. Пр. Сергей каждый раз, приходя в обитель, шел прежде всего в пекарню к Кириллу и долго беседовал с ним о «пользе душевной», провидя великого подвижника. Кирилл заменил Св. Феодора в игуменстве. Но затем он, по велению Божией Матери, ушел в пустыню на берег Белого озера. Там он подвизался 30 лет, создав общежительную Белозерскую обитель, славившуюся подвигами своих насельников. Пр. *Кирилл Белозерский* обладал даром прозрения и чудес. Осуществив строжайшее общежитие, преставившись в 1427 г., в 90-летнем возрасте, он, как пишет архиеп. Макарий: «своими высокими подвигами приобрел себе всеобщее уважение и братии, и народа, и князей, и оказывал сильное духовное влияние на всю страну. Монастырю св. Кирилла Белозерского суждено было сделаться знаменитейшим из всех монастырей северной России».

В одно время с Пр. *Кириллом* оставил Симоновскую обитель ученик Пр. Сергия Пр. *Ферапонт Белозерский* (1426), ушедший с Кириллом, подвизавшийся на Белом озере не вдали от него. Им тоже основан там монастырь. Позднее, по просьбе кн. Андрея Можайского, он под Можайском построил Лужецкую

обитель и почил в ней архимандритом. Ферапонтов монастырь знаменит иконной росписью Дионисия.

В ту же эпоху созданы были и другие известные монастыри. Из Нижнего-Новгорода воссиял святостью *Дионисий Суздальский*, подвизавшийся в пещере на берегу Волги, около 1330 г. устроивший там *Печерский* монастырь. Учениками его были Пр. *Евфимий Суздальский* (1404), осн. Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале, и Пр. *Макарий Желтоводский* или *Унженский* (1444), с 12 лет подвизавшийся у св. Дионисия и основавший три обители в Костромских пределах.

В Москве, наряду с упоминавшимися Чудовым, Вознесенским, Сретенским монастырями, основаны были семь новых монастырей. В Ростове новыми монастырями были: Григориевский или св. Григория Богослова, где принял пострижение св. Стефан, просветитель Перми; Зачатиевский Иаковлев, основанный ок. 1389 г. св. епископом Иаковом, и Рождественско Богородицкий, основание которого приписывается первому ростовскому архиепископу св. Феодору (1389–94). В Тверском княжестве воздвигнуты 11 новых монастырей, в Нижнем-Новгороде и его окрестностях четыре, вблизи Рязани два. В Костроме во второй половине XIV века крестившийся татарский князь Чет построил Ипатьевский монастырь. В Костромском крае возникло еще девять монастырей. В Суздали Спасо-Евфимиев мон. построен был в 1352 г., по просьбе кн. Бориса Константиновича, Пр. Евфимием; женский Покровский мон. сооружен в 1364 г. кн. Андреем Константиновичем.

В Новгородской области местные летописи упоминают о прежних монастырях, из коих особенно известны Юрьевский, Антониев и Хутынский. В Новгороде и вблизи его св. архиепископ Моисей основал с 1335 по 1357 г. пять монастырей. Архиепископ Иоанн в 1407 г. два. Святитель Евфимий в 1432 г. монастырь 12-ти Апостолов. Упоминаются еще семь новых обителей. В числе новых обителей, основанных монашествующими, более всех известен Вознесенский Савво-Вишерский. Сын Кашинского боярина Борозды, Пр. *Савва Вишерский* (ок. 1460), с юных лет был иноком одной из тверских

обителей, основал сей монастырь на берегу р. Вишеры, и, пребывая в нем, подвизался на столпе, сходя с него только по субботам и воскресеньям. Процветали обители Валаамская и Коневская, развивалась Соловецкая.

В Псковской земле подвизался Пр. *Евфросин Псковский* (ок. 1481), основавший обитель, отличавшуюся такой строгостью, трудами и длинными бдениями, что один новгородский священник, приходивший в обитель для проверки ее святости, после так отзывался об игумене с братией: «Это железный с железными».

Обогатился новыми монастырями Вологодский край, где известны были ранее всего три монастыря. Во второй половине XIII в. основался Спасо-Каменный монастырь на острове Кубенского озера. Находясь под покровительством князей Белозерских, обитель вскоре пришла в цветущее состояние, в особенности при игумене Дионисии Греке, постриженнике Афонском, давшем ей устав св. Горы. В 1418 г. он был поставлен епископом Ростовским. Три монастыря устроены были Свят. Стефаном Пермским. Пр. Дионисий Глушцкий основал три монастыря. Известны обители Авнежско-Троицкая, созданная пр. Стефаном Махрицким, Спасо-Прилуцкая, основанная пр. Димитрием, который первый ввел в этом крае общежитие; Нуромская Спаса Всемиловитового; Павло-Обнорская; Александро-Успенская на р. Куште; Лопотово-Богородицкая, основанная в 1426 г. пр. Григорием Пелшемским, из рода галичских бояр Лопотовых.

Северным Заволжским подвижникам свойственны: нестяжательность, любовь к ближним, смирение, кротость и уединенное богомыслие, заветы, воспринятые от прпп. Сергия и Кирилла.

Упоминались раньше святые княгини *Евфросиния Суздальская* и *Евфросиния Московская*, основательницы женских монастырей. В Нижнем-Новгороде такую же обитель основала и в ней подвизалась *Феодора Нижегородская*, по мирскому имени Васса или Василиса, дочь тверских бояр, супруга Суздальского князя Андрея Константиновича, который был «духовен зело и добродетелен». С детства она любила

читать Св. Писание, и желала посвятить себя Богу. Став княгиней, она не была увлечена богатством и почестями и оставалась постницей и молитвенницей. Через 4 года после смерти супруга (1365), она, раздав богатство и даровав свободу слугам, приняла постриг от Пр. Дионисия, вп. архиеп. суздальского, и ушла в созданный ею в 1355 г. Зачатьевский монастырь. Там она проявляла себя великими подвигами. По ее примеру 90 вдов и девиц, в числе их княгини и боярыни, подвизались в сей обители. Скончалась она в 1378 г.

С последней половины XIV века в обителях начали усиливать строгое общежитие, т. к. дотоле во многих из них каждый инок снискивал трудом пропитание для себя одного, или же жили отшельнически. Необщежительными оставались многие небольшие северные монастыри. Симонов мон. был ставропигией константинопольского патриарха. В епархиях имелись некоторые монастыри, на положении ставропигий митрополита. Существовали монастыри несамостоятельные, приписные к другим. Число братий в монастырях было различно, в одних было 100–300 братий, в других 6–2.

Одни монастыри управлялись игуменами, другие архимандритами. Небольшое число последних значительно возросло в рассматриваемое время. В Новгороде был один архимандрит Юрьевский, и только однажды упоминаются два архимандрита. Настоятели Киево-Печерского мон. именовались то игуменами, то архимандритами. Некоторые архимандриты, напр. пр. Евфимий Суздальский, в качестве особого преимущества, получали право священнодействовать в митре и с рипидами.

Средствами для содержания монастырей были разные пожертвования богомольцев, вклады на помин души и монастырские вотчины. Вотчин было уже так много, что они составляли главный источник содержания монастырей и влияли на самую жизнь последних, втягивая их в мирские попечения о хозяйстве, суде, управе над крестьянами, в тяжбы с соседями, и пр. Тогда уже возникал вопрос, прилично ли монастырям владеть селами. Приводился выше отзыв Святителя Киприана, не сочувствовавшего владению монастырей селами. Положение

продолжало оставаться прежним. Вотчины увеличивались покупками, пожертвованиями, вкладами, главным же образом заселением монастырями пустых мест. Крестьяне монастырские освобождались князьями от разных податей и повинностей. При продаже и покупке припасов монастыри освобождались от торговых пошлин. Монастырских крестьян судил игумен с братией, кроме крупных уголовных дел. Стремление поселения тяглого люда на монастырских землях стало задевать интересы княжеской казны. Поэтому в жалованных грамотах монастырям им дозволялось перезывать крестьян только из чужих княжеств, а не с тяглых земель местного князя. Значительное число населения привлекала на монастырские земли благотворительная деятельность монастырей, которая снабжала крестьянина всем нужным и во всем ему помогала. В голодные годы обители кормили из своих житниц сотни обнищавшего люда. В один голодный год Кириллов мон. кормил ежедневно 600 нищих. Около обителей были устроены богадельни, больницы и гостиницы. Кто хотел учиться, мог найти в монастыре и лучших учителей, и богатую по тому времени библиотеку. В монастыри шли и князья и простые люди для духовной беседы, для утверждения себя – в миру – в благочестии. Кроме устных наставлений, оттуда выходили и учительные послания. Влияние монастырей на народную нравственность всего яснее видно из того аскетического оттенка, который замечается во всех проявлениях нашего древнего благочестия. Отмечалось ранее их миссионерство. (По Знаменскому).

Юродство Христа ради

Из свойственного русской душе, освященной православием, чувства смирения – проистек и заимствованный из Византии, ярко выявившийся на Руси, подвиг юродства Христа ради.

Людской жажде всевозможных земных благ, пышности – юродивые противопоставляли полное к сему безразличие, нищенскими рубищами прикрывая свое, изможденное трудами и подвигами поста, тело. Торжествующей на земле лжи, страшному притворству, выражающемуся во внешнем проявлении людьми постоянно несуществующего чувства приязни, – юродивые противопоставляли истинную любовь, сочувствие к людям, чистую правду, объявляемую ими всем, не считаясь ни с чьим положением. Юродивые, будучи истинно мудрыми людьми, приносили величайшую жертву – отказывались – *отрешались* от ума, когда деятельность их переходила во внешнюю жизнь. Спасение ближних от гибели, жертва для этого всем – являлось важнейшей целью для них. Основой же подвигов этих настоящих «законников Христу» – исполнителей Его заветов – было *смирение*. Упреки в безумии, презрение и поношение толпы принималось ими особенно радостно.

«Совершенство смирения», поучал св. Исаак Сирин, «в том состоит, чтобы с радостью сносить ложные обвинения. Кто истинно смиренномудр, тот, будучи обижен, не возмущается и не говорит ничего в свою защиту о том, в чем он обижен, но принимает клеветы, как истину, и не старается уверять людей, что он оклеветан, но просит прощения. Иные добровольно навлекали на себя название прелюбодеев, будучи далекими от прелюбоддеяния, и слезами свидетельствовали, что несут на себе плод греха, которого не делали, и с плачем просили у обидевших прощения в беззаконии, которого не совершали, когда душа их была увенчана всякой чистотой и непорочностью. Иные же, чтобы не прославляли их за превосходные правила жизни, соблюдаемые ими в тайне, представлялись в образе юродивых, быв растворены божественною солью и

непоколебимы в своей тишине, так, что на высоте совершенства своего святых ангелов имели провозвестниками своих добродетелей».

Первым русским юродивым был Пр. *Исаакий Киево-Печерский*, принявший этот подвиг по получении исцеления. После него подвизался Блаженный *Прокопий Устюжский* (1303). Он был богатым иностранным купцом, торговавшим в Новгороде. Почувствовав превосходство Православия, он в Хутынском мон. присоединился к нему. Его подвижническая жизнь привела в Хутынскую обитель и других иностранных торговцев. Не довольствуясь обычным подвигом, он избрал юродство. Блаженный удалился в Устюг. Здесь днем ходил он в городе как юрод, и собирал толчки и побои, насмешки и брань, а ночь проводил в молитве у дверей церковных; от нищих принимал пищу, а не от богачей, богатых неправдой. Ни летом, ни зимой не имел нигде пристанища, но часто сидел на берегу р. Сухоны, молясь о плавающих. Молитва его спасла Устюг от каменной тучи, разрешившейся недалеко от города. (Архиеп. Филарет). Он носил в левой руке три кочерги и положением их предсказывал урожаи и недороды.

Бл. *Николай Кочанов*, Новгородский чудотворец (1392), происходил из почитаемой состоятельной семьи. Он отказался от богатств и, юродствуя, более всего любил пребывание во храме, молитву о заблудших, из коих многих «обрати ко Господу». Мирил он буйных новгородцев и завещал похоронить себя на самом конце кладбища, притом на дороге, чтобы как можно более ног попирало его прах. Современником бл. *Николая* был блаженный *Феодор*, новгородский чудотворец (1392), который тоже, юродствуя, мирил сограждан, молитвами своими оградил от напастей свою земную родину. Блаженный *Максим*, Московский чудотворец (1433), отличавшийся особым терпением. «Оттерпимся, и мы люди будем; исподволь и сырые дрова загораются; за терпение дает Бог спасение» – говорил юродивый. Укреплял он дух народный во времена татарского ига, засух, голода и мора. Пр. *Михаил Клопский*, Новгородский чудотворец (1452), княжеского рода, обличавший недостатки и людей сильных, провидевший будущее.

В январе 1440 года Бл. Михаил, находясь в обители Св. Николая на Вяжицах, 22 числа вдруг поднялся на колокольню и начал звонить во все колокола. «Что это значит?» – спрашивали его. «Ныне в Москве радость», отвечал юродивый. «Что за радость такая?» – спросил его владыка Евфимий. «У вел. князя родился сын Тимофей, он же Иван. Да и какой сын! Той будет всему русскому царствию наследник и всем окрестным странам страшен будет, и гордыню вашу упразднит и в свою волю вас приведет, все ваше самовластие разрушит». В этот день родился Иоанн III Васильевич, покоровший в 1477 г. окончательно Новгород. Бл. *Исидор Твердислов*, Ростовский чудотворец (1474), славянин, бежавший из Пруссии от преследований, живший на топком месте среди г. Ростова, отдыхавший на грудах сора. Терпел он холод и зной. «Всякое озлобление претерпевая», блаженный горячо молился за обидчиков. Совершал чудеса. Слово его всегда сбывалось, отчего и получил он свое наименование. Час кончины его ознаменовался необыкновенным благоуханием, разлившимся по всему городу.

Состояние просвещения

Религиозное образование описываемого периода развивалось при самых неблагоприятных условиях. Татарские нашествия разрушали школы и монастыри с их библиотеками. Во время удельных смут мало кто интересовался образованием. Один Новгород составлял в это время исключение. Духовенство плохо удовлетворяло своему просветительному призванию. Св. м. Киприан прямо обвинял низшее духовенство в невежестве, указывая при этом на толстые сельские сборники, наполненные неподобающими молитвами и суеверными сказаниями (Знаменский).

И все же, наиболее образованным было духовенство. Соловьев, отмечая, что Димитрий Донской не был хорошо изучен книгам, а о Василии II Темном летописи говорили, что он был ни книжен, ни грамотен, пишет, что «грамотность сохранялась в сословии духовном: книги не могли утратить своего значения, как вместилища религиозных сокровищ; учение книжное не могло не оставаться желанною целью для лучших людей, как сообщавшее им познание вещей божественных, дававшее средства к религиозному совершенствованию». «Книга», говорит далее историк, «следовательно, продолжала считаться сокровищем; во время Тохтамышевой осады, в Москву со всех сторон снесено было множество книг; книги усердно переписывались иноками, переводились с греческого, составлялись сборники; вместе с книгами духовного содержания переписывались и летописи».

В то время усилилась переводная письменность. Русские ездили на восток за книгами. Современник св. м. Киприана, пр. Афанасий, игумен Высоцкий, прожил 20 лет в Царьграде, списывая книги. Сам Свят. Киприан много переводил. По свидетельству архиеп. Филарета, лучший его труд в этом отношении – перевод лестницы св. Иоанна и толкования на нее. На Афоне – в русском Пантелеимоновском и сербском Хиландарском монастырях – частью русские, частью другие славянские иноки усердно переводили греческие сочинения,

большей частью близкие к их времени и скудные по содержанию. Для религиозного просвещения Руси особенно важное значение имели переводные сборники, напр., Никона Черногорца из статей догматического, нравственного, литургического и канонического содержания; книга Пчела, в которой помещались изречения Св. Писания, отцев Церкви, древних философов, поэтов и историков; Златая Цепь, русский сборник из поучений святых отцов и русских статей; Паисиевский сборник, со многими русскими статьями и переделками греческих переводов на русские нравы; Маргарит, Измарагд, Торжественники и др. (Знаменский).

Болгария, где большое значение с конца XII века имели богомилы, а также Сербия передавали сочинения – в духе богомилов – апокрифические повести, вымышленные воображением детским, или и совсем нечистым. В одном списке церковного устава, после списка книг полезных, сказано, что статья о книгах запрещенных (отреченных) внесена в сей устав из молитвенника м. Киприана. По этому замечанию видно, что древняя греческая статья о книгах полезных и вредных в славянском переводе и с дополнениями обнародована заботливостью св. *Киприана*. Возможно, им составлены перевод и дополнения. Пастырь образованный знал по опыту отечества своего, в каком ходу подложные сочинения у людей, незнакомых с истинным христианским просвещением, и как они вредны для веры и благочестия (Архиеп. Филарет). Проф. Знаменский в свою очередь пишет: «Апокрифы эти быстро распространялись в читающей публике, потому что она находила в них вполне сродные себе понятия, более для нея ясные, чем чистое христианское учение, и обильную пищу для своей наивной пытливости».

Любимым родом оригинальной письменности были поучения и послания. Характер их преимущественно обличительный. Пропадает в них прежняя простота, и, в особенности с XV века, появляются многоглаголивость, риторские приемы, хитросплетения речи, происходившие отчасти от подражания византийскому риторству, отчасти от

неумения разобраться достаточно в некоторых вопросах. (Знаменский).

В XIII веке знаменитыми на поприще церковной проповеди были митрополит *Кирилл* и св. *Серапион*, еп. Владимирский. Правило м. Кирилла (на соборе 1274 г.), обличающее современные ему нестроения, указывающее на тогдашние бедствия, как наказание Божие за грехи, начинает целый ряд обличительных посланий. «Поучение к попам», которым оно заканчивается, было долгое время любимой статьей русских сборников.

Поучения святителя Серапиона ярко характеризуют темные стороны удельного времени: междоусобия, насилия, разбои, порабощение слабых сильными, издоимство, немилосердие к бедным и сирым, слабость семейных уз, пьянство. Особенно замечательны обличения остатков язычества, веры в волшебство. Архиеп. Филарет жалеет, что известны только пять из многих его поучений. По его отзыву, в словах св. Серапиона «говорит красноречие сердца, виден и дар слова, видно и знание слова Божия».

В XIV в. известны поучения: св. митрополита Петра игуменам, попам и диаконам, сходное с поучением м. Кирилла; поучения Святителя Алексия к духовенству и пастве. Послание св. архиеп. Василия к тверскому еп. Феодору о рае примечательно по влиянию на него апокрифов. Образцом нравоучения, без обличений, является поучение еп. Сарайского Матфея «К детям своим», в котором излагается ряд кратких и простых наставлений о вере, любви, посте, почитании духовенства, о князе, слугах. В этом поучении три раза преподается наставление хорошо обращаться с прислугой.

В XV в. особенною простотою и живостью отличается поучение св. еп. Новгородского Симеона к псковичам, с изложением нравственных правил, наставлением чтить сан духовный и не вступаться в церковные имущества.

Славился и епископ Кирилл Ростовский (1262), о котором, по словам Соловьева, говорится, что «народ из окрестных городов стекался слушать его учение от св. книг, и автор этого известия говорит о себе, что он, стоя в церкви в некотором

узком и уединенном месте, записывал слова проповедника». Под 1382 годом летописец говорит о кончине нижегородского инокa Павла Высокого, который был очень книжен и большой философ; слово его было солью божественною растворено. (Соловьев).

К разряду положительных поучений относятся послания пр. Кирилла Белозерского к в. кн. Василию I и братьям его, князьям Андрею Можайскому и Юрию Звенигородскому. Игумен Кирилл писал вел. кн. Василию Димитриевичу: «Чем более святые приближаются к Богу любовью, тем более видят себя грешными; ты, господин, приобретаешь себе великое спасение и пользу душевную этим смирением своим, что посылаешь ко мне, грешному, нищему, страстному и недостойному, с просьбою о молитвах ... Я, грешный, с братиею своею рад, сколько силы будет, молить Бога о тебе, нашем господине; ты же сам, Бога ради, будь внимателен к себе и ко всему княжению твоему. Если в корабле гребец ошибется, то малый вред причинит плавающим; если же ошибется кормчий, то всему кораблю причиняет пагубу: так, если кто от бояр согрешит, повредит этим одному себе; если же сам князь, то причиняет вред всем людям. Возненавидь, господин, все, что влечет тебя на грех, бойся Бога, истинного Царя, – и будешь блажен. Слышал я, господин князь великий, что большая смута между тобою и сродниками твоими, князьями суздальскими. Ты, господин, свою правду сказываешь, а они свою, а христианам чрез это кровопролитие великое происходит. Так посмотри, господин, повнимательнее, в чем будет их правда перед тобою, и по своему смирению уступи им; в чем же будет твоя правда перед ними, – так ты за себя стой по правде. Если же они станут тебе бить челом, то, Бога ради, пожалуй их, по их мере, ибо слышал я, что они до сих пор были у тебя в нужде, и оттого начали враждовать. Так, Бога ради, господин, покажи к ним свою любовь и жалованье, чтобы не погибли, скитаясь, в татарских странах... Никакая власть, ни царская, ни княжеская, не может избавить нас от нелицемерного суда Божия; а если будешь любить ближнего, как себя, если утетишь души скорбные и

огорченные, – это много поможет тебе, государь, на страшном и праведном суде Христовом».

Князю Андрею Димитриевичу, в уделе которого находился его монастырь, пр. Кирилл писал: «Ты властелин в отчине своей, от Бога поставленный унимать людей своих от лихого обычая: пусть судят суд праведный, поклепов, подметов бы не было, судьи посулов бы не брали, были бы довольны уроками своими; чтобы корчмы в твоей отчине не было, ибо это великая пагуба душам – христиане пропиваются, а души гибнут; чтобы мытов¹¹) не было, ибо это деньги неправедные, а где перевоз, там надобно дать за труд; чтобы разбоя и воровства в твоей вотчине не было, а если не уймутся от злого дела, то вели наказывать; также, господин, унимай от скверных слов и брани». Князю Юрию Димитриевичу пр. Кирилл писал послание утешительное, по случаю болезни его жены. Послания пр. Кирилла, простые, кроткие, но и сильные, замечательны, как по изложению, так и по свидетельствованию о тех независимых и задушевных отношениях, которые существовали в то время между представителями государственной власти и духовенством.

Из поучений святителей не русского образования известны таковые св. митрополитов Киприана и Фотия, а также Григория Цамблака. Велико значение в истории нашего образования Святителя Киприана. От Святителя Фотия осталось 8 поучений и 29 грамат и посланий. Слова митр. Григория Цамблака (их 22) представляют собою оторванное от жизни, многоречивое и напыщенное подражание византийским образцам, мало понятное русским. После м. Фотия живая церковная проповедь замолкает, и остаются единственным родом словесности поучительные послания. Св. митрополит Иона оставил 35 таких посланий разнообразного практического содержания. (Знаменский).

Литература назидательных повествований значительно увеличилась. В XIII веке написаны жития свв. кн. Михаила Черниговского и боярина Феодора – неким Андреем, вероятно, современником событий, св. кн. Александра Невского и свят. Исаии, епископа ростовского – неизвестными авторами. В XIV

веке явились жития святых еп. Кирилла туровского и митрополита Петра. Последнее, написанное еп. ростовским Прохором, отличается краткостью и простотой, чем разнится от жития того же святителя, составленного св. митр. Киприаном. В летописях помещались сказания о свв. Довмонте, Михаиле Тверском, о жизни и преставлении Димитрия Донского, о чуде Владимирской Божией Матери при нашествии Тамерлана, и др. В XV в. св. Питиримом Пермским было написано житие св. Алексия. Начинает проникать витийственный лад. Из витийственных писателей известны: троицкий монах *Епифаний Премудрый*, от которого остались жития пр. Сергия и Никона Радонежских, св. Стефана Пермского. *Пахомий Логофет*, родом серб, великий ритор, живший сначала в Москве, потом при новгородских владыках Евфимии и Ионе, наконец, опять переехавший в Москву, написал до 16 или 18 служб и канонов русским святым, несколько похвальных слов и жития святых Варлаама Хутынского, новгородских владык Иоанна, Евфимия, Моисея, Кирилла Белозерского, митрополитов Алексия и Ионы, в. кн. Ольги и Саввы Вишерского. Встречались также жития апокрифические, в которых отразились народные понятия и верования. Примером может служить муромское сказание о Петре и Февронии. Народный элемент в значительной мере отразился также в древних житиях пр. Авраамия и св. Меркурия Смоленских. (Знаменский).

Соловьев пишет, что по житию свят. Стефана, составленному Епифанием, можно составить лексикон тех искусственных, чуждых русскому языку по своему грамматическому образованию слов, которые вносила в книжный язык древней Руси южно-славянская письменность. Автор не любит рассказывать и размышлять просто. Для характеристики святого он набирает в одном месте 20, в другом 25 эпитетов, и почти все они разные.

Сохранились благочестивые описания путешествий ко святым местам. В половине XIV в. путешествовал в Царьград и Иерусалим новгородец Стефан. В записках он отметил, что русские путешественники пользовались в Константинополе особенным вниманием со стороны правительства, церковного и

гражданского. Патриарх, увидевши русских странников, подозвал их к себе, благословил и разговаривал с ними. В Студийском мон. Стефан встретил своих новгородцев Ивана и Добрилу, занимавшихся там списыванием книг. Сохранились описания смоленского иеродиакона Игнатия, спутника м. Пимена, и троицкого иеродиакона Зосимы, путешествовавшего в 1420 г. в Иерусалим.

Замечательны записки о путешествии на Флорентийский собор м. Исидора одного из его спутников, где описываются диковинки запада, поразившие русского человека – соборы разных городов, колокольница флорентийская, о которой недоумевает ум, иконы, статуя Мадонны и пр. Сохранилось также описание самого Флорентийского собора, написанное спутником митрополита Исидора, суздальским монахом Симеоном. Последний так описывал гонения, им испытанные: «Исидор митрополит остался в Венеции и пересылался с папою, да, ходя по божницам, приклякал (приседал) по-фряжски, и нам приказывал то же делать; но я много раз с ним за это спорил, и он держал меня в большой крепости. Тогда я, видя такую неправду и великую ересь, побежал в Новгород, из Новгорода в Смоленск». Смоленский князь выдал Симеона Исидору, который посадил его в темницу, в железа, и сидел он всю зиму в одной свитке, на-босу-ногу, потом повезли его из Смоленска в Москву.

Часть третья. От разделения митрополии до учреждения патриаршества

Распространение веры

Христианство продолжало распространяться в *Пермском* крае, особенно после 1472 г., когда воевода кн. Федор Пестрый «привел всю Землю за великого князя» – Иоанна III. Но еще долго Церковь не могла вытеснить из пермских лесов остатков язычества, тем более, что местное духовенство не проявляло достаточной ревности о вере. В 1501 г. митрополит Симон горько укорял его за небрежение к исполнению пастырских обязанностей и дурную жизнь. Владыка увещевал пермского князя Матфея и других начальников стараться об искоренении служения болвану Воипелю и треб языческих. Известны, проповедывавшие в тех краях, препп. *Лонгин* и *Симон*, основавшие около 1537 г. обитель в устье р. Коряжемки в 10 верстах от Сольвычегодска; последний в 1541 г. основал еще обитель на р. Сойге, в 82 верстах от Сольвычегодска. Важным было поселение в пермском крае *Строгановых*. Кругом их богатых усольев начали возникать церкви и монастыри, между которыми замечательны по просветительному значению Пыскорский и Соликамский монастыри. Лука Строганов упоминается в правление вел. кн. Иоанна III, как богатый, искусный в делах и знающий старину, уроженец тех стран. При вел. кн. Василии III, внуки Луки получили право населить пустынный участок в Устюжском уезде. В царствование Иоанна IV они обратили свою промышленную деятельность в область Камы, и все более приближались к Уралу. Обладая крупными средствами, варили соль, строили городки или острожки, снабжая их «нарядом» (артиллерией) и содержа там ратных людей.

Из Пыскорского мон. вышел просветитель пермских *вогулов* и *остяков* пр. *Трифон Вятский* (1612). Проповедуя Христа, он водворился на р. Мухе на остяцком освященном месте, где стояли боготворимые остяками деревья. Срубив эти деревья, он, не устранившись последовавшей злобы язычников, продолжал проповедь, крестил многих, даже семейства остяцкого и вогульского князей. Он основал на р. Чусовой

обитель, где жил 9 лет, пока его не прогнали местные жители. Тогда он ушел в Хлыново (буд. Вятку) и в 1580 г. основал Успенский мон. По неудовольствию братии на его строгость, он удалился из обители и вел долгую странническую жизнь, проповедуя по берегам Камы и Вятки. В глубокой старости он вернулся в Вятскую обитель и преставился там в 1612 году.

Просветительная деятельность пустыннолюбивых иноков в XV и XVI веках проникла и в отдаленное северное поморье, где по обширным тундрам кочевали дикие *лопарь*. Средоточием этого просвещения была *Соловецкая* обитель. Они приходили к пр. Зосиме и принимали крещение. Постриженник этой обители, пр. Феодорит (1577), с 13 лет посвятивший себя Богу, местом своих подвигов избрал самый северный край, наиболее чуждый христианству. Он поселился для уединения на р. Коле и провел с одним старцем там 20 лет. Удостоенный затем в Новгороде священства, он возвратился на Колу. Старец с юношеским жаром проповедывал лопарям на их языке, учил их грамоте, перевел им молитвы. В один раз он крестил 2000 язычников. В устье Колы он создал Троицкую обитель. Строгость его правил была причиной изгнания малодушными Феодорита из обители. Он жил потом в Новгороде, был затем архимандритом суздальского Евфимиева мон. По поручению царя Иоанна IV Грозного, он ездил в Грецию для испрошения у восточных патриархов утверждения принятого государем царского сана. Воротясь, Феодорит жил в вологодских пределах, но не забывал своих Кольских духовных чад и два раза, уже в глубокой старости, ездил туда для укрепления их в вере. Просвещенные им лапландцы Кольские и сами ездили в Москву и Новгород просить себе священников. В одно время с пр. Феодоритом, у самого Нордкапа, проповедывал сын священника новгородского края, юный и пламенный подвижник пр. *Трифон Печенгский* или *Кольский* (1495–1583). Место его проповеди было за Колой, по р. Печенге. Несколько лет боролся он с кебунами – волхвами лопарей, терпел оскорбления и побои, не раз подвергал жизнь опасности, но все таки достиг цели своей настойчивостью. Просветив множество лопарей на р. Печенге и Пазреке (Пазе), он сходил в Новгород за антимином, построил на Печенге

церковь св. Троицы. Он принял пострижение; создан монастырь. С Колы и Печенги христианство распространилось около Кандалашской губы и по всему поморью. Пострижение пр. Трифона было совершено иером. Илиею в 1533 г. После этого к преподобному приходили лопари отовсюду. Вел. кн. Василий III и царь Иоанн IV старались помочь безкорыстным проповедникам-инокам и, снабжая крестившихся лопарей грамотами, ограждали их от притеснений чиновников.

Чудь исстари отличалась колдунами. В XV веке, когда на севере не было уже «священных» деревьев, чудь поморья балтийского, в Ижории и Копорье, хотя давно знала Христа, ходила еще к жрецам-арбуям, чтит камни и деревья, совершала обряды языческие при рождении и смерти родных, и оставляла таинства христианские. Архиеп. новгородский *Макарий*, по сношении с государем, отправил в 1533 г. способного священника к суеверам, велел разорять мольбища их, местному духовенству строго подтвердил об его долге. Старики со страхом смотрели, как сокрушались страшные для них деревья и камни. Но молодое поколение помогало священнику в его рвении. С такою же ревностью старался об искоренении суеверия преемник Макария, архиеп. Феодосий. (Архиеп. Филарет).

Россия много страдала от, выделившегося из Золотой Орды, казанского царства, подошедшего вплотную к ее восточным пределам. Повторились времена нападения кочевников на Киевскую Русь. Тысячи пленных томились в мрачных темницах Казани и продавались в рабство. В 1445 г. казанскому царевичу Улу-Махмету, доходившему в 1439 г. даже до Москвы, удалось на р. Нерли разбить московское войско и полонить в. кн. Василия II. Только за значительный выкуп удалось государю получить свободу. Вел. кн. Иоанн III, выдающийся государь, сумел создать в Казани группу сторонников Москвы и ставить угодных ему царей. При Василии III другой, выделившейся из Золотой Орды, – Крымской Орде – удалось иметь в Казани своих сторонников и тоже ставить своих царей, враждовавших с Москвой. Необходимо было сокрушить казанское царство. В 1523 г., после удачного похода в землю

Казанскую, на устье Суры, сооружен был город Васильсурск, за что митр. Даниил очень хвалил Василия Иоанновича. Боролись с татарами и за свободу несчастных пленников, и за торжество христианства. Так думали тогда все, от селянина и до царя и митрополита.

Язычники черемисы видели, как неземной старец ходил вокруг лесной поляны, на которой возник потом Свияжск. Понимали, что узрели пр. Сергия. Проводился план сооружения крепостных укреплений около Казани. Царь Иоанн IV, обозревая в 1550 г. в устье Свияги с Круглой горы окружающую местность, говорил: «Здесь будет город христианский, стесним Казань; Бог вдаст ее нам в руки». Через год на месте явления пр. Сергия создан г. Свияжск, и сооружена была церковь во имя Рождества Богоматери и Пр. Сергия. Верховные Апостолы и св. Николай, в явлениях «мужам достойным», предвещали победу креста в мусульманской стране.

Царь, отправляясь в 1552 г. в поход, просил святителей молиться за него и войско, постился и каялся. Когда в войске, стоявшем в Свияжске, началось нравственное разложение, то царь обратился к митр. Макарию. Владыка распорядился перенести в Успенский собор из Благовещенского мощи Святых Отцов, с них освящена была вода и отправлена в Свияжск с Архангельским протопопом Тимофеем, «мужем изрядным, наученным богодухновенному писанию». Вместе с водой Тимофей повез также увещательное поучение митр. Макария к войску. После оглашения его и окропления дружины святой водой, водворилось благочестие. Подойдя к Казани с войском, царь, перед началом осады ея, велел отслужить молебен и обратился к кн. Владимиру Андреевичу и войску с пламенным словом, которое закончил так: «Я с вами сам пришел: лучше мне здесь умереть, нежели жить и видеть за свои грехи Христа хулимого и порученных мне от Бога христиан мучимых от безбожных Казанцев! Если милосердный Бог милость Свою нам пошлет, подаст помощь, то я рад вас пожаловать великим жалованьем; а кому случится до смерти пострадать, рад я жен и детей их вечно жаловать». Отвечая ему, кн. Владимир воскликнул: «Дерзай, царь, на дела, за которыми пришел! Да

сбудется на тебе Христово слово: всяк просяй приемлет и толкующему отвержется».

Тогда Иоанн, взглянув на образ Иисусов, сказал громким голосом, чтобы все слышали: «Владыко! о Твоем имени движемся!» *Все имело облик крестового похода.*

В ставке царской поставлены были три полотняные церкви – архистр. Михаила, вкм. Екатерины и пр. Сергия. Ко дню Покрова Пресвятой Богородицы все было подготовлено к штурму города. 2 октября царь назначил войску «пить общую чашу крови». Стан опустел. В его безмолвии слышалось пение иереев, которые совершали литургию. Государь остался молиться и готовился к приобщению св. Таин. Когда диакон во время литургии, читая Евангелие, произнес слова: «и будет едино стадо и един пастырь», – грянул гром первого взрыва. После длительного подкопа взорвана была городская стена. При произнесении слов ектении: «покорити под ноzi его всякого врага и супостата» – произошел второй взрыв. Войска ворвались в Казань. Царь достоял литургию, говоря: «Если до конца отслушаем службу, то и совершенную милость от Христа получим». Когда он, по окончании ея, сел на коня, прискакал гонец от кн. Михаила Воротынского. «Радуйся, благочестивый самодержец», сообщал военачальник, «твоим мужеством победа совершилась! Казань наша, царь ея в твоих руках; народ истреблен или в плену; несметные богатства собраны; что прикажешь?» «Славить Всевышнего», отвечивал Иоанн, велел петь молебен под святой хоругвью и собственною рукою водрузил крест, назначая там быть первой церкви Нерукотворного Спаса. В самый день взятия Казани – 2 октября – была сооружена в городе обыденная церковь во имя сввмч. Киприана и Иустины, праздновавших в этот день, а 4 октября заложен Благовещенский собор. Улицы и стены Казани были освящены крестным ходом, и город посвящен св. Троице. Освобождены были 60 тысяч христиан.

Радостно было возвращение Иоанна IV. У Сретенского мон. его ожидал с Владимирской иконой м. Макарий, бояре, воинство, народ. «Собор духовенства православного! Отче митрополит и владыки! Я молил вас быть ревностными

ходатаями пред Всевышним за царя и царство, да отпустятся мне грехи юности, да устрою землю, да буду щитом ея в нашествии варваров; советовался с вами о казанских изменах, о средствах прекратить оные, погасить огонь в наших селах, унять текущую кровь россиян, снять цепи с христианских пленников, вывести их из темниц, возвратить отечеству и Церкви.

Дед мой, отец и мы посылали воевод, но без успеха. Наконец, исполняя совет ваш, я сам выступил в поле. Тогда явился другой неприятель, хан крымский, в пределах России, чтобы в наше отсутствие истребить христианство. Вспомнив слово евангельское: бдите и молитесь, да не внидете в напасть, вы, достойные святители церкви, молились – и Бог услышал вас, и помог нам – и хан, гонимый единственно гневом Небесным, бежал малодушно!.. Ободренные явным действием вашей молитвы, мы подвиглись на Казань, благополучно достигли цели и, милостью Божией, мужеством кн. Владимира Андреевича, наших бояр, воевод и всего воинства, сей град многолюдный пал пред нами: судом Господним в единый час изгибли неверные без вести, царь их взят в плен, исчезла прелесть Магометова, на ея месте водружен крест; области Арская и Луговая платят дань России; воеводы московские управляют землею; а мы, во здравии и веселии, пришли сюда к образу Богоматери, к мощам великих угодников, к вашей святыне, в свою любезную отчизну – и за сие Небесное благодеяние, вами испрошенное, тебе, отцу моему, и всему освященному собору, мы с кн. Владимиром Андреевичем и со всем воинством в умилении сердца кланяемся». Сказав это, царь, кн. Владимир и вся дружина поклонились до земли. Просил царь дать благословение на устройство дальнейшее всего государства и нового края. Проникновенно ответил ему святитель, указав, что царь, «возложив неуклонную надежду на Бога Вседержителя» и дав обет, «предал свою душу и тело за Церковь, за отечество». «Сей царствующий град казанский», продолжал м. Макарий, «где гнезился змий как в глубокой норе своей, уязвляя, поедая нас – сей град, столь знаменитый и столь ужасный, лежит бездушный у ног твоих; ты растоптал

главу змия, освободил тысячи христиан плененных, знаменами истинной веры освятил скверну Магометову ...» Царь по обету воздвиг в Москве храм Покрова Божией Матери (Василия Блаженного). В Казани, за городом, где погребены были павшие воины, велено было построить Успенский Зилантов мон. Татары крестились сразу целыми семьями. В 1553 г. в Москве крестились цари Утемиш-Гирей и Едигер. Первый был пяти лет; его крестили в Чудовом мон., и он обучался во дворце грамоте и Зак. Божию.

В 1555 г. на соборе пастырей положено было открыть в Казани кафедру архиепископа, с подчинением ему Свияжска, нагорной стороны и всей вятской земли. Для устройства там церквей и на содержание причтов царь отпустил большие средства из казны; тоже вменено было монастырям и святителям. Пастырем по жребию был избран святитель *Гурий*, а в помощники ему даны архимандриты *Герман* и *Варсонофий*. Св. Гурий был прежде боярским сыном из фамилии Руготиных, родился в Воронеже, в молодости служил у кн. Пенькова. Оклеветанный в преступной связи с женой Пенькова, он был ввергнут последним в тюрьму. Через два года, освободившись из заключения, он постригся в Волоколамском мон. и за святую жизнь удостоился выбора в игумены. Был он затем игуменом Селижарова мон. (в Тверской епархии), откуда и был поставлен в Казань. Отправление его на епархию совершалось с большою торжественностью. Новый святитель ехал, снабженный богато всем необходимым. Царь, по согласию с митр. Макарием, отправляя св. Гурия, вменял ему в обязанность приводить к вере *с любовью и не против воли*, лучших из крестившихся наставлять в вере при своем доме, других посылать в монастыри, не отвергать и тех, которые прибегли бы к кресту с сознанием в вине гражданской, а также ходатайствовать за подсудимых, обличать неправды властей, участвовать с ними во всех советах. Св. Гурий совершал свое служение апостольски. Учением просвещал он умы неверных. Святостью жизни и любовью к нищим и подсудимым смягчал сердца, не знавшие христианской любви. Им открыты были училища как для христианских детей, так и для детей магометан и

язычников. Иоанн Грозный, одоблив это, писал святителю: «надобно, чтобы дети умели не только читать и писать, но и разумеать, что читают, дабы впоследствии могли наставлять других, еще не обратившихся ко Господу». Последние три года своей жизни св. Гурий не мог уже ходить вследствие болезни; его приносили в храм на носилках, и он учил паству. Преставился св. *Гурий* в 1563 г. В 1595 – обретены были его мощи.

Св. *Варсонофий* был сыном серпуховского священника и с юных лет любил книги. В 17 лет он попал в плен к крымским татарам и за три года тяжелой неволи основательно изучил татарский язык, а также основы Корана. Оказавшись на свободе, он постригся, был домовым иеродиаконом у тверского архиерея, игуменом Песношского мон. Назначенный в Казань, он создал Спасский мон. и дал ему устав. В его проповеднической работе ему помогало знание татарского языка, изучение же корана облегчало ему прения с учеными защитниками мусульманства. Привлекало татар к нему и искусство его врачевания болезней. В 1567 г. он был поставлен епископом в Тверь. Но под старость (1571) он вернулся в свой Спасский м., где и преставился в 1576 году. Мощи его обретены в 1595 г.

Св. *Герман* из боярской семьи Полевых родился в Старице и тоже был постриженником Волоколамского монастыря. Подвизаясь под руководством св. Гурия, он устроил Свияжский Богородицкий монастырь, сделавшийся средоточием просвещения для всей нагорной части казанского края. Будучи с 1564 г. преемником св. Гурия, ревностно продолжал его дело. Царь Иоанн хотел видеть его преемником, оставившего кафедру, митрополита Афанасия (в 1566 г.). Но святитель Герман, при свидании с царем, мужественно обличил опричнину, и разгневанный Иоанн изгнал его из дворца. Преставился он в 1567 г. в Москве, где жил в опале. В 1595 г. мощи его перенесены были в Свияжский монастырь.

Между новыми христианами татарами были и мученики. Родственники мусульмане сначала уговаривали отказаться от христианства, а затем мучили в 1552 г. свв. *Стефана* и *Петра*,

мучеников казанских. До взятия Казани, там, в числе русских пленников, находился богобоязненный Иоанн. Он достался ханскому родственнику Алей-Шнуру, который решил сделать его магометанином. Но Иоанн объявил о своей верности христианству. Хозяин велел отрубить ему голову. Рассекли ему только шею. Умирая, *св. муч. Иоанн* пригласил священника и, причастившись, мирно в 1529 г. скончался, будучи погребен на русском кладбище.

Преемники свв. Гурия и Германа, за исключением св. Гермогена, проявляли мало ревности в обращении инородцев. Христианским просвещением казанский край обязан своим первым просветителям. После них остались целые селения т. н. старокрещеных инородцев.

Много возвысилось христианство в глазах мусульман чудесным явлением в 1579 г. иконы Божией Матери и проистекавшими от святыни чудесами. В этом году страшный пожар уничтожил большую и лучшую часть города. Христиане приняли это бедствие как Божие наказание за грехи и усиленно молились. Мусульмане и язычники считали пожар наказанием за распространение христианства. Именно в это время Владычица явилась во сне 10-летней дочери стрельца Онучина, Матроне, и сообщила, что на месте их сгоревшего дома, в земле сокрыт Ея образ, который надлежит достать, сообщив владыке и воеводам. Девочка рассказала матери, но та не обратила на сон должного внимания. Сон повторился, но мать пренебрегла им. Тогда Владычица во сне чудесно перенесла девочку во двор и показала икону, от которой исходило сияние, и строго указала исполнить Ея повеление. Осведомленные о всем этом, архиепископ и воеводы не обратили внимания на рассказанное. Тогда мать с дочерью начали рыть землю и обрели икону. Известие об обретенной иконе быстро распространилось, и все спешили приложиться к ней. Владыка и воеводы со слезами просили Богоматерь простить им их неверие. Святыня торжественно была перенесена в ближайшую церковь св. Николая Тульского, в чем участвовал священник, впоследствии св. Гермоген, патриарх всероссийский. Перед иконой совершались чудеса. Православные обрели душевную

бодрость и укрепились в вере. Мусульмане чудесами убедились в силе и правоте христианства. Установилось с тех пор почитание всем русским народом иконы *Казанской Божией Матери*. Царь Иоанн IV, получивший список с иконы, велел создать храм и женскую обитель. В ней приняли постриг Матрона и ее мать.

В 1556 г. покорено было Астраханское царство, создавшееся на месте распавшейся Золотой Орды. Народ за победы Иоанна IV над татарами, иго которых длилось 240 лет (1240– 1480), наименовал своего царя *Грозным*. В 1557 г. крестилась в Москве астраханская царица с сыном. В 1558 г. в Астрахань был послан игумен *Кирилл* для крещения народа, устройства церквей и монастырей. Он обучал детей Закону Божию и грамоте. В 1573 г. был построен в астраханском кремле монастырь и храм во имя св. Троицы и другие церкви. Первое время астраханский, а также терский край состояли в казанской епархии.

Из Астрахани завязались сношения с народами Кавказа, которые издревле исповедывали христианство, но постепенно отступились от него под давлением мусульман. По сообщению германца Герберштейна, давшего описание московской Руси, которую он посетил, *черкесы* в конце XV и в начале XVI веков, еще свободные от персов и турок, были православными и отправляли богослужение на славянском языке. В 1557 г. прибыли в Москву князья горские – почти все мусульмане. Некоторые из них крестились и крестили детей в Москве, оставив их получать христианское образование. В 1559 году приходил в Москву посол черкесских князей просить прислать священников. С русской помощью на Кавказе возобновлялись древние храмы, основывались новые; утверждались в вере христиане, крестились мусульмане горцы. В 1586 г. единоверный царь Кахетии, Александр, теснимый турками и персами, просил помощи. К нему были отправлены священники, монахи и иконописцы для восстановления чистоты веры и богослужений.

Сильно еще было язычество в обширной рязанской епархии среди *мещеряков* и *мордвы*. При св. м. Фотии крестились

жители Мценска. Много потрудился над обращением язычников св. *Иона*, еп. рязанский, в будущем митрополит.

Церковное управление

Расширение и усиление России давали возможность духовенству, в нужных случаях, находить мощную опору в государственной власти. Но те же обстоятельства усиливали участие вел. князей и царей, правда глубоко православных, в церковных делах.

Со времени св. митр. Ионы митрополиты постоянно поставлялись русскими епископами без сношения с патриархом. Связи России с Грецией по церковным делам стали ограничиваться почти одними только благотворениями страждущим восточным церквам. Все более увеличивавшаяся подозрительность русских к чистоте православия греческой Церкви, побуждало их даже нарочито отстраняться от слишком близких отношений с греками. Около 1480 г. в архиерейскую присягу было включено, как отмечает архиеп. Филарет, «не принимать никого ни на митрополию, ни на епископские кафедры от константинопольского патриарха, именно потому, что Царьград в руках мусульманских». Далее владыка пишет; «Но сей пункт, по настоянию мудрого Максима, был исключен из присяги: «Царьград, говорил преподобный, в руках агарянских, но православие остается между греками непоколебимым, и церковь по-прежнему управляется Духом Святым».

Когда приближалась кончина св. Ионы, вел. кн. Василий II вызвал в Москву некоторых епископов, и умиравший владыка, по совещании с ними и государем, избрал и благословил своего будущего преемника – архиепископа ростовского Феодосия, который в 1455 г. был судим за нарушения устава о посте, что отмечалось раньше. Он написал на его имя благословенную грамоту, утвердил подписью и печатью, положив на престол в Успенском соборе. Владыка Феодосий (Бывальцев) был облечен саном митрополита в мае 1461 г. Утверждение его последовало со стороны в. князя Василия II, признавшего себя преемником павших православных византийских императоров. *Со времени митр. Феодосия окончательно устанавливалось и поставление митрополитов без сношения с патриархом.*

Недолгое возглавление Церкви м. *Феодосием* примечательно большой заботой, проявленной им для улучшения приходского духовенства, что он осуществлял еще в Ростове. Главной задачей он ставил себе устранение пороков среди духовенства. Митрополит стал в Москве призывать к себе по воскресеньям известное количество священников – особенно худых – и учил их святым правилам, угрожая непокорным строгими наказаниями. В отношении вдовых священников и диаконов он тех из них, которые не вели зазорную жизнь, приказывал постригать, других же лишал священства. Предполагал он распространить свои меры на всю митрополию. Но произведенная им чистка привела к тому, что некоторые церкви остались без священников и без пения. Начался народный ропот. Софийская летопись (2-я под 1465 г.) повествует так: «(став митрополитом) восхоте попов и дьяконов нужею навести на Божий путь: нача их на всяку неделю сзывать и учите по святым правилом, и вдовцом диаконом и попом повеле стричися, а иже у кого наложницы будут, тех мучити без милости и священство съимая с них и продаваше их; а церковей много наставлено, а кто толико не хотяше делати рукоделия – всякой в попы, тем ся и кормяху и последоваху плотским похотем, зане бо не Богу служите изволиша, но льготу (искаху) телу своему; и востужиша людие, многы бо церкви без попов, и начата его (митрополита) проклинати»... В сентябре 1464 г. м. Феодосий ушел на покой, заболев от огорчения. Он подвизался в Чудовом монастыре, где ранее был архимандритом. В келью свою святитель взял расслабленного старца и служил ему, омывая его струпы. Владыка Феодосий скончался в исходе 1475 г. в Троицком Сергиевом мон., куда, возможно, отправился на богомолье. В сей обители он был погребен. Кончина открыла на нем тяжелые вериги.

Карамзин пишет: «Россияне жалели о пастыре столь благочестивом и страшились, чтобы небо не казнило их оскорбление святого мужа».

Известна грамота митр. Феодосия новгородцам, увещающая их не посягать на права архиепископа над духовенством и на недвижимые церковные имения. Им отказано

было Пскову иметь отдельного от Новгорода епископа. При нем св. Ионою закончено было крещение пермяков. В 1464 г. митр. Феодосий совершил, по просьбе патриарха иерусалимского Иоакима, посвящение в митрополиты Кесарии Филипповой его племянника протосингела Иосифа, отправленного в Россию для сбора денег. Султан египетский намеревался уничтожить в Иерусалиме храм Воскресения Христова; будучи молим патриархом об отмене сего решения, он требовал внесения откупа в размере 5500 венецианских золотых. Митр. Феодосий всячески помогал митр. Иосифу в сборе этих средств в России.

Митр. Феодосий тоже избрал себе преемника, в лице епископа суздальского *Филиппа I*, возведенного, с согласия вел. кн. Иоанна III, на кафедру в ноябре 1464 г. Митр. Филипп, как и его предшественник, употреблял, вместе с государем, старания отвратить новгородцев от подчинения литовскому митрополиту, униату Григорию Болгарину, поставленному в 1458 г. в Риме патриархом – униатом. Новгородцы остались верны Православию. Но политически они все более склонялись на сторону Литвы и в 1471 г. заключили соответственный договор с польским королем и вел. кн. литовским Казимиром Ягеллоновичем. Следствием сего явился в том же году поход Иоанна III против Новгорода и лишение последнего многих прав.

Успенский собор в Москве, построенный сначала в очень скромных размерах, за неполные полтора столетия пришел в такую ветхость, что своды его пришлось подпирать толстыми бревнами. Митр. Филипп весной 1472 г. приступил на собственные средства к постройке нового собора. Он нанял в Москве двух неопытных подрядчиков и купил холопов для выполнения ими части работ. Строился собор на прежнем месте, при чем старое здание разбиралось постепенно.

В конце 1472 г. Иоанн III вступил во второй брак с греческой царевной *Софией Палеолог* ¹²⁾, дочерью бывшего морейского деспота Фомы, брата двух последних византийских императоров. Фома нашел после падения Византии убежище в Риме у папы. В 1469 г. папа Павел II предложил ее в замужество Иоанну III, который на это согласился. София была

воспитанницей известного униата, кардинала Виссариона. В Риме надеялись, при посредстве Софии, проникнуть в православную Москву, а также побудить Иоанна принять участие в намечавшемся крестовом походе против турок. Иоанну брак этот давал возможность обосновать юридически свое право считаться преемником византийских императоров, последним из которых был дядя его супруги. Для препровождения Софии в Москву папа Сикст IV послал с нею легатом Антония Бонумбре, епископа города d'Assia. Последний вел себя в России так же, как в католических землях: – совершал путешествие в преднесении водруженного на высокое древко «крыжа» (креста). Когда поезд с царевной приближался к Москве, то Иоанн советовался с близкими и боярами относительно крыжа. Мнения разделились. Вел. князь спросил м. Филиппа, который ему ответил: «невозможно допустить не только того, чтобы кардинал в преднесении крыжа вошел в город, но чтобы он таким образом и приблизился к нему; если дозволить ему это, желая его почтить, то – он в ворота города, а я – отец твой – другими воротами вон из города; недостойно нам не только видеть этого, но и слышать, потому что – кто окажет почтение чужой вере, тот поругался своей». После такого ответа, Иоанн выслал к кардиналу за 15 в. от Москвы боярина, который и заставил его спрятать крыж.

Успенский собор не был еще достроен, когда сильный пожар превратил в пепел кремлевский дом митр. Филиппа. Святитель, обливаясь, по свидетельству Карамзина, слезами над гробом свят. Петра и с любовью утешаемый государем, почувствовал слабость в руке от паралича. Он велел отвезти себя в Богоявленский монастырь, жил один день, говоря с Иоанном о совершении новой церкви, и скончался 5 апр. 1473 г.

Вел. кн. Иоанн III приказал быть у себя к Георгиеву дню, для избрания нового митрополита, своим братьям и всем епископам. 23 апреля 1473 г. епископами, при хотении государя, избран был епископ коломенский *Геронтий*, ранее архимандрит симоновский. Поставлен он был митрополитом в Петров день. (Голубинский).

Новому митрополиту довелось доканчивать постройку Успенского собора. Сложены были стены и сведены своды. Но когда приступили к кладке главного купола, то собор 20 мая 1474 г. обрушился.

Голубинский пишет: «Неискусные мастера, выводившие стены гладко, но непрочны, сделали некоторую часть его северной стены полою, проведши в стене лестницу на полати или хоры, прикладенные к западной стене. На некоторую часть полая стена, быв дурно складена, не в состоянии была выдерживать тяжести сводов и вся рухнула; с нею упали половина западной стены и полати, которые находились у последней, также столбы и все своды».

После этого строение собора взял на себя сам вел. князь. Он выписал из Венеции знаменитого архитектора, болонского уроженца Аристотеля *Фиоравенти*, которому в 1475 г. поручил строение. Простые каменщики были выписаны из Пскова. Здание сломано было до основания и положен новый фундамент.

Фиоравенти, по свидетельству Карамзина, «ездил во Владимир, видел там древнюю соборную церковь и дивился в ней произведению великого искусства; дал меру кирпича; указал, как надобно обжигать его, как растворять известь; нашел лучшую глину за Андроньевым монастырем...» Псковские каменщики, ученики немцев, похваливши работу московских мастеров, тоже признали неумение их готовить известь. Фиоравенти за образец взял собор во Владимире. Успенский собор был торжественно освящен 12 августа 1479 года.

Освящение Успенского собора подало повод к горячим спорам между вел. князем и митрополитом о том, как ходить с крестным ходом при освящении церкви – против солнца или по солнцу. В Москве давно установилось хождение против солнца, что и сделал митрополит. Иоанн же, поддержанный архиеп. ростовским Вассианом и чудовским архим. Геннадием, придерживался другого мнения. Вассиан был личным врагом Геронтия. Нашествие хана Ахмата ослабило спор. Но в 1481 г. он возобновился. Митрополит, негодуя, что государь продолжает держаться мнения его противников, выехал из

Кремля в Симонов мон., оставив посох свой в Успенском соборе. Он говорил, что окончательно покинет митрополию и будет жить в келье, как простой инок, если Иоанн не прекратит спора. Между тем, было выстроено много новых церквей, которые оставались без освящения. Вскоре Иоанн убедился, что все духовенство, за исключением ростовского владыки Иоасафа, родом из князей Оболенских, держало сторону митрополита. Вел. князь послал к владыке сына просить вернуться, когда же тот не внял этой просьбе, то поехал к нему сам, признал себя виновным и обещал слушать его во всем, а относительно хождения с крестами отдавал в его волю, как он прикажет и как было в старину. Владыка вернулся в Москву на свой стол.

Митр. Геронтий проявил твердость и в другом вопросе. В 1482 г. навечерие Богоявления случилось в воскресенье, и архимандрит чудовский Геннадий, толкуя устав, приказал братии пить богоявленскую воду после еды. Митрополит счел это тяжким преступлением и велел силой привести к себе архимандрита. Геннадий бежал к вел. князю. Митрополит лично просил Иоанна выдать его, что тот и сделал. Митр. Геронтий приказал сковать Геннадия и посадить под палатой в ледник. Государь с боярами потом «отпечаловали» его у митрополита, ссылаясь на пример митр. Феодосия, в бытность его ростовским архиепископом, наказанного, но и прощенного св. митр. Ионою.

С архиеп. ростовским Вассианом у митр. Геронтия была «брань» из-за Кириллова Белозерского мон. В 1478 г. некоторым инокам обители удалось убедить своего удельного князя Михаила Андреевича Вереysкого получить от митрополита грамоту, по которой их монастырь изымался из под власти ростовского архиепископа и отдавался в заведывание князю. Архиеп. Вассиан просил владыку Геронтия о восстановлении своего законного права, не получив же удовлетворения в этом, обратился к вел. князю. Последний пробовал убедить митрополита изменить свое решение. Не добившись этого, государь собрал в Москве собор. Владыка Геронтий, убоявшись соборного суда, молил Иоанна помирить его с Вассианом, что и

было исполнено. Государь изодрал грамоту, повлекшую смуту (Голубинский).

При митрополите Геронтии произошло в 1478 году окончательное покорение Иоанном III Новгорода. При этом государь отобрал на себя довольно значительную часть недвижимых церковных имений, как у владыки новгородского, так и у шести наиболее богатых монастырей. Эта частная секуляризация недвижимых церковных имений считается, по словам Голубинского, прологом к той общей секуляризации, которая стала выдвигаться Иоанном III немного позднее.

В бытность владыки Геронтия митрополитом произошло окончательное свержение татарского ига, длившегося 240 лет. Предшественники Иоанна III старались все более ослаблять свою зависимость от Золотой Орды. Карамзин отмечает влияние вел. кн. Софии Палеолог, говорившей часто Иоанну: «долго ли мне быть рабынею ханскою?». Она, послав дары жене Ахматовой, писала ей, что, имев видение, желает создать храм на Ордынском подворье (где сооружена была церковь Николы Гостунского); просит его себе и дает вместо одного другое. Царица согласилась, татары остались без пристанища в Кремле, чего и домогалась София. Она же, как пишут, убедила Иоанна не встречать послов ордынских, которые обыкновенно привозили с собою *басму* или *болван* хана. Древние князья московские всегда выходили пешие из города, кланялись послам¹³⁾ В 1480 г. хан Ахмат, возмущенный непокорством Иоанна, вторгнулся в июне в русские пределы, намереваясь, ближе к его союзникам литовцам, перейти через р. Угру. Государь был с войском на берегу Оки. Духовенство, во главе с митр. Геронтием, показало себя в это грозное время достойным, не только укрепляя, но даже осуждая государя за нерешительность в борьбе. Особенно решительно выступал духовник Иоанна III, архиеп. ростовский Вассиан, брат пр. Иосифа Волоколамского, ранее игумен Троицкий. Когда 30 сент. Иоанн появился в Москве, Вассиан, называя его «бегуном», сказал ему: «Вся кровь христианская падает на тебя за то, что, выдавши христианство, бежишь прочь, бою с Татарами не поставивши и не бившись с ними; зачем боишься смерти? не

бессмертный ты человек, – смертный; а без року смерти нет ни человеку, ни птице, ни зверю; дай мне, старику, войско в руки, – увидишь, уклоню ли я лицо свое перед Татарами». Выдержка Иоанна принесла пользу. Ахмат, простояв против русского войска на р. Угре, 11 ноября ушел без боя. 6 января 1481 г. его, сонного, убил в степи Ивак, хан шибанских улусов.

В конце 1483 г. митр. Геронтий, заболев, съехал в Симонов мон., в намерении оставить митрополию. Выздоровев, он отказался от этого намерения. Иоанна III устраивал его уход, он действовал в этом направлении, даже наметил заместителем его благочестивого игумена Троицкого, Паисия Ярославова. Потом, по совету последнего, отложил свое намерение.

В 1487 г. в Новгороде, где с 1484 г. архиепископом был *Геннадий*, до этого архим. чудовский, о котором говорилось выше, открылась ересь *жидовствующих*. На ней подробнее остановимся позднее. Св. Геннадий донес об этом Иоанну III и митрополиту. От первого получен был ответ: «того беречи, чтоб то лихо в земли не распростерлося». Архиепископ решительно действовал в Новгороде. Митр. Геронтий в этом важном деле не проявил достаточно ревности. В разгар ереси, в 1489 г., он умер.

В первые годы правления митр. Геронтия, патриарх Рафаил, по требованию султана Магомета II, поставил митрополитом литовским тверского монаха *Спиридона*, прозванного за свою резвость Сатаной. В 1476 г. Спиридон прибыл в Литву, но не был там признан и посажен в заключение, откуда потом бежал. Явившись в Москву, он тоже подвергся заключению и после 1503 г. умер в Соловецком монастыре.

Заместителем митр. Геронтия был *Зосима*, архим. Симоновский, под личиной благочестия тайный последователь ереси жидовствующих. Он был избран самим Иоанном III, который, по уверению пр. Иосифа Волоколамского, был «подойден» еретиком протопопом Алексием. Поставлен он был в сентябре 1490 года.

В России, вслед за Грецией, распространено было верование, что с окончанием семи тысяч лет настанет конец

мира. По этой причине богослужебная пасхалия доведена была у нас до 7000-го года. Когда этого не случилось в августе 1492 г. (от Рождества Христова), то нужно было продолжать пасхалии на дальнейшее время. Это и сделал митр. Зосима после советования с епископами и всем собором митрополии. Расчислив Пасхалию на 20 лет, митр. Зосима посылал свое расчисление для проверки архиепископу Геннадию и другим епископам и в декабре 1492 года обнародовал (Голубинский).

По настоянию св. Геннадия, собор епископов, заседавший в 1490 г. в Москве, спустя 21 день после поставления Зосимы, судил некоторых еретиков, не добравшись до главных, к неудовольствию новгородского владыки, на соборе не бывшего. Еретичество Зосимы было узно не сразу. Когда же поборники православия начали его обличать, то он боролся с ними отлучениями от причастия, лишением священства, клеветой великому князю. Голубинский пишет: «На счастье православных митрополит-еретик сам помог им свергнуть себя с кафедры. Зосима был человек вовсе не святительской частной жизни: он предан был пьянству и содомитизму. И великий князь, которого, может быть, и не успели убедить в его еретичестве, нашелся вынужденным удалить его с кафедры за сейчас указанные его пороки (по свидетельству летописей, собственно за – первый из них)». Зосима был удален 17 мая 1494 г.

В сентябре 1495 г., по указанию вел. князя Иоанна III, митрополитом был избран игумен Троицкий Симон. Управляя до этого митрополией, он в январе благословлял в Успенском соборе дочь Иоанна, Елену, отправлявшуюся в Литву невестой вел. князя Александра. Поставление нового митрополита обставлено было особою торжественностью. Голубинский пишет: «Подробности поставления Симонова в митрополиты, сообщаемые летописцами, ясно указывают на то, что Иван Васильевич хотел придать чину поставления митрополитов тот вид, как в Константинополе совершалось поставление патриархов». Как отмечает Голубинский, государь проявил и царские права по отношению к митрополиту. Когда в Успенском соборе пришло время возвести владыку Симона на митрополичье место, вел. князь приветствовал его краткой

речью, которая начиналась словами: «Всемогущая и Животворящая Святая Троица, дарующая нам всей Руси государство, подает тебе сей святой, великий престол архиерейства, митрополии всея Руси...» После посвящения митрополит ездил верхом на осляти кругом города, при чем ослия водил под ним боярин великого князя.

В 1503 г. созван был в Москве церковный собор, рассматривавший вопросы, поставленные митрополитом и царем. Собор определил: о неслужении в миру вдовым священникам и диаконам; о несовершении священниками и диаконами литургии на другой день после того, как они напьются до пьяна, и о нежитии монахам и монахиням в одних и тех же монастырях. Получил разрешение вопрос о невзимании епископами платы за поставление в церковные степени. Остался неразрешенным вопрос об отобрании у монастырей недвижимых имений или вотчин. Повидимому, возбуждение этих вопросов было подсказано вел. князю знаменитыми старцами Паисием Ярославовым и его учеником Нилом Сорским, которые пользовались большим уважением Иоанна III. Вопрос о недвижимых имениях входил и в предположения самого вел. князя, что мы видели при отобрании таких земель в Новгороде.

Против решения собора о вдовых священниках написал возражение один из них, ростовский священник Георгий Скрипица. Ответил ему «списанием» пр. Иосиф Волоколамский, видный участник собора. Пр. Иосиф, вместе с тем, был главным противником отобрания недвижимых имуществ и в этом вопросе одержал победу над упомянутыми старцами и единомышленным с ними государем. К этому вопросу мы вернемся позднее. Непосредственно за собором нарушил его постановление о невзимании платы за поставление знаменитый архиеп. новгородский Геннадий, видимо, поддавшийся влиянию своего дьяка. Иоанн III очень строго осудил этот поступок. По его приказанию было произведено расследование, и новгородский владыка в 1504 г. был низведен с кафедры.

В 1504 г. состоялся собор, который предал проклятию жидовствующих, после чего главные еретики распоряжением государственной власти были казнены через сожжение, а

прочие разосланы в заточение и по монастырям. О сей ереси будет сказано в дальнейшем.

В правление м. Симона состоялось соборное постановление о низложении и отлучении преемника Св. Геннадия, архиеп. новгородского Св. Серапиона. Иосифов монастырь находился во владениях удельного князя Волоколамского, племянника Иоанна III. Пр. Иосиф повествовал так об его притеснениях: «Князь Феодор Борисович во все вступается: что Бог пошлет нам, в том воли не дает; иное даром просит, другое в полцены берет; если его не послушаем, то хочет кнутом бить чернецов, а на меня бранится. И мы боялись его, давали ему все, что благочестивые люди дарили монастырю – коней, доспехи, платье; но он захотел еще денег, и начал присылать за ними ...» Приведены и другие случаи вымогательств. Пр. Иосиф, получая все сильнейшие требования от кн. Феодора, просил архиепископа новгородского Серапиона о передаче его обители под власть великого князя. По случаю моровой язвы, около Новгорода были поставлены кордоны, и посланный Иосифа не мог попасть туда. Тогда последний в 1507 г. обратился со своей просьбой к Василию III, который, посоветовавшись с митрополитом и освященным собором, исполнил таковую, дав обещание испросить ему прощение у архиепископа. Иерархически Иосиф продолжал оставаться в подчинении у владыки Серапиона. Вел. князь забыл свое обещание предстательствовать за Иосифа перед новгородским владыкой. Кн. Феодор сумел настроить Серапиона против волоколамского игумена. Архиепископ через два года (1509) произнес на него неблагословение и отлучение. Монахи умоляли игумена просить прощения у владыки Серапиона, но тот им отвечал, что архиепископ или епископ «аще отлучит не по правилу, сам да отлучен есть». Прождав некоторое время, Иосиф послал жалобу на архиепископа вел. князю и митрополиту. Василий Иоаннович признал поступок владыки Серапиона тяжким оскорблением, ему лично нанесенным. По распоряжению государя созван был митрополитом собор, на который должен был прибыть новгородский владыка. «Серапион ничего не мог отвечать о причине наложенного им отлучения,

кроме того, смело выражавшего его взгляд на архиерейскую власть, что – «аз в своем чернце волен вязати и разрешати»; вместе с сим и по отношению к великому князю он поступил не так, чтобы смиренно просить прощения, а чтобы отвечать со стойкостью, доходившей до дерзости – и с ним было поступлено без милосердия: за вину против Иосифа, а главным образом за ту вину, что он дерзнул восстать против приговора великого князя, взявшего монастырь последнего в свою власть, тогда как «царское суждение суду не подлежит и не пересужается», митрополит с собором епископов произнес ему приговор: на основании 134-го правила Карфагенского собора, которое говорит, что «необличенного о гресе общения лишив епископ лишен и сам общения к другим», низвести его с кафедры, лишить архиерейства и предать отлучению» (Голубинский).

По постановлению собора св. Серапион, лишенный сана, был послан на покаяние в Андроников монастырь (скончался 16 марта 1516 в Троицком мон.). Собор разрешил пр. Иосифа от несправедливо возложенного на него отлучения.

Известны два учительных послания митр. Симона в Великую Пермь. Он увещает игуменов и священников надлежаще исполнять свои пастырские обязанности. Во втором послании – к пастве – он призывает пермичей кумирам не служить, соблюдать посты, браков по ветхому и татарскому обычаю не совершать (жена умершего брата переходила после него ко второму брату, после того к третьему), женщинам не ходить с непокрытыми головами.

Митр. Симон совершил 4 февр. 1498 г. в Успенском соборе *первое* в России венчание на царство. Иоанн III пожелал при жизни своей совершения этого обряда над внуком своим Димитрием (сыном скончавшегося в 1490 г. Иоанна) В 1499 г. Иоанн изменил свое решение и объявил наследником сына от брака с Софией, Василия. В царствование последнего скончался 30 апр. 1511 г. митр. Симон, правивший 16 лет.

Через три месяца после этого, по желанию вел. кн. Василия III, был возведен на митрополичий двор и наречен митрополитом архимандрит Симонова мон. *Варлаам* (1511). В

его правление известно выступление с тремя трактатами против вотчинновладения монастырей ученика Нила Сорского, старца Вассиана Косого, в мире кн. Василия Патрикеева, праправнука Гедимины литовского. Близкие ко двору Иоанна III, Патрикеевы, были сторонниками кн. Дмитрия Иоанновича и пострадали после его устранения. Василий Патрикеев и его отец были пострижены. Но при Василии III старец Вассиан был приближен государем. Вел. князь, как и Иоанн III, сочувствовал кампании против вотчинновладения. Вассиан нашел единомышленника в лице знаменитого Максима Грека, о котором будет сказано дальше.

Митр. Варлаам был в декабре 1521 г. сведен с митрополичьей кафедры вел. кн. Василием III и сослан в Каменный мон. на Кубенском острове. Чем это было вызвано не выяснено. Голубинский предполагает, что он не согласился обещать неприкосновенность, в случае прибытия в Москву, последнему удельному князю Василию Новгород – Северскому – Шемячичу (внуку Дмитрия Шемяки), чем вызвал гнев государя. Время его кончины неизвестно.

Новым митрополитом в февр. 1522 г. был поставлен игумен Волоколамского мон. *Даниил*. Пр. Иосиф перед кончиной указал из числа братии 10 человек, способных после него занять место игумена. Братия же избрала вне этого списка Даниила, в возрасте около 30 лет. Пр. Иосиф согласился на этот выбор. Игуменство приблизило его к Василию III, которого пр. Иосиф оставил как бы «прикащиком» монастыря, слезно моля его о сохранении в нем, заведенных им, порядков строгого общежития. Василий почасту навещал обитель и убеждал монахов следовать заветам святого. Игумен Даниил тоже усердствовал в этом духе. До низведения митр. Варлаама Даниил шесть лет игуменствовал. Даниил, представлявший крупную величину в отношении пастырского учения, отличался честолубием и беспощадной борьбой со своими принципиальными и личными противниками.

Митр. Даниил принадлежал к числу ревностнейших учеников пр. Иосифа по вопросу о вотчинновладении. В этой области ему пришлось столкнуться с пр. Максимом Греком и

Вассианом Косым, при чем последний вообще враждебно к нему относился. Большим затруднением для пр. Максима было незнание им в начале русского языка. Из-за этого, начав исправление Цветной Триоди, он допустил погрешности языка, о чем речь будет дальше. На созванном в 1525 г. соборе он ошибочно отстаивал свое заблуждение, имевшее характер ереси. Приписаны были ему неосновательно и политические преступления. Вторично он был судим в 1531 г. вместе с Вассианом Косым, обвиненным в ереси. После, осудившего его, первого собора, Максим был сослан в Волоколамский мон., когда же, после второго, туда был отправлен Вассиан, то его перевели в тверской Отрочий мон. Митрополит Даниил мог торжествовать победу.

В 1523 г. митр. Даниил дал и свою подпись под охранной крестоцеловальной грамотой, подписанной Василием III, выданной вызываемому в Москву кн. Новгород-Северскому Василию Ивановичу Шемячичу. Последний, по прибытии в Москву, был посажен под стражу. Для объяснения поступка митр. Даниила, считавшего свои действия в этом случае правильными, надо сказать, что в народном сознании постепенное прекращение московскими вел. князьями удельной системы вызывало большое удовлетворение. Во время заключения Шемячича, по московским улицам ходил юродивый с метлой в руках и громко возглашал: «государство не совсем еще очищено; пришло удобное время вымести последний сор».

Митр. Даниил дозволил Василию III развестись со своей первой супругой и вступить во второй брак. Государь был женат на Соломонии или Соломониде Сабуровой и, прожив с нею 20 лет, не имел детей. Желая иметь прямого наследника, он пожелал жениться вторично. В 1525 г., с дозволения митр. Даниила, Соломония была насильственно пострижена в монахини, а Василий женился на Елене Васильевне Глинской, племяннице видного литовского князя Михаила, перешедшего на сторону Москвы.

3 дек. 1533 г. скончался вел. князь Василий – Гавриил¹⁴). Перед кончиной он пожелал принять постриг. Брат его Андрей Иванович и боярин Михаил Воронцов старались не допустить

этого. Митр. Даниил тогда сказал Андрею: «Не будь на тебе нашего благословения ни в сей век, ни в будущий; хорош сосуд серебрянный, а лучше позолоченный». Троицкий игумен Иоасаф совершил пострижение, дав умирающему имя Варлаама. Государством, в виду трехлетнего возраста Иоанна Васильевича, правила мать его вел. кн. Елена. Митр. Даниил в это время значения не имел. После смерти в 1538 г. Елены, бразды правления перешли к боярской думе, но вскоре все захватил в свои руки кн. Василий Вас. Шуйский. Против него действовал более достойный кн. Иван Бельский, митр. Даниил поддерживал последнего. Восторжествовал Василий Шуйский, Бельский был посажен в заключение. Митрополит гонению не подвергся. Но, когда за смертью Василия, власть захватил брат его кн. Иван, то в 1539 г. он свергнул владыку Даниила. Последний был удален в родной Иосифов Волоколамский мон., где скончался 22 мая 1547 г.

Митр. Даниилом установлено было местное празднование святым: в 1521 г. Макарию Калязинскому и в 1531 г. Пафнутию Боровскому. Он поддерживал деятельность новгородского митрополита Макария по введению в монастырях его епархии общежительного устава и в развитии им миссионерской работы среди Лопарей на Кольском полуострове.

Голубинский, с большой резкостью определяющий нравственную личность владыки Даниила, пишет: «Но тот же Даниил, как мы говорили, занимает совершенно выдающееся положение среди других наших митрополитов в качестве учителя не делом, а письменным словом: он написал не два-три поучения, как другие митрополиты, а целую большую книгу учительных слов и целую такую же книгу учительных посланий». Далее Голубинский поясняет: «Предмет учительных слов и посланий митр. Даниила составляют: во-первых, теоретически-богословские или вероучительные истины, нарочитого раскрытия которых, по его мнению, требовали обстоятельства времени; во-вторых, нравственное христианское учение, обращенное к мирянам, с резким обличением пороков современного общества, и в-третьих, — специально

нравственное и дисциплинарное учение, обращенное к монахам».

На место низверженного Даниила был избран и поставлен в феврале 1539 г. игумен Троицкий *Иоасаф* (Скрипицын). В избрании его принимали участие Шуйские, но он вскоре перешел на сторону Бельского, которого справедливо считал лучшим, чем они, государственным деятелем. Митрополит выхлопотал у юного государя освобождение Бельского, который вновь занял первенствующее положение. Имели успех ходатайства владыки Иоасафа за некоторых удельных князей. Смягчил он положение Максима Грека, которого очень почитал. Сторонники Шуйских, среди которых было много новгородцев, живших в Москве, составили заговор. В начале января 1542 г. Иван Шуйский самовольно прибыл в Москву из Владимира, где охранял восточные области от набега казанцев. Ночью Бельский был схвачен и отослан в Белоозерск в заточение; там в мае он был умерщвлен. Соловьев пишет: «Митрополит Иоасаф был разбужен камнями, которые заговорщики бросали к нему в келью; он кинулся во дворец, заговорщики ворвались за ним с шумом в спальню великого князя, разбудили последнего за три часа до свету; не найдя безопасности во дворце подле великого князя, приведенного в ужас, Иоасаф уехал на Троицкое подворье; но туда за ним прислали детей боярских, Новгородцев с неподобными речами; Новгородцы не удовольствовались одними ругательствами, но чуть-чуть не убили митрополита: только Троицкий игумен Алексей именем Св. Сергия да боярин князь Димитрий Палецкий успели удержать их от убийства; Иоасафа взяли наконец и сослали в Кириллов Белозерский монастырь». В 1547 г. он был переведен в Троицкий мон., куда ему присылались для просмотра постановления Стоглавого собора. В одном из своих замечаний Иоасаф проявлял заботливость о том, чтобы тяглые люди или крестьяне не были подавляемы бременем налогов. Он принадлежит к числу книжных людей своего времени. Скончался митр. Иоасаф 27 июля 1555 г.

В марте 1542 г. митрополитом был поставлен архиепископ новгородский *Макарий*, выдающийся иерарх Русской Церкви.

Он знаменит в области письменности. Знаменит пастырской деятельностью. Знаменит и деятельностью государственной, отстояв великокняжескую власть от расхищения ее княжатами. Правильно писал о нем историк Виппер: «Если монархия в Москве спаслась от крушения, не потерпела ущерба от «вельмож» на манер Польши, то всего более она обязана была своей могущественной союзнице, Церкви».

Митр. *Макарий*, род. в 1481–82 г., был постриженником Пафнутьева Боровского мон., архимандритом можайского Лужецкого или Лужковского монастыря. Как сторонник строгого общежития, он полюбился вел. кн. Василию III, посещавшего обитель и бывшего особенным искателем учительных монашеских бесед, к чему вообще были склонны тогдашние государи. В 1526 г. он был поставлен новгородским архиепископом, заняв кафедру вдовствовавшую 17 лет после устранения св. Серапиона. Вел. князь, провожая с почетом владыку Макария, которого нарочито просил молиться о даровании ему сына, возвратил ему всю казну старых новгородских архиепископов и дал ему своих бояр. Новгородско-псковские летописи называют время его правления *благословенным*. В отношении к духовенству он был строгим блюстителем соборных о нем постановлений, и в то же время не отягощал его податями, а облегчал от них, защищая и от своих чиновников. Относительно духовенства был не грозным властителем, а кротким и благоприветливым пастырем. Владыка был горячим предстателем за опальный Новгород и за отдельных лиц. Помогая нуждающимся, он был усердным украсителем храма Св. Софии.

Вскоре после занятия новгородской кафедры владыка Макарий принял меры для введения общинножития в монастырях своей епархии, для чего вызывал игуменов особножитных монастырей и соответственно увещевал их. Из 18 городских или околгородных «именитых» монастырей 16 вняли его совету. Вслед за ними начали вводить общежитие и прочие обители епархии. Относительно быта монастырей им составлена уставная грамота для Духовской обители, являвшаяся руководственной и для остальных. Когда два

значительных монастыря в Новгороде отказались учредить у себя общину, архиеп. Макарий сказал их игуменам: «По делам вашим мзду примете от Бога». Проводя в жизнь постановление Собора 1503 г. касательно женских монастырей, он вывел из них игуменов и дал игумений, для благочиния. Архиеп. Макарий принял меры к действительному насаждению христианства в Водской пятине (части будущих петроградской и новгородской губерний и Финляндии), в которой жили финские народы – водь и карелы. Хотя они были крещены не позднее начала XIII века, но язычество там еще держалось. В 1534 г. он преподал строгия указания местному духовенству о борьбе с проявлением там язычества. Кроме забот о Софиевском соборе и других храмах, им была украшена икона Знамения Божией Матери. Среди обширных занятий, митр. Макарий, в бытность в Новгороде, начал свою богатую литературную деятельность, посвящая ей много времени. Архиеп. Макарий поучал народ. Летописец, описывая его приезд в Новгород, писал: «Просветившись силою Божиею, он начал беседовать к народу повестями многими, и все чудились, как от Бога дана ему мудрость в божественном писании, так что все разумели, что он говорил».

Когда владыка Макарий стал митрополитом, вел. князю Иоанну IV шел 12-й год. Самовластное, унижающее и самого государя, боярское правление Шуйских еще продолжалось. Митрополиту удалось в 1543 г., по мольбам отрока Иоанна, спасти своим решительным заступничеством жизнь любимцу государя боярину Федору Воронцову, который схвачен был Шуйскими. Во время этих уговоров сторонники Шуйских надавали митрополиту толчков и один из них, Фома Головин «у него на мантию наступал и разодрал ее!» В 1543 г. Шуйские были устранены. В наступившем правлении Глинских Иоанн предоставлен был, как и раньше, самому себе и, наряду с естественной, из-за непосредственно пережитого, ненавистью к именитому боярству, главным образом к «княжатам» (потомкам удельных князей), у него развились порочные наклонности, никем не исправляемые. Надо думать, что в то время влияние митр. Макария проявлялось в объединявшей их обоих любви к церковным книгам, а также в разъяснении владыкой государю

значения самодержавной власти. С одобрения митр. Макария, Иоанн 13 дек. 1546 г. принял решение вступить в брак с боярышней *Анастасией*, дочерью умершего окольничего Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина. Тогда же он, после совещания с владыкой, объявил торжественно ему и боярам о своем решении до свадьбы венчаться на царство, с принятием титула царя. 16 января 1547 г. митр. Макарий в Успенском соборе венчал на царство *Иоанна IV, первого русского царя*.

Это событие, великое – церковное и государственное, – а также огромный пожар 21 июня того же года, обрушившийся на Москву, произвели резкую перемену в юном государе. Пожар был объяснен царю – в самый разгар его – священником Благовещенского собора, выдвинутым митр. Макарием, *Сильвестром*, как Божие наказание за пороки бурной юности.

Во время пожара вспыхнул и верх Успенского собора. Огонь, разрушив кровлю, не проник внутрь. Иконостас и сосуды церковные уцелели. Соловьев пишет: «Митрополит Макарий едва не задохся от дыма в соборе: он вышел из него, неся образ Богородицы, написанный митрополитом Петром, за ним шел протопоп и нес церковные правила. Макарий ушел было сначала на городскую стену, на тайник, проведенный к Москвереке; но здесь не мог долго оставаться от дыма: его стали спускать с тайника на канате на взруб к реке, канат оборвался, – и митрополит сильно расшибся, едва мог придти в себя, и был отвезен в Новоспасский монастырь».

Пребывая в постоянной связи с митр. Макарием, царь Иоанн IV в эту пору своего царствования проявил себя истинно церковным, мудрым и решительным государем. В эти годы им был издан Царский Судебник, благоустроивший весь государственный строй и даровавший населению права самоуправления, завоеваны были Казань и Астрахань, основана была типография в Москве, удачно началась война с Ливонским орденом за выход на Балтийское море. В согласии с государем созван был в 1551 году церковный собор, именуемый *Стоглавным* или *Стоглавым* (от деления книги его постановлений на 100 глав).

Для понимания того, как велико было тогда влияние митр. Макария и пресвитера Сильвестра, ранее служившего в Новгороде, на Иоанна, приведем слово сказанное царем при начале заседаний церковного собора. Обратившись к «Собору слуг Божиих», Иоанн говорил о возвышении и падении царств по причинам мудрости или буйства властей; описывал все испытанное Россией во время его сиротства и юности, сперва невинной, а потом развратной; указывал на дурные примеры бояр, испортивших в нем сердце. Изображал он бедствия Москвы, обращенной в пепел. «Тогда», продолжал царь, «ужаснулась во мне душа, и кости во мне затрепетали; дух мой смирился, сердце умилилось. Теперь ненавижу зло и люблю добродетель. От вас требую ревностного наставления, пастыри христиан, учителя царей и вельмож, достойные святители церкви! Не щадите меня в преступлениях; смело упрекайте мою слабость; гремите словом Божиим, да жива будет душа моя». Царь поручил собору рассмотреть составленные по его повелению Судебник и Грамоты Уставные, определявшие местное самоуправление.

В 1552 г. митр. Макарий погребал, столь почитавшегося им и царем, св. *Василия Блаженного*, Христа ради юродивого. В 1560 г. отпевал он кроткую и благочестивую *царицу Анастасию Романовну* и утешал царя, подавленного кончиной той, которая так благотворно на него влияла. При митр. Макарии начались первые казни Иоанновы. Изнуряемый печалью, он хотел удалиться от дел и посвятить себя житию молчаливому или пустынному, но, как писал он за несколько дней в прощальной грамоте, царь и святители неотступно убеждали его остаться. Скончался он 31 декабря 1563 г.

Относительно Стоглавного Собора, так связанного с личностью митр. Макария, сказано будет позднее. Митр. Макарий надеялся посредством его совершить полное обновление русской Церкви. Около 20 лет трудился владыка Макарий над составлением Жития Святых. Плодом трудов его были 12 огромнейших фолиантов, которые носят название *Макарьевских Великих Четъ-Миней*. Об этом сборнике митр. Макарий писал сам в предисловии к нему: «1553 г., месяца

ноября, дал я эту святую великую книгу Минею Четию, месяц ноябрь и прочия 12 великих книг. В этих Четиих Минеях все книги чтомые собраны: Св. Евангелие – четыре Евангелиста толковых, Св. Апостол и все апостольские Послания и Деяния с толкованиями, и три великих Псалтыри разных толковников, и Златоустовы книги, Златоструй и Маргарит, и Великий Златоуст, и Великий Василий, и Григорий Богослов с толкованиями, и великая книга Никонская с прочими посланиями его, и прочия все святые книги собраны и написаны в них пророческие и апостольские, и отеческие, и праздничные слова, и похвальные слова, и всех святых отец жития, и мучения святых мученик и святых мучениц, жития и подвиги преподобных и богоносных отец и святых жен страдания и подвиги; и все святые патерики написаны, азбучные, Иерусалимские, Египетские, Синайские, Скитские, Печерские и все святые книги собраны и написаны, которые в Русской Земле находятся и с новыми святыми чудотворцами. Написал я эти святые книги в Великом Новгороде, когда был там архиепископом; а писал их в одно место двенадцать лет многим именем и многими различными писарями, не щадя серебра и всяких почестей; особенно много трудов и подвигов подъял от исправления иностранных и древних речений, переводя их на русскую речь, и сколько нам Бог даровал уразуметь, – столько и смог я исправить». Митр. Макарий способствовал учреждению первой в Москве типографии.

Митр. Макарий установил торжественные церковные празднования всем русским святым, которых Бог прославил как таковых. Вопросом этим занимались соборы 1547 и 1549 г.г. Он показал большую заботливость и о распространении славы святых, средством к чему служат их жития. Под его руководством была составлена Степенная книга – история России, изложенная по степеням или правлениям государей. Известны поучения митр. Макария: Иоанну IV при венчании на царство и при браковенчании и речь, произнесенная при возвращении царя из казанского похода. Замечательно его обличительное послание от 25 мая 1552 г. к двинутым к Казани войскам, которые стоя под Свияжском, предались там порокам.

В бытность Макария митрополитом продолжала развиваться миссионерская деятельность у лопарей пр. Трифона Печенгского и пр. Феодорита. При нем же началась просветительная деятельность в Казани св. Гурия и послан был в Астрахань игумен Кирилл. При митр. Макарии получил свободу пр. Максим Грек. В 1551 г. игумен Троицкий Артемий, почитатель его, выпросил его к себе к Троице. Там и закончил он в 1556 г. свою жизнь. В правление митр. Макария было обнаружено существование рационалистической ереси и еретического вольномыслия, близкого к протестантизму. Об еретиках боярском сыне *Матвее Башкине* и монахе *Феодосии Косом* речь будет ниже.

После венчания на царство Иоанн IV, поговору с митр. Макарием, послал в 1557 г. в Константинополь б. архимандрита Спасо-Евфимиева мон. Феодорита, просить патриарха дать утвердительную грамоту государю в сане царя. Грамота эта пришла в 1562 г., будучи подписана в 1561 г. патриархом Иоасафом II, 32 митрополитами константинопольской патриархии, одним архиепископом и тремя епископами.

Митр. Макарий был иосифлянином, но очень разнился от м. Даниила и людей его уклада. Он был человеком мира и стремился к умиротворению. Но он насаждал этот мир чистыми средствами и чужд был угодничеству. Горячий сторонник вотчинновладения, он питал великое уважение к пр. Максиму Греку, горячему противнику такового.

«О Боже!» писал 5 апр. 1557 г. царь Иоанн IV Грозный св. Гурию Казанскому, «коль бы счастлива русская земля была, коли бы владыки тащи были, яко преосвященный Макарий». Приводя эти слова государя, Голубинский пишет: «Вот настоящий и справедливейший эпиграф к жизнеописанию митр. Макария».

По кончине митр. Макария в Москве собраны были епископы. Исполняя желание государево, собор постановил, что митрополиты российские должны впредь носить клобуки белые с рясами и с херувимом. Митр. Макарий носил белый клобук, но как избранный из новгородских владык. Митрополитом был

избран инок Чудова мон. *Афанасий*, ранее благовещенский протоиерей и духовник государев.

В середине 1564 г. князь Андрей Курбский, испуганный начатыми царем преследованиями и казнями бояр, в разгар ливонской войны, бежал во вражеский стан. В Вольмаре принял его воевода Сигизмундов, именем короля обещая ему знатный сан и богатство. Карамзин, отмечая прежние заслуги его, как мужа совета и участника завоеваний Иоанновых, пишет, что он «возложил на себя печать стыда и долг на историка вписать гражданина столь знаменитого в число государственных преступников». Измена и последовавшая переписка с царем до крайности озлобила Иоанна. 3 дек. 1564 г. царь, со всем семейством выехал из Москвы. Посетив Троицкий мон., государь к Рождеству прибыл в Александровскую слободу. 3 янв. 1565 г. вручена была митрополиту в Москве грамота царя. Иоанн обличал боярство и корил духовенство, заступающееся за виновных. «Вследствие сего» – писал он – «не хотя терпеть ваших измен, мы от великой жалости сердца оставили государство и поехали, куда Бог укажет нам путь». В другой грамоте, оглашенной велегласно народу, царь уверял добрых москвитян в своей милости, сказывая, что опала и гнев его не касаются народа. Столица пришла в ужас, всех страшило безначалие. Все дела пресеклись. Народ взывал: «Государь нас оставил! Мы гибнем!». Духовенство, бояре, приказные люди умоляли митрополита, чтобы он умилиствовал Иоанна, никого не жалея и ничего не страшась. Гости и горожане говорили: «чтоб государь государства не оставлял и их на расхищение волкам не отдавал, особенно избавлял бы их от рук сильных людей; а за государских лиходеев и изменников они не стоят и сами их истребят». Духовенство и бояре явились в Александровскую слободу и объявили царю мольбу: пусть правит, как ему угодно, только бы принял снова в руки правление. Царь, повторив все свои упреки, объявил: «Но, для отца моего, митрополита Афанасия, для вас богомольцев наших, архиепископов и епископов, соглашаюсь паки взять свои государства; а на каких условиях – вы узнаете» (по Карамзину и Соловьеву).

Вернувшись в Москву, царь учредил т. н. *опричнину*. Определенная им часть государства и Москва взяты были им в свое непосредственное управление и названы опричниной. Все остальное именовалось земщиной и поручено было управлению бояр земских. Царь желал лишить княжат земельных имуществ и раздачей их вотчин создать новый надежный класс землевладельцев, не связанных с притязаниями бывших удельных князей, в лице их потомков. Проявилась ненависть к ним накопившаяся в юные годы, но, конечно, имелись в виду и государственные нужды. Личное же злое чувство и серьезная болезнь вызывали те страшные жестокости, которыми омрачен был конец царствования этого выдающегося государя. С 1565 года началась новая эпоха казней. Добрый старец, митр. Афанасий, которому удалось «отпечаловать» кн. Воротынского, тяготился происходившим, и в 1566 г. по болезни, не выдержав всех ужасов, удалился в Новоспасский монастырь.

Царь желал видеть на митрополичьей кафедре достойнейшего архиепископа казанского св. *Германа*. Написана была уже епископами избирательная грамота. Святитель после этого, беседуя с царем наедине, стал говорить о грехах, покаянии; упомянул мягко, но вразумительно о смерти, страшном суде, вечных муках. Иоанн задумался, вышел мрачным и пересказал любимцам речи архипастыря. Они, указывая на пример о. Сильвестра, пугали царя тем, что святитель хочет подчинить его своему влиянию. Царь изгнал св. Германа из митрополичьего дома, и приказал вновь выбирать митрополита. Он же наметил первосвященника (Карамзин).

С детства знаком был ему юный боярин Колычев. Последний оставил затем суету мира и спасался в *Соловецкой обители*, став в 1548 г. игуменом ея. Иоанн знал о подвижнической и, вместе с тем, кипучей деятельности игумена *Филиппа*, посылал дары обители, жаловал вотчинами, помогал деньгами в строении каменных церквей, пристаней, гостинниц, плотин. Св. Филипп очищал леса, прокладывал дороги, осушал болота каналами; завел оленей, домашний скот, рыбные ловли и соляные варницы.

Вызванный царем в Москву, св. Филипп был принят им с отменной честью. На предложение быть митрополитом, смиренный игумен убеждал Иоанна «не вверять бремени великого ладии малой». Царь был непреклонен. Тогда Филипп сказал: «Повинуюся твоей воле; но умири же совесть мою: да не будет опричнины! да будет только единая Россия! ибо всякое разделенное царство, по глаголу Всевышнего, запустеет. Не могу благословлять тебя искренно, видя скорбь отечества». Иоанн сдержал себя и тихо отвечал: «Разве не знаешь, что мои хотят поглотить меня; что ближние готовят мне гибель?» Он доказывал необходимость сего учреждения. Но скоро, выведенный из терпения возражениями Филиппа, велел ему умолкнуть. Удаления его все же не последовало. Царь поручил другим иерархам воздействовать на Филиппа. Они убеждали его не ставить царю условий, на что святитель согласился (Карамзин). Соловьев приводит запись, данную царю святителем: «В опричнину ему и в царский домовый обиход не вступаться, а после поставления, за опричнину и царский домовый обиход митрополии не оставлять».

В первом своем слове митрополит говорил в храме о долге державных быть отцами подданных. Первый – 1566 – год его правления закончился благополучно. Затихли жалобы на опричников, царь ласкал митрополита, который начал строить в Москве церковь во имя прпп. Зосимы и Савватия. Но в 1567 г. возобновились страшные казни. Св. Филипп некоторое время безмолвствовал. Царь чувствовал его тайные увещания и грозные укоризны, и убегал, не желая его видеть. Несчастные же с рыданиями приходили к святителю. Он утешал их и обещал не щадить жизни своей для спасения людей. В 1568 г. в воскресный день, Иоанн, в сопровождении опричников, вошел во время обедни в Успенский собор. Они все были в черной одежде (подобие монашеской), в высоких шлыках. Когда царь, подошел к святителю и ждал благословения, тот безмолвно смотрел на образ Спасителя. Опричники сказали ему: «Владыко, государь перед тобою, благослови его». Митрополит, взглянув на Иоанна, возгласил: «В сем виде, в сем одеянии странном не узнаю царя-православного; кому поревновал ты,

приняв сей образ и внося разделение между твоими подданными? Государь, убойся суда Божия: мы здесь приносим жертву безкровную Богу, а за алтарем льется невинная кровь христианская ... Сколько невинных страдальцев! Ты высок на троне; но есть Всевышний, Судия наш и твой. Как предстанешь на суд Его? обагренный кровию невинных, оглушаемый воплем их муки? ибо самые камни под ногами твоими вопиют о мести!.. вещаю яко пастырь душ. Боюсь Господа единого». Иоанн закипел гневом, угрозами хотел закрыть уста святителя, но оне не были ему страшны. «Я пришлец и пресельник на земли, как и все отцы мои», тихо отвечал митрополит, «и готов пострадать за истину; где же вера моя, если умолкну?» На следующий день были новые казни и безчинства. Убегая митрополита, царь встретился с ним в церкви Новодевичьего мон. 28 июля. Во время крестного хода святитель заметил, что один из опричников шел за царем в тафье. Св. Филипп, остановившись, с негодованием сказал об этом Иоанну. Но опричник уже спрятал тафью. Царя уверили, что это выдумал митрополит, желая возбудить народ против опричников. Царь вышел из себя, грубо ругал святителя, клялся уличить его в беззаконии. Поощрял Иоанна благовещенский протопоп и его духовник Евстафий, тайный ненавистник Филиппа. Враждебными святителю оказались владыки новгородский, суздальский и рязанский. Иоанн послал в Соловецкий мон. суздальского епископа Пафнутия и др. произвести следствие о деяниях св. Филиппа. Мало кто из братии дерзнул клеветать на бывшего настоятеля. Игумен Паисий увлечен был лестью и угрозами. Царь созвал духовный собор. Паисий на нем подтвердил свои клеветы. Задания Иоанна выполнял в особенности честолюбивый архиеп. новгородский Пимен. Святитель не отвечал на клеветы Паисия и только просил царя взять у него посох, которого он не искал. Иоанн ответил, что ему надлежит ждать суда, а не быть своим судьей. Он желал торжественного мщения (Карамзин).

8 ноября 1568 г., когда св. Филипп совершал богослужение в Успенском соборе, туда явился боярин опричник Алексей Басманов с толпой других опричников. Он прочел

постановление собора о лишении святителя пастырского сана. Опричники вступили в алтарь, сорвали со святителя его одеяние, одели в рубище и метлами вытолкали из храма. На дровнях он был отвезен в Богоявленский мон. Народ бежал за святителем, который благословлял его со словами «молитесь».

На другой день св. Филиппа привели в судную палату и, в присутствии царя, объявили, как виновному в тяжких проступках и волшебстве, о низложении и ссылке. Святитель умолял царя престать от убийств. Закованный в цепи, он 8 дней был томим голодом в темнице, а затем переведен в обитель св. Николая Старого. Иоанн, истребив род Колычевых, прислал святителю отсеченную главу племянника. Св. Филипп взял голову, благословил и возвратил принесшему. Опасаясь любви москвичей к митрополиту, царь отослал его в тверской *Отрочь мон.* (Карамзин). Соловьев пишет о дальнейшей судьбе святителя: «В 1569 г., проезжая Тверь на походе в Новгород, Иоанн заслал к Филиппу одного из самых приближенных опричников, Малюту Скуратова, взять благословение; но Филипп не дал его, говоря, что благословляют только добрых и на доброе; – опричник задушил его. Так пал непобежденным великий пастырь Русской Церкви, мученик за священный обычай печалования». Произошло убиение 23 декабря. В 1591 г. мощи святителя перенесены были в Соловецкий монастырь, в 1652 г. – в московский Успенский собор. Память свят. Филиппа празднуется с 1661 г. 9 января, вместо 23 дек., когда торжество совпадало бы со службой наступающего Сочельника.

Через три дня после низвержения св. Филиппа, поставлен был митрополитом игумен троицкий *Кирилл*, к досаде архиепископа Пимена, надеявшегося быть таковым. Он правил с 1568 по 1572 год, ничем себя не ознаменовав. Казни продолжались. Подвергся в 1570 г. разгрому Иоанном Новгород, при чем главным изменником был объявлен архиеп. *Пимен*. Он, с другими, был обвинен в сношениях с польско-литовским королем, воевавшим с Россией. Пимена посадили на белую кобылу, в худой одежде, с волынкой, с бубном в руках как шута, возили по Новгороду и отправили в Александровскую слободу.

Лишенный сана, Пимен был сослан в Николаевский Веневский монастырь, где вскоре умер.

По кончине митр. Кирилла IV, его заместителем в том же 1572 г. был избран архиепископ полоцкий *Антоний*. При нем упразднена была в 1572 г. опричнина. Тогда же последовали кары в отношении врагов св. Филиппа, объявленных клеветниками. Соловецкий игумен Паисий сослан был в Валаамский мон. Единомышленник Пимена в деле против святителя, еп. рязанский Филофей, лишен был сана. Монах Зосима и еще десять иноков, клеветавших на Святителя, были разосланы по разным монастырям. Кобылин, жестокий и грубый пристав св. Филиппа, был сослан в монастырь. Другие соучастники зла удалены от лида царского. Но казни еще повторялись. Митр. Антоний правил до 1580 г. Преемником его был игумен хутынский *Дионисий*. Он читал молитвы пострижения над умиравшим 18 марта 1584 г. царем Иоанном, названным в монашестве Ионой. Соловьев пишет о нем: «Дионисий мог быть умен и сладкоречив: во многих хронографах он называется *мудрым грамматиком*; но чтобы он действовал против Годунова из честолюбия, – на это нет никаких современных свидетельств». Борис Федорович Годунов, брат царицы Ирины, выдвинутый за свой ум и способности Иоанном Грозным, с 1586 г. стал, по свидетельству летописей, правителем государства. Царь Феодор Иоаннович, по словам Карамзина, был постником и молчальником, более для келии и пещеры рожденным, чем для державной власти. Родовитое боярство было недовольно выдвижением Годунова, потомка татарского мурзы Чета, прибывшего в Россию в середине XIV в. Главными врагами Годунова были князья Шуйские. Продолжим сказание Соловьева: «Дионисий является вначале миротворцем между Годуновыми и Шуйскими: потом, когда, тотчас же после примирения, Годунов опять начал вражду, сославши неизвестно куда двоих приверженцев Шуйского, митрополит соединяется с последним, но позволяет уговорить себя Борису не начинать дела о разводе (царя с царицей), ибо это дело долженствовало быть очень тяжело для совести святителя; Дионисий не мог не помнить, каким нареканиям подвергался митрополит Даниил за

развод великого князя Василия. Наконец, когда, по прямому свидетельству летописца, Годунов, преследуя Шуйских, пролил много крови неповинной, Дионисий является явным обличителем неправд его перед царем – и страдает за это». Митрополит Дионисий в 1586 г. был сведен с престола и сослан в Хутынский мон. Преемником его стал архиеп. ростовский *Иов*, до этого епископ Коломенский.

В истории епархиального управления московской митрополии важно было падение вольных городов и прекращение их стремления к церковной самостоятельности. В *Новгороде* литовская партия со времени кончины св. архиеп. Ионы требовала, чтобы вновь избранный владыка Феофил ехал ставиться не в Москву, а в Киев. Тот не соглашался, тем более, что литовским митрополитом был тогда ставленник патриарха униата, Григорий. В отрицательном отношении к последнему Феофил нашел поддержку даже у большинства тех новгородцев, которые политически склонны были предаться королю Казимиру. После первого похода *вел. князя Иоанна III* против Новгорода в 1471 г. Феофил был поставлен в Москве и позднее выступал там в качестве ходатая за свой город. Но, когда в 1478 г. Иоанн III после похода подчинил себе окончательно Новгород, то просьбы владыки о сохранении вольностей были безуспешны. Узнав о сношениях крамольных новгородцев с польским королем и орденом, Иоанн в 1480 г. вновь покарал Новгород. Владыка Феофил был отправлен в Чудов мон. На его место был поставлен москвич владыка *Сергий*. Преемником его с 1484 г. был тоже москвич св. *Геннадий*, борец с жидовствующими, позднее устраненный Иоанном IV за взимание, вопреки соборного постановления, платы за ставление духовенства. В 1509 г. отстранен был св. *Серапион* за наложение запрещения на пр. Иосифа Волоколамского. Отмечалось выше устранение Иоанном III архиеп. Пимена. Преемник его, Леонид, в 1576 г. был умерщвлен по распоряжению царя. *Псков* все время просил об освобождении своем от власти новгородских владык, но митрополиты разрешения этого не давали.

В изучаемом периоде истории чаще созывались соборы. Архиеп. Филарет отмечает: «Св. Геннадий писал к митр. Зосиме: «поелику повелено каждый год съезжаться к тебе, нашему отцу, то да учинишь на соборе с нами, твоими детьми и сослуживниками, исправление дел недоразумеваемых». С половины XV ст. нередко выполнялось это правило; а в XVI в. часто собирались соборы. На собор являлись кроме епископов настоятели знатнейших монастырей». С 1441 г. по 1572 г. включительно соборы созывались 22 раза, из них 18 в XVI ст.

С распадением Золотой орды, сарайский епископ с 1454 года стал жить в Москве на Крутице и временами заведывал делами митрополии. В 1551 г. собор утвердил за епископом Крутицким это преимущество. В 1472 г. епископ пермский переселился из Устьвыми в Вологду. В 1515 г., с отвоеванием вел. кн. Василием III от Литвы Смоленска, в ведение московской митрополии перешла тамошняя епархия. По отобрании в 1563 г. русского Полоцка, епархия перешла в ведение Москвы; в 1579 г. Полоцк снова был захвачен литовцами. В 1570 г. завоеван был древний Юрьев лифляндский и учреждена там епархия. Вскоре она закрылась, т. к. польский король Стефан Баторий отнял Юрьев-Дерпт. В 1555 г. учреждена новая казанская епархия.

Духовенство давно тяготилось тем, что епархиальные дела производились большею частью светскими чиновниками архиерейских домов. Стоглавый собор определил: суд по всем духовным делам производить самим святителям, или кому они укажут из духовных лиц; за владычными боярами оставить суд только по гражданским делам, подведомым суду Церкви, и то лишь над мирянами церковного ведомства и белым духовенством. В связи с этим, увеличено было число духовных органов архиерейской власти – архимандритов, игуменов, протопопов – и, на основании Стоглава, учреждение выборных *поповских старост* (благочинных) и *десятских священников* стало повсеместным. Архиеп. Филарет отмечает, что «собором 1551 г. все архимандриты и игумены подчинены епархиальному епископу, тогда как прежде того некоторые монастыри, по

жалованным грамотам князей и митрополитов или патриарха, были независимы от епархиальной власти».

Правилами Судебников Великокняжеского Иоанна III и Царского Иоанна IV и правилами Стоглавого собора произведено было более точное разграничение церковного и гражданского ведомств. Признана была неподсудность, кроме уголовных дел, духовных и церковных людей государственному суду. По искам на лиц духовного ведомства от людей посторонних и наоборот назначался *смешанный суд* – из органов духовного и светского суда. Все монашествующее духовенство по всем делам подлежало только суду духовному. Иски на духовные власти, архиерейских наместников и бояр разбирались самим государем или его боярами в приказе большого дворца. Со времени Стоглавого собора митрополит и архиереи могли принимать к себе на службу бояр и дворян только с соизволения государя. Таким образом они делались обыкновенными государевыми людьми, служащими по церковному ведомству.

Члены причтов по прежнему ставились к церквям по выбору прихожан. Но в XVI в. заметны признаки скорого упадка выборного начала. Государство все более стесняло поставление в священный чин людей служилых и тяглых, так что ставленники были большею частию из лиц духовного происхождения. Постепенно формировалась *наследственность* церковного служения. Приходская община тоже предпочитала духовенство из этой среды, как более грамотное и знавшее службы. Стоглав уже прямо говорит о наследии церковных мест детьми после отцов.

Собор 1503 г. отменил *ставленные пошлины*, но Стоглав снова восстановил их. Самый главный сбор с церковью в архиерейскую казну составляла ежегодная церковная дань по числу приходских дворов, количеству земли и других угодий при каждой церкви. Но был еще ряд других сборов. Духовенство не было свободно и от ряда гражданских платежей и повинностей. Средств же к содержанию белое духовенство имело мало. Лишь немногие церкви имели вотчины и то незначительные. Небольшое число церквей получало от правительства *ругу*

(зерном), но в малом количестве. Одни общины отмежевывали на содержание причтов земли, другие, взамен земли, назначали руги. Четыре раза в год, по большим праздникам, сборы с прихода хлебом, яйцами и др. припасами – поступали к духовенству, имевшему также обычный доход за требоисправления. Архиеп. Филарет указывает на то, что все же положение духовенства в этот период значительно улучшилось. Некоторые церкви получали ругу от благочестия бояр, купцов и вел. князя. Епископы освобождали бедные храмы и особенно храмы монастырских сел от своих пошлин, а монастыри с своей стороны обеспечивали содержание их. Священники монастырских сел принимали участие в сельском управлении и следовательно брали часть судебной пошлины.

Благосостоянию духовенства вредило неправильное распределение приходов, не соразмерное с числом населения, и непомерное размножение самого духовенства. Стоглав издал запрещение строить лишние церкви, которых строители не могли обеспечить средствами для их существования. Вследствие излишка духовенства и бедности приходов, появилось много т. н. бродячих или переходящих попов, которые со своими *ставленными* и *перехожими* грамотами ходили с места на место, нанимаясь служить при церквях на известный срок. В Москве образовался из них класс *крестцового* духовенства. Стоглавый собор для борьбы с этим передвигавшимся людом велел выстроить на крестце поповскую избу, чтобы они не стояли для найма на улице, и посадить в ней для надзора за ними поповского старосту.

Отдельные митрополиты старались поднять нравственный, образовательный и церковный уровень священнослужителей, но встречались с большими затруднениями. Отмечалось выше старания митр. *Феодосия*, безуспешность которых заставила его уйти на покой. Стоглавый собор вынес постановление об усилении надзора за духовенством, подтвердил запрещение священнослужения вдовцам, требовал от иерархов испытания жизни ставленников, но не смог указать откуда можно брать достойных священнослужителей¹⁵).

Благочиние и богослужение

Нестроения в богослужении не только не уменьшались против прежнего времени, но увеличивались, несмотря на всю важность, какую придавало церковному обряду русское общество того времени. Вызывали сильные обличения неблагочинные совершения богослужений, порча церковного чтения и пения, *многогласия* (для сокращения времени службы один читал, другой пел, третий возглашал эктению в одно и то же время, так что ничего нельзя было понять). В пении, вместо прежнего праворечия, явилось *раздельноречие*, растяжение (напр. «согрешихомо, беззаконовахомо передо Тобою», вместо Спас – Сопасо, вместо во мне – во моне). Получилось т. н. «хомовое» пение, в котором многих слов нельзя было и понять. Против этих нестроений восставал Стоглав, писали в своих сочинениях и грамотах пастыри церкви. Связан с этим и был спор Иоанна III с митр. Геронтием о порядке хождения крестных ходов. В XVI в. распространилось сильное сомнение двоить или троить аллилуиа. Дошло до того, что Стоглавый собор, поверив житию пр. Евфросина псковского, написанному свящ. Василием, велел *двоить аллилуиа*. Тот же собор изрек также проклятие на *трехперстие*. Религиозный взгляд простирался и на житейские вещи и обычаи. Русское считалось только одно православным, все чужое – еретическим, басурманским. Борода стала существенною принадлежностью православия, а брадобритие – латинскою ересью. Стоглав определил над брадобритцем ни отпевания, ни сорокоуста не творить, ни просфоры, ни свечи по нем в церковь не приносить – с неверными причтется (Знаменский).

Церковный собор был созван в 1551 г. Открыт он был в царских палатах в начале января, там же происходили все его заседания. Иоанн IV, сначала устно, потом в пространном письменном послании, просил участников собора потрудиться об истинной и непорочной православной христианской вере и утвердить и изъяснить ее, как предали святые отцы, по божественным правилам. Высказывал он желание, чтобы не

осталось без внимания никакое нарушение законов и никакое злоупотребление. Постановления собора представляют собою ответы на 69 вопросов, поданных ему царем, очевидно, в полном согласии с митрополитом. Собор в официальных актах назывался «*Соборным уложением*», переписчиками назван Стоглавником, в ученой литературе *Стоглавом*. Вызывает недоумение постановление собора о пении аллилуия дважды. Архиеп. Филарет, касаясь вопроса о сугубом аллилуия, пишет, что собор основанием сего «своего правила положил только сновидение, рассказанное Василием». Клирик Василий (Варлаам), составивший житие пр. Евфросина Псковского (ум. 1481 г.), спустя 70 лет после его преставления, провозгласил в нем, что только сугубое аллилуия есть правильное (Соловьев). Архиеп. Филарет отмечает, что св. митр. Фотий писал в 1419 году во Псков о необходимости троить аллилуия. Указывает он, что и в дальнейшее время во Пскове и в Новгороде существовал предуказанный митр. Фотием порядок. Исключение составляла обитель пр. Евфросина, совести которого архиепископ новгородский Евфимий предоставил это обрядное дело. Владыка Макарий, возглавитель Стоглавого собора, будучи архиепископом новгородским, в своей великой Минеи за август поместил указ о трегубой аллилуии. Отмечает архиеп. Филарет и то, что благовещенский священник Сильвестр, участник собора, в то время близкий к царю, в своем «Домострое» писал, что благочестивый христианин, творя крест, «первое убо да совокупит три персты свои за Св. Троицу, великий перст и другие два, сущие близ его». Соловьев, касаясь того же вопроса, пишет: «Мнения о двуперстном сложении и о сугубом аллилуиа, вместе с запрещением брить бороды и стричь усы, – замешались между постановлениями собора 1551 года и распространялись вместе с ними».

В 1518 г., как упоминалось выше, вызван был в Россию, по желанию вел. князя Василия III, *Максим Грек*. Сын благочестивых греков, повидимому, албанского происхождения, Максим, род. в 1475 г. в городе Арте, в княжестве Эпирском. Он был отправлен родителями учиться в Италию, где в то время пребывали многие ученые греки, бежавшие из порабощенной

Византии. Время его учения падает на 1495– 1505 годы. Проживая в разных городах Италии, он, по мнению Голубинского, учился главным образом в Падуе. Тогдашняя Италия была погружена в безверие и суеверие. Одно время и Максим увлекался вольномыслием, но, с Божьей помощью, вылечился от этого зла и укрепился в вере. Большое впечатление произвел на него во Флоренции пример доминиканца аббата *Иеронима Савонаролы*. В то время папой был безнравственнейший Александр VI Борджия. Падение нравов во Флоренции было не меньшее, чем в Риме. Савонарола безбоязненно и упорно выступал против нечестия и призывал к покаянию, обличив затем и папу. После пятилетней проповеди, влиявшей на толпу, папе удалось захватить Савонаролу и добиться сожжения его в 1498 г. на костре. Максим был свидетелем всех этих событий и с большим энтузиазмом отзывался о Савонароле. Из Италии он отправился на Афон и там принял постриг. На *Афоне* тогда было 18 больших монастырей и они имели хорошие библиотеки. Обитель Максима была одна из столповых – Благовещенский *Ватопедский* мон. Пробыл он там 10 лет, став начитанным православным богословом. Посылался он за милостыней на греческие острова, подвластные Венеции, и там, противоборствуя латинянам, укреплял православных.

В библиотеке Василия III, между греческими рукописями, оказалась большая *толковая Псалтырь*, представлявшая из себя свод толкований очень многих толковников. Для перевода ее вел. князь и митр. Варлаам просили афонские монастыри прислать им образованного инок. Выбор остановился на Максиме, которого прот афонский и монахи ватопедские охарактеризовали с самой лучшей стороны. Отправлен он был в сопровождении двух монахов, долженствовавших остаться с ним. Один из них должен был обучать его русскому языку, которого он не знал. В Москву Максим прибыл в марте 1518 г. и принят был с великой честью. Даны были ему два посольские толмача (переводчики). Он переводил с греческого на латинский, а они с латинского – на славянский. Менее чем в полтора года он перевел *Псалтирь* и сделал другие работы.

После этого он просил отпустить его на Афон, но вел. князь задержал Максима в Москве, отпустив его спутников.

Оставление Максима в Москве Голубинский объясняет тем, что некоторые греки, прибывшие с Софией Палеолог и оставшиеся в России, нашли в славянских богослужебных книгах ряд еретических погрешностей. Это не понравилось вел. князю, разделявшему господствовавшее тогда на Руси мнение, что древнее православие сохраняется во всей чистоте именно у русских. Максиму, завоевавшему его доверие, и поручен был пересмотр книг. Известно, что он пересмотрел и исправлял *Триодь Цветную, Часословец, Псалтырь, Евангелие, Апостол*. Ошибки обнаружены были крупные. Но открытие их не доставило удовольствия вел. князю, тем более, что Максим говорил об этих ошибках и что вокруг него образовался круг лиц, разделявших его мнение. Новый митрополит Даниил и большинство русских были этим недовольны и говорили, что Максим только портит книги и хулами на них творит досаду русским чудотворцам, спасавшимся по этим книгам. Даниил вообще был настроен против Максима. Великого князя Максим разгневал, позволяя себе неосторожную критику существовавших в России порядков, затрагивая и самого Василия III. В то же время выяснилось, что он, по незнанию русского языка, допустил в исправлениях погрешности, привнесившие еретическую мысль в службу на Вознесение. Где прежде него в службе читалось о Христе: «взыде на небеса и седе одесную Отца,.. седяй одесную Отца», он поправил: «седел (седел еси) одесную Отца, седев.., седевший одесную Отца». Были ошибки и в переводе жития Богородицы. Говоря о первом случае, как о мимошедшем факте, Максим, вместо того, чтобы признать свою ошибку, на соборе 1525 г., судившем его, хотел защищать свои поправки. К этому времени он был достаточно знаком с русским языком, чтобы понять допущенные им ошибки. Но ясно, что еретиком его считать было невозможно. Он же таковым был объявлен собором, кроме того ему приписаны были политические преступления. Так он был обвинен в том, что зная похвальбы турецкого посла в Москве Искандера поднять султана против вел. князя, не донес об

этом. Искандер действительно вел себя нехорошо, но, как правильно отмечает Голубинский, Василий III был об этом обстоятельно осведомлен. Максима обвинили даже в колдовстве. Он был приговорен собором к отлучению от церкви и к пожизненному тюремному заключению. Отправлен он был в Волоколамский мон., тесно связанный с главным его врагом, митр. Даниилом. Там он испытал много тяжелого.

В 1531 г. Максима подвергли новому суду. Его обвиняли в выпуске, при переводе, нескольких частных мест из существовавшего славянского текста и в том, что он слишком худо отзывался о прежнем переводе наших богослужебных книг. Ему поставлена была в вину его полемика против вотчинновладения монастырей, которое так отстаивал митр. Даниил. После суда Максим был отправлен в тверской Отрочь мон., без прежнего запрещения читать и писать книги. Но запрещение ходить в храм и приобщаться св. Таин продолжало тяготеть над ним. Тверской епископ Акакий утешал его своею любовью. Новый митр. Иоасаф уважал узника. Он писал ему: «узы твоя целуем, яко единого от святых, пособити же тебе не можем». Все же Иоасаф добился разрешения ему приобщаться. В 1545 г. александрийский патриарх Иоаким просил Иоанна IV освободить Максима. В 1551 г. он был переселен в обитель пр. Сергия. Принятый там, по свидетельству архиеп. Филарета, с честью и сподобленный дара прозрения, Максим преставился в 1556 году.

Архиеп. Филарет пишет: «Преподобный Максим и на словах и на бумаге оправдывал исправление книг. На обвинение, будто отвергает он все русские книги, отвечал он, что «здесь на Руси книги не прямы; а иные книги переводники перепортили, ино их надо переводити».

Максим Грек восстал против распространенных тогда «сборников», являвшихся, по свидетельству архиеп. Филарета, сбором «всего, что попадалось под руки, верного и ложного, полезного и пустого, спасительного и вредного». Об этом писал кн. Курбский: «мнимые учителя нынешнего века, грех наших ради, чаще занимаются *болгарскими баснями*, или точнее, бабьими бреднями, чем услаждаются разумением великих

учителей». Максим обнаруживал нелепости и ошибки в таких сборниках».

Об этом печальном явлении того времени Соловьев пишет: «Легко было появляться учителям, толковникам-самозванцам, ибо кто мог проверить законность их звания? Стоило только быть грамотеем, начетчиком, говоруном, чтобы приобрести авторитет непререкаемый среди толпы людей безграмотных и мало читавших. Часто говорит он нелепо, темно, но говорит он о вещах высоких, внушающих всеобщее благоговение, безпрестанно приводит слова Св. Писания, Отцев Церкви; чем непонятнее, темнее говорит он, – тем более возбуждалось к нему уважение: это называлось говорить высоко. Иногда такой мудрец не ограничивался одними устными беседами, писал книжку, и книжка удостаивалась такого же почетного приема, особенно если сам автор или переписчик надписывал на ней имя знаменитого Отца Церкви».

Вопрос об исправлении богослужебных книг был снова поднят на *Стоглавом соборе* 1551 г. Но недостаточная образованность членов собора не могла привести к правильному решению. Собором приняты были только частные и нерешительные меры. Повелено было протопопам и старейшим священникам осматривать по церквам богослужебные книги. Если какие окажутся неправильными и с описками, то исправлять их по лучшим спискам; наблюдать за писцами, чтобы они списывали книги с хороших переводов; неисправленные отбирать от писцов и у тех, кто у них купил книги. Такие меры, очевидно, не могли повести к полному повсеместному исправлению книг, а напротив, вследствие произвола и недостаточного образования самих исправителей, повели к большей порче их. Члены собора не умели богословски разбираться в спорных вопросах. Указывалось выше, что на Стоглавом соборе узаконили сугубить аллилуия и двуперстие.

Книгопечатание в славянских странах появилось еще в XV в., именно в Кракове в 1491 г. В Вильне печатать начали в 1525 г. Для предотвращения ошибок в богослужебных книгах решено было создать *типографию* в Москве. Царь Иоанн IV в 1548 г., в

числе других мастеров, выписал из Германии типографов. Их не пропустили в Россию. В 1552 г. датский король Христиан III прислал в Москву Ганса-Иоанна Миссенгейма Бокбиндера (т. е. переплетчика книг). Он привез с собой печатные библию и две другие книги, в коих излагалось протестантское учение. Король предлагал царю принять таковое. Соловьев пишет: «Неизвестно, как принят был Миссенгейм Иоанном; не вероятно, чтоб царь поручил устройство типографии человеку, присланному явно с целью распространения протестантизма. По русским известиям, царь, нуждаясь в церковных книгах для вновь строящихся многих церквей, велел скупать их на торгах, но оказалось очень мало исправных; это привело Иоанна к мысли о необходимости книгопечатания; митрополит Макарий одобрил эту мысль, и с 1553 года приступили к делу». Царскою казною построен был дом для типографии. Нашлись свои люди, знавшие печатное дело: диакон церкви Николы Гостунского Иоанн Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец. Они стали готовить все нужное для типографии. В 1556 г. мастером печатных книг Марушею Нефедьевым был обнаружен в Новгороде резчик букв Васюк Никифоров. Из какой-то русской типографии в Польше выписаны были новые буквы и печатный станок. Первые опыты были неудачны: «малыми некими и неискусными начертаньями печатоваху». Только в 1564 году напечатана была первая книга – *Апостол*. Через два года выпущен был – *Часослов*. Буквы и бумага Апостола прекрасные, но правописание – худое. Славянский список не был проверен с греческим текстом. Самый список был не лучший из современных. После этого дело замерло. Против типографщиков прежде всего восстали те, которые кормились списыванием книг. Они стали обвинять их в ереси, а тогда как раз шли строгие розыски по ереси Башкина. Диакон Иоанн и Тимофеев вынуждены были бежать из Москвы в Литву. Народ, при слухе об ереси, взволновался и двор печатный был ночью подожжен и сгорел со всеми принадлежностями. В 1568 г. по воле царя дело было возобновлено сначала в Москве, потом в Александровской слободе. Ученик первых печатников *Андроник Невежа* напечатал два издания *Псалтири* (1568, 78), тоже без

сравнения с подлинником. Все неисправности в рукописях были перенесены в печатные книги.

Архиеп. Филарет пишет, что пр. Иосиф Волоколамский, обличая жидовствующих, говорил: «ничтоже тако обрадоваться нашу устроят жизнь, якоже в церкви красование». И усердие к храмам Божиим в самой большей части народа соответствовало такому отзыву о благолепии храмов». В Москве при Иоанне III был выстроен новый *Успенский собор*. Создавал его Аристотель Фиоравенти. Другие мастера построили богатые соборы в Троицкой Лавре и в некоторых других монастырях и перестроили (1505–08) соборы *Благовещенский* на великокняжеском дворе и *Архангельский*, ставший усыпальницей государей. При Василии III воздвигнут в Москве, в память взятия Смоленска, *Новодевичий* мон. Тогда же построено было 11 каменных церквей мастером *Фрязиным*. Мастером *Николаем Немцем* слит громадный колокол в 1000 пудов. В 1555 в память взятия Казани Иоанном IV построен *Покровский собор (Василий Блаженный)*, весьма своеобразного зодчества. Другие города тоже украшались новыми храмами. По древнему обычаю во времена бедствий строилось много обыденных храмов.

«Усердие к слушанию богослужения», отмечает архиеп. Филарет, «было жаркое: в конце XV в., в Новгороде, за исключением обителей, было 44 храма, в которых совершалась ежедневная служба. Сами вел. князья не иначе принимались за ежедневные дела, как отслушав службу Божию. Но, впоследствии времени, собор 1551 г. обличал тщеславие, строившее новые храмы и оставлявшее пустеть прежние; он же предписывал совершать службу Божию «чинно и безмятежно, каноны говорить (а не петь), со вниманием, хвалитные стихиры и великое славословие петь, а не говорить».

Прекращение удельного порядка привело к сосредоточению местных святынь в Москве. *Ея Успенский собор* сделался храмом *всея Руси*. В его иконостасе помещались новгородская икона Спаса, устюжская Благовещения, перед которой молился блаж. Прокопий, икона псково-печерская, в ризницу собора взяты из Новгорода сосуды пр. Антония Римлянина. В Москву

при Иоанне IV были перенесены из Чернигова мощи свв. Михаила и Феодора.

По определению московских соборов 1547 и 1549 г. г., многие святые, прежде чтившиеся только местно, получили общее чествование. Тогда же были собраны местные службы, жития и чудеса новых чудотворцев, а для некоторых составлены новые и обнародованы повсюду. Это собирание сведений о святых продолжалось и позднее. Церковное богослужение обогащалось новыми празднествами и службами. С XVI в. появляются новые обряды: *хождения на ослати в неделю Ваий*, при чем осля под святителем в Москве вел на поводу с боярами государь, и *пещного действия*, совершавшийся по кафедральным соборам пред Рождеством в неделю Праотец (Знаменский).

Еще с XV в. в Москве и в некоторых других местах имели обычай – в четверг пред Троицыным днем рыть могилы для умерших бедняков, которых зимою ставили в ямах убогого дома. Благочестивые люди разбирали своими руками тела, и с мыслию об общей тленности, не гнушаясь вида и запаха давно умерших, облекали в саваны, предавали земле, пели панихиды в успокоении и тех, коих имена известны единому Богу. В 1548 г. собор установил совершать общее поминовение по всем скончавшимся внезапною смертью (Архиеп. Филарет).

Митрополиты Варлаам и Даниил заботились о лучшем писании икон. Собор 1551 г., пишет архиеп. Филарет, «требовал от иконописцев, кроме искусства в иконописании, неукоризненной жизни и поручал их надзору духовных отцев; епископам вменял в обязанность надсматривать за рукописанием, лучших иконописцев отличать вниманием любви, а неискусным и людям худой жизни запрещать писать св. иконы. Он же советовал следовать в иконописании лучшим древним образцам, указывая в особенности на иконы инока *Андрея Рублева*. Сей благочестивый инок Андрониевской обители, скончавшийся в 1430 г., по свидетельству пр. Иосифа Волоколамского, так любил священное искусство, что в праздничные дни любимым занятием его было рассматривать св. иконы и переноситься от видимого к невидимому».

После большого московского пожара 1547 г., когда погорели кремлевские церкви, Иоанн IV послал за иконами в Новгород, Смоленск, Дмитров, Звенигород. Из этих и других городов свозили иконы в Москву и ставили их в Благовещенском соборе, где иконописцы, приехавшие из Новгорода, Пскова и других городов, списывали с них новые образа. Кроме того, священник Благовещенского собора, известный Сильвестр, доложив царю, поручил новгородским иконописцам изобразить на стенах храма историю творения мира, символ веры, содержание некоторых церковных стихов и пр. Известный дьяк, Иван Висковатый, увидав новые иконы, начал громко говорить при народе, что так писать иконы не годится, не следует изображать невидимое Божество и безплотных. Надлежит отметить, что иконы писались новгородцами и псковичами. Их же города находились в постоянных торговых связях с Западом. По этим связям, – указывает архиеп. Филарет – весьма вероятно, что символические изображения заняты были у Запада. Сильвестр настойчиво просил дело это рассмотреть на соборе, который состоялся в начале 1554 г. Дело решено было в пользу Сильвестра, на Висковатого собор наложил епитимию за то, что о святых иконах сомнение имел и смущал народ. Поставлено было ему в вину нарушение правила шестого Вселенского собора, запрещающее простым людям принимать на себя учительский сан.

Жизнь христианская

Архиеп. Филарет пишет: «Благочестие в сем периоде было еще общим предметом помыслов для всех состояний русского народа – для князя и слуги, для инока и мирянина. Или, чтобы быть точнее, в сем периоде старались подражать благочестию предков, хотя в XVI в. было уже заметно ослабление древнего духа».

В этом отношении показательны впечатления посещавших Россию иностранцев. Преосвященный автор приводит, относящийся к 1525 г., отзыв немца католика, тюбингенца Ивана Фабра: «каждый, коль скоро вступает в зрелый возраст... становится способным сознавать с сокрушением, что он грешен, немедленно идет и падает к стопам священника; с плачем и воздыханием *исповедует* ему грехи, по порядку, сколько может припомнить... Этому есть у них установленное время. Устав церковный понуждает их к тому каждый год в Пасху, а набожные не оставляют исповеди и в великие праздники. Тот, кто оставил бы это в пасху, для всех был бы анафемою, предметом презрения, – его все стали бы удаляться и не пустили бы в церковь. Исповедник, чтобы быть достойным таинства Тела и Крови Господней, прежде должен несколько дней изнурять тело, поработать плоть свою и принести другие плоды покаяния...» Фабр, отметив строгость соблюдения постов, высказывался далее так: «Услышав это, мы так были поражены, что как-бы потерялись; так нечестива показалась нам жизнь наша в сравнении с этими христианами. Как нельзя тверже уверились мы, что мы, которые много говорим себе о плодах веры, по плодам далеко хуже их ... Они проходят и другия степени покаяния для умиловления Бога. Такова особенно молитва. Они совершают ее так часто, что не скоро найдешь равных им. С каждым рассветом дня каждый из них повергается в прахе, изливает продолжительные ежедневные молитвы... И того нельзя упустить между другими похвальными делами их, что они собирают к себе нищих, которых каждый питает по мере средств; творит милостыню, сколько требует благочестие

евангельское, одевает, поит, оберегает, сзывает странников, творит все другое, чем усовершенствуются чада Божии; они страшатся не быть бы осужденными на том страшном суде Божиим ...».

Другой иностранец, Рюссов, противник вторжения «москвитов» в Ливонию, писал: «Русские в крепостях являются сильными боевыми людьми. Происходит это по следующим причинам. Во первых, русские – работающий народ: русский, в случае надобности, неутомим во всякой опасной и тяжелой работе, днем и ночью, молится Богу, чтобы праведно умереть за своего государя. Во вторых, русский с юности привык поститься и обходиться скудной пищей ...»

Рейнголд Гейденштейн, польский шляхтич, сторонник боровшегося с Иоанном Грозным короля Батория, писал в 1578 г. о русском царе: «Тому, кто занимается историей его царствования, тем более должно казаться удивительным, что при такой жестокости могла существовать такая сильная к нему любовь народа, любовь с трудом обретаемая прочими государями только посредством снисходительности и ласки, и как могла сохраниться необычайная верность его к своим государям. При чем должно заметить, что народ не только не возбуждал против него никаких возмущений, но даже высказывал во время войны невероятную твердость при защите и охранении крепостей, а перебежчиков было вообще мало. Много, напротив, нашлось и во время этой самой войны таких, которые предпочли верность к князю, даже с опасностью для себя, величайшим наградам». Гейденштейн стойкость и послушание русских объясняет их *религиозными* убеждениями: «Они считают варварами и басурманами всех, кто отступает от них в деле веры. По установлениям своей религии, считая верность к государю в такой степени обязательной, как и верность к Богу, они превозносят похвалами тех, кто до последнего вздоха сохранили присягу своему князю и говорят, что души их, расставшись с телом, тотчас переселяются на небо».

Относительно отношения господ к крепостным слугам, германец Герберштейн писал: «Если бы господин стал худо

обходиться с добрым и исправным слугою, он стал бы безчестным в глазах других, и после того ни один не пошел бы к нему в услужение». Пр. Иосиф в послании к волоколамскому вельможе наставляет его заботиться об участи бедных крестьян.

Необходимо отметить, что не всегда в народе было подлинное религиозное чувство. На Руси в это время сильна была привязанность к *форме, обряду*. Добродетелями времени было частое присутствие при богослужении, строгое соблюдение постов, кроме положенных, еще обетных, вклады в монастыри и церкви, построение храмов, путешествие ко святым местам, раздача пищи и денег бедным и т. п. Жизнь благочестивого человека вся строилась по церковному уставу, но недостаточно была облагодатствована крепкой верой. Среди множества вопросов и обличений в XVI в. подвергалось обличению это противоречие между христианской внешностью и нехристианскими нравами (Знаменский).

Сказывалось влияние *монголов*. Проникло оно в наше судопроизводство. Приняты были татарские: кнут для преступников, жестокие пытки для дознания преступлений и пр. Иго приучило русский народ к хитрости, как средству самосохранения, и значительно уменьшило добродушную искренность. Часто не было ее в обращении с другими. Обманывали друг друга. Существовали грубые потехи, напр. кулачные бои, на которых иногда побивали людей до смерти. Усиливалось пьянство. К празднованиям главных христианских праздников продолжали примешивать безнравственные языческие обряды. В Стоглаве имеются постановления против этого. Семейные нравы и идеалы описываемого времени очерчены в обширном сборнике знаменитого иерея *Сильвестра*, известном под именем *Домостроя*. Вращаясь исключительно в области домашней обыденной жизни, составитель сборника с ясностью обрисовывает уважение к обряду, обычаю отцов и дедов – весь заведенный порядок, начиная с исполнения важнейших религиозных обязанностей до самых мелочных хозяйственных занятий. В основу семейной жизни Домостроем положено безусловное главенство *отца семейства*. Все перед ним ребята, умственно и нравственно

недозрелые, живущие только его умом и наказанием, за которых он поэтому несет ответственность и в сей жизни и в будущей. Жена полная его раба, исключительно хозяйка и работница, поставленная им во главе других работников и работниц дома. К этому времени правилом стало затворничество женщин. Выше всего ставится подвиг христианского благочестия, что сам Сильвестр широко осуществлял в жизни (Знаменский).

Монашество

При этих недостатках христианской жизни особое значение приобретал пример монашества. Возникновение обителей шло еще в больших размерах, чем прежде. С половины XV до XVII вв. насчитывается до 300 вновь устроенных монастырей. Конец XV и начало XVI вв. выставили двух великих подвижников, устроителей и законоположников главных родов аскетической жизни – *скитского* и *общежительного*. Это были: преподобные *Нил Сорский* и *Иосиф Волоцкий* или *Волоколамский*.

Пр. *Нил Сорский* родился в 1433 г., происходил из рода бояр *Майковых*. Рано он постригся в Кирилло-Белозерском мон., известном своим строгим уставом. Он долго путешествовал, с учеником своим *Иннокентием*, по православному Востоку (был и на Афоне), для изучения высшего монашеского совершенства. Научился он греческому языку. По возвращении в Россию, Нил удалился на р. Сору и поставил одинокую келию и часовню, около которой вскоре возникла обитель с новым еще в России *скитским* направлением, заимствованным им с Афона и составлявшим как бы середину между жизнью монахов общежительных монастырей и жизнью одиноких отшельников, между киновией и анахоретством. Пр. Нил заповедал братии питаться только своими трудами, милостыню принимать в крайней нужде, не заводить дорогих вещей даже в церкви, женщин в скит не пускать, монахам из него не выходить ни под каким предлогом. *Владение вотчинами им отрицалось*. В своих посланиях и «Предании об сожительстве скитском ученикам своим» пр. Нил выявляет себя строгим аскетом созерцателем, глубоким знатоком внутренней духовной жизни. Творения пр. Нила, мало касаясь внешнего поведения иноков, развивают сущность аскетизма, касаются глубоких внутренних явлений духовной жизни, разных степеней «умного делания». Жизнь его скита отличалась такою строгостью, что нашлось только 12 человек, которые были в состоянии жить в нем. Любовь пр. Нила исключала осуждение. Но, конечно, ересь жидовствующих им

порицалась; не сочувствовал он казни еретиков. Кроткая любовь пр. Нила не препятствовала его крепкому стоянию за истину. Он говорил: «Несть убо добре еже всем человеком хотети угодни быть. Еже хоцещи убо избери: или о истине пещися и умерети ея ради, да жив будещи во веки, или яже суть на сласть человеком творити и любим быти ими, Богом же ненавидимым быти». Скончался он в 1507 г. Он завещал: «молю вас, повергнете тело мое в пустыни, – пусть съедят его звери и птицы; понеже согрешило есть и погребения к Богу недостойно есть. Аще же сице не сотворите, и вы ископавше ров на месте, идеже живем, со всяким безчестием погребите мя». В 1569 г. царь Иоанн IV, посетив скит, велел вместо деревянной церкви построить каменную. Но пр. Нил в сонном видений запретил это. Его обитель и после его кончины оставалась представительницей самого строгого созерцательного аскетизма. Историк Шевырев, посетивший Нилову пустынь в середине прошлого века, так описывает ее природу: «Дико, пустынно и мрачно то место, где Нилом был основан скит. Почва ровная, но болотистая; кругом лес, более хвойный чем лиственный... Трудно отыскать место более уединенное, чем эта пустыня» (Г. П. Федотов. Святые древней Руси).

Для понимания пр. *Иосифа Волоколамского* надо знать его наставника. Таковым был пр. *Пафнутий Боровский* (ок. 1440 г.) основатель и игумен Рождественско-Богородицкого Боровского мон. в Калужской губернии. Он был внуком татарского баскака, родился в 1395 г. вблизи гор. Боровска. В течение семи лет он был послушником у настоятеля Высоцкого монастыря монаха Никиты, ученика пр. Сергия. В основанном Пафнутием не общежительном монастыре поддерживался трудовой хозяйственный уклад жизни. Пр. Пафнутий отличался особой строгостью в соблюдении церковного устава и одарен был исключительным даром прозорливости. Он мог по лицу приближавшегося к нему человека угадывать дурную страсть, дурное дело. Суров бывал он не только с мирянами, но и с князьями. Последние же очень чтили святого и одаряли его

обитель. Он любил княжеский род и московские князья считали его своим покровителем. Преставился пр. Пафнутий в 1477 г.

К пр. Пафнутию пришел молодой Иван Санин, сын московского служилого человека, потомок выходца из Зап. Руси, родившийся в 1440 г. В роду его известно 18 монашеских имен. С детства Иван проявлял тяготение к учению и монашеству. Достигнув 20 лет, он пришел в тверской Саввин мон., где подвизался старец Варсонофий. Там напугало его сквернословие в трапезной для мирян: «Иван побегал из трапезной не евши – «ненавидел он сквернословие и кощунство и смех безчинный от молодых ногтей» (Федотов). Варсонофий направил его к пр. Пафнутию. Соловьев пишет: «Пришедши в Боровский монастырь, Иван застал игумена и братию за тяжелой работою: они носили и обтесывали бревна, и потом без отдыха шли в церковь на вечернюю службу. Такова была жизнь, ожидавшая молодого человека в монастыре; но такая-то именно жизнь уже давно и прельщала его; он упал к ногам Пафнутия и просил принять его в число братий; Пафнутий узнал, с кем имел дело, и в тот же день постриг пришлеца, который получил имя Иосифа. Строг был иску, которому подвергся Иосиф в Пафнутиевом монастыре; но это был один из тех людей, которые не утомляются никакими трудами, никакими лишениями, не останавливаются никакими препятствиями при достижении раз предназначенной цели. Когда, по смерти Пафнутия, Иосифа избрали игуменом Боровского мон., то он уже не довольствовался уставом, который был в силе во времена Пафнутия, но хотел ввести устав строжайший. Когда же большинство братии не согласилось на это, Иосиф оставил Пафнутиев мон., посетил другия обители, присматриваясь к уставам и выбирая, какой бы был построже, наконец решился основать собственный монастырь в лесах волоколамских, с самым строгим общежительным уставом; как Иосиф не любил останавливаться, доказывает то, что, запретив женщинам вход в монастырь и всякое сношение с братиею, он сам себе не позволил видаться с престарелою матерью». Во время своих странствований, пр. Иосиф, простым послушником, незнаемый никем, подвизался в

Белозерском Кирилловом мон. Он основал Волоколамский монастырь с некоторыми иноками Боровской обители в 1479 г., и был в нем 37 лет игуменом.

Пр. Иосиф, видный по внешности, необыкновенно начитанный и красноречивый, имел сильное влияние на иноков и мирян всех сословий. Отличался он широкой общественной деятельностью. На иноков он возложил попечение о бедных и больных, для которых устроил особый дом. Князей и бояр он убеждал быть милостивыми к бедным, снисходительными к рабам и иметь любовь ко всем. Он считал монашество совершеннейшим классом верующих, которому надлежит стоять во главе всей церковной жизни, быть рассадником церковных властей. Поэтому он хотел сосредоточить в монастырях все церковное образование и лучшие силы Церкви. Для этого он требовал для монастырей соответствующего внешнего возвышения, увеличения их богатств. Без вотчин, говорил он, не будет в монастырях учительных старцев. «И еще не будет честных старцев, отколе взять на митрополию или архиепископа или епископа и на всякие честные власти? А коли не будет честных старцев и благородных, ино вере будет колебание». Пр. Иосиф преставился 9 сент. 1515 г.

Ученики и почитатели пр. Иосифа и его *общежительного устава* составили в монашестве особое течение, т. н. *иосифлян*. Им противостояли почитатели пр. Нила, т. н. *заволжские старцы* (преимущественно старцы небольших белозерских и вологодских безвотчинных монастырей). Об их спорах о владении недвижимыми имуществами речь будет дальше.

В это время прославились святые: Постриженник Крыпецкого мон., пр. *Нил Столбенский* († 1554) на небольшом острове Столобном на Селигамском озере, вблизи Осташкова. Он выкопал пещеру, устроил в ней келью и часовню. 27 лет провел он в молитвенном уединении для спасения своего и тех, кто прибегал к его помощи. Пр. *Никандр Псковский* († 1581), тоже постриженник Крыпецкого мон., подвизался в пустыни между Псковом и Порховом, обладая даром прозорливости и чудотворения. Пр. *Тихон Медынский* или *Калужский* († 1492),

отличавшийся особым аскетизмом, в юности устроивший себе около г. Медыни, Калужской губернии, жилище в дупле большого дуба, питавшийся некоторое время одной травой, потом основавший Успенский мон. Пр. *Даниил Переяславский* († 1540), постриженник Пафнутиева мон., впоследствии архимандрит Горицкого мон. в Переяславле. Любимым подвигом его было принимать и покоеить странных, погребать умерших бедняков, которых он своими руками переносил в убогий дом, а потом в могилу. Над «скудельницей» создан был им Троицкий мон. Его особенно почитал вел. князь Василий III и он был восприемником его сыновей Иоанна, будущего царя, и Георгия. Пр. *Александр Свирский* († 1533), постриженник Валаамского мон., сначала отшельник; основал вблизи р. Свири обитель, в которой воспитались многие подвижники благочестия. Пр. *Макарий Каляжнский* († 1483), сын тверского боярина Кожи, основал обитель около Кашина и установил строгое общежитие. Пр. *Корнилий Комельский* (1537), сын ростовского боярина, постриженник Кириллова мон., основавший обитель вблизи Грязовца вологодской губернии. Он проявлял особую щедрость к бедным. Пр. *Антоний Сийский* († 1556), основавший при реке Сии обитель в Холмогорском уезде Архангельской губернии. Он оказывал огромное духовное влияние на весь тамошний край.

Велико число остальных святых, подвизавшихся тогда. Прот. Николай Смирнов в книге «Златая цепь святости на Руси» приводит число дат кончины святых: в XIV – 51, в XVI – 94.

В это время достигла полного расцвета деятельность пр. *Зосимы Соловецкого* († 1478). Сын богатых землевладельцев, живших на берегу Онежского озера, он, оставшись в юном возрасте сиротой, роздал имущество бедным и предался отшельнической жизни. Он встретился с пр. Германом, с которым в 1439 г. поселился на Соловецком острове, на котором не решались зимовать даже опытные рыбаки. Через 20 лет число отшельников настолько увеличилось, что удалось воздвигнут Преображенский храм. Став игуменом, пр. Зосима еще более благоустроил обитель. Он обладал даром

провидения, особенно выявившемся в предсказании судьбы ожидавшей новгородских бояр, противников Москвы.

Юродством прославились блаженные Иоанн Устюжский, Лаврентий Калужский, Василий Московский, Никола Салос, Иоанн Московский и Иоанн Ростовский. В Устюге подвизался блаж. *Иоанн* († 1494). Поселившись в Устюге в хижине, он, отдыхая на навозе, юродствовал и был почитаем народом. Бл. *Лаврентий* (1515) проходил свой подвиг в Калуге. Круглый год он ходил босым, в рубашке и овчинном кожухе. Им чудесно был спасен князь калужский Симеон Иоаннович, на которого напали татары. Бл. *Василий* († 1552), в юности, оставив дом родителей, не имел пристанища до гроба, а жил на улицах в Москве. Днем ходил из храма в храм, ночью ложился на паперти церковной. Он бегал людей, но народ искал его для наставлений. Провидел он пожары в Москве и в Новгороде и многое другое. Царь Иоанн IV с царевичами находились у изголовья святого перед его кончиной. Необычайная радость озаряла в момент кончины 88-летнего старца. «Исполнися от телесе святого весь город благоухания и все граждане течаху великим и скорым шествием видети погребение блаженного», говорится в прологе и житии святого. Царь со всеми князьями нес его тело в церковь. *Никола* († 1576), юродивый Псковский, с куском сырого мяса обличивший царя Иоанна Грозного и этим спасший Псков. Бл. *Иоанн* († 1589) московский, называвшийся «Большой колпак и водоносец» по веригам им носившимся и трудам на себя возлагаемым. Он ходил в морозы почти нагой. Он говорил правду правителю Борису Годунову и предсказывал бедствия. Бл. *Иоанн Власатый* († 1580), Ростовский чудотворец, отличавшийся особым смиренномудрием, терпением и непрестанной молитвой.

Духовное просвещение. Ереси

В числе вопросов этого времени видное место занимали обличения религиозного невежества и стремление к усилению религиозного образования. Не только в простом народе, но в высших классах и даже в великокняжеской семье господствовали суеверия. Супруга вел. князя Василия III, несчастная Соломония, думала через знахарей избавиться от неплодия. Сам Василий, женившись на Елене Глинской, призывал к себе ведунов, чтобы они своими чарами помогли ему иметь сына. Иоанн Грозный тоже советовался с волхвами, хотя порой и казнил их. В народную медицину проникали заговоры и кудеснические средства. Народные и частные бедствия, неудачи, семейные разлады порой приписывались ведовству и устранялись, по народному мнению, тоже ведовством. С XVI века стали проникать с Запада *астрологические суеверия и гадания*. К прежним восточно-балканским и доморощенным апокрифам прибавились *апокрифические сочинения Запада*. Апокрифические сказания и ссылки на них встречаются в сочинениях таких крупных лиц, как митрополитов Даниила и Макария, Максима Грека и в определениях Стоглавого собора (Знаменский).

В печальном положении находился *школьный вопрос*. Закрылись школы даже в новгородском крае, более образованном. Св. Геннадий, арх. новгородский горько жаловался митр. Симону: «Приводят ко мне мужика в попы ставить, я приказываю ему читать Апостол, а он и ступить не умеет; приказываю дать ему Псалтирь, а он и по той едва бредет. Я отказываю ему, а на меня жалобы: земля, господине, такова; не можем добыть, кто бы умел грамоте. Бьют мне челом: Пожалуй, господине, вели учить. Приказываю учить ектению, а он и к слову пристать не может; ты говоришь ему то, а он – другое. Приказываю учить азбуку, и они, немного поучившись, просят прочь, не хотят учить ее». Владыка умолял вел. князя и митрополита завести повсюду школы, в которых бы учили грамоте и Псалтири. Ограниченность этой

программы показывает до чего дошла необразованность духовенства. Церковная проповедь замолкла повсюду и была только отчасти заменена учительными посланиями митрополитов свят. Ионы, Феодосия, Филиппа, архиеп. Вассиана и др. В церквях читались только поучения из Пролога, Толкового Евангелия, Златоустника и проч. (Знаменский).

Первым возбудительным толчком, вызвавшим просветительное движение в Церкви, оказалась *ересь жидовствующих*. О возникновении ее Карамзин пишет: «Был в Киеве жид, именем Схария, умом хитрый, языком острый; в 1470 году, приехав в Новгород с князем Олельковичем, он умел обольстить там двух священников, Дионисия и Алексия; уверил их, что закон Моисеев есть единый божественный; что история Спасителя выдумана; что Христос еще не родился; что нельзя поклоняться иконам и проч. Завелась жидовская ересь. Поп Алексей назвал себя Авраамом, жену свою Саррою и развратил, вместе с Дионисием, многих духовных и мирян, между коими находился протоиерей софийской церкви Гавриил и сын знатного боярина Григорий Михайлович Тучин. Но трудно поверить, чтобы Схария мог столь легко размножить число своих учеников новгородских, если бы мудрость его состояла единственно в отвержении христианства и в прославлении жидовства; св. Иосиф Волоцкий дает ему имя *астролога* и *чернокнижника*; и так вероятно, что Схария обольщал россиян иудейской каббалою, наукой пленительною для невежд любопытных и славною в XV веке, когда многие из самых ученых людей (например Иоанн Пик Мирандольский) искали в ней разрешения всех важнейших загадок для ума человеческого. Каббалисты хвалились древними преданиями, будто бы дошедшими до них от Моисея...»

Соловьев, упоминая о приезде из Киева князя Михаила и Схарии, пишет, что последний, «с помощью пятерых сообщников, также жидов, насадил в Новгороде свою ересь». Он продолжает: «Как во время стригольничества, наружное благочестие первых еретиков обратило на них внимание народа и содействовало быстрому распространению ереси; еретики старались получить священнические места, чтобы успешнее

действовать на своих духовных детей; если видели человека твердого в православии, перед таким и сами являлись православными; перед человеком, обличающим ересь, они и сами являлись строгими ее обличителями, проклинали еретиков; но где видели человека слабого в вере, тут были готовы на ловлю. Еретики отличались ученостью, имели книги, каких не было у православного духовенства, которое потому и не могло бороться с еретиками ... Положение Новгорода во время окончательной борьбы с Москвою и непосредственно после нея не давало его церковному правительству возможности обратить надлежащее внимание на ересь. Слава благочестивой жизни и мудрости двух главных еретиков новгородских, Дионисия и Алексия, достигла того, что обратила на них внимание великого князя, когда он приехал в Новгород в 1480 году, и оба они взяты были в Москву: один был сделан протопопом в Успенский, другой – священником в Архангельский соборы. Здесь они скоро распространили свое учение и между людьми известными, могущественными по своему влиянию; в числе принявших это учение были Симоновский архимандрит Зосима, славный своею грамотностию и способностями дьяк Федор Курицын с братом Иваном Волком, невестка великого князя, Елена, мать наследника престола. Иоанн знал, что эти люди держат новое учение, но, по характеру своему, ждал, пока дело выяснится, особенно видя приверженность к новому учению людей, которых не мог не уважать в том или ином отношении».

Новгородские архиепископы Феофил и Сергей не обратили внимания на ересь. Открыл ее их преемник деятельный и пламенный владыка Геннадий. Ему донесли, что несколько священников, в пьяном виде, надругались над иконами. Он немедленно дал об этом знать вел. князю и митрополиту Геронтию, нарядил следствие, обыскал еретиков и отдал их на поруки; но они убежали в Москву, имея там влиятельных единомышленников. Из Москвы пришел приказ продолжать расследование, но в столице не чувствовалось понимания опасности. Вел. князь был под влиянием Курицына, который использовал и интерес Иоанна к астрологии. Митр. Геронтий не

любил владыку Геннадия, а отношения его с государем были таковы, что он не решался докучать последнему делом об ереси.

Архиеп. Геннадий, карая еретиков, согласно разрешения ему данного из Москвы, послал потом подробное извещение о расследовании. Оно осталось без ответа. Соловьев пишет, что Геннадий, узнав, что в Москве еретики «живут в ослабе», а новгородские еретики, покаявшиеся было и находившиеся под епитимьею, убежали в Москву, стали бывать в церкви и некоторые даже служить литургию, видя это послабление, решил обратиться за содействием к пр. Иосифу Волоцкому, который вступил в решительную борьбу с еретиками. Положение их окрепло когда вел. князь, продолжая верить Феодору Курицыну и священнику Алексию, после кончины в 1490 г. владыки Геронтия, согласился на поставление митрополитом тайного еретика Зосимы.

Владыка Геннадий продолжал свою борьбу. Он ознакомил с деятельностью еретиков епископов сарского Прохора, Суздальского Нифонта и пермского Филофея. Митр. Зосима понимал, что не может воспрепятствовать рассмотрению дела. В 1490 г. созван был собор. На основании представленных Геннадием розысканий, до 9 лиц духовного звания преданы были проклятию; вел. князь отослал одних в Новгород, других сослал в заточение. Геннадий предал ересь публичному позору: еретиков водили по улицам в шлемах берестовых, с мочальными кистями, с венцами из соломы и с надписью: се есть сатанино воинство (Архиеп. Филарет).

Но вскоре ересь снова окрепла. Прошел 1492 г., которым оканчивалась седьмая тысяча лет и который народ проводил в тревоге от ожидания *кончины мира*. Еретики стали смеяться над православными и ругаться над их книгами, на которых были основаны ожидания кончины мира, над воскресением мертвых и над самим Христом, от чего де Он не явился будить живых и мертвых. Св. Геннадий усилил борьбу с еретиками, а также принял участие в составлении продолжения *пасхалии* на 70 лет восьмой тысячи. В 1539 г. она была продолжена на всю восьмую тысячу новгородским свящ. Агафоном (Знаменский).

Архиеп. Филарет пишет: «Ересь стала расти в народе; хулами ея смущались простые сердца. Митр. Зосима давал волю злу и даже наказывал смелых обличителей нечестия».

Тогда соединившимися силами возобновили борьбу владыка Геннадий и пр. Иосиф. Они вдвоем, несмотря на силу еретиков при дворе и еретика митр. Зосиму, с твердостью восстали против ереси. Преп. Иосиф поспешил написать первоначальную историю еретиков до 1492 г., и по временам выступал со строгими обличениями. Он умолял друга юности своей, уважаемого пастыря суздальского, *владыку Нифонта*, без страха обличить недостойного митрополита, пресечь всякое общение с ним, внушать другим, чтобы не принимать от него благословения, в посрамление унижаемой им веры. Наконец в 1494 г. митр. Зосима вынужден был оставить митрополию, по выражению летописи, «*не своею волею*». Зосиму не поминали потом в Неделю Православия, что делалось в отношении остальных московских митрополитов.

Оставался сильный дьяк Феодор Курицын. На стороне еретиков продолжала быть кн. Елена, сын которой, Димитрий, как раз в это время был объявлен наследником престола. Действуя против еретиков, свв. Геннадий и Иосиф примкнули к противной придворной партии, поддерживавшей вел. княгиню Софию и ея сына Василия. Когда эта партия победила, пр. Иосиф получил доступ ко двору. Он явился лично к государю и просил сделать новое следствие об еретиках. *Иоанн III* обещал исполнить его просьбу и раскаивался, что слабо преследовал их. Но он все еще сомневался, можно ли казнить еретиков. Пр. Иосиф привел слова Апостола о гневе древнего закона на преступников и гневе Божиим на отвергающих закон благодати (Евр. X, 28, 29). Иоанн сказал «довольно». Но дело не двигалось целый год. Пр. Иосиф просил духовника государева, архимандрита андрониковского Митрофана напомнить ему о данном обещании. В 1503 году Феодора Курицына уже не было в живых.

В 1504 г. последовало увольнение свят. Геннадия, о чем упоминалось выше. Пр. Иосиф рвение свое не ослаблял.

В декабре 1504 г. открыт был собор об еретиках в присутствии наследника престола, Василия. Строгий пр. Иосиф не скрывал и раньше своего мнения, что не следует щадить и кающихся еретиков, т. к. вынужденное раскаяние, будучи лицемерным, ничего не значит. Он считал, что их надо неисходно держать в темницах, дабы не прельщали других, а также лишать их причастия до смерти. Против такого мнения восставали белозерские старцы, считавшие, что кающихся надо принимать в Церковь и удостоивать причащения. Старцы отрицали смертную казнь за ересь. На соборе мнение пр. Иосифа восторжествовало. По решению вел. князя, постановлено было часть еретиков сжечь, большую же часть разослать по монастырям. Церковь положила произносить анафему на жидовствующих в неделю Православия.

Голубинский пишет: «Казни 1504-го года положили конец существованию секты Жидовствующих, как таковой. Больше или меньшее количество отдельных еретиков успело спастись, и эти спасшиеся от смерти и от заточения, глубоко затаившись, поодиночно или в маленьких тесных кружках продолжали хранить ересь и находить преемников себе в ее хранении; но секта, как секта, прекратила свое существование. Вместе с остатками самой ереси в ее подлинном виде сохранились остатки и того христианского вольномыслия, которое было ею произведено ...».

Разно понимается существо ереси. Преп. Иосиф прямо и ясно говорит, что ересь, будучи собственно не ересью, а совершенным отступлением от христианства, «отступничеством», представляла из себя жидовство или иудейство, – иудейскую веру, принимавшуюся вместо христианства, которое было отвергаемо как ложь. Некоторые исследователи считали, что ересь, не быв чистым жидовством, представляла из себя смесь жидовства с христианским рационализмом. Митр. Макарий признает ее чистым жидовством или иудейством. К его мнению присоединяется Голубинский. Вместе с тем, последний считает, что успех Схари объясняется знанием им чародейства, чернокнижия и звездозакония или астрологии. Тайные науки и еврейская

каббала и помогли Схарии привлечь двух первых священников, желавших познать их. Он мог представить им, что посвящение в эти науки возможно только под условием принятия жидовства. Астрологом был Феодор Курицын; астрология, как упоминалось, интересовала и Иоанна III, потом каявшегося преп. Иосифу в невольном попустительстве ереси.

Борьба с еретиками явила людей искусных в вере, возбудила сильную нужду в просвещении и подняла разные вопросы о современных нестроениях в Церкви. Заслуги св. Геннадия состояли в первоначальном обличении ереси посланиями, а также в переводах с латинского двух полемических сочинений против иудеев, заимствованных у католиков. Голубинский пишет: «Эти сочинения суть: 1) «Магистра Николая Делира прекраснейшая стязания, иудейское безверие в православней вере похуляющи», переведенное в 1501 г. посольским толмачем или переводчиком Дмитрием Герасимовым, по прозванию Малым. Сочинения Делира или Делиры пользовались на Западе весьма большою славою, как одно из главных полемических сочинений против иудейства. 2) «Учителя Самоила Евреина на богоотметные жидове обличительно пророческими речми», переведенное в 1504-м году одним иностранцем, жившим в России»¹⁶). Св. Геннадий, кроме того, *собрал воедино* все книги Священного Писания, чего дотоле в России не было. Некоторых книг, входящих в Библию, он не смог все же достать и вынужден был довольствоваться извлечениями текстов из разных толкований священных книг и переводами с Вульгаты.

Пр. Иосифом было написано замечательное сочинение «*Просветитель*». «Без душевной радости», пишет владыка Филарет Черниговский, «нельзя читать умного, основательного, по местам глубокомысленного, всегда дышащего живым благочестием, *Просветителя Иосифова*. Это сочинение – краса русской Церкви, особенно когда вспомним, что оно принадлежит XV веку».

«Содержание Просветителя: 1) слово о Св. Троице; 2) о пришествии Мессии в лице Иисуса Христа; 3) о значении закона Моисеева; 4) о причинах воплощения Сына Божия; 5), 6) и 7) об

иконопочитании; 8), 9) и 10) о втором пришествии Сына Божия; 11) и 12) о монашестве; 13) и 14) о том, как поступать с еретиками. Проф. Голубинский пишет: «Этот Просветитель пр. Иосифа, представляя собою для конца XV – начала XVI веков произведение нашей письменности замечательнейшее, был таким для своего времени блистательным обличительным сочинением против Жидовствующих и против порожденного ими вольномыслия, лучше которого требовать было бы невозможно.

Наделенный блестящим умом и выдающимся литературным талантом, пр. Иосиф исключительным образом был начитан в Священном Писании и в творениях отеческих, насколько последние существовали тогда в славянском переводе, так что по этой начитанности имеет право на титул ученейшего человека своего времени». Кроме Просветителя, являвшегося первым русским богословием, пр. Иосиф написал *Устав или духовную грамоту*, а также «*Сказание о святых отцах монастырей русских*», в которых защищалось монашество от еретиков, с другой же стороны имелось в виду подробными правилами и приводимыми примерами поднять, подвергавшуюся нареканиям, монастырскую нравственность. Так как вопрос о монастырской нравственности давно уже соединялся с вопросом о монастырских вотчинах, то пр. Иосифу пришлось заняться и этим вопросом. Против вотчино-владения выступали, кроме еретиков, пр. Нил Сорский и его последователи. Пр. Иосиф должен был начать борьбу с ними.

В 1553 г. в Москве к священнику Благовещенского собора Свмеону пришел боярский сын *Матвей Башкин*, повидимому татарского происхождения, и предлагал вопросы, на которые тот затруднялся ответить. Он об этом осведомил известного священника Сильвестра, который доложил царю Иоанну IV. Башкин был схвачен. Матвей (Матюша, по именованию Сильвестра) оказался еретиком и указал на других еретиков, из которых главным был белозерский монах *Феодосий Косой*, имевший учеников.

По исследованию и собственному признанию Башкина, он 1) считал предание отцев за басни и о постановлениях соборов говорил, что они писаны только по расчетам властолюбия;

самое св. Писание изъяснял по-своему; 2) не признавал Сына Божия равным Богу Отцу, почему сочинил молитвы с обращением к единому Отцу; 3) отрицал таинства евхаристии и покаяния, указывая в первой только хлеб и вино; а для прощения грехов считал достаточным, если человек перестанет грешить; 4) иконопочитание называл служением идолам.

Ереси их обоих были близки одна к другой. Но источник происхождения ересей Матвея и Феодосия был разный. Башкин показал, что учителями его были: «литвянин аптекарь Матфей и другой латинянин Андрей Хотеев». Он, следовательно, заразился *рационалистическим* учением от иноверцев, живших в Москве. Учение же Косого было видоизмененным продолжением ереси *жидовствующих*, некоторые последователи которых нашли себе убежище у заволжских старцев. Он и оговорил некоторых из них. Но на деле не все старцы были признаны виновными. Одни из них подвергнуты были позднейшим собором церковной епитимии, другие были отданы под монастырский присмотр, «да не сеют злобы своего роду человеческому». Башкин и его товарищи судились на Соборе 1553 года, продолжавшем заседать и в 1554 г. Еретики были отправлены в монастыри для пожизненного заключения.

Феодосий Косой (косоглазый) был слугой одного боярина в Москве. Обокрав его, он бежал, бродяжничал, пришел в Кириллов мон. и там постригся. Единомышлен с ним был его приятель Игнатий. Они были схвачены в 1555 г. и заключены в монастырь в Москве. Им удалось бежать в Литву. Косой женился на польке, Игнатий на еврейке. Там они проповедывали, что Божество не троично, что Христос простой человек, что все внешнее устройство церковное не нужно. Архиеп. Филарет пишет, что Косой был «наглее Башкина, и, начитавшись социнианского учения, прямо высказывал самые дерзкие выходки Социна» ¹⁷⁾. Около 1575 г. они обнаружили на Волыни в имении Чаплиев и нашли там готовых слушателей.

Башкин оговорил *старца Артемия*, постриженника Комельского мон. и в 1548 г. приглашавшегося быть настоятелем этой обители. Недолго он был игуменом Троицким и перевел к себе из Твери пр. Максима. В 1551 г., недовольный

монастырскими порядками, ушел в пустыню. Он был вызван, как человек учительный, чтобы говорить с Башкиным «книгами», и был оговорен им. В 1554 г. на соборе он не признал себя виновным, но из обличительного письма его к Косому, уже в Литве, видно, что одно время впадал в прелесть. Артемий был сослан в Соловецкий мон., откуда бежал в Литву. Там он выступал ревностным защитником православия против протестантства, в особенности против социниан и Косого.

Ересь Косого вызвала против себя замечательные полемические труды со стороны даровитого ученика пр. Максима, *Зиновия, инока новгородского Отенского мон.*, пребывавшего одно время в ссылке со своим учителем. Убедили его писать клирошане Спасского старорусского мон., которые приходили к нему за разрешением недоумений, возбужденных ересью Косого.

Архиеп. Филарет пишет: *"Зиновий* рассмотрел мысли Косого в том порядке, в каком передавали ему клирошане, присовокуплявшие по местам и свои частные сомнения. Рассуждения Зиновия спокойны, ответы обдуманно, опровержения верны, сведения изумляют обширностью. Зиновий читал Просветителя преп. Иосифа, и сочинение его показывает, что он выполнил свое дело лучше предшественника. У него глубже и отчетливее раскрыты начала христианской философии. Сочинение его достойно носит название: *«Истины показание к вопросившим о новом учении»*. Второе менее обширное сочинение называется: *«Многословное послание нм зломудрие Косого»* и является ответом на письмо соблазненных еретиком литовцев. Зиновий отошел от некоторых положений преп. Максима и приблизился к мнениям иосифлян. Он заметил, что указание Максима на пример картезианских монахов унижительно для православных монастырей, что изображение монастырской деморализации у него слишком преувеличено, что некоторые и вотчинные монастыри живут очень бедно.

Он писал: «Слезы навертываются на глазах, когда вспомнишь как живут эти иноки, которых осуждают за то, что они владеют селами: кожа на руках у них растрескалась от

работы, лица осунулись, волосы в беспорядке, ноги посинели и опухли; сборщики податей истязуют их немилосердно; денег у них столько, что у нищих, которые приходят к ним за милостынею, больше, – у редкого можно найти пять или шесть сребренников. Пища их – хлеб овсяный невяянный, колосья ржаные толченые; питье – вода; горячее кушанье – из капустного листа. У богатых – свекла и репа; сладкое кушанье – рябина и калина. А князь Вассиан как жил в Симонове? Не угодно было ему симоновских блюд кушать – хлеба ржаного, щей, свекольника, каши; молока промозглого и пива монастырского, очищающего желудок, не пил потому, что это кушанье и пиво с деревень шло; вместо этого он питался кушаньями, которые приносили ему со стола великокняжеского; пил же нестяжатель романею, бастро, мушкатель, рейнское вино» (Соловьев).

В «Энциклопедическом Словаре» Брокхгауза и Ефрона подведен итог ересям, появлявшимся в России с XI-го века: «Обращая взор и на предшествующия еретические учения до XVI века: Дмитра, Адриана, Стригольников и Жидовствующих мы выносим убеждение в совершенной неподготовленности его (Башкина) к самобытному рационализму. Адриан и Дмитрий принадлежали по своему учению к обществу богомилов, действовавшего на юго-зап. границе России; Стригольники восставали собственно против русского духовенства своего времени, а учение Жидовствующих исходит от евреев, живших на юге России. Весь вопрос в данном случае сводится к решению: из какой именно страны Запада пришло учение Башкина. Г. Емельянов справедливо, кажется, утверждает, что оно занесено к нам из Литвы, где реформационные идеи утвердились еще с XV в.»

В XV и XVI столетиях особенно выделялись труды плодотворнейшего митрополита Макария, св. Геннадия, архиепископа новгородского, пр. Иосифа Волоколамского, пр. Нила Сорского, Максима Грека, Зиновия Отенского, священника Сильвестра.

Известны послания митрополитов Феодосия, Филиппа I, Симона, Даниила, св. Евфимия II, архиепископа новгородского,

Вассиана Рыло, архиепископа Ростовского, Филофея, старца псковского Елеазарова мон., к набожному и умному наместнику псковскому дьяку Мисюрю Мунехину, в котором говорилось о третьем Риме – Москве. Послания – пр. Корнилия Комельского, Феодосия, игумена Хутынского, Пафнутия инок Соловецкого к игумену Иакову, написавшего и службу святителю Филиппу. Составлены были жития святых: Димитрия Прилуцкого иг. Макарием, пр. Сергия Обнорского иг. Алексием, пр. Саввы Вишерского иг. Геласием, князей Ярославских Феодора, Константина и Давида иером. Спасского м. Антонием, Дионисия Глушицкого иноком Иринархом, Соловецким святым иг. Досифеем, Иосифа Волоколамского иноками Досифеем (Топорковым) и Саввой Черным, Пафнутия Боровского архим. Симонова мон. Вассианом (Саниным), впоследствии архиеп. Ростовским, братом пр. Иосифа, Евфимия Суздальского иноком Григорием, Александра Ошевенского иером. Феодосием, Герасима Болдинского иноком Антонием, Ефрема Новоторжского иером. Юрьева м. Иоасафом.

Переведено Евангелие на язык лопарей их просветителем Феодоритом. Составлены завещания преподобными Иннокентием Комельским и Феодосием Тотемским. Пр. Корнилий, игумен Псково-Печерский, написал «Повесть» о своем монастыре. Паисий Ярославов, постриженник Спасской обители, что на камне, потом иг. Сергиева мон., написал «Сказание» о Спасокаменном м. Известен «летописец» новгородский иеродиакон Геронтий.

В 1446 г. Василий, гость московский, описал «Хождение» свое в Палестину. Афанасий Никитин написал «Сказание» о странствовании своем в Индию, продолжавшемся с 1468 по 1472 г. Пр. Савва Вишерский, путешествовавший на Афон, привез оттуда списанную им там Кормчую книгу. «Драгоценен», пишет архиеп. Филарет, «сборник, где помещен переведенный им с греческого «устав – хотящим деръжати псалтирь, в молчании живущим инокам и бельцем богобоязливим живущим в мире».

Переводчик посольского двора Димитрий Герасимов, бывший в 1526 г. послом в Риме, хорошо знавший латинский, а

также и немецкий язык, известен своими переводами и посланиями.

Царь Иоанн IV известен своими посланиями к кн. Курбскому, в Кириллов м., к святителю Гурию, архиепископу казанскому, к Максиму Греку о ереси Башкина. Архиеп. Филарет отмечает, что писал он красноречиво и обнаруживал обширное знакомство с сочинениями и житиями св. отцев, но в посланиях его отражаются его тревожный дух и отсутствие теплоты душевной.

Ключевский отмечает, что книги с юных лет стали любимым занятием Иоанна. «От псалтыря он перешел к другим частям писания, перечитал много, что мог достать из тогдашнего книжного запаса, вращавшегося в русском читающем обществе. Это был начитаннейший москвич XVI в. Недаром современники называли его «словесной мудрости ритором». О богословских предметах он любил беседовать, особенно за обеденным столом, и имел, по словам летописи, особливую остроту и память от божественного писания». Говоря об его пространным опровержении доводов чеха евангелика Рокиты, Ключевский пишет: «Этот ответ царя местами отличается живостью и образностью. Мысль не всегда идет прямым логическим путем, натолкнувшись на трудный предмет, туманится или сбивается в сторону, но порой обнаруживает большую диалектическую гибкость. Тексты писания не всегда приводятся к стати, но очевидна большая начитанность автора не только в писаниях и отеческих творениях, но и в переводных греческих хронографах, тогдашних русских учебниках всеобщей истории. Главное, что читал он особенно внимательно, было духовного содержания; везде находил он и отмечал одне и те же мысли и образы, которые отвечали его настроению, вторили его собственным думам. («Курс Русской истории» т. II).

Старший сын его царевич Иоанн, нечаянно убитый им в гневе, составил службу пр. Антонию Ошскому, написал его житие и похвальное ему слово. Князь Андрей Курбский, перешедший в 1564 г. к польскому королю и обменивавшийся укоризненными письмами с Грозным, много писал в бытность

свою в Литве. В ограждение там Православия он переводил и распространял сочинения учителей православной Церкви.

Соловьев так пишет, касаясь второй половины XVI века: «Что касается вообще состояния просвещения в Московском государстве в царствование Грозного, то мы не могли не заметить усиленного литературного движения против прежнего. Движения и политическое и религиозное, возбуждали умственную деятельность, вызывали на борьбу словом, к которой нельзя было приступить без приготовления, без начитанности; пример царя в словесной премудрости ритор и людей к нему близких не мог не иметь влияния; духовное оружие собиралось, складывалось в одно место, чтоб удобнее можно было им пользоваться. Митрополит Макарий собрал все известные на Руси духовные книги в двенадцать громадных фолиантов; монастыри продолжали собирать книги, а какую важность придавали они своим библиотекам, видно из того, что при них были особые книгохранители; в Иосифовом Волоколамском монастыре было более 1000 книг. Несмотря, однако, на усиление литературной деятельности, на распространение грамотности, общество, уважая грамотность, было еще далеко до убеждения в необходимости ее даже для членов своих, занимавших первые места в государстве; если в боярине князе Курбском видим замечательного по тогдашним средствам писателя, то к соборной грамоте 1566 года двое вельмож, Иван Шереметев Меньшой и Иван Чеботов, рук не приложили, потому что грамоте не умели... К царствованию Иоанна IV относится и введение того могущественного средства, которое окрылило мысль человеческую, – введение книгопечатания...».

Карамзин отмечает, что Иоанн Грозный «способствовал народному образованию размножением школ церковных, где и миряне учились грамоте, закону, даже истории, особенно готовясь быть людьми приказными, к стыду бояр, которые еще не все умели тогда писать».

Спор о монастырских вотчинах

Выше упоминалось о споре, возникшем по вопросу о монастырских вотчинах между препп. Иосифом Волоколамским и Нилом Сорским. Касаясь этого обострявшегося вопроса, архиепископ Филарет писал: «Недвижимые церковные имения на севере были предметом разных сомнений, споров и решений. С тех пор, как стали терять свое значение жалованные грамоты ханов, владельцы земель насилием стали отнимать то ту, то другую часть земли церковной; а разные земские власти, приезжая в монастырские владения, распоряжались в них не лучше баскаков. Так было с обителью пр. Иосифа, которую грабил князь волоколамский с своими подьячими. Это вынудило испрашивать несудимые и жалованные грамоты у князей». Пр. Иосиф писал Челяднину: «Кн. Александр Феодоров. Ярославский, егда хотяше приити в свой монастырь на каменное, повелеваше псы в монастырь приводить, также и в трапезу, и егда сам ядыше, тогда и псы повелеваше кормить тою же пищею, юже сам ядыше». «Но затем», продолжает архиеп. Филарет, «начались жалобы с другой стороны; стали укорять монахов за любостяжание, и чем более умножались владения, тем чаще и сильнее становились укорины».

Сомнения о том надлежит ли монастырям владеть селами возникали еще при св. митр. Киприане, не сочувствовавшем тому, чтобы монастыри непосредственно управляли селами. «И преподобный Кирилл Белозерский был против владения селами и отклонял земельные вклады, но вынужден был уступить настояниям вкладчиков и ропоту братии, и монастырь уже при нем начал приобретать вотчины» (Ключевский).

Бывали по местам беспорядки в управлении селами. Случались выпрашивания некоторыми монахами имений для обители; проявлялось иногда стремление получения возможно большего дохода с них; в судах возникали дела. Недовольство нарастанием монастырского недвижимого имущества вызывало

нарекания части землевладельцев. Чувствовалось недовольство этим и со стороны государственной власти.

В 1478 г. вел. кн. Иоанн III проявил почин в разрешении этого вопроса. Он, подчинив себе Новгород, отобрал у него половину церковных имений, и роздал их боярским детям. В 1503 г. государь сочувственно отнесся к обсуждению этого вопроса на соборе, где он был поднят Нилом Сорским и его учителем Паисием Ярославовым, постриженником одного из заволжских монастырей. Последний недолго был игуменом Троицкого м. Около 1484 г. он оставил игуменство, т. к. не мог, по словам Соловьева, превратить чернецов на Божий путь, на молитву, пост, воздержание. Паисий поддерживал мнение пр. Нила, как и белозерские пустынники присутствовавшие на соборе. *Пр. Нил*, указывая на то, что представляет собою современное монашество и чем оно должно быть, доказывал, что монастырям не надо владеть вотчинами, населенными крестьянами, что монахам надлежит жить трудами рук своих, занимаясь рукоделием или собственной обработкой земли. В случае необходимости, он допускал прибегать к благотворительности усердствующих, взимая нужное, но не излишнее.

Пр. Иосиф, горячий ревнитель истинного монашества, признавал, конечно, важность нестяжательства иноков и желательность содержания себя трудами рук своих. Голубинский так понимает его мнение. *Монастырь* может быть стяжателем и может быть обеспечен в средствах содержания недвижимыми, дающими доход, имениями. Но *монахи* монастыря должны быть нестяжателями; в обители должно быть строгое общежитие, так чтобы никакой монах не имел совершенно своего и все получал из монастырской казны, при полном равенстве всех монахов. Возражая пр. Нилу, он привел примеры святых: Афанасия Афонского, Феодосия Великого, Антония и Феодосия Печерских и др. примеры, из которых видно, что древние святые отцы владели селами. Пр. Иосиф говорил также, что многие русские монастыри основаны в начале христианства в России епископами и князьями с тою целью, чтобы в них молились по их душам, а т. к. на

поддержание храмов, на совершение служб и содержание служащих потребны средства, то они и обеспечивали монастыри вкладами сел и прочих имений. Кроме того, ктитория монастырей, обогащая их этими вкладами, имели в виду и то, чтобы монахи, сами сообразно своим обетам терпя скудость и приобретая хлеб собственными трудами, употребляли богатства монастырей на благотворение мирян. Он говорил, что из-за некоторых монахов, поддавшихся недугу лихоимства, несправедливо отнимать недвижимые имущества у всех. Несмотря на то, что взгляды пр. Нила разделял вел. кн. Иоанн – в интересах увеличения государственных земель – на церковном соборе восторжествовало мнение пр. Иосифа.

Соловьев пишет: «Нил смотрел на монастырь как на общество людей, отказавшихся от мира; это общество, в глазах его, было тем совершеннее, чем менее имело столкновений с миром; Иосиф же, кроме этого значения монастыря, предполагал еще другое: он смотрел на монастырь также, как на рассадник властей церковных; Нил имел в виду отшельника, желающего укрыться от мира, от всех его отношений, в болотах и лесах белозерских; Иосиф имел в виду также и владыку, епископа, который будет взят из монастыря: «Если у монастырей сел не будет, говорил Иосиф, то как честному и благородному человеку постричься? Если не будет честных старцев, то откуда взять на митрополию, или архиепископа, или епископа? Если не будет честных старцев и благородных, то вера поколеблется». Вспомним, что в описываемое время обеспеченное содержание могло представляться не иначе, как в виде владения земельною собственностью, служилые люди получали содержание в виде поместий; следовательно вопрос о содержании монашествующих мог представиться только в такой форме: или владеть им селами, или кормиться подаянием и работою рук. – Мнение Иосифа Волоцкого превозмогло на соборе, и митрополит Симон отвечал великому князю, что духовенство не дерзает и не благоволит отдавать церковных земель, причем ссылаясь на давний обычай Греческой и Русской Церкви, на уставы Владимира и Ярослава, наконец даже на пример ханов татарских, которые никогда не трогали

имуществ церковных. Великий князь оставил дело; но вопрос, как увидим после, не переставал разделять русское духовенство».

В царствование Василия III борьбу против «иосифлян» повел, пользуясь поддержкой государя, инок *Вассиан Косой*, в миру кн. Василий Патрикеев, постриженный при Иоанне III, как один из вожаков придворной партии сторонников кн. Елены и ее сына Дмитрия. Сосланный на Белоозеро, переведенный при Василии III в московский Симонов м., он примкнул к партии заволжских старцев, т. к. политически был противником иосифлян. Полемика против монастырских вотчин вполне соответствовала его взглядам, как недавнего боярина. Боярство с неудовольствием относилось к тому, что многие крестьяне, нужные им как рабочая сила, оказывались на монастырских землях. Инок *Вассиан* написал против пр. Иосифа три горячих сочинения, в которых старался изобразить язвы монашества, проистекавшие, по его мнению, от вотчинного владения. Самого святого он называл учителем беззакония, законопреступником, даже антихристом. Вассиану приписывается также сочинение, написанное кем-нибудь из боярской партии и содержащее в себе апокрифическую беседу прпп. Сергия и Германа валаамских против духовных властей и монахов вотчинников.

На стороне белозерских иноков был пр. *Максим Грек*. Более всего сблизился он с Вассианом. Обличая «монахов-стяжателей», он изложил свои мысли в «Стязании о известном иноческом жительстве». Излагается это в форме спора Акимона с Филоктимоном. В речах Акимона он описал жалкое положение монастырских крестьян, их скудость и нищету, платимые ими высокие росты и тяжкие оброки, и в параллель с этим роскошную жизнь самих монахов. Максим тому же вопросу посвятил произведения «Слово душеполезное, зъло внимающим ему» и «Повесть страшная о совершенном иноческом жительстве». В последней он выставляет в пример русским инокам картезианских монахов запада. Он доходит в ней даже до проклятия монахам-вотчинникам. Проклятия эти врагами Максима были отнесены к русским чудотворцам, которые владели селами (Знаменский). Все эти выступления

очень повредили Максиму и отразились на его судьбе. Как упоминалось выше, *Зиновий Отенский*, близкий к Максиму, осудил эти его крайности.

Ключевский, называя сочинение Вассиана «обличительными памфлетами», нередко яркими и правдивыми, пишет: «В нем говорит не одно негодование пустынника-нестяжателя, но часто и раздражение бывшего боярина из рода князей Патрикеевых против людей и учреждений, опустошавших боярское землевладение. Вассиан клонит свою речь к тем обвинениям, какие потом прямо высказал единомышленник его князь Курбский: любостяжательные монахи своим сельским хозяйничаньем разорили крестьянские земли, а внушения о спасительности вкладов по душе сделали воинский чин, служилых землевладельцев хуже калик убогих. Сочинения Максима Грека против монастырского землевладения свободны от полемических излишеств».

Видным сторонником владения монастырями был митрополит *Даниил*, ученик и преемник пр. Иосифа по игуменству, красноречивый проповедник и плодовитый писатель. Он оставил до 35 слов и посланий. Большая часть их вошла в состав двух сборников. Один из них содержит 16 слов против вольнодумства и нравственных нестроений общества. Другой – 12 посланий к частным лицам и монастырям нравоучительного содержания. Сборники эти представляют собою полную и живую картину тогдашних нравов и ряд выразительных обличений современных митр. Даниилу шатания умов и пороков. При нем вопрос этот рассматривался собором 1531 года. Митр. Даниилу удалось одолеть сначала пр. Максима, о чем упоминалось выше, потом – в 1531 г. – Вассиана, сосланного в Волоколамский мон. и там умершего.

В царствование Иоанна IV те же мысли о церковных имуществах развивал видный представитель боярских идей кн. *Андрей Курбский*, расхваливавший заволжских нестяжателей и бранивший «прегордых и прелютых» иосифлян, соперничавших с боярами и во владении землей, и во влиянии на государственные дела.

В 1551 г. на соборе был снова поднят вопрос о церковных недвижимых имуществах. Соловьев пишет: «В первый раз решились постановить некоторые пределы увеличения этих имуществ; собор определил: вперед архиепископам, епископам и монастырям вотчин, без царского ведома и доклада, не покупать ни у кого, а князьям и детям боярским и всяким людям вотчин без доклада не продавать; а кто купит или продаст – у купца деньги пропали, а у продавца вотчина: взять вотчину на государя безденежно. Вотчины, данные или которые вперед будут даваться монастырям по душам в поминоки, не выкупаются никем и никаким образом... Возвратить назад села, волости, рыбные ловли, всякие угодья и оброчные деревни, отданные после великого князя Василия боярами владыкам и монастырям В последнем случае говорится о пожалованиях во время малолетства царя Иоанна IV. В 1573 г., по государеву приказу, митр. Антоний и весь освященный собор и все бояре приговорили: в большие монастыри, где вотчин много, вперед вотчин не давать. Но кто даст вотчину монастырям малым, у которых земель мало, то эти вотчины, доложив государю, записывать.

В 1580 г. вопрос этот обсуждался собором, на котором, с митр. Антонием и царем были 3 архиепископа, 6 епископов, 18 архимандритов, 14 игуменов и несколько старцев. Постановлено было существующия вотчины не выкупать, и вперед с монастырями о вотчинах не тягаться. Далее в том же соборном приговоре, состоявшемся 15 января, постановлялось: «А от сего дня, 15 января, на последующее время вотчинникам вотчин своих по душам не отдавать, а давать за них в монастыри деньги, и села брать наследникам, хотя бы кто и далеко был в роду. А если у кого не будет роду и дальнего, то вотчину брать на государя, а деньги за них платить из казны; митрополиту, владыкам и монастырям земель не покупать и в закладе не держать, а кто после этого уложения купит землю или закладную станет за собою держать, то землю брать на государя ... Вперед княженицких вотчин не брать; а кто возмет без государского ведома, те вотчины взять на государя безденежно; кто купил княженицкие вотчины, – и те вотчины

взять на государя, а в деньгах ведает Бог, да государь, как своих богомольцев пожалует. У которого монастыря убогого земли будет мало, или вовсе не будет, то он бьет челом государю, и государь с митрополитом и боярами, соборно приговоря, устроят монастырь землею, как будет пригоже».

Государственная власть и духовенство

В изучаемое время продолжала существовать в России согласованность духовной и государственной власти, свойственная издревле православной Церкви.

Государи наши считали себя первейшими и ревностнейшими сынами Церкви, иерархи, во главе с митрополитами, тогда уже исключительно русскими уроженцами, почитали себя вернейшими подданными монархов, с середины XVI века Помазанников Божиих.

Карамзин пишет: «Несмотря на свою знаменитость и важность, духовенство наше не оказывало лишнего властолюбия, свойственного духовенству западной церкви и, служа Великим Князьям в государственных делах полезным орудием, не спорило с ними о мирской власти. В раздорах княжеских митрополиты бывали посредниками, но избираемыми единственно с обоюдного согласия, без всякого действительного права; ругались в истине и святости обетов, но могли только убеждать совесть, не касаясь меча мирского, сей обыкновенной угрозы пап на ослушников их воли...».

«Епископы доносили о состоянии монастырей митрополиту и великому князю;» пишет Соловьев, «до нас дошло подобное донесение Новгородского владыки, замечательное по обращению к великому князю: «Благородному и христоролюбивому и вседержавному царю и государю, великому князю, всея Руси самодержцу: занеже, государь от высшей Божией десницы поставлен ты самодержцем и государем всея Руси; тебя государя, Бог вместо себя избрал на земле и на свой престол вознеся посадил, тебе поручил милость и живот всего великого православия; то нам следует, по царскому твоему остроумию и богопреданной премудрости, обращаться к тебе, как государю и самодержцу царю». Новгородской епархией правил тогда владыка Макарий, будущий митрополит.

Церковный Собор 1551 г. рассматривал, в значительной степени, вопросы, предложенные в собственноручном «писании» царя Иоанна IV. Карамзин пишет: «Государь, устроив

державу, предложил святителям устроить церковь: исправить не только обряды ея, книги, искажаемые писцами-невеждами, но и самые нравы духовенства в пример мирянам; учением образовать достойных служителей алтаря; уставить правила благочиния, которое должно быть соблюдаемо в храмах Божиих; искоренить соблазн в монастырях, очистить христианство от всех остатков древнего язычества, и проч.» Конечно, царь писал с ведома митрополита Макария, но весь стиль писания, являющийся образцом византийско-московского витийства, свойственного Иоанну, доказывает и личное его участие в составлении такового.

Государи участвовали в избрании первосвященников. Соловьев приводит начало чина поставления в 1539 г. митрополита Иоасафа: «Князь великий Иван Васильевич всея России с своими богомольцами, архиепископом Макарием Великого Новгорода и Пскова, с епископами, со всем освященным собором, с старцами духовными и всеми боярами, избрал на митрополию духовного старца, Троицкого Сергиева монастыря игумена Иоасафа, и нарек его митрополитом всея России». Порядок этот держался и дальше. Соловьев пишет: «Относительно избрания епископов в летописях встречаем выражения: «Повелением царя, по благословению и рукоположению митрополита, по совету освященного собора». С годами все более увеличивалось значение государей в выборе митрополитов. Известны переговоры, которые вел царь Иоанн IV сначала с Германом, архиепископом Казанским, потом с Филиппом, игуменом Соловецким, которых предназначал к занятию митрополичьей кафедры, чего и достиг в отношении последнего.

Принимая такое большое участие в делах церковных, государи считались с мнением первоиерархов. Видно это из подчинения властного Иоанна III митрополиту Филиппу I в отношении католического епископа, сопровождавшего в Москву царевну Софию Палеолог, позднее, митрополиту Геронтию относительно порядка хождения крестных ходов. Внял он же доводам пр. Иосифа Волоколамского касательно принятия решительных мер против жидовствующих.

Государи просили совета у митрополитов и Соборов. Произнося на Стоглавом Соборе проникновенное покаянное слово, Иоанн IV требовал от святителей «ревностного наставления» и предложил на рассмотрение Собора выработанные Земским Собором Судебник и Граматы Уставные.

Иерархи не страшились решительно выступать, когда грозила опасность государству. Проявилось это в особенности в 1480 г., когда хан Ахмат двинулся на Русь и Иоанн III, по мнению некоторых, проявлял мало решимости в борьбе с ним и, по наущению советников своих Ощера и Мамонова, готов был вести с татарами переговоры. Часть духовенства и более всех архиеп. Ростовский Вассиан, еп. Пермский Филофей и Троицкий игумен Паисий, призывали великого князя проявить твердость и решительность. Особенно ярки были выступления владыки Вассиана, которые воздействовали на государя.

Известно то огромное влияние, которое имел митрополит Макарий в течение первой половины царствования Иоанна IV, как ценил царь святителя Гурия Казанского. В первые года Иоаннового правления считался он очень с наставлениями священника Сильвестра.

Митрополиты именовались «печальниками о всей Русской Земле». Государи считались с их заступничеством за невинных и опальных. Выслушивали великие князья и укоризненные слова почитавшихся ими иноков. Пр. Мартиниан Белозерский, игумен Троицкий, лишил вел. кн. Василия III благословения за неисполнение данного ему обещания не подвергать каре одного провинившегося боярина. Государь вскоре смирился перед иноком. Царь Иоанн Грозный не подверг Пскова разорению, вследствие образного обличения его блаж. Николой, Христа ради юродивым.

Но, по мере укрепления власти государей, они все реже внимали «печальникам». Заступничество митрополита Варлаама и игумена Троицкого Порфирия за князя Василия Шемячича повлекло за собой удаление их Василием III. Падение священника Сильвестра вызвано было недовольством Иоанна IV его отстаиванием мнений бояр, неугодных царю. За

увещания последнего во время опричины пострадал св. митрополит Филипп II.

Удалению с митрополичьего престола подверглись из-за боярских смут во время малолетства Иоанна IV митрополиты Даниил и Иоасаф. В царствование Феодора Иоанновича та же участь выпала на долю митрополита Дионисия, заступавшегося за бояр враждовавших с правителем Борисом Годуновым.

Отношение к протестантству и католичеству

Русский человек того времени отрицательно относился ко всему умственному, проникавшему с запада, и у него появлялся естественный инстинкт самосохранения от вредных православию влияний. В Москве терпимее относились к *протестантам*, чем к католикам. Объясняется это тем, что лютеране и кальвинисты не соединяли с верой политических видов и не занимались определенной пропагандой.

Максим Грек все же выступал с обличением Лютера. Имеется его сочинение «на люторы», в котором он защищает иконопочитание. Сей ревнитель православия составил также «слово на Армянское злоречие» и писал полемические сочинения против иудейства, в связи с ересью жидовствующих.

Иоанн IV сам вызывал немцев в Москву, ценя их как хороших ремесленников и солдат. В Москве они очень рано заселили особую слободу на р. Яузе. Царь разрешил племяннице своей Марии, дочери кн. Владимира Андреевича, выйти замуж за протестанта принца датского Магнуса, нареченного короля лифляндского. Свадьба состоялась в 1573 г. в Новгороде. Государь указал: «Венчаться королю на Пробойной улице, на Славнове, у Дмитрия Святого, а с королем ехать Римскому попу; а княжну обручать и венчать Дмитровскому попу; приехав к венчанью, княжне идти в церковь, а королю стать на паперти, и венчать короля по его закону, а княжну по христианскому закону». В 1575 г. по просьбе Магнуса разрешено было построить кирху в Москве. В 1579 г. царь велел ее разрушить, но через пять лет, снова разрешил возобновить ее. Немцам (так называли тогда лютеран и кальвинистов) строго запрещено было распространять свои мнения между русскими.

Царь Иоанн Грозный знаком был с сущностью реформации. Это вытекает из разговора его в 1570 г. с Яном Рокитой, пастором общины богемских братьев¹⁸). «Вы хвалитесь», говорил царь, «вашею евангелическою верою, но так враждуете и несогласны между собою, что новым учением испепелили

почти всю Европу ... Вы приписываете оправдание одной вере, но Господь будет судить живых и мертвых по делам каждого. Если одна вера доставляет спасение, для чего же суд? Для чего в новом завете так часто одобряется важность добрых дел.» Резко осуждал он их за несоблюдение постов, непризнание святых. Царь слушал и ответы Рокиты, велел записать их на славянском языке, отвечал и на возражения. В разговоре с пастором Бакгорном, Иоанн IV отличал доброе от дурного в Лютере. Он говорил, что можно было бы терпеть его учение, если бы тот, нападая с неуместным жаром на папу, не нарушил древнего церковного порядка, – и своего знания св. Писания не очернил низким отступничеством, свержением монашеской одежды и женитьбою на беглой монашенке. Спустя шесть лет после разговора с Рокитою, лифляндский пастор, в беседе с царем, сравнил Лютера с ап. Павлом.

Царь ударил пастора хлыстом по голове и сказал: «ступай к чорту с своим Лютером». Во время ливонской войны при Грозном много пленных немцев было поселено во Владимире, Костроме, Угличе и Нижнем-Новгороде. При взятии Полоцка Иоанн IV обнаружив там пастора Фому, настоятеля социнианской общины, велел его за пропаганду пустить под лед в Двину. В царствование Феодора Иоанновича наплыв немцев протестантов еще увеличился; им строго запрещена была всякая пропаганда.

Безуспешны были попытки *католичества* привлечь русских к унии. Решительность вел. кн. Василия II Темного пресекла это начинание в корне. В московской Руси нигде не дозволялось строить латинских божниц. После провала миссии митр. Исидора, не удался замысел папы использовать в католических целях брак Иоанна III с княжной Софией Палеолог, воспитывавшейся в Италии в униатском духе кардиналом Виссарионом. Западные писатели – Кранц, Райналди – указывали, что «первосвященник Сикст питался надеждой, что девица склонит супруга принять римские обряды (унию), в которых она была воспитана при кафедре апостольской». Вел. кн. София оказалась подлинно православной. Сопровождавший ее легат Антоний обратился к митрополиту Филиппу с

предложением о соединении церквей. Но скоро, говорит летописец, он испугался, потому что митрополит выставил против него книжника *Никиту Поповича*; иное, спросивши у Никиты, сам митрополит говорил легату, о другом заставлял спорить Никиту; кардинал не нашелся, что отвечать, и кончил спор, сказавши: «Нет книг со мною».

Иоанн III, как его предки и потомки являвшийся верным ревнителем Православия, ярко проявил это в своих наставлениях и письмах к дочери своей *Елене*, выданной им замуж за католика литовского вел. кн. *Александра Казимировича* (1492– 1506). Александру было поставлено условие, что он не будет нудить жену к римскому закону, что он построит для нея церковь при государевом дворе в Вильне со священником при ней, позволит ей иметь при себе православных боярынь. В наставительной записи Иоанн писал: «*Память вел. кн. Елене*». «В божницу латинскую не ходить, а ходить в греческую церковь; из любопытства можешь видеть первую или монастырь латинский, но только однажды или два раза. Если свекровь твоя будет в Вильне и прикажет тебе идти с собою в божницу, то проводи ее до дверей и скажи учтиво, что идешь в свою церковь».

Когда Александром условия не были выполнены, то Иоанн в 1500 г. объявил войну. В марте 1503 г., при заключении в Москве перемирия с литовскими послами, Иоанн снова потребовал у послов, чтобы вел. кн. Александр не принуждал Елену к римскому закону, поставил у нея в сенях греческую церковь, приставил слуг и служанок православных: «А начнет брат наш дочь нашу принуждать к римскому закону, то пусть знает: мы этого ему не спустим, будем за это стоять, сколько Бог нам пособит». Тогда же он писал Елене: «Дочка! Памятуй Бога, да наше родство, да наш наказ, держи свой греческий закон во всем крепко, а к римскому закону не приступай никоторым делом; церкви римской и папе ни в чем послушна не будь, в церковь римскую не ходи, душою никому не норови, мне и всему нашему роду безчестья не учини; а только по грехам что станется, то нам, и тебе, и всему нашему роду будет великое безчестие, и закону нашему греческому укоризна. И

хотя бы тебе пришлось за веру и до крови пострадать, и ты б пострадала. А только дочка поползнешся приступить к римскому закону волею ли, неволею, то ты от Бога душою погибнешь, и от нас будешь в неблагословеньи; я тебя за это не благословлю и мать не благословит; а зятю своему мы того не спустим: будет у нас с ним за то безпрестанно рать».

Реформация заставила папу заботиться о связи с Россией; он уже искал опоры себе в Москве. Папа присылал к Василию III посла за послом. В 1518 г. папа Лев X убеждал государя искать Константинополя, как наследства своего по матери, вел. кн. Софии, обещал ему сан царя, а митрополиту сан патриарха, уверял, что не намерен отменять добрых обычаев и правил русских. Это послание не имело успеха, как и посольство в 1519 г. гордиенского епископа Захарии. Папа Климент VII два раза (в 1524 и 1526) присылал послов. Надежды папы основывались особенно на *Шомберге*, который работал с 1519 г. в Москве неутомимо и ловко. Он тайно пускал в ход сочинения об единстве веры римской с русской, о судьбе, унизившей Константинополь и его патриарха. В некоторых кругах он имел успех. Но против него решительно выступил пр. *Максим Грек* и, написав до 15 сочинений, пресек его пропаганду.

В 1547 г. царь Иоанн IV вызвал в Россию ученых и художников. На Западе присоединили к этому (1550) заботы о деле папы в России. Папа выражал готовность принять государя и народ с «отверстыми объятиями» (Архиеп. Филарет).

В 1561 г. папа Пий IV ожидал, но тщетно, русских послов на Тридентский собор. После многих неудач во время войны ливонской, когда русским пришлось столкнуться с крупным полководцем польским королем Стефаном Баторием, больной царь Иоанн Грозный сам искал помощи у папы против этого своего противника. Папа Григорий XIII отправил в 1581 г. в Москву видного иезуита *Антония Поссевина*. Последний встречен был ласково и пожелал беседовать с царем о вере. Он говорил царю, что папа не нудит государя оставить свою веру, желает только мира церкви и древнего уважения к папе – главе христианства, иначе – желает принятого греками на Флорентийском соборе. Царь не желал говорить по этому

вопросу, указывая, что об этом надлежит рассуждать митрополиту. При этом царь добавил: «греки для нас – не евангелие; мы верим Христу, а не грекам». В знак же дружбы с папой царь обещал свободу и покровительство католическим священникам в России. Антоний все же начал спорить, говоря, что русские новоуки в вере и должны учиться у римлян. «Ты хвалишься православием», отвечал Иоанн с досадою, «а папа ваш приказывает носить себя на престоле и целовать в туфель, где изображено распятие. Не высокомерие ли это в христианском пастыре? Не поругание ли это святыни?» Антоний возразил, что достойное воздается достойному: папа – сопрестольник Ап. Петра, сопрестольника Христова. «Папам и патриархам принадлежит власть святительская, а не царская», отвечал царь и продолжал: «Были папы учениками апостольскими, каковы: Климент, Сильвестр, Агафон, Лев, Григорий. Но кто именуется Христовым сопрестольником, велит носить себя на седалище, как бы на облаке; кто живет и учит не по учению Христову, тот папа – волк, а не пастырь». Антоний после этого прекратил беседу. Его отпустили с дарами. Приезд купцам католикам с их духовенством был разрешен, но с запрещением пропаганды и построения костелов. Антоний в своих записях пишет, что москвитяне так любят русскую веру, что желая кому беды, говорят: *о! когда бы увидал я тебя латиняном*» (Архиеп. Филарет).

«На границах Лифляндии», пишет архиеп. Филарет, «пр. Корнилий, с 1529 г. игумен Псково-Печерского монастыря, был благодетелем и просветителем бедной окрестной чуди: помогая им в нуждах жизни, он помогал им в нуждах души наставлениями; присоединив к св. чистой вере, создал для них несколько храмов, – между прочим в Нейгаузене, снабдил книгами и иконами, а клиры содержанием от обители. Так свободно, без насилия и происков, насаждалось православие. Не так продолжал действовать папа».

Киевская митрополия

В 1458 г. константинопольский патриарх униат, *Григорий Мамма*, прозванием Мелиссин или Стратигопул, проживавший в Риме, поставил митрополитом литовско-галицким бывшего протодиакона б. митр. Исидора, *Григория*, болгарина, числившегося тогда игуменом константинопольского мон. св. Димитрия. С этого времени начинается отдельное бытие русской Церкви на западе России и в тогдашних литовском и польском государствах.

Григорий пытался утвердить в своей митрополии унию и воздвиг гонение на православное духовенство, но король *Казимир* не поддержал его. В 1469 г. сам Григорий почел за лучшее присоединиться к православию. Но, как католики, *Ягеллоны* не желали покровительствовать Православию и, где это было возможно, охотно урезывали его права и ослабляли материальные средства. Духовенство православное держалось в черном теле. Для ослабления православных панов несколько раз подтверждалось королями постановление *Городельского сейма 1413* о недопущении православных к высшим должностям в государстве. Политика королей в отношении к православной Церкви имела двусмысленный характер. Смотря по обстоятельствам внешней и внутренней политики, они то относительно покровительствовали ей, то относились враждебно, никогда не упуская из виду заветной мечты скрепить политическую унию Литвы и Польши унией церковной.

При общем произволе, усиливавшемся в тогдашнем польском государстве, некоторые епископы, обходя митрополитов, обращались к покровительству светских властей. Поставив себя в такое положение, они, в свою очередь, не могли быть требовательными в отношении к подчиненным им чинам иерархии. Остальное духовенство, в части своей, ища прибыльных мест, стремилось найти поддержку у светских властей. На этой почве развился т. н. патронат.

И. Чистович пишет: «По своему происхождению и первоначальному характеру, патронат был делом усердия

благочестивых ревнителей церкви, которые, строя на собственной своей земле церкви и монастыри, снабжали их всем необходимым для их содержания и благолепия, заботились об обеспечении своих церквей священниками и монастырей настоятелями, и в тоже время получали право высшего управления в патронатских церквях и монастырях, как по имущественным делам, так и по делам суда. Юридическим основанием патронатского права было общее феодальное право владельцев располагать и распоряжаться своими имениями и состоящими в них учреждениями. Границами этого права были, с одной стороны, общее государственное право, которому было подчинено местное и частное владельческое (например, король не мог раздавать недвижимых имений иностранцам и нешляхтичам; все другие патроны могли подавать свои имения, и бывшие в них учреждения и должности, только с утверждения короля); с другой – общецерковное право, которое сохраняло свою силу и при праве патронатском.» («Очерк истории Западно-Русской Церкви»).

Формами патронатского права были: 1) право покровительства, 2) право подавания, или отдачи монастырей и церквей известным лицам, 3) право презенты, представления, или рекомендации известных лиц на должности священников и настоятелей монастырей и 4) право управления и суда, связанное подсудностью церквей и монастырей государству и духовной власти.

Чистович отмечает: «Так как учреждение патроната развилось в стране, где правительство было не православное и православная церковь не была господствующею, и так как, с переходом патронатских учреждений во владение неправославных владельцев, последние смотрели на них только как на доходные предметы имений, то патронат, естественно, скоро принял такие формы, при которых это учреждение обезобразилось страшными злоупотреблениями и сделалось источником многих бедствий для западно-русской церкви. Предметом подавания были церкви, владевшие имениями, и монастыри; но впоследствии времени такими же

статьями подаванья сделались даже епископские кафедры. Патроны и их клиенты одинаково называли эти статьи «хлебом духовным». Это было русское «кормление», обращенное на церковные места и отчины».

Монастыри и церкви, со стороны подаванья, разделялись на три разряда: на принадлежавшие 1) митрополиту и епископам, 2) панам и 3) королю. Монастыри подаваемы были духовным и светским лицам. Светские настоятели монастырей жили в них с семьями, к общему соблазну народа. Светские лица, для духовной sprawy, обязаны были иметь в монастыре викария, духовное лицо.

Соловьев описывает такой случай: «В 1496 г. какой-то Григорий Попович бил челом великому князю Александру, просил у него Киевского Михайловского монастыря, объявляя, что этот монастырь издавна великокняжеское подаванье; справившись, что объявление Григория справедливо, Александр велел отдать монастырь просителю с тем, чтоб он немедленно постригся в монахи.»

Знаменский, в свою очередь, так освещает вопрос об участии мирян в церковных делах: «Важнейшею особенностью в этом управлении было весьма близкое участие в церковных делах мирян, – народа и православных панов, в которых православная церковь, при указанном отношении к ней правительства и ослаблении своей собственной иерархии, находила для себя единственную поддержку. Они следили за употреблением и целостью церковных имуществ и за самым церковным управлением, протестовали против злоупотреблений владык и других духовных лиц и защищали церковные интересы пред правительством. В своих обширных имениях православные паны имели такое же право патроната над всеми церквами и монастырями, как король в имениях королевских и коронных, и поддерживали их против всяких покушений со стороны католиков. Такой же патронат имели свободные городские общины над своими приходскими церквами и над монастырями своей постройки. Это участие мирян в церковных делах заменяло здесь такое же отношение к церковным делам правительства в Московской Руси. Иерархия впрочем сильно им

тяготилась и была всегда против него. Нельзя сказать, чтобы у нея не было в этом случае достаточных резонов: и общинный и панский патронаты могли приносить церкви большую пользу, давая ей сильную опору в борьбе с ея врагами, но могли быть и очень для нея вредными, потому что с одной стороны патронами были не одни православные, но и католические паны, да и православные часто слишком злоупотребляли правом патроната, с другой стороны влияние мирян на церковные дела стесняло власть не одних дурных иерархов, которых следовало ограничивать в их действиях, а одинаково с ними и вполне благонадежных. Но, занявшись исключительно развитием своей власти, выпрашивая у королей грамоты о независимости своего суда и управления от мирского вмешательства, иерархия не разбирала при этом полезного участия мирян в церковных делах от вредного, хотела одинаково устранить от этих дел и католических и православных патронов, и городские братства, от того обособлялась от мирян, делалась одинокой и бессильной. Короли охотно давали просимые грамоты, потому что такое отделение иерархии от народа развивало над нею их собственную королевскую власть.»

Епископы сначала избирались духовною властью и народом и утверждались королем. Но потом Сигизмунд Старый, Сигизмунд-Август и особенно Баторий, не довольствуясь этим, присвоили себе право назначения епископов. Мало по малу короли награждали епископскими кафедрами за военные и гражданские заслуги. Короли должны были содержать войско и свой придворный штат. Денег у них на это не хватало. Монастыри и епископские кафедры делались для них хорошими доходными статьями. Вопреки постановлениям церковного собора 1509 г., короли назначали епископов и на епархии, имевшая епископов. Иногда назначались ими митрополиты и епископы из светских лиц, еще при жизни правящих епископов, с правом наследовать им по смерти. Так получили митрополию Сильвестр (в мире Степан) Белькович и Илья Куча. Некоторые недостойные епископы отличались корыстолюбием и алчностью, даже зазорною жизнью. Получив от королей

епископства, они выпрашивали себе у них первоклассные монастыри и жизнью не отличались от панов. Горько жаловалось на таких епископов в 1592 г. львовское братство константинопольскому патриарху Иеремии.

Киевская митрополия старалась найти внешнюю опору в *константинопольском патриархе* и вошла с ним в теснейшее общение. Киевских митрополитов принято было ставить не иначе, как с благословения патриарха. Патриарх принимал близкое участие и в административных делах киевской митрополии, особенно касавшихся ее отношений с иноверным государством и защиты Православия от покушений на него латинства. Но в общем своем ходе внутреннее управление митрополии в Литве, как и в Москве, велось независимо от патриарха, по порядкам и законам, принятым издревле при прежних русских князьях. Из константинопольских патриархов в это время только Иеремия II посетил в 1589 г. Западную Русь на обратном пути из Москвы.

Митрополиты жили обыкновенно в *Новгородке литовском*, по временам ездили в другие города, особенно в Вильну, как столицу, но Киева не посещали более 150 лет (до конца XVI в.). Только один Св. *Макарий* в 1497 г. отправился в Киев, чтобы разобраться в тамошних делах. В Мозырском уезде Минской губернии он был убит крымскими татарами. Св. мощи его почивают в Киево-Софийском соборе.

Киев считался удельным княжеством. Правил там с 1362 по 1392 г. православный князь Владимир Бельский, сын вел. кн. литовского Ольгерда и Иулиании, дочери тверского князя Александра Михайловича. Он поддерживал митр. Киприана, когда святитель жительствовавал в Киеве. Сын его Александр (Олелько), женатый на Анастасии, дочери вел. кн. Василия I, правил после Ивана Ольгимантовича (Борисовича) Ольшанского (Голыпанского) с 1443 по 1445 г. Защищал он свои владения от татар. От него пошли Олельки или Олельковичи, князья Слуцкие и Копыльские. После смерти отца правил в Киеве кн. Симеон. Он отличался благочестием и усердием к Церкви. Им обновлена была великая Лаврская церковь, разрушенная во время татарского разгрома Киева. *Симеон*

Олелькович был последним православным князем в Киеве. После его смерти в 1471 г. *Казимир Ягайлович*, вел. князь литовский (с 1434), ставший с 1446 г. и королем польским (ум. 1492), уничтожил княжеское достоинство в Киеве, обратив его в воеводский город, и назначил воеводой тестя кн. Симеона литовского боярина Гастольда, не православного. Вскоре прислан был в Киев латинский епископ и началась работа по насаждению католичества в этом православном крае. В 1480 г. Казимиром запрещено было строить в Вильне новые церкви и поновлять старые православные храмы.

Положение православных ухудшилось при сыне Казимира, вел. кн. литовском *Александре*, правившем с 1492 по 1506 г. В 1495 г. собор русских епископов избрал и поставил митрополита *Макария*, до этого архимандрита Троицкого мон. в Вильне; после чего отправил послов к патриарху за благословением для митрополита. Патриарх, одоблив избрание, указал вперед без его ведения не поставлять митрополитов. Св. Макарий в 1497 г. был убит татарами в с. Стриголове, Минской г. вблизи с. Мозыря. Его преемником с 1498 г. стал смоленский епископ *Иосиф Болгаринович*.

Из Вильны писали в 1499 г. об Иосифе: «В нашего владыку дьявол вселился, и вместе с Сапегой отметником они восстали на православную веру. Великий князь неволил государыню нашу, великую княгиню Елену, на проклятую латинскую веру. Да и все наше православное христианство хотят окрестить; оттого наша Русь с Литвой в самой вражде». В это именно время Иоанн III обличал литовских послов в попытках Иосифа совратить Елену в унию и из за этого и притеснений православных воевал с зятем, вел. кн. Александром. Из за стеснений в вере перешли в подданство Иоанна III князь Симеон Бельский и другие знатные православные литовцы русского происхождения. Митр. Иосиф вошел в сношения с папой Александром VI, изъявляя желание принять унию. Но вскоре – в 1501 г. – умер: «Посла на него Бог вдруг расслабу и едино лето пребысть в том сану, и изменися живота».

На его место поставлен был, избранный Еленой, ея бывший духовник, затем архим. минского Вознесенского мон., Иона II

(1503–07). Простой, но строгий, честный и ревностный архипастырь, он ободрил и укрепил паству в вере.

В последние годы своего правления Александр прекратил давление на супругу. Он ограждал имущественные права православных церквей, возвращал некоторые земли. Он одаривал ее имениями, а она из этих источников и своих домовых средств делала пожертвования на православные церкви и монастыри в Вильне, Минске и др. местах.

Православные проявляли твердость. Каноник Сокран, свидетельствуя об этом времени, в книге своей «Истолкователь заблуждений Русских», пишет, что русские непоколебимы «в схизматических заблуждениях своих. По упорству в своей схизме они не верят никакой предлагаемой им истине, не принимают никаких убеждений, убегают от ученых католиков, даже мужей своего обряда, себя только считают истинными последователями апостольской и первобытной Церкви; и все анафемы против себя из Рима считают вечным для себя благословением». (А. Н. Бахметева. Рассказы из Русской церковной истории. ч. II).

Брат Александра, *Сигизмунд I Старый* (1506–48), бывший вел. кн. литовским и королем польским, умный государь, старался хорошо относиться к православным. Но и он должен был все время считаться с давлением на него католиков. Он не препятствовал вел. кн. Елене помогать православным в зап. Руси. После кончины в 1513 г. она была погребена митр. Иосифом Солтаном в Виленском Пречистенском соборе. Православное население помогло королю в трудной войне, которую ему пришлось вести с Россией. Знаменитый полководец и твердый сын православной Церкви *князь Константин Иванович Острожский*, упрощенный королем стать во главе литовско-русских отрядов, своею победой над московскими войсками Василия III под Оршей (1514) остановил успехи последнего. Все же по мирному договору Литва должна была вернуть России древний Смоленск.

Смоленский каштелян Мелешко говорил в 1589 г. на варшавском сейме в присутствии короля Сигизмунда III: «Дорога нам память Сигизмунда II-го: он немцев, как собак

каких, не кормил, ляхов с их хитростями весьма не жаловал, а Литву и нашу Русь страстно любил, и при нем нам было хорошо» (И. Чистович. Очерк истории Западно-Русской Церкви. ч. I). Но, конечно, и для него интересы католической церкви стояли на первом месте.

Тогдашний митрополит *Иосиф Солтан* (1509–21) увещевал свою паству верно служить литовскому своему государю и многих сам приводил к присяге. *Митр. Иосиф III*, ранее епископ Смоленский, один из лучших митрополитов зап.-рус. Церкви. Он происходил из знатного литовско-рус. рода, что давало ему возможность тверже держать себя. С благочестием соединялось у него просвещение. Он хорошо был известен королю Сигизмунду и патриарху. Будучи еще архимандритом Слуцким, он побывал на Востоке и с любовью изучал обыкновения восточной Церкви. Все это дало ему возможность навести порядок в зап.-русской Церкви, долгое время страдавшей от ряда нестроений. Для этого в 1509 г. он созвал большой собор в Вильне для исправления дел церковных. Собор строго осудил всякие подкупы и искательства мест священного служения и постановил, чтобы впредь избирать на это служение людей достойных, после должного испытания и по установленному на то законному порядку. Епископам предписано было быть послушными митрополиту, не увлекаясь в мирские дела, а занимаясь церковными. Собор, строго осуждая злоупотребления ктиторов и патронов своими правами, твердо определил им знать и соблюдать меру своих прав и обязанностей. Священников, служащих при церкви без благословения архиерея, по воле одного пана, решено было лишать сана.

Постановлениями собора духовенство хотело противодействовать вредному влиянию иноверных властей и панов. Митрополит, поддержанный кн. К. И. Острожским, с которым был особенно близок, просил Сигизмунда подтвердить королевской грамотой все права православной Церкви. Это было последним исполнено в 1511 г. Митр. Иосиф приглашался королем создать церковную унию. Он в ответ, по совету константинопольского патриарха, сослался на свою

зависимость от него, не позволяющую ему самостоятельно предпринимать такое решение.

Владыка Иосиф, с согласия короля, первый из киевских митрополитов присоединил к титулу «и Галицкий». В эти двадцать с лишним лет православные в литовской Руси пользовались миром и спокойствием. Возобновлялись древняя обители, в числе их в 1529 г. одна из древнейших, Межигорская-Преображенская, с 1240 г. лежавшая в развалинах.

Митрополит Иосиф был особенно близок с кн. К. И. Острожским и с Александром Ходкевичем. Род князей Острожских, потомков русских князей, туровских-пинских или черниговских, получил особое значение с XIV в. В 1340–49 гг. кн. Даниил Острожский вооруженно защищал Галицко-Владимирское княжество от польского короля Казимира. Сын его, умный, мужественный и отважный кн. Феодор, держа сторону Свидригайла против короля, защищал Подолию и Волынь.

Позднее он удалился в Киево-Печерский мон. и преставился в 1441–2 г. *иноком Феодосием*, будучи затем причислен к лику святых. Сын его Василий соорудил, при дворце своем, Богоявленскую церковь и основал Дерманский мон. Внуком его был кн. *Константин Иванович Острожский* (1460–1530).

Занимая крупное положение в литовско-русском государстве, имея звание «наивысшего гетмана», обладая огромными средствами, он всем значением этим пользовался для покровительства и помощи Церкви. Чтобы упразднить запрещение сооружать православные храмы в Вильне, он, в присутствии знатных русских и литовцев, дал перед сражением при Орше *обет* выстроить в Вильне две каменные церкви Св. Троицы и Св. Николая, если выиграет сражение. Победив, он получил от короля право на это, чем нарушалось распоряжение короля Казимира. Сверх того, он обновил кафедральный Пречистенский собор. Строил он монастыри и храмы в других частях государства. Приближаясь к кончине, владыка Иосиф поручил князю митрополичью кафедру и все достояние ея. Он исполнял это завещание до самой кончины.

Происходя из старинного литовско-русского рода, *Александр Иванович Ходкевич* был Новогородским воеводой и маршалом вел. княжества Литовского. Верный Православию, как и его предки, он отличался особым благочестием и усердием к Церкви. Он был ктиторм Супрасльского мон. Митр. Иосиф был его соктиторм. Они оба богато одаряли и устраивали обитель, получившую устав, основанный на древних правилах монастырского общежития. Супрасльский мон. стал для всей православной Литвы примером. Тогда еще были и другие знатные и богатые православные ктитормы и патроны, заботившиеся о монастырях и церквях на своих землях. Лишь небольшая часть панов и бояр, и то, главным образом в Литве, были в те времена католиками.

Известна покровительством христианскому просвещению в половине XVI в. княгиня Анастасия Ольшанская, супруга князя Заславского. Благочестивая сестра ея, *Иулгания*, скончалась 16-ти лет, не позднее 1540 г. Погребена она была в приделе великой Печерской церкви. В начале XVII в. мощи ея обретены были нетленными, и при них совершались чудеса. Отец обеих сестер, князь Георгий Дубровицкий-Ольшанский, был одним из благотворителей Печерской Лавры.

В первой половине XVI в. виднее прежнего стали проявлять деятельность на пользу родной Церкви особые общества из средних классов называвшиеся *братствами*. Зародыш братств коренится в древнем и общем всей России обычае *братчин*, о которых говорилось раньше. На западе Руси и в Литве братства стали устраиваться сначала лицами, занимавшимися одинаковым промыслом и ремеслом, при чем союзы эти освящались молитвой. Сперва в него входили как православные, так и католики. Древнейшим братством в Вильне было кушнерское. Составили его кушнеры-меховщики, скорняки. С 1538 года оно имело свой письменный чин или устав, утвержденный Сигизмундом I. Настоящее православное братство создано в Вильне при кафедральном соборе, почему называлось братством дома Пречистые Богородицы. Братство это получило благословение от м. Иосифа и патриарха.

В описываемое время положение православных в *Червонной Руси* или *Галиции* было несравненно тяжелее, чем на Руси литовской. Во второй части (стр. 108) отмечалось закрепление в этой, захваченной поляками, русской земле, католичества установлением латинских епископских кафедр. Польские короли раздавали на *Руси*, как они именовали Галицию, земли польским панам. Количество православных землевладельцев слабело. Поляки, чувствуя себя господами положения, нередко нападали на поместья русских и захватывали их. Король Владислав Ягайлович, старший брат Казимира, особенно много земель роздал полякам. Почти всю Червонную Русь отдал он знатному и богатому семейству Одровонжей. Чтобы откупиться от них православные позднее согласились уплатить Казимиру особую дань. Многие жители бежали из Галиции и уходили на восток, где приставали к вольным казакам.

Церковью в Галиции в это время управлял митрополит Киевский чрез наместников, именовавшихся справцами. Справец ведал, собственно, округом Галича. Проживал он в имении за городом. При существовавшей там церкви жило высшее духовенство (крылос). Соборная церковь именовалась крылошанскою, а село – Крылосом.

В 1509 году король Сигизмунд I дал латинскому Львовскому архиепископу право назначать этого справца, желая, как он выразился в грамоте: «по долгу христианскому, чтобы схизматики в Галиции удобнее могли бы быть привлекаемы к истинной вере». Произошло же это тогда, когда киевские митрополиты стали именоваться и галицкими. Права православных стеснены были до крайности. Их свидетельства не признавались магистратом, они вносили десятину в пользу латинских приходов, магистрат назначал православных священников, вносилась поголовная подать «за схизму». Помощи православным ожидать было не откуда. Московский государь был далеко и не мог заступаться, как это делал за единоверцев в соседней к нему Литве. Пришлось и там сплотиться с помощью братств. В 1544 г. было основано во

Льво́ве, столице Галиции, первое – Св. Николаевское – братство.

В двадцатых годах XVI в. за православных галичан заступился кн. К. И. Острожский. Король смягчил несколько их положение. С ведома латинского архиепископа королем был назначен митрополичий наместник, православный дворянин Гдашицкий, согласно грамоте имеющий наблюдение над «попами и синагогами Русского обряда». Синагогами король называл православные храмы. Наместник, возведенный в сан львовского архимандрита, проявил большое усердие в пользу православия. Униженное и притесненное духовенство ободрилось. Начали возвращаться в истинную Церковь отпавшие от нея из страха. Архиепископ всеми способами добивался от короля удаления ревностного наместника. Последний был удален. Наместником архиепископ назначил католика Сикора. Тщетны были жалобы галичан королю. Митр. Иосиф III, с своей стороны, назначил им наместника, но тот оказался неудачным. Тогда православные всех сословий, с участием духовенства, выступая от «земли Русской и Подольской», выбрали наместником львовского гражданина Макария Тучапского. Митрополит, возведя его в духовный сан, утвердил в этом звании. Удалось получить на это согласие короля. Архиепископ заявил королю, что наместник поставлен незаконно, без его согласия. Дело рассматривалось в сейме, который, конечно, принял сторону архиепископа. Галичане нашли, через двух панов, доступ к корыстолюбивой королеве Боне (урожд. Сфорца). Получив 200 волов, она добилась отмены королем привилегии, заготовленной архиепископу, и предоставления ей Тучапскому. Потом убедили короля отказаться от этого решения; галичане дважды дарили волов. Архиепископ, опираясь на сейм, настаивал на своем. Тогда король посоветовал галичанам просить митрополита поставить им Тучапского в епископа. Когда это было исполнено, король утвердил его. Восстановлена была древняя Галицкая епархия, независимая от Львовского католического епископа.

Преемник Сигизмунда I, последний из Ягеллонов, *Сигизмунд II Август* (1548–1572), находясь под влиянием

усилившегося в Польше и Литве протестантизма, относился к вероисповедным разногласиям между своими подданными терпимо. Он предоставил христианским вероисповеданиям полную свободу. В 1563 г. на Виленском сейме последовало уравнивание православного шляхетства с католиками. Тем самым отпадало постановление Городельского сейма. Но при том же либеральном в вероисповедном вопросе короле появились и печальные предвестия новых бедствий для православной Церкви. Такими предвестиями были *Люблинская уния* и призвание в Польшу и Литву *иезуитов*.

Король был бездетным и с ним прекращалась династия Ягеллонов и тем самым та личная уния, которая существовала между Литвой и Польшей. Поляки желали еще до смерти Сигизмунда-Августа заменить личную унию унией реальной – создать общее государство. В 1569 г. на сейме в *Люблине* выдвинут был этот вопрос. Литовцы сначала сильно противились этому, но принуждены были согласиться. Создалась *Речь Посполитая*. Литва сохраняла известную автономию, но, конечно, полякам принадлежала главная роль в общем государстве и естественно усилилось значение католичества, хотя сеймом и было обещано православным свободное вероисповедание, употребление русского языка в официальных документах и другая вольности. Печально было то, что вся Малороссия попадала в непосредственное управление Польши. Поляки католики стали свободно проникать во все литовские и русские земли, завладевать должностями, именьями, представительством на сеймах и развивать свое влияние в явный ущерб интересам местной народности и народной православной веры, к которой они относились враждебно. Через три года после *Люблинской унии* Сигизмунд II Август умер. Польский престол стал *избирательным* и занимался королями, чуждыми Литве и, тем более, русским областям. Недолго правил Бурбон Генрих, занявший потом престол Франции, а затем кн. Семиградии или Трансильвании *Стефан Баторий* (1575–1587), способный король, отличный полководец, победивший Россию в Ливонской

войне. Он был убежденным католиком и очень покровительствовал иезуитам.

Состав западно – русской митрополии. Духовное просвещение

Во время войн России с литовско-польским государством происходило передвижение границ, в связи с чем менялся и состав епархий Киевской митрополии. В 1500 г. отделилась от последней Черниговская епархия и вскоре была закрыта. С 1563 по 1579 г. часть Полоцкой епархии, с Полоцком, находилась под властью московского митрополита.

В состав митрополичьей кафедры входили земли образовавшие в XV и XVI вв. воеводства Виленское, Троцкое, Ново-грудское и Киевское, Галичину (позднее имевшую отдельного епископа) и Подолье. Стольным городом митрополитов была Вильна, но они жили преимущественно в Новогрудке (Новгородке). Кафедральным собором в Вильне был собор Пречистые Богородицы, именовавшийся обыкновенно *Пречистенским*, основанный Ольгердом и освященный в 1348 г. святителем Алексием, тогда епископом Владимирским. В 1511 г. собор был полностью перестроен на средства кн. К. И. Острожского и освящен во имя Успения Пресвятые Богородицы. В нем погребены Ольгерд и супруга его Иулиания, в 1513 г. – вел. кн. Елена Иоанновна. Она завещала храму чудотворную икону Божией Матери Одигитрии.

В Вильне тогда существовало 18–20 церквей. Из них наиболее известные: Пятницкая, основанная первой супругой Ольгерда Марией, княжной Витебской, по преданию на месте капища языческого божества литовцев Ракутиса. Это был первый христианский храм в столице Литвы. Николаевская, у которой были погребены свв. мученики Иоанн, Антоний и Евстафий. Храм этот существовал до 1481 г. Святые мощи перенесены были сначала в Троицкий, в половине XVII в. в Свято-Духовский мон. Никольская (Перенесенская) воздвигнута была в 1514 г. кн. К. И. Острожским в память победы, одержанной им над московским войском. В Вильне были монастыри: Троицкий, Георгиевский и Благовещенский. В Св.-Троицком м., в котором первую церковь воздвигла княгиня

Мария, кн. К. И. Острожский в 1514 г. построил каменные храм и здания, вместо прежних деревянных. В обители сначала пребывала чудотворная икона Божией Матери *Остробрамская*, вывезенная Ольгердом в 1363 году из занятой им Корсуни-Херсонеса. Он передал ее княгине Иулиании. Впоследствии образ был перенесен в находившуюся вблизи монастыря часовню у Острого или Русского конца города. В конце XV в., когда вокруг Вильны была воздвигнута каменная стена, при остром конце ее были устроены главные ворота в виде башни, с часовней внутри. Туда и была поставлена икона. Прежнее наименование ее Корсунской стало забываться, и она стала называться Островратской, Островоротной. Когда русское название заменено было польским «Остра Брама», икона и получила нынешнее наименование. В начале XVII в. вице-канцлер вел. княжества Литовского Степан Пац и виленские бургомистры Дубовичи построили при часовне католический монастырь и отдали его кармелитам. В 1829 г., когда лик иконы был прочищен и промыт, обнаружена была славянская хвалебная песнь «Честнейшую херувим».

В Троках, столице Кейстута и Витовта, потом главном городе Тройского воеводства, были две церкви, составившие т. н. *Трокскую архимандрию*. Грамата Витовта, данная в 1384 г., гласила: «Мы вел. кн. Витовт, нареченный во св. крещении Александр, по просьбе и желанию великой княгини нашей Ульяны, дали трокскому нашему монастырю рождества Пречистой излучину трокского озера, что у большой дороги ... К тому прибавили мы пустошь, землю и сеножать» и пр. Его охраняли впоследствии то наместники вел. князя, то разные дворянские фамилии Литвы, тогда православные. В Гродне, древнем русском городе, подпавшем потом под власть Литвы, уже в XII в. было много каменных церквей, и основан был на р. Немане Борисоглебский Коложский мон. Выше упоминался Супрасльский Благовещенский мон., основанный в 1498 г. на р. Супрасли, в м. Гродке. Первыми иноками его, по преданию, были монахи, вызванные с Афона, В 1500 г. обитель перенесена была в более уединенное место, среди лесов, в 20 верстах от Белостока. Ходкевичами основан был и другой монастырь – в м.

Заблудове, в 14 в. от Белостока. В 1568 г. гетман Григорий Ходкевич в Заблудовском м. создал типографию. В 1576 г. типография была закрыта или перенесена в Супрасль. В Ковне в начале XVI в. упоминается Николаевская церковь. В м. Сурдегах (б. Ковенской г.) в 1550 г. Анной Шишанкою-Ставецкою был основан Свято-Духовский мон. В Новогрудке, втором стольном городе, был кафедральный Борисоглебский собор; в пол. XVI века упоминается Свято-Троицкий мон. Вблизи Новогрудка продолжал существовать Лавришевский м.

В *Слуцком* княжестве, где правил род князя Михаила Олельковича, старшего брата последнего православного князя киевского, известны были монастыри Св. Троицкий и Ильинский. В Минске были обители Вознесенская, Св. Троицкая, и Николаевская; в минском уезде в м. Соломеречье, Покровский мон., основанный кн. Соломерецкими в первой половине XVI в.

Киевские обители, подвергшиеся разгрому татарами, начали возобновляться с XV в. и постепенно благоустроиться. Украшению Лавры много способствовали князья Олельковичи. Наибольшее усердие знатных киевских родов привлекал Пустынно-Николаевский мон.

Чернигов, со всею Северскою страной, подпал под власть Литвы с 1320 г. Только в 1503 г. вел. кн. Иоанн III отобрал у литовцев Северскую землю. Черниговские епископы, именовавшиеся с 1215 г. и брянскими, до 1415 г. зависели от московского митрополита, с 1415 – от киевского, с 1503 г. опять перешли под власть московской митрополии. Когда в 1515 г. возвращен был России Смоленск, черниговская епархия присоединена была к Смоленской. Епископы именовались Смоленскими и Брянскими до 1549 г., когда вновь была восстановлена Черниговская епархия. В Смоленской епархии было 11 обителей, из которых особенно знамениты Троицкий Болдинский мон. (с 1526) и Предтечев Вяземский (с 1542).

Полоцкая епархия обнимала в рассматриваемое время воеводства Полоцкое, Витебское и Мстиславское. Полоцк, захваченный литовцами, в 1563 г. был отобран царем Иоанном IV, но в 1579 г. снова завоеван королем Стефаном Баторием. В нем было много монастырей, в числе их древние: Спасский в

урочище Сельце, из которого пр. Евфросиния предприняла паломничество в Иерусалим, где и преставилась; Петровский, основанный кн. Михаилом около 1235 г.; Борисоглебский или Бельчицкий, сооруженный кн. Борисом Гинвиловичем, внуком литовско-новогрудского кн. Мингайла, овладевшего Полоцком в 1190 г. Витебское княжество было присоединено к Литве в 1320 году по смерти кн. Ярослава Васильевича, выдавшего дочь свою Марию за Ольгерда. В Витебске был Пречистенский жен. мон. В Мстиславле, подпавшем в 1359 г. под литовское владычество, и вблизи его, были монастыри: Нагорный Николаевский, Пустынский, Онуфриевский. В Могилеве, входившем в состав Мстиславского воеводства, находился Спасский мон. В Полоцкой земле, больше чем в других местах России, было монастырей.

Полоцкому архиепископу подчинено было православное население г. Риги, которое имело свою Николаевскую церковь. Кафедрой полоцких епископов был Софиевский собор (И. Чистович).

После татарского разгрома епископская кафедра была перенесена из Турова в Пинск. Пинск входил сначала в состав Туровской епархии. Епископы пинские пребывали большею частью в Лещинском мон., потом имели свой дом при Дмитриевской церкви.

Стольным городом Владимиро-Брестских епископов был *Владимир*, в котором находился Спасский мон. В Владимирском повете находился монастырь Честный Крест; в Ковельском уезде – Николаевский Милецкий. В Кобрине православными кобринскими князьями основан был в XV в. Спасский мон. В Подляшье (страна между реками Бугом и Наревом, к северу от Бреста) существовали в Дрогичине монастыри Св. Троицкий и Спасский; в Бельске – Николаевский; в Бресте – Симеоновский; Михайловский в Гуще, Воскресенский Корецкий, Троицкий Ясногородский. Владимирская епархия считалась одной из самых богатых. Кафедрой епископов был Успенский собор во Владимире.

Луцко-Острожская епархия, простиравшаяся на юг от Владимирской, включала в себя города: Луцк, Острог, Дубно,

Дермань, Заславль и Кременец. Епископская кафедра учреждена была в Луцке еще в XIII в. В городе существовали древние монастыри Пречистенский и Васильевский. Кн. Любарт Гедиминович, первый правитель Волыни из литовских князей, украсил соборный храм Иоанна Богослова, находившийся в луцком замке, и наделил его селениями. В 1384 г. Луцк перешел под власть Гедимины и был его столицей на Волыни. Преемник его, Свидригайло, жил в нем с 1433 г. и умер в 1452 г. В это время в Луцке было до 22 православных храмов. Вблизи Луцка были Спасские обители: Чернчицкая, над р. Стырею, и Красносельская, известная к 1429 г. В Луцком уезде находился Никольский Жидичинский мон., основанный в конце XV в. и Богородичный Пересопницкий, о котором верные сведения имеются с XVI в. Тогда король Александр отдал его «в поданье» кн. Феодору Мих. Чарторыйскому. Сын его был еще православным, внук совершен иезуитами в католичество.

С именем *Острога* связаны воспоминания о знаменитых князьях Острожских, о которых упоминалось выше. В их владениях находились с. Дермань с Св. Троицким мон. и Дубно с Преображенской и Крестовоздвиженской обителями. Дерманьский мон. (в 20 в. от Острога) основан в XV в.; во второй половине XVI в. кн. Константин Константинович Остроясский учредил в нем для пользы Церкви типографию. В настоятели сей обители кн. Остроясский выпросил у Александрийского патриарха ученого мужа Исаакие, б. протосинкелла патриаршего. В Дубненском мон. 20 лет был настоятелем пр. Иов, потом игумен Почаевский. В принадлежавшем Острожским м. Степани был Михайловский мон. В Заславе, прежнем Изяславе, подаренном кн. Владимиром супруге своей Рогнеде и сыну Изяславу, находился Троицкий девичий мон. В Кременце – обитель, основанная Даниилом Галицким. Известны овручские Богородичный и Иоакимоанновский монастыри. Существовал монастырь в епископском имении Дутвешцах.

В древней русской *Холмской* епархии, оказавшейся потом под Польшею, православная церковь существовала еще в XV в. в г. Казимире. Монастыри имелась: кафедральный

Рождественский в Холме, Спасский в 10 в. от Холма, в Замостье и в Люблине, основанный в 1588 г. В 1533 г. король Сигизмунд I отнял от православной кафедры ее владения.

Во Львовской епархии в это время существовали монастыри: Данилов, Георгиев, опустошенный в 1340 г. и потом возобновленный для православия, Верхратский в жоховском уезде, Синеводский в стрыйском у., позднее головчинский Преображенский (прежде 1555 г.), уневский Успенский, основанный около 1460 г. и еще прежде того Онуфриев. В грамате 1407 г. Перемышльской кафедры упоминаются: «монастырь Гручевич, Николаев, близ Перемышля, св. Спаса, мон. Сосаннин, Смольница, Лавров, св. Онуфрия». – И затем прибавлено, «и все другие монастыри, находящиеся под управлением владыки». Лавров мон. находился в самборском округе, а Спасский – близ самого Самбора. (Архиеп. Филарет).

В XV и XVI вв. в Юго-Западной Руси имелись низшие училища при церквях и монастырях. Оне, однако, мало помогали образованию, о чем, как отмечает Чистяков, писал южно-русский автор «Перестроги»: «были великие ревнители между князьями, которые с великими издержками, церковей и монастырей намуровали, и маетностями их снабдили, золотом и серебром украсили, но, что было всего потребнее, школ постоянных не фундовали». Большею частью знание ограничивалось церковно-книжной начитанностью. Помогали образованию сношения с православным Востоком, чему способствовали духовные лица из Греции и с Афона, часто посещавшие южную Русь и подолгу там пребывавшие. Высшие училища созданы были во Львове и Остроге, снабжая учителями другие училища в крае.

Позднее в 1581 г., иезуит Поссевин жаловался папе, что «некоторые русские князья, каковы Острожский, Слуцкий, имеют свои училища, в которых питается их раскол». Сосредоточившиеся в Остроге православные ученые занимались изданием священных и богослужебных книг и сочинений в защиту православия. В одном из острожских изданий тамошней школе или содружеству ученых присваивалось название Академии.

Приобрели значение типографии. Выше упоминалось о таковой в Заблудове, имении гетмана Ходкевича. Устроили ее бежавшие из Москвы в Литву диакон *Иван Федоров* и *Петр Тимофеев Мстиславец*. В 1568–69 г. они напечатали в ней Евангелие учительное, в 1569–70 г. Псалтирь. По смерти Ходкевича (1569 г.), Мстиславец перешел в Вильну, где, по поручению братьев Мамоничей, завел типографию. В 1574–75 г. им напечатано было служебное Евангелие. Федоров из Заблудова перебрался в Львов; в созданной им типографии он напечатал Апостол. Вызванный вскоре в Острог, он и там устроил типографию, в которой напечатал в 1580 г. «Псалтирь и Новый Завет», а в 1581 г. полную Славянскую Библию. Вернувшись во Львов, он умер в 1583 г. в крайней бедности. Как отмечалось выше, кн. К. К. Острожский создал типографию и в Дерманьском мон. (Чистович).

До Острожской Библии известна была в Западной Руси «Библиа русска» *Франциска Скорина*, написанная церковно-славянским языком, с примесью малорусских и белорусских слов. В ней много слов и оборотов чешских и польских. Природный русский, уроженец Полоцка, Скорина обучался в пражском университете, и в Праге же перевел Ветхий Завет из чешской Библии. Новый Завет, повидимому, исправлялся им по старым славянским рукописям. В «Библиа русска», напечатанную в 1517–19 гг., вошли 22 книги Ветхого Завета. Она не пользовалась уважением у православных. (Чистяков).

Писарь великого княжества литовского Михаил Гарабурда выпросил список полной Библии у царя Иоанна IV и доставил его кн. Острожскому. Последний отыскивал, кроме того, древние списки священных книг на православном Востоке и в Италии. Избран был такой список греческого перевода LXX, который был наиболее согласен с еврейским текстом и с славянской Библией, присланною царем Иоанном. Труд пересмотра совершили, по свидетельству холмского епископа Иакова Суши, смотритель острожских школ Герасим Смотрицкий и Иван Федоров, знавший греческий язык. Евангелие Острожской Библии особенно сходно с Остромировым. Московское издание

Библии 1663 г. было повторением острожского издания, лишь с некоторыми изменениями в орфографии. (Чистович).

Духовному просвещению способствовал, живший на Волини с 1564 по 1583 г., *кн. Андрей Михайлович Курбский*, потомок старшей линии Мономаховичей. Он проявлял большое усердие к переводу писаний св. Отцев на церковно-славянский язык. Он же особенно полезен был в этой части Руси, подвергавшейся латинской и протестантской пропаганде, своими знатями и, в особенности, твердостью в стоянии за Православие. Временами Курбский не останавливался перед укорами, обращаемыми к *кн. К. К. Острожскому*, склонному порою к соглашательству. Ту же твердость проявлял, бежавший в Литву, б. игумен Троицкого Сергиева мон., старец *Артемий*, о котором упоминалось выше.

Большое волнение среди православных вызвали попытки короля Стефана Батория заставить православных принять новый грегорианский календарь, введенный им в 1582 г. в Польше и Литве. В 1583 г. в Галиции латинский архиепископ, накануне праздника Рождества Христова, силой запечатал православные церкви. Львовское братство сорвало печати. Епископ львовский *Гедеон* внес протест в городские книги. Поддержан он был, при бездействии митрополита *Онисифора*, князем *Острожским* и др. православными панами. В 1585 г. король издал универсал, которым дозволил православным остаться при старом юлианском календаре. К этому времени относятся полемические книги: *«О римском календаре» Герасима Смотрицкого* и просвещенного острожского священника *Василия «О единой истинной православной вере»*.

Призвание иезуитов в польско-литовское государство

Король Сигизмунд II Август не был ревностным католиком и даже охотно прислушивался к учению протестантов, пустивших корни в его государстве. Лютер почтил его посвящением своей Библии, а Кальвин – своего толкования послания св. ап. Павла к Евреям. Силен был протестантизм в Литве, где рьяным исповедником его был кн. Николай Черный Радзивил. Он владел почти половиной Литвы и мог влиять на короля через свою двоюродную сестру Варвару Радзивил, любимую супругу короля. Всюду в Польше и Литве раздавались протестантские проповеди, строились кирхи, заводились школы и типографии. Правда, в самом протестантстве не было единства. С приверженцами Лютера враждовали кальвинисты; появились ариане и социниане. Новые учения захватывали целые приходы, даже часть католического духовенства. В особенности, поддавались пропаганде знатные семьи в числе их и православные. Между католическими епископами не было единства. Враждовали главные епископы, Яков Уханский, архиеп. Гнезненский, и Филипп Падневский, еп. Краковский, причем первый проявлял явную склонность к протестантизму, надеясь стать независимым главой польского духовенства. Обезпокоенный папа Пий V отправил к королю своего посла Коммендоне, который сумел мягкими внушениями доказать Сигизмунду опасность, которая может проистечь для государства от религиозных войн. В 1565 г. умер Черный Радзивил. Ставший после него главой протестантов Николай Рыжий Радзивил по своему значению у последних не мог сравниться с покойным двоюродным братом. В то же время епископ Виленский, Валериан Проташевич, помышляя о борьбе с протестантами, обратился за советом к кардиналу Гозиушу, епископу Варминскому в Пруссии. Председательствовав на Тридентском соборе, он считался столпом католицизма. Тот посоветовал ему прибегнуть к помощи иезуитов.

Иезуитский монашеский орден был учрежден в 1534 г. *Игнатием Лойолой*, называвшим его обществом Иисуса (Иезуса), поставив ему задачей бороться против: «адских чудовищ и порождений сатаны». К обычным монашеским обетам присоединен был в этом ордене обет безпрекословного повиновения папе. В 1540 г. папа Павел III утвердил орден, папа Юлий III расширил его привилегии. Генерал ордена, зависимый только от папы, пользовался неограниченными полномочиями. В ордене установлена была железная дисциплина. Иезуиты для достижения понимаемой ими благой цели могли применять все средства. Источниками их могущества были исповедь, миссионерство, воспитание юношества.

Во исполнение совета кардинала Гозиуша епископ Проташевич основал в Вильне иезуитский коллегиум под управлением Станислава Варшевицкого. В 1571 г. устроена была иезуитская коллегия в Ярославле, сделавшаяся центром католической пропаганды в Галиции. Итоги деятельности иезуитов оказались успешными. Вскоре и Радзивилы стали ревностными католиками; их примеру следовали другие протестантские семьи.

Особенно помогал иезуитам Стефан Баторий (Обатура), князь Семиградский, избранный королем в 1573 г. (ум. 1587). Он дал в 1579 г. права *академии* виленской коллегии. Ректором ее орден назначил *Петра Скаргу*, одного из ученейших и хитрейших иезуитов, блестящего оратора. Он поднял значение академии, в которую русское и литовское дворянство отдавало своих детей. Из них вырабатывались отступники от православия. В 1586 г. в ней было до 700 учеников и более 50 учительского персонала. Скарга написал сочинение: «О единстве церкви Божией и о греческом от сего единства отступлении (1577 г.).» Король Стефан стремился насаждать иезуитов в русских землях, ценя их как проводников ополячения и окатоличения. Баторий, взяв в 1579 г. Полоцк, основал там иезуитскую коллегию, отдав в ее распоряжение местные православные церкви и обители, кроме владычных. Иезуиты сразу открыли в *Полоцке* семинарию для воспитания

юношества. Кроме Скарги большую деятельность развивал в Литве иезуит Антоний Поссевин, оставшийся здесь после своей неудачи в Москве. Он занялся изданием сочинений, направленных к совращению православных.

Соловьев так определяет положение в тогдашних польских владениях: «Учение Лютера и его разветления, как мы видели, быстро распространилось в польских владениях; как везде, так и здесь, католицизм, обнаруживая сильное противодействие врагу, выставил свое знаменитое ополчение – иезуитов. Иезуиты, благодаря своим ловким приемам, осилили протестантизм, большой и слабый разделением. Но осилив протестантизм, иезуиты немедленно обратили внимание на более опасного врага – на старинное, пустившее в народе глубокие корни, исповедание Восточное, или Русское: против него направлены были теперь усилия иезуитов; против него возбужден ими фанатизм католического народонаселения; против него, по их внушениям, действует правительство, отуманенное фанатизмом, неумеющее разобрать собственного интереса, думающее, или по крайней мере, желающее других заставить думать, что уния церковная скрепит унию государственную, – надежда основательная только в том случае, еслибы эта уния совершилась спокойно, без насилия. Против Русской веры направлены иезуитами безпокойные силы школьной молодежи; против нея говорят они проповеди и пишут ученые рассуждения; против нея действуют они в домах и школах, отрывая русскую молодежь от веры отцовской».

Все напряженнее велась в Западной Руси подготовка к церковной унии, история которой будет изложена в части четвертой.

Часть четвертая. Патриаршество

Установление патриаршества

В правление Иоанна IV Грозного Россия стала царством. Приспело время великому государству иметь вполне самостоятельного высшего главу Церкви – *Патриарха*.

Царем, Помазанником Божиим, был с 1584 г. Феодор Иоаннович. Соловьев определяет его так: «Он прост, слабоумен, но очень ласков, тих, милостив и чрезвычайно набожен. Обыкновенно встает он около четырех часов утра. Когда оденется и умоется, приходит к нему отец духовный с крестом, к которому царь прикладывается. Затем крестовый дьяк вносит в комнату икону Святого, празднуемого в тот день, перед которой царь молится около четверти часа. Входит опять священник со Святою водою, кропит ею иконы и царя.» Вместе с царицей Ириной Феодоровной царь шел к заутрени. «Возвратясь из церкви, царь садится в большой комнате, куда являются на поклон бояре, находящиеся в особенной милости. Около девяти часов царь едет к обедне, которая продолжается два часа.» После обеда и сна идет к вечерне. «Каждую неделю царь отправляется на богомолье в какой-нибудь из ближайших монастырей ...». Сему набожному и благочестивому монарху и надлежало проявить почин в деле установления патриаршества.

Архиеп. Филарет считает естественным, что именно царь Феодор желал почтить саном патриарха митрополита всея России, которого русское благочестие еще с половины XVI в. начинало называть *святейшим*. Далее он пишет: «К тому же надежда найти в русском патриархе защиту православию, угнетенному на Востоке игом мусульманства, а с запада теснимого папизмом, также располагала желать сана патриаршего для русского митрополита. Между тем, Господь творил Свое. Он готовил в патриархе защиту России на близкое время скорбей, которых еще не видели люди. И Он-то незримо устроил обстоятельства так, что патриаршество русское явилось как бы по внезапному стечению случаев».

В 1586 г. прибыл в Москву, для получения милостыни в пользу своей Церкви, антиохийский патриарх *Иоаким*. Это был первый случай приезда в Москву одного из патриархов. При встрече его в Успенском соборе, митрополит Дионисий благословил его прежде нежели сам принял от него благословение. Иоаким поговорил слегка, что пригоже было митрополиту от него принять благословение наперед, да и перестал. Этим со стороны митр. Дионисия подчеркивалась особенность положения московских первосвященников, более ста лет пользовавшихся уже самостоятельностью.

Во время пребывания Иоакима в Москве, царь предложил Боярской Думе и высшему духовенству обсудить вопрос о патриаршестве. «По воле Божией, в наказание наше, восточные патриархи и прочие святители только имя носят, власти же едва ли не всякой лишены; наша же страна благодатию Божией, во многорасширение приходит, и потому я хочу, если Богу угодно и писания божественные не запрещают, устроить в Москве высочайший престол патриаршеский; если вам угодно, объявите; по моему, тут нет повреждения благочестию, но еще больше преуспеяния вере Христовой».

Духовенство и бояре похвалили желание царя Феодора, но прибавили, что для выполнения его необходимо согласие всей Церкви Восточной, «да не скажут пишущие на Святую нашу веру Латыны и прочие еретики, что в Москве патриарший престол устроился одною царскою властью». Патриарха осведомили о желании царя, и он обещал предложить этот вопрос суждению других патриархов. Вследствии этого, вслед отбывшему патриарху, отправлены были нарочные в Константинополь с грамотами царя.

Летом 1587 г. прибыл в Москву грек Николай, сообщивший, что патриархи константинопольский и антиохийский уже созывали собор и послали за патриархами александрийским и иерусалимским. После их общего совещания прислан будет в Москву патриарх иерусалимский с наказом об учреждении патриаршества. Это предположение не осуществилось, вследствие печальных событий, происшедших в Царьграде и

заставивших константинопольского патриарха Иеремию самому предпринять путешествие в Москву.

Летом 1588 г., вместо ожидавшегося патриарха иерусалимского, в Смоленск прибыл константинопольский патр. Иеремия. Смоленские воеводы получили выговор за то, что патриарх прибыл к ним «безвестно». Епископу смоленскому царь указывал торжественно встретить Иеремию и «читать его честно, точно так же, как митрополита нашего читите». Приставу, отправленному сопровождать патриарха наказано было выяснить цель его поездки и «есть ли с ним от всех патриархов с соборного приговора к государю приказ». По прибытии патриарха в Москву, он был почтительно принят царем. В последовавшей затем беседе с Годуновым, Иеремия поведал ему свои скорби.

Один отступник грек донес султану Амурату, что Иеремия очень богат и храм его владеет огромными сокровищами. Был и соискатель патриаршего престола. Султан определил быть патриархом Феолипту. Когда Иеремия напомнил ему о клятве султана Магомета II за себя и преемников не вмешиваться в христианские дела, то тот сослал его на о. Родос, где он и пробыл четыре года. Амурат отставил и Феолипта, ограбил храм, превратил его в мечеть, и возвратил Иеремию. «Тогда», рассказывал патриарх Иеремия Борису Годунову, «обливаясь слезами, вымолил я у Амурата позволение ехать в христианские земли для милостыни, чтобы построить новый храм истинному Богу. Слышав о таком благочестивым царе, пришел я сюда, чтобы помог нам царь в наших скорбях».

Царь Феодор, выслушав сообщение Бориса Годунова о беседе с Иеремией и подумав с царицей Ириной, говорил боярам: «Велел нам Бог видеть к себе пришествие патриарха Цареградского, и мы о том размыслили, чтоб в нашем государстве учинить патриарха, кого Господь Бог благоволит; если захочет быть в нашем государстве Цареградский патриарх Иеремия, то ему быть патриархом в начальном месте Владимире, а на Москве быть митрополиту попрежнему; если же не захочет Цареградский патриарх быть во Владимире, то на Москве поставить патриарха из московского собора».

Переговоры об этом поручено было вести Годунову. Иеремия сказал последнему: «Будет на то воля великого государя, чтоб мне быть в его государстве – я не отрекаюсь; только мне во Владимире быть невозможно, потому что патриархи бывают всегда при государе: а то что за патриаршество, что жить не при государе?». Царь снова собрал бояр и говорил им: «Патриарх Иеремия Вселенский на Владимирском и всея Руси патриаршестве быть не хочет; а если мы позволим ему быть в своем государстве на Москве, на патриаршестве, где теперь отец наш и богомолец Иов митрополит, то он согласен. Но это дело нестаточное: как нам такого сопрестольника великих чудотворцев и достохвального жития мужа, святого и преподобного отца нашего и богомольца Иова митрополита от Пречистой Богородицы и от великих чудотворцев изгнать, а сделать греческого закона патриарха, а он здешнего обычая и русского языка не знает, и ни о каких делах духовных нам с ним говорить без толмача нельзя». Годунов с дьяком Щелкаловым отправился снова к Иеремии. В беседе с ним было решено, что он поставит патриархом митрополита Иова и даст благословение впредь патриархам поставляться в Российском царстве от митрополитов, архиепископов и епископов (Соловьев).

Соловьев подводит итог этим переговорам: «Наши предки в описываемое время жили тою жизнью, когда свой обычай составляет все; отсюда понятно, как страшно было иметь патриархом человека, незнающего русского обычая, человека греческого закона. Мало того, – нужно было решиться на дело страшно тяжелое: отвергнуть человека, которого уже привыкли видеть на таком высоком месте, каково было митрополичье; для Вселенского патриарха Иеремии не могли придумать чести высшей, как та, которая воздавалась митрополиту Иову, – и вот этого Иова надобно безвинно лишить этой чести, прогнать! Понятно, следовательно, что не по одним личным отношениям Годунова к Иову настаивали, чтоб Иеремия жил во Владимире».

10 января 1589 г. в Успенском храме, в приделе Похвалы Богоматери, многочисленный собор архиереев избрал трех кандидатов: митрополита Иова, архиепископов Новгородского

Александра и ростовского Варлаама, предоставив царю выбор. Патриарх Иеремия предоставил царю список кандидатов. Феодор избрал Иова. Новый патриарх должен был иметь в своем ведении митрополитов. Это звание дали владыкам: новгородскому, казанскому, ростовскому и крутицкому (в Москве). 23 января происходило поставление патриарха. При этом царь позаботился о том, чтобы ни в чем не нарушались права братского равенства между обоими первосвященниками, и чтобы с первой минуты, полной независимостью от Царьграда пользовался патриарх московский и всея России.

Поэтому, было установлено, что при наречении он должен был целоваться братски в уста с Иеремией, и не оставлять своего посоха, если тот не оставит пастырского жезла. Изменен был и чин наречения, предложенный константинопольским патриархом. Иов, со свечей в руках, не произносил ему благодарственного слова посреди собора, по древнему чину константинопольскому. Они оба только приветствовали взаимно друг друга, на амвоне, и разошлись с равной честью в разные врата. Торжество посвящения совершил Иеремия соборно, повторив опять над избранным весь чин рукоположения епископского, ибо сугубая благодать нужна была высшему пастырю Церкви. Потом оба патриарха сели рядом на возвышенном амвоне, и государь вручил драгоценный посох Иову, вместе с богатой мантией и белым клобуком, украшенным камнями. Царская трапеза ожидала в палатах Первосвященителей, и сам конюший боярин Борис Годунов водил коня под новым Патриархом, когда тот поехал, по обычаю, благословлять весь город вокруг стен. Через несколько дней Иов, в присутствии Иеремии, поставил архиепископов: Александра новгородского и Варлаама ростовского в *митрополиты* тех епархий. Поставлены были потом митрополитами: епископ Геласий крутицкий, как наместник патриаршей области, и архимандрит Преображенского монастыря в Казани, Гермоген, казанским. Наряду с этими четырьмя митрополиями, шесть епископств были возвышены в *архиепископии*: вологодское, суздальское, нижегородское, смоленское, рязанское и тверское. По повелению царя все эти

события и поставления были записаны на пергаменте. Грамата была скреплена царскою и двух патриархов печатями и подписями русских и греческих архиереев. Иеремию сопровождали в Москву митр. монемвасийский (или Мальвазийский) Иерофей и архиепископ элассонский Арсений, оставившие записки об этой поездке в Москву. При наступлении весны отбыл патриарх Иеремия с великими дарами, обещав вскоре прислать утвердительную грамату. Цар отправил с ним грамату султану, в которой писал: «Ты-б, брать наш Мурат салтан, патриарха Иеремию держал в своей области и беречь велел пашам своим так же, как ваши прародители патриархов держали в береженьи, по старине во всем; ты-б это сделал для нас».

В июне 1591 г. прибыл в Москву митрополит терновский Дионисий Ралли. Он привез утвержденную грамату на Московское патриаршество. Иеремия писал Иову: «Послали мы твоему святительству соборную совершенную грамату; будешь иметь пятое место под Иерусалимским патриархом». Послание его заканчивалось просьбой помочь построению церкви и патриаршеского дома. «А мы, кроме Бога да святого царя, надежды ни от кого не имеем, патриаршества Цареградского не может никто воздвигнуть и устроить попрежнему, кроме святого царя». Посланы были богатые дары государем, Иовом и Годуновым.

Собор в Царьграде, вынесший постановление о Московском патриаршестве состоялся в 1590 г. Но на нем отсутствовал, особо почитаемый, Александрийский патриарх Мелетий Пигас. В 1593 г. собор в Константинополе, с участием Мелетия, подтвердил установление Московского патриаршества, поставление главы которого предоставлялось собору русских епископов. Не удовлетворена была настойчивая просьба царя о предоставлении русскому патриарху третьего места, уступая Александрийскому только по титулу его Судии Вселенной. Московский патриарх следовал за Иерусалимским.

Учреждение патриаршества не произвело никаких существенных перемен в правах русского первосвященителя. Общий иерархический строй Церкви остался таким же, каким

был при митрополитах. Вся разница сводилась лишь к тому, что он сравнился с другими православными патриархами по своей самостоятельности, и по преимуществам его иерархической чести. Прежние богослужебные преимущества первосвященника – белый клобук и саккос (с 1675 г.) – перешли ко всем митрополитам нового патриархата. Патриарх стал от них отличаться крестом на митре и на клобуке, бархатной цветной мантией с образами на скрижалях, саккосом с нашивной епитрахилью, преднесением пред ним креста и в церковных ходах свечи. Во время служения он облачался среди церкви, тогда как прочие сослужившие ему архиереи – в алтаре. Один только он садился на горнее место, наконец один только причащался сам, прочие же архиереи принимали причащение из его рук. В своей административной деятельности патриарх окружал себя большой пышностью и величием, в особенности по успокоении России от смут при царе Михаиле Феодоровиче. Прежде все дела по церковному управлению митрополиты поручали вести разным доверенным лицам. Теперь место этих лиц заступают целые учреждения – *приказы* на подобие царских. Состояли каждый из них из боярина, дьяков и подъячих. Дела решались по докладу патриарху. Таких приказов в течение почти всего XVII века было три: 1) *судный, или разряд*, заведовавший судебной частью. После 1667 г. в нем образовалось отделение специально для духовного суда под именем духовного приказа, состоявшее под начальством доверенного духовного лица или судьи. 2) *казенный*, ведавший всякие церковные сборы патриарха. 3) *дворцовый*, заведовавший вотчинами и домовым хозяйством патриаршего дома. К концу XVII в. явился еще четвертый приказ – *церковных дел* – по делам церковного благочиния. По примеру патриарха стали заводить у себя приказы и другие архиереи. Но в епархиях заводились обыкновенно только по два приказа, – духовный для епархиального управления и суда и казенный, сосредоточивавшийся около личности архиерейского казначея.

Отдельного от Новгорода епископа получил древний Псков (позднее архиепископа). В 1602 г. открыта была епархия астраханская с званием архиепископии, с 1667 г. получившая

звание митрополии. В 1621 г. учреждена архиепископия сибирская в Тобольске. В 1667 г. открыта была епархия белгородская, в 1672 г. нижегородская с званием митрополии, в 1682 г. епархии устюжская и холмогорская с званием архиепископии, и тоже название тогда получила епархия вятская, открытая в 1658 г., а суздальская архиепископия наименована митрополией «ради древнего великого княжения суздальского». В 1682 г. посвящены епископы: воронежский и тамбовский. К концу патриаршества значились: одна патриаршая епархия, 13 митрополий, 7 архиепископий и 2 епископии.

Патриархи в смутное время

«Чудны судьбы Божии», писал церковный историк, архиеп. Филарет: «Патриаршество явилось в Церкви русской в такое именно время, когда власть патриарха все более могла быть полезной для Церкви и отечества. Разумею страшное время самозванцев, когда в волнах безначалия и чужеземной власти совсем готова была погибнуть Россия, и когда личность патриарха, пользовавшегося самым высоким уважением в России, почти одна направляла действия народа к спасению России».

Первый патриарх *Иов* был человек уже заслуженный в иерархии. Он был родом из посадских людей г. Старицы, здесь принял монашество и был последовательно настоятелем монастырей Старицкого, Симонова, Новоспасского. С 1581 г. он святительствовал сначала в Коломне, потом в Ростове. В 1587 г. стал митрополитом.

Митрополит Макарий пишет: «Чем же обратил на себя *Иов* такое внимание верховной власти? По свидетельству его биографии, он был собою весьма благообразен и «прекрасен в пении и во чтении, яко труба всех веселя и услаждая»; имел необыкновенную память, знал наизусть всю псалтирь, евангелие и апостол; без книги совершал всю литургию св. Василия великого, без книги, на память, читал не только евангелия, но и все молитвы во время крестных ходов на Богоявление, 1 августа и в другие дни; без книги читал даже длинные молитвы в день пятидесятницы, и чтение его в это время было до того умирительно, громогласно и доброгласно, что все, вместе с ним, плакали. К тому же он был великий постник и никогда не пил вина, а только воду; любил ежедневно совершать литургию, и только, когда изнемогал, давал себе отдых на день или на два; никого не обижал и не оскорблял, всех миловал и прощал. Вообще же был он «муж, нравом, и учением, и благочинием, и благочестием украшен... Во дни его не обретется человек, подобен ему, ни образом, ни нравом, ни гласом, ни чином, ни похождением, ни вопросом, ни ответом».

Святейший усердно занялся устройством Церкви в ее новом положении, заботился об успехах христианской миссии, об исправлении богослужебных книг, о благочинии среди духовенства, особенно безместного и крестового. Он поддерживал всегда близкие отношения с Борисом Годуновым, при царе Феодоре правившим государством, после же его смерти избранным Земским Собором царем (1598).

Во время патриаршества Иова преставился в Угличе восьмилетний *царевич Димитрий*, сын царя Иоанна IV Грозного от последней жены его Марии Нагой (брак этот был седьмым). Он найден был 15 мая 1591 г. во дворе терема с перерезанным горлом. Следователи, с участием боярина Василия Шуйского, производившие расследование в Угличе, признали, что царевич закололся сам в припадке падучей, которой он действительно страдал. Жители Углича считали его убитым, что признала и Церковь. Как в Угличе, так и в Москве твердо установилось мнение, что убийство совершено было по приказанию Годунова. Такого мнения придерживался историк Карамзин, признавал убийство им историк Соловьев. В последнее же время историк Платонов оспаривал это мнение.

В том же 1591 г. крымский хан Казы Гирей появился под самой Москвой. Приняты были военные меры для обороны столицы, и страх охватил ее жителей. Спокоен был только великий молитвенник царь Феодор. Он повелел поднять икону *Донской Божией Матери*, которая некогда сопровождала вел. кн. Дмитрию Донскому на побоище Мамаевом на Куликовом поле. Патриарх Иов, после молебствия, вручил образ духовному собору, чтобы нести вокруг стен и поставить в походной церкви пр. Сергия среди ратного стана у самых врат столицы. Целый день бились, под начальством кн. Феодора Ив. Мстиславского (в товарищах у него был Борис Годунов), со стен и под стенами Москвы. Волнение продолжалось в городе. Царь же, уповая на заступничество Владычицы, спокойно заснул под шум воинской брани, сказав: «завтра не будет врага». Действительно хан, испуганный вестью о приближающейся помощи, бежал, оставив по себе богатую добычу. На том месте, где стояла походная шатровая церковь, воздвигнут был,

усердием царя Феодора, монастырь во имя Донской Божией Матери.

Царь Феодор скончался 7 января 1598 г. В понимании современников, он был, как пишет Ключевский: «блаженный на престоле, один из тех нищих духом, которым подобает царство небесное, а не земное, которых Церковь так любила заносить в свои святцы...». «Благоюродив бысть от чрева матери своея и ни о чем попечения имея, токмо о душевном спасении», так отзывается о Феодоре близкий ко двору современник князь И. М. Катырев-Ростовский. По выражению другого современника, в царе Феодоре мнишество было с царством соплетено без раздвоения и одно служило украшением другому. Его называли «освятованным царем», свыше предназначенным к святости, к венцу небесному». (Ключевский). С ним прекращалось потомство св. кн. Даниила московского и его сына Иоанна Калиты¹⁹). Земский Собор 17 февраля избрал царем Бориса Феодоровича Годунова.

Столь успешно правивший государством при Феодоре, Борис, став царем, испытал много невзгод. Появились болезни, разразились стихийные бедствия, вызвавшие сильный голод. В русских землях Польши, при дворе кн. Адама Вишневецкого, появился неизвестный человек, объявивший себя царевичем Димитрием, чудесно спасшимся. В 1604 г. самозванец выявился открыто. Самозванцу оказана была поддержка польскими панам и, в особенности, иезуитами. Кем он был в действительности до сих пор осталось невыясненным. Имеется даже предположение, что детство он провел в московском государстве и воспитывался боярской группой, противной Годунову и внушавшей ему, что он действительно спасенный царевич. Ключевский пишет, что мысль о самозванце, вероятно, была высижена в гнезде наиболее гонимого Годуновым боярства. «Винили поляков, что они его подстроили; но он был только испечен в польской печке, а заквашен в Москве». Позднее он был переброшен в Польшу, откуда легче могло начаться движение против Годунова. В Москве он был объявлен беглым монахом Чудова мон. Григорием Отрепьевым.

Самозванец для большего успеха в своем предприятии принял латинскую веру, которую обещал ввести во всей России.

Патриарх Иов, понимавший какая опасность грозит от Польши Церкви и государству, как только дошел до Москвы слух о появлении самозванца, со всею твердостью восстал против него и употреблял все средства остановить зло в самом начале. Он посылал грамоты в Польшу и в разные места России с увещанием не верить Лжедмитрию, предал его анафеме, велел во всех церквях читать особую грамоту о прежней жизни Отрепьева, и предавал проклятию всех, кто будет стоять за него. Внезапная смерть Бориса и измена, ранее преданного последнему, воеводы Петра Фед. Басманова, резко изменило положение в пользу самозванца. Бояре, сначала присягнувшие сыну Бориса, юному *Феодору*, свели его с престола, перевели с матерью в прежний дом Бориса Годунова, и затем зверски убили их. Бояре, единомышленники приближавшегося к Москве самозванца принесли ему присягу. Тщетно патр. Иов обличал их в Успенском соборе. Сторонники Лжедмитрия вторглись в храм и совлекли с Иова святительские одежды. Патриарх, сложив с себя панагию к образу Владычицы, с твердостью произнес: «Владычице Богородице! здесь возложена на меня панагия святительская, с нею исправлял я слово Сына Твоего и Бога нашего и 18 лет хранил целостность веры. Ныне, ради грехов наших, как вижу, бедствует царство, обман и ересь торжествуют. Спаси и утверди православие молитвами к Сыну Твоему».

На него надели черную рясу, позорили на площади и повезли в телеге в Старицкий монастырь. После этого и было совершено убийство *Феодора*.

В 1605 г. Лжедмитрий вступил в Москву. Он, без собора святителей, назначил патриархом грека *Игнатия*, ранее архиепископа кипрского, затем рязанского, первого из русских архиереев приветствовавшего его в Туле, входившей в рязанскую епархию. Самозванец послал *Игнатия* в Старицу испросит благословения у старца Иова. Но твердый посреди гонений, зная склонность *Игнатия* к латинству, он отказал в благословении, сказав: «по ватаге атаман, по овцам пастух». Для большего свидетельства о мнимом родстве с царем

Иоанном, Лжедимитрий вызвал из заточения, насильно постриженных при Годунове, *Филарета* (Феодора) и Марфу (Марию) Романовых. По желанию самозванца Филарет был посвящен митрополитом в Ростов. Лжедимитрий и года не продержался на престоле. Его не взлюбили за то, что он вел связи с иезуитами, окружил себя поляками и немцами, не соблюдал постов и исконных русских обычаев, пропускал богослужения. В народе усиливались слухи, что он самозванец. Ропот особенно усилился после свадьбы Лжедимитрия с полькой Мариной Мнишек, происшедшей под Николин день (9 мая) и пятницу. Митрополит казанский Гермоген и митр. коломенский Иосиф требовали предварительного крещения Марины, за что первый был отослан в свою епархию. Василий Шуйский сумел использовать народное недовольство и в ночь на 17 мая 1606 г. поднял восстание, во время которого Лжедимитрий был убит. Игнатий лишен был святительского сана. Боярами и московской толпой провозглашен был царем *Василий Шуйский*, потомок удельных князей. Патриарх Иов приезжал в 1607 г. в Москву, о нем речь будет ниже. В 1607 г. он преставился, до этого ослепнув. В 1652 г. тело его было перевезено в Успенский собор.

Патриархом был избран митрополит Казанский *Гермоген*, посвященный русскими епископами в Успенском соборе по чину поставления патриарха Иова. Игнатий до 1611 г. пребывал в заточении в Чудовом мон., откуда бежал в Литву, где принял унию, к которой был склонен и раньше, учившись в Риме, и умер в 1640 году.

Патриарх Гермоген родился около 1530 г. в приволжских или придонских местах. В молодости он служил клириком в казанском Спасо-Преображенском мон. под руководством основателя обители св. Варсонофия. В 1579 г. он был священником в Казани при церкви св. Николая в Гостинном ряду. В этом именно году в его присутствии произошло явление и обретение чудотворной иконы *Казанской Божией Матери*. На своих руках он отнес святыню в ближайший храм св. Николая (8 июля). Приняв иночество, он был поставлен в архимандриты Преображенского м. в 1582 г. Казанским митрополитом он был

посвящен в мае 1589 г. При нем перенесены были мощи св. Германа из Москвы в Свияжск и произошло открытие мощей свв. Гурия и Варсонофия. Он обращал особое внимание на печальное состояние новопросвещенной паствы в религиозно-нравственном отношении. В 1591 г. он созывал эту паству в соборную церковь и, в продолжении нескольких дней, поучал их от божественного Писания, как подобает жить христианам. Находясь в Москве на соборе, обсуждавшем по предложению Лжедмитрия вопрос о браке его с Мариной, св. Гермоген ответил: «не подобает христианскому царю брать некрещенную и вводить во святую церковь и строить римские костелы. Не делай так, царь, потому что никто из прежних царей так не делал, а ты хочешь сделать». За это и подвергся Гермоген высылке в Казань. В самом начале его патриаршества состоялось перенесение мощей св. царевича Димитрия из Углича в Архангельский собор в Москве.

Смута не прекращалась. В средней России восстали города Орел, Тула, Рязань. С трудом были разбиты тамошние мятежники под начальством Ивана Болотникова и кн. Григория Шаховского. Патриарх Гермоген вызвал из Старицы патр. Иова и 20 февраля 1607 г. в соборе Успенском открылось трогательное зрелище. Слепой, в иноческой рясе, стоял рядом с патр. Гермогеном патр. Иов, и внимал покаянию народному, изложенному в грамоте царской, которую громогласно читали с амвона. В грамоте от имени народа излагалось исповедание измен, клятвопреступлений, убийств, поруганий святыни и других грехов, начиная со смерти царя Феодора Иоанновича. Заканчивая упоминанием о том как они присягнули Лжедмитрию, который лютостью отторгнул его, пастыря, от его словесных овец, составители грамоты просили патриарха Иова простить и разрешить им все эти преступления и измены, и не только им, москвичам, но жителям всей России, и тем, которые уже скончались. По прочтении этой челобитной патриархи Иов и Гермоген приказали архидиакону прочесть с амвона разрешительную грамоту. После этого Шуйскому пришлось доканчивать борьбу с оправившимся Болотниковым,

окончательно разбитым только в октябре 1607 г. под Тулой. Но к этому времени разгорелась еще большая смута.

В августе 1607 г. в Стародубе объявился *новый самозванец*, заявивший, что он царь Димитрий, сумевший спастись во время переворота в Москве. Человек совершенно неизвестного происхождения, ловкий, то наглый, то трусливый, без всяких нравственных устоев, – он правильно был, в отличие от первого самозванца, назван «вором». Но сторонников он нашел. Вор нужен был полякам, желавшим ослабления России. Король *Сигизмунд III* оказывал ему поддержку. В стане вора появились и проходимец пан *Лисовский* и один из польских аристократов, вечно пьянствующий, пан *Ян-Петр-Сапега*. К новому самозванцу примкнули многие запорожцы, несколько тысяч донских казаков, под начальством западно- русского уроженца *Заруцкого* и большое число голытьбы и недовольных порядками в московском государстве и в польской Малороссии. Царь Василий Шуйский был нелюбим народом. Вследствие этого, вор быстро одерживал успехи и в июне 1608 года стал станом в с. Тушине в 12 вер. от Москвы. Среди самих бояр оказались сторонники Тушинского вора, перешедшие к нему в стан. Шайки самозванца – поляки и прочие – расползлись повсюду, грабя и убивая жителей. Особенным разорениям подвергались обители, храмы. Уничтожались древняя иконы, гбли, имевшая огромное историческое значение, монастырские летописи. Осаждена была *Троицко-Сергиева Лавра*. Жители северных городов составляли дружины для борьбы с бандами вора. Последнему удалось захватить Марину Мнишек, которая, привезенная в Тушино, признала самозванца своим мужем.

В это время царь Василий отправил племянника своего, кн. *Михаила Скопин-Шуйского*, в Новгород для руководства верными людьми русского севера и для приглашения ратной помощи от шведов. То и другое удалось юному, способному и храброму князю, пользовавшемуся общей любовью. Шведам он понравился также и с ним к Москве двинулся шведский отряд под начальством, тоже молодого, но опытного воина *Якова Делагарди*. Но продвигаться, борясь с бандами, приходилось медленно. В Москве же обнаружилось в феврале 1609 года

враждебное движение против царя Василия. Тогда же заговорщики силой выволокли патриарха Гермогена на Лобное место, толкали его, обсыпали песком и сором, хватали за грудь, крепко трясли и требовали, чтобы он высказался за низложение царя. Но крепкий духом Святитель, хотя не любил и не уважал хитрого и часто лживого, в своей прежней жизни, Василия Шуйского, тем не менее, непоколебимо стоял за него, как за Помазанника Божия, единственно поддерживавшего порядок в расшатавшемся государстве. Он не поддался угрозам заговорщиков, которые вынуждены были оставить его в покое. Твердость проявил и сам царь, назвав их клятвопреступниками. Заговорщики, видя, что народ их не поддерживает, убежали в Тушино.

Патриарх отправлял им туда грамоты с предложением покаяться и вернуться под власть царя. В последней грамоте он писал: «Бывшим братьям нашим, а теперь не знаем, как и назвать вас, потому что дела ваши в наш ум не вмещаются, уши наши никогда прежде о таких делах не слыхивали, и в летописях мы ничего такого не читывали; – кто этому не удивится, кто не восплачет? Слово это пишем не ко всем, но к тем только, которые, забыв смертный час и страшный суд Христов и преступив крестное целование, отъехали, изменив государю царю и всей Земле, своим родителям, женам и детям и всем своим ближним, особенно же Богу; а которые взяты в плен, как Филарет митрополит и прочие, не своею волею, но силою, и на христианский закон не стоят, крови православных братьев своих не проливают, таких мы не порицаем, но молим о них Бога». В это время в Тушине находился *митр. Филарет (Романов)* ростовский, насильно привезенный туда сторонниками вора. Об этом будет сказано в дальнейшем.

Одно время положение царя Василия окрепло. При приближении кн. Скопина-Шуйского и Делагарди к Москве Лжедмитрий II бежал тайно в Калугу и 12 марта 1610 г. Москва с великим торжеством встречала своего освободителя, 23-летнего князя Михаила. Народ падал перед ним ниц и называл его отцом отечества. Опасность грозила теперь с другой стороны. Сигизмунд III начал войну с Россией, осаждал

Смоленск и двинул на Москву гетмана *Станислава Жолкевского*. Сразиться с последним предстояло Скопин-Шуйскому. Но его славе завидовал брат царя Василия, кн. Димитрий Шуйский, надеявшийся быть преемником бездетного государя. Скопину же рязанцы и теперь предлагали занять престол, что он с негодованием отверг. Князь Михаил неожиданно заболел после крестин у кн. Ивана Воротынского и через две недели – в начале мая 1610 г. – умер. Народная молва считала, что на крестинах отравила его жена Димитрия Шуйского, Екатерина, дочь Малюты Скуратова. Выступивший против Жолкевского князь Димитрий Шуйский, бездарный и ненавидимый ратниками, был разбит 24 июня под *Клушиным*. Поляки подошли к Москве. С другой стороны к ней подходил вор. Тогда – 17 июля – вспыхнул в Москве мятеж, вожаком которого был рязанец Захарий Ляпунов, поддержанный другими. Толпа ворвалась во дворец. Ляпунов потребовал от Василия сложить царское звание. Тот грозно прикрикнул на мятежника. На время царя покинули. Захватив силой патриарха Гермогена, заговорщики подняли против царя народ. Все уговоры патриарха не имели успеха. С этого соборища явился к Василию, его свояк, кн. Воротынский, объявил ему решение народа и просил его оставить царство, чему тот подчинился, переехав в свой прежний боярский дом. Патриарх требовал возвращения Василия на царство. Зачинщики бунта, опасаясь этого, и руководимые тем же Захарием Ляпуновым, потребовали от Шуйского немедленного пострижения. Когда же тот решительно отказался, то, приведенная бунтовщиками группа монахов Чудова мон., 10 июля насильно постригла Василия. Ляпунов с сообщниками держали его в руках, а князь Тюфякин давал за Василия обеты пострижения. Царь же не переставал кричать: «несть моево желания и обещания к постриганию». Патриарх признал это пострижение недействительным и заявил, что монахом стал Тюфякин, а не Шуйский. Тем не менее последнего заключили в Чудов мон. Затем постригли его жену.

«Свержение Московского Государя», писал историк Платонов, «было последним ударом Московскому государственному порядку. На деле этого порядка уже не

существовало; в лице же Царя Василия исчезал и его внешний символ. Западные окраины государства были в обладании иноземцев, юг давно отпал в «воровство»; под столицей стояли два вражеских войска, готовых ее осадить. Остальные области государства не знали, кого им слушать и кому служить». Надо пояснить, что после сражения под Клушином шведы были пропущены поляками домой. По дороге они заняли Новгород.

Во главе государства оказалась Боярская Дума, с князем Феодором Мстиславским. В Москве возник вопрос: кто же должен быть царем? Патриарх Гермоген был за избрание царя из русских людей: или кн. Василия Голицына, или сына митр. Филарета, 14-летнего *Михаила Феодоровича Романова*. Но тогда среди москвичей был так силен страх перед шайками вора, которые могли ворваться в столицу, что выдвинулся сильно вопрос о царе из иностранцев. К этому склонялась и часть боярства, которая, еще из Тушина, вела переговоры с Сигизмундом. Они добились того, что Жолкевский, отбивший с боярами вора, 21 сентября вступил в Москву. С того времени сильно подвинулся вопрос о приглашении царем сына Сигизмунда, царевича Владислава. Патриарх с большой неохотой согласился на это, поставив непременно условием обращение Владислава в православную веру. С таким наказом уехало под Смоленск к польскому королю посольство, главными участниками которого были *митр. Филарет*, *кн. Василий Голицин* (их отсутствие в Москве особенно устраивало Жолкевского) и келарь Троицкой Лавры *Аврамий (Палицын)*. Отпуская посольство, патриарх «митрополита (Филарета) и бояр благословяше и укрепляше, чтобы постояли за православную, за истинную христианскую веру, ни на какие бы прелести бояре не прельстились». Митрополит же Филарет дал ему обет умереть за православную за христианскую веру. Филарет должен был требовать, чтобы королевич немедленно крестился у него и у смоленского епископа Сергия.

Умный и опытный в политике Жолкевский сумел установить хорошие отношения в Москве. Но вскоре он ее покинул, передав командование Гонсевскому. Отбывая под Смоленск, он увез с собою царя Василия Шуйского с братьями. Предвидя это,

патриарх заранее настаивал на отправке Шуйских в Соловки, до которых иноземцы не добрались. Василий Шуйский, привезенный в стан короля, заявил: «Не довлеет Московскому царю поклониться королю; то судьбами есть праведными и Божиими, что приведен я в плен; не вашими руками взят бых, но от Московских изменников, от своих раб отдан бых». Сигизмунд отказался отпустить сына на предложенных условиях и вскоре посольство убедилось, что он сам желает быть русским царем. Сигизмунд начал отдавать распоряжения, награждал бояр и других неверных людей. Добился он и того, что посольство постепенно распалось. Но главные послы – митр. Филарет и кн. Голицын держались крепко, заявив, что никаким указаниям от боярской власти в Москве подчиняться не будут, если они не будут подкреплены приказанием патриарха. В Москве же в это время приобрели большое значение сторонники Сигизмунда. Но тверд был патриарх Гермоген, понявший планы короля-иезуита. Он поддерживал стойкость надежных послов и вскоре весь, не утративший преданности вере и отечеству, народ понял, что единственной его опорой является патриарх. За отсутствием государя, он стал *«начальным человеком Земли Русской»*.

В декабре 1610 г. под Калугой, во время охоты, татарская стража, под начальством Петра Урусова, убила Тушинского вора. Событие это развязало руки тем русским людям, которые, до известной степени, мирились с поляками, опасаясь власти вора. С этого времени начала зарождаться мысль о создании народного ополчения против поляков. Это вполне отвечало и желаниям патриарха Гермогена. Он во второй половине декабря 1610 г. стал рассылать грамоты по городам, в которых объявлял об измене короля, разрешал всех от присяги королевичу и призывал, чтобы «собрався все в збор со всеми города, шли к Москве на Литовских людей». Первым на призыв Святителя отозвался *Прокопий Ляпунов*, во главе своих рязанцев. По призыву св. Гермогена, поднялись также жители Нижнего-Новгорода и Ярославля. Ярославцы писали в Казань: «Совершилось нечаемое – святейший патриарх Гермоген стал за православную веру неизменно и, не убоясь смерти,

призвавши всех православных христиан, говорил и укрепил, за православную веру всем велел стоять и помереть, а еретиков при всех людях обличал, и еслиб он не от Бога был послан, то такого дела не совершил бы, и тогда кто бы начал стоять? Еслиб не только веру попрали, но еслиб даже на всех хохлы²⁰⁾ поделали, то и тогда никто слова не смел бы молвить, боясь множества Литовских людей и русских злодеев, которые, отступя от Бога, с ними сложились. И в города патриарх приказал, чтобы за православную веру стали, а кто умрет, будут новые страстотерпцы, и, слыша это от патриарха и видя своими глазами, города все обослались и пошли к Москве.»

Сторонники Сигизмунда, опираясь на Гонсевского, пробовали уговорить патриарха написать королю и предложить русским людям не двигаться на Москву. Святитель ответил, что писать Сигизмунду готов, но с тем, чтобы обусловить признание Владислава крещением его по православному обряду и выводом из Москвы литовских людей. Михаил Салтыков пришел в ярость и замахнулся ножом на патриарха. Тот осенил изменника боярина крестным знаменем и громко сказал: «Крестное знамение да будет против твоего окаянного ножа, будь ты проклят в сем веке и в будущем». Мстиславскому же святитель изрек: «Твое дело начинать и пострадать за православную христианскую веру; если же прельстишься на такую дьявольскую прелесть, то преселит Бог корень твой от земли живых».

В январе 1611 г. озлобленные поляки напали на патриарший двор, разграбили его. Слуги разбежались и, как писал Святитель в Нижний Новгород, писать было у него некому. Но и прежняя грамоты патриарха производили свое действие. В отдельных городах составлялись ополчения с лозунгом: «Пойдем, умрем за святые Божия церкви и за веру христианскую». Ляпунову удалось сговориться о совместных действиях с бывшими тушинцами кн. Димитрием Трубецким и Иваном Заруцким, тоже двинувшимися к Москве. Поляки и их русские приспешники понимали, что душой всего этого движения является патриарх. В марте 1611 г. Салтыков и Гонсевский явились к патриарху. «Это ты по городам посылал

граматы», говорил ему Салтыков, «ты приказывал всем собираться да итти на Москву. Отпиши им, чтобы не ходили». Патриарх безбоязненно отвечивал: «Если ты, все изменники и поляки выйдете из Москвы вон, я отпишу к своим, чтобы вернулись. Если же вы останетесь, то всех благословляю помереть за православную веру. Вижу ея поругание, вижу разорение святых церквей, слышу в Кремле латынское пение и не могу терпеть». Заговорил тогда Гонсевский: «Ты, Гермоген, главный заводчик сего возмущения. Тебе не пройдет это даром. Не думай, что тебя охранит твой сан». После этого патриарх заключен был под стражу. К нему не пускали ни мирян, ни духовенство и обходились жестоко и безчинно. Но в вербное воскресенье, 17 марта, его выпустили для совершения обычного шествия на ослати. Опасаясь народного возмущения, Гонсевский расставил по пути свои полки. Через два дня, на Страстной неделе, действительно, вспыхнул мятеж. Злою смертью грозили Святителю изменники. «Боюсь Единого живущего на небесах», отвечал им патриарх: «Вы мне сулите злую смерть, а я через нее надеюсь получить венец небесный и давно желаю пострадать за правду». Народное ополчение ворвалось в Москву, при чем особенно отличился и был тяжело ранен кн. Димитрий Пожарский. Два дня продолжалось в столице кровопролитие, пока поляки, не имея сил одолеть русских, зажгли Москву в разных местах, и выжгли ее совершенно, кроме Кремля и Китай-города, где они скрылись от огня и отбились. На сожженных развалинах столицы поляки неистовствовали, разоряя церкви, рассекая мощи, обдирая оклады с икон.

Патриарх в это время находился уже в полном заключении в Чудовом мон. На место его извели из того же монастыря лжепатриарха Игнатия и заставили его служить в Пасху. Святителя же Гермогена объявили низложенным. Еще из заключения патриарх написал грамоту нижегородцам, через пробравшегося к нему, верного и ранее, свияженина Родиона Мосеева. В этой грамоте, отправленной в августе 1611 г., Святитель запрещал признавать царем сына Марины, ободрял восставших за отечество обещанием венцов небесных в

будущем веке и, как бы предчувствуя, что это его последнее слово к русским людям, передавал нижегородцам власть собирать от городов грамоты, удостоверяющие в общем единодушии. Он повелел им быть главой ополчающихся за Родину, приказывал посылать во все города послов и говорить везде от его патриаршего имени. Нижний Новгород и явился вскоре основоположником нового прочного народного ополчения. Первое распалось летом 1611 г., когда казаки Заруцкого, поверив подброшенной им грамоте Прокопия Ляпунова, составленной Гонсевеком, убили его на своем круге. Патриарх Гермоген мученически скончался 17 февраля 1612 г. от голодной смерти. Прославление св. мощей его состоялось в 1913 году. Церковь, без патриаршего сана, возглавил рязанский митр. Ефрем.

Служение Церкви и Родине духовенства в смутное время

Пример Святителя Гермогена вдохновил архипастырей и пастырей. Большое мужество проявил тогдашний *митр. Филарет* (Романов) в Ростове и, в качестве посла, под Смоленском. *Митр. Исидор* удерживал от измены новгородцев и много пострадал от шведов, захвативших Новгород. Софийский протопоп Амос отбивался в своем дворе и был убит. Архиепископ *Феоктист тверской* удерживал свою паству в верности Василию Шуйскому и затем был замучен поляками, взявшими его в плен. Владыку *Иосифа коломенского* Лисовский приковал к пушке. Исключительную стойкость в осажденном Смоленске проявил *архиеп. Сергей*. Когда в начале июня Смоленск пал, то Сигизмунд подвергнул пытке доблестного защитника его, Шеина, а затем его и владыку Сергия в узах отправил в Польшу. Еп. суздальский *Галактион* скончался в изгнании, не желая молиться за самозванца. Владыка *Геннадий псковский* посылал крестьян своих и монастырских остановить мятеж и не пережил измены своего города. Владыка *Феодосий астраханский*, выступавший против «Лжедмитрия, едва не был убит астраханцами; позднее, он, привезенный в Москву, в лицо обличал самозванца. Митрополит *Ефрем Казанский* благословлял патриотическое дело *кн. Димитрия Пожарского* и *Космы Минина*, создавших второе народное ополчение в Нижнем-Новгороде, обосновавшееся потом в Ярославле. Ближайшим помощником Минина в его почине был нижегородский протопоп Савва. Дело это горячо поддерживал и архимандрит тамошнего Печерского мон. *Феодосий*. Митрополит *Кирилл Ростовский* был духовным руководителем и миротворцом ополчения. Митрополиты *Ефрем*, *Кирилл*, *Иона сарский* и *Феодорит рязанский* принимали большое участие в Земском Соборе, который, после трехдневного поста, 21 февраля 1613 г., в Неделю Православия, избрал на царство Михаила Феодоровича Романова, сына митрополита *Филарета*, томившегося в польском плену. *Архиеп. Феодорит* возглавлял

посольство, отправленное в Ипатьевский мон., и пламенное слово владыки убедило инокиню Марфу благословить на царство своего сына.

Преп. Галактион Вологодский, сын боярина Бельского, приковавший себя цепью к стене в своем затворе. Он предсказал, что Вологда будет разорена поляками. Последние нанесли ему увечия, от которых он умер через три дня. Убит был поляками и *пр. Евфросин прозорливец Синоозерский*, предсказавший жителям Устюжны приход поляков и убеждавший их держаться твердо. В келлию *пр. Иринарха, затворника Ростовского* ворвались поляки и русские изменники. «Я в русской Земле родился и крестился, за русского царя Василия и молюсь» – безбоязненно заявил им святой. Даже поляки относились к подвигам Иринарха с уважением. Ян Сапега, которому он советовал воротиться в свою землю и не воевать Россию, не велел трогать Борисоглебского монастыря. По пророчеству *пр. Иринарха*, кн. Скопин-Шуйский отбил того же Сапегу от Калязина. И весь победоносный поход Скопина к Москве совершался с благословения преподобного, посылавшего князю освященную просфору и святыя слова: «Дерзай, не бойся, Бог тебе поможет». Укрепил веру Скопина крест, полученный им от затворника в Переяславле. Этим своим родительским «поклонным» медным крестом *пр. Иринарх* благословил позднее и кн. Пожарского. Во Пскове обличал изменников во время осады города дивный затворник Иоанн.

Большия заслуги государству в смутное время оказали и видные *монастыри*. Кириллов мон. пять лет отбивался от нападения врагов. Спасо-Прилуцкий мон. отдал отечеству всю свою казну. Отбивался от поляков в Боровском мон. воевода кн. Михаил Волконский, по прозванию Хромой, и пал у раки *пр. Пафнутия*. Крупную сумму прислала *Соловецкая обитель*. Настоятель последней так заканчивал свое письмо шведскому королю, предлагавшему на московское царство королевича Филиппа: «А у нас в Соловецком мон. и сумском остроге и по всей Поморской области тот же совет единомышленный: не хотим никого иноверцев на Московское государство царем и

великим князем, опричь своих прирожденных бояр Московского государства». На страже Соловецкой обители стояли твердо игумен Антоний и его преемник Иринарх.

Более же всех прославила себя *Троицко-Сергиева обитель*. Ею пожертвовано было государству 65000 руб. и множество ценных вещей. Часть денег послана была в Москву в то время, когда сама обитель терпела осаду от поляков, осадивших ее 23 сентября 1608 г. под начальством Сапеги и Лисовского. Вначале у них было 30000 человек войска, потом сокращавшегося для рассылки отрядов в другия места. Обитель защищали ратные люди в числе 1300 человек и двести иноков. Архимандритом монастыря был доблестный старец Иоасаф. Защищали обитель воеводы кн. Григорий Роща-Долгорукий и дворянин Алексей Голохвастов. Архимандрит привел воевод и всех ратных людей к присяге у гроба пр. Сергия, что они будут биться крепко и «без измены» против врагов Православия и Отечества, и затем повелел непрестанно совершать богослужение и петь молебны преподобному. В ответ на грамоту поляков последовала грамота из обители: «Да ведает ваше темное державство, что напрасно прельщаете Христово стадо, православных христиан. Какая польза человеку возлюбить тьму больше света и преложить ложь на истину: как же нам оставить вечную Святую истинную свою православную христианскую веру Греческого закона, и покориться новым еретическим законам, которые прокляты четырьмя вселенскими патриархами? Или какое приобретение оставить нам своего Православного Государя Царя и покориться ложному врагу, и вам Латыне иноземной, уподобиться Жидам или быть еще хуже их?» Еще до получения ответа, Сапега, отбитый смелой вылазкой из монастыря, с негодованием писал в Тушино вору про иноков, что эти «седатые» «граворонове, возгнездишася во гроб каменный» ... «паковствуют нам повсюду». Соловьев, отмечая тщетность увещаний и угроз поляков, пишет: «Монахи и ратные люди видели пред стенами своими не того, кто называл себя сыном царя Ивана Васильевича, – они видели пред стенами обители Св. Сергия толпы иноверцев, Поляков и Литву, пришедших поругать и расхитить церковь и сокровища

священные. Здесь дело шло не о том, передаться ли царю Тушинскому от царя Московского, но о том, – предать ли гроб великого чудотворца на поругание врагам православной веры. Троицкие сидельцы защищали не престол Шуйского только, но гроб Св. Сергия, и потому здесь измена не могла пересилить верности.»

Осада загнала в стены обители множество народа с женами и детьми из окрестностей, так что для них не доставало ни помещений, ни съестных припасов. Настала страшная зима без дров, с голодовкой и цингой. Но осажденные все это выдержали, подкрепляемые сильной верой в помощь пр. *Сергия*. Святой являлся пономарю Иринаруху и предупредил его, что «приступ будет зело тяжел», но чтобы защитники не ослабевали. Действительно поляки и «воры» 25 октября ночью пошли на приступ, но ничего не достигли и понесли большой урон. Когда же взошло солнце, то неприятель увидел на крепостных стенах духовенство в полном облачении, иконы и развевающиеся хоругви. Враги отступили со страхом в свой стан. Являлся пр. *Сергий* позднее архим. Иоасафу. Он предрек, что Господь не оставит осажденных помощью. В опасное время Св. Архангел Михаил явился Иоасафу и, грозя врагам, возвещал им: «Вскоре Всесильный Бог воздаст вам отмщение». Вследствие сильной смертности, к весне 1609 г. осталось менее трети защитников. Подходили к концу и огнестрельные запасы. Из Москвы смогли прислать порох (20 пудов), а также царь Василий 60 человек и, пребывавший во время осады в столице, келарь Авраамий Палицын – 20, из которых 4 попали в руки Лисовского и были убиты перед монастырской стеной. Только 12 января 1610 г. Сапега должен был снять осаду обители, вынужденный к этому, подходившим к столице, кн. Скопин-Шуйским. Осада длилась *16 месяцев*. Когда потом тушинцы осадили Москву, Троицкий монастырь открывал свои житницы и пускал в продажу хлеб по обыкновенной цене, подрывая этим своекорыстных торговцев, подымавших цены.

Архим. Иоасаф, изнуренный трудами, удалился в Пафнутиев мон., где был, в числе других, убит врагами, завладевшими обителью. Преемником его стал *Дионисий*,

архим. Старицкого Богородицкого мон. Уроженец г. Ржева, вдовый священник, он принял постриг в Старицком мон. Позднее, будучи в нем архимандритом, пользовался особой любовью патриарха Гермогена. Появляясь на народных собраниях бурлившей Москвы, он бесстрашно увещевал толпу стоять за Православие. Не смущали его и оскорбления, иногда выпадавшие на его долю. Когда он стал настоятелем Троицкой обители, Москва и ее окрестности были разоряемы поляками и казаками. Все дороги были переполнены ранеными, голодными и разоренными людьми. Кто имел силы, тот спешил найти себе приют в обители. Множество изувеченных валялось на пути или в окрестных рощах и умирало. Памятуя заветы пр. Сергия, Дионисий обратил его обитель в странноприимный дом и больницу для ратных людей. «Дом Святой Троицы не запустеет», говорил он со слезами братии, «если станем молиться Богу, чтобы дал нам разум: только положим на том, чтобы всякий промышлял, чем может». Началась кипучая работа: в обители и ее селах стали строить дома и избы для раненых и странников; больных лечили, а умирающим давали последнее напутствие; монастырские работники ездили по окрестностям, подбирая раненых и умирающих; женщины, приютившиеся в обители, неустанно шили и мыли белье живым и саваны для покойников. В то же время в келлии Дионисия сидели опытные писцы, которые писали увещательные грамоты городам и селам, призывая всех подняться с силами для очищения Русской Земли от литовских и польских людей, а также собственных воров. Обитель сумела наладить добрые отношения с казацким отрядом, – остатком первого ополчения, – под начальством кн. Дмитрия Трубецкого, стоявшим под Москвой угрозой занимавшим ее полякам.

Одна из грамот Троицкой обители, пришедшая в октябре 1911 г. в Нижний Новгород, вдохновила на подвиг *Козьму Минуна-Сухорука*, «говядаря» – торговца мясом, правившего должность земского старосты. Он подготовлен был уже грамотой патриарха Гермогена, пребывавшего в заточении, и чудесным явлением ему пр. Сергия. Созданное им и кн. *Димитрием Мих. Пожарским* народное ополчение, совершенно

отделившееся от казаков, которым не доверяло после убийства Ляпунова, обосновалось в Ярославле. Духовным вождем его был митр. Кирилл Ростовский. Пожарский находился в тесной связи с пр. Дионисием. Получив сведения, что литовский гетман Ян Ходкевич двинулся на помощь полякам, осажденным в Москве казаками, кн. Пожарский выступил из Ярославля к столице. По пути он, по русскому обычаю, посетил Спасо-Евфимиевский мон. в Суздали и помолился у гробов своих родителей. 14 авг. 1611 г. рать его с великой честью была встречена у стен Троицкого мон. После молебна у мощей прп. Сергия и Никона, архимандрит Дионисий благословил иконой Живоначальные Троицы ратных людей. «И обещавахуся все, что помереть за дом Пречистые Богородицы и за православную христианскую веру». 18 авг. ополчение двинулось. Сложен был вопрос о совместных действиях ополчения и казаков, начальствуемых кн. Трубецким (Заруцкий, подсылавший в Ярославль к кн. Пожарскому убийц, с приближением ополчения ушел со своими приспешниками в Рязанскую землю, взяв и Марину с сыном). Близкую связь с казаками поддерживал келарь *Аврамий Палицын*, умный, хорошо владевший словом и пером, но политически мало устойчивый во время смутного времени, чем отличался от твердого в своих убеждениях пр. Дионисия. Но в данный момент пригодилась его связь с казаками. Когда особенно нужна была помощь их ополчению, то он убедил казаков поддержать Пожарского, обещая за это дать им в заклад сокровища церковные, ризы, стихари, епитрахили. Казаки устыдились и решили помогать ополчению. Настало согласие, и общими усилиями Москва была взята 22 октября 1612, в память чего установлен был праздник *Казанской Божией Матери* и сооружен, по обету Пожарского, в Москве Казанский храм.

27 ноября Нижегородское ополчение, пополненное за год коломничанами, рязанцами, из «украинских» (пограничных с Речью Посполитой) городов, костромичами, ярославцами, казанцами и др., от церкви Иоанна Милостивого на Арбате, и казаки, от храма Казанской Богородицы за Покровскими воротами, двинулись двумя крестными ходами в Китай-город в

сопровождении всех московских людей. Оба крестных хода сошлись на Красной площади у Лобного места, где архимандрит Дионисий начал служить молебен. В это время из Кремля показался третий крестный ход, выходивший через Спасские ворота. Архиепископ архангельский Арсений (грек, пребывавший при поляках в заточении в Кремле, которому пр. Сергей являлся перед освобождением Москвы, утешив вестью об избавлении) с кремлевским духовенством вынесли икону Владимирской Божией Матери. При виде Ее чудотворного лика многие не удержались от радостных слез: ведь потеряна была надежда Ее увидеть. В Кремле храмы найдены были поруганными поляками. Везде нечистота, образа рассечены, глаза вывернуты, престолы ободраны, в чанах приготовлена страшная пища – человеческие трупы. В последнее время осады поляки поели собак, кошек и доходили до людоедства.

Келарь Авраамий Палицын, находясь среди представителей черного духовенства, принимал большое участие в заседавшем в Москве Земском Соборе, избравшем *21 февраля 1613 г. царем Михаила Феодоровича Романова*, сына митр. Филарета, приходившегося двоюродным братом царю Феодору Иоанновичу. В посольстве, отправленном Земским Собором к Михаилу, из духовных лиц, участвовали архиеп. рязанский Феодорит, архимандриты – чудовский, Новоспасский и симоновский, келарь троицкий Авраамий Палицын и три протопопа. Юный царь проживал с матерью в костромском Ипатьевском мон. Инокinya Марфа долго не соглашалась благословить сына на царство. Только пламенное слово владыки Феодорита, произнесенное перед Святыми иконами, привезенными из Москвы, убедило 14 марта «великую старицу» дать благословение Михаилу.

Венчание на царство Михаила Феодоровича совершено было 11 июля, в канун дня пр. Михаила Малеина, в Успенском соборе по древнему чину. Священнодействовали митрополиты: Ефрем Казанский, Иона Крутицкий и Кирилл Ростовский. Князь Димитрий Пожарский, пожалованный боярином, по внушению иерархами царскому повелению, при перенесении в собор царских регалий, нес скипетр, его подвигом вновь поднятый в

распавшемся, было, Русском Царстве. Он же, во время самого коронования, держал, тоже знаменательно, державу, «яблоко владомое», великодержавное. Козьма Минин пожалован был в думные дворяне. Омрачало торжество сознание царя, что отец его, как и кн. Василий Голицын, находились с апреля 1611 г. в польском плену. Об освобождении отца молился царь по пути в Москву в Макарьевском Желтоводском мон.

Патриарх Филарет

Смутное время кончилось, но тяжелые следы его долго не изглаживались в русской жизни. В первые годы царствования Михаила шайки воровских казаков и литовцев Лисовского ходили по всем областям, производя опустошения. Монастыри и церкви подвергались разграблению и разорению. Церковный порядок за время смуты пришел повсюду в расстройство. После смерти митр. Ефрема казанского, с конца 1613 г. церковными делами управлял митр. *Иона крутицкий*, мало образованный и обладавший мелочным, упрямым и мстительным характером. Главный кандидат на патриаршество, митр. Филарет, был в плену и давал знать оттуда, чтобы ради него не уступали Польше ни клочка земли. Много затруднений было с внешними врагами. В 1617 г. удалось заключить Столбовский мир со шведами, удержавшими берега Балтийского моря, но вернувшими Новгород. Сигизмунд не признавал Михаила царем, считая таковым сына своего Владислава. Последний двинулся в поход против России, имея под своей командой и малороссийских казаков гетмана Сагайдачного. Осенью 1618 г. он подошел к Москве, но был отражен. Тогда он двинулся к Троицко-Сергиеву мон. Архимандрит Дионисий велел выжечь посады и приготовился к новой осаде. Но вскоре, в виду ея стен, в соседнем с. *Деулине*, заключено было перемирие на 14 с половиной лет. Польше временно уступались Смоленск и Северские города. Поляки обязались вернуть митр. Филарета и произвести обмен пленных. Василий Шуйский в это время уже умер. Владислав все же не отказался от прав на московский престол.

До освобождения митр. Филарета, в Москву прибыл патриарх иерусалимский *Феофан*, сопровождаемый экзархом константинопольского патриарха, архимандритом Арсением. Он нашел русскую Церковь в волнении, по случаю некоторых исправлений в Требнике. Сам государь заметил погрешности, издавна вкравшиеся не только в рукописные служебные книги, но и в те, которые были напечатаны при патриархах Иове и

Гермогене. Царь поручил заняться исправлениями *Дионисию* с братиею Троицкой. Вопрос этот будет освещен в дальнейшем. Ныне же укажем, что исправлениями остался очень недоволен митр. Иона и подверг Дионисия гонениям. В течение целого года старец святой терпел душную темницу, побои, пытки и даже поругания от невежественного народа, перенося все это с кротостью. Патриарх Феофан, ознакомившись с его делом, принял меры к облегчению участи страдальца.

Митр. Филарет вернулся из плена в 1619 г. и в июне был поставлен патриархом. Уставной грамотой патр. Феофан утвердил на будущия времена права, данные патр. константинопольским Иову при его поставлении. Сын и отец из нового царствующего Дома Романовых были – первый царем, второй – патриархом. Патр. Феофан поспешил оправдать перед новым первоиерархом русской Церкви Дионисия, в засвидетельствование правоты его обещав прислать объяснительные грамоты, по совещании с прочими патриархами, что затем и исполнил. Освобожденный Дионисий имел утешение принять торжественно в Троицком мон. патр. Феофана, смиренно молившегося перед мощами пр. Сергия и дивившегося подвигу защитников обители. Патр. Феофан, будучи на обратном пути в Киеве, поставил там митрополита и епископов. Он отечески укорил гетмана Сагайдачного и казаков за их недавний поход против православного русского государя и запретил им впредь так поступать.

Патриарх Филарет учредил первую епархию в Сибири и устроил патриаршую греко-латинскую школу при Чудовом мон. Оживляется в Москве церковное издательство. Переиздаются, в исправленном виде, богослужебные книги, напр. Требник. Печатаются новые книги учительного характера, переизданные, также с поправками, с книг южнорусской печати, напр. Большой Катехизис. Но в этом церковном издательстве наблюдается в Москве большая осторожность. Даже к своим южно-руссам, как и к современным грекам, относились в Москве в то время очень подозрительно, особенно потому, что считали многих из первых «обливанцами». На самом деле, под влиянием практики униатов, в юго-зап. Руси стало нередким так называемое

поливательное, вместо погружательного, крещение. В то же время к самому католицизму развилось, под влиянием всех бедствий, перенесенных от него в юго-зап. Руси после унии, в северо-восточной Руси в Смутное время и последующия десятилетия, крайне отрицательное отношение. На московском соборе 1620 г. латинство было названо лютейшей и сквернейшей из всех ересей; постановлено было перекрещивать всех, переходящих в православие из католицизма, а равно лютеранства, кальвинизма, унии, да и вообще всех обливанцев. Начавшемуся нажиму иноверных веяний Запада дан был отпор, и обязанность самого осторожного охранения восточного русского православия поставлена была тогда главной задачей.

Патриарх был не только советником, но и *соправителем царю*. В государственных распоряжениях (указах) писалось: «Государь, царь и великий князь Михаил Феодорович всея России и отец его великий государь, святейший патриарх Филарет Никитич московский и всея России указали». Патр. Филарет в самом начале своего правления представил сыну все внутренния неурейства и для устранения их предложил важную меру: произвести общую поземельную перепись государству. Когда она была проведена, то стало известно с кого и что требовать. Вследствие этого увеличились доходы государства. Помещикам определен рубеж, за который никто не мог простирать своего права; собственность каждого обезпечена, тогда как прежде существовало своеволие. Крестьяне перестали бродить с места на место. Строгий патриарх неумолимо преследовал испорченных бояр наказаниями и обучал покорности. Воеводам и приказным людям строго запрещалось притеснять крестьян и посадских людей. Дела войны и мира не решались без него. Иностранные послы, после представления царю, являлись к патриарху. При нем начата была в 1632 г. война с *Польшей*, кончившаяся неудачно после его смерти. Воевода *Шеин*, осаждавший Смоленск, сам был окружен польским королем Владиславом и вынужден был отдать свой обоз и пушки. Он, после смерти

Филарета, был судим и казнен. Шеина любил покойный патриарх, но он имел много врагов среди бояр.

В 1634 г. был заключен *Поляновский мир*. Смоленск остался за Польшей. Король Владислав отказался от прав на русский престол. Возвращены были в Москву тела царя Василия Шуйского и его брата Димитрия.

Патр. Филарет много сделал для внешнего возвышения Церкви. Церковный суд при нем не стеснялся ни перед какими сильными лицами. Своей царственной обстановкой патриарх придал особенное величие и своему сану. Двор патриарший был устроен по образцу царскому. Заведены были все чины широкого царского обихода. Тут были свечники, чашники, скатертники, повара, хлебники, пивовары, истопники, конюхи, иконописцы, серебряники и др. мастера, книгописцы и разные должностные лица – бояре, окольничие, стольники, стряпчие, тиуны, дети боярские, дворяне, дьяки, десятильники и др. Явились патриаршие приказы: судный или патриарший разряд, ведавший судебной частью; церковных дел, наблюдавший за благочинием и, чтобы никто не служил без ставленных и отпускных грамот; казенный, ведавший всякие церковные сборы патриарха; дворцовый, заведывавший вотчинами и домовым хозяйством патриаршего дома. В каждом приказе сидел патриарший боярин с дьяками и подьяками, решал дела и делал доклады патриарху. Обширная патриаршая епархия была и прежде на особом положении. Но в ней оставались некоторые видные монастыри, помимо патриарха подчинявшиеся, в силу несудимых грамот, суду самого царя или приказа Большого дворца. В 1625 г. патриарх испросил у царя жалованную грамоту, по которой все духовенство его епархии, монастыри и церкви с своими слугами и крестьянами подчинены были гражданскому суду одного патриарха и только в исках на посторонних имели дело с приказами, где ведомы были ответчики. В управление патриаршей епархии этим вносилось единство и порядок.

Заботился патр. Филарет о распространении христианства в Сибири. В 1620 г. создана была епархия в Тобольске, которую

возглавил архиепископ Киприан, до этого архимандрит хутынский, известный своей ревностью к вере.

В хронографе митр. Пахомия (1639 г.) современник так изображал патр. Филарета: «Божественная писания отчасти разумел, нравом мнителен, а владетелен таков был, яко и самому царю бояться его. Бояр же и всякого сана царского синклита зело томяше заточенми необратными и иными наказаньми; к духовному же сану милостив был. Всякими же делами царскими и ратными владел».

Скорбя и радея о православных чадах Церкви, отторгнутых Столбовским договором в подданство Швеции, патриарх писал новгородскому митрополиту Макарию, чтобы он продолжал заведывать ими. Шведы этому не препятствовали. Патриарх, уважаемый соседними державами, получил в 1625 г. в дар от шаха персидского Аббаса нешвеиный *хитон Спасителя*, который, по древнему преданию, принесен был в Грузию одним из воинов, деливших одежды у креста. Он сохранялся многия столетия в Мцхетском соборе. Хитон Господень положен был патриархом в Успенском соборе.

Патриарх Филарет скончался в 1633 г. в день Покрова Божией Матери. Труден и ответственен был его жизненный путь. Двоюродный брат царя Феодора Иоанновича, он пострадал в царствование Бориса Годунова, будучи не по воле пострижен. Первый самозванец выдвинул его, как своего мнимого свойственника, и он был поставлен митрополитом Ростовским. При втором самозванце, он не оставил Ростова, который с приближением шаек, покинуло большинство жителей, перебравшихся в Ярославль. Мятежники выволокли его из храма.

Босого, в изорванном польском платье и татарской шапке, отвезли его в Тушино. Вор поставил его патриархом, чего он не признавал и с чем не считался Святитель Гермоген, отмечавший в своих посланиях плен митр. Филарета. Отрядом Скопина-Шуйского он был отбит от вора. Из Москвы он был послан в составе посольства к намеренному королю Владиславу. С твердостью и настойчивостью он, с кн. Голицыным и дьяком Томилой Луговским, держал себя под

Смоленском при переговорах с поляками. Около 8 лет пробыл в плену. Вернувшись, помогал сыну устроить царство.

Филарет указал царю на псковского архиепископа Иоасафа, как на своего преемника. Патриарх *Иоасаф I* (1634–40), был, в миру, дворовым сыном боярским; постриг принял в Соловецком мон., был игуменом Печерского Псковского мон., кафедру во Пскове занял в 1627 г. Как говорят хронографы, был: «нравом добродетелен, но к царю не дерзновенен». Именовался он «великим господином»; имя его не значилось в государственных грамотах рядом с именем царя. Запрошенный государем об отношении к крымскому хану, он отвечал: «Наш долг молить Бога, Пречистую Богородицу и Святителей московских о мире всего мира, о благостоянии св. Божиих церквей и о твоём многолетнем здравии. А о том, что чинить крымцам за мучение твоих людей, нам, твоим богомольцам, не пристойно написать такого ответа, чтобы учинить воздаяние. Рассудить об отмщении врагам и что учинить им – дело, государь, твое и твоих бояр и ближних людей и твоего царского синклита, а не нас, твоих государевых богомольцев ... Нам, богомольцам, прилично лишь напоминать тебе, как царю и владыке. Тебе, государь, принявшему управление православным народом, подобает пещися не о себе только, но соблюдать от треволнения все вверенное тебе стадо Божие. Поревнуй боговенчаный царь, как ревновал прежде, царю Константину и царю Владимиру. Ты глава всем: покажи ревность освободить твоих посланников из бесерменских рук, от злого мучения и позора, а потом можно будет отказать крымцам за их многую неправду в той казне, что посылалась им...». Как видно, патриарх не позволил себе советовать, а признал за собой право лишь «напомнить» государю об его обязанностях в отношении православных подданных. Внимание патр. Иоасафа было преимущественно занято изданием богослужебных и церковно-учительных книг. При нем действовало 12 типографских станков, при Филарете семь. Принимал он меры к устранению беспорядков в богослужении и в быту духовенства. Известна его «Память» патриаршему тиуну Ивану Мануйлову и главному старосте поповскому в Москве, Никольскому попу Панкратию,

относительно церковного благочиния и жизни духовенства. 10 июня 1634 г. народ московский встречал тело царя Василия IV Шуйского, которое король, по просьбе царя Михаила, отдал ему. Патриарх встретил тело у церкви Николы Зарайского и шествовал за ним до Архангельского собора, где оно было погребено 11 июня.

Архимандрит Симоновский *Иосиф* был поставлен патриархом (1642–52). Царь Михаил, выдававший замуж дочь свою, царевну Ирину, за датского принца Вальдемара, желал обращения его в Православие. Патриарх в 1644 г. писал королевичу, уговаривая его креститься. Принц не согласился переменить веру, брак расстроился; принца выпустили в Данию только после смерти царя Михаила, скончавшегося в 1645 г. Первые годы правления *царя Алексея Михайловича*, 16 лет вступившего на престол, наполнены были неурядицами и народными волнениями в Москве. Бывший воспитатель его и свойственник, боярин Морозов, принимавший главное участие в управлении государством, оказался своекорыстным и подобрал таких же помощников. Народ страдал от злоупотреблений. Когда же в 1648 г. повышен был налог на соль, то вспыхнул бунт, закончившийся убийством ненавистных чиновников. Морозова спас сам царь, упросивший толпу не убивать его. Он был удален.

Царь понял необходимость самому заниматься делами и разрешить ряд важных вопросов по устройству государства. Подготовка этого большого дела была поручена князю Никите Ив. Одоевскому, который подготовил проект нового уложения. Новый свод законов, принятый потом Земским Собором и утвержденный в 1649 г. царем, наименован был «*Соборным Уложением*». Духовенство также принимало участие в обсуждении закона. Но патриарх Иосиф не имел достаточно значения, чтобы повлиять на содержание статей Уложения, касавшихся духовенства. Интересы же последнего были затронуты таковым. Во первых Уложение безусловно запретило всякое новое увеличение церковных вотчин. Некоторая часть даже наличных церковных земель была отписана в казну. По жалобам тяглых людей на то, что духовные и их люди, селясь

около городов слободами, отбивают у них торги и промыслы, а сами никаких податей не платят, велено было все эти слободы взять бесплатно за государя. Во вторых, стремясь установить «равный суд и расправу» для всяких чинов людей, составители Уложения столкнулись с церковными привилегиями и с особностью церковного ведомства. Уложение задалось задачей ослабить эту особность, притянув по гражданским делам и церковное ведомство под общий суд государственный (Знаменский).

Церковный суд до этого времени вызывал много нареканий. Основывался он на постановлениях Стоглавого собора – на началах совершенной самостоятельности церковного ведомства в государстве и независимости его от общего государственного суда не только по духовным, но и по мирским делам, за исключением лишь тяжких уголовных. Таким же особняком среди государства стояли и вотчинные владения Церкви, пользовавшиеся разными привилегиями в отношении государственных сборов и повинностей. Владения эти составляли по величине почти треть всей государственной земли. В судебном ведомстве Церкви господствовало, кроме того, чрезвычайное разнообразие. Вызывалось оно разными жалованными и несудимыми грамотами. Даже в патриаршей епархии после грамоты 1625 г. оставалось еще много разнообразия вследствие несудимых грамот, которые раздавались монастырям уже самим патриархом. Еще более разнообразия было по епархиям. Общим правилом было то, чтобы все подчинялись суду своего архиерея по духовным делам. По гражданским же делам одни монастыри и церкви в епархиях тянули к патриарху или к приказу большого двора, и притом по всем делам или только по некоторым. Другие судились своими настоятелями, а настоятели в приказе большого двора или у патриарха. Третьи обращались к суду чужих епархиальных архиереев. Четвертые были приписаны к другим привилегированным монастырям, иногда даже чужих епархий. Пятые подчинялись местным гражданским властям. Сами архиереи иногда производили суд лично, иногда через своих чиновников; предоставляли даже монастырям и церквям

право самосуда. Такое же разнообразие было в суде над церковными вотчинами. Со всех сторон шли жалобы по этому поводу.

Не менее жалоб со стороны земских людей и предметом забот для правительства были *церковные вотчины*, которые несмотря на все распоряжения, все еще продолжали увеличиваться. Тяглые люди жаловались, что монастыри завладели тяглыми землями, угодьями и промыслами, а тягла (подати) с них не платили, и весь платеж падал на них – тяглых людей. Служилые люди жаловались, что монастыри сманивают к себе их крестьян и от того поместья их пустуют и служить им государевой службы не с чего. Все эти жалобы и вызвали, выше приведенное, постановление «Соборного Уложения» 1649 года. «Органом такого государственного суда над церковным ведомством сделан был *монастырский* приказ, выделенный, как особое учреждение, из приказа большого дворца.» – пишет Знаменский. «В нем указано было давать суд по всяким гражданским искам на всех иерархов, монастырских властей, попов, церковный причт и на всех вообще церковных людей и крестьян, и по таким же искам их самих на других и даже между собою, друг на друга. Таким образом пред судом приказа уравниены были и власти, подчинявшиеся доселе в гражданских делах лишь непосредственному суду самого государя, или приказа большого дворца, как органа собственной власти государя, считавшая боярский суд унижением для себя, и их люди, судившиеся прежде у них самих». Кроме того ряд дел, касавшихся духовенства, попал и в другие приказы, а также к местным воеводам. Вместо церковного гражданского суда, над церковными людьми явился *суд общий, государственный*. Кроме судных дел, к ведомству монастырского приказа отнесены были, принадлежавшие раньше приказу большого дворца, распоряжения о государственных сборах с церковных вотчин, о составлении описей церковных имуществ и разные полицейские распоряжения по церковному ведомству.

«Духовенство было очень недовольно новым учреждением, тем более что, по недостаточной определенности новых законов и неясности в разграничении церковного и гражданского

ведомств, между последними тотчас начались недоразумения, вторжения одного в область другого и даже прямые злоупотребления. Приказ вступался иногда и в чисто церковные дела, наприим. присвоил себе право назначать в монастырские вотчины священников и причетников, определять и отрешать монастырских настоятелей, келарей и казначеев, позволял себе даже перерешать распоряжения епархиальных властей. Со стороны духовенства начались попытки уклонения от силы новых узаконений. Архиереи стали выпрашивать у царя грамоты, освобождавшие духовенство их епархий от всякого суда, кроме архиерейского. Патриаршая область получила подтверждение своих прежних привилегий еще при самом составлении Уложения, чем, вероятно, более всего был успокоен патриарх Иосиф» (Знаменский). Он не был достаточно влиятелен для того, чтобы отстаивать законные права духовенства. Самым решительным противником монастырского приказа, как и ряда постановлений Уложения, был любимец царя, митрополит новгородский *Никон*, будущий патриарх.

В правление патр. Иосифа стали производиться в широких размерах *исправления церковных книг*. Тогда же в Москве создан кружок влиятельных духовных лиц, стремившихся провести исправления. Об этом будет сказано дальше. Ныне же отметим только, что патр. Иосиф, принимал некоторые меры для продвижения этого вопроса, но по складу своему не был подготовлен для крупных мероприятий, плыл более по течению, под конец же предоставил развитие этого дела новгородскому владыке Никону.

Ко времени патр. Иосифа относится устройство благочестивым и образованным боярином *Федором Ртищевым* под Москвой Андреевского мон., ставшего зародышем будущей духовной академии. Братию его составили 30 иноков, привезенных Ртищевым из Малороссии для перевода богослужебных книг. В патриаршество Иосифа делами в церковном управлении и суде заправляли московские протопопы благовещенский Стефан Вонифатьев и казанский Иван Неронов.

При патриархе Иосифе перенесены были в 1652 г. в Успенский собор гробы патриархов Иова из Старицкого мон. и Гермогена из Чудова мон., а также решено перенести гроб митрополита Филиппа из Соловецкого мон. В том же году скончался патр. Иосиф, испросивший себе у царя место погребения в ногах святителя Ионы.

Глубоко церковный и верующий, царь *Алексей Михайлович*, так описывал в письме к митр. Никону свое последнее посещение патр. Иосифа. Святитель, преодолевая себя, вышел к государю, не сразу даже узнав его. «И посидя немного», писал царь, «я встал и его поднял, итак почало его знобить, не мог и Достошно проговорить. Славу проговорил с отпуском насилу; да почел ко мне прощение говорить, что говорят в среду на страстной, и я ему отвечал по уставу, да сам почел прощение к нему творить, да поклонился в землю ему, а он малой поклон сотворил да благословил меня, да велел себя весть провожать меня, а ноги те волочит на злую силу; и я стал, и учил его ворочать: «воротися, государь, ей пуще тебе будет»; я он мне жалует говорит: «ину су я тебя и в другоредь благословляю»; и я молвил: «пожалуй же государь, великий святитель, благослови и третицею», и он пожаловал и в третий благословил, да как благословит и руку дает целовать и в херувим; и я благословясь да поклонился в землю ему и поцеловал в ногу и он, смотря на меня благословляет и прощает». Патриарх на следующий день умер. Весть об этом получил царь в Великий Четверг за литургией. «... А в ту пору ударили в царь-колокол трикраты», писал государь митр. Никону, «и на нас такой страх и ужас нашел, едва петь стали и то с слезами, а в соборе певчие и власти все со страху и ужаса ноги подломились, потому что кто преставился, да к каким дням великим кого мы грешные отбыли; яко овцы без пастуха не ведают где деться, так то мы ныне грешные не ведаем, где главы преклонити, понеже прежнего отца и пастыря отстали, а нового не имеем».

Патриарх Никон

Приступая к описанию жизни и деятельности патриарха Никона, необходимо понять, что представляли собой сей выдающийся иерарх Русской Церкви и, неразрывно связанный с ним, царь Алексей Михайлович.

Царь *Алексей Михайлович* родился в 1629 г. от второго брака царя Михаила с дочерью бедного дворянина, Евдокией Лукьяновной Стрешневой. Он был глубоко верующим и подлинно церковным. Ключевский пишет о нем: «Он был образцом набожности, того чинного, точно размеренного и твердо разученного благочестия, над которым так много и долго работало религиозное чувство древней Руси. С любым иноком мог он поспорить в искусстве молиться и поститься: в Великий и Успенский пост по воскресеньям, вторникам, четвергам и субботам царь кушал раз в день, и кушанье его состояло из капусты, груздей и ягод – все без масла; по понедельникам, средам и пятницам во все посты он не ел и не пил ничего. В церкви он стоял иногда по пяти и шести часов сряду, клал по тысяче земных поклонов, а в иные дни и по полторы тысячи. Это был истовый древнерусский богомолец, стройно и цельно соединявший в подвиге душевного спасения труд телесный с напряжением религиозного чувства. ... Предание Грозного звучит в словах царя Алексея: «Бог благословил и предал нам, государю, править и рассуждать люди своя на востоке и на западе и на юге и на севере вправду». Но сознание самодержавной власти в своих проявлениях смягчалось набожной кротостью, глубоким смирением царя, пытавшегося не забыть в себе человека. В царе Алексее нет и тени самонадеянности, того щекотливого и мнительного, обидчивого властолюбия, которым страдал Грозный. «Лучше слезами, усердием и низостью (смирением) перед Богом промысел чинить, чем силой и славой (надменностью)», – писал он одному из своих воевод... От природы живой, впечатлительный и подвижной, Алексей страдал вспыльчивостью, легко терял самообладание и давал излишний простор языку и рукам...

Вспыльчивость царя чаще всего возбуждалась встречей с нравственным безобразием, особенно с поступками, в которых обнаруживались хвастовство и надменность... Гнев его был отходчив, проходил минутной вспышкой, не простираясь далее угроз и пиньков, и царь первый шел навстречу к потерпевшему с прощением и примирением, стараясь приласкать его, чтобы не сердился... Алексей любил, чтобы вокруг него все были веселы и довольны; всего невыносимее была ему мысль, что кто-нибудь им недоволен, ропщет на него, что он кого-нибудь стесняет. Он первый начал ослаблять строгость чопорного этикета, делавшего столь тяжелыми и натянутыми придворные отношения ... Умение войти в положение других, понимать и принимать к сердцу их горе и радость – были одной из лучших черт в характере царя ... Царь Алексей был добрейший человек, славная русская душа. Я готов видеть в нем лучшего человека древней Руси ...»

Соловьев, приводя задушевные письма Алексея Михайловича к Никону, в бытность того митрополитом новгородским, так объясняет отношение к нему государя. Юный царь, в излиянии своего религиозного, христианского чувства, чувства смирения, не умел сдерживать его сознанием своего государственного значения; у него государь исчезал перед человеком; тем выше, разумеется, поднималось значение пастыря Церкви, вязателя и решителя, судьи верховного, истолкователя закона божественного, особенно когда этот пастырь личными достоинствами своими не полагал никакой преграды обнаружениям этого чувства смирения, и умел пользоваться своим влиянием, своим положением. «Царь Алексей Михайлович надселялся, плакучи и по патриархе Иосифе, хотя, как человек чистый, не мог не чувствовать и не оскорбляться недостойнством, мелочностью, недуховным поведением этого патриарха; но он гнал от себя греховную мысль о недостойнствах Иосифа, как нежный и почтительный сын гонит от себя мысль о недостойнствах отца. Тем с большею силою религиозный молодой человек обращал свою любовь к достойному пастырю, тут уже он не щадил слов для выражения этой любви, чтоб возвысить любимый предмет и унижить пред

ним самого себя, ибо приемы всякого рода любви одинаковы. Таким образом, сам Алексей Михайлович, по характеру своему, поставил Никона так высоко, как не стоял ни один патриарх, ни один митрополит ни при одном царе и великом князе».

Ключевский дает такую характеристику патриарху *Никону*: «Из русских людей XVII в. я не знаю человека крупнее и своеобразнее *Никона*. Но его не поймешь сразу: это довольно сложный характер и прежде всего характер очень неровный. В спокойное время, в ежедневном обиходе, он был тяжел, капризен, вспыльчив и властолюбив. Но это едва ли были его настоящие, коренные свойства. Он умел производить громадное нравственное впечатление, а самолюбивые люди на это неспособны. За ожесточение в борьбе его считали злым; но его тяготила всякая вражда, и он легко прощал врагам, если замечал в них желание пойти ему навстречу. С упрямыми врагами Никон был жесток. Но он забывал все при виде людских слез и страданий; благотворительность, помощь слабому или больному ближнему были для него не столько долгом пастырского служения, сколько безотчетным влечением доброй природы. По своим умственным и нравственным силам он был большой делец, желавший и способный делать большие дела, но только большие. Что умели делать все, то он делал хуже всех; но он хотел и умел делать то, за что не умел взяться никто, все равно, доброе ли то было дело или дурное. Его поведение в 1650 г. с новгородскими бунтовщиками, которым он дал себя избить, чтобы их образумить, потом во время московского мора 1654 г., когда он в отсутствии царя вырвал из заразы его семью, обнаруживает в нем редкую отвагу и самообладание; но он легко терялся и выходил из себя от житейской мелочи, ежедневного вздора; минутное впечатление разрасталось в целое настроение ... В добром настроении он был находчив, остроумен, но обиженный и раздраженный, терял всякий такт и причуды озлобленного воображения принимал за действительность ... Никон принадлежал к числу людей, которые спокойно переносят страшные боли, но охают и приходят в отчаяние от булавочного укола...»

В 1605 г., в с. Вельманове или Вельдеманове, Княгининского уезда, Нижегородской области, у крестьянина Мины родился сын Никита. С раннего детства он жил под гнетом мачихи. Суровая жизнь закалила его характер и выработала силу воли. Даровитый мальчик, рано научившийся грамоте, пристрастился к чтению священных книг и житий святых. Достигши 12 лет он ушел в Макарьевский Желтоводский мон. и пробыл там восемь лет послушником. Никита хорошо изучил церковные службы, чтением же книг монастырской библиотеки приобрел много важных знаний. По просьбе родных он возвратился домой и вступил в брак. Его пригласили священником в соседнее село. Вскоре с ним познакомились московские купцы, приезжавшие на знаменитую Макарьевскую ярмарку, и уговорили его перейти на священническое место в Москву. Там он прослужил около десяти лет. Когда умерли его дети, он убедил жену принять постриг, а сам удалился в *Анзерский скит* Соловецкого мон. Там он постригся с именем Никона. Отличаясь сам суровым подвижничеством, он требовал того же и от остальной братии, чем вызвал со стороны ее вражду к себе. Никон ушел в *Кожеезерский* мон., где в 1643 г. был избран игуменом. В 1646 г. он ездил по монастырским делам в Москву и являлся к царю. Величественная наружность, умные и увлекательные речи Никона произвели сильное впечатление на молодого, прилежавшего к Церкви, государя. С этого времени началось их сближение, перешедшее в тесную дружбу. Они прекрасно дополняли друг друга.

«Юный царь», пишет в своей истории русской Церкви прот. Н. Вознесенский, «отличался чрезвычайно мягким и уступчивым характером, давшим ему в истории имя «Тишайшего». Вместе с тем в Алексее в эту пору были очень живы и сильны идеальные церковные стремления, и его не могла не угнетать окружающая его боярская среда, так печально заявившая себя перед тем грубым своекорыстием и отсутствием всяких идеальных стремлений. Никон, этот колосс по твердости воли, ясности и широте ума, явился в это время как бы крепкой опорой для неустановившегося еще царя, тем более, что при яркой и резкой определенности натуры, это был и убежденный и горячий до

энтузиазма церковный идеалист в своем испытанном аскетизме навывший ставить путь к небу выше всего земного. Алексею был нужен живой образец православной христианской мудрости и святости: Никон в эти первые годы и давал ему все это в себе, в своей богато одаренной, светлой и цельной личности». Царь, желая иметь этого своего «собинного» друга около себя, повелел перевести его архимандритом московского *Новоспасского мон.*, где была родовая усыпальница Романовых. Алексей часто приезжал в обитель молиться за упокой своих предков. В свою очередь, Никон должен был каждую пятницу являться к государю для доклада о нуждах бедных, обиженных и угнетенных. Благотворительность еще более сближала их.

В 1648 г. Никон был назначен *новгородским митрополитом*. Он получил особое полномочие от царя – наблюдать за всем управлением и освобождать, по своему усмотрению, из темниц узников. Никон завел в Новгороде лучшее пение в церквах, неспешное и внятное чтение, выписывал искусных певцов из Киева и из Греции, устроил типографию, четыре богадельни и во время голода каждый день питал по несколько сот нищих на своем дворе.

По Столбовскому миру со Швецией (1617 г.), требовалась выдача обоими государствами перебежчиков. С того времени многие русские бежали из уступленных Швеции земель. Шведы требовали их выдачи. Так как им угрожало обращение в лютеранство, то царь Алексей решил выкупить их. В счет выкупа отвозились деньги и хлеб из псковских царских житниц. В вывозе зерна народ во Пскове и Новгороде, откуда шли транспорты в Швецию, усматривал измену бояр и воевод. В 1650 г. начались насилия над властями и иностранцами. Царский наместник кн. Хилков вынужден был спастись в Новгороде у митр. Никона. Владыка бесстрашно вышел к мятежникам. Сначала он кротко вразумлял их, затем начал грозить им анафемой и судом Божиим. Тогда посыпались на него камни, и чернь избивала его до полусмерти. Очнувшись, Никон, собрав последняя силы, отслужил литургию в Софийском соборе, откуда с крестным ходом пошел в ту часть

города, где наиболее бунтовали. Пораженные его твердостью, мятежники смирились, просили у него прощения и ходатайства перед царем. Не помня собственной обиды, Никон охотно принял на себя ходатайство и внушил царю умеренность в наказании виновных, что способствовало успокоению народного волнения. С этого времени любовь царя к Никону возрасла еще более.

Пользуясь близостью к царю, Никон не раз говорил ему, что учреждение монастырского приказа противно церковным правилам, и настойчиво требовал его уничтожения. Но приказ соответствовал тогдашним идеям об отношении между Церковью и государством. Царь не мог согласиться на упразднение его. Никону удалось только получить несудимую грамоту для себя, по которой все духовные лица новгородской епархии подчинялись суду одного своего митрополита.

По совету Никона совершенно было перенесение в 1652 г. в Успенский собор трех Святителей – *Иова, Гермогена и Филиппа*. За мощами св. Филиппа поехал в Соловецкий мон. сам Никон. С ним была отправлена царственная молитвенная грамота к св. Филиппу, в которой царь, через царицу Анастасию связанный с Иоанном IV, преклонял свой царский сан пред Святителем и молил его пришествием в Москву разрешить грех Иоаннов и упразднить поношение, лежавшее на царской власти. Во время отсутствия Никона царь писал ему письма, в которых выражались и его религиозность и любовь к святителю. Приведем обращение из письма, написанного по смерти патр. Иосифа: «О крепкий воине и страдальче царя небесного, о возлюбленный мой любимче и сослужебниче, святой владыко». Из писем царя видно, что бояре и тогда уже были недовольны влиянием Никона, который, правда, не умел смягчать своей силы кротостью. Царь принимая, по докладу Никона, меры против бояр, отправленных вместе с ним за мощами св. Филиппа и не соблюдавших постов, вместе с тем, просил его быть снисходительнее к боярам и не выдавать того, что он за одно с ним. Государь старался как нибудь замять их рознь. Нежеланием обострить отношения объясняется и его политика в отношении монастырского приказа (Знаменский).

По смерти патриарха Иосифа царь писал Никону: «Возвращайся, Господа ради, поскорее к нам, выбирать на патриаршество Феогноста, а без тебя отнюдь ни за что не примемся». Следовало второе письмо: «Помолись, владыка святой, чтоб Господь Бог наш дал нам пастыря и отца, кто Ему Свету годен, имя вышеписанное (Феогност), а ожидаем тебя, великого святителя, к выбору, а сего мужа три человека ведают: я, да Казанский митрополит, да отец мой духовный, и сказывают, свят муж». Соловьев поясняет: «Разумеется Никон хорошо понимал намеки царя, знал, кто этот Феогност (известный Богу)». Духовником царя был протопоп Благовещенского собора Стефан Вонифатьев.

Как видно из автобиографии и сочинений протопопа Аввакума, сам он и три других будущих противника преобразований владыки Никона, протопопы – московского Казанского собора Иван Неронов, костромский Даниил и муромский Логгин подали царю и царице челобитную «О духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах». Митрополит Макарий, упоминая об этом, пишет: «Знал ли, или не знал Вонифатьев о челобитной, поданной о нем «братиею» царю и царице, но он имел настолько благоразумия, что отказался от чести, ему испрашиваемой, и даже сам будто бы указал царю на митрополита Никона, как на достойного кандидата для занятия патриаршей кафедры». После этого (в конце мая) царь и отправил письмо, в котором, именуя Никона «возлюбленным любимцем и собинным другом, душевным и телесным», говорил о «Феогносте».

На собор прибыли в Москву четыре митрополита, три архиепископа и многие архимандриты, игумены, протоиереи и священники. Архиереи, не имевшие возможности прибыть, прислали повольные грамоты о своем согласии. Царь предложил святителям: «ко избранию на патриаршеский престол написать двенадцать духовных мужей». Святители исполнили волю государя. 22 июля 1652 г. предложено святителям и всему собору избрать достойнейшего быть патриархом, «мужа благоговейного и преподобного». Митрополит казанский Корнилий, возвестил царю об избрании

Никона. Согласие последнего последовало не сразу. Никон, зная о враждебном отношении к нему среди боярства, долго отказывался. Приведенный, против его воли, в Успенский собор, он и там не соглашался. Только, когда царь и все присутствовавшие пали на землю и со слезами молили его, то он, умиленный, согласился, потребовав обязательства: «содержать евангельские догматы и соблюдать правила св. апостолов и св. отцев и законы благочестивых царей». Изрек он далее: «Если обещаетесь слушаться и меня, как вашего главного архипастыря и отца, во всем, что буду возвещать вам о догматах Божиих и о правилах, в таком случае я, по вашему желанию и прошению, не стану более отрекаться от великого архиерейства». Царь, все бояре и освященный собор произнесли перед св. Евангелием и чудотворными иконами обет исполнять предложенное Никоном. Все это изложено Никоном в его позднейшем письме к цареградскому патриарху (Митроп. Макарий).

Тесная дружба соединяла Никона с царем. Вместе молились они, рассуждали о делах, садились за трапезу. Патриарх был восприемником детей царских. Ни одно государственное дело не решалось без участия Никона. Великий ум последнего отпечатлен на счастливых годах царствования Алексея. При его большом участии произошло воссоединение с остальной Россией *Малороссии*. Вопрос об этом подымался на Земском соборе еще в 1648 г. во время успехов гетмана Хмельницкого. Но тогда не решались из за Малороссии ввязаться в войну с Польшей.

В 1652 г., Богдан Хмельницкий, после поражений, нанесенных ему поляками и надвинувшейся опасности со стороны турок и татар, обратился к царю с просьбой о помощи. В апреле прибыли от него послы Кодрат Бырляй и Силуан Мужилковский. Они привезли и грамоту от гетмана к патриарху и влиятельным боярам, прося их предстательства перед царем. Никон сочувствовал вмешательству Руси в дела Малороссии. В позднейших государственных актах подчеркивалось, что царь принял Малую Россию под свою руку «для избавления от ляхского гонения православных людей, не хотя того слышати,

что единовѣрным православным Христианом в разоренье от латинов и от папѣжнѣк быти». Никон способствовал 23 окт. 1653 г. решению великаго собора духовенства, бояр, думных и выборных людей, просить государя начать войну с польским королем и принять гетмана Богдана и все войско Запорожское с городами их и землями «под свою государскую высокую руку для православныя христианскія веры и святых Божиих церквей». В тот же день в Успенском соборѣ Алексей Михайлович говорил боярам: «мы, великий государь и великий князь ... советовав с отцем своим и богомольцем, *великим государем*, святейшим Никоном, патриархом московским и всея Руси ... приговорить изволили идти против недруга своего польскаго короля...»

Патриарх служил 23 апр. 1654 г. в Успенском соборѣ молебн по случаю начавшагося похода и говорил слово боярам и воеводам. 26 апр. он кропил проходившее через Кремль войско и снова произнес слово. Воевода кн. Алексей Трубецкой говорил речъ: «О всеблаженнейший и пресвятейший отцам отец, великий государь, пресвятейший Никон всея Великия и Малыя Россіи патриарх! удивляемся и ужасаемся твоих государевых учительных словес, и надеемся на твое государево благоутробіе, понеже не видим ни одного грѣшника кающагося отгоняема и озлобляема от тебя государя. Твоему пресвятому поучению, как евангельскому благовѣстію, радостно душою и с радостными слезами веселимся и утѣшаемся; по волѣ Божіей, по государеву указу и по твоему благословенію и учению, обѣщаемся с радостию служить без всякія хитрости; если же в безхитрости или в недоумѣніи нашем преступленіе учинится, – молим тебя, пресветлейший владыка о заступленіи и помощи». Посол за послом поспѣшали от царя к патриарху с извѣстіем об отобрании русских городов – Смоленска, Минска, Витебска, со множеством окрестных мѣст. Завоевана была вся Литва. Патриарх 29 іюня 1655 г. писал царю, чтобы тот не только оставил за собой Вильну, но доискивался Варшавы, Кракова и всей Польши; 1 сент. прислал он государю благословеніе писаться великим князем Литовским. Вмѣшательство в русско-польское столкновеніе

Швеции, захватившей Варшаву и Краков и угрожавшей Литве, где тогда господствовали московские войска, заставило Россию и Польшу поспешить заключением мира.

Царь, отправляясь в поход, оставил Никона *правителем государства*, что вызвало большое неудовольствие видных бояр. Они должны были являться к нему с докладами. Обстоятельные сведения о деятельности патриарха в то время дает архидиакон Павел алеппский, сопровождавший в Россию антиохийского патриарха Макария и пробывший с ним в Москве полтора года (с начала февраля 1655 г. до конца мая 1656 г.). В своем сочинении «Путешествие Макария» он пишет: «Прежде обыкновенно вельможи входили к патриарху без доклада чрез привратника; если он знал о посещении вельможи, то спешил к нему на встречу и после ухода провожал его до наружных дверей. Никон же заставлял вельмож долго ждать, пока не позволит войти, и они входят к нему со страхом и трепетом, и, изложив пред ним свои дела, стоя, удаляются, тогда как он все сидит на своем месте... Если случалось, что не все министры собирались в совет к тому времени, когда раздавался звон колокольчика, приглашавший их войти в палаты патриарха, то опоздавшим долго приходилось ждать, иногда на сильном холоде, пока патриарх не давал им особого приказа войти: это мы видели собственными глазами, потому что в отсутствие государя наш господин (т. е. патр. Макарий) ежедневно ходил к патриарху осведомляться о здоровье государя и узнавать новости. В этих случаях, пока наш господин оставался у патриарха, министры стояли и дожидались вне патриарших палат. Когда же он дозволял им войти, то обращался к иконам и тихо прочитывал: «Достойно есть...», между тем как министры кланялись ему в землю все вместе. Затем каждый из них подходил и кланялся патриарху отдельно, и получал от него благословение. Разговаривал с ними патриарх стоя. Министры делали ему доклад о текущих делах и патриарх о всяком деле давал каждому свой ответ, и приказывал, как поступить. Сколько мы могли заметить, бояре и сановники не столько боятся своего царя, сколько патриарха, и в некоторых случаях последнего боятся даже гораздо больше». Под некоторыми

постановлениями времен войны помечено: «великий государь, святейший патриарх, указал быть по боярскому приговору».

В июле 1654 г. открылась в Москве и Казани *моровая язва*, перешедшая и в соседняя губернии. В столице свирепствовала она с особой силой; к ноябрю умерли очень многие священники и, конечно, их прихожане. Никон, занятый заботами о продовольствии войск, о снабжении ружейными запасами, должен был бороться и со страшной эпидемией. Со свойственной ему твердостью он принимал меры к облегчению бедствий. От имени царицы и младенца царевича Алексея он рассылал грамоты об ограждении зараженных мест крепкими заставами, о зажигании костров, о возвращении в Москву сбежавших жителей, разносивших заразу. Так как суеверие распространило вредные мысли о происхождении и ходе язвы, то патриарх разослал грамоту от своего имени к вразумлению суеверов и невежд. Хранил он царское семейство, перевозя его в незараженные местности и поселяя в обителях. Возвращаясь из польского похода, Алексей Михайлович встречен был в Вязьме Никоном и царской семьей. От радости, при свидании, царь наградил Никона титулом «великого государя».

Как патр. Никон в то время представлял свое положение, можно судить по излагаемому митр. московским Макарием в его «Истории Рус. Церкви» (т. XII): «В предисловии к Служебнику, изданному в августе 1655 г. по благословению самого Никона, говорится, что Бог даровал России «два великая дара», – благочестивого и христолюбивого великого государя царя Алексея Михайловича, и великого государя святейшего Никона патриарха; что оба эти великие государи «предстательствоваста» на московском соборе 1654 г.; что «богоизбранная сия и богомудрая двоица», по окончании собора, «повелеша» собрать в Москву древния св. книги, «богоизбранная сия сугубица» послали свои грамоты к цареградскому патриарху Паисию; что, по получении ответа от Паисия, «благочестивая сия и богомудрая двоица» созвали новый собор в Москве и проч. В заключении писалось: «Да даст же им, государем, по пророку, желание сердец их... да возрадуются вси, живуци *под державою их...*, яко да под

едином их государским повелением вси, повсюду, православнии народи живуще, утешительными песнями славить воздвигшего их истинного Бога нашего».

Монастырский приказ, как упоминалось, не был уничтожен, но на время потерял свою силу. Вопреки Уложению, которое запретило увеличивать церковные имения, патриарший дом обогатился новыми вотчинами. Когда Никон строил новые монастыри – Иверский, Крестный и Воскресенский, царь дал им богатейшие вотчины. Но в то же время, никогда еще не было таких больших сборов с церковных земель, как при Никоне. Сам патриарх выставил в поле до 10000 воинов; столько же выставили монастыри. Патриарх, обладая большими средствами, увеличивал свои домовые богадельни, раздавал богатые милостыни, делал пожертвования для улучшения тюрем. Никон окружил себя пышностью, выстроил новый дворец и употреблял все средства тогдашнего искусства для украшения соборов и сообщения пышности своему богослужению. Лучшие облачения, хранившиеся в патриаршей ризнице, принадлежали ему. Штат патриаршего дома был при нем даже многочисленнее, чем при Филарете. В церковных делах власть его была неограничена. Он отписывал из отдельных епархий вотчины и церкви, а также лучшие монастыри в патриаршую область или к богатым монастырям, им воздвигнутым. Им лишен был без собора кафедры владыка Павел коломенский и запрещен в служении владыка Симеон тобольский. У некоторых бояр он распорядился сжечь вывезенные с запада картины и органы. Как бы в противодействие Уложению, Никон издал вновь пересмотренную и дополненную им Кормчую и убедил царя разослать воеводам выписки из градских законов Номоканона в дополнение Уложения для обязательного руководства на суде. (Знаменский).

Никон обязывал духовенство читать в церквях поучения, сам усиливая свою ревность в проповедывании. Он требовал от духовенства должного знания св. Писания и церковной службы, христианской жизни, дабы служить примером для пасомых. Ставленников для своей обширной епархии он испытывал сам.

«Никон», пишет митр. Макарий, «обходил их с книгой, заставлял каждого читать и петь и тут же полагал свои резолюции на их просьбах». Очень строг был он с духовенством, не исполнявшем его требований. Архидиакон Павел алеппский пишет: «Патриаршие стрельцы постоянно обходят город, и как только встретят священника или монаха нетрезвого, немедленно берут его в тюрьму и подвергают всякому поношению: мы сами видели патриаршие тюрьмы, наполненные этими несчастными, которые находились в самом плачевном положении, обремененные тяжелыми цепями и колодками на шее и ногах ... Замеченные в пьянстве, или в нерадивом исполнении пастырских обязанностей ссылались в сибирские монастыри».

Старался Никон строгими мерами установить образцовый порядок в монастырях, в особенности в трех, им основанных. Боролся он против новшеств в иконописи, отстаивая древний византийский стиль, восставал против заимствований с Запада. Борясь с хомовым пением и многогласием, он добивался раздельно-речного пения, придавая благозвучие вводимым им партесным строем пения. Царю нравилось единогласие, установленное Никоном еще в Новгороде, и он ввел таковое в своей придворной церкви, откуда оно стало распространяться и по другим церквам.

Никон и на патриаршем престоле оставался строгим к себе иноком, соблюдавшим все церковные службы с такой ревностью, что всегда имел при себе во время богослужения древнейшие требники, для сличения обрядов и молитв. Митр. Макарий пишет: «Патриарх Никон весьма любил церковное богослужение, для которого столько потрудился при исправлении церковных книг и обрядов... Каждый день посещал все службы в своей домовой церкви, и очень часто служил сам. Богослужение Никона отличалось торжественностью, особенно в большие праздники, когда он священнодействовал в соборной церкви. С ним обыкновенно служили несколько митрополитов и архиепископов, которые становились не рядом с ним, а по сторонам, вместе с архимандритами и прочими священниками... Архидиакон Павел, описавший торжественное и длительное

богослужение в Успенском соборе, страдавший от холода, проведши семь часов на ногах «на железном помосте, под влиянием сильной стужи и сырости, проникавшей до костей», вместе с тем признает: «мы были поражены изумительной правильностью и порядком всех этих церемоний и священнодействий. Несмотря на то, что мы чувствовали сильный холод и великую усталость вследствие долгого стояния без движения, мы забывали об этом от душевного восхищения, созерцая такое торжество православия...».

Велика заслуга патр. Никона в деле исправления богослужебных книг. Содеянное им в этой области будет изложено дальше. Преобразования, проводившиеся им очень резко, увеличили число его врагов, которых и без того было достаточно. Касаясь их, Знаменский отмечает, что значение Никона держалось единственно на его личной силе и на любви к нему царя, опорах недостаточно прочных. «Орудием, которым эти опоры были подломлены», говорит он далее, «были многочисленные враги Никона, действовавшие против него со всем усердием личного раздражения. Прежде всего своим великим государственным, крутым характером, привычкой сталкиваться со всеми, власть имеющими, он вооружил против себя сильную партию бояр; против него были Стрешневы – родня царя по матери, Милославские – родня первой супруги царя, Морозов – царский свояк, сама супруга царя Мария Ильинишна, составитель Уложения князь Одоевский, бояре Долгорукий, Трубецкой, Салтыков и друг. Семен Стрешнев до такой степени ненавидел Никона, что назвал его именем свою собаку и выучил ее подражать патриаршему благословению. Все эти люди зорко следили за патриархом, ловили всякий случай, где он слишком резко выставлял свою власть, перетолковывали каждый его опрометчивый шаг, а таких шагов много допускал горячий человек, не умевший владеть собой и не обращавший внимания на то, что говорил и что делал. Затем много врагов явилось у Никона по поводу его церковных исправлений, которые были им введены очень круто, с обычной его самоуверенностью и со всем деспотизмом личного авторитета. Привычка не обращать внимания на других

поставила его в самое невыгодное положение между двумя сильными партиями, партией новизны, стремившейся к Западу, и партией старины. Образованные бояре, вроде Морозова, Романова и др., раздражены были не менее староверов, когда патриарх, вводя свои церковные «новшества», в то же время восставал против новых государственных понятий и проблесков новой цивилизации. Между приверженцами старины было тоже не мало сильных людей, несколько бояр, духовник царя Стефан Вонифатьев, уважаемый протопоп Иоанн Неронов и др. Наконец, против патриарха было все духовенство, раздраженное его строгостью, недоступностью, жестокими наказаниями, усиленными поборами в патриаршую казну и на войско и доведенное им до последней степени приниженности».

Особенно тягостное впечатление произвело дело епископа коломенского и каширского Павла. Последний подписался под соборным постановлением об исправлении книг, но сделал приписку о несогласии в отношении поклонов. По этому вопросу он и раньше возражал патриарху. Точно неизвестно чем он особенно озлобил Никона, который самовольно низверг его с кафедры, снял с него мантию и сослал его. 2 мая 1654 г. Неронов, сам находившийся в заточении, умолял царицу ходатайствовать перед царем за «отца епископа Павла». О ссылке еп. Павла упоминает архидиакон Павел, который с патр. Макарием занимал в августе 1654 г. освободившиеся покои в Коломне.

Митрополит Макарий пишет: «Возревновал Никон против икон латинского письма, но и тут поступил слишком круто и резко. Велел насильно отобрать латинские иконы из всех частных домов, и на одних иконах совсем выскоблить лики святых, на других выколоть им глаза и в таком виде носить иконы по улицам Москвы. Православные, глубоко чтившие св. иконы и большею частью неумевшие хорошо различать своих икон от латинских, были поражены и увидели в Никоне иконоборца. И когда вскоре затем в Москве открылся страшный мор, то толпы народа явились на площадях кремля, и, держа в руках иконы, выскобленные по приказанию Никона, вопили: вот за что постиг нас гнев Божий; так поступали иконоборцы; во

всем виноват Никон; мирские люди должны постоять за такое поругание святыни ... Никона хотели убить и, может быть, благодаря тому одному, что его не было тогда в Москве, он спасся от неминуемой смерти ... Над духовенством Никон властвовал с неограниченной волею и деспотически. Он держал себя высоко и малодоступно по отношению не только к низшему клиру, но и к самим архиереям; не хотел называть их братьями, особенно тех, которые от него получили рукоположение; не уважал их сана, что особенно показал в своем известном поступке с епископом коломенским Павлом; нарушал их права, отнимая от них монастыри и приходские церкви, которые приписывал к своим излюбленным монастырям и брал под свою непосредственную власть. С беспощадною строгостию и суровостию преследовал всех, в среде белого и монашеского духовенства, кого считал виновным в чем либо, постоянно наполнял ими свои темницы и наполнил даже отдаленные монастыри Сибири, которые до Никона были почти пусты. Все боялись его, трепетали перед ним, и, без сомнения, были бы рады как-нибудь освободиться из-под его тяжелого ига. Для бояр невыносимым казалось уже то, что Никон возвышался над всеми ими своею близостию к государю, своим преобладающим влиянием в советах государя, своею необычайною властью, какой облек его государь. Но еще невыносимее было то, как проявлял Никон над ними свою власть, как гордо и повелительно обходился с ними. Еще в бытность его новгородским митрополитом они говорили: «неколи-де такого безчестья не было, что ныне государь выдал нас митрополитом». Чтож должны были они чувствовать, когда Никон сделался патриархом и какбы вторым «великим государем», начал давать свои приказы и указы, особенно в отсутствие государя, заставлял их стоять перед собою и с покорностию выслушивать его волю, публично обличал их за то или другое, не щадя их имени и чести? Могли ли они не употреблять всех своих усилий, чтобы свергнуть Никона?».

Соловьев упоминает, что в 1658 г. царю подали длинную жалобу на Никона враги новшеств, вооружаясь против него нетолько, как на нововводителя, но и как дурного патриарха.

«Здесь Никона обвиняют, во первых, в том, что он не отстранил тех тяжких для духовенства обычаев, какие ввел его предшественник по своему корыстолюбию; но главное, положительное обвинение Никону состоит в том, что он уничтожил прежнюю общительность между верховным святителем и подчиненным ему духовенством, преимущественно белым. Патриарх окружил себя недоступным величием, «возлюбил стоять высоко, ездить широко». – «Я под клятвою вселенских патриархов быть не хочу», говорил однажды Неронов Никону, «да какая тебе честь, владыка святой, что всякому ты страшен и друг другу грозя говорят: знаете ли кто он, зверь ли лютый, лев или медведь, или волк? Дивлюсь: государевы – царицы власти уже не слышать, от тебя всем страх и твои посланники пуще царских всем страшны...» Но и подле царя было много людей, которые твердили ему, что царской власти уже не слышать, что посланцев патриаршеских боятся больше чем царских; что великий государь патриарх не довольствуется и равенством власти с великим государем царем, но стремится превысить его...» (Соловьев).

Н. Гиббенет пишет: «Никон, как человек, был доброй души, простой, не хитрый и не имел понятия об интригах, с помощью которых враждебная ему партия разрушила союз дружбы его с царем; но, сознавая свой ум и свои нравственные преимущества, он гордо держал себя перед своими врагами, которым это самое и не нравилось. Никон понимал интриги своих противников, но не отвечал им, не собирал у себя партии, а оставался один». («Историческое исследование дела Патриарха Никона». СПб. 1884).

Отмечалось выше, что во время отсутствия царя власть Никона увеличилась. Царь же, находясь вдали от последнего, делался все независимее, привыкая обходиться без него. По возвращении в Москву государь стал замечать те стороны характера патриарха, на которые раньше не обращал внимания, или смотрел с дружеской снисходительностью. Выходя постепенно из под влияния Никона, он подпадал под другие, тому враждебные, поддавался этим внушениям. Соловьев пишет: «Когда Алексей Михайлович окончательно поверил этим

внушениям, – неизвестно; очень может быть, что и сам он не умел в точности определить этой печальной для него минуты, когда последняя, может быть ничтожная капля упала в сосуд и переполнила его ... По природе своей и по прежним отношениям к патриарху, царь не мог решиться на прямое объяснение, на прямой расчет с Никоном: он был слишком мягок для этого и предпочел бегство. Он стал удаляться от патриарха. Никон заметил это, и также по природе своей и по положению, к которому привык, не мог идти на прямое объяснение с царем и вперед сдерживаться в своем поведении. Холодность и удаление царя прежде всего раздражило Никона, привыкшего к противоположному; он считал себя обиженным и не хотел снизойти до того, чтоб искать объяснения и кроткими средствами уничтожить нелюбье в самом начале. По этим побуждениям Никон также удалялся, и тем давал врагам своим полную свободу действовать, все более вооружать против него государя».

Изменение взаимоотношений Алексея Михайловича и Никона стало проявляться в делах. Царь отменял некоторые распоряжения патриарха. Монастырский приказ, долго бездействовавший, начал мало по малу проявлять себя. Сначала коснулось это имений, потом и духовных лиц. Государь назначал иногда священников и игуменов без сношения с патриархом. Позднее Никон писал константинопольскому патриарху Дионисию: «тогда (т. е. по окончании войны) нача (царь) по малу гордети и выситися и нами глаголемая от заповедей Божиих презирати и во архиерейские дела вступатися».

Осенью 1657 г. царь еще оказывал внимание Никону. 18 октября он приезжал, по его приглашению, в новую Воскресенскую обитель, с семьей и свитком, провел два дня и был ласков с ним. В его присутствии состоялось там освящение церкви. Царю очень понравилось местоположение монастыря. Он сказал Никону: «Сам Бог изначала определил место сие для обители; оно прекрасно как Иерусалим». Тогда и назвал Никон обитель «Новым Иерусалимом». Обещал царь посетить и Иверский монастырь. Еще весной 1658 г. он жаловал,

по просьбе Никона, новые села и угодья на его монастыри Крестный и Воскресенский. Возможно эти проявления царем доброжелательства и побудили бояр, его врагов, ускорить распрю.

Летом 1658 г. грузинский царевич Теймураз прибыл в Москву скрепить союз Грузии с Россией. 6 июля царь давал в честь его торжественный обед, на который, против обыкновения, не был приглашен патриарх. Как сообщает митр. Макарий, Никон послал своего боярина, кн. Димитрия Мещерского, наблюсти, при встрече царевича, среди толпы, «чин церковный», т. е. чтобы кто либо из духовенства не произвел безчиния. Окольничий Богдан Хитрово, родственник царский, расчищавший путь для царевича, ударил в толпе боярина, возможно ненамеренно. Тот воскликнул: «Я патриарший человек и послан с делом». Тогда Хитрово закричал: «не величайся» и, ударив по лбу, причинил язву. Мещерский поспешил к патриарху и, показывая рану, со слезами жаловался на Хитрово. Никон написал царю, прося наказать виновного. Царь ответил ему, обещая лично увидеться. Свидание не последовало. 8 июля в день празднования иконы Казанской Божией Матери, царь, вопреки обычаю, не был на богослужениях в Казанском соборе, хотя патриарх извещал его о службах. Никон понял, что царь на него «озлобился». Не был государь, как бывало раньше, в Успенском соборе на богослужениях праздника Ризы Господней, несмотря на посланные ему извещения. После заутрени царь прислал к Никону кн. Юрия Ромодановского, который сказал ему: «царское величество на тебя гневен, потому и к заутрене не пришел, и не велел ждать его и к литургии». Потом прибавил именем самого государя: «ты пренебрег царское величество, и пишешься великим государем, а у нас один великий государь – царь». Никон возразил, что так велел ему именоваться сам царь. Ромодановский возражал. Митр. Макарий, изложив эти события, замечает: «Таким образом Никону прямо было объявлено, за что гневается на него царь и чего от него требует. И еслибы Никон смирился, покорился воле государя, принес повинную и дал обещание измениться на будущее время, то дело, мало по

малу, могло бы уладиться, и Никон спас бы себя от горькой участи, какая его постигла, так и всю церковь от тех смут и волнений, какие в ней последовали. К несчастью, Никон, по своему характеру и привычкам, был не такой человек, чтобы уступить и покориться. Он захотел, чтобы ему уступили и покорились, решился отказаться торжественно, перед всею церковью, от своей кафедры, рассчитывая, что сам царь станет просить и умолять его не отказываться».

Утром 10 июля близкие патриарха узнали о намерении его оставить кафедру. Преданный ему боярин Никита Зюзин уговаривал: «чтоб он от такого дерзновения престал и великого государя не прогневил, а буде пойдет (с кафедры) нерассудно и неразумно дерзко, то впредь, хотя бы и захотел возвратиться, будет невозможно: за такое дерзновение надо опасаться великого государева гнева». Никон было поколебался, стал что-то писать, порвал написанное и пошел в церковь. Совершив литургию, он прочел положенное поучение из бесед св. Златоуста, касавшееся значения пастырей церкви, а затем говорил о себе. Митр. Макарий пишет, что невозможно передать в точности то, что сказано было им и что происходило в соборе. Письменные сказки шестидесяти свидетелей даны были через полтора года.

Архиеп. Филарет происшедшее излагает так: «По окончании литургии, он объявил вслух всех, что он более не патриарх; поставил к Владимирской иконе Богоматери посох святителя Петра и в ризнице написал письмо царю. Это был поступок самоволия достойный порицания и потому, что подавал другим пагубный пример самоволия. Царь смущенный хотел успокоить Никона, но князь Трубецкой, отправившийся с поручением царским, вовсе не имел расположения успокоить Никона. Никон в ответе дал ему заметить об его интригах пред царем. Народ простосердечно плакал и держал двери, не пуская пастыря из храма. Никон пеший пошел из Кремля на Иверское подворье, а оттоле уехал в Воскресенскую обитель». Кн. Трубецкой приезжал и в монастырь спрашивать его, именем государя, о причине отшествия. Никон отвечал, что ради спасения душевного ищет безмолвия, отрекался от патриаршества,

просил себе только трех монастырей, Воскресенского, Иверского и Крестного, благословил *митр. Питириму Крутицкому* управлять делами церковными, и, в трогательном письме, смиренно просил царя о христианском прощении за скорый отъезд свой. Бывали на Руси и раньше случаи оставления престола первоиерархами, но такого ухода перед всем народом не бывало, как и сохранения за собою кафедры без управления делами. Поступая так, Никон только укреплял своих противников.

Царь оставил за Никоном все три монастыря, им созданные, с приписными к ним 14 монастырями с их вотчинами. Таким образом он мог, как иерарх и владелец, самостоятельно действовать в значительной области, церковной и владельческой. В Воскресенской обители Никон жил, подвизаясь как строгий инок и трудясь на постройках. Почти через год слух о нашествии крымского хана встревожил царя в отношении безопасности Никона в незащищенном монастыре. Он предложил ему переехать в укрепленный Калязинский мон. Никон предположил, что его хотят туда заточить и ответил царскому посланцу, что в Москве имеется более крепкое место, у Зачатейского мон., разумея городскую тюрьму. Сам же он поспешил в столицу, где только через три дня был принят царем, но в присутствии царицы и бояр. Государь отпустил Никона с честью и с подарками, но искреннего разговора между ними не было. Жаловался он позднее царю на то, что к нему не допускают духовных лиц. Винил он в этом митр. Питирима. Государь, и получая обидные для него письма Никона, не оставлял его милостями. Более года – в 1659–60 гг. – прожил последний в Иверском и Крестном монастырях.

Митр. Питирим, бояре Салтыков и кн. Трубецкой сделали царю представление о необходимости избрать нового патриарха. Подавалась ему о том же и челобитная, которая в тогдашних списках именовалась «всенародным прошением к царю». Собор открыт был 16 февр. 1660 г. Созывая собор государь послал в Крестный мон. стольника Матвея Пушкина спросить мнение о сем Никона. Последний отвечал так: «если государь изволит мне быть в Москве, то я, по указу его,

новоизбранного патриарха поставлю, и, приняв от государя милостивое прощение, простясь с архиереями и подав всем благословение, пойду в монастырь. Только бы государь не велел отнимать у меня монастырей моего строения, да указал давать мне часть от соборной церкви, чтобы мне быть сыту». В письме к царю, он писал, что должен быть призван для благозаконного и праведного избрания нового патриарха; после избрания он преподаст новоизбранному, чрез рукоположение, ту же благодать, которую сам приял.

Вопрос о патриархе обсуждался сначала одним русским духовенством. Сочувствие Никону выявил ученый епископ полоцкий Каллист. Решено было поставить нового патриарха, Никона же лишить священства. Царь трижды не выносил своего решения, затем же приказал пригласить на собор, бывших в Москве, трех греческих иерархов Парфения, Кирилла и Нектария. Они подтвердили приговор русских. Государь готов был согласиться с ним. Но выступил ученейший старец *Епифаний Славеницкий*. Он писал: «Ваше царское величество приказали мне составить соборное определение; я готов это сделать относительно избрания и поставления нового патриарха, потому что это праведно, благополучно и правильно; о низвержении же Никона не дерзаю писать, потому что не нашел такого правила, которое низвергло бы архиерея, оставившего свой престол, но архиерейства не отрекшегося». Поддерживал его архим. полоцкий *Игнатий Иовлевич*, который утверждал, что епископы русские не имеют права судить своего архипастыря без участия восточных патриархов. «Сей голос проник в кроткое сердце царя», пишет архиеп. Филарет. «Постановления собора не были им утверждены.»

Патриарх отнесся к собору с крайней неприязнью, называл его не иначе, как свнагою иудейскою, потом еще резче, действия его признавал неканоническими. Вскоре возобновились было добрые отношения между царем и Никоном. Извещая последнего о том, что изнемогает боярин Борис Ив. Морозов (свояк и бывший воспитатель), царь просил простить его, если была от него патриарху какая либо досада. Никон ответил сердечным письмом. Дано было ему, по его

просьбе, разрешение не отдавать даточных людей с своих монастырей.

Положение Никона ухудшилось с прибытием в Москву в начале 1662 г. *Паисия Лигарида*, б. митрополита гасского, именовавшего себя теперь митрополитом иерусалимского Предтечева монастыря²¹). «Паисий был самый истый грек из всех приезжавших в Россию греков, хитрый, льстивый, пронырливый, и всего более дороживший корыстью, которая собственно и привлекла его в Россию и для которой он охотно жертвовал и долгом и совестью. Приезд его обрадовал обе стороны: царь принял его очень ласково, как человека, который, при основательном знании церковных правил, легко может распутать ему трудное дело, безуспешно тянувшееся целых пять лет. Никон с своей стороны тоже рассчитывал найти в Паисии своего защитника, тем более, что он явился в Москву по его приглашению. Он поспешил отправить к Паисию Арсения-грека с приветствием. Но обласканный царем и еще более вельможами, Лигарид не замедлил стать в ряду самых злых врагов Никона. Первым делом Паисия и вельмож были вопросы родственника царского, Семена Стрешнева, Паисию о Никоне и ответы Паисия, прибранные из церковных правил в осуждение Никону. Между тем Никон, в других случаях не совсем доверчивый, не зная расположения Паисия, в письме своем излил жалобу на свое положение и подобную же грамоту написал константинопольскому патриарху. Грамота была перехвачена вельможами; письмо к Паисию было, как понятно, также в их руках, и обе бумаги глубоко огорчили доброго царя». (Гр. М. В. Толстой). Архиеп. Филарет так определяет Лигарида: «Паисий был довольно учен, но не слишком дорожил совестью, любил вести интриги, был хитр как грек, но грек легкомысленный».

Незадолго до этого Никон остро переживал тяжбы с соседями Воскресенского мон. Окольничий Роман Бабарыкин, у которого он в свое время и купил вотчину под свой монастырь, захватил часть земли и луга, которые обитель считала своими. Архимандрит монастыря просил государя о суде. Другой сосед Иван Сытин подал царю челобитную на крестьян

Воскресенского мон., скосивших сено на его земле, стрелявших в него и покушавшихся разорить его жилище. Не дождавшись царского указа, Никон приказал скосить сено на спорном лугу, захваченном Бабарыкиным. Когда прибыли по жалобе последнего сыщик и подъячий, то монастырские власти заявили, что «простому человеку нельзя судить людей Божиих, особенно освященных». Власти решили взять монастырских крестьян в Москву для расспросов. Никон тогда послал до крайности резкое письмо Царю. Он писал: «...Откуда ты принял такое дерзновение – сыскивать о нас и судить нас? Какие тебе законы Божии велят обладать нами, рабами Божиими? Не довольно ли тебе судить в правду людей царствия мира сего, о чем ты мало заботишься? В наказе написано твое повеление – взять крестьян воскресенского монастыря: по каким это уставам? Надеюсь, если и поищешь, то не найдешь здесь ничего, кроме беззакония и насилия. Послушай Господа ради, что было древле за такую дерзость над фараоном в Египте, над содомлянами, над царями Ахаавом, Навуходоносором и другими...». В дальнейшем письмо было наполнено обличениями и укорами. Митр. Макарий, помещая это письмо, пишет: «При чтении этого письма нельзя не подивиться озлоблению или ослеплению Никона. Сколько преувеличений, неосновательности, неправды в его словах! Как будто в самом деле он удалился с своей кафедры потому, что видел церковь гонимую, и желая положить душу свою за братию свою! Как будто он отовсюду был гоним, отовсюду утесняем! Как будто царь не имел права судить духовных лиц даже по гражданским делам, касавшимся их вотчин и земельных владений, не имел права требовать для допросов даже монастырских крестьян!.. Как будто он за одержанные победы не воздавал хвалы Богу! Как будто и прежде Алексея Михайловича наши владыки ставились не по утверждению и не по указу великого государя!...».

В 1662 г. в неделю православия, в Воскресенском мон. во время обряда, Никон торжественно анафематствовал митрополита Питирима за шествие на осли (за то же осужденного уже им в 1661 г.), за поставление Мефодия

епископа Мстиславского и за «досадительное и поносительное к себе слово». Царь потребовал по этому делу мнения от архиереев. Все, в том числе и еп. Каллист полоцкий, признали поступок Никона несправедливым и противоканоничным.

Боярин С. Стрешнев, как мы знаем, задал Лигариду до 30 вопросов, касавшихся Никона. Тот представил ему пространные ответы. Они стали известны Никону, который поспешил написать длинное «Возражение или разорение Никона, Божиею милостию, патриарха, против вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа гасскому митрополиту Паисию Лигаридиусу, и на ответы Паиеиевы». Гр. М. Толстой пишет: «В возражениях Никона отразилось вполне смятенное, взволнованное до самой глубины, состояние духа, в каком он находился в то тяжелое время своей жизни. Как будто он и писал их единственно с тою целию, чтобы вылить на бумагу подавлявшие его ощущения, которые ему необходимо было высказать, чтобы сколько-нибудь облегчить себя, а высказать было некому; предположение это тем более вероятно, что Никон, как видно, не имел намерения сделать какое-либо употребление из написанных им возражений и никому не подавал их в виде протеста».

Разбирая 24-й вопрос Стрешнева Никон развивает свою идеологию, ознакомившись с которой понимаешь, что руководило его действиями, начиная с необычного восхождения на патриаршую кафедру.

Как пишет митр. Макарий, Никон старался доказать, что «священство есть более царства, что священство от Бога, помазание же на царство от священства». Никон писал: «Господь Бог, когда сотворил землю, повелел двум светилам светить ей, солнцу и месяцу, и чрез них показал нам власть архиерейскую и царскую, солнцем – власть архиерейскую, месяцем – царскую. Солнце светит днем, как архиерей душам. А меньшее светило месяц, заимствующий свет от солнца, светит ночью, т. е. для тела: так и царь приемлет помазание и венчание от архиерея, по принятии которых становится уж совершенным светилом и имеет святейшую силу и власть. Такова разность между теми двумя лицами во всем

христианстве. Архиерейская власть во дни, т. е. над душами, а царская – в вещах мира сего. Царский меч должен быть готов на врагов веры православной, когда потребует того архиерейство и все духовенство, и оборонять их от всякой неправды и насилия обязаны мирские власти. Мирские нуждаются в духовных для душевного спасения, духовные в мирских для обороны. В этом отношении царь и архиерей не выше один другого, но каждый имеет власть от Бога... В вещах же духовных архиерей великий выше царя, и каждый человек православный должен быть в послушании патриарху, потому что он отец наш в вере православной, и ему вверена православная церковь». Соловьев, касаясь этого суждения Никона, разъясняет его, как последовавшее в ответ на утверждение Стрешнева, что всесчастливый царь поручил Никону надзор над судами церковными и дал много привилегий. «Тут Никон высказал свой взгляд на отношение царской власти к патриаршеской», говорит Соловьев, «– взгляд, который никак не сходил с преданиями Восточной Церкви, утвержденными в России историею».

В конце декабря 1662 г. бояре убедили царя потребовать от Никона сведения о состоянии имущества церквей и дома патриарших. Настоятели должны были донести, какие вещи и подарки требовал от них патриарх. Раскрыт был его тайный архив. Никон жаловался горько царю за это оскорбление, подчеркивая, что этим нарушены тайны совести, вверявшиеся ему, как святителю. Царь не мог не признать справедливость жалоб Никона, но его огорчал резкий тон письма, смелые и неумеренные обличения.

В 1663 г. снова обострилось дело Бабарыкина из-за того, что последний требовал слишком много вознаграждения за свои убытки. Недовольный этим Никон, собрав братию в церковь и положив царскую жалованную грамоту о монастырских землях под крест, отслужил молебен и после него возглашал клятвенные слова из псалма 108 против обидящих. Бабарыкин донес царю, что Никон, выбирая из псалма слова проклятия, относил их к государю и в тот же день порицал последнего в своей келье. Набожный государь был очень огорчен этим сообщением. Назначено было расследование на месте. В

монастырь прибыли архиепископ астраханский Иосиф, богоявленский архимандрит, кн. Никита Одоевский, Родион Стрешнев и Паисий Лигарид. Присутствие последнего не могло не рассердить Никона, который и обошелся с ним весьма грубо, чем вызвал злобные выступления последнего. В какой обстановке протекало исследование и как озлоблены были бояре можно судить из следующих слов донесения царю: «только бы он (Никон) был не такова чина, и мы бы и жива его не отпустили». Архиеп. Филарет пишет: «Тогда, как царь приказал вельможам-следователям обходиться с п. Никоном со всем уважением, они, окруженные толпами стрельцов и Десятками чиновников, распоряжались Никоном по своему, – допрашивали его с наглою дерзостью, вместо вопросов предлагали ему укоризны и брань, запирали его в келье и живших с ним в монастыре подвергали пыткам». Никон доказал, что проклинал не царя, а обидящего Бабарыкина. «Я служу за царя молебны, а не проклиная его на погибель». Окружавшие его монахи подтвердили это. Расследование не подтвердило доноса. Царь поспешил успокоить патриарха и потом послал ему подарки.

Враги патриарха продолжали действовать против него. Лигарид письменно советовал царю снестись по делу Никона с Константинопольским патриархом. Он же приготовил вопросы о царской и патриаршей власти, не называя в них имени Никона, но выбирая случаи, связанные с ним в том виде, как представляла их враждебная сторона. Царь отправил вопросы ко всем патриархам. В 1664 г. получены были ответы. Митр. Макарий пишет: «Соборный свиток или грамота восточных патриархов, привезенный Мелетием в двух списках, принят был в Москве с великой радостью. На все вопросы по делу Никона здесь изложены были такие ответы, что освященному русскому собору оставалось только воспользоваться ими, чтобы порешить это дело окончательно. Патриархи в своих ответах объясняли и утверждали: 1) Царь есть верховный владыка в своем царстве и имеет право наказывать всех, сопротивляющихся ему, своих подданных, хотя бы кто из них занимал самое высшее место в церкви; в монархии должно быть одно начало – царь, а не два, и патриарх в вещах мирских

должен покоряться царю наравне с прочими подданными и не в праве требовать от него никаких отчетов в его делах, а в вещах церковных не должен изменять древних уставов и обычаев; если же дерзнет сопротивляться царю или изменять древние уставы, то да будет лишен своего достоинства. 2) Если епископ или митрополит, или патриарх захочет усвоить себе какие либо названия, несвойственные его сану, и именоваться государем, увлекаясь гордостью и мирскою славою, то да извергнется; если захочет обладать и мирскою властью и священническою честью, да извергнется; ... 5) Если епископ или патриарх своею волею отречется от своего престола, сам сложит с себя архиерейские одежды пред множеством народа, говоря, что не будет более архиерействовать, и отойдет в монастырь, то уже не может снова воспринять свой сан и архиерействовать, а должен считаться простым иноком ... если даже не отречется от своего престола, а только своевольно удалится от него и без благословной причины останется в удалении от него более шести месяцев, да извержется; если даже будет пребывать пределах своей епархии, в каком либо монастыре или селении, более шести месяцев вдали от своей кафедры, да извержется, и поместный собор имеет полное право поставить на эту кафедру и епархию нового архиерея ... В заключение своего соборного свитка патриархи поместили следующее общее определение: «архиерей, который окажется виновным против изложенных вопросов и ответов, да примет заслуженное наказание, и да извержется от архиерейского достоинства и власти, на место же его да поставится в ту епархию другой канонически». А патриарх Нектарий, в своей приписке к свитку, сделал пояснение: «Настоящее определение простирается не только на епископа ила митрополита, но и на патриарха; должен составиться собор, и виновный должен быть позван на собор однажды, дважды, трижды; если явится и даст ответы, то по ответам и судится от собора; если же не явится, то собор и заочно осудит его окончательно».

Патр. иерусалимский Нектарий, подписавший соборный свиток, 20 марта отправил государю письмо, в котором говорил: «нам кажется, что вы можете покончить дело мирным образом.

Пригласите однажды и дважды кир Никона, чтобы он возвратился на свой престол и покажите ему для точного соблюдения статьи нашего сборного свитка... Если Никон окажется преступившим эти статьи, но раскается и даст обещание следовать им, то достоин прощения ... Просим ваше величество не приклонять слуха к советам людей завистливых, особенно если такие будут духовного сана... В настоящем положении, когда наша церковь находится под игом рабства, мы уподобляемся кораблям, потопляемым безпрестанными бурями, и в одной вашей русской церкви видели как-бы Ноев ковчег для спасения от потопа. А теперь кто внушил вам отвращение от мира?.. Помыслив о сем, миролюбивейший государь, последуй кротости Давида, восприими ревность по вере православной и постарайся со тщанием вновь возвести законного патриарха вашего на престол его... Если Никон говорит, что он не отрекался от престола, но от непокорных, то, очевидно, он обличает непокорность народа: покажите ж к нему должное повиновение, как к строителю благодати ... Он не подал письменного отречения своему собору, и ваше величество, равно как и весь народ, не принимали этого отречения...». В заключение, однакож, Нектарий сказал: «если Никон, по вторичному приглашению не согласится возвратиться на свой престол, то извольте поступить по правилам, указанным в нашем соборном свитке: ибо нельзя же столичному городу быть без духовного пастыря. Необходимо одно из двух: или возвратить Никона, или на его место возвести другого; только гораздо лучше было бы возвратить Никона». «К сожалению», пишет митр. Макарий, «эта грамота Нектария, почему-то, слишком запоздала и доставлена в Москву не раньше ноября или декабря того года, а потому не могла уже оказать никакого влияния на ход событий».

В декабре 1664 г. произошло следующее. Боярин Никита Зюзин, ссылаясь неправильно на близких к государю Арта-мона Матвеева и Афанасия Ордына-Нащокина, передал патриарху желание царя о немедленном прибытии его в Москву, при том прямо в Успенскую церковь. Дать такой совет побудило Зюзина создавшееся у него и у некоторых других доброжелателей

Никона впечатление, что государь стремится восстановить с последним прежнюю дружбу.

Никон в пустынном скиту видел во сне, что сонм московских святителей, восставая в Успенском соборе, по зову св. Ионы, вторично возвел его на престол. Ночью с 17 на 18 дек. въехал Никон, с братией Воскресенского мон., в Москву, торжественно вступил в храм Успения и, приложась к св. мощам и иконам, стал на патриаршее место, с оставленным им некогда посохом св. митр. Петра. Старец *митр. Иона Ростовский*, со времени назначения Питирима в Новгород бывший местоблюстителем, подошел к Никону под благословение, со всеми соборянами. Он отправился во дворец с вестью о возвращении патриарха и приглашал царя в храм. Это произвело сильную тревогу. Минута была решительная, ибо от нея зависело или провал боярского заговора против Никона, или конечное его низвержение. Враги убедили царя не принимать патриарха. Митр. Павел Крутицкий, князя Одоевский и Долгорукий пришли в собор и передали Никону царское приказание вернуться в Воскресенский мон. Огорченный Никон сказал, что отрясает прах с ног своих там, где его не принимают. Он вышел из собора, но взял с собою посох св. митр. Петра в доказательство того, что не с клятвенным отречением оставил престол. Государь приказал ему вернуть посох, что он и выполнил, послав его непосредственно государю. Зюзин был сослан в Казань. Митр. Иона лишен был должности местоблюстителя, которую занял *митр. Павел*. Никон, видя ясно, что все для него кончено и нет надежды на примирение, заявил через некоторое время после поездки, что он соглашается на избрание нового патриарха с условием, чтобы оставили ему патриаршее титуло, а также второе место на соборах, со свободным доступом к царю и общением со всеми желающими его посещать. Просил оставить в полной его зависимости три созданные им обители. Обещал он, в случае раскаяния, разрешить от клятвы всех, которых он подвергнул ей (Архиеп. Филарет).

В это время Алексей Михайлович послал уже приглашение восточным патриархам прибыть в Москву для рассмотрения дела Никона. Выразили на это согласие патриархи Паисий

александрійський і Макарій антиохійський, приїжджавший раніше в Росію. Вони зустрілися в Шемахе, звідки проїхали в Астрахань. Решта відмовилися від поїздки з-за стану справ в своїх областях і з страху перед турками. Вони видали повноваження Паїсію і Макарію. Обраний царем надійшлий посланець, келарь Чудова монастиря. Савва, приховано їм посланий, добрався до Фессалонік, де тоді знаходився патріарх *Дионисий*, залишивши кафедру і бежавший туди з Царьграда. Савва таємно відвідав патріарха і сказав йому: «Святий владыко! Царь Алексей Михайлович молить тебе, приди в Москву, благослови дім його, і різні потрібні речі виправь. Ріши: що робити царю, умоляти чи Никона патріарха, щоб повернувся, або іншого поставити?» Дионисий відповів: «Їхати в Москву ніяк не можу. Благословляю государя, щоб або він простив Никона, або іншого поставив, смиренного і кроткого; якщо він боїться іншого поставити, то ми приймаємо гріх на свої голови; царь самодержець: все йому можливо». Признав Дионисий, що він і патр. Нектарій написали дві грамоти слово в слово, руки свої приклали і послали в Александрию і Антиохію. Царь міг тепер переконатися, що йому доставлено був вірний соборний свиток. Отримав він від патріарха відповідь і на інший турбувавший його питання. «А Паїсій Лигарид – лоза не константинопольського престолу; я його православним не називаю, бо чую від багатьох, що він папешник, лукавий чоловік». Дионисий сказав, що відхилив прохання Лигарида іменувати його екзархом. Після цього заявлення Дионисия Лигарид не займався більше о своїм екзаршестве і на наступних соборах в Москві підписувався нижче митрополитів російських і грецьких.

Перед предстоявшим в Москві собором Никон помітно погіршив своє становище, спробувавши відправити таємну грамоту східним патріархам, виправдовуючи свої дії. Грамота, яку він намагався відправити зі своїм родичем Марисовим через Київ, була захоплена в початку січня 1666 року. Грамота містила ряд скарг на царя. Соловьев пише: «Письмо это всего более раздражило царя против Никона: если и прежде Никон не щастил жестких

выражений относительно Алексея Михайловича, то это было дело свое, домашнее, о котором знали свои, немногие; а теперь Никон решился выставить в черном свете поведение государя относительно себя, относительно Церкви и всего народа перед чужими, и именно перед людьми, добрым именем которых, по религиозности своей, Алексей Михайлович очень дорожил. В сильном волнении и с досадою читал он это письмо, что видно из собственноручных заметок его на полях; так например, против того места, где Никон говорит, что тяжкие дани, налагаемые царем на народ, не приносят никакой пользы, Алексей Михайлович написал: «А у него льготно и что в пользу?».

2 ноября 1666 г. прибыли в Москву патриархи *Паисий александрийский* и *Макарий антиохийский*, имея полномочия остальных патриархов. Целый месяц шли торжественные приемы и ознакомление прибывших с делом. Присутствовали на соборе царь, два патриарха, четыре русских митрополита, шесть греческих, один грузинский и один сербский, шесть наших и два греческих архиепископа, пять епископов, более пятидесяти архимандритов, игуменов и протоиереев; присутствовал весь свнклит царский. Всех собраний собора было восемь: три – предварительных или приговорительных, четыре – посвященных самому суду над Никоном (два – заочному и два суду в присутствии подсудимого), и одно – заключительное, на котором происходило только объявление и исполнение судебного приговора.

Патриарх Никон, призванный на собор, приготовился к нему елеосвящением и принятием св. Таин. По чину патриаршескому, с предшествующим крестом, на чем он настоял, явился он 1 дек. на собор, заседавший в столовой избе у государя. Все присутствующие встали. Он прочел входную: «Достойно есть» и сотворил отпуст; трижды поклонился царю до земли, потом дважды патриархам до земли, всем другим сделал обычный поклон. Не видя для себя места наравне с патриархами, не хотел сесть на указанное ему, которое было с прочими архиереями без возглавия и подножия, и стоя слушал обвинения в течение нескольких часов. Гр. М. В. Толстой пишет:

«Обвинителем явился сам царь. Весь взволнованный, в слезах, стоял он пред святителями, произнося обвинения на своего бывшего душевного друга, жаловался на самовольное удаление патриарха, на осьмилетнюю церковную смуту по его вине, отрицал всякую вражду к нему со своей стороны. Еслибы в эту минуту Никон решился сделать один добрый, уступчивый шаг, царь Алексей Михайлович, по всей вероятности, здесь же на соборе искренно примирился бы с ним. Но крутой, чуждый смирения, неуступчивый нрав не допустил Никона сделать этого шага; он отвечал, что ушел от царского гнева, но в свою же епархию и патриаршества не оставлял. Царь представил Собору перехваченное письмо Никона к патриарху цареградскому и жаловался на безчестие. Никон отвечал, что письмо это написал духовно и тайно к своему брату, и не его вина, что написанное тайно делается явным». Архиеп. Филарет отмечает, что из иерархов более всего нападали на Никона Иларион рязанский и Мефодий Мстиславский, которого тот не допускал до епископского сана. Из бояр выступал кн. Долгорукий. Никон отвечал свободно, но не спокойно.

Заседание, начатое в третьем часу дня, окончилось во втором ночи, утомив особенно царя и Никона, которые более всех выступали, все время оставаясь на ногах. Основными вопросами, подлежавшими суждению, были: самовольное отречение Никона от престола и содержание письма его к патриархам. Митр. Макарий пишет: «Из расспросов по первому обвинению уяснилось, что Никон оставил свою кафедру и церковь единственно из-за гнева государя к нему лично, – причина совершенно недостаточная: если и был на него гнев государя, то ему, Никону, Следовало, как справедливо заметили ему патриархи, посоветоваться с архиереями и бить челом государю, просить у него прощения, а не покидать церковь, и на такое долгое время. Из допросов по второму обвинению или, что тоже, из чтения грамоты никоновой к патриарху Дионисию, хотя обнаружилось, что не все Никон написал про царя неправду, и по некоторым делам объяснения, высказанные на соборе царем, нельзя признать удовлетворительными, но обнаружилось также, что Никон действительно написал про

государя важные укоризны, клеветы, неправды, которые подтвердить чем либо отказался: например, будто царь вмешивался в архиерейские дела, будто он из-за Никона многих мучил, посылал в заточение; будто, за нападки на Уложение, его, Никона, много раз хотели убить и проч. Обнаружилось еще, что Никон сам собою, без собора, низложил и подверг жестокому наказанию епископа коломенского Павла, и нанес в своей грамоте к Дионисию безчестие не одному государю, но и всем сынам русской церкви, якобы они уклонились от восточного православия и соединились с римским костелом». Следующее судебное заседание происходило 3 дек. «Никон не был приглашен, вероятно, потому, что теперь не предлагалось никаких новых обвинений против него, а только подтверждались, пояснялись и обсуждались прежние, по которым он уже был допрошен в предшествовавшем заседании, и только доканчивалось то, чего тогда не успели кончить: суд теперь был заочный». Царь жаловался патриархам на Никона, наименовавшего всех еретиками. «Рассудите нашу жалобу и очистите меня и освященный собор и всех православных христиан нашего царства от того никонова названия». Патриархи, заявив, что Никон и их назвал еретиками, раз они к еретикам пришли творить суд, изрекли: «По правилам св. апостолов и св. отцев, кто на кого клеветает или кого обвиняет в каком либо злом деле, и не докажет обвинения, тот сам подвергается наказанию, какого заслуживал бы обвиняемый им, еслибы оказался виновным; а кто взведет на кого еретичество, и не докажет, такой клеветник достоин, если священник, извержения, а если мирянин, проклетия. Никон назвал тебя, государя, и всех у вас православных христиан еретиками, и мы будем судить его по правилам св. апостолов и св. отцев».

На четвертом судебном заседании 5 дек. Никон присутствовал. Обсуждался вновь подробнее вопрос об отречении Никона, от патриаршего престола. Оглашался соборный свиток восточных патриархов. Никон оспаривал одно из правил, в нем приведенное, которого, яко бы, в русской кормчей нет. Ему было указано, что оно помещено и в русской кормчей. «Кормчая книга не при мне напечатана», заявил он.

Действительно, она была напечатана при патр. Иосифе, но исправлена и роздана при нем.

В заключение александрийский патриарх, обратившись к Никону, произнес слова 84 апостольского правила: «аще кто досадит царю не по правде, да понесет наказание, и, аще таковой будет из клира, да будет извержен от священного сана». «После этого патриархи спросили архиереев и весь освященный собор: какому наказанию подлежит патриарх Никон по канонам церкви?» пишет митр. Макарий. «И все архиереи, сперва греческие, потом русские, и весь освященный собор отвечали: «да будет извержен из священного сана». Тогда оба патриарха, поднявшись с своих мест, от имени всех четырех восточных патриархов и всего освященного собора, сказали Никону: «ныне тебя, Никона, бывшего патриарха, по правилам св. апостол и св. отец, извержем, и отселе не будеши патриарх, и священная да не действуеши, но будеши, яко простой монах».

Патриарх Никон был обвинен в следующем: 1) самовольно оставил он патриарший дом и удалился в Воскресенский мон. 2) по причине удаления его заведены были разные следствия, от которых многие пострадали 3) досаждал государю, препирался с самым собором и не был покорен 4) митрополита гасского называл еретиком и мятежником 5) без соборного суда подвергал запрещению некоторых епископов и лишал епархий 6) некоторых из своих подчиненных, по удалении от престола, наказывал жестоко. Архиеп. Филарет, приводя эти данные, добавляет: «Митр. Платон справедливо заметил, что другое, пространное обвинение Никона не было собственно определением собора, а только манифестом гражданским. Причина последнему была в обстоятельствах. Народ уважал Никона, несмотря на происки бояр, и последние боялись, не сделалось бы волнение в народе за Никона. Посему то, когда после собора удалили Никона из Москвы, окружили его многочисленную стражею. По той же причине сочли нужным объяснить с народом о Никоне, как можно пространнее и резче.»

Судебное дело Никона поражает тем, что, наряду с важными обвинениями, ему предъявленными: самовольное

оставление патриаршей кафедры, с проистекавшей от этого смуты и большим ущербом для Церкви, самостоятельное устранение и ссылка епископа Павла, местопребывание которого оставалось неизвестным и во время соборного суда, оскорбительная и во многом неосновательная жалоба его на царя константинопольскому патриарху, – выдвигались и незначительные ошибочные его действия. С другой стороны, Никон, подымавший важный вопрос о законности Монастырского приказа и об его действиях, говорил о мелких обидах и даже жаловался на Стрешнева, научившего свою собачку подражать ему²²) Решаемся сделать вывод, что у Никона никаких серьезных оснований к оставлению им в 1658 г. патриаршества не было, никакому гонению со стороны доброго и миролюбивого царя он не подвергался, и только поколебалось прежнее исключительное дружеское отношение к нему Алексея Михайловича, которое в любой момент могло и вернуться.

12 дек. все архиереи и прочия духовные особы собрались в кельях патриархов в Чудовом мон., куда они еще ранее переехали с кирилловского подворья. Государь отсутствовал, прислав нескольких бояр. Все перешли в Благовещенскую церковь сей обители, где облачились в мантии. Туда прибыл Никон. После краткого молебствия был оглашен по-гречески и по-русски соборный приговор или «объявление о низложении Никона». Дальнейшее Соловьев излагает так: «Когда вины были объявлены, патриарх Александрийский снял с Никона клобук и панагию, и сказал ему, чтоб вперед патриархом не назывался и не писался, назывался бы просто монахом Никоном, в монастыре бы жил тихо и безмятежно, и о своих согрешениях молил Всемилостивого Бога. «Знаю я и без вашего поучения, как жить», отвечал Никон, «а что вы клобук и панагию с меня сняли, то жемчуг с них разделите по себе, достанется вам жемчугу золотников по пяти и по шести, да золотых по десяти. Вы султанские невольники, бродяги, ходите всюду за милостынею, чтоб было чем заплатить дань султану. Откуда взяли вы эти законы? Зачем вы действуете здесь тайно, как воры в монастырской церкви, в отсутствии царя, думы и народа? При всем народе упросили меня принять

патриаршество; я согласился, видя слезы народа, слыша страшные клятвы царя; поставлен я в патриархи в соборной церкви, пред всенародным множеством; а если теперь захотелось вам осудить нас и низвергнуть, то пойдем в ту же церковь, где я принял пастырский жезл, и если окажусь достойным низвержения, то подвергните меня, чему хотите». Ему отвечали, что все равно в какой-бы церкви ни было произнесено определение Собора, лишь было бы оно по совету государя и всех архиереев. На Никона надели простой клобук, снятый с греческого монаха; но архиерейского посоха и мантии у него не взяли, страха ради народного, по одним известиям, по просьбе царя – по другим». Митр. Макарий дополняет: «Выходя из церкви, в которой выслушал соборный приговор над собою, Никон говорил в слух народа, толпившегося вокруг: «погибла ты, правда, господствует ложь; не следовало тебе, Никон, так смело говорить правду царю и боярам, а льстить им и угождать, и ты не дожил бы до такого осуждения». В санях он проехал на подворье, где проживал. На другой день царь прислал Никону серебряные деньги и различные одежды, собольи и лисьи, для дороги, и просил благословения. Никон дары не принял, благословения не дал, сказав посланному: «еслибы благоверный царь желал от нас благословения, он не явил нам такой немилости». 21 дек. он прибыл в Ферапонтов монастырь.

Патриархи, осудившие вместе с собором Никона, уведомили об этом грамотами патриархов Нектария иерусалимского и нового константинопольского Парфения IV, изложив ход дела. Митр. Макарий отмечает: «Достоин замечания: в обеих своих грамотах патриархи Паисий и Макарий упоминают, что они, вместе с собором, судили и осудили Никона согласно с известным свитком, составленным всеми четырьмя патриархами, и тем свидетельствуют, что не они одни, а и два остальные патриарха, цареградский и иерусалимский, участвовали в этом суде и осуждении».

Митр. Макарий пишет: «Сохранилось, хотя краткое, но драгоценное суждение о суде и приговоре над Никоном одного из лиц, участвовавших в этом суде и подписавших этот приговор, именно черниговского епископа Лазаря Барановича,

мужа сколько просвещенного, столькоже благочестивого, и не имевшего никаких побуждений относиться к Никону неприязненно и несправедливо. В письме своем к киевопечерскому архимандриту Иннокентию Гизелю, тотчас по возвращении с московского собора, Баранович писал: «Бывшего патриарха низложило собственное его упорство. Он самовольно отказался от престола; всенародно, в виду клира и народа, сложил с себя патриаршеские отличия, и что он сам отказался, в том дерзновенно и признание учинил, слагая причину удаления своего с престола на гнев царский; но смирение все победило бы. Надобно было изумляться благодушию и кротости царя; заливаясь слезами, он исторгал слезы у зрителей. Доказано было со стороны царя, что Никон, не подвергаясь никакому преследованию, незаконно оставил свою паству. Смирение одержало бы верх; но оно вовсе оскудело: в порыве гнева Никон укорял и восточных патриархов в том, что они, лишившись своих престолов, незаконно требуют его к суду; всех против себя восставил ... Изложены были (пред собором) противозаконные его поступки, жестокое управление его клиром, низвержение им собственною своею властью одного епископа, что послужило причиной скоропостижной смерти его от умопомешательства. Приговор собора прочитан был всенародно, сперва на греческом, а потом на славянском языке, в домово́й церкви у патриархов. После того велели Никону снять свой клобук, украшенный серафимом; но он не послушался. Тогда александрийский патриарх, как вселенский судия, сам сбросил с него клобук и надел на него простой, дабы показать, что с этого времени он монах- протест. Зрелище было изумительное для глаз и ужасное для слуха. Я страдал и издыхал от ударов, переносил ужасы и упал духом, когда погасло великое светило».

Патриархи совершали богослужения 21 декабря, в день памяти свят. Петра митрополита московского, на Рождество Христово, Крещение Господне. Когда, после праздников, архиереи собрались в патриаршем дворце для подписания акта о низложении Никона, то выяснилось, что некоторых из них смущает одно место в свитке восточных патриархов. Русские

архиереи поняли, что здесь унижена неправильно патриаршая власть пред царской. Возникли споры. Особенно возражали главные противники Никона, митрополиты крутицкий Павел, блюститель патриаршества, и рязанский Иларион. В записке, представленной ими патриархам в объяснение своих сомнений, было высказано и следующее: «вы находитесь под властью неверных агарян, и если страдаете, то за ваше терпение и скорби да воздаст вам Господь. А мы, которых вы считаете счастливыми, как живущих в православном царстве, мы трикратно злополучны; мы терпим в своих епархиях всякого рода притеснения и несправедливости от бояр, и хотя большею частию стараемся скрывать и терпеливо переносить эти неправды, но мы ужасаемся при мысли, что зло, с течением времени, может увеличиваться и возрастать, особенно если будет утверждено за постоянное правило, что государство выше церкви. Мы вполне доверяем нашему доброму и благочестивейшему царю Алексею Михайловичу, но мы опасаемся за будущее ...». После обсуждения этого вопроса патриархи сказали: «пусть будет заключением и результатом всего нашего спора мысль, что царь имеет преимущество в *политических* делах, а патриарх в *церковных*». Все рукоплескали и взывали: «многая лета нашему победоносному государю, многая лета и вам, святейшие патриархи!» (Митр. Макарий).

В Ферапонтовом монастыре Никон сначала пребывал в жестокой тесноте, при чем у него отобрали мантию и посох архиерейский. Отвергал он знаки участия царя и отсылал обратно его дары. Только в день св. Пасхи, в 1667 г., он, пригласив, после литургии, архимандрита, полковника Наумова и многих из братии, наполнил чашу вином и произнес: «да не до конца пребудет вражда наша с государем, се ныне питье сие про здравие благочестивейшего царя со всеми вкушаю и впредь присланным от него отрицаться не буду». Царь же не забывал его. Соловьев пишет: «Сильно раздраженный письмом Никона к патриархам, Алексей Михайлович схватился враждебно на Соборе с прежним своим собинным приятелем, когда увидал его лицом к лицу, также гневного, по-прежнему гордого,

неуступчивого, скорого на обиду. Но когда дело кончилось, приговор был произнесен – и, вместо святейшего патриарха, великого государя Никона, в воображении царя явился бедный монах Никон, ссыльный в холодной пустыни Белозерской, гнев прошел, прежнее начало пробуждаться: Алексею Михайловичу стало жалко, ему стало страшно... В религиозной душе царя поднимался вопрос: по христиански-ли поступил он, не должен ли он искать примирения с Никоном, хотя и не был в-праве изменять приговора соборного?». По воле царя положение Никона в монастыре улучшилось. Ему позволено было иметь свою церковь, в которой богослужения совершали последовавшие за ним добровольно в заточение священноиноки, его патриаршего рукоположения. Любя труды подвижнические, Никон совершал их и теперь. Расчищал он лесистые участки, разрабатывал поле для хлеба и овса.

Никона все более почитали в монастыре. Толпы народа стекались к нему за благословением. Но враги не унимались и, во время бунта Разина, пустившего слух, что у него находятся умерший царевич Алексей и Никон, добились допроса последнего. Царь продолжал присылать Никону подарки и они обменивались грамотами. Радовался Никон второму браку царя, женившегося на Наталии Кирилловне Нарышкиной, и рождению царевича Петра. В своей духовной Алексей Михайлович писал: «от отца моего духовного, великого господина святейшего Никона иерарха и блаженного пастыря – аще же и не есть ныне на престоле, Богу так изволившу – прощения прошу и разрешения». Извещенный о последовавшей в 1676 г. кончине царя, Алексея, Никон прослезился и, обратив взоры к небу, сказал: «воля Господня да будет! Аще бо zde с нами прощения не получи, но в страшное пришествие Господне судитися имать». Когда, прибывший с печальной вестью Федор Лопухин, упрашивал его дать покойному государю письменное прощение, Никон отвечал: «Подражая учителю своему Христу, повелевшему оставлять грехи ближним, я говорю: Бог да простит покойного, но письменного прощения не дам, потому что он при жизни своей не освободил нас от заточения».

С воцарением *Феодора Алексеевича* удален был из Москвы, благоволивший к Никону, ранее влиятельный боярин Артамон Матвеев, потеряли значение его доброжелатели Нарышкины. Первенствующее значение при дворе сначала получили родственники первой супруги царя Алексея, матери Феодора, Милославские и Хитрово, враги Никона. Его перевели в более тяжкое заточение в *Кириллов* мон. «Тяжка была жизнь Никона в Кириллове.» пишет гр. М. В. Толстой. «Здесь предстоял низложенному первосвятителю последний период испытания, из которого вышел он как золото, искушенное в горниле. Никону суждено было, в первые годы своего заключения в Кириллове, страдать ежедневно от угара в дымных кельях, где его затворили под крепкой стражей, так что он едва не скончался от невыразимого томления, пока не были построены для него новые келлии. Изнуренный старец помышлял о вечности и желал только последней отрады: успокоиться под сению созданной им обители нового Иерусалима. Все житейское в нем уже перекипело, и последняя даже искра мирская угасла в Кириллове, во время пятилетнего тяжкого заключения.»

К Никону недоброжелательно относился *патр. Иоаким*. Позднее влияние Милославских ослабло; в противовес патр. Иоакиму действовал бывший воспитатель Феодора, иеромонах *Симеон Полоцкий*, почитавший Никона. С большой любовью всегда относилась к нему мудрая тетка царя, *царевна Татьяна Михайловна*. Она убедила государя посетить забытую Воскресенскую обитель, где ему была вручена челобитная братии о возвращении ея основателя. Пораженный величием монастырских сооружений, начатых по образцу св. Гроба, царь велел продолжить их и, движимый состраданием, предложил собору дозволить старцу Никону умереть в начатой им обители. Патриарх долго не соглашался, но весть о принятии Никоном схимы и его совершенном изнеможении тронула его сердце.

В самый тот день, когда пришло в Кириллов мон. разрешение царя и патриарха, Никон, еще заранее, по тайному предчувствию, готовился в путь и, к общему изумлению, велел собираться своей келейной братии. С трудом посадили в сани совсем больного старца, чтобы влечь по земле до струга на р.

Шексне, по которой его довели до Волги. Здесь приветствовали его посланные от братии Воскресенского мон. Плывая по Волге, Никон велел причалить к *Толгскому* мон. и, изнемогая, причастился запасных Даров. Там в *Ярославле*, вышли к нему на сретение игумен и братия Толгского мон., а также, пришедший просить прощения, сосланный туда, архим. Сергей, чрезвычайно грубо содержавший Никона под стражей во время суда. Со слезами пал он к ногам умиравшего Никона и испросил прощение. Жители ярославские стеклись к реке и, с плачем припадая к нему, просили благословения. Одни влекли вдоль берега струг, другие, бросаясь в воду, им помогали. Так струг причалил к обители всемилостивого Спаса. Изнемогающий страдалец не мог уже говорить, а только давал всем руку. Царский дьяк велел перевести струг на другой берег, чтобы избавиться от толпы народной. Ударили в колокол к вечерне. Озираясь, будто кто пришел к нему, Никон оправил себе волосы, браду и одежды, как бы готовясь в дальний путь. Духовник с братией прочитали отходные молитвы. Никон, распростершись на одре и сложив крестообразно руки, вздохнул и отошел 17 августа 1681 г. с миром (Гр. М. В. Толстой).

Царь Феодор, не зная еще о его преставлении, послал на встречу свою карету. Узнав, что в завещании усопший назначил его своим душеприказчиком и во всем на него положился, государь с умилением сказал: «если так святейший Никон патриарх возложил на меня всю надежду, воля Господня да будет, и я его в забвении не положу». Он велел везти тело в Новый Иерусалим. Патр. Иоаким не пожелал воздать усопшему почестей святительских, как лишенному сана восточными патриархами. Государь же убедил *митр. новгородского Корнилия* действовать при погребении, и сам, участвуя в обряде, нес на раменах своих гроб от Елеонского креста, где некогда Новым Иерусалимом нарекалась обитель, до могилы на Голгофе. Царь Феодор, скончавшийся в 1682 г. через восемь месяцев после Никона, успел испросить усопшему *разрешительные грамоты* четырех патриархов. Они, признавая церковные заслуги Никона, грамотами своими разрешили, чтобы имя его опять было включено в священный

лик патриархов, ибо этот великий муж русской Церкви всегда был достоин своего высокого сана, хотя временно испытал искушения и скорби.

Преемники патриарха Никона

Выборы нового патриарха происходили 31 января 1667 г. В Чудовом мон. к патриархам собрались архиереи, архимандриты, игумены и множество прочего клира. Сначала избрали 12 кандидатов, в числе которых трое были епископы, а остальные архимандриты и игумены. Потом из них, «не без ведома» государя, избрали трех. Архиереи, с антиохийским патриархом во главе (александрийский был болен), отправились к государю во дворец. По прочтении списка кандидатов, царь, после недолгого совещания с патр. Макарием, указал на первого кандидата, архимандрита Троицкого Сергиева мон. Иоасафа. Дряхлый старец начал-было отказываться, ссылаясь на свои лета, отсутствие учености и способности к церковным делам. Но государь, не без слез, упросил старца покориться воле Божией. 10 февраля, в неделю мясопустную, в Успенском соборе состоялось, с участием патриархов Паисия и Макария, поставление на патриаршество *Иоасафа II*.

По окончании первой седмицы великого поста вновь открылись заседания большого московского собора 1666 года. Во время своих заседаний собор, который может быть сравнен с Стоглавым, успел отозваться на все главные вопросы времени и постарался решить те из них, которые особенно касались государственного положения Церкви, церковного управления и состояния церковного чина. Осудив великое государственование Никона, его чрезмерные притязания и некоторые частные распоряжения, напр. образование им особого, лично ему принадлежащего, удела из трех монастырей, возвратив незаконно отобранные для них вотчины и подчинив эти обители местным архиереям, – собор признал, однако, *справедливым основной взгляд Никона на государственное положение Церкви и на монастырский приказ*. Запрещено было патриарху носить титул великого государя и вступаться в мирские дела, но, в то же время, была подтверждена прежняя *независимость церковного ведомства* от мирского суда. Духовных лиц не велено было «вовлачать в мирские судилища» не только по

делам гражданским, но, до снятия сана, и по уголовным. Епископам было указано, чтобы духовенство и миряне по брачным и подобным делам судились в их судах только духовными лицами. Вследствие этого при архиерейских кафедрах стали заводиться *духовные приказы* из судей духовного сана. Признана была слабость церковной власти, происходившая от непомерной величины епархий. Собор решил увеличить число епархий и выразил пожелание о более частых совещаниях епархиальных архиереев в Москве. Выяснилось множество церковных нестроений, вызванных прежде всего невежеством духовенства. Собор настаивал на усилении духовного образования духовенства и на возвышении его внешнего положения. Отмечалось, что крайнее развитие наследственности церковных мест породило своеобразный взгляд духовенства на церкви, как на свою частную собственность. Доходило до того, что у кого из причта не было для наследия места родственников, тот продавал свое место чужим за деньги. Собор строго восстал против такого корчемства церквами и распорядился, чтобы прихожане выкупали их у причтов, дабы святые Божия церкви были свободны. Для возвышения значения духовенства указано было носить ему приличное одеяние, не участвовать в пьяных свадебных поездах, не пьянствовать, не срамословить, не мздоимствовать за совершение таинств, особенно таинства причащения, не вдаваться в недозволенные священному сану торги и промыслы, не бродяжничать. Бродячее и крестцовое духовенство обратило на себя особенное внимание, т. к. замечено было в незаконных священнодействиях и в потворстве расколу. В целях уменьшения безместного духовенства собором было отменено старинное запрещение службы вдовым священникам. Относительно монашествующего духовенства приняты были меры против его размножения ради тунеядства и уклонения от службы и тягла. Собор подтвердил запрещение Уложения постригающимся отдавать в монастыри вкладом свои вотчины, а также владеть вотчинами после пострижения. Собор высказался даже против всяких вкладов за пострижение. Установлены были строгия правила против

бродяжничества монахов и монахинь, проживания их в мирских домах и пр. Обличены были лже-юродивые и пустосвяты, производившие соблазн среди простого народа (Знаменский).

Собор осудил и отменил распоряжение Никона (1655 г.), чтобы в день Богоявления водосвятие совершалось только однажды в навечерие праздника, и благословил творить в навечерие праздника освящение воды в церквах, и после утрени – на реке. Отменено было его же распоряжение (1656 г.), чтобы разбойников и татей, осужденных на смерть, священники не только не удостоивали св. причастия, но и не допускали к исповеди. Возвращены были вотчины, взятые Никоном из патриаршего дома, из коломенской епископии и из разных монастырей на мену и без мены в монастыри своего строения. *Собор одобрил исправление богослужебных книг, произведенное патриархом Никоном.* Подробно об этом будет сказано в особой главе.

Патриарх Иоасаф II, старец тихий и кроткий, умирал все неприязненное. Этими его свойствами объясняются те уступки, которые государство сделало Церкви на соборе 1667 г. В течение пяти лет своего патриаршества, он действовал в полном согласии с царем, не настаивая даже на тех распоряжениях, которые были сделаны на соборе. При нем соборным постановлением сослан был в Палеостровский мон., как раскольник, тот самый еп. Павел коломенский, отстранение которого ставилось в вину Никону. При нем издано первое полемическое сочинение против раскольников «Жезл правления». В сочинении «Глас к священноначальникам» он подробно объяснял смысл постановления собора о старых обрядах. Издал Иоасаф II «Выписку от божественных писаний о благолепном писании икон и обличение на неистовство пишущих оные». Изданы во время его патриаршества два катихизиса Симеона Полоцкого. В его правление началась непокорность Соловецкой обители соборному постановлению об осуждении раскола, о чем речь будет ниже. Продолжались смуты церковные в Малороссии. Происходил бунт Разина. Патр. Иоасаф скончался в 1672 г.

По его смерти, патриархом был избран враг Никона, новгородский митрополит *Питирим*, который совершенно незаметно правил всего 10 месяцев.

Патриархом с июля 1673 г. стал митрополит новгородский *Иоаким*. Происходил он из дворянского рода Савеловых, был сначала на военной службе. В 1655 г., на 35-м году жизни, принял постриг в Межигорском мон. под Киевом. По предложению патр. Никона он перешел в устроявшийся последним Иверский новгородский мон., а оттуда вскоре назначен архимандритом Чудова мон. Поставленный в 1673 г. митрополитом новгородским, он 26 июля 1674 г. был избран патриархом. Еще в бытность новгородским митрополитом он обратил особенное внимание на экономическое положение духовенства, которое не мало терпело от несправедливых и лишних поборов светских архиерейских чиновников, собиравших сборы в митрополичью казну. Он точно определил количество денежных повинностей и приказал собирать их не светским чиновникам, а поповским старостам. Мероприятие это было утверждено для повсеместного применения собором 1675 г. Установил он также в новгородской епархии взаимные отношения духовенства при совершении им соборного богослужения. Предпочтение дано было черному духовенству. Будучи в Новгороде, он принимал деятельное участие в увещании соловецких иноков. В бытность его патриархом, собор 1675 г. повторил и дополнил прежние постановления о церковном суде. После собора был закрыт *монастырский приказ*. Патриарх обратил внимание на материальные средства духовенства. Еще со времени государственной переписи земель при царе Михаиле начат был надел церквей писцовыми землями, но производился очень медленно, а в 1676 г., по боярскому приговору, даже вовсе был прекращен. Патриарх настоял на отмене этого приговора. В 1680 г., при новом межевании, ему удалось исходатайствовать общее определение об отмежевании писцовых земель ко всем церквам. В тех же видах Иоаким заботился об облегчении епархиальных сборов с духовенства, которые все усиливались. Он распорядился об *определенном и однообразном* количестве сборов повсеместно.

В отношении к *церковным вотчинам* правительство оказалось менее уступчивым, чем в вопросе о церковном суде. Определения Уложения по этому предмету были оставлены в полной силе и после собора 1667 г. Желая извлечь как можно больше государственной и общественной пользы, правительство собирало с них свои сборы в количестве даже усиленном против других вотчин. Кроме того оно посылало в монастыри для прокормления раненых и престарелых служилых людей и требовало от духовных учреждений усиления *благотворительной* деятельности. В 1678 г. положено увеличить патриаршая богадельни в Москве и содержать в них 412 нищих. Собор 1682 г. определил, по предложению царя Феодора, разобрать всех нищих по городам и действительно требующих призрения разместить по церковным богадельням и больницам. В 1678 г. вышло распоряжение произвести самую подробную перепись всех церковных имений, которая могла бы служить основой как для определения количества сборов с церковного ведомства, так и для контроля за его экономией, сосредоточенного в приказе большого дворца (Знаменский).

В конце царствования Феодора Алексеевича состоялся в 1682 г. собор, на котором царь предложил несколько вопросов относительно Церкви и духовенства, выражавших новые идеи правительства и бывших предвестниками грядущей церковной реформы. Кроме вопроса об умножении епархий, царь обратил внимание собора на распространение раскола, на неудовлетворительное состояние духовенства, особенно монастырей, на недостаточность церковной благотворительности, на необходимость усилить надзор за продажей книг, за безместным духовенством, служившим при церквях и у крестов в боярских домах, за излишним умножением часовен и т. д. Собор, отвечая на запросы государя, запретил заводить малые пустыни и монастыри, а заведенные ранее велел упразднять и сводить в большие общежительные обители, усилил определенные в 1667 г. ограничения излишней свободы пострижения, особенно вне монастырей, распорядился изгнать из монастырей лишних бельцов и белиц, горячо восстал против бродяжничества

монахов и монахинь, проживания их в мирских домах и прошения милостыни по улицам. Таких монашествующих велено было ловить и заключать для исправления в особо отведенные на то монастыри. Постановлено было прекратить всякое сообщение монашествующих с мирянами, особенно в монастырях женских, монахиням запрещалось выходить из обители даже в монастырские общины, для управления же таковыми держать особых доверенных лиц из мирян. Указано было стараться во всех монастырях заводить общежитие (Знаменский). Во всех этих мероприятиях Иоаким проявил большую энергию и твердость.

Патр. Иоаким, заботясь о поднятии значения деятелей Церкви, прилагал старания к сохранению *неповрежденности обрядов и вероучений*. Он продолжал дело своих предшественников по проверке богослужебно-обрядовой практики и очистки ее от привнесенных неправильных наслоений. Им было указано, что «шествие на осляти» в неделю Ваий может совершаться только в стольном граде Москве. Им упразднена была в 1682 г. в совершающемся в великий четверг чине омовения ног роль Иуды, соблазнявшая благочестивых людей. При нем были *исправлены и изданы* чины литургий свв. Василия Великого и Иоанна Златоустого, Шестоднев, Требник, Псалтирь, Минея общая, Октоих, Часослов, Устав и Пролог или Синаксарий. Благодаря такой своей деятельности, Иоаким должен был столкнуться с *раскольниками*, с которыми вел упорную борьбу. Оберегал патриарх также русское общество от тех *иноземных и иноверных* влияний, которые действовали растлевающе. Вторая половина и, особенно, последняя четверть XVII в. были временем наиболее оживленного прилива в Москву протестантских и католических воззрений, по своему истолковывавших некоторые положения православной догматики и значительно смущавших некоторых русских людей. За этой инославной пропагандой патр. Иоаким следил «с непрестанною болезнью своего сердца». Подробнее об этом будет сказано в особом отделе. Учитывая то, что латинская пропаганда шла преимущественно через юго-западную Русь,

находившуюся в церковном отношении под властью константинопольского патриарха, надзор которого, за дальностью расстояния не мог быть действительным, – патр. Иоаким особенно стремился к скорейшему возвращению южных епархий в *подчинение московскому патриархату*. Старания патриарха Иоакима увенчались успехом. В 1686 г. константинопольский патриарх Дионисий IV дал свое согласие (извещение об этом последовало в 1687 г.). Гр. М. В. Толстой повествует о другом намерении Иоакима: «В нем созрела обширная мысль: соединить под властью патриаршего престола всея Руси, как основанного первозванным апостолом, всех православных наших единомышленников на юге Европы. Эту мысль подтвердил сербский митрополит Савва II Бранкович, приезжавший в Россию для сбора в пользу своей кафедры, разоренной междоусобиями. Выехавший из Болгарии в Москву князь Ростислав Страшимирович еще более утвердил Иоакима в его намерениях: обласканный патриархом, он обещал склонить к церковному соединению не только своих единоземцев, между которыми имел много приверженцев, как единственный потомок государей Болгарских, но даже и Сербов с Черногорцами и Молдаван с Волохами. Иоаким надеялся склонить вселенского патриарха к отказу от духовной власти над этими странами, как достиг той же цели относительно Малороссии;²³⁾ но племянник его Дубровский, посланный им в Царьград для предварительных переговоров с греческим духовенством и турецким правительством об этом деле, едва спасся от разъяренной черни, когда в Константинополе получено известие, что в Москве подписан (26 апреля 1686 г.) наступательный и оборонительный союз с Польшею противу Крыма и Турции».

Важным проявлением государственной деятельности Иоакима было его действительное участие в уничтожении Земским Собором 1682 г. местничества, приносившего много вреда отечеству. Пришлось ему быть видным участником тягостных событий 1682 г. Царь *Феодор Алексеевич*, скончавшийся в этом году, умирая бездетным, не распорядился относительно престолонаследия. Родной брат его, *Иоанн*, был крайне слаб и

телом и духом, вследствие чего был неспособен к правлению. Достигший же 10-летнего возраста сын царя Алексея от второго брака его с Наталией Кирилловной Нарышкиной, Петр, отличался крепостью тела и живыми душевными способностями. Когда совершен был обряд прощания с покойным царем, патриарх спросил присутствующих архиереев и вельмож: «Кто же из двух царевичей будет царем?» Они отвечали, что этот вопрос должен быть решен всех чинов людьми Московского государства.

Историк С. М. Соловьев пишет: «Под Московским государством, в тесном смысле, разумели обыкновенно один царствующий град: так, по крайней мере, было понято тут. Патриарх с архиереями и вельможами вышел на крыльцо, велел всяких чинов людям собраться на площади перед церковью Спаса и спросил, кому из двух царевичей быть на царстве: Раздались крики: «Петру Алексеевичу», «раздались и другие крики: «Иоанну Алексеевичу», но были заглушены. Всех чинов люди решили дело; патриарх возвратился во дворец и благословил на царство Петра». Вследствие его малолетства правительницей государства стала царица Наталия. Это вызвало недовольство дочери царя Алексея от первого брака, честолюбивой и властной царевны Софии. Она и ее родственники, Милославские, решили произвести переворот, опираясь на стрельцов, в то время волновавшихся из за неправильной выдачи им жалования. В их среду пущен был слух будто Нарышкины задушили царевича Иоанна. 15 мая стрельцы, по звону набатному колоколов, ворвались в Кремль и с мятежными криками остановились перед дворцом. Заговорщики роздали им списки «изменников». Ложь нетрудно было обличить. Царица, вместе с патриархом, и боярами, вывела Петра и Иоанна на Красное крыльцо. Толпа стихла. Недоверчивые же, подставив лестницу, взлезли на крыльцо к самому царевичу и спросили действительно ли он царевич Иоанн, и кто из бояр его изводит? – «Меня никто не изводит и жаловаться мне не на кого», отвечал Иоанн. Артамон Матвеев, ранее командовавший стрельцами, спокойно уговаривал мятежников. Озлобил же стрельцов, их начальник, кн. Михайло

Долгорукий, разразившийся бранью и угрозами. Он был убит, за ним Матвеев. Стрельцы, рыская по дворцу, затем и по домам «изменников», значившихся в списках, умертвили двух братьев царицы и бояр, связанных с Нарышкиными. По их настоянию Боярская Дума, вместе с патриархом и архиереями, решила: Иоанну быть первым царем, а Петру – вторым. 29 мая стрельцы объявили боярам, чтобы правительство, по молодости обоих государей, было вручено царевне Софье. Это и последовало. Софье пришлось опираться на стрельцов и на их нового начальника кн. Ивана Хованского. Среди стрельцов было много раскольников; приверженцем старой веры был и Хованский. Патриарху, под давлением стрельцов, пришлось вести с раскольниками «прение о вере», о чем будет сказано в особой главе. Иоаким поддержал в 1689 г. царя Петра, когда он, по достижении совершеннолетия, отстранил от правления царевну Софью. Патриарх боролся с расколом и инославными влияниями. Он поддерживал здоровое просвещение. Эти вопросы будут освещены в дальнейшем. Патриарх Иоаким скончался 17 апреля 1690 г.

При выборе нового патриарха, архиереи высказывались за митрополита псковского Маркелла, родом из южных славян, ученого и образованного. Этому сочувствовал царь Петр. Царица же Наталия Кирилловна с архимандритами и игуменами стояла за Адриана. Духовенство опасалось, что ученый патриарх будет благоприятствовать иноверцам. На патриаршество был возведен митрополит казанский *Адриан*, ранее архимандрит чудовский, проявивший тогда уже большую любовь к церковному благолепию. Им сооружен был в обители храм св. митр. Алексия с приделами. В церквах монастыря завел он особые помещения для мужчин и женщин. По понедельникам, средам и пятницам запретил открывать монастырские ворота. 21 марта 1686 г. он, ценимый патр. Иоакимом, был хиротонисан казанским митрополитом, обогатив местный Благовещенский мон. своими вкладами. Архипастырь строгой жизни, твердый и смелый, он проявлял себя противником новшеств. Вступив на патриаршеский престол, Адриан не скрывал своего недоброжелательства к вводимым

Петром новизнам. В окружных посланиях к пастве он высказался крайне резко против иноземцев и их обычаев, против табака и брадобрития, повторив против последнего проклятие Стоглавого собора. Это обострило его отношение к Петру, после кончины матери (в 1694) и брата, царя Иоанна (1696 г.), получившего полноту власти. Во время страшных казней стрельцов, взбунтовавшихся в 1698 г., во время заграничной поездки царя, Адриан, по древнему обычаю печалования, подняв икону Богоматери, отправился к Петру в Преображенское, моля его о пощаде преступникам. Петр гневно воскликнул: «К чему эта икона? Разве твое дело приходить сюда? Убирайся скорее, и поставь икону на свое место. Быть может, я побольше тебя почитаю Бога и Пресвятую Его Матерь. Я исполняю свою обязанность и делаю богоугодное дело, когда защищаю народ и казню злодеев, против него умышлявших». Гнев Петра тогда распространился, на имевших связи с стрельцами, царевен Софью и Марфу, а также на царицу Евдокию, его супругу. Оне были пострижены.

Адриан, еще до этих трагических событий враждебный преобразованиям Петра, все же признавал правильность некоторых его указаний, касавшихся неурядиц в церковном управлении. Патриарх своими указами предписывал снабжать церкви исправными печатными книгами и служебниками, церковными принадлежностями; требовал наблюдения над тем, чтобы не принимались священники без письменных грамот; чтобы бродячие священники не отбивали у приходских священников треб. Издал он и указ о запрещении устройства новых монастырей без государева приказа. Патр. Адриан отличался строгой жизнью. Он выступал в защиту своих церковных прав, когда царь нарушал их. В феврале 1700 г., комиссия, готовившая новое Уложение, затребовала от патриаршего приказа справок о церковном суде. Патриарх распорядился составить обширную записку «Статьи о святительских судах», где тщательно были собраны все документы, служившие основанием судебных прав русской Церкви, начиная с Номоканона, древних княжеских уставов и ханских ярлыков. Правительству внушалось помнить все это и

не нарушать преданий и установлений старины. В 1697 г. патриарх составил просторную инструкцию поповским старостам. Этими актами подводился итог административной и судебной жизни древней русской Церкви.

В патриаршество Адриана заканчивалась борьба двух учений об евхаристии – братьев Лихуды и Сильвестра Медведева, о которой речь будет ниже. Болея и сознавая невозможность влиять на распоряжения царя, он все более удалялся от дел. В последнее время он жил в своем любимом Перервинском монастыре. Скончался патриарх Адриан 16 октября 1700 г.

Расширение пределов патриаршества

В конце XVII столетия произошло воссоединение Киевской митрополии с остальной Русской Церковью. Событие это будет освещено в конце четвертой части.

После смутного времени Россия потеряла Смоленск, завоеванный Речью Посполитой. В 1667 г. по Андрусовскому миру он возвращен был России. По Столбовскому миру к Швеции отошли Ингрия и Карелия. Были разрушены оказавшиеся под ее властью Валаамская и Коневская обители.

На востоке Церковь успешно приобретала себе новых чад в *Сибири*, покоренной в царствование Иоанна IV Грозного в 1582 г. Ермаком, при содействии Строгановых. Московское правительство помогало материальными средствами и льготами обращавшимся в православие инородцам. В 1603 г. уже крестились некоторые из начальников чувовских вогуличей. Сибирские казаки покоряли новые земли, где постепенно возникали русские города и селения с храмами и монастырями. Из Москвы посылались для них книги, иконы, церковная утварь и духовенство. В конце 1620 г. в Тобольск был назначен архиепископом игумен Хутынский *Киприан*, известный своей ревностью к отеческой вере. Благочестивый царь Михаил снабдил его пособиями жизни. Он крестил многих язычников и особенное внимание обратил на исправление нравов русских поселенцев. Для скорейшего же просвещения диких туземцев старался умножить число церквей и монастырей. К ранее основанным обителям: в Березове, Верхотурье, Тюмени и Знаменской в Тобольске, при митр. Киприане созданы были обители в Туринске, Алапаеве, Таре, Томске, Тагиле и Николаевская в Тобольске. В 1624 г. митр. Киприан был переведен на Крутицкую епархию. Некоторые обители имели особенно важное значение в деле христианской миссии. В 1644 г. старец *Далмат* (из Невьянского мон.) основал на р. Исети Далматовский мон., сделавшийся потом средоточием христианского просвещения для огромного округа, в котором находились русские и инородческие поселения. В 1653 г. возник

другой известный просветительным влиянием монастырь в остяцком крае, Кординский или Кондский. Тогда пятым сибирским митрополитом был владыка *Симеон*, который, по настоянию патр. Никона, создал обитель в городке Конде, резиденции остяцких князей. Первый из остяков принял христианство в 1590 г. князь Алачев. Он в 1602 г. построил деревянную церковь, на ее месте и создавался Кондский Троицкий мон.

В половине XVII в. христианство стало проникать в южную *Сибирь* и даже в ту ее часть, которая, простираясь от Яблонова хребта к востоку, называлась *Даурией*. Дружины храброго *Хабарова* (в 1649 г.) открыли путь к вере даурам, дучерам, гулякам, ачанам и частью манджурам. Из строившихся по местам городков свет веры распространялся между язычниками. В крепости *Албазине* явилась приходская церковь, а в 1671 г. иеромонах *Гермоген* основал там Спасский мон. В 1681 г. отправлена была миссия, в составе иг. Феодосия, иером. Макария и нескольких монахов, в западную Даурию. *Митр. Павел*, отправляя миссию, так наставлял ее: «Приехав в Даурию, в Селегинске и других городах и острогах приглашать всяких иноверцев к истинной христианской вере православной, поучать со всем тщанием и ревностью из божественного писания и крестить во имя Отца и Сына и Святого Духа; приводить же к тому Божиему делу без всякого тщеславия и гордости, с благим намерением, без всякого оскорбления ... опасаться, чтобы какиминибудь словами не отдалить строптивых иноземцев от святого дела». Тогда же и дано было благословение устроить в Селегинске Троицкий мон. Ревностный же иг. *Феодосий* основал посольский Преображенский монастырь, близ Картинского завода. Собор 1682 г. положил послать искусных духовных лиц на р. Лену. С 1660 по 1672 г. в восточной Сибири возникли обители в Якутске, Киренске и Иркутске.

В 1689 г. по Нерчинскому договору Амурский край был уступлен Китаю; Албазин срыт. Замерла там христианская вера, но за то проникла в самый Китай. Еще ранее несколько русских пленных из Албазина в 1685 г. были поселены в *Пекине* в особой слободе под именем русской роты с дозволением иметь

у себя церковь. В 1695 г. тобольский митрополит *Игнатий* послал к ним священника и дьякона с антиминсом, мвром, церковными книгами и утварью. Посылая с этими дарами для пекинской церкви Софии, Премудрости Божией, находившейся в отведенном пленным бывшем буддийском капище, священника и диакона, владыка Игнатий писал пленному священнику Максиму: «проповеднику святого евангелия в китайском царствии: да не смущается, ниже да оскорбляется душа твоя и всех пленных с тобою о вашем таком случае: понеже воли Божией кто противится может? А пленение ваше не без пользы китайским жителям, яко Христовы православные веры свет им вами открывается». Скоро некоторые китайцы крестились.

В *Казанском* крае после первых его просветителей, казанских чудотворцев, дело христианской миссии остановилось до конца XVI в., когда митрополитом стал *св. Гермоген*. В 1593 г. в своем донесении царю и патриарху он нарисовал печальную картину состояния своей паствы. Крещеные инородцы, живя среди некрещеных, некоторые даже в рабстве у последних, часто отпадали от веры. Те же, кто и оставались содержали ее не твердо, не зная даже иногда церкви и духовенства. В Казани построены были мечети. Последовало распоряжение из Москвы: всех крещеных поселить в особую слободу с церковью в ней по близости к русским. Мусульманам запрещалось держать христиан в услужении. Христианам велено иноверных пленников или отпускать, или присоединять к Православию, жен иметь только христианок и выполнять все требуемое верою. Митр. Гермоген написал повесть о Казанской иконе Божией Матери и житие святителей Гурия и Варсонофия, оживляя в казанцах светлую память о них. Укрепило православных и произвело впечатление на иноверных чудесное обретение чудотворной иконы Богородицы. Чудесное прекращение моровой язвы, в бытность патриархом Никона, последовавшее в то время, как жители Казани обошли город с чудотворной иконой, пришедшей из *Седмиезерной пустыни*²⁴), оживило веру христиан и возбудило ее в неверующих. С того времени и иноверцы стали питать благоговейное уважение к сей иконе, подкрепляемое дальнейшими чудесами. Первое чудо имело

место во время моровой язвы 1654 г. при *митр. Корнилии*. Принимались и административные меры для предотвращения влияния иноверных на зависимых от них православных. В 1681 г. у некрещеных мурз велено было отобрать все вотчины и поместья с христианским населением, испомещая их за то землями некрещеной мордвы и других инородцев, а которые захотят креститься, за теми их земли оставлять по-прежнему. Новокрещеным давались разные льготы и земли. Но большого успеха распространение христианства в Казанском крае не имело, в чем была, в значительной мере, вина местной администрации, не редко своими злоупотреблениями раздражавшей инородцев, что сказалось во время бунта Разина.

Развивалось миссионерское дело среди *Мордвы* Рязанского и Тамбовского края, где в половине XVII в. явился замечательный архипастырь – рязанский архиепископ *Мисаил* (1651–56), близкий патриарху Никону. В 1654 г. он начал непрерывные поездки по своей епархии для крещения татар и мордвы. В Касимове были крещены два татарских царевича – касимовский и сибирский; в шацком и кадомском уездах обратилось до 316, а в тамбовском до 4200 человек. Святитель просил у патриарха благословения на новые поездки, на что и последовало разрешение. Но в это второе путешествие владыка встретил сильное противодействие со стороны мусульман и язычников и должен был прибегнуть к помощи гражданской власти. Во время третьей поездки в 1656 г. по шацкому уезду, близ села Конобеева, на него напала большая толпа озлобленных язычников. Выпущены были стрелы и одна из них пронзила архипастыря. Он скончался мучеником веры. Кончина его повлияла на язычников и они начали креститься в большом количестве. Как казанскую мордву крестили иноки Селижарова мон., так темниковскую мордву иноки Пурдышевского мон., стоявшего на берегу реки Мокши.

Православие в *Грузии* с половины XVI в. терпело много бед и опасностей. С одной стороны Грузию тревожила своими нападениями Турция, с другой – Персия, наложив на нее рабство, пытками принуждала принять мусульманство. Многие

грузины украсились венцем мученичества, но были и отступники. Грузия все более искала защиты и покровительства единой верной России. Сношения усилились при царе Иоанне IV Грозном. В 1586 г. грузинский царь *Александр* слезно умолял царя *Феодора* принять единоверную Грузию (Иверию) под свое покровительство: «Настали времена, ужасные для христианства; мы, единоверные братья россиян, стенаем от злочестивых; един ты, венценосец православия, можешь спасти нашу жизнь и наши души». В следующем году принята была клятва царя *Александра* на подданство России, которая обязалась защищать Грузию, как свою собственность. Так как грузинская Церковь была в большом расстройстве, то *Александр* просил царя *Феодора* и владыку *Иова* помочь ей способными людьми. В апреле 1589 г. отправлены были в Грузию священники для исправления порядка в богослужении, а иконописцы для украшения ветхих и опустелых храмов живописью. В замечательном послании патр. *Иов* святительски поучал царя и грузинский народ христианскому смирению пред судьбами Божиими. Царь *Александр* с восторгом принял послание и отправленное духовенство и отвечал, что русские священники – ангелы для духовенства иверского, омраченного невежеством. Царь *Борис* хотел скрепить союз Грузии и России узами кровного родства. Трудности заключались в неустойчивости местных владельцев. В 1617 г. персидский шах *Аббас*, пользуясь слабостью Руси, переживавшей еще последствия смуты, опустошил Грузию. Царь *Кахетии*, *Карталинии* и *Имеретии* *Теймураз I* в 1619 г. писал царю *Михаилу*: «лучше бы у матери моей утроба пересохла, и я бы не родился, нежели видеть, что православная христианская вера и земля иверская при моих глазах разорены; в церквах имя Божие не славится и оне стоят все пусты». *Теймураз* умолял о помощи. На соборе духовенства и земских людей приняты были в подданство земли *Теймураза*. Дагестанский князь, делавший набеги на Грузию, был наказан войной, а Персия на время удержана от жестокостей мирными переговорами с ней Москвы. В 1625 г. шах прислал патриарху *Филарету* в знак своей дружбы к нему *Ризу Господню*, которая некогда была взята в Персию из

Грузии, как военная добыча. Патриарх установил в честь ее праздник 10 июля. Но в 1634 г. Аббас посадил на карталинский престол царевича Ростом, принявшего магометанство при дворе шаха. В Карталинии христианство подвергалось открытому гонению, магометанство распространялось. Шах старался подчинить себе всю Грузию, бедствия возобновились. У Теймураза осталась одна Кахетия. В 1637 г. к нему отправлены были штатский архимандрит, два священника с диаконом, два иконописца и столяр с материалами. В 1650 г. новый имеретинский царь *Александр* принял русское подданство с народом. Шах с гневом принял сначала русское посольство, но потом согласился на оставление за Россией Кахетии и Имеретии. Изгнанный Теймураз в 1658 г. был в Москве, но после падения Никона грузинскими делами мало интересовались. На соборе 1665 г. с восточными патриархами, продолжившемся и позднее, был в Москве грузинский митр. Епифаний. Это было полезно для устройства богослужебного порядка в Грузии. Верною защитой для гонимых мусульманством грузин был только приют, оказывавшийся им радушно в самой России.

Христианская жизнь, учение и богослужение

Христианская жизнь в среде русского народа продолжала развиваться. Преобладающее обрядовое направление, которой так ясно обозначилось еще в XV и XVI вв., получило полную законченность. В понимании русских людей, Русь считалась единственным православным царством во вселенной, пред которым все другие страны были еретическими или басурманскими. Все оценивалось и осмысливалось в применении к Православию и им освящались все житейские формы и обычаи. Без Церкви немыслимо было само государство. Вся жизнь царя была, более непосредственных государственных занятий, наполнена церковными службами, праздничными выходами, богомольями и окружена *церковной обрядностью*. Точно также, на сколько это было возможно, устраивалась жизнь и служилых людей разных чинов и простого народа. Светская сторона общественной жизни не была развита. Церковная обрядность служила единственным источником для удовлетворения всех духовных потребностей. Церковное учение и божественные писания были единственным источником всего образования (Знаменский).

Такое господствующее значение религии и Церкви во всем складе русской жизни сопровождалось многими светлыми явлениями, обнаружившими в обществе большую набожность и сильную любовь к святой Руси. Смутное время, бурями своими поднявшее с русской земли весь ее сор и плевелы, ознаменовавшееся изменами, душепродавствами и кровавыми деяниями показало, вместе с тем, и то, как крепок *грунтовой слой* этой земли и какие дорогия заключаются в нем сокровища. Достаточно вспомнить имена патриархов Иова и св. Гермогена, пр. Дионисия Троицкого, прпп. Иринарха и Галактиона, сонм святителей и иноков, князей Скопин-Шуйского и Пожарского, Минина, Сусанина и многия сотни тысяч земских людей, «в любви, совете и соединении» поднимавшихся со всех концев России спасать Москву, святые церкви, веру. Высокие примеры благочестия, отечестволюбия и высоких христианских

добродетелей не оскудевали и в последующее время. Благотворное влияние веры выражалось добрыми явлениями и в обыденной жизни рядовых русских людей, служа сдерживающим началом для сурового строя тогдашней жизни и давая ему более мягкие черты патриархального добродушия. Отметим милосердие к нищим, убогим, страждущим в тюрьмах. Посещение тюрем, как и подача милостыни, считались обязательными и для царя и для остальных людей. (Знаменский).

Воспроизведем картины тогдашней Руси. Государев день начинался в четыре часа утра. Умывшись и одевшись, царь шел прямо в крестовую палату, где его поджидали духовник или крестовый поп. Здесь он молился около четверти часа, причем на аналой ставился образ того святого, память которого праздновалась в этот день. По окончании молитвы, священник кропил государя святой водой, называвшейся «праздничной». Она привозилась из разных монастырей и церквей всего государства, будучи освященной там в дни храмовых праздников при прославлении тамошних чудотворных икон. Затем священник читал духовное слово из особых сборников, составленных из поучений отцов Церкви, преимущественно св. Иоанна Златоуста. Потом царь в одной из домашних церквей простаивал заутреню и иногда раннюю обедню. Затем с собравшимися во дворец боярами он шел в одну из дворцовых церквей к поздней обедне. После чего он начинал принимать доклады и челобитные. (А. Д. Нечволодов «Сказание о Русской Земле»).

В Москве ежедневно обращались к патриарху за благословением по тому или иному случаю. Вспоминается память тезоименного святого – святейшему посылается «именинный пирог». Предстояло ли обручение, бракосочетание, случится ли рождение ребенка, служебное повышение, переселение на жительство в новое помещение – испрашивается благословение патриарха. Патриарх одаривал обращающихся к нему иконами.

В канун великих праздников и особенно 20 декабря – в канун памяти св. митрополита Петра – патриарх посещал

тюрьмы, благотворя заключенным. Особенно щедро была помощь в дни Страстной седмицы. Обходя тюрьмы, патриарх собственноручно раздавал заключенным милостыню, освобождал сидевших в тюрьмах должников, уплачивая за них деньги. Благотворили также цари. Алексей Михайлович в Рождественский сочельник рано утром ходил тайно в тюрьмы и богадельни, раздавал там щедрую милостыню; такие же подаяния делал он на улицах нищим и убогим. Раздавали милостыню патриархи во время своих «походов» – близких и далеких. Милостыня раздавалась «нищим и скудным людям, мужикам и женкам и робятам», письменно или словесно заявившим свое «челобитье». Деньги давались: «ради пожарного разорения», «на окуп избы», «ради скудости». Святители на месте изучали нужду и подавали беднякам самую скорую и неотложную помощь. Походная жизнь патриархов, близко соприкасаясь с пасомыми, выражалась в молитвах в попутных храмах, благотворительности и различных подношениях святителям от мирян и духовенства. Подарки бывали скромны, истинно от избытков своих: ягоды, яблоки, грибы, овощи, брага. Патриархи одаривали подносителей деньгами (Нечволодов).

Строго старая Русь соблюдала посты в чем подавали пример святители и государи. Первые два дня *великого поста* патриарх и царь вовсе не вкушали пищи, только в среду подавалось легкое кушанье – напр. компот. В строжайшем воздержании проходила и *страстная неделя*. Когда она наступала, примолкали кремлевские колокола до радостной пасхальной ночи.

Царь и народ облекались в темные одежды. Государь почти все время проводил в храме, под покровом же ночи тайно обходил тюрьмы, выкупал должников, помогал несчастным словом и делом.

Торжественно праздновался Новый Год. В канун *новолетия* патриарх служил торжественно вечерню. Народ с зажженными свечами молился. Полночь. Среди глубокой тишины раздавался выстрел пушки. В ответ начинался звон колокола Ивана Великого и всех московских храмов. Начиналась заутреня в

переполненных церквах. Кремль наполнялся народом ... После ранней литургии, совершавшейся патриархом в Успенском соборе, начинался крестный ход. Выйдя из собора, патриарх читал молитву «о еже благословити венец лета благостию Своею» и потом вступал на помост, устроенный против Красного крыльца. На помосте, засланном великолепными персидскими коврами, стояло патриаршее место и перед ним на аналое образа и «столец» для освящения воды. Тут же посреди высилось «государево место» – резной, вызолоченный и высеребренный, увенчанный пятью главами трон. Кругом помоста размещались служилые люди. Далее – на площади, на кровлях церквей и домов люд московский. На время умолкали колокола. Все замирало ... Но вот снова ударял колокол Ивана Великого, лились торжественные песнопения. Когда патриарх с духовенством в золотых облачениях вступали на помост, с противоположной стороны – с паперти Благовещенского собора – открывалось шествие царя. Государь шел, при звоне колоколов, окруженный знатнейшими боярами, поддерживаемый ближайшими стольниками. Он всходил на помост, становился на свое место и начиналось тогда «действие многолетнего здравия». Духовенство по трое подходили и низко кланялись царю, потом патриарху. Затем совершался молебен, после которого патриарх благословлял царя крестом и обращался к нему с приветствием, кончавшимся словами: «здравствуй царь-государь, нынешний год и вперед идущия многия, многия лета в род и во веки». Потом, по двое в ряд, подходили к царю и патриарху духовенство, бояре и служилые люди. И, наконец, все люди московские разом «ударяли челом» – кланялись земно государю. Все расходились по церквам к литургии. Иностранные послы так писали к своим Дворам: «это была самая трогательная, самая величественная и поражающая картина благоговейного поклонения венценосцу». День новолетия царь, а за ним бояре и москвичи посвящали делам милосердия. Ни один нищий не отходил от домов без утешения. Их богато одаряли милостыней, одеждой и обувью, кормили сытым праздничным обедом. Простой народ наделялся гостинцами и подарками, и посещались темницы.

Москва. Среда *мясопустной недели*. Царь посещал Чудов, Вознесенский, Алексеевский монастыри, прощаясь с братией и жалую милостыней. В четверг и пятницу объезжал он Андроников, Новодевичий, Новоспасский, Симонов монастыри. В субботу царь, а также патриарх, приходили прощаться с царицей. В воскресенье до литургии патриарх и весь освященный собор шествовали во дворец, где в Столовой избе совершался обряд прощения духовными и служилыми людьми. В воскресенье царь присутствовал в Успенском соборе на обряде прощения. После него государь с боярами отправлялись в патриаршие покои. После чтения «Достойно» и «приходной молитвы» и преподания благословения, все садились на большие лавки. Подавались «прощальные чаши». Присутствовавшие уходили затем в сени и в палате оставались только царь и патриарх. В тот же день государю докладывалось о заключенных и многие получали освобождение.

Неделя Ваий. Перед обеднею народ собирался в Кремле. Из Успенского собора выносилось большое дерево, обвешанное разными плодами – яблоками, изюмом, смоквами, финиками. Дерево ставилось на сани, под ним располагались пять отроков в белой одежде и пели молитвы. Сани, запряженные шестеркой лошадей, трогались. За ними следовали юноши с пылающими восковыми свечами и с огромным фонарем. Далее несомы были две высокие хоругви, шесть кадильниц, шесть икон. Более стареев шли с иконами, ризы их осыпаны жемчугом. За ними шествовали бояре, царь. Патриарх ехал сидя боком на осле (или на коне) одетом белой тканью. Левой рукой он поддерживал Евангелие, окованное золотом, правой – благословлял народ. «Осля» вели знатнейший царский боярин, два дьяка – царский и патриарший и конюший старец. Царь придерживал конец повода у «осляти» и нес вербу, боярин – середину повода, дьяки и конюший вели «осля» под устцы. Стрелецкие дети устилали путь разноцветными сукнами. После обхода кремлевских святынь, шествие возвращалось в Успенский собор, где совершалась литургия. По окончании ее патриарх благословлял вербу, от которой отрубалась ветвь и относилась в алтарь. Остальные ветви также отрубались и

отсылались во дворец и раздавались духовенству, боярам и народу. Затем патриарх давал обед царю и боярам. После обеда святитель дарил царю, как бы за его труд ведения «осляти», – 100 золотых, три сорока соболей, два куса бархату, два куса атласу (Нечволодов).

Время патриаршества особенно отличается попечением духовенства о бедных. При патриаршем доме: 1) в большие праздники и дни поминовения государей и святителей патриарх раздавал значительную милостыню нищим; 2) в день кафедрального праздника Успения Богоматери кормили при дворе его до 2500 человек бедных всякого звания; 3) при патриаршей кафедральной церкви содержались 12 нищих, называвшихся *богородицкими*, которые получали каждый день по 35 коп.; 4) на иждивении патриаршего казенного приказа содержались богадельни, находившиеся в разных частях города; оне назывались домовыми, келейными богадельнями патриарха; в 1676 г. положено было содержать патриарху в его богадельнях 412 человек, что требовало больших издержек. Пришлось обязать епархиальных архиереев делать взносы, взамен чего отменено было правило присылать царю и патриарху икону в великие праздники. В том же году патриарх Иоаким указал жить нищим у приходских церквей, а бедные избушки, слишком некрасивые, сломать; на обзаведение на новом месте выдавалось по рублю для каждого. В 1681 г. царь Феодор предлагал Собору пастырей учинить по всем городам разбор нищим, и назначить беспомощной бедноте пристанище, а больным больницы, ленивых же и здоровых заставлять работать. «Пастыри Церкви, прибавлял царь, примут на себя сии распоряжения». Собор постановил: «сие предложение, как угодное Богу и спасительное для души, утверждаем соборно». Во исполнение этого постановления, содержание бедных и больных, по разборе их, в Москве осталось на попечении патриарха, а от царского двора нищие получали милостыню только в большие праздники. Особенно отличался любовью к нищим и заключенным патриарх *Никон* (Архиеп. Филарет).

Епархиальные архиереи, кроме вспоможения патриаршему дому на бедных, содержали их при своих кафедрах.

Новгородский митрополит *Иов* (1694–1716) особенно заботился о страждущих. Он построил и содержал богадельню, три больницы, два странноприимных дома.

В это время приобретало значение христианское наставление, преподаваемое в храмах. «Живая проповедь, замолкшая на севере в XVI веке, начала подавать голос свой с половины XVII века. Более всего располагал к тому пример юга, где в это время была должность проповедника» – пишет архиепископ Филарет. Известен своими проповедями *патриарх Никон*. Он же благословил произносить проповеди *Епифания Славеницкого*. Патриархи Паисий и Макарий благословили прихожан церкви Иоанна Богослова в Москве иметь, по их желанию, священника-проповедника. Видным проповедником явился воспитанник западных русских училищ, даровитый ученик просвещенного и добродетельного Лазаря Барановича, *Симеон Полоцкий*. В 1684 г. в Перми священник Орловский написал поучения воскресные и праздничные, подражая, по его словам, Кириллу Транквиллиону и Симеону Полоцкому. Архиеп. Филарет пишет: «Сей неученый, но с здравым смыслом, проповедник умно рассуждал о нужде живой проповеди. Но ему не легко обходилась проповедь его; невежи прихожане кричали: «здесь бывали у нас священники добрые, но не делали того, а жили попросту; откуда же этот вводит странности?». Он терпел, но продолжал свое доброе дело и трудился, поощренный защитой умного Строганова Димитрия Михайловича». Последний имел большое значение в этом крае.

Архиеп. Филарет продолжает: «Скоро перестали уже считать проповедь странностию. Лучшим проповедником и превосходным жизнеописателем был святитель *Димитрий Ростовский*. По месту рождения и начального образования принадлежал он Киеву, но образованием своим обязан был не коллегии и Киеву, а памятникам древней России и своим дарованиям» – пишет архиеп. Филарет.

Даниил, сын сотника Туптало, родился в 1651 г. в м. Макарове, Киевской губернии. Из за польской войны, разрушившей в 1665 г. киевскую коллегию, образование его закончилось классом словесности. Приобретенное в коллегии

знание преобразовалось и развилось его исключительными дарованиями. Имея 18 лет, он принял постриг, с именем Димитрия, в киевском Кирилловском мон. В 1675 г. архиепископ черниговский *Лазарь Баранович*, посвятив его в иеромонахи, определил проповедником при кафедральном соборе в Чернигове. Два года проповеднического служения в Чернигове, начатого в 24-х летнем возрасте, прославили св. Димитрия. Когда он прибыл на границу Литвы и Польши для поклонения Новодворскому чудотворному образу Богоматери, его упросили быть проповедником в Слуцке. Из за него возник даже спор. Церковные круги и гетман требовали его обратно в Малороссию. Слуцкие православные упрашивали на время хотя подарить им такого проповедника. Победили первые. В 1681 г. он был с честью принят в месте пребывания гетмана – Батурине – и приглашался игуменом в разные монастыри. Он был игуменом и Батуринского мон. Заботясь о душевном спасении своем, св. Димитрий искал уединения и возможности посвятить себя научным трудам. Просвещенный киево-печерский архимандрит *Варлаам (Ясинский)* предложил ему заняться составлением *Четых-Миней*. В 1684 г. он и приступил к этому большому труду. В 1689 г., будучи по делам Батуринского мон. в Москве, он представил свой труд патриарху и царственным особам. *Патр. Иоаким* одобрил благочестивое усердие св. Димитрия, но высказал неудовольствие, что книга напечатана без его рассмотрения. Патриархом замечены были некоторые ошибки, вызванные распространенным в зап. Руси латинским влиянием. Святитель Димитрий во втором своем издании тщательно заботился об исправлении ошибок. По возвращении из Москвы, он продолжал свой труд. В 1698 г. закончил он вторую часть своего труда. Патриарх *Адриан* почтил его грамотой, похвалив его работу и позднее. О дальнейшей деятельности св. Димитрия будет сказано в следующем отделе.

Наилучшим выявлением благочестия, по прежнему, считалась жизнь монашеская. Любовь к иноческой жизни была еще сильна в период патриаршества, особенно в первой половине его. Патриархи сильно старались поддержать эту любовь. Им помогали и переживания того времени,

устремлявших многих в обители. Во время патриаршества, исключая киевскую митрополию, воздвигнуто до 175 монастырей, и усердными строителями некоторых из них были сами патриархи. Известны замечательные монастыри патриарха Никона: *Новый Иерусалим, Иверский и Крестный*.

Воскресенский мон. находился ранее в 53 в. от Москвы. Никон выбрал для него место при р. Истре. Он купил у боярина Баборыкина землю и с. Воскресенское, все окруженное рекой; гористое место выравнивал насыпью; с трех сторон выкопал рвы. Вознамерился Никон устроить подобие Иерусалимского храма и в нем гроб Господень. Сначала сооружены были во имя Воскресения Господня деревянная церковь с трапезой и прочими службами. Она освящена была в 1657 г., в присутствии царя Алексея Михайловича, который нашел это место прекрасным как Иерусалим. Никон, в угодность государю, назвал обитель «Новым Иерусалимом», гору, с которой последний любовался видом, – «Елеоном». Другия близлежащая места получили именованья, сходные с священными местностями Палестины. При посредстве Арсения Суханова, получил Никон чертежи и модель гроба Господня и в 1658 г. заложил величественный храм, который ему не удалось закончить. Он довершен был иждивением царя Феодора и освящен патр. Иоакимом в 1685 г. Обновление всего здания и сооружение нового купола последовало в 1749–56 годах, под наблюдением архимандрита (потом епископа) Амвросия Зертис-Каменского²⁵).

Никон, будучи еще отшельником, при переезде из Анзерского скита на материк, спасен был от потопления. В ознаменование сего, он водрузил крест в заливе Белого моря, на острове Кие. В 1652 г. он основал там Крестный мон. Владыка Никон, в бытность свою новгородским митрополитом, обратил внимание на красоту Валдайского озера (местность самая высокая в Европейской России) и решил создать там обитель. В 1653 г. на небольшом островке освящены были деревянные церкви: в честь Иверской Божией Матери и св. митрополита Филиппа. В 1656 г. патр. Никон привез в обитель список с чудотворной Иверской иконы Божией Матери,

находившейся на Афоне. В 1654 г. по царской «великой жалованной грамоте», село Валдай переименовано Богородицким, озеро – Святым, монастырь назван Иверским-Святоезерским.

Значительная часть вновь создававшихся монастырей основывалась в тех областях, которые еще недавно перед тем стали заселяться: в *Сибири*, в губерниях *Воронежской* и *Тамбовской*. В 1699 г. основалась *Саровская* пустынь. На первую половину сего времени приходится около 100 обителей. Во второй половине, напротив, закрыто было несколько монастырей, как мера против раскола. Неистовства поляков и шведов оставили в ряде обителей лишь пустые стены. Иногда и те уничтожались. Под власть шведов попала *Валаамская* обитель. Польская война при царе Алексее истощала и богатые монастыри. Московские монастыри в 1684 году вынуждены были просить у царей сколько-нибудь облегчить повинности, возлагавшиеся на их вотчины в размере большем, чем на помещичьи и царские: «платим мы с вотчин всякие ваши, великих государей, подати против помещиков и вотчинников, с великою прибавкою, стрелецкий хлеб втрое, и ямские полоняничные (на содержание пленных) деньги вдвое, да сверх того ратным людям на жалованье полуполтинные, и полтинные и рублевые деньги». При таких обстоятельствах считалось за лучшее отдавать скудные малые обители на попечение кафедр и знаменитых монастырей, тем более, что раскол стал искать себе приюта прежде всего в скрытых уголках, каковыми были бедные монастырьки. Тогда потребовалось церковной власти закрыть некоторые из скудных обителей, другия же, в целях ближайшего надзора, приписать к кафедрам. По тем же причинам осторожность стала соблюдаться в дозволении открывать новые монастыри. Запрещено было постригать мужей при женах и жен при мужьях живых (Архиеп. Филарет). В марте 1694 г. последовал указ против «безместных» монахов, монахинь, попов и дьяконов, ведших себя «безчинно и неискусно». Их приказано «имать и приводить в Стрелецкий Приказ», откуда отсылать в Патриарший приказ.

Не оскудевала Русская Церковь и истинными подвижниками, которых и доселе чтит русский народ, как угодников Божиих. Таковы: Галактион и Иосиф вологодские, Иринарх ростовский, Адриан монзенский, Леонид устьнедумский, Иринарх соловецкий, Дионисий, архимандрит троицкий, Никодим кожеезерский, Макарий жабынский, Елеазар анзерский, Симеон верхотурский, Корнилий переяславский, юродивые Христа ради: Прокопий вятский, Максим и Андрей тотемские и др.

Во второй половине XVII в. выдающиеся иерархи возглавляли древнюю *Черниговскую* епархию. Тридцать пять лет – с 1657 по 1692 гг. – занимал кафедру благочестивый архиепископ (с 1667 г.) *Лазарь Баранович*, ученый архипастырь и замечательный администратор. Преемниками его были, близкие ему, святители *Феодосий Углицкий*, правивший с 1692 по 1696 гг. и *Иоанн Максимович*, правивший с 1697 по 1712 г., впоследствии митрополит *тобольский*. При владыке Лазаре, имевшем в своем управлении и Киевскую митрополию, архимандритом монастырей черниговского Елецкого и новгородского был Святитель *Димитрий Туптало*, впоследствии митрополит ростовский.

На XVII век выпадает главная деятельность Святителя *Митрофана*, архиепископа *воронежского* (1623–1703), в 1682 г. поставленного во главе новой епархии. Уроженец Владимирской области, он, став в 1663 г. иноком, был игуменом Яхромского и Троицкого Унженского монастырей. Будучи архипастырем он, продолжая свои иноческие подвиги, благоустроил обширную окраинную епархию, населенную разнородным и беспокойным людом. О нем будет речь в дальнейшем.

В начале XVII в. заканчивала свою истинно христианскую жизнь праведная *Иулиания Лазаревская* (ум. в 1604 г.). Прославилась она исключительною жалостливостью и щедростью в отношении бедных. Особенно проявилось это во время страшного голода, постигшего московское государство в 1601–1604 гг. Вдова зажиточного муромского дворянина Осорьина, Иулиания, оказалась к началу голода без зерна в

своих амбарах. Распродав все, что только могла, она покупала хлеб и кормила нуждающихся. Разорившись совершенно, она отпустила дворню на волю. Тех же, кто не пожелал покинуть ее, она отправила собирать древесную кору и лебеду и из этого выпекала хлеб, которым кормила голодных. Все отведававшие этого хлеба находили его отличным. Историк Ключевский замечательно определил ее: «Бедный был для нея какой-то бездонной сберегательной кружкой, куда она с ненасытным скопидомством все прятала – все свои сбережения и излишки. Порою у нея в доме не оставалось ни копейки от милостыни, и она занимала у сыновей деньги, на которые шила зимнюю одежду для нищих, а сама, имея уже под 60 лет, ходила всю зиму без шубы».

Одинакового духа с нею в отношении милосердия был один из замечательнейших людей тогдашней Руси *Феодор Михайлович Ртищев* (1625–73). Поселившись вблизи Москвы, он вел отшельническую жизнь и свое имущество раздавал бедным. Царь *Алексей Михайлович* приблизил его к себе, назначив постельничим. Благоволил к нему патр. Иосиф. На месте своего первоначального поселения (2 вер. от столицы), Ртищев построил Андреевский мон., открыл училище, где обучали греческому и славянскому языкам, наукам словесным до риторики и философии, вызванные им из Киева монахи. Это училище в 1685 г. было переведено в Заиконоспасский мон. и послужило зерном славяно-греко-латинской академии. Около 1650 года Ртищев основал за городом гостиницу для бедных. Во время голода в Вологде, не имея денег, продал свои одежды и дорогие сосуды и на вырученные деньги помогал потерпевшим. Жителям Арзамаса уступил бесплатно свои лесные дачи. Участвуя в войне с Польшей, особенно заботился о раненых, как своих, так вражеских. Царь сделал его воспитателем сына Алексея, недолго жившего. Умирая, Ртищев завещал отпустить слуг на волю и не притеснять крестьян.

Добрым и деятельным христианином был выдающийся русский дипломат и государственный деятель, ближний боярин *Афанасий Ордын-Нащокин*, сын небогатого псковского помещика. Архиепископ Филарет так пишет о нем: «Великий

политик и мудрый министр, не уступавший ни одному из европейских, Афанасий Лаврентьевич оказал столько заслуг отечеству, сколько никто другой из современных вельмож. Образованный не по примеру современных бояр, он любил православную веру искреннею душею. Царь Алексей, облакая его саном думного боярина, писал: «пожаловали мы тебя за твои к нам великие службы и радение, что ты, помня Бога и святые Его заповеди, алчных кормишь, жаждущих поишь, нагих одеваешь, странных в кровы вводишь, еще и ноги умываешь... и до ратных людей ласков, а ворах не спускаешь». Царь осыпал его почестями; но, не прельщаясь ни славою, ни богатством, Нащокин посвятил себя на служение Богу под именем инок Антония. Царь Феодор призывал его на служение отечеству. Выполнив поручение государя, он вернулся в Крыпецкий мон., там снова укрылся в уединенную келью, где и скончался в 1680 году.

Устанавливая то положительное, что существовало и порой так ярко проявлялось в тогдашней Руси, невозможно умолчать об отрицательных явлениях того времени.

Соловьев видит их прежде всего в недостатке просвещения. Он пишет: «Отсутствие пищи для духа обуславливало необходимо господство материальных стремлений, материальных взглядов. Церковь обличала эти стремления и взгляды, требовала их изменения. Но обличения и требования оказались недействительными. Церковь старалась внушать, что брак есть таинство, к которому надо приступать с благоговением, но общество смотрело на него другим взглядом и выражало этот взгляд в «нелепых козлогласованиях и бесстыдных словесах», с которыми провожали жениха и невесту в церковь²⁶). Иностранцы с изумлением описывают обычай мужчинам и женщинам мыться вместе в общественных банях; Церковь вооружалась и против него, но обычай оставался надолго; он всего лучше объясняет нам реакцию, которая высказалась в заключении женщины в терем у людей знатных и богатых; одно явление необходимо вызывало другое...»!

«Благочестивый Алексей Михайлович считал своею обязанностию заботиться и о душевном спасении подданных; он

требовал от воевод, чтоб они в походах силою заставляли людей исповедываться; понятно, что он должен был требовать этого от мирных граждан», – продолжает Соловьев. «В 1659 году было разослано по Приказам повеление: дьякам, подъячим и детям боярским и всякого чина людям говеть на Страстной неделе. В следующем году указ: списки людей неговяющих присылать в Монастырский Приказ, и таким ослушникам указ будет с опалою, без всякой пощады. В том же году приказано в Филиппов пост всем поститься и в церковь ходить каждый день. Еще в начале царствования издан был указ: в воскресный день и господские праздники не работать никому, в субботу прекращать работы, как заблаговестят к вечерни. Не работать; – но что же делать? Правительство, которое брало на себя родительские обязанности в отношении к подданным – детям, запретило целый ряд увеселений и повсеместных суеверных обычаев... Если не послушаются, бит батогами; домры, струны, гудки, гусли и хари искать и жечь... Угрозы были не на бумаге только: в 1669 году великий государь указал стольника князя Григория Оболенского послать в тюрьму за то, что у него в воскресенье на дворе его люди и крестьяне работали черную работу, да он же, князь Григорий, говорил скверные слова ...».

Благочестие у некоторых выражалось в строгом соблюдении внешней обрядности, без понимания ее духовного значения.

В совершении богослужения допускались неисправности и неблагочиния. По свидетельству одной грамоты патриарха Иоасафа I, в самой Москве в приходских церквях служба совершалась со всяким небрежением, наскоро, голосов в 5–6. Служащие и молящиеся стояли за ней без внимания, разговаривали и смеялись. По церкви шумели ребята, бродили с блюдами сборщики, дурачились лже-юродивые, пищали, ползая, калеки и нищие. Для многих участие в богослужении заключалось в одном присутствии на нем, не заботясь о внимании к нему. На беспорядках в богослужении останавливался Собор 1667 г. Он обратил внимание на то, что в церквях каждый чествовал только свою икону, которую помещал в церкви, одной ей ставил свечи и ей только молился, что

неискусные люди «своя си иконы боги именовали, чесо ради явствуется не знати единства Божия, паче же многобожие непщевати» (Знаменский).

Вследствие этого русским людям, сталкивавшимся с иноверами иностранцами, наплыв которых значительно усилился с конца XVI в., трудно было защищать в спорах с ними свое обрядовое благочестие. Отдельные бояре, служилые и торговые люди, под влиянием иноземцев, начинали и сами смеяться над иконами, постами и пр. Доходило даже до полного отступничества от Церкви и родины. При Годунове несколько молодых людей послано было для науки за границу. Соблазн западной цивилизации подействовал на них так сильно, что они не вернулись назад. В Смутное время ярким примером церковного и русского отступничества явил князь Иван Хворостинин, за это два раза заточавшийся в монастырь. Известное вольнодумное движение XVI в., выразившееся в тогдашних ересьях, проявлялось и в XVII в.

Патриарх Филарет, в целях поддержания православной старины, прибегал к строгим мерам в отношении католиков и протестантов. Патриарх Никон истреблял у бояр немецкие органы, ливреи для слуг, картины, отбирал иконы западного образца. Подвергалось преследованию бородобритие; за употребление табака резали носы. Но одновременно усиливался вызов иностранцев на царскую службу. В самом дворце царя завелись немецкая музыка, картины, часы, зеркала, кареты и другия заморские диковинки. Появились там же театр и придворная школа комедиантов. Не довольствовались некоторые круги духовным образованием только, желая дополнять его светским. При царе Алексее один из восприявших новые начала, молодой Ордын-Нащокин, бежал за границу, но, правда, потом вернулся. Другой же – Котошихин так и остался в Швеции и там писал критические вещи о России.

Приходилось духовным и светским властям бороться с остатками язычества и суеверия. Примечательно то, что волхвов призывал к себе Годунов. При нем в присяге имелось такое место: «над государем царем и над царицею и над их детьми в еде, питье и платье и ни в чем другом лиха никакого

не учинить, зелья лихого и коренья не давать, следу не вынимать, по ветру лиха не насылатъ». Обвинения в чародействе и порче стояли на первом месте в делах о неудавшихся царских невестах царя Михаила – Хлоповой и царя Алексея – боярышне Всеволжской. Опасение порчи в царском семействе было развито до крайности и возбуждало строгие розыски при дворе при всякой болезни царицы или царских детей, не испортил ли их кто. Уложение царя Алексея назначило за колдовство наказание кнутом или сожжение на костре. В царствование Феодора Алексеевича враги ближайшего сподвижника его отца, образованного боярина Артамона Матвеева, обвинили последнего в колдовстве; он был сослан в Пустозерск. К колдовству прибегал ближайший советник царевны Софии, кн. Василий Голицын, просвещеннейший государственный деятель того времени. В самом конце XVII в. имели место жестокие двухлетние розыски над колдунами, заподозренными в намерении извести царя Петра с его матерью. На ряду с кудесниками и волхвами много вреда приносили разные ханжи, лицемерные святоши и лжепророки, умевшие завоевывать доверие многих. Против них восставал Собор 1667 г. Проявлялось иногда волхование священными предметами. Допускалась некоторыми переделка христианских молитв в заговоры и заговоров в молитвы. При придавании огромного значения обряду, его часто не одушевляли внутренним благочестием. Порою он держался только привычкой. К требам некоторые прибегали только в исключительных случаях жизни. Множество обличений исходило от пастырей церкви на то, что пасомые не исповедывались и не ходили в храм по десяткам годов. Часто отчуждались от исполнения религиозных обязанностей разного вида служилые люди, приучившиеся на своей службе к известного рода безшабашному разгулу (Знаменский).

Страшная жизнь Разина, наводившего во второй половине XVII в., со своими бандами, ужас на громадном пространстве среднего и нижнего Поволжья, показывает, какие крайности могли уживаться в душах отдельных русских людей того времени.

Повествование о нем Соловьев начинает так: «Был в Донском Войске казак известный, ловкий, Степан Тимофеевич Разин; был он росту среднего, крепкого сложения, лет около сорока. Весною 1661 года войско посылало его к Калмыкам уговаривать их быть заодно с Донцами, служить государю на Крымского хана. Возвратясь от Калмыков, осенью того же года Степан Тимофеевич явился в Москву; он отправлялся на богомолье в Соловецкий монастырь. Такое благочестие не было диковиною между казаками: «за многия войсковые службы, за кровь и раны» пожалован был им в Шацком уезде Чернеев монастырь; казаки его строили, многие вклады давали, а старики и раненые постригались в нем.» Далее Соловьев пишет: «Мы уже видели, что это был за человек Разин, – весною сходит он в посольстве к Калмыкам, а осенью готов уже идти на богомолье на противоположный край света, к Соловецким чудотворцам: «много было бито, граблено, надо душу спасти!» Воротился (Разин с богомолья на Дон; на Дону тесно, точно в клетке, а искателей зипунов, голутьбы накопилось множество. Все они и русские казаки, и хохлачи, говорили, что им идти на Волгу воровать, а на Дону жить им не-у-чего ...». Разин принял начальство над голутвенными и с ними выбрался на Волгу. При первом же нападении на караван, грабя входивший в состав его патриарший струг, «старинный соловецкий богомолец», отмечает Соловьев, «сам переломил руку у монаха патриаршеского». Разбойничал он в Персии, пропущен был испуганными воеводами через Астрахань, весной 1670 г. захватил с голутвенными власть в Черкаске; занял Царицын, зверствовал там. «Стенька укрепил Царицын, созвал круг и объявил свой широкий замысел: идти вверх по Волге под государевы города, выводить воевод, или идти к Москве против бояр. Казаки закричали в ответ, что полагаются на слово своего батюшки атамана» – пишет Соловьев. Опасаясь оставлять у себя в тылу воевод, он в июне подошел к Астрахани.

Астраханскую кафедру занимал владыка *Иосиф*. Родился он в 1597 г.; в молодости принял монашество в астраханском Троицком мон., был в нем архимандритом, в 1659 г. посвящен в архиепископы, в 1667 г. возведен в сан митрополита. Имя его

упоминалось в связи с делом патр. Никона. Соловьев пишет: «13 июня ночью караульные стрельцы увидели, как над всею Астраханью отворилось небо и просыпались из него на город точно печные искры. Стрельцы побежали в собор и рассказали об этом митрополиту Иосифу. Тот долго плакал и, возвратившись в келью от заутрени, говорил: «Излиялся с небеси фиал гнева Божия!» Иосиф имел право не ждать ничего доброго от казаков, зная их очень хорошо. Он был родом Астраханец; восьми лет он был свидетелем неистовств, которые позволяли себе казаки Заруцкого в Астрахани, как безчестили архиепископа Феодосия за то, что называл их ворами; как перебили всех его дворовых, разграбили дом, самого посадили в Троицком монастыре в каменную тюрьму. Иосиф на самом себе носил тяжелый знак памяти от этого страшного времени: голова его постоянно тряслась от удара, нанесенного ему казаками». Митрополит, по просьбе воеводы кн. Ивана Прозоровского, дал ему келейные и монастырские деньги для задабривания ненадежных стрельцов. 24 июня Разин ворвался в город. Владыка успел приобщить Св. Таин Прозоровского, раненого в живот. Искали защиты в храме те, которым нечего было ждать добра от вора. Борьба шла около церкви, ожесточившись особенно после появления самого Разина. Воевода сброшен был с раската²⁷). «Других несчастных», пишет Соловьев, «не удостоили такого почета: их секли мечами и бердышами перед соборною церковью; кровь текла ручьем мимо церкви до приказной палаты; трупы бросали без разбору в Троицком монастыре в братскую могилу; подле могилы стоял монах и считал, – начел 441». Митрополита Разин не тронул. Сначала не покушался на него и казак Васька Ус, оставленный заместителем себе Стенькой, двинувшимся вверх по Волге. Только в конце 1670 г. кн. Юрий Барятинский наносит сильное поражение мятежникам, в середине же апреля 1671 г. старые казаки схватили на Дону, в Кагальницком, Разина, и 6 июня он был четвертован в Москве.

В Астрахани продолжал держаться Васька Ус. С ним боролся митр. Иосиф, призывавший жителей, согласно полученной им царской грамоте, перехватывать воров. «Кого нам

хватать и сажать в тюрьму», закричали в ответ: «мы все воры; возьмите его, митрополита, и посадите в тюрьму или в каменную будку; счастье твое, что пристигла Святая Неделя, а то мы бы тебе дали память!» Прошло Фомино воскресенье. 11 мая 1671 г. владыка был за проскомидией в соборе, когда воры пришли звать его себе в круг. Он облачился и велел благовестить в большой колокол, чтоб собирались священники идти на круг.

Войдя на круг с крестом в руке, Иосиф спросил Уса: «Зачем вы меня призвали, воры и клятвопреступники?». Один из казаков ответил: «Прислан я от войска с речами, что ты воровски переписываешься с Терекком и Доном, и по твоему письму Терек и Дон отложились от нас». – «Я с ними не переписывался», отвечал Иосиф, «а хотя бы и переписывался, так ведь это не с Крымом и не с Литвою; я и вам говорю, чтоб и вы от воровства отстали и великому государю вины свои принесли». Воры озлобились, часть их направилась к владыке снять облачение. Возмутился донской казак Мирон, который закричал: «Что вы, братцы, на такой великий сан хотите руки поднять?— нам к такому великому сану и прикоснуться нельзя». Его схватили и убили. Воры потребовали от священников разоблачить митрополита. Иосиф сам снял с себя митру, панагию и, обратившись к протодиакону, сказал: «Что же ты стал, не разоблачаешь? уже пришел час мой!» Тот, в ужасе, снял омофор, саккос. Тут казаки выбили все духовенство из круга, крича: «До вас дела нет!» и повели владыку пытать на пороховой двор. Его положили на огонь и допрашивали. Святитель не отвечал ни слова, только творил молитву и проклинал палача. После пытки его повели на казнь, на раскат. Проходя мимо тела Мирона, Иосиф осенил его и поклонился. Его положили на краю раската и толкнули. Соловьев так заключает это страшное описание: «Это были самые отчаянные воры, которые работали на раскате, – Алешка Грузинкин с немногими товарищами. Самая деятельность поддерживала их ожесточение, их опьянение. Но с другим чувством стояло большинство воров внизу подле раската; их страх увеличивался все более и более с приближением дела к развязке, и когда

наконец тело Иосифа ударилось об землю, казакам послышался страшный стук: они обомлели и минут с двадцать стояли в глубоком молчании, повеся головы. Потом опохмелились пыткой и казнью воеводы князя Семена Львова».

Исправление богослужебных книг. Раскол

Архиепископ Филарет пишет: «После того, как за 10 лет до патриаршества начали ограничивать порчу *книг* книгопечатанием, а теперь введением патриаршества вводили столь важные перемены в богослужение и не переставали устанавливать новые празднества²⁸), в самом начале патриаршества в том уже твердо были убеждены, что надобно исправлять ошибки в книгах, возросшие до такого числа с течением времени, и что для того надобно не только печатать книги, но предварительно печатанию сличать поздняя с древними, лучшими списками».

Направление, в каком шли исправления богослужебных книг после Стоглавого собора, не изменилось до половины XVII века. Книги правились с добрых переводов исключительно по славянским спискам и печатались со всеми ошибками и неисправностями последних, которые в печати становились еще распространеннее и тверже. Патриарх *Гермоген*, для предупреждения новых ошибок, установил при типографии особое звание *книжных справщиков*. Они обязаны были внимательно сверять печатаемые книги с лучшими списками, исправляя в случае надобности и эти последние. Трудно было первое время найти надежных справщиков. В Смутное время сгорел печатный дом и издание книг на время прекратилось (Знаменский).

С воцарением *Михаила Феодоровича*, занялись ревностным печатанием книг. В 1617 г. троцкий старец, *Арсений Глухой*, ранее инок Ниловой пустыни, и клементьевский священник *Еван Наседка* жаловались царю, что при множестве ошибок, вошедших в *Требник*, они одни не в силах справиться с исправлениями. Царь поручил троickому архимандриту *Дионисию* принять участие в исправлении требника. Дионисий и его сотрудники с большим усердием принялись за дело. Кроме древних славянских рукописей ими приняты были во внимание четыре греческих требника. Арсений хорошо знал славянскую грамматику и греческий язык.

Новые справщики, более других образованные, нашли в требнике множество ошибок. В водосвятной молитве на Богоявление в печатном требнике к словам: «Прииди, Господи, и освяти воду сию Духом Твоим Святым» оказалось прибавленным «и огнем». По свидетельству Арсения, в 12 просмотренных им славянских списках слова эти отсутствовали, в одном лишь оно было приписано на поле, в другом же над строкой. Явно было, что это было сделано произвольно позднее. Исправлены были ими концы некоторых молитв. В некоторых печатных книгах нашли ереси. Напр. в служебниках говорилось, что «Отец с Сыном воплотился». Особенно много неисправностей оказалось в церковном уставе, который в 1610 году был издан троицким головщиком *Логиним Коровою*. После полуторагодовой работы справщики летом 1618 г. представили исправленный ими Требник местоблюстителю патриаршего престола митрополиту Крутицкому *Ионе*. Последний был недоволен справщиками, выполнявшими работу по личному распоряжению царя и не совещавшимися с ним. Жаловались на Дионисия монахи Троицкой обители головщик *Логин* и уставщик *Филарет*. Дионисий потребован был к объяснению.

Соловьев подробно останавливается на этом деле. «Четыре дня приводили его на патриарший двор к допросу с безчестием и позором; потом допрашивали его в Воскресенском монастыре, в келлиях матери царской, инокини *Марфы Ивановны*, и решили, что исправители еретичествуют. Но при этом решении, кроме невежества, выказалась еще другая язва общественная: тут действовала не одна ревность по букве, по старине, на которую наложили руку смелые исправители, – тут обрадовались, что попался в руки архимандрит богатейшего монастыря, и потребовали у него за вину пятьсот рублей. Дионисий объявил, что денег у него нет, и что он платить не будет; отсюда страшная ярость, и оковы, и побои, и толчки, и плевки. Дионисий, стоя в оковах, с улыбкою отвечал тем, которые толкали его и плевали на него: «Денег у меня нет, да и дать не-за-что: плохо чернецу, когда его растричь велят, а достричь-то ему венец и радость. Сибирью и Соловками грозите мне, но я этому рад, это мне и жизнь». За Дионисием

присылали нарочно в праздничные или торговые дни, когда было много народа, приводили его пешком или привозили на самой негодной лошади, без седла, в цепях, в рубище, на позор толпе, из которой кидали в него грязью и песком; но он все это терпел, с веселым видом, смеялся, встречаясь с знакомыми. Привезут его иногда до обедни, иногда и после обедни, и поставят скованного в подсеньи, на дворе митрополичьем; стоит он тут с утра до вечера, и не дадут ему воды чашки, а время было июнь, июль месяцы, дни жаркие; митрополит Иона после обедни сядет с собором за стол, а Дионисий с учениками празднует под окнами его келлий в кулаках да пинках, а иногда достанется и батоном. Словом ересь напугали царскую мать, Марфу Ивановну, вооружили ее против мнимых еретиков, а в народе распустили слух, что явились такие еретики, которые огонь хотят в мире вывести: – и вот страх и злоба овладели простыми людьми, особенно ремесленниками, которым без огня нельзя ничего сделать, – и они начали выходить с дрекольем и камнями на Дионисия «.

Знакомит Соловьев с главными противниками просвещенного отечестволюбца, Логином и Филаретом, определив ту среду, которая поражает таких «мужиков-горланов». Он пишет: «При отсутствии просвещения в большинстве, всякое преимущество, часто только внешнее, имеет обаятельную силу, и человек, им обладающий, может решиться на все, – сопротивления не будет. Так, если в подобном необразованном или полуобразованном обществе явится человек бойкий, дерзкий, начетчик, говорун, то чего он не может себе позволить, кто в состоянии оценить в-меру его достоинства? Если явится ему противник, человек вполне достойный, знающий дело и скромный, уважающий свое дело и общество, то говорун, который считает все средства в борьбе позволенными для одоления противника, начинает кричать, закидывать словами, а для толпы несведущей, кто перекричал, – тот и прав: дерзость, быстрота, неразборчивость средств дают всегда победу. Древнее наше общество, вследствие отсутствия просвещения, сильно страдало от таких *мужиков горланов*, как их тогда называли; против них-то должен был ратовать и

Дионисий в своем монастырском обществе ... Логин приобрел удивление братии и посещавших монастырь голосом необыкновенно приятным, светлым и громким; в чтении и пении ему не было подобного; на один стих сочинял распевов по пяти, по шести и по десяти. Что стих искажался от этих распевов, терял смысл – до этого Логину не было дела, потому что он «хитрость грамматическую и философию книжную» называл еретическим. Надменный своими преимуществами, удивлением, которое оказывали к его голосу, этот мужик-горлан не знал никакой меры, бранил, бил не только простых монахов, но и священников, обижал в милостыне, и никто не смел ему слова сказать. Дионисий часто обращался к нему со своими тихими поучениями, называл его государем, отцом, братом, величал по имени и по отчеству. «Что тебе, свет мой, пользы в этом», говорил ему Дионисий, – «что все жалуются на тебя, ненавидят тебя и проклинают, а мы, начальники, все как в зеркало на тебя смотрим? и какая будет польза, когда мы с тобою брань заведем?» Но увещания не помогли нисколько.»

«Другой мужик-горлан, уставщик Филарет, возбуждал удивление толпы и получил право быть горланом также по внешнему достоинству, которое в то время очень ценилось, – *сединами добрыми*; он жил у Троицы больше пятидесяти лет, уставщиком был более сорока лет – преимущество громадное по тогдашним понятиям: все остальные, не исключая архимандрита, были перед ним *молодые люди*. Логин своими распевами искажал смысл стихов; Филарет пошел дальше: по его мнению, Христос не прежде век от Отца родился; Божество почитал он человекообразным. Филарет и Логин были друзья, и оба ненавидели Дионисия за обличения. «Пощадите, не принуждайте меня ко греху», говорил им Дионисий: ведь это дело всей Церкви Божией, а я с вами по любви наедине беседую и спрашиваю вас для того, чтобы царское величество и власть патриаршеская не знали, чтоб нам в смирении и в отлучении от Церкви Божией не быть». Логин отвечал ему: «Погибли места святые от вас, дураков, везде вас теперь много неученых сельских попов; людей учите, а сами не знаете чему учите». Больше всего сердился Логин на Дионисия за то, что

архимандрит вмешивался, по его мнению, не в свое дело, т. е. заставлял читать поучения Св. Отцов, и сам часто читал их, часто и певал на клиросе. «Не ваше дело петь и читать», говорил ему Логин: «Знал бы ты одно, архимандрит, чтоб с мотовилом своим на клиросе, как болван, онемев, стоять». Однажды, на утрени, Дионисий сошел с клироса и хотел читать; Логин подскочил к нему и вырвал книгу из рук, налой с книгою полетел на землю, – стук, гром, соблазн для всех; Дионисий, только перекрестил свое лицо, пошел на клирос и молча сел; Логин, окончив чтение, подошел к архимандриту, и, вместо того, чтобы просить прощения, начал плевать на него и браниться. Дионисий, махнувши посохом, сказал ему: «Перестань, Логин, не мешай божественному пению, и братию не смущай; можно нам об этом переговорить и после заутрени». Тут Логин выхватил у него из рук посох, изломал его на четыре части и бросил ему на колени. Дионисий взглянул на образ и сказал: «Ты, Господи Владыко, вся веси, и прости мя, грешного, яко согрешил пред Тобою, а не он». Сошедши с своего места, он всю заутреню проплакал перед образом Богородицы, а после заутрени вся братия никак не могла уговорить Логина, чтоб просил прощение у архимандрита».

Именно Логин, Филарет и ризничий Троицкого мон. диакон Маркелл были главными обвинителями образованного и достойнейшего архим. Дионисия на соборе высшего московского духовенства, заседавшего в июле 1618 г. Дионисия обвиняли в том, что «имя Святой Троицы велел в книгах марать и Духа Святого не исповедует, яко огонь есть». Собор положил: «архимандрит Дионисий писал по своему изволу. И за то архимандрита Дионисия да попа Ивана от церкви Божией и литургии служить отлучаем, да не священствуют». Осудили Дионисия на заточение в Кириллов Белозерский мон. Но туда трудно было его провезти по причине неприятельских отрядов, загораживавших дорогу на север. Велено было содержать его в Новоспасском мон., где его сорок дней томили на палатах в дыму, били, морили голодом, заставляли класть ежедневно тысячу поклонов. Арсений томился в цепях на Кирилловском подворье, откуда послал челобитную боярину Борису Мих.

Салтыкову. Доказывая свою правоту и негодуя на невежественность обвинителей, Арсений обвинял Дионисия в невнимании к его настоянию не делать ничего без митрополичьего совета. Ивану Наседке удалось избавиться от заточения.

Иерусалимский патриарх Феофан, прибыв в Москву, обратил внимание любви на невинных страдальцев. Он предложил патриарху Филарету облегчить их положение. Пр. Дионисий и Арсений были освобождены из темницы. Но осторожный патриарх только тогда оправдал полностью пр. Дионисия, когда получил от других патриархов отзыв о словах *и огнем*. Тогда – в 1626 г. – он особенною грамотою повелел не читать более *и огнем* в молитве водоосвящения и зачеркнуть это место в Требнике. Но и до получения ответов от патриархов, патр. Филарет продолжал исправление книг. Пр. Дионисий и его сотрудники, оправдывая себя, указали на многочисленные ошибки в разных церковных книгах. Согласно с волею патриарха особенно были пересмотрены Требник и Служебник. И в этом случае соблюдая осторожность, патр. Филарет велел держаться преимущественно славянских списков. Сделаны были некоторые дополнения и несколько отмен. В 1633 г. патр. Филарет окружною грамотою потребовал отобрания по всем местам для предания в Москве огню устав, напечатанный справщиком Логином. Памятником ревности Филарета против суеверия было строгое наказание им дьячка за употребление рафлей²⁹). (Архиеп. Филарет).

Присущая патриарху Филарету осторожность проявлена была, когда в Москву прибыла *Риза Господня*. Прислана она была в 1625 г. персидским шахом Аббасом, которому перешла из Грузии, как военная добыча. Принимая во внимание, что нет письменных свидетельств о ризе, а положиться на отзыв только одних мусульман не следует, патриарх повелел совершить недельный пост и молитву, дабы Господь Сам открыл Свою волю. По милости Божией, не прошло и недели молитв и поста, как начали истекать чудесные исцеления от ризы. Посему патриарх Филарет определил чтить ризу благоговейно.

Преемник Филарета, патриарх *Иоасаф*, сперва позволил издать Требник, Устав и Служебник Филаретовы без перемен.

Позднее он изменил в них многое. Главное исправление состояло в пополнении чинов молитвами и действиями, частью же в отмене некоторых действий (относительно погребения священников, постов – касательно употребления рыбы и др.). В *Октоихе* исправлялись ошибки писцов проверкою по спискам. Особенно же усердно продолжали печатать еще непечатанные книги. В пособие улучшению книг собирали славянские списки в Москву из монастырей. Патр. Иоасаф I, как и его предшественник, чувствовал и сознавал, что в исправленных книгах все же остается много грехов разных. В послесловии к Требнику 1639 г. написано: «молим же вы ... аще что узрите в них нашим забвением или неведением просто что и неисправлено или погрешно от неразумия; то простите нас грешных». В послесловии к псалтири 1641 г.: «мы, грубии и неразумнии... прощения просим ... аще вникнувше обрящите в ней неукрашение в словесех или погрешение в речех или неудобствие в деле... да исправите, молимся» (Архиеп. Филарет).

Патриарху *Иосифу* не оставалось более книг богослужебных, которые надлежало бы издавать первый раз в Москве. Но много оставалось книг поучительных, которые там еще печатались. Много оставалось и ошибок в напечатанных книгах, требовавших исправлений. Патр. Иосиф проявлял много усердия в этом деле. Церковные исправления стали проводиться в таких широких размерах, каких прежде не бывало ни разу. Архиеп. Филарет пишет: «К сожалению, Иосиф дозволил печатать книги людям, не только малосведущим, но и упорным в мнениях невежества. Эти люди, несмотря на то, что были очень бедны и смыслом и познаниями, с такою смелостию принялись за переправку книг, что не оставили в покое почти ни одной строки в прежних книгах, и все это делали, не только не справляясь с греческим текстом, которого не знали, но не уважая даже древних славянских списков. Им хотелось всего более возвесть ошибки времени, любимые мнения простоты, на степень мыслей веры святой; и они вносили эти ошибки и мнения то в южные поучительные книги, каковы *книга Кириллова*, *книга о вере единой* и *малый катихизис*, то сеяли те

же мысли невежества в богослужебных книгах, в учебной псалтири 1645 и 1647 г., в служебнике 1647 г. и следованной псалтири 1647 г. Таким образом чего не было в книгах, изданных при патриархах: Иове, Гермогене, Филарете и Иоасафе, то явилось теперь в книгах церковных; разумею мнения: о *двуперстном крестном знамении*, о *сугубой аллилуии*, прибавление слова «*истинного*» в члене веры о Святом Духе. Современник патриарха Иоасафа, митрополит Игнатий, показывает нам и тех кто так несовестно портил чужия сочинения. Это были протопопы *Аввакум* и *Еван Неронов*, попы *Лазарь* и *Никита*, диакон *Феодор Иванов*. Они были в большой доверенности у патриарха, в уважении и у двора; почему распоряжались корректурою и печатанием книг, как хотели, тем более, что заведывавший тогда типографию князь *Львов* был одних с ними мыслей и одинакового образования». Проф. П. Знаменский упоминает еще имена Ивана (в монашестве Иосифа) Наседку, протопопа Михаила Рогова и архим. Сильвестра, как приставленных при печатном дворе к книжным исправлениям. Он отмечает их необразованность и неудовлетворительность приемов работы.

Митр. Макарий пишет: «Под конец жизни патриарха Иосифа у нас, наконец, ясно сознана была мысль, что исправлять церковные книги по одним славянским спискам недостаточно, а нужно вместе исправлять и по греческому тексту. И вот сам царь Алексей Михайлович обратился в Киев с просьбою – прислать в Москву ученых мужей, знавших греческий язык, чтобы они исправили, по тексту семидесяти толковников, славянскую библию, которую тогда намеревались вновь напечатать. Ученые люди скоро прибыли в Москву, и хотя некоторые встретили их здесь неприязненно за самую их ученость, хотя им не было поручено тотчас же приступить к исправлению библии, но они успели, еще при жизни патриарха Иосифа, исправить по греческому тексту одну, уже оканчивавшуюся печатанием, книгу «Шестоднев», и напечатали свои исправления в конце книги, чтобы всю ее не перепечатывать. Это была первая напечатанная в Москве церковная книга, исправленная не по славянским только спискам, но и по греческому тексту ...»

Отметив далее «крайнее безчиние», допускавшееся у нас от «многогласия» и от «хомового» пения, митр. Макарий пишет: «Против такого безчиния восставали еще Стоглавый собор и патриарх Гермоген, а теперь, при патриархе Иосифе восстали некоторые даже из светских людей, каков был Федор Ртищев, и два самые авторитетные московские протоиереи: казанский – Неронов и благовещенский – Вонифатьев, царский духовник. К ним присоединился новгородский митрополит Никон и сам царь. А патриарх Иосиф сначала колебался; но потом обратился с просьбою к цареградскому патриарху Парфению, чтобы он, вместе с другими греческими иерархами, решил: «подобает ли в службах по мирским церквам и по монастырям соблюдать единогласие?» И когда из Царьграда получен был ответ, что чтение в церквах должно совершаться единогласно и певцам подобает петь согласно, а не рыканием неподобным, тогда патриарх Иосиф, с собором своих русских архиереев, в присутствии самого государя и его счнклита, постановил, чтобы по всем церквам пели чинно, безмятежно и единогласно и читали в один голос, тихо и неспешно». Оживлена была церковная проповедь. Среди духовенства поднялся ропот. Говорилось, что «заводится ересь новая – единогласное пение и людей в церкви учить, а преж сего людей в церкви никогда не учивали, учивали их втайне» (Знаменский).

Митр. Макарий продолжает обсуждение того же вопроса: «Явились новые обстоятельства, которые нудили не только прекращать, напротив, с большею энергиею продолжать начатое дело исправления церковных книг и обрядов. При благочестивом царе Алексее Михайловиче еще чаще, чем прежде, приходили в Москву греческие иерархи и другия духовные лица для милостыни и иногда оставались у нас довольно долго. Присматриваясь с любопытством к нашей церковности, они не могли не замечать и действительно замечали в нашей церкви некоторые разности от чинов и обрядов греческой церкви и некоторые новины или «новшества», каким особенно казалось им употребление двуперстия для крестного знамения: так как это новшество, несмотря на решение Стоглавого собора, доселе слабо

проникавшее в народ, который издревле от предков привык креститься тремя перстами, теперь именно, при патриархе Иосифе, будучи внесено в некоторые учительные и богослужебные книги, наиболее стало распространяться и утверждаться и наиболее бросаться в глаза приходившим к нам с Востока единоверцам. В числе других пришельцев к нам находился и иерусалимский патриарх Паисий, принятый в Москве с величайшим уважением. Заметил и он наши новшества, и с укором указывал на них царскому любимцу – Никону и другим.» Смущенные царь и патриарх решили тогда отправить на Восток для изучения греческих обрядов троицкого келаря *Арсения Суханова*, знавшего греческий язык. В 1649 г. Арсений отправился из Москвы вместе с патр. Паисием. Он доехал только до Ясс, где в Молдавии остановился Паисий. Отсюда Арсений два раза возвращался в Москву и уже в 1651 г. отправился далее. Во время второго приезда из Ясс он представил статейный список или отчет о своем путешествии и о своих беседах и прениях с греками. Он рассказывал о таких обрядовых отступлениях греков, которые поколебали православный авторитет греков. Это соответствовало желаниям той группы, которая недовольна была высказанными греками мнениями о русской обрядности и о богослужебных книгах. Не способствовал усилению значения греков оставленный в Москве патр. Паисием образованный грек Арсений. Последний учился в римской коллегии, отрекался там от православия; его обвиняли даже в принятии в Турции басурманской веры. Патр. Иосиф сослал его в Соловки (Знаменский).

Все же решение производить исправления непременно по греческим книгам и чинам, было принято еще при *патр. Иосифе*.

Тогда же нашлись в Москве и люди, способные провести эти исправительные работы. То были ученые монахи *из Киева*, которых выписали оттуда в 1649 г., как знатоков греческого языка, для исправления Библии. Имелись они в виду и для заведенного тогда же *учительного Андреевского мону*. Они открыли в этой обители *ученое братство*, стали заниматься переводами и преподавать желающим греческий язык. Приняли

они участие в книжных исправлениях. В 1650 г. с их исправлениями издан был *Шестоднев*. Патр. Иосиф с опаской относился к возникшему новому движению и предоставил митрополиту Никону шествовать по нему.

В 1651 г. царь Алексей пригласил во дворец патриарха и прочих пастырей и предложил им на рассуждение безпорядки чтения и пения церковного. Собор положил ввести тот же порядок, какой введен Никоном в Новгороде. В то же время рассмотрен был на соборе служебник и сделано в нем несколько поправок. Тогда же решено было подвергнуть новому пересмотру отпечатанную в 1650 г. Кормчую книгу. Вслед за тем стал известен в Москве отзыв *Афонских иноков* об одной московской новизне. Некто иеромонах Дамаскин явился на Афон со славянскою книгою, содержащей учение о двуперстном крестном знамении. Отцы афонские, лишь только узнали о таком пришельце, снеслись с константинопольским патриархом *Парфением*, и, по его благословению, собрав в 1650 г. собор, призвали Дамаскина, сожгли книгу его, запретили ему учить знаменоваться двумя перстами, а каждого, кто стал бы упорно учить тому, предали анафеме. Это решение они прислали царю Алексею в 1652 г. Патр. Иосиф был этим очень обеспокоен. Сознывая свою неосторожность в избрании цензоров книг, он опасался, что его заставят отказаться от престола. Переживая это, он скончался в апреле 1652 г. (Архиеп. Филарет).

Патриарх *Никон*, став во главе Русской Церкви, проникнут был желанием осуществить исправление богослужебных книг. В предвидении предстоящих ему трудностей, он занятие первосвятительской кафедры, обусловил дачей клятвы царем и духовным сѣнклитом оказывать ему послушание, «аще что возглаголет от божественных заповедей и законов».

Сложно было отношение духовенства и народа к исправлениям, в особенности, когда к ним сделались причастными «чужие» *киевляне и греки*. Без помощи же их обойтись не представлялось возможным. Они же, призванные к этому ответственному делу, понемногу от исправления незначительных ошибок перешли к исправлениям более

существенным, которым, по понятиям того времени, присваивалось название *ересей*. Раз дело принимало характер исправления ересей и к нему привлекалась чужая помощь, исправление теряло прежнее значение домашнего дела и становилось делом обще-церковным.

В Москве существовали вражда к *киевским* ученым, к киевской латинской науке. Такая неприязнь обуславливалась в значительной степени наличием измены Православию в 1596 г. в Бресте. Начиная с этого времени юго-западное духовенство, даже и не ушедшее в унию, стало подозреваться в Москве в *латинстве*. Способствовала такому взгляду и постановка учения в Киевской академии, устроенной митрополитом Петром Могилою по образцу иезуитских коллегий. В академии важную роль играл латинский язык. В Москве опасались, что изучение латыни, языка Римской церкви, повлечет за собою совращение в «латинство». На все южно-русское образованное общество смотрели, как на «латинское». «Кто по латыни научится, тот с правого пути совратится» – говорил москвич Лучка (Лукьян) Голосов, не желавший, дабы не впасть в ересь, учиться у киевских монахов, чего требовал от него Ртищев. Подобные люди считали за еретиков и тех, кто благоволил к киевлянам и их науке. Про известного боярина говорилось: «Борис Иванович Морозов начал жаловать киевлян, а это уже явное дело, что туда же уклонился, к таким же ересям».

Неприязненное отношение, как к людям отступившим от православия, было и к *грекам*. Оно вызывалось Флорентийской унией и подданством греков туркам. Образованный Арсений Суханов, говорил: «и папа не глава церкви и греки не источник, а если и были источником, то ныне он пересох». «Вы и сами страдаете от жажды, – говорил он грекам, – как же вам напоять весь свет из своего источника?». С признанием Москвы наследницей Византии, считалось, что только в России сохраняется чистота Православия, которая повредилась в XV в. на Востоке, ушедшем на поклон к папе. Стесненное положение восточного духовенства под турками, приезды его высших представителей за милостынею, вызывали высокомерное отношение к грекам. Русские православные люди в Польше и

Литве считались находящимися под постоянным давлением католичества.

Эти православные иноземцы, греческие иерархи и малороссийские ученые, на которых в Москве смотрели сверху вниз, стали руководителями в деле исправления обрядов и книг московской Церкви. При отмеченном настроении понятно, что выдвижение тех и других не могло нравиться московскому духовенству и многим москвичам. Привлечение иноземцев к исправлениям, как-бы, знаменовало признание русского духовенства невежественным в делах веры, а московских обрядов – еретическими. Это шло вразрез с высоким представлением о чистоте православия в Москве, оскорбляло национальное достоинство многих москвичей. Они то возмущались исправлениями.

Такое настроение москвичей не могло испугать такого убежденного и твердого церковного деятеля, как патриарх *Никон*. Став патриархом, он занялся исправлением не только ошибок, руководствуясь греческими списками, но и обрядов. По поводу последних он постоянно советовался с Востоком. Исправление обрядов было, по понятиям того времени, вторжением в область веры, что считалось непростительным вмешательством.

Наиболее выдающиеся отступления русской церкви от восточных в обрядах – были таковы: 1) *проскомидия* совершалась на семи просфорах вместо пяти; 2) пели *сугубую аллилуиа*, т. е. два раза, вместо *трегубой*, прибавляя: слава Тебе, Боже; 3) совершали хождение *по-солонь*, а не против солнца во время крестных ходов; 4) крестились *двумя перстами* – указательным и средним, а не тремя, как крестились на Востоке.

Из массы описок, особенно важными считались: 1) лишнее слово «истинного» в Символе Веры, именно «и в Духа Святого Господа *«Истинного»* и Животворящего»; 2) начертание и произношение имени Иисус – «Исус»; 3) искажение *церковных отпустов* на Богородичные и другие праздники.

В июле 1652 г. возвратился с Востока *Арсений Суханов* и представил *проскинитарий*, как отчет в исполнении поручения.

Он не совсем должным образом исполнил свое поручение, но не скрыл важной для того времени правды. В описании иерусалимского чина богослужения он указал ряд погрешностей, относящихся, правда, не к самому уставу, а к соблюдению его. С радостью выставлял он каждое мелочное отступление от устава. Арсением не учтено было то, что вследствие тяжелого турецкого ига упали не только обрядность, но и религиозность греков. Важно же было засвидетельствование его, как очевидца, что на Востоке троют аллилуиа, а в Царьграде греки знаменуются тремя перстами.

Архиеп. Филарет отмечает, что патр. Никон первые полтора года позволял перепечатывать книги «почти только с одной мольбою о прощении ошибок. А между тем готовился и готовил нужное к великому делу».

Митр. Макарий пишет: «Никон, как рассказывается в предисловии изданного им служебника, «упразднился от всех и вложился в труд, ежебы святое писание рассмотреть, и входя в книгохранильницу, со многим трудом, многи дни в рассмотрении положи». В книгохранильнице он нашел подлинную уложенную грамоту об учреждении патриаршества в России, подписанную патриархами – Иеремиею цареградским и Иовом московским и многими другими святителями, русскими и греческими; нашел также подлинную грамоту или книгу об утверждении патриаршества в России, подписанную и присланную в 1593 г. всеми восточными патриархами, со множеством греческих епископов. В последней грамоте он прочел, что московский патриарх есть брат всех прочих православных патриархов, единочинец им и сопрестолен, а потому должен быть согласен с ними во всем. Наиболее же остановили на себе в этой грамоте внимание Никона следующие слова: «так как православная церковь получила совершенство не только в догматах боговедения и благочестия, но и в священно-церковном уставе, то справедливость требует, чтобы и мы потребляли всякую новину в ограде церкви, зная, что новины всегда бывают причиною церковного смятения и разделения, и чтобы следовали мы уставам св. отцев, и чему научились от них, то хранили неповрежденным, без всякого приложения или

отъятия». Прочитав всю эту грамоту, Никон впал в великий страх, не допущено ли в России какого либо отступления от православного греческого закона, и начал, прежде всего, рассматривать символ веры. Он прочел символ веры, начертанный греческими буквами на саккосе, который, за 250 лет пред тем, принесен был в Москву митрополитом Фотием, и сравнил с этим символ славянский, как он изложен был в новых московских печатных книгах, убедился, что в славянском символе есть несогласия с древним греческим. Рассмотрев за тем, точно также, св. литургию, т. е. Служебник, и нашел, что иное в нем прибавлено, другое отнято или превращено, а после Служебника узрел и в других книгах многия несходства. После этого, проникнутый сознанием своего долга быть во всем согласным с восточными патриархами и потреблять всякие новины, которые могут вести к несогласиям в церкви, смутам и разделению, и убедившись лично, что такие новины у нас действительно есть в печатных церковных книгах и в самом даже символе веры, Никон решился приступить к исправлению наших богослужебных книг и церковных обрядов».

«Первая попытка в этом роде», продолжает митр. Макарий, «сделана была Никоном, спустя около семи месяцев после вступления его на патриаршую кафедру, и касалась только двух новшеств. Но при первой же этой попытке обнаружились и ярые противники Никона и начатого им дела. Пред наступлением великого поста в 1653 году Никон разослал по всем церквам московским следующую *Память*". В ней указывалось, чтобы в св. čtyредесятницу, при чтении молитвы св. Ефрема Сирина, православные не клали одних земных многочисленных (числом до 17) поклонов, как делалось тогда у нас, но клали поклоны поясные, кроме только четырех земных. «Память» прислана была и в казанский собор протопопу Неронову. Тот тотчас пригласил протопопа Аввакума и других своих близких. Аввакум рассказывал: «Мы же задумались, сошедшеся между собою; видим, яко зима хочет быти: сердце озябло и ноги задрожали». Собирались же тогдашние противники Никона. Таковыми были протопопы: московские – Иван Неронов, Степан Вонифатьев, иногородние – Аввакум юрьевский, Даниил костромской, Логгин

муромский. В бытность Никона митрополитом они были близки с ним, помышляли о некоторых исправлениях. После смерти патр. Иосифа, они, изменили свое отношение к нему и, пользуясь его отсутствием, повели в Москве интригу против него. Когда Никон стал патриархом, то перестал пускать к себе ненадежных друзей. «Такого унижения и оскорбления», пишет митр. Макарий, «не в силах был перенести Неронов с своими приближенными, и они ждали только случая отомстить Никону. Случай, как им казалось, представился. Никон разослал «Память» духовенству: они написали на нее опровержение из книг, выставляя ее, конечно, еретическою, и подали свою рукопись государю, рассчитывая уязвить Никона и повредить ему. Но ошиблись в расчете: Никон остался в полной силе, а только еще больше раздражился против бывших своих друзей. И началась борьба преимущественно из личных побуждений, которая потому, как скоро увидим, в самом уже начале своем приняла с обеих сторон самый резкий характер. Но достойно замечания, что Никон в этот раз как-бы не обратил внимания на поступок своих врагов, не потребовал их на суд за оказанное сопротивление архипастырскому распоряжению и вовсе их не преследовал».

Последовали и другие распоряжения патр. Никона: против иконописцев, усвоивших приемы католиков, о введении, вместо унисонного пения, нового киевского партесного, о произношении в храмах проповедей собственного сочинения. В этом усмотрено было ревнителями старины самомнение проповедников.

С апреля по декабрь 1653 г. в Москве пребывал бывший константинопольский патриарх *Афанасий III Пателарий*. Он три раза восходил на патриарший престол, в последний раз – в 1651 г. – пробыв только 15 дней. Он прибыл из г. Галаца, в волошской земле, где управлял Николаевским мон. На обратном пути он устроен был временно гетманом Богданом Хмельницким в Лубенском мон. Полтавской губ., где преставился 5 апреля 1654 г. В 1662 г. митр. киевским установлено было ему празднование. Митр. Макарий пишет: «Но для нас важно посещение патриархом Афанасием Москвы

в том преимущественно отношении, что и он, подобно другим восточным первосвященникам, приходивших к нам прежде, «зазирал» патриарху Никону «в неисправлении божественного писания и прочих церковных винах», и тем вновь возбуждал его ревность к исправлению наших церковных книг и обрядов. Кроме того, Афанасий, во время своего пребывания в Москве, написал для Никона сочинение, под названием: «Чин архиерейского совершения литургии на востоке», чтобы Никон ясно мог видеть, какие отступления от того Чина допущены в России».

В июле 1653 г. духовный собор рассматривал дело Логгина, обвинявшегося муромским воеводой в оскорблении святыни. Неронов, защищая его, наговорил патриарху много горького и резкого, за что собор определил сослать его в монастырь. Осужден был и Логгин. Митр. Макарий отмечает, что нападки Неронова не касались вопроса об исправлении обрядов и выражали лишь личную вражду. Аввакум, не допущенный после этого священниками казанского собора к служению, «завел свое всеобщее» в сушине, находившемся на дворе сосланного Неронова. Переманил он к себе некоторых прихожан казанской церкви, зазывал через них и других, говоря «в некоторое время и конюшни-де иные церкви лучше». За такое нарушение канонов собор судил его. Логгину и единомышленному с ним и Нероновым Даниилу патриарх лично «остриг голову» в соборной церкви. Они были сосланы первый в Муром, второй в Астрахань. Подобному наказанию должен был быть подвергнут и Аввакум, но царь в самом храме упросил Никона не стричь его. Он был сослан с семьей в Тобольск. Подводя итоги этому делу, митр. Макарий пишет: «Если протопоп Неронов подвергся церковному наказанию вовсе не за ревность по вере, а за величайшее оскорбление патриарха пред лицом целого собора, то и три другие протопopa, Даниил, Логгин и Аввакум, пострадали точно также вовсе не за ревность по вере, а за то, что вздумали защищать пред царем, в укор патриарху, своего до крайности виновного патрона, а еще более за то, что дерзнули устроить самочинное сборище». Царский духовник протопоп Вонифатьев в этом деле не поддержал своих друзей.

Исполняя поручение государя, он уговаривал Неронова смириться и быть в послушании патриарху. Но тот оставался непреклонным. Сослан был в Соловецкий мон. князь Львов.

Дальнейшие события митр. Макарий излагает так: «Распоряжение сделанное им (Никоном) лично от себя пред наступлением великого поста в 1653 г. и направленное только против двух обрядовых новшеств, послужило для него как-бы пробным камнем, чтобы узнать, как отзовутся на задуманное им исправление церковных обрядов и богослужебных книг. И он понял и убедился из сопротивления, оказанного Нероновым и его братиею, что действовать тут только одною своею патриаршею властью недостаточно, а необходимо ему, патриарху, иметь для себя опору в более сильной церковной власти – соборной. Проникнутый этим убеждением, Никон просил царя Алексея Михайловича созвать собор, – о чем в то же время была просьба к царю и от Неронова. Собор был созван в марте или апреле 1654 г. и происходил в царских палатах». На соборе председательствовали царь и патриарх, присутствовали 5 митрополитов, в числе их сербский Михаил, 4 архиепископа, епископ коломенский Павел, 11 архимандритов и игуменов, 13 протопопов, «ту же и царскому свнклиту предстоящу».

На соборе патриархом Никоном предложены были вопросы: «Надобно ли следовать новым печатным московским книгам, в которых найдено много несходного и несогласного, или, точнее сказать, ошибочного против древних греческих и славянских книг? Или же должно предпочесть древния греческие и славянские книги, из которых те и другия содержат и тот же устав, и по которым поучаясь, угодили Богу восточные богословы и учителя и московские святители?» Собор единодушно отвечал: «Достойно и праведно исправить новые по древним русским и греческим книгам. Мы утверждаем, – прибавил Собор, – то самое, что повелевают греческие и наши уставы». Вследствие сего надлежало собрать из русских обителей древния русские книги. Об этом сделаны распоряжения царем и патриархом. Последний еще 11 января 1653 г. вытребовал опись книгам степенных монастырей, на тот

конец: «чтобы было ведомо, где которые книги взять, книг печатново дела исправленья ради». Суеверы пытались остановить патриарха Никона. Во время моровой язвы они распространяли слухи, будто в небесном видении велено остановить печатание исправленных книг. Против них возбуждено было дело и они спутались в показаниях, о чем Никон писал боярину Пронскому: «и то знатно, что они солгали, и они-б впредь таким небылинным зраком не верили» (Архиеп. Филарет).

На Соборе несогласие с Никоном проявил епископ коломенский и кашинский Павел. Митр. Макарий предполагает, что возможно он допустил в споре с ним и резкие выходки. Вскоре после окончания собора последовали те строгия кары против Павла, о которых упоминалось выше. Митр. Макарий пишет далее: «Противоречие, какое услышал Никон от епископа Павла на самом соборе, рассуждавшем о необходимости исправления наших церковных книг и обрядов, вразумило Никона, что в таком важном деле недостаточно опираться на одном только соборе своих русских архиереев и духовенства, а нужно призвать на помощь и собор восточных православных иерархов. Сохранилась, в двух списках, грамота Никона к цареградскому патриарху Паисию от 12 июня 1654 г.»

Патриарх *Паисий* собрал греческих пастырей и деянием соборным утвердил решение московского Собора: следовать православному писанию восточных учителей в древних греческих и славянских книгах. Отосланы были и соборные ответы на 25 вопросов, предложенных Никоном. Патриарх Паисий в грамоте к Никону изъявлял живейшую радость и такое же уважение к его предприятиям: «Радуюся, жив Господь Бог, и имам тя писана в душе моей, за достоинство и разум, его же дарова тебе Бог». Паисий препроводил толкование на чин богослужения, иначе *скрижаль*, рассмотренную и одобренную на Соборе. Патриарх просил Никона ни в чем не разнствовать от уставов восточной Церкви: «да будем чадами единой и той же матери-церкви восточной и да не имеют нечистые еретические уста никакого повода упрекать нас в какой либо разности». Никон прикрывал русскую Церковь в несогласии ея с

греческой в символе веры. Но Паисий оказался осведомлен об этом. Препровождая верный греческий список Никео-Константинопольского символа веры, он просил уничтожить столь важную разность. В заключение патриарх просил Никона быть снисходительным к тем, которые заблуждались не в существенных догматах веры, а только в вещах маловажных (Архиеп. Филарет). Соборное деяние, посланное Паисием, получено было 15 мая 1655 г.

В это время на Востоке находился Арсений Суханов, отправленный туда снова в начале 1654 г. со многою казною. Он должен был раздобыть возможно большее число древних греческих рукописей, не щадя для этого средств. Арсений на одном Афоне приобрел до 505 книг богослужебных и учительных, между которыми одному Евангелию считали тогда 1050 лет, другому 650, одному служебнику 600 и другому 450 лет и проч. Около 200 рукописей приобретено было в разных других местах. Кроме того не менее 200 древних книг прислали иерархи александрийский, антиохийский, халкидонский, никейский, охридский, сербский и др., которым были посланы просьбы из Москвы. Патриарх иерусалимский прислал евангелие, писанное за 600 лет до того. Привез Арсений множество кипарисных досок для икон.

Арсений с этими сокровищами вернулся в 1655 г. К этому времени в Москве находился патриарх сербский *Гавриил*. Прибыли также антиохийский патриарх *Макарий* и митрополиты: никейский *Григорий* и молдавский *Гедеон*. Используя их пребывание, Никон созвал Собор русских пастырей и пригласил на него высоких гостей. Патриарх и митрополиты, присутствуя на *Соборе 1655 г.*, признали нужду в исправлении книг, т. к. древняя греческие книги, тогда же пересмотренные, оказались несходными с позднейшими славянскими. По прочтении деяния московского собора, происходившего в марте, единогласно решено было следовать его решению. Никон поведал Собору о тех упреках в неправильностях в книгах и обрядах, которые ему пришлось за эти годы выслушать от высших иерархов восточных Церквей и в пример указал на перстосложение в крестном знамении. Патриарх Макарий объявил, что

двуперстное знамение принадлежит армянам и что: «издревле прияхом творити знамение честного креста *трима персти* десные руки». Он, в 1656 г., при обряде Православия в Успенском соборе, произнес *на двуперстие осуждение* и предал анафеме упорных его приверженцев. Согласно с Паисием отзыв высказали сербский патриарх и оба приезжие митрополиты.

К делу исправления книг патриархом были привлечены ученые старцы киевского Братского мон. Епифаний Славеницкий и Арсений Сатановский, вызванные царской грамотой в 1649 г. Через год из Киева прибыл еще иеромонах Дамаскин Птицкий. Епифаний, позднее келарь Троице-Сергиева мон., был главным справщиком. В работе этой принимали участие также архимандрит Иверского афонского мон. Дионисий, приехавший в 1655 г. для управления греческим Никольским мон. в Москве, и известный под именем святогорца. Справщиком был и старец Арсений грек, пребывавший некоторое время в заточении в Соловецком мон. Он, подозревавшийся во временном уклонении, до его прибытия в Россию с патр. Паисием, в латинство, был признан соловецкими иноками, после трехлетнего испытания, православным. Никон особенно ценил его знания. С 1654 года царь приказал передать печатный двор, со всеми его учреждениями и справщиками книг, доселе находившийся в ведении приказа большого дворца, патриарху Никону в его непосредственное и полное распоряжение. Выпущенный справщиками «Служебник» был в марте 1655 г. одобрен Собором. 31 августа Служебник был выпущен из московской типографии, а через 11 месяцев издан вторично.

В 1655 г. Никон особенно ополчился против икон написанных по латинским образцам. Митр. Макарий приводит описание архидиаконом Павлом алепским того, что происходило в Успенском соборе в неделю православия: «... Теперь, когда царь находился уже в Москве и присутствовал в церкви, патриарх смело повел речь против новых икон и пространно доказывал, что писать иконы по франкским образцам незаконно. При этом, указывая на некоторые новые

иконы, вынесенные к аналою, ссылался на нашего владыку патриарха во свидетельство того, что иконы те написаны не по греческим, а по франкским образцам. Затем оба патриарха (Макарий и Гавриил) предали анафеме и церковному отлучению всех, кто впредь будет писать или держать у себя в доме франкские иконы. Причем Никон брал одну за другой подносимые ему новые иконы и, каждую показывая народу, бросал на железный пол с такою силою, что иконы разбивались, и, наконец, велел их сжечь. Тогда царь, человек в высшей степени набожный и богобоязненный, слушавший в смиренном молчании проповедь патриарха, тихим голосом сказал ему: «нет, батюшка, не вели их жечь, а лучше прикажи зарыть в землю». Так и было поступлено. Каждый раз, когда Никон брал в руки какую либо из незаконных икон, он приговаривал: эта икона взята из дому такого-то вельможи, сына такого-то (все людей знатных). Он хотел пристыдить их всенародно, чтобы и другие не следовали их примеру». Это происходило незадолго до Собора.

Патриарх Паисий прислал Никону «Скрижаль», составленную греческим иером. Иоанном Нафанаилом. На славянский язык она была переведена справщиком Арсением греком и окончена печатанием в 1655 г. При «Скрижали» Никон велел напечатать послание патр. Паисия с ответами константинопольского собора относительно наших церковных книг и обрядов. Никон велел при «Скрижали» напечатать также: слово иподиакона Дамаскина Студита, в котором изложено учение о троеперстии, слово Николая Малаксы, протоиерея навилийского о сложение перстов для архиерейского и иерейского благословения, слова Нила Кавасилы и др. учителей о недопущении изменений в сѣмволе веры и выдержки из других источников. Патриарх Никон не разрешил выпускать эту книгу в свет до утверждения Собором.

В неделю православия – 24 февр. 1656 г. – собрались в Успенский собор все находившиеся в Москве архипастыри, царь со своим сѣнклитом и множество народа. Митр. Макарий так излагает происшедшее: «В то время, когда начался обряд православия, и церковь, убажая своих верных чад, изрекала

проклятие сопротивным, два патриарха, антиохийский Макарий и сербский Гавриил, и митрополит никейский Григорий стали пред царем и его свнклитом, пред всем освященным собором и народом, – и Макарий, сложив три первые великие перста во образ Св. Троицы и показывая их, воскликнул: «сими тремя первыми великими персты всякому православному христианину подобает изображати на лице своем крестное изображение; а иже кто по феодоритову писанию и ложному преданию творит, той проклят есть». Тоже проклятие повторили, вслед за Макарием, сербский патриарх Гавриил и никейский митрополит Григорий. Вот кем и когда изречена первая анафема на упорных последователей двуперстия. Она изречена не Никоном, не русскими архиереями, а тремя иерархами – представителями востока. И можно представить, как должна была подействовать эта анафема на православных, произнесенная в самое торжество православия. В начале апреля прибыл в Москву молдавский митрополит Гедеон от молдавского воеводы Стефана с просьбой о принятии молдавской земли под русскую державу, и в Москве, вместо трех, было уже четыре восточных святителя. Никон решил обратиться ко всем им разом с письменным посланием от лица своего и других русских архиереев, и, указывая на то, что в Москве «неции воздвизают прю» относительно сложения перстов для крестного знамения, и одни крестятся тремя перстами десницы, а другие двумя, умолял этих святителей возвестить, где истина и как следует креститься». Все они признали отлученными от Отца и Сына и Св. Духа и проклятыми тех, кто творит крестное знамение не тремя перстами. Это ответное послание, вместе со своим посланием к ним, Никон немедленно велел напечатать и поместить в качестве приложения к книге «Скрижаль».

Имея приговор восточных иерархов на крестящихся двумя перстами, Никон в апреле 1656 г. собрал Собор русских архиереев. Присутствовали 3 митрополита, 4 архиепископа, епископ коломенский Александр, 22 архимандрита, 7 игуменов, 1 строитель и один наместник. Патриарх в обширной речи ознакомил собравшихся с ходом дела. Подробно была изучена членами Собора «Скрижаль», которую признали не только

«безпорочну», но и достойною всякой похвалы и удивления. Собор установил правило коим: «аще кто отселе, *ведый неповинитися* творити» троеперстие, тот подвергался проклятию. Сказание о Соборе было включено в «Скрижаль», которую после этого Никон велел выпустить в свет. «Таким образом», пишет митр. Макарий, «еще в 1656 году представители не только восточной православной, но и русской иерархии изрекли уже проклятие на *неповинующихся* церкви последователей двуперстия в крестном знамени и вообще не соглашающихся креститься так, как издревле учила и учит св. церковь».

Вскоре возникло вновь дело протопопа Ивана Неронова. Сосланный в 1653 г. в Спасо-каменский мон., под строгое начало на черные работы, он был сначала принят настоятелем его с почетом. Но вскоре вмешательство Неронова в монастырские дела, возбудило против него настоятеля и братию. В 1654 г. Никон распорядился сослать его на отдаленный север в Кандалашский мон. Неронов находил способы сноситься со своими единомышленниками и посылать письма царю, царице и др. В августе 1655 г. он бежал и добрался до Москвы, где тайно поселился у царского духовника Вонифатьева. Царь знал об этом и ничего не сказал Никону. «Таким образом», пишет митр. Макарий, «Вонифатьев и царь, хотя, по-видимому, держали сторону Никона в деле исправления книг, но тайно покровительствовали и Неронову в его противодействиях Никону». 25 дек., по собственноручной записке Вонифатьева, Неронов был пострижен, с именем Григория, в Даниловом Переяславском монастыре. Патриарх же в это время рассылал приказы и гонцов, чтобы схватить Неронова. Не обнаружив его, он созвал 18 мая 1656 г. Собор для заочного суда над Нероновым. На нем присутствовал и патр. Макарий, через 10 дней после того выехавший из Москвы. Неронов обвинялся в бегстве из монастыря и возмущении неутвержденных в вере душ; в ложных писаниях о царе, патриархе, восточных патриархах; в осуждении правильных книг и в постриге без благословения. Собор постановил: «Иван Неронов, иже ныне в чернецах Григорий, и с своими

единомысленники, иже непоряду с святому собору, от святыне единосущные Троицы и от святыне восточные церкви да будут прокляты». Митр. Макарий пишет: «И если собор московский 1656 года, начавшийся 23 апреля и закончившийся 2 июня, изрек анафему, как мы видели собственно на неповинующихся церкви в сложении перстов для крестного знамения, то настоящий собор изрек проклятие вообще на единомысленников Неронова, как не покоряющихся церкви во всем, в чем не покорялся церкви Неронов и в чем доселе не покоряются его последователи: с этого собора началось действительное отделение русских раскольников от православной церкви, начался русский раскол».

Книга «Скрижаль» произвела большое впечатление на Неронова, в то время скрывавшегося. «И 4-го января 1657 года», пишет митр. Макарий, «пришел Григорий на патриарший двор, стал у крестовой палаты и поклонился Никону, когда он шел к божественной литургии. Никон спросил: «что ты за старец?» – «Я тот, отвечал Григорий, кого ты ищешь, – казанский протопоп Иоанн, в иночестве Григорий»... Патриарх принял его по окончании литургии. «Здесь Григорий начал говорить: «ты, святитель, приказал искать меня по всему государству и многих из-за меня обложил муками... Вот я пред тобою: что хочешь со мною делать? Вселенским патриархам я не противлюсь, а не покорялся тебе одному... Ты писал на меня, как напечатано в книге «Скрижаль», ко всем вселенским патриархам, что мы мятеж творим и противимся тебе в вещах церковных; а патриархи тебе отвечали, что подобает креститься тремя перстами, не покоряющихся же заповедали предать проклятию и отлучению. Если ты с ними согласен, то я этому не противлюсь; только смотри, чтоб была истина: я под клятвою вселенских патриархов быть не хочу». Никон ничего не отвечал, но молчал». Григорий обличал его. Никон спокойно давал ему разъяснения, или говорил: «прости, старец Григорий, не могу терпеть.» Он отправил его на троицкое подворье, указав, что бы тот не нуждался ни в чем и мог свободно выходить и принимать кого пожелает. 14 янв. царь, вернувшийся из похода против шведов, увидев в Успенском соборе Григория, весело сказал

Никону: «благослови его рукою». Но Никон заметил: «изволь, государь, помолчать, – еще не было разрешительных молитв». Молитвы он прочел через неделю в соборе, после заамвонной молитвы, плача при этом. «Плакал также и Григорий», пишет митр. Макарий, «пока читались над ним разрешительные молитвы, и по разрешении причастился св. даров из рук Никона. В тот же день устроил у себя патриарх, «за радость мира», трапезу, за которую посадил Григория выше всех московских протопопов, а после трапезы, одарив Григория, отпустил с миром». Но Григорий и потом не унимался и несколько раз резко обличал патриарха. 21 янв. 1658 г. Григорий в присутствии патриарха «умолил успенского протопопа с братиею, чтобы аллилуии в соборной церкви на клиросах не троили. Те послушали старца, говорили аллилуию на крилосах по дважды, а в третье: «слава тебе, Боже». Патриарх же ничего им за это не замечал; только при чтении псалтыря поддьяк троил аллилуия, по заповеди патриарха». Тоже происходило до самого отъезда Григория из Москвы. Излагая это, митр. Макарий поясняет: «Таким дозволением двоить аллилуию даже в успенском соборе, по желанию старца Григория, после того как он присоединился к церкви и покорился церковной власти, Никон еще раз показал, что готов разрешить своим противникам употребление и так-называемых ими старых обрядов, если только эти противники будут в единоверии с церковью и в покорности ей богоучрежденной иерархии». В начале мая 1658 г. старец Григорий был уже в своей пустыне, одаренный при отбытии Никоном, а 10 июля патриарх оставил свою кафедру.

До 1658 г. под смотрением патриарха Никона были исправлены и изданы: *постная триодь* (1655), *сборник молитв и часослов* (1656), *ирмолог*, переведенный снова (1657), *требник* и *следованная псалтирь* (1658). После того до лишения Никона патриаршей власти, исправляли и издали еще несколько богослужебных книг. Но они рассматриваемы были уже не Никоном, который жил тогда вдали от дел управления, а собором архиереев (Архиеп. Филарет).

Митр. Макарий пишет: «Что же должно сказать о всей этой деятельности, от ее начала до конца, если смотреть на нее без

предубеждения. Никон не затевал ничего нового, когда решился приступить к исправлению наших церковных книг: исправление этих книг совершалось у нас и прежде, во время печатания их, при каждом из бывших патриархов. Никон хотел только исправить книги лучше, чем исправлялись они прежде. Прежде книги правились по одним славянским спискам, которые теми или другими справщиками признаваемы были «добрыми». Никон пожелал исправить наши церковные книги не по одним славянским, но и по греческим спискам, и притом по спискам, славянским и греческим, древним, чтобы очистить эти книги от всех погрешностей, прибавок и новшеств, какие вкрались в них с течением времени, особенно в два последних столетия, и для многих уже не казались новшествами, – чтобы восстановить у нас богослужение в том самом виде, в каком существовало оно в древней церкви, русской и греческой, – чтобы привести нашу церковь в полное согласие с греческою и вообще со всею восточною православною, даже по церковным обрядам. И за такое исправление книг Никон принялся не по прихоти или злонамеренности, а по настоятельной нужде. Его укоряли иерархи, приходившие к нам с востока, в разных отступлениях нашей церкви от греческой, каким особенно казалось им двуперстие в крестном знамении. Он сам лично убедился, вскоре по восшествии на патриаршую кафедру, что такие отступления действительно встречаются в наших печатных книгах и даже в символе веры. Он знал, какую важность приписывали некоторым из этих отступлений греки, как признали они еретическими и сожгли на Афоне московские книги, в которых было напечатано учение о двуперстии для крестного знамения. Необходимо было устранить все этого рода несогласия нашей церкви с греческою, чтобы они не повели к серьезным столкновениям и даже к разрыву между обеими церквами. И Никон начал свое великое дело – исправления наших церковных книг, но не сам собою, а по решению и указанию двух соборов, московского и константинопольского. Никон исправил книгу Служебник, но не прежде напечатал, как подвергнув ее тщательному рассмотрению целого собора. Напечатал книгу Скрижаль, но не выпускал ее в свет, пока она

не была вся пересмотрена и одобрена собором. Приготовил к печатанию книгу Требник и до напечатания подверг ее также внимательному обсуждению на соборе Никон изрек анафему на непокорных, неповиновавшихся церкви в сложении перстов для крестного знамения; но изрек не один, а вместе с собором русских архиереев, и уже после того, как на этих непокорных изрекли анафему известные восточные иерархи. Никон предал анафеме Неронова и его единомысленников, сопротивлявшихся церковной власти; но предал с согласия всего собора, на котором находились и восточные святители, в том числе антиохийский патриарх, и следуя наставлению цареградского патриарха и собора относительно Неронова. Выходит, что вся деятельность Никона по исправлению церковных книг и обрядов совершалась не им единолично, а с согласия, с одобрения и при живом участии представителей не только русского, но и восточного духовенства и всей церкви. На Никона нападали, что он был крайне строг к своим противникам. Но он мог быть слишком строгим и даже несправедливым, мог иметь и другие недостатки, мог вредить своею горячностью успехам своего дела; а самое дело исправления церковных книг, тем не менее, оставалось чистым, законным и святым, – не говорим уже, что строгия и суровые наказания вообще были в духе того времени, и что противники Никона, по своей дерзости против него, заслуживали такой строгости.»

Перечислив противников Никона и упомянув о принятии старцем Григорием (Нероновым) троеперстия, митр. Макарий продолжает: «Правда, Неронов, и по присоединении к церкви, желал держаться старых печатных книг; но Никон, вместе с собором, предав проклятию непокорявшихся церкви из-за старых книг и обрядов, отнюдь не проклинал самих этих книг и обрядов, и потому позволил Неронову, когда он покорился церкви, держаться и старопечатных книг, назвал их даже добрыми и сказал, что все равно, по старым ли или по новоисправленным книгам, служить Богу; позволил, в частности, и двоить и троить аллилуйю в самом успенском соборе за одними и теми же службами. Отсюда можем заключать, что еслибы продолжилось служение патриарха

Никона, и он скоро не оставил своей кафедры, то он, может быть, дозволил бы и всем единомысленникам Неронова, приверженцам старопечатных книг, тоже самое, что дозволил Неронову: лишь бы только они покорялись церкви и церковной власти. И тогда, сохраняя единство православной веры и подчиняясь одной и той же церковной иерархии, русские, одни совершали бы службы по новоисправленным книгам, а другие по книгам, исправленным и напечатанным прежде, несмотря на все разности между ними, подобно тому, как до Никона одни совершали у нас службы по старым служебникам и требникам, правленным и напечатанным при патриархах Иове, Гермогене и Филарете, а другие по вновь исправленным служебникам и требникам, напечатанным при патриархах Иоасафе и Иосифе, хотя между теми и другими служебниками и требниками есть значительные разности. Таким образом раскол, начавшийся при Никоне, мало по малу прекратился бы, и на место его водворилось бы так-называемое ныне единоверие.

«К крайнему сожалению, по удалении Никона с кафедры, обстоятельства совершенно изменились. Проповедники раскола нашли себе, в наступивший период между-патриаршества, сильное покровительство; начали резко нападать на церковь и ее иерархию, возбуждать против нея народ, и своею возмутительною деятельностью вынудили церковную власть употребить против них канонические меры. И тогда-то вновь возник, образовался и утвердился тот русский раскол, который существует доселе, и который, следовательно, в строгом смысле, получил свое начало не при Никоне, а уже после него.»

Оставление Никоном управления патриаршеством побудила староверов развить свою деятельность. Снова выдвинулся старец *Григорий Неронов*. Проживая в Игнатиевой пустыни, в вологодском уезде, он приезжал в Москву, где у него было много приятелей; был принимаем даже государем, пользовался милостями от архиереев. Оставаясь формально в единении с православною Церковью, употребляя троеперстие, он держался старых книг и тайно писал против новоисправленных. Подавал он челобитные царю, изливая злобу на Никона и советуя в 1661 г. поставить нового патриарха.

Своими проповедями и поучениями он привлекал в пустынь многих из Вологды и окрестных сел; обходил ближайшия веси, совершал в них богослужения по старым книгам, отвращая людей от православия к расколу. Только с конца 1664 г. новый архиепископ вологодский Симон стал препятствовать его деятельности, в ответ на что Григорий слал на него доносы в Москву. В 1666 г. владыка отправил в Москву к архиереям грамоту с сообщением о том, что Григорий не перестает смущать народ своим учением. 14 марта последний был сослан под начало в Иосифов волоколамский мон., а вскоре потребован в Москву на соборный суд. По словам митр. Макария, «Неронов много способствовал возникновению и оживлению раскола, после удаления Никона с патриаршей кафедры, еще тем, что, имея свободный доступ к государю и долго пользуясь благорасположением самих архиереев, старался покровительствовать другим расколоучителям».

Отчасти ходатайству Неронова пред царем приписывает митр. Макарий возвращение из Сибири *Аввакума*. О нем он пишет: «Этот протопоп, который скоро превзошел своею слепотою и фанатическою ревностю по вере самого Неронова и сделался действительным главою вновь возникшего у нас раскола, сам написал свою биографию, по просьбе отца своего духовного Епифания ок. 1675 года, весьма любопытную, как по содержанию, так особенно по изложению; но не избег в ней, как это, большею частию, бывает в автобиографиях, пристрастия и самохвальства. Он старается здесь представить себя не только ревнителем истинной веры, но и страдальцем за веру и чудотворцем, и видимо преувеличивает и украшает вымыслами свои страдания и свои мнимые чудотворения, как-бы хвастается ими. Аввакум родился в нижегородских пределах, в селе Григорове. Отец его Петр был там священником и «прилежаше пития хмельного»; а мать Мария, сделавшаяся, по смерти мужа, инокинею Марфою, была «постница и молитвенница», и всегда учила сына страху Божию, и воспитала его в самом строгом, преимущественно обрядовом, благочестии. Женившись на дочери местного кузнеца Анастасии, Аввакум 21-го года поставлен был в диаконы, а 23-х лет в попы: вот как тогда

исполнялись церковные каноны. И в эти еще молодые свои годы, будучи только сельским священником, он уже обнаружил в словах и действиях тот чрезвычайно дерзкий, задорный, ничем неукротимый характер, которым отличался потом во всю свою жизнь и из-за которого перетерпел впродолжение ее столько страданий. Не станем передавать тех почти невероятных случаев, о которых рассказывает он сам в своей биографии, как его били, волочили за ноги в ризах, оставляли едва живым... Заметим только, что попом он был всего восемь лет и в эти восемь лет два раза его выгоняли из прихода. В первый раз напал на него какой-то начальник, избил его, откусил у него персты руки, дважды выстрелил в него и, наконец, отнял у него двор и все имущество и, без куска хлеба, выгнал его с семейством из села. Аввакум побрел в Москву к царскому духовнику, протопопу Стефану Вонифатьеву и протопопу Ивану Неронову. Они известили о нем царя, который с того времени начал знать Аввакума; но опять послали его с грамотою на прежнее место. Здесь едва он вновь обзавелся, как над ним разразились новые беды, и «помале паки инии изгнаша мя от места того вдругоряд, – пишет он сам, – аз же сволокся к Москве и, Божиею волею, государь меня велел в протопопы поставить в Юрьевец-повольский». Аввакуму исполнилось тогда еще только 31 год, и, сделавшись так рано протопопом, начальником целого церковного округа – протопопии, он, верно, захотел показать себя еще более резким и задорным в своих словах и действиях: потому что едва прошло восемь недель, как на него восстал почти весь город. К местному патриаршему приказу, где заседал Аввакум, занимаясь духовными делами, собралось множество попов, мужиков и баб, человек с тысячу или полторы; вытащили его из приказа, и били среди улицы батожем и топтали, а бабы были с рычагами. Более всех вопили попы и бабы, которых он унимал от блудной жизни: «убить вора, да и тело собакам в ров кинем». И, действительно, его убили почти до смерти, и бросили под угол одной избы. Прибежал городской воевода с пушкарями, и, схватив чуть живого протопопа, умчал его на лошади в его дом, а вокруг всего двора поставил пушкарей. На третьи сутки, ночью,

Аввакум, покинув в городе свою семью, ушел в Москву, и оттуда уже не возвращался на свое место. В Москве он явился к отцу своему духовному, казанскому протопопу Ивану Неронову, остался у него жить, и, во время его отлучек, правил его церковь.»

Протопоп Аввакум, сосланный в 1653 г. при патр. Никоне в Тобольск получил от, видимо, ему сочувствовавшего архиеп. Симеона, священническое место. Но только полтора года смог он пробыть там, вооружив за это время всех против себя. Пять раз возбуждались против него дела. Недолго пробыл он в Енисейске, откуда в 1656 г. отбыл в Даурию, в качестве духовника воеводы Афанасия Пашкова, с которым отношения сразу обострились. Аввакум сознается: «десять лет (на самом деле пять) он меня мучил, или я его, – не знаю: Бог разберет в день века». Ему было разрешено вернуться и в 1663 г. он появился в Москве. Там, как повествует он: «приняли меня, как ангела Божия, государь и бояре; все были мне рады. Зашел я к Федору Ртищеву: он вышел ко мне принять от меня благословение, и начали мы говорить с ним много; три дня и три ночи домой меня не отпустил, и потом известил обо мне царю. Государь тотчас велел меня представить, спрашивал меня о здоровье и дал поцеловать мне свою руку. Приказал поместить меня на монастырском подворье в кремле и, проходя часто мимо моего двора, низко кланялся мне и говорил: благослови меня и помолись о мне. Также и все бояре просили моего благословения и молитв. Давали мне место, где бы я захотел, звали и в царские духовники, чтобы только я соединился с ними в вере; но я все это вменил в уметы, да Христа приобрящу.» Аввакум подал царю длинную челобитную, в которой обрушивался на Никона, рассказывал, что ему пришлось терпеть от последнего; себяставлял каким-то избранником Божиим: – Бог удостоил его откровения о Никоне; ангел Божий приносил ему пищу в темнице. Митр. Макарий передавая содержание челобитной отмечает владение Аввакумом в высокой степени словом «ясным, выразительным, безыскусственным, народным», превосходя в этом Никона, «который писал обыкновенно книжным языком, искусственно

растянуто и не всегда удобопонятно. Речь Аввакума, даже в сочинениях его, представляется как-бы выхваченною из живого говора народного, и тем более и сильнее могла действовать на народные массы.»

Аввакум в своей биографии сообщает, что царь не соглашался с ним и приказал Родиону Стрешневу уговаривать его, по крайней мере, молчать. Наряду с этим, государь, Стрешневы, Ртищев и другие слали ему деньги. Аввакум пишет: «У Федосьи Прокопьевны Морозовой жил я, не выходя со двора: она дочь моя духовная, как и сестра ея княгиня Евдокие Прокопьевна Урусова. И у Анны Петровны Милославской всегда же в дому были, а к Федору Ртищеву браниться с отступниками ходил». Митр. Макарий отмечает: «Весьма важным обстоятельством для Аввакума служило то, что он сделался духовником Федосьи Прокопьевны Морозовой и совершенно покори́л ее своей воле и своим убеждениям. Это была одна из самых знатных боярынь и, как по отцу, так и по мужу, из самых близких к царскому двору. Отец ея окольничий Прокопий Федорович Соковнин приходился в родстве царице Марье Ильинишне Милославской, а муж – Глеб Иванович Морозов был родным братом знаменитого дядьки и свояка царского Бориса Ивановича Морозова, женатого на родной сестре тойже царицы. Чрез Морозову, вращавшуюся вблизи царицы, Аввакум мог оказывать влияние на всех, окружавших царицу, и на самую царицу, которая, как увидим, действительно и стояла за Аввакума. Вместе с тем Морозова, обладавшая огромным богатством, имела множество родных и знакомых в Москве и могла поддерживать лжеучение Аввакума в высшем московском обществе. Когда Аввакум возвратился из Сибири, Морозова была уже вдовицею (с 1662 г.) и дом ея обратился как бы в монастырь, в котором она постоянно содержала пятерицу инокинь и давала пристанище всякого рода странникам. Все эти лица, особенно инокини, подобно Морозовой, напивывались учением Аввакума, которое и разносили повсюду, куда ни ходили. В том же доме всегда находили себе приют три юродивые: Феодор, Киприан и Афанасий, духовные дети и преданные ученики Аввакума. Пользуясь большим уважением в

народе, они свободно бродили по улицам и площадям города и распространяли убеждения своего наставника и его ненависть к новоисправленным книгам. Наконец у Морозовой, как увидим, искали себе поддержки и покровительства и другие расколоучители.». Под влиянием Аввакума начались в Москве отступления многих от православия. Духовные власти восстали на него и, по приказанию царя, он был отправлен в Мезень, откуда продолжал распространять свои лжеучения.

В то время проявлял свою деятельность бывший игумен московского Златоустова мон. *Феокист*, тесно связанный с Нероновым, проживавший в его игнатьевской пустыни. Сочинил он слово об антихристе. Потом Феокист перебрался в Вятку к епископу *Александру*. Последний, быв участником Собора 1656 г., оставаясь и потом в общении с Церковью, установил связь с Нероновым, Аввакумом, Морозовой, начал восставать против казавшихся ему неисправностей в новых книгах. Заговорили и другие ревнители старины. Среди них был, упоминавшийся выше, романо-борисоглебский поп *Лазарь*, его единомышленник патриарший подъяк *Федор Трофимов*, суздальский соборный поп *Никита Константинович Добрынин* и дьякон московского благовещенского собора *Федор Иванов*. Лазарь написал сочинение, в котором старался перечислить мнимые новшества. Оно было в 1660 г. подано государю Федором Трофимовым. По решению духовных властей они оба были сосланы с семействами в Тобольск. Там с ними часто беседовал сосланный туда сербский священник латинянин Юрий Крижанич. Он свидетельствовал о них: «Федор, как пришел сюда, не имел еще уса на губах, а чинил себя учителем церкви, и до того досаждал женщинам, что оне отвечали ему: ступай де домой учить свою жену. Да и об Лазаре знает весь город, что ему иногда улицы были тесны, и люди его под руки водили, когда сам не мог дойти до дому. Однажды у меня сидел он с гостями и стал рассказывать гадкие басни; гости повесили носы, слыша от священника такие речи ...» О поведении и нераскаянности обоих стало известно в Москве; в начале 1666 г. они были вызваны туда и вскоре отправлены в пустозерский острог до нового государева указа (митр. Макарий).

«Суздальский соборный протопоп Никита Добрынин», пишет митр. Макарий, «подобно протопопам Неронову и Аввакуму, был характера весьма дерзкого и задорного». Никита слал в Москву доносы на своего архипастыря, за что Собором запрещен был в священнослужении. В это время он приступил к писанию своей челобитной царю на книгу Скрижаль и на новоисправленные книги. «Челобитная Никиты», пишет митр. Макарий, «по своей обширности и основательности, превосходит все другия, явившиеся тогда, раскольнические челобитные; для составления ее требовалось прочесть немало книг, сделать много выписок, подобрать свидетельства и все собранное изложить в порядке, и Никита, как сам говорил, трудился над нею семь лет; а как в 1666 году челобитная была уже готова, то он начал ее, вероятно, еще в 1659 г., если не ранее». Благовещенский диакон Федор Иванов стал писать против новопечатных книг позднее. «Протопоп Аввакум, попы Лазарь и Никита и дьякон Федор», отмечает митр. Макарий, – это были единственные расколоучители, вышедшие в то время из среды белого духовенства и пребывавшие верными расколу до конца». Значительно больше противников новопечатных книг было между монашествующею братиею. Из иноков, писавших против книг, наиболее значительным был архимандрит покровского мон. в Москве *Спиридон Потемкин*, родственник Ртищева. Им написана небольшая книга, известная у раскольников под названием «книга богомудрого старца Спиридона Потемкина». В ней он говорит о крестном знамении, символе веры, пришествии антихриста и о том, что ереси в новопечатанных книгах заимствованы от латинян. Книга эта имела большое распространение. Он умер в 1665 г. Известен своею проповедью в округе Ветлуги его родственник старец *Ефрем Потемкин*. Против новопечатных книг восстал Соловецкий мон., о чем речь будет ниже. В конце 1665 г., по словам архиеп. Филарета «отпал от здорового тела церкви дикий нарост ложных убеждений».

В феврале 1666 г. в Москве состоялось открытие заседаний Собора русских архипастырей, о котором упоминалось выше. Присутствовали пять митрополитов и пять архиепископов. В

числе митрополитов был и владыка Феодосий сербский. В самом начале заседаний каждый из владык прочел во всеуслышание символ веры и все убедились в своем единомыслии. Затем всеми, данными ими отзывами, признаны были православными греческие патриархи и употребляемые ими богослужебные книги, а также московский собор 1654 года. Подобные же заявления дали архимандриты монастырей: троицесергиева, Новоспасского, новгородских юрьева и хутынского, Знаменского московского и никола-угрешского. «Легко понять», пишет митр. Макарий, «почему наши святители, собравшиеся для суда над расколом, желая предварительно удостовериться, не причастен ли кто из них самих тому же греху, предложили друг другу эти именно, а не другие вопросы. Сущность появившегося у нас раскольнического учения состояла именно в том, что русские церковные книги, напечатанные до патриарха Никона, во всем исправны, православны, и не требовали исправления; что московский собор 1654 года, определивший исправление их, есть собор незаконный; что греческие книги, по которым совершено при Никоне исправление наших книг, испорчены и наполнены ересями, и сами греческие патриархи, находясь под игом неверных, уклонились от православия.» Те же вопросы предлагались на соборе лидам, обвинявшимся в принадлежности к расколу.

Второе заседание состоялось 29 апр. в царской столовой палате. «Когда собрались в нее все архиереи, бывшие и на первом заседании, кроме митрополита сербского, и прочие члены духовенства, равно и царский синклит, князья, бояре, окольничие и думные люди, тогда вышел и царь, и обратился к духовенству с речью. Он выразил свою радость при виде собравшихся архипастырей своей земли, но вместе и свою скорбь при воспоминании о том, что понудило его созвать их. «Небесный Домовладыка, говорил царь, посеял на ниве нашей православной державы одну только чистую пшеницу благочестия; но враг завистливый, спящим нам, кому поручено быть стражами пшеницы, всеял в ней куколь – душепагубные расколы... Уже богохульное учение обносится не только в

разных странах Богом врученного нам царства, по городам и весям, но вторглось в самую нашу столицу, коснулось нашего слуха, представлено нам в свитках. И мы узнали, что оно содержит следующие хулы: нынешняя церковь не есть церковь, тайны в ней божественные – не тайны, крещение – не крещение, архиереи – не архиереи, учение несправедливое, и все в ней скверно и неблагочестно. Многие скудоумные заразились этим лжеучением и, как-бы обезумев, уклонились в нововозникшие сонмища, отвергли крещение, не исповедуют своих грехов иереям Божиим, не причащаются животворящим тайнам и совсем отчуждились от церкви и от Бога». Изобразив такими яркими чертами положение раскола в России, царь умолял архипастырей и пастырей со всем тщанием заняться этим делом, чтобы за свое нерадение и небрежность не отвечать им пред Богом в день страшного суда, а о себе свидетельствовал, что готов положить за церковь Божию все свое и самого себя. Затем царь объявил, что он в то самое время, как размышлял об утолении мятежа церковного, обрел, при помощи Божией, в своей царской сокровищнице бесценный бисер – книгу «Хризовул», утвержденную всеми восточными патриархами и другими греческими архиереями и присланную ими царю Феодору Ивановичу и патриарху Иову (разумелось известное определение цареградского собора 12 февр. 1593 года о русском патриаршестве), и, называя эту книгу данным от Бога оружием против раскола, пожелал прежде сам прочитать ее на соборе и потом уже передать архиереям. Приняв на то благословение от святителей, царь сел на свое царское место, велел также сесть архиереям и боярам, и, сидя, читал всю книгу. Когда же дошел до символа веры, начертанного в книге, то поднялся и прочел символ, стоя, и спросил архиереев и бояр: так ли они содержат св. символ и прочие догматы, как изложено в «Хризовуле»? На речь царя отвечал от лица собора новгородский митрополит Питирим также речью: благодарим Бога, благоволившего даровать церкви своей такого доброго и ревностного стража и поборника; благодарим и самого государя, величая его вторым Константином, истинным расширителем православия, верным слугою Христовым, теплым рачителем

кафолические веры; свидетельствовал, что все собравшиеся архипастыри веруют и содержат символ и все догматы точно так, как прочитано государем в книге Хризовул, и готовы употребить все меры против врагов церкви, при пособии крепкой царской десницы. По окончании речи митрополита, царь поцеловал символ веры, напечатанный в книге Хризовул, и передал собору; архиереи все, один за другим, так же поцеловали, и передали боярам, окольным и думным людям, которые поступили так же. И потом велено было чудовскому архимандриту Иоакиму отнести книгу Хризовул, как духовное сокровище, в успенский собор, и заседание окончилось.»

На третьем заседании начался суд над лицами, которых подозревали в противлении церкви и принадлежности к расколу. Первым был опрошен епископ вятский Александр. Он не отрекся от своего писания и молил удостоверить его, что новоисправленные книги и символ чужды погрешностей. По разъяснении ему этого, он тотчас написал покаянный список и вручил собору. После этого владыка Александр допущен был к участию в соборе. Протопоп Аввакум, допрошенный о хулах, им написанных, вступил в состязание с отцами собора, оставался глух ко всем доказательствам и «дерзко укори в лице весь освященный собор, вся неправославными нарицая». В виду нераскаянности и ожесточения Аввакума, собор определил лишить его священства и предать анафеме. Определение это было исполнено 15 мая в Успенском соборе. Аввакум так описал это событие: «власти стригли меня, потом и проклинали, а я их проклинал сопротив; зело было мятежно в обедню ту тут». Он был сослан в монастырь и содержался под стражей. Проявил сначала упорство и суздальский поп Никита. Он не отказывался от написанного им, вразумляемый архиереями говорил, что знает писания лучше всех архиереев, и порицал их. Он был лишен священства и отлучен от церкви. Сосланный в монастырь, Никита вскоре, как оказалось потом притворно, начал каяться. Представил он письменно свое покаянное исповедание. Архипастыри возрадовались о раскаявшемся грешнике, но не решились сразу воссоединить Никиту с церковью, положив подвергнуть его на некоторое время искусу.

Проявил упорство диакон *Федор Иванов*, за что был расстрижен, предан анафеме. Когда он был выведен из церкви, то, подняв руку и сложив два перста для крестного знамения, громко кричал к собравшемуся народу: «за сию истину стражду и умираю, братия, и за прочие догматы церковные». Находясь в заточении в николаугрешском мон., он покался. Архиереи поверили ему, повелев побыть некоторое время в покровском мон. «ради совершенного покаяния и исправления». Он тайно скрылся оттуда, когда же узнал, что за него хватают и допрашивают, то явился и начал изрыгать хулу на церковь и новоисправленные книги. На соборе прочитан был свиток суздальского попа Лазаря, наполненный возмутительными хулами. При допросе он остался непреклонен и «весь священный собор укори и неправославными нарече». Дело его решено было передать на решение прибывавших вскоре в Москву восточных патриархов. Старец иеромонах *Григорий Неронов*, однажды каявшийся, снова обратившийся в раскол после оставления Никоном кафедры, будучи призванным на суд собора, в другой раз «отрекся от своего учения». Но он не замедлил изменить своему слову. Вскоре Григорий был по указу царя и приговору собора сослан в иосифов волоколамский мон. «за церковный мятеж и к освященному собору за непокорение». Отдан он был, как «новоначальный» под начало доброму и искусному старцу. (Митр. Макарий).

«В седьмом заседании», пишет митр. Макарий, «отцы собора были свидетелями трогательного зрелища. Пред ними предстал привезенный из далеких лесов ветлужских старец *Ефрем Потемкин*. Его спрашивали: «правда ли, что ты многих людей прельстил и отвлек от св. православно-кафолической церкви; дерзаешь хулить символ веры и все новоисправленные книги; проповедуешь пришествие антихриста, лжепророчествуешь о семилетнем голоде, превратно толкуя евангельские, апостольские и пророческие слова; называешь троеперстие в крестном знамении зловерием и уничижаешь архиерейское благословение?» Ефрем, как только услышал этот вопрос, весь затрепетал, начал горько плакать и рыдать и, обливаясь слезами, начал сам обличать свое прежнее безумие

и заблуждения. Затем написал на бумаге свое покаяние и подал святителям."Отцы собора поверили искренности покаяния Ефрема, но пожелали, чтобы он объехал те места, где прежде сеял раскол и многих прельстил, оглашая всюду свое покаянное писание. По выполнении этого, Ефрем представил собору отчет о совершенном путешествии, после чего был признан с радостью достойным разрешения и прощения. На жительство он был послан в Новоспасский мон. Покаяние принес старец *Феоктист*, бывший златоустовский игумен. Получив прощение, он проживал тихо в покровском мон., где и скончался. Раскаяние выразили еще некоторые старцы, уклонившиеся в раскол.

Как свидетельствует «Соборный свиток при служебнике 1668 г.», члены собора подробно и долго испытывали новоисправления и вновь переведенные печатные книги; рассматривали и старые, харатейные, славяно-русские рукописи. В новых книгах ничего противного вере не нашли, и увидели их согласными с старыми славяно-русскими харатейными книгами. В них увидели святой символ без прибавки «истинного», как поправлено и напечатано в новопечатных книгах. И аллилуия написано в ряд трижды: аллилуия, аллилуия, аллилуия, потом: слава Тебе, Боже. И относительно знамения честного креста, т. е. сложения трех первых перстов правой руки, и относительно Иисусовой молитвы и по чину святой литургии и все прочее найдено в старых славяно-русских харатейных книгах точно так, как и в исправленных печатных книгах. Все это читалось и свидетельствовалось в присутствии царя Алексея Михайловича в его царских палатах. Некоторые из книг показывались в Патриаршей палате и всем священникам Москвы. (Архиеп. Филарет).

Собор разослал наказ настоятелям монастырей и благочинным с предупреждением от раскольников толков. Наказ надлежало списать для каждой церкви. Тогда же было написано *Симеоном Полоцким* обличение на челобитные «сибирского попа *Лазаря* и *Никиты Пустосвята*». Первая часть сего обличения написана была на латинском языке

Паисием Лигаридом. Симеон позаимствовал оттуда многое в сокращении, еще более добавив своего. Вторая часть полностью составлена им самим. Собор положил книгу эту издать какбы от своего имени, под заглавием: «Жезл правления, утверждения, наказания и казнения, сооруженные от всего освященного собора».

В августе 1666 г. собор отправил архим. Сергия и успенского протопопа в Соловецкий монастырь, с другими духовными и светскими лицами, но без успеха.

Митр. Макарий указывает, что описать «деяния» московского Собора 1666 г. поручено было иеромонаху Симеону Петровскому- Ситиановичу не в то время, когда происходил Собор, а уже впоследствии, и Симеон окончил свой труд не прежде сентября 1667 г. Описание его заслуживает полной веры, но не отличается строгой точностью и полнотой. Встречаются ошибки в датах и пропуски. Так мало сказано о соловецком монастыре.

Как излагалось выше, после суда над патр. Никоном и поставления патриархом Иоасафа происходили в 1667 г. заседания Собора, с участием восточных патриархов. Постановлением сего Великого Собора: 1) одобрены все книги, исправленные и напечатанные Никоном, так же как и все изданные по его удалении в уединение; 2) повторено осуждение на все те суеверные мнения, которые осуждены были Никоном и Собором 1666 г. Собор определил: «Сие наше соборное повеление по всем выше реченным чинам православным предаем и повелеваем всем неизменно хранить. Аще ли кто не послушает повелеваемых от нас и не покорится святей восточной церкви и сему освященному собору, или начнет прекословити и противлятися нам, и мы такового противника данной нам властью от Всесвятого и животворящего Духа проклятию предаем.» «Сие наше узаконение и изречение подписахом и утвердихом нашими руками ...в лето от сотворения мира 7775, от воплощения же Бога Слова 1667, инд. 5 месяца мая в 13 день». Вследствие сих определений, поп *Никита Пустосвят* и протопоп *Аввакум*, как упорные

мятежники и нераскаянные суеверы, расстрижены и отлучены были от Церкви. (Архиеп. Филарет).

Собор продолжал суждения свои и в том же году одобрил книгу *Жезл Правления*. Собор положил: «1) о знамении честного креста т. е. о сложении двух перстов, о сугубой аллилуия и о прочем, что написано нерассудно и невежеством в книге *Стоглав*, клятву, положенную без рассуждения и неправедную, мы, православные патриархи... и весь освященный собор, разрешаем и разрушаем»; 2) написанное в житии *Ефросина* о сугубой аллилуия, признано произведением лживого и лживого писателя, не стоящим никакой веры; 3) осуждено писание Димитрия Толмача о белом клобуке, как баснословное; 4) подвергнуто запрещению «описание о перстосложении, напечатанное невежеством и нерассудно в псалтири с воследованием и в других книгах»; 5) отменено распоряжение Никона, строго запрещающее совершать в праздник Богоявления водоосвящение после литургии и предписывавшее совершать его только в вечерне; 6) оправданы были снова *служебник* Никона, вновь пересмотренный и его *скрижаль*; 7) запрещено в великую субботу и при освящении церкви в крестном ходу ходить по солнцу; 8) так как Никита принес раскаяние и обещался более не восставать на святую церковь, то он принят был в церковное общение, но оставлен расстригою. Бывшего протопопа *Аввакума*, попа *Лазаря*, соловецкого чернеца *Епифания*, диакона *Феодора* и *Никифора* положено было оставить под тяжестью анафемы до тех пор, пока они не раскаются. Епископ Коломенский *Павел*, которого судил еще Никон за суеверие, отослан был в Палеостровский монастырь. (Архиеп. Филарет).

Подводя итоги, митр. Макарий пишет: «Таким образом, что начал московский собор 1666 года по отношению к расколу, то окончил большой московский собор 1667 года. Первый призывал, одного за другим, расколоучителей, выслушивал и обличал их учение, убеждал их покаяться, и кто не хотел каяться и покориться церкви, тех, каждого порознь, предавал анафеме и отсылал под начало или даже в заключение в какой либо монастырь. Последний собор произнес общий приговор,

общую анафему на всех последователей раскола и постановил, по примеру древней церкви, общее правило подвергать их наказанию не только церковному, но и по градским законам. И нельзя не признать, что эта общая анафема на раскольников была неизбежна и совершенно справедлива. Раскольники еще прежде, до соборной на них анафемы, сами, так сказать, изрекли на себя анафему и отсеки себя от церкви. Сущность их учения, как уже достаточно открылось из их писаний и словесных заявлений на соборе 1666 года, состояла не в том только, что они хотели держаться одних старопечатных книг и мнимо-старых обрядов, и не покорялись церкви, не принимали от нея новоисправленных печатных книг, но вместе и в том, что они считали эти последние книги исполненными ересей, самую церковь называли еретическою и утверждали, что церковь более не церковь, архиереи ея не архиереи, священники не священники, и все ея таинства и чинопоследования осквернены антихристовою скверною; раскольники не только противились церкви, но совсем отрицали ее, отрицались от нея и, по своим убеждениям, были уже совершенно отделены от нея. Необходимо было, чтобы и церковь с своей стороны всенародно объявила, что она не признает их более своими чадами, т. е. чтобы она анафематствовала и отсекала от себя тех, которые еще прежде самовольно отпали от нея и сделались ея врагами. Со времени этой-то анафемы, произнесенной на раскольников большим московским собором, и начал существовать в России раскол, как особое общество верующих, именующих себя старообрядцами, совершенно отдельное от православной церкви и враждебное ей. Не церковь отвергла их и отвергает, но они сами еще прежде отверглись церкви и не перестают упорно отвергать ее, называя ее, в своем жалком ослеплении, духовною блудницею, а всех верных чад ея, всех православных – сынами беззакония, слугами антихриста.»

Великий Собор отменил запрещение священнодействовать вдовым священникам и диаконам и постановление патриарха Филарета о перекрещивании западных христиан.

Отметим некоторые другие постановления. Велено в храмах творить поклоны всем вместе: «согласию бо быть, а не

разногласию, в святей церкви лепо есть». Нетленных тел не признавать святыми без достоверного свидетельства. Не погашать свечей в церкви после херувимской песни или после «достойно есть». По желанию царя не возбранено архимандритам носить серебряные, злащенные шапки, подобные митрам. Не погружать в купели свечей в начале крещения так же, как и в богоявленское освящение воды. Во время погребения умершего священнику прилично идти впереди гроба а прочим позади его. На панихиде петь то же, что и на погребении, исключая стихир, апостола, евангелия и целования. За одну литургию посвящать только одного диакона и др. (Архиеп. Филарет).

Патриарх *Иоасаф II* выполнял определения Великого Собора. В 1668 г., по выяснении того, что священники служат на просфорах с осьмиконечным крестом и не совершают службы по новым книгам, виновные в этом вместе с причетниками были лишены мест и преданы суду, а просфорни отосланы в монастырь. Патриарх разослал наставление о иконном изображении. Продолжалось исправление книг по греческому тексту. В 1670 г. была издана *Цветная Триодь*, проверенная с подлинником, а в 1672 г. напечатана *Постная Триодь*, которая вновь была переведена с греческого текста.

Патриарх Никон очень желал издать славянскую *Библию* в достойном ее виде. Но он не смог этого выполнить. В 1663 году, по определению Собора, напечатали в Москве, с немногими поправками, *Острожскую Библию*, предоставив лучшему времени труд полного исправления. К этому делу приступили после собора патриархов 1667 г. Во время вдовствования патриархии, за смертью Питирима, управляющий патриархией, митр. Крутицкий *Павел*, принял на себя надзор за исправлением Библии, а самое исправление было поручено *Епифанию* и ученому братству. Епифаний начал с исправления Нового Завета. Он сличал славянский текст не только с печатным греческим текстом, но и с рукописями, особенно с Евангелием Свят. Алексия. Но в ноябре 1676 г. умерли митр. Павел и Епифаний. Дело осталось неоконченным. (Архиеп. Филарет).

Решительно, еще в 1657 г., отказывался принять новые книги *Соловецкий монастырь*. Не признали там постановления Соборов 1666 и 1667 годов, как и назначенного патр. Иоасафом II нового архимандрита Иосифа. Сказывалось влияние сосланных туда кн. Львова и других противников Никона. Когда в обитель пришло распоряжение служить по новому, монахи Азарий и Геронтий, самозванно именуя себя первый келарем, второй казначеем, послали в 1667 г. челобитную царю. В ней, осуждая постановления соборов, они утверждали, что: «священники и диаконы и соборные чернецы и вся рядовая и больничная братия и служки вси» разделяют высказанное в челобитной. Архиеп. Филарет пишет: «Но это чистая ложь. Многие вовсе не думали разделять мысли суеверов и даже уговаривали других быть покорными собору, еще более было таких, которые не хотели ни во что вмешиваться, а желали плакать только о грехах своих. Но тех и других силою заставляли по крайней мере быть на сходках беспокойных голов». Соловецкий старец Варлаам свидетельствовал, что: «а как-де их воровские сходбища бывали, и братию и служебников, которые к их воровству не приставают, в трапезе запирали сильно». Архим. Маркелл, живший в обители после осады ея, писал: «обличающи же оных мятежетворцев многая злолютства в оковах и темницах пострадаша от них». Царь Алексей надеялся, что лучшие иноки одержат верх. Но власть захвачена была мятежными. Тогда государь объявил обители выговор за челобитную, взял монастырские села и угодья в свое ведение. Когда же определился в обители мятеж, то в 1668 г. отправлен был против бунтовщиков стряпчий Игнатий Волохов со стрельцами. Обосновался он в Сумском остроге³⁰), откуда вел безуспешные переговоры с насельниками обители. В остроге же сем проживал изгнанный смутьянами архим. Иосиф. Волохов враждовал с ним и писал на него доносы. Их обоих отправили в другия места. В 1672 г. в Сумский острог прибыл стрелецкий голова Клементий Иевлев с 725 стрельцами. Последний ничего важного против монастыря не предпринял. В 1673 г. осада обители поручена была воеводе Ивану

Мещеринову. У него было 700 стрельцов и стенобитные орудия. Он обстреливал монастырь, но зимовать ушел в Сумской острог.

Соловьев пишет: «В монастыре при обороне сильнее всех действовали: старый заводчик, архимандрит Никанор, служба Бородин, келарь Нафанаил Тучин, городничий старец Протасий, из мирян сотники Исачко Воронин да Кемлянин Самко. Никанор ходил безпрестанно по башням, кадил пушки, кропил их водою и приговаривал: «Матушки мои галаночки! надежда у нас на вас, вы нас обороните»! – «Стреляйте, стреляйте»! кричал безпрестанно Никанор, «смотрите хорошенько в трубки, где воевода, – в него стреляйте: как поразим пастыря, ратные люди разойдутся, аки овцы». Но между осажденными была постоянно рознь. Мы видели, что монахи, стоя горячо за предания Чудотворцев, как они выражались, не хотели однако порвать с правительством, и на вопрос архимандрита Иосифа: «Царь православен ли?» – отвечали утвердительно: даже главный оратор старообрядчества, Геронтий, не одобрял стрельбы в государевых людей. Таким образом, двое главных заводчиков восстания разошлись. Но на стороне Никанора были начальники ратных людей, сотники Воронин и Самко; эти не только считали позволительным стрелять в государевых людей, но требовали от священников, чтоб перестали молиться за государя: «Молитесь за преосвященных митрополитов и за всех православных христиан»! говорили они священникам, а про государя говорили такие слова, что «не только написать, но и помыслить страшно». Видя, что по их не делается, воры схватили четырех монахов, главных своих противников, в том числе и Геронтия; 16 сентября созвали собор и объявили келарю, что служить больше не будут и ружье на стену положили, потому что священники их не слушаются, молятся за государя, а они этих молитв слышать не хотят. Келарь стал им бить челом, и они умилились, взяли снова оружие, но объявили священников еретиками, перестали ходить в церковь, исповедовались друг у друга, а не у отцов духовных, завели содомию, начали расхищать монастырскую казну. Геронтий с товарищами были выпущены из тюрьмы, но принуждены были оставить монастырь и явились к Мещеринову. Геронтий остался

верен своим убеждениям и объявил в допросе: «Пред великим государем я во всем виноват; я за него всегда Бога молил, теперь молю и вперед молить должен; Апостольскому и Св. Отец преданию последую; а новоисправленных печатных книг, без свидетельства с древними харатейными, слушать и тремя перстами крест на себе воображать сумнительно мне, боюсь страшного суда Божия».

«Большая часть священников оставила монастырь; тогда воры приговорили между собою: крест целовать, что им стоять и биться против государевых людей за сотников и помереть всем заодно. Но когда начали целовать крест, то оказалось много нежелающих, а двое оставшихся священников прямо отказали в церковной службе. Но Никанор не унывал: «Мы», кричал он, «и без священников проживем, в церкви часы станем говорить, а священники нам не нужны».

«В конце мая 1675 года, Мещеринов опять явился под монастырем со 185 стрельцами. В августе пришло к нему еще около 800 стрельцов двинских и холмогорских. На этот раз воевода не пошел, по обычаю, зимовать в Сумской, но остался под монастырем. Попытка взять его приступом 23 декабря не удалась; но перебежчик, монах Феоктист, указал Мещеринову отверстие в стене, легко закладенное камнями. Ночью на 22-е января, в сильную метель и бурю, Феоктист повел стрельцов к отверстию; камни были выломаны, и перед рассветом стрельцы были уже в монастыре. Осажденные, ничего не подозревая, разошлись уже спать, часовые стояли по башням, и стрельцы могли на свободе сбить замки и отворить ворота, в которые и вошел Мещеринов с остальными стрельцами. Защитники монастыря проснулись уже слишком поздно: некоторые из них бросились было на стрельцов с оружием в руках, но погибли в неравном бое; заводчики – Никанор, Самко – были схвачены и казнены, другие разосланы в Кольский и Пустозерский остроги; те же, которые объявили, что повинуются государю и Церкви, прощены и остались жить в монастыре.»

Большое влияние, которое на всем севере имел Соловецкий монастырь, а так же то, что немалое число мятежников смогло разбрестись по олонецко-архангельскому

краю с проповедью о непризнании новых книг привело к распространению раскола в тех местах. В глуши лесов завелись скиты так называемых *поморян*. С поморья раскол перекинулся в новгородские и псковские края. Появились скиты в областях костромской, вязниковской, брынской, керженской. Особенное влияние приобрели скиты *керженские*. Северное поморье стало излюбленным местом раскольников. В конце XVII в. дьячек *Данило Викулов* основал там знаменитую раскольниковую пустынь на реке *Выге*. Из псковского края раскол перебросился в Лифляндию. Там образовались известные поселения на берегу Пейпуса. Другие перешли в 1683 г. за польский рубеж и основали бывшую в славе у раскольников *Ветку* (остров на р. Соже, в Черниговской губ., тогда принадлежавшем Польше). В том же черниговском крае создалось и *Стародубье*. Некоторые скрылись в гребнях рек Терека и Кумы, на Кавказе. Толпы крестьян, увлекаемые раскольниками бежали в глухую Сибирь. На юге раскол нашел сторонников среди Донских казаков. Некоторые расколоучители проповедывали самоубийство, считая это мученичеством за веру. Раскольниковый синодик простирал число самоубийц до 2700. Распространение раскола еще более усиливало меры против него.

При патр. Питириме приняты были меры против убежденных последователниц Аввакума боярыни Феодосии Морозовой и сестры ея княгини Евдокии Урусовой. Царь Алексей отзывался о последней: «Сумасбродная люта». Позднее государь убедился в «лютости» и Морозовой. Когда патриарх просил отнестись к ней не слишком строго, он возразил ему: «Давно бы я так сделал, но не знаешь ты лютости этой женщины. Как поведать тебе, сколь поругалась и ныне ругается Морозова та! Много наделала она мне трудов и неудобств показала. Если не веришь моим словам, изволь сам испытать; призови ее к себе, спроси, и сам узнаешь ея твердость, начнешь ее истязать и вкусишь приятности ея». Патриарх вкусил приятности ея, и отступился. Раскольников сослала в Боровск и заперли в земляную тюрьму. Урусова не вынесла тяжкого заключения и скоро умерла; за нею последовала и Морозова.» (Соловьев). Оне умерли в 1672 г. 1

апр. 1681 г. «за великие на царский дом хулы» сожжен был *Аввакум*. Кара эта последовала, как полагают, за челобитную, посланную в 1681 г. им царю Федору Алексеевичу, в которой содержались непочтительные выражения против покойного царя, *Аввакум* писал: «Бог судит между мною и царем Алексеем. В муках он сидит, слышал я от Спаса: то ему за свою правду». С *Аввакумом* сожжены были его товарищи по заключению в Пустозерском остроге: *Лазарь* и *Феодор*.

Выше (стр. 379–80) упоминалась смута, возникавшая в 1682 году после кончины царя Федора Алексеевича и отмечалось использование царевной Софией стрельцов. Правительнице пришлось первое время считаться с ними. Среди стрельцов было много раскольников; приверженцем старой веры был и их новый начальник, кн. *Иван Хованский*, прозв. Тараруй. По свидетельству раскольника монаха Саввы, спустя три дня после этого, когда в столице все еще трепетало, в Титове стрелецком полку происходила «дума» о восстановлении «старой веры». Предводителем раскольников выдвинут был Суздальский священник *Никита Пустосвят*. Стянуты были в Москву и другие вожаки. Они возбудили волнение в столице, поддержанные выборными Титова полка. Последние мучили и в других полках. Но большинство стрельцов все-же не согласилось подписать челобитную, составленную в Титовом полку монахом *Сергием*. Вожак, явившись к Хованскому, требовали созыва собора 23 июня на Лобном месте в присутствии государей и народа. Они настаивали на том, чтобы литургия 25 июня, в день венчания царей, совершалась на семи просфорах. Цари и патриарх соглашались вести собеседование только после этого события. *Никита* заказал просфоры и 25-го с торжеством отправился в Кремль. Из за толпы народа, затопившей Кремль, ему не удалось протесниться к Успенскому собору. Ряды главарей пополнились иноками Волоколамских пустынь: *Дорофеем* и *Гавриилом*.

3 июля 1682 г. кн. *Хованский* и выборные Титова полка явились к патриарху *Иоакиму* и от имени всех стрельцов требовали спора о вере на Лобном месте. Патриарх объявил, что готов беседовать о вере; это долг его, а не стрельцов.

Выслушав их, он спокойно и твердо доказывал правильность исправления книг. Назначил он собор на 5 июля. В этот день толпа раскольников, в числе их пьяные, с шумом ворвались в Кремль. Расположились они около Архангельского собора.

Сергий взошел на скамью и читал соловецкую челобитную. Другие проклинали православие. Первосвященитель с собором святителей совершали в Успенском соборе моление об усмирении мятежа. Из храма патриарх выслал протопопа с напечатанным увещанием народу и с обличением Никиты. Раскольники чуть не убили посланного. После молебна патриарх вернулся в крестовую палату. Князь Хованский несколько раз посылал требования выхода патриарха Иоакима на площадь. С таким же требованием явился он во дворец. София не соглашалась выслать патриарха с духовенством на площадь после происходивших там только что насилий. «Тогда», пишет Соловьев, «Хованский начал настаивать, чтоб и в Грановитой палате никто не присутствовал из особ царского дома; он страшал новым стрелецким бунтом, прямо говорил, что если государи будут в Грановитой вместе с патриархом, то им не быть живым. Но Софья имела сношения с стрельцами, была уверена, что у них и в мысли нет о бунте, и потому спокойно отвечала Хованскому: «Буди воля Божия, но я не оставлю Св. Церкви и ея пастыря». Не успевши напугать Софью, Хованский начал говорить боярам: «Просите ради Бога царевну, чтоб она не ходила в Грановитую с патриархом, а если пойдет, то при них и нам быть всем побитым». Напуганные бояре бросились умолять Софью не ходить в Грановитую, но она и их не послушала, и послала сказать патриарху, чтоб шел с знатнейшим духовенством в Грановитую, только не через Красное крыльцо, где могла быть опасность от изуверов, а по ризположенской лестнице. Патриарх, видя беду, из которой не думал выйти живым, пошел со слезами в Грановитую, а древния книги греческие и славянские велел нести через Красное крыльцо, чтоб народ видел, какие средства имеет Церковь против своих мятежников. В то время, как мужчины трепетали при входе в Грановитую, три женщины добровольно вызвались идти туда вместе с Софьею: царица Наталья

Кирилловна и две царевны, Татьяна Михайловна и Марья Алексеевна. После совещания у царевен и царицы с патриархом, решено было призвать раскольников в Грановитую только для прочтения челобитной.»

Собор открылся в палате. Близ царицы, правительницы и царевен сидели с патриархом 7 митрополитов, 5 архиепископов и два епископа. В числе епископов был только что поставленный Святитель Митрофан Воронежский. Несколько архимандритов и пресвитеров, бояре и выборные войска стояли. По знаку Хованского, вошли в палату с шумом раскольники, с образами, налоями и свечами. Они подали челобитную, которую София приказала читать.

Челобитная начиналась так: «Бьют челом священнический и иноческий чин и вси православные христиане, опрично тех, которые Никоновым книгам последуют, а старые хулят». Патриарх заметил: «Книг старых не хулим мы, напротив, по ним и по греческим исправляются поздняя испорченные; вы, судии старой и новой веры, еще не касались и грамматики, а принимаете на себя судить о вере, что принадлежит пастырям». Хотя Никите запрещено было говорить, он все же заявил грубо: «Мы пришли не о грамматике с тобою говорить, а о церковных догматах» и продолжал шуметь в том же тоне. Холмогорский архиепископ Афанасий, сам раньше бывший в расколе, заметил Никите дерзость и грубость его. Никита с яростью набросился на архипастыря. (Архиеп. Филарет) Стрелецкие выборные оттащили Никиту от епископа. Софья вскочила с места и начала говорить: «Видите ли, что Никита делает? на наших глазах архиерея бьет, а без нас и подавно бы убил». Когда в чтении челобитной дошли до места, где говорилось, что чернец Арсений еретик с Никоном поколебали душою царя Алексея, Софья не вытерпела, слезы выступили у нее на глазах. Она вскочила с своего места и начала говорить: «Если Арсений и Никон патриарх еретики, то и отец наш и брат такие же еретики стали; выходит, что и нынешние цари не цари, патриархи не патриархи, архиереи не архиереи; мы такой хулы не хотим слышать, что отец наш и брат еретики; мы пойдем все из царства вон». С этими словами царевна отошла от своего места

и стала поодаль. Хованский, бояре все и выборные расплакались: «Зачем царям государям из царства вон идти, мы ради за них головы свои положить.» Раздались и другая речи между стрельцами: «Пора, государыня, давно вам в монастырь, полно царством-то мутить, нам бы здоровы были цари государи, а без вас пусто не будет».

«Но эти выходки не могли ослабить впечатления, произведенного на выборных словами Софьи: «Все это от того, что вас все боятся», говорила им царевна: «в надежде на вас, эти раскольники мужики так дерзко пришли сюда. Чего вы смотрите: хорошо ли таким мужикам невеждам к нам бунтом приходит, творить нам все досады и кричать? Неужели вы, верные слуги нашего деда, отца и брата, в единомыслии с раскольниками? Вы и нашими верными слугами зоветесь: зачем же таким невеждам попускаете? Если мы должны быть в таком порабощении, то царям и нам здесь больше жить нельзя: пойдем в другие города и возвестим всему народу о таком непослушании и разорении.»

Выборные стрельцов, напуганные угрозой оставления царями Москвы, отвечали: «Мы великим государям и вам, государыням, верно служить ради, за Православную веру, за Церковь и за ваше царское величество готовы головы свои положить и по указу вашему все делать. Но сами вы, государыни, видите, что народ возмущенный и у палат ваших стоит множество людей; только бы как-нибудь этот день проводить, чтоб нам от них не пострадать, а что великим государям и вам, государыням, идти из царствующего града – сохрани Боже! зачем это?»

Челобитную продолжали читать. Ряд замечаний сделала Софья. Основательные доводы приводил владыка Афанасий. Патриарх сделал несколько важных указаний, держа одно время в одной руке Евангелие Святителя Алексия, в другой – соборное установление патриаршества. В последнем прочел символ веры. По отношению к изображению креста указал на сосуды преп. Антония Римлянина. Мятежники, чувствуя слабость своих доводов, подняли неистовый крик: *вот так, вот так* – кричали они, подняв двуперстное знамение.

Мятежникам было сказано, что решение будет им объявлено. Они с криком возвращались из Кремля. «Победили» – возглашали они; на Лобном месте еще раз поставили налож и кричали: «веруйте, подобно нам; мы переспорили всех архиереев». Отправившись в стрелецкие слободы, раскольники служили там молебны и звонили в колокола.

В ту же ночь София вызвала к себе на увещание стрелецких выборных. Она сумела убедить их выдать своих духовных отцов. *Никита Пустосвят* был приведен на Лобное место и там казнен. Его соумышленники посажены были под стражу. При расследовании дела отобрана была у них книга, которая показала, какими низкими уловками обманывали они простых людей. В этой старинной книге все слова, которые говорили против раскола, были подскоблены и заменены другими, их устраивающими. Соучастники Никиты были разосланы по монастырям. Князь Хованский стал злоумышлять против Софии, намереваясь захватить всю власть в свои руки. Неожиданно для него схваченный, он был казнен 17 сентября 1682 г.

Патриархом Иоакимом составлен был «Увет духовный» – опровержение челобитной Пустосвята. Представлен был им этот труд Собору в 1682 г. Он составляет как бы отчет в поправках богослужения, на которые указывал раскол, как на уклонения от истины. Каждой такой поправке показаны основания в подлинной священной древности. «Увет духовный» – одно из лучших сочинений против раскола – был разослан всем архипастырям для чтения по всем церквам. Издал патр. Иоаким и другие сочинения против раскола. Запрещены были им к продаже изображения Спасителя, вывезенные с Запада. Этим положен был предел своеволию тех, кто такими иконами справедливо раздражал ревнителей старины. Патриарх боролся против западного (фряжского) письма. Кроме письменных поучений, Иоаким отправил увещателей в разные места раскола. Некоторые из них предлагали сверх устных и письменные наставления. В 1682 г., прибывший в Холмогоры, архиепископ *Афанасий* ревностно действовал против поморян. Он собрал большую библиотеку

рукописей для вразумления невежд и написал для них *"Щит веры"*. В Сибирские остроги и волости в 1688 г. послан был иеродиакон Михаил «для исправления церковных догматов и духовных дел», поставленный после в игумена енисейского. Он продолжал свою миссионерскую работу. Новоспасский архимандрит Игнатий (Римский-Корсаков) отправлен был в Кострому и Кинешму для увещания раскольников. Казанский митрополит Адриан, будущий патриарх, написал для своей паствы: *«О крестном знамении»* (Архиеп. Филарет).

В самом начале раскола началось разделение его на *поповщину* и *безпоповщину*. Возникло оно, вследствие смерти раскольниковых священников. Встал вопрос – кому крестить и мвропомазывать. Одни стали поручать это выбранным из мирян старцам. Другие начали принимать к себе православных священников, требуя от них отречения от заблуждений «*никонианцев*», как называли они православных. Из последних и составила *поповщина*.

Толк *Аввакума* создавался тогда, когда началось это разделение. Одну книгу свою он дерзнул назвать евангелием вечным, т. к., говорил он, «она написана не мною, а перстом Божиим». По сохранившимся от него письмам, можно судить об его разных измышлениях. Он учил, что позволительно предавать себя сожжению. Его сторонники говорили, что «светлее солнца письма Аввакумовы и все добры». Лазарь был его ярким последователем. Утвердился еретический толк *аввакумовщины*, впоследствии (с 1690 г.) назвавшийся по Онуфрию *онуфриевщиною*. Аввакума же чтили как святого.

Ветковцы принимали приходивших к ним православных то перекрещиванием, то хождением вокруг купели и мвропомазанием.

В *безпоповщине* появились свои толки. Беглый дьячек *Данила Викулин*, с 1694 г. основатель выгорецкого поморского скита, кроме мысли об антихристе, общей безпоповцам, проповедывал: 1) не вступать с православными в общение ни в пищу, ни в питье, иначе это будет замирщение – осквернение; впрочем, можно свободно покупать пищу на торгу; 2) на кресте Христовом не надобно делать надписи: И.Н.Ц.И., а должно

писать: царь славы Ис. Хр. Таким образом явился толк поморцев, даниловцев. Были и другие толки.

В XVII веке из архипастырей особенно ревностно боровшихся с заблуждавшимися надлежит вновь отметить архиепископа Холмогорского *Афанасия* (Любимова). Выделился так же владыка *Игнатий* (Римский-Корсаков), с 1692 г. митрополит Сибирский (Тобольский). В миру он был стольником, по принятии иночества архимандритом Новоспасским. Правя обширной епархией, он постоянно объезжал ее для увещания отступников от православия истинного и писал с 1696 г. одно за другим *окружные послания* к пастве, показывая неосновательность раскольничьих мнений и недавнее появление раскола.

Духовное просвещение

«При самом начале патриаршества в России», пишет архиепископ Филарет, «собор восточных патриархов вменил в обязанность каждому епископу внушать любовь к изучению священных наук и оказывать посильную помощь как наставникам, так и желающим учиться. К сожалению, в московской Руси привычка к старому мраку застарела в народной массе и она прикрывала свое нерасположение к просвещению опасениями против разноязычного разномыслия.»

Возвратясь из польского плена, патриарх *Филарет* принес с собою с Запада сознание услуг просвещения для веры, хотя у него над этим чувством преобладало негодование на папизм. При нем в Чудовом мон. заведена была греко-латинская школа. В ней преподавал троицкий старец Арсений Глухой. В 1633 г. она уже подавала, приезжавшему в Россию, голштинскому ученому *Адаму Олеарию* надежды на лучшую будущность. В следующем году напечатали для нея при букваре несколько грамматических правил.

При патриархе *Иосифе* в 1649 и 1650 г.г., по предложению митр. Никона, вызваны были царскою грамотою из киевского Братского мон. ученые старцы: *Арсений Сатановский* и *Епифаний Славеницкий*. В следующем году прибыл еще иеромонах *Дамаскин Птицын*. Сначала они были помещены в *Андреевском* мон. в Москве, по желанию и на содержание боярина *Феодора Ртищева*. Образовалось ученое братство с училищем. Когда *Никон* стал патриархом, он вызвал из Соловецкого мон. пребывавшего там в ссылке грека *Арсения* и поместил его, *Епифания* и *Дамаскина* в Чудовом мон., а *Сатановского* в Богоявленском. *Епифаний* был облечен званием начальника патриаршего чудовского училища и главного справщика книг. Занятия братства оживились. При *Никоне* приобретены были драгоценные сокровища Востока – древняя греческие книги. Царская библиотека обогащалась сокровищами Запада. Изменения в судьбе *Никона* отразились и на братстве. Ревнителей просвещения называли изменниками православию.

Патриархи *Паисий* и *Макарий*, прибывшие в Москву, улучшили их положение. Они убеждали народ полюбить мудрость, царя – завести училища греческие и славянские, пастырей – содействовать государю и желаниями и доходами с имений в заведении училищ. Призывы их не остались без ответа. Боголюбивые граждане просили царя дозволить открыть училище при церкви св. Иоанна Богослова. Патриархи составили в 1668 г. грамоту, в которой давали благословение обучаться наукам на греческом, славянском и латинском языках, поражая анафемой врагов просвещения. Позже, при пересмотре славянского перевода Библии (в 1674), в числе членов братства, кроме Епифания и игумена Сергия, значились: чудовские иноки Евфимий и Моисей, священник Никифор и два светские типографа. Все они хорошо знали уже греческий и латинский языки и славянскую грамматику, хотя некоторые из них были москвичами (Архиеп. Филарет).

Первая дружина юго-западных ученых, явившихся в Москву при патр. Иосифе, была еще *домогильянского* греческого направления в своем образовании. Это были безукоризненно православные, честные и скромные труженики, деятельность которых признавалась полезной со стороны иерархии и правительства. Выше всех стоял *Епифаний*, по отзыву современников: «в философии и богословии изящный дидакал: искуснейший в еллино-греческом и славянском диалектах». По своему аскетическому складу, он был мало способен к практической, общественной деятельности. Он оставался только научным работником и свое непосредственное влияние ограничивал лишь небольшим кружком своих учеников. Такое его поведение охраняло его от многих столкновений с московскими учеными и приобрело ему общее доверие и уважение, не прекратившееся, когда, после падения Никона, закрылась чудовская школа и распалось Андреевское братство. Епифаний работал очень много, потому что, за недостатком ученых людей и при множестве новых вопросов, иерархия и правительство наперерыв старались воспользоваться его ученостью. Образованный и трудолюбивый Епифаний был главным помощником Никону в исправлении богослужебных

книг. Кроме того, он был завален переводами. Переводил он отеческие творения, собрание церковных правил, Синтагмы Властаря и Арменопула, сочинения исторические, нравственные, географию, анатомию. Им составлен был славяно-греко-латинский лексикон и лексикон для объяснения церковных слов. Занимался Епифаний исправлением и новым переводом библейского текста, писал предисловия к вновь издававшимся книгам, – Скрижали, Служебнику, Шестодневу, Часослову, Триоди, Следованной Псалтири и др. Составлял он каноны, похвальные слова и стихи в честь святых и, при всех этих работах, находил еще время заниматься проповедничеством. Им составлены свыше 50 слов и поучений на разные праздники и дни святых.

В 1664 г., по приглашению царя Алексея Михайловича, прибыл в Москву *Симеон Ситианович Петровский*, или, как он больше назывался, *Полоцкий*, бывший до этого учителем братской школы в Полоцке. Он стал известен государю во время войны. Греческого языка он не знал. Он принадлежал к ученикам новой – *могилянской* – школы, с ее латинским направлением. «Это был человек живой и красноречивый», пишет Знаменский, «усердный собиратель чужих мнений, ходячая энциклопедия всяких знаний, которые он умел облекать в обычные в Киеве риторские и диалектические формы. По характеру он был не кабинетный, а общественный деятель, ловкий придворный монах, неутомимый борзописец, готовый во всякое время писать и перевод, и проповедь, и ученый трактат, и стихи на чье-нибудь рождение или смерть, и комедию для придворного театра». Царь поручил ему воспитание царевича *Феодора*, а потом и других детей. Патриарх Иоасаф II поспешил использовать его для опровержения раскола. В самый короткий срок им написан был труд «*Жезл правления*». Краткость времени отразилась на том, что, наряду с отчетливыми, дельными опровержениями, Симеон допустил и ошибочные рассуждения, а также местами допускает ненужную брань. Этот труд его был издан от имени Великого Собора. Написал он два катихизиса: пространный – «*Венец веры*» (1670) и краткий в 1671 году. Замечателен, составленный им в 1676 г., *свод*

Евангелий о жизни и учении Господа Иисуса Христа. Составил он два сборника своих проповедей: «Обед душевный» – на все воскресные дни (1681) и «Вечеря душевная» – на праздники (1683). Архиеп. Филарет отмечает: «Свойство проповедей о. Симеона: в них много простоты и естественности. Отвлеченным исследованиям он предпочитает рассказы и описания. Он сознавал пользу безыскусственного изложения. «Простое слово, говорил он, разумеется удобнее, нежели слово, покрытое красотами художественными; яйцо удобнее съедается вылущенное, нежели в скорлупе содержащееся». Воспитание, суеверие и раскол были теми предметами, о которых всего чаще говорил о. Симеон.» Нападал он на пустые приметы, предсказания по звону в ушах, по встрече с волком, иноком, женщиной. Как духовный пиит, он написал стихами «Рифмологион» – собрание 95 стихотворений, «Вертоград» (до 1000 стихов), «Псалтирь» рифмованную. Как и у Епифания, у него было много учеников. Ему поручали преподавать латинский язык молодым людям, которые готовились в переводчики. Его спасская школа, где он учил их латыни, была в некотором роде параллельною чудовской школе (греческой) Епифания. Когда в 1676 г. взошел на престол царь *Феодор Алексеевич*, положение Симеона еще более укрепилось, т. к. ученик любил своего учителя. С этого времени он и стал проповедывать, что не нравилось Епифанию, патриарху Иоакиму и другим.

Просветительная деятельность обоих ученых монахов – *Епифания* и *Симеона* – имела живительное влияние на развитие церковного образования в Великороссии. Заговорили о школах, об усилении проповедничества. Еще в 1667 г. прихожане Богословской церкви в Москве просили найти им проповедника. В пермских усадьбах Строгановых явился подражатель Полоцкого, священник из Орла, который начал проповедывать. Проповеди о. Симеона он нашел для своей паствы непонятными, и составил свой собственный сборник поучений, изданный в 1684 г., под названием Статира. Но народная масса, да и большинство духовенства продолжали относиться к церковным проповедям враждебно (Знаменский).

При царе Феодоре, предполагено было завести в Москве большую школу не только для России, но и для самих греков, чтобы им не нужно было ездить за наукой в католическую Италию. Для начала царь и патриарх Иоаким основали в 1679 г. школу в *типографском доме* и собрали в нее до 30 учеников. Начальником ее сделан был *иеромонах Тимофей*, долго путешествовавший по Востоку и знавший греческий язык. Учителями стали греки Мануил и Иоаким. Царь и патриарх так были рады этой школе, что посещали ее каждую неделю. Но она была только первым шагом к заведению желаемой им высшей школы-академии, которую предполагено было завести в Заиконоспасском мон. в обширных размерах (Знаменский).

Патриарх *Иоаким* усилением греческого образования чрез типографскую школу желал, между прочим, дать противовес *польско-латинскому* влиянию Симеона Полоцкого, усилившемуся с его прибытием в Москву. Тогда – при прибытии последнего – жив еще был Епифаний. Между этими двумя представителями разных направлений юго-западного образования с самого начала обнаружилось несогласие. Московская иерархия приняла определенно сторону Епифания и его авторитетом старалась ослабить значение Симеона. По своему миролюбивому характеру, Епифаний не входил в неприязненные отношения к Полоцкому, но не скрывал несочувствия к его образу мыслей. Обращал он внимание на то, что Полоцкий неправильно учил о *времени пресуществления св. даров* в Евхаристии – не во время призывания на них Святого Духа, а при произнесении слов Спасителя: «Приимите ядите... Пийте от нея вси . . .», как учат латиняне. Вообще, говорил Епифаний, теперь в Киеве читают одне латинские книги и от того истины не знают. После смерти Епифания, Полоцкий начал держать себя крайне заносчиво, не считался с патриархом, даже сочинения свои печатал в дворцовой типографии, без благословения патриарха. Иоаким гневался на него и обвинял гордого монаха в «*хлебопоклоннической ереси*». Его «Венец веры» патриарх называл венцом из западного терния сплетенным, а «Обед душевный» – исполненным душевных бед и хотел совсем запретить ему церковную

проповедь. Но Полоцкий продолжал с ним не считаться, имея сильную поддержку при царском дворе. Латинское образование, которое преподавал Полоцкий царю Феодору, брату его Иоанну и царевне Софии, делалось тогда все более модным в русском высшем обществе (Знаменский).

Симеон Полоцкий умер в 1680 г., на четыре года позднее Епифания. Но вопрос поднятый при них о времени пресуществления даров и вообще о господстве в новом юго-западном образовании *латинского направления* все еще тревожил русское общество и после их смерти.

В правление царевны *Софии* латинское влияние еще более усилилось в Москве. Сильной поддержкой его в правительственных кругах явился любимец царевны князь *В. В. Голицын*, друг иностранцев католиков и покровитель *иезуитов*. Последние ловко сумели пробраться в Москву с австрийским посольством под видом посольских и торговых людей. Они приобрели в Немецкой слободе дом, завели в нем латинское богослужение и школу и занялись деятельной пропагандой. Споры из за латинских мнений их устраивали. Они тайно, но всем своим влиянием, принялись поддерживать учеников Симеона Полоцкого (Знаменский).

Во главе последних стоял строитель Заиконоспасского монастыря, *Сильвестр Медведев*, глубокий почитатель Полоцкого, муж, по отзыву современников, великого ума и остроты. Он был таким же придворным монахом, как и Полоцкий. В мире Симеон, он был в Курске подъячим в приказе тайных дел; вместе со своим сослуживцем *Шакловитовым*, он вступил в Молчанскую обитель, чтобы свободнее заниматься книгами. С учеными Москвы, включая Полоцкого, он познакомился, приезжая из обители в столицу. Приняв в своей обители постриг в 1674 г., он, находясь временно в Москве, оставлен был царем *Феодором Алексеевичем* в Заиконоспасском мон. Имелась, очевидно, в виду использовать его знания для открывавшегося училища при типографии. В Курске он имел возможность знать юго-западную ученость. Питал он глубокое уважение к Симеону Полоцкому и его сочинениям. Он был назначен потом игуменом Заиконоспасским

на место умершего Полоцкого. В это время Сильвестр выказал себя большим противником *кальвинизма*. Известен его библиографический труд: «Оглавление книг и кто их сложил». По своей даровитости и красноречию он стоял выше Полоцкого. Среди ревнителей греческого православного направления Сильвестр вызывал большие сомнения. Опасались, что, оказавшись он начальником создавшейся академии, там восторжествует латинское образование. Значение его увеличилось, когда ему удалось обличить Яна *Белободского*, прибывшего в 1681 г. из западной России, в качестве соискателя места учителя в создававшейся школе. Последний проповедовал какую-то смесь лютеранских и отчасти католических идей и полное безразличие всех церквей. Его обличали в том, что он, как цыгане, в какой стране живет, той страны и веру держит. Сильвестр понял вред Белободского. Он и другой кандидат на учительство, Павел Негребецкий, донесли на него. На Соборе 1681 г. они оспорили Белободского. Опасный учитель был отстранен. Но патриарх *Иоаким* и к самому Медведеву относился с подозрением, как к приверженцу латинской учености и единомышленнику Полоцкого. Против него он выставил ученика Славеницкого, чудовского инок *Евфимия*, знатока греческого языка, безукоризненного православного ученого.

К этому времени слухи об усилении в Москве латинского влияния дошли до православного Востока. Особенно взволновали они ревнителя православия и греческого образования, патриарха иерусалимского *Досифея*, которого еще раньше беспокоило проникновение латинского образования в Киев. Патр. Досифей посылал в Москву послания, в которых выдвигал превосходство греческого образования перед латинским. Отправлял он туда и руководительные книги для опровержения латинских заблуждений.

Иеромонах *Евфимий* († 1705) занимался переводами этих книг и был вообще близок к патриарху во всех работах против латинских соблазнов. Но он был еще более кабинетным ученым, чем его учитель Епифаний, и далеко уступал своему противнику в практических отношениях. Сильвестр к тому же опирался

сначала на царя Феодора, потом еще больше на царевну Софию, а также на ее приближенных, кн. *В. В. Голицына* и *Шакловитого*. Пока Евфимий писал, Сильвестр действовал. В январе 1685 г. Сильвестр представил правительнице, заготовленную еще при царе Феодоре, грамоту об открытии академии и ее «привилегий» или устав. Грамота была утверждена. Сильвестр не сомневался, что патриарх должен будет поставить его во главе академии. Но расчеты его не оправдались. В марте того же года на помощь сторонникам греческого образования и великорусской партии прибыли в Москву братья *Лихуды*, соперники более опасные для его ученого авторитета, чем скромный иеромонах Евфимий. (Знаменский).

Иеромонахи *Иоанникий* и *Софроний Лихуды* уроженцы Кефалонии, княжеского рода, учились первоначально в самой Греции, потом на Западе – в Венеции и Падуе. До вызова их в Россию они занимали в разных местах Греции должности учителей и проповедников. В Москву они, по совету патр. Досифея, были вызваны при царе Феодоре, для преподавания в академии. Борьба их с латинством началась еще по дороге в Москву, в Венгрии и Польше, где они выдержали несколько споров с иезуитскими учеными. К величайшему недовольству Сильвестра, они были поселены в Заиконоспасском мон. К этому времени обострились споры относительно понимания времени пресуществления св. Даров. Против суждений Сильвестра выступил иером. Евфимий. Единомышленны с ним были Лихуды. Сильвестр ответил обширным сочинением: «Манна хлеба животного», позднее сожженным по повелению патр. Иоакима. В книге этой задето было православие Лихудов. Сторонниками Сильвестра распространялись бранчивые тетради «на новопотаенных волков», т. е. Лихудов. Последними тогда было написано сочинение: «Акос или врачевание от угрызений змиевых». Архиеп. Филарет пишет: «сочинение это написано было в духе кротости и с сведениями обширными. Сильвестр отвечал злою критикою. Лихудами написаны были «диалоги грека учителя с некоторым иезуитом о единстве между церковью восточною и западною»³¹). На стороне Сильвестра

явилось довольно людей, которые настойчиво защищали мысли его; между ними был и известный Феодор Шакловитый. Этот спор возбудил волнение в народе, бесполезное для веры, вредное для благочестия. Предмет священный, предмет, недоступный по высоте и величию, стал предметом разговоров праздности и суеты житейской. Каждая беседа оглашалась спором о нем, и на улицах шумели о том, о чем в храме остается только молчать в благоговейном трепете. Стали пересматривать книги и увидели, что во многих изданных на юге более или менее предложена была та же мысль о евхаристии, которую оправдывал Медведев; особенно отличалось тем сочинение киевского игумена Феодосия Сафоновича: «Выклад о церкви святой и о службе». Патриарх Иоаким много раз сносился по сему предмету с киевским митрополитом Гедеоном и черниговским архиепископом Лазарем. «Они, пишет Иоаким, также приняли было кое-что из римской церкви, но опять писаниями святых отец через нас обратились к православной греческой церкви». Дело Сильвестра было окончательно проиграно. Но полное торжество православия над латинством, влиявшим в Москве, последовало только в 1689 г., когда царевна София была свергнута и Шакловитый казнен.

В октябре 1689 г. *Сильвестр* был осужден вместе с его сочинениями; ему назначено было тяжкое заточение. Узнав об участии своей, еще прежде решения, Сильвестр скрылся из Москвы. Пойманный в смоленском Бизюковом мон., он был лишен иночества, отлучен от Церкви и отослан в Троицкий-Сергиев мон. на покаяние. Здесь (в декабре 1689 г.) он письменно осудил свои мнения и изъявил раскаяние в нарушение церковного покоя. Собор в январе 1690 г. произнес ему прощение, не возвращая духовного звания. Но над ним тяготел еще суд гражданский – он был обвинен в участии в заговоре царевны Софии и стрельцов против царя Петра. Приговоренный к отсечению головы, Сильвестр был казнен 11 февраля 1691 г. (Архиеп. Филарет).

В 1690 г. подведен был итог спорам представителей двух направлений. От имени патр. Иоакима написана была книга «Остен», в которой разбирался вопрос о времени

пресуществления евхаристии, приводились данные о Флорентийском соборе, об униатах, указывались ошибки Симеона Полоцкого, заблуждения Белободского, вообще католические, лютеранские и пр. Писали братья Лихуды. Собор 1690 г. предал проклятию *хлебопоклонническую ересь* и изрек осуждение на многия мало- российские книги, замеченные в уклонениях к латинству: Большой Требник, Служебник и Лифос Петра Могилы, Ключ разумения и Мессия праведный Голятовского, Меч и Трубы словес Лазаря Барановича, Огородок Радивиловского, Евангелие и Перло многоценное К. Транквиллиона, «Выклад о церкви и таинствах» Феодосия Сафоновича и др. Собор этот был последним деянием патр. Иоакима в пользу православия.

«Преемник его», отмечает Знаменский, «оказался еще более строгим к латинству. Киевские ученые были высылаемы или сами спешили убраться из Москвы. Киевское влияние было устранено, но зато Москва лишилась после этого самого главного источника своего духовного просвещения. Главными деятелями просвещения у нея остались теперь братья Лихуды, преподававшие науки в новой академии, но реакция против латинства, все разрастаясь добралась и до них».

Начало *московской академии*, тесно связано с Лихудами. Академическое обучение открылось непосредственно после приезда Лихудов, сначала, до постройки особого здания, в кельях Богоявленского мон. Царь Феодор предоставлял в ее пользу свою библиотеку, вотчины восьми монастырей, одну дворцовую волость и 10 пустошей. Право суда над людьми предоставлялось ей блюстителю вместе с учителями. Последним обещаны были пенсии, а ученикам лучшие места на службе. Блюстителем и учителями положено было назначать только русских или греков, испытанных в православии и дававших клятву быть ему верными. Учителей из Малороссии и Литвы дозволялось принимать только по свидетельству об них достоверных людей, потому что эти прелестники, сказано в грамате, сначала притворяются православными, а потом развратные словеса всевают и целостность веры нашей терзать начинают. Академия должна была быть *блюстительницей*

православия во всей России. Никто не должен был держать у себя учителей иностранных языков, а должен был для обучения языкам отдавать детей в академию. Последняя обязывалась смотреть за тем, чтобы в России не было иноверной пропаганды, и за новообращенными, тверды ли они в вере, и за всеми людьми духовного и мирского чина, не держит ли кто у себя запрещенных книг, не вступает ли в состязания о вере и проч. Академии предоставлялся и суд по религиозным преступлениям: по суду ея, запрещенные книги должны были подвергаться сожжению; нетвердых в вере она могла подвергать ссылке; иноверцев, виновных в хуле на православную веру, и русских отступников подвергать даже сожжению. Последняя полномочия академии не были осуществлены на практике и ей осталось лишь просветительное дело (Знаменский).

Первые курсы Лихудов начались в 1686 г. по отстройке зданий академии в *Законоспасском* мон. В нее переведены были и ученики типографской школы. В три года учителя успели пройти целый курс, состоявший из грамматики, пиитики, риторики, логики и физики, частью на греческом, частью на латинском языках. Ученики их говорили на обоих языках и перевели несколько книг. Старшие из них начинали и сами заниматься обучением начинающих. В 1688 г. Иоанникий ездил с русским посольством в Венецию, где пробыл более трех лет. Поэтому второй курс Софроний вел один и довел его к возвращению брата тоже до физики. В преподавании своем они старались избегать всяких следов своего западного образования, – схоластического метода и господства латыни. Вместо Аристотеля, на первый план выдвигали Священное Писание и Отцов Церкви, вместо латыни – греческий язык. Схоластического богословия не преподавали вообще. Сначала в Москве Лихудами были довольны. Доволен был ими и иерусалимский патриарх *Досифей*. Затем последний начал действовать против них, подстрекаемый наветами завистливых греков, с которыми Лихуды держались холодно и не желали делиться с ними деньгами. В 1693 г. патр. Досифей отправил в Москву три послания – к царям Иоанну и Петру, патриарху

Адриану и самим Лихудам, в которых решительно требовал, чтобы латынь была вовсе изгнана из академического курса. Лихудов он укорял в неправильной постановке преподавания, в том, что они забавляются около физики и философии. Он называл их не Лихудами, а Ликудиями (от греческого слова – волк), грозил даже отлучением. В угоду ему братьев отставили от академии, предоставив им право преподавать при типографии итальянский язык. Патр. Досифей считал и это недостаточным и требовал изгнания их из Москвы. Он обвинял их в гордости, в самозванном присвоении княжеского титула и даже в сношениях с турецким правительством. В 1701 г. *Лихуды* были высланы под надзор в Ипатьевский мон. в Костроме. О дальнейшей их деятельности будет сказано в следующем отделе.

Место Лихудов заняли в академии их ученики, не имевшие ни такого образования, ни такого авторитета., как они. Академический курс сократился. Латынь была из него изгнана. Патр. *Адриан* мало занимался академией, которая страдала от недостатка в учителях. Будучи заброшенной, она представляла и во вне печальную картину: здания ее не поправлялись, потолки и печи обвалились, негде было учить. На такой развал обратил в 1697 г. внимание царь *Петр I*. В беседе с патриархом он выразил недовольство безпризорным положением академии и указал на необходимость опять вызвать в нее киевских ученых. В 1700 г. патр. Адриан вынужден был сделать блюстителем академии выходца из-за границы иером. *Палладия Роговского*. Короткое время он слушал Лихудов. Образование свое Роговский доканчивал в Моравии и Риме, получив звание доктора богословия. Совращенный в Ольмюнце в унию, он отрекся от нея и в 1699 г. написал: «*Исповедание и опровержение римских догматов*». Оно содержит краткое изложение римского учения и сильные доказательства чистоты учения русской Церкви. Будучи назначен игуменом Заиконоспасского мон., Палладий Роговский все же не мог уже поднять на прежнюю высоту академию. Вступив в свою должность уже утомленным, он в 1703 г. скончался, как раз в то время, когда, как видно будет из дальнейшего, киевские ученые

стали снова усиливаться в Москве и их латинское образование
сделалось господствующим в академии.

Отношение к католицизму и протестантству

Иезуитам, достигшим больших успехов в западной России, представилась возможность, в самом начале XVII в. проникнуть в восточную Русь. Орудием их оказался Лжедимитрий. Неизвестный человек, находясь в польских пределах на службе у кн. Адама Вишневецкого, нашел случай открыть ему свое «царственное» происхождение. Позднее он, считаясь «царевичем», попал в Самбор, где жил богатый Сендомирский воевода Юрий Мнишек. Мнишки были рьяными католиками. Францисканцы, осведомленные ими, занялись обращением самозванца в католицизм. Осведомлен был о нем Рангони, папский нунций при польском дворе. Держа себя сначала осторожно, Рангони, через иезуитов, следил за каждым движением самозванца. В начале 1604 г. Мнишек привез Лжедимитрия в Краков. Рангони в продолжительном разговоре с последним указал ему, что он для получения помощи от короля Сигизмунда III должен отказаться от греческой веры и вступить в лоно римской. «Лжедимитрий согласился», пишет Соловьев, «и в следующее воскресенье, в присутствии многих особ дал торжественную клятву, скрепленную рукоприкладством, что будет послушным сыном Апостольского престола; после этого Рангони причастил его и миропомазал, на исповеди же Отрепьев был у одного из иезуитов». После этого король признал его царевичем, но не публично, опасаясь, в случае неудачи задуманного, вызвать совместное вооруженное выступление против Польши московского царя и Швеции. Против вмешательства в дело «царевича» были четверо знаменитейших польских воевод. Считаясь с этим, король, назначив Лжедимитрию ежегодное содержание, не выдвигая себя, поручил неразборчивому в средствах, тщеславному Мнишку помогать самозванцу, вскоре объявленному женихом его дочери Марины (Марианны). В 1604 г. Лжедимитрий обязался отдать во владение Марины Новгород и Псков с их уездами, предоставив ей право строить там латинские монастыри и школы. 30 июля того же года самозванец писал

папе Клименту VIII, обещая обратить Россию в католичество, за что получил обещание помощи с его стороны.

Лжедмитрий, будучи уже в Москве, поздравил со вступлением на престол нового папу, Павла V. Кардинал Валенти от имени папы давал указания нунцию Рангони быть возможно любезнее с московским послом в Польше Власьевым. Сам папа, узнав о короновании Дмитрия, писал ему: «Мы уверены, что католическая религия будет предметом твоей горячей заботливости, потому что только по одному нашему обряду люди могут поклоняться Господу и снискивать Его помощь; убеждаем и умоляем тебя стараться всеми силами о том, чтобы желанные наши чада, народы твои, приняли римское учение; в этом деле обещаем тебе нашу деятельную помощь, посылаем монахов, знаменитых чистотою жизни; а если тебе будет угодно, то пошлем и епископов», Лжедмитрий, учитывая поддержку оказанную ему католиками, в частности иезуитами, сохранил связь с ними. Папа был ему нужен и для похода против турок, о котором он мечтал. В Москве самозванец высказывался о желательности соединения церквей. Как отмечает Соловьев, у него «вырывались слова, что можно быть осьмому собору, что в Латинах нет порока, что вера Латинская и Греческая одно...» Но высказывался он все же осторожно. Разбирался в сложности положения и иезуит Лавицкий, бывший при Лжедмитрии в Москве. Он писал старшине своего ордена в Польше: «Мы наложили на себя молчание, не говорим с царем ни об одном нашем деле, опасаясь Москвитян, чтобы царь имел полную свободу в действиях и мог склонить вельмож к своим намерениям».

Нахождение в Москве поляков, число которых значительно увеличилось с прибытием туда Марины Мнишек, все более раздражало русских. Лжедмитрий, смущенный настроением москвичей, писал в Краков нунцию, настаивая на том, чтобы Марина содержала католицизм втайне, наружно же исполняла обряды закона греческого, ходила в русскую церковь, постилась в дни, установленные православной церковью. Рангони признал это невозможным. Из Рима же, где рассматривался этот вопрос, кардинал Боргезе сообщил нунцию, что пункты, предложенные

царем, решены не согласно с его желанием, ибо конгрегация из кардиналов и теологов, после тщательного обсуждения вопроса, произнесла приговор, что престол Апостольский не разрешает в подобных случаях, и не бывало примера, чтобы когда-нибудь разрешил (Соловьев). Возбуждая вопрос о Марине, Лжедмитрий нарушал и церковный устав. В великий пост он угощал бояр «телячьим мясом». Князь Шуйский сказал, что есть мясо в посту противно церковному правилу, а телячьим мясом русские гнушаются и в другое время. Татищев, считавшийся преданным Лжедмитрию, поддержал Шуйского и говорил так смело, что самозванец отправил его в ссылку (Архиеп. Филарет).

В начале 1606 г. в Рим прибыл Лавицкий, доставивший папе письма Лжедмитрия. Павел V, выражая удовольствие заверениям этого иезуита, что «Апостольский престол сделает самые великие приобретения,» – писал Лжедмитрию: «... У тебя поле обширное: сади, сей, пожинай на нем, повсюду проводи источники благочестия, строй здания, которых верхи касались бы небес; воспользуйся удобностью места, и, как второй Константин, первый утверди на нем Римскую церковь. Так как ты можешь делать в Земле своей все, что захочешь, то повелевай. Пусть народы твои услышат глас истинного пастыря, Христова на земле наместника!»

Положение обострилось перед браком Лжедмитрия. Он настоял, чтобы Марина, оставаясь втайне католичкою, внешне сообразовывалась с постановлениями православной Церкви и с народными обычаями. «Но этою сделкою», пишет Соловьев, «нельзя было всех удовлетворить: люди приближенные хорошо знали, что царица остается латынкою некрещенною, и* между духовенством не могли не явиться ревнители, которые явно восстали против этого». Среди доказывавших, что брак не будет законным, если Марина не переменит исповедания, был владыка Гермоген, тогдашний митрополит Казанский. К этому времени относится мужественное выступление дьяка Тимофея Осипова. Он, перед всеми, начал в дворце говорить Лжедмитрию: «Ты воистину Гришка Отрепьев, расстрига, а не цесарь непобедимый, не царев сын Димитрий, а по греху раб и

еретик». Осипов был казнен. При расправе заговорщиков с самозванцем, выскочивший из толпы сын боярский Григорий Валуев выстрелил в него, сказавши: «Что толковать с еретиком; вот я благословляю польского свистуна». Москвичи пытались покончить с поляками, вызывавшими их негодование своим наглым поведением. Бояре, имевшие в то время власть, и опасавшиеся войны с Польшей, отстояли поляков.

Иезуиты и после падения Лжедмитрия не оставляли своих планов. Как известно, Польша, королем которой был убежденный иезуит Сигизмунд III, помогала Тушинскому вору. Король надеялся воцариться в Москве. Достичь этого ему не удалось, но польское войско занимало столицу России и заслужило недобрую память грабительством и кощунством над православными святынями. Понятно, что русские тогда враждебно относились к католикам. Особенно проявлял недоброжелательство патриарх Филарет, ознакомившийся с католиками во время своего пребывания в польском плену. Архиеп. Филарет пишет: «Ни при патриархе Филарете, ни после него до царя Петра не дозволялось быть в Москве ни костелу, ни иезуиту». Об этом свидетельствует и повествователь того времени иностранец Маржерет, переживший смутное время. Он писал про Россию: «все иностранцы могут исповедовать свою религию всенародно, исключая римских католиков». Патр. Филарет на соборе 1620 года провел даже постановление о перекрещивании обращающихся из латинства в православие. «Постановление неправое пред учением церковным», пишет архиеп. Филарет, «но извиняемое ужасами времени».

«Довольно тревоги», пишет архиеп. Филарет, «наделал папизм в Москве при патриархе Иоакиме. Русские юга, по самой местной близости своей к папизму неприметно сроднялись с некоторыми мыслями папизма. Иезуиты, воспитывая русских на юге, успевали убеждать их в некоторых своих мнениях даже таких людей, которые, как казалось им самим, ничего не хотели принимать иезуитского. А те из русских, которые по жажде к просвещению решились слушать уроки в Риме, должны были публично одобрять римские произволы и осуждать восток». Такое отречение от своих святых, своей иерархии,

провозглашение еретиками не признающих папы, обязаны были торжественно произносить русские, поступавшие в римскую академию. О воспринятом в западной Руси некоторыми хлебопоклонческой ереси и осуждении ее в 1690 г. собором говорилось выше. «Патриарх Иоаким», отмечает архиеп. Филарет, «как воспитанник Киева, сам знал и чувствовал ту горечь, какую напоил Рим южную Россию». При патр. Иоакиме был обличен упоминавшийся Ян Белободский. Мысли свои он открыл в сочинении «О безразличии церквей».

Отмечено было выше весьма отрицательное отношение к латинству патриарха Адриана. Главное внимание он обращал на истребление латинских и протестантских ересей. В посланиях и поучениях своих он горько жаловался, что многие из москвитян, и знатные и простые, от злоглагольств люторских, кальвинских и прочих еретиков и от пипок табацких объюродели, стали критиковать учение и установления Церкви, вопрошая: сие чесо ради? И сие откуда взято? И сие кто предаде?

По поручению патриарха, инок *Евфимий* неутомимо занимался против западных ересей, переводя соответственные греческие книги, которые присылались с Востока, преимущественно чрез патр. *Досифея*. В 1696 г. трудами его было издано на славянском языке Православное Исповедание митр. Петра Могилы. Тогда же, трудами владыки *Афанасия* холмогорского был приготовлен к изданию (но не издан) огромный сборник исторических известий и статей, касавшихся полемики последнего времени, под названием "*Щит веры*". Обнаружено было отступничество московского дьяка *Петра Артемьева*, который ездил учиться в Италию и, по возвращении оттуда, начал с увлечением проповедывать латинство. В 1698 г. он был расстрижен и сослан на Соловки. Тогда и узнано было, что русские ученые на Западе принуждались отрекаться от православия. Обнаружилось, что иезуитское воспитание приучало их ко лжи, скрывательству своих убеждений и ложным клятвам. После этого подозрительность в Москве еще увеличилась. Не верили заграничным воспитанникам, когда они с клятвой отрекались от латинства и просили присоединения к Церкви. Пострадал от

этого, учившийся в Риме, *Георгий Скибинский*, приехавший во время расследования дела *Артемьева*. Несмотря на всю искренность его покаяния, ему запрещено было даже давать частные уроки.

В смутное время шведы захватили часть русских владений. Лютеранство насаждалось там с фанатизмом, не отличавшимся от католического. Целые тысячи финнов, обывателей Чудского озера, отторгнуты были от православия. В Стокгольме помышляли обратить в лютеранство всех русских, оказавшихся под шведскою властью. Заведена была там славянская типография, в которой печатали *Лютеров катихизис* на славянском языке, и тот же катихизис на финском языке, но славянскими буквами. Опасности для православия заставили царя *Михаила Феодоровича* издать 23 августа 1624 г. указ, предписывавший воеводам Новгорода – русских, приезжающих с шведской стороны, не иначе пропускать в город, как наперед исследовав, не приняли ли они чего лютеранского, а в Софийскую церковь совсем не пускать. Постановление 1620 г. о перекрещивании латинян отнесено было и к лютеранам. Царь *Михаил* строго повелел в 1636 г., чтобы как в Москве, так и в других городах, православные, находившиеся в услужении у иностранцев, оставили дома их и вперед не поступали бы к ним на работы и на службу (Архиеп. Филарет).

«В 1641 г. царь *Михаил* хотел выдать дочь свою *Ирину* за *Вольдемара*, принца датского», пишет архиеп. Филарет, «но с тем, чтобы принц принял православное крещение. Патр. Иосиф препроводил к принцу, прибывшему в Москву, краткое изложение догматов и обрядов восточной Церкви, с увещанием принять восточное исповедание. Принц прислал письменный ответ, где излагал причины, по которым желает остаться лютеранином. Здесь он, между прочим, писал, что признает происхождение Святого Духа от единого Отца. Патриарх написал замечания. Пастор Фиильгобер, руководствовавший принца, ответил на замечания патриарха. Тогда царь и патриарх назначили словесное прение». Защищать православие поручено было протопопам: черниговского (Архангельского) собора *Михаилу*, *Ивану Наседке* и игумену *Геннадию*.

Лютеранам особенно указывалось, что у них не может быть поставления канонического в священный чин. Спор остался без последствий и брак не состоялся.

Иностранцы, лютеране и реформаты, свободно отправляли свое богослужение в Москве. Имели они свои церкви. Запрещалось только совращать русских в свою веру. Число иностранцев, поступивших на русскую службу, увеличилось в царствование Алексея Михайловича; не уменьшилось оно и при Феодоре.

«В числе других немцев», пишет архиеп. Филарет, «в малолетство Петра явился в Москве Квириин Кульман с Нордерманом, мечтатель в высшей степени, каким только может быть исступленный квакер. Это был один из тех несчастных, которые чувствуя своеволие лютеранства, вдаются в новые мечты и доходят до замешательства в мыслях. Кульман называл себя духовидцем, пророком, королевичем, сыном Сына Божия; учение свое – апокалипсисом; говорил, что проповедует новый закон, но плохо объяснял, в чем состоит он. Кульмана и товарища его отослали (в 1689 г.) к допросу в особую комиссию; комиссия спрашивала отзыва о них и их книгах у протестантских пасторов московских, и те на бумаге отвечали, что эти книги – безумие. После допросов и розысканий определено Кульмана и Нордермана с их книгами сжечь; а вперед не иначе пускать иностранцев в Россию, как после строгих расспросов: кто, откуда и зачем едет? имеет ли вид? и пр.».

Западно – Русская Церковь

В конце XVI в. иезуиты приобрели большое влияние в Речи Посполитой. Польским королем был избран королевич Сигизмунд Ваза, сын шведского короля Иоанна III. Король Сигизмунд III был ревностным католиком и сильно сочувствовал иезуитам, подчиняясь их влиянию. Последние же в это время обратили особенно внимание на Восточное или Русское исповедание.

Иезуиты поняли, как трудно провести обращение православных прямо в католичество и решили добиться *унии*. Они стали усердно хвалить православную Церковь и жалеть об ее дурном состоянии. Православным панам они указывали на хлопское положение и крайнее невежество их духовенства. Духовенству говорили о раздражавшей его зависимости от мирян и самостоятельном положении католического духовенства. Народом они пренебрегали, ошибочно рассчитывая на его безгласие. Именно простой народ и в городах и в деревнях твердо стоял за свою православную отеческую веру и не хотел слышать о вере латинской. В духе этой пропаганды, с развитием этих мыслей написано было *С каргою* сочинение «*О единстве церкви и о Греческом от сего единства отступлении*» (изд. 1577). Уния, заключал он, должна уничтожить все непорядки, а для нея православным нужно только принять учение римской церкви и признать главенство папы – обряды можно им оставить по-прежнему.

Соловьев пишет: «Мы видели уже, что во второй половине XVI века, Западно-Русская Церковь находилась далеко не в завидном положении. Правительство, принадлежавшее к другому исповеданию, по меньшей мере равнодушное, не могло быть внимательно к ее интересам, любило кормить ее хлебом своих, а не ее служителей, отдавать не только правосл. монастыри но и целые епархии в управление людям, не чувствовавшим никакого внутреннего призвания к подобным должностям, из желания наградить не заслуги, оказанные церкви, но заслуги, оказанные государству только. Такие

пастыри не могли укреплять паству к вере и нравственности: отсюда ослабление дисциплины церковной, ослабление нравственности низшего духовенства, упадок просвещения. Но если государство становилось во враждебные отношения к Западно-русской Церкви, отказывалось ее поддерживать, то этим самым вызывало к деятельности начало общественное. Что Скарга считал бедствием для Русской Церкви – именно вмешательство светских людей в дела церковные, то было необходимо и спасительно для нея; правительство не заботилось о Церкви, архиерейство ослабевало, – общество должно было принять к сердцу высший интерес свой и обнаружить сильное влияние на дела церковные. Но какие же средства имело Западно-Русское общество к обнаружению этого влияния, какие силы были в нем, какие соединения сил, союзы? Западно-русское общество, в описываемое время, представляет нам сильную аристократию, богатые, могущественные роды; из них некоторые вели свое происхождение от Рюрика и Гедимины; от них, особенно вначале, Русская Церковь и народность получили сильную помощь; мы уже видели деятельность князя Константина Острожского, видели также, какую помощь Русской Церкви в борьбе с католицизмом оказал московский выходец князь Курбский с товарищами. Но потом аристократия западно-русская начала ослабевать в стремлении своем поддерживать Русскую веру и народность; средоточие ея деятельности было не на Руси, а в короне Польской, при Дворе, в сенате; аристократия русская составляла часть аристократии польской и стремилась приравняться к целому; интересы русские были для нея интересами провинциальными, и потому она скоро охладевает к ним, как ниже стоящим; старики еще крепко держались родной старины; но молодые, выхваченные из родной старинной обстановки, воспитанием, браками, службой, легко отвыкали от своего. Но если знатные паны, оказавшие вначале так много помощи Русской вере и народности, ослабели впоследствии, то не слабело среднее сословие, городское народонаселение, благодаря крепким частным союзам, среди него образовавшимся, благодаря знаменитым

братствам. Мы видели, что братства, или братчины, общия всем областям русским, как восточным, так и западным, приобрели особенное значение в общинах более самостоятельных и развитых, следовательно имели большее значение в Новгороде и Пскове, чем в городах низовых, имели большое значение в городах Западной Литовской России, где старые общинные формы получили точнейшее определение и укрепление благодаря Магдебургскому праву, где цеховое устройство особенно содействовало развитию братчин, или братств».

«Кроме этой крепкой основы для общей дружной деятельности – развития общинного быта и братств, – городское сословие, мещанство и потому могло сильнее бороться за веру и народность, что сфера его была теснее, чем у аристократии; сильнее, были у мещан местные провинциальные привязанности, ибо не забудем, что русские привязанности были привязанностями провинциальными в Речи Посполитой польской; понятно, следовательно, почему мещанские братства, коренившиеся на цеховом устройстве, явились средоточием, к которому стягивалась и шляхта во время борьбы за веру; за братства, за эти крепкие союзы, выработанные городским бытом Западной России, всего сильнее запнулись иезуиты с своей унией».

Предложение Скарги пало на хорошо подготовленную почву. Даже такие защитники Православия, как кн. Острожский и его друзья, внимательно отнеслись к основной мысли Скарги о желательности воссоединения восточной и западной Церквей при обещаемом уравнивании в правах православных с католиками, но, конечно, допуская такое соединение на основе верности истинному учению Вселенской Церкви. Сочувствовали такому предложению и некоторые тогдашние епископы, которые давно завидывали положению католического духовенства. Последнее, подчиненное папе, мало испытывало зависимости от властей и занимало почетное положение в государстве. Высшее же духовенство приравнивалось к знатым вельможам и занимало места в сенате. О всем этом русские архиереи, как главы презираемой и униженной по законам Речи Посполитой «хлопской» веры, не могли и мечтать. С другой стороны, их

крайне тяготила зависимость от городских общин и братств. Многие епископы принадлежали к высшему сословию и зависимость от простого народа была им особенно обидна. Король *Стефан Баторий* в этом отношении очень помог иезуитам, назначая на православные епископии и настоятельства людей, подходящих к принятию унии. Он выбирал их из панов, не приготовленных к духовному служению и желавших попользоваться церковными имениями. В епископы попадали лица недостойные, даже двоеженцы и женатые.

Недолгое пребывание в Западной Руси патриархов антиохийского *Иоакима* и константинопольского *Иеремии*, принеся известную пользу, вместе с тем осложнило положение расширением прав братств и некоторыми неудачными назначениями. В 1586 г. патр. Иоаким, будучи по пути в Москву во *Лвове*, дал грамоту тамошнему братству. Утвердив обычные правила братств о братских сходках и взносах, о выборе старост, о наблюдении братьев за поведением друг друга, о братском суде и взаимной помощи в нуждах, патриарх, кроме того, дал братству право обличать противных закону Христа, отлучать их от Церкви, обличать самих епископов, как врагов истины, если они будут вести себя незаконно. В ряду других братств Львовское объявлено было *старейшим*. Братство, поощренное патриархом, завело у себя типографию и школу и своим влиянием на церковные дела сильно стеснило власть местного епископа.

Н. Чистович пишет: «Львовским епископом был в это время *Гедеон Балабан*, получивший кафедру как бы по наследству от своего отца, *Арсения Балабана*, человек молодой, пылкий и своенравный, не привыкший ни подчиняться кому либо, ни обуздывать своего своеволия. Посещение Иоакима не могло быть ему приятно, а предпочтение ему братства, с поручением наблюдать за его поведением, не могло, конечно, послужить к миру между епископом и братством и, естественно, могло возбудить его как против этого патриарха, так и против цареградского, именем которого Иоаким действовал. Спустя несколько недель после этого, в следующую же пасху, из за одного церковного обычая произошло столкновение между

епископом и братством. Епископ предал ослушников своей власти анафеме. Мир восстановился между ними, но не надолго. Взаимные неприятности возобновились в следующем году. Патриарх Иеремия принял сторону братства и пригрозил епископу отлучением. Гедеон не выдержал, сблизился с латинским львовским епископом и обещал ему принять унию». («Очерк истории Западно-Русской Церкви», ч. II).

В 1588 г. проездом в Москву и в 1589 г. на обратном пути Западную Русь посетил константинопольский *патр. Иеремия*. Знаменский пишет: «Иеремия застал православную церковь в польских владениях в самом печальном состоянии. Духовное значение и сила ея иерархии были подорваны в конец. Сам митрополит киевский *Онисифор* был двоеженец. Епископы – перемышльский *Михаил Копыстенский*, холмский – *Дионисий Здируйский* и пинский – *Леонтий Пельчинский* были женаты, последние двое и на епископстве жили с женами. Будучи по происхождению панами, архиереи и на епархиях жили, как паны, в замках, окружив себя вооруженными слугами и пушками, делали наезды на чужия земли и дрались между собою; епархии были для них чем-то в роде вотчин, с которых они получали доходы, нисколько не заботясь о церковных делах. Виднее всех епископов был луцкий *Кирилл Терлецкий*, родом дворянин, образованный, ловкий и деятельный человек, но всего менее достойный быть православным епископом; соседи его по землям не раз жаловались суду на его буйство и наезды, сопровождавшиеся даже убийствами. В деле устройства церкви и укрепления ея в борьбе с врагами на таких иерархов, конечно, нечего было надеяться, и патриарх естественно должен был предпочесть их содействию содействие мирян. Он еще более усилил львовское братство, дав ему новые права: печатать всякие книги, руководить всем образованием во Львове, избирать и удалять от должности своих священников. Иеремия убеждал православных заводить и другия братства. Кроме львовского братства, он утвердил своим благословением и грамотою еще Троицкое братство в Вильне, которое тоже завело у себя школу и типографию.»

Представление о митр. Онисифоре можно получить, ознакомившись с грамотой, отправленной ему в 1588 г. с сейма Галицкими дворянами. Приводим выдержку из нея: «Во время вашего пастырства вдоволь всякого зла в законе нашем случилось, насилия святыни, замыканье Св. Тайн, запечатание церквей святых, запрещение звонить, выволакивание от престола из церквей Божиих попов, как злодеев, запрещение мирским людям молиться в церквах: таких насилий не делается и под поганскими царями, и все это делается в пастырстве вашей милости. Но этого мало: рубят кресты святые, захватывают колокола в замок, отдают их в распоряжение жидам; а ваша милость листы свои открытые против церкви Божией жидам на помощь даешь. Из церквей делают костелы иезуитские; имения, церкви Божией данные, теперь к костелам привернуты. В монастырях честных, вместо игуменов и братии игумены с женами и детьми живут, церквами святыми владеют; из больших крестов маленькие делают; что было дано к Божией чести и хвале, из того святотатство сделано: из вещей церковных делают себе пояса, ложки и сосуды, из риз саяны, из эпитрахилей брамы. Но что еще хуже: ваша милость поставляешь один епископов без свидетелей и без нас, братьи своей, что и правила запрещают, вследствие чего негодные люди становятся епископами и на столицах с женами своими живут без всякого стыда и детей рожают. И других, и других бед великих и нестроения множество!...».

Патр. Иеремия отстранил Онисифора и, по представлению мирян, поставил в митрополиты архимандрита Вознесенского минского мон. Михаила Рагозу. При посвящении Михаила патриарх, обращаясь к знати, сказал: «Если он достоин, то по вашему глаголу буди достоин, если же не достоин, а вы его достойным выставляете, то я чист, вы узрите». Соловьев поясняет: «Из этих слов ясно видно все значение мирских людей при избрании Рагозы, причем патриарх выделил совершенно свою волю, мирские люди представили ему незначительного, ему вовсе неизвестного архимандрита, и патриарх уступил их желанию, снявши с себя всю ответственность. Вглядываясь внимательнее в характер и

поведение Рагозы, можно понять, почему выбор мирских людей пал на него: в новом митрополите киевские люди искали именно такого пастыря, который не был бы похож на тогдашних западно-русских епископов, непохожих вообще на епископов. Михаил был человек благочестивый, скромный, сравнительно безукоризненной нравственности, далекий от дел насилия; но, к сожалению, с этими достоинствами частного человека, монаха и епископа, Михаил не соединил других достоинств, необходимых для Западно-Русской Церкви в то бурное время: не соединил твердости и энергии, был слаб, боязлив, вследствие чего должен был играть такую жалкую, двоедушную роль во время дела об унии».

В это время особенно выдвигается луцкий епископ *Кирилл Терлецкий*. До принятия духовного сана, он занимался в судебных учреждениях. Приобретенный им тогда опыт использовался им впоследствии. В 1572 г. он принял постриг и через некоторое время поставлен епископом туровским и пинским. Затем он добился назначения на луцкую кафедру, самую богатую в западной Руси. Проявились его корыстолюбие и безнравственный образ жизни. Чистович приводит отзыв о нем современников: «Кирилл бо лукав аки бес». Некоторое время он пользовался поддержкой кн. К. К. Острожского, потом изменившего свое к нему отношение. Сумел Кирилл расположить к себе патр. Иеремию, посвятившего его в сан экзарха и подчинившего ему, как своему наместнику, всех прочих епископов. Этим нанесены были обиды митр. Михаилу и другим епископам. Назначение это принесло только вред. Непонятно для чего патриарх присвоил Владимирскому епископу звание *прототрония* или *первопрестольника*, т. е. старейшего пред прочими епископами после митрополита, тогда как до этого старшими после последнего считались епископы полоцкие.

Чистович пишет; «Патриарх пробыл в литовской митрополии до половины ноября 1589 г. Все это время пребывания его здесь наполнено интригами одних епископов против других, и патриарх соглашал их тем, что раздавал им титулы и отличия, внося этим новые поводы к распрям между

ними. Но замечательно, что патриарх, принявший два раза гостеприимство у иноверца Замойского, как будто не показал никакого внимания к православной знаменитости края – князю Острожскому. По крайней мере не видно по памятникам, чтобы они даже виделись в бытность патриарха в литовской митрополии. Со стороны патриарха это был один из многих неверных шагов, которые имели вредные последствия».

По указанию патр. Иеремии митр. Михаил созвал в 1590 г. в Бресте-литовском собор для пресечения нестроений и беспорядков в Церкви. Собор выразил желание навести порядок.

Одобрено было учреждение братств, школ, типографий, госпиталей. Говорилось о поднятии церковного учительства. Постановлено было принести королю жалобы на обиды и притеснения православным от католических панов и чиновников. Вынесенные на нем решения не устранили беспорядков. Все более обострялась во Львове борьба еп. Гедеоны Балабана с братством, поддерживаемом патриархом, грозившим владыке лишением кафедры и сана. Большие неприятности от властей испытывал еп. Кирилл Терлецкий. Староста луцкий, Александр Семашко, сделавшийся из православных католиком, наложил подать на соборную церковь, в Страстную субботу и в Светлое Воскресение не допускал в ней богослужений, между тем как пьяный Семашко в притворах соборной церкви», пишет Соловьев, «заводил танцы и игры, и приказал гайдукам своим стрелять в купол и в крест церковный». Такое безправие подтолкнуло Терлецкого, искавшего, к тому же, выгод и положения, использовать средство, давно указанное иезуитами – *унию*.

В 1591 г. снова был созван собор в Бресте. Вскоре по открытии его еп. Кирилл, игравший главную роль, представил королю грамоту от 24 июня, подписанную еще епископами: Гедеоном, пинским Леонтием и холмским Дионисием, о готовности их принять унию. Сигизмунд III, в ответ на это заявление, написал 18 марта 1592 г. «привилегий королевский», обещая за себя и за своих преемников полную целость

богослужений и разные льготы и вольности всякому, кто принял бы унию. Сначала дело это оставалось в тайне.

Вскоре выдвигается *Ипатий Поцей*, или *Потей*. В миру Адам, он вырос в русской православной семье. Образование было им получено в кальвинской школе князя Радзивилла, потом в краковской академии. Он сделался кальвинистом, но потом крайности литовских антитринитариев побудили его в 1574 г. стать снова православным. Он занял должность королевского секретаря и женился на дочери православного Волынского князя Головни-Острожецкого. В 1589 г. он был назначен на видную должность каштеляна брестского. В качестве такового он присутствовал на соборе 1590 г. Он заслужил расположение кн. К. К. Острожского, приходясь ему родственником. Похвальный отзыв о нем дал патр. Иеремии львовское братство. Постепенно, под влиянием иезуитов, он начал склоняться к унии. В 1594 г. он овдовел, принял монашество и назначен был епископом Владимирским и брестским.

Насколько успешно шла работа иезуитов, показывает обращение кн. К. К. Острожского к Поцею. 21 июня 1593 г. он, упоминая о своих беседах с «легатом папы Римского, Поссевином», высказывал намерение, направляясь в страны, «недалеко от которых живет папа», хлопотать там «о соединении церквей, если бы было на то произволение Божие». Поцею же он советовал, по согласии с прочими иерархами, отправиться «к великому князю московскому» для ознакомления его и духовенства о том «какое гонение, преследование, поругание и уничижение народ здешний Русский в порядках, канонах и церемониях церковных терпит; просить их, как единоверцев, стараться о том, чтобы больше Церковь Христова такой смуты, а народ Русский такого гонения и ослабления не терпели». Далее Острожский писал: «Усердно прошу вашу милость, как ласкового господина и приятеля, особенно же теплого тщателя в любви веры Христовой, стараться изо всех сил на соборе, чтобы положить начало если не соединению, то, по крайней мере, улучшению жизни народной». При этом письмо князь приложил и

собственноручные статьи, на которых он желал бы унии. Главные из них гласили: «1) Оставаться нам вполне при всех обрядах, какие Церковь Восточная держит. 2) Чтобы паны Римляне церквей наших и имуществ на свои костелы не брали... 4) Чтобы духовенство наше в таком же почете было, как их; чтобы митрополиты и владыки в раде и на сеймиках место имели, хотя и не все. 5) Нужно переслаться с патриархами, чтоб и они склонились к унии, чтоб нам единым сердцем и едиными устами Господа Бога хвалить. Нужно послать к Московскому и к Волохам, чтобы согласиться с ними вместе на унию; всего лучше, по моему мнению, в Москву послать отца епископа Владимирского, а к Волохам – Львовского...».

Соловьев, приводя эти данные, пишет: «Практический смысл Потая и Терлецкого должен был внушить им, что требования князя неисполнимы; что Церковь Восточная Греческая и Восточно Русская, или Московская, не признают папу главою своею, а без этого уния невозможна; что попустому, следовательно, будет ехать и в Москву и к Волохам; что дело не может решиться путем сборов, но только решительным шагом со стороны нескольких влиятельных лиц, которые своим примером могут увлечь народ, наскучивший тяжелым положением Церкви».

Первым начал действовать Терлецкий. Он 21 мая 1594 г. явился в уряд Луцкий и представил письменное заявление, что соединение с Римом состоялось и что король отправляет его и Поцея в Рим засвидетельствовать пред папой о покорности ему русских епископов. 2 дек. в Бресте составлен был, как- бы от лица всей церкви, акт о принятии унии. Подписали его Терлецкий и Поцей. Митрополит колебался. Терлецкому удалось собрать в г. Сокол епископов – львовского, перемышльского и холмского и получить их согласие на унию. Гедеон созвал 28 янв. 1595 г. собор во Львове, на котором духовенство львовской и других епархий и даже греческие епископы и архимандриты, бывшие на соборе, подписали унию. Наконец на нее согласился и митрополит, прося Терлецкого держать имя его в тайне. Терлецкий сперва один, а потом вместе с Поцеем, отправились к королю в Краков (Чистович).

Митр. Михаил хитрил, стараясь до последней крайности, не выявлять себя полностью. 1 янв. 1595 г. он писал ревнителю православия, члену Виленского братства Федору Скумину-Тышкевичу, воеводе новгородскому о попытках епископов привлечь его к унии, прося прислать ему свое мнение. «...Я же сам собою до этого дела и не думаю приступать, боясь для Церкви нашей подступу и прелести». Наибольшую решительность проявил Терлецкий. Он съездил к королю и привез от него грамоту от 18 февр. на имя Поцея. Сигизмунд выражал удовольствие по поводу желания соединиться с римской церковью и советовал поскорее приводить к концу это дело. Скумин, с которым продолжал переписываться митр. Михаил, мягко, но определенно высказал ему свое несочувствие. Решительным было выступление кн. Константина Острожского, узнавшего из письма Поцея от 16 июня о намеченном подчинении папе. 24 июня он обратился к православным с грозным для епископов посланием. Он писал, что «теперь злохитрыми кознями вселукавого дьявола самые главные истинной веры нашей начальники, славою света сего прельстившись и тьмою сластолюбия помрачившись, мнимые пастыри наши, митрополит с епископами, в волков претворившись, Святой Восточной Церкви отвергшись, святейших патриархов, пастырей и учителей наших вселенских отступили, к западным приложились, только еще кожей лицемерия своего, как овчиною, закрывая в себе внутреннего волка, не открываются, тайно согласившись друг с другом окаянные, как хриstopродавец Иуда с Жидами, умыслили всех благочестивых с собою в погибель вринуть, как самые пагубные и скрытные писании их объявляют... Вместо того, чтоб быть светом миру, они сделались тьмою и соблазном для всех. Если Татары, Жидаы, Армяне и другие в нашем государстве хранят свою веру нерушимо, то не с большим ли правом должны сохранить свою веру мы, истинные христиане, если только все будем в соединении и заодно стоять будем? А я, как до сих пор служил Восточной Церкви трудом и именем своим в размножении священных книг и в прочих благочестивых вещах,

так и до конца всеми моими силами на пользу братьев моих служить обещаю.»

Неожиданным оказалось выступление владыки львовского. Чистович пишет: «В то время, когда эти два отщепенца (Терлецкий и Поцей) так настойчиво вели дело унии, в расположении Гедеоны произошла важная и решительная перемена. Были-ль поводом к этому его честолюбие и независимость характера, или побуждения более высокого порядка, но он отделился от вожаков унии, и это имело громадные последствия для православной церкви, примиряющая с его памятью. Как только он стал на этот путь, то первую заботу его было примириться с братством. К чести его, он первый подал руку, и соглашение состоялось при содействии князя Острожского». Он внес 1 июля в городские книги протест против унии и заявил, что Терлецкий предательски воспользовался бланкетами, которые он, вместе с другими епископами, дал для внесения жалобы к королю на претерпеваемые ими притеснения, а тот написал на этих бланках постановления, противные вере, правам и вольностям русских людей.

Против унии выступило львовское братство, его поддержало виленское. Учитель братской школы Стефан Зизаний, перешедший из Львова в Вильну, изобличал епископов-предателей и унию. Летописец писал: «Великую войну вел с Римлянами Зизаний не только на ратушах и при рынке по дорогам, но и посредине церкви святой». Виленские жители считали единственным выходом созыв православного собора, на котором миряне съехались бы с епископами. Они просили кн. Острожского возбудить ходатайство об этом перед королем. Последний же отдал пограничным старостам приказ не пропускать в Литву патриарших послов. В тот же день – 28 июня 1595 г. – Сигизмунд написал к кн. Острожскому, увещевая его не препятствовать делу унии, колеблющемуся же митрополиту Михаилу послал похвальную поощрительную грамоту, убеждая его не оглядываться ни на что, не опасаясь угроз ни от кого, и доводить до конца свое предприятие. Вслед затем король выдал грамоту, в которой обезпечивал митрополита и епископов

униатов от проклятий патриаршеских и утверждал за ними те права, которые имело и латинское духовенство. Обещал король выдать универсалы и мандаты против всех, кто будет противиться унии.

Лукавил Поцей, просивший 23 авг. кн. Острожского уговорить короля послать их в Рим только после собора. Отрицался от намерения поддаться римской церкви митр. Михаил, писавший об этом 19 авг. Скумину. Митрополит еще 1 сент. объявлял в окружном послании духовенству, что не мыслил и не хочет мыслить об отступлении от своего исповедания, о презрении рукоположения патриаршего. Он писал: «Стойте твердо при своей Восточной Церкви, не позволяйте себе колебаться как тростинка ветром бурливым, а я обещаю при ваших милостях до смерти своей стоять». Сигизмунд же 24 сент. объявил всенародно о соединении Церкви Восточной с Западной и выражал желание, чтобы все, отвергавшие прежде унию, последовали за своими пастырями. Объявил он и об отправлении русских епископов в Рим.

Соловьев пишет: «Эти епископы, Терлецкий и Потей, выехали из Кракова в конце сентября и приехали в Рим в ноябре. На третий день они приняты были папою Климентом VIII в частной аудиенции, и подали письмо от короля и некоторых сенаторов. «Папа – так писали они сами – принял нас, как ласковый отец деток своих, с несказанною любовью и милостию. Мы живем недалеко от замка его святости, во дворце, искусно украшенном обоями и снабженном всем нужным. Съестные припасы отпускаются нам, по милости папы, в изобилии; мы жили шесть недель в Риме, но его святость все еще не хотел дать нам торжественной аудиенции, говоря: «Отдохните хорошенько после дороги». Наконец, вследствие наших настоятельных просьб, нам назначена была аудиенция 23 декабря, в большой зале, называемой Константиновою, в которой папа принимает наивысших духовных особ. Здесь его святость изволил заседать во всем своем святительском маестате и при нем весь сенат, кардиналы, арцибискупы и бискупы; особо сидели послы Французского короля и других государей; по обеим сторонам залы сидели высшие сановники,

сенаторы и великое множество панов духовных, князей римских и шляхты. Когда мы были введены в это собрание, то, поцеловав ноги его святости, отдали епископскую грамоту». Папа, по прочтении ему перевода грамоты, изъявил благодарность за воссоединение и, по словам Поцея, «обещал нам сохранить все наши церковные обряды неприкосновенными и утвердить их на веки».

21 января 1596 г. папа утвердил особую «конституцию», которая гласила: «Мы, настоящим нашим постановлением принимаем досточтимых братьев, Михаила архиепископа-митрополита и проч. епископов русских со всем их клиром и народом русским, живущим во владениях польского короля, в лоно католической церкви, как наших членов во Христе. И во свидетельство такой любви к ним, по апостольскому благоволению, дозволяем им и разрешаем все священные обряды и церемонии, какие употребляют они при совершении божественных служб и святейшей литургии, также при совершении прочих таинств и других священнодействий, *если только эти обряды не противоречат истине и учению католической три и не препятствуют общению с римской церковью*, – позволяем и разрешаем, несмотря ни на какие другие противоположные постановления и распоряжения апостольского престола».

А. В. Карташев, приводя этот документ в труде своем «Очерки по Истории Русской Церкви», отмечает, что из подчеркнутых мест этого и других документов, относящихся к тогдашнему признанию папской власти прибывшими в Рим православными иерархами вытекает обязательство их подчиниться доктринальной чистке и в догматической и в обрядовой областях. «Вопрос лишь в тактике, наступит ли чистка резко вызывающе, или будет отсрочена. Делегаты русского епископата подчинились этой программе принципиальной латинизации вопреки обещаниям и обязательствам пред своими наивными собратиями епископами, оставшимися на местах».

Далее Карташев пишет: «Таким образом путь секретов и обмана народа доведен был до конца. *Тайные* делегаты

тайной унии *тайно* от всех приняли не только Флорентийскую унию, но и Тридентскую веру, т. е. полную римо-католическую веру. Принципиально изменили своей вере, перешли *догматически* в латинство. У себя в Литве пропагандно вдалбливалось в сознание народа, что вся старая вера и все обряды сохранены полностью и лишь добавлено к ним одно признание главенства папы. Так унию в субъективной неосознанности и приняли первые и последующие поколения народа, обращенного в униатов. Надо поставить в заслугу нашему историку, митр. Макарию, что он извлек из архивных материалов и привел в систему ту связь событий, которая для любого безпристрастного читателя вскрывает во всем этом процессе удавшееся в довольно широком размере вовлечение народной массы в процесс романизации и латинизации – »."Но в то время», пишет Соловьев, «как Потей и Терлецкий целовали ноги у папы и в Риме торжествовали воссоединение Русской Церкви, выбивая медаль с надписью Ruthenis receptis, – в это время виленское белое духовенство писало Скумину: «Так как люди православия греческого уразумели, что митрополит и епископы подкапывают нашу веру и в неволю ее отдают без ведома своих старших и нас меньших, всего духовенства, без ведома нас, наших милостивых панов, и всех православных христиан, сами вчетвером или впятером все дело делают, то мы, все духовенство Греческого православия, протестовали перед Богом и всем народом христианским, что мы о таком отступлении от своих старших патриархов не мыслили, не знали и не соглашались на него». В начале 1596 года депутаты православного дворянства, получившие указания на провинциальных сеймиках, и кн. Острожский объявили королю, сенату и всему сейму, что не будут признавать власти униатских епископов. 29 мая король издал манифест православным. Сообщив о своем желании «чтобы подданные наши Греческой веры приведены были в первоначальное и древнее единство со вселенскою Римскою Церковью, под послушание одному духовному пастырю», король объявил: «Епископы не привезли из Рима ничего нового и спасению вашему противного, никаких перемен в ваших древних церковных обрядах: все догматы и

обряды вашей Православной Церкви сохранены неприкосновенно, согласно с постановлениями Святых Апостольских Соборов и с древним учением Святых Отцов Греческих, которых имена вы славите и праздники празднуете». В том же манифесте Сигизмунд приказывал митрополиту Михаилу созвать собор в Бресте, на котором Поцей и Терлецкий должны были рассказать о своей поездке в Рим. Присутствовать на соборе дозволялось только католикам и православным.

Виленское братство открыто вело борьбу против готовившейся унии. Стефан Зизаний в 1596 г. издал Слово (казанье) Св. Кирилла, патриарха Иерусалимского об антихристе; из этого сочинения выходило, что время антихристово есть время унии. Король велел митрополиту судить братчиков, как нарушителей его воли и изгнать их из Троицкого монастыря. После ответа митр. Михаила об анафематствовании им Стефана Зизания и двух священников, последовало распоряжение Сигизмунда об их аресте. Братчики подали жалобу в виленский трибунальский суд, который признал права православных. Тогда король отнял у Братства свой привилей, изгнав из монастыря Стефана и его сподвижников.

Брестский Собор. Насильственное насаждение унии

В октябре 1596 г. начался съезд в Брест участников Собора. Наряду с верными православию иерархами, духовенством прибыли дворяне, выбранные на провинциальных сеймиках и мещане, представители магистратов. Прибыли и сторонники унии. Брестские протестанты открыто высказывали свое сочувствие православным.

Главными представителями православных были патриарший экзарх архидиакон Никифор, протосинкел вселенского патриарха, состоявший, во время поездки Иеремии в Москву, местоблюстителем патриаршего престола; протосинкел александрийского патриарха Мелетия Кирилл Лукарис (Лукарь); епископы Гедеон Балабан львовский, Михаил Копыстенский перемышльский, Лука митрополит белгородский из Славонии. Прибыло множество архимандритов и протоиереев. Князь К. К. Острожский с сыном и светская знать были с православными. Церкви Бреста по приказу властей были заперты для православных. Последним 6 октября пришлось собраться в доме протестанта пана Райского. В зале, представлявшем молельню, положены были на аналое крест и Евангелие. Православные предполагали, что они будут приглашены митрополитом на собор.

Митрополит Михаил Рагоза собрался с пятью епископами, признавшими уже унию. Главную роль среди них играли Кирилл и Ипатий. 6 октября они служили в кафедральном Николаевском соборе Бреста и там открыли собор. В Брест прибыли видные католики: три бискупа, иезуит Петр Скарга, светские вельможи – Николай Христоф Радзивил, воевода Троцкий, Лев Сапега, канцлер литовский, и Димитрий Халецкий, подскарбий.

Соловьев так излагает то, что происходило на соборе православных: «После обычных молитв, владыка Львовский, Гедеон Балабан³²), первый начал речь на Русском языке; иеродиакон Киприян тут же переводил ее на Греческий язык. Гедеон говорил, что он и все собравшиеся хотят стоять и

помирать за Восточную веру, и, по их мнению, митрополит со своими владыками поступил незаконно, отрекшись от повиновения патриарху. Положено было послать за митрополитом и униатскими епископами; но те не явились; Рагоза отвечал, что подумает с католическими епископами и потом придет на собор; собор ждал его до вечера – и не дождался. На другой день опять послали звать митрополита с товарищами и получили ответ: «Напрасно нас ждете, – мы к вам не придем». На третий день третье посольство, на которое получен ответ: «Что сделано, то сделано; хорошо ли, дурно ли мы сделали, поддавшись Римской церкви, только теперь уже переделать этого нельзя». Тогда, на вопрос экзарха: когда и как Рагоза с товарищами начал хлопотать об унии, Киево-Печерский архимандрит Никифор Тур отвечал: «Патриарх Иеремия, узнавши о беззакониях Рагозы, отлучил его от Церкви, грозя, если не исправится, конечным низложением; он и задумал отступить и отступил». Обратились к мирским людям, сравнили наказы, данные послам от всех областей, – везде нашли одно требование: не отступать от Восточной Церкви. В это время дали знать, что в том же доме, в небольшой комнате, Скарга истощает свое красноречие, чтобы убедить князя Острожского и сына в правде унии; экзарх Никифор сказал: «Пусть Скарга придет на собор и спорит с людьми учеными; зачем в углу старается убеждать людей в богословии несведущих». Но Скарга не пришел на собор. На четвертый день, 9 октября, выдан был декрет соборный: митрополит и владыки Владимирский, Луцкий, Полоцкий, Холмский и Пинский лишаются архиерейского сана, потому что без ведома своего старшего задумали соединение церквей, которое может быть решено не пятью или десятью владыками, а вселенским собором; потом означенные митрополит и епископы, будучи позваны на собор к ответу, не явились и ответа не дали. В тот же день митрополит с епископами униатами выдал декрет о лишении сана и проклятии епископов и сообщников их, отвергших унию».

Дополним это повествование некоторыми данными. Экзарх Никифор имел письменные полномочия от

константинопольского патриарха председательствовать на местных соборах. Вследствие этого он и председательствовал на православном Брестском соборе. Соблюдая каноны, собор трижды приглашал митрополита прибыть на заседание. Первые два посольства к нему состояли из шести лиц, третье из девяти. Заседание 8 окт. прерывалось приходом послов от короля, в составе которых был Скарга. Кн. Острожский с сыном приняли их в отдельной комнате, присутствовали епископы Гедеон и Михаил, и депутаты от духовенства и мирян, по четыре от каждого «коло». Православные выслушали упреки и обвинения, не вступая в споры и заявив, что все будет доложено собору. Снято было собором запрещение, наложенное митрополитом на Стефана Зизания и священников Василия и Герасима.

Униаты последний раз заседали 9 октября. В храме св. Николая епископ полоцкий Герман прочел декларацию унии «всем на вечную память». Затем, вместе с католическими епископами, совершено было богослужение в костеле. Там же было провозглашено отлучение на епископов Гедеона и Михаила, на девять архимандритов, в их числе Никифора Тура, шестнадцать протопопов и на все духовенство, не принявшее унии. К королю обращена была просьба назначить духовных лиц, на места занятые отлученными.

Польские власти стремились арестовать патриарших экзархов. Кириллу Лукарису удалось скрыться. Никифор был схвачен и обвинен в шпионаже в пользу Турции и Москвы. Сенат судил его. Он был заключен в Мариенбургскую крепость, где и скончался, пострадав за веру.

Соловьев подводит итоги происшедшему: «Так совершилась уния, или, лучше сказать, разделение Западно-Русской Церкви – на православную и униатскую. Так как православные, отвергнув унию, прямо поступили против воли правительства, покровительствующего последней, то этим, разумеется, еще более ухудшили положение своей Церкви. Тяжелое положение продолжалось и тогда, когда правительство начало выслушивать жалобы православных и давать постановления в их пользу, ибо, при возбужденном фанатизме, при безнарядьи и своеволии, частные люди, особенно люди

сильные, мало обращали внимания на решение правительства; всего более должно было терпеть за православие сельское народонаселение, находившееся во власти панов католиков или, что еще хуже, отступивших от православия. Но это тяжкое положение, борьба с господствующею Церковью, борьба с врагом, сильным не одними материальными средствами, возбудили нравственные силы Западно-Русского народонаселения. Противники действовали пером, писали против православия; православным нужно было защищаться, отвечать им уже и для того, чтоб удержать своих при решении не отступать от Восточной Церкви; чтоб защищаться успешно и чтоб иметь средства назидать своих и отвратить от себя вражий упрек в недостатке просвещения, надобно было умножать и улучшать школы, поднимать народную нравственность».

Сильный обличительный голос последовал с Афона от инока *Иоанна Вишенского*. Он ярко и грозно писал о положении в Земле Польской, обличал иерархов-отступников. Князю Острожскому и всем православным христианам он писал: «Потому дьявол против Славянского языка борьбу такую ведет, что язык этот плодоноснейший из всех языков и Богу любимейший, потому что без поганских хитростей и руководств, каковы: грамматика, риторика, диалектика и прочия коварства тщеславные дьявольские, простым прилежным чтением, безо всякого ухищрения к Богу приводит, простоту и смирение зиждет и Духа Святого подымлет, в злоковарну же душу не внидет премудрость. Латинская злоковарная душа, ослепленная и насыщенная поганскими тщеславными и гордыми догматами, Божия премудрости, разума духовного, смирения, простоты и беззлобия вместить никак не может».

В 1597 г. Скарга издал описание Брестского собора с латинской точки зрения на русском и польском языках. Православные одновременно издали. "*Эктезис*, альбо короткое собрание справ, которые ся деяли на поместном берестейском соборе». В опровержение сочинения Скарги православные напечатали «*Апокризис*, альбо отповедь на книжки о соборе берестейском», один из замечательнейших памятников в историко-полемиической литературе того времени. Автором

признается протестант Христофор Бронский, написавший его по поручению кн. Острожского, под псевдонимом Христофора Филалета. В нем, отвергая доводы Скарги, он доказывает право действительного участия мирян в делах Церкви. Иезуиты ответили, изощряясь в грубой брани. Автором их книги, названной «*Антиррисис*», был грек с о. Корфу, Петр Аркудий, привезенный Поцеєм из Рима, как начитанный в церковной письменности. Потом он сделал его архимандритом двух монастырей. По смерти Поцея Петр работал в ватиканской библиотеке. В 1605 г. во Львове издано православным священником, участником собора, обстоятельное изложение подготовки и проведения унии под названием «*Перестрога*» (предостережение). Автор скрыл свое имя, объяснив так: «кто против вас пишет, и не смеет жаден имени своего в книжках написать, абы его не поткала беда, яко Стефана попа, которого в Луцкой реке утоплено, иж против вас стояти обещался и поведался». Патриарх александрийский и константинопольский Мелетий Пигас своими посланиями утверждал православных в стоянии за веру.

Навязанная народу уния явилась великим бедствием и испытанием для православной западно-русской Церкви. Как некогда христиан в языческом Риме, указ фанатичного католика, Сигизмунда, ставил православное население в положение преступников за приверженность к отеческой вере. Его насильно загоняли в чужую веру. Униатские епископы выгоняли православных священников из приходов и ставили на их места униатов. Правительство теснило даже сильного князя Острожского, насчитывая на него недоимки по сборам. У православных отбирали храмы, священники подвергались насилиям, заключались в тюрьмы. Униаты овладели *Софиевским собором в Киеве*. Печерский мон. едва отстоял свою самостоятельность силой. Добились этого крепкие архимандриты его, *Никифор Тур* († 1559) и преемник его *Елисей Плетенецкий*, поддержанные потом дворянством киевским. Не дались в руки униатов киевские монастыри: Михайловский, Никольский, Кирилловский, Межигорский. Но достигалось это ценой величайших напряжений и опасностей. В городах

православных не допускали до городских должностей, стесняли в ремеслах и торговле. Тем хуже жилось им в деревнях, где и раньше, по отзывам иностранцев, паны жили, как в раю, а их хлопы, как в чистилище. Теперь для фанатичного пана открывалась возможность считать чуть ли не богоугодным делом преследование хлопа за «схизму». Такие помещики передавали храмы униатам или отдавали в аренду евреям. И тогда ключи от церкви хранились у такого арендатора, который заинтересован был взимать деньги за всякую церковную службу или требу. И кто не издевался тогда над этою «хлопскою» верою: и эти арендаторы, и школяры из иезуитских collegий, во имя ревности громившие православные церкви, часовни и школы, и возвращавшиеся из разоренной ими России сподвижники Сапеги и Лисовского. И защиты искать было не у кого, ибо сила и власть была у упорных врагов Православия.

Для противодействия католичеству православные решили соединиться с протестантами. И. Чистович дает следующие сведения о состоявшемся в 1599 г. в Вильне общем их съезде для заключения союза обороны против иезуитов: «Со стороны православных на съезде были, прибывшие с князем Острожским, митрополит белградский Лука (присутствовавший на брестском соборе 1596 г.), дубненский архимандрит Исаак и архидиакон того же монастыря Гедеон. Со стороны протестантов были: представитель гусситов – Турновский, реформатов – Николаевский, лютеран – Эразм Глицнер. 14-го (24-го) мая совещания открыл князь Острожский. После длинных речей и многих рассуждений, съезд не пришел ни к чему, так как православные заявили, что не могут заключить соединения с протестантами без согласия и полномочия константинопольского патриарха. На втором заседании 18-го (28-го) мая постановлен *акт конфедерации*, или *политического* союза протестантов с православными, которым дворянство Западной России православного и протестантского исповедания обязывалось: «сохранять мир между собою и предупреждать, чтобы за различия в вере и отличия в церкви и в подчинении кровь жителей сих областей не была проливаема и никто конфискациею имений, лишением чести, узами и изгнанием не

был наказываем». Для достижения этой цели из среды сенаторов и панов избрано 119 провизоров или попечителей, которые обязаны были наблюдать за происками иезуитов и униатов и стараться на сеймах и сеймиках и в других народных управах у панов республики и пред королем, чтобы прошедшие оскорбления диссидентов были умягчены, наглости укрощены наказанием и впредь были удержаны, и чтобы никто не терпел стеснения, обиды, оскорбления и отягощения за веру. В тоже время положено было отправить коллективные прошения к патриархам о религиозном союзе протестантов с православными. Цареградский патриарх Мелетий (Пигас) послал ответ чрез своего экзарха Кирилла Лукариса; но Кирилл, возвратившись в Литву, не отдал этого ответа протестантам, опасаясь огорчить короля и панов, а может быть опасаясь участи экзарха Никифора. Таким образом религиозная уния не состоялась, а политическая не принесла никаких плодов.

«Не излишне сказать здесь, что союз, соединивший православных и протестантов в борьбе с латинянами, не нравился многим православным. Князь Курбский укорял «начальников христианских» тем, что они «подобных драконов за оборонителей и помощников себе внимают, церковь Божию обороняти им рассказуют и книги сопротив полуверных латинов писати им повелевают». Такую же укоризну высказывал острожский священник Василий по поводу того, что «еретикове заслоною суть вере здешних христиан от зловерных» (римлян). Тем не менее, западно-русские православные не чуждались этого союза в борьбе против общего врага. Но совсем иное дело, когда этот вопрос перенесен был на почву церковно-догматическую. Известно, что сами протестантские богословы в последней половине XVI века не один раз обращались к православному константинопольскому патриарху, прося его рассмотреть и утвердить члены аугсбургского исповедания, составленного в 1530 году и принятого лютеранами в качестве основы их учения: но патриарх всякий раз отвергал их желание».

Первый униатский митрополит *Михаил Рагоза*, бездеятельный, плывший по течению, умер в 1599 г. Преемником его стал Владимирский епископ *Ипатий Поцей*, гордый, властолюбивый, увлекающийся. Вскоре после своего назначения он писал Слуцкому духовенству: «Помните, – я вам не Рагоза». Гонения против православных усилились. Заняв митрополичью кафедру, Поцей завел нескончаемую борьбу с духовенством и братствами, не гнушаясь никакими средствами, в роде доносов, клеветы, грубых насилий и пр. Троицкий монастырь виленского братства он отдал униатам, которые немедленно завели при нем свое братство. Хорошо, что православным, при посредстве двух знатных дворянок из фамилии Воловичей, жен областных воевод, удалось выстроить на их усадебном месте церковь во имя *Святого Духа*, при которой и создано новое братство. Поцей воздвиг борьбу и против *Свято-Духовского братства*. Но последнее поддерживали князья Огинские и другие дворяне. Особенно ревностную просветительную и монашескую деятельность развивал *Леонтий Карпович*, благочестивый и просвещенный, который в сане иеромонаха, перенес большие скорби за поднятие значения Свято-Духовской церкви. Два года его продержали в оковах. Позднее, будучи архимандритом, он прославился своими проповедями. Поцей вызвал такое раздражение, что в Вильне дошло до покушения на его жизнь, кончившегося тем, что он лишился двух пальцев на руке. Преступника – панского гайдука – казнили, а православные горожане Вильны подверглись еще большим преследованиям.

Несмотря на все гонения против православных, последние держались крепко. Уния плохо поднималась. Униаты влачили жалкую жизнь какими-то межеумками, презираемые и православными и католиками. Вера их в глазах поляков продолжала считаться «хлопской». Паны и шляхта, когда они изменяли вере, стыдились унии и становились просто католиками. Правительство, поддерживая униатов против православных, не ценило унию саму по себе. Сенаторских мест униатская иерархия так и не получила и оставалась, сравнительно с католической, в постоянном, обидном для нея

принижении. Риму и Польше уния была нужна только в качестве переходной ступени к настоящему католичеству. Так мыслили и Терлецкий с Поцеем. Последний, став митрополитом, всячески старался об удалении унии от Православия и преобразования ее в чистое латинство. В книжке своей «Гармония» Поцей осуждал православие и хвалил латинство. Им внушалась униатам мысль, что нечего задерживаться на дурной позиции и нужно скорее переходить в латинство. В богослужение стали постепенно вводиться чисто католические обряды.

Белое духовенство, более близкое к народу, чем иерархия и духовенство монашествующее, сохраняло свою приверженность к слабым остаткам православного элемента в унии, что не соответствовало видам Поцея. Поэтому он постарался выдвинуть на первый план *униатское монашество*, преобразовав его по образцу монашеских латинских орденов, с привлечением туда настоящих католиков.

Православные заявляли свои протесты против изменников-пастырей, собирались на съезды для совещаний об охране православной церкви, подавали жалобы королю, протестовали на сеймах, но безуспешно. В 1607 году на съезде под Сендомиром дворянство постановило просить короля, чтобы уния была уничтожена, чтобы митрополит и епископы, принявшие унию, были лишены должностей и чтобы на будущее время иерархические должности и церковные имения раздаваемы были только лицам православного исповедания. Король обещал православным свободу исповедания, но униатские епископы сохранили свои должности. В конституцию варшавского сейма 1607 года внесена была даже особая статья «*ф религии греческой*». Король обещался не нарушать прав русского народа в отношении к вере и не запрещать ему свободного отправления церковных обрядов: но постановление это осталось мертвою буквою. После того дворянство посылало почти на каждый сейм просьбы о защите веры православной: но просьбы и жалобы его оставлялись без внимания (Чистович).

Преобразование монашества началось с отнятого у виленского братства Троицкого мон. Главным пособником Поцея был его наместник иезуит *Иосиф Велямин Рутский*. Сын

московского воеводы Вельяминова, передавшегося Литве после сражения при Уле в 1568 году, он увлекся господствовавшим тогда в Литве стремлением к нововерию и стал кальвинистом. Но иезуиты возвратили его в латинство и, заметив в нем большие способности, отправили его в Рим для образования. В Риме убедили его, после окончания курса в греческой коллегии, сделаться униатом, чтобы чрез него действовать на соотечественников его в Литве. В 1605 г. Рутский прибыл в Вильну. Митрополит Поцей весьма охотно принял юного борца унии, постриг его в монашество и, надеясь иметь в нем ревностного помощника себе, назначил его в 1608 г. своим наместником, с подчинением ему всего духовенства митрополичьей епархии, а затем поставил архимандритом Троицкого монастыря. Рутский усердно помогал митрополиту в упрочении унии, заведывал виленской униатской школой и троицким братством и обнимал быстрым и широким взглядом положение дел во всей униатской церкви (Чистович).

Для преобразования монашества Рутский призвал на помощь *кармелитских монахов и иезуитов*. Устав монашества объявлен был основанным на правилах *св. Василия Великого*, на самом же деле был сколком латинских орденов. К этому уставу примкнули другие униатские монастыри и образовался новый монашеский орден *базилианский*, сделавший очень много для окатоличения унии. Главой ордена назначен был прото-архимандрит Рутский с званием генерала. Орден не подчинялся епархиальным архиереям и был подчинен особому прокуратору в Риме. Орден должен был, по мысли его создателей, сделаться средоточием униатского образования и рассадником всех униатских властей. Ипатий Поцей не дожился до осуществления этой задачи. Он умер в 1613 г. Но его планы наследовал *Иосиф Велямин Рутский*, управлявший после него митрополией 24 года. Последний обогатил и расширил орден. Созданы были Базилианские школы. Под влиянием их воспитанников уния все более уклонялась к католичеству не только в учении, но и в обрядности.

Наибольшие беды терпели от злобствующих униатов, поддерживавшихся Сигизмундом, православные в Северо-

Западном крае Руси и в Литве. Не легко было и на Волыни. Конституция Речи Посполитой все же разрешала заявлять устно и письменно о стеснениях на генеральных сеймах. Этим пользовались православные. В 1620 г. на сейме яркую речь произнес волынский депутат – «посол» *Лаврентий Древинский*.

«В войне Турецкой ваше королевское величество едва ли не большую часть ратных людей потребуете от народа Русского Греческой веры, того народа, который если не будет удовлетворен в своих нуждах и просьбах, то может ли поставить грудь свою оплотом державы вашей? Как может он стараться о доставлении отечеству вечного мира, когда дома не имеет внутреннего спокойствия? Каждый видит ясно, какие великие притеснения терпит этот древний Русский народ относительно своей веры. Уже в больших городах церкви запечатаны, имения церковные расхищены, в монастырях нет монахов, – там скот запирают; дети без крещения умирают; тела умерших без церковного обряда из городов, как падаль, вывозят; мужья с женами живут без брачного благословения; народ умирает без исповеди, без приобщения. Неужели это не самому Богу обида, и неужели Бог не будет за это мстителем? Не говоря о других городах, скажу, что во Львове делается: кто не униат, тот в городе жить, торговать и в ремесленные цехи принят быть не может; мертвое тело погребать, к больному с тайнами Христовыми открыто идти нельзя. В Вильне, когда хотят погребсти тело благочестивого русского, то должны вывозить его в те ворота, в которые одну нечистоту городскую вывозят. Монахов православных ловят на вольной дороге, бьют и в тюрьмы сажают. В чины гражданские людей достойных и ученых не производят потому только, что не униаты; простаками и невежами, из которых иной не знает, что такое правосудие, места наполняют в поношение стране Русской. Деньги у невинных православных безо всякой причины исторгают. Главная причина зла заключается в том, что ваше королевское величество изволите назначать на высшие саны духовные людей, не зная их происхождения. Кто не знает, что теперь епископом Полоцким – сын сапожника, сделавший себе шляхетскую фамилию *Кунцевич*? Перемышльский владыка

Шишка – сын пастуха, и теперь родной его дядя в холопах у Киевского воеводы. И Владимирский владыка сын львовской мещанки Стецковой. Холмской владыка Покость – сын Виленского купца, обвиненный в покраже сукна, так-что еслиб не спас его монашеский клобук то давно был бы на виселице. Такая-то польза от унии, что в двадцать лет не могут униаты доставить кого-нибудь из природного шляхетства в епископы! Вот и теперь дали нам в Луцк Почановского, правда, шляхтича, но по летам недостойного не только епископского, даже и дьяконского сана: не можем называть его отцом, потому-что и двадцати лет ему нет. Все это неустройство происходит оттого, что принимают посвящение не от законного пастыря; отступили они от патриарха Константинопольского, которому искони в этом государстве духовная власть принадлежала. Уже двадцать лет на каждом сеймике, на каждом сейме, горькими слезами молим, но вымолить не можем, чтоб оставили нас при правах и вольностях наших. Если и теперь желание наше не исполнится, то будем принуждены с пророком возопить: «Суди ми, Боже, и рассуди прю мою!»

В Вильне опорой православных был *Свято-Духовский монастырь*. Архимандритом его в 1614 г. был избран *Леонтий Карпович*. Он, будучи еще светским, ревностно действовал в пользу Церкви и перенес большия страдания в темнице и в оковах. Став настоятелем обители он оказался вождем единоверцев. Красноречивые проповеди его и убедительные поучения приобрели ему всеобщее уважение. При нем в обитель вступил *Мелетий Смотрицкий*. Отец последнего, Еразм или Герасим, бывший военный, весьма образованный, назначен был кн. Острожским начальником Острожской школы и принимал участие в издании Библии. Мелетий получил хорошее образование. К сожалению он учился в латинской Виленской академии, и католическая отравка глубоко гнездилась в нем. Но ко времени сотрудничества с Карповичем он выявил себя защитником православия. В 1610 г. он издал под именем Феофила Ортолога «Фринос или плач вселенской апостольской Церкви», с изложением догматов веры. Живое и увлекательное сочинение принято было с восторгом православными. Он

описывал бедственное состояние зап.-русской Церкви, обвинял униатских епископов и увещевал их вернуться в лоно истинной Церкви. Скарга в том же году издал против него «Перестрогу», а в 1612 г. униатский ученый Илья Мороховский «Паригорию» или утолнение ламенту церкви восточной. Кроме того униаты обвинили Смотрицкого в государственной измене. Король приказал сжечь «подозрительные» для поляков книги, которые были бы обнаружены в свято-духовской типографии, типографщиков посадил в тюрьму. Покупка и продажа «Плача» (Ламента) была воспрещена под угрозой крупной денежной пени.

Когда Рутский стал униатским митрополитом, то архимандритом Троицкого монастыря назначен был *Иоасафат Кунцевич*, о котором говорилось в слове Древинского. Мало образованный, он, под влиянием иезуитов, сделался ярким фанатиком. Кунцевич, которого считали аскетом, сильно действовал на массы. В Вильне в унию обращены были многие. Смотрицкий вступил с ним в борьбу. Им в 1620 г. издано было «Оправдание невинности», и опровержение мнений, унижающих русский народ, в которой доказывалась каноничность поставления православных епископов. Смотрицкий в книге этой проявил некоторое скольжение в сторону католицизма, не возражая против соединения церквей и осуждая только унию. Униатские троицкие монахи, возражая ему в сочинении «Двойная вина», отметили его давнишнюю преданность римской церкви. Полемика продолжалась и дальше.

В 1618 г. Кунцевич, вступив в управление Полоцкой епархией, принялся особенно преследовать православных в Могилеве, Орше и Полоцке. Он отнимал церкви и монастыри. Посвященный в епископы полоцкие Смотрицкий рассылал «универсалы», объявляя Кунцевича смещенным. Кунцевич обратился к литовскому канцлеру Льву Сапеге, упрекая его в отсутствии должной помощи униатам и настаивая на принятии мер против православных.

Замечателен ответ ему 12 марта 1622 г. Сапеге. Приводим его в извлечениях: «Бесспорно, что я сам хлопотал об униии и покинуть ее было бы неблагоприятно; но мне никогда на мысль

не приходило, чтоб вы решились приводить к ней такими насильственными средствами. Уличают вас жалобы, поданные на вас и в Польше и в Литве. Разве не известен вам ропот глупого народа, его речи, что он лучше хочет быть в турецком подданстве, нежели терпеть такое притеснение своей вере? По словам вашим, только некоторые монахи епархии Борецкого (нового православного Киевского митрополита) и Смотрицкого и несколько киевской шляхты противятся унии; но просьба королю подала от войска Запорожского, чтоб Борецкого и Смотрицкого в их епархиях утвердить, а вас и товарищей ваших свергнуть; и на сеймах мало ли у нас жалоб от всей Украины и от всей Руси, а не от нескольких только чернецов! Поступки ваши, проистекающие более из тщеславия и частной ненависти, нежели из любви к ближнему, обнаруженные в противность священной воле и даже запрещению республики, произвели те опасные искры, которые угрожают всем нам или очень опасным, или даже всеистребительным пожаром. От повиновения казаков больше государству пользы, чем от вашей унии, почему и должны вы соображаться с волею короля и с намерениями государственными, зная, что власть ваша ограничена и что покушение ваше на то, что противно спокойствию и пользе общественной, может по справедливости почестся оскорблением величества. Если бы вы посмели сделать что-нибудь подобное в Риме или Венеции, то вас бы научили там, какое надобно иметь уважение к государству... Что касается до опасности жизни вашей, то каждый сам причиною беды своей: надобно пользоваться обстоятельствами, а не предаваться безрассудному своему стремлению ... Прочтите жития всех благочестивых епископов: не сыщете в них ни жалоб, ни объявлений, ни исков, ни судебных свидетельств. А у вас суды, магистраты, трибуналы, ратуши, канцелярии наполнены позвами, тяжбами, доносами; но этим не только не утвердится уния, но последний в обществе союз любви расторгается ...

»... Вы требуете, чтобы непринимающих унию изгнать из государства: да спасет Бог наше отечество от такого величайшего беззакония! Давно в этих областях водворилась святая Римско-католическая вера, а пока не имела она

подражательницы благочестия и повиновения св. отцу, до тех пор славилась миролюбием и могуществом как внутри, так и вне государства; то теперь, приняв в сообщество сварливую и безпокойную подругу, терпит по ее причине, на каждом сейме, в каждом собрании многочисленные раздоры и порицания. Кажется, лучше и полезнее было бы для общества разорвать с этою неугомонною союзницею, ибо мы никогда в отечестве своем не имели таких раздоров, какие родила нам эта благовидная уния. Христос не печатал и не запирает церквей, как вы это делаете ... Король приказывает церковь их в Могилеве распечатать и отпереть, о чем я, по его приказанию, к вам пишу, и если вы этого не исполните, то я сам велю ее распечатать и им отдать; Жидам и Татарам не запрещается в областях королевских иметь свои синагоги и мечети, а вы печатаете христианские церкви! Вы говорите: «Справедливо ли будет оказывать такое снисхождение для неизвестного будущего спокойствия!» Отвечаю: не только справедливо, но и нужно, потому что неминуемо родится в обществе неустройство, если будем делать им еще большия притеснения в вере. Уже гремят везде слухи, что они хотят навсегда разорвать с нами всякий союз. Что касается Полочан и других крамольников против вас, то, может статься, они и в самом деле таковы, но сами вы побудили к возмущениям. Новгород-Северский, Стародуб, Козелец и многие другие города уния от нас отторгнула: она главная виновница тому, что народ Московский от королевича устраняется, как это очевидно из русских писем, присланных к нашим вельможам, и потому не желаем, чтоб эта пагубная уния вконец нас разорила.» Письмо Сапеги не воздействовало на Кунцевича. В ноябре 1623 г., прибыв в Витебск, он изгнал православных из всех церквей, разгромил за городом шалаши, в которых они вынуждены были совершать богослужения. Вспыхнул бунт. На Кунцевича, лично руководившего погромом, напали с камнями и палками. Он был убит, тело его бросили в Двину. Взбудоражен был католический мир. 10 февр. 1624 г. папа Урбан VIII писал королю: «Враги наши не спят, день и ночь отец вражды плевелы сеет, дабы в вертограде церковном терние произрастало вместо пшеницы. Следует и нам с

неменьшим прилежанием исторгать ядовитые корни и обрезать безполезные ветви. Иначе все страны заглохнут, и те из них, которые должны быть раем Господним, станут рассадником ядовитых растений и пастбищами драконов. Как легко это может случиться в России, – научают настоящие бедствия. Непримируемый враг католической религии, ересь схизматическая, чудовище нечестивых догматов, вторгается в соседние провинции и, хитро прокравшись в совещания казацкие, вооружившись силами храбрейших воинов, осмеливается защищать дело сатаны и грозит гибелью православной истине. Восстань, о царь, знаменитый поражениями Турок и ненавистию нечестивых! прими оружие и щит и, если общее благо требует, мечем и огнем истребляй эту язву. Дошла до нас весть, что там устраивают схизматические братства, издаются новые законы против униатов; пусть королевская власть, долженствующая быть защитой веры, сдержит такое святотатственное буйство. Так как нечестие обыкновенно презирает угрозы, наказаниями невооруженные, то да постарается твое величество, чтоб лже-епископы русские, стремящиеся возбуждать волнения и господствовать в казацких кругах, достойное такого дерзкого поступка понесли наказание. Да испытает силу королевского гнева факел мятежа и вождь злодеев, патриарх Иерусалимский, и своим бедствием сдержит дерзость остальных. Хотя это и кажется делом трудным, однако чего не преодолет благочестие, покровительствуемое Небом и вооруженное королевскою властью? Известный Никифор Грек, который, сделавшись оруженосцем дьявола и знаменосцем мятежей, возбудил столько бурь против русских униатов, запертый наконец в вечную темницу, примером своим показал, что преступление не только отвратительно само по себе, но и губительно по своим следствиям. Если дерзость схизматическая часто будет видеть подобные примеры, то не так будет выситься и научиться бояться Господа отмщений. Вследствие этого, просим твое величество, защищай это дело всею своею ревностью и властью, и, прежде всего, позволь униатским епископам иметь свободный доступ ко дворцу и в советы королевские, и чтоб они ни в чем не были ниже остальных

епископов.» Папа так писал королю об убийстве Кунцевича: «Кто даст очам нашим источник слез, чтоб могли мы оплакать жестокость схизматиков и смерть Полоцкого архиепископа?... Где столь жестокое преступление вопиет о мщении, проклят человек, который удерживает меч свой от крови! Итак, могущественнейший король! Ты не должен удерживаться от меча и огня. Да почувствует ересь, что за преступлениями следуют наказания. При таких отвратительных преступлениях милосердие есть жестокость.» Следственная комиссия, под председательством Сапеги, приговорила к смерти двух бургомистров Витебска и 18 граждан города. Около ста человек, спасшихся бегством, были заочно приговорены к смерти. Город потерял свои привилегии. Две православные церкви были разрушены. Запрещено было повсюду строить и починять православные церкви. Рутский, извещая об этом кардинала Бандина, так оканчивал письмо: «Великий страх после этого напал на схизматиков; начали понимать, что когда сенаторы *хотят* приводить в исполнение приказы королевские, то не боятся могущества казацкого». Мелетий Смотрицкий убежал в Киев, оттуда уехал на православный Восток.

Папа Урбан VII и Рутский упоминали о казачестве. Единственными защитниками православия действительно оказывались *малороссийские казаки*. Они не раз восставали в защиту русской народности и православной веры. С трудом одолевая их, власти жестоко расправлялись с ними. В 1597 г. гетман Наливайко с тремя полковниками был сожжен в Варшаве, на площади в медном быке. В 1637 г. с Павлюка живого содрали кожу и пяти его сотрудникам отрубили голову. В 1638 г. изменнически был схвачен Острица и с 37 знатнейшими малороссиянами; они были казнены с жестокостью в Варшаве. Казаков поляки боялись. Вместе с тем, в них нуждались короли и вся Речь Посполитая.

В особенности нужны казаки были для войны с царем Михаилом Феодоровичем, когда ходили с королевичем Владиславом под самую Москву, а также во время войн с Турцией. Казаков в такие времена опасно было раздражать притеснением Малороссии за веру. За т. и. *реестровым*

казачеством (организованном) и составлявшим часть королевского войска, стояла грозная сила вольного степного казачества—*Запорожская Сечь*—, возраставшая со времени возникновения унии. И прежде угнетенные «хлопы» толпами убегали в степь в казаки, унося туда ненависть к польскому католическому панству. После унии противогосударственное вольное казачество получило новое и весьма высокое назначение – *стать под знамя веры и народности*.

Огромную пользу Церкви принес глубоко верующий гетман *Петр Конашевич-Сагайдачный* († 1622). Родом он был червонорусс из Самбора, получивший образование в острожском училище. Умный и доблестный, Сагайдачный был и человеком образованным. Он со своим войском верно служил королю и тот с ним считался. Киевское братство со своей школой нашло в нем крепкого заступника. В 1621 г. своею победою над турками под Хотинем, гетман спас Польшу, разгромленную перед тем турками и крымскими татарами. Тяжело раненый Сагайдачный просил короля не давать панам притеснять православный народ. Сигизмунд III обещал ему, но, после последовавшей вскоре смерти Сагайдачного, ничего не исполнил. Перед смертью гетман записал себя и *все войско запорожское* в киевское Богоявленское братство.

Братства в этой духовной борьбе за Православие оказали особенно важные заслуги. Несмотря на притеснения, братства продолжали умножаться. Кроме львовского и виленского, создались братства в Перемышле, Слуцке, Минске, Могилеве, Луцке и других местах. Они заводили школы и иногда типографии. В 1615 г. жена мозырского повитового маршала *Гальшка (Елисавета) Гулевичева* пожертвовала в Киеве место и несколько зданий для устройства нового братского монастыря со школой. В 1620 г. *гетман Сагайдачный* выстроил для братского монастыря *Богоявленскую церковь*. Первым настоятелем монастыря был *Исаия Копинский*, а первым ректором братской школы *Иов Борецкий*, ранее ректор львовской школы – оба в будущем митрополиты. В образовании школ преобладал тогда *греческий элемент*, принесенный сюда главными распространителями просвещения в южной России,

греками. Не было еще настоящей организации школьного дела, но образование в них стояло довольно высоко. Из них вышли многие видные деятели просвещения, богословы, проповедники, переводчики, исправители книг. Упомянем *Исаию Копинского, Леонтия Карповича, Мелетия Смотрицкого, Лаврентия Зизания Тустановского, Кирилла Транквиллиона, Памву Берында, Захария Копыстенского*. Кроме этих ученых мужей, из братских школ выходили все лучшие представители православной иерархии.

Церковь нашла себе также сильную духовную опору в своих *монастырях*. Борьба с унией повлияла на подъем нравственного уровня в обществе и иерархии и на оживлении монастырской жизни. Несмотря на отнятие многих обителей, число православных монастырей было все-таки больше числа униатских. Обители отличались многолюдством, что тоже разнило их от униатских. Возникли три монастыря, имевших потом большое значение для сохранения православия: на Волыни – Почаевский, в Вильне – Св. Духовский, в Киеве – Богоявленский. В 1599 г. *архимандритом Печерского мон.* поставлен был один из замечательнейших деятелей того времени, *Елисей Плетенецкий*. Он обновил обитель, упрочил ее самостоятельность против покушений униатов, восстановил в ней общежитие и поднял иноческую жизнь. Он собрал ученых людей, завел типографию, учредил институт проповедничества и устраивал школы. Скончался он в 1624 г., назначив себе преемником известного *Захария Копыстенского*. В Вильне таким благоустроителем монашества был *Леонтий Карпович* († 1620). Благодаря ему *Свято-Духовский мон.* стал средоточием Православия для Литвы, как Киевская Лавра для Малороссии. В Галиции и на Волыни оживителем иноческой жизни был *Иов Княгининский* († 1621), воспитанник острожской школы, долго подвизавшийся на Афоне. Он основал и устроил по общежительному уставу до 5 монастырей во львовской епархии. Святостию жизни и страданием от униатов на Волыни особенно известен преп. *Иов Железо* († 1651), игумен сначала Дубенского, потом Почаевского монастырей. Благодаря такому духовному подъему в среде монашества, произошел заметный

подъем и в среде самой иерархии. Среди них знаем *Исаию Копинского*, строгого аскета, устроителя нескольких монастырей, копавшего лично пещеры в бытность смоленским епископом, *Исаакие Борисковича*, долго жившего на Афоне, с 1620 г. епископа луцкого, и др. (Знаменский).

Самым опасным для Православия было оскудение ея иерархии. Один за другим умерли оба епископа, *Гедeon Балабан* (в 1607) и *Михаил Копыстенский* (в 1612), в последнее время едва успевавшие посвящать священников на праздные места. Перемышльской епархией, после кончины владыки Михаила, овладели униаты. Во всей западной Руси за посвящением приходилось обращаться с требами к одному львовскому епископу *Иеремии Тиссаровскому*, успевшему добиться кафедры притворной присягой унии. Такое положение продолжалось до 1620 г. Тогда, на обратном пути из Москвы, прибыл в Киев патриарх иерусалимский *Феофан*, имевший полномочия от константинопольского патриарха заняться устройством западно-русской Церкви. Малороссийские казаки приняли первосвященителя под свою охрану «и обточиша его стражею, яко пчелы матицу свою». Киевскому братству он дал право ставропигии, остальным благословенные грамоты. Патриарха просили поставить новых епископов. Он колебался сначала, опасаясь короля и ляхов. Но когда патриарха «взяли на рамена и опеку свою благочестивое войско и гетман Сагайдачный», то он согласился. Дабы придать крепость такому особенному восстановлению иерархии, к празднику Успения Пресвятыя Богородицы в Киевской Лавре собрались по тайному сговору депутаты от разных областей Речи Посполитой. Патриарх ночью, в нижней подвальной церкви, при слабом освещении, под охраной казаков, совершил хиротонию семи епископов, из них одного как митрополита.

Митрополитом был поставлен игумен киевского Михайловского мон. *Иов Борецкий*. Рукоположены были епископы в Полоцк, Владимир, Луцк, Перемышль, Холм и Пинск. Велико было негодование короля Сигизмунда III, когда он узнал об этих поставлениях. Иерархия была признана правительством *незаконной*, т. к. де она заняла кафедры еще

живых епископов (униатских). Патр. Феофан был объявлен самозванцем и турецким шпионом. Ему грозила опасность. Казаки, во главе с Сагайдачным, провожали его до границы Валахии. Патриарх прощаясь убеждал всех стоять твердо за Православие, изрек анафему на епископов отступников и на мирян, упорно пребывающих в унии. Казакам он прочитал разрешительную грамоту, сняв грех с тех, кто недавно ходил с Владиславом на единоверную Москву и убеждал их впредь этого не делать. Только митр. Иов мог действительно править, находясь в Киеве, под защитой казаков. Остальные епископы проживали тайно в разных монастырях, тоже преимущественно киевских, и секретно давали распоряжения.

Новые православные епископы вышли, большею частью, из среды иноков подвижников, отличались благочестием, просвещением и ревностью о вере. Мудрый и сильный духом митр. *Иов созвал в 1621 г. в Киеве собор, составивший «Советование о благочестии» т. е. о Православии, выразительный акт о мерах к подъему нравственных и просветительных сил Церкви. Такими мерами признаны: благочестивая жизнь духовенства, проповедь против унии и католичества, печатание книг в защиту Православия, учреждение школ и братств, созывание соборов, живые связи с Востоком, вызов с Афона русских иноков, посылка туда русских, как в духовную школу, выбор достойных кандидатов на церковные места. Полемика с унией должна была прежде всего доказывать правильность поставления новой иерархии. Казаки решительно заявили, что не пойдут воевать с турками, если правительство не признает законности новой иерархии. Сейм 1623 г. готов был на ряд уступок. Но убийство Кунцевича, о котором говорилось выше, обострило положение. Униаты объявили Кунцевича святым.*

Митр. Макарий пишет: «На религиозную унию смотрело польское правительство, по крайней мере, в начале, как па лучшее средство, чтобы скрепить политическую унию двух главных народов, входивших в состав Польши, русских и поляков, разрозненных по вере, и чтобы совершенно и навсегда отторгнуть этих русских от Москвы, куда невольно влекло их

православие, содержимое ими и процветавшее в Москве. А между тем последствия скоро показали, что эта самая уния религиозная, которую с таким рвением старались навязать русским в Польше, всего более отталкивала их от Польши, всего более заставляла их устремлять свои взоры на единоплеменную и единоверную Москву и желать, искать воссоединения с нею. Первый православный митрополит в западно-русском крае, после введения там унии, Иов Борецкий, как мы видели, уже присылал в Москву своего посла с просьбою к государю, чтобы он принял Малороссию под свою высокую руку. Посол этот свидетельствовал: «у нас та мысль крепка, мы все под государевою рукой быть хотим».

Послом, прибывшим в Москву от митрополита в феврале 1622 г., был епископ Луцкий Исаакий. Восточная Русь была тогда слаба после испытаний смуты. Бояре ответили ему, что сейчас царю Михаилу начать этого дела нельзя, но государь и патриарх будут мыслить «как бы православную веру и церкви Божии и вас всех от еретиков в избавлении видеть».

Православная Церковь в это время понесла несколько чувствительных потерь. Около 1626 г. перешли в унию ректор киевской братской школы *Кассиан Сакович*, известный *Кирилл Транквилион Ставровецкий*. Епископ полоцкий *Мелетий Смотрицкий* стал склоняться к унии с 1626 г., пытался увлечь на примирение с униатами митр. Иова и архимандрита печерского Петра Могилу. Им написано было сочинение «Апология», в котором он обвинял зап.-русскую Церковь в ересь и заблуждениях и предлагал унию, а в 1629 г. открыто стал униатом.

По смерти в 1631 г. митр. Иова, на его место был избран смоленский епископ *Исаия Копинский* († 1640). Воспитанник острожский, долго аскетически подвизался в печерском мон.; в 1620 г. он был поставлен еп. перемышльским, затем переведен в Смоленск. Это был великий ревнитель Православия, но человек уже престарелый и мало подготовленный к руководству Церкви в то трудное и ответственное время, которое вскоре наступило. Он также обращался к царю и патриарху с просьбою выслать ему св. мощи, пожаловать архиерейскую ризницу и не

отвергнуть его в случае, если свирепствующие гонения за веру заставят его искать себе убежище в православной московской державе.

В 1632 г. умер главный покровитель унии, *король Сигизмунд III*. Духовенство, братства, казаки – все готовили на предстоявшие сеймы свои представления о возвращении Православию отнятого у него. Виленское братство приготовило целую книгу «*Синопис*» или краткое обозрение прежних прав православной Церкви. После сильных споров, на сейме были выработаны чрезвычайно важные статьи, в силу которых православная иерархия после 36-ти лет существования унии в первый раз получила наконец *законное признание* со стороны правительства.

Постановлением избирательного сейма, утвержденным потом дипломом Владислава IV, положено было: 1) быть двум митрополитам – православному и униатскому; 2) луцкую епархию немедленно отобрать от униатского епископа и отдать православному, а перемышльскую и львовскую отдать по смерти или перемещении тогдашнего униатского епископа; в великом княжестве Литовском отделить часть от полоцкой униатской епархии для православной, с наименованием последней мстиславскою. Вместе с тем подтверждено православным свободное исповедание веры, совершение таинств, дозволение строить и починять церкви, заводить братства, богадельни, школы и типографии и свободное всем православным исправление общественных должностей. Дворянству предоставлено было избрание православных епископов и киевского архимандрита. (Чистович).

Православные были рады и возлагали большие надежды на нового короля. *Владислав IV* (1632–1648) действительно справедливее относился к православным, чем его отец. Но он ничего не мог поделать с своеволием магнатов и шляхты, натравляемых на православных фанатиками латинянами. Правительство оказалось совершенно бессильным не только для проведения новых постановлений относительно православных, но и к ограждению их правового положения вообще. Производились разбойные нападения на монастыри,

буйства иезуитских школяров и черни над церквами и пр. В ответ на несправедливости и жестокости католиков и униатов вспыхнули казацкие бунты и расправы с панами католиками, их духовенством, евреями арендаторами. Правительство отвечало на это жестокими казнями и новыми притеснениями православных. Православные монахи и казаки стали в большом числе переходить в приграничные области Великороссии.

По утверждению Владиславом 1 ноября 1632 г. *«статей для успокоения русского народа»* (так назывались облегчения положения православных), тогда же в Варшаве во время сейма, произведены были выборы митрополита, признать которого король обещал указанным актом. Духовные и светские представители, назвав себя в избирательном акте людьми *«русского народа»*, выбрали митрополитом печерского архимандрита Петра Могилу.

Митрополит Петр Могила. Труды киевских ученых

Митрополит Петр Могила, род. в 1597 г., был сыном валашского, потом молдавского господаря Симона, который в 1612 г., враждуя с новым господарем Кантемиром Мурзою, бежал в Польшу с семьей. В львовском братском училище получил будущий митрополит хорошее богословское образование, которое дополнил в польской академии в Замостье. Удалось ему расширить свои знания в Голландии и Париже. Изучив латынь в совершенстве, он впоследствии был ревностным насадителем ее в русской православной школе. Отрадилось на нем и близкое общение с католиками. Семья его связана была с польской аристократией. Проходил Могила военную службу в польской армии и принимал участие в битве с турками под Хотинем. В 1627 г. он принял постриг и в 30 лет был архимандритом Киево-Печерского монастыря. Патриарх константинопольский Кирилл Лукарис пожаловал его титулом экзарха. Он устроил в Лавре отдельное от киево-братской школы училище, вызвав недовольство митрополита и других.

В 1632 г. на сейме, состоя депутатом, архим. Петр, опираясь на аристократическое происхождение и влиятельные связи, обладая большими средствами, выступал защитником православия и способствовал благоприятному разрешению церковного вопроса. Польское правительство не признавало иерархию поставления патриарха Феофана. Не признавался им вследствие этого и митрополит Исаия. Могила же, избранный во время сейма православными депутатами, был признан королем Владиславом. С этим избранием согласился константинопольский патриарх Кирилл Лукарис. Хиротония Могила валашскими митрополитом и епископами состоялась в 1633 г. во Львове. В Киеве его встретили торжественно. Но острым и тяжелым оставался вопрос о почитавшемся митрополите Исаии, который не признавал поставления Могила и не хотел уходить на покой. Потом Исаия подчинился и удалился в монастырский затвор, где и преставился в 1640 г. Соловьев приводит описание православным шляхтичем

Ерlichem прибытия Петра Могила в Киев. Осуждая очень последнего за его отношение к митрополиту Исаии, Ерлич пишет: «Петр Могила вел себя благочестиво, трезво, хорошо, постоянно хлопотал о целости Церкви Божией; но не без того, чтоб не был он охотником и до главы мира сего».

Митр. Петр Могила оказал Церкви большия услуги. Несколько раз заставлял он правительство подтверждать постановления сейма 1632 г., заботился о восстановлении памятников православной древности. Он богато украсил Лавру, восстановил из полного почти разорения, отнятый им у униатов, *Софиевский собор*, древний Выдубецкий мон., церковь Спаса на Берестове, церковь Трех Святителей. В 1635 г. им были открыты и очищены от развалин остатки Десятинной церкви, где обретены были *мощи св. кн. Владимира*.

Будучи хорошо образованным и знакомый с постановкой учебного дела в западной Европе, Петр Могила, еще будучи архимандритом Печерским, осуждал постановку учения в братских школах, в которых преобладал греческий язык. Школы представляли собой средния учебные заведения. Вследствие этого он намеревался открыть в Лавре латинскую школу, с высшим курсом, по образцу католических коллегий. Подобрал он ученых наставников, часть которых получила, за его счет, образование на Западе. Среди последних особенно выделялся Иннокентий Гизель. Дали ему учителей и братства. Таковыми были Сильвестр Коссов, Исаия Трофимович Козловский и др.

Митрополита Исаию и Киевское духовенство смущала намечавшаяся чрезмерная латинизация школы. Они убеждали Могила сосредоточить образовательное дело в Братской школе поддерживаемой казачеством. Среди последнего начались волнения, которые умело подогревали иезуиты. Они пускали слухи о неправославии преподавателей, об исключении греческого языка. Настроение в Киеве определил позднее тогдашний преподаватель Сильвестр Коссов. Соловьев приводит выдержку из его книги «Ектезис», изданной в 1635 г.: «Это было такое время, когда мы, исповедавшись, ждали, вот шляхта станет начинять нами днепровских осетров, или одного станут отправлять на тот свет огнем, а другого мечем. Наконец

Сердцеведец, видя невинность нашу и великую потребность народа Русского в полезных науках, разогнал облако ложных мнений и осветил сердца всех тех, что увидали в нас истинных сынов Восточной Церкви». Петр Могила в 1632 г. согласился соединить свою школу с Братской. Став митрополитом он наименовал общую школу Коллегией. Положено было основание будущей Киевской Духовной Академии.

Коллегия представляла собой высшее учебное заведение с принятым на Западе латинским курсом. По примеру иезуитских коллегий, она разделена была на школы или классы: фару, инфиму, грамматику, ситаксиму, пиитику, риторику, философию и богословие. Первым ректором ее был *Исаия Трофимович*, префектом *Сильвестр Коссов*. В высших классах введены были богословские диспуты на латинском языке. Науки преподавались по схоластическому методу; в философии господствовал Аристотель, в богословии – Фома Аквинат. Славянский язык стоял на втором плане, греческий преподавался слабо. Латинский употреблялся всюду. Требовался он и в обыкновенном разговоре. Кто проговаривался по русски, тот записывался в *calculus* (лист в деревянном футляре). Если такой оставался у виновного на ночь, то он на другой день подвергался наказанию. Около 1634 г. на коллегия ополчились униаты. Рутский и его приверженцы прибегли к клевете, обвинив учителей ее в протестантских ересьях и в социанстве. Тогда именно Сильвестр Коссов готовил свой «Ектезис», доказывая в нем строго православное направление обеих школ. Петр Могила отстоял их. Наука в коллегии быстро развивалась и она наполнялась учениками. В течение 10–15 лет она стала средоточием образования не только для Малороссии, но и для остальной России. (Знаменский).

Коллегия начала славиться своими учеными трудами. Сам Петр Могила написал в 1644 г. книгу "*Камень*" на сокрушение лжи отступника Кассиана Саковича. Труд этот, по отзыву Знаменского, представлял *апологетику* православной русской Церкви и отчасти ее *литургику*, с объяснением обрядов, постов, праздников и пр. По поручению митрополита, киево-

николаевский игумен Исаия Трофимович написал «Православное исповедание веры». Труд этот должен был устранить нарекания на православие, вызванные появлением в Европе на латинском языке «Восточного исповедания», пропитанного кальвинистскими идеями и приписанного ложно католиками патриарху Кириллу Лукарису. Сочинения Трофимовича рассматривал Собор в Киеве, созванный митрополитом в 1640 г., затем греко-русский Собор в Яссах (1641–42). Греческий богослов Мелетий Сирига внес свои исправления, изложив свое исповедание на греческом языке. Присланное в Киев оно напечатано там не было. После кончины Петра Могилы греческий текст Мелетия был напечатан в 1667 г. в Голландии. На славянском языке Исповедание было напечатано в 1696 г. В 1645 г. напечатано было Петром Могилою в Киеве на разговорном малороссийском языке, составленное им «Собрание короткой науки об артикулах веры». Называясь *Малым Катихизисом*, труд этот был напечатан в 1649 г. в Москве, в пересказе на московский церковно-книжный язык. В труде этом замечается известное отражение латинства.

Митр. Петр Могила, с помощью ученых членов братства, занимался исправлением церковных книг. В 1646 г. им был издан «Евхологион» или *Большой Требник*. В нем собраны были все чины православной Церкви по греческим и славянским требникам, дополненные чинами из католических требников и составленные вновь самим Могилою. Помещены были объяснения литургического, догматического и канонического содержания. Митрополит приготовил исправленное издание полной Библии и перевода житий Свмеона Метафраста, но не успел напечатать это (Знаменский). Задуман был им труд: «Жития святых», что осуществил позднее Свят. Димитрий Ростовский.

Скончался митрополит Петр Могила 31 декабря 1646 г. Свое состояние он истратил на церковные нужды. Оставил он завещание, в котором с особою любовью говорит о коллегии. Из ближайших сотрудников его особенную известность, после Исаии Трофимовича, получил *Сильвестр Коссов* († 1657), занявший после него митрополичью кафедру. Последний, кроме

«Ектезиса» или Апологии школам, написал книгу: «Дидаскалия, альбо наука о семи сакраментях» (1637 и 1653), в которой несколько отражается латинство. Им издан в сокращенном виде Печерский Патерик», под названием: «Патерикон альбо животы свентых ойцув печарских» (1635).

Известен своими трудами *Иннокентий Гизель*. Родился он в юго-зап. России в семье протестантов из Пруссии. С детства он полюбил православие, бежал в Киев, где принял постриг. Митрополит Петр, оценив его способности, отправил его учиться в заграничных школах, потом назначил учителем и проповедником в Коллегии. С 1648 г. он стал игуменом Братского мон. и ректором Коллегии. Позднее он был архимандритом Киево-Печерской Лавры († 1684). Он содействовал печатанию проповедей архиеп. Лазаря Барановича и Антония Радивиловского. Он редактировал и перепечатал «Печерский Патерик» (1661 и 1678). К сожалению, по свидетельству архиеп. Филарета, при этом сильно испорчен текст древних повествователей. Написана им русская история до царствования царя Феодора Алексеевича, под названием «Синописис, или краткое собрание от разных летописцев о начале славяно-российского народа и о первоначальных князьях богоспасаемого града Киева». Знаменский пишет: «Не смотря на все свои ошибки, обилие фальшивого риторства и страсть к словопроизводствам, он оставался у нас единственным руководством для школ до времени Ломоносова». Гизель писал «Об истинной вере», или ответ иезуиту Бойме о власти папы. Архиеп. Лазарь Баранович, приветствуя это полемическое сочинение, писал Иннокентию: «надобно смягчить слог, тем более, что самый предмет того требует; пусть себе сердятся на авторов, откуда что занято, – а колкостей непримешивать; самое дело доведет до бессилия; несколько резкий слог может повредить нашим православным в тамошних краях».

Ректором Коллегии был и *Лазарь Баранович* († 1693 г.), с 1657 г. архиепископ Черниговский. Знаменит он, как проповедник. Он составил два собрания слов: «Меч Духовный» и «Трубы Словес». Кроме русских сочинений он писал на

польском языке стихи и жития Святых. Данные для поучений он преимущественно брал из слова Божия. Его полемическое сочинение «Новая мера старой веры» направлено против книги иезуита Боймы о главенстве папы и об исхождении Святого Духа. Архиеп. Филарет так определяет его труды: «Общее свойство всех сочинений Лазаря – обилие острот и игры словами, краткость в выражении мысли, закутывающейся в не прямые слова; от того иногда не легко бывает уловить точную мысль сочинителя». В проповеднических сборниках его вкрадывались католические мысли. Выше (стр. 461) отмечалось осуждение московским Собором 1690 г. за это его сборников «Меч» и «Трубы словес», как и некоторых творений митр. Петра Могилы, Голятовского, Радивиловского и др.

Преемник Гизеля и Лазаря Барановича, ректор Коллегии *Иоанникий Голятовский* († 1688), с 1669 г. архимандрит черниговского Елецкого мон., был даровитым и многосведущим. Известны его проповеди. Большой сборник их назван им «Ключ разумения» – поучения на все праздники. Им написана повесть: «Небо новое, с новыми звездами сотворенное» – во славу Богоматери. Описаны многочисленные чудеса, связанные с именем Владычицы. Из его полемических сочинений самым неприятным для иезуитов была – «Беседа Белоцерковская». Она излагает его беседу в м. Белой Церкви с иезуитом Пекарским о церковном священноначалии. Выступал он в своих трудах и как христианский апологет. Писал он о магометанах и евреях.

В то же время известен был воспитанник Коллегии *Иоанн Максимович*, будущий архиепископ черниговский, открывший в Чернигове первую семинарию, потом митрополит тобольский, прославленный в 1916 г. Был он проповедником в Киево-Печерской Лавре. Сочинения его – нравственного содержания и большая часть их писана стихами. Самое обширное его сочинение «Богородице Дево».

Вероучительные проповеди составил игумен киевского Николаевского мон. *Антоний Радивилловский*. В его сборнике проповедей «Огород Марии Богородицы» говорится, в духе католичества, о непорочном зачатии Владычицы.

Самыми лучшими были полемические труды Адама Зерникова. Он родился в Кенигсберге и учился в тамошнем университете. Продолжил он учение в Иене. Оттуда он проехал в Оксфорд для ознакомления с находившимися в Англии многочисленными текстами святоотеческих книг. Расширил Адам свои знания работами в парижских и итальянских библиотеках. Книга Критопула «Исповедание восточной Церкви» обратила его к православной Церкви. Он направился в Чернигов к архиеп. Лазарю Барановичу, коим и был присоединен к православию. Работал он в Батурине, где гетман устроил его у себя, в качестве архитектора-художника. Он трудился над обширным трактатом «Об исхождении Духа Святого от единого Бога». Архиеп. Филарет пишет: «Это было сочинение образцовое, какого доселе не было на востоке».—"Около 20 лет пред сим обрел он отечество небесное, к которому был избран Богом у нас в Малой России»: так писал ректор Прокопович около 1713 года. Зерников почил в Батуринском монастыре, когда управлял сею обителию св. Димитрий; потому смерть его надобно отнести к 1691 г. Превосходный трактат его о Святом Духе, писанный на латинском языке, издан в двух частях архиепископом Самуилом Мстиславским в Кенигсберге (1774, 1776 г.г.). Перевод митрополита Евгения Булгара на греческий язык, обогащенный множеством замечаний, издан в Петербурге 1797 г.»

П. Знаменский так определяет труды киевских ученых: «Во всей массе литературных трудов, которые произвела киевская ученость, господствовало схоластическое направление, имевшее множество недостатков. Богословская и философская мысль киевских ученых путалась в массе разных схоластических аргументов, дивизий и субдивизий и всяких силлогистических тонкостей, развивалась исключительно с формальной стороны, оставаясь в сущности весьма простодушной и наивной. Она не способна была не только обогатить философской и богословской науки каким-нибудь новым научно-литературным содержанием, но даже освободить ее от разных средневековых фантастических бредней и суеверий. Киевская риторика, тоже занявшись одними формами

риторства, вселяла в своих питомцев любовь к детской игре словами, вычурным тропам и фигурам, натянутым толкованиям, символам и аллегориям, что видно из самых уже заглавий киевских произведений. Церковная проповедь, под влиянием такого рода риторства, сделалась по временам занимательным, но вообще пустым разглагольствованием без плодотворного приложения к жизни. Но, при всех подобных недостатках, схоластическое образование в своем роде было все-таки образованием научным, по крайней мере служило преддверием к действительной науке; оно приучало к умственной работе, известной отчетливости в словах и мыслях, сознательности в верованиях и во всяком случае стояло несравненно выше образования московских начетчиков. Важно было в нем и то, что оно не чуждалось плодов западной науки, а смело шло ей на встречу, пользуясь всем, что у нея было доброго. Вредное влияние киевской схоластики, а вместе с ней и киевской латыни чувствительнее отозвалось в том, что и та, и другая со временем невольно стали затягивать своих питомцев к латинству. Латинский оттенок киевского богословствования всего яснее обнаружился при переходе киевской образованности в Москву, где свежее чувство простодушных ревнителей православия тотчас почуяло в ней примесь чуждого элемента.»

Смуч. Афанасий Филиппович написал «Диариум», albo список деев правдивых, всправе помножения и объяснения веры православное голошенный, – впрод у благочестивого царя московского Михаила, потом у его мил. короля, на остаток у – митр. Петра Могилы, – року 1646». В нем помещено несколько грамат королевских, писем Афанасия и других лиц. Им написаны и слова на весь год. Он был постриженником Свято-Духовского мон., иноком Межигорского мон. Будучи игуменом Купятицкого мон., претерпел гонения. Собирая средства на обитель, он побывал и в Москве, где ознакомил царя Михаила Феодоровича с бедствиями православных. Вернувшись оттуда он стал игуменом Брестского мон. Укрепляя братию в благочестии и твердости, Афанасий был схвачен поляками. В

Варшавской тюрьме его мучили, требуя отречения от православия. В страданиях он преставился 5 сентября 1648 г.

Когда преставился митрополит Петр Могила «киевская, митрополитская, софийская капитула» разослала по всей митрополии листы к православному духовенству и дворянам, приглашая их к 25 февр. 1647 г. в Киев для выборов нового первосвященителя. Собравшиеся в Софийском кафедральном соборе единодушно избрали митрополитом владыку *Сильвестра*, епископа Мстиславского, оршанского и могилевского, как «известного древностью своего рода, высокими достоинствами, благочестием и расторопностью, а вместе горячностью и твердостью к православной вере». Акт избрания подписали более двадцати духовных лиц, во главе с епископом луцким Афанасием Пузина, ректором киево-братского коллегиума, и до пятидесяти светских, во главе с кастеляном киевским Адамом Кисель, тремя князьями Четвертинскими. Владыка Сильвестр не мог быть избран архимандритом киево-печерской Лавры. Должность эта была предоставлена королем Владиславом только лично Петру Могиле до его кончины. Братия Лавры, на основании давнего своего права пригласив к себе ближайших к Киеву дворян, еще 25 января избрала, рекомендованного ей покойным митрополитом, *Иосифа Тризну*, старшего (игумена) виленского Свято-Духова мон. Он происходил из знатного старинного рода, был с ранних лет постриженником Лавры, хорошо знал правила иноческие и богословские науки. Митрополит Сильвестр, не получив в свое управление богатую Лавру, удерживал за собою, до 1650 г., прежнюю епископскую кафедру с ее имениями. Король утвердил нового митрополита. Патриарх цареградский, дав благословение на посвящение его, облек владыку Сильвестра званием экзарха константинопольского патриаршего престола. (Митр. Макарий).

Воссоединение Малороссии с остальной Русью. Подчинение Киевской Митрополии Московскому патриарху

Время правления митрополита Сильвестра совпало с великим историческим событием – воссоединением Малороссии с остальной Россией, от которой она оказалась отторгнутой вскоре после начала татарского ига.

Карташев пишет: «Отдав неизбежную дань силой введенной унии, русское православие в Польше в его исконных землях – Галицкой, Холмской, Волынской и Киевско-Переяславльской – устояло, перестроилось и утвердилось. Две силы помогли этому: 1) создание русской богословской школы со своей оригинальной богословской литературой, и 2) сосредоточение самоутверждающей свою русскость народной силы в вольнолюбивом казачестве. Киевская область, будучи формально частью Польского государства, так и не пустила к себе унию, осталась гонимой, лишенной легального епископства, но православной, народно-русской веры не уступила». Под защитой казачества восстановлена была патриархом Феофаном законная православная иерархия, о чем упоминалось выше. Король Владислав IV легализировал несколько позднее православное епископство, во главе с митр. Петром Могиллой.

Весною 1648 г. малороссийское казачество выступило против Польши. Возглавил освободительное движение Богдан Хмельницкий³³), испытавший личные обиды от панов. Задумав восстание, он открыл свое намерение митрополиту и получил его благословение. Удалось ему заключить союзный договор с крымским ханом. Вместе с татарской ордой он двинулся против поляков. 13 мая гетманы Николай Потоцкий и Калиновский были разгромлены у Корсуня, на р. Роси. Рассылаемые Хмельницким «универсалы» вызвали поголовное восстание. Поляки разбиты были затем под Пилявцами. Хмельницкий, взяв окуп с г. Львова, подошел к Замостью. Новый король Ян-Казимир, брат Владислава, вступил с ним в переговоры. 17 декабря

Хмельницкий торжественно въезжал в Киев. На встречу ему выехали иерусалимский патриарх Паисий, путешествовавший в Москву за милостынею, и митрополит Сильвестр. В феврале 1649 г. король прислал Хмельницкому гетманскую булаву и грамоту, в которой, в числе прочего, обещал свободу православной веры. Богдан, проявляя верноподданнические чувства к королю, не верил полякам и, в ожидании новой войны, тайно, через патриарха Паисия, находившегося в Москве, сносился с царем Алексеем Михайловичем. Действительно вскоре начались военные действия. Поляки, во главе с королем, в августе разбиты были под Зборовым. Король вынужден был заключить выгодный для казаков мир. При рассмотрении его на сейме латинские члены последнего старались всячески ослабить права православных.

Митрополит Макарий пишет: «В последний день сейма (12 генв. 1650 г.) король издал, на основании Зборовского договора, утвержденного сеймом, диплом следующего содержания, касавшийся собственно православной веры и церкви: 1) дозволяется всему народу русскому, находящемуся не в унии, как было и прежде, свободное исповедание веры, а киевскому митрополиту – ношение креста в подведомых ему епархиях (а о месте в сенате совсем не упомянуто); 2) церковные суды у православных, на основании данной им королем Сигизмундом грамоты 1511 года, должны совершаться ненарушимо; 3) дозволяются все православные братства даже в тех местах, где прежде они были запрещены, как-то: в Смоленске, Бельске, равно и школы, находящиеся в Киеве и других местах, и типографии; а цензура книг оставляется за митрополитом и епископами в их епархиях; 4) утверждается, чтобы русские священники, не находящиеся в унии, пребывали при своих вольностях и нигде не были обременяемы никакими налогами, подводами, подать- ми, денежными сборами, постоями воинскими и работою, и не подлежали никому из светских, кроме своих духовных властей; 5) отдаются православным епископства: луцкое, холмское и витебское-мстиславское, со всеми, издавна принадлежащими к ним, церквами и с монастырями жидичинским и лещинским (хотя и луцкое и

витебское-мстиславское епископства уже принадлежали православным); 6) в перемышльской епархии теперь же, еще при жизни униатского епископа Крупецкого, отдаются православному епископу монастыри: спасский, онуфриевский и смольницкий с их имениями, доселе принадлежавшие Крупецкому, а по смерти его вся перемышльская епархия, со всеми своими маестностями, имеет навсегда оставаться за епископом, неуниатом; 7) на содержание витебского и мстиславского епископа, не имеющего у себя поместий, назначается половина из имений полоцкого униатского архиепископа. Затем – 8) перечисляются в разных городах Литвы и Польши передаваемые православным церкви, которые назначены были им еще в известных статьях короля Владислава IV, а кроме того назначаются для передачи православным некоторые церкви и в таких городах: Витебске, Полоцке, Новогрудке, где при Владиславе не дозволялось им иметь ни одной церкви, и дозволяется православным строить новые церкви, деревянные и каменные, на тех местах, где прежде стояли их церкви. Таким образом оказывается, что Зборовский договор утвержден был на сейме не во всей силе: киевскому митрополиту не дали места в сенате, и уния не была уничтожена, а только сделала православию незначительные уступки. Православные не были удовлетворены, но спешили воспользоваться и тем, что было дано.»

В конце 1650 г. сейм решил воевать с казаками. Папа, у которого король просил денег для войны, прислал ему, через своего легата, как защитнику веры, только благословение на войну, мантию и освященный меч. Хмельницкого благословил находившийся при нем коринфский митрополит Иоасаф, и опоясал его мечем, который будто бы еще прежде был освящен на самом гробе Господнем. Сообщая об этом, митр. Макарий пишет, что Иоасаф, возвращаясь из Москвы, куда ходил за царскою милостиною, проживал у Хмельницкого, сделался его духовником, служил у него ежедневно обедни, следовал за войском для отправления церковных нужд. 20 июня 1651 г., при Берестечке на р. Стири, Хмельницкий был разбит поляками. Убит был во время сражения митрополит Иоасаф. Мирным

договором в Белой Церкви изменены были к худшему прежния условия. Униатам было возвращено то, что было у них отнято по Зборовскому договору.

По этому договору число городских или реестровых казаков было уменьшено до 20000, а остальные, выписанные из реестров, теряли свои права и обращались в хлопов, вполне зависевших от шляхты. И после Зборовского договора простой народ чувствовал, что положение его мало изменилось. Усилилось только положение православных «панов», в значительной своей части ополячившихся. Тогда уже началась народная тяга на восток – в православное царство. Движение это усилилось еще больше после Белоцерковского договора. Чистович пишет: «Панская партия тянула к Польше, но народ не хотел слышать о Польше. Чувство народности и единство веры обращало его к России. С этого времени началось переселение малороссиян с западной стороны Днепра на восточную и образование там новых малороссийских полков – ахтырского, сумского, харьковского и изюмского.» Создалась на юго-западной «окраине» тогдашнего московского государства т. н. *Слободская Украина*.

Гетман Богдан Хмельницкий, в большой мере православный шляхтич, все более понимал, что одними собственными силами ему не сломить Польши, не разорвать оков, в каких она держала своих русских православных подданных. Он понял необходимость отдаться под покровительство единой верной и единоплеменной московской державы и соединиться с нею. Земский Собор в Москве не раз обсуждал малороссийский вопрос, учитывая неизбежность войны с Польшей в случае положительного его решения. Наконец 1 окт. 1653 г. на Соборе, заседавшем в Грановитой палате, объявлены и подробно перечислены были неправды польского короля, а потом объявлено о бывших посольствах Хмельницкого и всего запорожского войска с жалобами на притеснения их православной веры польским правительством и с просьбами о принятии их в подданство России. Собор единогласно решил, чтоб Польше была объявлена война, а Хмельницкого и все войско запорожское, с городами их и землями, чтоб государь

изволил принять под свою государскую высокую руку, ради православной веры и св. Божиих Церквей, на которые паны рады и вся Речь Посполитая восстали с намерением их искоренить. (Митр. Макарий).

31 дек. прибыло в г. Переяслав посольство, во главе с наместником тверским боярином Бутурлиным. На всем пути по Малороссии посольство везде встречали с торжеством, и духовенство выходило к нему в церковном облачении с св. крестом. Торжественно встречено было посольство и в Переяслав. 6 января 1654 г. прибыл туда гетман Богдан Хмельницкий. 6 янв. у гетмана была тайная рада с полковниками, судьями и войсковыми есаулами, и все подклонились под государеву высокую руку. В тот же день назначена была явная рада. Собралось много всяких чинов людей. Хмельницкий стал посреди круга. Войсковой есаул велел всем молчать.

Гетман начал говорить: «Паны полковники, есаулы, сотники, все войско Запорожское и все православные христиане! Ведомо вам всем, как Бог освободил нас из рук врагов, гонящих Церковь Божию и озлобляющих все христианство нашего Восточного православия. Вот уже шесть лет живем мы без государя, в безпрестанных бранях и кровопролитиях с гонителями и врагами нашими, хотящими искоренить Церковь Божию, дабы имя Русское не помянулось в Земле нашей, что уже очень нам всем наскучило, и видим, что нельзя нам жить больше без царя. Для этого собрали мы раду, явную всему народу, чтоб вы с нами выбрали себе государя из четырех, кого хотите: первый царь Турецкий, который много раз чрез послов своих призывал нас под свою власть; второй – хан Крымский, третий – король Польский, который, если захотим, и теперь нас еще в прежнюю ласку принять может; четвертый есть православный Великой России государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Руси самодержец Восточный, которого мы уже шесть лет безпрестанными молениями нашими себе просим; тут которого хотите – избирайте! Царь Турецкий бусурман: всем вам известно, как братья наши, православные христиане, Греки, беду терпят и в каком живут от безбожных

утеснении; Крымский хан – тоже бусурман, которого мы по нужде в дружбу принявши, какие нестерпимые обиды испытали! Об утеснениях от польских панов нечего и говорить: сами знаете, что лучше Жида и пса, нежели христианина, брата нашего почитали. А православный христианский великий государь, царь Восточный, единого с нами благочестия, Греческого закона, единого исповедания, едино мы тело церковное с православием Великой России, главу имея Иисуса Христа. Этот великий государь царь христианский, сжалившись над нестерпимым озлоблением Православной Церкви в нашей Малой России, шестилетних наших безпрестанных молений не презревши, теперь милостивое свое царское сердце к нам склонивши, своих великих ближних людей к нам с царскою милостию своею прислать изволил; если мы его с усердием возлюбим, то кроме его царской высокой руки благодетельнейшего пристанища не обрящем; если же кто с нами не согласен, то куда хочет – вольная дорога». Тут весь народ завопил: «Волим под царя Восточного православного! лучше в своей благочестивой вере умереть, нежели ненавистнику Христову, поганину достаться». Потом полковник Переяславский Тетеря, ходя в кругу, спрашивал на все стороны: «Все ли так соизволяете!» – «Все единодушно!» – раздавался ответ. Гетман стал опять говорить: «Будь так, да Господь Бог наш укрепит нас под его царскою крепкою рукою!» Народ на это завопил единогласно: «Боже утверди! Боже укрепи! чтоб мы во-веки все едино были» (Соловьев).

Митрополит Сильвестр с 1649 г. поддерживал связь с царем Алексеем и патриархом Никоном, просившими его выслать в Москву двух знатоков греческого языка для исправления славянской библии. Царский постельничий Феодор Ртищев просил митрополита прислать ученых монахов в его монастырь. Именно тогда посланы были в Москву Епифаний Славеницкий и Арсений Сатановский. Владыка Сильвестр писал царю летом 1651 г., что в Софиевском соборе нет многих книг, он же «изнищен до конца» и не может ничего купить. «Вели государь», писал он, «дать свое жалование: двенадцать миней месячных, да прологи сентябрьские и мартовские, да Феофилакта, да устав

большой, и на меня умиласердись, на одежду теплую пожалуй, чем бы мне зимою согреться». Но, вместе с тем, митрополит не принимал никакого участия в переговорах Хмельницкого, хотя дело касалось православия.

После Переяславской Рады Бутурлин, встреченный в Киеве 16 января за городом митр. Сильвестром с духовенством, совершившим вслед за этим молебен в Софиевском соборе, после многолетия, в присутствии всех, обратился к владыке. Отметив многократное обращение Хмельницкого к царю, Бутурлин сказал: «а ты, митрополит, великому государю нашему о том никогда не бил челом, и не писывал, и не поискал к себе его царской милости: объяви ж теперь нам, почему ты не бил челом и не писывал великому государю». Митрополит отвечал, что «про то, как гетман Хмельницкий и все войско запорожское били челом под государеву высокую руку, он не ведал; а ныне он за государево многолетнее здоровье и за государыню царицу и за благоверных царевен должен молить Бога». Бутурлин удовлетворился этим ответом.

Митрополит держал себя в стороне во время переговоров гетмана, опасаясь, что, если царь не согласится на принятие Малороссии, то, в случае победы поляков над казаками, его участие плохо отразится на положении Церкви. Даже, когда состоялось постановление Переяславской Рады, Сильвестр отправил чернеца печерского Макария Крыницкого в Луцк заявить в тамошнем градском суде, что Москва, завладев Киевом, заставляет его и прочее духовенство присягнуть московскому государю; духовенство не желает этого сделать, бунтовщиками не будет и желает иметь государем короля.

Митрополит Макарий пишет: «Вообще положение киевского митрополита и духовенства было тогда очень затруднительное: им нужно было и покоряться новым властям, московским, и не раздражать на всякий случай прежних властей, польских, фарисействовать пред ними, хотя нельзя отвергать, что и в духовенстве, как между казаками, могли быть лица, начиная с самого митрополита, которые не сочувствовали присоединению Малороссии к Москве по своим личным побуждениям. Митрополит Сильвестр Коссов и печерский архимандрит Иосиф

Тризна, две самые сильные osoby в малороссийском духовенстве, оба были шляхтичи и пользовались, при польском правительстве, весьма важными преимуществами, которых могли лишиться с подчинением Москве: печерский архимандрит владел богатыми имениями лавры и, как настоятель патриаршего ставропигиального монастыря, не признавал над собою никакой местной духовной власти; а митрополит, хотя и не владел такими имениями, но, признавая над собою только номинальную власть патриарха, являлся совершенно независимым иерархом в управлении своею митрополиею.»

Возникло у митр. Сильвестра столкновение с московскими боярами, прибывшими защищать Киев от поляков. Для этого они намеревались воздвигнуть крепость вблизи Софиевского собора. Владыка решительно заявил им, что «на том месте города (крепости) он ставить не даст, потому что та земля – его, софийская, и архангельского и Никольского монастырей и десятинной церкви, под его митрополичьей паствою, и он тех земель под город не поступается». Митр. Макарий пишет: «Бояре коснулись самого чувствительного места для западно-русского духовенства – церковных имений, из-за которых оно вело непрестанную борьбу в течение столетий и перенесло столько скорбей, трудов и лишений». Хмельницкий поддержал митрополита в Москве. Царь сначала прогневался, а затем успокоил гетмана, сообщив: «мы, великий государь, не только не велим ломать стародавних прав церковных, но и сверх прежнего нашею государскою милостию награждать будем...». 21 марта 1654 г. государь «пожаловал: митрополиту и всем духовного чина людям по маетности их, которыми они ныне владеют, свою государскую грамоту дать велел». Царь в том же указе гетману объявил: «а митрополиту киевскому, так же и иным духовным малые России, быть под благословением святейшего патриарха московского и всея великие и малые и белые России, а в права духовные святейший патриарх вступати не будет. В июле 1654 г. митр. Сильвестр обратился к царю с просьбой об оставлении его в «послушании нашему верховному пастырю константинопольскому». Обращение доставило в Москву посольство, во главе которого был игумен

Иннокентий Гизель. Царь остался при решении, высказанном им в мартовском указе гетману.

Митр. Макарий, подводя итоги этим сношениям, пишет: «С этого времени киевская митрополия, по воле государя, считалась уже, в некоторой степени, фактически соединенною с московским патриархатом, хотя *de jure* числилась еще в округе константинопольского патриарха и под его властью. В Москве хорошо знали, что, по канонам церкви, один патриарх не может взять себе митрополии, принадлежащей другому патриарху, без его на то согласия. И вот на первых порах, до получения этого согласия, придумали такую хитрую формулу для определения взаимных отношений киевской митрополии и московского патриарха: киевский митрополит и все духовенство должны быть под благословением московского патриарха, а патриарх этот не будет вступаться в их духовные права. Но киевская митрополия не ограничивалась пределами одной Малороссии, а простиралась на Белоруссию и Литву. И здесь православные начали присоединяться тогда к московскому патриархату в разных городах и селах, с своими церквами и монастырями, вслед за тем, как эти города и села покорялись русским оружием и присоединялись к великой России.» Начата была война с Польшей. Выступая в поход, государь издал воззвание ко всем сынам св. восточной православной церкви. Он объявлял, что услышал моления православных Малороссии и принимает их под свою державу. Православные в Литве и Польше будут освобождены от гонений за веру. Вскоре заняты были войсками многие города, часть которых сдавалась без боя. Более всего сопротивлялся Смоленск, сдавшийся 23 сент. 1654 г. самому царю.

Издревле православный Смоленск, за время сорокалетнего нахождения под властью Польши, лишился своих церквей и обителей. Все оне были обращены в униатские или латинские. В городе пребывал униатский епископ. На следующий день по занятии города царь Алексей велел поставить для себя тафтяную церковь во имя Воскресения Христова, которая была освящена казанским митрополитом Корнилием. Вслед за тем начали восстанавливаться православные храмы и монастыри.

Управление церковными делами было сначала поручено находившемуся при государе тверскому архиепископу Лаврентию. В 1656 г. был назначен в Смоленск постоянный епископ, владыка Филарет, бывший суздальский. В сентябре же был занят Полоцк, где давно господствовали иезуиты со своим коллегиумом. В самом начале войны бежали оттуда иезуиты и униатский митрополит Антоний Селява, забравший церковные сокровища и останки Кунцевича, перенесенные сначала в Жировицкий монастырь, потом же в Замостье. Царь богато одарил Богоявленский мон., игуменом которого стал умный и ловкий Игнатий Иевлевич. Наместником полоцкой кафедры был назначен игумен витебского Марковского мон. Каллист. Через год с небольшим он был поставлен в Москве патриархом Никоном во епископа полоцкого.

В Малороссии в церковном отношении не было полной договоренности. Насколько киевляне миряне признавали Никона своим патриархом, настолько духовенство этого не обнаруживало. Оно считало себя обиженным тем, что царь ничего не дал им в замен тех имений, которые остались в пределах Польши. Большую осторожность проявлял патриарх Никон. Это явствует из грамоты его митр. Сильвестру от 10 мая 1656 г. Митр. Макарий пишет, что, преподавая ему благословение, «он требовал от него должной любви к себе, но в тоже время как бы стеснялся прямо назвать себя его пастырем. И есть данные, которые свидетельствуют, что Никон действительно не управлял киевскою митрополиею, как ея верховный пастырь, не вступался в ея церковные дела». В 1655 г. Феодосия Сафоновича, избранного игуменом братией киево-братского мон. благословил митр. Сильвестр и утвердил гетман Хмельницкий. Новый черниговский епископ Лазарь Баранович, избранный «мирным и благоизволенным духовного и светского чина советом», поставлен в 1657 г. в Яссах сочавским митрополитом Гедеоном, имевшим «истинное свидетельство» от митр. Сильвестра, гетмана Хмельницкого и генерального писаря Выговского. Митр. Сильвестр в это время был болен и вскоре скончался. Этим и объясняется хиротония в Яссах. «Можно думать», пишет митр. Макарий, «что дело устроилось

не без ведома самого Никона ... А что Никон не считал себя в праве вступаться в дела киевской митрополии, как принадлежащей цареградскому патриарху, об этом он сам впоследствии писал цареградскому патриарху Дионисию».

13 апр. 1657 г. скончался митрополит *Сильвестр Коссов*. Митр. Макарий так определяет его деятельность: «В трудных обстоятельствах пришлось действовать митрополиту Сильвестру Коссову, когда совершалось и совершилось присоединение Малороссии к московской державе. Одна часть его митрополии, находившаяся в Малороссии, переходила и перешла под власть Москвы; другая, большая часть оставалась в пределах Польши. Нужно было ему покоряться и угождать московскому правительству, но так, чтобы не раздражить против себя и против своих единоверцев в Литве и Польше польского правительства. Притом хотя Малороссия и поддалась русскому царю, а вскоре и Белоруссия покорилась его оружию, но никто не мог поручиться, что так останется навсегда, что поляки не возвратят себе этих потерянных провинций и не овладеют снова самим Киевом. Не говорим уже о личных интересах митрополита Сильвестра, которым более благоприятствовало прежнее положение его под владычеством польским. Неудивительно, если он принужден был как-бы двоиться и разом служить двум господам, если поведение его казалось каким-то скрытным, нерешительным, двусмысленным и не вполне отвечало желаниям и видам правительственной власти в Москве. При всем том роковое событие совершилось в его управление западно-русскую церковь: при нем соединилась она с восточно-русской церковью, хотя это соединение было пока неполное или только начало соединения, соединение лишь фактическое, а не правовое, соединение, которое не раз еще, более или менее, нарушалось, пока не утвердилось окончательно, с согласия самого константинопольского патриарха. Еще при жизни киевского митрополита Сильвестра Коссова московский патриарх начал называться патриархом не только великие, но и малые и белые России.»

В 1657 г. умер и гетман Богдан Хмельницкий. С этого времени начинается великая смута в Малороссии, сильно отразившаяся и на церковных делах. Казачьей «старшине» желательна была полная автономия их края и им не нравилось, что из Москвы посылали гарнизоны в малороссийские города. Они начали мечтать об отделении от Москвы и о новом договоре с Польшей. Так и повел дело новый выборный гетман Иван Выговский. Он открыто восстал против Москвы и передался Польше. Однако против «старшины» восстали простые казаки, не желавшие подчинения Польше. Выговский, с помощью татар, нанес сильное поражение московским войскам под Конотопом (1659).

На его стороне всецело был новый митрополит *Дионисий Болобан*, решительно отказавшийся принять посвящение в Москве и явно тянувший к Польше. В Москве решено было управление западно-русской Церковью возложить на наместника. С согласия царя Алексея, митр. Питирим, управлявший патриархией, определил на эту должность известного государю нежинского протопопа Максима Филимонова, посвятив его в 1661 г., после пострижения с именем *Мефодия*, в епископа Мстиславского. Но его наместничество не было признано ни константинопольским патриархом, ни многими западно-русскими епископами. Митр. Дионисий не признал его епископом, посвятив на Мстиславскую кафедру *Иосифа Нелюбовича-Тукальского*. Много повредил Мефодию и патр. Никон, наложив за его самовольное посвящение (без разрешения от него, патриарха) анафему на Питирима. После измены Выговского Малороссия разделилась на две половины – польскую за Днестром и русскую по левую сторону Днестра. Пошли междоусобия и измены гетманов, менявших свое подданство. После смерти в 1663 г. Дионисия, на правой стороне Днестра, митрополитом был избран еп. Мстиславский Иосиф. Другой группой в той же части Малороссии митрополитом выбран был еп. перемышльский *Антоний Винницкий*. Неизбежная смута между ними не разыгралась только потому, что в следующем году митр. Иосиф попал в плен к полякам и два года томился в тюрьме в

Мариенбурге. На восточной – левой – стороне Днепра продолжал править еп. Мефодий. Но при гетмане *Иване Брюховецком*, начавшем хлопотать в Москве о поставлении настоящего митрополита, еп. Мефодий, вместе с известным печерским архимандритом Иннокентием Гизелем и рядом других монахов заявили, что они запрутся в своих монастырях, если в Киеве будет московский митрополит (Знаменский).

Противомосковской партии много помогало недовольство в Малороссии Москвой за *Андрусовское перемирие* (1667). Оно было заключено в деревне Андрусово вблизи Смоленска сроком на 13 с половиной лет. Царь отказался от Литвы, но удержал за собою Смоленск и Северскую землю, отнятые от Москвы в смутное время. Приобрел он Левобережную Малороссию и на правом берегу Киев (уступлен поляками на два года, но остался за Москвой навсегда). Разделение Малороссии не могло удовлетворить ее обитателей.

Правобережный гетман *Петр Дорошенко* поддался тогда Турции, надеясь с ее помощью освободиться от польской неволи. Турецкая партия усилилась и в левобережной Малороссии, когда появился слух, что царь хочет и остальной край отдать под унию и польского короля. К этой партии пристали и *Мефодий* с *Брюховецким*, которым Дорошенко посулил первому независимую митрополию, а последнему – гетманство на обеих сторонах Днепра. Но лишь только Брюховецкий променял царя на султана, Дорошенко убил его, желая остаться гетманом. Обманул он и Мефодия. Дорошенко удалось освободить из плена *Иосифа Нелюбовича-Тукальского*. Последний снял с Мефодия сан и заточил его. Тому удалось бежать в Москву, но и там его заточили в монастырь за измену. На восточной стороне не хотели повиноваться митр. Иосифу. Вместо Мефодия там всеми делами управлял старший из епископов, владыка черниговский *Лазарь Баранович*. Константинопольский же патриарх законным митрополитом признавал Иосифа, который пользовался любовью и уважением. К нему очень хорошо относился будущий Святитель Димитрий Ростовский. Митр. Иосиф до самой смерти в 1676 году оставался при Дорошенко в Чигирине. Делал он это по

отвращению к Польше, опасаясь дальнейших уступок последней со стороны Москвы. Он умолял царя не отдавать Киева ляхам – врагам православия. В одном из писем своих к боярину Ордыну-Нащокину он вылил свою душу в следующих строках: «По беззакониям моим, которым нет числа, не признаю я себя душою, страждущей за благочестие... В горести душа моя. Как могу называться пастырем, когда растеряно стадо. О! да соберет его Создавший и Искупивший Своею кровию».

За два года до смерти митр. Иосиф ослеп. Во время обстрела Чигирина кн. Ромодановским и верным царю гетманом Самойловичем, когда дом митрополита был разбит гранатами, он заболел. Крымский хан прислал доктора лечить его. Соловьев отмечает то, о чем тогда говорили в Чигирине: «Когда митрополит Иосиф Тукальский лежал при смерти, то Дорошенко навещал его безпрестанно и умирающий заклинал его именем Божиим, чтоб отстал от Турецкого султана и бил челом в подданство великому государю; если же не сделает то пропадет. Дорошенко за это осердился на Иосифа и не ходил к нему до самой смерти». В 1677 г. Дорошенко подчинился царю Федору Алексеевичу и прибыл в Москву. В 1679 г. он был назначен воеводой в Вятку.

Со смертью митр. Иосифа церковное управление на обеих сторонах Днепра перешло в ведение старшего из епископов владыки *Лазаря Барановича*. Польский же король еще в 1673 г. назначил администратором митрополии львовского епископа *Иосифа Шумлянского*, тайно давшего ему присягу в признании папы. Но православные, вне его епархии, власть его не признавали. В то же время принял тайно унию один из сподручников Шумлянского Иннокентий Винницкий, получивший потом перемышльскую кафедру. Чистович пишет: «Когда таким образом уния приобрела два важнейших епископских престола, казалось возможным возобновить попытку общего соединения всех православных русских польской короны в одну униатскую церковь. Ян Собиесский, хотя не такой фанатик, как Сигизмунд III, однакож горячо взялся за это святое дело и универсалом от 19-го октября 1679 года приглашал митрополитов, епископов, настоятелей монастырей и все духовенство униатское и

православное, а также и светских лиц, в Люблин на дружелюбное совещание, которым должны быть разрешены все несогласия и споры между униатами и православными; на самом же деле «по своему усердию и унитскому желанию хотячи Русь православную, под державою короны польской обретающуюся, на унию пре- формовати».

Православные прибыли в Люблин на съезд, открытый 14/24 января 1680 г. Все сделано было для их уловления. Совершили торжественные богослужения униатские митрополит Жоховский и епископы Владимирский, холмский, пинский. В католическом костеле проповедник иезуит восхвалял восточную Церковь и заявил, что кто не держится восточной православной Церкви, тот не получит спасения! Но православные были тверды и объявили, что без сношения с константинопольским патриархом ничего не могут предпринять. В 1681 г. еп. Иосиф Шумлянский представил новый проект соединения с римской церковью («способ згоди церквей»). Но проект не получил осуществления. Иосиф, управляя под видом православного митрополита, постепенно ставил епископами тайных униатов.

Московский договор 6 мая 1686 г. с Польшей утвердил за Россией на вечные времена Киев, Чернигов, Смоленск и еще 56 городов. Правая сторона Днепра, Киевская область, Волынь и Подолье остались еще на полтора века за Польшей, получив название *Польской Украйны (окрайны)*. По этому договору поляки обязывались предоставить православным полную свободу исповедания веры и отправления богослужений; возвращались православным епархии: луцкая, галицкая, перемышльская, львовская и могилевская; епископы их ставились в зависимость от русского митрополита; русскому правительству предоставлялось право наблюдения за исполнением сего, следовательно и право заявления ходатайств и даже требований относительно нужд православных, если бы они подверглись стеснениям.

Все более назревал вопрос о воссоединении киевской митрополии с московской патриархией. Вести об этом переговоры с гетманом Иваном Самойловичем поручено было способнейшему думному дьяку Емельяну Украинцеву, который в

ноябре 1684 г. прибыл в Батурин. До разговора с гетманом он повидался с жившим в этом городе, в Крупецком мон., епископом луцким Гедеоном, в миру кн. Святополк-Четвертинским, покинувшим свою епархию из за гонения католиков. Во время последовавшего затем разговора Украинцева с Самойловичем выяснилось, что последний сочувствует воссоединению митрополии, с тем чтобы гетман и малороссийский народ и впредь выбирали бы митрополита. По этому вопросу он собирался советоваться с духовными и мирскими лицами, и просил снестись по этому поводу с константинопольским патриархом. При этом гетман добавил: «Знаю я подлинно, что это дело не любо будет архиепископу черниговскому» (Лазарю Барановичу).

В июле 1685 г. в Киеве съехались избиратели. Архиеп. Лазарь на митрополичьи выборы не поехал и не послал никого из знатного духовенства. 8 июля митрополитом единогласно был избран владыка Гедеон. Извещая об этом царей Иоанна и Петра, Самойлович просил, чтобы киевская митрополия считалась первою между русскими митрополиями, чтобы было получено согласие патриарха константинопольского на уступку своих прав на киевскую митрополию патриарху московскому; чтоб московский патриарх поставлял и благословлял бы митрополита киевского, но в суды его не вступался, что не делал и константинопольский патриарх; чтоб киевский митрополит носил митру со стоячим крестом, и чтоб в его епархии перед ним носили крест. В Москве согласились с этими и другими пунктами, но, естественно, отвергли желание, чтобы митрополит носил титул экзарха константинопольского патриарха. В конце 1685 г. отправились в Турцию московский посланник Никита Алексеев, в сопровождении гетманского посланца Лисицы. В Адрианополе, где тогда находились султан и великий визирь, посланцы побывали у пребывавшего там иерусалимского патриарха Досифея. Последний заявил, что не будет советовать константинопольскому патриарху отказываться от киевской митрополии, т. к. это, будто-бы, запрещено Правилами Св. Отец. Алексеев уговаривал патриарха тихо и ласково, Лисица же резко заявил: «Гетман, все войско

Запорожское и народ Малороссийский в подданстве у великих государей; гетман желает, чтоб и духовный чин был весь под благословением Московского патриарха, да как уже сделано, тому так и быть». Патр. Досифей остался при своем мнении, добавив, что «константинопольскому патриарху нельзя сделать без визирского указа». К этому времени прибыл в Константинополь патриарх Дионисий, вновь возведенный на престол. Алексеев посетил визиря и объявил ему о желании царей насчет киевской митрополии. Визирь сказал, что поддержит царскую волю. В это время турки, угрожаемые войной с трех сторон, хотели поддержать мир с Москвой. Алексеев отправился с вестями к Досифею и нашел в нем совершенную перемену: «Я», сказал он, «приискал в Правилах, что вольно всякому архиерею отпустить из своей епархии к другому архиерею; я буду уговаривать патриарха Дионисия, чтоб он исполнил волю царскую, и сам буду писать государям и к патриарху Иоакиму и благословение от себя подам особо, а не вместе с Дионисием». Патр. Дионисий, с своей стороны, не сделал ни малейшего возражения, обещал во всем исполнить царскую волю, как только возвратится в Константинополь и соберет митрополитов. Благодаря предстательству Алексеева перед визирем, позволено было вновь построить в Константинополе сгоревшую церковь Иоанна Предтечи. Из Адрианополя Алексеев поехал в Константинополь, где получил от патриарха Дионисия все нужные по киевскому делу бумаги, и поднес ему 200 золотых и три сорока соболей. Одарен был и патр. Досифей. Дионисий, приводя пример царя Феодора Иоанновича, приславшего жалованье всем архиереям, подписавшимся на грамоте об установлении московского патриаршества, просил о присылке жалования архиереям, подписавшимся на грамоте об уступке киевской митрополии (Соловьев). В 1687 г. патриарх прислал грамоту, утверждавшую новый порядок. *Прекратилось свыше двухсотлетнее разделение единой Русской Церкви.*

В 1692 г. посланник при польском дворе дьяк Борис Михайлов доносил в Москву посольскому приказу, что «по подлинному его осведомлению, перемышльский епископ

Винницкий принял самовольно унию». Сообщал он и о про-униатской деятельности епископа львовского Шумлянського. Заявил он протест польскому министерству, которое ответило, что Винницкий и шляхта приступили к «римскому костелу» добровольно, воспретить чему права польские не позволяют. В 1693 г. посланник имел конференцию с польскими министрами о чинимых в Польше и Литве грекороссийского исповедания людям обидах и обращении их в унию. Сенаторы возражали, что король и сенаторы в дела российские не вмешиваются, что паны в маестностях своих могут отменять, что хотят. При этом они отметили, что из Москвы, в противность договору, высланы иезуиты и что там «в римской вере неволя и запрещение; однакож они в том не указывают». В 1700 г. прибыл в Варшаву Шумлянський и торжественно учинил в Троицын день присягу на униатство. Вернувшись во Львов Шумлянський начал насильно отбирать церкви и принуждать на унию. По настоянию русского посланника король Август II дал указ Шумлянському прекратить насилия. Но канцлер великий коронный, бискуп перемышльский, не приложил к указу коронную печать (Чистович).

Часть пятая. Церковь в восемнадцатом столетии.

Царствование Петра Великого

В первый год нового столетия преставился патриарх Адриан. Царем был 28-летний Петр Алексеевич, одиннадцатый год на деле правивший государством. Великий преобразователь, жертвенно посвятивший себя царственному служению России, требовавший того же от всех своих подданных, заимствуя многое от пленившего его воображение, своими техническими достижениями, Запада, стремившийся вследствие этого усилить внешнюю мощь отечества, он не останавливался перед, порою чрезмерной, ломкой своего родного. Таковая ломка произведена была царем и в отношении канонического строя Церкви.

Греша непристойными забавами, затрагивавшими духовный и царский чины, царь Петр был верующим и церковным. Он любил петь на клиросе и читать Апостола, в частности в воздвигнутом им Св. Троицком храме в только-что создавшемся С.-Петербурге. В 1693 г. он писал царице Наталии Кирилловне: «изволила ты писать, что передала меня в паству Матери Божией. И такова пастыря имеючи, почто печаловать? Тоя бо молитвами и предстательством не точию я один, но и мир весь сохраняет Господь». Читал он в Великую Субботу паремии в Соловецком монастыре. Духовником его некоторое время был подвижник, прозорливец иеромонах Иов, основатель Голгофо-Распятского скита в Соловецкой обители. В последней иконостас в Св. Преображенском храме воздвигнут был по его повелению в 1697 г. По его же распоряжению при нем построена была в 1702 г. церковь на Заячьем острове в Соловецком мон. В 1694 г. царь был застигнут сильной бурей в Белом море и молился о спасении. Судно его добралось до Унской губы. Там находился Пертоминский мон., возникший на месте погребения праведных иноков соловецких, Вассиана и Ионы, утонувших вблизи в 1561 или 1566 г. г. Они чудесно помогали обращающимся к их предстательству. Петр и свое спасение объяснил тем же. Он просил архиеп. Холмогорского Афанасия об обретении их мощей, что и было исполнено. Установлено

было им местное празднование. Им возобновлен был Новгородский Перекомский мон. Церковь в Вознесенском мон. в Смоленске построена Петром, прибывшим карать стрельцов и помиловавшим их по просьбе игумении Марфы. Валаамская обитель, после разорения ее шведами 100 лет пребывавшая в запустении, восстановлена была царем. Новую столицу свою он отдал под небесное покровительство преп. Исаакия Далматского, в день памяти которого родился. Им перенесены были в С.-Петербург из Владимира мощи Благ. вел. кн. Александра Невского. «А икона Успения?» с волнением спросил он, получив известие о сильном пожаре в Киево-Печерской Лавре. «Ну, так Лавра цела», с радостью воскликнул царь, узнав, что святыня уцелела. Находившийся в часовне в Петербурге чудотворный образ Спасителя брался всегда Петром с собою в походы. Проникнуты религиозностью его приказы до и после Полтавской битвы. Им была пожертвована рака к мощам преп. Ефрема Новоторжского. В Усть-Желтиковом мон., где одно время пребывал в заключении царевич Алексей Петрович, строго покаравший его отец построил потом церковь во имя Святителя Алексия. Церкви Сампсониевская и Пантелеймоновская в Петербурге были воздвигнуты Петром в память побед под Полтавой и при Гангуте. Петропавловский собор в столице основан в день рождения Петра. В Воронеже в Успенском соборе, в котором царь пел на клиросе, хранились крест и Евангелие, им подаренные. Наказал он дубинкой, посланного им учиться за границей В. Н. Татищева, будущего историка, по возвращении вздумавшего вольнодумничать. После наставления, ударив его дубинкой, Петр сказал: «Не соблазняй верующих честных душ; не заводи вольнодумства, пагубного благоустройству; – не на тот конец старался я тебя выучить, чтобы ты был врагом общества и Церкви».

С. М. Соловьев, как историк, так освещает церковный вопрос: «Важные преобразования в первое пятилетие нового века коснулись духовенства. Мы уже видели, в каком положении находилось русское духовенство при повороте России на новый путь, повороте, начавшемся до Петра, истекавшем из всего предшествовавшего хода истории.

Недовольство этим положением было высказано громко и резко и в приговорах соборных и указах, направленных против разных злоупотреблений и нравственных беспорядков; но этим протестом все и окончилось; самостоятельного движения к исправлению сознанного зла не обнаружилось. Сознав зло и при этом не обнаружив силы, достаточной для его искоренения, духовенство необходимо отрекалось от права на это искоренение в пользу другой силы. Несостоятельность духовенства преимущественно происходила от недостатка просвещения, жажду которого так ясно выразило русское общество в конце XVII века. Общество имело право требовать, чтоб духовенство, учительное сословие, взяло на себя почин в этом деле и руководило других; но и это требование осталось неудовлетворенным. Учреждена была в Москве Академия, вверенная надзору духовенства, прямо направленная к поддержанию Церкви; но духовенство не воспользовалось ею. Петр говорил патриарху Адриану: «Священники ставятся малограмотные; надобно их сперва научать таинствам и потом уже ставить в тот чин; для этого надобно человека и не одного, кому это делать, и определить место, где быть тому. Надобно промыслить, чтоб и Православные христиане, и зловерцы – Татары, Мордва, Черемисы и другие – познали Господа и закон Его; для того послать бы хотя несколько десятков человек в Киев в школы И здесь есть школа, можно бы и здесь было об этом деле порадеть; но мало учатся, потому что никто не смотрит за школою как надобно; нужен для этого человек знатный чином, именем, богатый, и нет его. Евангельское учение – вот знание Божеское, больше всего в жизни сей нужное людям. Многие желают детей своих учить свободным наукам, и отдают их здесь иноземцам; другие же в домах своих держат учителей иностранцев, которые на славянском нашем языке не умеют правильно говорить, кроме того иноверцы, и малых детей ересям своим учат, отчего детям вред и Церкви нашей Святой может быть ущерб великий, а языку нашему от неискусства повреждение, тогда как в нашей бы школе, при знатном и искусном обучении, всякому добру учились.»

Царь получил сообщение о кончине патриарха под Нарвой, где находился с войском. Соловьев пытается проникнуть в тогдашние думы Петра. Последнему необходим был патриарх, сочувствовавший его преобразованиям и на которого он мог бы положиться, часто и подолгу отсутствуя из Москвы. Памятно было ему дело патриарха Никона. Решительный патриарх в настоящее время мог стать более опасным, окажись он во главе недовольных преобразованиями. «Благоразумно ли было», поясняет мысли государя Соловьев, «к сильной борьбе внешней и внутренней присоединить возможность борьбы с патриархом, которая, и окончившись счастливо для царя, во всяком случае дала бы ему печальное значение гонителя, а жертва получила бы для многих и многих значение св. мученика?». Петру нужен был патриарх ученый, способный сильно двинуть образование духовенства. Такие ученые имелись среди монахов малороссийских. Но, при тогдашних отношениях между Великой и Малой Россией, неудобно было ставить патриархом уроженца последней. Соловьев считает, что в то время мысль об уничтожении патриаршества у Петра еще не созрела.

Вслед за известием о смерти патриарха, государь получил письмо от Алексея Курбатова. Последний был дворецким известного западника, боярина Бориса Петровича Шереметева, с ним был за границей, что не осталось безплодным для него, обладавшего способностями. Им была подана царю мысль о введении гербовой бумаги, чем увеличивался бы доход государства. Петр сделал его «прибыльщиком» – прообраз министра торговли и промышленности.

А. А. Курбатов писал царю: «Больному патриарху трудно было смотреть за всем, от чего происходили беспорядки по духовному управлению. Избранием архимандритов и других освященного чина людей заведывал архиерей, который, как известно, сам собою править не может: где же ему избирать? Избранием патриарха думаю повременить. Определение в священный чин можно поручить хорошему архиерею с пятью учеными монахами. Для надзора же за всем и для сбора домовою казны надобно непременно назначить человека надежного: там большие беспорядки; необходимо

распорядиться монастырскими и архиерейскими имениями, учредить особый Расправный Приказ для сбора и хранения казны, которая теперь погибает по прихотям владельцев. Школа, бывшая под надзором патриарха и под управлением монаха Палладия, в расстройстве; ученики, числом 150 человек, очень недовольны, терпят во всем крайний недостаток и не могут учиться; потолки и печи обвалились. Мог бы я и о другом о многом донести, да очень боюсь врагов. Из архиереев для временного управления, думаю, хорош будет Холмогорский (Афанасий); из мирских для смотрения за казною и сбора ея очень хорош боярин Ив. Алексеевич Мусин-Пушкин, или стольник Дм. Петр. Протасьев.»

Предположения Курбатова соответствовали намерениям царя. 16 дек. 1700 г. состоялся именной указ: Патриаршему Приказу Разряду не быть, а дела по челобитиям мирских людей на духовных и духовных на мирских отослать по Приказам, где кто ведом; дела же о расколе и ересь ведать преосвященному Стефану, митрополиту Рязанскому и Муромскому. Он наименован был: «Екзархом святейшего патриаршего престола, блюстителем и администратором». В январе 1701 г. указано было ведать дом св. патриарха, дома архиерейские и монастырские дела боярину Ивану Алексеевичу Мусин-Пушкину; сидеть в патриарше дворе в палатах, где был Патриарший Разряд, и писать *Монастырским Приказом*. Восстановлено учреждение того же именованья, существовавшее в царствование Алексея Михайловича.

Приведенные выше соображения, высказанные царем патриарху Адриану о необходимости просвещения народа при посредстве духовенства, объясняют выбор им местоблюстителя. Он ценил иерархов великороссов: Свят. Митрофана, митр. Иова, и архиеп. Афанасия, о которых сказано будет дальше. Но для поставленной им духовенству цели ему нужен был иерарх *ученый*. Такого же, в его представлении, нужно было найти среди выходцев из Малороссии, где просвещение стояло высоко.

Владыка *Стефан Яворский*, род. в 1658 г., происходил из православной шляхты; был уроженцем м. Яворова, западнее

Львова. Усердно учился он в Киевской Академии, затем во Львове, Люблине, Вильне и Познани в католических школах, будучи, как тогда часто было принято, внешне униатом. По окончании наук Стефан принял постриг в православной обители в Киеве, состоял профессором, потом и префектом Академии. В 1700 г. он, будучи игуменом Никольского Пустынного мон., был послан митр. киевским Варлаамом Ясинским, вместе с другим игуменом, в Москву, с просьбой к патриарху Адриану поставить одного из них на вновь учрежденную Переяславскую кафедру (Переяславля южного). Проповедь Стефана при погребении фельдмаршала Шеина понравилась Петру, и он пожелал иметь его вблизи себя. Решение царя встречено было несочувственно в Москве. Стефана называли поляком, обливанцем, латынником. Он, зная это и имея другия соображения, отказывался от кафедры. Царь настоял на поставлении его митрополитом рязанским и назначил местоблюстителем.

Не поколебало решения царя и обращение к нему в 1702 г., почитавшегося им, патриарха иерусалимского Досифея, который разделял несочувствие москвичей к «черкасам» (так именovali в Москве малороссиян). Патриарх просил не назначать епископами греков и черкас, а только москвичей, «аще и не мудрии суть». Он писал: «Чтобы и в патриархи не попал ни грек, ни иные какие породы человек, сиречь от Малые и Белые России, которые вскормилися и учатся в странах и школах латинских и полонских».

Новый порядок, установленный царем в Церкви в основном сводился к следующему: во главе церковного управления стоит местоблюститель патриаршего престола и, наряду с ним, для заведывания хозяйственными делами, Монастырский приказ, со светским его начальником. Верховным авторитетом в делах религии признавался Собор архиереев. Духовенству Петр предъявлял требование воспитывать добрых граждан, полезных государству, заботясь о поднятии у них нравственности и образованности.

Митрополит Стефан, сочувствуя сначала преобразовательной деятельности государя, восхвалял его в проповедях. Но постепенно он начал осуждать отдельные его

распоряжения, которые считал посягательством на свободу Церкви. Будучи воспитанным на католических системах богословия, отстаивавших церковный авторитет, церковное предание, он считал *патриаршество* необходимым для управления Церковью. Возможно митр. Стефан видел себя будущим патриархом. Постепенно он идейно сблизился с великоруссами противниками мероприятий Петра, касавшихся духовенства. В проповедях митрополита говорилось то, что воспринималось как порицание царю. Высказывал он осуждение не хранящим постов, оставляющим жен своих. Во время войны с турками царь, минуя митр. Стефана, получил от константинопольского патриарха разрешение не соблюдать посты для войска, двинувшегося в Прутский поход. Петр насильственно постриг царицу Евдокию (Лопухину) и женился на Екатерине, будущей императрице. В 1712 г., в единомыслии с недовольными мероприятиями царя, он, в день Ангела цесаревича Алексея, назвал его «единой надеждою России».

В начале XVIII в. в Москве образовался кружок вольнодумцев, пропитанных протестантством. Участники его отвергали почитание святых и мощей, чудеса, пророчества, авторитет Церкви. Не признавали они таинства, почитание икон, монашество и обрядовую сторону религии. Во главе довольно многочисленного кружка стоял лекарь *Димитрий Тверитинов*, учившийся в Немецкой слободе и там заразившийся протестантизмом. Придумывал он и свое. Так не принято было им от своих учителей учения об оправдании человека одной верою. Все – в делах и заслугах. Не спасут небесные ходатаи и молитвы. Самым рьяным последователем был его родственник, цирюльник Фома Иванов. Ересь беспрепятственно распространялась, проникла даже в московскую академию. Через последнюю духовная власть в 1713 г. добралась до еретиков. Митр. Стефан немедленно пустил дело в розыск и повел его гласно, привлеки к раскрытию виновных и органы гражданской власти – Преображенский приказ.

Тверитинов и его единомышленник фискал Косов отправились в Петербург с жалобой на митр. Стефана, нашли там поддержку у кн. Якова Долгорукова и влиятельного

архимандрита Александро-Невского монастыря Феодосия Яновского, не любившего Стефана. По государеву указу дело рассматривалось в Сенате. Еретики словесно отреклись от своего лжеучения. В июне 1714 г. последовал государев указ об отсылке их к митр. Стефану для освидетельствования их духовно, «истинно ли они Православную веру содержать твердо»; взятия от них в сем письменного исповедания, обязав объявить то же, в торжественный день, в соборной церкви. Фому, по розыску оказавшегося неисправным, приказано духовно исправить, и если в познание придет, то и с ним поступить так же, если же нет, отослать его в гражданский суд; Тверитинова, на основании свидетельства духовника, объявить всенародно в соборе, что противления в церковных догматах никакого за ним не признано, дабы мнение о нем искоренить. Митр. Стефан, имея в руках явно еретические сочинения Тверитинова, считал себя в праве поднять снова дело. Он велел разослать еретиков в разные московские монастыри и держать их там за крепким караулом; бумагу и чернила давать только Тверитинову, если он пожелает написать полное отречение от ересей. При этом митрополит объявил, чтоб всякий приносил доносы на еретиков, а кто утаит, – будет под соборною клятвою. К владыке поступил после этого обширный обвинительный материал. (Соловьев).

В Сенате возникло дело по обвинению митр. Стефана в неисполнении царского указа. Он вызван был в Сенат, где вновь рассматривалось дело Тверитинова. Владыка подвергался грубым нападкам сенаторов. Заступались за него только Меншиков и Апраксин. Имеются сведения, что Петр, узнавши о ходе дела, писал сенаторам, чтоб: «суд вели правильное, следовали бы настоящее им порученное дело, и посторонних дел и речей не приносили; чтобы крику не было, а было бы все благочинно». Митр. Стефан жаловался царю о неправильном ведении дела Сенатом и учиненной ему обиде. Дело еретиков осложнилось происшедшим в Москве. 5 окт. 1714 г. Фома Иванов, находившийся под надзором в Чудовом мон., приведенный в Благовещенскую церковь, после заутрени, вынул косарь (широкий нож) и перерубил по лицу образ Свят.

Алексия. Допрошенный в Патриаршем Приказе он был отослан в Преображенский Приказ, где показал, что «порубил образ для того, что икон, креста и мощей не почитает...» Дело об еретиках длилось весь 1715 год. 21 февр. 1716 г. царь дал указ Сенату «По делу Дмитрия Тверитинова разыскав и оное конечно вершить, и которые по тому же делу приносят или принесут вины свои, тех разослать к архиереям в служении при их домах, чтоб непоколебимы были в вере, а которые не принесут вин – казнить смертию». Не принес покаяния один Фома Иванов – и был казнен (Соловьев).

Для охранения православных от увлечения протестантскими идеями владыка Стефан написал большой полемический трактат «*Камень веры*». Таковой представляет полную систему христианского вероучения, с опровержением всех заблуждений протестантов, как догматического, так и обрядового характера. Царь остался недоволен сочинением митр. Стефана, как обидным для протестантов, и не позволил его напечатать.

Особенно тяжело отозвалось на местоблюстителе и всей иерархии политические дела, возникшие в 1718 г. против царевича Алексея и матери его, бывшей царицы Евдокии Лопухиной. В них замешаны были духовные лица. Выяснилось, что духовник царевича Алексея, Иаков Игнатьев, был злейшим врагом Петра. Однажды, на исповеди, когда царевич со страхом признался ему, что желает отцу смерти, тот успокоил его, говоря: «мы все желаем ему смерти». Духовник царицы Евдокии, Феодор Пустынный, ростовский архиерей Досифей и юродивый Михайло Босой говорили ей о близкой смерти царя и о скором возвращении ея на царство. Слова свои они подкрепляли разными пророчествами и видениями. Царевич, бежав к родственному ему императору в Вену, писал из заграницы письма владыке *Досифею*, крутицкому митрополиту *Игнатию Смоле*, киевскому митрополиту *Иоасафу Кроковскому*, что он более всего надеется на духовенство. Был заподозрен в связи с царевичем и митр. *Стефан*, которого партия Алексея и сам он считали своим. Царевич Алексей высказывался так: «Когда будет мне время без батюшки (царь намеревался

выехать за границу), тогда шепну архиереям, архиереи приходским священникам, а священники прихожанам, тогда они и нехотя меня владетелем учинят.» Освященный собор судил духовных лиц. Митр. Досифей заявлял на суде: «Только я один попался ... Посмотрите, и у всех что на уме ...» Лишенные собором сана и отданные на суд гражданской власти митр. Досифей, протопопы Иаков Игнатьев и Феодор Пустынный были казнены. Митр. Иоасаф скончался скоропостижно еще раньше розыска по дороге из Киева в Петербург. Митр. Игнатий, по старости, был уволен в 1721 г. на покой в Нилову пустынь. Во все время розысков царь находился в страшном раздражении и высказывал крайне резкие отзывы о духовенстве. «О бородачи!» говорил он. «Отец мой имел дело с одним, а мне приходится иметь дело с тысячами. Когда бы не монахиня (Евдокие) и не монахи, не дерзнул бы Алексей на такое неслыханное дело». Отношение его к митр. Стефану еще ухудшилось. В 1718 г. он был вызван в Петербург и получил указание от него проживать там. Возражения владыки не были им приняты. В Петербурге митр. Стефан встретился с начинавшим выдвигаться, тогда уже епископом, Феофаном Прокоповичем, против которого, как еретика, выступал в Киеве.

Соловьев пишет: «Несмотря на все столкновения с блюстителем патриаршего престола, несмотря на то, что последний провозгласил его достойным отчуждения от Церкви, Петр не удалял Стефана, за которым, в его глазах, были достоинства и заслуги. Говорят об уменьи Петра отыскивать повсюду способных людей; но, как бы ни было велико подобное уменье, все же оно одно недостаточно, потому что способных людей никогда очень много не бывает, и нужно еще другое уменье, – уменье сохранять способных людей. Этим уменьем, требующим особенного нравственного величия, также обладал Петр, чему разительным примером служит его поведение относительно Яворского после знаменитой проповеди 17 марта 1712 года». Проповедь эта вызвала возмущение сенаторов, слушавших ее. Они вытребовали проповедь на письме для отсылки государю. «Петр», пишет Соловьев, «получа проповедь и прочтя в ней обличение человеку, бросившему свою жену, не

хранящему постов, не слушающему Церкви и потому долженствующему быть для членов Церкви как язычник и мытарь, заметил собственноручно: *«Перво одному, потом с свидетели»*. Из этого видно, что Петр не считал проповедника обязанным щадить слабости и пороки сильных; но, в свою очередь, заметил, что и Стефан не соблюл евангельского правила, повелевающего обличить сначала наедине, потом со свидетелями, и наконец уже в церкви. Стефан написал ему оправдательное письмо.»

В Новгородской епархии царь обратил внимание на архимандрита Хутынского мон., *Феодосия Яновского*, родом из польской шляхты. Во время гонений в Москве против малороссов- духовных, он переехал к митр. Иову, который тогда собирал вокруг себя ученых людей для просвещения своей епархии. Принятый милостиво, он сделался одним из первенствующих его архимандритов. Он являл собою, новый в России, тип светского в духовном звании, был далек от истинного иночества, но умел нравиться. В 1712 г. царь, приблизил его, сделав архимандритом только-что основанного Александро-Невского мон., правителем духовных дел в новой петербургской области и доверенным лицом по духовным делам. Петр не углублялся в религиозные убеждения Феодосия, не смущала его и вызывавшая нарекания, жизнь тогдашнего любимца. Он ценил в нем неглупого человека, приспособившегося к требованиям времени, борца против суеверий и раскола, удобного помощника в предпринимавшихся им церковных преобразованиях. Феодосий отличался заносчивостью, неуживчивостью, вмешательством в чужия дела и высокомерием. В 1716 г. он был поставлен на Новгородскую кафедру.

Несравнимо способнее, умнее и ловчее его был новый любимец Петра. Елеазар Прокопович родился в 1681 г. в семье киевского торговца. Дядя его Феофан Прокопович занимал пост ректора Академии. Елеазар обучался в Академии, для усовершенствования же в латинском языке отправился учиться за границу. Карташев пишет о нем: «Пришлось вступить для полноправного прохождения римской Униатской Коллегии Св.

Афанасия в Базилианский орден и стать монахом с именем Елисея, иезуиты не могли не оценить выдающихся способностей тогдашнего Елисея Прокоповича и предлагали ему войти в их орден и остаться ученым работником при Ватиканской библиотеке. Но Феофан сумел утаить от них свое нутро, глубоко и враждебно оттолкнувшееся от всего романизма и перетянутое целиком на сторону реформационного богословия. Нет документальных материалов для вскрытия этого процесса в душе молодого Прокоповича. Но факт его яркого и учено-обоснованного перехода в лагерь антипапистов свидетельствует, что этот своего рода переворот произошел в его душе уже в ученические римские годы. «Похитив» школу и ученость, Прокопович вернулся в 1702 г. в Киев и здесь снял с себя, по обычаю, весь маскарад униатства. Его снова постригли и дали ему новое имя Самуила. Самуил стал профессором пиитики в Академии. В 1705 г. Феофана почтили по его желанию новой переменной имени в честь его покойного дяди Феофана. Феофан последовательно вел курсы риторики, потом философии, а с 1714 по 1716 г.г. и высший курс богословия. Тут-то на изложении богословия и обнаружился во всей силе усвоенный им самоуком из целых библиотек перечитанного им на латинском языке протестантского богословия новый исторический и критический метод изложения догматов.» В 1706 г. Петр впервые слышал приветствие Феофана, ораторское искусство которого ему понравилось. В 1709 г. киевский губернатор кн. Дм. Мих. Голицын, отвечая Головкину на запрос его о настроениях монахов и студентов Братского мон., выходца из Польши, отвечал 15 февр.: «...узнать, нет ли в ком из монахов подозрения – трудно, потому что монахи все нас чуждаются; во всем Киеве нашел я только одного человека, именно из Братского монастыря префекта, который к нам снисходителен». Это был Феофан. В 1709 г. Прокопович, тогда префект академии, приветствовал в Киеве Петра после Полтавской битвы. По приказанию царя слово это было переведено автором на латинский язык. Тогда же он приобрел расположение Меншикова, посвятив ему, преисполненное лестию, слово. В слове же, обращенном к царю, он использовал

то обстоятельство, что Полтавский бой был в день памяти пр. Сампсония. Тогдашнюю победу он сравнил с победой судии Сампсона над львом (лев помещался в гербе Швеции). В 1711 г. Феофан был вызван в царский лагерь во время Прутского похода, в качестве возглавителя военного духовенства. По возвращении оттуда, он был назначен игуменом Братского мон. и ректором Академии. Продолжая свою преподавательскую деятельность, Феофан издал ряд популярных рассуждений, диалогов и проповедей о различных богословских вопросах. Он был решительным противником всего католического в науке и жизни и поклонником новой европейской науки (Декарта и др.). Он решительно выступал против авторитета духовенства как учительского сословия; опровергал он мнение о первенстве духовной власти над светской. При таких взглядах понятно его сочувствие мероприятиям Петра и желание последнего иметь его своим ближайшим сотрудником. В 1716 г. Феофан был вызван царем в Петербург. Там он постоянно говорил проповеди, в которых выяснял современные события и преобразовательные планы Петра.

Среди духовенства вызывало большое подозрение его влечение к протестантизму. Повод к этому давали его обличения обрядовой религиозности. В протестантизме подозревали его и некоторые киевские ученые монахи, начиная с митр. Стефана. Двое из них, ректор московской академии *Феофилакт Лопатинский* (приехавший в Москву в 1704 г.) и префект *Гедеон Вишневский* (вызванный в 1714 г.), отыскивали в его киевских лекциях протестантские идеи, о чем и представили доклад митр. Стефану. Последний доложил об этом царю, с собственным мнением о невозможности Феофану быть епископом. Петр дозволил Феофану самому оправдаться против обвинений, что тому и удалось. Митр. Стефан вынужден был просить у него извинение. Феофан же затаил злобу против Феофилакта. К тому времени он еще более сблизился с Меншиковым. В 1718 г. Феофан Прокопович, по воле царя, был посвящен во епископа псковского и сделался его главным советником по церковным делам (Знаменский).

Архиепископ черниговский Филарет (Гумилевский), в своем «Обзоре русской духовной литературы», дает такой отзыв о нем: «Феофан одарен был умом логическим, твердым и проницательным, воображением живым, но без сильных чувств; тщеславие и властолюбие сильно волновали его; с тем соединялись в нем зависть и мстительность жестокосердная; отвращение от папизма, вынесенное из Рима, также имело большое влияние на мысли и жизнь его. Христианство хорошо известно было уму его, он знал его отчетливо и полно; но оно не было господствующим началом жизни его; хитрый и дальновидный, он умел находить себе счастье, не справляясь с совестью; в смертных муках, готовясь предстать пред суд Божий, говорил он в слух: «О главо, главо! разума упившись, куда ее преклонишь?»

Из иерархов-великороссов ближе всех был царю Петру Свят. Митрофан Воронежский. Уроженец Владимирской области, *Святитель Митрофан*, родился в 1623 г., принадлежа, по-видимому, к духовному званию. Был приходским священником; овдовев, был пострижен в 1663 г. в Успенской Злотниковской пустыни, недалеко от Суздаля. Настоятельством он сначала в Яхромском мон., потом в известном Унженском мон. в Костромском крае. В обеих обителях он проявил себя подвижником и ревностным управителем. Во епископа Воронежского он был поставлен в Москве в 1682 г. При нем в столице вспыхнул стрелецкий бунт в итоге которого правительницей государства сделалась царевна София Алексеевна. Владыка Митрофан наблюдал неистовства бунтовщиков. Большое впечатление тогда уже произвел на него юный царевич Петр, который тяжело переживал творившиеся вокруг него безчиния, убийство дядей своих Нарышкиных и мог ожидать того же для себя. При святителе происходили и безобразные споры раскольников с патриархом и другими иерархами. Он узрел бунтарство в его отвратительном виде и укрепился тем сильнее в понимании значения крепкой власти. Убедился он и в нетерпимости раскольников. Воронежский край, куда направлялся св. Митрофан, был, как раз, населен, в значительной степени, беспокойными окраинными людьми и

раскольниками. Христианские начала были плохо восприняты большей частью населения. Развиты были страшные пороки. Со всем этим новому иерарху пришлось бороться, ведя миссионерскую работу. Требовалось и очищение пастырей от плевелов, а также приведение в порядок обителей.

В Воронеже святителю пришлось встретиться с царем Петром, которого он любил, зная мальчиком. Воронеж был средоточием строительства судов. Владыка всячески поддерживал это царское начинание, в каком видел пользу для России. На строительство он собирал деньги в епархии и сам жертвовал. Царь оценил и любил св. Митрофана. Но их взаимные добрые отношения не помешали обличить царя владыке, когда он счел действия царские противными христианству. Он потребовал от Петра снять с его воронежского дома, помещенные там, изображения языческих богов (статуи), отказавшись приходить к царю, пока они не будут сняты. Царь рассердился и угрожал святителю казнью. Последний стал готовиться к смерти и распорядился благовестить ко всенощной в большой колокол. Петр послал спросить архиерея о причине благовеста. Святитель ответил посланцу: «Мне, как преступнику, словом царским назначена смерть; готовясь к смерти, хочу совершить соборное моление о прощении грехов моих, чтобы Господь явил надо мною милость Свою». Царь изумился решимости святителя умереть по ревности к делу Божию. Он послал успокоить его милостивым словом и приказал убрать статуи. Святитель пришел к царю и благодарил его за уничтожение изваяний, соблазнительных для народа. Петр с тех пор еще больше стал уважать святителя, который, в свою очередь, продолжал жертвовать на ратное дело.

Св. Митрофан скончался 23 ноября 1703 г., приняв схиму с именем Макария. Царь прибыл на его отпевание. Пели государевы певчие. Когда, по окончании отпевания, духовенство готовилось поднять гроб, Петр, обращаясь к свите своей, сказал: «Стыдно нам будет, если мы не засвидетельствуем нашей благодарности сему пастырю отданием ему последней чести. Итак, вынесем его тело сами». По окончании погребения

царь сказал приближенным: «Не осталось у меня такого святого старца».

Прославление св. Митрофана состоялось в 1832 г. в царствование императора Николая I.

Святитель *Димитрий Ростовский* родился в 1651 г. в м. Макарове, вблизи Киева. В киевской Академии им доведено было учение до классов красноречия и поэзии. В 1668 г. он принял иночество и первые годы его посвятил высокому аскетизму. Вызванный затем блюстителем киевской митрополии, архиепископом черниговским Лазарем (Барановичем) в Чернигов, он, поставленный иеромонахом, назначен был проповедником. Был он игуменом в нескольких монастырях и архимандритом древнего Елецкого мон. в Чернигове. В 1684 г. он был вызван архимандритом Киево-Печерского мон. Варлаамом Ясинским и получил от него предложение собрать и исправить Жития Святых. Попытки его предшественников были неудачны. После проделанной огромной работы ему удалось отпечатать первую часть в 1689 г. Об этом его труде речь будет ниже. Продолжал он свою работу, будучи назначен настоятелем новгород-северского мон.

В 1700 г. царь Петр поручил митр. Варлааму «поискать из архимандритов и игуменов, или других иноков, доброго и ученого и благого непорочного жития, которому бы в Тобольске быть митрополитом, и мог бы Божиею милостью исподволь в Китае и в Сибири в слепоте идолослужения и других невежествах закоснелых человек приводить в познание и служение и поклонение истинного живого Бога». Был избран Димитрий и посвящен в Сибирские митрополиты в марте 1701 г. Но слабость здоровья воспрепятствовала его поездке в Сибирь. В январе 1702 г., со смертью митр. Иосифа ростовского, Димитрий был назначен его заместителем. Пред святителем открылась печальная картина духовной скудости Ростовской епархии. Соловьев пишет: «Духовенство было невежественное, учить своих духовных детей не могло, и духовные дети тем легче увлекались проповедью какого-нибудь раскольничьего старца, который кричал против духовенства, отступившего от правой старой веры. «Окаянное наше время!» говорил

Димитрий в одной из своих проповедей, «окаянное время, в которое так пренебрежено сеяние слова Божия, и не знаю, кого прежде надобно винить, сеятелей или землю, священников или сердца человеческие, или тех и других вместе? Сеятель не сеет, а земля не принимает, иереи не берегут, а люди заблуждаются; иереи не учат, а люди невежествуют; иереи слова Божия не проповедуют, а люди не слушают и слушать не хотят. С обеих сторон худо: иереи глупы, а люди неразумны. Иерейские жены и дети многия никогда не причащаются; иерейские сыновья приходят ставиться на отцовские места; мы их спрашиваем: давно ли причащались, и они отвечают, что и не помнят, когда причащались. О, окаянные иереи, нерадящие о своем доме! Как могут радеть о Св. Церкви люди, домашних своих к св. причащению не приводящие?» Димитрий должен был увещевать иереев, чтобы они не рассказывали грехи детей своих духовных, открытые на исповеди; должен был внушать, что такой духовник есть Иуда предатель. Самое действительное средство против подобного состояния духовенства было надлежащее приготовление к священническому сану, и потому Димитрий завел училище при своем архиерейском доме, и сам ревностно занимался им, исполняя и учительские обязанности, объясняя ученикам священные книги, а между тем сочинение Четиих-Миней продолжалось безостановочно.»

Испытывал святитель и материальную скудость. Реформы царя Петра лишили митрополию богатств, когда то огромных.

В 1708 г. митр. Димитрий, благодаря митр. Иова новгородского за присланную пол бочки рыбы, писал: «Не имам чим воздать; убог сый; молю богатого в милости Христа, да Он воздаст». Недостаток средств вынудил владыку закрыть семинарию, им основанную и пользовавшуюся его особенным рачительным вниманием. Много делал он для поднятия уровня духовенства. Большое внимание его привлекал раскол, с которым он так близко столкнулся в Великороссии. Написанный им труд «Розыск о брынской вере» обнаруживает самый дух раскола и недостаток в нем евангельского смысла и любви. Сочинения св. Димитрия весьма многочисленны и многообразны. О них будет говорить далее. До конца своей

жизни святитель писал. Незадолго до смерти он говорил о себе, в связи со своей исторической работой «Летописец», – «Не может скоро писать, не токмо за трудности дела, но и за моей немощию: часто изнемогаю, и Бог весть, могу ли начатое совершить: понеже частые мои недугования перо из руки пишущей отъемлют, а писца на одр повергают, гроб же очесам представляют и о смерти думать заставляют. А и тому очи видят мало, и очки не много помогают, и рука пишущая дрожит, и вся храмина сердца моего близ разорения».

Знаменит был св. Димитрий своим проповедничеством. Тон его речей, произносившихся почти на всех богослужениях, не грозный, а увещательный. Нестыжательный, он любил одни сокровища – книги, которых у него было до 300 томов. Много огорчений испытал святитель от, присланного монастырским приказом, стольника Воейкова. Тот проявлял в отношении к нему докучливость и непочтительность. Святитель по этому поводу писал своему близкому другу, митр. Стефану (Яворскому): «Толико беззаконий, толико обид, толико притеснений вопиют на небо, и возбуждают гнев и отмщение Божие». Царь Петр уважал его и относился к нему хорошо. Как он был неутомим видно из сохранившейся записи того времени. «В пятницу 18 ноября 1708 г., архиерей поднялся до заутрени за два часа пред отдачею, оделся и пешком пошел из Ростова в Ярославль (52 версты). Походка у него быстрая. Он пришел в Ярославль в 2 ч. ночи, чрез сутки, перед утренею. Утреню никогда не опускал и тут, вероятно, прослушал, а затем сам служил обедню в соборной церкви и «поучение к народу о вере раскольнической неправой и о святой вере нашей православной говорил довольно». Обрато в Ростов, 24 ноября, он опять шел пешком целые сутки».

Заметно святитель чувствовал «глас Божий», который напоминал ему о смерти. Благодетельство его к бедным увеличилось. Под своими письмами он теперь подписывался не иначе, как «архигрешник» и часто говорил о смерти, сравнивая приближающегося к смерти с путешественником возвращающимся на родину. 26 октября он еще служил в соборе литургию, но поучение произнести не мог. 27 он

чувствовал себя очень плохо, но выходил ненадолго. Позвал к себе певчих, которые, по его желанию, пропели канты, им составленные. Владыка в это время грелся, стоя у печки. Певчие стали уходить. Святитель удержал одного, самого любимого, Савву Яковлева, который помогал ему в переписке сочинений, и стал кратко рассказывать ему свою жизнь, начиная с юности. Кончив рассказ, он сказал: «Пора и тебе, дитя, иди домой». Певчий, получив благословение, стал уходить. Провожая его, владыка вдруг низко поклонился ему, благодаря за всегдашние труды по переписке. Певчий вздрогнул и смотрел в недоумении на владыку. «Благодарю тебя, дитя» – повторил святитель. Певчий заплакал, а владыка затворил за ним дверь кельи. Утром 28 октября 1709 г. вошедшие в его келью нашли св. Димитрия почившим, в склоненном молитвенном положении, на коленях, на полу. Обретение его мощей состоялось 21 сентября 1752 г. в царствование императрицы Елисаветы Петровны.

Близок с царем Петром был великоросс архиепископ *Афанасий (Любимов)*, который считался кандидатом в патриархи. В мире Алексей, он родился в 1641 г. в Сибири и, в юные годы, был раскольник. Но скоро в поисках истины он оставил раскол и поступил в Москве в патриаршую школу при Чудовом мон. Приняв в школе пострижение, он, в сане иеродиакона, состоял ризничим при Тобольском митрополите Корнилии. В 1675 г. он был возведен в сан игумена тобольского Успенского мон. Ученость и отличные дарования, соединенные с добродетельною жизнью, были причиной того, что патриарх Иоаким вызвал его в Москву и определил в число крестовых иеромонахов патриаршего дома. Ему поручен был просмотр и приготовление к печати переводов отеческих, писаний с греческого языка на славянский. Когда в 1682 г. открыта была холмогорская епархия, Афанасий был 18 марта хиротонисан в епископа Холмогорского и Важеского. До отъезда своего ему привелось принять в Москве участие, на соборе иерархов, в прениях с раскольниками. Он вызвал в отношении к себе такую ярость Никиты Пустосвята, что тот бросился было его здесь же бить. Он ревностно правил своею паствою, рассылал по

епархии послания и увещательные грамоты, наводил в епархии порядок, способствовал сооружению и возобновлению храмов. Ему обязаны постройкой Преображенский собор в Холмогорах и там же Успенский мон. Владыка Афанасий оказывал услуги государству, деятельно помогая воеводе, по царскому указу, в постройке Новодвинской крепости для отражения нашествия шведов. Благодарный царь отдал ему трофеи, взятые от шведов: три пушки и флаг, хранившиеся в Архангельском соборе. Царь Петр хорошо знал его, пребывая в общении с ним во время своих поездок к Белому морю. Современники выражались о нем так: «Пастырь бе изящный, божественного писания довольный сказатель, громогласный, речевист по премногу, остро рассудителен, чина церковного опасно хранитель, в вере на расколы разрушитель, трудолюбив, многа здания созда». Архиеп. Афанасий скончался 5 сентября 1702 года. После него осталась большая библиотека и несколько его рукописных сочинений.

Видным иерархом великороссом был владыка *Иов, митрополит Новгородский*. Принадлежа к духовному званию, он родился в с. Катунках, балахнинского у., нижегородской г.; молодым принял постриг в Троице-Сергиевом мон. В нем Иов, много читая, приобрел любовь к образованию. Назначен он был архимандритом Высокопетровского м. в Москве, с 1694 г. состоял архимандритом родной Сергиевой обители. Отличаясь большим смирением, он неохотно принял в 1697 г. поставление патриархом Адрианом в митрополиты. Был он тесно связан с Святителем Димитрием. Соловьев пишет об их дружбе: «Были в России два архиерея, два человека с различными характерами, подававшие друг другу руки и стремившиеся к одной святой цели, несмотря на трудности времени... Первый был Иов, митрополит Новгорода Великого, мало известный как писатель, отличавшийся практическою деятельностью, но хорошо понимавший необходимость образования для духовенства...». Архиеп. Филарет, отмечая письма митр. Иова, считает замечательным по назидательности его обширное письмо архимандриту Феодосию Яновскому, впоследствии архиепископу новгородскому. Многие его письма хранились в

библиотеке Петербургской Духовной Академии. На свой счет он создал в епархии три больницы, содержал богадельню и два странноприимных дома. Он первый в России основал в запустевшем Колмовом мон. приют для подкидышей и незаконнорожденных детей. Об его просветительной деятельности будет сказано ниже. При нем составлена была третья новгородская летопись, преимущественно о храмах. Скончался митр. Иов 5 февр. 1716 г.

Из великороссов помогал царю Петру пожертвованиями митрополит казанский *Тихон*.

Особенную враждебность к реформам Петра проявляли великороссы: епископ Игнатий тамбовский и митрополит нижегородский Исаия. Владыка Игнатий был лишен в 1700 г. сана за то, что выражал сочувствие книгописцу Григорию Талицкому и со слезами читал его фанатические тетради, в которых доказывалось, что Петр антихрист. Митр. Исаия уволен был в 1707 г. в Кириллов мон. за резкий протест против сборов в его епархии в монастырский приказ.

Учреждение Синода

Царь Петр двадцать лет оставлявший незамещенным патриарший престол, понимал все более, что иерархия, в подавляющем своем большинстве, не сочувствует его преобразованиям. Потрясшее его дело цесаревича Алексея было в этом отношении для него особенно убедительным. Замешанными в нем оказались духовные лица, в числе их и архиереи. Упоминавшиеся выше епископы великороссы к этому времени скончались. Южанин митр. Стефан идейно во многом сблизился с иерархами великороссами. Петр среди высшего духовенства не видел будущего первоиерарха, на которого мог бы положиться. Близок был к нему Феофан, высоко ценимый им за преданность, ум, образованность, работоспособность. Но не мог он не понимать невозможность для того, при его склонности к протестантизму, критическому отношению к епископскому сану, быть патриархом. В отношении епископства показательно письмо Феофана своему другу по Академии, шляхтичу Маркевичу. Вызванный в 1716 г. на чреду из Киева в новую столицу, он писал ему: «Может быть ты слышал, что меня вызывают для епископства. Эта почесть меня так же привлекает и прельщает, как если бы меня приговорили бросить на съедение диким зверям. Дело в том, что лучшими силами своей души я ненавижу митры, саккосы, жезлы, свещницы, кадильницы и т. п. утех...». Дальше он писал, что желал бы быть епископом, по своему конечно, намереваясь исполнять эти обязанности.

Петр искал выхода. Тогда, наверное, и вспомнилось им воспринятое во время его первого, в 1797–98 гг., заграничного путешествия. Карташев пишет: «Петр, в гостях у короля Георга в Англии, ведет уже двухчасовую беседу с наследной принцессой Анной между прочим и на церковные темы. Антироманизм и антилатинизм Анны нравятся Петру, и он смело характеризует ее «сущей дочерью нашей церкви». О широком интересе Петра к церковной жизни Англии не только в ее официальной, но и в ее сектантских частях, сохранилось

довольно много свидетельств. Он беседовал с самим Кентерберийским и с другими англиканскими епископами все о церковных делах. Архиеп. Кентерберийский и Иоркский назначили для Петра специальных богословов-консультантов. К ним присоединился и Оксфордский Университет, назначивший консультанта со своей стороны. Вильгельм Оранский, получивший английскую корону, но воспитанный в левопротестантском духе, ссылаясь на пример родной ему Голландии и самой Англии, советовал Петру сделаться самому «главой религии», чтобы располагать полнотой монархической власти.» Беседуя за границей о церковных вопросах Петр все же соблюдал большую осторожность, указывая собеседникам, что ими ведает в России высшая церковная власть. Общий вопрос о коллегиальном управлении интересовал его. В 1698 г. он заказал в Англии знатоку его Фрэнсису Ли составить проект коллегий на случай введения их в России. В проекте Ли имелась и коллегия, названная «для пропаганды христианской религии». В 1711 г. царь советовался по этому вопросу с Вильгельмом Лейбницем. Карташев пишет: «Сохранился проект под именем Лейбница девяти коллегий, среди которых имеется и Religions Kollegium. Соловьев поясняет: «Знаменитый Лейбниц писал Петру, что хорошее правление может быть только при условии коллегий, которых устройство похоже на устройство часов, где колеса взаимно приводят друг друга в движение. Сравнение не могло не понравиться Петру, который именно стремился к тому, чтоб Русские люди во всем приводили друг друга в движение, ибо все происходило от разобщенных колес». В 1712 г. создана была первая – торговая – коллегия. С церковной коллегией царь с юных лет был знаком в Немецкой слободе. Решив установить коллегиальный строй в церковном управлении, он признал Феофана наиболее пригодным для разработки этого вопроса. Тот составил «регламент» для духовной коллегии, над которым работал с 1718 г. На рукописи проекта регламента имеется пометка Феофана, что царь 11 февр. 1720 г. рассуждал с ним по поводу его и благоволил исправлять. 24 февраля проект принят был шестью епископами, во главе с митр. Стефаном, тремя архимандритами и сенаторами. Указом

Сената для соби́рания подписей высших духовных лиц были отправлены во все епархии архимандрит московского Златоустова мон. Антоний и подполковник Семен Давыдов. Вернулись они в Петербург 4 января 1721 г. Под Духовным Регламентом имелись подписи: царская, шести сенаторов, 6 митрополитов, 1 архиепископа, 12 епископов, 48 архимандритов, 15 игуменов, 5 иеромонахов.

В январе регламент был издан при манифесте. Соловьев приводит его: «Между многими, по долгу богоданные нам власти, попечениями о исправлении народа нашего и прочих подданных нам государств, посмoтря и на духовный чин и видя в нем много нестроения и великую в делах его скудость, не суетный по совести нашей возымели мы страх да не явимся неблагодарны Вышнему, аще толикая от Него получив благопоспешества в исправлении как воинского, так и гражданского чина, пренебрежем исправление чина духовного. И когда нелицемерный Он судия воспросит от нас ответа о толиком нам от Него врученном приставлении, да не будем безответны. Того ради образом прежних, как в Ветхом, так и в Новом Завете благочестивых царей, восприяв попечение о исправлении чина духовного, не видя лучшего к тому способа, паче соборного правительства (понеже в единой персоне не без страсти бывает; к тому-жь не наследственная власть, того ради вящше небрегут), уставляем Духовную Коллегию, т.-е. духовное соборное правительство, которое, по следующем zde регламенте, имеет всякие духовные дела управлять».

Архиепископ Филарет пишет: «В 1720 г. собран был Собор пастырей церкви русской. Под председательством самого царя, Собор рассуждал о высшем духовном правительстве. Признано было полезным поручить управление церкви, вместо патриарха, постоянному Собору пастырей. Причины обнародованы следующие: а) Тогда как занятия одного лица могут останавливаться то болезнями, то смертью его, Собор имеет возможность вести дела безостановочно, и ответы на важные сомнения могут быть всегда готовы; б) легче дознать правду Собору многих, чем одному лицу; в) в решениях Собора более может быть безпристрастия, чем в решениях одного лица;

г) решения Собора более имеют важности и твердости, и потому охотнее будут исполняемы, чем решения одного лица; д) и влияние сильных не столько может препятствовать правильным определениям Собора, чем решения одного лица. Вследствие сего положено было, не изменяя ничего в основаниях церковного правления, открыть постоянный духовный Собор.»

Указом от 14 февраля 1721 г. повелено было именовать духовный Собор Святейшим правительствующим Синодом и возносить его имя вместо патриаршего в церковных молениях. В тот же день последовало торжественное открытие Святейшего Синода.

В сентябре 1721 г. Петр отправил послание константинопольскому патриарху: «Яко благочестивый превосходитель Матере нашей православно-кафолические Церкви сын, содержащий всегда почтение к Вашему Всесвятейшеству, яко первому оным православно-кафолические Церкви архипастырю, по духу отцу нашему, судили потребно быть уведомить... Между многими, по долгу Богом данной нам власти попеченьми... по многomu здравому рассуждению и совету, как с духовными так и с мирскими чинами государства нашего, заблагорассудили уставить со *властию равнопатриаршескою* Духовный Синод, т. е. Высшее Духовное Соборное Правительство для управления всероссийские государства нашего церкви, из достойных духовных особ, как архиереев, так и киновиархов число довольное...».

Далее писалось: «И уповаем, что Ваше Всесвятейшество, яко первый архиерей Православные Кафолические Восточные Церкви, сие наше учреждение и сочинение Духовного Синода за благо признать изволите и о том прочим Блаженнейшим – Александрийскому, Антиохийскому и Иерусалимскому – патриархам сообщение учините...».

Константинопольский патриарх Иеремия III прислал Утвердительную грамоту от 23 сентября 1723 г. Она гласила: «Мерность наша по благодати и власти Всесвятого, Животворящего и Совершенноначальствующего Духа узаконяет, утверждает и объявляет, что учрежденный благочестивейшим

самодержцем, святым царем всей Московии, Малой и Белой России и всех северных, восточных, западных и многих иных стран Государем-властителем, Государем Петром Алексеевичем, Императором, во Святом Духе возлюбленным и пре- вожденным нам братом, Сѹнод в Российском Святом Великом Государстве есть и нарицается нашим во Христе братом, Святым и Священным Сѹнодом от всех благочестивых и православных христиан – священных и мирских, начальствующих и подначальных и от всякого сановного лица. Он имеет право совершать и устанавливать тоже, что и четверо апостольских святейших патриарших престола. Советуем, побуждаем и предписываем ему хранить и держать неизменными обычаи и правила Священных Вселенских Святых Семи Соборов и прочее содержимое святою Церковью и пребудет непоколебимым во веки». Одинакового содержания была и грамота патриарха Антиохийского Афанасия. Патриарх Иеремия сообщал, что Александрийский патриарх скончался, а Иерусалимский патриарх болен.

Сѹнод был составлен из президента, которым был назначен митрополит *Стефан Яворский*, двоих вице-президентов – архиепископов *Феодосия Яновского* и *Феофана Прокоповича*, четырех советников и четырех ассессоров из представителей монашеского и белого духовенства. В решении дел все они, не исключая и президента, имели равные голоса. Митр. Стефан был совсем затерт двумя влиятельными вице-президентами и до конца жизни не мог примириться с новой формой церковного управления. После его смерти (1722 г.) император Петр Великий не назначил нового президента. Вакансия же покойного была занята новым советником, архимандритом *Феофилактом Лопатинским*, в 1723 г. посвященным во епископа тверского. Главным деятелем в Сѹноде был архиепископ Феофан вследствие исключительной близости своей к государю. Архиеп. Феодосий хотя и считался первым вице- президентом, начинал все более терять расположение Петра по своему заносчивому и властолюбивому характеру. Он, забывши, что всем обязан царю, стал резко выступать против унижения Церкви светской властью и против

духовных штатов. Преобладание в составе Синода членов из малороссов и притом сравнительно молодых по службе, крайне не нравилось великорусским иерархам, которые были старше их по возрасту. Они считали себя обиженными и, кроме того, подозревали Синод в партийном малороссийском духе. От того Синоду в первое время своей деятельности приходилось жаловаться на то, что эти иерархи не воздают ему подобающей чести, и делать им за это выговоры и внушения (Знаменский).

Положение Синода в общем составе государственной администрации, как главы обширного государственного ведомства, было сравнено с положением Сената. Они сравнены были во всех правах и оба непосредственно подчинены самому государю, который в государственной присяге членов Синода, так и назывался: «крайним судиею духовной коллегии». Первоначально Сенат старался играть начальственную роль, вызывая возражения и жалобы Синода. 6 сент. 1721 г. состоялся Высочайший указ о «Конференции Сената и Синода». Ей надлежало рассматривать дела общия обоим учреждениям. В отсутствие государя совокупные решения их должны были иметь силу решений верховной власти. Представителем государя в Синоде был обер-прокурор, названный в обер-прокурорской инструкции 1722 г. «оком государя и стряпчим по делам синодальным». Он обязан был наблюдать за всем ходом синодальных дел, замечать в делопроизводстве опущения, незаконные дела останавливать и доносить о них государю, делать Синоду предложения о потребных мероприятиях, представлять государю о синодских решениях и быть вообще посредником между Синодом и государственною властью. Ему были подчинены прокуроры духовных приказов и духовные фискалы или инквизиторы, рассылавшиеся для надзора за духовным управлением по городам и монастырям. При Синоде образовался инквизиторский приказ, во главе которого поставлен протоинквизитор из монахов. Ему подчинены были провинциальные инквизиторы-фискалы. Но это *фискальное управление*, очень неприятное духовным властям и допускавшее разные злоупотребления своими полномочиями, вскоре после кончины императора Петра было упразднено.

В области церковного управления Святейший Синод получил «силу и власть патриаршескую или, – по выражению Регламента – едва ли не большую, понеже собор». На этом основании ему принадлежала в Церкви власть законодательная, – право, с согласия государя, восполнять свой Регламент новыми правилами, – власть высшая судебная и административная по всем частям церковной жизни.

Архиепископ черниговский Филарет (Гумилевский), в своей «Истории Русской Церкви», пишет: «Святейший Синод, по составу своему, то же, что законный церковный Собор, в котором избранные духовные лица занимаются делами Церкви. Светские наименования духовным лицам Синода, данные на первое время, президент, вице-президенты, советники и асессоры, скоро (в 1726 г.) заменены более приличными именами – первоприсутствующего, членов Синода и присутствующих в Синоде.» Надлежит, однако, отметить, что состав Синода не зависил от избрания их Собором архиереев. Они назначались и вызывались к присутствованию Верховной Властью. Конечно, и на Соборах, как известно, монархи, начиная с Византии, имели огромное значение при проведении выборов. Но формально выборы патриархов и других духовных лиц производились Собором.

Приводим снова суждение архиеп. Филарета: «В 1730 г. Феофан предлагал, что, сообразно с сущностью предмета и древними правилами, надобно присутствовать в Синоде большему числу архипастырей церкви, взамен подчиненных лиц – архимандритов, и это было принято за правило. Как на вселенских соборах, так и на частных греческих и русских, если не присутствовал сам царь, присутствовал уполномоченный его: точно также в Синоде положено присутствовать обер-прокурору, с обязанностию входить в сношения с гражданским начальством о делах церкви, по определениям Синода, и с правом подавать отрицательный отзыв, когда бы решения Синода, в каком бы то ни было отношении, могли казаться несогласными с положением государства. В сущности постоянный Собор, или Синод, остался тем же для русской церкви, чем было патриаршее правление, как и писали патриархи. Заменив собою

патриаршество, он принял на себя и занятия патриаршеского правления. Священным долгом его, долгом пред Господом и церковью, служит следующее: наблюдать за чистотою учения и благочинием богослужения, противодействовать ересям и расколу, проверять сказания о святых и искоренять всякое суеверие, наблюдать за проповеданием слова Божия, избирать и поставлять достойных архипастырей, преподавать наставления архипастырям, в случае недоумения их, принимать и разрешать жалобы недовольных решениями церковных правителей. Преимущественному смотрению его принадлежат все духовные училища и все лица духовного звания, равно цензура духовных книг, свидетельство мощей и чудес и сопричисление к лику святых. Ему принадлежит окончательное решение дел о сомнительных браках или о браках в недозволенных степенях родства и о расторжении брака. Вообще же все, что может иметь влияние на состояние отечественной церкви, по отношению ли к догматам веры или к богослужению и правлению, составляет предмет забот и рассуждений Синода».

«Впрочем, некоторые предметы, доселе озабочивавшие духовное управление», продолжает владыка Филарет, «волею государя исключены из круга занятий Собора и отнесены к гражданскому суду. Это – разряд дел, по сущности своей относящихся более к государству, чем к церкви Христовой, более к гражданским правам, чем к вере. Таковы дела о наследстве, о браках невольных и против воли родителей, о богохульстве и блуде, о нераскаянных грешниках, о небывающих у исповеди и св. причастия. Но и здесь, за исключением двух первых предметов, назначение церковного наказания предоставлено духовному правительству. Впоследствии времени суд за каждую ересь, за каждый раскол, в присутствии духовного депутата, предоставлен также гражданскому суду, чем отнят предлог у сеятелей лжи жаловаться на излишнюю ревность духовного правительства. Наконец, по делам, касающимся церкви и государства, Синоду предоставлено было иметь совещание с Сенатом».

«Но зато ведомство церковного суда снова было расширено с другой стороны», пишет проф. П. Знаменский, «вследствие возвращения в руки духовенства управления церковными вотчинами, а потому и суда над церковными крестьянами. Вместе с тем расширилась, конечно, и область экономического управления Святейшего Синода. Монастырский приказ из ведомства Сената был передан в ведомство Синода и образовал при нем нечто в роде экономического отделения. В 1724 г. приказ этот был преобразован по коллегиальному образцу под именем *камер-конторы* синодального правительства. Явились при Синоде и другие учреждения, бывшие органом его обширной власти. Так как члены его имели главное пребывание в Петербурге, то в Москве заведена была особая *синодальная контора* с высшею властью, но ограниченной только пределами бывшей патриаршей области. Святейший Синод наследовал и епархиальную власть патриархов в их московской области, с присовокуплением к ней еще новой петербургской. Органами этой епархиальной власти были – в Москве бывшие патриаршие приказы, а в Петербурге – вновь учрежденная *тиунская контора* под начальством духовного тиуна или управителя духовных дел. В 1723 г. бывший духовный приказ патриарха в Москве был преобразован в Коллегию под именем *дикастерии*, – это было первое из епархиальных учреждений, которые делаются потом (с 1744 г.) известными в епархиях под именем *консисторий*».

Заканчивая эту главу архиеп. Филарет пишет: "Духовный Регламент, написанный Феофаном Прокоповичем, пересмотренный Собором и утвержденный государем, как применение древних церковных правил к состоянию русской церкви, стал церковным правилом. Впрочем, самим Регламентом, как оставлены в неприкосновенности и древней силе древние правила Соборов и отцев, так предоставлено Синоду вводить и новые постановления по нуждам св. церкви, по руководству св. Писания и правил церкви вселенской, по утверждении их самодержавной властью».

Синод в царствования императрицы Екатерины I и императора Петра II

По смерти имп. Петра I (1725 г.) наступило время частых перемен на престоле и порою занятия правительственных постов лицами чуждыми православию.

Тогдашняя тревога отразилась и на Синоде. Пострадал архиепископ *Феодосий Яновский*. Он делался все более заносчивым и еще сильнее осуждал новые порядки в церковном управлении. Он поносил покойного Петра, сравнивая его по жестокости с царем Иоанном Грозным. Допускал он оскорбительные выходки против воцарившейся супруги Петра, императрицы

Екатерины I, и влиятельного князя Меншикова, грозил в будущем народным восстанием. В конце апреля 1725 г. он был арестован. Во время розыска открылись и разные злоупотребления в его новгородской епархии и то, что он осмелился обязать особой присягой на верность себе, в роде государственной присяги. За все эти вины он был лишен сана и под именем чернеца Феодоса заточен в Корельский мон. Он умер через пять месяцев в тесной и холодной тюрьме. На место его в Новгород был назначен *Феофан*, ставший и первым членом Синода.

Вторым членом Синода был назначен, неприятный Феофану, *Феофилакт Лопатинский*, еп. тверской. Мудрый митр. Иов новгородский, говоря о киевских богословах, так отзывался о нем: «Изрядного из них быти познах Лопатинского, яко муж кроток есть и смирен есть во всячем состоянии, паче же во страхе Божии». О нем же в 1726 г. отзывался иностранец Фандербек: «Ученый круг уважает Феофилакта Лопатинского, еп. тверского. Он был профессором в московской академии; после многолетних занятий на этом пути, принесших большую пользу юношеству, он возведен на ту степень, которую теперь занимает. Его непоколебимая честность во всех обстоятельствах напоминает золотой век». Окончив киевскую академию, он dokonчил свое образование за границею, был

потом префектом и (с 1706 г.) ректором московской академии, с 1722 года Чудовским архимандритом. Он ревностно и долго трудился над исправлением славянской Библии Ветхого Завета 1633 г. С пламенной ревностью обличал он протестантизм, на чем и произошли его столкновения с Феофаном. Являлся он и обличителем раскола, ведая в Синоде этими делами. Соловьев отмечает, что, когда после смерти императора Петра поднялся вопрос о восстановлении Патриаршества, то одним из кандидатов называли Феофилакта.

Императрица *Екатерина I*, чувствовавшая себя не очень твердо на престоле, считаясь со старым боярством, не любившим архиереев «черкас», назначила третьим членом Синода великоросса *Георгия Дашкова*, архиепископа Ростовского. Он был малообразованным, но практичным, сильным связями с боярством. Вслед за ним в Синод был назначен и другой великоросс архимандрит *Горицкий Лев Юрлов*, вскоре поставленный епископом воронежским. Этими назначениями Синод получал такой состав, который должен был вызвать взаимную борьбу. Во главе одной группы стоял Феофан, во главе другой – Георгий.

В том же 1726 г., когда последовали эти назначения, Синод был разделен на две части. В одном учреждении заседали одни архиереи, занятые только духовными делами. В другом, называемом *коллегией экономии*, работали пять светских лиц, занимавшихся экономическими делами церковных вотчин. Последнее учреждение было независимо от первого и со своими представлениями входило в Сенат. Для такого смешанного Синода титул Святейшего был признан неудобным и заменен титулом Духовный Синод. В государственно-административном значении он был понижен, что случилось и с Сенатом. Высшая администрация сосредоточена была в ведении вновь учрежденного *Верховного Тайного Совета*, Синод же и Сенат являлись только исполнителями распоряжений последнего.

С воцарением в 1727 г. внука Петра Великого, *Петра II*, сына несчастного Алексея Петровича, с одной стороны Окрепло значение старого боярства, бывшего на стороне последнего во

время его расхождений с Царем. С другой стороны всем распоряжались временщики – недолго кн. Меншиков, потом Долгорукие. Архиеп. Георгий провел архим. Льва (Юрлова) в архиереи, как упоминалось выше, и сумел ввести в Синод еще одного члена из великороссов, митр. *Игнатия (Смолу)*, в опале пребывавшего в Ниловском мон. Он был назначен на Коломенскую кафедру. Все они стали дружно действовать против Феофана. Что касается владыки Феофилакта, то он не примкнул к ним, но сделал Феофану большую неприятность. Ему удалось получить разрешение Верховного Тайного Совета на издание труда покойного митр. Стефана «*Камень Веры*», обличавшего те самые ереси, в которых враги обвиняли Феофана. В кругах старинного боярства и духовенства заговорили даже о восстановлении патриаршества. Положение Феофана, бывшего теперь единственным представителем Петровских идей в Синоде, сделалось чрезвычайно опасным и заставляло его напрягать в разгоравшейся борьбе все свои силы и изворотливость.

Главным оружием его противников было прежнее – обвинение в ересь, выдвинутое еще митр. Стефаном. В роли обвинителя был выдвинут архиеп. Георгием и др. один из киевских ученых, архимандрит Юрьевский *Маркелл Родышевский*, знавший Феофана еще с академии и одно время служивший в его Псковской епархии судьей архиерейского дома. Еще в 1726 г. им подан был Св. Синоду донос на Феофана в 47 пунктах. Последний обвинялся им в непризнании церковных преданий и учения святых отцов, в непочитании икон и мощей, отрицании оправдания делами, насмешках над церковными обрядами, желании искоренить монашество и пр. Так истолкованы были в доносе разные места из сочинений Феофана и речи его, в которых выражалась его действительно подчас слишком горячая полемика или против католичества, или против русских суеверий и обрядоверия. Дело это кончилось тогда заключением Маркелла в Петропавловскую крепость. Одновременно Феофану было сделано внушение от имени императрицы Екатерины, чтобы он впредь никаких

противностей православной Церкви не чинил, а жил, как живут все «великороссийские» архиереи.

При имп. Петре II Маркелл, указывая на еретические, по его мнению, сочинения Феофана, – букварь, толкование блаженств, об обливательном крещении и др., просил Синод о немедленном осуждении их и автора. Феофану не трудно было доказать, что все эти сочинения написаны им по мысли Петра Великого и изданы с разрешения Синода. Он обвинял Маркелла в обвинении в ересь самого Синода и в том, что он осмеливается «терзать славу толикого монарха». Тогда Маркелл обратился в Тайную Канцелярию, указывая, что Феофаном написана была *«Правда воли монаршей»*, – сочинение, направленное к лишению наследия престола царевича Алексея, следовательно противное и царствующему государю – сыну Алексея. Тайная Канцелярия и без него знала, кто был автором этого сочинения, как и то, что составлено оно было по воле царя Петра. Маркелл подвергся новому заключению – в Симоновом мон. Таким образом Феофан избегал опасностей, но положение его, все же, становилось более и более шатким. Положение архиепископа Георгия укреплялось все больше, как усиливалось и движение «великороссов».

В ночь на 19 янв. 1730 г. в Москве умер от оспы 15-летний император Петр II. С ним пресеклась мужская линия Дома Романовых. Он был последним царем и единственным императором похороненным в Архангельском соборе. Кончина его избавила Феофана от все усиливавшейся опасности.

Синод в царствование императрицы Анны Иоанновны

Император Петр II скончался, не назначив, как это требовалось законом о престолонаследии Петра Великого, наследника престола. Члены Верховного Совета, в котором главную роль играли князья Долгорукие, решили, в соответствии с чаяниями небольшой группы вельмож старых родов, предложить престол вдовствующей герцогине Курляндской *Анне*, дочери старшего брата царя Петра I, Иоанна Алексеевича. При этом она должна была подписать условия – “кондиции” –, ограничивавшие самодержавную власть в пользу «верховников». Новая императрица условия эти подписала. Но сразу обнаружилось сильное движение против такого олигархического правления, совершенно не свойственного русскому государству, со стороны рядового дворянства, имевшего большое значение в гвардейских полках. Враждебно этому было и духовенство. Архиеп. Феофан, сразу разобравшийся в обстановке, оказался в числе тех, кто был против ограничения самодержавной власти государыни. Он сумел ознакомить Анну Иоанновну со своим мнением, используя дипломатическую неприкосновенность курляндского резидента в России Левенвольда, пользовавшегося ею особенным доверием. По прибытии императрицы Анны в Москву, гвардия и дворянство убедили императрицу порвать подписанные ею условия и восстановить самодержавную власть. Феофан вскоре завязал тесные связи с немецкой группой, которая начала играть преобладающую роль в государственном управлении. Главное значение имел, прибывший с государыней из Курляндии, *Бирон*. Самым же крупным и умным деятелем был Остерман, с которым именно сблизился Феофан. Не теряя времени он начал сводить счеты со своими врагами, которые, как нарочито русская группа, были на подозрении у *Бирона* и *Остермана*. Положение имп. Анны было трудно от того, что многие считали имевшей более ее прав на престол дочь Петра Великого, царевну *Елисавету*.

Полемика против протестантских немецких ересей и обвинение в них кого-нибудь при таких обстоятельствах легко становились признаком политической неблагонадежности самих обвинителей и влекли за собой неизбежно допросы в Тайной Канцелярии. После падения верховников и упразднения Верховного Совета, замененного *Кабинетом министров*, потеряла значение великорусская группа архиереев. Первая неприятность приключилась с владыкой *Львом (Юрловым)*. Из Воронежа было донесено, что, по получении там сенатского указа о восшествии на престол имп. Анны, он не отслужил торжественного молебствия, ожидая указа от Синода. В ожидании же такового он распорядился поминать все царствующее семейство в порядке старшинства, начиная с царицы Евдокии, в то время монахини Елены, бабки скончавшегося императора. Через пять дней владыка Лев, узнав о воцарении Анны и допрошенный вице-губернатором Пашковым, отслужил молебен, поминая новую императрицу; он разослал и соответственный указ по епархии. Отправил владыка смутное объяснение в Синод, надеясь найти там защиту. Друзья его, члены Синода архиепископы Георгий (Дашков) и Игнатий (Смола), постарались замять дело, объясняя промедление Льва ссорой его с Пашковым. Феофан воспользовался этим делом для нанесения удара своим противникам. Возбуждено было дело не только против Льва, но и против Георгия и Игнатия, яко-бы, потворствовавших ему. Все трое были уволены из Синода. На их места Феофан провел своих сторонников иерархов – Леонида Крутицкого, Иоакима Суздальского и Питирима Нижегородского. Вместе с тем, в состав Синода опять, как при имп. Петре Великом, введены были архимандриты и протоиереи.

По делу владыки Льва началось следствие, к которому были притянуты владыки Георгий и Игнатий. В отношении архиеп. *Георгия* были выдвинуты и другие обвинения. Указывалось, что, будучи келарем Троицкого-Сергиева мон., куда определил его царь Петр I, он вклады, приносимые в обитель, не отдавал в Монастырский приказ, а покупал на эти деньги экипажи, сбрую, лошадей, до каковых был большой

охотник; снабжал всем возможным своих родственников. Поставлено было ему в вину то, что, управляя Ростовской епархией, он занимался поборами с монастырями и духовных лиц. Злоупотребления по епархиям приписаны были и остальным. Все трое были признаны противниками царствующей императрицы и виновными в ряде злоупотреблений. По лишении их сана они были разосланы в разные монастыри. Владыка Георгий заточен был в Вологодский Спасо-Каменный монастырь.

И в ссылке Феофан не оставлял их в покое. Выдвигая новые обвинения, он старался ухудшать их положение. Лев, как расстрига-Лаврентий, содержался в Крестном мон., на Белом море. Георгий, после пребывания в Спасо-Каменном мон., где он был пострижен в схиму, с именем Гедеоны, был сослан в Нерчинск и умер до 1740 г. Чернец Игнатий содержался под караулом в архангельском Никольском Корельском мон.

В том же 1730 г. был лишен сана и заточен в Кириллов мон. архиеп. Киевский *Варлаам (Вонатович)*, сблизившийся с иерархами великороссами. Ему поставлено было в вину запоздание со служением молебна на восшествие на престол имп. Анны. Сводил с ним счеты Феофан, который не мог простить ему допущения среди своего духовенства толков об его еретичестве и издания в Киеве вновь «Камня веры». В следующем году другой иерарх был лишен сана и сослан монахом в Кириллов Белозерский мон. Это был архиеп. Казанский *Сильвестр (Холмский)*, примыкавший к великорусской группе. Его обвинили в том, что еще в царствование имп. Екатерины I он запрещал поминать Свнод при богослужении, рвал и переписывал на свое имя прошения, подаваемые на Высочайшее имя, говорил «противные» речи об имп. Анне, делал лишние поборы по епархии и пр. Лишенный сана, он был отправлен в Выборгскую крепость.

В начале 1737 г. архиеп. Феофан начал действовать против *Маркелла Родышевского*. Не распространяясь о богословских суждениях последнего, он обратил внимание Кабинета министров на то, что хула Маркелла против книг, изданных по указам царя Петра Великого и Свнода, а также против

Духовного Регламента, содержащего действующее законоположение, – является прямым противлением власти. Выставил он на вид и нападки Маркелла на лютеран, кальвинистов и тех, кто с ними дружбу имеет. Поставил он многозначительный вопрос – кого это понимает тут Родышевский с братией. После такого во времена Бирона явного доноса, естественно, дело о Маркелле передано было в Тайную канцелярию, ведавшую политическими делами. Розыск по этому делу запутал и погубил многих людей, или читавших произведения (тетради) Маркелла, или просто только слышавших об их существовании. Длилось дело все время царствования имп. Анны Иоанновны. По монастырям и у разных грамотеев отыскивали всякие тетрадки, записки, выписки, в которых предполагалось что-нибудь «противное», и всех их читателей и владельцев тянули к розыскам. За все это главная ответственность падала на архиеп. Феофана. Ему удалось внушить правительству, что в России существует опасная «злодейская факция», которая требует раскрытия и истребления. Подозреваемых часто подвергали пыткам и те под ними замешивали новых лиц. В Твери были арестованы иером. Иосиф Решилов, заподозренный в составлении подметного письма с пасквилем на Феофана и порицанием правительства, архим. Иоасаф Маевский, из ученых киевлян, и разные служащие тверского архиерейского дома, близкие к архиеп. Феофилакту. Отдельные лица подозревались в «противностях» в Устюге, Вологде, в Саровской пустыне и др. монастырях. Из духовных лиц никто не мог быть уверенным, что имя его не будет упомянуто при пытке, после чего последует розыск (Знаменский).

Архиеп. Феофану надо было сокрушить своего главного идейного противника – *архиепископа Феофилакта (Лопатинского)*. О последнем архиеп. Филарет пишет: «воспитанник киевский, dokonчивший образование свое за границею, где слушал Бурхарда, с 1704 г. наставник и префект моск. академии, 1706 г. ректор, с 1722 г. чудовский архимандрит и советник сѣнода; в том же году июня 14 он письменно изъявил желание служить успехам веры в Иркутске, куда многие

не желали отправляться, считая Иркутск местом ссылки. Но синод в докладе государю говорил, что Феофилакт нужен в синоде.» В 1723 г. Феофилакт посвящен в тверского епископа, в 1725 г. возведен в сан архиепископа. Соловьев отмечает, что, когда после кончины императора Петра поднялся вопрос о восстановлении патриаршества, то одним из кандидатов называли Феофилакта. В московской академии он преподавал догматику, а также богословие, полемику, философию. Во время его ректорства в Академии, он выявился, как борец с вольнодумцем Тверитиновым. Им издан был «Камень веры» митрополита Стефана, что вызвало крайнее недовольство Феофана.

Они впервые встретились в Киеве. И. Чистович в своем очерке «Феофан Прокопович и Феофилакт Лопатинский», дойдя до 1735 г. и назвав их «старыми знакомыми», пишет: «Только они разошлись и пошли разными дорогами. Они в одно время были за границей; после того вместе были учителями киевской академии. В 1706 г. Феофилакт перешел в Москву (архиепископ Филарет указывает 1704 г.), где вскоре стал ректором Заиконоспасской академии, а Феофан остался в Киеве и стал там ректором. Оба люди даровитые, они однакож имели различные убеждения и направления. Феофилакт представлял собою во всем старый порядок и опирался на авторитет старины, которую почитал священной; Феофан усвоил себе новый взгляд и сделался одним из помощников государя в устройении нового порядка вещей... Когда Киев и весь южный край были в восторге от Феофановских изъяснений богословия, московский ректор Феофилакт, вместе с Гедеоном Вишневым, представил митрополиту Стефану Яворскому записку с обвинениями Феофана в неправославии.» Оперлись они и на мнение Лихудов. Когда, вызванный в Петербург, «Феофан зашел к московским ученым, его приняли сухо и отнеслись к нему с недоверием, как человеку сомнительных убеждений. Когда Петр назначил его епископом, во Псков, то Стефан Яворский, местоблюститель, отнесся к синодальным членам с увещанием не посвящать его пока он не отречется от заблуждений. Стефан составил даже проект отречения. Но это не было уважено и

повлекло только распрю между ними.» Стефан уговорил Феофилакта и Гедеона подать в Синод донесения о Феофане. «Издание Камня веры и разнесшиеся по этому поводу толки пробудили в душе Феофана старые, горькие воспоминания. Потом начались толки о патриаршестве и т. д.» («Правосл. Обозрение» т. III, сент. 1860 г. Москва).

Когда в Москве появилось «Буддея послание к другу в Москву против Стефана Яворского», Феофилакт был возмущен этой книгой и утверждал, что она написана Феофаном. Составил он «Апокризис, или возражение на письмо Буддея», защищая «Камень веры». Одновременно доминиканцем Рибейро, состоявшем при испанском поселе в Петербурге, в ответ на послание Буддея, написан был труд в защиту митр. Стефана.

Архиеп. Феофан, вступая в борьбу с Феофилактом, решил соединиться с сильными в России иностранцами – лютеранами, представляя Феофилакта действующим против них. Он подал записку императрице, связывая лиц, идейно выступавших против него, с опальными людьми, отправленными в ссылку. Он писал: «Того же гнезда сверчки сидят в щелях и посвистывают, и дал бы Бог взыскать их и прогнать». О книге Рибейры Феофан доносил: «Иностранных в России мужей ругательне нарицает человечками или людишками и придает, что Русское государство их питает, а церковный закон оными гнушается. Видно на кого он за пропитание иностранных в Российском государстве нарекает! Всех сплошь протестантов, из которых многое число честные особы и при Дворе, и в воинском и гражданском чинах рангами высокими почтены служат, – неправдою и неверностью помарал, из чего великолепным особам немалое учинил огорчение. Феофана, архиепископа Новгородского, почтив титулом премудрейшего, коварно порицает склонностью к протестантам за то, что он в некоем слове своем назвал Буддея зело ученым человеком. А Феофилакту, Тверскому архиепископу, сочинил похвалы следующие: Феофилакт Лопатинский, Тверской архиепископ, премудрейший в школах и, по моему известию, преострейший пастырь, в Синоде правдивейший судья, во всей России из

духовных властей прелюбезнейший...». Архиеп. Феофилакт исключен был из состава Синода и удалился в Тверь. «Камень веры» был в 1731 г. запрещен по приказанию Бирона, экземпляры его отбирались.

Против архиеп. Феофилакта начато было дело. Сначала оно велось в Синоде. Примечательно, что один из членов суда, архим. новоспасский *Иларион*, возвращаясь из заседания, разбит был параличем и мертвым вывалился из коляски. Слуги, пока не приехали домой, не заметили этого. Архиеп. Филарет пишет, что Синод не имел суждения о снятии с архиеп. Феофилакта сана и впоследствии о возвращении такового. Дело о нем перешло в Тайную Канцелярию. Там, по данным Бантыш-Каменского, его три раза подымали «на виску» (старый прием пытки) и столько же наказывали батогами, без рубахи. Он был заключен в Выборгскую крепость, где был разбит параличем. По настоянию Бирона, он, указом 13 дек. 1738 г., «за важные вины» был лишен сана и монашества и наименован расстригой Феодором Леонтьевичем, сыном Лопатинского. Леонтьевичем, сыном Лопатинского.

Архиеп. Феофан не дожил до конца дела архиеп. Феофилакта и др. Он умер в сентябре 1736 г. в 55-летнем возрасте. Он был крупным деятелем того времени; как церковный администратор, проводил порою полезные начинания. Как проповедник и богослов, он внес новое, более живое в развитие церковной проповеди и богословской науки, освободивши их от рутинных приемов схоластики. Борясь с католическим влиянием в богословствовании, он сам подпадал под влияние протестантизма. Нравственный облик Феофана непривлекателен. Исходя из положения – губить врага, пока тот его не погубил, Феофан проявлял крайнюю неразборчивость в выборе средств борьбы с теми, кого считал своими врагами. Он не стеснялся, производя подтасовку, переводить нападения с богословской точки зрения на политическую и выставлять противников государственными преступниками. Писавший о нем проф. Чистович говорит: «Феофан, великий ум, государственный муж, первенствующий член Синода, превращался в агента Преображенской канцелярии, являясь, смотря по времени и

обстоятельствам, то доносчиком, то подсудимым, но всегда необходимым ея членом». Феофан прочитывал показания, даваемые в Тайной канцелярии, делал свои замечания, задавал вопросы, указывал сводить допрашиваемых на очные ставки, не щадя увещаний. В инструкции Феофана при допросе иером. Иосифа (Решилова), работавшего с Феофилактом в Синоде по делам раскола, писалось: – «... Всем вопрошающим наблюдать на глаза и на все лицо его, не явится ли какое на нем изменение, и для того поставить его лицом к окошкам... ».

Карташев, именую Феофана «умником», пишет: «Печальна была судьба его таланта. Синод был терроризован через него и в потоке дел, приобретающих характер политического розыска, он часто забежал вперед и рекомендовал суровые меры раньше органов государственных.» Карташев упоминает и главного сообщника Феофана в этих делах – немца-протестанта графа Андрея Ивановича Остермана. Он правильно пишет: «Царило убеждение, что Анна была всецело в воле ея фаворита, чужака, немца, лютеранина. И все тяжести времени и, в частности, многообразные жестокости в церковной среде, быте и повинностях духовенства приписывались Бирону, как гонителю православия. Если в делах внешней политики может быть справедливо указание на всемогущее влияние Бирона, то нельзя с достаточными основаниями утверждать это и во всем круге дел церковных. Ни архив св. Синода, ни изданные ИРИ³⁴) Общ. протоколы Кабинета этого не подтверждают.» Остерман, «птенец гнезда Петрова», поддерживавший Анну во время затей верховников, пользовался ея полным доверием, был самым опытным государственным человеком, в формальной деловой сфере реальным *правителем государства*. Манифест имп. Елисаветы Петровны объявлял: «Остерман, будучи в министерстве, имея все государственное правление в своих руках, жестокие и неслыханные мучения и экзекуции, не щадя и духовных особ, в действо производить старался».

Мог быть и другим Феофан. Заботясь о просвещении он, обладавший большими средствами, тратил значительные суммы на учащуюся молодежь; принимал участие в художниках, покупая их произведения и рекомендуя богатым людям. В его

библиотеке имелось очень много книг и он охотно ссужал книгами других. Любил он, по окончании дневных занятий, проводить время среди ученых, делясь познаниями. Он до тонкости знал историю, философию, богословие, европейские языки, из которых на двух говорил. Любил он математику. В 1721 г. Феофан устроил в доме своем школу, куда принимал детей разного звания. Это была лучшая школа того времени. Лучших учеников он посылал в гимназию при академии. За 15 лет через его школу прошло 160 молодых людей. В предсмертном распоряжении Феофан все лично ему принадлежавшее оставлял этой школе с тем, чтобы, по окончании курса, кто получит место, мог обзавестись, чрез пособие из завещанных сумм, хозяйством и постройками.

С воцарением императора *Иоанна VI Антоновича*, правительница, мать его, *Анна Леопольдовна*, велела освободить *Феофилакта*, с возвращением ему сана архиепископа с отдачей для пропитания в пристойный монастырь. 30 декабря 1740 г. петербургский архиепископ Амвросий перевел его в свое новгородское подворье. Там в начале января 1741 г. ему, едва имевшему возможность повернуться в кровати, архиеп. Амвросий объявил указ Правительницы о восстановлении его в архиерейском сане. Там посетила его цесаревна Елисавета Петровна. Она спросила его: – знает ли он ее? Владыка Феофилакт ответил: «Знаю, что ты – искра Петра Великого». На подворье владыка Феофилакт скончался 6 мая 1741 г. и погребен был в Александро-Невской Лавре. Допущены были к продаже 534 полусгнившие книги «Камень веры».

Синод в царствование императрицы Елисаветы Петровны

Кратко было царствование младенца *Иоанна VI Антоновича*, правнука царя *Иоанна У*. Он родился 12 авг. 1740 г. и провозглашен был императором, согласно завещанию *Анны Иоанновны*. После короткого правления регента *Бирона*, правительницей стала *Анна Леопольдовна*, дочь *Екатерины Иоанновны*. В итоге нового переворота, состоявшегося 25 ноября 1741 года, 15-месячный император *Иоанн VI* был свергнут, и на престол вступила дочь *Петра Великого Елисавета*.

Воцарение ее было восторженно встречено духовенством и народом. Русская по духу, глубоко верующая и церковная, она пользовалась общей любовью. Проповедники с церковных кафедр прославляли ее, как спасительницу России от иноплеменного ига, восстановительницу православия и народности. Архиепископ *Амвросий (Юшкевич)* возглашал, что государыня «преславная победительница избавила Россию от врагов внутренних и сокровенных. Такие то все были враги наши, которые, под видом будто верности, отечество наше разоряли и смотри какую дьявол дал им придумать хитрость! Во-первых на благочестие и веру нашу Православную наступили; но таким образом и претекстом, будто они не веру, но непотребное и весьма вредительное христианству суеверие искореняют. О, коль многое множество под таким притвором людей духовных, а наипаче ученых истребили, монахов порасстригали и перемучили. Спроси же за что? – больше ответа не услышишь, кроме сего: суевер, ханжа, лицемер, ни к чему годный. Сие же все делали такую хитростию и умыслом, чтоб вовсе в России истребить священство Православное и завести свою нововымышленную безпоповщину». Ему вторил, в присутствии императрицы, архиепископ *Димитрий (Сеченов)*: «...Показывали себя, аки бы они верные государству слуги, аки бы они оберегатели здоровья государей своих, аки бы они все к пользе и исправлению России помышляют... А наипаче коликое

гонение на самых благочестия защитителей, на самых священных таин служителей! Чин духовный – архиереев, священников, монахов – мучили, казнили, расстригали. Непрестанные почты, и водою и сухим путем. Куды? Зачем? Монахов, священников, людей благочестивых в дальние сибирские города, в Охотск, Камчатку и Оренбург отвозят. И тем так устроили, что уже и самые пастыри, самые проповедники слова Божия молчали и уст не смели о благочестии отверсти. И правда, дух бодр, а плоть немощна. Не всякому то благодать мученичества посылается!».

Императрица Елисавета Петровна, еще будучи цесаревной, проявляла чисто русское благочестие, любовь к духовенству, духовным книгам, проповедям и богослужению, а также к благолепию церковному.

То же благочестие соблюдала Елисавета Петровна, став императрицей. Совершала она богомолья, пешком ходила в Троицкую Лавру, соблюдала строго посты, жертвовала на церкви и монастыри. Особенно любила древний Киев с его святынями. После освящения церкви в Конногвардейском полку, она с неудовольствием говорила обер-прокурору кн. Шаховскому: «Чего Синод смотрит? Там на иконостасе, вместо ангелов, поставлены разные болваны, наподобие купидонов, чего наша Церковь не дозволяет». В 1745 г., Государыня, будучи довольна тем, что дворяне русского посольства в Париже хорошо учатся, велела туда отписать, чтоб они особенно веры и закона не забывали; так как русской церкви там не было, она приказала отправить в Париж церковь с священником, который обслуживал бы не только посольских людей, но и прочих русских, там временно пребывающих. Велела императрица также отправить церкви и ко всем Дворам, где были русские представители. Последовало приказание хотя не теперь, но современем приложить старание, чтоб в Вене находящимся единоверным греческого исповедания людям позволено было иметь публичные церкви и при них колокола, взаимно **как** в России такое дозволение дается для римских церквей (Журн. Сената 10 июля 1745 г.).

Синод имел право непосредственного доклада императрице. Часто она давала распоряжения Синоду через своего духовника прот. *Феодора Дубянского*, малоросса. Он имел в церковных делах большое влияние, действуя на пользу Церкви. Другом духовенства был и граф *Алексей Григорьевич Разумовский*, уроженец Черниговской губ., в прошлом певчий. *Карташев* пишет: «По словам А. Васильчикова, Разумовский «призренный в младенчестве духовенством, возросший под его крылом, смотрел на служителей церкви с чувствами самой искренней и глубокой благодарности и был предан им всем своим честным и любящим сердцем». После тайного регулярного браковенчания с Елизаветой влияние его сделалось вполне объяснимым: «все его почитали и с ним обращались как с супругом императрицы». Разумовский не любил вмешиваться в государственные дела, но, говорит биограф Разумовского, «было два вопроса, которые его задевали за живое. Для них он забывал и природную лень и отвращение от дел и смело выступал вперед, не опасаясь докучать государыне. На первом месте стоял для него вопрос жизни церкви и государства».

Началось возвращение из заточений и ссылок всех пострадавших во времена *Феофана Прокоповича* и *Остермана*. До этого времени дожили иерархи *Лев* (Юрлов) и *Игнатий* (Смола), умерший через месяц после воцарения Елисаветы, а также *Маркелл Родышевский*.

В 1742 г. императрица издала важный указ, которым первоначальный суд над духовными лицами предоставлен Синоду и по политическим оговорам. Сам Синод, который вместе с Сенатом, находился в последние царствования в подчинении сначала Верховному Совету, а потом Кабинету министров, был восстановлен в своем прежнем достоинстве высшего административного места, с титулом «правительствующего».

Ободренные благочестием государыни, члены Синода архиепископ *Амвросий* (Юшкевич) новгородский и *Арсений* (Мациевич), митрополит ростовский, один из деятельнейших иерархов того времени, оба малороссы, подали доклад, в

котором писали, что если императрице не угодно будет восстановить патриаршество, то пусть она, по крайней мере, дала бы Синоду президента и чтобы Синод, как церковно-правительственный, состоял из одних архиереев. Ходатайствовали они, кроме того, об упразднении должности обер-прокурора и коллегии экономии. Императрица, объявившая все законы Петра Великого своими, не согласилась произвести такие важные перемены. Последовало лишь повеление ей возвратить духовенству его имения и подчинить Синоду коллегию экономии.

Обер – прокурором был назначен сенатор кн. *Яков Петрович Шаховской*, проявивший до этого на других должностях свои административные способности. До него обер-прокуроры никакого значения не имели. Указ Петра I гласил: «выбрать из офицеров доброго человека, чтоб имел смелость и мог управление Синодального дела знать. И быть ему обер-прокурором и дать ему инструкцию, применяясь к инструкции генерал-прокурора Сената». Права обер-прокурора не были определены достаточно ясно и члены Синода с ним совсем не считались. Полковник И. В. Болтин, первый занявший этот пост, пытался проявлять усердие по части экономии казенных средств, но ничего не мог поделать. Секретарь Синода Тишин с ним не считался, имел больше значения и был материально лучше обеспечен. Настойчивый интерес, проявленный Болтиным касательно недочета сумм по псковскому архиерейскому дому возбудил против него архиеп. Феофана, сумевшего приписать ему политическую виновность. Болтин был в 1725 г. арестован, отправлен в Сибирь и только через два года назначен там вице-губернатором. Преемник его, капитан гвардии А. П. Баскаков, тоже не смог проявлять свою деятельность и был устранен по настоянию Феофана.

Кн. Шаховской, вступив в должность, сразу же обнаружил, что в Синоде забыли о прокурорском надзоре. Не мог он найти даже копии петровской «инструкции обер-прокурору». Поддержанный сначала генерал-прокурором фельдмаршалом кн. Трубецким, Шаховской занялся приведением дел в порядок. Исправил он крупные упущения в делопроизводстве Синода,

привел в большой порядок хозяйственную часть. Им составлены были содержательные «Записки», несколько раз переиздававшиеся, по которым можно ознакомиться с тогдашней государственной и общественной жизнью, иметь представление об отдельных деятелях. Шаховскому часто приходилось сталкиваться с членами Синода по вопросу об излишнем расходовании вотчинных сумм и о наказании духовных лиц за предосудительные поступки. Описываемое им дело одного архимандрита показательно в этом отношении. Работу его осложняло то, что в церковных делах, порою, проявляли излишнее участие гр. Разумовский и прот. Дубянский. Решительный обер-прокурор в таких случаях обращался непосредственно к императрице, сумевшей оценить его. Когда был почти предрешен его уход, государыня решительно заявила: «Он мне в Синоде надобен, и я его оттуда не отпускаю, – я довольно уже узнала его справедливые поступки». В 1753 г. Шаховской получил повышение, будучи назначенным Генерал-Кригс-Комиссаром. Заместитель его статский советник А. И. Львов проявлял ту же деятельность. Через него последовал 20 апр. 1754 г. указ императрицы Синоду «об обязательном назначении «и великороссиян на праздные вакансии в архиереи и архимандриты», с подчеркиванием, что «ея прежнее указание остается без исполнения». 8 окт. 1755 г. императрица поручила сенатору Черкасову: «объявит собранию Св. Синода, чтобы впредь он, в противность указам, никаких дел по домам не делал, но по указу в Синоде, ничего не скрывая от обер-прокурора, как было до тех пор, по дошедшим до Ея Величества сведениям. Также, чтобы и обер-секретари и прочие канцелярские служители были бы обер-прокурору послушны, дел не подписывали по домам синодальных членов и того, что подписывали, не таили бы от обер-прокурора. И если окажут себя от сих пор противными указам и непослушными обер-прокурору, то с ними поступлено будет по жестокости прав государственных без расслабления».

Московская епархия до 1742 г. оставалась в ведении Синода, не имея своего архипастыря. В 1742 г. императрица утвердила определение Синода о назначении архиепископа в

Москву и об открытии новых епархий: петербургской, переяславской и костромской. В 1751–60 гг. сербы и болгары семьями переселялись в южную Россию и там значительно усилилась православная паства. Ведал ею с 1725 г. епископ белгородский. В 1753 году в ведении Синода было 30 епархий.

Императрица Елисавета очень почитала *Свяш. Иоасафа, епископа Белгородского* (1705–54). Он принадлежал к родовитой малороссийской семье Горленко; учился в Киево-Братской Могилянской Академии, которую оставил, приняв в 1725 г. постриг в Межигорском м., вблизи Киева. Рукоположенный в 1728 г. в иеродиакон, он преподавал в низших классах академии, позднее, как иеромонах, включен был в клир Софиевского собора. К тридцати годам определился вполне его облик. Строгое подвижничество соединялось в нем с крупными административными способностями. В 1737 г. он назначен был игуменом Мгарского м., вблизи г. Лубны, где почивали мощи св. Афанасия Пателария, патриарха константинопольского, которого Святитель Иоасаф считал своим небесным покровителем. В бытность его в Петербурге в 1742 г., для сбора средств на поправку монастырского собора, он произнес проповедь в дворцовой церкви., очень понравившуюся государыне, с тех пор благоволившей к нему. Возведенный по ея желанию в сан архимандрита, он был назначен в 1745 г. наместником Троицко-Сергиевой Лавры, в 1748 г. хиротонисан во епископа белгородского. Епархия эта, основанная в 1667 г., охватывала паству, вошедшую потом в состав Курской, Харьковской, частично Черниговской епархий. Позднее в нее включены были упоминавшиеся выше славяне. Владыка с исключительной ревностью управлял епархией, постоянно совершал объезды ея, ободрял одних пастырей, карал нерадивых. Все деньги, получавшиеся с богатой епархии, владыка расходовал на благотворительность, много помогая тайно. После его кончины у него нашли 70–80 копеек. Преставился он 10 декабря 1754 г. Многочисленны были чудеса, проистекавшие от его нетленных мощей. Прославление Свят. Иоасафа состоялось в 1911 г.

В царствование императрицы Елизаветы особенно выделился выдающийся иерарх того времени владыка *Симон* (Тодорский), о котором будет еще речь позднее. Родился он в г. Золотоноше, Полтавской губ., в 1701 г. Малоросс, сын простого казака, он обучался в киевской академии. Пожелав усовершенствовать свои знания, он поехал в магдебургский город Галле. Прослушав в университете богословские и философские науки, он остановился на изучении греческого, еврейского и других *восточных* языков. В особой коллегии он должен был потом изучать на подлинных языках Священное Писание. Упражнялся он также в сродных еврейскому языкам – халдейском, сирийском, арабском и др. Из него вышел большой знаток и почитатель Священного Писания и хороший филолог-ориенталист. Лютеранство на него влияния не оказало. Но известному влиянию господствовавшего тогда в Галле пиетизма он подвергся. Им переведен на славяно-русский язык излюбленный пиетистами труд Иоанна Арндта «Об истинном христианстве». Книга эта была напечатана в Галле. Императрица Анна Иоанновна, по ходатайству архиеп. Феофана (Прокоповича), прислала ему на эту цель 600 р. Книга стала известной в Германии. Но в 1743 г. по просьбе Синода имп. Елисавета предписала указом книгу эту, как не свидетельствованную Синодом, отбирать у всех в Синод и уничтожать. Архимандрит Симон, состоя тогда членом Синода, с полным смирением подчинился решению последнего, признав основательность опасений о могущем произойти соблазне среди верующих.

В 1738 г., после девятилетнего пребывания за границей, Тодорский вернулся в Киев. Митрополит *Рафаил* (Заборовский), морально и материально поддерживавший Симона в Галле, по возвращении последнего в родную академию, поставил его во главе нарочито созданных филологических классов – греческого, еврейского и немецкого языков.

С благодарным чувством вспоминали Симона ученики. Иоанн Миткевич, впоследствии еп. Белгородский, писал ему: «Сколько приготовил ты красноречивых ораторов, сколько мудрых философов и богословов». Известный владыка Георгий

(Конисский) писал ему: «Твое учение, продолжавшееся у нас столько времени, сколько Павлово в церквях Милетской и Ефесской, образовало наши души». Огромно было благотворное влияние, оказывавшееся Симоном на учеников примером богоугодной жизни его. В 1740 г. он принял постриг, посвящен в иеромонаха и назначен катихизатором в Братском мон. Продолжал он оставаться профессором духовной академии.

Когда возник вопрос о законоучителе для прибывавшего из Голштинии племянника императрицы, назначенного ею наследником престола, то митр. Рафаил указал на иеромонаха Симона. Задача предстояла ему трудная. Вел. кн. *Петр Феодорович* был сыном герцога Голштинского и дочери имп. Петра Великого Анны. Крещен он был в лютеранском исповедании. Болезненный, своенравный, он не получил в детстве должного воспитания. Прибыв в Россию, оставаясь в душе немцем и лютеранином, юный Петр не любил свою новую Родину и презрительно относился к православной вере. По сведениям, исходившим от вел. кн. Екатерины, супруги Петра, последний вел себя непристойно в отношении иером. Симона; постоянно возражал ему, надсмехался над кротким учителем, иногда даже просто оскорблял его. Тот все это переносил и постепенно некоторое доброе влияние на своего ученика оказал. Императрица Елисавета следила за занятиями племянника.

Еще сложнее были занятия тогда уже архимандрита Симона, с только что прибывшей в Россию принцессой *Софией-Августой Ангальт-Цербтской*, невестой наследника престола, впоследствии имп. *Екатериной 11*. Ему пришлось бороться с сознательною приверженностью к лютеранству умной и образованной немецкой принцессы. Архим. Симону надо было совершенно изменить религиозные убеждения принцессы Софии, разубедить ее в правильности лютеранства и убедить в истинности Православия. *Е. Сумароков*, в своей обстоятельной книге «Лекции по истории Русской Церкви», пишет: «Трудность задачи увеличивалась тем, что приходилось иметь дело с сильным и стойким характером, неспособным

поддаваться чужим мнениям и смотреть на что бы то ни было чужими глазами. Однако, для Тодорского трудность подобной задачи не казалась непреодолимой. С одной стороны, обладая в совершенстве высшею европейскою ученостью и немецким языком, прекрасно зная дух лютеранства, отчетливо представляя себе хорошие и слабые стороны его над другими исповеданиями, будучи, наконец, знаком с неосновательными нареканиями, возводимыми на православие врагами его, Симон с первых же шагов преподавания принцессе является, так сказать, во всеоружии. Заметив сильную приверженность принцессы к родному ей лютеранскому исповеданию, Симон сначала не только не высказывался о нем ригорически, напротив, поспешил заявить свое уважение и одобрение всему, что в нем заслуживает такового. Этим он приобрел доверие и расположенность ученицы выслушать его дальнейшие наставления ... Сопоставляя далее православие с лютеранством, Симон особенно отмечал существенные пункты сходства между тем и другим, разъясняя при этом несущественность обрядовых разностей. Благодаря такому ведению дела, принцесса в скором времени, если не отрешилась еще от привязанности к лютеранству, то, во всяком случае, изменила свой предубежденный взгляд на православие. Выдвигая, наконец, преимущество православия, он касался церковной истории и доказывал на основании ея, что только православная церковь осталась верною подлинным началом древней истинной Христовой и апостольской церкви. После точного разбора главных членов двух вероисповеданий и сличения православного катехизиса с лютеранским, Тодорский представил Софии торжественное исповедание православной веры.» 28 июня 1744 г. принцесса София, полностью ознакомленная с православием, присоединилась к нему, получив имя Екатерины.

Архим. Симон, кроме того, часто, в присутствии императрицы, произносил за литургией проповеди, потом печатавшиеся. Пользуясь благосклонностью государыни, он старался помочь нуждающимся и притесняемым. Вскоре он был назначен членом Синода и архимандритом Костромского

Ипатьевского мон. Как отличный филолог и экзегет, он принимал участие в исправлении и редактировании славянской Библии. В 1745 году он, в присутствии императрицы, был хиротонисан во епископа Костромского и Галицкого. Через пол года Симон перемещен был на Псковскую кафедру, и в 1748 г. возведен во архиепископа. Продолжая быть членом Синода, он находил время и для научных занятий. Александрийский патриарх Александр еще раньше писал ему: «До нас доходит слух о твоей высокой мудрости и ревности к благочестию. Благодарим Бога и воссылаем хвалу Ему за то, что Он доныне не перестает воздвигать в своей Церкви боголюбивых пастырей и ревнителей благочестия».

Занятый, главным образом, работой в Синоде, владыка Симон не мог полностью отдаться управлению епархией. В 1750 г. он, взяв отпуск, посвятил себя исключительно ей. Им была благоустроена семинария, на покрытие ее нужд обложены сборами монастыри. Вместо пособия, он допускал учеников занимать свободные места дьячков. Благоустроил он и псковские храмы. Заболев, он вскоре скончался в 1754 г. Денег от него не осталось. Он все расходовал на книги и на помощь нуждавшимся. Сохранена была его библиотека и письма к нему многих на иностранных языках.

В книге «Русская Церковь и Русские подвижники XVIII века» Е. Поселянин так определяет владыку Симона: «Всюду, при всех обстоятельствах жизни своей, – воспитанник Киевской академии, бедный труженик, студент университета в Галле и придворный проповедник, в котором все искали: он был всюду ровный, светлый, добрый и сочувствующий. Глубокая образованность его вместо того, чтобы наполнить его самомнением, только украсила, сделала выпуклее лучшие черты его характера. Твердый, цельный, глубокий: он овладевал всегда намеченною им целью. Душевные силы его были уравновешены. Ни одна из них не забывала другую. Мысль и чувство, ум и сердце – у него были в полном ладу. Но все, что было доселе сказано, является лишь внешней оболочкой его жизни. Как протекала сокровенная его жизнь с Богом, в чем состояли его монашеские подвиги: это навсегда останется

неизвестным. Но, конечно, высок был строй души его, если окруженный миром и суетой его, среди пышности Двора и искушений власти, честолюбия, роскоши – он прошел чрез эту точно чуждую для него область, не взяв ничего, не отдав ей ни одной мысли.»

Царствование императрицы Екатерины II

Император *Петр III Федорович*, вступивший на престол в декабре 1761 г., оставался тем же немцем по духу, каким приехал в Россию. Политически он был поклонником знаменитого прусского короля Фридриха Великого, с которым императрица Елисавета вела войну (Семилетнюю). Петр заключил немедленно союз с ним. Ко всему русскому относился он отрицательно, включая и духовенство. Последнему грозили большие испытания.

Летом 1762 г. Петр III был свергнут сторонниками его супруги. Воцарение императрицы *Екатерины II Алексеевны* встречено было радостно. Отрекшийся император, без ее ведома, был убит в Ропше и погребен в Александро-Невской Лавре.

Императрица Екатерина II, об обращении которой в православие упоминалось выше, усвоивши его догматическую истину, все же не могла проникнуться им совершенно. Обладая большим умом она, конечно, понимала какое важное значение имеет Церковь и что значило православие для русского народа. Как правительница, она придерживалась того «просвещенного абсолютизма», проводниками которого были ее современники прусский король Фридрих II Великий, австрийский император Иосиф II, шведский король Густав III и видные государственные деятели в Испании, Португалии, в некоторых государствах Италии. Все они, признавая, по прежнему, значение и силу твердой государственной власти, считали, что последняя должна идти навстречу разумным требованиям времени, по собственному почину проводя полезные народу преобразования. Государству всегда отводилось ими первое место. Церковь должна была, в их понимании, считаться с ним. В строго католической Австрии Иосиф II провозгласил веротерпимость, закрыл монастыри, в которых монахи не посвящали себя преподаванию или уходу за бедными, имущества их употреблял на устройство приходских церквей. Императрица Екатерина, поддерживая Церковь, ценя отдельных

иерархов, оказывая духовенству уважение, не соглашаясь на перемену религии ея внучкой Александрой Павловной, помолвленной с лютеранином шведским королем, – все же в ряде своих мероприятий, касавшихся духовенства, пренебрегала его интересами. Императрица Екатерина II царствовала в век т. н. энциклопедистов, внесших резкий либеральный переворот в умственную и духовную жизнь того времени. Она поддавалась, в значительной степени, их влиянию, переписывалась с некоторыми из них. Только к концу царствования, под впечатлением ужасов «великой» французской революции (1789 г.), подготовленной работой этих разлагателей, она отшатнулась от всего либерального, стала писать против масонства, тогда проявившего себя и политически, разъясняла извращенное понимание свободы.

Архиепископ Филарет (Гумилевский), в своем «Обзоре русской духовной литературы» (862–1863), отмечает влияние вредных западных идей на русское общество: «Злостными клеветами энциклопедистов на религию увлекались до того, что не только забыли думать о религии, как об основе гражданского благоустройства, но боялись ея. – Под фирмой гуманизма отворяли дверь настежь неверию, распутству и суеверию, как будто все это не унижение человечеству. Писали и хлопотали о человечности, о свободе и правде, а не понимали, что без христианской основы все это – хуже, чем мечты, так как на практике оказывается деспотизмом эгоизма. Философская мораль их наплодила ловких грабителей казны и таких же душителей слабого, от которых государственный организм доходил до крайнего расстройств; педагогия их воспитала жажду тщеславия, развила вкус к светскому легкомыслию, праздной потере времени и распущенной жизни» (См. Добролюбова I, 174– 189. Рус. Архив 1864 г., стр. 66–71). «Иногда стыдились не казаться христианами, но были только деистами, тогда как деизм ума во всех его видах, как и деизм чувства, – вовсе не то, что христианство, и с ним нельзя нажить ни ума, ни счастья. С ним будете допускать жалкие противоречия в жизни: то будете хлопотать о всеобщем просвещении, то станете говорить о язычестве и магометанстве:

пусть себе живут! С деизмом ума пусть ловко подметят в другом «обманщика, обольщенного»: но тем не избавят себя от чести попасть в роль того и другого... В упоении резонерства не допускали ничего чудесного, а не видели простой истины, что христианство само – чудо и в истории человечества, и в истории каждого человека. Искали славы в роли последователей Локковой философии» (Собрание предписаний о воспитании, СПб. 1789). «Странное было время! Высшие лица были как в чаду, отуманенные мечтами о свободе, – о свободе, питаемой то грубым материализмом, то бездушным рационализмом. – То, что развивает в душе истинную свободу, принимали холодно, а чаще преследовали сарказмом. Предавали публичному позору личность, которая «добродетель ищет в долгих молитвах, наблюдает строго дни праздничные, к обедни всякой день ездит, свечи пред праздником всегда ставит, мяса по постам не ест». (Комедия имп. Екатерины: О время!).»

В 1770 г. в 50-летнем возрасте умер Григорий Ник. Теплов, сенатор, писатель. В «Петербургской Ведомости», 1779 г. 30 мая писали: «Теплов с присудствия пал. Кончина его весьма страшную подобным была. Чрез три дня речь отнята и был мучим велико. А после того начал говорить, открываясь пред духовником и пред всеми, генерально выговаривая: «я не почитал церкви, ни Бога, и святыни Его гнушался, я ныне пропадаю. Вы-ж слышащие господа генералитеты видя столь мучительную мою кончину, кайтесь и будьте добродетельны. Я в жизни моей никому добра не делал, за что и плату получаю». «К сожалению, – говорится о сем в труде архиеп. Филарета – этот урок скоро был забыт, или иным казался и невразумляющим. И мнения энциклопедистов продолжали считать невидимую мудростию, и книги их продолжали издавать и покупать. Кошунство было в моде. Писали «послание к слугам», с нахальными насмешками над служителями веры. Когда паралич поражал несчастного весельчака, тогда только приходили в себя, и в горьком раскаянии писали «признание в делах и помышлениях».

Одним из первых мероприятий императрицы Екатерины II была секуляризация церковных имений, о чем речь будет

далее.

В строе высшего церковного управления крупных перемен при ней не было, кроме закрытия при Синоде *коллегии экономии*, ведавшей церковными общинами. Но произошли большие перемены в отношении замещения епископских кафедр и назначения к присутствованию в Синоде. Царь Петр I старался для интересов реформы замещать важнейшие церковные места новыми людьми из ученых малороссов. Императрица Екатерина II, в виду намеченных ею преобразований, спешила выдвинуть новых людей из ученых великороссов, готовых с большим усердием идти ей навстречу.

При воцарении императрицы Екатерины II первенствующим иерархом в Синоде был великоросс владыка *Димитрий (Сеченов)* (1709–1767), архиепископ новгородский, митрополит после коронования государыни, им совершенного. Он окончил московскую славяно-греко-латинскую академию, был в ней преподавателем красноречия, впоследствии выделяясь своим проповедничеством. Занимая нижегородскую кафедру развивал миссионерскую деятельность, которую начал, будучи архимандритом свияжского мон., в казанской епархии. Правил он потом рязанской епархией. Архиеп. Филарет (Гумилевский) так определяет его: «По церковному правлению был строг; за труды по казанской комиссии он приобрел право на уважение церкви; но в правлении церковном, к сожалению, увлекался тщеславием и желал угождать более людям, чем Богу». Видным членом Синода недолго был тоже ученик Московской академии, *Гедеон (Криновский)*, еп. псковский, при императрице Елисавете придворный проповедник и архимандрит Троицко-Сергиевой Лавры.

Знаменский пишет: «При их поддержке возвысились потом воспитанники московской академии: *Гавриил Петров*, в 1763 году посвященный в епископа тверского, а в 1770 г. сделанный архиепископом петербургским, – архиерей-аскет, мудрый, скромный и исполнительный в делах; *Платон Левшин*, в начале правления Екатерины бывший ректором академии, человек живой, впечатлительный, возбуждавший общия к себе симпатии, великий оратор и первая знаменитость своего века; Екатерина

сделала его придворным проповедником и законоучителем наследника Павла Петровича; с 1768 г. он был членом Синода, а с 1770 г. епископом тверским после Гавриила. В 1763 г., по смерти Гедеона, псковским епископом был назначен тоже видный Великорусс *Иннокентий Нечаев*. Эти лица участвовали в исполнении всех первоначальных действий правительства по церковным вопросам. Димитрий и Гедеон благополучно провели дело о секуляризации церковных вотчин; Гавриил, Иннокентий и Платон, по поручению правительства, в 1766 г. занимались составлением обширного проекта о преобразовании духовных школ, не приведенного впрочем в исполнение, и рассматривали написанный Екатериною Наказ комиссии о составлении нового Уложения; Димитрий, а по смерти его Гавриил были представителями Святейшего Синода в самой комиссии».

В это царствование воронежскую кафедру возглавлял *Святитель Тихон* (Соколов), сын бедного дьячка, родившийся в 1724 г. в с. Короцке, новгородской губ. Окончил он в Новгороде семинарию, был в ней учителем и ректором. В 1761 г. поставлен был викарным епископом кексгольмским. Ревностно управлял воронежской епархией, заботился о духовном просвещении, боролся с остатками язычества. Он старался развить пастырей в духе истинно-христианского понимания; на священников пытался воздействовать добрым словом и примером. В 1767 г. он уволился на покой в Толшевский, потом Задонский мон. Преставился он в 1783 г.

Деятельность этих иерархов будет освещена и в следующих главах.

Иерархи малороссы постепенно теряли свое значение. Самым крупным из них был *Арсений Мацеевич*, митрополит ростовский (1697–1772), упоминаемый в дальнейшем. Последним из киевлян, начавших выдвигаться со времени царя Петра I, был архиепископ московский *Амвросий* (*Зертис-Каменский*), молдаванин родом, малоросс по рождению, шляхтич по роду жизни. Он родился в 1708 г., кончил киевскую академию, учился у иезуитов во Львове, дополнял образование в славяно-греко-латинской академии в Москве. Был он префектом семинарии в Петербурге, обладая большим знанием

древних языков, потом архимандритом Воскресенского мон. Новый Иерусалим. При нем в обители сооружен был купол над Гробом Господним. В 1768 г. последовало назначение его московским архиепископом. Отличаясь хозяйственными способностями, он был исключительно строгим; наказывая духовенство прибегал к розгам и плетям. Духовенство его не любило. В 1771 г. во время сильной чумы в Москве он в церковной области решительно поддерживал строгия санитарные меры администрации. Большое скопление народа бывало у Варварских ворот пред иконой Божией Матери Боголюбской. Крестцовые попы служили перед ней молебны. Владыка Амвросий, чтобы прекратить большое скопление народа и взять на учет поступающие деньги велел перенести икону в церковь свв. Кира и Иоанна. Крестцовые попы, с которыми архиепископ и раньше вел борьбу, подняли против него чернь. Архиеп. Филарет (Гумилевский) считает, что в возбуждении толпы участвовали и раскольники, с которыми владыка боролся. Толпа ринулась в Чудов мон., где находились архиерейские палаты.

Амвросий скрылся в Донской мон., откуда начальствующий в Москве сенатор Еропкин намеревался перевести его в Воскресенский мон. Но толпа к этому времени подошла к Донскому мон. Владыка переодетый садился в кибитку, но когда народ стал ломать ворота, прошел тогда в церковь, где служилась обедня, приобщился и спрятался на хорах сзади иконостаса. Толпа открыла убежище, его вытащили и перед задними воротами умертвили, бив кольями два часа. Убийство совершено было 16 сент. 1771 г.

Архиепископом петербургским с 1761 г. был малоросс *Вениамин (Пуцек-Григорович)*, до этого занимавший нижегородскую и тверскую кафедры. В 1762 г. он переведен был в Казань. Проявлял он большую миссионерскую деятельность. Во время бунта Пугачева (1773–75) владыка Вениамин был первым из архиереев разославшим в своей епархии увещательные грамоты к населению, в которых обличал самозванца, принявшего имя Петра III. Один дворянин, замешанный в бунте, в показании оговорил владыку в

сочувствии Пугачеву. Вениамин был подвергнут оскорбительному аресту. Расследование доказало полную его невиновность. Императрица Екатерина поспешила утешить его милостивым рескриптом и возведением в сан митрополита. Во время ареста архиеп. Вениамина постиг паралич, от которого он не мог поправиться до самой кончины в 1782 г. С 1785 г. архиепископом казанским был великоросс Амвросий (Подобедов), ранее ректор московской академии, викарный епископ – севский, потом крутицкий. Дальнейшая деятельность этого видного иерарха будет изложена в части пятой-шестой.

Императрица благожелательно относилась к архиереям малороссам *Георгию (Конисскому)* и *Самуилу (Миславскому)*. Владыка Георгий (1718–1795), из нежинских дворян, воспитанник и ректор киевской академии, преподававший догматическое богословие и философию, известный проповедник. Он прославился, возглавляя с 1758 г. белорусскую кафедру, своей защитой православия от воинствующего латинства. Владыка Самуил (1731–96), воспитанник, префект и ректор киевской академии, епископ белгородский, потом крутицкий и архиепископ ростовский, с 1783 г. митрополит киевский. Он ввел в академии преподавание русских языка и словесности, весьма ценя труды Ломоносова. При нем включены были в программу академии общеобразовательные предметы и новые языки. Владыка Самуил сочувствовал преобразованиям императрицы.

В начале 1763 г. Екатерина II издала следующий указ о сношении Синода с нею: «Указы наши словесные принимать повелеваем: 1) от членов Св. Синода, 2) от ген. прокурора и 3) обер-прокурора синодского; 4) от дежурных ген. адъютантов и 5) от правящего нашим Кабинетом». Синод следовательно имел непосредственное право доклада императрицы, чем иногда пользовался.

Первым обер-прокурором в ее царствование был кн. А. С. Козловский, ни чем не выделявшийся. При нем произошла секуляризация церковных земель. Два преемника его были, по правильному определению Карташева, «носителями самоновейшей, антиклерикальной, просветительной

идеологии». В 1765 г. последовало назначение обер-прокурором *Ивана Ивановича Мелиссино*, окончившего сухопутный кадетский корпус, бывшего директора московского университета. Взгляды его явно проявились в составленных им «Пунктах» – проекте наказа, который Синод должен был дать своему депутату в созданной Екатериной II Комиссии для разработки проекта нового Уложения. «Пункты» были составлены в форме вопросов, с подсказкой желательных ответов. Пункт 3 гласил: «в рассуждении Св. Писания «ослабить и сократить посты»... 5) Очистить церковь от суеверий и «притворных» чудес и суеверий касательно мощей и икон. А для разбора этого дела составить особую комиссию «из разных неослепленных предрассудками особ»... 7) Нечто убавить из «продолжительных церковных обрядов», «для избежания в молитве языческого многоглаголения», «отменить множества в поздние времена сочиненных стихир, канонов, тропарей и пр.», «отменить многие излишние праздничные дни; вместо вечерен и всенощных назначить краткие молебны с полезными поучениями народу» ... 10) разрешить духовенству ношение «более приличного платья». 11) Не благоразумнее ли совершенно отменить обычай поминовения усопших? Подобный обычай только доставляет духовенству лишний повод к различным вымогательствам»... В остальных пунктах предлагалось поставление женатых епископов, облегчение разводов и пр.

Карташев пишет: «Характерно, что в делах Синода не осталось ни строки о каком-либо официальном рассмотрении этого сенсационного предложения обер-прокурора. Очевидно члены Синода отложили официальное рассмотрение всего проекта, как они поступили бы в том случае, если бы «стряпчий по делам государственным» внезапно сошел с ума при исполнении своих обязанностей. Не борясь в лоб, члены Синода, конечно Заготовили свой наказ депутату, совершенно свободный от правительственного влияния. В том был и замысел депутатского представительства, чтобы верховная власть могла узнать через него действительные нужды управляемых низов. А обер-прокурор был представителем не

низов, а самой верховной власти. Да и фактическое право Синода в то время обходить обер-прокуроров в сношениях с верховной властью, видимо сделало свое дело. Вскоре (24. X. 1768 г.) Мелиссино был уволен».

В Комиссии об Уложении (1767–68) никаких вопросов, касавшихся церковного управления не подымалось.

Заместителем Мелиссино был назначен Чебышев, масон, проявлявший свой атеизм. Д. И. Фонвизин, в своих записках «Чистосердечные признания», указывает, что Чебышевым запрещено было печатать сочинение, в котором доказывалось бытие Божие. Карташев пишет: «На место Мелиссино был назначен бригадир П. П. Чебышев, который резкостью своего вольномыслия даже превосходил Мелиссино. Про него известно, что он не стеснялся открыто, при толпе народа, разговаривая с кем-то, афишировать свой атеизм: «да никакого Бога нет!» – выкрикивал Чебышев. По воспоминаниям архиерейской среды он был столь злобен и груб, что когда члены Синода не соглашались с его мнением и особенно когда они уже подписывали свое решение, расходившееся с его мнением, то он, разумеется «про себя», но все-таки, чтобы было слышно, провожал каждую подпись члена Синода «гнилым словом». Сам великий Филарет повторяет это, говоря: «Чебышев при несогласии с ним членов Синода бранился гнилыми словами».

Чебышев всячески старался давить на Синод, но встречал с его стороны сопротивление. Возникли подозрения об свободном обращении Чебышева с казенными суммами. Императрица назначила ревизию, по окончании которой генерал-прокурор кн. Вяземский уведомил Синод о растрате тем свыше десяти тысяч рублей. Деньги эти Чебышев постепенно вернул, но был в 1774 г. уволен. На его место был назначен благочестивый С. В. Акчурин, после него обер-секретарь Синода А. И. Наумов. Они оба установили добрые отношения с членами Синода. Последним обер-прокурором в царствование Екатерины Великой был близкий ко Двору деятельный граф А. И. Мусин-Пушкин, известный археолог, член Академии Наук, позднее открывший «Слово о Полку Игореве».

Он взял в свои руки всю синодскую канцелярию. Будучи человеком церковным, Мусин-Пушкин не препятствовал членам Синода делать личные доклады императрице и получать от нея непосредственные указы.

Для того времени показательно последовавшее правительственное распоряжение об изъятии, из опасения «фанатизма», из ведения духовного суда дел о религиозных хулах, о нарушении чинности в богослужении, о колдовстве и суевериях.

Императрица Екатерина считалась с мнениями двух членов Синода – владыки *Гавриила* и своего духовника *прот. Иоанна Памфилова* (ум. 1794 г.). Последний был сыном московского священника. Не смог он окончить две семинарии, что не помешало ему стать образованным человеком, с большим уклоном в сторону западного просвещения. Он свободно владел латинским языком. Академия Наук привлекла его к составлению словаря Русского языка. С 1770 г. он состоял настоятелем Благовещенского собора в Москве. Он был первым представителем белого духовенства, носившим *митру*. Императрица пожаловала ее ему в 1786 г., вызвав этим большое неудовольствие среди архиереев и монашества, видевших в этом унижение митры. Более всех возмущен был владыка Платон. Прот. Памфилов, пользуясь своим большим влиянием, выступал постоянно защитником белого духовенства, против монашествующих и архиереев. Члены Синода не скрывали недовольства своим положением. В особенности проявлял это владыка *Платон*. Он стал реже приезжать из Москвы на заседания Синода, а с 1782 г. перестал просто ездить и даже просился на покой. Императрица его не уволила, но обходила наградами. Сан митрополита был дан ему только в 1787 г., тогда как владыки Гавриил и Самуил имели его с 1783 г. Митр. *Гавриил* сохранил благоволение государыни до конца ее царствования. Всегда ровный, спокойный, стоявший на законной почве, по выражению императрицы «резонабельный муж», он умел проявлять свою ревность о Церкви, не вызывая у других раздражение. Сказанное им веское слово производило должное впечатление. Императрица постоянно призывала его для

советов и приказала сноситься с ним по делам генерал-прокурорской канцелярии Сената (Знаменский).

Синод в царствование императора Павла I (1796–1801)

Император *Павел I Петрович*, с первых часов своего рождения, принят был на попечение имп. Елисаветой Петровной. Родившись в 1754 г., он раннее детство свое провел в обществе нянь, которые первые утвердили в нем веру и любовь к храму. Верующим был его непосредственный потом воспитатель *С. А. Порошин*, пробудивший у него и любовь ко всему русскому. Законоучителем его был иеромонах *Платон (Левшин)*. Последний свидетельствовал впоследствии: «Высокий воспитанник всегда был по счастью к набожности расположен, и рассуждение ли, или разговор относительно Бога и веры были ему всегда приятны. Сие, по примечанию, ему внедрено было со млеком покойной императрицей Елисаветой Петровной, которая его горячо любила и воспитывала, приставленными от нее, набожными женщинами». Порошин вспоминал, что в день Успения Божией Матери «одевшись изволил Павел читать с отцом Платоном св. Писание. Потом разбирали мы книжку, в которой служба на сегодняшний праздник, и пели оттуда стих: «Побеждаются естества уставы, Дева чистая» и проч. В присутствии цесаревича происходил разговор о том, что морские битвы жесточе, т. к. на разбитом корабле приходится опускаться с ним на дно. В конце беседы десятилетний Павел сказал: «Чтож беды, хоть и на дно ретироваться. Вить в смерти-та больше страху, нежели вреда, особливо для человека добродетельнова, которому на том свете лучше еще будет нежели здесь».

Коронавание императора совершилось в Москве 5 апреля 1797 г. в первый день Светлого праздника. Оно отличалось тем, что Павел при этом священнодействии, прежде чем облечься в порфиру, приказал возложить на себя далматик – одну из царских одежд византийских императоров –, сходственный с архиерейским саккосом. При входе государя в Царские врата, митр. Платон, увидев шпагу, висевшую у его пояса, остановил Павла словами: «здесь приносится безкровная жертва: отними

благочестивейший государь, меч от бедра твоего». Коронована была и императрица Мария, на главу которой государь супруг возложил малую корону.

По окончании венчания на царство, император прочел в Успенском соборе, с высоты трона, составленный им закон о престолонаследии. Этим актом отменялся петровский закон и устанавливалось наследование по прямой линии в мужском колене по началу первородства, что и существовало в России после вел. кн. Иоанна I Калиты. По оглашении закона государь вошел Царскими вратами в алтарь и положил его в серебряный ковчег, стоявший на св. Престоле для хранения на вечные времена.

В тот же день был обнародован манифест о помещичьих крестьянах, положивший начало ограничению крепостного права. Манифест гласил: «Закон Божий, в десятиловии нам преподанный, научает нас седьмой день посвящать Богу; почему в день настоящий, торжеством веры прославленный, и в который Мы удостоились воспринять священное миропомазание и царское на Прародительском Престоле Нашем венчание, почитаем долгом Нашим пред Творцем всех благ Подателем подтвердить во всей империи Нашей о точном и неременном сего закона исполнении, повелевая всем и каждому наблюдать, дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам, тем более, что для сельских издольев остающиеся в неделю шесть дней, по равному числу оных разделяемые, как для крестьян собственно, так и для работ их в пользу помещиков, при добром распоряжении, достаточны будут на удовлетворение всяким хозяйственным потребностям.»

Император Павел I заботливо относился к православному духовенству. Он выражал желание, чтобы священство имело более «соответственные важности сана своего образ и состояние». Вследствие этого принимались в его царствование меры к улучшению быта белого духовенства. Ревновал государь о просвещении духовенства. При нем учреждены были духовные академии в Петербурге и в Казани. Духовные лица получали награды и вновь учрежден был для них наградный

наперсный крест. При нем положено было начало *единоверию*, о котором будет говорить в дальнейшем.

Мальтийский орден отдал себя под покровительство имп. Павла. 12 октября 1799 г. в Гатчину торжественно были принесены святыни ордена: *десница Св. Иоанна Крестителя, частица Креста Господня и икона Филермской Божией Матери Одигитрии*. День 12 октября был внесен в число праздничных дней и составлена была особенная служба этому празднику.

Митр. Гавриил, как первенствующий член Синода, совершил миропомазание императора Павла. Он, первый из русского духовенства, пожалован был государем орденами Св. Андрея Первозванного и Св. вел. кн. Александра Невского. Он подчинился воле царя, но не сочувствовал награждению духовенства орденами. Решительно отказался он от пожалования ему Мальтийского ордена, как католического, вызвав этим неудовольствие императора. Все более заметным становилось» охлаждение к нему государя. Но просьбы его им удовлетворялись. Он исхлопотал указ об освобождении священнослужителей от телесного наказания. В сентябре 1799 г. ему предложена была киевская митрополия. Владыка отказался и, чувствуя немилость царя, просил разрешить ему переехать в Новгород. В декабре 1800 г. последовало увольнение его на покой с пребыванием в новгородском архиерейском доме. Прибыл он туда совсем больным. Последние месяцы жизни владыка провел, предаваясь духовным подвигам. Поселился он в келлиях вблизи храма и мог слушать у себя все богослужения. Часто он проводил целые ночи в слезной молитве, стоя на коленях перед иконой. По субботам раздавал подаяние нищим. Деньги завещал он на содержание бедных учеников *Алекса́ндро-Невской академии* и *новгородской семинарии*, в частности на лекарства для них. Скончался митрополит Гавриил 26 января 1801 г.

Давнишнее доброе отношение Павла к *митр. Платту* изменилось еще до коронации, когда владыка отказывался принять орден св. Андрея Первозванного, не одобряя намерения государя из духовных лиц делать «кавалеров». Недоволен был император тем, что владыка являлся к нему в

Москве по просьбе дворян просить не быть в отношении их таким строгим. Митрополиту приказано было им не выезжать из Москвы.

Особым расположением имп. Павла пользовался заместитель митрополита Гавриила архиепископ *Амвросий (Победов)*, ранее, с 1785 г., возглавлявший казанскую кафедру. В 1801 г. он был назначен митрополитом.

С 1797 г. обер-прокурором был кн. В. А. Хованский, который завел строго формальный контроль синодских дел, распространив таковой и на епархиальное делопроизводство. Он позднее заявлял протест по поводу распределения некоторых остаточных сумм между синодскими и епархиальными архиереями. Владыка Амвросий пожаловался государю. Хованский был уволен и членам Синода предложено было царем избрать удобного им кандидата на его место. Синод представил государю трех кандидатов, явно желая первого из них, графа Д. И. Хвостова. Последний и был утвержден в мае 1799 г. Хвостов передал архиеп. Амвросию всю полноту власти. (Карташев).

Епархиальное управление

В течение XVIII в. изменилось число епархий. При открытии Синода было 18 епархий. Потом с переделами губерний число это постепенно увеличивалось. Епархиальные архиереи подчинялись Синоду, как раньше патриарху. Московская епархия до 1742 г. оставалась в ведении Синода, без местного архипастыря. В этом году имп. Елисавета утвердила определение Синода о назначении архиепископа в Москву и об открытии новых епархий: петербургской, переяславской и костромской. В 1753 г. в ведении Синода было 30 епархий. Штатами 1764 г. назначены были 3 первоклассных епархии, иначе митрополии, 8 второклассных – архиепископий, 15 епископий. В эти штаты не были тогда введены 3 малорусские епархии и одна белорусская. В 1787 г. последовало разграничение епархий по пределам губерний, чем облегчено было духовное управление. В 1775 г. открыта славянская епархия, в состав которой вошли поселения сербов на юге. С 1785 г. число епархий умножилось, особенно с присоединением новых областей. Штатом 1799 г. определялись 4 митрополита, 12 архиепископов и 12 епископов. В сем числе не считалось грузинское экзархатство с 13 епархиями, присоединенное к синодальному управлению в 1783 г. (Архиеп. Филарет).

Замещение архиерейских вакансий производилось Синодом, который представлял избранных кандидатов (в XVIII в. двоих, а с 1822 троих) для Высочайшего утверждения одного из них к поставлению.

Органы епархиального управления долгое время оставались прежними. Только временами таковое получало более определенности, порядка и однообразия. Коллегиальная система, приданная Петром высшему церковному управлению, перенесена была в епархиальное управление только в 1744 г. Тогда, вместо архиерейских приказов, велено было учредить в епархиях *консистории*, существовавшие раньше только в южно-русских епархиях. Консистории находились в самом близком заведывании епископа, составляя как бы его канцелярию.

Благочиннические обязанности со времени Петра стали поручаться особым лицам, уже не выборным, а определяемым на должность самими архиереями. *Благочинные* заменили прежних выборных поповских старост, выполнявших финансовые задания (до отмены в 1764 г. архиерейских сборов с духовенства). В 1775 г. митр. Платон написал для благочинных превосходную инструкцию. С конца XVIII в. явилась новая должность благочинных над монастырями из почетнейших настоятелей монастырей.

До царствования имп. Екатерины II *малороссы* (черкасы) преобладали и в епархиальном управлении. Они завладели всеми должностями, к неудовольствию местного духовенства. Гордясь своим образованием, они обращались с местным духовенством пренебрежительно и сурово. Старая суровая система епархиальной администрации, с ее различными запугиваниями и наказаниями (плети, розги, заключения в монастырские и консисторские тюрьмы, тяжелые работы на архиерейских дворах, по монастырям и в духовных школах), воспринималась особенно тяжело от пришлых начальников. Жалобы на «черкас» шли отовсюду. «При Екатерине II господство малороссов пало; кроме того, с учреждением штатов в 1764 г., духовенство было освобождено от старого архиерейского тягла, которое само по себе портило отношения начальствующих к подчиненным. С падением в епархиальной администрации тягловой системы и с занятием начальственных постов новыми, своими, а не пришлыми людьми, повсюду почувствовалось облегчение прежних тяжестей.» – пишет Знаменский.

В 1766 г. Св. Синод принял участие в смягчении административных нравов. Последовал указ об отмене по духовному ведомству *телесных наказаний* для всех священнослужителей белого и черного духовенства. Появились архиереи другого уклада, старавшиеся поднять духовенство из его приниженного положения. Особенно выделялся в этом отношении Свят. *Тихон (Соколов)*, епископ воронежский. Он, еще до синодского указа, отменил телесные наказания в своей епархии и требовал от чиновников консистории, чтобы они

обращались с духовенством с уважением, подобающим священному сану. Таковыми же были митрополиты *Гавриил* и *Платон*. Последний старался внушать духовным лицам правила самоуважения и святости и сам говорил, что застал свое духовенство в лаптях, но успел обути его в сапоги и ввести в гостиные. Более успешному усовершенствованию епархиальной администрации долго мешало крайне бедное ее существование. Нищенские оклады ее штатных служащих, начиная с секретарей консистории, и существование разных епархиальных должностей, остававшихся без вознаграждения, на долгое время поддерживали в ней старое зло взяточничества и поборов (Знаменский).

Преимущественное внимание епископов обращено было на воспитание духовного юношества. Пока духовные училища не везде были открыты, для испытания и обучения ставленников определены были при каждом епископе два экзаменатора. Заведывание монастырями и иконами, равно и всем духовенством, поручено было строгому вниманию епископов. Подтверждено было древнее правило, чтобы епископ обозревал епархию, по крайней мере, раз в два года, если не каждый год.

Епископам приходилось бороться с некоторыми сложившимися мнениями. Так считалось, что священники имеют право передавать свои места детям, если дети имеют право на сан родителя. Считалось также, будто право прихожан на свидетельство о поведении лиц, ищущих духовную должность, или лица, занимающего ее, уполномочивает их правом располагать церковными должностями и лицами по произволу. Против первого мнения сильное окружное послание писал владыка *Досифей (Богданович-Любимский)*, епископ белогородский и обоянский (1731–35). Против второго особенно пришлось бороться *Свят. Тихону*, епископу воронежскому. Много скорбей доставляло последнему своеволие *Донского Войска*. В 1765 г. он сообщал Синоду о незаконном самовластии войска, вмешивавшегося в церковные дела, определявшего дьячков и пономарей, посвященных же им отрешавших, записывая их в казаки. И до *Свят. Тихона* его предшественники боролись с этим явлением. Установлено было еп. *Иоакимом*

(донесение Синоду в 1762 г.), что из казачьих приходов нельзя получить исправных метрических ведомостей, священники же, по настоянию казаков, не исполняют предписания архипастыря. Синод еще в 1741 и 1745 гг. просил Военную коллегию прекратить такое своеволие в Донском войске (Архиеп. Филарет).

Полномочия епархиальной власти, по законам имп. Петра Великого, должны были простираться на все церковные учреждения и на всех лиц, находящихся в епархии, без исключения. Но таковые остались. Кроме ставропигиальных монастырей, из круга епархиального ведомства выделено было придворное духовенство, подчиненное Синоду и дворцовому управлению и поставленное под непосредственное начальство протопресвитера – духовника Их Величеств.

На тех же началах при императоре Павле I выделено было в особое ведомство *военное духовенство*. В прежнее время оно находилось в подчинении епархиальным начальствам по местам расположения полков. Только в военное время оно поступало под ведение особых флотских обер-иеромонахов и полевых обер-священников, учрежденных уставами царя Петра I воинским (1716) и морским (1720). При имп. Павле в 1800 г. учреждена была должность постоянного обер-священника, который и был поставлен во главе всего духовенства армии и флота.

Церковно-земельные имущества. Митрополит Ростовский Арсений Мацеевич

В XVIII веке последовало разрешение церковно-земельного вопроса, не раз возникавшего в предыдущия столетия. Памятен спор преподобных Иосифа и Нила о «стяжании» и «нестяжании». Победителем оказался игумен Волоколамский, хотя насадителю скитского жития сочувствовал властный самодержец Иоанн III. В царствование Иоанна IV Земский Собор, с участием бояр и духовенства, решился в 1580 г. только запретить епископам и монастырям покупать в дальнейшем земли. Решение это объяснялось Собором тем, что: «села и пожни ³⁵⁾ и иные земельные угодья, еще по священным епископьям и святым монастырем в пустошьях изнуряются, ради пьянственного и непотребного жития многообразне» а «воинственному чину от сего оскудение происходит велие». В то время Россия воевала на юге, западе и севере. Но разрешение частным лицам жертвовать «на помин души» осталось в силе. Пожертвования и вызывали рост церковных земель.

Карташев пишет: «Устарелость права церковного землевладения в России явствовала не только из своей чисто материальной убыточности для государственных доходов. Она нарушала единство административной системы государства и единство гражданского суда. Население церковных земель жило под управлением своих административных чиновников и своих органов гражданского суда, правда построенных аналогично с государственными чинами и постами. После ликвидации уделов, особенности устройства которых были все же только местными, владельческие привилегии церкви были пространственно повсюдными – шли до границ государства. Но в то время, как государство уже побороло вотчинное (удельное) сознание и привило населению сознание государства нового, полицейского, административно единого, церковное землевладение мешало этому нормальному этапу государственности. Разорения смутного времени уравнивали в оскудении все земледельческие категории. Удельновотчинные привычки монастырско-церковных

владельцев должны были уступать острым финансовым нуждам государства, его трудовым и тяглым повинностям. Но обширный церковный «удел», занимавший около $\frac{1}{3}$ всей государственной территории, на законных «хозяйских» основаниях конкурировал с хозяйством государственным. Он привлекал на свои земли трудовое, аграрное, ремесленное и торговое население, предоставляя своим насельникам льготы и привилегии. Мелкопоместные служилые люди жаловались, что монастыри «сманивают и крестьян и от того поместья пустеют и служить им государевой службе не с чего».

Населенные монастырско-церковные земли издавно создавали большие осложнения в области гражданского суда. С далеких времен епископские и монастырские владения исхлопатывали у княжеской власти «жалованные» и «несудимые» грамоты; предоставлявшие им право судиться по гражданским делам не в княжеских, великокняжеских и царских судах, а у «своих господ» – владык, архимандритов и игуменов. Создавшееся положение Карташев определяет так: «Благодаря вариантам этих привилегий (по одним договорным грамотам шире, по другим – уже), выросло фантастическое разнообразие в области гражданского суда. Одни церкви и монастыри судились не у своего епарх. владыки, но у патриарха, в Приказе Большого Дворца (своего рода ставропигия). Или по всем делам, или только по некоторым. Одни церкви и монастыри судились не в своей епархии, а у других владык(!). Иные предпочитали судиться у местных гражданских властей. У одного и того же монастыря одне вотчины имели больше привилегий, другия – меньше. Одне судились в одном, другия, соседняя в другом месте. Особенную трудность это создавало для лиц, вовлеченных в суд с церковными вотчинами из за неожиданных привилегий и неожиданных перекидываний дела в неожиданные места. Жалобы на эту судебную волокиту стали всеобщими.»

Решительное изменение произвело в 1649 г. Уложение царя Алексея Михайловича. «Творцы «Уложения», пишет Карташев, «осуществили целый идейный переворот. Они провели на деле юридический принцип монополии государства на власть его над

всей своей *территорией*. Государство – владелец территории. Источник земельного имущественного права – в пожалованиях государственной власти. Она раздает землю за заслуги и в своих интересах. И лишь *через государство* разные категории его слуг и его населения получают право *пользования и распоряжения* землями. Как *собственник* территории, государство и *управляет* ею, контролируя тем ее целесообразное с «общей пользой» пользование ее частными «собственниками». Бесплодно и нерационально, к невыгоде государства, земли не должны пустовать и пропадать. Так наз. «Монастырский Приказ» (это церковное министерство по управлению всеми монастырскими земельными имуществами при патриархах) из так сказать «министерства патриаршего» должен стать «министерством царским». С этим наступил государственный контроль. Монастырский Приказ начал ведать государственные сборы с церковных вотчин, описи церковного имущества и разные полицейские меры по делам церковных вотчин.» Уложение провело и идею единого государственного суда для всех равного.

Против государственного Монастырского Приказа боролась иерархия. Владыке Никону, в бытность его митрополитом новгородским, удалось получить от царя Алексея «несудимую грамату», освобождаясь тем самым от подчинения новому Монастырскому Приказу. Во время его патриаршества таковой существовал только формально. В 1666 г., после Собора, осудившего Никона, царь признал правильным отрицательный взгляд последнего на Монастырский Приказ и согласился передать его опять в ведение Церкви. До 1677 г. он вообще не действовал, в этом же году судебно-расправные дела его переданы, к удовлетворению духовенства, в царский приказ Большого Дворца.

«Утилитарно мысливший Петр I», пишет Карташев, «считал монастырско-церковные владения просто «тунегиблемыми» (=зря пропадающими для государства). Он еще при жизни патриарха Адриана, примитивно мыслившего и в открытом послании выступавшего против принципа секуляризации, все же провел через Приказ Большого Дворца, управлявшего

церковными имуществами с 1677 г., ряд мер государственного контроля над хозяйством этих монашеских «вотчин».

После кончины в 1700 г. патриарха Адриана, как упоминалось раньше, Петр сразу взял в государственные руки управление всеми церковными общинами. Возрожден был Монастырский Приказ. Исключение сделано было царем почитавшемуся им митрополиту новгородскому Иову. Церковные имущества его епархии не были отданы в управление Монастырскому Приказу.

В декабре 1701 г. издан был указ, содержание которого Соловьев так излагает: «В монастыри монахам и монахиням давать определенное число денег и хлеба в общежительство их, а вотчинами им и никакими угодьями не владеть, не ради разорения монастырей, но лучшего ради исполнения монашеского обещания, потому что древние монахи сами себе трудолюбивыми своими руками пищу промышляли и общежительно жили, и многих нищих от своих рук питали; нынешние же монахи не только нищих не питают от трудов своих, но сами чужие труды поедают; а начальные монахи во многия роскоши впали, и подначальных монахов в скудную пищу ввели; кроме того, от вотчин ссоры и убийства и обиды многия. По этим причинам великий государь указал давать поровну, как начальным, так и подначальным монахам, по 10 рублей денег, по 10 четвертей хлеба и дров сколько им надобно; а собирать с вотчин их всякие доходы в Монастырский Приказ. Слуг и служебников в монастырях оставить самое малое число, без которых обойтись нельзя. Что остается хлеба и денег от раздачи монахам, из этого остатка давать на пропитание нищих в богадельни и бедные монастыри, у которых нет вотчин».

«Пока эта новая схема вырабатывалась», пишет Карташев, «новый хозяин – государство – роздал и разбросал ряд вотчин целиком в поместья служилым людям, городам, государеву ведомству. Церковное землевладение чувствительно сократилось в своем объеме уже безвозвратно навсегда. 6407 жилых дворов ушли из ведомства церкви».

Но казенное хозяйство оказалось убыточным. Высочайшим указом 16 окт. 1720 г. монастырский Приказ был закрыт, а

монастырские вотчины, которые от монастырей были взяты, возвращены, кроме розданных в вечное владение отдельным лицам, в прежние монастыри. Ведать ими поручено было тамошним архимандритам и игуменам.

Новоучрежденный Синод обратился 14 февраля 1721 г. к императору Петру I с рядом вопросов, на которые он ответил. К этому времени существовали уже Коллегии. Пятый вопрос гласил: «Патриаршия, архиерейские и монастырские вотчины, которые сборами и правлением ведомы были в Монастырском Приказе, в одной Духовной Коллегии ведать ли? – того ради, что оные от гражданских управителей пришли в скудость и пустоту, а Духовная Коллегия присягой обязалась как в верности, так и в искании интереса царского величества против прочих коллегий не меньше; а в Регламенте Духовном положено, что такое правление надлежит до Духовной Коллегии? *Ответ:* Быть по сему.» Таким образом возродился Монастырский Приказ, под ведением Синода. В 1723 г. название «Приказы» вообще было уничтожено. В 1724 г. при Синоде учреждена была, подобно государственной Камер-Коллегии, ведавшей казенными сборами, Камер-контора Синодального Правления, которая из собираемых доходов отпускала кафедрам, монастырям и церквам определенное жалование. В 1726 г. ее заменила Коллегия Экономии Синодального Правления, деятельность которой состояла в исчислении и взыскании недоимок с церковных имений. В 1738 г. Коллегия Экономии была отдана Сенату, но мера эта не привела к повышению доходности.

В 1741 г. Синод, оспаривая доклад гр. Мусин-Пушкина, между прочим, писал: 1) под управлением монастырского Приказа дома архиерейские и монастыри приходят в упадок, т. к. Приказ для их починки не отпускает ни людей, ни денег; 2) когда имения в 1721 г. поступили из монастырского Приказа в ведение Синода, то крестьяне оказались крайне разоренными, так что требовалось много времени и средств для их поправления; 3) государственной недоимки на имениях только восьми монастырей за 10 лет было 19000 руб. – Императрица повелела впредь до усмотрения состоять церковным имениям в

ведении Синода. Возвращенная из Сената Коллегия экономии наименована была *Синодальной Канцелярией Экономического Правления*. Эту перемену Карташев определяет так: «Но суть процесса не менялась. Имения мнились церковными, но хозяином их считалось государство, а Синод – лишь управляющим».

«С половины 1751 года», пишет Соловьев, «в разных местах империи начало обнаруживаться явление, которое в следующем году приняло небывалые размеры. В Вятской провинции встали против своих владельцев крестьяне архиерейского дома, также Успенского-Трифонова и других монастырей.» Вятскому воеводе пришлось прибегнуть к воинской силе. Драгуны вынуждены были стрелять в толпу. В 1752 г. олонекские волости Хутынского мон. отказали ему в повиновении. Сенат велел послать достаточную команду и, по исследовании дела, зачинщиков высечь плетью нещадно. Монастырские крестьяне, отмечает Соловьев, восставали все чаще и чаще, и войску приходилось исполнять печальную обязанность их усмирения. Крупные беспорядки вспыхнули в Шацком уезде. Крестьяне Новоспасского мон. сковали усмиривших их драгун и били их. Дело это рассматривалось в Сенате. Выяснилось, что крестьяне жаловались на управителя монастырского. «Естественно, должна была явиться мысль», замечает Соловьев, «освободить государство от печальной необходимости укрощать крестьянские восстания и монастыри освободить от неприличной им обязанности управлять крестьянами. Финансовые нужды должны были также поддержать эту мысль».

Для рассмотрения вопроса о церковных имущественных императрица Елисавета учредила особую конференцию. На ней она высказалась, что духовные учреждения «не имея власти употреблять свои доходы иначе, как только на положенные штатом расходы, суетное себе делают затруднение управлением вотчин». В итоге занятий конференции, последовал 30 сент. 1757 г. указ императрицы, приказывавшей Сенату и Синоду подумать о том, чтобы монастырские вотчины отдать в управление офицерам и ввести большую правильность

в распределении доходов; в Синод по этому делу сообщен был экстракт из протокола конференции.

Ближайшим советникам императрицы удалось задержать решительную реформу. Вопрос этот был передан на рассмотрение в конференцию Сената и Синода. Члены последнего одержали верх. Решено было обложить денежно годичной податью в один рубль все церковные крестьянские дворы с тем, чтобы собранная сумма делилась пополам: – полтина шла бы казне, а полтина – духовному ведомству. Крестьяне почувствовали происходящую перемену. Все больше поступало к властям их жалоб на церковных помещиков. В 1760 г. Сенат образовал особую смешанную комиссию для разбора крестьянских жалоб на хозяйство духовных господ. Только 7 янв. 1762 г., в первый месяц царствования императора Петра III, последовало решение смешанной конференции. Выработано было соглашение, чтоб монастырские крестьяне платили по 50 копеек в казну и по 50 коп. в монастырь или в архиерейский дом, которым принадлежали.

Указ императрицы Елисаветы от 30 сент. 1757 г. был использован новым государем для нанесения первого удара церковному землевладению. В указе Петра III от 16 февр. 1762 года говорилось, что этим указом императрица «сама такое полезное всему государству о управлении архиерейских и монастырских вотчин узаконение положить изволила, которое одно, независимо от прочих великих ея императорского величества дел и благодеяний своему отечеству, достаточно было бы учинить славную ея память бессмертною...» Сенату предлагалось ея узаконение немедленно привести в «действительное исполнение». Сенат распоряжение это выполнил. 21 марта 1762 г. последовал указ Петра III об отобрании церковных имуществ, с передачей ведавшей ими Коллегии Экономии в ведомство Сената. Монастыри располагались по классам с соответственными штатами, определялось содержание архиереев.

Императрица Екатерина II, вступив на престол, 28 июня 1762 г. и присутствуя 3 июля в Сенате, приказала иметь последнему рассуждение о духовенстве, как бы ему учинить

удовольствие к его содержанию. Духовенство не дожидалось и само просило об отдаче ему во владение вотчины. 5 июля императрица передала это прошение Сенату с приказанием – иметь рассуждение и мнение свое ей донести. 16 июля Сенат высказался за возвращение имений духовенству согласно его о том просьбе. Сенат считал, что крестьяне должны управляться не служками монастырскими, а выборными и старостами, которых будут выбирать сами крестьяне с переменою погодно. Синод с этим согласился. Архиеп. новгородский Димитрий (Сеченов) предлагал учредить комиссию из духовных и светских лиц для сочинения монастырям, архиереям и семинариям штатов (Соловьев).

Императрица Екатерина сознавала трудность положения. 8 авг. она писала гр. А. П. Бестужеву-Рюмину: «Батюшка Алексей Петрович, прошу вас приложенные бумаги рассмотреть и мнение ваше написать; дело в том, комиссию ли учинить ныне, не отдавая деревень духовным, или отдавать ли ныне, а после сделать комиссию. В первой бумаге написано – отдавать, а в другой только, чтоб они вступили во владение до комиссии. Пожалуй, помогай советами.»

Соловьев пишет: «Как видно, вследствие советов Бестужева, на которые могло иметь влияние письмо Ростовского архиерея, 12-го августа состоялся именной указ об отдаче всех синодальных, архиерейских, монастырских и церковных движимых и недвижимых имений, для благопристойного духовного чина содержания, им в управление, и об отставлении Коллегии Экономии и небытии посланным для управления церковных вотчин офицерам.»

Продолжались волнения монастырских крестьян. К их недовольству церковным начальством, в ряде мест, присоединилось самочинное выполнение ими указа императора Петра III. Манифесту императрицы от 12 августа не верили. Появились подложные манифесты. Иногда крестьяне производили переделы.

29 ноября 1762 г. последовал указ об учреждении Особой Комиссии, долженствовавшей руководствоваться инструкцией. Императрица объявила, что Божественное Писание

предписывает ей, «яко блюстительнице церкви святой, учреждать все порядки и законы, подкрепляющие православие»... и чтобы совесть блюстительницы «не была отягощена сокрушением при виде существующих в этом чину нестроений».

«Простой народ невежественен и должен быть просвещаем в духе веры и христианского благочестия... но к прискорбию оказывается, что многие священники не только не ведают истинного пути к просвещению народному, но и будучи часто малограмотны, нередко простому народу служат собственным примером к повреждению. Правда, сорок лет назад император Петр I в духовном регламенте указал правила, которые бы в простом народе учреждением благоразумно воспитанных и обученных священников прямой путь к исправлению нравов открывали. Но с соболезованием усмотрено с высоты трона, что народ в том же еще пребывает заблуждении».

Первейшей задачей Комиссии ставилось выяснение «истинных доходов от церковных имений», по мерке лучших хозяйств светских помещиков и соответственно этому учреждению «штатов», т. е. жалованья из казны. Членами Комиссии были назначены: митрополит новгородский Димитрий, архиепископ петербургский Гавриил, епископ переяславльский Сильвестр и светские: гр. И. И. Воронцов, кн. А. Б. Куракин, кн. С. Гагарин, обер-прокурор Синода кн. А. С. Козловский и Г. Теплов, составивший по поручению императрицы записку по вопросу о церковных имуществах.

Архиеп. Филарет дает следующие данные о количестве душ, числившихся за монастырями и кафедрами: «В 1764 г. за Сергиевою лаврою и приписными к ней 12 монастырями состояло 150,961 душ. За монастырями новгородск. епархии 51,857 и за архиерейским домом 21,282. За ростовскими монастырями 38,389 д. и за домом митрополита 16,340; за вологодскими монастырями и кафедрою 47,568. За вятскою кафедрою и монастырями 42,012 д.; за тверскими монастырями 19,629 и за домом архиерейским 11,980 душ. Вообще за всеми монастырями и кафедрами (не считая Малоруссию и Белоруссию) по ревизии числилось 910,866 душ. Ни покупкою,

ни принятием пожертвований не увеличивали числа деревень; но оне росли от того, что слишком берегли церковную собственность; если беднел крестьянин, его наделяли всем нужным, – лошадью, двором и проч. Крестьяне мало работали для кафедр и монастырей, и много имели свободы работать для себя».

Особая Комиссия окончила свою работу в начале 1764 г., представив императрице доклад об изъятии церковных имуществ из духовного ведомства с поручением их *Комиссии экономии* и о штатах денежного жалования духовенству. Императрица Екатерина II указом Сенату 26 февр. 1764 г. повелела привести доклад комиссии в исполнение. Крестьяне бывших церковных поместий получили название «экономических крестьян». Годовой оброк их государству с 1764 по 1768 г.г. выражался в сумме 1.366.299 рублей. Карташев, приводя эту цифру, пишет: «Из этой суммы на содержание церкви и духовенства правительство ассигновало 462.868 руб. К концу царствования Екатерины эта сумма увеличена до полумиллиона с небольшим. С приростом населения к 1783 г. одного оброка государство получало до 3.000.000 руб., а вместе с другими хозяйственными доходами – до 4.000.000 руб. Уделенная из этого на церковь и духовенство сумма в полмиллиона составляет одну восьмую часть. Семь восьмых приобрело государство».

В 1786 г. церковные вотчины были секуляризованы в Малороссии. Тогда же была закрыта Коллегия экономии и вотчины слились с государственными имениями под управлением Казенных Палат. В 1788 г. сделаны соответствующие распоряжения о монастырских вотчинах в губерниях Харьковской, Екатеринославской, Курской и Воронежской.

Положено было на петербургскую, новгородскую и московские кафедры с соборами отпускать 39.410 руб. На второклассные 8 кафедр – по 5000 (лично епископу 2600 руб.) всего 44.000. На третьеклассные (15) – по 4232 р. 20 к. (лично епископу 1800), всего – 63.451 р. Двум викариям – 8061 р. 60 к. На Троицко-Сергиеву лавру и на все мужские монастыри –

174.650 р. 40 к. На все женские монастыри – 33.000. На 22 собора некафедральные – 2530. Вообще на все духовенство – 365.203 р. На счет тех же имений положено на пенсии офицерам и солдатам 250.000 р. в год. Впоследствии то вновь назначено, то прибавлено жалованье церквам г. Оренбурга, шведской Карелии, рижским и ревельским, церквам при заграничных миссиях. (Архиеп. Филарет).

Открытым противником секуляризации считается митрополит тобольский *Павел (Канюкевич)*. В мире Петр, он родился в 1705 г. в семье мещанина галичского города Самбора; учился и преподавал в киевской Академии, вызван был на должность проповедника московской Академии. Был он 14 лет архимандритом новгородского Юрьева мон., откуда назначен в 1758 г. в Тобольск. Строгий к себе, владыка Павел был строг и к духовенству, в том далеком крае нередко не отвечавшему своему званию. Проявил себя усовершенствованием семинарии, миссионерством. Старания его навести порядок вызвали жалобы недовольных. Враждебно относился к нему обер-прокурор Мелиссино. Вызван он был в Синод для рассмотрения жалоб на него. Прибыв в Москву, митр. Павел написал прошение об увольнении его на покой в Киево-Печерскую Лавру. Члены Синода были удовлетворены таким окончанием дела. Мелиссино же настаивал на перечислении в докладе обвинительных пунктов. Императрица, не придав значения мелочным обвинениям, утвердила в 1767 г. отпуск его на покой. В обители владыка отдался молитве посту и благотворению, готовя себя к кончине, последовавшей 4 ноября 1770 г. Он был очень почитаем верующим народом. По молитвам у его гроба совершались чудесные исцеления.

Карташев, давая эти сведения, отмечает, что до конца XIX в. историческая литература по недоразумению примешивала имя митр. Павла к делу митр. Арсения. Е. Поселянин в книге «Русские подвижники XVIII в.» помещает житие митр. Павла. По его словам митр. Павел считал, что сибирские иноческие обители, лишённые способов к существованию, заглохнут, и не будут уже служить делу просвещения инородцев. Это и побудило его изложить свое соображение Синоду в

откровенной, даже резкой форме. Поселянин пишет, что Синод осудил митр. Павла на лишение архиерейского сана, но императрица не утвердила этого приговора.

В 1914–18 гг. подымался вопрос о канонизации митр. Павла. Московский Собор 1917–18 гг., до окончательного постановления, решил собрать дополнительные данные в Киеве, что не удалось выполнить вследствие переворота большевиков.

Определенным противником секуляризации был митрополит ростовский *Арсений (Мацеевич)*. В общем сочувствующий ему Е. Сумароков пишет в «Лекциях по истории Русской Церкви»: «Личность Арсения до сих пор остается неразгаданной. Самые светлые и возвышенные черты его характера уживались с темными и низкими. Верно одно – это была исключительная личность и, как это часто бывает в русской действительности, личность непонятная современникам и загадочная потомкам. Митрополит Арсений происходил из польской шляхты, образование получил в Киевской академии. При неиссякаемом запасе энергии, жизнь Арсения была сплошной горячкой дела, самого разнообразного. Сперва он выделился на поприще экзаменатора ставленникам по Московской епархии, затем был участником Камчатской экспедиции 1734–36 гг., сопровождая ее в качестве судового иеромонаха, и с лейтенантами Муравьевым и Павловым был арестован, но оправдан, в 1738 г. был законоучителем Академии Наук и экзаменатором Петербургских ставленников. В 1741 г., по выбору (правительницы) Анны Леопольдовны, Арсений был назначен на Тобольскую кафедру, а на следующий год переведен в Ростов. Он участвовал в короновании на царство Императрицы Елизаветы Петровны, был назначен членом Св. Синода. На Ростовской кафедре его деятельность была весьма разнообразной. То безчеловечно, «без всякого похлебства», борется он с расколом, то, будучи страстным любителем лошадей, которых у него было до шестисот, зорко присматривал за конскими заводами, не брезгуя никакой работой; объезжал епархию, «обирали серебрянные и жемчужные украшения на обогащение своей ростовской

церкви», так Арсений увез из Романова-Борисоглебска грандиозный образ Спасителя работы Дионисия. Образ был возвращен в 1793 г. Во всем проявлял доброту и непомерную жестокость.»

Архимандрит Константин (Зайцев), отмечая архипастырскую ревность митр. Арсения, так определяет его: «Он, действительно, высоко поднимает уровень церковной жизни. Великое событие совершается при нем: открытие мощей св. Димитрия Ростовского. Возникает при нем семинария Ярославская. Суровость его требований по отношению к духовенству сглаживается справедливостью этих требований, личной нестяжательностью Владыки и высоким строем его жизни. Много внимания уделяет он хозяйственной жизни своей епархии, обладательнице огромных вотчин. Ставит он на особую высоту конские заводы, уже всякую меру превосходя в своем хозяйственном рвении. На вопросе церковных имуществ и возникает катастрофа...

«Пусть был несдержан, резок, даже жесток Арсений (и это в нем было). Но великодушная была то натура. Отказывает он в присяге Бирону-регенту, а когда тот попадает в опалу и оказывается в унизительной ссылке, участливость проявляет к нему Арсений, и тот потом при всяком случае выражал свою благодарность своему бывшему противнику. Великодушие чувствуется и в отношении Арсения к Екатерине: нет злого чувства личного – напротив, склонен, как будто, думать Арсений, что не знает Государыня существа дела, от нея скрываемого – а то бы иначе повернулось дело ...» («Лекции по истории Русской словесности восемнадцатого века).

В царствование Императрицы Елисаветы Арсений, будучи назначен членом Синода, отказался принести установленную присягу из за слов: «Исповедую же с клятвою крайнего судию духовные сея Коллегии быти Самую Всероссийскую Монархиню, Государыню нашу». Он говорил, что единственный Крайний Судия и Глава Церкви есть Христос. Он подавал по этому поводу записку императрице и дело это кончилось для него благополучно. Позднее обвинили в Синоде его в недостатке надзора – в Ростовском соборе, по вине причетника, не

потушившего свечу, произошел большой пожар и пострадали мощи благоверных князей Константина и св. Василько, его сына, почивавшие пять веков.

Митр. Арсений составил возражения на выступления протестантов против «Камня веры» и дополнил труд архиеп. Феофилакта. В учебном деле он был противником господствовавшей в семинарии латинской схоластики. Строго православный, он был предан церковной старине, не терпел нововведений и новых узаконений. В семинарии, которую он перевел из Ростова в Ярославль, в его время было 500 учеников. Был он ревностным проповедником. Составил обличение против раскольников.

В царствование Елисаветы Петровны он имел столкновение с Сенатом. Коллегия экономии в 1742 г. отправила в один ростовский монастырь нескольких инвалидов. Арсений не принял их, указав, что в его монастырях пострижено около 40 человек, лишенных сана в прошлое царствование и для инвалидов не хватит порций. Коллегия подала жалобы в Сенат и Синод, донося, что одного хлеба в ростовских монастырях лежит до тысячи четвертей. Ответ Арсения был так резок, что Сенат поставил на вид Синоду, чтобы впредь ростовский митрополит не писал «поносительных слов, обращенных к лицу Сената» и напоминал о 55 главе Генерального Регламента, по силе которой, «поносящие коллегия ругательными словами, как противники ея величества «лишением чести и имения наказаны быть имеют».

Вскоре митр. Арсений отказался принять в один из монастырей сумасшедшего колодника. Он с негодованием писал Синоду, что посылающие в монастыри колодников нарушают высочайшие указы, Синод же, нарушая свои церковные привилегии, чинит определение «неосмотрительное» и даже «продерзостное» по отношению к милостивым указам 1723 и 1741 гг. Петра Великого и его дочери. Синод 13 апр. 1743 г. послал митрополиту выговор и грозное предупреждение – впредь не писать в Синод с такою «надменною злобою» и не нарушать «бесстрашием своим» высочайших указов, запрещающих неуважительное отношение к Синоду. В

противном случае он предупреждается, что он «не только сана архиерейского, но и клобука лишится». В указе объясняется, что колодник послан не столько по определению Синода, сколько по указам 1727 и 1735 годов. Арсений вызван был в московскую синодальную контору, выдав ей расписку: «сей выговор Арсений митрополит слышал и, во исполнение предписания, оный выговор учинен ему». Эти выступления митр. Арсения надо иметь в виду для понимания дальнейших событий в его жизни.

В 1745 г. митр. Арсений, указывая на скорбную болезнь, мешающую ему управлять епархией, просил уволить его на покой в Спасский Новгород-Северский мон. Синод с готовностью согласился на это. Но императрица не утвердила синодальный доклад и в дальнейшем проявляла в отношении его доброжелательность.

Императрица Екатерина II, видимо, не была расположена к митр. Арсению. Он не был приглашен на коронацию. Она намеревалась прибыть вскоре в Ростов. Мощи Свят. Димитрия были открыты при Елисавете Петровне. Теперь предстояло переложение св. мощей в только что сооруженную раку. Зная характер Арсения, она безпокоилась, о чем можно судить по ее письму к статс-секретарю А. В. Олсуфьеву: «Понеже я знаю властолюбия и бешенства ростовского владыко, я умираю, боюсь, чтоб он не поставил рака Димитрия ростовского без меня; поставит. Известите меня, как вы ее отправили, с каким приказаньем и под чей (чьим) смотрения (смотрением) она находится, и, ест ли не взяты, то возьмите все осторожности, чтоб она рака без меня отнюдь не поставлена была»³⁶). Олсуфьев, успокаивая государыню, писал, что, вследствие письма его к митрополиту, такого дерзновения чаять не можно; что майор Шаден, который поехал с ракою, до такого самовольства не допустит; надобно, чтоб у его преосвященства была непостижимая смелость, если бы он осмелился прикоснуться к ней. Опасения оказались напрасными. Вскоре пришло извещение от митрополита, что все будет исполнено по предписанию.

Митрополит Арсений, по вступлении на престол Екатерины II, просил 12 июля 1762 г. близкого ему гр. Бестужева ходатайствовать перед нею о возвращении вотчин прежним владельцам. На новый – 1763 – год он писал государыне, прося ее внимания к ростовскому дому. Тревога его о судьбе духовных вотчин увеличивалась. 9 февраля владыка решил совершить чин Православия с особою торжественностью и внушительным пополнением. В чинопоследовании 1642 г. излагалось анафематствование в защиту церковных имуществ, существовавшее с XV в. Митр. Арсений значительно усилил его. Список с исправленного он послал костромскому епископу Дамаскину, которого считал себе сочувствующим. 6 марта Арсений послал в Синод, находившийся тогда в Москве, доношение, в котором, употребив резкие выражения, вооружался против новых распоряжений относительно церковных имуществ.

«В этой записке», пишет Карташев, «отразился весь прямой, безхитростный нрав митр. Арсения. Окружавшие его архиерейские чиновники трезвым будничным умом поняли, что такой откровенный стиль уместен в разговоре или переписке с друзьями, а никак не в высоко-официальном документе. Они прямо испугались за свою судьбу, как слуги такого «бунтующего владыки». Они in corpore сделали ему отрезвляющее представление, что на «Именные Указы представлений чинить не следует, что с приказным порядком это не сходственно». Арсений заявил: «не ваше это дело, надлежит оному быть непременно». Произошел домашний бюрократический бунт. Секретарь Консистории Ив. Волков не скрепил своей подписью подлинник «Донесения». Не занумеровал его и не занес в книгу «исходящих» бумаг. Донесение пошло в Синод прямо от имени митрополита.» 15 марта он отправил второе доношение по поводу приезда офицеров для составления описей церковному имуществу.

Соловьев пишет: «Синод представил первое доношение императрице, прописывая, что, по его мнению, оно заключает в себе оскорбление величества, за что автор подлежит суду; но он, Св. Синод, без ведома императрицы приступить к делу не

смеет, а предает его в ее благорассмотрение и снисхождение. Как видно, Синод, принимая в соображение осторожное и снисходительное поведение Екатерины относительно неприятных и враждебных ей лиц, принимая также в соображение деликатность вопроса и звание Арсения, рассчитывал, что императрица не даст сильного хода делу, велит ограничиться выговором, внушением проситься на покой и т. п. Но Синод ошибся в своем расчете: Екатерина обнаружила небывалое до сих пор раздражение, – и причина понятна: чем яснее в сознании трудность какого-нибудь дела, чем яснее предстают возражения против него, чем эти возражения, не имея в основании действительной правды, доступнее для толпы, – тем более происходит раздражение, когда эти затруднения и возражения являются на самом деле. Сильно раздражало указание на манифест, изданный при восшествии на престол, желание поставить в противоречие, желание запугать: ты хочешь слыть защитницею Православия и, в то же время, хочешь сделать то, чем сравнишься с Иулианом Отступником, с Иудою. Не забудем и литературного влияния, под которым находилась Екатерина вместе со всеми читавшими тогда людьми, влияния господствовавшей тогда темы в рассуждениях заправителей литературных, темы о фанатизме, сословном эгоизме духовенства, монахов, которым нужно положить преграду для благосостояния общества.»

Приводит далее Соловьев письмо Синоду, ею собственноручно написанное: «Святейший Синод! В поданном вашем вчера же мне докладе представлено, что архиерей Ростовский Арсений прислал доношение от 6-го дня марта в Синод, в котором все, что ни есть написано, следует к оскорблению величества императорского, за что его признаете подлежательным суждения, но без ведома моего приступить к тому не смеете, и предаете в мое благорассмотрение и снисхождение. А как я уповаю, что и Св. Синод, без сомнения, признает, что власть всех благочестивых монархов, в числе коих и я себя включаю и делами моими, вами свидетельствуемыми, доказую, не для них единственно, но паче для общего всех истинных сынов отечества благосостояния, сохраняема и

защищаема быть должна, также что в его, архиерея Арсения, присланном ко мне от вас для прочтения оригинальном доношении, которое с при сем к вам обратно посылаю, усмотрела превратные и возмутительные истолкования многих слов Св. Писания и книг святых, того ради впредь (для) охранения моих верноподданных всегдашнего спокойствия, оното архиерея Арсения, таким преступником от вас признанного, Св. Синоду на справедливый, законами утвержденный суд предаю; а какая по суду сентенция ему назначена будет, – оную представить нам для конфирмации, причем еще будет иметь место мое снисхождение и незлобие».

По получении сего письма Синод приказал арестовать митр. Арсения.

Бестужев решился ходатайствовать перед государыней за Арсения. Грозен был ответ, начинавшийся так: «Я чаю, ни при каком государе столько заступлений не было за оскорбителя величества, как ныне за арестованного всем Синодом митрополита Ростовского, и не знаю, какую я б причину подала сомневаться о моем милосердии и человеколюбии...»

Суд начался 1 апреля. Судьями были владыки: Тимофей (ИЦербацкий), московский; Амвросий (Зертис-Каменский), крутицкий; Гедеон (Криновский), псковский; Димитрий (Сеченов), новгородский; Гавриил (Петров), с.-петербургский; Афанасий (Власьевский), тверской и Мисаил, архимандрит Новоспасский. Митр. Арсений, доставленный в Синод, письменно ответил на поставленные ему вопросы. В пункте первом объяснения он писал: «В доношении своем 6 марта ничего к оскорблению Ея Императорского Величества быть не уповал, а все то писал по ревности и совести, чтоб не быть двоедушным. А ежели что к оскорблению Ея Императорского Величества имеется, в том прошу прощения и в волю и милость Ея Императорского Величества себя всеподданнейше предаю». Синод представил императрице следующий доклад: «Митрополит Арсений, в противность божеским и человеческим законам, учинил против состоявшихся в 1762 и 1763 годах постановлений о церковных имениях такие возражения, которые оскорбительны для Императорского Величества. В них он

допустил превратные от себя толкования Св. Писания. Нельзя его простить, хотя бы он писал так и по ревности к закону Божию, ибо не только на указы, но и на распоряжения своего ведомства запрещено чинить язвительные представления и возражения. Он писал против Духовной Комиссии и добивался успеха коварными приемами, отправив к двум знатным персонам письма о сем. Поэтому, согласно указу о нем 1743 года, архиерейства и клобука его лишить и сослать в отдаленный монастырь под крепкое смотрение и ни бумаги ни чернил не давать там».

Указ 1743 года, в коем содержалось грозное предупреждение митрополиту Арсению, упомянут выше.

Резолюция государыни гласила: «По сей сентенции сан митрополита и священства снять; а если правила святые и другия церковные узаконения дозволяют, то для удобнейшего покаяния преступнику, по старости его лет, монашества только чин оставить, от гражданского же суда и истязания мы, по человеколюбию, его освобождаем, повелевая нашему Свноду послать его в отдаленный монастырь под смотрение разумного начальника с таким определением, чтоб там невозможно было ему развращать ни письменно, ни словесно слабых и простых людей.» Свнод назначил местом ссылки Вологодской епархии Ферапонтов монастырь; но 15-го апреля обер-прокурор объявил Свноду именной указ, чтоб Арсений сослан был в Архангельскую епархию, в Никольский Корельский монастырь, с производством ему кормовых денег по 50 к. в день.

В Никольском мон. Арсению отведен был каземат низкий и тесный, под алтарными сводами Успенской каменной церкви. По соседству помещался прапорщик Алексеевский с 4 караульными солдатами. Содержание у Арсения было свое. Имел он келейника. Среди пожитков, доставленных зимой, имелись книги. Братия, во главе с игуменом, с уважением относилась к ученому иноку, о котором иногда доброжелательно справлялся архангельский архиерей. Арсений, своей теперешней участи обязанный резкости в писаниях, начал проявлять несдержанность в разговорах. Главным его собеседником был Алексеевский, но высказывал он свое

мнение и другим. «Предателями» называл он владык Димитрия и Гавриила, говорил, что «дворяне, давно добивавшиеся отобрать от монастырей деревни», убедили исполнить это «государыню Екатерину Алексеевну, не твердую в российском законе (и) российских поведений не знающую». Касался он слухов о браке императрицы с Орловым. Неосторожно говорил он о попытке Мировича освободить из шлюссельбургской крепости б. царя Иоанна VI, убитого при этом стражею. Интересовался он жившими с родителями в Холмогорах двумя братьями Иоанна Антоновича, говоря, что после цесаревича Павла Петровича они, как «царского колена» должны считаться наследниками престола и др. При происходивших в том веке династических переворотах, из которых последний был произведен царствующей императрицей, понятна острота затрагивавшихся вопросов и опасность касаться их именно опальному архиерею, испытывавшему недоброжелательное отношение к себе Екатерины II.

В день рождения императрицы – 21 апр. 1767 г. – монахи пришли к Арсению с поздравлением. Он, угостив вином архимандрита и других, решительно отказал в чарке одному из своих собеседников, иеродиакону Лебедеву, потому что тот был очень пьян. Последний, известный пьяница, сразу же заявил, что Арсений, видно, не почитает государыню, коли жалеет для монахов вина выпить за ее здоровье. Лебедев, умевший ходить за больными, был приставлен к Арсению, прежняя болезнь которого усилились. Арсений не раз с ним неосторожно беседовал.

В середине августа Лебедев, сговорившись с монахом Батоговым, тоже пьяницей, подвергавшимся наказанию плетьюми, прибыл с ним в Архангельск. Они подали в губернскую канцелярию донос. Началось расследование дела. Придирчиво допрашивал Арсения местный прокурор Нарышкин. Затем дело поступило в Петербург. Императрица ведение его поручила генерал-прокурору А. А. Вяземскому. Делу придан был характер политический. Близость Никольского Корельского монастыря к Холмогорам, где пребывала в ссылке Брауншвейгская фамилия, о которой упоминал Арсений, придала беседам его

особое значение. Еще в 1764 г. захвачено было подметное письмо, гласившее: «Государыню Екатерину II надлежит выслать в свою землю и на царском престоле утвердить непорочного царя и неповинного Иоанна Антоновича». Известна была добрая молва в народе об Арсении, считавшемся мучеником. Вяземский составил приговор, который Екатерина дополнила своими доводами. Обвинения заканчивались словами: «Равнял себя в претерпении Златоусту, стараясь возбудить ропот и недовольствие на правительство, в коварных затеях не разбирал способов: ибо и лжи клеветы и пророчества и молитвы и слова Божии он не усовестился употреблять все». Решение последовало следующее: лишить Арсения монашеского чина и, по расстрижении, переименовать Андреем Вралем и послать к неисходному содержанию в Ревель. Там он с 8 января 1768 г. содержался в каземате крепости. Видимо по причине слуха о возможности бегства Арсения в Англию, положение узника с 1771 г. было ухудшено. Его безвыходно затворили. Чувствуя свой конец, он просил священника со св. Дарами. Причастившись, Арсений скончался через два дня 28 февр. 1772 г. На стене каземата осталась надпись, выцарапанная им гвоздем: «Благословен смиренный мя». По архиепископу Филарету: «блого, яко смирил мя еси». Похоронен он был при небольшой Никольской церкви. При перестройке ее в 1821 г. могила вошла в границу храма и оказалась под солеей у царских врат. Имя Арсения окружено было народным почитанием.

Соловьев пишет: «Арсений Мацеевич принадлежал к числу тех ученых малороссийских монахов, которые начали вызываться в Великую Россию при Петре II-м для замещения архиерейских кафедр, нуждавшихся в пастырях образованных, способных наблюдать за школьным делом. Но Арсений не был похож ни на одного из двух главных представителей этой ученой дружины; не имел ни высоких духовных стремлений Дмитрия Ростовского, ни ловкости, уклончивости, умения жить «в свете» Феофана Прокоповича; Арсений отличался отсутствием сдержанности, болезненною раздражительностью,

которая вела его к очень неприятным столкновениям; кроме того, сохранились предания о его необыкновенной жестокости».

Упоминает Соловьев о нем и в заключении своем касательно церковно-земельного вопроса: «Так кончилась борьба за вопрос, поднятый в русской жизни еще в XV веке. Борьба, как и следовало ожидать по важности вопроса, была сильная, ожесточенная изначала; но вначале восторжествовало мнение, что за монастырями должны быть удержаны населенные земли. В эпоху преобразования, – в ту эпоху, когда Русский человек, во имя разума, считал себя в-праве допросить всякое освященное древностью явление о праве и пользе его существования, в эпоху преобразования вопрос о церковных имуществах должен был подняться с новою силою. Но меры Преобразователя, принятые относительно этих имуществ, были временные, отмененные им, как только он покончил с главным вопросом о форме церковного управления; с одной стороны, Преобразователь при своих последних распоряжениях относительно церковных имуществ имел в виду новые обязанности черного духовенства, новый строй его жизни; с другой, – он так верил в силу нового, коллегиального управления, что не считал возможным повторения старых злоупотреблений. В начале второй половины века снова поднимает вопрос дочь Преобразователя, которую нельзя было заподозрить в недостатке благочестия, или в «философском уме» (которым так любовалась в себе Екатерина), и это обстоятельство уже показывало, что вопрос не может быть решен так, как был решен в XV веке, и Арсений Ростовский пал, защищая в XVIII веке мнение Иосифа Волоцкого. Но как бы историк ни отнесся к этому мнению, нельзя не признать за Арсением мужества в отстаивании своего мнения до конца. Он просил снисхождения, просил, чтоб мнение его было прочтено внимательно, в целости, надеясь, что убедятся его резонами, но не жертвовал своим убеждением для получения прощения, освобождения от наказания. Он закончил свою просьбу словами: «Я и теперь утверждаю, что деревень от церквей отбирать не надлежало».

Императрица Екатерина II, проведя секуляризацию церковных земель, разрешила вопрос, назревавший с давних времен. Крупным недостатком проведенного ею мероприятия было израсходование не по назначению тех значительных средств, которые получило государство от секуляризации. Менее трети их пошли на удовлетворение церковных нужд, на пользу духовенству. Большой удар был нанесен существовавшим тогда обителям. Многие из них были упразднены, т. к. государство отказывалось давать средства на их содержание. Только единичные монастыри были восстановлены впоследствии.

Приходское духовенство

С начала XVII в. выборное начало для вхождения в сословие духовенства постепенно начинает уступать место наследственному. Произошло это, главным образом, вследствие начавшегося требования от духовенства известного образования. Царь Петр I, подбиравший епископат по признаку богословской образованности, установил и испытание ставленников архиереями. Духовная школа сама по себе осуществляла тесный сословный подбор и замыкание духовенства. «Содержалась духовная школа на средства архиерейского церковного хозяйства», отмечает Карташев, «и на деле была по своей дешевизне и почти бесплатности самой доступной для приходского духовенства. Так поставленная школа, т. е. домашними средствами архиерейской кафедры, становилась бытовой школой сословия, усиливая в нем начала наследственности. Петровская реформа укрепляла эту, удобную для нея наследственность, для использования в своих утилитарных целях всех сил народонаселения. Этот служебно-государственный утилитаризм, идущий от Петра через весь XVIII век, породивший и систему школьности для духовенства, сам по себе ограничивал древне-русское право выборов приходского духовенства, но не упразднял еще самые выборы из суженного круга дипломированных школьников». Надлежит отметить, что крестьянство неохотно отдавало на службу церкви кого-либо из своей среды. По круговой поруке тягла за выбывшего человека, все остальные должны были отбывать лежавшие на общине повинности. Вследствие этого прихожане-общинники предпочитали искать кандидатов в священники в семьях духовенства. Последнее же, в свою очередь, не склонно было уступать другим сословиям своих мест.

В царствование Петра I устанавливается запрещение возводить на священнослужительские степени людей неученых, хотя бы об этом и били челом прихожане. Регламент, правда, еще признает это право прихожан, но только потому, что в челобитной прихожан власть имела бы обезпечение от обмана

со стороны тех, которые, по выражению Регламента, «желают водраться в духовный чин» во избежание воинской повинности. В царствование Анны Иоанновны указом Синода требовалось, чтобы приход посылал епископу на выбор по два или три кандидата; затем уже самим архиереям принадлежало право выбрать из них наиболее разумного и наученного. Не менее трех месяцев кандидаты должны были находиться при архиерейском доме. «Учительные священники» обучали их, архиереи же обязывались еженедельно экзаменовывать. «А между тем», гласил устав, «велеть подмечать состояние жития их и поступков, кто из них по достоверному свидетельству обрящется достойнее чина священства, и таких имеют и посвящать». Вместе с тем, императрица Анна, по военным расчетам считавшаяся с гетманской властью в Малороссии, повелела в 1735 г. сохранить там выборный порядок.

Духовные власти все более сочувствовали упразднению выборного начала, усматривая в нем нечто незаконное и противное правилам Церкви; выборность, по их мнению, понижала уровень духовенства. Особенно боролся с таковою Святитель Иоасаф (Горленко), еп. белгородский. Он строго экзаменовал ставленников и удалял из школы не выдержавших испытания. В том же духе действовал митрополит киевский Рафаил (Заборовский), выдвигавший воспитанников своей академии. Митрополит московский Платон (Левшин) твердо стоял на том, что выбор священнослужителей не дело прихожан. Известен его ответ крестьянам: «ваше дело – орать да пахать, а мое – вам попов давать». В царствование Павла I, по случаю участия некоторых священников в бунтах крестьян против помещиков, выборы совсем отменялись. Указ же 24 июня 1797 г., запрещающий просьбы скопом и заговором, Синод применил и к т. н. заручным прошениям крестьян; прошения об определениях на места велено подавать только ищущим этих мест, с приложением от прихожан одобрительных отзывов об их поведении. В первые десятилетия XVIII в., в отношении замещения причетнических должностей, существовал еще порядок, установившийся в конце XVII в. Причетники назначались священниками, хотя община в договоре с ними

часто выговаривала себе условие – не назначать причетников без ведома мира. Во второй половине XVIII в. причетнические должности, вследствие развития в духовенстве наследственности, начинают замещаться детьми духовных лиц; вольнонаемный характер их уничтожается, причетник может получить место только после посвящения в стихарь.

Белое духовенство вступило в XVIII век с установившимся у него в XVII в. крепким убеждением в том, что церковные должностные места составляют семейное достояние ранее служивших священно-церковно-служительских родов. Карташев по этому вопросу пишет: «Генерально по всей России отчеканились в этот период «просвещенного абсолютизма» и черты закрытого потомственного быта духовенства. Некоторые последствия этого сословно закрытого для посторонних профессионального служения могут поражать своей неожиданностью. Так, не только семейства и роды наследственно привязывались к стоянию у престола Божия, но и самые эти престолы, т. е. храмы, попадали в обладание данного рода, т. е. становились *родовыми церквями*. А в семейном составе самих духовных родов (подобно наследственным линиям удельных князей) члены одного рода также держались наследственно по старшинству рождения за свою степень священнослужения (иерейство), предоставляя младшим по рождению братьям меньшие степени: дьяконство, пономарство и т. д. Старший сын при отце служил диаконом, 2-й – дьяком, 3-й – пономарем. Очередь иерейства затем была за 1-м сыном старшего брата. Если он был еще мал, то все-таки место «зачислялось» за ним.» Против этого порядка ратовал Феофан Прокопович в Духовном Регламенте. Но Петр I все же считался с существовавшим обычаем. В указе 1722 г., устанавливавшем записи «излишков» духовных семей в «подушный оклад», защищается минимум поповских детей «для того, чтобы им быть при тех церквях во дьяках и в пономарях, из них же учить в школе и производить на убылые места в попы и во дьяконы».

«Когда у семьи покойного священника не было ни очередного наследника», пишет Карташев, «ни невесты

наследницы, то семья *продавала* право (конечно, не иерархическое, а только имущественное) на место. И все освобождающиеся места на практике назывались откровенно «наследственными», а другия столь же откровенно «продажными». Продажными бывали места с домами и при жизни священников, безродных и по старости искавших устроиться «на покой». Петр I указом 1718 г. запрещал священникам строить «свои» дома на *церковной земле*. Наряду же с этим, в новом петербургском крае правительство поощряло прицерковное строительство на отведенной даровой земле. Архиереи, малоуспешно борясь с этим правом наследования, начали предъявлять к обладательницам этих «прав», к невестам, требование: – выбирать женихов только из числа дипломированных.

В 1763 г. Синод высказал осуждение сложившемуся порядку. Указ его обличает: «вредное для ученых и безчестное для церквей обыкновение, что под претекстом дворов (т. е. домовых построек вообще) и самые священно-церковнослужительские места, в противоположность священным правилам продаются установленною издавна от самих бывших при тех церквях священников и церковно-служителей немалою и против того, что те дворы стоят, излишнею ценою. А вместо того, чтобы сие безчинство отвратить, не посвящен бывает никто, пока требуемой за место суммы не заплатит.» И далее сообщается, что захватывают эти места люди недостойные, но с набитыми карманами. «Обучающиеся же в академиях и семинариях, кои такого капитала у себя не имеют, хотя они по наукам и состоянию своему противу означенных капиталистов гораздо достойнее, принуждены бывают или священства или лучших мест в противность Духовного Регламента и Указов вовсе лишаться, а заступают они самые последние места, или же на покупку оных задолжаются неоплатными долгами. Итак деньги в произведении в священство большую силу имеют, чрез что у других и охота к наукам отъемлется. На каковую тех мест продажу, яко на святокупство и происходящий от того в народе соблазн св. пр. Синод с немалым сожалением смотрит».

Карташев отмечает далее значение этого постановления Синода: «Указ этот был криком наболевшего сердца, документом, оправдывающим исторически достойное самосознание иерархии, бессильной, однако, исправить в корне крепостное, замкнутое, безвыходное состояние сословия. Поэтому в противоречии с самим собой, указ откровенно не решается радикально изменить осуждаемый им порядок, «помышляя о сиротах и вдовах», и только регулирует бытовые сделки. Вечное владение упраздняется, а умеренная выплата рассрочивается на 30-летний период и то только для вдов и сирот. Указ этот создал перелом в этой области. Сама жизнь его приняла и оправдала. Школьные аттестаты победили претензии неучей, но домовладельцев. Право собственности у них не отнималось, но контролировалось в пользу сирот. Этот порядок перешел и в XIX век.»

Проф. Знаменский пишет: «Определение сословных прав духовенства, вследствие крайней его приниженности шло весьма медленно. По своей подсудности одному духовному начальству, оно давно уже имело значение класса привилегированного, но по платежам и повинностям долго не отделялось от податного люда. Каноническая свобода его от личного податного состояния в древней Руси оказывалась неприложимой к жизни, потому что раскладка податных сборов производилась тогда у нас не по душам или лицам, а по дворам и землям, которые подлежали им и во владении духовенства. В первый раз свобода эта оказалась осуществимой только при Петре, после введения для податных классов подушного оклада, от которого священнослужители были освобождены. Но и после этого в 1721–22 гг. Св. Синоду стоило не малых хлопот испросить свободу от податного состояния церковникам и детям священнослужителей; дети церковников так и остались тогда в окладе. За всем тем на духовенстве все-таки долго, до царствования Елисаветы, оставались разные особые личные повинности, – караульная, пожарная, рассыльная, постоянная, подворная. Гражданское принижение духовенства так было для всех привычно, что еще при Екатерине II в комиссии о новом уложении м. Гавриилу с трудом удалось отстоять духовное

сословие от причисления к мещанству и сохранить за ним «благородное» значение; но оно все-таки и после этого не получило одного из важнейших прав благородного состояния, – свободы от телесных наказаний по светскому суду.» При Павле I Синод сделал представление об избавлении священников и дьяконов от кнута, и император утвердил таковое, но оно не было приведено в исполнение, т. к. телесное наказание вскоре восстановлено было государем и для дворянства.

Выход из духовного сословия долго был открыт только в податное состояние или же в солдаты, от чего оно замыкалось и с этой стороны, накапливая внутри себя множество лишних людей, не желавших из него выходить, и требуя для своего очищения внешних мер, носивших часто насильственный характер. Архиереи старались распределять лишних священнослужителей в «викарии»³⁷⁾ к церквам и в учителя духовных школ и пр. Правительство же (до XIX в.) предоставляло им полную свободу слагать сан и поступать на гражданскую службу и др. состояния. Излишек их был так велик, что духовные власти с трудом вывели *крестцовое* духовенство, против которого боролись особенно решительно. В 1770 г. московская консистория с помощью гражданских властей начала высылать из Москвы крестцовых попов. Во время чумы туда нахлынули новые. С 1774 г. усилилась борьба с ними. Только митр. Платону удалось покончить с ними. В Малороссии приходилось бороться с т. н. «дикими попами», добывавшими себе хиротонии в Молдавии или в славянских странах.

Для уменьшения лишних церковников и детей духовенства с 1703 г. употреблялись разборы, по которым забирали в солдаты или в подушный оклад. Разборы эти повторялись в каждое царствование. Особенно они были тяжелы в царствование имп. Анны, когда с самого начала духовенство было заподозрено в ненадежности, из за заминок в разных местах с принесением присяги. Правительство, стремясь увеличивать армию, в связи с тогдашними войнами, не принимало во внимание духовные потребности населения. На военную службу брали церковников и детей церковнослужителей от 15 до 40– летнего возраста. Боясь

представления неправильных данных о времени рождения, правительство предоставило вербовщикам определять возраст глазомером. Брали не только детей духовенства, возможных будущих священнослужителей, но и служащих дьячков и пономарей, даже учащихся в школах. Забрано было таким образом 12.000 человек. Также очень много попало в подушный оклад. Свнод решился выступить на защиту духовного сословия и опустошенных церквей, прося в 1740 г. императрицу пощадить духовенство. Императрица указала остановить разбор. При имп. Елисавете разборы стали значительно легче. Они касались, главным образом, людей безграмотных, к церковной службе совсем негодных, или чем-нибудь себя опорочивших. При этом, отписываемым от духовного сословия, по большей части, давалось дозволение избирать себе самим добровольно род жизни. Последний суровый разбор был при императоре Павле I (Знаменский).

Содержание белого духовенства лежало, главным образом, на попечении приходских обществ. В Прибавлении к Дух. Регламенту высказано было предположение назначить в пользу приходских причтов постоянные годовые взносы со всех приходских дворов, но оно не осуществилось. При Петре I уменьшилось и то благосостояние, каким духовенство пользовалось прежде. По случаю войны сокращена была на половину царская руга ружным церквам. Некоторые доходные статьи духовенства – мельницы, рыбные ловли, пчельники, бани, наемные помещения при домах – объявлены оброчными статьями казны. В 1722 г. причтам запрещены были праздничные славенья по приходам, кроме рождественского, и хождение с иконами. Явились новые сборы на школы, богадельни, на полковое духовенство, сбор с священников драгунских лошадей, а с церковников по рублю в год за освобождение от личной военной службы, повинности пожарная, караульная и др. В целях улучшения средств духовенства принимались меры к более равномерному распределению приходов и сокращению числа церквей и причтов. Установлены были штаты. На 100–150 дворов полагался причт из 3 или 4 членов; на 200–250 и более тройной.

В царствование Анны последовало требование, чтобы при каждой церкви имелись дома для причта. Но осуществлено это не было.

В царствование Елисаветы положение духовенства улучшилось. Ружные церкви получили снова ругу. Восстановлено славленье по домам прихожан. Духовенство освобождено было от некоторых повинностей – полицейских, подводной, постоянной. В 1754 г., при общем межевании земель, положено было продолжить надел церковей землями, который остановился еще в конце XVII в. Надел этот начался, впрочем, только в 1765 г. – в царствование Екатерины II. Тогда и было определено по 33 дес. на причт. В Комиссии по составлению нового Уложения подымались вопросы об отобрании у духовенства его земель. Но императрица не разделяла этого мнения. При ней надел церковей землями производился довольно деятельно, обняв к концу ея царствования 23 губернии. В 1778 г. на 150 дворов положен 1 священник, на 250–300 – два, максимум три, если нельзя без трех обойтись. Образование новых приходов мог разрешать только Синод. Штаты были распространены и на приходы в Малороссии, где с 1786 г. введены все порядки великороссийских приходов.

Государыней было поставлено отпускать ружным церквам назначенное им содержание без особого ассигнования придворной конторы, т. к. иначе происходила остановка в жалованье; равно определено было жалование причтам церковей, находящихся при заграничных миссиях. Государыня подтвердила навсегда неприкосновенность церковных домов от постоев и личную свободу родившихся в духовном звании. Установлена была обязательная такса на требы, но в малом размере: за крещение – 3 коп., за брак и погребение – 10 и т. д.

Император Павел I в 1797 и 1799 гг., по годовым государственным сметам, увеличил против прежнего вдвое штатные оклады из казны на духовное ведомство. К прежним штатам прибавлено 519.729 р. Казенная выдача достигла таким образом почти одного миллиона рублей. В 1797 г. были удвоены участки земли для архиерейских домов. Дополнительно были отведены архиереям и монастырям мельницы, рыбные ловли и

др. угодья. Впервые узаконены были меры для обеспечения вдов и сирот духовенства. При отпадении наследственности мест создавалось для последних тяжелое положение. В 1799 г. было повелено духовным вдовам занимать преимущественно богадельные вакансии в монастырских и архиерейских домах. В пользу вдов и сирот обращались штрафные деньги, кладбищенские и ставленнические доходы.

Сельское духовенство император желал совсем освободить от тяжелых работ земледелия. Сѹнод, во исполнение его воли, полагал, чтобы обыкновенная пропорция земли сельского причта (33 дес.) отдана была прихожанам. Причт взамен того, получал бы от них хлеб по цене земли. Пропорция же, превышающая обыкновенную, отдавалась бы причтом в наем.

Монастыри

Монастыри, в меру своих возможностей, никогда не переставали помогать бедным. Война со Швецией, длившаяся 21 год, повлекла за собой большое количество раненых и изувеченных. Вследствие этого Петр I указал монастырям открыть у себя *госпитали*. Законом предписывалось: «Иноки должны принимать в монастыри больных солдат, или уволенных от службы и неспособных к работе, а равно и других бедных; для них должны быть выстроены больницы». Коллегия экономии следила за выполнением сего указа. В царствование Елисаветы не раз наполняли монастыри отставными солдатами и офицерами. В 1762 г., когда у монастырей были отобраны имущества, отменен был порядок, установленный Петром I.

В 1721 г. было установлено, чтобы и при приходских церквях были заведены богадельни. В 1723 г. предписано было собирать в храмах подаяние в два *кошелька*, с назначением одного из них в пользу богаделен. Особенно строго требовалось это в царствование Анны. При Елисавете предписано было употреблять кошелековые и свечные деньги для бедных и училищ, с предоставлением епископам распоряжаться остатками годового дохода по усмотрению предметов нужды. Ревностью пастырей в некоторых епархиях долго держались богадельни.

На московских соборах конца XVII в. издавались некоторые постановления об уменьшении монастырей и монахов. При царе Петре I, старавшемся силы всех использовать для служения государству, в то время переживавшему трудное время, меры эти усилились. В монастырских штатах Петра число монашествующих было сильно ограничено и пострижение допущено лишь на убылые (вакантные) места, и не иначе, как после трехлетнего искуса. Мужчин дозволено постригать не ранее 30, а женщин – 50–60 лет. Были и дальнейшие ограничения. Новые монастыри дозволялось строить только с разрешения Синода и самого государя. Малые монастыри велено сводить вместе, а церкви их обращать в приходские.

Многие монастыри упразднялись и сами, вследствие недостатка средств после отобрания их имений в ведомство монастырского приказа. Для улучшения внутренней жизни монастырей при *Петре* отдавались распоряжения о закрытии для монашествующих свободного выхода из обителей, об уничтожении их странствований и прикрепления к месту, о введении в монастырях строгого общежития с лишением всех монашествующих прав частной собственности и права делать завещания; все, что оставалось после их смерти, должно было поступать в пользу монастырей, а имущество умерших церковных властей – в Синод.

В 1724 г. вышел длинный указ царя, под названием «Объявление» о монашестве, в котором подробно был выяснен взгляд его на монашество и желание сделать этот чин полезным для общества. Простых, неученых монахов предполагалось занять в монастырях земледелием и разными ремеслами, а монахинь рукоделиями; других, избранных монахов, готовить к высшим церковным должностям посредством ученых занятий, для чего завести устройство при обителях школы и ученые братства. Кроме того, как указывалось выше, монастыри должны были иметь богадельни, больницы и воспитательные дома для младенцев. Со времени Петра в монастыри постоянно посылались больные и раненые воинские чины, даже с семействами селившимися в примонастырских слободах, и сумасшедшие преступники. Настоятели обязаны были давать присягу не держать в монастырях затворников и «ханжей» и не расплывать «суеверий». На места настоятелей положено было назначать только людей известных правительству, черпая их преимущественно из Александро-Невского мон. в Петербурге. Эта последняя обитель предназначалась быть образцом для всех других монастырей и рассадником церковных властей. Царь Петр был очень внимателен к этому монастырю и обогатил его. Позднее он действительно исполнял это назначение. Еще с 1721 г. при нем была большая духовная школа. При имп. Екатерине II он был богато обстроен, а при имп. Павле в 1797 г. возведен на степень лавры (Знаменский).

Крутые распоряжения царя Петра вызвали в монашестве сильное неудовольствие. Из монастырей выходили разные противоправительственные письма. Из за этого Петр издавал несколько раз указы, запрещающие монахам держать по кельям бумагу и чернила и писать что-нибудь без ведома настоятелей. После его смерти действие законов о монашестве несколько ослабело. В царствование имп. Анны они снова вошли в силу. В 1732 г. произведена была общая перепись монастырей, открывшая в них много уклонений от законов, особенно относительно пострижения. Всех незаконно постриженных велено было немедленно растричь. В 1734 г. вышел суровый указ никого не постригать вновь, кроме вдовых священнослужителей и отставных солдат. Кроме того, монашество подвергалось тогда опустошительным разбоям по политическим розыскам. И все это предпринималось при жизни архиеп. Феофана (Прокоповича), который, по словам Соловьева, считал меры Петра против монашества своими собственными, почему и восстанавливал их во всей строгости.

В 1740 г. (через 4 года после смерти Феофана) Синод решился доложить императрице, что монашеству грозит совершенное оскудение, что в обителях остались только старики прежнего пострижения, уже не способные выполнять послушания и службы, а между тем «через разные случаи» монашество все еще продолжало умаляться. Соловьев отмечает: «В декабре 1740 г., Синод просил всемилостивейшего указа постригать из разночинцев уволенных от всех служб, особенно учительных людей, также из крестьян, которые в монастырях к экономическим и прочим исправлениям потребны, иначе монастыри совершенно опустеют и заведенные училища останутся без учителей. Позволение последовало, но велено притом смотреть, чтоб постригали только в потребном числе, без всякого излишества, для чего посылать в Синод ежегодно рапорты, в том году из каких чинов сколько пострижено и сколько в каком монастыре церквей и монахов, чтоб Синоду можно было видеть, не будет ли где лишних монахов; а вперед Синоду иметь прилежное старание о сочинении порядочного штата всем монастырям: какому числу монахов в каком

монастыре быть; что им из доходов употреблять, а остальные доходы употребить на госпитали, на школы, на содержание сирот, показав, какому числу где быть и что следует издерживать на их содержание.» Имп. Елисавета дозволила принимать в монашество из всех состояний, только с некоторыми необходимыми исключениями (лета, свобода состояния, трехлетний искуc). В царствование Екатерины II двумя указами в 1764 г. дозволено было людям обоего пола по желанию постригаться в монашество. Указы 1766 и 1770 гг. подтверждают не постригать в монашество не уволенных из податного состояния, а чиновников – без увольнения от начальства.

С 1700 г. до введения в 1764 г. штатов из 1200 монастырей прежнего времени было закрыто 175 и открыто до 47 новых (данные проф. Петра Знаменского). Архиеп. Филарет пишет: «В 1762 г. во всех епархиях (исключая Малороссию и Белоруссию) состояло 732 обители мужских, 222 женских.»

Проф. П. Знаменский пишет: «По штатам 1764 г. из 953 великорусских монастырей закрыто более половины, – оставлено было только 224 в штате и 161 за штатом, на собственном содержании; затем свыше 40 монастырей закрыто при введении штатов в Малороссии и Белоруссии. К началу XIX столетия всех, и старых, и вновь открывшихся монастырей было на лицо всего 452. Здания закрытых обителей обращались в казармы, госпитали, дома сумасшедших и т. п. Число монашествующих тоже уменьшилось; в 1762 г. всех монашествующих было 12444, по штатам 1764 г. положено было только 5105, но действительное число их после штатов нигде почти не доходило и до штатной цифры, что зависело главным образом от скудости штатных окладов монастырей; – монастырям было выгоднее и даже необходимо иметь меньше монашествующих. Монастырские здания, которых в лучшие дни монастырей настроено было слишком много, разваливались без ремонта, а просить для ремонта пособий было бесполезно и даже не безопасно, потому что этим можно было накликать нежелательное распоряжение о совершенном закрытии такого монастыря, который не может обойтись с помощью одних

собственных средств. Большой обеспеченностью в средствах пользовались только монахи ученые, получавшие особые оклады жалования по своим школьным и начальственным должностям и поэтому выделявшиеся из монашества в особый привилегированный класс. В 1766 г. Екатерина возвратила им и всем монашествующим властям отнятое Петром право делать духовные завещания. Размножению и возвышению этого монашества особенно много поспособствовал митр. Платон, в течение своего долгого святительства в Москве выпустивший из своей московской академии многолюдную дружину ученых монахов-Платоников из самых лучших талантов академического студенчества.» Император Павел I для улучшения средств ученых монахов дозволил, по заслугам, причислять их к соборам более богатых монастырей с правом пользоваться долей из кружечных доходов последних.

Проф. П. Знаменский продолжает: «Усиление монастырских средств и преимущественно благоприятная перемена правительственных взглядов на монашество после Екатерины II снова оживили развитие монашеской жизни и способствовали умножению монастырей и монашествующих. При закрытии монастырей во время введения монастырских штатов значение многих обителей было оценено весьма недостаточно. Оттого в некоторых обителях, назначенных к упразднению и уже упраздненных, возникали сильные представления, заставлявшие восстанавливать их вновь. Так, при введении штатов в Малороссии положено было закрыть даже такой важный исторический монастырь, как киевский Братский с академией, здание его положено обратить в госпиталь, а академию перевести в лавру; но, по ходатайству митр. Самуила, академия оставлена на своем месте, а в 1799 г. при митр. Иерофее восстановлен был в значении штатного и Братский мон. В 1764 г. едва не закрылась в Новгородской епархии Нилова пустынь (Сорская) и сделана приписной, – в 1850 г. она опять была восстановлена. В 1786 г. в Черниговской епархии закрыт Максаковский монастырь и обращен в дом сумасшедших, – в 1803 г. открыт снова и передан единоверцам. В 1801 г. восстановлен по просьбе вологодских граждан Спасо-

Каменный монастырь, закрытый в 1775 году. В 1786 г. был закрыт древний (XV в.) монастырь Воронежской епархии Дивногорский на меловых скалах, – восстановлен в 1828 г., благодаря уважаемой его святыне, – Сицилийской иконе Богородицы, и достиг теперь замечательного благосостояния. В 1787 г. киевский Межигорский монастырь обращен был в казенную фаянсовую фабрику, – восстановлен в недавнее время (1884 г.). В том же году в Харьковской епархии кн. Потемкин выпросил себе для дворца в подарок монастырь Святогорский с угодьями, восхитившись местоположением обители; но смерть князя помешала осуществлению этой затеи, а наследники его отказались от этого подарка, – обитель восстановлена однако уже в 1844 г. В 1788 г. было положено закрыть московский Симонов монастырь, состоявший по штатам в I классе, – здания его предназначались для казарм; но против этого восстали все московское купечество, митр. Платон и губернатор Еропкин, указывая на то, что в этой обители почивают св. мощи и покоятся тела многих знатных покойников; в народе пошел слух, что в монастырском храме по ночам виден бывает таинственный свет. На другой год монастырь был восстановлен, а казармы переведены на другое место. Всех монастырей восстановлено было до конца XVIII в. 29.» Основание новых монастырей после 1764 г. шло весьма неуспешно. До 1800 г. открылось всего до 20 монастырей.

Внутренняя жизнь монастырей, как отмечает Знаменский, в первую половину XVIII в. мало где стояла на должной высоте. Замечался упадок общежительного порядка, своеволие и бродяжничество отдельных монахов. В числе высоких подвижников того времени, кроме сокровенных рабов Божиих, известен иеросхимонах *Иисус*, в миру Иоанн, род. в Москве в 1635 г. Он состоял духовником царя Петра I. Добрый пастырь был отцом для сирот, кормильцем голодных, заступником за несчастных. В 1701 г. Григорий Талицкий составил и распространял сочинение, в котором именовал царя антихристом. При допросе он назвал среди сочувствующих ему о. Иоанна. Государь отправил духовника к архиеп. Афанасию для пострижения в Соловецком мон. Став иноком Иовом, он,

смирненно выполняя послушания, начал подвизаться великим подвигом. Петр, убедившись в его невинности и осведомленный о его праведной жизни, звал его вернуться. Иов же в это время стремился к отшельничеству. Он вступил в братство Анзерского скита и вскоре избран был его настоятелем. В 1710 г. принял он схиму с именем Иисуса, в память Иисуса Навина, вождя Израильского. В 1712 г. он, находясь у пустынника, подвизавшегося у подножия горы, в тонком сне увидел Богородицу, повелевшую ему на этой горе, названной Владычицей Голгофой, устроить Распятский скит. В 1715 г. там была освящена церковь. Петр I, узнав о явлении Богоматери, велел из архангельских казенных магазинов отпускать ежегодно хлеб для Голгофской братии. Почил Иисус 6 марта 1726 г. Память его чтится в северном поморье.

Известен был пустынножитель *Феофан*, подвизавшийся на Анзерском о-ве, а потом в самой Соловецкой обители, преставившийся 80 лет 26 июня 1819 г. Прославился подвижнической жизнью и перенесенным им за усердие к монашеству схимонах *Симеон*, основатель пустыни «Белые берега» в Брянских лесах, в урочище Полбине, на берегах реки Снежита, переселившийся туда 15 нояб. 1741 г. Старец иеромонах *Феодор*, происходивший из старинного рода Ушаковых, оставил службу в Преображенском полку и ушел спасаться в поморские леса на берегах Сев. Двины. Он был потом арестован за оставление полка, допрашивался имп. Елисаветой, удовлетворившей его просьбу принять постриг. По ее повелению он был определен в Александро-Невскую лавру и отличался подвижнической жизнью. Почитал его даже имп. Петр III. В 1757 г. он ушел в Саровский мон., а затем в обедневшую *Санаксарскую пустынь*, находившуюся на реке Мокше, вблизи г. Темникова Тамбовской г. Саноксарской называлась она по окружающим обитель сенокосам³⁸). Он привел обитель в цветущий вид и в 1762 г. был рукоположен в иеромонахи с назначением настоятелем. Духовные его дети в Петербурге продолжали помогать обители. Настоятелем он был твердым и строгим, «в наставлениях нарочито имел искусство, в рассуждениях был остр и пространен». По установлению

штатов пустынь подлежала упразднению. Феодор же добился оставления обители и наименования ее затем монастырем. Из числа его учеников впоследствии вышло несколько настоятелей, вдохнувших новую иноческую жизнь в монастырях. Через него митр. Гавриил познакомился с выдающимися иноками, которых и назначал в настоятели великорусских обителей, ранее неудачно, в смысле духовного руководства, управлявшихся учеными малороссиянами. Претерпел он и скорби из-за обличенного им темниковского воеводы Неелова. Девять лет томился он в ссылке в Соловках. По предстательству митр. Гавриила, имп. Екатерина разрешила ему вернуться в Санаксарский мон., в котором он преставился 19 февраля 1791 г. на 73 году жизни. Троицкий инок, старец *Зосима*, основал пустынь в 25 вер. от Троице-Сергиевой Лавры, на бер. речки Молохчи, в прежней Переяславль-Залесской области. Много самого разнообразного народа приходило за наставлениями к схимонаху Зосиме, по имени которого пустынь стала называться *Зосимовской*. Он имел дар старчества. Почитала его имп. Елисавета, неоднократно его посещавшая.

Старица Агафия Сүмеоновна *Мельгунова*, в иночестве Александра, положила основание Серафимо-Дивееву мон. Происходила она из нижегородских дворян Белокопытовых. Овдовев, она в Киеве приняла тайный постриг и удостоилась видения Богоматери, повелевшей ей основать монастырь. Руководили ею старцы-подвижники Лавры. В 1760 г., когда она была вблизи *Саровской* пустыни, Богоматерь повторила свое повеление, указав и местность. Она создала обитель в *Дивееве*. В 1772 г. был довершен Казанский храм на месте явления ей Владычицы. Помогала она много и Саровской пустыни. Когда в деревне начиналась страдная пора, мать Александра являлась туда и посвящала себя заботам об оставленных детях – топила печи, приготовляла обед, мыла детей, стирала их белье и пр. По воскресным дням она, по окончании литургии, поучала крестьян на церковной площади. Строго исполняла она со своими послушницами суровый устав Саровской пустыни. С великим уважением относилась она к 30-летнему *иеродиакону Серафиму*. Саровский настоятель о. Пахомий, казначей о.

Исаия и иеродиакон Серафим соборовали ее. Настоятелю передала она последние остатки своего состояния и просила заботиться об обители. Тот, ссылаясь на свою старость, указал ей поручить это, еще молодому, иеродиакону *Серафиму*, что праведница и сделала. Преставилась она 13 июня 1789 г. Преп. Серафим участвовал в ее отпевании и всегда заботился о Дивеевской обители.

В *Петербурге* подвизалась, жившая на Петербургской стороне, блаженная *Ксения*, после смерти мужа своего, придворного певчего Петрова, принявшая на себя подвиг юродства. Раздав имущество свое нищим, одевшись в рубище, назвав себя именем покойного мужа – Андреем Федоровичем, она ходила из дома в дом, не имея постоянного пристанища, а на ночи исчезала. Она уходила в поле и там молилась на все четыре стороны. Народ очень любил ее. Бедные семьи считали за счастье, когда она приходила к ним. Обладала она даром прозорливости. Преставилась она в середине XIX в., возможно и ранее. После ее кончины приходили молиться в часовне на *Смоленском кладбище*, сооруженной над ее могилой. Совершались чудеса. В Воронежском Покровском мон. подвизалась *инокия Таисия*, в миру мещанка Татьяна Постовалова, покинувшая мир после всенародного обличения *свят. Тихоном* празднования пред началом Петрова поста простонародьем целую неделю древнего языческого бога Ярилы. Произошло это 30 мая 1765 г. Старица *Таисия* имела дар пророчества и предсказала время своего преставления. Придя в обитель, предположительно, 18 лет, она скончалась 93 лет. В московском Ивановском мон. подвизалась затворница *Досифея*, в миру княжна Августа Тараканова, дочь *имп. Елисаветы* от брака ее с гр. Алексеем Кирилловичем Разумовским. По воле матери она приняла постриг. Влияние на ее духовную жизнь оказал митр. Платон. Она же сама позднее наставляла братьев *Путиловых*, впоследствии отцов Моисея Оптинского и Исаии, игумена Саровского, и др. обращавшихся к ней за духовными советами. Скончалась она 4 февраля 1810 г. и погребена в Новоспасском мон.

В Киево-Печерской лавре подвизался затворник *Досифей*, как выяснилось после его преставления, последовавшего 25 сентября 1776 г. на 65 году жизни, бывший в миру девицей Дарией Тяпкиной, из знатной рязанской дворянской семьи. В раннем детстве, проживши у бабки, инокини московского Вознесенского мон. Порфирии, Дария, вернувшись домой, вела иноческий образ жизни. Она в 1736 г. тайно оставила дом и, как послушник, подвизалась сначала в *Троице-Сергиевской*, потом *Киево-Печерской лаврах*. В последней она большую часть времени пробыла затворницей в *Китаевской* пустыни. К ней, чтимому старцу Досифею, приходил за советом юный Прохор, в иночестве преп. Серафим. Она направила его в Саровскую обитель и научила его истинной духовной жизни. В *Задонском* мон. подвизался схимонах *Митрофан*, в миру Михаил Голощапов, близкий *свят. Тихону*, считавшего его своим другом. Святитель переписывался с ним, давал ему поручения. Имел он дар прозорливости. Преставился Митрофан 27 февр. 1793 г. В Борисоглебском мон. проживал послушник чтец *Алексий Стефанович*, принявший на себя подвиг юродства. Его очень почитали в Ростове, находившемся в 18 вер. от обители. Был он прозорливым. Преставился Алексий 16 октября 1781 г. В *Петрозаводске* очень почитался юродивый *Фаддей*, уроженец Олонецкого края. Царь Петр I посещал его. В 1724 г. юродивый сказал ему, что видит его в последний раз. Государь скончался в январе 1725 г. Преставился Фаддей в 1726 г.

Проф. П. Знаменский пишет о монашестве, лишенном в 1764 г. вотчинного богатства: «Само монашество, освободившись от множества расходов на содержание лишних обителей и лишних, не призванных к нему людей, получило возможность употреблять свои средства более полезным образом и лучше устроят свое нравственное состояние. Даже между монахами, удалившимися в леса, которых считали самовольными, явилось несколько замечательных подвижников, бывших потом устроителями нескольких монастырей и оказавших монашеству великие услуги; таковы были подвижники *Брянских* и *Рославльских* лесов конца XVIII и

начала XIX века, числом до 30 (только известных) иноков. Эмигранты на Афон и в Молдавию, число которых только в одной Молдавии простиралось до 200 человек, дали тоже не мало наставников иночества русским монастырям и между ними такого учителя, как Паисий Величковский. В русских монастырях увеличилось число истинных подвижников и развилась даже значительная аскетическая литература...»

В это именно время протекала подвижническая жизнь преп. Серафима Саровского. Прохор Мошнин, происходивший из купеческой семьи, родился в Курске 19 июля 1759 г. В 1778 г. пришел он в Саровскую пустынь, направленный туда киево-печерским затворником Досифеем.

Местность, где расположен Саров, была издавна населена народом финского племени, мордвою, до нашествия татар платившей дань рязанским и Владимирским князьям. В 1298 г. татары покорили это место под предводительством ширинского князя Бахмета. Вероятно тогда на месте нынешнего монастыря был построен, между речками Сатисою и Саровою, татарский город Сараклыч. В 1389 г. хан Бехан, теснимый местным населением после Куликовской битвы, удалился за р. Мокшу. Город пришел в запустение и зарос лесом. Триста лет пустовало это место. В 1664 г. пришел туда пензенский инок Феодосий, поставивший келью на валу бывшего города и подвизавшийся там. Он рассказывал жителям ближайшего селения, что по ночам видел необычайный с небес свет, освещавший всю гору. Иногда сходил огненный луч, иногда слышался громкий благовест. Он утверждался в мысли, что месту этому суждена великая будущность. Последние годы жизни жил он в Пензе. После там подвизался старец Герасим, также бывший свидетелем разных знамений. Он окончил жизнь свою строителем Краснослободского мон. Иногда и жители на этом месте слышали при ясной погоде гром и колокольный трезвон.

В 1670 г. у причетника с. Красного, Арзамасского у., Феодора Стефанова, родился сын Иоанн. Его благочестивый отец окончил жизнь иноком. Иван с юных лет прилежал к церкви и рано помышлял о монашестве. В 1689 г. он пострижен был в

Введенском Арзамасском мон. с именем *Исаакие*. Ища уединения, он, с благословения настоятеля и духовника, поселился с иноком Санаксарского мон. Филаретом, на «Старом городище» в Сарове, откуда ненадолго уходил, вернувшись иеромонахом. С 1692 г. он подвизался один, ведя тяжкую борьбу со врагом спасения. Боролся он с расколом, обратив 60 человек из скита Филарета. Позднее он был избран настоятелем Введенского Арзамасского мон., но не оставлял своим попечением Саров, где подвизался его постриженник Ириней. После смерти последнего в 1703 г. Исаакий вскоре вернулся в Саров и начал строить церковь и 16 июня 1706 г. создаваемая пустынь украсилась храмом. В 1711 г. Исаакий назначен был строителем обители и выстроил еще две церкви. Позднее он принял схиму с именем *Иоанна*. Часто уединялся он в пещеры. В 1734 г. по ложному доносу Саровские иноки были заподозрены в государственной измене. Настоятель иеросхимонах Иоанн был увезен в кандалах в Петербург. В заточении он скончался в 1737 г. и погребен был при Преображенской церкви, что в Колтовской, в Петербурге.

Почти через сорок лет после этого пришел в *Саровскую пустынь Прохор Мошнин*. Прошел он с должным смирением возлагавшийся на него послушания. В 1786 г. принял он пострижение. Посвященный потом на служение алтарю Господню, он каждый день служил литургию раннюю или позднюю и приобщался евхаристии. В остальное время до короткого сна, он стоя читал слово Божие и поучения отцов. Так провел он 5 лет 9 месяцев иеродиаконом и 3 года иеромонахом. Архиеп. Филарет, в «Истории Русской Церкви» пишет: «В 1794 г. перешел он в лес, в уединенную келью. Здесь каждый день отшельник совершал службу, по правилу Пахомия и по уставу, читал по несколько чтений из Евангелия и Апостола, ночью молился, днем копал землю в огороде или рубил дрова. Здесь же, переходя от подвигов к подвигам, он, по примеру Свмеона Столпника, провел тысячу дней и ночей, стоя на камне: на одном в келье – стоял днем, на другом в лесу – стоял ночью; с воздетыми к небу руками молился он молитвою мытаря: Боже, милостив буди мне грешному. В пустынной келье отшельник по

временам принимал приходивших для бесед о душевном спасении». Дальнейшая подвижническая жизнь святого протекала в XIX столетии.

В первое десятилетие XVIII века сияли еще своими подвигами и трудились на пользу Церкви тесно связанные с монашеством святители *Димитрий Ростовский* († 1709 г.) и *Митрофан Воронежский* († 1703 г.). Во второй половине того же столетия великим учителем благочестия и монахолобцем был свят. *Тихон Воронежский, Задонский* чудотворец († 1783 г.). О нем так повествует архиеп. Филарет в своей «Истории»: «Таков был блаженный *Тихон*, образец пастырей на воронежской кафедре, образец христианского подвижничества в Задонском уединении. Отказавшись от пастырского служения по болезни, он проводил ночь в молитве, утро и вечер посвящал чтению слова Божия, и ходил в храм слушать богослужение. Потеря часов беседы с Господом была для него потерей тяжелою, и он умолял келейника – отказывать в часы молитвы его посетителям. Не редко, полный скорби о грехах, с горькими слезами на ланитах, простертый на земле, он только взывал: Господи помилуй. «Я ничего своего не имею, все Божие, а не наше», говорил святитель-подвижник и – раздавал бедным всю пенсию свою; им же отдавал и то, что присылали благотворительные люди. После молитвы любимым занятием Тихона была беседа с каждым о спасении души. Он собирал вокруг себя детей и учил их молиться Богу, входил в разговор с крестьянами и учил любви к труду и страху Божию, делил скорби несчастных. Иногда выезжал к знакомым, и чаще тогда, когда не ожидали его, но имели нужду в его советах. Кроме устных бесед вел благочестивую переписку, излагал мысли в письмах. «Сокровище духовное, от мира собираемое» было плодом пустынных размышлений его о природе и людях в продолжение 1777–1779 г. В последние два года своей жизни много страдал от головной боли и нервных припадков и мирно почил 13 августа 1783 г.» Необходимо отметить, что юные годы Святителя протекли в большой бедности, отчего он так хорошо знал и понимал теневую сторону жизни. Учась в новгородской семинарии, он зарабатывал физическим трудом. По окончании

семинарии, он там же учительствовал; любил душеполезные чтения и размышления. Будучи вспыльчивым, владыка Тихон выработал кротость и смирение. Прославлен 13 августа 1861 г.

Велика заслуга в отношении монашества владыки *Гавриила*, в миру Петра Петрова, закончившего свою, посвященную служению Церкви, жизнь митрополитом Новгородским и С.-Петербургским. Родился он в 1736 г. Отец его был священником. В 1753 г. он окончил московскую Славяно-Греко-Латинскую академию. Всегда прилежал он к церкви, был справщиком в московской синодальной типографии и потрудился много при перепечатке Библии. Пострижение принял в 1758 г. по настоянию настоятеля Троицкой лавры известного Гедеона (Криновского), убежденного в том, что Петров будет хорошим иноком. В том же году он был назначен наместником лавры, ректором семинарии и учителем богословия. В 1761 г. он стал ректором московской академии в сане архимандрита Заиконо-спасского мон. Занимался учеными трудами. В 1763 г. последовала хиротония его в тверского епископа. Умело управляя епархией, он вызывался часто в Петербург. По желанию имп. Екатерины, он был членом комиссии, рассматривавшей *Наказ* выборным для составления нового Уложения. Работал он над исправлением Пролога. Состоя с 1767 г. депутатом от Синода в Комиссии по составлению нового Уложения, он отстаивал сохранение духовенства как особого сословия. В 1770 г. он был назначен архиепископом С.-Петербургским и Ревельским, будучи уже членом Синода. Много забот приложил владыка Гавриил по управлению епархией (с 1776 г. ему подчинена была и Новгородская). В 1783 г. Гавриил возведен в сан митрополита. Устроая Александро-Невскую лавру, он соорудил в ней Троицкий собор, освященный, в присутствии императрицы, 30 августа 1790 г. Благовотворил он многим. О последующих годах его жизни упомянуто выше. Митрополиту Гавриилу иночество, в значительной степени, обязано своим оживлением. Сам аскет по жизни и по стремлениям, он общался со всеми современными ему иноками. Им приглашался св. Тихон переселиться в Валдайский Иверский мон. Владыка Гавриил

находил, что делу монашества вредит назначение настоятелями монастырей т. н. «ученых монахов», большею частью учеников Киевской духовной академии. Они могли быть отличными администраторами и проповедниками, но неудачными настоятелями. Он считал, что в настоятели монастырей надо избирать сильных духом и опытом подвижников из суровых обителей. Так выписан был им из Брынских лесов старец *Адриан*, направленный им на Коневец, где он вскоре стал настоятелем. Митр. Гавриилом введено было общежитие по Афонскому уставу во многих монастырях своей епархии: Валаамском, Коневском, Иверском, Зеленецком, Тихвинском, Новоезерском, Моденском, Вяжицком, Савва-Вишерском, Отенском, Клопском, Дымском. Он составил сам для этих обителей правила общежития (в 20 пунктах).

Митр. Гавриил, придавая особенное значение уединенности Валаамского мон. вызвал туда из Сарова старца *Назария*. Последнему прислал он 9 марта 1787 г. предписание ввести в монастыре правила Саровской пустыни. Епископ тамбовский и настоятель Саровской пустыни не хотели отпускать Назария. Они написали митрополиту, что старец недостаточно умен. Владыка Гавриил ответил им: *«У меня много своих умников. Пришлите мне вашего глупца»*. Владыке Гавриилу обязана своим восстановлением знаменитая Симонова обитель в Москве. В монастырских делах ближайшим доверенным митрополита был о. *Феофан*, ученик старца Феодора (Ушакова), будущий архим. Новоезерский. Он был вызван в Лавру из Софрониевой пустыни, населенной учениками старца Паисия (Величковского). Вызваны были пять опытных иноков. Феофан стал келейником митрополита. По отзыву Феофана, назначен был в Тихвин настоятелем ученик старца Феофана о. *Игнатий* (из гвардейцев). Пол года Синод не соглашался на это назначение, т. к. раньше в этом знаменитом монастыре, начальствовали ученые монахи. Архим. Игнатий, подняв на большую высоту Тихонов мон., восстановил потом и Симонов. Старец *Паисий (Величковский)* перевел *"Добротолюбие"* с греческого и прислал рукопись митр. Гавриилу. Последний назначил комиссию из ученых для проверки перевода. Но,

учитывая важность и духовного опыта, он назначил в помощь ученым отцов *Феофана*, *Назария* и еще двух иноков, предписывая постоянно советоваться с ними. Благодаря митрополиту было напечатано «Добротолюбие». Митр. Гавриил был одним из старших членов Российской Академии Наук.

Близок к монашеству был Свят. *Иоасаф*, еп. *Белгородский* († 1754 г.). Много сделал он для управлявшихся им *Лубенского Мгарского* мон. в Полтавской губ. и *Троицко-Сергиевой* лавры. Строгим аскетом, постником и молитвенником был архиепископ *Тобольский Варлаам (Петров)* (1729–1802), старший брат митр. Гавриила. Постриг он принял в *Алекسانдро-Невской Лавре*, где подвизался под руководством старца *Досифея*. Епархией владыка *Варлаам* правил 32 года. Отличался он большим смирением и широким благотворением. Летом он удалялся на полное безмолвие в лежавший вблизи *Тобольска Иоанновский Междугорский* мон. Очень почитал он подвижника митрополита *Тобольского Свят. Иоанна (Максимовича)*, строгого инока, нищелюбца, ревнителя, как и сам владыка, духовного просвещения.

Огромно значение для русского монашества и укрепления истинного благочестия подвижнической и просвещенной деятельности архимандрита *Паисия (Величковского)*. Архиеп. *Филарет* пишет в своей «Истории Русской Церкви»: "*Паисий Величковский* образовал множество подвижников для русской церкви, хотя и провел большую часть жизни в Молдавии. Рано открылась в сироте *полтавского протоиерея* пламенная верность к пустынной жизни. Из *киевского училища*, где пробыл 4 года, скрылся он в *Любечскую* и потом *Медведицкую* пустынь. Гонение униатов возвращало его в *Печерскую лавру*; но ревность к строгой подвижнической жизни увлекла в *Валахию*, где 3 года провел он в скиту. Затем та же ревность вызвала его в *Афонскую гору*; здесь 7 лет прожил он безмолвным отшельником, а с 1754 г., против его желания, собралось к нему сперва до 12 братьев, потом до 50. *Паисий* разделял наравне с братией труды рукоделия, и спал не более 3-х часов, прочее же время ночи проводил в молитве и в переводе книг с греческого на славянский язык. Он наставлял скитников умной молитве;

это восставляло против него одного афонского старца, который, однако, получив письменное объяснение Паисия, сознался в своей несправедливости. Теснота скита и корыстолюбие турецкого аги заставили Паисия возвратиться со своею братиею в Валахию. Поселясь в монастыре *Драгомирне*, он устроил здесь студийское общежитие. По наставлению Паисия, каждый из братий, особенно новоначальных, каждый вечер открывал грехи свои своему старцу. В зимнее время, и особенно в великий пост, Паисий каждый вечер предлагал в трапезе поучение кого-либо из пустынных отцев и сопровождал чтение толкованием; в один вечер слушали поучение Паисия славяне, тогда как молдавские братия совершали вечернее молитвословие, а в другой молдавская слушала поучение на молдавском языке, а славяне молились. Богослужение совершалось также на обоих языках. С Афонской горы возвратилось с Паисием 54 брата, а к 1774 г. их собралось до 350: духовная опытность Паисия, не приглашая, привлекала ищущих неба. После войны России с Турциею, сильно тревожившей и иноков драгомирских, в 1774 г. Австрия потребовала и взяла себе часть Валахии, где был монастырь Драгомирня. «С папистами, говорили старцы, никогда не может быть мира». И в 1775 г. Паисий перешел с детьми своими в монастырь Секул, а в 1779 г., по воле господаря, поселился в Нямецком монастыре. Секул был тесен, но тих; Нямец был обширен, но его издавна посещали многие. Потому старец скорбел по Секуле; впрочем, сколько можно было, он соблюдал порядок, введенный им в Драгомирне. В 1790 г., когда Потемкин занимал Яссы, екатеринославский архиеп. Амвросий посвятил Паисия в архимандрита. Число братий возросло до 400; кроме того, в Секуле, оставшемся также под надзором Паисия, было 100 братий. До самой смерти Паисий продолжал заниматься переводом отеческих книг с греческого на славянский язык: с особенным же вниманием перевел наставления преп. Исаака Сирина и ответы аввы Варсонофия. Украшенный даром прозрения, великий старец скончался 72 лет в 1794 г.»

С монашеством связаны имена – графа Бориса Петровича *Шереметева* и его дочери Наталии, в иночестве Нектарии.

Происходивший из славной семьи, первый граф Российской империи, *Б. П. Шереметев* был ближайшим сподвижником царя Петра, очень ценившего его за прямоту, честность и рвение полководца. Им возведен он был в звание генерал-фельдмаршала. Верующий и церковный Шереметев очень почитал икону *Тихвинской Божией Матери*. Когда в 1709 г. царь вознамерился дать генеральное сражение шведам под *Полтавой* 26 июня, Шереметев упросил государя отложить битву на один день, чтобы был почтен должным образом падающий на этот день праздник сей Иконы. Сражение состоялось 27 июня. После победы над Карлом XII, при посещении царем полтавского имения Шереметева Борисовки, последний объявил монарху об обете, данном им перед битвой основать в имении девическую обитель в честь чудотворной Тихвинской иконы. Государь одобрил намерение фельдмаршала и сам избрал место для построения монастыря. Петр повелел сделать большой деревянный крест, собственноручно водрузил оный на вершине, назначая тем место для церкви во имя любимого им праздника – Преображения Господня, что и было потом исполнено. Главная же церковь была устроена в честь Тихвинской Божией Матери. Шереметевым был составлен «Завет», коим определялось внутреннее устройство обители, о которой он много заботился, завещав это и своему наследнику. Граф *Б. П. Шереметев* славился своей широкой благотворительностью. Скончался он в 1719 г., завещав похоронить себя в Киево-Печерской лавре. По распоряжению же царя он погребен был в Лазаревой церкви Александро-Невской лавры.

Графиня Наталия Борисовна Шереметева пяти лет потеряла отца и 14-ти мать. Она привыкла жить сосредоточенной жизнью и сдерживать свои желания. В конце 1729 г. состоялось обручение ея с кн. *Иваном Ал. Долгоруким*, любимцем юного Петра II и братом невесты императора. В середине января 1730 г. Петр скончался от оспы. С самого начала царствования имп. Анны, Долгорукие подверглись преследованию. Надвигавшиеся невзгоды не остановили Шереметеву, обвенчавшуюся в сельской церкви. Вскоре оба они

были сосланы в Березов, в который стараниями Долгоруких ранее сослан был кн. Меншиков. В тяжелых условиях прожила она там 11 лет. В 1739 г. за неосторожные разговоры кн. Иван Алексеевич был препровожден в Петербург и казнен. Возвращенная из ссылки в царствование Елисаветы, Шереметева, когда подросли ее сыновья, отправилась из Петербурга в Киев и приняла, с именем *Нектарии*, постриг в *Фроловском мон.* Там она праведно подвизалась и, проболев, скончалась в 1771 г. Погребена она в Киево-Печерской лавре, при входе в собор, заменив таким образом отца.

Распространение веры

В отношениях государства к религии со времени Петровской реформы принят был в основание принцип *свободы вероисповеданий*. Царь Петр писал в указе 1702 г. «Совести человеческой приневоливать не желаем и охотно предоставляем каждому на его ответственность пещися о спасении души своей». Принцип этот приложен был и к делу христианской миссии между иноверцами империи. Сначала Петр хотел было уничтожить все принятые до него внешние поощрительные меры к обращению инородцев, оставив в силе одни меры духовные. Но вскоре он отказался от этой мысли и снова велел восстановить отписку крещеных крепостных от их некрещеных помещиков. В 1720 г. всем новокрещеным дарована была трехлетняя льгота от податей и рекрутства. При имп. *Елисавете* такие поощрительные меры к крещению усилены еще денежными и вещевыми подарками новокрещеным, раскладкой следующих с них за льготный срок податей и рекрутчины на их некрещеных единоплеменников и прощением совершенных до крещения преступлений.

Имп. *Екатерина II* снова провозгласила принцип *веротерпимости*, доведенный на этот раз даже до крайности, до безразличного покровительства всем, даже языческим вероисповеданиям. В ее указе Синоду от 1773 года говорится: «Как всевышний Бог терпит на земле все веры, то и Ея Величество из тех же правил, сходясь Его святой воле, в сем поступать изволит, желая только, чтобы между ея подданными всегда любовь и согласие царствовали». На основании такого взгляда и опасений пред мнимым фанатизмом духовенства, – деятельность православных миссий была ослаблена до последней степени. Поощрительные меры к крещению иноверцев были отменены, кроме трехлетней льготы новокрещеным. Иноверному духовенству – *муллам, ламам* – назначались, даже, казенные средства содержания, каких не имело православное духовенство. Магометанство получило полную свободу заводить мечети и школы. Правительство даже

само строило мечети, напр., в Оренбургском крае для киргизов, которые переживали тогда период двоеверия и вовсе не были еще утверждены в магометанстве. Кроме того, магометанству дана была еще небывалая у него правильная и крепкая организация. Для его духовного управления были назначены два *муфтия* – в Уфе (1788) и в Крыму (1794) со многими штатными муллами. В Сибири такая же организация дана была ламству чрез подчинение всех лам одному *верховному ламе*. В 1775 г. введены были для лам узаконившие их штаты, что было ими понято как покровительство верховной власти их вере (Знаменский).

Несмотря на затруднения, порождаемые духом времени, дело православной миссии все-таки шло вперед. Кроме инородцев Поволжья и Сибири действия ее простирались и на новые племена, напр., *калмыков*, постепенно переселявшихся в Россию, и на племена вновь присоединявшихся к России местностей Средней Азии, Сибири и Кавказа.

Царства *Казанское* и *Астраханское* пали в середине XVI в. Но магометанство и язычество в этих землях, вошедших в состав русского государства, держались еще крепко. Их поддерживали мурзы и князья.

Имп. *Петр Великий* подтвердил прежняя льготы обращающимся к св. вере. Им повелено было отобрать у мурз крестьян, коль скоро они не хотят принять господствующего в государстве исповедания. Казанскому митрополиту *Тихону (Воинову)*, правившему с 1699 г. по 1724 г., ревновавшему об успехах веры, даны были пособия на устройство церквей для обращающихся ко Христу. Главными помощниками его были ключарь *Феодор* и архиерейский казначей иером. *Алексий (Раифский)*. Последний должен был иметь надзор за новообращенными и обучать их. Им заведена была школа при свияжском Богородицком мон., в котором стал потом архимандритом. Он был председателем учрежденной в 1731 г. для казанской и нижегородской губерний *комиссии новокрещенских дел*. Обращено было много язычников, главным образом чувашей. Упорнее были магометане. Владыка Тихон первый обратил внимание и на образование крещеных

инородцев; он создал в Казани школу с 32 учениками. Когда, за недостатком средств, школа эта закрылась, он продолжал обучение новокрещенных в духовной школе при своем доме. В Нижнем-Новгороде проявлял ревность епископ *Питирим* (1719–38, с 1724 – архиепископ).

Особенно сильно развилась миссионерская деятельность в Казанском крае, когда епископом стал *Лука (Конашевич)*, правивший с 1738 по 1755 г. «В своей ревности, пишет Знаменский, «он доходил иногда даже до крайностей, насильно помещал инородческих детей в свои школы, устроил в татарской слободе в Казани две церкви и завел там крестные ходы; в селе Болгарах сломал остатки древних зданий, считавшихся у мусульман священными, и сильно раздражил против себя некрещенных Татар»... Императрица Екатерина II в 1767 г., посетив развалины Болгар, древней столицы волжских болгар, писала Панину: «Все что тут не осталось, построено из плиты очень хорошей. Сему один гонитель, Казанский архиерей Лука, при покойной императрице Елисавете Петровне позавидовал и много разломал, а из иных построил церковь, погреба и под монастырь занял, хотя Петра I указ есть, чтоб не вредить и не ломать сию древность». Несколько татар принесли жалобу, будто они крещены еп. Лукой по неволе. Синод, по расследовании, определил в 1750 г.: жалоба несправедлива и возбуждена только муллами, но вперед принимать магометан и язычников по письменным просьбам (дана была форма просьб). Усердным помощником еп. Луки был архимандрит *Вениамин (Пуцек-Григорович)*.

Доброжелательный отзыв о деятельности владыки Луки дает архиепископ астраханский, потом екатеринославский Платон (Любарский), ранее ректор казанский (с 1772 г.), историк края († 1811 г.). О владыке Луке он пишет: «к искоренению в епархии идолослужения и магометанства такой был ревнитель, что во время его архиерейства безчисленное множество мордвы, вотяков, чуваш, калмыков и татар приняли св. крещение ... Вениамин был им «неоднократно посылаем в епархию для приведения иноверцев в православие, в которое обратил языческих народов многое число».

В 1740 г. при свияжском Богородицком мон., вместо Комиссии, учреждена была *новокрещенская контора*, с окладом на миссионерские расходы 10000 р. Во главе ее поставлен был архимандрит *Димитрий (Сеченов)*. В ней работали 2 протоиерея, 5 переводчиков. Округ ее обнимал губернии Казанскую, Нижегородскую, Воронежскую и Астраханскую. Со стороны правительства в царствование имп. *Елисаветы* миссионерам оказывалось большое содействие. Кроме дарования крещеным известных льгот, правительство распорядилось остановить постройку новых мечетей, некоторые наличные мечети сломать, крещеных отделить от некрещеных через переселение на другие места. В царствование имп. *Елисаветы* в губерниях: Казанской, Нижегородской и Воронежской крестилось 430.550 лиц. Менее всего крестились *татары*, которые вели и упорную борьбу за свои мечети. Правительство в последнем вопросе делало послабления. Из язычников – *мордва* крестилась вся, *черемис*, *чуваши*, *вотяков* осталось некрещеными малое число. Магометан крестилось всего 8000 человек, но и они были неустойчивые. Магометане умудрялись даже развивать свою деятельность среди чувашей. При таком массовом крещении, конечно, настоящего просвещения не было. Миссионеры научить вере такое количество не могли. Духовенства, знающего инородческие языки, было мало. Инородческие школы были редки (Знаменский).

В 1742 г. *Димитрий* был поставлен епископом Нижегородском. После него начальником миссии сделался архим. *Сильвестр (Словацкий)*, из учителей казанской семинарии. Ему помогал другой учитель иером. *Вениамин (Пуцек-Григорович)*. Содействие оказывал советник миссии *Ярцев*, отстаивавший новокрещеных от местной администрации, иногда, по корысти, державшей сторону магометан.

Решительные действия миссионеров возбудили против них волнения среди татар и мордвы. В 1745 г. терюшевская мордва нижегородской епархии за разорение языческого кладбища в с. Сарлеях едва не убила еп. *Димитрия* и была усмирена только вооруженною силою. В Казанском крае волнение татар грозило

тем большею опасностью, что между *башкирами* в 1750 г. загорелся сильный бунт. В 1775 г. правительство решило, поэтому, перевести *Луку (Конашевича)* в Белгородскую епархию и смягчить свои указы в отношении мечетей и переселений татар. Миссионерская деятельность стала слабеть.

В царствование имп. *Екатерины II* произошли крупные перемены. В 1764 г. была закрыта *казанская комиссия новокрещенских дел*. Забота о гражданском быте новокрещенных передана была гражданскому начальству. Попечение об утверждении веры предоставлено было местным архипастырям. Им поставлено было в обязанность избрать особых *проповедников* веры, просвещенных и проникнутых духом христианским. Положено было быть трем проповедникам в Казанской губ., двум в Тобольской, по одному в Нижегородской, Рязанской и Тамбовской. Предписано было, по прежнему, учить детей новокрещенных в школах. Но подарки для новокрещенных отменены. Впрочем, при платеже рекрутской повинности, не брались те деньги, которые были назначены новокрещеным прежними указами. Все же архиепископы казанские *Вениамин (Пуцек-Григорович)*, правивший 1762–82, и *Амвросий (Подобедов)*, правивший 1785–99, развивали посильно миссионерскую деятельность. Последний выстроил своими средствами казанские школы новокрещенцев, сгоревшая в 1774 году. Владыка Вениамин, известный своей ревностью, восстал против постройки новых мечетей.

После Пугачевского бунта, в котором инородцы принимали самое деятельное участие, правительство стало смотреть на их обращение в христианство еще неблагоприятнее. В 1789 г., в связи с новыми волнениями среди башкир, запрещено было посылать к инородцам проповедников без особого сношения о том архиереев с губернаторами. В 1799 г., в царствование имп. Павла I, упразднена была должность проповедников.

«Пользуясь своею неприкосновенностью и усиленное учреждением иерархии муфтиев и мулл», пишет Знаменский, «мухамеданство еще более развило свою пропаганду среди язычников, в чем помогало ему иногда само правительство. Напр., оно содействовало утверждению ислама между

шаманствовавшими еще киргизами, строя у них, с помощью казанских мулл, мечети и школы, а в конце XVIII в. на свой счет отпечатало для татар множество экземпляров Корана.»

В конце патриаршего периода открывались уже довольно часто желания веры христианской *в калмыках*, – монголах по происхождению, *ламайцев* по вере. Проживали они в нижних частях Поволжья и Прикаспийских степях. В 1700 г. из новокрещенцев образовалось уже большое село на р. Терешке. Хан Аюка сильно враждовал против России за это крещение и прием своих подданных. По внушению жрецов (гелюнгов) он сжег селение и увел калмыков обратно в улусы. Однако калмыки продолжали стремиться к вере. Крещеных калмыков стали посылать на Дон к казакам. В 1710 г. перешло на Дон 10000 калмыков. Аюка жаловался на это. Казакам приказано было не принимать подданных хана без его позволения, но крещеные не были возвращены ему, а поселены в Киеве. По договору царя с Аюком назначено вознаграждать улусного владельца 30 руб. за каждого крещеного калмыка, становившегося через крещение свободным. Более или менее точно соблюдалось это до имп. Екатерины II. В 1725 г. позволено было крещеных калмыков определять на службу в Чугуев. По смерти честолюбивого Люки в 1724 г., внук его *Тайшим* крестился в Петербурге. Он кочевал с 344 кибитками (семьями) около Астрахани. Император Петр Великий был его восприемником и подарил ему походную церковь. Св. Синод подарил для походной церкви хана *Петра Петровича* глазетовую одежду на престол, подризник, поручи и палицу с изображением Одигитрии. Принятию ханом христианства способствовал иеромонах *Никодим (Ленкевич)*, хорошо знавший местный язык и поставленный во главе миссии отправленный Синодом в 1724 г. с обстоятельной инструкцией. Миссия эта в течение 10 лет крестила до 1700 человек. В 1730 г. правительство для облегчения новокрещенцев, по почину о. Никодима, дало им земли по Волге выше Самары, где для них основан был г. Ставрополь. Тут поселена была и вдова Тайшины *Анна*, со всей ее ордой. Калмыкам именно желательно было жить вместе, не быть переселяемыми в разные места.

Никодим крестил всю орду. Миссия была расширена. Прежде-крещенные калмыки могли, по желанию своему, войти в состав той же орды. Синод приказал о. Никодиму, посвященному в архимандриты, оставаться при княгине для оглашения желающих креститься. Определены были священники с походными церквами для объездов по улусам. Кроме того, был назначен переводчик для перевода Нового Завета и молитв на калмыцкий язык. Крещенные калмыки уже в 1739 г. помогали усмирению башкирцев. Архим. Никодим скончался в 1739 г. (Архиеп. Филарет).

После него с усердием и пользою трудился прот. *Андрей Чубовский*, знавший калмыцкий язык. Присланы были ученые священники с причетниками, и в Ставрополе открыто в 1741 г. *калмыцко-русское училище*. Переведены на калмыцкий язык Новый Завет и молитвы. В царствование имп. Елисаветы обращено было до 6000 человек, в том числе многие из главных кочевьев калмыков в астраханских степях. Киргисские калмыки приходили и через сибирские линии и целыми отделениями принимали крещение. Крестившимся отводились привольные земли между Волгой, Доном и Черемшаном. Чтобы приучить их к оседлой жизни, а вместе помочь успехам в вере, между ними поселили несколько сот русских крестьян. Помощниками прот. Чубовского были воспитанники астраханской семинарии, *Бестужев* и *Ляхов*, знавшие калмыцкий язык. Ставропольское училище успешно развивалось.

Кроме этих калмыков, поселившихся в Симбирской губ., крестились калмыки и в Астраханской губ., где были их главные кочевья. Вдова тамошнего хана Домбока-Омба крещена была в 1745 г. при дворе имп. Елисаветы. Получив имя Веры, она названа была княгиней, четверем сыновьям велено называться князьями *Дундуковыми*. Один из них, Алексей, отличался благочестием; скончался он в Енотаевке. В 1750 г. крестилось около 1000 астраханских калмыков.

В царствование имп. *Екатерины II* дело христианской миссии среди калмыков ослабело. Имели место притеснения их недобросовестными чиновниками. Калмыки уходили за Куму и Урал, возвращаясь в ламайскую старую веру. В 1771 г. ушли к

границам Китая 30 000 кибиток. Для предотвращения новых уходов, правительство стало обращаться с калмыками чрезвычайно осторожно. Опасаясь раздражать их, правительство стеснило проповедь среди них христианских миссионеров.

Миссионерство в Сибири

Распространение христианства в *Сибири* в XVIII в. продолжалось. Настоящим просветителем западной Сибири был митрополит Тобольский *Филофей (Лещинский)*. Уроженец Малороссии, он, родившись в 1650 г., образование получил в киевской академии; был экономом Киево-Печерского мон.; в 1702 г. был рукоположен в митрополита сибирского. «Приехавши в Тобольск», пишет Соловьев, «Филофей рассмотрел в церквах Божиих великое нестроение, и обратился к Петру за средствами помочь беде. Филофей писал о необходимости завести в Тобольске школы и учить грамматике славянской и латинской, в ученики понудить от всякого чина детей, завести типографию великого государя казною, печатать буквари, часословы малые и псалтыри. Ответы царя сообщил владыке Винуус. Указывалось, что надлежит «простираться в учении славяно-российской грамматики, и чтоб вся, яже попу или диакону надобно знать, изучились и Православной веры катехизис достаточно знали... типографии в Тобольске не быть, а какие книги понадобятся, покупать в Москве». В отношении иноверцев отвечено: «Которые иноземцы хотят волею своею креститься в Православную Христианскую веру, и их крестить, а неволею никаких иноземцев не крестить, и ясак с них не складывать, только их спрашивать, какой ради причины приходят ко Св. крещению, велеть им учинить исповедь. Которые Татары или иные иноземцы пойманы в смертных винах, и похотят креститься на том, чтоб быть им живым, и таких, буде с верою совершенно приступают, окрестя и дав им время довольное на покаяние, потом учинить по Уложению и по градским законам, да всякие беззакония истребятся; и которые языка, ниже веры сведомы, и тех скоро не крестить, да не будет вере Православной от них поругания, делать в том со многим опасьством и рассмотрением, испытая вины, чего ради иноземец крещения пожелает, внимали-б словесы Спасителей, реченные: сие кто верует и крестится, спасен будет».

Митр. Филофею помогали несколько ученых монахов, привезенных им из Киева. При нем крестилось до 40 000 *остяков, вогулов* и др. инородцев, для которых им выстроено было 37 церквей. Западную Сибирь он изъездил всю вдоль и поперек с проповедью св. веры. Истреблял он идолов, крестил народ сотнями. Проникал он на восток по Ангаре и Тунгузке; был и за Байкалом. Одного из своих сподвижников, *архим. Мартиниана*, он отправил в 1705 г. с проповедью на *Камчатку*. Тот воздвиг Успенскую пустынь, но малого достиг в миссионерстве. Непрестанный труд и суровый климат отразились на здоровье митр. Филофея. В 1711 г. он удалился на покой в Тюменский мон., приняв схиму с именем Феодора. В 1715 г., после кончины Святителя *Иоанна (Максимовича)*, заботившегося о просвещении инородцев, он, по настоянию Петра, вновь занял сибирскую кафедру. В 1720 г., уволенный вновь на покой, он жил в большой бедности, не прекращая своей миссионерской деятельности; скончался в 1727 г.

В 1728 г. в Успенскую пустынь была отправлена миссия, под начальством игумена *Иоанна*, которая успешно трудилась на Камчатке. Вскоре повелено было выстроить четыре храма. Обратившихся камчадалов насчитывали до 5000 человек. При имп. Елисавете, Синод, по сношениям с Сенатом, достиг посылки в 1742 г. новой миссии на Камчатку. Ее составляли: начальник миссии, образованный архимандрит *Иоасаф* (Хутунцевич), два иеромонаха, два иеродиакона и несколько студентов московской академии. В пять лет было крещено до 5000 камчадалов. Студенты обучали детей крещеных закону Божию и русской грамоте. Заведены были три школы, где с успехом обучали даже рисованью. В 1748 г. училось 200 детей. Архим. Иоасаф написал краткий катихизис для новокрещаемых. Миссия его имела семигодичный срок. В 1750 г. он оставил на Камчатке начальником миссии *Пахомия*. Он донес Синоду, что жители Камчатки, за исключением немногих, просвещены св. крещением и что важно направить туда священников и учителей. Пахомий умножил число училищ. Ревностью и благоразумием миссии христианство на Камчатке насаждено было так прочно, что и впоследствии камчадалы удивляли

своим основательным знанием христианских истин. Указом Сената 12 дек. 1762 г. повелено было: для ободрения детей крещеных камчадалов, обучающихся и имеющих обучаться в школах, когда они, по окончании учения, определены будут на службу (гражданскую), или способны в духовное звание, исключать из податного звания и производить им жалованье, положенное для воспитанников гарнизонных школ (Архиеп. Филарет).

После митр. Филофея новый подъем миссионерской деятельности в *Западной Сибири* относится ко времени имп. Елисаветы и к управлению Тобольской и всея Сибири епархией бывшего казанского миссионера, владыки *Сильвестра (Гловатского)*, правившего с 1749 по 1755 г. Своими решительными действиями против магометанства, он возбудил против себя татар. В особенности вызвали среди них волнения поднятое им дело об их пропаганде в Барабинской степи и в Оренбургском крае. Началось это дело в 1751 г. рассмотрением в Сенате жалоб тобольских и татарских бухарцев и служилых, а также ясачных татар. Сильвестр выдвинул против них свои обвинения. Он писал, что татары и бухарцы хулят Св. Крещение, называют христианство идолопоклонством, новокрещеных склоняют принимать магометанство, колют иконы, срывают с христиан кресты. «Барабинцев и неимущих никакого закона Остяков, Вогуличей, Калмыков в свой закон целыми деревнями превратили» – писал митр. Сильвестр. Владыка Сильвестр был переведен в Суздаль. Правительство назначило особую следственную комиссию. По свидетельству архиеп. Филарета, комиссия эта много повредила миссионерскому делу в Сибири. Члены комиссии – духовные и светские –, не быв подчиненными митрополиту и губернатору, ссорились между собою и потому сменялись один за другим. Наконец Сенат закрыл комиссию и передал окончание дел на совокупное рассуждение митрополита и губернатора. Западно-сибирская миссия постепенно стала слабеть, а при имп. Екатерине II пришла в полный упадок. Полезную деятельность развивал митр. *Павел (Конюсевич)*, правивший с 1758 по 1768 гг. Очень повредило миссионерскому делу отобрание в казну

монастырских имений. Обители были главным средоточием миссионерской деятельности.

Для успешного распространения христианства в восточной Сибири в 1706 г. открыта была *Иркутская* епархия, до 1727 г. входившая в состав Тобольской митрополии. Из святителей ея особенно прославились на миссионерском поприще два Иннокентия. Святитель *Иннокентий* (в мире Иван Кульчицкий), происходил из старой дворянской фамилии, род. в 1680 или 1682 г. в Черниговской губ. Воспитанник киевской академии, иеромонах Печерской лавры, он был с 1710 г. преподавателем московской академии и затем ея префектом. Оцененный Петром, Иннокентий был вызван им в Александро-Невскую лавру, став потом ея наместником. В 1721 г. он был хиротонисан во епископа, с наименованием переяславским, предназначенным для посылки «в Хинское государство (Китай) для проповеди слова Божия и ради размножения православной веры». Для успеха миссии не подчеркивалось, по желанию царя Петра, его епископство. По интригам иезуитов он не был допущен богдыханом в Пекин. Во время переговоров с китайскими властями, в иркутском Вознесенском мон. было открыто училище китайского и монгольского языков. Владыка Иннокентий проживал до назначения своего в Иркутск в *Селенгинском* монастыре. Трудна была его жизнь там без средств и в полной неизвестности судьбы своей. «Молитва, ежедневные богослужения, занятия иконописанием, беседы о вере с бурятами-буддистами, желание насадить среди них семена православия – все это придавало ему и бодрость духа, и утешение, и радость, что не бесполезно его здесь пребывание» (Прав. Богосл. Энциклопедия).

В 1727 г. владыка Иннокентий был поставлен во главе самостоятельной *Иркутской* епархии. Ревностно устроил он епархию и продолжал развивать миссионерское дело среди бурят и монголов. Много заботился он об иркутском училище. Проповедями просвещал грубых и порочных жителей, искоренял нестроения среди духовенства. Много скорбей пережил он в Сибири, перенося их со смирением. Преставился владыка 26 ноября 1731 г. Совершались чудеса у его гроба.

Причислен к лику святых в 1804 г., с установлением празднования 26 ноября. Открытие мощей – 9 февраля 1805 г.

Преемник его, епископ Иркутский и Нерчинский *Иннокентий (Нерунович)*, правивший с 1732 по 1746 г. сделал очень много для просвещения того края. Кроме *бурят*, он крестил многих *тунгузов* и *якутов*. Крещеные и благодетельствованные им тунгузы именовали себя *неруновскими*. В 1728 г. сообщено было правительству, что крестившиеся сибирские инородцы, вопреки имперским правилам, внесены в податное состояние частными лицами. Вследствие того тогда же было повелено возвратить новокрещеным свободу и не лишать ее впредь тех, которые будут обращаться к св. вере. Это много помогло успехам тобольских миссионеров, из числа которых верхотурский архимандрит *Сильвестр* обратил из язычества и магометанства до 2600 человек. Еще успешнее развивалось дело при имп. Елисавете. В 1748 г. оставил язычество *остяцкий князь Мурзин* со своим семейством, после чего были просвещены и др. остяки. В 1751 г. старанием игумена *Иова* обращено значительное число *бурят, тунгузов, вотяков* и *вогулов*. По преданию, туземцы р. Лены, особенно *якуты*, в первый раз начали обращаться к христианской вере с 1724 г. Неизвестны имена проповедников у них. Обращали их, по-видимому, русские невольные там поселенцы. Священники, приезжавшие из Якутска, довершали дело наставлениями и крещением. При имп. Анне приобретен был для России самый северо-восточный угол Сибири, – земля диких *чукок* и *чаукчей*. Во время экспедиции Беллинга в 1791 г. между чаукчами были уже обращенные в христианскую веру. В 1799 г. прот. *Григорий Слепцов*, испросив походную церковь, путешествовал с нею по всей области Якутской, даже до Чаука. Прот. Григорию не раз грозила опасность. В 1812 г. он был спасен от смерти чукотским старшиной Валюткою. В 1815 г. он принял постриг в якутском Спасском мон. с именем Георгия и продолжал свое миссионерство. (Архиеп. Филарет).

При имп. Екатерине II, когда миссионерское дело замирало и в восточной Сибири, ламство же, покровительствуемое правительством, завладевало бурятскими кочевьями, –

самоотверженно ревновал о христианстве прот. *Кирилл Суханов*. Выучившись тунгусскому языку, он с котомкой на плечах отправился к идолопоклонникам *тунгузам Даурии*. Владыка *Михаил (Миткевич)*, епископ иркутский (1772–1789) посвятил его в протоиереи и содействовал его проповеди. Он построил храмы, основал училища, поселил деревнями бродячих дотоле тунгузов и образовал из них искренних христиан. Тунгузы чтили память своего просветителя и назывались *сухановскими*.

Архиеп. Филарет пишет: «На помощь сибирским проповедникам по временам являл чудеса Дивный во святых Своих. Коммандор Беллингс пишет: «язычник тунгуз принес богатый дар рухлядии православной церкви. На вопрос: что это значит? отвечал он: это жертвую я Богу по моему обещанию за выздоровление брата моего, который на смертном одре не принял пособий шаманских, но призывал на помощь Николая угодника Божия и выздоровел».

Упорнее всех были против христианства *самоеды*. Они не только держались язычества долгое время, но преследовали принимавших христианство сибирских инородцев, грабили и убивали крещенных остяков, вырезывали сердца у убитых, ругались над крестом. В 1740 г. отправляли к ним миссионеров из Архангельска, но успехи были незначительные.

Христианство на американских островах, в Китае и на Кавказе

На *Алеутских* островах местных жителей ознакомили с христианством русские пришельцы времен экспедиции Беринга (ум. 1741 г.). Казак *Андрей Толстых*, открывший в 1743 г. *Андреяновы* о-ва, вероятно, первый начал крестить язычников.

Мещанин *Глотов*, открывший в 1759 г. *Лисьи* о-ва, окрестил малолетнего сына одного из местных родовых начальников. Вывезенный им на Камчатку и получив там некоторое образование, тот вернулся с властью главного тоена (начальника) и много содействовал распространению христианства. На о-ве *Кадьяке* впервые насаждал веру основатель Американской торговой компании, *Григорий Ив. Шелехов*, первый ктитор американских церквей. Директор компании *Делярев*, кротким и умелым поведением снискав доверие островитян, приблизил их к христианству. Шелехов в 1787 г. просил отправить миссию, которую со своим компаньоном *Голиковым*, брал на свое иждивение. Состав миссии выбран был из иноков *Валаамского* мон. настоятелем его архим. *Назарием*, согласно общим указаниям петербургского митрополита *Гавриила (Петрова)*. Миссия отправилась из Петербурга в 1793 г. Начальником ее был назначен валаамский иеромонах *Иоасаф (Болотов)*, получивший полное семинарское образование. В 1794 г. осенью они прибыли в *Кадьяк* и приступили к работе. В мае 1795 г. один из миссионеров писал: «Американцы весьма охотно идут креститься; крестились без малого тысяч семь. На *Уналашке*, куда загнал нас ветер, они своею ласковостью и желанием креститься весьма удивили нас. На *Кадьяке* так усердно принимают крещение, что все свои шаманские наряды изломали и сожгли.» Проповедники были так одушевлены, что спорили кому идти в места более опасные. Иером. *Макарий* огласил проповедью *Уналашкинский* архипелаг. В том же 1795 г., иером. *Ювеналий* отправился из *Кадьяка* в *Нучен*, где, окрестив более 700 душ *Чугач*, перешел в *Кенайский* залив и окрестил всех тамошних жителей; а на следующий год

(1796), он перешел на Аляску, к озеру Ильямне или Шелехову, где кончил свое равноапостольное служение вместе с своею жизнью, послужив Церкви более всех своих собратий. Его убили дикие жители. Причиной смерти его, сказывают, было сколько то, что он с первого раза велел диким, принимающим св. крещение, оставлять многоженство, столько и то, что тамошние тоены и почетные люди, по убеждению о. Ювеналия, отдавали ему своих детей для обучения в Кадьяке, но когда о. Ювеналий отправился от них, то дикие раскаялись в своем поступке и тотчас пустились в погоню за ним, и, догнав, напали на него. Говорят, что о. Ювеналий, при нападении на него диких, совсем не думал бежать, ни защищаться, что мог бы сделать с успехом, особенно имея при себе огнестрельное оружие, но он без всякого сопротивления сдался им в руки, и только просил пощады его спутникам, что и было исполнено. Спустя много времени американцы рассказывали, что о. Ювеналий, будучи уже убит, встал и шел за своими убийцами, говоря им что-то. Дикие, считая его живым, опять напали на него, и били, но лишь только отошли от него, он опять встал и пошел за ними и это повторялось несколько раз; наконец дикие, чтобы совсем отделаться от него, искрошили его в куски. Только тогда умолк ревностный проповедник и, можно сказать, мученик слова Божия, но не умолкла сила его слова: на том месте, где были останки проповедника, тотчас, сказывают, явился дымный столб, простиравшийся к небу.

В то же время на Еловом о-ве начал свою, продолжавшуюся 40 лет, просветительную деятельность монах *Терман* († 1837 г.). Воспитывал он сирот алеутов – мальчиков и девочек, обучал грамоте, Закону Божию, рукоделию и подготовлял их к крещению. Архим. Кадьякской миссии, архим. Иоасаф (Болотов), в 1799 г. был поставлен в Иркутске епископом Камчатским и Американским. Возвращаясь на Кадьяк на корабле Американской компании «Феникс», он потонул с кораблем в море. Заместитель ему назначен не был.

П. Знаменский пишет: «Кроме Америки, за границами России православие, как известно, еще в конце XVII в. распространялось в Китае. По мысли митр. Филофея

тобольского, в 1715 г. с согласия богдыхана в Пекин была отправлена первая русская миссия из 10 лиц под начальством архим. *Елариона Лежайского*. Богдыхан принял ее ласково, дал ей содержание и дозволил православное богослужение в каменной церкви при Русской роте. В 1721 г. туда отправлен был даже епископ св. Иннокентий, но не был допущен в Китай. Существование русской миссии в Пекине было упрочено трактатом России с Китаем 1728 г., при чем содержание ее предоставлено русскому правительству; состав ее определен в 10 человек (4 духовных и 6 светских) с переменой чрез каждые 7 лет. В своей деятельности она ограничивалась скромными пределами попечения только о своей русской пастве, не пускаясь ни в пропаганду, ни в политику, как миссии западные, и заслужив этим полное доверие подозрительных Китайцев, служила постоянно удобной посредницей между Россией и Китаем.»

Православие, некогда широко распространенное между *кавказскими* племенами, было давно уже подавлено здесь язычеством, а более всего магометанством, распространявшимся из Персии и Турции. Но в горах Кавказа еще повсюду сохранялись ясные следы его в развалинах древних храмов, в народных обрядах, в почитании св. Илии пророка и некоторых других святых, в соблюдении некоторых постов и праздников и в христианском оттенке самих суеверий народа. Со времени царя Петра русская Церковь ближе соприкоснулась с грузинскою Церковью. В 1746 г. по предложению грузинского архиепископа *Иосифа*, Св. Синод послал к *осетинам* миссию. Состояла она из *грузин* – архим. *Пахомия* и двух игуменов, всех знавших местные язык и нравы. До 1767 г. они крестили более 2000 осетин. Но все-же они не смогли сойтись с последними и раздражали их, вмешиваясь в их мирские дела. В 1771 г. Синод отправил новую миссию, состоявшую, главным образом, из русских. Главой ее был ученый прот. *Лебедев*. Синод снабдил миссию инструкцией. За 20 лет миссия обратила до 6000 осетин.

Положение православных горцев ухудшилось в конце XVIII века. Архиеп. Филарет пишет: «Кайнарджийским миром (1774 г.)

черкесы, абхазцы и другие горцы предоставлены распоряжению ислама, тогда как при царе Иоанне Грозном они сами отдавались во власть единой России. Порта поспешила отправить проповедников Ислама на Кавказ; они быстро распространили там исламизм и вооружали горцев фанатической ненавистью против России: с высот Кавказа исламизм развивался и по степям при-Кавказья. Между чеченцами явился *Шах-Мансур* с именем пророка, и горцы, по его призыву, понесли смерть и опустошение в поселения христианские, принуждая христиан к магометанству.» Для противодействия магометанству в 1789 г. грузин *Гай (Токаов)* был поставлен епископом моздокским, викарием астраханского епископа, с возложением на него обязанностей надзора за осетинской духовной миссией. Новая миссия просветила св. крещением до 1799 г. 6000 человек и обучала детей. В 1799 г. владыка Гай был переведен в Саратов и после этого не было епископа в Моздоке. Затем Кавказ подвергся усиленной пропаганде Ислама, ослабившей последние успехи Православия.

Грузинская Церковь, еще с XVI в. возлагавшая, в своих бедствиях, надежды на единоверную Россию, не переставала пользоваться ее попечительным вниманием. В XVIII в. Россия радушно принимала у себя грузинских эмигрантов и заботилась о церковных нуждах Грузии, особенно страдавшей от турок и персов с 1723 до 1744 гг. В 1737 г., по просьбе царевича *Бакара*, Синод разрешил напечатать в Москве на грузинском языке богослужебные книги и Библию. С *Бакара* взята была подписка, чтобы печаталось согласно со славянскими книгами, потом пересматривалось Синодом. Грузинская типография находилась в с. *Всесвятском*, близ Москвы. Библия, исправленная, по текстам – еврейскому, сирскому и славянскому, архиеп. *Иосифом (Самабелли)*, издана была в 1743 г. Богослужебные книги исправлял архиеп. *Афанасий*. В 1755 г. прибыл в Россию изгнанный экзарх *Антоний*. После того, как исповедание его было одобрено Синодом, он в 1757 г. был архиепископом Владимирским, каковым пребывал до 1762 г.

Был он и членом Св. Синода. Для Грузии он перевел много полезных русских книг.

По присоединении в 1783 г. *Крыма*, имп. Екатерина II предоставила крымским татарам, принимающим христианство, избрать какой угодно род жизни. На таврических мурз и князей магометан распространено было запрещение приобретать крепостных людей христиан. Архиеп. херсонский и екатеринославский *Амвросий (Серебряков)*, правивший с 1786 по 1792 гг., написал сравнение христианской веры с Алкораном. Были случаи обращения таврических магометан в христианство.

В царствование имп. Екатерины II, после разделов Польши, в состав Империи вошло большое количество *евреев*. Императрица предписала не полагать в подушный оклад евреев, принимавших христианство.

Страдания православных в польских областях. Униаты

В XVIII веке православные, находившиеся в пределах, все более разваливавшегося, польского государства, испытывали большие гонения от католиков. Правительство издавало суровые законы против православных. В 1717 г. запрещено было строить православные храмы и починять ветхие. Затем отнято было у православных право участвовать в сеймиках для избрания депутатов на общий сейм. В 1733 г. сейм устранил всех «диссидентов» (православных и лютеран) от всех общественных должностей. Все это делалось под давлением пап и их епископов. Поощрялись фанатические выступления против православных.

«Трудно изобразить все жестокости», пишет архиеп. Филарет, «какие позволяли себе делать против православия. Не оставалось позорного имени, которым не клеймили бы публично православных. Теперь веру их называли уже не только *холопскою верою*, но верою *арианскою, собачьею*. Украина и Белоруссия назывались *partes infidelium* – «странами неверных»; туда отправлялись толпы базилиан и доминиканов, в виде миссионеров, а им на помощь спешили меч и инквизиция. Православных священников привязывали к столбам, били плетью, сажали в тюрьмы, морили голодом, травили собаками, рубили им саблями пальцы, ломали руки и ноги; кто и затем оставался еще в живых, но не хотел унии, тех выгоняли из домов, и приюта изгнанникам и семействам их не смело давать сострадание. В 1736 г. епископы папские выпросили у короля универсал – не иначе поставлять православных священников, как по соизволению самого короля, а помещики давали одобрения (*prezenta*) только соглашавшимся на унию. – На монастыри днем делали нападения, грабили или жгли их, монахов терзали, чем могли, часто убивая до смерти. Не говорим об имениях церковных и монастырских, которые были отнимаемы разбоем. Деревенских

обывателей и мещан мучили безчеловечными пытками, чтобы сделать униатами, или римлянами.»

Епископ могилевский Георгий Конисский, во второй половине XVIII в., говорил в слове, произнесенном в Виленском монастыре: «Духовные и сильные мирскою властью гоняли православный народ, как овец, в костел, или униатский храм. Во время самого чтения евангелия входил в храм приказчик, бил народ плетью и гнал его, как скот из хлева. Многие претерпели разорение домов, мучительные побои, а другие и самую смерть... Детей били розгами пред глазами матерей, матерей – пред глазами детей. Тут вопли и рыдания, какие слышны были, может быть, только при Ироде...» «На моих глазах», продолжает пастырь-проповедник, «несколько раз секли девицу сперва розгами, потом шиповником, чтобы отреклась от веры нашей, и – не отреклась. Женщину с грудным младенцем полгода держали в тюрьме; младенца она лишилась там же, а муж бит и замучен особо; ей самой жгли пальцы, чтобы отреклась нашей веры, и – не отреклась. Другая в местечке Невле закована была в куницу (в железный тесный ошейник) и удушена.»

По трактату вечного мира России с Польшей, заключенному в 1686 г., первая получила право ходатайствовать за православных жителей Речи Посполитой. С тех пор несчастное православное население постоянно обращало взоры свои на Россию и ждало от нея помощи. В 1722 г. еп. Сильвестр, прибыв в Москву, горько жаловался Петру I на шляхтича Свяцкого, который, принуждая священника своей вотчины в Оршанском повете к унии, подверг его ужасному истязанию несколькими палочных ударов. Когда владыка, встретив его на дороге подле Могилева, стал говорить ему об обидах священника, Свяцкий нанес ему два удара саблей и ранил руку. Петр приказал своему посланнику в Варшаве кн. С. Г. Долгорукому послать в Могилев комиссара Игнатия Рудаковского, который должен был исследовать обиды, наносимые православным. Канцлеру гр. Головкину приказано было дать знать о гонениях в Рим кардиналу Спиноли, для представления о том папе: «Его величество в своей империи – говорилось в этом сообщении –

не допускает чинить никакого препятствия в отправлении духовным римского исповедания, паче же им позволяет всякую свободу и костелы. А ежели католики польские и литовские не престанут такое гонение чинить христианам греческого закона, принуждая их с таким непристойным насилием к унии, то его величество принужден будет против своего намерения повелеть, в репрессалию оною, духовным латинского закона, в России обретающимся, отправление того закона запретить». Тогда же обратился к императору прусский король с ходатайством за гонимых в Польше протестантов.

По кончине имп. Петра, Рудаковский был отозван из Могилева, что опечалило еп. Сильвестра. В 1725 г. владыка писал имп. Екатерине I: «По отъезде комиссара из Могилева, двоих служителей моих посадили в тюрьму безо всякой причины, оковали им руки и ноги, стоящих к стене за шею приковали и шесть недель голодом морят; боясь такой же беды, прочие духовные и мирские люди разбежались, оставя меня с одним священником. Если не прислан будет скоро комиссар, то принужден буду оставить церковное правление. Тем сильнее действуют иезуиты на могилевских мещан, которые не надеются больше на русское покровительство. Также недавно прислали ко мне мещане бешенковицкие с жалобою, что Православный священник от них изгнан, и скоро они принуждены будут сделаться униатами. Виленский бискуп Чернявский постановил, чтоб церкви Православные не строились выше школ жидовских; в Орше запрещено строить каменные церкви; а частные обиды делаются Православным каждый день.» В 1728 г. еп. Сильвестр, за месяц до своей кончины, писал имп. Петру II, высказывая опасения, что после его смерти униаты постараются «восхитить преѠтол Белорусский». Назначенный его преемником, архим. Межигорского мон. Арсений Берло, не был признан королем потому что он из Киева и не является польским шляхтичем. В 1732 г. епископом белорусским был избран польский шляхтич *Иосиф (Волчанский)*, игумен киевского Пустынно- Николаевского мон.

Польский король Август III, избранный после смерти отца при поддержке России, обязался на коронационном сейме в январе 1734 г. сохранить православным все их привилегии. Обещано было в 1736 г. успокоение православным и на пацификационном сейме. Но при слабом короле обещания оставались без исполнения. Еп. Иосиф в 1740 г. молил Сѹнод о защите или об увольнении его, т. к., по старости и болезни «отнюдь никакими мерами самому собою удержати ежечасно умаляющегося святого православия невозможно». Тогда же новый комиссар-резидент Голембовский писал канцлерам литовскому, коронному и примасу об обидах православным. Примас ему ничего не отвечал. «Да от него», доносил резидент Сѹноду, «ничего иного ожидать не можно, ибо он к римской католической вере зело ревнителен и весь свет к сей вере привлеци хочет». Примасом королевства, с званием архиепископа гнезненского, был с 1738 г. Христофор Шембек. Русский посланник гр. Кейзерлинг писал про Шембека что «у него для распространения веры все дозволяется и за безгрешно поставляется».

В 1742 г. епископ Иосиф был назначен архиепископом московским. Белорусским епископом был поставлен с 1744 года брат его, *Иероним (Волчанский)*, бывший старшим виленского Святодуховского мон. Имп. Елисавета старалась заступаться за православных. 15 ноября 1743 г. она поручила резиденту Голембовскому сделать польскому правительству заявления о гонениях, претерпеваемых православными, с угрозой прибегнуть к силе. Отмечая наижесточайшия гонения, государыня писала ему, что «с бедными людьми не иначе обходятся, равно как бы оные весьма и христианскому обществу не принадлежали и их Божия служба преступлением, а церкви и монастыри их соблазнительными домами были». 24 ноября того же года императрица послала к королю грамоту, требуя «совершенной по трактатам сатисфакции православным и возвращения отнятых на унию монастырей и церквей с их имениями». Король обещал все это прекратить. На королевский же о сем указ, канцлеры и католические и униатские власти сообщили, что жалобы православных неосновательны. Ни к

чему не привела и созданная Комиссия для разбора приносимых православными жалоб, в составе назначенных русских и поляков членов ея. Епископ Иероним не верил в то, что Комиссия поможет. Он писал Голембовскому в 1747 г.: «Не только ни одно духовное лицо не может явиться в комиссию с своими жалобами, но и ко мне являться с жалобами им запрещают. Духовенство боится бывать у меня и с своими церковными нуждами; а которые прежде письменно доносили мне о своих обидах, – те теперь очень об этом жалеют боясь за свое здоровье и жизнь, видя пример священника Расенского – Цитовича, который для сохранения жизни оставил церковь, дом, жену и детей, ушел в Могилев, скитается здесь теперь и, для спасения от смерти, собирается уйти за границу. Огинский, надворный маршалок Литовский, в нынешний проезд свой в Вильну для открытия трибунала, заехал в Борисов, где приказал всем обывателям стать перед собою, склонял их к унии и, наконец, приказал борисовскому своему подстаросте, что если кто подаст мне жалобу на религиозное гонение то для таких челобитчиков поставить колья и виселицы, причем запретил починку церкви и колокольни, венчание, крещение младенцев и прочие обряды.» Владыка Иероним едва не был убит в 1748 г. Кавецким, слугою пана Занкевича буянившего в его доме, потом напавшего на архипастыря на дороге, ругавшего владыку и стрелявшего в него из пистолета. Папа не переставал разжигать фанатизм в магнатах и духовенстве. По кончине в 1754 г. еп. Иеронима, он настаивал не допускать избрания преемника ему.

В Киеве 20 авг. 1755 г. епископом белорусским был посвящен ректор тамошней академии, архимандрит *Георгий Конисский* (по актам Кониский). В мире Григорий, сын бургомистра г. Нежина, он родился в 1717 г. Отлично окончив киевскую академию, он потом преподавал в ней пиитику, богословие и философию; в 1744 г. принял постриг в Лавре. Знаменский так описывает то время и пережитое новым епископом, с 1783 г. архиепископом: «Георгий Конисский однажды ве Орше едва спасся от католического изуверства, выехав из города в телеге, прикрытой навозом; в другой раз

толпа иезуитских школяров напала на его собственный архиерейский дом, перебила и переломала все, что попало под руку, архиерейских людей и монахов избила и изувечила, сам же архиерей едва успел укрыться в одном сыром подвале. Иезуиты не редко таким образом натравливали своих школяров на самые возмутительные насилия; эта нафанатизированная ими молодежь делала опустошительные набеги на православные церкви и монастыри, разбивала похоронные и др. процессии православных, при чем нечестиво ругалась над святынями, топтала ногами кресты, рвала облачения. Все подобные вещи представляемы были в виде только детских шалостей и оставались безнаказанными. Другим подручным воинством иезуитов были разнузданные польские жолнеры и уличная чернь. Но и сами паны и польские власти постоянно прибегали к насилиям и жестокостям, как только им приходило в голову возревновать о распространении католичества или унии. То там, то в другом месте пан начинал приводить в унию «схизматицкого» попа, бил его плетью, морил в тюрьме, кормил в насмешку одним сеном, запрягал в телегу для возки воды или навоза, травил собаками, рубил пальцы и т. п. Приказчик пана силой врывался в православную церковь во время богослужения и выгонял плетью и народ, и духовенство. Духовная католическая власть смотрела на Белоруссию и Украину, как на *partes infidelium*, и снаряжала туда целые миссии из базилиан и доминикан под прикрытием жолнеров; миссия загоняла народ, как скот, плетью в костел или униатскую церковь и всех записывала в число обращенных, а несогласных на такое обращение отдавала под суд, как отступников. Православные церкви обращались в униатские, остававшиеся за православными запрещено было ремонтировать. Сама уния была все более и более наклоняема к сближению с католичеством».

Чистович пишет о владыке Георгии: «В первые годы своего правления он был не в лучшем положении, чем его предшественник, и посылал жалобу за жалобой на оскорбления, которым постоянно подвергался. Но он имел свойства, каких не имел его предшественник. Кроме того, что он был еще молод

(ему было 37 лет) и выносив, он был довольно гибок и под час уклончив, умел найтись во всяком затруднительном положении и не только не потеряться в самых затруднительных обстоятельствах, но еще подметить и направить в свою пользу слабые стороны своих противников. По складу его малороссийского ума, самые серьезные донесения его правительству блещут юмором и остроумием. Ирония и острота пробиваются у него сквозь слезы. Грустно, невыносимо тяжело: а малороссийский юмор все-таки берет свое».

В сентябре 1762 г. владыка Георгий, присутствуя на коронации имп. Екатерины II, в трогательной и сильной речи пред ее троном, изобразил тяжелое положение православных в польских владениях. Императрица решительно выступила в защиту православных, давая указания своим посланникам в Варшаве. В 1764 г., при поддержке государыни, избран был польским королем граф Станислав Понятовский, принявший имя *Станислава Августа*. «Георгий (1765 г.)», пишет архиеп. Филарет, «с трогательным красноречием изобразил пред ним всю тягость страданий православного народа и всю несправедливость польского правительства. «Одна только вера, — говорил исповедник-пастырь, — ставится нам в преступление ... Христиан гнетут христиане, верных — верные, более, чем неверные. Наши храмы, где прославляется Христос, затворены, а жидовские синагоги открыты. Что мы не дерзаем преданий человеческих ставить наравне с вечным законом Божиим, не мешаем с небом земли, за то называют нас раскольниками, еретиками, отступниками. За то, что страшимся бесстыдно поступать против совести, присуждают нас в темницы, на раны, на меч, на огонь.» Король глубоко тронут был и сказал: «все будет подтверждено вам, на что имеете прежняя права». Речь Конисского обратила на себя внимание всей Европы: ее переводили на все языки и читали с скорбью. Отголоском живейшего участия Европы в судьбе диссидентов служили самые дела дворов: вслед за твердою нотою князя Репнина о восстановлении в Польше прав иноверцев, дворы: английский, прусский, шведский, датский потребовали того же от Польши. Сейм, увлеченный фанатизмом краковского бискупа

Каэтана Солтыка, отверг требования пяти дворов; – мало того, – положил еще более стеснить свободу в вере. Это решение произвело всеобщий ропот в Польской Пруссии и в Литовском княжестве. В Торне и Слуцке составились конфедерации дворян с протестациею против сейма. Вслед за тем явились союзы в других местах, числом до 200. Георгий издал тогда древняя «права и вольности жителей греческого исповедания в Польше и Литве». Императрица издала манифест и велела двинуть войска к Польше.

Король, доселе не совсем согласный с стороною диссидентов, созвал новый сейм.

В 1766 г. состоялся сейм. Кн. Н. В. Репнин, вместе с министрами датским, прусским и английским, сделал польскому правительству заявление, что их дворы согласились действовать в защиту православных и диссидентов, почему ими требуется восстановление диссидентов во всех их древних правах и вольностях. На сейме особенно резко выступал против краковский бискуп Солтык. «Если-бы я увидел – кричал он – отворенные для диссидентов двери в сенат, избу посольскую, в трибуналы, то заслонил бы им эти двери собственным телом, пусть бы стоптали меня. Если бы я увидел место приготовленное для постройки иноверного храма, то лег бы на это место, пусть бы на моей голове заложили краеугольный камень здания». Речи его производили впечатление на фанатическую толпу сеймовых послов. Требования России и других держав оставлены были без удовлетворения. Решение это возмутило имп. Екатерину. На донесении Репнина об исходе сейма она написала: «достоинство наше и истинные от Бога вверенной империи требуют привести единожды к желаемому окончанию толь явно и торжественно начатое дело». Репнин начал действовать. Благодаря его стараниям, в 1767 г. явились две конфедерации: одна в Торне, в состав которой вошли диссиденты, другая – на Волыни, в Слуцке, к которой примкнули диссиденты и православные. Акт последней конфедерации подписал и еп. белорусский Георгий, на ней присутствовавший. Репнин сумел организовать конфедерацию и из католиков, недовольных королем и Чарторыйскими, его выдвинувшими.

Все три конфедерации соединились в одну общую в Радоме. Репнин заставил примкнуть к конфедерации и короля. Для узаконения прав православных и диссидентов конфедераты требовали созыва чрезвычайного сейма. В 1767 г. он был созван. Снова резко выступил бискуп Солтык, поддержанный киевским бискупом Залусским и краковским воеводою Вацлавом Ржевусским. Поощрял их папский нунций. Низшее духовенство и монахи проповедывали в стране необходимость стоять за католичество. Репнин, опираясь на воинскую силу, распорядился схватить этих трех лиц и отправить их в Россию. Сейм смирился. Назначена была делегация сейма, которой поручено было разработать проект улучшения положения православных и диссидентов. Выработанное ею длинное положение принято делегатами 13/24 фев. 1768 г. Сейм возобновил свои занятия 15/26 февр. 1768 г. и прежде всего утвердил положение (трактат). Таким образом, имп. Екатерина II, стремившаяся, как и прежние русские монархи, облегчить горькую участь православных в Речи Посполитой, достигла намеченной цели: сейм возвратил им все гражданские и церковные права и преимущества. Римское исповедание продолжало считаться господствующим в Польше. Папа Климент XIII сильно укорял короля Станислава за постановления сейма. Тот ответил: «не уступая немного, потеряем все». Особым договором 1768 года между Россией и Польшей постановлено: «Белорусского епископа навсегда сохранить при восточной вере со всеми монастырями, церквами и их фундациями...»

Вместе с еп. Георгием на сейм ездил известный борец за православие, игумен *Матронинского мон.* в Чигиринской области *Мельхиседек (Значко-Яворский)*. Он был ближайшим сподвижником, тоже ревнителя веры, епископа Переяславского, *Гервасия (Линцевского)*, прав. с 1757 по 1768 г. Переяславская кафедра была средоточием народного движения для отстаивания православия. Ей подчинены были православные приходы польской Малороссии. В Переяславе ставились священники для строившихся по селениям храмов. В то время

отдельные приходы уходили из унии. Мельхиседек вернулся в Малороссию с грамотой короля о прекращении гонений.

Польская шляхта и католическое духовенство не пожелало признать постановления сейма. Каменецкий бискуп Красинский ходил в одежде пилигрима по Польше, возбуждая ненависть к диссидентам. Папский нунций и духовенство в проповедях проповедывали *крестовый поход* против православной России. 29 февраля 1768 г. состоялась конференция в подольском городе *Баре*. Лозунгом ее было «за веру и свободу – т. е. в защиту умаленных прав католической церкви и против покровительства России, которая получила право надзора за внутренней жизнью Польши. В борьбе за свои права «Барские конфедераты» не щадили православного народа. Архимандрит Матронинского мон. Мельхиседек был посажен в тюрьму. Начались истязания священников и православного народа. Некий Кожевский был обвернут пенькою и сожжен. Тогда малороссийский народ восстал против поляков. Началось восстание *гайдамаков*, носившее название *колиивщины*. Еп. Гервасий и архим. Мельхиседек не смогли удержать взрыв народной ненависти. Избивались беспощадно евреи, униатские священники, ксендзы, палы; разорялись усадьбы последних. Страшному разгрому подвергся гор. Умань – «*уманская резня*».

Соловьев, отмечая, что польский король безпристрастно и правдиво отнесся к происшедшему, приводит письмо Станислава-Августа к Жофрэн: «Несколько фанатиков стали грозить крестьянам нашей Украйны всевозможными бедствиями, если они не перестанут быть Греками неуниатами и не обратятся в Греков униатов, т.-е. не перестанут объяснять Троицу, как объясняют ее в Петербурге, и не начнут объяснять ее по римскому способу. Судите, могут ли несчастные крестьяне тут понимать что-нибудь? Но этого было достаточно, чтоб возмутить их, а восстание этих людей не шутка! Их много, они вооружены и свирепы, когда возмутятся. Они теперь побивают своих господ с женами и детьми, католических священников и Жидов. Уже тысячи человек побито. Бунт распространяется быстро, потому что фанатизм религиозный соединяется у них с жаждою воли. Фанатизм греческий и рабский борется огнем и

мечем против фанатизма католического и шляхетского. Верно одно, что без Барской конфедерации этого нового несчастья не было бы»³⁹).

Король обратился за помощью к имп. Екатерине против *конфедератов* и *гайдамаков*. Русские войска усмиряли и тех и других. К сожалению, кн. Репнин принадлежал к числу вольнодумцев и не заботился о том, чтобы, при этом усмирении, не страдали бы слишком православные, доведенные до отчаяния. В подстрекательстве к беспорядкам он обвинил еп. Гervasия и архим. Мельхиседека. Оба они отправлены были на покой в Россию. Польша за все это поплатилась первым ее разделом в 1772 г. Россия получила тогда Белоруссию. Польша обязалась успокоить православных, еще оставшихся в ее пределах.

В Малороссии, оставшейся под *польским владычеством*, положение православной Церкви не изменилось. На православных правительство продолжало смотреть с опаской, страшась новой *колиивщины*. Большую враждебную деятельность, в особенности в воеводствах киевском и брацлавском, развивали униаты, под водительством их митрополита Иасона Смогоржевского. При содействии польских помещиков отнимались у православных церкви и передавались униатам. Последними, по данным М. Кояловича⁴⁰), в 1776 г. отнято 800 церквей. В 1782 г. гетман Браницкий, владевший громадными имениями в Белоцерковщине, православные приходы, кроме одного, передал униатам. Исключения составляли магнаты кн. Ксаверий Любомирский и молодой кн. Адам Чарторыйский. Любомирский 12 марта 1782 г. писал переяславскому епископу Илариону, что «униаты ездят из села в село и насильно отнимают церкви, выкидывают священников из их собственных домов», и советовал донести об этом русскому послу в Варшаве.

Для управления православными в польских владениях в 1785 г. назначен был новый переяславский епископ *Виктор (Садковский)*. До этого он девять лет пробыл в Варшаве, занимая должность капеллана домово́й церкви русского посольства и заслужил уважение за заботы об единоверцах;

потом был посвящен архимандритом в Слуцк, с присвоением ему некоторых архиерейских отличий. Будучи епископом в Слуцке, он вел упорную борьбу за православие. В 1787 г. в Тульчине он принес присягу на верность Речи Посполитой. Сразу же началась кампания против него. Говорилось, что он возбуждает чернь к резне католиков, что в архиерейском доме и в монастырях приготовлены склады оружия и т. п. В апреле 1789 г. он был схвачен на дороге около Слуцка и увезен в оковах в Варшаву. Произведенные обыски конечно ничего не обнаружили. Владыка Виктор освобожден из ченстоховского мон. русскими войсками перед вторым разделом Польши. В 1796 г. он был перемещен в Чернигов, где скончался в 1803 г.

В Польше же продолжались внутренние смуты. Страдали при этом и православные. Многие православные священники бежали из польских владений в киевскую и екатеринославскую епархии. В Варшаве намечалось создание церковного управления, независимого от Св. Синода. Предположено было подчинить православную Церковь в Польше константинопольскому патриарху, который в 1790 г. проявил сочувствие этому. В 1791 г. состоялась в Пинске генеральная конгрегация православных. Участвовали в ней 96 представителей духовенства, шляхты и мещан. На ней присутствовали некоторые католики и униаты. Вынесено было постановление о подчинении константинопольскому патриарху. Во главе Церкви должен был стоять архиепископ, с титулом митрополита. При рассмотрении этого постановления в сейме, против него выступали более рьяные католики, но все же проект был одобрен. Возражал папский нунций. Внутренняя неурядица в Польше помешала осуществлению этого проекта. Смута внутри Польши привела в 1793 г. ко второму ее разделу. К России вернулась оставшаяся часть русских земель: Волынь, Подолия и Минская область. Образовалась отдельная минская епархия. Католикам и униатам предоставлены были свобода совести и прав. В 1794 г. вспыхнуло в Польше восстание, под водительством Косцюшки. В Варшаве в Великий Четверток под ножами тайных убийц пало более 2000 русских воинов. В том же году Варшава взята была штурмом Суворовым. В 1795 г.

последовал *третий и последний раздел Польши*. К России присоединены были Литва и Курляндия. Из русских областей досталась Австрии древняя русская Галиция.

В течение XVIII в. уния все более приближалась к католичеству. В 1720 г. *Замойский униатский собор* с этой целью распорядился издать для униатских церквей новые служебники, исправленные на католический лад и со включением в символ веры прибавки: и от Сына. С этого времени в униатских церквях стали понемногу уничтожаться иконостасы и появляться католические престолы, завелись исповедальни, скамьи для молящихся, органы, звонки и др. католические принадлежности. Униатские священники начали брить бороды и носить одежду похожую на католическую.

После сейма 1767 г. еп. Георгий знал, что тысячи униатов готовы бросить ненавистную им унию, но еще не решаются. Некоторые униатские епископы в Варшаве доверительно ставили его в известность, что им не сладка уния и «папская юрисдикция». Сообщая об этом обер-прокурору Мелиссино, еп. Георгий писал: «... И то делают они не только собою, но и от прочих братии своей епископов; понеже на них (речь шла о полоцком архиеп. Смогоржевском и коадьюторе еп. Владимирском Молодовском), яко ученыхших, все прочие слагаются». Он советовал им обратиться непосредственно к императрице, но они опасались быть обвиненными в государственном преступлении. Получив согласие кн. Репнина на то, чтобы желающие обратиться в православие объявили о своем желании письменно в местных судах и спешили переходить до ратификации договора 1768 г., еп. Георгий дал знать о том чрез свою консисторию. К нему поступило много просьб об этом. Он послал заявления кн. Репнину для засвидетельствования. Это было в феврале 1768 г. В начале марта униатские епископы подали королю Станиславу записку о возвращении к греко-российской Церкви по соглашению его с императрицей. Еп. Георгий поставил об этом в известность Мелиссино. Императрица *Екатерина II* не пожелала требовать от Польши свободы и безопасности для желающих возвратиться

в православие. Дело задержалось на восемь лет. Все же вернулось 130 000 человек.

Имп. Екатерина строго придерживалась начал *веротерпимости*. Католическая белорусская церковь получила даже выгоднейшее положение, чем православная. В 1773 г. государыня дала ей особого *католического* архиепископа *Станислава Сестренцевича* и снабдила его богатейшими средствами. Сумма доходов его простиралась до 60 000 р., тогда как православный белорусский епископ получал всего 6000 р. В 1790 г. учреждены были еще три католические епархии. Католические монастыри сохранили все свои владения, тогда как православные подверглись секуляризации. (Знаменский).

Униатская церковь была тоже устроена в виде *Полоцкой архиепископии*. Имп. Екатерина оставила неприкосновенным даже орден *иезуитов*, несмотря на то, что в 1773 г. он был упразднен папой, по настоянию европейских государей. Орден, основавшись в *Полоцке*, завел там свой новициат, обратившись в иезуитскую коллегию, и деятельно занялся своим обычным делом – пропагандой латинства.

По мере того, как *униаты* освобождались от железной власти польских католиков, они бросали унию и возвращались к вере отцов. В 1794 г. Синод сделал распоряжение отправить к минскому архиепископу способных священников и 2500 антиминсов. К концу царствования имп. Екатерины II число воссоединившихся униатов дошло до двух миллионов и 2300 храмов стало собственностью православия. (Архиеп. Филарет).

«Георгий Конисский (или Кониский, как в актах) », пишет «Правосл. Богословская Энциклопедия», – «архиеп. белорусский, «необычайный иерарх русской церкви», «апостольский трудник» в борьбе с латинством и унией за православие и русскую народность; он был выдающимся деятелем в церковно-религиозной и политической жизни северо-западной России второй половины XVIII-го столетия. Как искусному политическому деятелю и неусыпному пастырю, ревностному защитнику православия и русской народности, ему Белоруссия обязана не только сохранением своей

православной веры при всех невзгодах, какие приходилось ей испытывать под властью польского правительства, но и освобождением ее от того тяжелого польского ига, под которым 200 лет она страдала. Ему в значительной степени была обязана и Россия успехом не только первого, но и других разделов Польши. Ему также принадлежит начало и великого дела воссоединения униатов с православною церковью. Если бы не Конисский, то – кто знает? – может быть белорусская церковь еще долгое время и после 1772 года томила бы под гнетом фанатизма и изуверства католиков. – Известен Георгий так же и как славный церковный оратор, «восхищавший Белоруссию своими умными и трогательными поучениями и удивлявший иногда даже самих иностранцев». Проповеди его – жизненные, с практическим направлением – служат для историка верным показателем религиозно-нравственного настроения екатерининского века и прекрасным памятником безбоязненного и своевременного обличения распространявшегося неверия, вольнодумства и порчи нравов современного Конисскому белорусского общества.»

Среди самих ревнителей унии возникло стремление к сближению ее с Православием. Униатский архиепископ *Иракий (Лисовский)*, правивший с 1784 г., начал усердно производить очищение унии от всех вошедших в нее католических примесей. Для изучения православной обрядности он предпринял путешествие на Восток до Иерусалима. Желая более походить на православного архиерея, он отпустил бороду и облекся в рясу, почти не употреблявшуюся у униатского духовенства. В последний год царствования имп. Екатерина собиралась сокращать число униатских монастырей, составлявших в этой церкви главную силу латинской партии. Но она не успела привести свое намерение в исполнение.

Император *Павел I* 18 марта 1797 г. издал указ в ограждение совести крестьян, которых помещики, по наущению патеров, насильно отторгали от православия к унии, или от унии к Риму. Синод разрешил обратившимся из унии, по их желанию, совершать местные обряды, утвердившиеся временем, но не противные православию. Но, вместе с тем, в это царствование

католичество окрепло. Объяснялось это страхом перед все усиливавшейся французской революцией и мнением, что против увеличивавшегося в Европе гонения католичество одно может быть твердой опорой. Наряду с этим имп. Павел покровительствовал *Мальтийскому рыцарскому* ордену и даже стал во главе этого католического учреждения. Около трона его оказались рыцари Мальтийского ордена из тайных иезуитов.

Иезуиты, среди которых главное значение имел пронырливый и опытный в интригах патер *Грубер*, проникали всюду, в особенности в высшее общество. Грубер сделался домашним человеком даже во дворце. Он даже представил имп. Павлу записку о *соединении церквей*, доказывая мнимые права римской церкви. По назначению Синода, ответ на эту записку составлял *Евгений (Болховитинов)*, впоследствии митрополит киевский. К услугам иезуитов были многочисленные французские эмигранты, проникшие тогда в Россию и гостеприимно там принятые. Не мало было и польских магнатов в Петербурге. Иезуиты завладели в Петербурге имениями и доходами тамошней католической церкви. Они выпросили себе у государя разрешение посылать миссии на Восток, добились восстановления своего ордена и избрания орденского генерала.

При таком усилении польских и католических кругов приостановилось и дело воссоединения униатов. Имп. Павел был милостив к униатам, открыл для них закрытые епархии – Луцкую и Брестскую. Он не признавал за униатской церковью никакой самостоятельности и подчинил ее одному общему управлению с латинской в общей *католической* коллегии, где из *униатов* не было ни одного члена. Совращение униатов в католичество не подвергалось взысканию. Этим воспользовалась католическая пропаганда, пополняя свои ряды униатами и переделывая унию на свой лад.

Православная Церковь распространялась в западных пределах Империи. В шведскую войну при царе *Петре I* Россия не только возвратила свои старые земли, но приобрела и новые. После этого началось восстановление православной веры. В 1708 году восстановлена была Корельская епархия. В 1718 г. возобновлены древняя *Валаамская* и *Коневская* обители.

При Петре завоеваны Эстляндия и Лифляндия, при Екатерине II присоединена была Курляндия. Следы древнего православия в этих краях были совсем истреблены сначала католическим орденом, а потом протестантским владычеством. Местное население – *эсты* и *латыши* – подавлены были зависимостью от помещиков и пасторов, ими выбираемыми. В XVIII в. православных там было очень мало.

Учение и духовное просвещение

Одной из важнейших забот духовной и светской власти в XVIII-м веке было образование духовенства. Царь Петр, будучи недоволен состоянием *Московской академии*, тогда единственного источника духовного образования в Великороссии, отдал ее под покровительство местоблюстителя митрополита *Стефана*. После этого она быстро была преобразована по образцу Киевской. Прежнее *греко-славянское* образование заменено было *латинским*. С киевскими преподавателями в нее перешли и все киевские школьные порядки – разделение классов, состав курса, школьные должности, экзамены, диспуты, школьное проповедничество, самые развлечения учащихся. Ревнители прежнего направления тщетно роптали, доказывая, что латинские учения повлекут за собой разные ереси. На это не обращалось внимания. Петровские реформы сами тяготели к Западу, культура которого возрасла на римско-латинской почве. В том же латинском направлении архиереи-малороссы заводили духовные школы по епархиям – в Чернигове, Ростове, Смоленске, Тобольске. Старого привычного типа обучения детей духовенства держались только некоторые архиереи-великороссы. Особенно важна была деятельность митрополита новгородского *Иова*.

Владыка *Иов* для распространения образования в своей епархии, обратился сначала к помощи малороссийских ученых. Нашли приют у него архимандрит *Феодосий (Яновский)* и симоновский архимандрит *Гавриил (Домецкий)*. Оба они оказались неблагодарными, Гавриил же, кроме того, поднял в Новгороде спор о времени пресуществления св. Даров и в 1704 г. написал опровержение на книгу Остен. Против него выступил чудовский иеродиакон *Дамаскин*, человек близкий к митр. Иову, и написал на Гавриила 105 ответов. Сочинением этим и письмами к владыке Иову Дамаскин успел подорвать доверие митрополита к Гавриилу и к латинской учености вообще. Митр. Иов определенно склонился к греческому образованию. После этого он вызвал к себе братьев *Лихудов* и, с их помощью,

открыл в 1706 г. при своем доме школы *славянскую* и *славяно-греческую*. Лихуды надолго утвердили в Новгороде славяно-еллинское учение, которое, как и прежде, привлекало к себе многих. Ученики, которых набралось до 100 человек, не бегали из школ, как из латинских. Митр. Иов восторженно писал своим знакомым об успехах Лихудов и надеялся сделать Новгород с его славяно-еллинским типом учения противовесом Москве с ее латинской академией. Кроме обучения в школах, ученые братья продолжали здесь свою литературную деятельность, составляли руководства по предметам своего курса, написали обличение ересей Лютера и Кальвина, занимались переводами. Митр. Иов хотел завести в Новгороде типографию и просил царя прислать из Москвы принадлежности бывшей дворцовой типографии Симеона Полоцкого. Просил он и о присылке переводчиков из числа типографских справщиков, бывших Лихудовских учеников. Собирался митрополит издать новый, исправленный по греческому тексту, перевод Библии. Но всем этим просветительным планам не суждено было осуществиться. В 1707 г. у него взяли в Москву самого деятельного из Лихудов, Софрония, для греческой школы при типографском доме. С одним Иоанникием, человеком уже престарелым, дела пошли хуже. После кончины митр. Иова (1716 г.) уехал в Москву и Иоанникий, умерший там в 1717 г. Оставшиеся после Лихудов их ученики понемногу продолжали их дело и особенно развили в новгородских школах грамматическое учение. В 1723 г. учитель *Максимов* издал *славянскую грамматику*, имевшую немаловажное значение в истории этой науки. За грамматистами в новгородские школы обращались и епархиальные начальства и само правительство для своей приказной службы. Преемник митр. Иова, владыка *Феодосий (Яновский)*, старался поэтому поддержать его школы, несмотря на свое собственное латинское направление. Только владыка *Феофан (Прокопович)*, заняв эту кафедру, перевел в 1726 г. учеников в петербургскую латинскую школу. Кроме Новгорода греческое образование нашло себе приют еще в *московской типографской школе Софрония Лихуда*, скончавшегося в 1730 г. В 1740 г. эта школа соединена была с академией, где

греческое учение постоянно было на заднем плане пред латынью. (Знаменский).

Московская академия с половины XVIII века по успехам своим стояла уже выше киевской, доставлявшей до 1754 г. почти всех архипастырей. Особенно возвысилась она заботами митр. *Платона*. Между семинариями первые места были за новгородскою, харьковскою, казанскою и Сергиевою.

После учреждения Св. Синода открытие *духовных школ* пошло успешнее. Духовным Регламентом положено было завести такие школы по всем епархиям. Содержать их указано отчасти на счет архиерейских домов, отчасти из сборов с церковных и монастырских земель, с первых 30-й, со вторых 20-й частей ежегодного хлебного дохода. Обучение в них сделано обязательным для всех детей духовенства. Необучавшиеся в них подлежали разбору для исключения из духовного сословия. Как и все другие школы Петровского времени, когда придавалось значение протестантским знаниям, духовные школы получили специальное и сословное назначение обучать детей духовенства «в надежду священства». Курс обучения (разумеется латинский) распределен был на 8 лет и состоял из изучения: 1) грамматики или латинского языка, при упражнениях в которых рекомендовалось кстати изучать историю с географией, посредством относящихся к этим наукам переводов, 2) из арифметики и геометрии, 3) логики с диалектикой, 4) пиитики с риторикой, 5) физики с краткой метафизикой, 6) политики, и 7) богословия, на которое назначалось два года. В воспитательном отношении архиерейские школы велено было устраивать в виде закрытых заведений, «образом монастыря», с редкими свиданиями учеников с родными, со строгим распределением времени по точным «регулам» и звонкам, и с неусыпным надзором ректора, префекта и комнатных старших. Регламент предвидел, что ученики будут уклоняться от «стужительного жития» в таких школах, и определил, – если при приеме некоторые ученики будут оказываться неспособными к учению, таких испытывать целый год, не «притворяют ли» они «себе тупости», как другие «притворяют себе телесную немощь от солдатства». По

годовом же только испытании разрешалось исключать негодных учеников до окончания курса, и то, если ученик окажется уже окончательно «детина непобедимой злобы». Ректору за отпуск ученика из школы «за мзду» определено было «жестокое наказание». Главное управление школами было предоставлено самим архиереям и отнесено к делам епархиальной администрации. Их внешнее благосостояние, состав курса и учебного персонала – все зависело от личного расположения и забот архиереев. Заведение школ первоначально, по крайней мере до 1730 г., шло медленно. Не было подготовлено для них ни средств, ни учителей, ни учебных пособий. Духовный Регламент позволял, в случае необходимости, определять в учителя не одних знающих людей, но и просто только талантливых людей, которые могли бы приобрести нужные знания уже на должности. Состав курсов почти во всех школах по необходимости ограничивался только славянской или латинской грамматикой, да букварем владыки Феофана (Прокоповича). Учеников забирали в ученье насильно, иногда даже в кандалах, под конвоем. Потом они убегали из школ и их приходилось ловить и возвращать обратно в школы. Сами их родители были против школьного обучения и охотно помогали им укрываться от школьной повинности. (Знаменский).

Более полный курс, на манер киевского, начал вводиться в *архиерейские школы* только с 1730 годов, и то не вдруг. Школы, успевшие завести такой курс, получили название *семинарий*. Оставшиеся с одним славянским обучением стали считаться низшими. В царствование имп. Екатерины II всех семинарий в 1764 г. было 26 и в них 6000 учеников; в 1784 г. – 12 000. Но полные курсы до богословия включительно, кроме двух академий, существовали только в 8 семинариях. Таковыми были: Харьковская, называвшаяся *коллегиумом*, заведшая у себя богословский класс в 1731 г., раньше всех семинарий, Петербургская в Александро-Невской лавре, Троицкая в Сергиевой лавре, Казанская, Новгородская, Псковская, Тверская и Смоленская. Семинарии Тобольская, Рязанская и Нижегородская доходили только до философии. В остальных учение останавливалось риторикой, а то не доходило даже до

нея. Из таких семинарий для приготовления к учительству или к высшим епархиальным должностям посылали по несколько лучших учеников доучиваться в полные семинарии или академии.

Архиеп. Филарет поясняет: «Если вспомнить, что в патриаршем периоде, исключая Киева и Москвы, только в трех епархиях, и то уже в конце периода, открыты были духовные училища: то в 40 лет синодального правления сделано очень много для училищ, тем более, что до 1764 г. существовал только один светский университет в Москве и одна гимназия в Казани.»

«Характер образования духовных школ, не исключая академий, был чисто формальный», пишет Знаменский, «в низших классах изучались формы языка, в риторике – формы речи, в философии – формы диалектики; только в богословии все эти формы находили себе искусственное применение в схоластическом развитии богословских истин. География, история и математика, предуказанные Регламентом, вовсе не преподавались. Из языков изучался только латинский. Школьная дисциплина отличалась большой суровостью, в которой особенно винили начальников и учителей из Черкас. От телесных наказаний не были свободны не только ученики, но даже и сами учителя. В автобиографии митрополита Платона рассказывается, как его, бывшего уже учителем Московской академии, архиерей Амвросий хотел наказать розгами в собрании всей академии и как он освободился от этого наказания, благодаря только заступничеству доброго ректора. Содержание всех школ было весьма неопределенно и непостоянно, завися всецело от епархиальных сборов и средств архиерейских домов. Случалось, что за недостатком средств, распускались на неопределенное время целые школы; оклады наставников были крайне бедные, помещения школ тесные и жалкие во всех отношениях. Ученики не только своекоштные, но и казеннокоштные, или как их называли «бурсаки», должны были приобретать себе прокормление «кондициями» (уроками), перепиской, даже физическими работами. Святитель Тихон, например, учась в Новгородской семинарии, нанимался в

свободное время у огородников копать гряды. В Киеве ученики академии собирали подаяние по дворам горожан, распевая псалмы, канты и концерты, произнося речи, стихи, диалоги и разыгрывая комедийные действия, хотя академия имела весьма заботливых попечителей и благотворителей, в лице киевских архипастырей, каковы особенно были владыки Рафаил Заборовский и Арсений Могилянский.»

В царствование имп. *Екатерины II* произошли большие перемены в деле образования вообще и духовного в частности. В курсы духовных школ стали вводиться общеобразовательные предметы. В 1776 г. особая комиссия, состоявшая из владык *Иннокентия (Нечаева)* и *Гавриила (Петрова)*, а также иеромонаха *Платона (Левшина)*, по поручению правительства, выработала целый проект преобразования духовных школ. Их предполагалось разделить на высшие, средние и низшие и ввести в них новые предметы и методы педагогики. Проект не был приведен в исполнение, но повлиял на состояние духовных школ. Важное значение приобрел вопрос о приготовлении учителей духовных школ. В 1765 г., по желанию государыни, при Московском университете предположено было открыть богословский факультет, а для приготовления в нем преподавателей отправлено 16 лучших воспитанников в заграничные университеты. Факультет открыт не был. Посланные за границу распределены были потом по разным местам, но несколько человек попало и в учителя духовных школ. Некоторые архиереи для приготовления учителей посылали лучших своих семинаристов слушать лекции в Московском университете и в филологической семинарии «Дружеского Ученого Общества». Здесь слушали лекции будущие митрополиты *Серафим (Глаголевский)* и *Евгений (Болховитинов)*. С 1788 г. митр. *Гавриил* в *Александро-Невской* семинарии устроил нечто вроде учительской семинарии для приготовления способных наставников для семинарий. Число и достоинство учителей для духовных школ значительно поднялось. При том учителями явились свежие силы из великороссов, внесших в преподавание дисциплину и новый дух. Господство схоластики и латыни было поколеблено. Стало

распространяться изучение греческого и новых языков, особенно французского. Постепенно вводилось изучение географии, истории, физики и отчасти математики. Богословие и философия преподавались во всех семинариях, и учеников знакомили не только с схоластическими системами, но и с новой немецкой философией. На формальное развитие и знание латыни, впрочем, все еще обращали внимание. В 1797 г. Александро-Невская и Казанская семинарии были возведены на степень Академий. По настоянию митр. Платона не прошел, поднятый в 1800 г., вопрос о преподавании главных предметов на русском языке.

От прежней суровой и огрубляющей системы семинарского воспитания оставались еще ясные следы повсюду, но ее все больше осуждали. В семинарской инструкции митр. Платона говорилось о «вперении» в учениках «благородного честолюбия», о возвышении эстетического образования, об ослаблении влечения к пьянству и проч.

Архиеп. Филарет называет архипастырей, известных ревностью к учреждению духовных учебных заведений: Рафаил (Заборовский) – во Пскове и Киеве, Епифаний – в Харькове, Феофилакт (Лопатинский) – в Твери, Питирим – в Нижнем-Новгороде, Феофилакт и Свят. Тихон – в Воронеже, Амвросий (Юшкевич) – в Новгороде, Иларион (Рогалевский), Лука (Конашевич) и Вениамин (Пуцек-Григорович) – в Казани, Сильвестр (Кулябка) – в Костроме, Арсений (Мацеевич) – в Ярославле, Георгий (Конисский) – в Могилеве, митр. Амвросий (Подобедов) – в Казани, Новгороде и Петербурге, митр. Платон – в Твери и Москве, Антоний – в Тобольске.

В 1764 г. впервые определены были для духовных школ постоянные *штатные оклады*. И при малом их размере, они все-таки спасали от неприятных случайностей прошлого положения. На все школы с 6000 учеников было ассигновано 38000 руб. В 1784 г. сумма эта выражалась в 77 400 руб. Число учеников же увеличилось вдвое. С 1765 г. архипастырям приходилось собирать дополнительно скудные средства по монастырям.

В царствование имп. *Павла I* сумма, отпускаемая на школы, дошла до 182 000 руб. Но правительство распорядилось открыть две новые академии – в Петербурге и Казани – и 8 новых семинарий. На *низшие школы* не были назначены оклады и оне содержались на остатки от небогатых семинарских окладов. Содержание учащихся было небольшое, как и деньги, отпускавшиеся на учащихся. По прежнему приходилось архиереям собирать на них средства среди духовенства. Многих бедных учеников архиереям приходилось содержать предоставлением им церковных мест. Не существовало и *общего управления* духовными школами. Оне оставались только епархиальными учреждениями, не имея связи между собой. Не было и общих курсов, устава. Все зависело от воли и вкусов отдельных архиереев. Академии, начинаясь с младших классов, как и семинарии, почти ничем не отличались от последних. В таком положении духовные школы просуществовали до преобразования их в 1808 г., о чем будет сказано в следующем отделе (19 век).

Ученые труды по богословским наукам и известные писатели

Усиление духовного образования сопровождалось усилением *духовной письменности*. В первое время, когда духовные школы только заводились, вся духовная письменность, за немногими исключениями, была в руках киевских ученых. В Великороссии более всего пришлось по душе творения св. *Димитрия Ростовского*. Приводим, в извлечениях, отзыв об его творениях архиеп. *Филарета (Гумилевского)* в «Обзоре русской духовной литературы». Отмечая, что изданы 94 его проповеди, владыка Филарет пишет далее: «Весьма трогательны краткие *наставления* его и молитвы. Последняя обращена преимущественно к пострадавшему за нас Искупителю мира. «Внутренний человек, в клети сердца своего поучающийся и молящийся», наставляет внутренней молитве или сохранению постоянного молитвенного настроения в душе. Два пастырские *послания иереям* – полезное пособие для пастырского богословия (т. I и V). О драмах его (даются названия) довольно сказать, что они принадлежали духу времени и преимущественно обычаям южной Руси, где они и писаны. Другое дело – духовные песни его. Они петы были по его приказанию и в последний день жизни его. *Ты мой Бог Иисусе; Иисусе мой прелюбезный; Похвалу принесу сладкому Иисусу; Воплю к Богу в беде моей* (всего 8 песней) – такие песни, которые всегда могут доставлять и утешение сердцу и назидание уму и воле. По учению о *догматах веры* писал он: *Зерцало православного исповедания веры* (в I т.), краткие ответы о вере; то и другое – род краткого катихизиса, но последнее с систематическою строгостию и с приспособлением к нуждам времени; другое *Зерцало* (V т.) – сокращение известного православного исповедания веры; размышление о страданиях Христовых, о причащении (в I т.), о пресуществлении в евхаристии (V т.); последнее приближает тайну веры к общему разумению чрез сравнение с явлениями природы. *Против раскола: Розыск о брынской вере* (изд. в М.

1745, 55 и 62 гг.); рассуждение об образе Божии в человеке (в V т.). *Розыск* – сочинение написанное с ясным и глубоким разумением христианства. Сочинитель уличает раскол в том, что в нем нет духа евангельского, – обвинение, конечно, более важное, чем обвинение в каком-нибудь странном обряде. Вера раскольников – неправа, учение их душевредно, дела их не богоугодны: вот три мысли, которые он излагает в трех частях сочинения своего. История составляла любимый предмет занятий святителя. Его *Четьи Минеи* – образцовое сочинение по чистоте церковно-славянского языка, по мастерству изложения, по критической осторожности в выборе повествований прежних. Источники его – минеи Макария; но ими он пользовался с разборчивостью, поверял и дополнял их древними историческими сочинениями, частью критическим трудом Болландистов. Списки сочинений и сочинителей, служивших руководством, приложенные к I и II томам, показывают, что сочинитель отыскивал все нужное для него, что только можно было отыскать в его время. *Летопись келейная* – свод библейской истории с гражданской, оживляемый нравственными размышлениями (в IV т.). *Хронограф о начале славянского народа*. *Руно орошенное*, или повествование о чудесах черниговской Ильинской иконы Богоматери. Краткий *мартиролог*. *Летописание* царей и патриархов. *Каталог* российских митрополитов. *Письма и диарий*. Письма и диарий объясняют жизнь святителя. По слову и языку, сочинения святителя Димитрия – образец изящества церковно-славянского. Мысли, располагаемые правильно и отчетливо, облечены языком образованным и вместе языком сердца. Это не древний церковно-славянский язык; но тот чистый и правильный церковный язык, который с течением времени должен был образоваться из нормального слияния народного русского языка с древним славянским; тот язык, где древний славянский язык, пожертвовав некоторыми особенностями для вразумительного народу языка и удалив от себя все грубые и часто неверные себе самим формы народной речи, получил столько же правильный и определенный, сколько и изящный строй».

Главными представителями двух направлений русского богословия в первых десятилетиях XVIII в. были владыки *Стефан (Яворский)* и *Феофан (Прокопович)*.

Митр. *Стефан* был представителем старого *латино-схоластического типа* богословов киевской школы, учившихся по Фоме Аквинату и Беллярмину. Архиеп. *Филарет* о нем пишет в своем "*Обзоре*": «Даже сочинитель лютеранского пасквиля на Стефана говорит о Стефане, что он: «имел удивительный дар слова и едва подобные ему в учительстве обрестись могли. Мне случалось, продолжает он, видеть в церкви, что он мог, уча слушателей, заставить плакать или смеяться»... По содержанию проповеди его – догматические, нравственные и исторические.

Первого вида проповеди, по словам архиеп. Филарета, направлены против протестантов, которых тогда оказалось много в России и, в частности, при царском дворе; какие занимались и пропагандою: «Исторические проповеди Яворского дают видеть, что святитель принимал живое участие в политических событиях отчизны, – радовался счастью и славе России, но давал чувствовать и то, что тело без души – труп, и материальные выгоды, как бы блистательны ни были, без нравственных начал – не крепость государству ... Во всех проповедях Яворского есть сила мысли, есть чувство живое и глубокое, есть наконец и ясность в изложении мыслей. Но им довольно вредит встречающаяся по местам искусственность того времени, дозволявшая выставлять картины и обороты речи обиходной жизни. Вот напр. как говорит он с свящ. кафедры: «позабых я еще жену Лотову... Как же ю, Спасителю мой, поминати: панихиду ли пети, или в ектениях ю поминати?» (I, 37) ... В молодых годах Яворский много писал стихами, то латинскими, то польскими, и именно панегирики... Латинский стих его – верх совершенства. И прекрасные по содержанию правила для новой Саровской пустыни митрополит-экзарх предложил в стихах ... Лучшие стихи его – прощание с книгами... Духовное завещание и предписание о библиотеке проповеднику дышат искренним благочестием.»

«Блаженный митрополит был твердым учителем веры. Он, как видно, занимался и уразумением смысла св. Писания.

Ответы его на три вопроса митр. Иова, недавно изданные в Черниговских епархиальных известиях 1861 г., – образчик утонченной современной диалектики, но предмет их важен. Там же – твердые и зрелые рассуждения его о поклонении св. дарам, вызванные жаркими спорами его времени, где поправляет он Лихудов, уклонившихся в крайность при спорах, возбужденных хитрыми иезуитами. Самое дорогое сочинение его для св. церкви: «Камень веры». Он написан против протестантов по случаю появившихся в Москве жарких последователей Лютера – Тверитинова и других. Подвергнув их публичному церковному осуждению, святитель счел нужным написать обширную апологию православию против лютеранства, тем более, что тогда много явилось в России иностранцев-протестантов, между которыми были фанатики-интриганы, как показывает Фишер, почему самое осуждение Тверитинова навлекло на Стефана много неприятностей ... «Камень веры» напечатан в Москве в 1728 г., в Киеве – в 1730 г., в Москве – в 1749 г., потом много раз... Тон полемики Яворского не редко резкий и суровый, занятый из школы папистов. В Камне встречаются такие выражения: «зубы свои первее сломите, нежели крест четвероконечный сгрызете, пси вселютейшии» (стр. 246) ... Ответ митр. Стефана Сорбонне, домогавшейся соединения французской церкви с русской, показывает, что он хорошо знал папизм ... Против раскола писана им книжка: «знамение пришествия антихриста», напечатанная в Москве в 1703 г., в последний раз в Киеве – в 1843 г. Хотя он пользовался сочинением ученого Мальвенди De Anticristo, Romae 1604, 1612, Lagduni 1642 г., но сочинение Стефана все-таки остается оригинальным. Ему надлежало писать не в защиту папы, а против раскола... Кто бы мог подумать, что блаженного митрополита, так ревностно старавшегося печатным сочинением снять с Петра I название антихриста, которое клали на него раскольники, стали подозревать, что и он делит невыгодные мысли раскола о Петре? И, однако, Стефан, близкий к смерти, должен был оправдываться в клевете, взведенной на него фанатиком Левиным, последователем Талицкого. Фанатик наконец

сознался, что он взвел это обвинение на митрополита только для того, чтобы тот, как блаженный муж, пострадал... Митр. Стефаном написан был с предисловием «чин, како приимати от раскольников», Москва 1720 г.»

Митр. Стефан писал письма, некоторым из коих архиеп. Филарет придает историческое значение. В письме к митр. казанскому Тихону, писанном в августе 1721 г. «слышится голос человека измученного жизнью и со страхом, но вместе и с радостью, ожидающего близкой смерти. Лучшая биография Яворского в Трудах киевской духовной академии за 1864 г.».

«Феофан был богословом новатором и в богословии и в проповедничестве», пишет Знаменский, «горячим врагом схоластики с риторством и латинства, почитателем преимущественно протестантских богословов. Богословская полемика его направлена вся против католичества, за исключением немногих трудов против протестантизма, написанных еще в Киеве, каковы «Апология» киевским мощам и ответы на вопросы лютеранских богословов печерскому монаху Михаилу Шию. Как Стефана подозревали в папешском духе, так владыку Феофана, напротив обвиняли в протестантстве. Кроме известного доноса на него царю в 1718 г. против одного его сочинения (1712 г.): «Об иге неудобноносимом», где была проведена мысль об оправдании верою без дел закона, Феофилакт Лопатинский написал сильное сочинение: «Об иге Господнем благом». Обвинять его в неправославии было впрочем также несправедливо, как и Стефана. Влияние протестантских образцов выражалось у него лишь в очень тонких и неуловимых оттенках рассуждений, которые при нападениях на чистоту его православия он каждый раз свободно и легко объяснял в чисто православном духе. Оттенки эти проявлялись напр. в его излишне резкой полемики против обрядового ханжества, упования на одни внешние средства ко спасению и дела внешнего закона, против суеверных преданий старины, отвержение которых его обвинители объясняли тем, что он по лютерански верит в одно св. писание и отвергает св. предание против ложных чудес и народных суеверий относительно чудотворных икон и св. мощей и т. д. К

обвинениям такого рода он сам подавал повод слишком резким и сатирическим языком своих произведений.»

Писал владыка Феофан очень много и большею частью по поручению и мыслям самого царя. Кроме Регламента, он написал ряд трактатов о начале патриаршества в церкви и др. Писал он несколько увещаний к раскольникам, о браках с иноверцами, о достоинстве поливательного крещения, «Первое учение отроком» (Букварь), «О блаженствах против ханжей», родословную роспись князей и царей, трактат об Амазонках, повесть о свв. Кирилле и Мефодии, предисловие к морскому Регламенту. Им написана «Правда воли монаршей» о новом порядке наследования престола. После смерти имп. Петра Великого он описал его кончину. Им написана апология книги Песнь Песней, «Показание великого антихриста», которого он видел в папе и др. Проповеди его имели практический, жизненный характер и самым близким образом касались современных событий и животрепещущих вопросов. Они имели публицистический и обличительный тон. Он доказывал в них важность разных действий правительства, пользу современных войн, необходимость сношений с другими народами, уничтожение национальной замкнутости, пользу просвещения, вред суеверий и т. п. (Знаменский).

Приведем ряд отзывов об его трудах архиеп. *Филарета* (по «Обзору»). «Догматист-Феофан отличается строгою логическою отчетливостию в мыслях. Но догматическое учение академических его уроков было предметом сильных сомнений для Стефана Яворского и многих других. Стефан предлагал собору не посвящать Феофана в псковского епископа, прежде чем отречется он от ложных мыслей, найденных в его сочинениях. Личные объяснения Стефана с Феофаном по сему предмету окончились однако примирением... На учение отрокам в 1727 г. написана была критика, ударявшая особенно на осуждение внешности. Прокопович ответил, что истинные поклонники поклоняются Богу духом, и изъявил сожаление, что напрасно смущают народ несправедливыми подозрениями... «Катихизис» его для простолюдинов». Относительно «ига не удобоноси- мого» архиеп. Филарет говорит, что «это сочинение,

писанное в 1712 г., подверглось строгой критике и не без основания, так как в нем многое не договорено, что необходимо было сказать чтобы не быть учеником Лютера... Феофан был довольно жарким полемиком, особенно против папы. Он писал ответ Сорбонне; о папе-антихристе, – но не кончил начатого».

«Феофан проповедник... В словах Феофан по вере всегда русский, – по крайней мере ничем не возбуждает против себя подозрений. Тем не менее он более светский, чем христианский, проповедник. Он пишет картины мастерски: но в них не достаёт теплоты за недостатком чувства в проповеднике; он умно располагает части слова, ловко пользуется способами убедить слушателей, в чем ему нужно, но читатель-христианин остаётся неудовлетворенным. Самая большая часть проповедей его – чисто политическая и она-то блистательна в ораторском отношении... Феофан едва ли не больше всего любил быть юристом, только не был им к пользе церкви, по крайней мере во многих случаях. В ряде сочинений: видим в Феофане юриста-философа, который основывает свои мысли не столько на практике церкви, сколько на соображениях собственного разума. Что касается до юридических процессов о святителях Вениамине, Льве и Георгии, о Феофилакте или Зворыкине, где много писано рукою Феофана и делалось по его направлению: то это – самые печальные памятники больной души Феофановой... В киевской академии Феофан преподавал философию на латинском языке и записки его 1708 г. ещё целы. Он занимался и историею: но был историком очень посредственным, чтобы не сказать плохим ... Трактат об амазонках, с нелепою мыслию, что это славянки; исследование о «флорентийском соборе» заключает в себе кое-что и дельное. «С которого времени началось патриаршее достоинство в церкви?» – неважное исследование... Хотя Прокопович, когда нужно было уязвить других чемнибудь, указывал на стихотворство, как на слабость: но сам он не прочь был от того, чтобы выставить из себя пииту. Из охлажденной эгоизмом души его конечно не могло изливаться истинно поэтических песней; все, чего можно ожидать от него, это сарказмы и остроты и разве подогретые страстями бедной души пения. В

порядке вещей, что умным Прокоповичем сочинена умная пиитика...»

Оба из этих первенствующих богословов имели ревностных приверженцев и подражателей, так что около них образовались две своего рода богословские школы, между которыми завязалась борьба. При царе Петре I направление Феофана было господствующим и разные его почитатели старались подделаться под его тон, нравившийся царю. Направление же Стефана, осуждаемое Петром и признанное неудобным, могло проводиться только в стенах духовных школ – в академиях киевской и московской. В последней это направление утвердили ректоры *Феофилакт (Лопатинский)* и *Гедеон (Вишневский)*.

Краткие данные о владыке *Феофилакте* сообщены на стр. 556 и 562. Он был многосторонне образован, знатоком греческой литературы. Как проповедник, он оставил несколько слов, приуроченных к торжественным случаям. Им составлена была, по отзыву архиеп. Филарета, превосходная служба на день празднования полтавской победы. Архиеп. Филарет пишет: «Феофилакт долго был наставником московской академии. Его «священная наука, объясненная положительно и полемически в рассуждениях согласных с учением св. церкви восточной, на основании св. писания, соборов и отцев», 1706–1710 гг., заключает в себе и догматику, и нравственное учение и полемику. Строгого систематического порядка здесь нет... Феофилакт любил и поэзию...»

О расхождении между русскими богословами было известно даже за границей. Завязав связи с Европой, Россия сделалась заманчивой для западного прозелитизма. Католики рассчитывали на владыку Стефана, протестанты на архиеп. Феофана. В 1716 г. во время пребывания *царя Петра I* в Париже *католические богословы Сорбонны* возбудили вопрос о соединении церквей. Главные переговоры вел Бурсье. В 1717 г. ими было представлено предложение. По поручению царя отрицательные ответы писали владыки *Стефан* и *Феофан*. Отправлен был в Сорбонну ответ последнего, и неудачу свою католики приписывали именно тому, что дело это попало в руки

архиеп. Феофана. По учреждении Синода, с таким же предложением обратились епископы *англиканской церкви*, потерпевшие перед тем неудачу у восточных патриархов. *Восточные патриархи*, узнав об этом и опасаясь некоторой склонности к протестантизму в Петербурге, прислали в Синод грамоты с приложением изложения веры патр. Досифея и с увещанием непоколебимо пребывать в православии. Попытка англикан потерпела, как и католиков, неудачу.

После смерти митр. Стефана, главным противником архиепископа Феофана оставался архиеп. Феофилакт, очень почитавший покойного иерарха. С наибольшей силой он выступил в 1728 г. Им издан был *«Камень веры»*. В то же время против Феофановского направления высказалась и киевская академия. В Киеве, с благословения архиеп. Варлаама (Вонатовича), тоже издан был *«Камень веры»*. На этот труд обратили внимание и заграничные богословы. Воспользовавшись ослаблением при Петре II значения архиеп. Феофана, католичество повело пропаганду из Польши. Парижская Сорбонна, с своей стороны, прислала в Россию ловкого агента, *аббата Жюбе*, чтобы завязать с русским духовенством сношения о соединении церквей. К тому же делу присоединился *доминиканец Рибейра*, находившийся при испанском посланнике в Петербурге герцоге Лириа. Он завязал знакомства с противниками Феофана. Жюбе появился в столице под видом учителя детей кн. Ирины Долгорукой, принявшей католичество за границу. Склонность к католичеству обнаружилась в семьях верховников – кн. Голицына и кн. Долгоруких. При таких обстоятельствах, по напечатании *«Камня веры»*, протестантские богословы принялись его разбивать, а католические защищать. В 1729 г. в *Иене* явилось опровержение его под видом *«Письма Буддея»*, а Рибейра напечатал на это ответ в защиту Яворского. Архиеп. Феофилакт написал на Буддея *«Апокрисис»*.

По этому вопросу архиеп. Филарет пишет в *«Обзоре»*: «Когда издан был в первый раз Камень веры Яворского (М. 1728 г.), Прокопович написал от имени Буддея критику на книгу Камень веры, становясь ею на сторону протестантов против

православия. Феофилакт тогда же (в авг. 1730 г.) говорил: «Буддей еще до издания книги помер, а по слогу видно, что писателем книги был новгородский архиепископ». В последствии дознались, что критика отправлена была Прокоповичем с учеником Зенковским в Иену и там напечатана. Мало и того, – на мнимое сочинение Буддеево тогда же написана была в Москве критика бывшим при испанском после патером Рибейрою. Феофан подал в тайную канцелярию бранную и недобросовестную критику на книжку Рибейры, выставляя ее опасною для государства от того, что в ней порицаются протестанты, как будто Россия – протестантское государство». Касаясь одновременно и спора Феофана с архим. Маркеллом, о чем говорилось ранее, архиеп. Филарет пишет о новгородском иерархе: «Как ни ловко закрывает он свои дела, но ясно видно, что и в словах и в поступках часто бывал он на стороне лютеранства, по неосторожности; а этой неосторожности логического и ловкого Прокоповича нельзя иначе объяснить, как незамечаемою им самим склонностию души его к протестантству, воспитанному долгим и доверчивым слушанием лютеранских сочинений».

С воцарением *имп. Анны* обстоятельства совершенно изменились. Значение Феофана возросло вновь. Его стараниями Рибейра и Жюбе должны были покинуть Россию. Архиеп. Феофилакт не мог и думать об издании своего Апокрисиса. Камень веры был запрещен. Книга эта, вместе с книгой Рибейры, была присоединена к делу о латинской пропаганде в России и к политическим розыскам о недоброжелателях немцев в правительстве. Запрещение снято только *имп. Елисаветой*. Около 1732 г. пущен был против книги митр. Стефана рукописный протестантский пасквиль «*Молоток на Камень веры*», в котором покойный митрополит рязанский назывался папистом и иезуитом. Обнаружена была рукопись «Апокрисиса» и началось дело против архиеп. Феофилакта, о котором упоминалось ранее. Архиеп. Феофан достиг полного внешнего торжества, но его богословскому направлению это повредило очень. В обеих академиях заговорили об его еретичестве. Только после его смерти отнеслись справедливее

к его богословской системе. Достоинством ее признана была большая отрешенность от схоластики, более научный метод, основанный на внимательном изучении св. Писания и др. источников. В 1740-х годах ей стали уже подражать сначала в киевской, потом в московской академиях. (Знаменский).

Исправление славянской Библии. Представители богословской наука а проповедничества

Духовное просвещение, сделавшее так много успехов еще с самого начала нового периода Церкви, обратилось с своею помощью прежде всего к *славянскому переводу Библии*, как источнику просвещения. Недостатки острожского издания Библии, напечатанного почти без перемен в Москве в 1663 г., очень заметны были для многих. Кроме того и это издание почти составляло библиографическую редкость. По словам св. Димитрия, в Малороссии ее трудно было найти даже по церквам. Первая мысль о необходимости нового печатного ея издания принадлежала митр. новгородскому *Иову*, который собирался заняться этим при своей семинарии.

Указом царя Петра I в 1712 г. дело это было поручено *Феофилакту (Лопатинскому)* и *Софронию Лихуду* с справщиками печатного двора, под наблюдением местоблюстителя митр. *Стефана*. Исправления указано было делать *по тексту LXX*; план их впрочем не был предварительно выяснен и указан. Исправления начались в 1713 г. Исправители трудились добросовестно с большою тщательностью. Кроме указанного текста, они принимали во внимание и другие тексты греческие, еврейский и латинский, по толковой Полиглоте в 6 томах. Грамматические поправки они вносили в самый текст, а более важные отступления от старого текста вписывали в особый реестр. Работу они закончили к 1720 г., потом снова ее пересматривали до 1723 г. В 1724 г. последовало Высочайшее повеление о печатании. Но печатание замедлилось разными типографскими препятствиями. За смертью имп. Петра оно и вовсе было отставлено. Архиепископ Феофилакт тем временем продолжал исправлять свой труд. В 1735 г. архиеп. *Феофан* возбудил в Синоде вопрос о печатании. Владыка Феофилакт в это время был под судом. Решено было печатание Библии перенести из Москвы в Александро-Невский мон. под смотрение архиеп. *Феофана*. Печатать Библию указано не по исправленному тексту, а по старому, отмечая поправки

под строкой, предварительно пересмотрев все сделанное Феофилактом и Софронием. Пересмотр этот объяснялся тем, что исправления делались не только по указанному исправителям тексту, но и по другим, не вошедшим в церковное употребление (Акилы, Феодотиона, Симмаха, Вульгаты). Таким образом производилась попытка уничтожить все сделанное и переделывать по плану, теоретически продуманному Феофаном. Последним руководило недоброжелательство к Феофилактору и отрицательное отношение к справкам из латинской Библии.

С половины 1736 г. во главе новых исправлений был поставлен архимандрит Александро-Невской Лавры *Стефан (Калиновский)*, ревностно принявшийся за работу, сдавая листы новой Библии в набор, по мере их исправления. Стефан жаловался, что набор производился «весьма трудно, непорядочно и необычно», т. к. делался не с готового оригинала, а с черновых записей, содержание которых нужно было затем проверять. К половине 1738 г. печатание дошло до кн. Товита и затем остановилось. Книга эта и следующие оказались на славянском языке переведенными с Вульгаты, на которую и «смотреть» было не велено. Дальше следовали книги, которых не было в греческом тексте LXX. Печатание исправлений под строкой запутало совсем наборщиков, могло спутать и читателей. Стефан запрашивал Синод, что ему делать. Синод отмалчивался. Стефан не дождался ответа. Посвященный в 1739 г. в епископа псковского, он не мог работать, как прежде, над исправлением Библии. Все же, в 1741 г., Синод, по его проекту, решил: где нужно, править текст Библии по Вульгате; печатание перенести снова в Москву, поближе к академии; печатать ее в два столбца, – в одном по старому, в другом по исправленному тексту; все напечатанное раньше оставить. Это был уже третий план издания Библии. Но он оказался после неудобным по громоздкости издания в два столбца.

В Москве работа исправления была в 1741 г. поручена архим. *Фаддею (Кокуйловичу)* и префекту московской академии *Кириллу (Флоринскому)*, которые в 1743 г. представили свой законченный труд. Они обстоятельно изложили какими

пособиями пользовались. Как на важнейшее они указали на Полиглотту Валтона; из находящихся в ней видов греческого текста 70-ти они пользовались главным образом чтением Александрийского списка. Ватиканской Библией они почти не пользовались, т. к. в ней было много пропусков. Синод приступил к рассмотрению ея для печати. *Имп. Елисавета* торопила Синод. В 1744 г. она заставляла членов его собираться для чтения исправленной Библии каждый день, даже в великом посту. Она предполагала даже возможным для скорости издать Библию с исправлениями владыки Феофилакта. Дело подвигалось медленно. Пришлось поручить это дело особой комиссии только под наблюдением Синода. За недостатком людей, не скоро образовалась и эта комиссия. До 1747 г. работали над Библией архим. *Иларион (Григорович)* и главным образом знающий человек, учитель московской академии иером. *Иаков (Блонницкий)*. В этом году вызвали ему в помощь двух учителей из киевской академии, где священная филология находилась тогда в цветущем состоянии, насажденная *Симоном (Тодорским)*. Вызваны были иеромонахи *Варлаам (Лящевский)* и *Гедеон (Сломинский)*, которым и суждено было закончить многолетнюю и трудную работу. Блонницкий работал до 1748 г. В общем плане они ближе всех сошлись с *первой комиссией Феофилакта*.

Архиеп. *Филарет*, в своей «Истории Русской Церкви», пишет об этом труде: «Предисловие к изданию, написанное Лящевским, представляет последний труд исправления в следующем виде: а) грамматические поправки Лопатинского, не изменявшие самой мысли древнего текста, были удержаны; б) там, где видны были отступления от древнего текста, в смысле ли текста или в расположении стихов и глав, там, по проверке с изданиями греческого текста, старались удержать древний вид славянского текста; в) ошибки перевода, незамеченные прежним исправлением, были исправлены; г) книги Товита и Юдифи, переведенные в острожской библии с Вульгаты, переведены с греческого текста; третью книгу Ездры, которой нет на греческом языке, исправили по Вульгате, а четвертой книги Маккавейской не приняли в издание, так как ея нет и в

древнем славянском переводе; д) главной заботой переводчиков была, по их словам, забота о верности перевода греческому тексту: «то едино в деле исправления сего священной библии попечение имехом, еже согласно во всем греческому 70 переводу нам славянской перевод издати»; е) число всех поправок, сделанных с библии 1663 г. было весьма велико: быв описаны отчетливо, оне составили книгу не меньше самой библии; важнейшия поправки описаны в предисловии к изданию; но и здесь число их велико. К этому надо прибавить, что, как видно по сличении трудов Феофилакта с трудами последних комиссий, все важнейшия поправки, принятые в печатное издание, принадлежат блаженному Феофилакту. Таким образом главным характером новой исправленной библии служит близость ея к греческому тексту. Дело исправления требовало трудов тяжелых, средств обширных и знания многостороннего. И оно выполнено достойно того времени». «Такой прекрасный плод принесен св. церкви», добавляет архиеп. Филарет, «можно сказать, *Симоном Тодорским. Лящевский* и *Блонницкий* были учениками его. Симон был основателем филологии и особенно еврейской в России... *Блонницкий* и *Лящевский* оставили превосходные пособия для изучения греческого языка».

Библия, напечатанная 18 дек. 1751 г. была пущена в продажу по 5 руб. Нужда в ней была так велика, что за первым изданием (1200 экз.) скоро понадобились другия (1756, 1757, 1759 г.г.).

Московская академия, где Блонницкий и Лящевский были наставниками, образовала многих толкователей св. Писания и преимущественно Нового Завета. *Феофилакт (Горский)*, воспитанник и ректор (1770–74) московской академии, в 1778 г. скончавшийся епископом коломенским, написал «Соглашение» св. Писания. Воспитанник и ректор той же академии *Аполлос (Байбаков)*, впоследствии епископ архангельский и член российской академии (ум. 1801 г.), издал читанные им толкования на послания св. Ап. Павла. Воспитанник той же академии, будущий митрополит новгородский *Гавриил (Петров)*, с 1761 по 1763 г. ректор Заиконоспасской академии,

известен по объяснению соборных посланий. *Мефодий (Смирнов)*, с 1791 по 1795 год ректор академии, впоследствии епископ воронежский, коломенский, архиепископ тверской и псковский (ум. 1815), толкователь св. Писания. Особенно трудился для объяснения св. Писания ректор ярославской семинарии и впоследствии архиепископ псковский (с 1798 г.), *Ириней (Клементьевский)*. Он писал толкования на послания к Римлянам и Евреям, на 12 меньших пророков и на пр. Даниила, по греческому и еврейскому тексту, наконец по тому и другому тексту толкование на псалмы, впрочем извлеченное из Беллярминова толкования. Ириней известен также, как догматист и филолог. Состоя членом Российской Академии он много переводил святоотеческих творений с греческого языка. Один из просвещеннейших пастырей своего времени, состоявший членом Синода, владыка Ириней в 1814 г. был уволен на покой и скончался в 1818 г. *Ириней (Фальковский)*, преподаватель киевской академии, впоследствии ее ректор и еп. Чигиринский, весьма и разносторонне даровитый, писал толкование на послания апостольские. Продолжал он трудиться в XIX в., скончавшись в 1823 г.

«Вообще все эти и другие опыты, как первые опыты, были не зрелы», пишет в «Истории» архиеп. Филарет, «они редко бывали делом собственного размышления и чаще были рассуждениями о догматической или нравственной мысли Писания, чем объяснениями слов Писания. Но и в таком виде они много приносили пользы для церкви. Новым образованием духовных учебных заведений более, чем прежде, обращено внимание на св. Писание. Отселе естественно, что со временем более и более поставлялись в состояние отчетливо уяснять себе слово Божие: но справедливая осмотрительность требовала не спешить, и не спешили изданием трудов для объяснения св. Писания. Еще св. Тихон Воронежский считал нужным и решался сам перевести *Псалтирь* с еврейского и *Новый Завет* с греческого на русский язык. Многие другие также видели нужду в переводе св. Писания с оригинального языка. Архиеп. московский *Амвросий Зертис-Каменский* переводил с Лящевским *Псалтирь* с подлинника. Труд был закончен и

приготовлен к печати. Мученическая смерть архипастыря остановила дело.» Знаменский поясняет, что Свят. Тихон постеснялся издать свои переводы, опасаясь церковного соблазна.

Катихизическое учение детям и народу указано было Синодом необходимою обязанностью пастырей Церкви.

Архиеп. *Феофан (Прокопович)* написал катихизис и букварь с объяснением заповедей Божиих, довольно долго заслуживавшие одобрение для общего употребления. В одно время с ним префект московской академии, потом иеромонах соборный Александро-Невской Лавры, *Стефан (Прибылович)* написал род катихизиса в 14 статьях, под названием «Путь в царствие Божие». В 1743 г. Синод писал Сенату, что дворяне и чиновники, обучив своих детей читать часослов и Псалтирь, отдают их учиться светским наукам, но не заботятся о том, чтобы дети достаточно знали основания веры и благочестия, – предметы самые необходимые и важные для каждого. При такой несообразности дел с долгом Синод требовал предписать указами: учить детей катихизису у способных священников, а при определении на службу испытывать их в знании катихизиса. Вследствие этого, Сенат приказал взыскивать штраф с родителей, если дети, при определении на службу, окажутся незнающими правил веры и благочестия. Указом 20 апр. 1743 г. было положено во всех светских учебных заведениях преподавать закон Божий, и законоучителями быть духовным лицам. Прот. *Сидоровским* изданы были для Смольного института соответственные книги. Архим. *Макарий (Сусальников)*, законоучитель кадет, написал «Наставление отрокам». Лучший по своему времени катихизис для детей написал митр. московский *Платон (Левшин)*. (Архиеп. Филарет).

Для народа катехизическое учение преподавалось публично наставниками киевской и московской академий. Ректорами для сего избирались способные учителя. Беседы предлагались то в храме, то в аудитории. Митр. Платон, когда был еще учителем поэзии, мирянином Петром, приобрел себе громкую известность катехизическими беседами. В своей автобиографии он пишет:

«На Левшина возложена была должность, по порядку, принятому в академии, толковать катихизис публично, по воскресным дням, в собрании академии и всех со стороны всякого состояния людей, для слушания приходящих. Никогда, можно сказать, во всю жизнь не был столько счастлив Петр, как при сем случае. Собрание всякого состояния людей столь было велико, что никогда еще в академии этого не случилось. Хотя палата была не мала, но теснота и духота были чрезмерные. Некоторые из слушателей, малых своих детей приводя, повергали к ногам учителя, повторяя им, чтобы они учителя слушали и помнили. Сие умножало ревность в Левшине, ибо он чрез два часа и более толкование продолжал, обливаясь и измокнув весь от поту. Усердные слушатели из знаменитых московских купцов в воскресные дни его посещали и провозглашали в своих разговорах московским апостолом». В 1761 г. указом Синода объяснение катихизиса было введено в московском Успенском соборе, «как дело нужное для всех чад веры и как предостережение от пагубных льстецов». Преподавание поручено было священникам, окончившим академию.

Архиеп. *Филарет* говорит, что в тот период истории Церкви оригинальных систематиков веры и нравственности, как и оригинальных толкователей Писания, было немного. Он упоминает следующих духовных лиц, давая о них отзывы:

Феофан (Прокопович), после Киева три года слушавший уроки в Риме, но оттуда вынесший отвращение от папизма, даже не всегда справедливое, преподавал в киевской академии «христианское православное богословие»; сочинитель предлагал его в трактатах, не связываясь формами схоластики; но он не успел довести до конца обширной своей догматики.

Самуил (Миславский), ректор киевский, впоследствии митрополит киевский (ум. 1796 г.), пересмотрел, дополнил и издал догматику Феофана. Он же издал трактат Зерникова о происхождении Св. Духа.

Феофилакт (Горский) писал для московской академии: «Учение восточной православной церкви о вере и деятельности». Здесь менее оригинального, чем у Феофана, «но

более ясности в изложении и правильности в распорядке частей; притом, кроме полной догматики, здесь есть и учение о христианской нравственности; доказательства заимствуются из св. Писания, но приводятся и свидетельства отцов Церкви.»

Митр. *Платон*, когда был законоучителем наследника престола, написал для него на русском языке «Православное учение», которое потом было переведено на многие иностранные языки. *Макарий (Петрович)*, серб, получивший образование в московской академии, проповедник ея, с 1761 г. префект, с 1763 г. архимандрит и ректор тверской семинарии. Составил систему «богословия», которая отличается сколько глубиной мыслей христианских, столько же логическою силою доказательств. Проповеди его отличались ясностью мысли и сердечным красноречием. Владел русским языком, как немногие русские.

Умер 32 лет в 1766 г. Свят. *Тихон*, епископ воронежский. Дополнив размышлениями читанные им в тверской семинарии догматико-нравственные наставления, оставил прекрасное сочинение: «Об истинном христианстве». Хотя оно не имеет систематической строгости, но зато проникнуто истинным христианским духом и оригинально с начала до конца. *Ириней (Фальковский)*, даровитый ректор киевский и епископ Чигиринский (с 1807 г., скончался в 1823). Известен его труд «Сокращенная православная догматика». Сочинение отличается систематическою строгостию, отчетливостию и ясностию. Сочинение расположено по плану Феофановой догматики, но далеко лучше той по содержанию и по изложению. Это – лучшая догматика из писанных дотоле в России по ея ясности, отчетливости и систематической строгости.

Проф. П. Знаменский упоминает еще о следующих тружениках науки. Митр. *Гавриил (Петров)* оставил в рукописи хорошую богословскую систему. Иеродиакон Александро-Невской Лавры *Герман* перевел с греческого преп. *Макария Египетского* и, вместе с иеродиаконом *Модестом*, составил симфонию на св. Писание (1773). *Сильвестр (Лебединский)*, ректор астраханский и казанский, епископ переяславский, с

1807 архангельский архиепископ, написал «Приточник Евангельский» и духовно-нравственное сочинение «Нетленная пища». По пастырскому богословию написал «О должностях пресвитеров» владыка *Парфений (Сопковский)*, епископ смоленский (1761–95). По литургике – «Новая скрижаль» – написана владыкой *Вениамином (Румовским)*. По свидетельству архиеп. Филарета – труд оригинальный. Объяснение христианского храма, его принадлежностей и священнодействий. Страдает русский язык, заметна латинская конструкция. С 1774 г. был епископом олонецким, с 1775 г. – архангельским, с 1798 г. – нижегородским. Во время управления архангельской епархией еп. Вениамин собрал древния рукописи и летописи для составления истории местной церкви. Им предписано было монастырям и церквам завести памятные книжки, с занесением древних достопамятностей и продолжением записей важных случаев. На основании собранного издано было исторически ценное описание архангельской епархии. Им сочинена Священная история для малолетних детей, на русском, греческом, латинском и французском языках (1778 г.).

Владыка *Дамаскин (Семенов-Руднев)*, воспитанник московской академии, с 1772 г. слушал уроки в Геттингене по богословским наукам, истории, математике, и усовершенствовался в знании языков еврейского, греческого, французского и немецкого. В 1773 г. в Академии Наук получил степени профессора философии, истории и филологии; с 1775 г. префект, потом ректор московской академии; был одним из близких сотрудников митр. Платона. Будучи уже ректором-архимандритом, он по воскресным дням публично в аудитории изъяснял св. Писание. Слушать собирались весьма многие из дворян и купцов. С 1782 г. епископ севский, 1783–1794 епископ нижегородский; скончался на покое в 1795 г. Владыка Дамаскин написал на немецком языке сокращенную летопись древней Руси по Нестору, изд. в 1771 г. в Германии. Этот труд доставил ему известность в ученой Германии. Им изданы были лекции архиеп. Феофана (Прокоповича), с некоторыми дополнениями. Архиеп. Филарет пишет: «Этими прибавлениями сочинение

Феофана исправлено и пополнено, так что получило гораздо больше цены против прежнего... В 1785 г. написана им «Библиотека российская или сведения о всех книгах в России с начала типографии на свет вышедших» ... Сочинение по тому времени превосходное ... Им переведено на латинский язык православное учение митр. Платона (1774); изданы сочинения Платона в 9 частях, Москва 1779 г., сочинения Ломоносова в 3 частях, Москва 1778 г.».

Имп. *Екатерина II* писала еп. *Дамаскину*: «Считая, что в нижегородской семинарии преподается учение языков разных народов, в епархии вашей обретающихся, я желаю, чтобы в. преосвященство доставили мне словарь тех языков, написав то по российски каждое слово, как оно произносится». Для исполнения воли государыни избраны были лучшие ученики, некоторые из священников и образованных в св. вере инородцев. Под непосредственным надзором преосвященного в 7 месяцев составлен был *словарь* четырех инородческих языков, в двух томах. Слова расположены по русскому алфавиту. Против русского слова писались в графах слова по русски – татарские, мордовские, чувашские и черемисские. Преосвященный прибавил исторические и статистические сведения о народах. Словарь отправлен был императрице 13 апр. 1785 г. Список его, в 1000 листов, – в библиотеке нижегородской семинарии. Словарь полезен был для местных проповедников св. веры. Преосвященный писал и мордовскую грамматику, но она осталась неизданною (Архиеп. Филарет). В 1783 г. он был избран членом Российской Академии Наук.

Как филолог, выдвинулся протоиерей московского Архангельского собора, *Петр Алексеевич Алексеев* (ум. 1801), член Академии Наук. Он написал церковный славянский словарь. Объяснения словам довольно отчетливые; труд полезный и ныне для некоторых справок. Как историк интересен по «Словарю еретиков и раскольников». Архиеп. Филарет, давая этот отзыв, считает о. Петра большим интриганом, занимавшимся доносами, в частности на митр. Платона. Упомянувшийся выше владыка *Мефодий (Смирнов)*, известен также своим трудом «Священное богословие, основанное

преимущественно на Св. Писании», написанное им в бытность ректором лаврской школы. Архиеп. Филарет отмечает, что в первой книге есть история богословия, чего не было ни у Феофана, ни у Феофилакта. Во всей системе Мефодия больше связности и отчетливости, чем у Феофилакта. Когда Мефодий переведен был из лавры ректором в московскую академию, то большая часть учеников вслед за ним перешла в Москву. Это показывает, до какой степени лекции Мефодия увлекали собою молодых слушателей его. Известен он также как историк, педагог и филолог. С конца XVIII в. начали являться труды известного историка и археолога, владыки *Евгения (Болховитинова)*, будущего митрополита киевского, о котором будет говориться в следующем разделе.

Как на выдающихся проповедников, архиеп. Филарет указывает на владык: *Феофана (Прокоповича)*, *Гедеона (Криновского)*, *Георгия (Конисского)*, *Анастасия (Братановского)*, в конце XVIII в. епископа белорусского, потом архиепископа астраханского, митр. *Платона (Левшина)*, которого по дару слова ставит выше других. Отмечая, что он не был свободен от латинского строя речи архиеп. Филарет говорит, что проповеди его дышали простотой и силой благочестия. Он оставил по себе более 600 слов и речей, говоря часто и изустно. Проповедниками менее крупными владыка Филарет считает иерархов: Амвросия (Юшкевича), Гавриила (Бужинского) – архиепископов новгородских, митр. киевского Арсения (Могилянского), Арсения (Мацеевича), Иоасафа (Заболотского) архиеп. тверского, Тихона (Малинина) архиеп. астраханского, Иннокентия (Нечаева) архиеп. псковского, митр. Гавриила (Петрова), Симона (Лагова), еп. рязанского. Выдающимся проповедником был владыка *Мефодий (Смирнов)*. О нем архиеп. Филарет пишет: «Отличие проповеди его – пастырская простота, не заботливая о пышном уборе слов, но умная по мыслям; слог его для времени очень легок. Прямой и откровенный, он говорил иногда и строгим тоном пастыря». Знаменский упоминает еще об еп. Дамаскине (Семенове-Рудневе) и протоиерее киевского софийского собора (с 1785 года) Иоанне Леванде, ученике киевской академии

(1736–1814). Известен был простотою слога и ясностью изложения мыслей архиеп. псковский Ириней (Клементьевский).

Св. Синод и епархиальные начальства для усиления церковной проповеди завели для ученого духовенства очередное оказывание проповедей в соборах и обязательное число проповедей в год. Для неученых священнослужителей Синод издал два сборника готовых проповедей на воскресные и праздничные дни (1775) и на каждый день года (1781).

Архиеп. Филарет пишет: «Свят. Синод много заботился и о том, дабы для народного чтения были издаваемы сочинения, вполне назидательные, пища здравая, но отнюдь не испорченная чем-либо. В 1741 г. киевская лавра желала вновь издать *Четьи-Минеи* св. Димитрия и испрашивала дозволения на то у Св. Синода. Синод предписал 10 июля 1741 г. проверить книги по историческим памятникам и указам Синода, исправить выражения, составить указатель святых и представить о последствиях. Лавра медлила исполнить указ, частью по недостатку лиц способных, частью по недостатку способов к проверке. Между тем, черногорский митрополит Василий Петрович прислал в Синод просьбу ускорить издание Четьих-Миней, как очень полезных для церкви. Св. Синод поручил новгородскому ректору *Иоасафу Миткевичу* и петербургскому ректору *Никодиму* пересмотреть минеи и обязал их представлять каждый месяц свои замечания. В мае 1756 г. окончили они пересмотр шести месяцев, а к октябрю пересмотрели и другую половину. Св. Синод присовокупил от себя предисловие, с объяснением причин по коим совершено исправление трудов Св. Димитрия. «Святитель Христов Димитрий, говорит предисловие, со всяким смиренномудрием признает свои в первой книге учиненные недосмотрения и погрешности и, исправив сам иные, другия, в книгах его обрестися могущия, отдает на рассмотрение и исправление церковное, зная, что всякие исторические правды одна другую превзыти могут достовернейшими доказательствами». Так совершено новое издание миней св. Димитрия».

«Св. Синод положил издать для общей пользы и *Печерский Патерик* в виде исправном. Лучший способ исправить патерик

состоял в сличении его с древними списками. Сѣнод предписал (мая 5 1746 г.): «в Киево-Печерской лавре и в других киевских монастырях, не отлагая времени, отыскать книги патерика самые оригинальные и прислать в Сѣнод». Но в лавре, после пожара 1718 г., не осталось никаких старых книг. Посему Сѣнод предписал ректорам Иоасафу и Никодиму пересмотреть так же патерик, как пересмотрены четьи-минеи. Исправленный патерик издан был в 1759 г.»

«В 1767 г. указом Сѣнода (от 19 ноября) предписано было Гавриилу, епископу тверскому, «для пользы св. церкви рассмотреть прилежно пролог». Для чтения в церквах изданы были Сѣнодом два собрания поучений, избранных то из отеческих сочинений, то из других сочинений преосвященными Гавриилом и Платоном».

«Весьма полезное сочинение для народа написана было св. *Тихоном* Воронежским; его «Наставление христианское», с заменю некоторых частей наставления из других его сочинений, издано и издается св. Сѣнодом для общего употребления. «Училище благочестия» или примеры жизни, выбранные из житий святых и описанные слогом живым и ясным, составляют прекрасный подарок прот. *Мансветова* для всех возрастов христианских». Прот. Григорий Мансветов, обер-священник армии, преставился в 1832 г. Произведения его были напечатаны в XIX столетии.

Борьба с вредными для веры западными влияниями

Общий недостаток русского образования в первой половине XVIII в. заключался в том, что оно имело узко-практическое, сословно-служебное направление. Предварительных общих знаний не давали. Заводились цифирные, навигацкие, артиллерийские школы. Надо учитывать и то, что до 1721 г. – окончания борьбы с Швецией – все в государстве принаравливалось к военному времени. Царь-Преобразователь, Петр I, когда естественно задумался над духовным образованием, то и ему придал практический характер. Нужны были более образованные священники. Их и должна была дать духовная школа. Само это образование многими называлось «поповским».

В общих же школах обращали мало внимания на религиозное образование. Закон Божий просто не учился. Стремление все же поддержать религиозные начала в народе побудило царя Петра дать распоряжение об издании катихизических книжек и об усилении церковной проповеди. При имп. Елисавете в 1743 г. родители штрафовались за необучение детей катихизису и в знании его испытывались определявшие на службу. Все поручалось заботам семьи. Когда во второй половине XVIII в. ввели Закон Божий в общеобразовательные школы, пришлось уже считаться со взглядом общества на этот предмет, как особенно «поповский». Изучение его, к тому же, ослаблялось указаниями не заражать детей суеверием и фанатизмом. Под эти же понятия подводились вопросы о ветхозаветных казнях Божиих, о страшном суде, о чудесах и пр. Предлагалось внушать детям преимущественно правила морали и естественной религии и проповедывать важность веротерпимости.

Русское общество, подвергшись в царствование Петра I разнообразным противорелигиозным влияниям с Запада, было беспомощным для отражения лжеучений. Протестанты насмехались над русской народной верой. Те, кто в обществе

подпадали под их влияние, начинали пренебрегать обрядами, постами, с пренебрежением относились к духовенству, переставали почитать иконы и пр. Ярким выражением такого настроения явилась ересь *Тверитинова*. Правительство, борясь с суевериями, порой слишком распространительно толковало о них. Но все же не правительство, а само общество все более заражалось вольнодумством. Пастырям церкви в это время трудно было бороться с этим. Вольнодумство это прикрывалось приверженностью к реформам, в царствование же имп. Анны смелым обличениям пастырей придавался обличаемыми противоправительственный характер. Обличения пастырей могли прозвучать свободно лишь в царствование имп. *Елисаветы*. Благочестивая государыня издала ряд повелений для восстановления благочестия. Требовалось благоговейное стояние в церквях, исполнение долга исповеди и причащения, приличное содержание церквей и св. икон, усиление духовной цензуры, мер против отступничества от православия. Но, к сожалению, в то же время стало проникать в Россию *французское влияние*. Франция же того времени охватывалась все более *философским вольнодумством*.

Во Франции в то время господствовала модная *философия просвещения*, проповедовавшая полную безрелигиозность и сенсуализм. Русское образованное общество стало воспитывать своих детей на французском языке с помощью французских гувернеров, проводников этих самоновейших идей модной философии. Такое воспитание отрывало молодое поколение от родных корней, лишало его не только любви к родине, к которой гувернеры внушали презрение, и благоговения к религии, представляемой принадлежностью лишь невежественных низов, но часто даже русского языка. Непонятным в таких случаях становились ему православные богослужения и все с ними связанное. Находились родители, которые, по убеждению, не давали детям религиозного воспитания, запрещали даже говорить о религии, а духовенство не пускали в свои дома. Участились случаи отправки молодых людей родителями за границу, особенно в Париж, где они укоренялись в своем противорелигиозном и интернациональном заблуждениях.

Вольтер сделался кумиром для поклонников новой философии и к нему модным считалось совершать «паломничества». По примеру самой имп. Екатерины, многие русские вельможи вели с ним переписку. Нравственное разложение общества, сдвинувшегося со своих вековых устоев, делалось все больше. Разврат оправдывался требованием непогрешимой природы. Духовенство было бессильным. Его просто не слушали. Просвещенное вольнодумство, выступившее под знаменем науки и философии, господствовало. Выступления против этого объявлялось сразу суеверием, мракобесием. Великий святитель епископ *Тихон* Воронежский, однажды мягко и кротко увещевавший одного вольнодумца дворянина, получил от него пощечину. Святитель сам пал в ноги обидчику, прося прощения за огорчение. Это так подействовало на того, что он бросил свое вольтерьянство и стал хорошим христианином. (Знаменский).

Архиеп. Филарет по этому поводу пишет: «Реформация, открывшая простор разуму, дойдя до крайности, явилась в французских энциклопедистах по отношению к вере служением богине разума, а в приложении к политике – уничтожением всякой власти, в пользу диких страстей. Агенты парижских философов являлись везде учителями изящного вкуса и воспитателями человечества. В том же виде являлись они и в Россию. Ослепление умов было так велико, что все знаменитости Европы благоговели пред энциклопедистами, как пред великими умами, – и импер. Екатерина вела переписку с желчным Вольтером. Русские вельможи принимали в воспитатели детей людей, не имевших ничего кроме развратного сердца и имени француза. Эти педагоги предлагали вместо евангелия сочинения Вольтера, Райнальда и других врагов христианства, а разговорами и примером жизни старались доканчивать разврат ума и сердца в слушателях своих. Любимым делом стало смеяться над всем святым; а некоторые печатали в переводе русском сочинения Вольтера для распространения язвы в народе. По милости Божией, в России все ограничивалось высшим кругом общества, где притом находило против себя глубокое негодование в людях,

подобных Суворову. Ужасы революции заставили осмотреться как беззаботных последователей энциклопедизма, так и не довольно ясно видевших опасные стороны его. Прекрасно было, в христианском духе, сознание императрицы Екатерины: «я ошиблась, – говорила она о парижских событиях; – это не бунт; это, Бог знает, что такое; закроем высокоумные наши книги и примемся за букварь». Она выдала указ не впускать в Россию ни книг, ни людей из Франции, обратила строгое внимание на тайные общества и учебные заведения. Митр. *Платону* поручено было рассмотреть иностранные философские и политические книги, переведенные в России. «Поистине, – писал он к графу Остерману, – новопроникшие философские начала, угрожающие не только религии, но и политической основательности, требуют всеприлежной предосторожности...» *Post mortem sero medicina paratur*. Пастыри церкви в домах и на кафедре, в разговорах и на бумаге показывали низость и пагубу парижской мудрости. Так *Анастасий Братановский* показывал слушателям своим, что неверующий – не человек. «Первое человеческое достоинство, слава и честь, состоит в признании и познании Бога; в сем разум, в сем мудрость, в сем слава и честь, в сем весь человек. Животность телесная сближает нас токмо с бессловесными. Смысленный дух отличает нас от скотов. Но и с сим смысленным духом, без благочестия к Богу, скотен есть человек, если только и скоты не гордятся преимуществом своим пред человеком- нечестивцем. *Позна вол стяжавшего его и осел ясли господина своего, Израиль же Мене не позна, и людие Мои не разумеша Мене*, жалуется Бог». Прекрасны слова его о нужде для человека откровения Божия, о Промысле Божиим над человеком, о бессмертии, об источниках неверия. Туже ревность показывали: *Амвросий Зертис-Каменский, Иринея, Феоктист*. Много переведено полезных книг светскими людьми, которых так теснил французский дух. Более же всего пастыри церкви возлагали надежду на невидимого Защитника и Правителя церкви, против Которого так нагло восставал парижский дух. И благодать Божия побеждала врагов при посредстве самых простых служителей ея. «Дети, – говорил

страшно разбитый параличем Фон-Визин питомцам университета, – возьмите с меня пример, я наказан за свое вольнодумство; не оскорбляйте Бога ни словами, ни мыслию». С благоговением ношу я, – писал он в предсмертном сочинении, – наложенный на меня крест и не престану до конца жизни моей восклицать: «Господи, благо мне, яко смирил мя еси!»

Особенно строгия меры приняты были имп. *Павлом I*. В 1799 г. в первый раз была установлена особая *духовная цензура*, долженствовавшая просматривать и разрешать книги. Первый комитет ее находился в московском Даниловом монастыре.

Одновременно с французским вольнодумством, как известное противодействие ему, развилось в обществе *мистическое* направление, сосредоточенное первоначально в *масонских ложах*, тоже заимствованных с Запада. Главными деятелями масонства в царствование имп. *Екатерины II* были профессор философии московского университета Иван Григорьевич *Шварц*, сильно выступавший против современного неверия своими лекциями, и журналист Николай Иванович *Новиков*, издававший религиозные книги мистического направления. Последний известен развитием книжной торговли и созданием бесплатной библиотеки общего пользования. В 1782 г. устроилось в Москве «*Дружеское ученое общество*», в котором приняли участие многие члены русского масонства. Общество объявило целью своей – издание религиозных книг, покровительство молодым талантам, устройство школ, больниц, помощь бедным. При обществе существовала филологическая семинария. Благотворительность была развита широко. Но *масонство расходилось с Церковью*. «Оно исповедовало не православную Церковь, пишет Знаменский, а мистический теизм, чуждый всяких вероисповедных догматов, стремилось к мистическому слиянию с Божеством в высшей мудрости и нравственности помимо церкви, считая себя выше всех церквей; в него принимались на одинаковых правах члены всех вероисповеданий». Оно желало быть в мире с православною Церковью. «Дружеское Ученое Общество» избрало митр. Платона своим протектором. «Но все-таки Церковь»,

продолжает Знаменский, «не могла признавать масонов своими чадами, хотя особенно твердо против них и не высказывалась, видя, что они все-таки несколько помогают ей против вольтерьянства».

В 1785 г. масоны заподозрены были в сектантстве и митр. Платону было поручено рассмотреть изданные ими книги. В своем отзыве владыка написал, что одне из них обыкновенные литературные, другия – мистические, которых он не понимает, третьи – сочинения энциклопедистов, самые зловредные для св. веры. «Замечательно, – пишет Знаменский, – что после такого отзыва запрещены были все-таки книги второго, а не третьего разряда». В связи с этим расследованием, архиеп. Филарет в «Обзоре» пишет: «Как случилось, что сочинения масонские признаны за сочинения энциклопедистов? В сущности масонство и энциклопедизм походят друг на друга: там и здесь гуляют произвол ума, строящего по своему усмотрению систему религии; там и здесь полная независимость от церкви... В нем (масонстве) на место благодати Христовой поставляется свет разума и Христос Иисус не более, как необыкновенный учитель... Для масона, как и для энциклопедиста, всякая вера хороша и каждый выбирай себе, какую хочет... Нравственность масонская также дает волю страстям, как и учение энциклопедистов...» Владыка Филарет установил, что ряд книг масонских не попал на рассмотрение комиссии митр. Платона. «Намеренно или ненамеренно полициею не были доставлены и несколько других сочинений масонских, печатанных в тайной типографии масонов».

Последовал указ 27 июня 1786 г.: «в частных типографиях отнюдь не печатать книг церковных или к св. Писанию, вере, либо толкованию закона и святости относящих». «Да и тогда еще, как назначалась комиссия для проверки книг, печатанных в вольных типографиях», пишет архиеп. Филарет, «предписано было «наблюдать, чтобы печатаны не были книги, в коих какие либо колобродства, нелепые умствования и раскол скрываются». Это был сильный удар и для масонства. Установление духовной цензуры, объявленное тогда же, было благодеянием для св. церкви».

Своими таинственными сношениями с заграничными собратиями масоны навлекли на себя подозрения политические. В 1791 году ложи их были запрещены. Типографская компания, как называлось тогда «Дружеское общество», была закрыта, мистические книги обречены на сожжение. В 1792 г. *Новиков* был заключен в Петропавловскую крепость на 15 лет.

В царствование имп. *Павла I*, сначала благоволившего к масонству, оно снова окрепло. Новиков был освобожден в первый день его царствования. Некоторые масоны, например, Лопухин, были приближены ко двору и облечены важными должностями.

Простой народ сохранил целиком старую жизнь еще допетровской Руси и относился с недоверием ко всем представителям новой жизни. Из просветительных забот правительства в XVIIIв. его коснулись разве только заботы об искоренении *суеверий*, да и то в первой половине столетия не столько в видах чисто просветительных, сколько в видах политических. Всем своим образованием народ обязан был одному *приходскому духовенству*, которое, не поддавшись тлетворным влияниям, оставалось, вместе с тем, единственным соединительным звеном между ним и образованными классами. Первые попытки к введению народного образования, впрочем неудачные, проявляются в царствование имп. Екатерины II, распорядившейся повсюду заводить для народа бесплатные общеобразовательные школы в тогдашнем духе. Народ отнесся к этим школам с недоверием и продолжал учить своих детей у прежних учителей, хотя и с платою. Правительство, упорствуя в проведении своего теоретического и модного по тому времени плана, начало теснить старых учителей. Оно стало требовать от них свидетельств об изучении того «метода», который предполагалось проводить, и закрывало школы. Итоги получились печальные: старинный и привычный источник народного образования был ослаблен, свои же народные школы устроить не удалось. (Знаменский).

Сектантство

Знаменский пишет: «В своей обособленности от образованных классов народ особняком развивался и в религиозном отношении, не веря ничему, чему его желали научить люди этих классов, отстраняясь в иных случаях даже от самого народного из этих классов – духовенства. У него было свое православие, свои и ереси с расколами. Народное сектантство и раскол составляют поэтому только частную, хотя и самую важную, форму многостороннего общего разрыва между образованною по новому и необразованною по старому частями русского народа. Одной из самых старших народных сект, начало которых уходит еще в XVII век было *хлыстовство* или ересь людей Божиих».

В «Полном Прав. Богосл. Энцикл. Словаре» указывается, что некоторые исследователи считают хлыстовство наносным явлением с Запада, на подобие сект западных – бичующих, пляшущих и т. п., другие признают его самобытным произведением русского духа. Далее говорится: «Вероятнее всего, что дуалистическое воззрение хлыстовства возникло, с одной стороны, под влиянием языческих верований наших предков, с другой стороны, и под влиянием богомильских идей, распространявшихся у нас через апокрифическую литературу». Название хлыстов произошло или от одного из их обрядов, при совершении которого они хлещут и бьют себя по телу жгутами, прутьями, или же есть искаженное произношение «христовщина» (секта управляется «христами»). Они не любят, когда называют их хлыстами, именуюя себя «людьми Божиими». Появление секты «большинство ученых относят к 1645 г., основателем ее называют костромича Данилу Филиппова, первого хлыстовского «Саваофа».

Архиеп. Филарет считает хлыстовство занесенным в Россию из Европы квакерами. Отмечая несообразность их рассказов о своем происхождении, он пишет: «По всему видно, что их начало не восходит далее Квирина Кульмана, сожженного в Москве. Их беглый солдат Данила Филиппыч, по духу Кульмана

именовавший себя открывшимся богом и объявивший Ивана Тимофеевича Суслова сыном-христом, был современником св. Димитрия. Суслов с жившею с ним девушкою, которую назвал он богородицею и дочерью бога, набрал себе из слушателей своих 12 избранных-апостолов, и скитался с ними по берегам Оки и Волги для распространения учения своего. «Пристанище того христа, говорит св. Димитрий, в селе, зовомом Павлов Перевоз, на реке Оке, за Нижним городом 60 верст». В селе Работках, ниже по Волге, в ветхой и пустой церкви, собирал он своих на моления и принимал от них поклонения. Он пробрался и в Москву, где приобрел себе последователей, и умер в 1716 г., передав звание христа Прокопию Лубкину. Этот мятежный стрелец, признав жену свою за богородицу, также скитался по губерниям: Нижегородской, Владимирской и Ярославской. В июне 1716 г. он пойман был со своими апостолами в Угличе, но как-то освободился от суда и жил потом в Москве (до 1732 г.) Исступленная ученица его – Агафия Карпова основала общество в Веневе, захваченное в 1725 г. Это общество было отпущено из коломенской консистории секретарем ея. Там и здесь сектаторы обязывались клятвою не открывать друг друга и своих тайн. Они старались получить вдохновение пляскою: вертелись, прыгали, махали руками, «в том образе, яко ангелы крылами»; иные били себя во время пляски палками; от пляски иные приходили в совершенное исступление, что называли вдохновением Божиим и принимали вид пророков; пляску исступления называли вторым крещением, крещением истинным, а первое крещение считали крещением ненужным; хулили и тайну евхаристии и тайну брака; вместо причастия раздавали свой хлеб, а по ночам предавались разврату. По решению Верховного Совета, 116 сектаторов, в том числе один швед, наказанные кнутом, посланы были в разные места Сибири. А исступленные распространители ереси: «пророчица и богородица Агафия Карпова», пророки: Феодор Муратин и Тимофей Струков казнены смертию». Сгнод призывал сектантов покаяться, обещая им прощение. Известные добрые последствия эта мера имела. Но секта продолжала существовать. Не помогли и строгия против нея меры,

предпринятые в 1745 – 1752 гг. Хлысты скрывали свои убеждения под покровом непроницаемой тайны. Ересь успела распространиться по всем внутренним губерниям, по Волге, на Дону, на Кавказе и в Сибири.

Из хлыстовства вышла секта *скопцов*. Оставив у себя почти все хлыстовское учение и обрядность, они до крайности расширили нравственное учение об умерщвлении плоти, требуя от всех оскотления. Основателем этой секты был орловский крестьянин *Кондратий Селиванов*, возмущенный хлыстовским развратом и основавший свой отдельный «корабль». Он объявил себя в половине XVIII в. сыном Божиим «искупителем» (т. е. оскотителем), пришедшим спасти род человеческий от «ле- пости» (сладострастия), крестить «огненным крещением» и «сокрушать душепагубного змия» (т. е. оскотлять). Архиеп. Филарет пишет: «По тайному учению их, в начале всего – Бог Отец, единый и неразделимый. Он сотворил мир и является, как Сын во Христе, Который однако только «исполнен благодати», проникнут Божеством, но не есть Сам Бог. Как Дух Святой, открывается Он в истинных Своих детях – скопцах. К Нему то обращены песни скопцов, оканчивающиеся словом: *авдох – авва-дох*. Христос в последнее время явился в образе Петра III, или, что то же у скопцов, в образе Селиванова и, скрывшись до времени, явится на суд, после чего настанет царство скопцов». Самым иступленным помощником Селиванова был *Александр Шилов*. Сперва Селиванов соблазнял простяков в Тульской губ. Потом гнездом скопцов явилась Сосновка, дворцовое село Тамбовской губ. Здесь Селиванов и Шилов в короткое время оскотили более 200 человек. Когда это было узвано, как и то, что сектанты употребляют имя имп. Петра III, Селиванов, наказанный кнутом (1778), сослан был на Камчатку. Шилов с несколькими сектантами был отправлен в Рижскую крепость и, наказанный плетью, посажен в Дюнамюндскую крепость. И в заключении они не переставали приобретать себе последователей. Учение скопцов первоначально распространялось в Тамбовской и Рязанской губерниях, но потом проникло всюду. Имп. Павел I приказал в 1797 г. перевести Селиванова в петербургский дом

умалишенных. Шилов был переведен в Шлиссельбургскую крепость, где скоро и умер (1799 г.).

Особенно вредной сектой были *духоборцы*. Около 1740–50 гг. в Харьковской губ., в с. Охочем, явился бродяга, называвший себя отставным прусским унтер-офицером. Вскоре он успел снискать себе доверие у местных раскольников. Он явился учителем новой секты. Харьковские духоборцы считали его своим основателем. Немного позднее *Силуан Колесников* завел ту же секту в с. Никольском, Екатеринославской губ. Бывалый человек, грамотный, знакомый с мистическими сочинениями, строгий по жизни и большой говорун, он легко нашел себе слушателей. Сыновья его Кирилл и Петр продолжали дело отца. Более всех действовал, как распространитель секты, беглый гвардеец *Капустин*, скрывавшийся в степном хуторе Екатеринославской губ. В Тамбовской губ. действовал одиодворец *Побирохн*, богатый торговец шерстью, обладавший начитанностью и даром слова. Он называл себя сыном Божиим, избрал 12 «апостолов», названных им «архангелами» и 12 «смертоносных ангелов», преследовавших оставлявших секту. Архиеп. Филарет называет их «душителями». За свою пропаганду он с детьми был сослан в Сибирь на поселение. В южных губерниях секта имела распространение, поднимала даже бунты. В 1799 г. вспыхнул бунт в Малороссии.

«Духоборство», пишет Знаменский, «выступило с безусловным отрицанием всей религиозной внешности во имя поклонения Богу духом и истиною. Отрицая не только авторитет Церкви во всех его видах, но и всего почти внешнего откровения, ересь признала единственным источником веры «книгу животную» или слово Божие внутреннее, т. е. допустила полный произвол в делах веры. На основании внушения этого внутреннего слова еретиками принято понимать и внешнее откровение, св. Писание, имеющее, по их мнению, только второстепенное значение пред внутренним. При таком произволе в делах веры духоборцы не развили у себя определенной догматики. Трудно сказать верят ли они даже в истинного Христа, так как толкуют только о внутреннем слове, которое будто бы совершает внутри человека то же самое дело

искупления, что и Христос, рождается в сердце верующего, проповедует, страдает, умирает и воскресает... По их словам, каждый отвечает лишь за собственные грехи и грех Адама был только его личным грехом. Обрядность секты самая упрощенная – состоит только в чтении и пении некоторых песней, не имеет ни праздников, ни постов, ни обрядов на разные случаи жизни.»

Архиеп. Филарет, считая духоборство самой злой отраслью квакерства⁴¹), пишет, что оно «есть мистический натурализм, не принимающий ничего существенного из христианства; иначе – это есть чистое антихристианство, прикрывающее себя именем христианства, по расчету».

Духоборчество распространялось первоначально в Тамбовской, Харьковской и Екатеринославской губерниях, затем перешло на Волгу, на Дон и Сибирь. До царствования имп. Александра I духоборцев преследовали, отдавали в солдаты, ссылали в Колу и в Сибирь.

Из духоборства выделилась новая ересь *молоканство*. Основателем секты был, живший во второй половине XVIII в., Семен Уклеин, крестьянин Борисоглебского уезда, Тамбовской губ. Занимаясь шитьем одежды и ходя из одного села в другое, он встретился с *Побирохиным*, женился на его дочери и принял духоборческое учение. Через пять лет они разошлись. После этого Уклеин сблизился с последователями еретика *Тверитинова*, которых не мало было в Тамбовской губ. Усвоив их учение, он основал свою секту. Окруженный 70 учениками, которых он избрал из своих слушателей, Уклеин торжественно, с пением псалмов, вошел в Тамбов, думая открыто

проповедовать свое учение. Но полиция заключила их в тюрьму. Ученики вскоре раскаялись и вернулись к св. Церкви. Об. Уклеине было донесено имп. Екатерине II. Она повелела убеждать его отказаться от ложного учения, в противном случае предать суду. Опасаясь ссылки, Уклеин заявил о своем возвращении к православию и 6 недель ходил в церковь. Это был обман. Прибыв в с. Рассказово, он продолжал проповедывать свое лжеучение. Заметив слежку, он ушел в с. Пески, Воронежской губ. Там между духоборцами и

православными нашел он последователей. Пробравшись в Саратовскую губ., он перевел половину с. Дурныкина в свою секту. Оставив своих надежных помощников, Уклеин стал проповедовать в губерниях Астраханской, Воронежской и Екатеринославской. Название *молоканства* усвоено секте, еще в 1765 г., тамбовской консисторией, на том основании, что сектанты в пост пьют молоко, сами же они объясняют это название тем, что учение их есть «словесное млеко», о котором говорится в св. Писании.

«Молокане», пишет Знаменский, «отвергли равенство лиц Св. Троицы и истинность тела Христова, считая Его рождение, страдания, смерть и воскресение только мнимыми. Учение о христианском равенстве всех доведено ими до отрицания всяких властей, а равно законов, судов, присяги и государственной службы, особенно военной. В богослужении они завели более сложную обрядность, чем духоборцы, лучшее пение и разные моления на частные случаи жизни. Скоро молоканство стало распадаться на разные толки. Признание обязательности ветхозаветных предписаний сделалось поводом к выделению из него сект *субботников* и *жидовствующих*, а докетизм в учении о Христе сблизил некоторых молокан с хлыстами, у которых они заимствовали и богослужебные радения (прыгуны на Кавказе), и породил между ними явления разных «христов», Илий, Энохов...» Правительство относило молоканство к числу вредных сект. Распространена она была, главным образом, среди крестьян Тамбовской, Саратовской, Владимирской, Самарской, Екатеринославской губерний и на Кавказе.

Раскол старообрядчества

Знаменский пишет: «Внутренняя рознь в Русском народе, возникшая в XVII в., когда одна часть народа отделилась от другой в раскол, обвиняя последнюю в измене старой вере и в «сложении с Греками унитами», достигла высшей степени во время Петровской реформы, когда преобразованное общество «сложилось» еще с немцами. Раскол получил тогда необыкновенную силу в народе и сам дошел до высшей степени изуверства. Все действия Петра раскольники толковали применительно к разным признакам пришествия антихриста; в титуле императора (читали: иператор) усмотрели число 666, доказывали, что с учреждением Синода он принял на себя власть не только царскую, но и святительскую и Божию, стал истреблять остатки православия и учинил всенародное описание (ревизию), исчисляя живых и мертвых, дабы никто не мог укрыться от руки его.

«Государственный ум Петра, к счастью, довольно скоро разобрался в этом смешении религиозных понятий с государственными и успел установить новые, более рациональные начала для определения отношений государства к расколу: он не стал преследовать раскольников за одни их религиозные мнения, а преследовал их только за одни их противогосударственные движения и выходки и первый из русских государей дал им право гражданства, под условием только открытой записи в раскол и, в отличие от православных, лишения некоторых гражданских прав и двойного платежа подушного оклада. После этого (с 1714 г.) преследования правительства исключительно обратились против раскольников тайных, которые своим уклонением от записи в двойной оклад сами отрицались от государства, и против фанатических расколоучителей. Меры против тех и других были ничем не мягче мер, употреблявшихся в XVII в. против всего раскола вообще. Такой характер отношений к расколу удержался и при преемниках Петра в течение всей первой половины XVIII в. Духовная и гражданские власти впервые получили теперь

возможность делать прямые воззвания раскольникам с приглашением к открытому разъяснению всех их недоумений в беседах с православным духовенством без всяких стеснений и страхов. Явились капитальные раскольнические произведения, в которых раскол откровенно высказался со всех более серьезных своих сторон, каковы сочинения братьев *Денисовых*: «Поморские ответы», «История о отцах и страдальцах соловецких», «Виноград Российский». Явились и солидные опровержения раскола в «Розыске» св. Димитрия, в «Пращице» сильного борца против раскола Питирима нижегородского, который и сам происходил из раскольников, и в «Обличении неправды раскольников» Феофилакта Лопатинского».

С учреждением Синода все дела по расколу были переданы ему, но в 1725 г. была создана особая *раскольничья контора*, в которую перешли административно-полицейские дела; в ведении Синода осталась только миссионерская деятельность. Архиеп. Филарет приводит некоторые указы, касавшиеся раскольников до Екатерины II. Указом 15 мая 1722 г. повелено было казнить раскольника за совращение, хотя бы одного православного. Указами же 16 июля и 4 февраля 1727 г. повелено за совращение отсылать на галеры, наказав сперва кнутом и вырвав ноздри. 31 марта 1736 г. постановлено отсылать за распространение раскола в тяжелую горную работу. Указами 12 мая и 16 июня 1722 г. раскольничьим наставникам и попам запрещено было крестить детей раскольничьих и исправлять требы, а непослушных отсылать на увещание. Духовный Регламент установил: «По всей России никого из раскольников не возводить на власти... до последнего управления, чтобы не вооружать нам на себя лютых неприятелей, и государству и государю непрестанно зломыслящих». Указом 13 мая 1745 г. запрещено упорным суеверам называться староверцами или скитниками, и оставлено одно имя раскольников. С 1745 г. стали давать раскольникам паспорта.

Раскол сам ослаблял себя *внутренним разделением*. Внутри его и поповщинских и безпоповщинских толков шли постоянные споры о перекрещивании совращенных из

православия, о приеме беглых попов, о браке, об отношении к правительству и молитве за царя, о титуле на кресте и т. д. Но все толки относились отрицательно к господствующей Церкви. Всякий, и старый и новый, относился к ней с одинаковым фанатизмом. (Знаменский).

Безпоповщина разделялась на несколько отдельных толков. Главнейшие следующие: поморский (поморцы называются иначе «даниловцами», по имени Данилы Викулина, первого Выговского киновиарха († 1734), феодосеевский, филипповский, странников, приемлющих браки, нетовцев.

Архиеп. Филарет отмечает следующие *толки безпоповцев*. Из Данилова толка вышли *самокрещенцы*, называющиеся еще *бабушкины*. Они учили, что крещение надо совершать так, как в исключительных случаях совершали повивальные бабки. Крестили самих себя, перекрещивая, в реке или источнике. В 1706 г. беглый дьячек Феодосий Васильев отделился от выгорецкого поморского скита и составил в новгородской области толк *феодосеевцев*, который отличался особенно ненавистью к православию. Они доказывали: 1) титула, написанного Пилатом, И.Н.Ц.И., как титула евангельского, не следует отвергать; 2) пищу, покупаемую на торгах, должно очищать молитвами и поклонами; 3) поклонение иконам не своего толка – осквернение; 4) молитва за государя – нечистота; 5) брачное сожитие – тоже. Этот толк выделил феодосеевцев польских и рижских, с их особенностями. Из отрицания некоторыми брака появилась секта *детоубийц*, – людей, которые приняли за правило закапывать в землю живые плоды своей нечистой жизни. Беглый стрелец *Филипп*, надевший на себя монашеское платье, по смерти настоятеля Даниловского скита, надеялся быть полным правителем скита. Когда же избран был *Семен Дентов*, Филипп поднял смуту. Еще более возмутился он, когда даниловцы, в царствование имп. Анны, подчинились требованию молиться за царя. Филипп, объявив их еретиками, подобрав 50 сторонников, ушел за 15 верст от скита и завел *Филиппово согласие*. В нем проповедывалось самоубийство. В 1743 г., когда к ним прибыла комиссия Самарина, Филипп, с некоторыми своими последователями,

предали себя *самосожжению*. Против самоубийства восстал пастух *Денисов*. Он составил свое – *пастухово согласие*. Он запрещал брать деньги и паспорта, – на них знак антихриста. Не следует ходить по каменной мостовой, как по произведению антихриста. Мужик Онисим завел согласие *разиней*. Они, собираясь на молитву в великий четверток, стояли разиня рот, ожидая, что причащать их будут ангелы. По наставлению другого мужика, образовались *подрешетники*, которые принимают за св. причастие изюм, который выносила девка из подполья в решете и раздавала им. Другой мужик завел *потемщину*, толкуя, что надо крестить в потьмах, по ночам, как крестился Христос, или при смерти. Жена стрельца, Акулина, основала *акулимовщину* – общество братьев и сестер; вступающие в это согласие меняются крестами, целуют иконы; попы и чернецы расстригаются; живут грязно. Чернец Осип заповедал согласию *осиповщины* погребение отправлять священническое, монахиням постригать женщин. Все эти согласия безпоповщины ненавидели друг друга. Особенно сильна была вражда феодосеевцев с даниловцами-поморцами. На общем их собрании около 1780 г. поморцы оказались в большинстве. Тогда феодосеевцы стерли на крестах предмет раздора – надпись: И.Н.Ц.И., но не отказались от ненависти к царю. Перемена введена была в Москве. Но когда услышали о ней новгородские феодосеевцы, то называли московских отступниками. Последние назывались *титловцами*, как не принимающие Христова титла. (Архиеп. Филарет).

Среди *поповцев* самым замечательным толком являются – *перемазанцы*. Начало этому толку положил беглый поп Рогожского кладбища Василий. Они учили, что непременно надо священников, обращающихся к старообрядцам, перемазывать, т. е. вновь помазывать св. Мвром, что в Стародубщине тогда не делалось. А так как мвра у них не было, то и придумали, что по нужде можно самим, без архиерея, составить и освятить свое мвро. Принявшие это учение рогожцы сделались известными под именем перемазанцев и нашли себе последователей в скитах керженских и киргисских. В стародубских слободах большинство было против этой новизны. Впоследствии рогожцы

устыдились своего мѣрзновения и часть мѣрзла зарыли в землю, а остальное вылили в реку. С тех пор одни мажут простым гнилым маслом, которое потому только и называют старым, что оно гнило. Другие берут простое масло из лампы и вливают в скляночку, в которой, по преданию, будто бы находилось когда-то древнее св. мѣро, и воображают, что масло это освящается; третьи прямо сознаются: «мы ныне по нужде, вместо настоящего мѣра, помазываем простым и неосвященным маслом, а по вере нашей вменит Бог сие вместо св. мѣра» (По С. В. Булгакову «Настольная книга для священно-церковно-служителей»).

Среди поповцев образовалась и секта *чернобольцев*. Основателями этого согласия были простые и почти безграмотные мужики: Иларион, по прозвищу «коровьи ножки», Никифор Иларионов и Павел Григорьев. Переселившись в Стародубье с Ветки, они начали говорить, что: «в Стародубских слободах пропала вера и спастись невозможно, потому что слобожане живут вблизи еретиков, хохлов и москалей, с которыми перемешались и общались». В 1775 г. со многими мирянами и иноками, оставив Стародубье, они удалились в Польшу, в местечко Чернобо́ль, принадлежавшее пану Хаткеевичу. Там основали они церковь и монастырь и сделались известными под именем чернобольцев. Они отвергали присягу, не покланялись осмиконечному кресту, если на нем не было изображения распятого Спасителя. Не молились они за государя по форме, установленной Синодом; приходящих к ним с паспортами не принимали и, когда к ним попадали паспорта, рвали их, говоря: «тут-де печать антихриста». Твердо верили в близость кончины мира. Из Польши они перешли в Добруджу, на устье Дуная. По прошествии семи лет имп. австрийский Иосиф II разрешил им переселиться в Австрию. Они заняли урочище «Белая Криница» на Дунае. Смешавшись с прочими старообрядцами, они все вместе носили название *липов*. Имя чернобольцев постепенно стало исчезать, но, свойственный им, фанатизм оставался у всех липован. Согласие поповщинское *диаконовщина* ведет свое начало от нерехтинского диакона Александра. Оно, кроме общих заблуждений поповцев, требует,

чтобы каждение, при церковном и домашнем богослужении, совершалось крестообразно. Во время каждения, вместо чтения 50-го псалма, их диаконы проклинают всех, кто кадит не по их уставу. Диаконовщина утвердилась в одном из керженских скитов, где жил ее основатель, а также в Стародубье – в городах и селениях. Называлась она еще «новокадильниками». *Суслово* согласие поповщинской секты выделилось из диаконовщины. Оно образовалось в посаде Злынка, черниговской губ., и по имени одного из последователей, Феодора Суслова, названо «сусловым». Оно отличается от диаконовцев тем, что принимает к себе только тех священников, которые поставлены не малороссийскими епископами, ибо там существовало обливательное крещение, а великороссийскими. От последних требовалось доказательство, что они рукоположены епископом, имевшим рукоположение, перешедшее на него по нисходящей линии от московских патриархов Филарета и Иосифа (по Булгакову)⁴².

Архиеп. Филарет пишет в «Истории»: «В 1722 г. св. Синод разослал печатные увещания раскольникам: в одном объяснял евангельское учение о блаженствах и вразумлял слепцов, что их самовольное предание себя огню есть просто самоубийство; в другом учил продержателей, что истинный христианин повинуется властям и суду церкви, что мученичество вовсе не то, что мученичеством считает суеверие. Наставления предписано было читать публично. (То и другое увещание написано Феофаном). Пред тем Синод издал печатное воззвание к раскольникам, приглашая явиться в Синод для бесед о сомнениях в вере. Но невежество, гордое собою и столько же трусливое за себя, не думало искать света, и никто не явился на вызов любви. Истинной христианской любви оставалось самой искать невежество в его темных углах.

«На борьбу с невежеством, жившим в Керженских лесах, посвятил себя *Питирим*, сперва инок и игумен, потом епископ нижегородский. Сам быв прежде раскольником, Питирим хорошо знал правила и привычки простяков, их странности и страсти, мысли и безмыслие. Одушевленный пламенной ревностью к спасению других, он ходил из скита в скит, по

дебрям и горам юрьевского и балахновского округов; разговаривал и наедине, разговаривал и с целыми обществами; писал письма и увещания. Успехи Питирима были блистательны. В 1715 г. он доносил царю Петру, что в уездах балахновском и юрьевском обращено им из раскола в православие более 2000 лиц. В 1716 г. он послал балахновским скитникам 130 вопросов о причинах отступления их от церкви. Вместо ответов, которые обещали они прислать, они прислали 240 своих вопросов. Питирим написал ответы и не раз посылал сказать, что он ждет, где захотят собраться, чтобы кончить дело. Наставники раскола чувствовали свою слабость. Но как было обречь себя на открытое унижение? Питирим (в марте 1719 г.) посвящен был в нижегородского епископа. В этом сане, облеченный доверенностью Петра, он стал действовать свободнее. Раскольники (в мае) прислали ему свои ответы. Он окружно известил все толки чернораменцев явиться в собрание к 1 октября для общей молитвы и бесед. Совершив торжественное богослужение, излив смиренную молитву пред Господом, пастырь отдал свои ответы на балахновские вопросы. Толкуны читали и думали, толковали и спорили между собою. И наконец подали письменную исповедь, что их писание – без силы, что они не в состоянии иметь дело с учителем церкви. Такое же объяснение написали они в Синод. Истина торжествовала; Синод благодарил Господа; сам Петр был в восторге. К сожалению, некоторые из раскольников, не желая расстаться с ложью, тайно бежали в Белоруссию и там поселились около Гомеля. Но тогда же начальники дьяконцев Варсонофий и сам Александр подали (1720 г. ноября 28) Питириму исповедь, где, признавая справедливость ответов его на 240 раскольничьих вопросов, просили присоединить их к св. Церкви. Ответы Питирима, под именем *Пращицы*, и исповедь Варсонофия были напечатаны и разосланы по церквам. (Дьякон Александр снова отступил от церкви и был казнен, как оскорбитель власти и обманщик). Питирим продолжал действовать против раскола. Для усердного, умного пастыря распространен был круг пастырской деятельности. Он отклонял распоряжения, какие местные начальники предлагали в пользу

раскола. Сам объезжал скиты раскольничьи, строил церкви, приготавливал и поставлял способных священников. К концу жизни (скончался в 1738 г.) в его епархии едва осталось 2000 раскольников (в Чернораменских лесах юрьевского и балаховского округов), тогда как в 1716 г. их считалось до 40 000.

«Пращица Питирима спасла многих в его пастве, спасла и в других местах. Она показывает в Питириме не только удивительную начитанность, но ум ясный и проницательный, верное знание св. Писания и духа Христовой церкви. С мученическим терпением старается он довести любящих спорить до сознания в ошибках, до разумения верного пути – подробно разбирает с ними каждое сомнение их, объясняет непонятое ими и с сердечной теплотой обращается к их совести. Здесь виден Питирим с его умом здравым, с его сердцем, полным любви, с решимостью воли твердой, виден тот учитель церкви, какой нужен в деле с расколом».

Еп. Питирима обвиняют в применении с 1718 г. сильных принудительных мер против раскольников, в чем он находил поддержку со стороны царя Петра I, назначившего ему помощником капитана гвардии Юрия Ржевского. По смерти государя деятельность его ослабела, т. к. не встретила сочувствия в государственных сферах. Он был назначен членом Синода («Полн. Прав. Бог. Эн. Сл.»). Соловьев сообщает, что Петр I, решив обращать раскольников увещательными средствами, нашел в 1706 г. годное для сего духовное лицо. Тогдашний игумен переяславльского Никольского мон. Питирим сначала так и действовал. Вскоре после указа 1716 г. о переписи всех раскольников, Питирим сообщил царю, что перепись не достигает цели, т. к. некоторые священники за мзду показывают раскольников исповедающимися у них. Он писал о раскольниках: «Все они благополучию государственному не радуются, и всегда стремятся возвысить свой злой рог к обладанию на Церковь и гражданство; хотя они между собою много несогласны, но на Церковь все злобою согласны». В 1718 г. последовал строгий указ. Владыка Питирим исходатайствовал

позднее назначение Ржевского нижегородским вице-губернатором.

Безпоповским Поморьем в первой половине XVIII в. управляли *братья Денисовы*, Андрей (1664–1730) и Семен (1682– 1741), бывшие главными вождями раскола в это время. Сами себя они именовали Денисьевы Второго или Вторушины. Происходили они из кн. Мышецких. Родич их был в 1660–63 гг. воеводой в Олонце. В 1685 г. один из бродивших расколоучителей фанатизировал Андрея, который, тайно от отца кн. Дионисия, ушел к раскольникам в олонецкие леса. Там он сблизился с Даниилом Викулиным, с которым создал Выговское общежитие, будучи его главным устройтелем и управителем. Даровитый, грамотный и начетчик, он старался пополнять свое богословское образование. Под видом купца он посетил Киев и в течение двух лет бывал на лекциях в Духовной Академии. Он написал большое сочинение «Поморские ответы» и другие труды. После смерти Андрея, успешно продолжал его дело Семен.

По свидетельству архиеп. Филарета: «никто так ловко не управлял толпами простяков, как они. Изобретательность их на способы приобретения себе и обществу силы, богатства, славы – изумительна». Умея приобретать на свою сторону чиновников, или обходить их, Денисовы устроили так, что скиты остались без переписи, а в монастыри записаны те, которых хотели записать Денисовы. Им удалось даже получить утверждение на покупку земли в каргопольском у. для устройства скитов. Но прибыв в Новгород Семен Денисов, был посажен в тюрьму митр. Иовом, узнавшим об его намерениях относительно земли. Владыка лично объяснил Петру это дело. Но, опять же при содействии некоторых чиновников, им удалось выкрутиться (Архиеп. Филарет).

Соловьев отмечает, что Меншиков, по жалобе Андрея Денисова, издал в 1711 г. указ, чтоб никто общежителю Андрею Денисову с товарищи и посланным от них обидь и утеснения и в вере помешательства отнюдь не чинил под опасением жестокого истязания. Потом Денисову позволено было рассылать своих людей для рыбной и звериной ловли, куда

захочет. Поддержку Денисовым оказывал начальник Повенецкого завода Геннин, который считал Семена годным к «сыску руд» и радетьельным в заводской работе.

В 1722 году св. Синод отправил к этим раскольникам на Вытегру ученика митр. Питирима, иером. *Неофита*, с поручением вступить в устные беседы с начальниками станов, в присутствии, если возможно, колеблющихся в вере. Вести разговоры указывалось кротко и терпеливо, не позволяя себе резких ответов, даже в случае упорства и злости раскольников. Синод учитывал то, что Денисовы не допустят простодушных до свидания с иером. Неофитом. Так и случилось. Сами Денисовы тоже не явились. Вследствие того, что гражданские власти требовали ответов на вопросы Неофита, Денисовы написали и прислали *Поморские ответы*, утвержденные 21 июня 1723 г. общим советом поморцев. Архиеп. Филарет так определяет написанное: «В ответах ложь так ловко прикрыта или таким облечена блеском, что простякам не доискаться в них правды до гроба». Иером. *Неофит* трудился для церкви в Петрозаводске, и труды его не совсем были безплодны, при всем противодействии Денисовых. (Архиеп. Филарет).

В 1738 г. колодник Круглый, долгое время живший в Выговской пустыни, донес на выговцев, что они не молятся за царскую власть. Составлена была для расследования сего чрезвычайная комиссия. Выговцы перепугались, созвали собор, который определил поминать, где подобает, императорское величество, написав и тропарь «Спаси, Господи, люди Твоя». Слова «благочестивый» и «православный» они заменили словом «державный». В этом решении сказалось влияние «лучших» выговцев, особенно Семена Денисова. Поморцев, принявших моление за царя, прочие старообрядцы наименовали «тропарщиками». Последние, кроме Поморья, жили в Саратовской губ.

В 1732 г. Синод отправил вновь знающих дело православия в разные поселения раскола. Инок *Авраамий*, ученик митр. Питирима, послан был к польским границам для бесед с раскольниками. Другой ученик его, иг. *Андроник*, ходил по костромским скитам. Костромскому Богоявленскому архим. *Иову*

предписано было присоединить к православию 465 лиц в галичском у., изъявивших желание принять православие. В 1735 г. отправлены были: в Екатеринбург ученый священник, а в симбирские монастыри надежные иноки и инокини для увещания раскольников на заводах. По всем епархиям раскол вызывал много забот. Принимались меры вразумлять заблудшихся. Наставления раскольникам писал архиеп. *Феофан (Прокопович)*. Ревностный защитник истинной веры, архиеп. тверской *Феофилакт (Лопатинский)*, написал сперва «увещание православным против лжеучителей», потом «обличение», весьма сильное, «неправд раскольниковых». По словам архиеп. Филарета, – это был умный ответ на Поморские ответы Неофита. Митр. Арсений (Мацеевич), по определению Синода, написал свое обличение раскольников, исправив Феофилактово. Синод, одобрив эти исправления, повелел в 1744 г. издать его, с предисловием Арсения, и разослал по церквям. Обращенный Питиримом дьяконовец *Василий Фролов* написал в 1737 году пространное обличение раскольников.

Закон строго запрещал раскольникам оставлять места, где они значились по переписи. Но они бежали в глухие места и даже за границу. Их излюбленным местом была *Ветка* в тогдашней *Польше*. По словам архиеп. Филарета Ветка являлась средоточием дезертиров и увернувшихся от суда преступников. Императрица Анна вызывала в 1733 г. поселенцев Ветки возвратиться в Россию, обещая забыть все их прошлое. Вызывали их и потом, но без успеха. В 1735 г. полковнику Сытину повелено было взять несколько полков и возвратить всех беглецов на их места. Таковых, после годичного его расследования, оказалось около 40 000. Они были разосланы по разным местам. Жилья же и раскольниковы скиты сожжены. Тогда же сделан был пересмотр и *Стародубья*. Через три года Ветка снова стала наполняться такими же поселенцами, часть которых занималась и грабежами на дорогах. Имп. Елисавета и имп. Петр III вызывали поселенцев Ветки на свои места, но без успеха. Имп. Екатерина II предлагала им в 1762 году выбирать любые места в России. Повторено это было через год. В августе 1763 г. ген. Маслов

получил повеление занять Ветку, забрать всех беглецов и разослать по указанным местам. В 1764 г. *Ветка пала*. Маслов отправил найденных там 20 000 беглецов в Сибирь.

В 1758 г. подверглось новой переписи *Стародубье*. Выяснилось, что многие проживавшие там платили подать меньше установленного размера. Меры правительства ограничились только более строгим надзором. В 1761 г. назначена была новая перепись. Эти распоряжения не нравились стародубцам и они спешили пользоваться преимуществами, данными поселенцам Новосербии и особенно Елисаветграда, – и уходили на р. *Ингул*.

Поповцам все труднее становилось иметь своих епископов. На Ветке был Епифаний (1724–35), получивший обманно архиерейский сан в Яссах. По разорении Ветки, он перешел в православие. Беглый диакон *Амвросий*, ловкий и честолюбивый, успел приобрести доверие стародубского наставника *Патрикия*, а потом и других. Затем он пустил в ход молву за тайну, будто он, *Афиноген*, епископ, скрывший сан ради спасения. Когда многие ему поверили, он в 1751 г. явился в полном виде епископа. Его приняли торжественно. Но Патрикий, дороживший властью наставника, доискался правды. Афиноген бежал в Польшу и поступил на военную службу.

На смену ему появился беглый чернец *Анфим*. Заплатив Амвросию, тогда уже солдату, он был посвящен им в «епископы» в великий четверток. Анфим узнал, что представляет собой Амвросий, но не смущался и сам ставил священников и диаконов. Приняли его с радостью некрасовцы. Но узнав истину, они утопили его в 1757 г. в Днестре. Поповцы семь раз еще во второй половине XVIII в. пытались доставать себе епископа. В 1783 г. они обращались даже в Синод, но успеха не имели (Архиеп. Филарет).

Имп. *Екатерина II* отнеслась к раскольникам с веротерпимостью, как и ко всем другим вероисповеданиям. Как упоминалось, раскольников, бежавших за границу, она пригласила снова вернуться и отводила для их поселения хорошие земли в Новороссии и в Поволжье. В 1788 г. свобода веры была предоставлена раскольникам открыто. Отменен был

двойной оклад и особые их списки. Отменено и название «раскольник». Дозволено выбирать их на общественные должности. Кроме старых средоточий – Поморья, Стародубья, Керженца (Нижегородской губ.), из воротившихся заграничных раскольников образовалось еще одно средоточие на *Иргизе* с богатыми скитами, в которых были не только часовни, но и церкви. Образовались большие раскольниковские общины в самой Москве, – *поповщинская* – *Рогожское* кладбище и *безпоповщинские* – *Преображенское* кладбище *феодосеевцев* и *Покровская* часовня *поморцев*. Оба кладбища основаны в 1771 г., когда в Москве свирепствовала чума. Поповцам отведено было место для погребения умерших за Покровской заставой, на земле Андроновской слободы и разрешено выстроить часовню для отпевания умерших. Она сооружена в 1786 г., потом построен был каменный храм.

Один из *феодосеевцев*, купец Ковылин, предложил властям выстроить карантин на собственное иждивение. Получив согласие, он выпросил у правительства землю близ Преображенской заставы. Поставлена была застава, построено несколько шалашей для задерживаемых. Феодосеевцы хорошо кормили, ухаживали за больными, напутствовали умирающих, мертвых хоронили тут же на кладбище. Народ прославил их деятельность. Ковылин всем внушал, что бедствия посланы в наказание за «*никонианскую*» веру. Постоянно происходили перекрещивания. Из опустелых домов, в том числе принадлежавших перекрещенцам, Ковылин перевозил оставшееся имущество. Касса кладбища настолько увеличилась, что на постройку новых зданий израсходовано было до 200 000 р. Были воздвигнуты два отделения: для мужчин и женщин. Все обнесено было стеной. В середине занятой площади находилась молельня. Общежитие названо было Ковылиным монастырем. В качестве устава введены были «*правила*», привезенные с Ветки. Первым настоятелем, с общего желанья, был Ковылин («*Прав. Бог. Эн.*»).

Снисходительное отношение к расколу имело плоды. Оно послужило сильным побуждением к появлению в раскольниковской среде первых начатков примирения с православною Церковью

в форме *единоверия*. Началось оно в конце XVIII в. в Стародубье и на Иргизе. Скорбью об заблудших и любовью звучало «*Увещание раскольников*», составленное в 1766 г. иером. *Платоном (Левшиным)*, тогда законоучителем. Рассмотрено оно было Синодом. Раскольников возвращавшимся из заграницы разрешалось носить любимую бороду и одежду. Св. Синод предложил ревнителям старины: пусть любимые обряды останутся при них; но чтобы не оставались без таинств благодати, пусть просят себе у законных архипастырей законных священников. В 1778 г. архиеп. славянский и херсонский, грек *Никифор (Феотоки)*, основал единоверие на Ингуле, тогда как старец *Никодим* заботился ввести его в Стародубье. К архиеп. екатеринославскому и херсонскому, *Амвросию (Серебреникову)*, стародубцы и ингульцы обратились сами с просьбою рукоположить им православных священников. По благословению сего владыки, в течение восьми лет открыто было 12 церквей для ревнителей старого. В 1788 г. в Стародубье митр. Гавриилом послан был протоиерей петербургской Охты, *Андрей Журавлев*, для утверждения единоверия. Ранее он был раскольником. Он присоединил многих к единоверию, основал несколько храмов, после чего вернулся на свой приход (сконч. в 1813 г.). Им написан ряд трудов о раскольниках (по архиеп. Филарету). В своем «Обзоре» архиеп. Филарет пишет об о. Журавлеве: «Известия его о раскольниках отличаются самой точною справедливостию; по его словам видно, что он пользовался разными записками и личными сношениями с раскольниками; а по проверке оказывается, что все, что собирал он, старался излагать совестливо, без увлечения какими либо видами ...»

В 1776 г. обратившийся от раскола угличский купец, *Феодор Кочурихин*, написал запросы к Феодосиеву согласию, к которому сам принадлежал. Митр. *Гавриил* и еп. ростовский *Самуил (Миславский)* одобрили их. Писал послания к бахмутским и елисаветградским раскольникам (в 1780–86 гг.) грек архиеп. *Никифор (Феотоки)*. Под надзором еп. рязанского *Симона (Логова)*, ректором семинарии *Иеронимом* написано наставление правильно состязаться с раскольниками. Этим

была оказана сильная помощь священникам, имевшим дело с расколом. Многие из обратившихся из раскола писали сильные обличения, замечательнее других *Сергий (Симон) Юршев*. Сын московского купца, одного из раскольников, участвовавших в бунте 1771 г., он был настоятелем иргисских раскольников; потом стал видеть беспорядки раскола; старался вразумлять в том и других, но за то едва не был уморен. Поставленный в настоятеля Белорусского единоверческого мон., написал он «Зеркало для старообрядцев». *Ксенофонт*, в иночестве Киприан, обратившийся из раскола в 1792 г., написал назидательную повесть о своем обращении. Стародубский старец Никодим (ум. 1784), известен спорами с раскольниками о чине принятия в Церковь. Он, иргисский Сергий, о. Журавлев были главными деятелями при введении *единоверия*. Много сделано в этом отношении митр. *Гавриилом* и митр. *Платоном*, написавшим и самые правила единоверия, утвержденные в 1800 г. Синодом.

Богослужение и жизнь христианская

Исправление богослужебных книг продолжалось и в XVIII веке. В числе важнейших обязанностей Синода Регламентом было постановлено: а) рассмотреть акафисты, молебны и службы, составленные за последнее время, особенно в Малороссии, противные св. Писанию и непристойные запретить, употребить меры, чтобы и пристойные из них, но ненужные, не вводились в общий закон и напрасно совести человеческой не отягощали; б) рассмотреть истории святых, нет ли между них ложных, как повесть об аллилуия в житии Евфросина; в) искоренять и обычаи суеверные, в роде празднования пятницы в Стародубском полку, где под именем пятницы водят в крестном ходу простоволосую бабу и проч. Подобного рода исправления при царе Петре I производились решительно, порой же не совсем разборчиво. Этим возбуждалось недовольство в среде благочестивых людей, приверженцам же старины давался повод говорить о гонении на православие. Со второй половины XVIII века в этом важном вопросе стали поступать с большею осторожностью. Из богослужебных чин и последований были пересмотрены и исправлены: Чин присоединения раскольников (1720), Чин избрания и рукоположения архиерейского (1725), Чин принятия иноверцев и еретиков (1743–44), Последование в неделю православия (Гавриилом, еп. тверским, впоследствии митрополитом, изд. 1761 и 1767), Чин на умовение ног (1765), Чин мѣрварения (1767), обе Триоди (иг. Софронием Младеновичем, ум. 1773). Несколько служб и акафистов были составлены вновь. Напр. служба о Полтавской битве (Феофилактом Лопатинским, 1709), Служба Феодоровской иконе Божией Матери (прот. Иоанном Красовским, 1777), Чин исповедания (митр. Гавриилом, 1766 и 1796), Чин исповедания отроком (еп. Иннокентием псковским, 1769); акафисты – преп. Сергию и св. кн. Даниилу (митр. Платоном, 1795), службы святым: Феодосию Тотемскому, евангелисту Иоанну, Димитрию Ростовскому (кн. Г. П. Гагариным, 1798), служба с акафистом свят. Стефану

пермскому (свящ. Иваном Алексеевым, 1799), акафист свят. митр. Алексею (иером. Ювеналием, 1702). Во избежание всяких неисправностей в богослужебных книгах, в книгах св. Писания и в Кормчей, все эти книги издавались не иначе, как с разрешения Св. Синода в синодальных и подведомственных Синоду типографиях – московской, петербургской и в лаврских – киево-печерской и почаевской. С 1767 г. установлено *священническое*, а не монашеское, погребение архиереев.

Установление новых праздников связано было с проявлением новых Божиих благодеяний отечеству и прославлениями святых. К первому разряду относятся: победа Полтавская в 1709 г. и прекращение моровой язвы (чумы в 1771), ознаменованные местным празднованием и крестными ходами. Ко вторым – дни преставления и открытия мощей св. угодников. В XVIII в. таковыми праздниками были: день памяти *свят. Димитрия Ростовского* – 28 октября – и день открытия мощей в 1752 г. – 21 сентября (служба была написана митр. киевским Арсением Могилянским). 28 января память *преп. Феодосия Тотемского* (ум. 1568), мощи которого были открыты в 1796 г. В 1764 г. открыты были мощи *свят. Иннокентия Иркутского* (празднование же установлено в 1804 г.). К числу новых богослужебных дней относится установленный в 1729 г. праздник перенесения при имп. Петре Великом (30 августа 1724 г.) мощей *св. Александра Невского* из Владимира в Александро-Невскую Лавру, праздники славянских первоучителей *Мефодия и Кирилла* (11 мая) и св. вел. кн. *Владимира* (15 июля).

Праздники св. Александра Невского и св. вел. кн. Владимира приобретали и государственный характер. В крестном ходе, совершавшемся 30 августа, принимали участие, вместе с духовенством, сенатор, церемониймейстер Высочайшего Двора, по очереди представители министерств. Крестный ход совершался из Исаакиевского собора в Александро-Невскую Лавру. Как явствует из письма имп. Екатерины II к Гримму от 30 авг. 1774 года, она участвовала в этом крестном ходе, который тогда начинался из Казанского собора. В Киеве 15 июля в торжествах принимали участие войска.

Царем Петром I обращалось внимание на улучшение писания *св. икон* и церковного пения. Им для надзора за иконописцами учрежден в 1707 г. особый приказ, во главе которого был поставлен архитектор и иконный мастер *Зарудный*. Потом наблюдение за иконами поручено было Синоду. При имп. Елисавете издан указ о заведении по всем церквам приличных икон, а также священных сосудов и облачений. Неискусно написанные иконы велено было отбирать. Правительство обратило внимание на должные иконы и в частных домах, даже в крестьянских избах. Надзор поручался знающим священникам с предоставлением им права отбирать неправильные иконы. Над иконописцами велено было поставить из лучших мастеров смотрителей. Религиозные эстампы дозволялось продавать только с разрешения архиереев. Синодом не раз давались распоряжения не допускать в церквах икон резных и литых, кроме распятий и некоторых лепных изображений на высоких местах, не изображать на иконах, вместо священных лиц, символов, не допускать в иконописные цехи раскольников, не изменять в древних церквах иконописи и других предметов старины. Печатные изображения подчинялись духовной цензуре. (Знаменский).

Церковное пение стало усовершенствоваться особенно со времени имп. Елисаветы, большой его любительницы. Ею заведен был при дворе превосходный хор. Но церковному пению много вредило подражание западным образцам и светской музыке. До половины XVIII в. в нем еще сильно было, начавшееся при царе Алексее, *малороссийское влияние*. Хотя и в нем уже проявлялось западное влияние, но оно еще оставалось родным и церковным. С половины XVIII в. придворная капелла попала в руки *итальянских* и *немецких* композиторов, которые увлекли за собою и русских регентов. Развитию подобного вкуса в церковной музыке особенно много способствовал пышный век имп. Екатерины II, при которой русское городское богослужение повсюду наполнялось чисто светскими оперными мотивами. В сельских церквах замечался другой недостаток – плохое знание и искажение причетниками самых обыкновенных церковных напевов.

Архиеп. Филарет отмечает, что первая нотная книга *Ирмологий* ⁴³⁾ напечатана во Львове, в 1772 г. Синод принял меры к ограждению церковного пения от дальнейшей порчи. В том году им были напечатаны в Москве: *Азбука* нотная, *Октоих* нотный, *Ирмологий* нотный, *Обиход* нотный (по данным П. Знаменского *Ирмологий* был напечатан в 1798 г.). Имп. Павел указом 1797 г. повелел вместо концертов петь в церквах псалмы, или каноны.

Лучшим духовным композитором того времени был *Максим Созонтович Березовский* (1745–1777), уроженец черниговской губ., учившийся недолго в киевской академии, певший в придворной певческой капелле, усовершенствовавшийся в музыке в Италии. Знаменский пишет, что он «первый начал исправлять искажения, введенные в церковное пение разными Галуппи, Сарти и др. иностранцами, и оставил после себя полную литургию, много причастных и концертов, отличающихся большою простотою и согласиём музыки с текстом». – «Как композитор, Березовский принадлежит к числу первых, старавшихся согласовать западную музыку с текстом православных песнопений. Сравнительно со своими современниками композиторами Веделем, Дехтеревым, Давыдовым, учившимися также у иностранцев и большею частью рабски им подражавшими, Березовский в своих произведениях обнаруживает меньше следов зависимости от Итальянской школы и больше свободы и самостоятельности, являя собой заметный поворот к новому, более национальному направлению русской церковной музыки, представителем которого был Бортнянский». (Свящ. А. Митропольский. «Прав. Дух. Эн.»). Земляк Березовского, *Дмитрий Степанович Бортнянский* (1752–1825), с семи лет пел в придворной капелле, под руководством капельмейстера Галуппи. Около 1775 г., он по желанию имп. Екатерины II послан был для усовершенствования в Венецию к тому-же Галуппи. Пройдя курс учения, он с 1779 г. был придворным капельмейстером, с 1796 – директором певческой капеллы. Дальнейшая его деятельность будет изложена в части шестой.

Синодальный период богат произведениями церковного зодчества. И в данном отношении долгое время сказывались иноземные западные влияния. В устройстве храмов видны и протестантские шпицы и подражание католичеству, даже целому собору св. Петра в Риме с его коллонадой, и пестрые итальянские орнаменты наружных фасадов (этим отличались постройки Растрелли), и подражаниями римским базиликам с их фронтонами и тремя нефами. В *С.-Петербурге* известны: *Петропавловский собор* (строился 1711–33 гг.), который был усыпальницей императоров, императриц и лиц Царской Фамилии со времен царя Петра I. Только имп. Петр II, скончавшийся от оспы в Москве, погребен в Архангельском соборе. Собор *Александро-Невской Лавры*, с мощами св. вел. кн. Александра Ярославича, строившийся в 1778–1790 годы. В *Воскресенском мон.* (Новый Иерусалим), основанном патр. Никоном, восстановлена была императрицами Елисаветой и Екатериной II соборная церковь. В *Киеве*, в царствование имп. Елисаветы, был выстроен по плану Растрелли собор св. ап. *Андрея Первозванного*, замечательный по красоте и смелости постройки на краю крутой горы. Он строился с 1747 по 1761 г. В 1800 г. имп. Павел повелел строить в Петербурге новый Казанский собор на месте существовавшей церкви во имя Рождества Пресвятые Богородицы. Церковь эта была воздвигнута по воле имп. Анны Иоанновны, особо почитавшей икону Казанской Божией Матери. К освящению первоначального храма в него была перенесена сия икона, пребывавшая до этого в Троицком соборе (на Петербургской стороне).

Меры к поддержанию благочестия

Духовными и светскими властями издавалось много распоряжений для поддержания благочиния в православном богослужении и возвышении общей народной религиозности. С 1722 г. последовал ряд указов Синода, чтобы в воскресные и праздничные дни не было торговли до окончания литургии. При имп. Елисавете этот закон распространен и на все публичные забавы. Указом императора Петра I постановлено, чтобы в воскресные и праздничные дни все ходили в храм Божий благоговейно слушать слово Божие. Исключение делалось только для больных. Не посещавшим богослужения грозила опасность быть записанными в двойной оклад подобно раскольникам. С нарушителей благочиния взимался штраф при выходе их из церкви, для чего повешены были штрафные ящики. Раскол подал повод к тому, чтобы не только всем подтвердить каждый год исповедываться и причастаться св. Таин, но поставить в обязанность священникам вести метрические и исповедные книги. При имп. Анне, указом 1737 г., священникам подтверждено подавать точные ведомости, а гражданскому начальству предписано взыскивать штраф с неисполнивших долга исповеди. Строго требовало это благочестивая имп. Елисавета. При имп. Екатерине II, указом 1774 г., гражданскому начальству и военному вменялось в обязанность наблюдать за исполнением подчиненными им долга исповеди. При имп. Елисавете Синод уничтожил запрещение, составившееся под влиянием духа мира, не ходить священникам из церквей в дома прихожан для совершения молебнов. Указ Синода от 6 апр. 1744 г. утверждал, что «этому запрещению нет основания в правилах церкви, а примеры древнего благочестия и желания благочестия русского говорят совсем другое». Этим указом отменен и указ 1726 г., воспрещавший священникам входить в дома прихожан для славения в другое время, кроме; праздника Рождества Христова. Предписано священникам, дабы в домах поселян св.

иконы содержались в чистоте, а в храмах возобновлять иконостасы.

Царь Петр I, не чуждый влиянию протестантизма, осуждал безверие, что проявилось в отношении *В. Н. Татищева*. Несмотря на большое влияние окружавших ее немцев-лютеран, имп. Анна сама была представительницей настоящего русского благочестия. Искренне благочестивою была имп. Елисавета. Даже во времена господства в русском обществе XVIII в. философского вольнодумства, имп. Екатерина II выполняла обязанности православной Церкви, хранила посты, говела, и заставляла держаться того же свой двор. Благочестивым сыном Церкви был имп. Павел I.

Толща русского народа крепко держалась правил Церкви, которым верны были их деды и отцы. Религиозная жизнь русского народа, и по своим достоинствам и по некоторым недостаткам, мало изменилась и после петровской ломки.

Царь Петр, будучи религиозным, любил церковное благолепие, сам читал Апостола и знал богослужение. Но он, как отмечает Карташев, не терпел «невежественного культового суеверия». Знаменский отмечает: «Петр писал в своих указах, что народ не знает ни веры, ни любви, а о надежде и не слыхивал, а всю надежду полагает на пение церковное, пост, поклоны, строение церквей, свечи и ладонь, и неоднократно поручал св. Синоду сочинить краткие книжки и поучения с изложением сущности веры и с точным при этом различии существенного в православии от несущественного, веры от обрядов, неизменного от изменяемого, дабы все знали, что в каковой силе иметь». Изложению этих мыслей посвящен указ государя Синоду в апреле 1724 г. Архиеп. Феофан (Прокопович), с его пролютеранским настроением, развивал эти мысли горячее и с преувеличениями в своем букваре, под названием: «Первое учение отроком». Знаменский продолжает: «Истребление суеверий, к числу которых были относимы и все проявления обрядового благочестия, было, можно сказать, специальностью петровского времени и производилось с необычайной энергией и вместе крайней несдержанностью, производя сильный народный соблазн». Преследованием

суеверий отличалось и время царствования имп. Анны. Затем отношение правительства стало мягче.

«Сатирическая литература этого времени имп. Екатерины II, бичуя суеверие, рисовало типы Ханжихиных, Чудихиных и Суеверовых из жизни не только простого народа, но и полуобразованного дворянства. Но законодательство прямо высказывалось против преследований суеверия суровыми мерами. Все виды суеверий, даже хулений против веры, были изъяты из ведомства духовного суда и отнесены к ведомству полиции и светского суда, который ограничивался большею частью только внушениями виновным, чтобы они не распространяли глупостей и сами не верили им. К суровому обращению с ними судей правительство относилось весьма неодобрительно и строго» – пишет Знаменский.

Вместе с тем, с духовенства не снята была обязанность противодействовать суевериям. Инструкция благочинным, составленная митр. Платоном, во многом повторила суждения о суевериях Духовного Регламента. Церковная проповедь постоянно ратовала против суеверия. Из обличителей их особенно известны: святитель *Тихон воронежский*, владыки *Амвросий (Подобедов)*, *Дамаскин (Семенов-Руднев)* нижегородский и митр. *Платон*.

Просветительная проповедь, здоровая литература, народные школы признавались лучшими средствами борьбы против возможного ослабления народной религиозности.

В 1794 г. митрополиту *Гавриилу* стало известно, что в светских нормальных училищах не соблюдаются посты. Тогда он обратился со следующим письмом к графу П. В. Завадовскому, управлявшему учебными заведениями: «По требованию вашего сиятельства я препроводил пятерых семинаристов, для приготовления их к учительской должности, в нормальные училища. От эконома того училища первый класс для них открыт – нарушение постов ⁴⁴). Один из них имеет отца, который сына прокликает за нарушение поста, плачет и меня бранит. Сей опыт подает случай Ваше сиятельство просить, чтоб установления святой Церкви в этом училище хранить. Мы видим плачевный и ужасный пример Франции. Папы разрушили

установления Церкви. Оттуда вышел Вольтер и нынешняя Франция. Они почитали это малостью; но сия малость хранила союз между государями и народом. Здесь, говоря истину, усиливается разврат нравов. А оное училище заведено, чтоб нравы поправить. Первые времена России хотя иные и почитают непросвещенными, но тогда больше было к Правительству и к Церкви приверженности и честности слова. Долг мой велит ваше сиятельство просить, дабы благоволили эконому предписать, чтоб посты в нормальном училище хранимы были. Нарушение же их будет всеобщую проповедью для России... Могут ли преступники закона Церкви быть учителями закона? Я довольно приметил, что отступление от Церкви в народе начинается нарушением постов. Ваше сиятельство требует в сие училище из семинарии еще 45 человек. Но они, слава Богу, для измены Церкви в семинарии не приготовлены. Эконом Училища может сказать, что соблюдение постов дороже обходиться будет.

Но драгоценнее обязанность к Богу, государю, Церкви и союзу России. Покорнейше прошу запретить такие вольности делать, а приказать держать учеников в правилах христианской Церкви, и какое ваше о сем воспоследует определение, прошу меня уведомить. Я, получив сие, поспешу препроводить их к вам».

Гр. Завадовский ответил: «С душевным признанием благодарю ваше преосвященство за пастырский отзыв, который приемлю, как сын церкви, благоговейший ко всем установлениям оной – и глубоко почитающий ваши святительские наставления». Объяснив слух об экономе клеветой, он продолжал: «Исследовавши о том, я теперь вновь строго подтверждаю, чтобы все посты соблюдаемы были свято и уверяю ваше преосвященство должным моим повиновением, что отселе не услышите о соблазне».

Духовенство, в начале синодального периода не имевшее еще достаточного образования, стараниями Церкви становилось примером благочестия для народа. В 1743 г. запрещено было духовным лицам обязываться в судебных местах откупам, заниматься торгом и отдавать деньги в рост.

Пока не были заведены по всем епархиям училища, готовящихся к духовным степеням обучали вере и благочестию в домах епископов, требуя притом свидетельства прихожан об их безпорочной жизни.

Епископ смоленский *Парфений (Сопковский)* написал прекрасное наставление о должностях приходских священников, одобренное Синодом для всех церквей. Владыка *Гервасий (Линцевский)* переяславский, свят. *Тихон воронежский*, митр. *Платон*, архиеп. псковский *Иннокентий (Нечаев)*, преподавали наставления духовенству, каждый для своей епархии. Вообще жизнь белого духовенства была под строгим наблюдением архипастырей.

Часть шестая. Расцвет церковной жизни

Царствование императора Александра I

Император Александр I (1777–25) вступил в 1801 г. на престол, будучи далеким от Церкви. Ничего поучительного не давала ему тогдашняя придворная жизнь. Рос он во время вольнодумства, проникшего уже с Запада в Россию. Александр говорил: «Я был, как и все мои современники, не набожен». В 1818 г. он высказался так: «Императрица Екатерина была проницательная, умная, великая жена, но, что касается воспитания сердца в духе истинного благочестия, при петербургском дворе было как почти везде ...» Ключевский так пишет о том, кому доверено было Екатериной II воспитание и образование вел. князей Александра и Константина: «Главным наставником, воспитателем политической мысли великих князей был избран полковник Лагарп, швейцарский республиканец, восторженный, хотя и осторожный поклонник отвлеченных идей французской просветительной философии, ходячая и очень говорливая либеральная книжка». Лагарпа Ключевский именует атеистом.

Первые годы своего царствования Александр I окружил себя друзьями юных лет, тоже отпрысков XVIII в., для которых Церковь занимала мало места в их тогдашней жизни. Таковыми были: гр. В. П. Кочубей, годами старше остальных, в молодые годы состоявший за границей на дипломатической службе, умный; гр. П. А. Строганов, воспитанный во Франции, срочно, в разгар революции, вывезенный домой из Парижа, где воспитатель француз водил его в крайние республиканские клубы; Н. Н. Новосильцев, воспитанный в семье Строгановых, в молодости воевал и был дипломатом, потом четыре года учившийся в лондонском университете; чуждый и враждебный России поляк католик кн. Адам Чарторижский. Этот кружок сподвижников носил название негласного или интимного комитета.

Обер-прокурором св. Синода в начале царствования продолжал быть *гр. Д. И. Хвостов*, по прежнему проявлявший мало почину в делах, которыми руководил митр. с.-

петербургский и новгородский *Амвросий (Подобедов)*. Когда стали вырисовываться преобразовательные планы нового Государя, коснувшись бы и церковных вопросов, почувствовалась необходимость иметь более энергичного и самостоятельного обер-прокурора. 31 дек. 1802 г. таковым был назначен *А. А. Яковлев*, до того числившийся в коллегии иностранных дел. Как и кн. Шаховской он оставил свои воспоминания, которые дополняют данные о нем, имеющиеся в синодальном архиве. Он прежде всего обратил внимание на недочеты в ведении синодального хозяйства, находившегося вне контроля обер-прокурора. Имея поддержку в лице Новосильцева, Яковлев получил согласие государя на расширение его полномочий в этой области. Стремился он к большему подчинению себе секретарей духовных консисторий. Постепенно отношения его с митр. Амвросием и другими членами Синода ухудшались, что начало озабочивать имп. Александра. «Яковлев не совсем хорош...», говорил он кн. Голицыну, «Духовенство совершенно им недовольно; жалобы на него непрестанные, и мне кажется, что он неспособен быть на месте синодального обер-прокурора». Яковлев, чувствуя непрочность своего положения, просил об увольнении от занимаемой должности. 21 окт. 1803 г. последовало назначение на его место кн. *Александра Ник. Голицына*, близкого друга юности государя.

Новый обер-прокурор, казалось, совершенно не подходил к занятой им должности. Типичный светский человек, он отражал на себе вольнодумство XVIII в. Профессор Благовидов⁴⁵), ссылаясь на данные, помещенные в журнале «Русская Старина», приводит сказанное им: «Какой я обер-прокурор, ведь я ничему не верю». – «Разве вам неизвестно», говорил Голицын государю, «что, приняв назначаемую вами обязанность, я решительно ставлю себя в ложное отношение сперва к вам, потом к службе, да и к самой публике. Вам не безызвестен образ моих мыслей о религии, и вот, служа здесь, я буду прямо уже стоять на перекор совести и вопреки моим убеждениям». Государь же так объяснил ему свои особые соображения: «Я бы очень желал, чтобы ты занял место обер-

прокурора в Синоде;... мне бы хотелось, чтобы преданный мне и мой, так сказать, человек занимал эту важную должность. Я никогда не допускал к себе Яковлева, никогда с ним вместе не работал, а ты будешь иметь дело непосредственно со мною, потому что вместе с тем я назначу тебя и моим статс-секретарем»⁴⁶).

Кн. Голицын отнесся к своим обязанностям с большой добросовестностью и, в сущности, проводил те мероприятия, важность которых определилась при его предшественнике. Но положение его было иное. Члены Синода, сам первоприсутствующий митр. Амвросий и епархиальные архиереи считались с ним, учитывая его личную близость с государем и непосредственные доклады ему. От обер-прокурора все более зависели награждения и продвижения иерархов, вызовы их для присутствования в Синоде.

Император Александр I вскоре убедился в недостаточной подготовленности членов негласного комитета к разрешению крупных государственных вопросов. Ближайшим сподвижником государя стал *Михаил Мих. Сперанский* (1772–1839). Сын священника, он учился во Владимирской семинарии, окончил главную семинарию при Александро-Невском мон. в Петербурге, остался там учителем. Вместе с тем, он был личным секретарем, а потом чиновником канцелярии кн. А. Б. Куракина, в то время генерал-прокурора. Сперанский стал известен имп. Александру, который назначил его статс-секретарем, все более приближал к себе, поручал ему разработку важных законопроектов.

В конце 1807 г. государь выдвинул вопрос о возвышении образования и материальных средств духовенства. По-видимому, Сперанский, знавший по своему прошлому, существующее положение, проявил почин в этом деле. Голицын, вероятно под его влиянием, подал 20 ноября доклад государю о учреждении особого *Комитета* для обсуждения этого вопроса людьми из среды духовенства и лиц занимающих высшие государственные должности. Членами Комитета были назначены: митр. Амвросий, епископ Феофилакт, протопресвитер Краснопевков, обер-священник Державин, кн.

Голицын и Сперанский. В разработке этого вопроса, наряду с владыкой Амвросием, принимали участие видные иерархи, тогда члены Синода. Таковыми были: епископ Мефодий (Смирнов), известный хорошим устройством учебных заведений в управлявшихся им епархиях, возглавлявший тогда тверскую; архиеп. астраханский Анастасий (Братановский), член российской академии, работавший над этим вопросом еще до образования комитета (ум. в дек. 1806 г.); еп. калужский, потом рязанский, Феофилакт (Русанов), однокурсник и друг Сперанского, хорошо образованный и по общим наукам. Будучи с 1807 г. членом Синода, он вскоре сделался влиятельнее митр. Амвросия. Ближайшим помощником митрополита был тогда его викарий, еп. старорусский Евгений (Болховитинов), впоследствии митрополит киевский и член российской академии. Он был воспитанником московских университета и академии, из вдовых священников, префект петербургской академии. Последний разработал преимущественно учебную и административную части проекта об усовершенствовании духовного образования. При разработке экономической части владыка Анастасий выдвинул вопрос о назначении содержания для духовных школ из *свечного* дохода церквей. В июле 1808 г. Комитет выработал: 1) план новой организации всего духовного образования и 2) план изыскания средств для создания огромного капитала духовного ведомства.

Во главе всего духовно-учебного дела была в том же году поставлена *комиссия духовных училищ* из высших духовных и частью и светских сановников, заседавших в прежнем комитете. Этим при Синоде впервые создано центральное учреждение, ведавшее духовным образованием в государстве. Окружными органами комиссии сделаны были духовные академии, для чего при них были учреждены особые конференции, составленные из местных ученых и духовных лиц. Ближайшее попечение о школах по прежнему предоставлено было местным архиереям, но самим лично, без участия в нем консисторий.

Средства на содержание духовных школ должны были создаваться без особого отягощения государства и народа. В основу капитала были положены: 1) экономические суммы всех

церквей (до 5.600.000), которые назначено было поместить в банк для приращения; 2) ежегодный свечной доход церквей (до 3.000.000 р.), тоже назначенный к помещению в банке; 3) ежегодное пособие от казны (1.300.000) в течение только 6 лет. Предполагалось, что Синод будет ежегодно иметь на расходы 4 с лишним мил., которые со временем дойдут до 8 с половиною мил. На последнюю сумму можно было бы полностью обеспечить содержание духовных школ и всех церковных причтов (от 300 до 1000 р. на каждый). Но расчеты эти расстроились частично из-за утаек некоторыми приходами экономических и свечных сумм, главным же образом из-за наступившей вскоре *войны* и вызванных ею бедствий.

Синод пожертвовал полтора мил. из своего капитала на военные нужды. Архиереи и монастыри жертвовали, как и встарь. Вражеское нашествие французов и подвластных Наполеону пародов произвело в ряде губерний и в самой Москве страшные разрушения. После войны 1812 г. приходилось восстанавливать множество храмов и монастырей и помогать разоренному духовенству. На удовлетворение этих нужд Синод должен был отпустить из своих сумм еще три с половиною мил. К 1815 г., когда капитал должен был возрасти нормально до 24 мил., он едва составлял 15 мил. На проценты с этого капитала с трудом можно было бы содержать одне духовные школы, почему он и получил назначение *капитала учебного*. От выдачи из него окладов на причты пришлось отказаться.

Тяжкие бедствия, испытанные Россией во время Отечественной войны 1812 г., жертвы принесенные народом во время войны за освобождение западной Европы от гнета Наполеона, порожденного «великой» революцией, заставили значительную часть русского общества отказаться от увлечения всем французским. Чувствовалось отталкивание многих от либеральных движений XVIII в. Зараза продолжала действовать только на часть молодого поколения, попавшую в сети масонских лож. Народ благодарил Господа Бога за спасение Родины и укреплял свое бытие в лоне Церкви. Но в

некоторой части общества выявилось влечение к протестантскому мистицизму, к сектантству.

Император Александр I в начале Отечественной войны захвачен был стихийным религиозным народным подъемом в древней Москве. Потрясли его последующия проявления здорового отечестволюбия. Он говорил: «Пожар Москвы просветил мою душу и суд Божий на ледяных полях наполнил мое сердце теплотой веры, какой я до сих пор не чувствовал. Тогда я познал Бога, как открывает Его Св. Писание». Но это не было еще истинным обращением его к Церкви. Откровение искал государь сначала у лже-учителей. Во время заграничного похода Александр посещал в Силезии, в Гернгуте, общины моравских братьев, в Бадене беседовал с Юнг-Штиллингом, в 1814 г., будучи в Англии, выражал сочувствие депутации Библейского общества, в Германии в июне 1815 г. встретился с бар. Криднер (Крюднер), некоторое время оказывавшей на царя большое влияние, утверждая его в мистицизме. Государь оказывает сильную поддержку Библейскому обществу, деятельность которого, начавшись в 1813 г., быстро развивалась. Кн. Голицын, по собственному влечению или уловив настроение императора, все более увлекался мистицизмом.

Произошли еще раньше изменения в составе ближайших сподвижников митр. Амвросия. В 1808 г. еп. Евгений назначен был епископом вологодским. Главным помощником митрополита стал иеромонах *Филарет (Дроздов)*. Родился он в г. Коломне, московской г.; отец и дед его были священниками; окончил Троицкую семинарию; оставлен был в ней преподавателем. На него обратил внимание митр. Платон, который склонил его в 1808 г. к принятию монашества. В том же году он был назначен профессором преобразованной петербургской академии и инспектором ея. Митр. Амвросий сразу оценил Филарета. Встретился же он с недоброжелательством влиятельного тогда еп. Феофилакта, не желавшего допускать его к работам в комиссии духовных училищ. Позднее Феофилакт обвинил его в неправославных суждениях, высказанных в одной из проповедей. Дело

Филарета, тогда уже известного своими проповедями в столице, дошло до государя. Кончилось оно Высочайшей наградой проповеднику и возведением его, в 1811 г., в сан архимандрита. В 1812 г. он был назначен ректором академии, ослабив влияние на дела ее Феофилакта, что давно не нравилось митрополиту. Опала, постигшая Сперанского, высланного из Петербурга, отразилась на положении Феофилакта. Он был освобожден от присутствия в Синоде, вернулся в свою рязанскую епархию, а в 1817 г. назначен экзархом Грузии († 1820).

Имп. Петр Великий, учреждая институт государственной прокуратуры, поставил синодального обер-прокурора в положение, сходственное с сенатским генерал-прокурором. Имп. Екатерина усилила значение генерал-прокурора. Со времени учреждения в 1802 г. имп. Александром I министерств и назначения обер-прокурором лица, пользовавшегося исключительным его доверием, выдвинулся вопрос о присвоении последнему звания министра. 19 ноября 1817 г. последовал указ: «Обер-прокурору св. Синода и главноуправляющему духовными делами иностранных исповеданий, тайному советнику князю Голицыну быть министром духовных дел и народного просвещения». 24 ноября обер-прокурором был назначен кн. П. С. Мещерский, поставленный в прямое подчинение новому министру. Обер-прокурор стал представлять в Синоде не монарха, а Голицына. В ведомстве кн. Голицына Синод занял совершенно такое же положение, как евангелическая консистория, католическая коллегия, духовные управления армян, евреев и др. иноверцев.

Проф. Ф. Благовидов пишет, что «крайнее унижение св. Синода, явившееся результатом учреждения министерства духовных дел, – унижение, оказавшееся, вследствие характера деятельности Голицына, далеко небезопасным для интересов самого православия, не могло не вызывать сильного, хотя и затаенного недовольства произведенною реформою в среде высшей церковной иерархии». Большое волнение вызывало все усиливавшееся увлечение Голицына мистицизмом. Митр. Амвросий, с тревогой наблюдавший происходящее, высказался против Голицына, но успеха не имел. В начале 1816 г. он, не без

давления, отказался от управления петербургской епархией, оставив себе только новгородскую. Владыка Амвросий скончался 21 мая 1818 г. в Новгороде и погребен в Софийском соборе. С 1817 года ему дан был викарий – еп. Филарет (Дроздов), еп. ревельский.

Положение же обострялось все больше. Все, связанное с инославием, находило полную поддержку у Голицына, который прикрывал даже своим авторитетом хлыстовские радения, устраивавшиеся Татариновой. Не препятствовал он и распространению скопческой литературы Кондратия Селиванова. Главные посты в Библейском обществе занимали масоны: А. Ф. Лабзин (директор) и В. М. Попов (секретарь). Голицын запрещал духовной цензуре пропускать печатные произведения против вредных сочинений.

Первым начал открытую борьбу с явным злом архим. Иннокентий (Смирнов). Сын дьячка, род. в 1784 г., он окончил Троицкую лаврскую семинарию, был в ней учителем и префектом, состоял игуменом Николо-Угрешского и московского Знаменского монастырей. С 1811 г. он пребывал в Петербурге, сначала бакалавром церковной истории в академии, потом, в сане архимандрита, инспектором академии. В 1814 г. удостоен исключительного в то время отличия – степени доктора богословия. Состоя духовным цензором, он возмущался деятельностью Лабзина. В 1818 г. он пропустил к напечатанию книгу Станевича, полную резких нападок на мистицизм. Голицын сильно возмутился. Книга была запрещена и отобрана; автор выслан за границу. Уволить просто архим. Иннокентия было трудно. Число его сторонников увеличивалось и среди них были влиятельные лица. Тогда Голицын в 1819 г. провел поставление Иннокентия, страдавшего туберкулезом, епископом в Оренбург. Светским друзьям последнего, учитывавшим неблагоприятные климатические условия этого города, удалось убедить государя, переменить назначение на *Пензу*. Совершенно больным приехал туда владыка, что не помешало ему все недолгое время своего святительства провести в службах и посещениях епархии. Он скончался 10 окт. 1819 г. Местно почитали его святым.

В то время митрополитом был владыка Михаил (Десницкий). Род. в 1762 г., он воспитывался в триицкой семинарии и в филологической семинарии при «Дружеском ученом обществе» Новикова и Шварца. Будучи священником в Москве, известен был как отличный проповедник. Приняв в 1796 г. пострижение, был архимандритом Юрьевского м., в 1801 г. – викарным епископом старорусским, в 1802, – черниговским. Архиеп. Филарет, сам позднее возглавлявший последнюю кафедру, пишет: «Как здесь, так и на пастве петербургской (с 1818 г.), имевшие в нем нужду, особенно несчастные, приходили к нему в назначенное время без доклада; в обхождении был он прост. Ненавидел дух приказничества, особенно в начальниках; тяжбы и ссоры между духовенством любил прекращать увещаниями. Не раз внушал консистории и благочинным внести сей порядок мира в дело». В 1814 г. петербургская конференция, пишет архиеп. Филарет, поднесла степень доктора богословия «Михаилу, архиепископу черниговскому, изданием назидательных поучений споспешествовавшему распространению духовного просвещения». Голицын, выдвигая владыку Михаила в митрополиты, имел, очевидно, неправильное о нем представление. Нахождение последнего в юности в учебном заведении Новикова и др., побуждало библейцев думать, что он не будет противодействовать их вредной деятельности. Но митр. Михаил, строго церковный, по прибытии в 1818 г. в столицу, где переживалась еще история с архим. Иннокентием, убедился вблизи в происходящей разрушительной работе. Владыка начал посещать отдельные храмы и в замечательных проповедях призывал стоять твердо за истинное Православие. В 1821 г. митрополит открыто выступил против Голицына. Имп. Александр I в это время был на конгрессе по европейским делам в Лайбахе (Любляне). «Государь», писал святитель, обличая Голицына и прося спасти «от слепотствующего министра» Церковь, – «когда до Вас дойдет это писание, меня уже не будет на свете. Ничего, кроме истины, не вещал я людям: наипаче же теперь, когда в деяниях своих готовлюсь отдать отчет Вышнему Судии». Он действительно умер через две недели после отправки письма.

Это событие произвело огромное впечатление на государя и усилило враждебность здоровой части петербургского общества к Голицыну. Столица полюбила праведного архипастыря. Против Голицына стал выступать любимец государя граф А. А. Аракчеев.

Главную же борьбу с Голицыным повел иеромонах Фотий (Спасский). Сын дьячка в новгородском у., род. в 1792 г., он окончил новгородскую семинарию и год учился в петербургской академии. Окончить ее он не мог из-за обострившейся грудной болезни. Будучи иеромонахом, Фотий законоучительствовал во 2-ом кадетском корпусе; был строг, произносил проповеди аскетического содержания. Митр. Серафим (Глаголевский), преемник митр. Михаила, писал о нем еп. Парфению Владимирскому (Черткову): «Он носит вериги, которые тщательно скрывает от всех. Сверх сего можно сказать, что умерщвляет тело свое самым строгим постом и бдением, безкорыстен, не человекоугодлив. Но отнюдь не ханжа и не лицемер. Рассудок имеет здоровый, память твердую, премного читал св. Отцев и крепко их держится, имеет дар слова отличный и говорит от сердца с большим убеждением, а иногда и строго и даже с какою то властью, смотря по нужде». Оцененный таким исключительным пастырем, как архим., потом еп. Иннокентий, передавшим ему своих духовных чад, иером. Фотий открыто и дерзновенно стал выступать против т. н. «внутренней церкви», шел напролом, не страшась Голицына. Н. И. Барсов, всесторонне изучавший Фотия, говорит, что он не был ученым богословом, не получил хорошего академического образования, но твердо стоял на основах чисто православного учения. Голицын, недовольный противодействием Фотия, провел назначение его настоятелем запущенного Деревяницкого новгородского мон. Приведя скоро обитель в образцовый порядок, он сделал образцовым и Сковородский мон., которым управлял, будучи уже архимандритом. В 1822 г. митр. Серафим назначил его архимандритом Юрьевского мон., каковым он и оставался до кончины. По описанию А. Н. Муравьева, келья его там имела три шага в длину и один в ширину с тесным седалищем на одном конце и углублением для икон на другом.

В келлии этой он проводил всю Четыредесятницу, исключая богослужений, и свободное от занятий время. С помощью огромных средств *графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской*, которую, как духовную дочь свою, передал ему еп. Иннокентий, архим. Фотию удалось привести обитель в цветущее состояние. По древнему назначению настоятеля Юрьева мон., Фотий на те же средства благоустраивал и другие новгородские обители. Гр. Орлова говорила своему близкому другу, что Фотий распоряжался для других ея состоянием, но себе отказывал во всем; она хотела обезпечить его бедных родных, но и этого он ей не позволил.

Преемником владыки Михаила стал митрополит московский *Серафим (Глаголевский)*. Сын дьячка, род. в 1763 г. он воспитывался в славяно-греко-латинской академии, был слушателем московского университета и семинарии Новиковского «Дружеского общества». После пострижения он был преподавателем и префектом академии, управлял несколькими епархиями, проявляя отличные административные способности. В 1819 г. был митрополитом московским. В начале деятельности Библейского общества, он принимал в ней большое участие. Но, когда определилось его вредное Церкви направление, владыка Серафим вступил с обществом в борьбу. Он сблизился с архим. Фотием, часто вызывал его к себе, в 1822 г. поместил его в Лавре. В этом году Фотий был принят государем и произвел на него большое впечатление своей личностью и сказанным об опасностях, грозящих Церкви. У государя и до этого возникали сомнения в правильности мистицизма. Еще в 1818 г., в разговоре с графиней С. И. Соллогуб, он восторгался простой и чистой верою, говоря: «Одни лишь безпокойные умы находят отраду в тонкостях, которые и сами не понимают... Обязанности, налагаемые на нас, надо исполнять просто, быть только хорошими последователями, не теряясь в утонченных изысканиях, которые нам вовсе не предписаны». Другим деятельным противником Голицына стал президент Российской Академии, *адмирал Шишков*, горячий противник перевода Библии на «простонародное» наречие. В 1822 г. последовал Высочайший

указ о закрытии масонских и других тайных обществ. Архим. Фотий в 1824 г. усилил обличение Голицына. 23 апр. он писал последнему: «Умоляю тебя, Господа ради, останови ты книги, кои в течение твоего министерства созданы против Церкви, власти царской, против всякой Святыни и в коих возвещается революция». 25 апр., на квартире гр. Орловой, он предал анафеме, пришедшего туда, Голицына. Митр. Серафим решительно выступил перед государем против министра. Когда император послал к нему гр. Аракчеева, уговаривая помириться с Голицыным, то митрополит ответил отказом и просил передать монарху, что готов оставить свою кафедру.

Последовал 15 мая 1824 г. Высочайший указ об увольнении Голицына, по его прошению, от управления министерствами духовных дел и народного просвещения, с оставлением «главноуправляющим над почтовым департаментом». Главное управление делами иностранных исповеданий было поручено новому министру народного просвещения адмиралу А. С. Шишкову. Делах св. Синода повелено было «иметь то же течение, в каком они находились до учреждения министерства 24 окт. 1817 г.». Обер-прокурору кн. Мещерскому оставлено было министерское право непосредственного сношения с Верховною властью. Личный состав Синода изменился. Члены его, сочувствовавшие Голицыну, были уволены. В числе новых был владыка *Евгений*, тогда уже (с 1822 г.) митр. киевский. Поколебалось положение владыки *Филарета*. Шишков настаивал на запрещении его катехизисов (полного и краткого) на том основании, что в них не только тексты св. Писания, но даже «молитвы Верую и Отче наш и заповеди» переведены были на «простонародное наречие». Владыка Филарет горячо возражал, указывая на признание его катехизисов Синодом. Но продажа и издание катехизисов были приостановлены; новое издание их – уже со славянскими текстами – последовало в следующее царствование в 1827 г.

Митрополит московский *Платон* скончался в ноябре 1812 года. Он пережил страшные испытания Отечественной войны и начавшееся поражение Наполеона. Последнее он предвидел, что явствует из его писем к имп. Александру. Посылая ему, в

самом начале войны, образ преп. Сергия Радонежского, устроенный из гробовой доски Святого и сопутствовавший Петру I в его походах, старец митрополит писал, что «кроткая вера, сия праща Российского Давида, сразит внезапно главу крови жаждущей гордыни Наполеона». Письмо же от 23 июля заканчивалось так: «Государь, Вы, по духу христианского благочестия, благословили нововооружаемых героев принесенной Вам от меня иконой Чудотворца Сергия. Много может молитва праведного споспешествуема. Покусится алчный враг простреть за Днепр злобное оружие, и этот фараон погрязнет здесь полчищем своим, яко в Чермном море. Он пришел к берегам Двины и Днепра провести третью новую реку – страшно выговорить – реку крови человеческой. О! Каждая капля крови воззовет от земли к Небу. – Крови брата твоего взыщу от руки твоея. – Франция познает о Боге-Господе отмщения, а Россия возчувствует, воспоет к Нему: Авва Отче, Царю Небесный, Ты изведеши, яко свет, правду Монарха и судьбу России, яко полудне». Когда Наполеон занимал Москву, митр. Платон жил в созданном им вблизи Троицкой Лавры ските Вифании или в Махрицком мон. Получив известие об оставлении врагами Москвы, владыка заплакал и, перекрестясь, сказал: «Слава Богу, Москва свободна, и я теперь умру спокойно!»

В последние годы жизни митр. Платона ближайшим помощником его был викарный епископ Августин (Виноградский), хиротонисанный в 1804 г. во епископа Дмитровского, до этого бывший ректором московских семинарий и академии, настоятелем нескольких монастырей в московской епархии. Владыка Платон передал ему постепенно бремя епархиального управления. Епископ Августин восстанавливал храмы Москвы после осквернения и разграбления их вражеским войском. По смерти митр. Платона он был назначен управляющим московской митрополией с саном архиепископа. Когда он скончался в 1819 г. митрополитом был назначен архиеп. тверской Серафим (Глаголевский). В 1821 г. архиепископом московским был назначен владыка Филарет (Дроздов), до этого занимавший ярославскую кафедру.

Император Александр I в последние годы своего царствования обрел истинную веру, стал смиренным сыном Православной Церкви. Он любил беседы с иноками-старцами. Большую радость доставило ему посещение Валаамской обители. Покидая 1 сентября 1825 г. навсегда столицу, он виделся в это раннее утро в Александро-Невской Лавре с почитаемым старцем Алексием.

Царствование императора Николая I (1825–1855)

Глубоко верующим и церковным был император Николай I, вступивший в 1825 г. на престол, вследствие отказа от прав на таковой старшего брата, великого князя Константина Павловича, морганатическая супруга которого была полька католичка. Вере Государя чужды были колебания, искания, умствования; во всем он полагался на волю Божию. В подписанном им 30 апр. 1835 г. завещании своему наследнику, Цесаревичу Александру он писал: «Соблюдай строго все, что нашей Церковью предписывается».

Император Николай I с большим уважением отнесся к архиепископу московскому *Филарету*, который, согласно его воле, возведен был в сан митрополита в день венчания государя на царство (1826 г.). До 1842 г. владыка Филарет постоянно лично деятельно участвовал в делах Синода. Постоянными членами Синода были, наряду с первоприсутствующим *митр. Серафимом*, и киевские митрополиты: Евгений, после же его кончины в 1837 г., *Филарет*, один из достойнейших иерархов Русской Церкви.

Владыка *Филарет (Амфитеатров)*, род. в 1779 г., четвертый сын многосемейного священника Орловской епархии, в раннем детстве почти «слепенький», рос под неусыпным уходом дедушки иерея, учившего его грамоте и любви к храму. Службу свою он начал с учительства в родной севской семинарии, потом был ректором нескольких семинарий, сначала претерпев много тяжелого от своих епархиальных архиереев. Потом, будучи очень близок с митр. Филаретом, когда он еще и не занимал высокого положения, он был недолго инспектором преобразованной петербургской академии, где в 1814 г. удостоен степени доктора богословия, затем ректором московской академии. В 1819 г. он был рукоположен епископом калужским, потом святительствуя в епархиях рязанской, казанской, ярославской и киевской. Владыка был *истинным подвижником*, непоколебимым в православии, строго державшимся консервативного направления во всех церковных

делах. Мудрый наставник, ревнитель святого подвижничества, монахлюбвец, аскет, нищелюбец, он сам так определял свой образ действий: «Идти всегда прямым путем, это было моим постоянным правилом, и было хорошо. Часто случалось мне, с самых первых пор службы, бывать в большой тесноте обстоятельств, и сверху давят и со стороны теснят, а я все держался одного прямого пути и так рассуждал: как люди не хитрят и ни усиливаются, а Бог всех перемудрит и пересилит».

Всех членов Синода, по штатам 1819 г., было семь с присутствующими по вызову из епархий. Обер-прокурором первое время оставался кн. Мещерский, которому государь подтвердил его право непосредственного доклада ему. Но иногда первоприсутствующий митр. Серафим испрашивал личные доклады.

В декабре 1827 г., по делу некоего Поваловшвейковского, касавшемуся расторжения его брака, государь согласился с мнением обер-прокурора, расходившимся с решением Синода. После же личного доклада митр. Серафима, имп. Николай на донесении, последним представленном, написал: «Если б в записке, мне представленной, дело было столь же ясно изложено, как здесь: то я бы не остановился согласиться с мнением свят. Синода; – впредь обер-прокурору быть осмотрительнее в отправлении своей должности; и когда бывает в недоумении, спрашивать моего разрешения». В 1828 г. митр. Серафим объявил Синоду Высочайшую волю о переводе пермского епископа Дионисия в другую епархию и о назначении на место его «другого архиерея с большею твердостью». Необходимость для кн. Мещерского, по семейным обстоятельствам, часто уклоняться от дел побудила государя назначить 2 апр. 1833 г. обер-прокурором Степана Дмитр. Нечаева.

Нечаев был хорошо знаком с церковными делами, т. к. до этого пять лет работал в канцелярии обер-прокурора. Он, как и его предшественник, старался усилить власть обер-прокурора. Положил он основание установлению особого контроля, подчиненного обер-прокурору, для проведения строгой отчетности в многочисленных суммах, находившихся в

распоряжении духовного ведомства. Намеревался Нечаев дела униатские и раскольничьи сосредоточить в обер-прокуратуре, но не получил на это согласия государя. Ставшее известным установленное им наблюдение за епархиальными архиереями и все большее проявление властности, вооружило против него членов Синода. Частые его отлучки к тяжело болевшей в Крыму жене отражались на ходе дел. «От имени высшего церковного учреждения», пишет Благовидов, «был составлен всеподанный доклад, где св. Синод просил государя дать Нечаеву, как человеку обширных государственных способностей, другое, более высокое назначение, а обер-прокурором назначить товарища министра народного просвещения, графа Протасова, известного своим усердием к православной церкви. Первенствующий синодальный член, петербургский митрополит Серафим, после долгих колебаний, осмелился вручить составленный доклад непосредственно самому государю. Николай Павлович, хотя и отнесся не совсем благосклонно к неожиданной просьбе Синода, но нашел возможным удовлетворить ее и 25 июня 1836 г. дал на имя Сената Высочайший указ о назначении Нечаева в пр. Сенат, с пожалованием в тайные советники и оставлением членом комиссии духовных училищ»⁴⁷).

Граф Николай Александрович Протасов состоял на военной службе до 1834 г., после чего занимал должности по министерству народного просвещения, исправлял обязанности товарища министра и заведующего белорусским округом. Незадолго до своего назначения он исполнял временно обязанности государственной власти в церковном управлении. Как отмечает Благовидов, назначение его встречено было в духовном мире с большою радостью и наилучшими ожиданиями; приводит он соответствующие выдержки из писем митрополита Филарета московского, архиеп. Антония (Смирницкого) воронежского, архиеп. Игнатия (Семенова) олонецкого, и др. Вступив в исполнение своих обязанностей Протасов, стал в отношении Синода проводить политику Нечаева, но еще с большей настойчивостью. В 1839 г. Протасов получил позволение поднести на Высочайшее утверждение

составленные им проекты: 1) указа св. Синоду об упразднении комиссии духовных училищ, 2) положение о духовно-учебном управлении при св. Синоде, 3) положение о хозяйственном управлении при св. Синоде и 4) указа Сенату о соединении отделения духовных дел православного и греко-униатского исповеданий с канцелярией обер-прокурора. Благовидов пишет, что утверждение государем этих проектов упрочило за обер-прокуратурой преобладающее влияние на всю систему церковного управления, создав для обер-прокурора положение фактического *министра духовного ведомства*.

Отдельные члены Синода не всегда соглашались с мнением Протасова. Благовидов приводит такие случаи. Митр. московский Филарет сумел настоять на недопущении в духовных учреждениях учебного руководства герменевтики, составленного ректором петербургской духовной академии Афанасием, соответственно взглядам Протасова. Духовник царский прот. Музовский не согласился в 1839 г. с, поддержанным членами Синода, предложением Протасова об усилении ограничений прав священнослужителей, слагающих с себя духовный сан. Государь, признавая звание священническое столь важным, что «должно затруднять добровольное оногo сложение», не согласился, сколь это ему «ни прискорбно», с мнением Музовского.

«Еще милосердный Господь хранит православный русский народ от горьких следствий свободомыслия», писал Протасов в секретной всеподданнейшей записке от 14 ноября 1842 г.» «еще преданность отечественной вере жива в сердцах его; но тем заботливее должны быть блюстители веры и тем тщательнее должны извлекать всю пользу из уроков прошедшего для охранения начал, на коих зиждется религиозное воспитание юношества, особенно духовного... К сожалению, не можем скрывать от себя, что и у нас начала сии были нарушены». Первым сеятелем чуждых понятий на ниве образования духовного юношества Протасов считал Феофана Прокоповича. В 1836 г. проведено было крупное преобразование воспитания духовного юношества, о чем будет сказано в особой главе, как и о деле прот. Павского, по-видимому, вызвавшем

неприсутствие в Синоде с 1842 г. митрополитов московского и киевского.

Ревностно относившийся к своим обязанностям, властный Протасов не раз расходился с митр. Филаретом (Дроздовым). Но это не препятствовало последнему оставаться главным средоточием всей русской церковной жизни того времени. Протасов так говорил о митр. Филарете: «Слушаются иногда дела, почти неразрешимые, возникают обстоятельства сомнительные, поднимаются вопросы щекотливые... Мы думаем, думаем, – и ничего не придумаем. И вот я, пользуясь его правилом не отказываться ни от какого труда, соберу все бумаги к разрешению задачи, запечатаю, напишу «в собственные руки», и прав. Святой отец все обсудит, обделаает и скорехонько мне возвратит» (Сумароков). Знаменский пишет о владыке Филарете: «С 1850 годов его руководительно-административное значение проявлялось в изумительно широких размерах, которые не ограничивались пределами одного церковного ведомства, а захватывали чуть не всю русскую жизнь. При взгляде на многотомное издание его писем, мнений и отзывов по самым разнообразным делам становится даже непонятным, когда этот крепкий и многосторонний ум успевал все это обдумать».

Митр. Филарет киевский, в последние годы царствования имп. Николая I, не принимал непосредственного участия в делах высшего церковного управления. Он устраивал и далее свою обширную епархию, поддерживал, по прежнему, монашество. За десять лет до кончины он тайно принял схиму. *Митр. петербургский Серафим* скончался в 1843 г. Государь пожелал, неожиданно для всех, видеть его заместителем тогдашнего архиепископа варшавского *Антония (Рафальского)*, сына священника Волынской епархии, окончившего только волынскую семинарию.

Известен он был государю, по отзывам гражданских властей, как ревностный пастырь, в особенности проявивший себя когда, по его убеждениям, все монахи Почаевского мон., возвращенного православным, отреклись от унии. В 1833 г. Антоний, в сане архимандрита, назначен был наместником сей

обители. В 1834 г. он был поставлен во епископа, тогда образованной, варшавской епархии. Принимая его, после хиротонии, император сказал ему: «Преосвященный, я слышал про вас много похвал, и с нетерпением желал видеть вас, но вы превзошли все похвалы и мои ожидания». Необыкновенным благоразумием и истинно-христианской любовью владыка Антоний блестяще выполнил свое назначение в католическом крае, где положение его было особенно сложно. В Петербурге он своею обходительностью и добротой расположил к себе всех. Скончался он в 1848 г. Государь сказал: «да, у меня митрополит будет, но Антония уже не будет» (Прав. Бог. Эн.). Заместителем его был владыка *Никанор* (Клементьевский), до этого епископ ревельский, калужский, минский, волынский и архиепископ варшавский.

Граф Протасов умер 15 янв. 1855 г. На докладе о сем Карасевского, исполнявшего обязанности обер-прокурора во время его кратковременной болезни, государь написал: «Искренно и душевно скорблю о потере этого достойного и верного слуги, которого столь долго знал и уважал». 18 февраля 1855 г. скончался император Николай I. Архиепископ рижский Платон (Городецкий), впоследствии митрополит киевский, говорил И. Палимпсестову, после его кончины: «...Император Николай Павлович всем сердцем был предан всему чистокровному русскому и в особенности тому, что стоит во главе и в основе Русского народа и царства – православной вере. То был истинноправославный, глубоко верующий Русский Царь, и едва ли наша история может указать подобного ему в этом отношении. Припомните последние часы его жизни: так умирать может истинный христианин, истинный сын Православной Церкви».

Царствование императора Александра II (1855–1881)

В первое десятилетие царствования императора *Александра II* (1855–81) продолжал занимать выдающееся место в рядах иерархии митрополит московский *Филарет*. «К нему», пишет Знаменский, «как к последней инстанции, для решения всяких недоумений обращались с вопросами, и Св. Синод, и разные государственные ведомства, и сама верховная власть. В тревожное время разнообразных реформ 1860-х годов осторожная и осмотрительная консервативность московского святителя спасала русскую жизнь от многих лишних увлечений преобразовательного движения и оказала услуги, которые еще трудно пока и оценивать». Владыке поручено было царем составление манифеста 19 февраля 1861 г. об освобождении крестьян от крепостной зависимости. 7 авг. 1867 г. церковная и государственно мыслящая Россия торжественно праздновала 50-летие его епископства. В рескрипте государя на его имя, в числе прочего, говорилось: «Высокие дарования, замечательные ученые труды, неустанная деятельность на благо духовного образования, строгое христианское благочестие открыли вам путь к высшему иерархическому поприщу». Константинопольский патриарх Григорий VII писал митрополиту: «Не одними русскими, но и всеми, так сказать, повсюду сущими православными чтится всегда с благоговением ваше славное и достойное имя...» Поэт Ф. И. Тютчев был на торжестве, происходившем в Троице-Сергиевой Лавре. В письме к жене он так пишет о святителе: «...Мое место в приемном зале было в двух шагах от кресла, стоя перед которым провел он большую часть времени, принимая подносимые ему адреса и поздравления. Маленький, хрупкий, сведенный к простейшему выражению своего физического существа, но с глазами полными жизни и ума, он непобедимой высшей силой господствовал над всем, что происходило вокруг него ...» («Рус. Арх.» 1899. т. III). 19 окт. 1867 г. митрополит Филарет скончался.

В январе 1868 г. московским митрополитом был назначен архиепископ камчатский, курильский и алеутский *Иннокентий*

(Попов-Вениаминов), известный своей миссионерской деятельностью, которую продолжал и в Москве. О ней будет сказано в особой главе. Владыка заботился о благоустройстве духовно-учебных заведений. «Он привлек к себе не только любовь духовенства, но и паствы, своей добротой, доступностью, простотой обращения. Он явил в себе образ любвеобильного отца-пастыря» («Прав. Бог. Энц.»). Замечательно его сочинение «Указание пути к царству небесному», написанное на русском, славянском и инородческих наречиях. Скончался владыка 31 марта 1879 г.

В 1879 г. московскую кафедру возглавил владыка *Макарий (Булгаков)*. Родившийся в 1816 г., сын сельского священника Курской г., он был впоследствии знаменитым богословом и историком, членом академии наук и почти всех русских ученых археологических и исторических обществ. Окончив киевскую академию, имея там выдающихся наставников богословов Иннокентия (Борисова) и Димитрия (Муретова), будущих архиепископов херсонских, он преподавал в ней историю церковную и гражданскую. Был он инспектором и ректором петербургской академии, с возведением в 1851 г. в сан епископа. Занимал он затем кафедры тамбовскую, харьковскую и литовскую. Его главные труды: «Введение в Богословие», «Догматическое богословие», «История «Русской Церкви» в тринадцати томах. «К научному и всякому умственному труду Макарий относился всегда с особенною симпатией и всем труженникам науки всегда оказывал самое энергическое моральное, а часто и материальное содействие, завершившееся пожертвованием в академию наук всех денег, вырученных от продажи его сочинений, в количестве 120.000 руб., на премии за лучшие ученые и учебные сочинения... В 1869 г. им пожертвовано на премии за лучшие сочинения киевской академии 25000 р.» («Энц. Сл.»). Митрополит Макарий скончался в 1882 г.

Митрополит киевский *Филарет (Амфитеатров)* скончался в 1857 г., имев радость, незадолго до кончины, принимать в Лавре императора Александра II и его благочестивую супругу императрицу Марию Александровну. Преемниками его были до

1860 г. владыка Исидор (Никольский), затем владыка Арсений (Москвин), до этого возглавлявший кафедры тамбовскую, подольскую и волынскую. Опытный администратор, он отличался большою любовью и заботливостью в отношении монашества, много трудов положил на борьбу с молоканами. После его кончины в 1876 г. митрополитом был назначен архиепископ тверской Филофей (Успенский).

После кончины в 1856 г. митрополита Никанора петербургскую кафедру возглавил владыка Григорий (Постников), ранее управлявший епархиями калужской, рязанской, тверской и казанской (1784–1860). Окончив только что преобразованную петербургскую академию, он был потом ее ректором. Ему обязаны своим возникновением три духовных журнала: в Петербурге «Христианское чтение» и «Духовная беседа», в Казани «Православный Собеседник». Казанская академия обязана ему развитием своего миссионерского отделения. В Твери он часто посещал места, населенные раскольниками, их скиты и часовни, и сам вступал в беседы и прения с заблуждающимися. Был он доктором богословия. С. Рункевич пишет, что владыка «отличался широким образованием, твердостью в догматах и преданиях, ревностью к церковной службе и соблюдению церковного устава, проповедничеством, заботами о водворении мира и любви между пастырями и пасомыми ... строгим аскетизмом и тою прямою характера, которая не допускала его быть причастным какой-либо партии. Он всегда был сам по себе и не стеснялся никому говорить правду открыто. Ни к кому он никогда не применялся, а между тем неуклонно шел по пути повышений, потому что умственная и нравственная сила делали то, что без него не могли обойтись. В бытность ректором академии и викарием (епископом ревельским) ему пришлось принимать участие в руководящих сферах тогдашних религиозно-философских петербургских направлений – сначала мистицизма, а потом борьбы с ним. В бытность митрополитом он вступал в литературную полемику с развивавшимся тогда про- тивоверием» («Прав. Богосл. Энц.»). Архиепископ Филарет в своем «Обзоре рус. дух. лит.» приводит письмо владыки

Григория, писанное в 1844 г.: «Связь с Петербургом я разорвал еще с 27 г.; никогда не чувствовал нужды в возобновлении ея и теперь конечно уже не возобновлю, потому что чем далее, тем живее чувствуется потребность связи с вечною столицею ... Глубоко проник дух мира всюду. Старая дисциплина крайне ослабевает. Мы придумываем все меры укрепить ее: но дух идущий со стороны сильнее нас. Нет иного способа, как бороться неумоимо, пока есть силы и возможность. Да будет с нами Бог!» Митр. Григорий скончался в 1860 г.

Заместителем его был владыка *Исидор (Никольский)*, перемещенный из Киева. Петербургскую кафедру он возглавлял 32 года. Сын диакона тульской епархии, род. в 1799 г., он окончил петербургскую академию, был ректором орловской и московской семинарий; в 1834 г. был рукоположен митр. Филаретом во еп. дмитровского, викария московского. Был он затем епископом полоцким, могилевским, помогая митр. Иосифу (Семашко). С 1844 г. владыка назначен был экзархом Грузии и в течение 14 лет устраивал сию древнюю Церковь. Любимым предметом научных занятий владыки было Св. Писание; принимал он участие в переводе Библии на русский язык. «Сам с первого года своей жизни сирота, митр. Исидор был внимателен к бедным и щедр на благотворение; человеколюбие и благотворительность составляют самое лучшее и видное украшение личного характера митр. Исидора. Особенно он много вложил забот в Импер. Человеколюбивое общество, главным попечителем которого он состоял 32 года» («Прав. Бог. Энц.»).

В устройстве Св. Синода последовали перемены: учреждено при нем в 1867 г. контрольное отделение, учреждено в том же году, вместо духовно-учебного управления, новое средоточие для духовно-учебного ведомства – учебный комитет, в роде прежней комиссии духовных училищ, в 1872 г. установлены для синодальных учреждений новые штаты.

После смерти гр. Протасова обязанности обер-прокурора, в течение года, исполнял его ближайший помощник А. И. Карасевский. В дальнейшем должность эту занимали: гр. А. П. Толстой (1856–62), ген. адъют. Ахматов (1862–65), гр. Д. А.

Толстой (1865–80) и К. П. Победоносцев в самом конце царствования императора Александра II.

Граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823–89) был видным государственным деятелем, службу свою начал в департаменте духовных дел иностранных исповеданий, через год после занятия должности обер-прокурора, назначен был и министром народного просвещения. Твердый администратор правых убеждений, он провел значительное усиление преподавания древних языков в гимназиях. При нем произведено было преобразование духовно-учебных заведений. С 1882 г. он состоял президентом академии наук.

Число епархий увеличивалось. В первой половине XIX в. особенно известны были иерархи: *Антоний (Смирницкий)*, архиеп. воронежский, явившийся в мире живым напоминанием о выполняемых заповедях Христовых, называвший себя «службой святителя Митрофана», мощи которого при нем и были прославлены († 1846 г.). *Мелетий (Леонтович)*, архиеп. харьковский (с 1835 года), нетленно почивающий в гробу († 1840). *Евфимий (Беликов)*, еп. саратовский († 1863). *Михаил (Добров)*, еп. оренбургский (правивший в 1831–35 годы). *Антоний (Амфитеатров)*, архиеп. казанский, воспитанный своим праведным дядей митр. Филаретом киевским († 1879). *Иаков (Вечерков)*, архиепископ нижегородский († 1850). В 1827 г. затворником на покое в Кирилло-Белозерском мон. преставился еп. пензенский *Амвросий (Орнатский)*. Все они отличались особой праведностью и глубоко почитались.

Херсонская и таврическая епархия возглавлялась с 1848 г. выдающимся иерархом, архиеп. *Иннокентием (Борисовым)*, до этого правившим вологодской и харьковской епархиями. Род. в 1800 г. сын священника орловской епархии, он окончил первым киевскую академию; рано развился в нем дар проповедничества. Педагогическая деятельность его началась в петербургской семинарии; был он потом инспектором и профессором петербургской академии, сумевши оживить своими статьями и проповедями журнал «Христианское чтение». Преподавал он богословие основное, догматическое, нравственное, пастырское, обличительное. Будучи доктором

богословия, он назначен был ректором родной киевской академии. «И здесь его гений сразу приподнял внутреннюю жизнь академии. В ней началась небывалая умственная деятельность, и то десятилетие, в течение которого во главе ее стоял Иннокентий, справедливо может быть названо самым блестящим периодом ее истории... Повсюду оставил он по себе добрую славу мудрого администратора, неутомимого проповедника и просветителя. Особенно любил он вновь устраивать монастыри, строить и украшать церкви; много заботился об улучшении материального быта и подъеме образования сельского духовенства. Много хорошего сделал он (в Одессе) для славян и греков...» («Прав. Бог. Эн.»). Он поддерживал оживленную переписку с очень многими архиереями и был в близких отношениях с современными ему четырьмя обер-прокурорами. Архипастырское мужество проявил владыка во время крымской кампании в Одессе и в Севастополе, который посетил во время его осады. Скончался архиеп. Иннокентий в 1857 г.

Митрополит *Гавриил* (Банулеско-Бодони), сын молдавского дворянина (1746–1821), получивший богословское образование в Греции, преподававший в Яссах, с 1789 г. связанный с Россией, бывший членом Св. Синода. С 1813 г. он правил новой кишиневской епархией, устроил церковное управление во вновь приобретенной Бессарабии.

Царствование императора Александра III (1881 – 1894)

Император Александр III, будучи глубоко религиозным, особенно ревновал о благе Церкви. Ближайшим его сподвижником был обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев, в молодые годы преподававший ему законоведение. В церковных и государственных вопросах они были единомышленны. Царствование благочестивого Государя ознаменовано церковными преобразованиями, о чем будет упомянуто ниже.

После кончины в 1882 г. митр. Макария московскую кафедру возглавил владыка Иоанникий (Руднев). Сын бедного диакона тульской епархии, род. в 1826 г., он окончил киевскую академию, приняв перед ее окончанием постриг, при чем восприемником его по монашеству был подвижник иеросхимонах Парфений. Во иеродиакона рукополагал его митр. Филарет. Первые 15 лет своего служения он посвятил педагогической деятельности, будучи в течение этого времени ректором киевской и петербургской академий. Последние 35 лет жизни Иоанникий служил Церкви в должности архиерея в пяти епархиях. В отношении подчиненных и учащихся он проявлял правду и милость, любовь к истине. Испытав нужду и лишения в юные годы, владыка проявлял горячее сострадание к бедным и вообще несчастным. Будучи архиереем, в Саратове и Нижнем-Новгороде, он основал братство св. Креста для распространения истинно-христианского духовного просвещения, преимущественно в низших классах населения. Братство помогало архипастырю и в обращении раскольников. Будучи экзархом Грузии (1877–82), владыка Иоанникий сумел водворить и поддерживать мир в разноплеменной и легко возбудимой пастве. В Москве им основано было Кирилло-Мефодиевское братство для распространения православного образования и просвещения среди народа. В 1891 г. владыка Иоанникий переведен был в Киев. С 1891 г. по 1893 г. московской епархией правил митр. Леонтий (Лебединский), до

этого архиепископ варшавский. Заместителем его был владыка Сергий (Ляпидевский), ранее архиеп. херсонский.

После кончины в 1882 г. митр. Киевского Филофея его преемником был, по почину самого Государя, владыка *Платон (Городецкий)*. Сын священника тверской епархии, род. в 1803 г., он окончил киевскую академию, был преподавателем и инспектором петербургской академии, ректором костромской семинарии. Пробыв викарием литовской и псковской епархий, он занимал потом кафедры рижскую, донскую и херсонскую, всюду проявляя свои административные способности. В Риге он укреплял православие, во Пскове деятельно боролся с расколом. В Донской епархии основывал единоверческие приходы и обращал в православие калмыков; в Киеве боролся с штундизмом. При нем в Матери городов русских торжественно праздновалось 900-летие Крещения Руси. Скончался митр. Платон в 1891 г. Преемником его был митрополит *Иоанникий (Руднев)*.

В 1892 г. скончался митрополит с-петербургский и ладожский *Исидор*, состоявший в сане священном 67 лет, в епископском – 58, в сане митрополита – 36 лет, служивший при четырех императорах. Докладывая государю о кончине митр. Исидора, последовавшей от случайного заражения крови на руке, обер-прокурор Победоносцев, писал: «Трудно заменить этого старца. Он был учен, разумен, обладал громадною памятью и опытностью в делах. Взгляда был в делах широкого, чем многим отличался от многих духовных, и потребность данной минуты понимал сразу своим практическим житейским смыслом; и так в делах синодских был он твердой опорой для разумных распоряжений. Притом был невозмутимо спокоен, всегда весел и при добром сердце и уме обладал свойством всякой доброй русской натуры – юмором живым, но беззлобным». После него петербургскую кафедру возглавил владыка *Палладий (Раев)*, экзарх Грузии (1887–92), до этого архиепископ казанский. В занимавшихся им ранее тамбовской и рязанской епархиях он основал миссионерские противораскольничьи общества. В Грузии владыка реставрировал многие памятники церковной старины.

Выдающимися иерархами во второй половине XIX в. были: архиепископы херсонские Димитрий (Муретов), ум. в 1883 г. и Никанор (Бровкович), ум. в 1890 г.; Феофан (Говоров) еп. Владимирский, впоследствии затворник Вышенский, ум. в 1894 г.; Арсений (Иващенко), еп. кирилловский, составивший «Летопись церковных событий и гражданских, поясняющих церковные события от рожд. Христова до 1898 г.» (1830–1908); Арсений (Брянцев), архиеп. харьковский, до этого рижский и казанский; Димитрий (Самбикин), архиеп. казанский, ранее тверской, составивший «Месяцеслов русских святых, всею русскою церковью или местно чтимых» (1839–1908); Ювеналий (Половцев), архиеп. литовский, ранее еп. курский (1826–1904); Михаил (Грибановский) еп. таврический, видный богослов, рано скончавшийся (1898). В бытность его еще инспектором петербургской академии, Победоносцев так определил его в письме к имп. Александру III: «Это человек прекрасной души, ясного взгляда, ученый, образованный, благочестивый». Харьковскую епархию 19 лет возглавлял ревностный архиеп. Амвросий (Ключарев) известный проповедник († 1901 г.). Николай (Касаткин), архиеп. японский, с 1860 г. миссионерствовавший в Японии, скончавшийся в 1911 г.

Обер-прокурором в течение всего царствования императора Александра III был Константин Петрович Победоносцев (1827–1907). Дед его был священником московской епархии, отец профессором московского университета. Образование он получил в Императорском Училище Правоведения, службу начал в Сенате, был потом профессором московского университета; его труд «Курс гражданского права» считается выдающимся; был он впоследствии почетным членом московского, петербургского, киевского, казанского и юрьевского университетов и французской академии; при назначении обер-прокурором был уже сенатором и членом Государственного Совета. Его «Московский Сборник» ярко и отчетливо раскрывает ложь и вред современных ему политических и общественных движений, его проникновенные «Господские праздники» выявляют его глубокую религиозность. «Он имел и своих горячих сторонников, и противников. Но для церкви

православной, которую он любил со всей силой своей богатой души, им сделано было столько хорошего, столько важного, что признание его великих заслуг для нея может быть утверждено и теперь. В этом отношении можно привести мнение лица, совершенно безпристрастного и непартийного и, вместе с тем, пользующегося известностью серьезного журналиста (Б. В. Глинский): «Сам вышедший из духовной среды, не порвавший с нею ни внешней, ни внутренней связи, человек горячо верующий и страстно и убежденно исповедующий православие, человек обширного ума и громадной эрудиции, лицо, приближенное ко Двору и имеющее непосредственный доступ к Престолу и Царской Семье ... он авторитетно и властно заявил и правительству и обществу: встаньте пред православным священником, поклонитесь с почтением и любовью перед его саном и отнеситесь благоговейно к той трудовой и полной сокровенного и высшего значения крестной ноше, которую он несет» («Полный Прав. Бог. Энцикл. Сл.» т. II. Дополнения. 1913).

В жизни церковной царствование императора Александра III ознаменовано существенными мероприятиями. Положено твердое начало по обеспечению всего духовенства жалованием. Установлены новые оклады жалования для войскового духовенства. Утвержден новый устав духовных консисторий. Возвышены оклады педагогическому персоналу духовно-учебных заведений. *Духовенство поставлено во главе дела народного образования.* Восстановлены многие, прежде закрытые, приходы. Увеличилось число общин и монастырей. Ожилилась деятельность духовенства созданием братств и обществ распространения религиозно-нравственного просвещения. Получило широкое развитие дело издательства духовно-нравственных книг для народа и открыто много духовно-народных библиотек. Созывались съезды: епископов – в Киеве, Петербурге, Казани и Иркутске; миссионерские всероссийские в Москве и окружные. В Киеве в 1894 г. происходил съезд преподавателей церковно-приходских школ. Заведены миссионерские курсы и учреждены особые кафедры при семинариях по изучению раскола и сектантства. Учреждены

новые епархии: екатеринбургская, владикавказская, финляндская и забайкальская, и четыре новые семинарии («Прав. Бог. Энц.» т. I.).

Царствование Императора Николая II.

Император Николай II (1894–1917) всецело воспринял мировоззрение любимого Отца, Царя Миротворца, преклонялся перед покорностью Промыслу Божию Прадеда, императора Николая I, в историческом прошлом люб был ему Тишайший Царь Алексей Михайлович. Свойственная этим монархам глубокая вера и преданность Церкви были в полной мере сродственны Государю, вступившему 21 окт. 1894 г. на престол в 26-летнем возрасте.

Владыка Антоний (Храповицкий), епископ волынский, вскоре почувствовал духовную красоту юного государя. В разгар разгоравшейся большой смуты, он 21 окт. 1905 г. произнес в житомирском соборе проповедь, в которой выявил личность и свойства Императора Николая Александровича, подтверждая слово свое примерами. Обращаясь к русскому народу, архипастырь взывал:... . «Часто ли встречал такую силу веры среди людей знатных и богатых и укажешь ли мне во всей вселенной нечто подобное в жизни царей, именующих себя христианскими? Учись же у своего Царя вере, умилению и молитве. Искреннее благочестие остается неполным, если не украшается любовью и состраданием к ближним. И сию любовь наш Государь проявил в первые же месяцы по своем воцарении, когда, по примеру всероссийского праведника отца Иоанна Кронштадтского, начал повсюду учреждать дома трудолюбия для бедных, ибо именно в этом нуждается городская беднота». В осиянии приснопамятного отца Иоанна прошла первая половина царствования Государя. По преставлении сего праведника 20 дек. 1908 г., по почину Государя, возвещенному в тот же день в рескрипте на имя митрополита петербургского и ладожского Антония (Вадковского), установлено было особое ежегодное поминание дня его кончины.

Царствование императора Николая II ознаменовано прославлением ряда святых. Развивалась особенно церковная жизнь, Государю столь близкая, понятная и дорогая.

Усиливалось миссионерство. Понималось Им значение древности церковной и проявлял Он заботы о ней; ценил стародавния иконопись, зодчество, пение. В 1901 г. был Высочайше утвержден Комитет попечительства о русской иконописи, под председательством гр. С. Д. Шереметева. Ревновал Государь о развитии церковноприходских школ, в чем ставило ему препоны либеральное большинство Государственной Думы. Государем был утвержден устав о пенсиях и единовременных пособиях священнослужителям и псаломщикам.

С 1905 г. велась подготовительная работа по созыву Церковного Собора. По высочайшему повелению образовано было в январе 1906 года предсоборное присутствие. Председателю такового, митрополиту петербургскому Антонию, Государь писал: «С глубоким вниманием слежу Я за подготовительными работами к предстоящему Поместному Собору Русской Православной Церкви. Да благословит Господь ваши труды к обновлению нашей церковной жизни». Присутствие выработало ряд важных постановлений, которые были представлены на благоусмотрение Государя. В 1912 г. учреждено было предсоборное совещание для дальнейшей разработки этих вопросов. Наступившая в 1914 г. война задержала созыв Собора.

В 1913 году, когда праздновалось 300-летие Дома Романовых, Государь, подчеркивая важность высшего духовного образования, наименовал Духовные Академии Императорскими. Государь даровал полную свободу исповедания старообрядцам. Поощрял Он всячески развитие деятельности Императорского Палестинского общества, дававшего возможность большому числу богомольцев из всей России совершать дешево и удобно паломничества в Святую Землю.

В 1898 г. скончался *московский* митрополит Сергей. В Москву назначен был владыка *Владимир* (Богоявленский), экзарх Грузии. Сын священника Тамбовской епархии, род. в 1847 году, он окончил Киевскую Духовную Академию, преподавал в родной тамбовской семинарии; овдовев принял

монашество; был настоятелем Троицкого м. в г. Козлове; в 1888 г. был хиротонисан во епископа Старорусского, викария новгородского, с пребыванием в Новгороде. Для понимания дальнейшей архипастырской деятельности этого достойнейшего иерарха, показательно начало его архипастырской деятельности, о которой сохранилось такое повествование: «Этот, ныне заглохший, а в древности столь шумный город, сделался колыбелью славы молодого Владыки; епископство в этом городе послужило для преосв. Владимира прекрасной школой и подготовкой для самостоятельной деятельности в самом недалеком будущем. В безусловной скромности, в простоте и прямоте Владыка нес бремя возложенного на него служения. Здесь он проявил в высшей степени оживленную и энергичную архипастырскую деятельность, а вместе и особое умение, такт в общении со всеми, соединенные с любвеобильною отзывчивостью к нуждам паствы и духовенства. – В особенности преосв. Владимир заботился о развитии церковного учительства. Еще будучи приходским священником, он придавал большое значение церковной проповеди, причем особенно обращал внимание на внебогослужебные беседы, в которых усматривал верное средство для духовно-нравственного просвещения прихожан и доброго воздействия на их жизнь. И тогда уже показал себя выдающимся церковным проповедником ... Выступая на амвоне со словом проповеди, он оживлялся до неузнаваемости: его тихий голос, простая, безыскусственная форма речи не давала ничего любителю слога и громких фраз, но каждая проповедь являлась согретою огнем глубокой сердечной искренности, так была назидательна, что производила изумительное впечатление, неотразимо увлекая слушателей ... Благолепие, которым стало отличаться при нем архиерейское служение, еще усиливало впечатление и привлекало к Владыке сердца, так что, когда настало время расстаться с Новгородом, новгородцы проводили своего епископа со славой и искренним, глубоким сожалением» (Правосл. Богосл. Энцикл. т. III). Столь же плодотворную и неутомимую деятельность развивал он, будучи с 1891 г. епископом самарским и с 1892 г. экзархом Грузии. В Самаре он

проявлял исключительную и самоотверженную деятельность во время народных бедствий (голода, холеры). Введете им в Грузии проповедей способствовало сближению неправославных этого края с православными. Развил он там и церковно-строительное дело; им построено и возобновлено более 100 храмов. В Москве с его именем связаны благолепные богослужения, сильные поучительные проповеди, широкая просветительная работа, борьба с народным бедствием – пьянством. В смутные годы начала XX века митр. Владимир, вдохновленный примерами великих Святителей московских, на протяжении веков выступавших против внутренних врагов государства, безбоязненно восстал против разрушителей России. Проповедь, печатное слово, вразумление малых сих, подпадавших под влияние сил зла – все это он использовал в своем церковно-государственном делании. Владыка написал труд против социализма, подписанный буквами М. В. Ближайшими его помощниками в отечестволюбивой просветительной деятельности были викарный епископ Парфений (Левицкий), буд. архиепископ тульский; архимандрит Троице-Сергиевой Лавры Никон (Рождественский), буд. архиепископ вологодский; и молодой викарный епископ Анастасий (Грибановский) буд. архиепископ кишиневский и Глава Русской Зарубежной Церкви. В 1912 г. митр. Владимир возглавил с-петербургскую кафедру. Митрополитом московским был назначен архиепископ томский *Макарий* (Невский), известный своей замечательной миссионерской деятельностью, именовавшийся «Апостолом Алтая».

После кончины в 1900 г. киевского митрополита Иоанникия, заместителем его был владыка *Феогност* (Лебедев), архиепископ новгородский, член Св. Синода. Он особенное внимание посвящал развитию церковно-приходских школ. После его смерти в 1903 г., киевскую кафедру возглавил владыка *Флавиан* (Городецкий), до этого архиепископ харьковский. Он не принадлежал к духовному сословию, учился в московском университете на юридическом факультете; приняв монашество, исполнял, до заболевания своего, трудные послушания. С 1873 по 1884 г.г. состоял членом Духовной

Миссии в Пекине, потом ея начальником, основательно изучил китайский язык. Перевел на китайский язык составленное им «Объяснение православного богослужения». С 1885 г. он был епископом люблинским, архиепископом варшавским, экзархом Грузии и архиепископом харьковским. Архиепископ Антоний (Храповицкий), издавна связанный с ним близкой дружбой, в слове своем при его отпевании 9 ноября 1915 г., подчеркнул его отеческую заботливость к приходскому духовенству, к воспитанникам духовных школ и нарочитое доброе отношение к монахам. «В митр. Флавиане эти смиренные труженники видели своего брата, своего родителя и заступника, своего доброго попечителя и отца, и притом не только в вверявшихся ему епархиях, но и во всей русской Церкви». На свои средства митр. Флавиан соорудил в Киево-Печерской Лавре Благовещенский храм, огромную библиотеку, больницу с церковью. В 1915 г. киевскую митрополию возглавил владыка *Владимир* (Богоявленский), зверски убитый в Киеве в январе 1918 г.

Митрополит *с-петербургский* Палладий скончался в 1898 г. Кафедру возглавил владыка *Антоний* (Вадковский), до этого первый архиепископ финляндский. Род. в 1846 г. в Тамбовской г., он окончил Казанскую духовную академию, был в ней потом профессором. В Казани он редактировал журнал «Православный Собеседник». Овдовев и потеряв одновременно детей, он принял постриг. В 1885 г. арх. Антоний назначен был инспектором петербургской Духовной академии, через два года ректором ея и викарным епископом Выборгским. Академия под его руководством достигла большого развития. Владыка работал научно и был утвержден в степени доктора церковной истории. Поручены были ему переговоры с англичанами. В 1897 г. он представлял от Русской Церкви на юбилейном торжестве английской королевы Виктории и имя его широко известно было за границей. В смутные годы он, в отличие от митрополитов Флавиана и Владимира, примыкал к более либеральному течению. Скончался митр. Антоний в 1912 г. Заместителем его был митрополит *Владимир* (Богоявленский), который в 1915 г. переведен был в Киев, с оставлением его

первоприсутствующим членом Св. Синода. Заместителем его был экзарх Грузии *Питирим* (Окнов), ок. киевскую духовную академию, ректор петербургской семинарии, с 1894 г. епископ новгородсеверский, затем тульский, архиепископ курский, владикавказский, самарский, экзарх с 1914 г. Проявлял он заботливость в отношении монастырей. Был сторонником реформы церковного прихода на выборных началах. В 1913 г. Наместник Кавказа гр. И. И. Воронцов-Дашков, выдвигая его в числе кандидатов в экзархи, писал: «Архиепископ Питирим владикавказский высоконравственный, очень заботливый к своей пастве, любим и уважаем как осетинами, так и казаками». Владыка помещал свои труды во многих духовных журналах.

Другими видными иерархами в это царствование были: *Антоний* (Храповицкий), доктор богословия, род. в 1863 г., дворянин новгородской губ., кончивший с-петербургские гимназию и духовную академию, с 1885 г. иеромонах. Был он инспектором в родной академии, ректором московской и казанской академий, в 1908 г. по Высочайшему повелению ревизовал киевскую академию. В 1897 г. состоялась хиротония его во епископа чебоксарского, викария казанской епархии; возглавлял он епархии уфимскую, волынскую и харьковскую. В 1917 г. Всероссийский Церковный Собор избрал его первым кандидатом в патриархи; весной 1918 г. он был избран митрополитом киевским и галицким, с ноября 1920 г. возглавлял Зарубежную Церковь. Скончался владыка Антоний в 1936 г. С. Рункевич писал о нем в «Прав. Бог. Энц.» (1900): «Преосвященный Антоний давно приобрел себе широкую известность, как весьма усердный и ревностный распространитель духовного просвещения и богословской науки в народных массах. В петербургской академии он был душою кружка студентов-проповедников, разносивших плоды науки по церквам во внебогослужебных чтениях, общественным и частным залам, заводам, тюрьмам, ночлежным домам; такие же кружки он основал в академиях московской и казанской. Противник всяких административных и учебных строгостей и ограничений, преосв. Антоний всегда стремился к достижению выполнения учащимися правил, уставов и программ свободною

волею. Провидению угодно было провести его по всем почти академиям, и всюду он оставил после себя заметный след. В 1900 г. издано в Казани полное собрание сочинения преосвященного». *Арсений* (Стадницкий) доктор церковной истории, оконч. киевскую дух. академию, инспектор и ректор московской академии, в 1899 г. возведенный в сан епископа волоколамского, викария московского, возглавлявший кафедры псковскую и новгородскую, архиеп. с 1910 г. Ученый археолог, поборник строгой уставности, оберегатель церковной старины. В 1917 г. был избран вторым кандидатом в патриархи. *Николай* (Зиоров), род. в 1850 г. кончивший московскую академию; возглавляя епархию алеутскую и северо-американскую проявил плодотворную деятельность, был затем епископом таврическим, тверским и архиепископом варшавским. *Сергий* (Страгородский), род. в 1867 г., оконч. с-петербургскую академию; в епископском сане с 1901 г., архиепископ финляндский с 1905 г. *Феофан* (Быстров), ок. петербургскую академию, ректор ея; возглавлявший кафедры таврическую, астраханскую и полтавскую († 1940 г.). *Анастасий* (Грибановский), род. в 1873 г., оконч. московскую академию, был ректором московской семинарии, с 1906 г. еп. можайский, вик. московский. Митр. Антоний, вспоминая в 1935 г. его служение Церкви в молодые годы, писал: «По окончании курса духовной Академии преосвященный Анастасий проходил первые годы своего священнослужения в Москве и скоро же стал любимцем всей паствы за свою строго аскетическую жизнь, которую проходил с замечательным смирением и терпением». Владыка Анастасий возглавлял епархии холмскую и кишиневскую, последнюю в сане архиепископа. На Всероссийском Соборе он был избран членом Священного Синода и Высшего Церковного Совета; с 1935 г. митрополит; с 1936 г. глава Зарубежной Церкви. *Феодор* (Поздеевский), окончивший московскую академию и с 1909 г. еп. волоколамский и ректор родной академии.

Обер-прокурором Св. Синода оставался *К. Е. Победоносцев*, продолжавший неутомимо трудиться на пользу Церкви. Все более чуждым был ему либерализм,

захватывавший все большие круги русского общества. Когда в октябре 1905 г. установлен был представительный образ правления, он оставил пост, занимавшийся им в течение 25 лет. Итог его деятельности подвел иерарх тогда уже выделявшийся, расходившийся с ним в вопросе о восстановлении патриаршества и не принадлежавший к числу близких к нему лиц. Епископ волынский и житомирский Антоний (Храповицкий) в длинном письме, отправленном ему в ноябре 1905 г., писал: «...Я чтил в Вас христианина, чтил патриота, чтил ученого, чтил труженика. Я сознавал всегда, что просвещение народа в единении с церковью, начатое в 1884 г. исключительно благодаря Вам и Вами усиленно поддерживавшееся до последнего дня Вашей службы, есть дело великое, святое, вечное, тем более возвышающее Вашу заслугу Церкви, престолу и отечеству, что в этом деле Вы были нравственно почти одиноким. Вы не были продолжателем административной рутины, как желают представить Вас жалкие, бездарные критики. Напротив, Вы подымали целину жизни и быта, брались за дела, нужные России, но до Вас администрации неведомые... Первое—дело церковно-приходских школ Вы таким образом подняли и вынесли на своих плечах. Второе —приближение духовной школы к духовным нуждам народа, к жизни Церкви—Вы старались выполнить, но здесь наткнулись на слишком неодолимую двух-вековую косность самоуверенной и схоластической сословной громады, и хотя не сдвинули ее с места, но значительно поколебали ее в ее самоуверенности, и успели внести в нее несколько сильных оздоравливающих лучей церковного и народного духа. Вы подняли над грамотною Россией свет Божественной Библии, распространили слово Божие по дешевой цене на всех наречиях православных племен России и иных отдаленных стран. Вы украсили издания книг, святых молитв и песнопений церковных, и старались убедить духовенство и общество в том, что после-петровская эпоха не улучшила, а понизила и исковеркала наши напевы и богослужения. Вы убедили лучшего из покойных царей наших приказать строить православные храмы в православном их архитектурном благолепии, а не в безобразном виде

еретических капищ. Вы оценили высокие качества единоверческих общин, поддержали и ободрили поборников этого единственно надежного моста от раскола к Церкви. Вы умели ценить снедающую ревность о Боге под мужицкими зипунами, под бешметами учителей из крещеных иноверцев. Вы отыскивали ревнителей веры и Церкви и не стыдились учиться у смиренных труженников провинции – Рачинского и Ильминского, в то время, когда Царь России имел Вас своим главным советником, а Европа знала Вас, как просвещеннейшего профессора и общественного деятеля. Те самые восьмидесятые годы прошедшего столетия, столь ненавистные нынешним ненавистным для России, либералам, но ценные в глазах истинно русского патриота, как годы реформы нравов, те восьмидесятые годы отрезвления русских умов и обращения их к родной забытой старине, имели в лице Вашем одного из главных вдохновителей собирания Руси – в области убеждений и нравов – и несомненно самого главного – в области преобразований административных, законодательных ...». Победоносцев скончался 10 марта 1907 г.

В течение шести дальнейших лет обер-прокурорами были: кн. А. Д. Оболенский, кн. А. А. Ширинский-Шихматов, один из ближайших сотрудников Победоносцева, управлявший с 1894 по 1903 г. московской синодальной конторой, недолго бывший товарищем обер-прокурора, П. П. Извольский, С. М. Лукьянов. С 1911 по 1915 г. обер-прокурором был, хорошо известный духовенству, *Владимир Карлович Саблер*. Службу в Синоде он начал с 1881 г., занимая должность юрисконсульта, потом был управляющим канцелярией. С 1892 г. по 1905 г. он состоял товарищем обер-прокурора. Антоний (Храповицкий), еп. волынский, при оставлении им последней должности, писал ему: «...Своей горячей любовью к Божественной службе Вы, можно сказать, поворотили историю русского богослужения, Вы удержали ее от стремительного удаления от богопреданных образцов к западно-европейским чувственным эффектам, под Вашим влиянием церковная служба духовных школ, монастырей и приходов вновь украсилась забытыми сокровищами молитвы, созданными богопросвещенными

мужами или, вернее, Святым Духом. Не все духовные лица ценят эти возвращенные церквам стихиры, антифоны и осьмогласие, но должны помнить, что, помимо прочего, богослужение и в наше время составляет девять десятых созидających сил Церкви, а проповедь у нас так скудна и школьное обучение так формально, бедно и далеко от жизни, что едва-ли одна десятая воспитывающих сил церкви выполняются этими отправлениями. Но и здесь дело не шло вне Вашего влияния. Благодаря последнему наши семинарии хоть несколько прониклись началами духовного воспитания и проповедничество стало предметом практических упражнений учащихся. Говорить ли о миссионерской проповеди, о борьбе с ересями и расколом, об утверждении единоверия. Здесь все живое по всей России и далеко за границей носит печать Вашего влияния и покровительства, и все почти миссионеры считают Вас своим личным другом. Строение храмов Божиих, учреждение св. обителей, церковно народная школа – все это двигалось и, можно сказать, дышало Вами... Особенно трогательным для меня в частности являлось то чисто материнское участие, с которым Вы, никем не побуждаемый, вникали во всякое ходатайство крестьян по своим приходским делам; можно было думать, что Вы сами прихожанин любого села далекого Заволжья или Сибири, откуда приходили малограмотные просьбы приходских уполномоченных. Один маститый иерарх говорил мне, что хотя скопление дел и понуждает всех нас быть подчас чиновниками, но наименее чиновником среди нас являлись всегда Вы, незабвенный Владимир Карлович. Да, будучи по своему званию чиновником Духовного Ведомства, Вы на самом деле были прежде всего сыном Церкви и радетелем ея славы...» Будучи обер-прокурором Саблер развивал ту же деятельность.

Последними обер-прокурорами были: А. Д. Самарин, А. Н. Волжин и Н. П. Раев.

Епархиальное управление. Духовенство

По официальным данным 1904 г. в России были 4 митрополии, 1 экзархат и 62 епархии. Карташев, указывая, что при Петре Великом в России было 15 миллионов православных, в царствование же императора Николая II 115 мил., пишет: «В патриаршем периоде Россия имела 20 епархий с двадцатью епископами. Кончила свой императорский период Русская Церковь при 64 епархиях и приблизительно 40 викариатствах, возглавляемая более чем 100 епископами.»

Епархиальное управление состояло из епархиального архиерея с подчиненными ему вспомогательными лицами и учреждениями, каковы: викарий, консистория, благочинный с благочинническим советом, епархиальные попечительства о бедных духовного звания и депутаты⁴⁸). Последнее название применялось к духовному лицу, вызываемому при следствии о лицах духовных, к лицам, избираемым в качестве членов на училищные и общеепархиальные съезды духовенства и командиремым епархиальными начальствами для присутствия в заседаниях земств и городских дум, при разбирательстве гражданских дел, связанных с церковными землями. Глава управления – архиерей, по избрании Св. Синодом, утверждался Государем; в пределах своей епархии являлся совершенно самостоятельным начальником указанных учреждений и духовенства. В качестве хозяйственного учреждения при нем существовал архиерейский дом. В каждой почти епархии издавались «Епархиальные Ведомости». Почин в создании этого органа принадлежал архиепископу херсонскому Иннокентию (Борисову). В Свят. Синоде вопрос этот проведен был епископом херсонским Димитрием (Муретовым). В апреле 1861 г. первыми вышли в свет «Ярославские Епархиальные Ведомости» при архиеп. Ниле (Исаковиче). По данным 1904 г., «Епархиальные Ведомости» издавались во всех епархиях, кроме финляндской и туркестанской. («Прав. Богосл. Энц.»).

В 1816 г. из управления обер-священника, стоявшего с 1800 г. во главе духовенства армии и флота, выделено было особое

управление духовенством гвардейских полков под ведением обер-священника главного штаба и гвардии. В 1840 г. учреждена должность обер-священника в отдельном кавкассском корпусе, с подчинением обер-священнику армии и флота. Все это управление было независимо от епархиальных властей и подчинялось непосредственно Св. Синоду. В 1858 г. обер-священники были переименованы в главных священников. В 1890 г. все управление военным духовенством объединено под ведомством одного протопресвитера военного и морского духовенства и состоящего при нем духовного правления.

Выше упоминалось о возникшем в 1808 г. комитете, одной из задач которого было изыскать средства для создания огромного капитала духовного ведомства, дававшего бы возможность обезпечить содержание духовенства. Война 1812 г. нарушила все эти предположения. При императоре Николае I усилен надел церковью землями. Для западных епархий с 1842 г. назначены были небольшие, вспомогательные к приходским средствам, оклады, которые с 1843 г. постепенно распространялись и на другие епархии. Предоставление духовенству казенного жалованья значительно усилилось в царствование императора Александра III.

Средствами содержания белого духовенства служили: 1) казенное жалованье (заграничное духовенство, придворное, военное морское и часть приходского – по отчету за 1900 г. причты 24.660 церквей); 2) земельные наделы – от 33 до 99 десятин на причт, кроме усадеб, каковые земли не подлежали никаким налогам и могли быть отчуждаемы не иначе, как с Высочайшего соизволения; 3) добротные даяния, частью деньгами, а часто – в сельских приходах – хлебом и разными естественными продуктами. («Прав. Богосл. Энци.»).

Последний разбор духовенства, касавшийся лишних церковников и детей духовенства был произведен в 1830–31 годах. «Наконец, указами 1827 и 1830 годов (о поступлении в военную и гражданскую службу) и статьями свода законов 1842 г. были точно определены права рождения и воспитания священно- и церковно-служительских детей», пишет Знаменский, «и для них получилась возможность более

выгодного и почетного выхода из своего сословия с правами некоторой привилегированности при избрании службы или другого рода занятий, по самому происхождению и без приписки к податному состоянию. Окончательное расторжение сословной замкнутости духовенства последовало в 1869 г.: 16 апреля определены были новые сокращенные штаты церквей, а указом 26 мая дети духовенства вовсе отчислены от состава духовенства, – священно-служительские с правами личного дворянства или потомственного почетного гражданства, церковно-служительские с правами личного почетного гражданства, после чего духовное сословие определялось только кругом лиц, состоявших на действительной церковной службе».

Распространение веры

В XIX в. продолжалось прежнее благожелательное отношение правительства к инородцам. Штаты, введенные в 1775 г. для лам, были подтверждены в 1822; в 1853 г. издан закон о ламском духовенстве. В качестве служителей религии и муллы, и ламы получили свободу от податей, подобно православному духовенству. Несмотря однако на это, дело православной миссии шло успешнее, чем прежде, благодаря большому развитию ея духовных средств и ея лучшей организации. Кроме инородцев Поволжья и Сибири, действия ея простирались на некоторые новые племена по мере расширения России на восток. К числу важнейших приобретений русской Церкви надо отнести воссоединение с нею униатов и обращавшихся в православие протестантов Прибалтийского края (Знаменский).

Миссионерство в Казанской епархии и соседних местностях.

В 1802 г. станки азиатской *типографии*, с конца XVIII в. печатавшей на казенные средства Коран, переведены были, по просьбе татар, из Петербурга в Казань. Там типография стала ежегодно выпускать десятки тысяч магометанских книг. Казань сделалась настоящим средоточием мусульманского образования в России. В итоге этого начались значительные *отпадения* крещеных татар. Христианской миссии пришлось переменить самое направление своей деятельности – вместо обращения новых чад, ограничиться заботами об удержании в христианстве приобретенных прежде. В 1802 г. стали переводить на инородческие языки краткие катихизисы и главные молитвы. Казанский архиепископ *Амвросий (Протасов)*, правивший с 1816 по 1826 гг., предлагал переводить и богослужебные книги, но тогда мысль эта не встретила сочувствия. При духовно-учебных заведениях епархии с инородческим населением стали открывать классы местных языков. Но трудно было поправить подорванное дело. В 1827 г. происходили массовые отпадения крещеных татар.

Отпадения и до этого происходили также среди черемис и чувашей, в вятской г. среди вотяков, в нижегородской – мордвы. Административные меры, принимавшиеся властью, успеха не имели. В 1830 г. в Казанской епархии вновь учреждены были особые *миссионеры*. В 1847 г., по Высочайшему повелению, предпринят был при казанской академии *перевод на татарский язык* священных и богослужебных книг. Но все эти меры мало приносили пользы. Обучение татарскому языку в семинариях и переводы на него оказывались не соответствующими своему назначению, потому что для них употреблялся не живой, разговорный татарский язык, а книжный, понятный только образованным людям среди татар. Последнее большое отпадение татар было в 1866 г. Но к этому времени для борьбы с магометанской пропагандой разработан был новый план.

Еще в 1854 г. при казанской академии учреждены были специальные миссионерские отделения. В среде одного из них, противомусульманского, выработана была система действий для укрепления крещеных татар в христианстве, состоявшая в переводах христианских книг и обучения детей этих татар в школе при помощи не книжного, а живого, *разговорного* татарского языка. Почин в этом деле принадлежит известному ориенталисту Николаю Ивановичу Ильминскому (1822–1891). Сын пензенского протоиерея, он, по окончании курса казанской дух. академии, оставлен был при ней бакалавром и вскоре назначен членом комиссии для проверки татарского перевода Нового Завета. Позднее (1851–54 гг.), он был отправлен в Дамаск, Константинополь и Каир, где изучил языки арабский, турецкий и персидский. Турецкий и арабский языки он преподавал в противомусульманском отделении казанской академии; позднее преподавал восточные языки в академии и казанском университете. В 1872 г. он был назначен директором казанской инородческой учительской семинарии и всецело посвятил себя распространению образования среди инородцев. Им еще в 1864 г. была создана с другими лицами частная школа для крещеных татарских детей. Переводческие труды его начались в 1861–62 гг. Школа была встречена крещеными татарами с доверием, быстро получила у них известность и

сделалась родоначальницей таких же школ по крещено-татарским селениям не только казанской, но и других епархий волжско-камского края. Когда количество новых переводов достигло достаточной полноты, в Казани на татарском языке открыто было православное богослужение, произведшее между крещеными татарами сильное христианское движение, и скоро распространилось по татарским селениям. К тому же времени новая система инородческого образования, после долгих обсуждений, была принята министерством народного просвещения и приложена ко всему инородческому образованию. В 1872 г. в Казани была открыта особая *инородческая учительская семинария*. Важной поддержкой новых переводов и школ сделалось открытое в 1867 г. в Казани *братство св. Гурия*, принявшее на себя обязанность содействовать утверждению веры среди инородцев казанского края. Из новых школ вышло много деятелей христианского просвещения и достойных служителей Церкви для инородцев из их же единомышленников. С 1869 г. при братстве учреждена была особая переводческая комиссия для распространения христианских книг на местных языках, а в 1876 г. миссионерское общество поручило ей переводы таких книг и на другие инородческие наречия, не исключая даже отдаленнейших окраин востока. Кроме Казани учительские школы того же рода возникли: центральная чувашская в Симбирске, черемисская – в Уфе, инородческая – в Бирске, уфимской губ. Магометанство, сильное своим религиозным убеждением, весьма распространенным образованием и своей организацией, и далее плохо поддавалось миссионерскому влиянию, но ему затруднено было принятыми мерами массовое совращение крещеных инородцев (Знаменский).

Миссионерство среди калмыков, киргизов и самоедов. В царствование имп. Александра I переведены были на *калмыцкий* язык Евангелие от св. Матфея и катихизис, но очень неудачно. При имп. Николае I несколько раз подымался вопрос об учреждении особой *калмыцкой миссии*, но из за старых опасений раздражить инородцев вопрос этот бывал отклоняем. Средствами для их обращения были: слабое обучение

калмыцкому языку в саратовской и астраханской семинариях будущих пастырей для селений, близких к калмыцким кочевьям, некоторые калмыцкие переводы преподавателей семинарии, богослужения, совершавшиеся для калмыков с 1848 по 1859 г. в походной церкви. Настоятелем ее в это время состоял хороший знаток калмыцкого языка, *В. Дилигентский*. Наконец помогала, заведенная последним, школа для калмыцких детей в *Царицыне*. Несмотря на всю недостаточность этой миссионерской работы и сильное противодействие христианству со стороны руководителей калмыков, обращений бывало до ста в год. Деятельность миссии у калмыков была сосредоточена потом в епархиях астраханской, кавкасской и отчасти в донской.

В царствование имп. Александра I обращено было внимание на *киргизов*. Указом от 22 июля 1822 г. было повелено: 1) послать миссию в киргисскую степь, указав ей действовать только убеждением; 2) в том месте, где обратятся к св. вере до 1000 человек, гражданское начальство должно построить церковь, духовное – назначить постоянного священника; 3) последнее должно создать школу для обучения детей Закону Божию и арифметике; 4) не подвергать крестившихся никаким следствиям за опущение поста и обрядов.

Крещение *самоедов* архангельской епархии началось в 1821 году при епископе Неофите (Докучаеве-Платонове), правившем с 1821 по 1825 г., трудами священника *Феодора Истомина*. После первых успехов его проповеди, Синод распорядился об устройстве для самоедов особой миссии из двух причтов с двумя походными церквями под начальством *архим. Вениамина Смирнова*. Действия этой миссии начались в 1825 г. из Мезени. Проповедь ее предлагалась на природном самоедском языке, на который миссионеры перевели разные молитвы, катихизис и Новый Завет, и имели большой успех. К 1830 г. крещеных самоедов считалось более 33 000 душ. Для них устроено было по тундрам севера три церкви с причтами на казенном жаловании и три школы. После этого миссия была упразднена и дальнейшее утверждение христианства в крае предоставлено было приходским причтам.

Миссионерство в Сибири. Алеутская миссия продолжала свою деятельность. С 1816 по 1820 г. появились новые церкви на о. *Ситхе*, а также на *Уналашке* и *Атхе*. При уналашкинской церкви начал в 1823 г. свою миссионерскую деятельность, переведенный туда из Иркутска, священник *Иоанн Вениаминов*. Неудачны были попытки проповеди со стороны Библейского общества, переводы которого оказались слабыми, и со стороны британской миссии, встретившей противодействие лам и православного духовенства. Деятельность ее прекратилась в 1841 г. Обе эти организации действовали *в Сибири*; последняя избрала местом своим Забайкалье. Особенно оживилась миссионерская деятельность в Сибири с созданием новых миссий в царствование имп. Николая I.

В *Западной Сибири* первая правильно организованная миссия открыта была в 1828 г. по почину *тобольского архиепископа Евгения* (Казанцева), правившего с 1825 по 1831 г. Во главе миссии был поставлен архимандрит *Макарий* (*Глухарев*), бывший ректор костромской семинарии, весьма верующий и беззаветно преданный просветительной работе. Местом миссии был избран *Алтай*, страна еще не початая христианством. Населен был Алтай татарами, калмыками и др. дикими инородцами, большею частью язычниками. *Макарий* явился туда в 1830 г. и основался в *Улале*, но отсюда ежегодно делал, не зная устали, разъезды по всей стране. Быстро ознакомившись с *алтайским* наречием татарского языка, он составил его словарь и много необходимых для просвещения инородцев переводов. Сердечный и любящий, он был для своих духовных чад и учителем, и врачом и воспитателем детей, и ходатаем пред властями, и общим благодетелем. Оклад миссии был небольшой, но он сумел найти для нея богатых жертвователей в *Тобольске* и *Москве*, и все денежные средства свои, даже полагавшийся ему особый магистерский (ученый) оклад употреблял на вспомоществование новым христианам. В 14 лет им приобретено было для Церкви 675 душ, устроено три миссионерских стана с 2 церквами и 1 часовней. В деле миссии Макарий более всего рассчитывал на могущественное действие

православного богослужения. Им устроены были также улалинское училище, женская благотворительная община, больница и созданы для новообращенных несколько оседлых поселений. В 1844 г., по совершенному расстройству здоровья, он удалился в Болховский мон. на покой, успевши дать устройством своей миссии прекрасный образец для других миссий. Скончался арх. Макарий в 1850 г. (Знаменский).

Дело его было успешно продолжено его сотрудником и преемником, прот. *Стефаном Ландышевым*, окончившим нижегородскую семинарию, и последующими начальниками миссии, в особенности архим. *Владимиром (Петровым)*, одним из выдающихся русских миссионеров (1828–1897). Сын простого донского казака, он окончил киевскую дух. академию, приняв на четвертом курсе монашество. Был инспектором иркутской и новой томской семинарий, а затем инспектором петербургской академии, где, в сане архимандрита, читал лекции по догматическому богословию. В это время он принимал живое участие в учреждении в Петербурге миссионерского общества для содействия миссиям алтайской и забайкальской. В 1865 г. архим. Владимир был назначен начальником алтайской миссии и строителем Благовещенского мон. в алтайских горах, учрежденного в 1864 г. Кузнецкий и бийский округа, в которых работала миссия, занимали пространство верст 1000 в длину и от 300 до 700 в ширину. Населения было всего 40000, из них две трети кочевников. «Здесь на Алтае», писал арх. Владимир, «с трудом пробираясь, верхом на коне, ища заблудших овец стада Божия, миссионер в течение целых суток, и то не всегда, может встретить едва несколько душ, со своими одиночными юртами запрятавшихся то в глубине лесной, то на удаленном от проезжей тропы нагорном скате.» Только окраины миссии граничили с русским населением, да и то, большей частью, раскольничьим. Приходские церкви находились в большом отдалении. Вследствие этого на миссионере лежало попечение не только об обращении язычников, но и об исполнении обязанностей приходского священника для новообращенных. В почти пустынной местности, среди дикой природы, при полном бездорожье, арх. Владимир верхом на коне объезжал

инородческие кочевья и нес язычникам проповедь о Христе. Он не щадил себя – мерз, тонул, голодал, нередко питаясь при своих поездках одними кореньями и травами. Миссионерство его было глубоко-внутренним, искренним. За *18 лет* служения миссии арх. Владимир открыл более 10 начальных школ, при чем число учеников упятилось. Основал он в Улале центральное миссионерское училище, с обучением иконописанию, переплетному мастерству и сельскому хозяйству. Переводил он и всячески содействовал переводам на алтайский язык церковных и религиозно-нравственных книг. При нем построено 28 церквей и молитвенных домов, устроены свечной завод и типография, а также миссионерская больница и аптека. Основал он 19 новокрещенских селений, в которых устанавливалась оседлая жизнь.

В 1880 г. арх. Владимир был хиротонисан в *епископа бийского*, викария томской епархии, с оставлением начальником миссии. Он переселился в Бийск. В 1883 г. он был назначен епископом *томским* и там продолжал свою просветительную деятельность. Занимая потом кафедры ставропольскую и нижегородскую, он в 1897 г. скончался будучи *архиепископом казанским*. Всюду он развивал большую работу. В Ставрополе им был организован миссионерский стан среди *калмыков* и выстроены для новообращенных храм, школы и избы для оседлого жития. В Казани, развивая деятельность, существовавших миссионерских учреждений, он посещал инородческие селения.

К 1895 г. *алтайская миссия* имела 14 станов, до 47 церквей и молитвенных домов, 2 монастыря, приходское попечительство и многия благотворительные учреждения. Около своих станов миссия посадила на оседлое жительство более 10000 кочевников. В дальнейшем, огромную деятельность развил начальник миссии *архим. Макарий (Невский)*, называвшийся «апостолом Алтая», бывший затем архиеп. томским и митрополитом московским. Победоносцев, упоминая в краткой записке, составленной в 1892 г. для Наследника Цесаревича Николая Александровича, предпринимавшего поездку в Японию и Сибирь, об еп. японском Николае и архим. Макарии

(Глухареве), писал: «Нынешний Макарий (Невский) – достойный их последователь. Прилагаю несколько книжек – отчеты миссии: – стоит Вашему Высочеству пробежать их. Вы увидите, как идет это дело и каких требует самоотверженных трудов ...».

В 1882 г. из Алтайской миссии была выделена новая миссия *Киргисская*, с центром в Семипалатинске. В царствование имп. Николая I возникли также миссии: *Обдорская* (1832), *Кондинская* (1844), *Туруханская* (1850), закрытая в 1872 г. В царствование имп. Александра II возникли миссии: *Сургутская* (1867), в *Минусинском* округе (1876), входившем в южную часть Енисейской епархии, *Семиреченская* (1868), сосредоточенная около миссионерского братства в г. Верном (с 1871 г. миссия числилась в Туркестанской епархии).

Миссии в *Восточной Сибири* строились на началах, принятых алтайской. Из архиереев, ревнителей миссионерства, в XIX в. известны *иркутские* архиереи: *Михаил (Бурдуков)*, правивший с 1814 по 1830 и положивший начало Забайкальской миссии для бурят. Членами ея были знатоки бурятского языка: священник Александр Бобровников и крещеный бурят Мих. Сперанский. *Нил (Исакович)*, епископ, потом архиепископ (1799–1874), правивший иркутской епархией с 1838 по 1853 г., потом ярославской. При нем крестилось до 20000 бурят и др. инородцев. Он был одним из первых русских исследователей буддизма, переводил богослужебные книги на монголо-бурятский язык, в чем ему помогал в Иркутске и в Ярославле прот. Николай Доржеев из бурят. Владыка Нил написал труд «О буддизме». Особенно много работал владыка *Парфений (Попов)*, переведенный из Томской епархии, в которой принимал большое участие в делах алтайской миссии. Правя иркутской епархией с 1860 по 1873 г., он первый открыл в ней правильно организованные миссии *Иркутскую* и *Забайкальскую*. В первой он устроил 11 станов, для которых нашел нужных работников частью в Сибири, частью в великорусских монастырях. Он и сам много миссионерствовал, лично разъезжая по бурятским кочевьям с проповедью. Инородцы любили его и считали за особенную честь принять крещение из его именно рук. При нем крещено было до 8000 бурят. С 1867 г. он начал вводить

богослужение на бурятском языке во всех бурятских приходах. После него во главе иркутской миссии был поставлен особый начальник-архимандрит, а с 1883 г. иркутский викарий, еп. киренский. К 1890 г. миссия имела уже 18 станов, а обращенных ею насчитывалось до 35000 душ. Миссия имела 14 школ и несколько благотворительных учреждений и оказывала сильное влияние на гражданский быт новообращенных, испрашивая им земельные наделы и расселяя их оседлыми селениями.

На таких же началах и с такими же приемами действовала миссия *Забайкальская*, во главе которой с самого начала (1862) был поставлен еп. селенгинский *Вениамин (Благонаравов)*. Сын священника тамбовской епархии, владыка Вениамин (1825–1892), окончил казанскую дух. академию и отличался способностями, любовью к наукам и редким исполнением долга. Все это выявилось и в его последующей жизни. Монашество он принял на последнем курсе академии, которую окончил первым магистром и остался в ней профессором. Был он ректором томской и костромской семинарий и в 1862 г. хиротонисан во епископа селенгинского. С этого времени началась его благотворная миссионерская деятельность в восточной Сибири, доставившая ему высокое историческое значение. К 1890 г. число станов этой миссии возросло до 22 с 25 школами. При Посольском мон. открыто было центральное миссионерское училище, мастерская иконописи, богадельня, аптека. Но обращений в Забайкальской области было меньше, вследствие особенной силы *ламства* и противодействия христианству бурятских языческих начальников. Наибольшее число обращений падало не на бурятский народ, а на племена *тунгузов, якутов и Карагазов*. Миссия постоянно старалась о том, чтобы в управление степных дум были вводимы и крестившиеся буряты и чтобы ограничена была сила лам, но не имела в этом отношении успеха. Владыка Вениамин в 1868 г. был назначен епископом *камчатским*, переведен в 1873 г. в Иркутск и скончался там архиепископом в 1892 г. Его отчеты о деятельности сибирских миссий за время его архипастырства представляют драгоценный исторический материал и обстоятельно знакомят с вопросом о *ламизме*, им и

возбужденном. Отчеты эти, печатавшиеся в «Иркутских Епархиальных Ведомостях» и в некоторых духовных журналах, изданы в 1883–86 гг. под названием «Труды православных миссий восточной Сибири». Писал он и о буддизме.

В Камчатском крае в 1840 г. была открыта особая епархия, первым епископом которой был назначен владыка *Иннокентий (Попов-Вениаминов)*, выдающийся и исключительно самоотверженный миссионер. Владыка Иннокентий (1797–1879), в миру Иоанн, сын пономаря иркутской епархии, окончил семинарию в Иркутске и был приходским священником в этом городе. В 1823 г. он вызвался ехать священником на о-в *Уналашку* и с этого времени началась его миссионерская деятельность. Он обращал *алеутов* в христианство, приучал их к плотничьему, столярному, слесарному и кузнечному ремеслам, научил их выделке кирпичей и каменной кладке. С их помощью он выстроил церковь. Изучив алеутский язык, он распространил христианство по всем Алеутским островам.

В 1833 г. он был переведен в Новоархангельский порт на о-в Ситху. Н. Барсуков в своей книге «Иннокентий митрополит московский и коломенский» писал: «Обозрев 15-тилетнюю деятельность отца Иоанна Вениаминова, сперва на острове Уналашка, а потом на острове Ситхе, мы смело заключаем, что деятельность его там отличалась тем же характером, которым издревле украшалось служение русских проповедников Евангелия. Так, напр., разумная осторожность открыла ему доступ к грубым, но простым и добрым сердцам дикарей. Христианские истины были им сообщаемы сообразно с их умственной приемлемостью, т. е., при полном свободном убеждении их, а не путем насилия. Он терпеливо выжидал добровольного вызова креститься. Для детей была устроена школа, которая была снабжена, как учебниками, так и книгами для чтения, собственного его сочинения и им самим переведенными на туземные наречия, и он был сам их учителем; наконец, кроме просвещения светом Евангелия, он обучал их разным мастерствам и, при повальной оспе, обучил Колош оспопрививанию; и такими путями сумел снискать и от упорных дикарей полное сердечное расположение к себе: они

любили отца Вениаминова, по свидетельству его современников, как отца, так как отец Вениаминов был по истине благодетелем и отцом, и наставником, покровителем спасаемых им овец».

Отец Иоанн, научившийся говорить на шести местных наречиях, переведший Евангелие св. ап. Матфея, употребительные молитвы и песнопения, вытеснявшие шаманские народные песни, боровшийся с пьянством и полигамией, часто живший в землянках и питавшийся одним китовым жиром – понимал, что ему нужны помощники. С этой целью, с благословения архиеп. иркутского Нила, он предпринял путешествие морем в С.–Петербург. Длилось оно 7 месяцев и 14 дней. В столице радушно приняли в 1839 г. о. Иоанна, зная его деятельность и, в частности, научные лингвистические труды, признанные, в своей ценности, и иностранцами. Впервые познакомился с ним митр. московский Филарет, говоривший после этого: «В этом человеке что-то апостольское». С тех пор, на протяжении четверти века, длились их близкие отношения. Когда пришло известие о кончине супруги только что возведенного в протоиереи о. Иоанна, митр. Филарет настойчиво убеждал последнего принять монашество. В 1840 г. прот. Иоанн был пострижен в Троицком подворье митр. Филаретом, с наименованием его Иннокентием. На следующий день (30 ноября), в который был утвержден имп. Николаем I проект о восстановлении (после 1799 г.) Камчатской епархии, он был поставлен архимандритом. Государь, принимая Иннокентия 1 дек., объявил ему о своем желании видеть его во главе новой епархии. 15 дек. он был хиротонисан во епископа Камчатского, Курильского и Алеутского.

В течение своего 27-летнего епископства, владыка Иннокентий объездил всю восточную Сибирь. Миссионерская деятельность его на камчатском епископстве простиралась на огромное пространство *Камчатского, Якутского и Амурского* краев. Он делал по ним ежегодные разъезды, доходившие иной год (1856) до 8000 верст. В Якутской области, где христианство было распространено между *якутами*, и *тунгузами*, он завел якутское богослужение, встреченное инородцами с большой

радостью. Одновременно с этим – в 1858 – было открыто якутское викариатство, в 1869 г. обратившееся в самостоятельную Якутскую епархию. Трудом камчатских и якутских священников христианство понемногу проникло и в Чукотский край. В 1850 г. там была открыта новая миссия для обращения Чукчей, Ламутов, Юкагиров и др. племен севера. В 1855 г. Камчатская епархия увеличилась причислением к ней местностей по Амуру. Владыка Иннокентий сразу же предпринял туда миссионерское путешествие и положил основание Амурской миссии.

Главными деятелями ее были священники Гавриил Вениаминов (сын преосвященного) и Иннокентий Громов. Последний, сопровождавший владыку в его поездке по Камчатке, рассказывал, что для езды на собаках имелись три экипажа: санка, нарта и повозочка, последняя для лиц привилегированных. В ней, по его словам, «помещается только один человек, притом так, что в ней ни пошевелиться, ни поворотиться». «Утром 24 января», писал прот. Громов, «преосвященный Иннокентий выехал из Лесного. Дорога на северо-восток составляет, верст на 70, незаметный подъем, который оканчивается обрывом хребта. Подъехав, уже под вечер, к обрыву, у которого дна не видно и по которому надлежало спускаться в темное ущелье, преосвященный сказал: «ну, теперь я вижу физиономию Камчатки! Как же тут быть?» – Извольте, ваше преосвященство, сказал я, шубу снять и надеть куклянку (которая была у него в запасе). Камчадалы подвязали под торбазу (обувь) башлыки, – это в роде подковок из железа с шипами, – лотом обвели преосвященного ремнем и приготовились к его спуску. – «А вы как спуститесь?» – спросил у меня преосвященный. – По ребячьи, отвечал я, на оленьей шкуре, которая на мне, скачусь, как ребята катаются на маслянице; а чтоб не обнесло, возьму в руки оштол⁴⁹), чтобы в случае быстрого разноса, упереться и отдохнуть, и через две минуты буду на дне ущелья. Так я и сделал и снизу ущелья смотрел, как несколько Камчадалов поддерживали концы ремня, которым обведен был преосвященный, а один из них вырубал пред ним в

отвердевшем снеге ступню, где должна утверждаться нога. Таким образом и спустили преосвященного Иннокентия на дно ущелья... В этом, одном из глубочайших ущелий Камчатки, как сейчас вижу епископа Иннокентия, в темную зимнюю ночь, сидящего в одеянии из оленьих кож на камне, освещаемого заревом, отражающимся на вершинах гор, окружающих пропасть, среди добродушных детей природы – Камчадалов, грызущих юколу⁵⁰), и между не одною сотнею маленьких ездовых животных, свернувшихся в клубки и крепко заснувших от утомления. Ни одному из русских иерархов не доводилось еще вносить свое благословение в подобные юдоли! Первому архиерею, Иннокентию Камчатскому, предоставлена в наше время честь олицетворить на себе начертанную апостолом Павлом картину многотрудной жизни подвижников веры: *Проидоша в милотех, и в козиих кожах, лишени, скорбяще, озлоблени, в пустынях скитающиеся и в горах и в вертепах и в пропастях земных*".

В 1857 г. владыка поселился в г. Благовещенске на р. Амуре, где установлена была его кафедра; вскоре учредил он там духовное училище. По присоединении в 1860 г. Уссурийского края, для Амурской миссии открылось широкое поприще деятельности в просвещении христианских племен, принадлежавших прежде Китаю. Это были *Гиляки, Орочены, Гольды, Манджуры* и др. К ним присоединялись и Корейцы, начавшие переселяться в Российские пределы. Владыка Иннокентий устраивал миссионерские станы, строил по Амурскому краю церкви и школы, выписывал через китайскую миссию христианские книги на манчжурском языке, несколько знакомом его амурской пастве, содействовал составлению новых переводов местными переводчиками, особенно на гольдском языке. При главном и непосредственном участии владыки Иннокентия переведено было св. Писание на языки алеутский, курильский и якутский. Труды его в вост. Сибири кончились в 1868 г. с назначением его *митрополитом московским*. Но миссионерская деятельность его еще более расширилась работой в православном миссионерском обществе, председателем которого он стал. Окончательное

устройство Амурской миссии с разделением на станы, с церквами и проч. принадлежало его преемнику владыке Вениамину (Благодравову). В 1870 г. в Благовещенске устроена была уже полная семинария.

Преосвященный Иннокентий не оставлял без внимания и своей прежней *алеутской* паствы. После перенесения камчатской кафедры в Благовещенск в Новоархангельске, где она была прежде, открыто было в 1858 г. *камчатское* викариатство. В 1867 г., после продажи русских американских владений Соединенным Штатам, викариатство было упразднено. Но вскоре, в 1870 г., по почину митр. Иннокентия, учреждена была *самостоятельная* епископская кафедра *Алеутская* с кафедрой в *Сан-Франциско*. Ей были подчинены и новые, и старые православные церкви в Америке, всего тогда числом 9.

Глубокое удовольствие должно было доставить митр. Иннокентию сообщение, полученное в 1871 г. из Вашингтона. Русский посланник в Соед. Штатах, Константин Катакази, писал ему 20 фев., что во время прений в американском конгрессе относительно административного преобразования Аляскинской территории, (проданной Россией в 1867 г.), несколько депутатов укоряли весьма основательно правительство за то, что оно ничего еще не сделало для материального и нравственного блага сего края. «Не так поступало», – сказал один из депутатов, «Русское правительство и русское духовенство: из дикарей они делали христиан, из невежд – образованных; они строили церкви, основывали школы и до сих пор еще лучи христианского света доходят до Аляски не из Вашингтона, а, к стыду нашему, из С.-Петербурга и Москвы».

Учеником и сподвижником владыки Иннокентия был владыка *Дионисий (Хитров)*. Миссионерское служение он начал в 1844 г. священником походной церкви в Якутской области, тотчас по окончании семинарии. С этой церковью он совершил, в течение 10 лет, трудное миссионерское путешествие в 9130 верст по *Верхнему, Среднему и Нижнему Колиму*, для просвещения светом учения Христова инородческих племен, обитающих на пространстве от р. Индигирки до Анадыри, при

чем миссионеру приходилось ездить в страшные морозы на собаках и оленях и ходить пешком по глубоким снегам, горам и стремнинам, постоянно подвергая опасности жизнь свою. Особенно опасно было ездить во время свирепствующих на севере Сибири снежных буранов. Плодом этих странствований было обращение ко Христу тысяч инородцев. В то же время самоотверженный миссионер деятельно изучал нравы, обычаи и разные наречия якутских инородцев. Приняв монашество, он был возведен в 1867 г. в сан епископа якутского, викария камчатской епархии. По открытии же в Якутске кафедры, он возглавил ее. Будучи епископом, владыка Дионисий многократно предпринимал миссионерские путешествия по своей необъятной епархии. В 1883 г. он был перемещен в Уфу, в которой и скончался в 1896 г. Памятником его миссионерских трудов, наравне с многочисленными обращениями, остались составленные и изданные им азбука и грамматика якутского языка, а также исполненные им переводы на тот же язык священных, богослужебных и духовно-нравственных книг. Эти переводы были напечатаны, по благословению Св. Синода, в московской синодальной типографии под наблюдением самого еп. Дионисия, тогда еще не хиротонисанного (1857–1859).

Миссионерство в Китае. Русская православная миссия в Китае существовала с 1728 г. В 1805 г. для нея учреждены новые штаты и срок пребывания ее членов в Китае с 7 лет увеличен на 10 лет. Миссия заслужила уже доверие подозрительных китайцев, убедившихся, что она ограничивается скромными пределами попечения только о своей пастве и политикой не занимается. В 1805 г. начальником миссии был назначен архимандрит Иакинф (Бичурин), окончивший казанскую семинарию. Пробыв в Пекине более 14 лет, он отлично изучил китайский язык, страну, ее историю, нравы и обычаи. За беспорядки и некоторые нежелательные явления в образе жизни членов миссии он был судим, лишен сана и сослан в Валаамский мон. В 1826 г. он был освобожден и состоял переводчиком министерства иностр. дел; умер в 1853 г. Знаменитый синолог, архим. Иакинф был членом-корреспондентом Академии Наук и парижского Азиатского

общества. Для учения о вере имеют значение труды его: Китай, его жители, нравы, просвещение и Буддийская мифология.

По Айгунскому трактату 1858 г. китайское правительство дало миссии полную свободу действий и обязалось не преследовать своих подданных за принятие христианства. В 1861 г. в Китае открыта была особая русская дипломатическая миссия, дела которой вела до тех пор миссия духовная. Последняя получила большую возможность сосредоточить свою деятельность в нравственно-религиозной области. С этого времени усилились ее ученые и переводческие занятия. Из среды ее членов стали выходить замечательные синологи. В переводческой деятельности она совершенно отрешилась от своей прежней зависимости от католических переводов и стала производить самостоятельные переводы священных и богослужебных книг. Этим она служила Амурской и Японской миссиям. Ожилась проповедь на китайском языке и преподавание в миссионерской школе. Паства миссии возрастала. В 1885 г. имелись две церкви в Пекине и храм на юге Китая – в Ханькоу. Был также храм в деревне Дун-Дунъань.

В последние десятилетия XIX в. и первые XX в. деятельными и просвещенными начальниками Миссии были: архим. Флавиан (Городецкий), член ее с 1873, рукоположенный в 1885 г. епископом люблинским, в посл. митр. киевский, и с 1896 г. архим. Иннокентий (Фигуровский), возведенный в 1902 г. в сан епископа переяславского, каковой титул был присвоен Святителю Иннокентию, когда он отправлялся в 1721 г. в Пекин. Владыка Иннокентий скончался в Пекине, в сане митрополита, в тридцатых годах нынешнего столетия.

Миссионерство в Японии. В 1860 г. православие проникло в Японию. Основателем православной миссии был иеромонах русского консульства в Хакодате Николай (Касаткин). Он родился в 1836 г., окончил петербургскую дух. академию. С самого начала своей службы (1861) принялся он за усердное изучение языка, верований и нравов японцев и за переводы священных и богослужебных книг на японский язык. Первенцем его христианской проповеди был Павел Сваабе, бывший жрец одной кумирни, по обращении в христианство сделавшийся

самым пламенным и самоотверженным проповедником св. веры. К нему примкнули еще два им самим обращенных японца, *Яков Урано* и *Иоанн Сакай*. Своей катехизаторской проповедью эти три первых деятеля японской миссии успели настолько подготовить в Японии почву для православия, что о. Николай в 1869 г. испросил у Св. Синода разрешение на открытие там *миссии*. Начальником миссии был назначен он, с возведением в сан архимандрита, с иерархической зависимостью от камчатского архиерея. В 1871 г. в Хакодате и Токио (1872) заведены были миссионерские школы, давшие новых проповедников-катехизаторов. Православие начало распространяться в Японии так успешно, что возбудило против себя гонение, от которого особенно тяжело пришлось пострадать Сваабе. К счастью, это гонение скоро было остановлено по представлению русского консула. В 1875 г. камчатским архиереем были посвящены *первые священники* из японцев – о.о. Павел Сваабе и Иоанн Сакай.

В 1880 г. архим. Николай прибыл в С.-Петербург. К. П. Победоносцев, тогда еще не обер-прокурор, писал 6 января Наследнику Цесаревичу Александру Александровичу, советуя повидать его: «... Он человек поистине замечательный, всеми уважаемый и пользуется популярностью в Японии, где живет уже около 20 лет, посвятив себя всецело делу миссии». В этом году он был рукоположен епископом японским. Победоносцев же, составляя в 1892 г. упомянутую выше записку для Наследника Цесаревича Николая Александровича, писал о нем: «Это поистине апостол нашего времени, человек духом горящий, и зажигающий огни духовные в сердцах...» Скончался владыка Николай 3 февр. 1912 г. Его очень почитали и японцы.

В 1895 г. японская Церковь насчитывала у себя 220 общин и свыше 22500 душ христиан и обслуживалась 28 священнослужителями. Школа в Токио обратилась в семинарию, которая в 1882 г. сделала первый выпуск воспитанников. В 1889 г. двое воспитанников были отправлены для высшего церковного образования в русские дух. академии. Имелись школы: катехизаторская, причетническая, женская и несколько низших училищ. Миссия развила значительную переводную

литературу и издавала три духовных журнала. Богослужение в японских церквях совершалось на японском языке. Благодаря трогательным призывам *владыки Николая* делались пожертвования на миссию и помощь ей, конечно, оказывалась со стороны Св. Синода. Важным событием для миссии было провозглашение в Японии в 1889 г. полной свободы веры. (Знаменский).

Восстановление православия на Кавказе. Вследствие все усиливавшейся пропаганды Ислама, правительство решило в 1814 году снова восстановить *Осетинскую миссию*, организовав ее на этот раз в более обширных размерах (до 24 лиц) под управлением *телавского архиепископа Досифея* и с содержанием от казны до 14700 р. в год. Действия ее пошли довольно успешно, так что в три года она обратила более 6000 осетин. В 1816 г. правительство отпустило средства на строение и возобновление церквей. Особенно сильно оживилось миссионерское дело, когда в нем в 1817 г. принял участие *экзарх Грузии Феофилакт (Русанов)*. Он обратил особое внимание на развитие духовных средств осетинской миссии, на лучшее оглашение крещаемых, на переводы богослужебных книг и строение церквей. Число обращенных из разных племен при нем дошло до 47000; церквей устроено до 40, для одних осетин – 29. Его преемник, *экзарх Иона (Василевский)*, правивший с 1821 по 1832 гг., продолжал его дело. К 1823 г. осетины обращены были почти все. Число обращенных из разных племен дошло до 60900, образовавших 67 приходов. В 1840 и 1850 годах число обращений доходило до 1000 и 2000 в год. Но в то же время не дремала и пропаганда *Ислама*, особенно на востоке Кавказа, в обеих Кабардах и на Черноморском берегу. В 1820 г. в Дагестане и Чечне начало распространяться фанатическое учение, известное позднее под названием *мюридизма*, проповедовавшее безусловное повиновение имаму и газават (религиозную войну против неверных). Первым имамом был Кази-Мулла в Дагестане. Первоначальные движения фанатиков были подавлены, но только на время. С 1834 г. мюридизм успел объединить всю восточную группу кавкаских племен и повел длинную и

упорную борьбу с русскими. У фанатиков горцев появился крупный вождь, знаменитый *имам Шамиль*. В 1857 г. Наместник Кавказа, *кн. А. И. Барятинский*, начал планомерное наступление против Шамиля в горы Дагестана. Многие горцы стали покидать Шамиля и население некоторых аулов покорилось. В три года Барятинскому удалось покорить весь восточный Кавказ. Сам Шамиль, осажденный в горном, считавшемся неприступным, ауле Гуниб, сдался в 1859 г. в плен и был увезен в Россию, где в Калуге и потом в Киеве был обставлен хорошо. Умер он в Медине, куда позднее отпущен был совершить паломничество. Замирение западного Кавказа еще продолжалось. Войска кольцом охватывали области немирных черкесов и вытесняли жителей из гор на равнину и черноморский берег. Черкесам предоставлялось или селиться в указанных местах, или же уезжать в Турцию. До 200 000 горцев выехало с Кавказа, поселившись в Турции. Остальные покорились. Окончательно замирен был Кавказ в 1864 г.

После покорения Кавказа началось подчинение его племен русской христианской гражданственности. С этой целью в 1860 г. открыто было *общество восстановления христианства на Кавказе*, в распоряжение которого отданы были все суммы бывшей осетинской миссии. Сначала оно имело светский характер и состояло под председательством Наместника, но в 1865 г. при нем открыт был *духовный комитет* под председательством экзарха Грузии. В 1885 г. по новому уставу общество было совсем вверено экзарху и подчинено Св. Синоду. Задачей общества было: 1) восстановление, умножение и содержание православных храмов, назначение к ним и содержание причтов; 2) заведение школ для образования детей горцев; 3) учреждение в духовных школах преподавания горских языков; 4) командирование в горы миссионеров; 5) содействие переводам на горские языки св. Писания и богослужебных книг. Действия общества были весьма успешны. К 1870 г. на грузинский и осетинский языки было переведено все нужное для православного богослужения. Для священнических мест общество приготавливало пансионеров в семинариях и даже в академиях. В 1880 г. общество имело 40 народных школ.

Учительская семинария была им открыта в Тифлисе с 1868 г. Несмотря на сильное противодействие мулл, присылавшихся из Турции, особенно во время войны с Турцией (1876–77), успешно шло и дело обращения горцев в христианство. Кроме православных храмов, на Кавказе явились два монастыря – в *Пицунде* и *Ново-Афонский* недалеко от Сухума на берегу Черного моря. (Знаменский).

Грузинская церковь. В 1783 г. грузинская – иверская – церковь поступила в ведение Св. Синода и католикос ея *Антоний II*, брат последнего грузинского царя Георгия, с 1795 г. управлявший также духовными делами Имеретии, Мингрелии и Гурии, был членом Синода. В 1801 г. Грузия вошла в состав Российской империи, в 1803 г. – Мингрелия, в 1810 г. – Гурия-Абхазия, в 1814 г. – Имеретия. В 1810 г. католикос Антоний отпросился на покой. В 1811 г. был Высочайше утвержден доклад Синода об образовании из 13 епархий двух: мцхетской-карталинской и алавердской-кахетинской; мцхетскому митрополиту присвоилось именование экзарха Св. Синода. В 1814 году учреждена была в Тифлисе под председательством экзарха грузино-имеретинская синодальная контора. Первым экзархом был назначен в 1811 г. архиепископ Варлаам (князь Эрнстов). В 1817 г. его заменил владыка *Феофилакт (Русанов)*, род. в 1765 г., окончивший главную александрово-невскую семинарию, по принятии монашества законоучительствовавший в греческом кадетском корпусе в Петербурге, тогда уже выделившийся в качестве выдающегося «ученого проповедника»; в сане архимандрита он настоятельствовавший в Сергиевой пустыни и в 1799 г. хиротонисан в Гатчине во епископа калужского. Митр. Платон о нем отзывался: «человек молодой и не по сану отважный». Он до конца дней своих отличался решительностью, твердой волею и редкой энергией. В 1806 г. владыка Феофилакт вызван был к присутствованию в Синоде, где принимал деятельное участие в разработке духовно-училищной реформы. В 1808 г. он назначен был членом Синода и возведен во архиепископа, в 1809 г. переведен в Рязань, оставаясь в столице. Пользуясь доверием кн. Голицына и Сперанского, архиеп. Феофилакт имел большое значение в

духовных кругах. После окончания Отечественной войны он с успехом восстановил церковное благоустройство в разоренных епархиях. В 1814 г. он отпущен в свою епархию, через три года назначен экзархом. Снова проявлена была им кипучая деятельность, при чем ему приходилось бороться с местными условиями и традициями. В 1818 г. по его представлению преобразовано было церковное устройство Грузии. Вводились им русские церковные порядки, открыта семинария в Тифлисе и приходские училища в нескольких городах. В 1819 г. он получил сан митрополита. Реформы, им вводимые, вызвали большое неудовольствие. Владыка Феофилакт скончался 19 июля 1820 г., при обозрении епархии, в бодбийском синахском мон. Из преемников его наиболее известны: заместивший его мит. Иона (Васильевский), владыки: Евгений (Баженов или Бажанов), митр. Исидор (Никольский), Евсевий (Ильинский). Экзарх, управлявший карталинской и кахетинской епархией, имел викарных епископов горийского и алавердского. Существовали еще епархии экзархата имеретинская, гурийско-мингрельская и сухумская.

Православное миссионерское общество. В 1865 г. все русские миссии, действовавшие доселе разрозненно, получили удобное объединительное средоточие во вновь открытом в Петербурге миссионерском обществе. Оно состояло под Высочайшим покровительством благочестивой супруги императора Александра II, имп. *Марии Александровны*. По ее почину председателем общества стал митр. *Иннокентий московский*. В 1869 г. утвержден был новый устав общества, по которому оно было подчинено Св. Синоду и ограничено в своей деятельности содействием материальному благосостоянию отдельных миссий без вмешательства в управление ими в других отношениях, касающихся порядка церковного, учебного, административного и того, что поручено ведению епархиальных архиереев. Для ближайшего местного попечения о миссиях заведены были епархиальные комитеты общества под председательством местных архиереев. С учреждением общества, благодаря его пособиям, оживили и расширили свою деятельность все миссии. (Знаменский).

Миссионерские съезды. Для разработки вопросов о проповеди среди людей и народов, непросвещенных светом истинной христианской веры или уклонившихся в ереси и расколы, устраивались Всероссийские Миссионерские съезды. Последний – четвертый – съезд состоялся в июле 1908 г. в Киеве. Председателем его был митрополит киевский Флавиан, заместителем его и главным руководителем работ архиепископ волынский Антоний. Из видных миссионеров на нем присутствовали прот. Иоанн Восторгов и И. Е. Айвазов. В особой комиссии заслушаны были доклады о противодействии магометанству и язычеству (ламаитам). Съезд высказал пожелание о созыве по этим вопросам в ближайшем будущем миссионерских съездов в Казани для деятелей внешней миссии Европейской России и примыкающих к Уралу сибирских епархий и в Иркутске для деятелей миссии внешней и внутренней в Сибири, из Японии и Кореи. Оба съезда состоялись летом 1910 г.

Пропаганда иезуитов. Униаты и их воссоединение

В царствование императора Александра I, иезуиты, пользуясь либеральным направлением первых лет его правления и широкою свободой вероисповедания, успели уловить в свои сети не мало православных людей, в особенности из высших классов. Их школы и миссии охватили всю западную Россию, распространились и по южной России от Киева до Симферополя и от Каменца-Подольска и Одессы до Моздока на Кавказе. Проникли они и в немецкие колонии на Волге, в Астрахани и др. места. Были они и в Сибири, где находились некоторые ссыльные поляки. Вообще они проникали всюду, где только были католики.

Граф М. Д. Бутурлин в своих «Записках» писал: «В Записках Державина читаем, что гр. Кочубей, в бытность его (в 1802 г.) министром внутренних дел, предложил дозволить Иезуитам вводить Римско-католическое исповедание и даже преклонять к этому, чрез миссионеров, магометанские и идолопоклоннические народы в Астраханской, Оренбургской и Сибирских губерниях. Министр народного просвещения, гр. Алексей Кириллович Разумовский, обратился с просьбой к де-Местру, чтобы он потрудился составить письменную программу для воспитания Русского юношества ... Не забыть мне никогда этого Римского духовного воинства, благодаря которому почти все мое семейство сделалось как бы изгнанническим...» Бутурлин же писал: «Сила ордена Лойолы была тогда в апогее в Петербурге, благодаря покровительству оказанному его членам двумя царствованиями. Думаю, что подготовка к позднему переходу в латинство моей матери и старшей сестры Марии Дмитриевны начались именно в эту зиму». В их доме бывал иезуит патер Журдан. В большинстве семейств высшего общества наставниками детей были французские аббаты. В Петербурге окатоличиванию способствовала принцесса Тарант. Она вероятно помогла отступничеству С. П. Свечиной, гр. Ростопчиной. После смерти Тарант последовали conversions кн. Гагариной (еще не замужней), сестер

Головиных, двух дочерей гр. Ростопчина, гр. Шуваловой, урожд. кн. Щербатовой и др. Тетка Бутурлина, гр. Мария Арт. Воронцова, говорила ему, что главной причиной ее перехода было то, что она недостаточно знала русский язык, чтобы объясниться с русским своим духовником. («Рус. Арх.» 1896 г.).

В 1814 г. в католичество был вовлечен молодой князь *Голицин*, племянник обер-прокурора. Юного ренегата поспешили отдать на увещание к владыке Филарету московскому. Плодом этих увещаний было сочинение последнего: «Разговоры между испытующим и уверенным» (1815). В 1815 г. государь повелел изгнать иезуитов из обеих столиц. Когда и после этого иезуиты продолжали свои интриги и пропаганду из Полоцка, последовал в 1820 г. Высочайший указ о совершенном изгнании их из России.

Успехи латинства вызвали против себя реакцию и со стороны стесненной им *униатской церкви*. В части У (стр. 663) упоминалось о стремлении униатского епископа Ираклия Лисовского сблизить свою церковь с православной. В 1803 г. он отправил в Петербург прот. *Иоанна Красовского* с сильными представлениями о крайне униженном и заброшенном состоянии своей паствы. Представления эти произвели впечатление на имп. Александра I. В том же 1803 г. издан указ, запрещающий обращение униатов в католичество. В следующем году в число членов католической коллегии указано было ввести одного униатского епископа и трех униатских ассессоров. В 1805 году сама коллегия была разделена на два департамента – *католический* и *униатский*. Председателем последнего был назначен *Лисовский*. В 1806 г. он был возведен в сан самостоятельного митрополита. Униатская церковь таким образом почти совсем освободилась от давления латинян. Самой важной заслугой митр. Лисовского было то, что он успел значительно подорвать вредную силу базилиан и поднять из унижения белое духовенство, которое всегда было опорой народного и православного духа в унии. Митр. Ираклий заботился и об образовании духовенства, открыв у себя в Полоцке духовную семинарию. Он скончался в 1809 г.

Заветам его следовали и управлявшие после него митрополией луцкий епископ *Григорий Коханович* и (с 1814 г.) полоцкий архиепископ *Иоанн Красовский*. Оба они были из белого духовенства и являлись сподвижниками митр. Ираклия. По интригам базилиан, Красовский, заведующий делами митрополии, не получил митрополичьего сана, был даже оклеветан пред правительством, лишен кафедры и почти до самой смерти находился под судом. Умер он в 1827 г. Митрополитом в 1817 г. был поставлен *Иосафат Булгак*, еп. брестский, католического направления. Но торжество латинской партии на этот раз запоздало. Благодаря деятельности Лисовского и Красовского, в среде белого духовенства успели воспитаться новые деятели, которые продолжали их дело, несмотря на все препятствия. Это были *Иосиф Семашко*, *Василий Лужинский* и *Антоний Зубко*, главные деятели общего воссоединения униатов. (Знаменский).

Иосиф (Семашко), род. в 1798 и ум. в 1868 г., был сыном небогатого дворянина, впоследствии униатского священника. Детство он провел среди православных. Воспитанный в условиях жизни простого малороссийского народа, он проникся особенностями его быта и увлекался местными песнями, сказками и преданиями. Окончил он немировскую гимназию (в Подольск. губ). *Василий (Лужинский)*, род. 1788–91 и ум. 1879 г., происходил из дворян Червонной Руси, учился в белорусской униатской семинарии и полоцкой иезуитской академии. *Антоний (Зубко)* род. 1797 и ум. 1884 г., сын униатского священника Витебской губ., учился в полоцкой униатской семинарии и иезуитской академии. Потом все трое учились в главной семинарии при Виленском университете (богословский факультет), протектором которого был князь *Адам Чарторыжский*, не любивший иезуитов и католический фанатизм. Он много способствовал развитию в учениках и наставниках семинарии весьма либерального отношения к злоупотреблениям римского духовенства. Семашко, самый младший из них и более всего проникнутый православными симпатиями, был наиболее талантливым и способным к практической деятельности. В 1821 г. он был посвящен в Луцке

в священники и назначен был воспитателем семинарии и ассессором членом луцкой дух. консистории. В следующем году его, как знавшего русский язык и законодательство, назначили присутствовать в униатском департаменте римско-католической коллегии в С.-Петербурге. В последней он явился смелым, настойчивым и непобедимым противником ее католических членов. «Зная всю закулисную сторону католического управления униатскою церковью и в то же время ознакомившись в Петербурге с православною обрядностью и русской духовной литературой», пишет Знаменский, «Семашко принял решение выступить спасителем своей церкви и народа и от Рима и от Польши. Царствование императора Николая I, провозгласившего незыблемыми основами Русского государства православие, самодержавие и народность, счастливо способствовало выполнению такого широкого замысла пока еще невидного ассессора католической коллегии. Еще в 1827 г. государь, уже проникавший в действительное положение дел униатской церкви, воспретил принимать в униатское монашество чистых латинян и указал усилить средства на образование униатского белого духовенства. В том же году Семашко представил для государя записку, в которой, изложил историю унии и все происки Рима к ее облатынению, указал и средства к спасению униатского населения от врагов его народной веры: вместо департамента католич. коллегии, открыть для униатского управления особую униатскую коллегию, вместо 4-х оставить только две униатских епархии, – Белорусскую и Литовскую, – улучшить содержание духовных школ и прекратить обучение униатской молодежи в школах католических, воспретить совращение униатов в латинство, сократить число базилианских монастырей и упорядочить их администрацию». Записка эта встретила сочувствие имп. Николая I, наградившего Семашко бриллиантовым крестом. 22 апр. 1828 г. последовал Высочайший указ об учреждении *отдельной униатской коллегии*, поставившей униатскую церковь в независимое положение от католической администрации. Членами ее были назначены Семашко, Лужинский и Зубко. Лужинский был ректором полоцкой

униатской академии и доктором богословия. Антоний Зубко – профессор полоцкой семинарии, с 1824 г. – священником. Последовало закрытие нескольких базилианских монастырей, подчинение всех епархиальной власти, основание униатской семинарии в Жировицах и нескольких духовных училищ. В 1829 г. *Иосиф Семашко* посвящен был в сан *епископа Мстиславского*, помощника полоцкого епископа, и назначен председателем белорусской консистории, с оставлением членом коллегии.

Дальнейшему развитию униатского дела способствовало *польское восстание 1830–31 гг.*, в котором ксендзы и базилиане явились главными участниками. Ряд больших базилианских монастырей был закрыт, часть из них передана православным, в том числе *Почаевский монастырь*. Согласно с прежней запиской владыки Иосифа, оставлены только две епархии – *Литовская*, епископом которой в 1833 г. был назначен сам *Иосиф*, и *Белорусская*, вверенная *митр. Иоасафату Булгаку*. Чрез некоторое время для них посвящены были викарии: *Антоний (Зубко)* епископом брестским в помощь Иосифу (1833) и *Василий (Лужинский)* оршанским в помощь Иоасафату (1834). Еп. Иосиф разработал общий план воссоединения униатов, состоявший в том, чтобы, после надлежащей предварительной подготовки, воссоединение единовременно было принято повсюду всем униатским духовенством. Выполнение этого плана велось, под его руководством, со строгой постепенностью и в полном секрете от католической партии. Он был недоволен, когда местные губернаторы и православный еп. *Смарагд* начали проявлять рвение в этом вопросе. Император Николай I тоже считал, что вопрос этот должен созреть постепенно. Вследствие этого в 1834 г. последовало правительственное распоряжение (секретное) действовать осторожно и неторопливо в деле присоединения униатов. Вместе с тем, униатским епископам было предписано усиленно очищать свою церковь от католических обрядов. В 1835 году еп. Иосиф был назначен членом *секретного комитета*, образованного в 1834 г. в Петербурге для направления униатских дел и членом комиссии духовных училищ, которой подчинялись все униатские духовно-

учебные заведения. В 1834 г. по всем униатским церквам были разосланы служебники московской печати. В начале 1837 г. заведывание делами униатской церкви было передано из министерства внутренних дел обер-прокурору Синода. Начиная с 1834 г. архиереи Иосиф, Василий и Антоний совершали по своим епархиям неутомимые разъезды, стараясь лично устанавливать связь с духовенством и прививать им свои взгляды. Наибольший успех чувствовался в литовской епархии. В Белоруссии приходилось считаться с влиянием митр. Иоасафата, продолжавшего латинствовать.

В 1838 г. скончались митр. Иоасафат и, единомысленный с ним, еп. пинский Жарский. Председателем униатской коллегии стал владыка Иосиф. Еп. Василий получил Белорусскую епархию покойного митрополита. Подготовка духовенства была закончена и оно выдало подписки на воссоединение, за исключением сотни священников в Белорусской епархии. 12 февраля 1839 г. собор униатских архиереев и высшего духовенства, собравшийся в неделю Православия в Полоцке, составил торжественный акт о присоединении униатской церкви к православной и всеподданнейшее прошение о том государю с приложением 1305 подписей духовных лиц. 25 марта имп. Николай I написал на этом прошении: «Благодарю Бога и принимаю». За пастырями присоединилось к Православию и все полуторамиллионное население указанных епархий. Радость воссоединения выразилась торжественными богослужениями бывшего униатского духовенства с древнеправославными в Витебске, Орше, Полоцке, Вильне. В память воссоединения выбита была медаль с надписью на одной стороне: «Отторженные насилем (1596) воссоединены любовью (1839)», с другой – под ликом Спасителя на убрусе: «Такова имама Первосвященника». Бывшие униатские архиереи получили православные епархии западного края: Иосиф стал архиепископом литовским, с 1852 г. митрополитом. Василий – еп. полоцким, с 1841 г. – архиепископом и с 1866 г. – членом Синода. Антоний – еп. минским и бобруйским, с 1841 г. – архиепископом. В 1848 г. владыка Антоний ушел на покой. Митр. Иосиф писал о нем, что в деле воссоединения «никто не

помог мне столько, сколько он». Сам владыка Иосиф переселился в 1843 г. из Петербурга в Жировицкий мон., исходатайствовал для литовской епархий второе – ковенское – викариатство. В 1844 г. он переехал в Вильну, переведя туда литовское епархиальное управление, вместе с семинарией. Владыка Иосиф старался влиять на усиление числа православных в западно-русском чиновничестве, опасаясь нового польского мятежа. Он открыл свыше 200 церковно-приходских и других училищ.

Владыка Иосиф пользовался доверием и поддержкой императоров Николая I и Александра П. В 1852 г. владыка Иосиф возведен был в сан митрополита. С началом беспорядков в Вильне он рассылал твердые наставления духовенству. До назначения в Вильну генерал-губернатором решительного гр. М. Н. Муравьева положение его было опасным. Митр. Иосиф после усмирненного польского мятежа 1863 г. оказал материальную поддержку пострадавшему от повстанцев православному духовенству, восстановил и вновь построил несколько церквей. По назначении начальником края ген. Потапова он скорбел из за непостоянства правительственных распоряжений, но верил, что посеянные им семена не заглохнут, а принесут свой плод. Укрепление этой веры митр. Иосиф мог найти в высокой оценке его трудов, сделанной в последнем Высочайшем рескрипте от 27 марта 1866 г., которым сопровождалось пожалование ему посоха, осыпанного драгоценными камнями. Владыка Иосиф скончался 23 ноября 1868 г. («Прав. Бог. Энц.»).

После воссоединения униатов *Белоруссии* и *Литвы* уния оставалась еще в *Привислинском* крае, в униатской *Холмской* епархии. Правительство обратило на это внимание после польского восстания. Дело воссоединения и здесь началось с ослабления силы базилиан и восстановления православной обрядности. Главным деятелем в подготовке воссоединения выступил протоиерей *Маркелл Поппель*, назначенный, по удалении местных епископов, администратором епархии (1870). В 1874 г. имп. Александр II выразил согласие на воссоединение. После этого в *Седлецкой* губ. воссоединилось до 50000

униатов. 18 февраля того же года в Холме состоялся собор духовенства с Маркеллом во главе и составлен акт о воссоединении *всей Холмской епархии*. 11 мая – в день свв. Мефодия и Кирилла – последовало самое торжество воссоединения. В том же году *Маркелл* был посвящен во *епископа люблинского*, викария православной Варшавской епархии, с кафедрой в г. Холме (занимал ее до 1878). Укреплению православия в древней русской Холмщине способствовало образование в 1905 г. самостоятельной епархии и в 1912 г. холмской губернии, в которую вошли уезды люблинской и седлецкой губерний с преимущественно православным населением. Уния осталась только в отторженном от России древнерусском крае – Галиции – которой, после раздела Польши в XVIII в. владела Австро-Венгрия.

Католицизм потерпел большой ущерб воссоединением униатов. Он продолжал свою пропаганду даже при таком твердом ревнителе православия и русской народности, как имп. Николай I. Произошло несколько соversions в латинство бывших униатов и православных в западном крае и в высшем русском обществе. Некоторые, отпавшие от Православия, даже эмигрировали за границу (князья Гагарин и Голицын, Мартынов), сделали там иезуитами и старались вредить своей родной Церкви брошюрами в пользу католичества, соversions русских путешественников и путешественниц с помощью основанного в Париже братства Кирилла и Мефодия. (Знаменский).

Воссоединение же униатов продолжалось. В 1840–41 гг. в Православие, вместе с униатами, обратилось 20000 католиков. Новое усиление обращения католиков произошло *после польского восстания* 1863 г., во время которого так ярко проявилась тесная связь католицизма с бунтовщиками. В 1864 г. обратилось до 50000 католиков. Обращения эти продолжались до 1870 годов. Еще более стали они усиливаться с 1870 г., после *Ватиканского собора*, провозгласившего догмат о непогрешимости пап, озадачившего своими определениями многих исповедников католичества. В России увеличилось

обращение в Православие чехов колонистов. В 1888–89 гг. в *Волынской епархии* присоединилось 6800 чехов. (Знаменский.

В 1862 г. присоединен был в Париже, в сущем сане, француз, католический аббат Рене-Франсуа *Гетте* (1816–75), получивший имя Владимира. Он был автором обширной истории и др. трудов; издавал до принятия православия журнал «*Observateur Catholique*», соединившийся потом с первым в Париже русским журналом «*Union chretienne*».

В Соед. Шт. Сев. Америки, после Ватиканского собора, совершилось обращение католического богослова, *проф. Биеринга*, потом правосл. священника в Нью-Йорке. Отделившаяся от Рима старокатолическая церковь завязала с православной Церковью живые сношения о своем с нею соединении. Для разработки вопроса этого собирались конгрессы и конференции старо-католических и русских богословов (в Мюнхене, Кельне, Бонне, Утрехте) частным образом, без официального в них участия самой Русской Церкви.

Православие в Прибалтийском крае и в Финляндии. Сношения с иноверцами в Англии и в Соед. Штатах Сев. Америки

Основное население Прибалтийского края, вошедшего в состав Российской империи в XVIII в., составляли *латыши* и *эсты*. Они находились в полной зависимости от местных землевладельцев германского происхождения и, зависимых от таковых, лютеранских пасторов. Православных жителей, вместе с прищлыми русскими людьми, в 1830 г. во всем *Прибалтийском крае* было не более 20000. Церквей было тоже мало.

Оне существовали, главным образом, для войск, расположенных в крае. Первые начатки движения в пользу Православия определились с открытием в 1836 г. в Риге псковского викариатства. При первом же *епископе Иринархе* в Лифляндии и Эстляндии между крестьянами начало развиваться значительное движение к переходу из лютеранства в Православие. В скорбях своих латыши и эсты, не находя удовлетворения в лютеранстве и чуждые пасторам, давно уже привыкли искать себе утешение вне лютеранства. Одни ходили на богомолье в древний Псково-Печерский мон. Другие посещали католический костел в Шемберге. Некоторые становились сектантами, которые распространились в крае в царствование имп. Александра I. Ближе всего им была «царская вера», служители которой относились к ним ласково и безкорыстно, отличаясь этим от пасторов. В 1841 г. к владыке Иринарху стали в большом количестве прибывать крестьяне, желавшие перейти в Православие. К сожалению, среди них были и такие, которые полагали этим получить освобождение от гнета местных помещиков или переселиться в другие места. Религиозные побуждения ими не руководили. Лютеранские круги, в лице некоторых помещиков и пасторов, сумели придать всему этому движению политический характер, изображая в виде бунта. Еп. Иринарх был удален и началось следствие об его действиях. Он был оправдан, как выясилась и правота

прочего православного духовенства. Обнаружилось и тяжелое положение крестьянства. Генерал-губернатор бар. Пален всячески поддерживал интересы лютеран. Переход в Православие был дозволен крестьянам самим государем, но с непременным внушением, что они не получают за это никаких изменений в своих договорных отношениях с помещиками, а освободятся лишь от повинностей и платежей в пользу пасторов.

Преемником владыки Иринарха стал выдающийся иерарх еп. *Филарет (Гумилевский)*, – известный богослов и историк Церкви (1805–1866). Сын священника Шацкого у., Тамбовской г., носивший фамилию Конобеевского (по селу Конобееву), он за смирение и малорослость прозван был в тамбовской семинарии Гумилевским. Окончив иноком московскую дух. академию, он был в ней потом профессором и ректором, в сане архимандрита. В 1841 г. он был поставлен викарным еп. *рижским*. В 1845 г. повторилось движение местного крестьянского движения в отношении перехода в Православие. Сразу же выявилось и противодействие помещиков и пасторов. Во главе администрации оставался Пален. Православное духовенство делало все, что могло для поддержания движения. Нужные христианские книги переводились на латышский и эстонский языки. Знающие их вызывались к занятию священнических мест. Усилено было катихизаторство, чем опровергались заявления пасторов, что «попы» крестят, никого не научив своей вере. Строго соблюдались требовавшиеся формальности – прием в православие производился в присутствии властей-лютеран. Противодействия со стороны лютеран продолжались и доходили до клеветы. Изображалось положение так, что, якобы, крестьяне бунтуют и, прикрываясь религиозным движением, запускают свои обязательные работы. Вызвали такие нападки правительственное распоряжение о приостановке обращений в Православие на все время сельских работ, а также позднейшее распоряжение (1845) об обязательном 6-месячном сроке между заявлением о переходе и самим присоединением. В течение этого времени лютеране имели возможность оказывать давление на тех, кто находился в

той или иной зависимости от них. Число обращений за 1845 г. доходило до 14430, в 1847 дошло до 55000, затем резко упало и сменилось даже обратным движением из Православия в лютеранство. Это было торжеством для немецко-лютеранской партии.

Владыка Филарет, не смотря на все препятствия и личные неприятности, упорно работал и поставил дело на твердую почву. Он открыл много новых приходов, вызвал значительное число нужных для священнических мест людей, первый определил образ действий духовенства в такой сложной и трудной обстановке. Еп. Филарету удалось прилично устроить материальное положение духовенства и создать в разных местах инородческие школы. В 1847 г. в Риге открыто было духовное училище, с преподаванием местных языков для воспитания духовных деятелей в крае из русских и инородцев. Владыка Филарет работал до полного истощения сил, порою не имея времени для вкушения пищи и сна. Немецкая партия всячески старалась избавиться от такого опасного для нея иерарха. В 1848 г. владыка Филарет был переведен в *Харьков*, в 1857 г. возведен во архиепископа. С 1859 г. он был перемещен в *Чернигов*, где и закончил свою столь полезную для Церкви и России жизнь в 1866 году.

На положение дел в *Прибалтийском* крае было обращено особенное внимание благодаря печатным трудам *Юрия Феод. Самарина* (1819–76), одного из основоположников славянофильства. Принадлежа к родовитой и богатой дворянской семье, москвич, он окончил московский университет. Сначала увлекался философией Гегеля, затем же всецело принял богословские православные воззрения известного *славянофила А. С. Хомякова*. Написал замечательную диссертацию о Стефане Яворском и Феофане Прокоповиче. В 1847 г. он служил по министерству внутренних дел в *Риге*, состоя при генерал-губернаторе. Палена заменил Е. А. Головин, немногим отличавшийся от своего предшественника. Слухи о насильственном присоединении к Православию эстов и латышей и о возбуждении их православным духовенством против помещиков побудили его написать в 1849 г. «*Письма из*

Риги», в которых обсуждалось отношение к России прибалтийских немцев. Письма эти, распространявшиеся в рукописи, вызвали неудовольствие в некоторых влиятельных кругах. Как должностное лицо, он был привлечен по обвинению в разглашении служебных тайн. Благодаря личному вмешательству имп. Николая I, имевшего и личную беседу с ним, дело ограничилось для него 10-дневным арестом и переводом на службу в Симбирск. В своих «Письмах», Самарин указывал, что задачи России заключаются в поднятии и укреплении расположенных к ней эстов и латышей. Этому вопросу посвящен был частично и его труд «*Окраины России*», напечатанный впервые в Берлине (1868–76). Самариным написан также замечательный полемический труд против иезуитов: «*Иезуиты и их отношение к России*».

Преемником владыки Филарета был известный иерарх второй пол. XIX века, *Платон (Городецкий)*, впоследствии митрополит киевский и галицкий (1803–1891). В 1848 же году он был назначен епископом в Ригу, являясь викарием псковской епархии. С 1850 г. он стал во главе *самостоятельной рижской епархии*, получив позднее титул архиепископа. Владыка Платон деятельно заботился об укреплении Православия в крае. Благодаря его примирительному образу действий и просветительной деятельности, православная церковь в Прибалтийском крае заняла подобающее ей место. Владыка Платон почти удвоил число церквей, обратил еще большее внимание на поднятие благосостояния духовенства. Рижское дух. училище было преобразовано в семинарию, в которую он прилагал старания привлечь природных эстов и латышей. За время его управления паства увеличилась на 41000 человек. В 1867 г. архиеп. Платон возглавил Донскую епархию.

Новое большое движение эстов и латышей в православие появилось в начале 80-х годов со вступлением на престол имп. *Александра II*, поддерживавшего во всех западных окраинах империи православные и русские начала. Изменилось и направление местной администрации. Среди ея своим твердыми церковными и русскими взглядами выделялся эстляндский губернатор, кн. *С. В. Шаховской*. Супруга его, дочь

известного сподвижника имп. Александра II, военного министра Милютина, основала в *Ляхтице, Эстляндской г.*, в 1892 г. женский мон., при котором были устроены школа, приют, мастерские иконописная, золотошвейная, швальня.

С 1883 по 1891 г. число принявших Православие возросло свыше 20000. Со стороны немцев поднялись жалобы на гонение протестантства, услышанные и в Европе. В 1886 г. на имя обер-прокурора Синода пришло из Шафгаузена (Германия) письмо от президента и членов *реформатских синодов* с просьбой прекратить преследования их остзейских собратий. На это письмо в 1887 г. ответил *К. П. Победоносцев*. В ответе его, ставшем широко известным, было ясно указано, что жалобами прибалтийских лютеран руководят побуждения не религиозные, а *чисто мирские* – именно желание господства в крае. Отмечалось то, что если Православие и ведет там борьбу с протестантизмом, то не наступательную, а оборонительную.

В Риге находились монастыри: мужской Алексеевский (с 1896 г.) и женский Сергиев Св. Троицкий (с 1902 г.), начало которому было положено общиной, созданной сестрами Мансуровыми в 1892 г. Последней обители принадлежала Преображенская пустынь недалеко от Митава. В Иллуkste был основан в 1816 г. мужской мон., ставший с 1880 г. женским. К нему приписан был Свято-Духов мон. в Якобштадте, основанный в XVII в. и упраздненный в 1866 г. В нем пребывала Якоб-штадтская чудотворная икона Богоматери.

В конце XIX в. правительством обращено было внимание на неудовлетворительное положение православной Церкви в *Финляндии*. В этом великом княжестве, присоединенном к России в 1809 г. после удачной войны со Швецией, провинцией которой являлась Финляндия, – православная Церковь всецело должна была подчиняться местным финляндским властям и руководствоваться тамошними узаконениями, созданными исключительно в интересах лютеранства. Подчиненные Синоду в обще-церковных делах, православные церковные общины в своих внутренних делах, в довольствовании духовенства, содержании церквей и попечении о церковных имуществах, были вполне подчинены местным губернаторам и

финляндскому сенату – правительству лютеранскому, по общему закону этого края. Таким образом, православная Церковь в Финляндии была в положении *не господствующей*, как в остальных частях Империи. *Выборгские викарии* – петербургской епархии –, впервые назначенные в 1856 г., проживая в Петербурге и занятые ректорством в духовной академии, редко посещали свою епископию. Местное православное духовное правление более считалось с гражданским управлением, для которого православная Церковь была *только терпимым* вероисповеданием. Духовное правление было посредствующим органом между православными церквами и финляндским светским начальством. Улучшение наступило лишь со времени учреждения в 1892 г., в царствование императора Александра III, самостоятельной *финляндской кафедры*, с поставлением во главе ее опытного администратора, крупного церковного деятеля того времени архиепископа *Антония (Вадковского)*.

Владыка *Антоний*, род. в 1846 г., был сыном священника Тамбовской г. Он окончил Казанскую дух. академию, где остался преподавателем церковного проповедничества. Овдовев и потеряв детей, он принял иночество. Был инспектором казанской академии и ректором петербургской. В 1887 г. он был хиротонисан во *епископа виборгского*, а в 1892 г. поставлен архиепископом финляндским. В качестве викария, он был знаком с тем в каком трудном положении находились церковные дела в этой окраине. Немногочисленное православное население, разбросанное на большом пространстве среди сплоченного лютеранского мира, чувствовало свое полное сиротство и бессилие и невольно поддавалось давившему его влиянию иноверцев. Церкви находились в упадке, церковное хозяйство в расстройстве, просветительная деятельность не существовала и паства жила как бы без пастыря, чем, конечно, пользовались иноверцы. Владыка Антоний своими частыми личными объездами обширного края сразу поднял в нем православно-русский дух. Повсюду началось церковное строительство, организовывались церковно-просветительные союзы, закипела вообще церковная деятельность. В 1898 г.

владыка Антоний поставлен был митрополитом Петербургским и Ладожским, с назначением в 1900 г. первенствующим членом Синода. Преемниками его были владыки: Николай, в посл. архиепископ тверской; с 1905 г. Сергий (Страгородский). Большое значение для православного населения Финляндии имело нахождение в тамошней епархии знаменитых обителей *Валаамской* Спасо-Преображенской и *Коневской* Рождественской.

Первые сношения англиканской церкви с Россией о соединении церквей относятся ко времени имп. Петра Великого. Но тогда они окончились ничем. В 1830-х годах среди англиканской церкви возбудилось особенное внимание к Православию в обществе пюзеистов или англо-кафоликов. Принадлежавший к ним, архидиакон *Вильям Пальмер*, вице-президент коллегии св. Марии Магдалины Оксфордского университета, решил посвятить свою жизнь воссоединению англиканской церкви с православной. В 1842–1853 гг. он нарочито ездил в Россию хлопотать о соединении церквей, предпринял поездку и на Восток. Он сам пожелал принять Православие. От него было потребовано Синодом отречение от ересей, содержащихся в 39 пунктах англиканского вероисповедания. Пальмер не признавал их еретическими и отказался выполнить условия. Не согласился он и с условиями константинопольского патриарха. Огорченный безуспешностью своих стараний, он перешел в католичество. Пальмер, скончавшийся в 1879 г., собрал и перевел на английский язык обширный материал о *патр. Никоне*, со своими соображениями о значении его деятельности и последствиях его низложения.

«Постепенно стали возрастать среди англикан интерес и симпатии к православной церкви;» – пишет И. Соколов в «Прав. Бог. Энц.», «о ней стали отзываться, как о «святой, кафолической, достопочтенной церкви». Наконец, в 60-х годах началось открытое движение к соединению с ней. Поводом к официальному обсуждению этого предмета послужило внешнее соприкосновение обеих церквей на с.-западном побережье американского материка. В 1862 г. на генеральной конвенции североамериканской епископальной церкви был учрежден

«греко-русский комитет» для дружественных сношений с греко-русской церковью по вопросу о взаимоотношениях между членами епископальной и православной церкви в Сев. Америке. В 1863 г. в Англии при кентерберийской конвокации также назначен был комитет по вопросу о сближении с восточной церковью. Оба комитета вошли в сношения между собою и стали совместно работать над вопросом о соединении церквей». В одном направлении с ними действовала «Ассоциация восточной церкви» («Eastern Church Association»), основанная в 1863 г. В 1864 г. секретарь американского комитета пастор Юнг предпринял путешествие на Восток и в Россию. Он был принят в Москве митр. Филаретом и в Петербурге митр. Исидором, представлен Синоду и всюду встречал сочувствие. Ближайшими посредниками в деле ознакомления англикан с православной церковью были настоятели русских церквей в Лондоне прот. Е. И. Попов и в Париже прот. I. В. Васильев, приезжавший в Англию. Архиеп. кентерберийский Кампбелль вел по отдельным вопросам переговоры с константинопольским патриархом Григорием VI. Но конечно русская и константинопольская Церкви, сочувственно относясь к переговорам, не допускали единения *без согласия в догматах*. По случаю торжества 900-летия крещения Руси в 1888 г. архиеп. кентерберийский Эдуард Бенсон прислал митрополиту киевскому Платону приветствие. В день погребения императора Александра III, королева Виктория, в качестве «верховного правителя» англиканской церкви, повелела отслужить во всех церквях поминальные службы. В ея Виндзорском дворце, по ея распоряжению, были внесены в служебник погребальные песнопения русского православного богослужения. По желанию королевы, переведена на английский язык «Моя жизнь во Христе» о. Иоанна Кронштадтского. В 1896 г. на св. короновании императора Николая II присутствовал представитель англиканской церкви еп. питербороский Крейтон. В 1897 г. на торжестве 60-летнего юбилея королевы Виктории присутствовал представитель русской Церкви архиепископ финляндский Антоний. («Прав. Бог. Энцикл.). Владыка Антоний получил

докторские степени от Оксфордского и Кембриджского университетов.

В переговорах с англиканами подымался вопрос о сохранении ими своих обрядов. «Одним из важных препятствий к удовлетворительному решению вопроса о присоединении англикан и вообще протестантов», пишет Знаменский, «была открывшаяся тогда разность между Русской и Греческою церковию в способе присоединения этих иноверцев: Русская церковь присоединяла их чрез одно мѣропомазание, а Греческая требовала повторения над ними и таинства крещения». Происходили по временам частные случаи обращений, из которых произвело большое впечатление обращение в 1861 г. английского пастора *Ричардсона*, в 1869 г. издателя «Православно-кафолического Обозрения», доктора богословия *Овербека*. Они, в особенности последний, много потрудились в пользу православной Церкви среди англикан. С 1870 г. особенно подвинулось вперед знакомство с православной Церковью американского общества, когда, перейдя из католичества, *Николай Биеринг*, став православным священником, открыл в своей церкви в Нью-Йорке православное богослужение на английском языке и стал читать о Православии лекции.

Духовное просвещение

В 1808 г. в России были четыре духовных академии: киевская, московская, петербургская и казанская, 36 семинарий, до 115 низших духовных училищ, с числом учеников, простиравшимся до 28000 человек.

На основании *комитетского проекта* 1808 г., о котором упоминалось (стр. 726), все духовные школы в первый раз были объединены под управлением *Комиссии дух. училищ* в виде особого духовно-учебного ведомства, являвшегося отделением Синода. Непосредственный надзор за средними и низшими учебными заведениями составлял обязанность академий. Ведомство разделено на академические округа и получило общие однообразные уставы. Академии оставлены с одним высшим образованием для воспитанников, уже окончивших семинарский курс. Семинариям – по одной на епархию – предоставлено среднее духовное образование. Низшие училища – уездные (по 10 на епархию) и приходские по благочиниям (по 30 на каждую епархию) должны были разделить между собою труд низшего образования детей. Число всех школ на деле не достигло до предположенных цифр. Низших школ открыто было всего до 300. Академий оставлено три, т. к. *казанская* была в 1818 г. на время обращена в преобразованную семинарию с присоединением ее округа к московскому. Она открыта была вновь в 1842 г. Основные предположения 1808 г. были в значительной мере осуществлены. В 1814 г. были изданы их *уставы*, написанные отчасти *Сперанским*, главным же образом владыкой *Феофилактом*. По своему общему характеру, все духовные школы созданы были в виде *сословных* школ смешанного типа, с общеобразовательным и специальным курсами вместе. Образование в них по прежнему сделано обязательным для детей духовенства. Число учеников семинарий дошло в царствование имп. *Александра I* до 46000. Курс низших школ имел общий элементарный характер, вследствие чего в эти школы дозволялось принимать учеников и из других сословий.

В семинариях, составленных из трех двухгодичных отделений, называвшихся по главным своим предметам риторикой, философией и богословием, последнее отделение имело специальный духовный характер. В академиях курс делился на два двухгодичных отделения – общеобразовательное и специально-богословское. Студенты академий по окончании курса удостоивались степеней кандидата и магистра и особых окладов по этим степеням, если они примут священный сан. В 1814 г. комиссия дух. училищ удостоила несколько духовных лиц степени доктора богословия, тоже получавших особые оклады. Магистры и доктора в священном сане получали особые кресты. С 1820 г. на содержание всех духовных школ отпускалось 1 674 120 руб. Все школы пришли после этого в заметное оживление; повсюду началась стройка и перестройка зданий, улучшилось содержание учителей и казеннокоштных учеников. (Знаменский).

В духовных учебных заведениях воспитание должно было вестись в духе евангельском. Часть предметов была яснее определена, чем прежде, другие введены вновь. Таковыми были: математика, ранее почти неизвестная, история всеобщая и церковная, преподававшаяся кое-где, языки – еврейский, немецкий и французский, по временам звучавшие в академиях и почти никогда в семинариях. Греческому языку назначена была важность одинаковая с латинским, тогда как прежде вовсе не слыхали его в училищах и редко в семинариях. Введена была герменевтика, которой в семинариях не знали, хотя по местам толковали св. Писание. Даже в киевской академии только с 1798 г. стали преподавать герменевтику и церковную историю. План образования, начертанный Комитетом, мог быть приведен в исполнение только постепенно. Академия нового образования сначала была открыта в 1809 г. только в *Петербурге*.

В том же году открыты были низшие заведения по новому плану в петербургском округе. Способным людям поручено было приготовить учебные книги. Скоро появились «*Библейская история*» Филарета (Дроздова), превосходное руководство для академий, и «*Церковная история*» Иннокентия (Смирнова). В то

же время разосланы были по семинариям конспекты богословских и философских наук. Первый курс петербургской академии кончился благополучно. Из числа воспитанников его явились впоследствии митрополит и 7 архиепископов. Из начальников же – 3 митрополита, 2 архиепископа и 2 епископа. В 1814 г., когда окончился этот выпуск, он мог дать способных наставников для семинарий. В 1814 г. явилась возможность по новому плану открыть *московскую академию* в Троицко-Сергиевой лавре. Тогда же введено преобразование в семинариях петербургского и московского округов. Дело все более развивалось. В 1822 г. на основании опыта напечатаны были подробные проекты уставов для академий, семинарий и училищ. В продолжении 16 лет число учащихся возросло от 30000 до 46000, а число училищ вдвое. К концу царствования имп. *Александра I* уже и в селах много было священников, получивших полное семинарское образование, тогда как при имп. *Екатерине* и в городах бывали неученые священники.

Правительственные отпуска на содержание школ повышались. Но все же положение в семинариях было еще тяжелым. Дело в том, что, вследствие бедности духовенства, училищные начальства вынуждены были принимать на казенное содержание много бедных учеников сверх штата. Вследствии этого приходилось сокращать то, что шло на содержание штатных бурсаков. Приходилось из семинарских окладов помогать низшим школам. В 1836 г. – в царствование имп. *Николая I* – последовала новая прибавка к училищным окладам. В том же году предприняты были самые деятельные меры к совершенному преобразованию духовного юношества; по Высочайшему повелению, изданы в свет коренные уставы Вселенской Церкви, как основание канонического права, не имевшего места в программах духовно-учебных заведений прежнего времени; сделаны главными руководствами в преподавании догматического богословия «Изложение православной веры», написанное восточными патриархами, и «Православное исповедание веры», составленное Петром Могилей; в академиях и семинариях введено учение об отцах Церкви и распространено на все три отделения преподавание

специальных богословских наук; возобновлено издание книги Стефана Яворского «Камень веры» и, наконец, пространный катихизис московского митрополита Филарета, совершенно переработанный автором, согласно с строгими требованиями древнего православия, введен в 1839 г. в повсеместное употребление, в качестве школьного руководства по Закону Божию. (Благовидов).

В 1840 г. введены были науки – патристика, пастырское и собеседовательное богословие и, кроме того, знания чисто практического характера – сельское хозяйство, съемка и черчение планов, медицина и оспопрививание, иконописание. Богословские предметы перенесены были и в общеобразовательные классы, философия признана была в семинариях ненужной и из нея оставлены только логика и опытная психология.

В *шестидесятых* годах произведена была новая реформа, вызванная разными недочетами, в особенности же тяжелым материальным положением школ в которых казеннокоштные ученики голодали, здания оставались без ремонта, учителя же уходили в другия ведомства. Новая реформа обсуждалась с 1860 по 1866 гг. Наряду со специальными комиссиями, обсуждали ее епархиальные архиереи, ректоры, академические советы и даже печать. Правительство ассигновало казенное пособие школам в размере полутора миллиона руб. В мае 1867 г. духовно-учебное управление заменено было дух.-учебным комитетом и утверждены новые семинарский и училищный уставы, а в 1869 г. академический устав. Администрация дух.-учебной части получила новый вид. Она была сосредоточена в одном *дух.-учебном комитете*. Академические округа были упразднены и академии освобождены от несвойственных им административных забот. Во внутреннем управлении дух. школ проведено *начало самоуправления и начало выборное*, касавшийся всех должностных лиц, кроме ректоров академий. Таким образом во всех делах заинтересованными оказались члены учебного и педагогического составов учебных заведений. В делах семинарий и училищ призвано было к участию и местное духовенство, выбиравшее своих представителей в

правления учебных заведений. Учебная часть семинарий и училищ была организована с более стройным распределением предметов общеобразовательного и специального курсов. Для сокращения семинарского курса из него были выпущены даже библейская история, учение о богослужебных книгах и патристика; обширнее было поставлено преподавание философии. Нововведением и в семинариях и в академиях было преподавание *педагогике*, при котором имелось в виду ближайшее участие духовенства в деле народного образования. Самой благотворной стороной новой учебной реформы было возвышение духовно-училищных окладов, прекратившее прежнее бедственное состояние дух. школ. Свечной сбор в 1870 г. был заменен процентным со *всех церковных доходов*, по 10–21 процентов с каждой церкви. В царствование имп. Александра III издан в 1884 г. новый устав духовных академий и семинарий. Профессорам и учителям возвышены оклады содержания и пенсий, применительно к положению министерства народного просвещения.

Стали создаваться, школы для образования дочерей духовенства. Начало этому положено было *ведомством Императрицы Марии* в 1843 г., создавшим в Царском Селе такую школу. За ним стали открывать и другие школы в ряде городов. С 1860 г., с возбуждением в среде духовенства сословной самостоятельности, по епархиям начали создавать *епархиальные женские училища*, содержавшиеся на средства епархиального духовенства. Училища эти создались во всех епархиях и имели очень большое значение.

Представители духовной науки и проповедничества

В 1805 г. издана *«Краткая Церковная Российская история»* митрополита московского Платона. До этого труда составители русской церковной истории, по отзыву проф. Н. Н. Глубоковского⁵¹), ограничивались летописно-повествовательными сообщениями, митрополит же Платон, по его словам «держится собственно летописного распорядка,» но группирует свой материал более систематично и, главное, везде рисуется «любезным и привлекательным истории свойством – истины и безпристрастия», почему старательно применяет трезвый критицизм в обсуждении литературных сведений и жизненных явлений». В 1807–16 г.г. напечатана была *«История Российской иерархии»*, в 6 частях, составленная совместно ректором новгородской семинарии Амвросием (Орнатским), будущим епископом пензенским, и епископом вологодским Евгением (Болховитиновым), будущим митрополитом киевским. Труд этот, изобилующий данными, дал прочное основание последующим трудам по русской церковной истории. Знаменский пишет: «Евгений до конца жизни занимался своими археологическими и историческими работами, посвящая свои труды преимущественно собиранию материалов, разработке первоисточников и всякого рода каталогизации. Во всех епархиях, где он служил – в Новгороде, Вологде, Пскове, Киеве – владыка Евгений везде изучал местные архивы, собирал сведения об иерархах, монастырях, святынях и составлял обо всем заметки, каталоги и цельные исследования. Так явились его «Разговоры о древностях Новгорода», материалы для истории вологодской иерархии, святых и монастырей, статьи о пермских древностях, «История княжества Псковского», «Летопись Изборска», Описание Киево-Софиевского собора и Киево-Печерской Лавры и др. Много лет он работал над составлением своих знаменитых «Словарей русских писателей» светских и духовных. Он вел обширную переписку и сношения со всеми почти русскими учеными и библиографами и с известным тогдашним меценатом русских

ученых гр. Н. П. Румянцевым. Его заметками о Кормчей пользовался в своем «Обозрении Кормчей» барон Розенкампф. В числе обработанных им древних памятников были грамоты св. кн. Мстислава Юрьеву монастырю, История кн. Курбского, Хождение Даниила и др. Ученые общества, университеты, академия наук приглашали его в число своих членов». Проф. М. П. Погодин писал о нем: «Вот был человек, который не мог пробыть нигде одного дня без того, чтобы не ознаменовать его трудами на пользу истории ... Замечу еще особенность в его уме и характере: необыкновенная положительность без примеси малейшей идеальности. Это был какой то статистик истории. Он, кажется, не жалел, если где чего ему не доставало в истории; для него это было как будто все равно. Что есть, – хорошо, а чего нет, – нечего о том и думать. Никаких заключений, рассуждений». «Но за-то», пишет о нем проф. Н. Н. Глубоковский, «фактическая сторона у него всегда документальна и проверена тщательно, а все ее части размещаются по объективным рубрикам взаимной исторической связи, хотя бы внешней и нуждающейся во внутреннем освещении. Собран был богатый, обоснованный и упорядоченный материал, который вместе с другими церковно историческими запасами сам собою просился в рамки научной систематизации».

Епископ Амвросий (Орнатский), уйдя в 1825 г. на покой, выехал из Пензы в нагольном тулупе и в Кириллово-Белоезерском монастыре заключился в тесной келье. Здесь он питался только просфорой, которую приносили к окну его. В глубокую полночь, при свете луны, видели его издали стоящим на паперти на коленях с воздетыми к небу руками. Иначе он не видался ни с кем. 27 дек. 1827 г. просфора, оказавшаяся на окне кельи, дала знать, что святитель окончил свой земной путь.

Обработкой материала, оставленного митр. Евгением, занялся самоотверженный даровитый владыка Филарет (Гумилевский) архиеп. черниговский (1859–66), ранее харьковский (1848–59). Он выпустил в 1847–48гг. *«Историю русской Церкви»*, в пяти периодах, обнимающих годы с 988 по 1826 г. Труд этот совмещает массу сведений, не редко добытых

собственными разысканиями и справками, отличается, по отзыву проф. Глубоковского, «бесспорным искусством комбинирования по существенным началам жизненных явлений, почему последние сразу становились ясными в этой перспективе по своей подлинной исторической природе и не нуждались в детальном рассмотрении». Архиеп. Филаретом составлен был *«Обзор русской духовной литературы»* (1862–1863), содержащий ценные данные.

Еще более значительным историческим трудом была *«История Русской Церкви»* митр. московского Макария (Булгакова), занимавшего до этого кафедры тамбовскую, харьковскую и литовскую. Труд этот включает XIII томов (последний издан после его смерти). Автор обогатил науку множеством всяких научных сокровищ высокого значения.

Известны и другие труды упомянутых авторов. Архиеп. Филарет написал: Историческое учение об отцах Церкви. Исторический обзор песнопевцев греческой Церкви. Русские святые в 12 книжках с ученой обработкой их житий. Святые подвижники восточной Церкви. Историко-статистическое описание харьковской и черниговской епархий. Объяснение на послание к Галатам. Учение евангелиста Иоанна о Слове. Система догматики.

Митр. Макарием написано: История киевской академии. История русского раскола старообрядчества. Введение в православное богословие и полная система догматического богословия. О последнем труде упомянуто будет ниже.

Большой и тщательно разработанный труд проф. Е. Е. Голубинского *«История Русской Церкви»*, обнимающая события до митр. Макария (1542–63) включительно. Все исторические события им до крайней тщательности проверены. Но критицизм захватывает его полностью и это отражается на всем его труде. Глубоковский, признавая значение его крупного труда и нового освещения им ряда вопросов, пишет: «Его критический молот был не просто внушительно-тяжелый, но и неразборчиво-грубый, бивший на своем пути направо и налево все попадавшееся прямо на смерть за простую слабость, лишая ее самого права на существование, всегда условное в земной

ограниченности. Вообще у него критическая сторона гораздо выше, чем конструктивная, к которой он имел меньше и склонности и способности». Умер он в 1904 г.

Русскую богословско-историческую науку обогатил владыка Арсений (Иващенко), еп. кирилловский, викарий новгородской епархии, до этого настоятель московского ставропигиального Заиконоспасского м. Важнейший его труд «Летопись церковных событий и гражданских от Рождества Христова до 1898 года». Димитрий (Самбикин), архиеп. Тверской (1839–1908), известен выдающимися учеными трудами по русской церковной истории и археологии; замечателен его «Месяцеслов русских святых, всею русскою церковью или местно чтимых», – труд, не встречаемый у предшественников. Проф. П. Н. Жукович, за свою работу об его научно-литературной деятельности удостоенный степени доктора церк. истории, отмечал, что «Месяцеслов русских святых» есть своеобразный Месяцеслов, отразивший в себе и религиозно-церковное мировоззрение русского народа и другая стороны его жизни». Известен историческими трудами прот. Василий Жмакин, с 1900 г. член учебного комитета при Св. Синоде. Лучший его труд магистерская диссертация: «Митрополит Даниил и его сочинения». Автор многих трудов В. З. Завитневич, профессор киевской академии. Его докторская диссертация «Алексей Степанович Хомяков» (1902), по отзыву рецензента проф. Жуковича, «оставляет после себя впечатление целого, обширного по размерам и объединенного одной мыслью, богословско-исторического трактата». Профессор И. А. Чистович (1828–93) написал ряд трудов, из которых очень ценен «Очерк истории западно-русской церкви». Много трудов напечатано М. I. Кояловичем (1828–91), сыном священника Гродненской г., профессором петербургской дух. академии, в особенности об унии и о всем касавшемся его родного края. Его «Лекции по истории Западной России», напечатанные в 1864 г., имели еще три издания. В 1871 г. вышло хорошее «Руководство к русской церковной истории» проф. казанского университета П. В. Знаменского. В изданиях начиная с 1896 г. оно именуется «учебным». Карташев, отдавая должное

Знаменскому, с большой похвалой отзывается и о труде проф. новороссийского унив. А. П. Доброклонского († 1937 г. в Белграде): «Руководство по истории русской церкви» (писалось 1884–93 г.г.).

Глубоковский пишет: «Русская церковно-историческая литература чрезвычайно богата ценными работами монографического характера по всем отраслям и более или менее важным вопросам. Лишь приходское белое духовенство, наряду с государственным влиянием высшей иерархии наиболее содействовавшее проведению христианства в глубину народной жизни на всем пространстве России, исследовано неполно и недостаточно, как это верно касательно состояния народа в истории по его религиозно-церковной стороне: – в этом отношении открываются широкие перспективы и точнее обрисовываются благодарные задачи, обещающие объективное научное разрешение. А о русском православном приходе уже довольно и обработанных трудов и систематизированных материалов».

Самостоятельную отрасль изучения русской Церкви составляет *история раскола*. Вопрос о научной специализации этого вопроса выдвинут был в начале 50-х годов XIX в., к которому относится и открытие соответствующих кафедр при Духовных Академиях. Задачи были полемические, судя и по названию этой науки «*история и обличение русского раскола*». По словам Глубоковского, «наиболее убедительно выразили этот принципиальный взгляд митрополиты – *Московский Филарет (Дроздов)* и *С-Петербургский Григорий (Постников)*, а *Макарий (Булгаков)* научно развил и обосновал его в отдельном историческом труде»... Исходя из того положения, что раскол является уклонением от католической истины, заслуживающим разоблачения и исправления, писал свои ученые труды московский проф. Н. И. Субботин. Он издавал журнал «*Братское Слово*», где (1875–76, 1883–99 годы) было помещено также много важных для истории раскола памятников и всяких сообщений. Ближайшим сотрудником Субботина был умный, настойчивый и хорошо осведомленный по своему прежнему нахождению в расколе единоверческий архимандрит

Павел, по прозванию Прусский. К течению Субботина примыкал, вдохновляясь его принципами, казанский профессор *Н. И. Ивановский*. В другом виде изображался раскол теми, которые видели в нем особую «народную веру» и усматривали в нем протест против современных ему Церкви, государства и общества. Представителями такого течения были казанский проф. *А. П. Щапов* (начиная с магистерской диссертации в 1857 г.) и ученый историк проф. *Н. И. Костомаров*. Писали о расколе проф. московского университета *Н. Ф. Каптерев* в историческом освещении, а так же напечатана была в 1905 г. книга проф. *Е. Е. Голубинского* «К нашей полемике со старообрядцами». Об единоверии писали проф. *Н. И. Петров*, о. *В. И. Жмакин*, *М. В. Семеновский*, проф. *И. С. Смирнов*, о. *М. П. Чельцов*, о. *С. И. Шлеев*, потом единоверческий епископ Охтенский *Симон* и др. Труды последнего *Глубоковский* считает написанными в узкотенденциозном духе.

Печатались труды о православном востоке. Главным трудом в этой области является работа академика проф. *Е. Е. Голубинского* о церквях Болгарской, Сербской и Румынской. Другие труды: Проф. *А. И. Александрова* (еп. *Анастасия*) «Политическая и церковная жизнь славянства в XIX в.» (Казань 1911); Архиеп. *Филарета* (Гумилевского) о «святых южных славян»; Проф. о. *Т. И. Буткевича* «Высшее управление в православных автокефальных Церквях». Отдельные работы: о *Болгарии* – проф. академика *И. С. Пальмова*, проф. *Н. Л. Туницкого* и др., о *Сербии* – прот. *М. П. Чельцова* и проф. *И. С. Пальмова* (его же о Черногории), о православных в *Австро-Венгрии* – *В. П. Мордвинова*, проф. *Г. А. Воскресенского*, о. *Д. Н. Якшича*, о *Чехии* – обширные сочинения проф. *Пальмова*, о *Румынии* – митр. новгородского *Арсения* (*Стадницкого*), проф. *Ф. А. Курганова*, *В. В. Колокольцева*, *Н. В. Лашкова*, о *Молдавии* – митр. *Арсения*.

По всеобщей церковной истории в нач. XIX века известны труды архимандрита *Мефодия* (*Смирнова*), возглавлявшего потом ряд кафедр (ум. 1815). Им написана была «История первых веков христианства» и «О Флорентийском соборе». Ректором петербургской семинарии, архимандритом

Иннокентием (Смирновым), скончавшимся в 1819 г. еп. пензенским, выпущено было в 1817 г. двухтомное «Начертание церковной истории с библейских времен до XVIII столетия», сделавшееся на долгое время классической книгой для духовных школ. Прот. Иоанн Григорович (ум. 1853), воспитывавшийся на счет гр. Румянцева в петербургской академии, автор трудов по русской истории, издал переписку пап с российскими государями и др.

Церковную историю выдвинул на самостоятельный высокий ученый пьедестал проф. и ректор московской Академии, прот. А. В. Горский. Он не любил, по скромности, сам печататься, но воспитал целую историческую школу, «распространившуюся» по словам проф. Глубоковского «по всему простору русского богословского поля». Сменивший прот. Горского на академической кафедре, архим. Иоанн (Митропольский) обработал историю Вселенских соборов. Другой близкий к прот. Горскому, проф. А. И. Лебедев, скончавшийся в 1908 г., прямой наследник его традиций, отличавшийся редкой трудоспособностью, к концу жизни объединил важнейшую часть своих трудов в «Собрании церковно-исторических сочинений». Описывая историю Вселенских соборов, он с «замечательной стройностью», пишет Глубоковский, «показал заправляющее воздействие на них Александрийской и Антиохийской школ, из которых каждая выдвигала тогда партию защитников своих частных решений того или другого спорного вопроса». Учеником его, развивавшим его взгляды, был проф. А. А. Спасский. Известен историк проф. Ф. А. Терновский. Крупным авторитетом в исторической науке был проф. петроградской Духовной Академии В. В. Болотов. Он, по словам Глубоковского, «поднял церковно-исторический научный идеал до чрезвычайности, непосильной для большинства, чтобы везде говорить непременно свое и в готовом брать только достигнутое самим». Скончался он 46 лет. Его «Лекции по истории древней Церкви» были изданы посмертно под редакцией проф. А. И. Бриллиантова.

Русское богословие всегда уделяло большое внимание *Византии*. Известны труды проф. Н. Ф. Каптерева, проф. И. И.

Малышевского. Ученым исследователем Востока вообще был еп. Порфирий (Успенский) Чигиринский (ум. 1885), бывший также археологом. Под влиянием проф. В. Г. Васильевского ученые интересовавшиеся Византией принимали участие в «Византийском Временнике», издававшемся с 1894 г. Академией Наук. Университетским профессорам Ю. А. Кулаковскому, академику Ф. П. Успенскому, С. П. Шестакову, А. А. Васильеву, доценту К. Н. Успенскому принадлежат цельные курсы по византологии. Византологами были профессора: И. Е. Троицкий, В. В. Болотов, Н. А. Скабалонович, И. И. Соколов, А. П. Лебедев, И. С. Пальмов.

Как на *историков* укажем еще на историка-генеалога Ювеналия (Воейкова), игумена Новоспасского (ум. 1807). Историк- археолог Вениамин (Румовский), еп. олонекский, потом архиеп. архангельский и нижегородский (ум. 1811). Труд его «Новая скрижаль» архиеп. Филарет именует знаменитым. Выдающимся церковным археологом был владыка Савва (Тихомиров), архиеп. тверской († 1896). Известны работы проф. московского университета Н. И. Надеждина, скончавшегося в 1856 г. Проф. киевских академии и университета, прот. Софиевского собора, о. Иоанном Мих. Скворцовым написан ряд исторических трудов (ум. 1863).

По *догматическому богословию*, раскрывающему принципиальные основы и теоретические формы православной веры, замечательны три крупных систематических труда. Первым по времени было обширное «*Православно-догматическое богословие*» преосвященного Макария (Булгакова), впоследствии митрополита московского. «Это», по отзыву Глубоковского, «— грандиозная попытка научной классификации накопившегося догматического материала, который она подвергает строжайшему взаимному объединению, принимая все пригодное и устраняя обветшавшее. Так подводился итог всему предшествующему развитию и создавалась фактическая возможность для дальнейшего движения по новым путям. С этой стороны историческая заслуга «Догматики» митр. Макария несомненна и громадна, не говоря уже о богатстве и разнообразии ценных данных — особенно по

библиологии и церковно-отеческой литературе». Но тот же Глубоковский находит в этом труде много научной схоластичности.

Вторым трудом было «Православное догматическое богословие» архиеп. черниговского Филарета (Гумилевского). Его труд, по определению Глубоковского, «представляет историческое разъяснение и оправдание догматов во всей их системе, не чуждой у него призывов схоластического схематизма, но более жизненной даже во внешней конструкции». Третьим трудом – огромным по размерам – является «Опыт православного догматического богословия (с историческим изложением догматов)» ректора Киевской Духовной Академии, епископа Каневского Сильвестра (Малеванского). Труд этот более всего вызывает одобрение Глубоковского, признающего его плодотворность несомненно научной и жизненной. «Посему современная русская догматика», пишет Глубоковский, «следует, – в общем – заветам преосв. Сильвестра и не выдвигает новой догматической системы, хотя имеет для нея (положительные и отрицательные) опоры и в творениях своих великих духовных вождей, напр., у архиеп. Феофана (Прокоповича), или у знаменитого митрополита Московского Филарета (Дроздова)». Руководство по догматике писал архим. Антоний (Амфитеатров), впоследствии архиеп. казанский. Архиеп. Филарет отмечает, что владыка *Ириней (Фальковский)*, не раз упоминаемый, составил замечательную по ясности и отчетливости догматику. Указывает Глубоковский на отдельные догматические сочинения: архим. Сергия (Страгородского), впоследствии митр. нижегородского, заместителя патриаршего престола; митрополита киевского Антония (Храповицкого); протопресвитера *И. Л. Янышева* и др.

Образцом *обличительного богословия* служит четырехтомное «Богословие обличительное» ректора Казанской Духовной Академии архим. *Иннокентия (Новгородова)*. Проф. о. А. М. Иванцовым-Платоновым издан был труд «О западных вероисповеданиях» и др. Высокие достоинства его научных работ признавались и за границей, напр. берлинским профессором А. Гарнак. Об унии писал проф. *А. Л. Катанский*.

Известны труды проф. В. В. Болотова, о котором уже упоминалось выше. Архиеп. нижегородский, ранее еп. астраханский Хрисанф (Ретивцев), автор ряда богословских трудов, писал о протестантстве. В «Трудах Киевской Духовной Академии» (1867–70 г.г.) печатались статьи проф. А. Ф. Гуляницкого, в иночестве Августина, впоследствии еп. екатеринославского († 1892).

По академическому уставу 1912 г. выделено было в самостоятельный предмет *сектоведение*. Известны труды профессоров прот. Т. И. Буткевича и С. Т. Голубева о русских сектах. Проф. юрьевского университета К. К. Грасс написал на немецком языке обширное исследование о хлыстах и скопцах. В Петербурге, под редакцией В. М. Сковцова, выходил с 1896 г. журнал «*Миссионерское Обозрение*».

Догматика тесно связана с *нравственным богословием*. Богатый материал собран был в «Записках» прот. П. Ф. Солярского, но система его, по отзыву Глубоковского, носит совершенно отвлеченный характер. Известны труды о. И. Л. Янышева и проф. М. А. Олесницкого. Огромным трудом является сочинение проф. о. Н. С. Стеллецкого, в котором христианское нравоучение развивается и освещается с точки зрения закона Божия и нравственных обязанностей. «Жить – любви учить» – озаглавляется «Очерк православного нравоучения» прот. о. Ст. И. Остроумова. Вдохновенны были писания приснопамятного о. Иоанна Сергиева Кронштадтского. Всестороннее рассмотрение *аскетизма* заключается в капитальных трудах профессоров П. П. Пономарева и С. М. Зарина. Развитию православной *аскетики* оказали величайшие услуги епископ тамбовский Феофан (Говоров), затворник Вышенский (ум. 1894) и епископ ставропольский (с 1857 по 1861) Игнатий (Брянчанинов), ум. в 1867 г.

Пастырское богословие, еще не как отдельная наука, выявляется в курсах архиепископа казанского Антония (Амфитеатрова) и у епископа мелитопольского Кирилла (Наумова) проф. петербургской Дух. Академии (ум. 1866). Известен труд проф. о. С. А. Соллертинского о пастырстве Христа Спасителя, как основателя христианского пастырства.

Целостные построения предлагают сочинения архим., впоследствии епископа, Бориса (Плотникова) и митр. Антония (Храповицкого), который хорошо определяет два пути пастырства: православный и латинский. Труд его проникнут и аскетизмом. «Впрочем», поясняет Глубоковский, «связь «пастырского богословия» с «аскетикой» была и официально узаконена реформированным 29 июля 1911 г. академическим уставом». Богатейший материал и одушевленно-выспренное освещение христианского пастырства на основании исключительного по степени и разнообразию пастырского опыта содержат все писания о. Иоанна Кронштадтского, особенно «Моя жизнь во Христе». (Глубоковский). П. И. Нечаев, магистр богословия (ум. 1906), составил «Практическое руководство для священнослужителей», вышедшее в 1912 г. одиннадцатым изданием.

«Пастырь», пишет Глубоковский, «всегда мыслится православным сознанием в качестве религиозного учителя по образу Христову и — специально — посредством проповеднического церковного слова». Так определяется в русском богословии *гомилетика*. Классическим трудом в этой области служат «Чтения о церковной словесности» проф. Я. К. Амфитеатрова, преподававшего в Киевской Академии (ум. 1848). Новая струя внесена была в гомилетику, известным в этой области авторитетом, проф. киевской Академии В. Ф. Певницким (ум. 1911), которому, по отзыву Глубоковского «гомилетическая наука обязана многочисленными и солидными вкладами теоретического и практического характера». Известны также труды: митр. Антония (Вадковского), профессоров В. П. Виноградова, Н. К. Никольского, Н. И. Барсова. «Горячий глашатай идеи «живого слова» в проповеди «в новейшее время» архиепископ харьковский Амвросий (Ключарев) (ум. 1901) был, по словам Глубоковского, «тонким церковным витием со всеми достоинствами ученого и оратора».

В области *апологетики* известны труды проф. Н. П. Рождественского (ум. 1882) «Христианская Апологетика», проф. киевского университета, прот. П. Я. Светлова «Курс апологетического богословия» (1900 г.), профессоров о. Е. П.

Аквилонова «Научно-богословское самооправдание христианства. Введение в православно-христианскую апологетику». («Странник» 1893– 94 г.г.) и о. М. К. Источникова.

Защита христианства непосредственно соприкасается с задачами *философии*. «Последняя», пишет Глубоковский, «в русских Духовных Академиях всегда была направлена к раскрытию религиозно-богословских областей знания... И все видные представители этой дисциплины (проф. В. Н. Карпов в Петрограде) неизменно и успешно служили данной цели, от которой не уклонялись академические питомцы и на поприще университетского преподавания (напр., проф. П. Д. Юркевич в Москве). Достаточно указать хотя бы на знаменитого Московского академического профессора протоиерея Ф. А. Голубинского, бывшего не просто христианским философом, но именно и специально философом христианства, в теоретически-мистическом озарении, когда рациональные парения проникали религиозные влечения верующего сердца и сами оживотворялись внутренними христианскими созерцаниями... Славный преемник о. Ф. А. Голубинского – проф. В. Д. Кудрявцев-Платонов всю жизнь свою посвятил христианской философии «и в своих многочисленных трудах со всесторонней основательностью и законченностью развивал целостную синкретическую систему христиански-теистических воззрений». Голубинский умер в 1854 г., Кудрявцев- Платонов в 1891 г. Владыка Антоний (Храповицкий) очень ценил проф. С.-Петербургской Академии А. Е. Светилина (1842– 1887), преподававшего во время его учения логику, психологию и философию.

По *толкованию Св. Писания* известны труды еп. Мефодия (Смирнова), о котором не раз уже упоминалось, Ириней (Клементьевского), архиеп. псковского, одного из просвещеннейших пастырей своего века (ум. на покое в 1818 г.), Иннокентия (Смирнова) еп. пензенского, тоже упоминавшегося, Ириней (Фальковского), еп. Чигиринского (ум. 1823), обладавшего необыкновенными дарованиями и разнообразными сведениями, митр. московского Филарета (Дроздова), Сергия (Тихомирова) архиеп. японского, проф. Н. Н.

Глубоковского, скончавшегося в 1937 г. в Софии, где он преподавал в университете (был проф. петроградских Дух. Академии и университета) и Михаила Лузина, еп. курского (ум. 1887).

По *патрологии* известны труды архиеп. Филарета (Гумилевского) «Историческое учение об отцах Церкви», проф. К. И. Скворцова, проф. Д. В. Гусева.

По *церковному и каноническому праву* писал Августин (Сахаров) еп. оренбургский с 1806 по 1819 г., скончавшийся в 1841 г. на покое. Иоанном (Соколовым) еп. смоленским напечатан был в 1851 г. «Опыт курса церковного законоведения». Проф. московского университета А. С. Павловым написан «Курс церковного права», изданный посмертно в 1902 г. Известны также труды профессоров о. М. И. Горчакова, о. В. Г. Певцова, Н. А. Заозерского, Н. С. Суворова, М. Е. Красножена.

По *литургии* основоположником ее научного бытия Глубоковский считает проф. И. Д. Мансветова (ум. 1885). Известны также труды проф. Н. Ф. Красносельцева, оставившего по себе обильный и ценный научный вклад. Ученик последнего, проф. А. А. Дмитриевский, преподававший в киевской Академии, является, по отзыву Глубоковского, лучшим и наиболее компетентным в России литургистом. Крупной величиной в этой области, по его же мнению, являлся проф. московской Академии А. П. Голубцов, скончавшийся в 1911 г.

По *церковной археологии* известны работы профессоров А. П. Голубцова и Н. Ф. Красносельцева. Крупнейшим авторитетом в этой области был проф. Петроградской Дух. Академии Н. В. Покровский, являвшийся первым по времени работником на этом научном поприще (ум. 1917). «Н. В. Покровский», пишет Глубоковский, «создал и утвердил церковно-археологическую науку на богословской почве и несомненно двинул ее вперед касательно памятников византийских и особенно русских». Крупнейшее значение имеют труды академика-профессора Н. П. Кондакова, скончавшегося в эмиграции. «Труды его», пишет Глубоковский, «посвященные особенно христианской иконографии и христианскому искусству византийскому и

древне-русскому, почти неисчислимы по количеству и многоценны по непосредственной важности и по самому разнообразному научному воздействию ... Церковно-археологический анализ у Н. П. Кондакова таков, что нити его простираются на Восток и Запад, переплетаются в Византии с древне-греческими и своеобразно перевиваются в русских разветвлениях. Позднейшие работы фиксируются на иконографии, которой этот ученый корифей существенно послужил и практически по заведению рационально поставленных иконописных школ и организацию (в 1901 году) «Высочайше учрежденного Комитета попечительства о русской иконописи», способствуя сему методическими разъяснениями и капитальными изданиями». В этой работе участвовали проф. Ю. А. Кулаковский, академик В. В. Латышев, проф. М. И. Ростовцев и др. Все это продолжатели великой культурно-научной работы Кондакова в широком его плане. К видным археологам надлежит отнести еп. Чигиринского Порфирия (Успенского). Наряду с митр. Евгением (Болховитиновым), много поработал над родной стариной митр. Арсений (Стадницкий), с 1910 г. возглавивший новгородскую епархию. Выше упоминались владыки Вениамин (Румовский) и Савва (Тихомиров).

Кроме перечисленных выше лиц духовных и светских, надлежит упомянуть также о следующих просвещенных деятелях. Анатолий (Мартыновский) архиеп. могилевский (ум. 1872), известный своими проповедями и борьбой против католичества. Его книга «Об отношениях Римской церкви к другим церквам и ко всему роду человеческому». Проф, киевских Академии и университета о. Иоанн Скворцов (ум. 1863) имел труды исторические, философские; составил «Записки по церковному законоведению». Н. Н. Бантыш-Каменский, начальник московского государственного архива (ум. 1814), написавший историю унии и опубликовавший много материалов важных для истории русской Церкви. Исключительно даровитым был проф. Н. И. Надеждин (ум. 1856), о коем кратко упоминалось. С 1836 г. занятия его были обращены к истории и этнографии. Феоктист (Мочульский) архиеп. белгородский (ум. 1818) писал по апологетике и педагогии.

«Филарет Московский», пишет Знаменский, «более полувека удерживал за собой первенство богословского и проповеднического авторитета. После учебных преобразований, в должности ректора академии и члена комиссии дух. училищ, он был одним из главных руководителей духовного образования. В 1814 г. им была составлена подробная систематика или «Обозрение богословских наук». Из академических трудов его получили классическое значение его толкование на 67 псалом и «Записки на книгу Бытия» и «Начертание библейской истории». Из последующих его трудов известны «Изложение разностей между восточной и западной церквами», «Разговоры между испытующим и уверенным о православии Греко-Российской церкви», «Беседы к глаголемому старообрядцу» и особенно его Катихизисы, на которых воспитывались в религии все молодые поколения русских людей с 20-х годов до последнего времени. Его слова и речи, по глубине и силе своего богословского содержания, по высокому истинно-церковному красноречию, крепкой диалектике, сжато, но художественному языку, представляют, можно сказать, высшую степень развития проповедного слова, назначенного для образованного и несколько мыслящего общества, а его письма, мнения и резолюции, изданные после его смерти, – неисчерпаемый запас мудрости и советов не только для духовных, но и для светских администраторов и разных практических деятелей.» «Пространный катихизис» был напечатан впервые славянским шрифтом в 1823 г., вскоре вышел «Краткий катихизис». В 1824 г., по настоянию министра просвещения Шишкова, печатание катихизисов было приостановлено из-за русского перевода текстов. По рассмотрении их Св. Синодом, они были напечатаны церковным шрифтом в 1827 г., гражданским в 1828 г. Окончательно пересмотренный катихизис был напечатан в 1839 г. и с тех пор сохранял свой неизменный вид.

Видным его современником был знаменитый Иннокентий (Борисов), окончивший киевскую академию магистром, скончавшийся в 1857 г. архиеп. херсонским. Кроме множества проповедей, после него остались часть его лекций по

богословию в киевской академии и несколько исторических сочинений. Огромное значение имели труды митр. Макария (Булгакова) и архиеп. Филарета (Гумилевского), а также еп. Сильвестра (Малеванского). В позднейшее время крупными учеными были митр. Антоний (Храповицкий), митр. Сергей (Страгородский). Стали выдвигаться на ученом поприще б. ректор петроградской академии, Феофан (Быстров), архиепископ полтавский, скончавшийся в 1940 году во Франции и ректор московской академии епископ волоколамский Феодор (Поздеевский). О последнем владыка Антоний (Храповицкий) писал 13 ноября 1905 г. митр. киевскому Флавиану: «Это звезда восходящая. Он может повернуть жизнь академии ...»

Знаменский отмечает еще труды прот. Иоакима Кочетова, написавшего «Черты деятельного учения веры» (1824); проф. И. Я. Ветринского, издавшего (1829–44) шесть томов «Памятников древней христианской церкви»; прот. Иоанна Скворцова († 1863), автора «Записки по церковному законоведению»; монголоведа Нила (Исаковича), архиепископа иркутского, потом ярославского, автора труда «О будущем» († 1874); Алексия (Лаврова-Платонова), архиепископа литовского, известного канониста († 1890), еще во время своего профессорства в московской академии оказавшего «важные услуги церкви разработкой вопроса о церковном суде в противодействие в 1870-х годах либеральной реформе этого суда»; протопресвитера московского Архангельского собора, Михаила Богословского, ранее законоучителя в Императорском Училище Правоведения, получившего степень доктора богословия за составленную им «Священную Историю» Ветхого и Нового Завета, одного из первоклассных богословов канонистов, написавшего «Курс общего церковного права» († 1884).

Велико просветительное значение творений о. Иоанна Кронштадтского, епископов Игнатия (Брянчанинова) и Феофана (Говорова), затворника Вышенского, давших так много в области аскетизма.

Архиеп. Филарет (Гумилевский), в своем «Обзоре русской духовной литературы» в числе мирян упоминает известного славянофила Ивана Вас. Киреевского (ум. 1855), философа, так

понимавшего свою ученую деятельность: «мы возвратим права истинной религии, изящное согласим с нравственностью, возбудив любовь к правде, глупый либерализм заменим уважением законов и чистоту жизни возвысим над чистотой слога». Он часто пользовался беседами старца Филарета, схимника Новоспасского, и оптинского старца о. Макария. Киреевский принимал участие в приготовлении к печати отеческих сочинений, издававшихся Оптиной пустыней. Ему же принадлежит обработка жития архим. Паисия (Величковского), где столько воспоминаний о великих подвижниках. Архиеп. Филарет пишет, что поэт и философ А. С. Хомяков «был твердым *бойцом* с заблуждениями запада. Известны два письма его, где он обличает как папизм, так и реформацию, в рационализме. Нельзя сказать, что эти письма без ошибок: но сочинитель верно понял болезни запада.»

В числе мирян надо указать на Юрия Феод. Самарина, упоминавшегося на стр. 789. Ранее его полемического труда «Иезуиты и их отношение к России» (1865 г.) была известна его замечательная диссертация о Стефане Яворском и Феофане Прокоповиче, которую он защищал в 1844 г. в московском университете. В ней ярко выявились его богословские воззрения. Часть ее была напечатана в 1844 г.; полностью она вошла в его «Сочинения», изданные посмертно его братом.

Необходимо также отметить просветительную деятельность А. Н. Муравьева (1806–74), писателя, много способствовавшего ознакомлению русского общества со святынями православной Церкви и русской в частности. Известно его «Путешествие по Св. местам» (1850) и описание исторических обителей и храмов России. Сочинения его были первыми на русском языке книгами духовного содержания, получившими довольно широкое распространение в среде высшего русского общества. И. П. Барсуков издал в 1883 г. книгу: «Иннокентий, митрополит московский и коломенский, по сочинениям, письмам и рассказам современников». Это лучшая и полная биография достойнейшего иерарха и самоотверженного отечественного миссионера.

Для знания благочестивых русских людей, преисполненных неослабевающим всю жизнь порывом ко Христу, замечательны два труда. Архим. Никодим (Кононов), с 1910 г. епископ Рыльский, составил: «Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков» (изд. 1905–1912). Е. И. Погожев (Поселянин) написал «Русская Церковь и Русские подвижники 18-го века» (1905) и «Русские подвижники 19-го века» (издание 3-е 1910).

Приводим отзыв Николая Никаноровича Глубоковского о различных духовных изданиях: «Для полноты обзора русского богословия по его литературным обнаружениям», пишет он, «мы должны отметить, что имеются уже солидные опыты объединения достигнутых им результатов, чему в особенности служит издававшаяся (в 1900–1911 г.г.) в С-Петербурге (Петрограде) *«Православная Богословская Энциклопедия»*; пока она вышла в двенадцати томах: первые пять (на слова «Алфа-Ифика») под редакцию проф. А. П. Лопухина более популярно и следующие семь (на слова «Иаван-Константинополь») под редакцией проф. Н. Н. Глубоковского в самом широком и высоком ученом масштабе. Необходимо в заключение упомянуть еще о повременных «духовных» изданиях, каких было в России весьма достаточно, не считая местных церковных органов (выходивших обыкновенно в каждой епархии под названием «Епархиальных Ведомостей»). Наиболее солидными и влиятельными были четыре академические журналы: при Петроградской Духовной Академии «Христианское чтение» (с 1821 года, а в 1875–1913 годах вместе с еженедельным журналом «Церковный Вестник»); при Московской – «Прибавление к Творениям св. Отцев» (1843–1864, 1871, 1872, 1880–1891 г.г.), преобразованные (с 1892 года) в «Богословский Вестник»; при Киевской (вместо первоначально издававшегося при ней с Пасхи 1837 года еженедельника «Воскресное Чтение») – «Труды Киевской Духовной Академии» (с 1860 года); при Казанской – «Православный Собеседник» (с мая 1855 года); сюда же можно отнести издававшийся в Харькове при Духовной Семинарии журнал «Вера и Разум» (с 1884 года). Мы почти не касались этой необъятной литературы,

но содержание ее разнообразно и богато, как можно судить и потому, что, за отсутствием в России. организованного богословского издательства, столь благотворно избавляющего на Западе всех авторов от всяких хлопот по выпуску и распространению книг, много капитальных работ (напр., даже богословских диссертаций на ученые степени магистра и доктора) первоначально печатались именно на Страницах духовных журналов и потом выходили отдельными оттисками».

Надлежит упомянуть еще «Православное Обозрение», издававшееся в Москве в 1860–1891 годы, под редакцией свящ. Н. Сергиевского; характер его преимущественно публицистический; он обсуждал проекты церковных реформ, нужды Церкви, явления общественной жизни. В нем печатались сочинения А. М. Иванцова-Платонова. Хорошо было поставлено осведомление о церковной жизни на Западе и об иностранной богословской литературе. В Москве с 1893 г. издавался миссионерским обществом «Православный Благовестник», в С-Петербурге с 1881 г. – «Православный Палестинский Сборник». Издание предпринято было В. Н. Хитрово, с 3-го выпуска оно перешло в ведение Палестинского общества. В С-Петербурге в 1912–13 г.г. издан был издательством П. П. Сойкина «Полный православный богословский энциклопедический словарь» (в двух томах).

Важно отметить весьма полезный, богатый многими данными, труд С. В. Булгакова «Настольная книга для священно-церковнослужителей (Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства) ». Последнее – третье – издание, исправленное и дополненное, вышло в 1913 г., имея 1773 стр. В. Косолаповым составлен обстоятельный: «Месяцеслов Православной Кафолической Церкви».

Глубоковским не отмечена огромная просветительная деятельность *Лавр: Троицко-Сергиевой*, в особенности при участии архим. Никона (Рождественского), впоследствии архиеп. вологодского и *Почаевской*, при участии архим. Виталия (Максименко), впоследствии архиепископа северо-американского, издававших листки для народа. Проповеди

последнего очень любимы были народом. Первым создателем нового, народного рода проповеди, был прот. Иродион Путятин, совершавший свое служение в Рыбинске Ярославской губ. Много печатал *Пантелеймоновский монастырь на Афоне*.

Из изложенного видно, какого огромного развития достигло духовное просвещение в XIX и начале XX столетий. Некоторые издательства, напр., Тузова, в большом количестве издавали духовную литературу. Многие печатались в синодальных типографиях в Петербурге и в Москве.

А. В. Карташев в труде своем: «Очерки по истории Русской Церкви» (т. II, стр. 318–9) пишет о духовном просвещении: «В свою раннюю пору Русская Церковь уже явила в себе наличие могучих сил христианского подвига и святости, но была еще во многом богословски младенствующей. Овладев за синодальное время техникой и методикой научно-богословского знания, она быстро стала самой высокой, самой сильной частью, можно сказать, даже гегемоном всего Восточного Православия. И это потому, что она стала в достаточной мере научно оборудованной для состязания и сотрудничества с западными христианскими церквями, до сих пор смотревшими на христианский Восток сверху вниз, опираясь именно на свое научно культурное превосходство ... Наши православные собраты – греки, славяне, арабы (сирийские), ослепляемые блеском западной цивилизации, продолжают еще учиться богословию у западных иноверцев, преимущественно у протестантов. Но разцвет русских богословских школ открыл им глаза и на этот новый, здоровый, православный источник богословской науки. Все возраставшее количество восточных проходило (на русские стипендии) через русские духовные академии. Это способствовало и новому живому сближению православных церквей, так несчастно разделенных и своими политическими и национальными судьбами».

Известными проповедниками были митрополит московский Филарет (Дроздов); митрополиты петербургские Амвросий (Подобедов), Михаил (Десницкий) и Григорий (Постников); экзарх Грузии Феофилакт (Русанов); еп. пензенский Иннокентий (Смирнов); епископ архангельский Неофит (Докучаев-

Платонов), в Архангельске именовавшийся «северным Златоустом» († 1825); Иаков (Вечерков), архиеп. нижегородский († 1850). Слова и речи его, по отзыву архиеп. Филарета, истиннопастырские поучения, простые и дельные. Архиеп. могилевский Анатолий (Мартыновский), известный своими проповедями и борьбой с католичеством; Архиепископы херсонские Иннокентий (Борисов), ум. в 1857 г., Димитрий (Муретов), ум. в 1876 г. и Никанор (Бровкович), ум. в 1890 г., известный и своими сильными обличениями вредных сочинений гр. Л. Н. Толстого; Епископ смоленский Иоанн (Соколов), ум. в 1869 г. В позднейшее время известны были проповедники: митрополит киевский Антоний (Храповицкий), архиепископ кишиневский Анастасий (Грибановский), прот. Иоанн (Восторгов), выдающийся миссионер, умерщвленный большевиками в 1918 г.

Знаменский пишет, что владыка Иоанн (Соколов) «первый осмелился касаться вопросов общественной жизни с церковной кафедры и сделался, можно сказать, основателем этого нового рода церковной проповеди за последнее время». Примеру его следовали упомянутые после него проповедники. Такие проповеди произносил часто и приснопамятный прот. Иоанн Кронштадтский.

Библейское общество. Перевод Библии на русский язык

В царствование имп. Александра I основано было 6 дек. 1812 г. *библейское общество* в подражание такому же британскому⁵²). С этой целью в Петербург прибыли английские методисты Патерсон и Пинкертон. Их план заключался в распространении Библии между всеми народами России на их природных языках. На первых порах они предложили князю Голицыну издавать и распространять библейские книги только между живущими в России инородцами и иностранцами и лишь на их языках.

Государь и кн. Голицын отнеслись к их предложению весьма сочувственно. Имп. Александр сам записался в члены общества с ежегодным взносом в 10000 р. и единовременным в 25000 р. Подписка по всей России дала в 1813 г. 160000 р. *Голицын* избран был *президентом* административного комитета общества. Вице-директорами и членами комитета стали видные представители административного мира. С 1814 г. в комитете, наименованном тогда Российское Библейское Общество, начали принимать участие православные иерархи. В числе вице-директоров были митрополиты киевский Серапион, петербургский Амвросий, архиепископы черниговский Михаил (Десницкий) и тверской Серафим (Глаголевский), оба будущие митрополиты петербургские и др. В числе директоров состоял архим. Филарет (Дроздов), после поставления своего во епископы ставший вице-директором. Вице-президентами были также католический митрополит Сестренцевич-Богушъ, униатский митрополит Иоасафат Булгак (с 1818), армянский архиеп. Иоаннес, высшие лица протестантской церкви. В провинциальные отделы тоже записывались влиятельные административные и общественные лица. Его отделения и товарищества умножались с каждым годом и своею сетью охватили всю империю до отдаленнейших ее углов. Его имущество, состоявшее в деньгах, домах, книгах, типографских принадлежностях, лет через десять простерлось до двух мил.

руб., несмотря на громадные расходы, какие оно щедрою рукою делало на печатание и на даровую раздачу своих книг и брошюр. Денежные пожертвования в его пользу лились рекой. Общество содержало нужных ему переводчиков и каждый год издавало новые переводы Библии и частей ее на разных языках в нескольких типографиях сразу (в обеих столицах, в Казани, Вильне, Астрахани и др. местах). В 1825 г. общая цифра его изданий, более чем на 40 языках и наречиях, доходило до 876000 экземпляров (Знаменский).

В конце 1815 г. имп. Александр задал обществу задачу «доставить и Россиянам способ читать слово Божие на природном российском языке». Св. Синод поручил комиссии дух. училищ выбрать в петербургской духовной академии людей, способных к этому важному труду, и возложить на них этот перевод. Переведенное должно было поступить в Библейское общество на рассмотрение членов его из духовных лиц, после одобрения которых переводы могли быть издаваемы от общества вместе со славянским текстом. Комиссия дух. училищ в марте 1816 г. поручила перевод ректору петербургской дух. академии архим. Филарету с прочими членами академии. Таковыми переводчиками, кроме архим. Филарета (Дроздова), оказались профессора прот. Герасим Павский, большой знаток еврейского языка, архим. Моисей и ректор петербургской семинарии Поликарп. В Комитете, особо образованном при Библейском обществе, перевод рассматривали, кроме духовных лиц, В. М. Попов и А. Ф. Лабзин, о которых речь будет ниже. В 1818 г. Четвероевангелие было напечатано в количестве 10000 экземпляров. О ходе дел президент общества докладывал государю, который сам просматривал образцы для напечатания и лично просматривал предисловие к русскому тексту. Появление первого русского перевода встретило сочувствие у многих духовных и светских лиц. К 1819 г. переведены были Деяния, к 1821 г. кончили весь Новый Завет, а в 1822 г. Псалтирь. Все эти переводы разошлись чрезвычайно быстро в нескольких изданиях (Псалтирь в один год в 12 изданиях) и в громадном числе экземпляров. Перевод Ветхого Завета затянулся. В видах ускорения дела, перевод Исхода поручен

был московской академии, а Левита – академии киевской. В 1825 г. отпечатан был только первый том Ветхого Завета (до кн. Руфь включительно), но и тот не был выпущен в свет вследствие кончины имп. Александра I и скорого закрытия общества.

Интерес, проявленный к обществу государем, участие в комитете высших глав разных ведомств, придавало на местах особое значение его распоряжениям. К ним относились с особым усердием, часто чрезмерным. Некоторые администраторы в видах успеха по службе старались содействием работе Библейского общества доказывать свои христианские убеждения, порою им чуждые. Известный *Магницкий* в подчиненных ему казанских университете и учебном округе, не пополняя библиотеки нужными книгами, тратил деньги на приобретение изданий общества и заставлял студентов иметь их. Попечитель харьковского округа устроил между студентами вверенного ему университета «сотоварищества», похожая на розенкрейцерские союзы.

Таковая деятельность этого попечителя учебного округа, масона новиковской школы З. Я. Карнеева, указывает на ту связь, которую деятели Библейского общества имели с *масонски-мистическими кругами*. Ученики старых масонов – Новикова, Лопухина, Кошелева и др. – более молодые масоны впали в своеобразную аскетическую суровость, в подозрительное недоверие к новым движениям в литературе и обществе и проявляли полное легкоеверие к тому, что казалось им выполнением их мого-кабалистических теорий. «Высшим пунктом их желаний» – пишет «Энциклопедический словарь» (т. VII-A) – «было стремление к надзвездным небесам, которые так подробно описывались в их книгах. Мистическое истолкование Библии уже издавна было предметом их величайшего любопытства. Возбужденная религиозность и разгоряченная фантазия находили слишком мало пищи в традиционной церкви; их не удовлетворяли обычные формы благочестия; они искали *внутренней* церкви, стремились к высшим религиозным состояниям, чудесам, видениям, сошествиям св. Духа... Для этих лиц потребовалось высшее

пиэтическое возбуждение, которое удовлетворяло бы их экзальтации, и это возбуждение доставлено было известной сектой Татариновой, собрания которой представляли странные религиозные оргии, напоминающие шаманов, хлыстов и т. п. И наиболее ревностные друзья Татариновой и участники ея изуверных вакханалий нашлись именно между членами Библейского общества. Главнейшие из этих друзей были А. Ф. Лабзин и В. М. Попов, один – директор, другой – секретарь Общества; бывал здесь и кн. Голицын, президент Библейского общества.»

В заседаниях комитета Библейского общества, отмечает Знаменский, говорились речи о том, что общество сорвет наконец с Греческой церкви какие то «обветшавшие пелены», откроет ея «заблуждения», оживотворит истинную веру и т. п. К обществу льнуло все, что только искало «спасения» вне канонической Церкви, и оно сделалось средоточием всевозможных мистических сект, вплоть до хлыстовства. Кроме библейских книг, в которых при переводах допускались многие ошибки (напр. оказался до крайности плохим перевод Евангелия на татарский язык и пришлось впоследствии предпринять совершенно новый перевод вне общества), обществом издавались и распространялись еще разные мистические книги и брошюры, которыми наводнялись библиотеки, школы и все углы России, где замечалась склонность к чтению. Особое рвение в этом направлении проводил непосредственный ученик масона Новикова, *Лабзин*. Он издал длинный ряд своих мистических сочинений, и основал в 1806 г. особый орган печати «*Сионский Вестник*». Журнал был скоро запрещен, но Лабзин продолжал свое издательство в том же духе. С открытием общества, в котором Лабзин играл главную роль, он, опираясь на расположение тогдашнее императора и Голицына к мистицизму, смог еще больше развить свою деятельность. В 1817 г. ему было разрешено возобновить «*Сионский Вестник*», который, вопреки общему правилу, отдавался на просмотр светским цензорам.

Вся издаваемая обществом литература большею частью была переводная и происхождения протестантско-мистического.

В них подвергалась *нападению* церковь, называвшаяся внешней или наружной. Таковыми были произведения Госснера, Эккартсгаузена, Штиллинга, Гиона и пр. В толкованиях Гиона Св. Писания, по свидетельству архиеп. Филарета, «худшее в них то, что почти ни за одним догматическим местом Св. Писания не оставлено в них принадлежащего ему догматического смысла». Тот же владыка Филарет (Гумилевский), говоря о борьбе *архим. Фотия* с мистиками пишет: «...ревность его к истине была чиста и подвиги его для истины – замечательны для истории. Прежде всего было им обращено внимание на Госснера и его сочинение: «Дух жизни и учения Христова», СПб. 1820 г. При посредстве людей, бывших в силе при дворе, дело приняло сильный ход. Сочинитель был выслан за границу. По расследовании нашли, что в переводе анти-христианской книги Госснера принимал участие директор департамента просвещения В. М. Попов, – одна тетрадь перевода поправлена рукою его». Попов прямой подчиненный кн. Голицына, как министра духовных дел и народного просвещения, был, как упоминалось уже, секретарем Библейского общества. Целый ряд деятелей этого общества имели места в ведомстве Голицына, занимая начальственное положение над духовенством. Упоминалось раньше о борьбе с мистиками *архим. Иннокентия* (Смирнова). Особенно он возмущался статьями «Сионского Вестника». По свидетельству архиеп. Филарета, в этом журнале начало духовной жизни указывалось не в благодати Христовой, а в духе – богосозданном, отвергали нужду бороться со страстями, отвергали св. евхаристию, крещение, исповедь, все внешнее богослужение, вечность мук и пр. Архим. Иннокентий написал резкое письмо князю Голицыну и советовал ему «залечить раны, которыми он сам уязвил церковь». Голицын пожаловался митрополиту, который с трудом уговорил архим. Иннокентия извиниться за резкость. Следующее столкновение было из за книги *Станевича* под заглавием: «Беседа на гробе младенца о бессмертии души», о чем говорилось в начале этого отдела. Указывалось также на отъезд Иннокентия, уже как еп. пензенского, из Петербурга и на письмо митр. Михаила

(Десницкого) имп. Александру I, с последовавшей вскоре кончиной владыки. (Стр. 730–32).

Надо отметить и то, что фанатическое изуверство мистиков, соединенное с грубым невежеством, заставлявшим их ополчаться против просвещения, университетов (примером может служить деятельность попечителя петербургского учебного округа *Д. П. Рутча*, одного из директоров Библейского общества) возбуждало против общества многих образованных людей того времени.

Митр. Серафим (Глаголевский) в первые годы существования Библ. общества был ревностным поборником библейского дела и принимал даже деятельное участие в издании славянской Библии и в переводе Св. Писания на русский язык. Но, в дальнейшем, он не мог примириться с действиями общества, которые шли в разрез интересам православной Церкви. На петербургскую кафедру он вступил уже противником общества и повел против него сильную борьбу. Имп. Александр, в конце концов, не лишая *Голицына* своего доверия, посоветовал ему отказаться от президентства в Библ. обществе и от звания министра духовных дел и народного просвещения. Президентом общества 17 мая 1824 г. был назначен *митр. Серафим*. 11 дек. того же года митрополит писал государю, представляя о пагубном учении секты духоносцев, о *вреде всеобщего обращения Библии*, о союзе Библ. общества с мистическими лжеучениями и необходимости закрытия их, о порче, проникшей не только в светские, но даже в духовные школы со времени введения Библ. обществом в России ряда книг. 28 дек. митр. Серафим писал государю о невозможности совмещать в одном лице звание первоприсутствующего члена св. Синода с должностью президента Библ. общества. Но просьба его не была удовлетворена. Имп. Александр все еще не отказывался окончательно от общества. Только архим. Фотию (Спасскому) удалось доказать государю как пагубна свобода, с какою светская цензура одобряет вредные книги. 17 ноября 1824 г. государь повелел подтвердить, чтобы без духовной цензуры не были одобряемы книги о вере. Тогда же приказано было

государем, согласно отзыву митрополита, допустить к печатанию книгу Станевича.

Относительно вопроса, поднятого митр. Серафимом о вреде всеобщего обращения Библии, интересно мнение по этому поводу такого просвещенного иерарха, как архиеп. Филарет (Гумилевский), касавшегося этого рода деятельности Библ. общества: «Православная церковь не запрещает народу читать Библию, как делает папа. Но св. Евангелие в храме православном стоит на престоле и служит предметом самого глубокого поклонения. Апостол – хотя не пользуется благоговением, одинаковым со св. Евангелием, однако считается книгой священной и достойной благоговения. Книги пророков, книги Моисея, книги Давида и Соломона – также книги св. храма. Между тем из распоряжений библейского общества выходило, что Библия и Новый Завет валялись в кабаках, шинках и других подобных местах. Продажа и безденежная раздача их вовсе не означала, что читали их с жаром. Народ принимал появление Библии в обиходной жизни его дикою странностью. Те, которые узнавали, что библейское общество введено в России по настоянию англичан Патерсона и Гендерсона, уже тем одним отдалялись в душе от дела Общества: тут что-то не ладно, говорили в душе, – неправославные учат православных. Чутье православного народа было против Общества» («Обзор рус. дух. литературы»).

При имп. Николае I, по настоянию митр. Серафима и Шишкова, общество было закрыто Высочайшим указом от 12 апреля 1826 г.

В дальнейшем распространении св. Писания среди лиц инославных исповеданий не встречало препятствий. Этим объясняется открытие в 1831 г. Библ. общества специально для протестантов, которое под именем «*Евангелического Библейского Общества в России*» и существовало в императорской России. При своем учреждении это общество воспользовалось некоторой частью из имущества закрытого Библ. общества. Оно имело в России много отделений. С появлением русского перевода Библии, изданного по

благословению св. Сѹнода, возникла возможность возрождения Библ. общества для русского населения. В 1869 г. учреждено было «*Общество для распространения Священного Писания в России*». Но это общество, в отличие от Библ. общ., само ничего не переводило и не издавало, а содействовало лишь *распространению* книг, изданных по благословению св. Сѹнода. Часто снабжение книгами священными производилось обществом через сельских священников, являвшихся корреспондентами общества. Главным же способом распространения служило – *книгоношество*, столь привычное для народа с давних времен. От книгоноши общество требовало любовь к делу, честность, усердие до самопожертвования, благочестие и знание св. Писания, по крайней мере настолько, чтобы суметь объяснить мало знающему, что содержится в св. Писании. Общество предпочитало иметь немного книгонош, но зато вполне надежных. Они должны были состоять членами общества и выдерживать продолжительное испытание. Обществу с 1880 г. помогало ежегодными субсидиями американское Библ. Общество. В 1871 г. открылся «*Отдел по распространению духовно-нравственных книг*» при московском Обществе любителей духовного просвещения и состоявший под покровительством государыни императрицы. Большинство изданий, распространявшихся отделом, составляли мелкие брошюры («Энцикл. Слов.»).

С закрытием Библейского общества, остановлен был выпуск приготовленного перевода св. Писания на *русский язык*. Отпечатанные первые восемь книг Библии не были пущены в продажу. Оставался в обращении только славяно-русский Новый Завет. Высказывалось мнение, что простонародный язык мог бы только профанировать св. Писание. Когда в 1826 г. митр. *Филарет (Дроздов)* поднял в Сѹноде вопрос о продолжении перевода св. Писания, то митрополиты *Серафим* и *Евгений* киевский высказались против этого предложения. Но владыка Филарет от своей мысли не отказывался. С конца 1830 г. стали появляться частные опыты русских переводов св. Писания прямо с еврейского языка. Первый опыт принадлежал перу

известного алтайского миссионера *Макария (Глухарева)*. Одновременно с ним ту же работу производил *прот. Г. П. Павский* в Петербурге. Последний, будучи профессором еврейского языка в петербургской академии, в течение 20 лет перевел на лекциях все учительные и пророческие книги, и кроме того на дому изготовил перевод Песни Песней. В 1839–41 г.г. переводы эти, без ведома Павского, были литографированы студентами для своего употребления в количестве до 500 экземпляров, получив, однако, распространение далеко за пределами академии, преимущественно в среде духовенства. Против Павского возбуждено было следствие. Выяснилось, что перевод был снабжен разными пояснениями и примечаниями, в которых усмотрено было рационалистическое направление. Были и ошибки в переводе. В 1844 г. определением Синода указано изъять из употребления все экземпляры перевода. Сам Павский подвергся испытанию келейному в чистоте своего православия и потерял должность законоучителя наследника престола, цесаревича Александра Николаевича. В «Энцикл. Словаре» отмечается, что в переводе Павского было много вульгарных слов и оборотов. *Архим. Макарий* переводил сам, потом же исправлял свою работу по переводу Павского. Перевод его отличался живыми оборотами речи и языком выразительным и сильным. О своих работах он писал в 1834 г. митр. Филарету и представил в 1840 г. свой труд Синоду. Он настаивал на издании полной русской Библии. Его настойчивое желание не встретило одобрения. На него наложена была молитвенная эпитимия. Но он не оставлял своих работ и перевел частью на Алтае, частью в Волховском мон. (Орловской г.), где он с 1843 г. настоятельствовал, все ветхозаветные книги. Скончался он в 1847 г.

По поводу дела Павского, обер-прокурор *Протасов* настаивал на придании славянскому тексту Библии церковно-обязательного значения. Ему удалось склонить к своему мнению *митр. Серафима*. Против перевода св. Писания на русский язык с еврейского так же решительно высказывался член Синода, высоко почитаемый *митр. киевский Филарет* (Амфитеатров). Он стоял за исключительный авторитет текста

LXX и за неизменное сохранение славянского текста Библии. Для удовлетворения же потребности мирян владыка Филарет считал достаточным издать его только с некоторыми пояснительными поправками, подновлениями и замечками на полях, как в Библии, изданной в царствование имп. Елисаветы Петровны. При господстве таких мнений, митр. Филарет московский смог только ограничиться представлением своего всестороннего и осторожного мнения под названием «Записки о догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого LXX и славянского переводов св. Писания». (Знаменский).

В 1856 г. на коронацию *имп. Александра 11* собрались в Москву все члены Синода и другие высшие иерархи. Митр. Филарет воспользовался этим, чтобы расположить иерархов в пользу заветного своего намерения. Благодаря его настойчивости, состоялось определение св. Синода, Высочайше утвержденное 5 мая 1858 г., о том, что «перевод на русский язык сначала книг Нового Завета, а потом постепенно и друг. частей Свящ. Писания необходим и полезен, но не для употребления в церквях, для которых славянский текст должен оставаться неприкосновенным, а для одного лишь пособия к разумению Священного Писания». Указывалось, что «к переводу сему, по особенной важности настоящего дела, должно приступить со всевозможной осмотрительностью через лиц, испытанных в знании еврейского и греческого языков, по избранию и утверждению Св. Синода». Самый труд перевода распределен был между четырьмя академиями. Переводы рассматривались на дому членами Синода. После этого перевод был отсылаем в Москву митр. Филарету и его замечания вновь обсуждались в Синоде. Таким образом в 1860 г. был издан русский перевод Четвероевангелия, а в 1862 – Деяний и Посланий св. Апостолов с Апокалипсисом. В 1860 г. духовные академии приглашены были к переводу Ветхого Завета с еврейского подлинника. Первая отозвалась петербургская академия. Митр. петербургский *Григорий* принял в этом деле большое участие, что продолжал и его преемник (с 1860 г.) *митр. Исидор* (Никольский) (ум. 1892). Синодальное

издание, производившееся в особом комитете из профессоров петербургской академии, рассматривалось конференциями и других академий. Окончательный его пересмотр принадлежал св. Синоду, особенно митр. Исидору и протопресвитеру В. Б. Бажанову. В 1868 г. вышла первая часть Ветхого Завета, а к 1875 г. закончено все издание. В 1876 г. появилась в одном томе полная русская Библия. Существенное достоинство перевода Библии, изданной по благословению Св. Синода, составляют верность и точность, доходящая до буквальной передачи подлинника. Удержано в нем много старославянских речений. Благодаря деятельности миссионеров Евангелия отдельных евангелистов переведены были на языки некоторых инородцев.

Влияния и явления, чуждые православию; противодействия им.

В начале XIX в. проявились вредные влияния, проникшие с Запада в предшествующия десятилетия. Выявились они и в семейной жизни. В обществе, главным образом, в более образованном и светском, усилились разводы. Правительство вынуждено было принять против этого меры. В 1811 г. указано было в производстве дел о разводах по обвинению одного из супругов в прелюбодеянии не ограничиваться одним только признанием виновного, а брать в соображение и прочие обстоятельства, ведущия к раскрытию истины, между которыми главное место заняло показание под присягой очевидцев преступления. До этого же – в 1805 г. – окончательное решение бракоразводных дел предоставлено было, вместо епархиальной власти, *Св. Синоду*. В 1819 г. вышло запрещение давать супругам акты для жительства врозь. Примечательно в этом отношении письмо вдовы имп. Павла I, имп. Марии Феодоровны, сыну ея вел. кн. *Константину Павловичу*, которому она, в течение 19 лет, отказывала в своем согласии на развод его с супругой, вел. кн. Анной Феодоровной. "При самом начале», писала государыня, "приведу Вам на память пагубные последствия для общественных нравов, также огорчительный для всей нации опасный соблазн, произойти от этого долженствующий, ибо по разрушении брака Вашего последний крестьянин отдаленнейшей губернии, не слыша более имени Великой Княгини, при церковных молитвах возглашенным, известится о разводе Вашем, с почтением к таинству брака и к самой вере поколеблется... Он предположит, что вера для Императорской Фамилии менее священна, нежели для него, а такового довольно, чтобы отщепить сердце и умы подданных от Государя и всего Царского Дома. Сколь ужасно вымолвить, что соблазн сей производится от Императорского брата, обязанного быть для подданных образцом добродетели. Поверьте мне, любезный Константин, единой прелестью неизменяющейся добродетели можем мы внушить народам сие о нашем

превосходстве уверение, которое обще с чувством благоговейного почитания утверждает спокойствие Империи. При малейшем же хотя в одной черте сей добродетели нарушении общее мнение ниспровергается, почтение к Государю и его роду погибает».

Получив разрешение Цесаревич вел. кн. Константин Павлович, в 1820 г. вступил в брак с полькой католичкой, графиней Иоанной Грудзинской, получившей от имп. Александра I, как морганатическая (неравнородная) супруга, титул княгини Лович, без именованья ея великой княгиней. Как известно, вел. кн. Константин Павлович, бывший законным наследником престола, от такового отказался. Но существовавшая некоторое время возможность того, что русской императрицей может быть *неправославная*, побудила имп. Николая I, глубоко верующего и церковного, внести ясность в юридическое положение членов Царственного Дома. Редакция статьи 142 Свода Законов 1832 года (185 издание 1906 г.) гласит: «Брак мужского лица Императорского Дома, могущего иметь право на наследование престола, с особой другой веры, совершается не иначе, как по восприятию ею православного исповедания».

В отношении разводов приходится установить, что со второй половины XIX в. в обществе стали усиливаться разводы. Это усматривается из данных, имеющих в ежегодных всеподданнейших докладах обер-прокуроров Свят. Синода. Увеличение их с шестидесятых годов резко повысилось к началу XX века. Из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода 1908 года видно, что в 1907 г. расторгнуто было 2068 браков. Народная масса этим пагубным явлением не была затронута.

Об общем вреде, проистекавшем от Запада, Знаменский пишет: «После бедствий 1812 г. французомания с вольтерьянством сменились в обществе мистическими увлечениями. Кумир Вольтера был свергнут с пьедестала и на место его поставлены были бози инии, – разные Бэм, Эккартсгаузен, Юнг, Штиллинг, г-жа Гион, Сведенборг, де-Туа, Сен-Мартен и др. Для руководства в чисто-православной

мистике у православной церкви были готовые и для всех доступные книги Макария египетского, Исаака Сирина, Иоанна Лествичника, Григория Синаита, Симеона Нового, Нила Сорского, наконец недавно изданный (в 1793 и 1811 гг.) сборник этого рода статей «Добротолубие»; но это были книги церковные, поповские, а интеллигентным мистикам нужен был мистицизм заграничный, последней европейской моды. Первыми деятелями мистического движения некоторое время продолжали оставаться масоны, – *Лопухин*, написавший сочинение: «Некоторые черты внутренней церкви», ценившееся наравне с сочинениями упомянутых западных авторитетов мистицизма, и *Лабзин*, издававший в 1806 и 1817–1818 гг. мистический журнал «Сионский Вестник». Потом в 1813 г. все мистическое движение сосредоточилось в библейском обществе, при содействии которого русская литература наводнилась целой массой мистических книг и брошюр, обязательно рассылавшихся по всем учебным заведениям, приходам, монастырям, книжным лавкам и проч. Мистицизм еще вышемерно относился к православной церкви, чем масонство. Проповедуя непосредственное общение человека с Богом, универсальную, исключительно-сердечную, субъективную религию без догматов и церкви, основанную на непосредственных озарениях от Духа Божия и вещаниях внутреннего Слова в душе человека, он отвергал все внешнее в религии, иерархию, таинства, обряды, даже обязательное учение внешнего, единственного истинного откровения и признавал одну «внутреннюю» церковь, не знающую никаких догматов, кроме догмата о возрождении и соединении человека с Богом, никаких разделений между своими членами и между разными вероисповеданиями, кроме разделения ветхого человека от нового, существовавшую, по учению мистицизма, от начала мира доселе во все времена и во всех религиях, мистериях и философских учениях. Мистицизм в лице сильных библейских деятелей покровительствовал всевозможным сектам и являвшимся из Европы учителям. Русские мистики совершали умную молитву с приезжавшими в Россию квакерами, окружали кафедры приезжих проповедников *Линдля*

и *Госнера*, слушали мистическую пророчицу, остзейскую баронессу *Криднер*, восторгались учением духовборцев, братались и с хлыстами, распевая их песни и отплясывая на радениях в странном обществе некоей г-жи *Татариновой*. Мистическое увлечение сделалось какой-то повальной болезнью русского общества, отражалось и в литературе, и в искусстве, проникло в учебные заведения, в университеты, где своей враждой к «лжеименному разуму» едва не убило первых зародышей русской науки, отразилось даже в духовной литературе, наприм. в статьях Христианского Чтения 1821–1823 гг. В некоторых салонах Москвы и Петербурга, у кн. С. Мещерской, известной изданием множества мистических брошюр, кн. А. Голицыной и др., приверженцы мистицизма открыли собрания для «умной» молитвы и слушания разных экзальтированных проповедников. Большинство этого люда вовсе не понимало мистицизма, сумасшестввовало из одного подражания и от нечего делать, но это нисколько не мешало ему питать самое гордое презрение к «внешней церкви» и относиться с грубым фанатизмом ко всем несогласным и особенно к своим обличителям. Во время двойного министерства Голицына за противодействие мистицизму был лишен должности некто *Смирнов*, переводчик медицинской академии, обратившийся к государю с просьбой о дозволении печатать опровержения на мистические книги. В 1818 г. духовный цензор, ректор петербургской семинарии Иннокентий восстал против Сионского Вестника и добился таки его прекращения, затем пропустил в печать противомистическое сочинение некоего *Станевича* – «Беседа на гробе младенца»; министр страшно рассердился на него за такую дерзость и сделал комиссии дух. училищ грубый выговор за то, что цензор пропустил книгу, наполненную «защитением наружной церкви против внутренней, и противную началам, руководствующим наше христианское правительство». Как упоминалось на стр. 730, Станевич был выслан за границу.

Влияние мистиков было ослаблено устранением кн. Голицына и угасанием библейского общества. В 1822 г. были закрыты масонские ложи. По настоящему же вредные движения

надолго прекратились в 1825 г. со вступлением на престол имп. Николая I, глубоко верующего и церковного, чуждого ложному мистицизму. По его повелению, мистические книги отбирались из всех библиотек. Для рассмотрения их был учрежден при петербургской академии особый комитет, работы которого кончились изъятием более противных православию книг из обращения.

«Царствование Николая I с начала до конца», пишет Знаменский, «отличалось строго православным направлением и строгой цензурой, старавшейся предотвращать всякую открытую проповедь неправославных учений. Но учения подобного рода все-таки продолжали распространяться в обществе путями прикровенными. В конце 1830-х годов и в 1840-х гг. представители науки и литературы, а за ними и образованное общество увлекались пресловутой философией Гегеля. В 1850-х и в 1860 гг., с ослаблением цензурных строгостей, огромное влияние в обществе и в среде учащейся молодежи получили учения Конта и позитивистов, Фейербаха и крайних материалистов, затем учения социалистов и коммунистов.»

Замечательно то, что участники бунта против имп. Николая I, т. н. декабристы, будучи сосланными в Сибирь, имели там большие библиотеки, в которых находились и многие заграничные издания, запрещенные в России. При усилившейся к середине XIX в. идейной порче русского общества показателен грубый и противощерковный выпад против Н. В. Гоголя известного критика В. Г. Белинского, кумира тогдашнего общества. Гоголь, глубоко религиозный и церковный, напечатал в 1847 г. «Выбранные места из переписки с друзьями». Белинский, возмущаясь тем, что Гоголь, в этом сочинении опирается в консервативных рассуждениях на Церковь, писал: «... Церковь же явилась иерархией, стало быть поборницей неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницей братства между людьми – чем продолжает быть и до сих пор». «Но смысл Христова слова», продолжал Белинский, «открыт философским движением прошлого века. И вот почему какой-нибудь Вольтер, орудием насмешки погасивший в Европе

костры фанатизма и невежества, конечно, более сын Христа, плоть от плоти его и кость от костей его, нежели все ваши попы, архиереи, митрополиты и патриархи восточные и западные. Неужели вы этого не знаете? А ведь это теперь не новость для всякого гимназиста ...».

Эта порча духовная, захватывавшая все больше круги русской интеллигенции, заставила еще в 1866 г. *епископа Иоанна (Соколова)* *выборгского, впол. смоленского* воскликнуть: «Не кажется ли вам, не может ли придти мысль всякому строгому наблюдателю, если посмотреть вокруг себя серьезно, что жизнь наша как будто сдвинулась с вековых религиозных и нравственных оснований и, в разладе с народной верою и совестью, с отечественною любовью и правдою, при нашей внутренней несостоятельности, идет бурно не весть куда без разумных убеждений и сознательно верных стремлений? Народ! Помни Бога».

Столь же решительно указывал на грядущую страшную опасность от такого помутнения сознания интеллигенции и уклонения ее от церковных путей мудрейший и проникновенный *владыка Феофан тамбовский, затворник вышенский* († 1894). «Знаете ли какие у меня безотрадные мысли? И не без основания. Встречаю людей, числящихся православными, кои по духу вольтериане, натуралисты, лютеране и всякого рода вольнодумцы. Они прошли все науки в наших высших заведениях. И не глупы и не злы, но относительно к вере и к Церкви никуда негожи. Отцы их и матери были благочестивы; порча вошла в период образования вне родительского дома. Память о детстве и духе родителей еще держит их в некоторых пределах. Каковы будут их собственные дети? И что тех будет держать в должных пределах?» «Каких-каких у нас не ходит учений и в школах, и в обществе, и в литературе», горестно взывал он в другой раз. «Поднялось», писал он, «скрытое гонение на христианство, которое стало прорываться и явно, как недавно в Париже. Что там можно сделать в малом объеме, того надобно ожидать со временем в больших размерах ... Спаси нас, Господи». «Господь много знамений показал в Капернауме и Хоразине; между тем, число уверовавших не

соответствовало силе знамений. Потому-то Он строго и обличил эти города, и присудил, что в день суда отраднее будет Тиру и Сидону, Содому и Гоморре, нежели городам тем. По этому образцу надо нам судить и о себе. Сколько знамений показал Господь над Россией, избавляя ее от врагов сильнейших, и покоряя ей народы. Сколько даровал ей постоянных сокровищниц, источающих непрестанные знамения, – в св. мощах и чудотворных иконах, рассеянных по всей России. И, однакож, во дни наши россияне начинают уклоняться от веры: одна часть совсем и всесторонне падает в неверие, другая отпадает в протестантство, третья тайком сплетает свои верования, в которых думает совместить и спиритизм и геологические бредни с Божественным откровением. Зло растет: зловерие и неверие поднимают голову; вера и Православие слабеют. Ужели же мы не образумимся? И будет, наконец, то же и у нас, что, например, у французов и других... А, если это будет, что, думаете, будет нам за то в день судный, после таких Божиих к нам милостей? Господи, спаси и помилуй Русь православную от праведного Твоего и лежащего прещения». «Западом и наказал и накажет нас Господь», грозно предрекал еп. Феофан, «а нам в толк не берется. Завязли в грязи западной по уши, и все хорошо. Есть очи, но не видим; есть уши, но не слышим, и сердцем не разумеем. Господи, помилуй нас. Посли свет Твой и истину Твою». «Другая злая вещь у нас, наша литература, западным духом наполненная, и ту очищает Господь тоже ударами с Запада. Но все неймется».

Вспоминая ту *французоманию*, которая существовала до Отечественной войны 1812 г., еп. Феофан, в поучении своем в день Рождества Христова, когда праздновалось и «избавление России от нашествия галлов и с ними двадцати языков», назидательно говорит: «Нас увлекает просвещенная Европа. Да, там впервые восстановлены изгнанные было из мира мерзости языческие; оттуда уже перешли оне и переходят к нам. Вдохнув в себя этот адский угар, мы кружимся, как помешанные, сами себя не помня. Но припомним двенадцатый год: за чем это приходили к нам французы? Бог послал их истребить то зло, которое мы у них же переняли. Покаялась

тогда Россия, и Бог помиловал ее...» «А теперь», предрекал святитель, «кажется, начал уже забываться тот урок. Если опомнимся, конечно, ничего не будет; а если не опомнимся, кто весть, может опять пошлет на нас Господь таких же учителей наших, чтобы привели нас в чувство и поставили на путь исправления. Таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему. Это не пустые слова, но дело, утверждаемое голосом Церкви. Ведайте, православные, что Бог поругаем не бывает». «Если у нас все пойдет таким путем, то что дивного, если и между нами повторится конец осмнадцатого века со всеми его ужасами? Ибо от подобных причин подобные бывают следствия». «Воды потопного нечестия устремляются на нас» и все это потому, что «ныне начинает господственно водворяться среди нас дух мира, тот дух, который побежден Господом Иисусом Христом и должен быть побеждаем силою Его и чрез нас».

Решительно обличал архиеп. *Никанор* (Бровкович) херсонский лжеучения гр. Л. Н. Толстого. Обличительными, наставительными и пророческими были слова великого праведника, приснопамятного о. *Иоанна Кронштадтского*, пережившего в смутные годы начала XX в. первые проявления в государственной и общественной жизни зла, насаждавшегося в обществе десятилетиями. На пороге этого нового века еп. *Антоний (Храповицкий)* говорил, что русское общество покидало «спасительный корабль веры». Лишалось тогда, по его словам, разумного смысла «государственное существование, основанное на народном себялюбии и чуждое религиозной идее». «Это уже не народ», писал владыка Антоний в 1899 г. в Казанском журнале «Деятель» – «но гниющий труп, который гниение свое принимает за жизнь, а живут на нем и в нем лиш кроты, черви и поганые насекомые, радующияся тому, что тело умерло и гниет, ибо в живом теле не было бы удовлетворения их жадности, не было бы для них жизни».

Народные массы крепче и чище сохраняли верность религиозным преданиям и быту отцов и дедов. Но и в XIX в. приходилось бороться с остатками *суеверий*, державшихся в отдельных местах. Против этого ратовали, главным образом,

церковные проповедники. Из обличителей суеверий особенно известен владыка *Амвросий (Подобедов)*, долгое время правивший казанской епархией, затем митрополит новгородский и петербургский (1799–1818). На этом же поприще работали здоровая народная литература и школа. Просветительные меры с каждым годом ширились и суеверия изживались все больше.

Богомольцы и паломники. Императорское Палестинское общество.

Попытки левых интеллигентов, соприкасавшихся с 60-х годов XIX в. с народом, отравлять его ядом безверия и бунтарства имели мало успеха. Верующий народ в основе своей крепко держался Церкви. 13 августа 1861 г. в Задонск на прославление святителя Тихона Задонского собралось 300000 богомольцев. И ежегодно приходили богомольцы в августовские дни в Воронеж, где 7-го праздновалась память свят. Митрофана и 13 свят. Тихона. Велик был приток верующих летом 1903 г. при прославлении преп. Серафима Саровского. Верующий люд в 1909 г. стекался во множестве на пути перенесения мощей преп. княжны Евфросинии из Киева в Полоцк. В последний раз перед революцией велико было церковно-народное торжество в июне 1916 г. при прославлении мощей свят. Иоанна Тобольского.

Древний русский Киев в дни празднования Лаврой престольного праздника Успения полон был десятками тысяч богомольцев, стекавшихся отовсюду в Матерь городов русских. То же в престольные дни происходило в Св. Троицко-Сергиевой Лавре, Дивееве, Сарове, на Валааме, в Соловецкой обители, в Почаеве и в других многочисленных монастырях.

Приходил народ и небольшая часть т. наз. интеллигенции к старцам в Оптину пустынь, в Гефсиманский скит Троицкой Лавры к старцу Варнаве, в Голосеевскую пустынь Киево-Печерской Лавры к старцу Алексию и к другим старцам, которых в разных частях России знали верующие люди. Со всей необъятной Руси тянулись духовные нити в Кронштадт к отцу Иоанну Сергиеву. Сотни тысяч народа благоговейно встречали его при поездках по России. Все усиливалось паломничество в Святую Землю, на Афон. Французский писатель Лоти писал, что он только тогда понял, что представляет собою истинная вера, когда он увидел *русских паломников*, молившихся в Иерусалиме.

А. В. Елисеев, побывавший с паломниками в Святой Земле около 80 лет назад, пишет в своей книге: «Я уже говорил не раз, что *taħitum* скопления не только русских, но и вообще паломников бывает к празднику Пасхи; весь Иерусалим тогда представляется настоящим городом паломников. На всех улицах слышится русская речь, везде виднеются русские лица, русские костюмы; продавцы различной снеди и *objets de piete*, погонщики ослов, даже нищие – все стараются в это время мараковать по русски. «Поддай ради Христа, Бог с тобой, Христос Воскресе!» кричат прокаженные, уроды, слепцы и другие просящие милостыни; замечателен тот факт, что ни на каком другом иностранном языке не просят нищие, как только по русски, – это чрезвычайно характеризует наше паломничество. Нет перед Пасхою ни одного такого уголка в Иерусалиме или его окрестностях, где нельзя было бы встретить русского мужичка или бабы...» («С русскими паломниками на Святой Земле весною 1884 года». С-Петербург 1885 г.).

В те уже годы число паломников, которым русское правительство облегчало путешествие и пребывание в Святой Земле, Елисеев исчисляет в 4000, предвидя все большее увеличение таковых. На Св. Пасху 1899 г. в Иерусалиме было 5882 русских паломника.

Россия, став великой православной империей, продолжала свои заботы о Святой Земле. В ней, наряду с притеснениями турок, надвинулась опасность со стороны инославных. Протестанты начали насаждать там школы, больницы, приюты, стараясь этим способом отвратить бедных арабов от православия. Воспрянули с еще большей силой опытные миссионеры католики. Насажден был там «восточный обряд». Для отступников от своей веры устраивались католиками училища, странноприимные дома, школы, приюты для детей. Вследствие всего этого государи наши признали необходимым иметь в помощь православию свои учреждения. Прежде всего учреждено было русское консульство.

В сороковых годах XIX в. усилилась деятельность инославных. В 1841 г. Пруссия учредила в Иерусалиме протестантскую кафедру. Римский папа восстановил

иерусалимский патриархат, существовавший во время крестовых походов. В 1842 г. англикане учредили епископскую кафедру. В 1847 г. учреждена была *Русская Миссия*. Начальником ее был назначен большой знаток Востока архим. *Порфирий (Успенский)*, поставленный в зависимость от министерства иностранных дел. При участии архим. Порфирия, патриархией была устроена арабская типография для печатания богослужебных книг и были открыты патриархом Кириллом II эллинско-арабское училище и духовная семинария Св. Креста, называвшаяся Крестной. Миссия укрепляла бодрость тамошних православных, научала их вере и благочестию, находила надежных учителей. Деятельность первой Миссии прервалась Восточной войной 1854–56 гг., возникшей из-за стараний императора Николая I отстаивать права православных в Святой Земле.

После Парижского мира в 1856 г. восстановлена была Духовная Миссия, начальником которой был знаменитый архим. *Антонин (Капустин)*. Возобновилось паломничество. В 1872 г. Палестину посетил брат имп. Александра II вел. кн. Николай Николаевич, в 1881 г. – вел. князя Сергей и Павел Александровичи. Последствием последней поездки явилось основание волей имп. Александра III *Православного Палестинского Общества*, заменившего Палестинский Комитет, существовавший с 1858 г. Председателем общества стал вел. кн. Сергей Александрович. В 1889 г. обществу присвоено наименование Императорского. В 1888 г. на Елеонской горе освящен был, в память покойной благочестивой имп. Марии Александровны, храм во имя Св. Равноапостольной Марии. В 1896 г. в Иерусалиме в Русском доме, сооруженном в 1891 г. «на раскопках» – пороге древних иудейских ворот, через которые шествовал Спаситель на Голгофу –, освящен был, в память имп. Александра III, храм во имя Св. вел. кн. Александра Невского.

В последние десятилетия до революции Императорское Палестинское Общество развивало большую деятельность. Непосредственно или через епархиальных архиереев поступали в Общество со всей России пожертвования большие и малые, в

числе их и копейки бедного люда, ревновавшего о Святой Земле. Синод благословил особый сбор на сей предмет, производившийся во всех церквах империи в Неделю Ваий (Цветную).

Благодаря притоку средств Общество имело возможность устроить удобный и дешевый проезд паломников в Святую Землю. Там оно обставляло их пребывание необходимым. Сооружено было большое странноприимное подворье с Александро- Невским храмом. В созданных в Иерусалиме и других местах врачебных заведений оказывалась широко помощь паломникам и местному населению. По отчету Общества за 1901/2 г. в одной Иерусалимской больнице насчитывалось 10733 больничных дня, а в пяти амбулаториях была подана врачебная помощь в 110000 случаев, с отпуском лекарств бесплатно. Для паломников устраивались назидательные чтения и они снабжались соответственными книжками.

Духовной Миссией и Палестинским Обществом сделано было много для утверждения в вере и благочестии местного православного населения и ограждения его от вовлечения в сети католиков и протестантов. Имелись мужская и женская учительские семинарии. Согласно отчету Общества за 1903/4 г., имелось в Палестине и Сирии 87 школ при 10225 учащихся и 417 лицах учебно-воспитательного состава.

Состояние религиозного образования народа

В царствование имп. Александра I правительство усилило заботы о просвещении народа. В 1803 г. в указе «о введении наук в России» выявилось это приглашением *духовенства* к содействию сему благому начинанию. То же проводилось и в указе имп. Николая I в 1836 г. об открытии народных школ при церквях и монастырях. Духовенство с сочувствием откликнулось на призыв государей и стало заводить *приходские школы* на свой собственный счет. Это обстоятельство и большое количество открываемых таким образом школ спутало понятия гордившихся своим просвещением людей, которые привычно свысока толковали о невежестве, обскурантизме и своекорыстии «попов». Надо отметить, что главное развитие школы получили в селениях удельных (принадлежавших Императорскому Дому) и казенных крестьян. В селениях же помещичьих им часто чинились препятствия; учителями в них были только члены местных приходских причтов (Знаменский).

После освобождения в 1861 г. имп. Александром II крестьян от крепостной зависимости, вопрос о народном образовании приобрел особенное значение. Среди духовенства поднялось необычайное просветительное движение. Церковно-приходские школы открывались по епархиям целыми сотнями каждый год. Духовенство жертвовало на них и временем и своими жилищами. В тесных иногда помещениях оно собирало детей за неимением сначала особых помещений для школ. Расходовало оно и средства на покупку учебных принадлежностей и на др. школьные расходы. С 1859 до 1865 г. открыто было свыше 21400 новых приходских школ исключительно одним духовенством. Интеллигентные круги в 1860 г. тоже возревали о просвещении народа и стали открывать по городам *воскресные школы*. Но вскоре обнаружилось, что в них велась вредная работа по распространению разрушительных идей. В 1865 г. правительство вынуждено было закрыть эти школы. В 1867 г. воскресные школы стали открываться вновь, но не радикально настроенными светскими кругами, а

духовенством при церквях и духовных семинариях (Знаменский).

«Самоотверженная просветительная деятельность духовенства не нашла однако сочувствия в странной русской «интеллигенции» 1860-х годов. Печать заподозрила самое существование этих десятков тысяч неожиданно возникших школ и горячо затолковала и о невежестве духовенства, и об отсталости его методов обучения, и об узкости самой программы этого обучения (т. е. православно-религиозной) и проч. В министерстве же народного просвещения поднялся вопрос о подчинении всех народных школ министерскому ведомству. В 1862 г. состоялось Высочайшее повеление: приходские школы оставить в ведомстве духовенства, а министерству ведать школы, какие оно откроет само; но такое решение вопроса министерство не удовлетворило. Открывая свои школы, оно старалось войти в труд духовенства, присоединяя и его школы к своим. В этом помогали ему и его денежные средства, из которых оно помогало только тем приходским школам, которые присоединялись к министерским, и его чиновники, начиная с попечителей округов, и мировые посредники, – все люди новых убеждений, которые нередко прямо запрещали сельским обществам составлять приговоры об открытии новых приходских школ и собирать на них деньги. В 1864 г. против школ духовенства встали вновь открытые земства, мечтавшие об устройстве народных школ по европейским образцам, с новым не религиозным, а «культурным» направлением, с новыми методами и новыми учителями, для приготовления которых предполагалось завести особые учительские семинарии и институты. Высказывая всяческое недовольство школьной деятельностью духовенства, в труд его стали входить и земства; приходские школы одна за другой были присоединяемы к числу земских, часто по желанию даже самого духовенства, которое видело в этом единственный способ доставить им хоть какую нибудь материальную поддержку. Число подведомственных духовенству школ начало поэтому весьма быстро сокращаться; в начале 1880-х г. их осталось до 4000 с небольшим. В 1864 г. для объединения

просветительной деятельности всех народных школ учреждены губернские и уездные училищные советы из представителей ведомств и земств под председательством архиереев, но церковно-приходские школы не получили поддержки и от этих советов, так как число разных руководителей народного образования, не сочувствовавших деятельности духовенства, оказалось в них преобладающим. Не нашли оне такой поддержки и среди большинства вновь назначенных чиновников министерства, инспекторов (с 1869 г.) и директоров (с 1874 г.) народных школ. Все это не могло не отозваться дурно на усердии к школьному делу и самого духовенства. В министерских и земских школах оно очутилось в зависимости от светских лиц, предпочитавших ему своих светских учителей, в обидном пренебрежении и без помощи. Многие земства не желали оплачивать даже законоучительский труд священников, ставя этот труд в число обязанностей самого пастырского звания, другие назначали за него поурочную плату и притом под контролем светских учителей школ, третьи определяли вознаграждение в форме только наград лучшим законоучителям, – все вообще с своей культурной точки зрения считали нужным до минимума сокращать уроки по Закону Божию на том основании, что это предмет специальный и что крестьянские дети готовятся не во дьячки. Не мудрено, что духовенство не только перестало открывать новые школы, но стало уклоняться даже от законоучительства в светских школах. С 1871 г. Св. Синод вынужден был дозволить замещение законоучительских вакансий светскими лицами. Наконец, в 1874 г. и сами архиереи были отстранены от председательства в училищных советах; на место их председателями стали назначаться предводители дворянства; духовенству же в губернских и уездных училищных советах предоставлено иметь только по одному депутату.»

«Духовное ведомство употребляло с своей стороны разнообразные меры к удержанию за собой влияния на народное образование, но при указанных обстоятельствах все эти меры оказывались безуспешными. Сюда относятся: многочисленные распоряжения преосвященных о том, чтобы

духовенство не переставало заводить приходских школ и не бросало законоучительства в светских школах, введение в курс семинарий педагогики и учреждение при них образцовых школ, учреждение при церквях псаломщиков из кончивших курс семинаристов, с поручением им преподавания в приходских школах. Живая связь между церковью и народной школой видимо слабела » (Знаменский).

Некоторое улучшение имело место, когда должности министра народного просвещения и обер-прокурора Синода были совмещены в лице правого *графа Д. А. Толстого*, проводившего единую политику в отношении народных школ.

Крупная перемена к лучшему наступила в царствование *имп. Александра III*, подлинно церковного государя. Понято было им значение религиозных основ в деле народного образования. С 1882 г. начинается возрождение церковно-приходских школ. В этом году последовало Высочайшее повеление о перечислении в смету Синода из сметы министерства народного просвещения 55500 руб. на устройство и содержание духовенством школ для народного образования. В 1884 г. были изданы правила о *церковно-приходских школах*, которые по новому наладили дело народного образования в религиозном духе. Приходские школы и школы грамотности были отданы в полное ведение духовенства. Для управления ими учреждены епархиальные и училищные советы, а *при Синоде* – с 1885 г. – *училищный совет*. Председатель последнего назначался Синодом. В состав совета входили 9 постоянных членов, наблюдатель школ и его помощник. *Епархиальные советы* составлялись таким же порядком, имея только в составе членов также члена от министерства народного просвещения. В *уездных отделениях* училищных советов состав членов пополнялся местными благочинными, инспектором народных училищ и земскими начальниками или чиновниками по крестьянским делам. Епархиальным архиереям предоставлялось право приглашать по одному члену от земского уездного собрания и городского общества. Школы ведомства Синода разделялись на два разряда: *церковно-приходские* и *грамоты*. Первые были с двухлетним, или

четырёхлетним курсом. Обучали в них священники или утверждаемые епархиальным архиереем учителя или учительницы, преимущественно из кончивших духовные учебные заведения. Общее наблюдение принадлежало священнику. В школах грамоты преподавался Закон Божий, церковное пение с голоса, чтение церковно-славянское и русское, письмо и начальное счисление. В приходских школах программа была шире, преподавалась начальная арифметика, а в четырёхлетних сведения из церковной и отечественной истории. Число школ быстро увеличивалось.

Об одном из деятелей церковно-приходских школ К. П. Победоносцев писал 10 марта 1880 г. Наследнику Цесаревичу Александру Александровичу: «Впечатления петербургские крайне тяжелы и безотрадны. Жить в такую смутную пору и видеть на каждом шагу людей без прямой деятельности, без ясной мысли, и твердого решения, занятых маленькими интересами своего я, погруженных в интриги своего честолюбия, алчущих денег и наслаждения и праздно-болтающих, – просто надрывает душу. Добрые впечатления приходят лишь изнутри России, откуда-нибудь из деревни, из глуши. Там еще цел родник, от которого дышит еще свежестью, а отсюда наше спасение. Там есть люди с русскою душой, делающие доброе дело с верою и надеждою. Не угодно ли, Ваше Величество, я покажу Вам одного такого человека. Все-таки отрадно хоть одного такого увидеть. На досуге извольте прочесть прилагаемые письма. Если Вы сочувственно примете их, то не пожалеете, что читали. Это письма приятеля моего Сергея Рачинского, доброго и честного человека. Он был профессором ботаники в московском университете, но когда ему надоели там распри и интриги между профессорами, он оставил службу и поселился в своей деревне, в самой глуши Бельского у., Смоленской губ., вдали от всех железных дорог. Живет он там безвыездно вот уже 10 лет и посвятил всего себя сельским школам, которыми занимался с утра до ночи – в каком духе, извольте увидеть из писем. Он подлинно стал благодетелем целой местности, и Бог послал людей – из священников и помещиков, которые с ним работают. Отрадно читать его

письма, – от них веет новым и здоровым, ободряющим духом. Тут не болтовня, а дело и истинное чувство. В письмах отмечены карандашом страницы, на которые стоит обратить Ваше внимание»⁵³).

Согласно всеподданнейшему отчету обер-прокурора Свят. Синода к 1908 г. церковно-приходских школ имелось – 26097 с 1401886 учащимися, школ грамоты – 13650 с 436001 учащимися. На содержание церковных школ в 1907 г. было израсходовано: казенных поступлений по смете Синода – 10065509 руб. и местных поступлений 6667897 руб. При таких отпусках явилась наконец возможность придать церковно-приходскому образованию должную стройную организацию.

Секты

В царствование имп. Александра I, во время мистических увлечений, секта *хлыстов* действовала свободно. К ней примкнуло довольно много лиц даже из образованных кругов, составивших целый «корабль» около *Екатерины Татариновой* ур. Буксгевден. После смерти мужа, она, поселясь в Петербурге, завязала связи с хлыстами и скопцами, бывала на их радениях. Ея сектантская деятельность началась с 1817 г. Она уверяла, что почувствовала дар пророчества, перейдя в православие из лютеранства. Главную роль в ея секте играл музыкант кадетского корпуса Никита Феодоров – «*Никитушка*». Как упоминалось, на ея радениях бывали главные деятели Библейского общества, включая кн. А. Н. Голицына. Собрания происходили в ея квартире в Михайловском дворце. Потом она образовала вроде хлыстовской колонии около Московской заставы, где радения ея продолжались 12 лет. В царствование имп. Николая I положен был конец ея деятельности. В 1837 г. колония была закрыта. Секретный раскольничий комитет, рассматривавший это дело, высказал мнение о необходимости прекратить существование этого вредного общества. Комитет полагал главных сектантов разослать по монастырям, а остальных отдать под надзор полиции. Имп. Николай I утвердил это решение. Татаринова была послана под строгий надзор в Кашинский Сретенский женский мон., где пробыла 10 лет. В 1847 г., когда она письменно обязалась оказывать повиновение православной Церкви и не участвовать в неблагословенных Церковью обществах, она была освобождена. Умерла она в 1856 г. в Москве.

Основатель секты *скопцов*, *Кондратий Селиванов*, в царствование имп. Александра I, был выпущен из сумасшедшего дома и совершенно спокойно жил в Петербурге. Время с 1801 года скопцы называли «счастливым временем», «золотым веком». К скопчеству примкнуло несколько лиц из образованного общества. В 1819 г. было дознано, что оно стало проникать в армию. Тогда против него приняты были строгия

меры. Селиванов подвергся увещанию и в 1820 г. сослан в суздальский Спасо-Евфимиев мон. Но скопчество не прекращалось. К 1832 г. едва ли можно было найти губернию, где не существовали бы скопцы. До самой смерти (в 1832) Селиванова в монастырь стекались скопцы, увозившие, как святыни, волосы учителя своего, остатки хлеба, от него полученного и пр. В 1832 г. имп. Николай I приказал принять строгия меры против этой изуверной секты. Она была признана самой опасной; грозило преследование за самую принадлежность к ней. Скопцы переселялись в Турцию и Румынию.

В 1801 г., с воцарением имп. Александра I, возвращено было на родину множество духоборов, сосланных в Сибирь. Вожаком их продолжал быть, упоминавшийся ранее (стр. 700) отставной капрал гвардии *Савелий Капустин*. «Капустин был высокого роста, мужественного сложения; его осанка была величественна, походка и взгляд невольно внушали уважение; он владел красноречием, умом и особенно замечательною памятью, так что знал наизусть всю Библию и помнил все, что когда-либо читал. По своей натуре и по своему положению в среде духоборцев Капустин имел сходство с известным Иоанном Лейденским, анабаптистским королем в Мюнстере. При выходе Капустина народ падал на колени, кланялся ему и воздавал божеские почести.» («Прав. Бог. Энц.»). Он организовал быт духоборческой общины. Умер в 1820 г. При нем состоялось переселение духоборцев на т. н. «Молочные воды» – незаселенная местность мелитопольского у. таврической губ. Туда духоборы были выселяемы с 1820 г., чтобы пресечь пропаганду и освободить от совместного жительства с православными, враждебно к ним относившимся. При этом им давалась на подъем ссуда из казны, льгота от податей на 5 лет и земельный надел по 15 десятин на душу. Вследствие такого благожелательного к ним отношения секта духоборцев распространилась еще шире, чем в XVIII в. В царствование имп. Николая I секта объявлена была вредной; усилена строгость взысканий за ее распространение. Переселение на Молочные воды, где насчитывалось уже в 1808 г. девять деревень, было

прекращено. Взамен этого духоборов стали выселять на пограничную линию за Кавказ; в 1839 г. туда же перевели их и из Молочных вод. В Закавказье ими управлял Петр Калмыков, потом его жена Лукерья. Позднее из духоборчества выделилась партия т. н. «постников», во главе с Петром Веригиным, усвоивших некоторые воззрения гр. Льва Толстого. В 1898 г. последние переселились в Канаду. Сибирских духоборцев тоже переселяли подальше от православных. Позднее духоборцы выселились в Соед. Штаты Северной Америки.

В 1835 г. у *молокан* (см. стр. 701–2) появилось учение о близком наступлении царства Христова в Новом Иерусалиме где-то близ Арарата, заимствованное из проникшей к молоканам книги Юнга Штиллинга «Победная песнь». Так как по учению Штиллинга до этого должны прийти Илия и Энох, то в 1833 г. мелитопольский молоканин Терентий Беловзоров провозгласил себя Илиею и объявил, что в известный день вознесется на небо. Когда этого, естественно, не случилось сами молокане отдали его в руки полиции. Другой «пророк» убеждал их переселяться на Кавказ, где начнется тысячелетнее царство. Появлялись и другие подобные лица.

Все перечисленные секты не мало пользовались для своих учений разными *мистико-протестантскими учениями*, издавна бродившими на юге России, где было много иноверных колонистов с запада. Во второй половине XIX столетия по всей Малороссии быстро стала распространяться новая секта *штундистов* (штунде – час). Среди православных новое вредное течение возникло впервые в деревне Основа, одесского у. и первым пропагандистом был там крестьянин Онищенко. Гораздо большее значение имела деятельность его ученика, крестьянина *Михаила Ратушного*. По признанию последнего, он усвоил свои воззрения от немцев, вероятно, сектантов назарян колонии Рорбах, находящейся в 12 вер. от его села. Секта, разрастаясь, официально была обнаружена к концу 1870 г. в ряде местечек *Херсонской губ.* В это же время она уже существовала два года в *Тарашанском у. Киевской губ.* В семидесятых и восьмидесятых годах штундизм распространился по всему югу России, заходя на севере в

Орловскую губ. Позднее он появился в губерниях Калужской, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Тамбовской, Рязанской, Смоленской и в самой Москве. Штундисты отрицают таинства, обряды, посты, православную иерархию, имея, вместе с тем, своих пресвитеров, учителей и служителей. Источником богопознания они единственно считают Св. Писание Ветхого и Нового завета, предоставляя каждому толковать его по своему усмотрению. Пропаганда штундистов, все усиливавшаяся, заставила правительство в 1894 г. объявить секту более вредной, с запрещением участникам ее общественных молитвенных собраний. Против них велась большая миссионерская работа, устраивались особые собрания, в которых изобличались их лжеучения.

В Россию проникли также *баптисты* – протестантская секта, образовавшаяся в Англии в 1633 г., в Сев. Америке в 1639 г. До середины XVIII в. – создания «Проповеднического союза» – баптизм развивался слабо. Союз этот поставил себе задачей распространение христианства вообще без догматов и обрядов. Новый баптизм привлек к себе крупные средства, распространился и в Азии – Китае, Японии, Индии. В 1814 г. в Соед. Штатах образован был «Баптистский Союз». В конце XIX в. последний содержал 35000 миссионеров. В Германии средоточием его был г. Гамбург, откуда он проник в Россию. Баптисты подготовили в России почву иудействующей секте *адвентистов седьмого дня*. Проникла она из Соед. Штатов в 80-х годах XIX в. и укрепилась в немецких колониях таврической губ. В 1901 г. в России было 137 общин с 13 проповедниками. (Священник Александр Колесников. «Курс сравнительного богословия». 1957. Джорданвилль.)

Были также в России *ирвингиане* (секта создалась в тридцатых годах XIX в. в Лондоне по имени пресвитерианского проповедника Эдуарда Ирвинга), *меннониты* (протестантская секта, основанная католическим священником Симоном Менноном, преобразовавшим секту анабаптистов) и др. небольшие секты местного происхождения. В 1874–75 гг. явилась еще секта *пашковцев*, во главе которой стал полковник

В. А. Пашков, представитель богатой дворянской семьи. Он проповедывал протестантско-мистическое учение некоего английского лорда Редстока, проповедника, бывшего в Петербурге в 1874 г. К ней примкнули некоторые представители высшего общества. Секта эта успеха не имела, как и *противоцерковные идеи гр. Л. Н. Толстого*.

В июле 1908 г. на Всероссийском Миссионерском Съезде в Киеве было установлено, что из всех многочисленных сект, обуревающих русскую Церковь, самой воинственной, сильной своей организацией и духом прозелитизма можно считать секту *штундистов*, которая со времени объявления 17 апр. 1905 г. вероисповедной свободы с поразительной быстротой, под видом баптизма и евангельского христианства стала распространяться по всему государству. Все так называемое «евангельское движение» в России объединилось в 1907 г. на конференции в С-Петербурге в один «Всероссийский Евангельский Союз», а во главе другого движения штундизма, слившегося с пашковцами, стоял «Евангельский союз». Наряду с этим усилилась и деятельность секты *адвентистов*. Обсуждал съезд и вопрос о борьбе с *атеизмом* и с *социализмом*, как с мировоззрением глубоко атеистическим и материалистическим. С докладами по этим вопросам выступал прот. I. Восторгов и епархиальный миссионер И. Г. Айвазов. Постановления, доклады и резолюции съезда были напечатаны в синодальном журнале «Церковные Ведомости». С Великого поста 1909 г. при Синоде возобновились занятия учрежденного в феврале 1908 г. особого совещания по вопросам внутренней и внешней миссии. На обсуждение этого совещания переданы были и постановления Киевского Миссионерского съезда. Определением Синода от 4–6 июня 1909 г. решено было, по представлению архиеп. Антония (Храповицкого), ввести с начала 1909–10 учебного года в курс преподаваемого в семинариях нравственного богословия особый отдел *разбора и опровержения социализма*, предложив в руководство временно, до составления по сему предмету программы, выработанные владыкой Антонием и миссионером Айвазовым программу и объяснительную к ней записку, напечатав в синодальной

типографии в потребном количестве. Вопрос о борьбе с сектантством обсуждался в июле 1910 г. на Сибирском Обще-Миссионерском съезде в Иркутске. (Епископ Никон (Рклицкий)). «Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого.» Том III. Нью-Йорк. 1957).

Старообрядчество и единоверие

В царствование имп. Александра I старообрядцы стали выступать смелее. Московские их общины – *Рогожское* и *Преображенское кладбища* – достигли в это время цветущего состояния. Около них возникли целые улицы, кварталы, фабрики и др. промышленные предприятия, все наполненные раскольниками и беглыми. Рогожское кладбище поставляло от себя беглое священство на всю Россию. В действиях правительства к раскольникам замечались все время колебания. В 1803 г. в официальных бумагах снова появилось слово раскольник, которое старообрядцы считали для себя обидным. В 1812 г. им запрещалось строить часовни на кладбищах. В 1820 г. надзору полиции поручены были лишь безпоповцы (федосеевцы), между которыми обнаружены были случаи разврата и детоубийства; их снова не велено было выбирать на общественные должности. Наряду же с этим, в 1822 г. государь дозволил поповцам открыто держат беглых попов и содержать часовни и церкви, не строя только новых. В 1825 г. по делам раскольниковым был учрежден секретный комитет из митрополитов Серафима и Евгения, Аракчеева, управлявшего тогда мин. внутр. дел, и министра народн. просвещения Шишкова.

При имп. Николае I Комитет министров предписал 9 янв. 1826 г. губернаторам не преследовать раскольников за совершение треб по их обрядам, а смотреть только за тем, чтобы они не совращали в раскол. Это распоряжение секретно подтверждалось несколько раз, с оговоркой, чтобы раскольники о нем не знали. Когда в 1844 г. псковский губернатор стал запрещать требы и раскольники обратились с просьбой о разрешении, то 5 янв. 1845 г. состоялось Высочайшее повеление поставить губернатору это на вид, раскольникам же объявить, что закон дозволяет открыто совершать требы только лицам духовного звания, – по церковным правилам на то уполномоченным.

В 1885 г. раскольники были разделены на секты менее и особенно вредные. В 1842 г. министерство внутренних дел запросило Синод какие секты признаются духовным начальством особенно противными учению Церкви. Обер-прокурор гр. Протасов уведомил, что *вреднейшими сектами* являются: 1) иудействующие, совершенно отпадающие от христианства; 2) молокане, секта разрушительная, как и 3) духоборцы; 4) хлыстовщина и 5) скопцы, обе богохульные; 6) те безпоповщинские секты, которые отвергают брак и молитву за царя: оне пишут и произносят жестокие хулы на церковь и таинства и всякую власть нынешнего времени почитают антихристовою. *Секты вредные* – те из безпоповщины, которые принимают брак и не отказываются молиться за царя. По сим чертам могли бы считаться менее вредными. Но оне решительно вредны, потому что отвергают священство и таинство евхаристии и, кроме сказанного, все заимствуют от худших отраслей безпоповщины. Секта *менее вредная* – поповщина. Это не ересь, а раскол. Более церковного сохраняет и более надежды представляет к обращению.

Делами о раскольниках ведали особые *секретные комитеты* как в центре, так и в губерниях. Рядом мер старообрядцы вновь лишены были прав на общественные должности; право на запись в купеческие гильдии было стеснено. Общества их были признаны незаконными. Крещение и браки признавались лишь по совершении их в православных церквях. Запрещено было строить и чинить их молитвенные здания. Публичное оказательство раскола и его пропаганда были воспрещены безусловно. Большинство этих распоряжений последовало еще до отзыва Синода в 1842 г., но при наличии секретных комитетов, начавших действовать: центральный в Москве с 1831 г., местные – с 1838 г. Еще более строгия меры последовали с начала 1850-х годов. В 1853 г. был учрежден *особый секретный комитет* для заведывания делами о раскольниках. Еще до этого был отменен закон имп. Александра I о беглых попах. Побег православного священника признан был преступлением. Раскольничьи монахи считались простыми простолюдными.

Имп. Александр II, по вступлении в 1855 г. на престол, отменил секретный комитет, но общия распоряжения о раскольниках остались в силе. Но, при тогдашнем либеральном направлении правительства, самое применение этих распоряжений проводилось мягче. В это царствование был издан закон о браках раскольников (19 апр. 1874). Браки их записывались в особые метрические книги, которые велись полицией и волостными правлениями.

На третий год царствования *имп. Александра III* – 3 мая 1883 г. – издан был закон, главнейшие постановления которого заключались в следующем. Паспорты всем раскольникам, за исключением скопцов, выдавались на общем основании. Им дозволялось вести торговлю и заниматься промыслами. С разрешения министра внутр. дел им разрешалось занимать общественные должности, с небольшими ограничениями. Позволялось творить общественную молитву, исполнять требы, совершать богослужения. Распечатывание молитвенных домов допускалось с разрешения министра внутрен. дел и обер-прокурора, но без торжественности. Духовным лицам разрешалось совершать требы, но они не признавались в этом звании. Они преследовались за распространение раскола. Запрещалось публичное выявление раскола.

Полная свобода вероисповеданий, в том числе и старообрядчества, дана была в царствование *имп. Николая II*, указом 17 апр. 1905 г., приуроченным к празднику Св. Пасхи.

Православное духовенство вело полемику с раскольниками. В царствование *имп. Николая I* на этом поприще известны олонецкий архиеп. *Аркадий* (Феодоров), правивший с 1851 по 1869 гг., митр. московский *Филарет* (Дроздов), автор «Бесед к глаголемому старообрядцу». Об обрядовых вопросах писали: архиеп. воронежский *Игнатий* (Семенов), правивший с 1847 по 1850 г. и митр. петербургский *Григорий* (Постников). В царствование *имп. Николая I* особенное значение придавалось миссионерской работе, но она имела мало успеха. В царствование *имп. Александра II* стали заводить школы для приготовления миссионеров из крестьянской среды. С миссионерской же целью стали учреждаться братства.

Наиболее успешно работало братство св. Петра в Москве. К этому времени относятся полемические труды профессоров духовных академий: петербургской – Нильского, казанской – Ивановского, московской – Голубинского, а также преосвященных Никанора (Бровковича), архиеп. херсонского и митр. Макария (Булгакова). Миссионерская работа усилилась. С 1884 г. *учение о расколе* введено в число обязательных предметов в дух. семинариях. Для объединения миссионерской деятельности стали с 1885 г. собираться *миссионерские съезды*.

Из событий во внутренней жизни раскола замечательно возникновение у *поповцев*, так называемой, *Австрийской иерархии*. После отмены прежнего дозволения старообрядцам держать беглых попов, съезд их в Москве в 1832 г. порешил непременно добыть себе особого архиерея и собрал на сей предмет богатые средства. После многих странствований ходоки поповцев нашли в 1846 г. нужного им архиерея. Это был лишенный кафедры боснийский *митрополит Амвросий*, живший в большой нужде в Константинополе. Он согласился перейти к раскольникам за 500 червонцев годового оклада. Кафедрой для него был назначен раскольнический монастырь в *Белой Кринице* (в австрийской Буковине). Его заставили торжественно отречься от «никоновских ересей», после чего поставили епископом. Он митрополитствовал недолго. В 1848 г. австрийское правительство, по представлению русского правительства, выслало его из Белой Криницы и заточило в г. Цилль, где он умер в 1863 г., присоединясь перед смертью к православной Церкви. Но раскольничья иерархия была упрочена. Он успел рукоположить двух архиереев – Кирилла и Аркадия Лысого. Кирилл рукоположил потом Онуфрия и Софрония и сам был поставлен ими в митрополита на место Амвросия. Аркадий с Онуфрием рукоположили Алипия и Аркадия Шапошникова. Все эти архиереи получили себе в турецких и русских владениях епархии и ставили священников и диаконов. В России сначала были две епархии – *Симбирская* и *Владимирская* или *Московская*. На первую в 1849 г. был поставлен Софроний Жиров, на вторую в 1853 г. – Антоний Шутов. Потом, в течение приблизительно 12 лет, открыт был

десяток русских епархий с многочисленными паствами. Учреждение австрийской иерархии, как и следовало ожидать, повело к новому расколу среди самого старообрядчества. Поповщина разделилась на *приемлющих* и *неприемлющих* эту иерархию (Знаменский).

В поповщине постепенно стало одерживать верх *примирительное* течение. Образовалась партия, преимущественно из московской старообрядческой интеллигенции, которая, исходя из приема старообрядцами беглых попов, доказывала, что и в господствующей Церкви существуют остатки истинного Православия. Выразителем этого взгляда явился старообрядец *Иларион Егоров Ксенов*. Он составил наделавшее в 1862 г. много шуму «*Окружное послание*», в котором доказывалась близость поповщины к господствующей Церкви. По этому поводу возникла горячая полемика. Большинство старообрядцев оказалось на стороне окружного послания. По некоторым подсчетам в конце XIX в. из 19, существовавших в России старообрядческих кафедр, только три были заняты его противниками.

Безпоповщина, попрежнему, занимала непримиримую позицию. Основное ее положение – полный разрыв с православными и прием присоединяющихся к ним не иначе, как перекрещивая таковых.

Главной формой примирения православной Церкви с старообрядцами оставалось *единоверие*, о коем упоминалось выше (стр. 714–715). Шириться оно начало в царствование имп. Николая I. Введено оно было в 1828 и 1836 гг. на Иргизе, в 1849 г. на Керженце, в 1847–48 в Стародубье. В 1851 г. единоверие имело 179 церквей. К сожалению, как отмечает П. Смирнов в «Прав. Бог. Энцикл.», бывали неискренние присоединения. Так в последние дни 1854 г., когда в Москве, при действии закона о торговле раскольников только на временном праве, наступил последний срок внесения капиталов на новый год, раскольники из купцов толпами приходили записываться в единоверие. Когда же обстоятельства изменились, то большая половина ушла опять в раскол. На Иргизе выяснилось, что только малая часть иргисских иноков приняла единоверие.

Единоверческими стали несколько монастырей. Вновь учреждены были монастыри мужской Воскресенский в оренбургской епархии (1849), женский на Всесвятском кладбище в Москве (1862). Покровский черниговский мон., «в виду важности его значения среди раскольников», был возведен (1848) в число штатных обителей первого класса, с содержанием от казны. Особенно важно было для единоверия учреждение московского Никольского мужского мон.

Выделился единоверческий священник *Тимофей Верховский*, сын священника костромской епархии. Отца его поповцы одно время сманила в Стародубье. В 1822 г. Тимофей стал единоверческим священником и в 1828 г. получил приход в Петербурге, сделавшись известным гр. Протасову и, через него, государю, по желанию которого был назначен в Стародубье. Там, в посаде Добрянке, по повелению государя, строилась единоверческая церковь. Потом он был протоиереем Николаевской церкви в Петербурге. Сын его, *Иоанн*, учился в пермской семинарии и на него обратил внимание владыка Аркадий, будущий архиеп. олонецкий, знаток раскола. Был Иоанн потом священником в одной из единоверческих церквей в столице. Через некоторое время начал он критиковать «платоновское единоверие», выдвигая на его место «соединенство святое и без упрека древне-православное», которое имело бы иерархию, поставленную православными архиереями, но свою собственную церковную иерархию, возглавленную митрополитом или патриархом. Митр. Филарет в 1864 г. разъяснил московским единоверцам пагубность этого проекта. Свящ. Верховский после этого начал печатать свои статьи о нуждах единоверия в «Гражданине» и др. журналах. В 1885 г. он тайно оставил свой приход и ушел к раскольникам, но чиноприятию их себя не подвергнул. Он был исключен Св. Синодом из священного сана. Перед смертью он изъявил раскаяние, вернулся в Россию и был погребен по чиноположению единоверческой церкви. («Прав. Бог. Энцикл.»).

Единоверцы несколько раз обращались в Св. Синод, прося о пересмотре, исправлении и дополнении правил 1800 г., считая, что таковыми единоверие поставлено в слишком

«тесные рамки». – «Св. Синод, насколько это было согласно с достоинством церкви», пишет П. Смирнов в «Прав. Бог. Энц.», «отвечало правильным понятием о православии и единоверии и могло способствовать успехам последнего, всегда охотно внимал «нуждам» единоверцев». Смирнов признает особенно важными в этом отношении Высочайше утвержденное определение Св. Синода 1881 г., «изъяснение» его 4 марта 1886 г. и указание 1888 г.

Освящение Николаевской единоверческой церкви на Преображенском кладбище состоялось 3 апр. 1854 г. Богослужение совершал митр. Филарет. Употреблен был антиминс, освященный при патр. Филарете, древние напрестольные сосуды. Святитель был облачен в древний саккос митр. Макария, осенял народ древним крестом с мощами – вклад царя Михаила Феодоровича. Сослужили митрополиту священники единоверческих церквей. На донесении митрополита имп. Николай I написал: «Слава Богу!» На Преображенском кладбище открыты были и другие церкви, а в 1866 г. все мужское отделение кладбища было обращено в *единоверческий* монастырь. В 1854 г. единоверие проникло и на Рогожское кладбище, где во главе движения стоял значительный прихожанин В. Сапелкин.

23 июня 1865 г., по благословению митр. Филарета, преосвященным Леонидом (Краснопевковым), еп. дмитровским, викарием московским, совершено было в Москве в Троицкой единоверческой церкви *присоединение к единоверию* членов раскольничьей *белокриницкой иерархии* – Онуфрия, еп. браиловского, наместника белокриницкой митрополии, Пафнутия, еп. коломенского, Иоасафа, иеромонаха Белокриницкого мон. и других. Событие это произвело сильное впечатление на поповцев. Вскоре присоединились еще два епископа и несколько других духовных лиц.

Наиболее же крупным событием был переход в единоверие видного безпоповца *инока Павла*, именуемого *Прусским* по месту его деятельности. Родился он в 1821 г. в Сызрани; был последователем *федосеевства*. Внимательное изучение раскола мало-по-малу убедило его в неистинности такового.

Особенно останавливал его внимание вопрос о Церкви. Он понял ее значение и то, что истинной является только грекороссийская Церковь. Такие мысли он стал распространять между старообрядцами еще ранее своего открытого присоединения к Церкви. В разных местах, куда наезжал, он вступал в собеседования с известными начетчиками, которые не могли опровергнуть его доказательств. Более дальновидные старообрядцы предсказывали, что сей инок уйдет в «великороссийскую церковь». Но все же впечатление от перехода его в 1868 г. в единоверие было в кругах безпоповцев огромно. «Если бы», признавались они, «это во сне приснилось, и тогда напугало бы. Пускай бы кто любил роскошно жить, и сладкую пищу есть, и хорошо наряжаться, и случилось бы с ними такое событие, – это было бы не диво. Но разве отец Павел такой человек? Как же и отчего случилось с ним такое событие?» Для безпоповцев отрыв о. Павла был большим ударом, для истинной же Церкви его присоединение к единоверию явилось большим приобретением. «Павел был самоучка, знал великолепно древне-русскую и свято-отеческую литературу, писал легко, просто и доказательно опровергал все пункты учения раскола. Он написал много сочинений, большая часть которых вышла несколькими изданиями, сделанными Св. Синодом». («Полный Прав. Бог. Энц. Сл.»).

27 октября 1900 г. единоверие праздновало *столетие* своего существования. В торжестве принимали участие высшие иерархи православной Церкви. В Петербурге богослужение совершено было митр. Антонием в Николаевском единоверческом храме, в Москве – митр. Владимиром в Троицком единоверческом храме. От лица Синода в этот день было издано особое послание «чадам православной грекороссийской кафолической и апостольской церкви, содержащим глаголемые старые обряды».

21 июля 1649 г. состоялось обретение мощей княгини *Анны Кашинской*, супруги св. вел. кн. Михаила Тверского, замученного в Орде в 1319 г. 12 июня 1650 г. мощи святой были перенесены, в присутствии царя Алексея Михайловича, в кашинский Вознесенский собор. По почину патриарха Иоакима Соборы

1677 и 1678 гг. постановили «празднества ей не творити». Главным основанием такого решения было то, что правая рука ея «в завитии погнулася, а длань и персты прямо, а не благословляющие». В 1908 г. на Миссионерском съезде в Киеве, о котором упоминалось выше, обсуждался поднятый отсутствовавшим архиеп. тверским Алексием (Опоцким) вопрос о восстановлении церковного прославления вел. кн. Анны. Предложение это горячо поддержал архиеп. волынский Антоний. Съезд, придавая сему прославлению большое миссионерское значение, ибо оно отвратит от православных укоризны со стороны старообрядцев в том, что в Православной Церкви не прославляются святые, имеющие двуперстное сложение для крестного знамения, присоединился к означенному ходатайству, разделяемому собравшимися в Киеве архипастырями. В 1909 г. празднование св. Анны Кашинской было восстановлено. Торжество происходило летом в г. Кашине в православном Успенском соборе по единоверческому чину. Литургия служилась по архиерейскому чиновнику XV и XVI веков. Велико было торжество 5 сент. в С-Петербурге при встрече в единоверческом Никольском храме на Николаевской ул. иконы св. Анны с частицей ея мощей. Богослужение совершал викарный епископ гдовский Кирилл (Смирнов), заведовавший единоверческими храмами петербургской епархии, позднее архиеп. тамбовский. Вскоре после этого единоверцы возбудили ходатайство о созыве в Москве их всероссийского съезда. Св. Синод разрешил созыв в Москве только местного съезда. Митр. Владимир по просьбе участников съезда, назначил председателем его епископа серпуховского Анастасия (Грибановского), особенно почитавшегося единоверцами. В 1912 г. Св. Синод, по докладу своего члена, архиеп. волынского Антония, разрешил созыв первого Всероссийского единоверческого съезда в С-Петербурге. Съезд продолжался с 22 по 29 января, под председательством архиеп. Антония. 31 янв. депутация съезда, во главе с архиеп. Антонием, представлялась Императору Николаю Александровичу. Владыка поднес Государю икону благоверной кн. Анны и произнес слово. Единоверческий священник Свмеон

Шлеев поднес Царю и Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу подручники – коврики, которые единоверцы употребляют на молитве при земных поклонах⁵⁴).

Прославление святых. Новые праздники. Храмы. Иконопись

В царствование *имп. Александра I* последовало 9 февр. 1805 года торжественное открытие мощей Святителя Иннокентия, первого епископа Иркутского, преставившегося 27 ноября 1731 г. Празднование ему было установлено 26 ноября, т. к. 27 ноября празднуется память иконы Знамения Божией Матери. 7 июня 1840 г. Высочайше разрешено включить в число табельных дней для Иркутска 26 ноября; 24 октября 1902 г. Высочайше соизволено установление в Иркутске 9 февр. наряду с церковным и гражданского праздника. В царствование *имп. Николая I* 6 авг. 1832 г. торжественно открыты были мощи Святителя Митрофана, первого епископа Воронежского, преставившегося 23 ноября 1703 г. Память его празднуется 23 ноября и 7 августа (перенесено на этот день по случаю праздника Преображения Господня). Через сорок дней после прославления Святителя *имп. Николай Павлович* прибыл в Воронеж для поклонения мощам новоявленного Угодника Божия. В 1826 г., по Высочайшему повелению, открыты для поклонения мощи Мучч. литовских Антония, Иоанна и Евстафия, принявших мученический венец в 1347 г., прославленные свят. митр. Алексием в 1364 г., почивавшие в Св. Духовском Виленском мон. и празднуемые 14 апреля. В 1851 г. митр. Иосифом Семашко освящена была церковь во имя свв. мучеников на месте пещеры, в которой пребывали их мощи. В царствование *имп. Александра II* состоялось 13 авг. 1861 г. открытие мощей, причтенного тогда к лику святых, Святителя Тихона, епископа Воронежского, Задонского чудотворца, преставившегося 13 авг. 1783 г. В 1866 г. установлено было празднование памяти Свв. угодникам Волынским, которое совершалось 2 мая в воспоминание чудесного спасения *имп. Александра II* в Париже, когда в него стрелял поляк Березовский. После кончины царя празднование в 1881 г. было перенесено на 10 окт., – день возвращения Православию Почаевской Лавры в 1831 г. В 1875 г. Святитель

митрополит Филипп был присоединен к Святителям Петру, Алексию и Ионе, праздновавшимся в Москве 5 октября. Вместе с тем было предписано в этот день праздновать память четырех Святителей не только в Москве, но и повсюду.

В царствование *имп. Николая II* состоялись прославления: в 1896 г. – 9 сент. Святителя Феодосия Углицкого, архиепископа Черниговского († 1696); в 1897 г. – 8 янв. Свмуч. Исидора, пресвитера Юрьевского и иже с ним 8 янв. 1472 г. латинянами в реке Омовже утопленных; в 1903 г. – 19 июля Преп. Серафима Саровского († 1833 г.); в 1911 г. – 4 сент. Святителя Иоасафа, епископа Белгородского († 1754 г.); в 1913 г. – 12 мая Святителя Ермогена, патриарха Московского и всея России († 1612 г.); в 1914 г. – 28 июля Святителя Питирима, епископа Тамбовского († 1698 г.); в 1916 г. – 10 июня Святителя Иоанна, митрополита Тобольского († 1715 г.). В 1909 г. – состоялось торжественное перенесение из Киево-Печерской Лавры в Полоцк мощей Преп. Евфросинии, княжны Полоцкой († 1173 г.) и 12 июня восстановление празднования Св. княгини Анны Кашинской († 1337 г.). В начале XX в., при епископе волынском Антонии, было установлено празднование Преп. Иова и 6 мая.

Имп. Николай, способствовавший прославлению Пр. Серафима и Святителя Иоанна Тобольского, присутствовал с Царской Семьей в Сарове на торжестве прославления Угодника Божия. Вскоре после открытия мощей Свят. Иоасафа Белгородского Царь прибыл поклониться его св. мощам. В 1911 г. Государь посетил Чернигов для поклонения мощам Свят. Феодосия.

После Отечественной войны 1812 г. было установлено совершать 25 декабря, после литургии, благодарственное моление в воспоминание избавления Церкви и Державы Российские от нашествия Галлов и с ними двадцати языки.

В XIX веке столицы украсились величественными храмами. В день памяти пр. Исаакие Далматского игумена, преставившегося в 383 г., родился 30 мая 1672 г. основатель новой столицы, имп. Петр I Великий. Впервые Исаакиевский собор был заложен в 1768 г. и постройка его начата была по плану архитектора итальянца Ринальди. Работы прервались с

кончиной в 1796 г. имп. Екатерины II Великой. Перемены в планы вносились императорами Павлом I и Александром I. Последним в 1817 г. утвержден был план перестройки храма, составленный французом *Монфераном*, измененный потом имп. Николаем I. Собор был окончен в 1858 г. в царствование имп. Александра II. Собор представлял собою форму креста; высота, со крестом 42 сажени. Снаружи и внутри храм облицован дорогими сортами финляндского и итальянского мрамора. Фронтоны на 4 портиках поддерживают 48 монолитных гранитных колонн, высотой в 56 футов и весом до 7000 пудов. В соборе два придела – св. вел. кн. Александра Невского и великом. Екатерины.

Как отмечалось выше (стр. 719), имп. Павел в ноябре 1800 г. задумал сооружение в С-Петербурге *Казанского собора*, главное руководство чем возможно было на гр. А. С. Строганова. Последний поручил эту крупную и ответственную работу своему любимцу, выдвинутому им А. Н. Воронихину (1760–1814), на которого, его крепостного в одном из пермских имений, он обратил внимание еще в юные годы; 17-летним он был отправлен им в Москву обучаться живописи. Там им заинтересовались светила тогдашней архитектуры Баженов и Казаков. Воронихин расширил свои знания в Петербурге. Строганов послал его потом со своим сыном «в полуденные страны» России и в «чужие края». Оттуда вернулся он образованным и знающим архитектором, был впоследствии профессором архитектуры в Академии Художеств.

27 авг. 1801 г. имп. Александром I был положен первый камень при закладке храма; 15 сент. 1811 г., в присутствии государя, состоялось освящение величественного собора. «Это сооружение», пишет Игорь Грабарь, «грандиозное по замыслу и великолепное по исполнению, является одним из самых замечательных и самых оригинальных в Европе. Принято считать, что Казанский собор есть ничто иное, как неудачный сколок с собора св. Петра в Риме. Это мнение существует издавна ... Конечно Казанский собор не есть копия со св. Петра. Не говоря уже о том, что стиль другой, план самого собора, как и колоннады совершенно иной. Колоннада Бернини

представляет из себя случайное дополнение к собору, с фасадом иного совершенно характера. Здесь же колоннада и собор составляют одно неразрывное целое, органически связанное: – это одно тело... В настоящее время собор имеет 56 гранитных колонн с бронзовыми капителями внутри и 144 из пудожского камня снаружи, и те и другие коринфского ордера: внутри гладкие, снаружи – с капелюрами... Внутри собор представляет собою два перекрещивающихся корабля, образуемых двумя рядами парных колонн, перекрытых коробковыми сводами, которые пышно украшены богатыми кессонами. Простота и серьезность композиции, строгая выисканность пропорций придают храму торжественный вид. В общем композиция собора – строгая, но не сухая классика Екатерининских времен. Оставаясь серьезным и торжественным, Воронихин умеет внести какое то нежное очарование, какую то поэзию и теплоту. Его собор не только поражает, но и привлекает, соединяя силу с нежностью...» (История Русского искусства. История Архитектуры. т. III). Иконостас сделан в 1834 г. К. Тоном. Он весь был покрыт серебром и представляет «усердное приношение Донского войска». Донские казаки отбили 40 пудов серебра у французов, заключавшегося большею частью в церковной утвари, награбленной неприятелем из русских храмов. Серебро это было препровождено кн. М. И. Голенищевым-Кутузовым владыке Амвросию, митр. новгородскому и С.-Петербургскому, при письме от 23 дек. 1812 г. для Казанского собора. Из прежней церкви в главном иконостасе стояли два образа: чудотворный Казанской Божией Матери и Спасителя.

К тому времени относятся сооружение А. Д. Захаровым (1761–1811), талантливым творцом С-Петербургского адмиралтейства, Андреевского собора в Кронштадте (1806–11, освящен в 1817 г.), А. Н. Мельниковым единоверческой Никольской церкви на Николаевской ул. в С-Петербурге (1820–27). и В. В. Стасовым (1769–1848) в С-Петербурге Преображенского собора (1826–28) и Троицкого собора в Измайловском полку (1827–38).

Имп. Александр I, при вторжении полчищ Наполеона в Россию, дал обет воздвигнуть в Москве храм во имя *Христа Спасителя*. Указ о сооружении храма последовал в Вильне 25 дек. 1812 г., когда государем было получено донесение об оставлении Русских пределов последними частями разбитой французской армии. Принося благодарение Господу за спасение отчизны, царь желал и увековечить в памяти потомства эту достопамятную тяжелую войну. Из всех конкурсных проектов государем утвержден был план архитектора-художника масона А. Л. Витберга, полный мистических символов. Но выяснилось, что песчаный грунт Воробьевых гор, где предполагалось построение храма, не выдержит давления громадной постройки. Возведение его приостановилось. Имп. Николаю I, конечно, идейно чужд был план Витберга. Он велел представить ему план более исполнимый. Храм, по образцу византийских храмов, отличаясь величиной, правильностью, легкостью и красотой своих частей, был бы лучшим памятником Отечественной войны. 10 апр. 1832 г. им был утвержден проект архитектора К. А. Тона. Император выбрал и место на берегу р. Москвы, где находился Алексеевский женский монастырь, перенесенный в Красное село, близ Сокольничьей рощи. 10 сент. 1839 г., в присутствии государя, совершена была закладка храма. Через 20 лет храм был готов во вне. В 1860 г. началась работа по росписи и украшению внутренности храма. 26 мая 1883 г., в присутствии имп. Александра III, совершено было освящение храма.

Основание его представляет равноконечный крест, в углах которого находятся четыре выступа (порталы). Высота до оконечности креста – 48½ сажень. Вместе с крыльцами храм занимал пространство в 1500 кв. саж., внутренность его 876½ саж. Вмещал он 10000 молящихся. Внутренность храма делилась на три части: коридор, хоры и собственно храм. Коридор, шириной в 6 арш., предназначен был, по образцу древне-русских храмов, для крестных ходов. Вместе с тем, он служил самым наглядным памятником событий *Отечественной войны*. Там на мраморных досках помещены Высочайшие манифесты, связанные с войной, и описаны события войны. При

этом над описанием сражений находилась икона святого того дня. Верхнюю часть коридора составляли хоры с двумя приделами во имя св. Николая и св. вел. кн. Александра Невского. Главный иконостас храма представлял собою восьмигранную часовню, сделанную из белого мрамора, с орнаментами и инкрустацией из различных пород мрамора, увенчанную бронзовым вызолоченным шатром, кверху суживающимся, и состоящую из четырех ярусов, предназначенных для помещения икон. При исполнении иконописи в храме, имп. Николай выразил желание, чтобы она напоминала о всех милостях Господних, ниспосланных, по молитвам праведников, на Русское царство в течение девяти веков. Храм увенчан 5 главами, из которых средняя была значительно более прочих. Этот замечательный собор был разрушен большевиками. Материал его они обратили для устройства городской подземной дороги в Москве.

В Киеве восстановлена была древняя *Десятинная* церковь во имя Рождества Божией Матери, разрушенная татарами в 1240 году. Остался один юго-западный угол, к которому в 1635 г. митр. Петр Могила пристроил стены и поставил в храм древний образ Свят. Николая, отчего церковь с тех пор и получила в народе именование Десятинного Николая. Через сто лет храм, пришедший в ветхость, был возобновлен старицей Флоровского мон. Нектарией, в миру кн. Наталией Борисовной Долгорукой, ранее упоминавшейся (стр. 635). Затем и сия церковь обратилась в развалины. При митр. Евгении на этом месте производились раскопки, которыми особенно занялся археолог-любитель, отставной гвардии поручик Александр Анненков. Он обязался на сем месте выстроить храм во имя св. кн. Владимира и свят. Николая. Через 14 лет митр. Филарет 19 июля 1842 г. освятил новый храм. Из древностей прежнего храма в нем сохранилась икона свят. Николая, привезенная, по преданию, Крестителем Руси из Корсуни и икона Божией Матери, спасенная из церкви при разграблении ее татарами.

В 1896 г. в Киеве освящен был, долго строившийся, *Владимирский собор*, богатый произведениями современных художников, но далекий от древней русской иконописи. В 1891 г.

освящен был собор Владимирский в Херсонесе на месте крещения Равноапостольного князя. Также сооружены были соборы: в 1877 г. в *Варшаве*, позднее там же – *Александроневский*, разрушенный поляками, в *Вятке* – постройки *Витберга*, в *Орле* (1794–1841), в *Риге* (1877–1891), *Самаре*, *Томске* и многие др. Восстановлен был собор в *Вильне*.

Значительные *вспоможения* на дело восстановления и строения церквей были отпускаемы правительством и Синодом после нашествия французов в 1812 г. Затем по воссоединении унии правительство щедро помогало храмам *Западного края*, пришедшим в самое жалкое состояние. Крупные суммы отпускались правительством особенно в 1860-х гг. на восстановление в *Западном крае* церквей и на построение новых. Благодаря патриотическому одушевлению русского общества, в связи с польским восстанием, возмущившим всю Россию, храмы эти в изобилии снабжались денежными и вещевыми пожертвованиями. Такое же усиленное движение в отношении создания храмов возникло в 1840-х гг. в *Остзейском крае*. Усилилось оно еще больше в царствования императоров *Александра III* и *Николая II*. Вместе с разными обществами и частными лицами, трогательное и назидательное участие в этом христианском подвиге принимали Государи и члены Царствующего Дома. В 1859 г. в Петербурге организовалось особое «Общество вспоможения беднейшим церквам и монастырям» под покровительством императрицы *Марии Александровны*, супруги имп. Александра II.

С 1864 г. важное участие в устроении благосостояния церквей получили возникавшие в разных местах церковно-приходские попечительства, которые, вместе с многочисленными церковными братствами, везде способствовали подъему и оживлению приходской жизни во всех ее проявлениях. Храмы, иконы, часовни сооружались в память проявления милости Божией к отечеству. Такими событиями были освобождение крестьян в 1861 г., спасения от покушений на жизнь имп. Александра II, чудесное спасение имп. Александра III и его Семьи во время страшного крушения царского поезда 17 окт. 1888 г. около ст. Борки Харьковской губ.

В самих Борках был в 90-х годах сооружен храм во имя Христа Спасителя преславного Преображения; у места же крушения Спасов Святогорский скит. 31 июля 1911 г. освящен был в Петербурге «Храм Спаса на крови», созданный в память моряков, погибших в войну с Японией в 1904–05 годах. Первым настоятелем его был о. Михаил Прудников, ранее капитан 1 ранга.

Все более созидались домовые церкви в учебных заведениях, благотворительных учреждениях, тюрьмах.

В царствование имп. Николая I для постройки церквей в С-Петербурге был выработан, особо ценным государем, академиком архитектором К. А. Тоном (1794–1881), однообразный стиль, получивший название «тоновского». Образцами такового могли служить церкви Благовещенская Л. Гв. Конного и Введенская Л. Гв. Семеновского полков, уничтоженные коммунистическою властью.

Автор отзыва о Тоне в «Энцикл. Словаре» Брокгауза и Ефрона, указывая на недостатки его произведений, пишет: «При всем том, Тону принадлежит та заслуга, что он первый отвернулся от слепого подражания западно-европ. образцам и указал русским архитекторам на богатый источник вдохновения, кроющийся в памятниках их родной страны».

В последние десятилетия XIX в. возродились храмы «шатрового» вида. Таковыми были в С-Петербурге храм Воскресения на крови, сооруженный на месте, где 1 марта 1881 г. имп. Александр II был смертельно ранен бомбой, брошенной злодеем, и Троицкий храм «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви». (Свящ. Н. Р. Антонов. «Храм Божий и церковные службы». СПб. 1912).

Архиепископ Антоний (Храповицкий) придавал большое значение церковному зодчеству. Он писал, что в нем начали возвращаться к церковному стилю со времени царствования имп. Александра III. «Посмотрите на Петербургские храмы, выстроенные за последние тридцать лет: вы найдете здесь и стиль эпохи Алексея Михайловича – поднятую центральную часть церкви с пятью главками, и стиль, особенно излюбленный

в XVI и начале XVII в. – пять толстых куполов на прямоугольном ящике с тремя апсидами и подражание гениальному храму Василия Блаженного и стиль Нарышкинский; таковы церкви: 1) Покрова на Боровой, Скорбящей на Стеклянном заводе, Троицы на Стремянной, 2) Ново-Афонское подворье, 3) Воскресение на крови и отчасти Андреевское подворье на Песках, 4) новая церковь на Смоленском кладбище. У нас на Волыни в г. Овруче восстановлен из развалин, но еще не отделан, храм XII в. св. Василия Великого, в точном подобии своей первоначальной постройки; затем строится в Почаевской Лавре теплый Троицкий (начала XV в.), но вчетверо обширнее своего оригинала» (Полн. Собр. сочинений. т. III). Последний храм – подражание Троицкому собору Троицко-Сергиевой лавры.

Храм во имя Свят. Василия Великого был освящен архиеп. Антонием 3 сент. 1911 г. в присутствии имп. Николая II, прибывшего в Овруч из Киева. Троицкий собор в Почаевской лавре был освящен архиеп. Антонием 9 янв. 1912 г. в присутствии представителя Государя, киевского, подольского и **Волынского** ген.-губернатора ген.-ад. Ф. Ф. Трепова. Сооружен он по проекту академика Щусьева.

Архиеп. Антоний, в слове своем к имп. Николаю II перед освящением собора в Овруче, проникновенно говоря о древнем русском искусстве, подчеркнул следующее: «К сожалению, только в последние годы русской жизни лучшие представители искусства обратились к воспроизведению в нем благоговейно умиленных приемов древне-русского зодчества и живописи. И это новое дело своим распространением обязано Твоему, Государь, державному участию, точнее – Твоему благословенному начинанию ...

Наиболее яркое выявление сего начинания представляет *Феодоровский Государев Собор* в Царском Селе, воздвигнутый волею Царя. Сначала сооружен был в 1909 г. временный храм во имя пр. Серафима Саровского для Собственных Его Величества конвоя и Сводного пехотного полка, образованного в 1881 г. Для украшения внутренности церкви иконами и утварью велено было обратиться к образцам русского благолепия XVII в. Исполнителем сего задания был архитектор

В. А. Покровский. Весьма многим храм обязан своим внутренним устройством знатоку и любителю русской старины, члену Государственного Совета, князю Алексею Александровичу Ширинскому-Шихматову, быв. обер-прокурору Свят. Синода.

Одновременно с временной церковью шло сооружение и постоянного храма во имя Феодоровской иконы Божией Матери, перед которой в Костроме юный Михаил Романов изъявил 14 марта 1613 г. согласие на царствование. Для постройки собора было выбрано государем место на поляне, прилегающей к парку, вблизи Александровского дворца. Строитель собора В. А. Покровский (первоначальные чертежи делал проф. А. Н. Померанцев) взял за ближайший образец его московский Благовещенский собор, сооруженный в конце XV в., позднее бывший домовою церковью первых царей из Дома Романовых. Их Императорские Величества, предоставив крупные средства на построение храма, с исключительным интересом следили все время за производившимися работами. Собор был освящен 20 авг. 1912 г. Он имел придел во имя свят. Алексия митрополита московского и нижний храм во имя преп. Серафима. Последний создан из перенесенной временной церкви. Сей храм освящен был 27 ноября 1912 г. Над устройством и оборудованием нижнего – *пещерного* – храма особенно потрудился помощник строителя собора, архитектор В. Н. Максимов, работавший под ближайшим руководством кн. А. А. Ширинского-Шихматова. В верхнем храме иконы и утварь были новые, изготовленные по древним подлинникам, пещерный же храм заключал в себе собрание подлинных святых предметов старины.

Приводим следующие строки из высокохудожественной книги «Феодоровский Государев Собор», напечатанной «с соизволения Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича»: «В пещерном храме всюду напоминание о Преподобном. Здесь ковчег с частицами его мощей, переданных архиепископом Серафимом, который, освящая пещерный храм, принес ему в жертву это драгоценное свое сокровище⁵⁵). На престоле храма дарохранительница,

изображающая сень над ракою с мощами Серафима – это жертва Саровской обители. С левой стороны от входа сияет дивный лик Угодника Божия – работа и приношение иконописца Гурьянова; справа икона Божией Матери «Умиление», снимок с чудотворной иконы, которая находилась в келлии у Преподобного; рядом икона «Знамения» Божией Матери Понетаевской – святыня Серафимо-Понетаевского женского монастыря, также живущего духовною благодатию Саровского старца. Моленная Ея Величества тоже живо напоминает Преподобного. Здесь в углублении северной стены образ Серафима во время молитвы на камне и икона «Знамения» Божией Матери Понетаевской, пред которою он почил; частицы дерева от келлии Преподобного, сосуд с водою из его колодца, масло от лампы, изображение Святого, кормящего медведя, сделанное на доске от келлии Святого, и другие изображения из жития Саровского старца. И в общем убранстве пещерного храма есть черта, близко связывающая его с обликом Святого, памяти которого посвящен его престол. Преподобный Серафим, будучи многоценным сосудом Божией благодати и сияя великими добродетелями, хранил образ глубокого смирения; и в сем храме редчайшие иконы и драгоценные ткани соединены в общую картину простоты и скромности. Только знающий человек может видеть ценность собранного, а, во внешности его нет ничего, что бросалось бы в глаза, пора жало бы взор. Храм этот не подавляет величием, не ослепляет блеском, он умиляет и располагает к тихой молитве ...».

Усердием кн. А. А. Ширинского-Шихматова, состоявшего товарищем председателя Императорского Палестинского Общества, воздвигнут был, незадолго до революции, в древнем русском стиле Николо-Александровский храм общества в Петрограде (на Песках) и строилась в том же стиле Николаевская церковь в Бари (Италия), со странноприимным домом. По Высочайшему повелению на кн. Ширинского-Шихматова было возложено руководство ремонтом и реставрационными работами в московском Успенском соборе.

В XIX и XX вв. в европейских государствах сооружены были следующие русские храмы: в Веймаре (1804), Риме (с 1823),

Потсдаме (1829), Афинах (1855), Висбадене (1855), Ницце (1859), Париже (1861), Карлсруэ (1865), Женеве (1866), По (1867), Праге (1874), Дрездене (1874), Брюсселе (1876), Веве (1878), на шипкинских высотах в Болгарии (1879), Баден-Бадене (1882), Копенгагене (1883), Франценсбадене (1889), Тегеле-Берлине (1892), Ментоне (1892), Биаррице (1892), Каннах (1894), Штутгарте (1895), Карлсбаде (1897), Меране (1897), Вене (1899), Гамбурге (1899), Дармштадте (1899), Софии (в нач. XX в.), Гамбурге (1901), Киссингене (1901), Герберсдорфе в Силезии (1901), Флоренции (1902–03), Мариенбаде (1902), Бад Наугейме (1905), Бухаресте (1909), Ницце, во имя свят. Николая и св. муч. Александры (1912), Лейпциге во имя святителя Алексия в память русских воинов, погибших в 1813 г. в лейпцигской битве народов (1913).

Согласно всеподданнейшему отчету обер-прокурора Свят. Синода, к 1908 г. в России имелось: церквей 51413, в том числе 735 соборных, 1765 монастырских, 38588 приходских и ружных, 2173 домовых и при учебных заведениях, 415 единоверческих, 5280 приписных и упраздненных и 2457 кладбищенских.

Кустарный иконописный промысел издавна существовал в Владимиро-Суздальской области, достигши особого развития в XVII-XVIII вв. В течение XVIII в. иконописное ремесло сокращается и сосредоточивается в трех больших селах Вязниковского у. Владимирской губ.: *Палехе, Мстере и Холуе*. С начала XIX в. иконописание там оживает. Интересно, что им заинтересовался Гете, в связи с чем произведены были обследования Н. М. Карамзиным и Владимирским губернатором Супоневым. К нему в Веймар посланы были две иконы палехских письмен работы выдающихся палехских мастеров – братьев Андрея и Ивана Каурцевых и две холуйских мастеров без обозначения имен.

В Холуе к началу XIX в. иконописцев было до семисот человек; в 1899 г. из 3500 жителей села иконописным промыслом занято было 452 чел. Сильно развито было там разделение труда: одни мастера – «грунтовщики» – только подготовляли доски, другие – «личники» – писали только лики святых, третьи прорисовывали одеяние; отдельные мастера или

мастерицы «убирали» иконы украшениями из фольги и т. д. Благодаря дешевизне и посредству офень миллионы дешевых икон расходились по всей России. Высший уровень холуйского мастерства равнялся примерно среднему уровню мастерства в соседнем Палехе. Свойством холуйской манеры письма было усиление многоцветности несколько примитивного и лубочного характера, а также реалистических тенденций.

В Мстере к концу XIX в. занято было иконописанием 1300 чел. Там иконописный стиль создавался вкусами и потребностями старообрядцев. Последние были и иконописцами-старинщиками, хорошо подноблявшими старые иконы и писавшими новые под старый стиль. Иконы отличались живописностью, тонко чувствовался колорит. Стиль Мстеры отличается также плоскостностью и ее производными – узорочностью и ковровостью.

В Палехе из 1431 жит. писанием икон в 1894 г. занимались 250 мужчин и 120 подростков. Ежегодно в то время делалось до 10000 икон, ценою от одного рубля до 100 и дороже. Палехский стиль отличался сдержанностью и объединенностью колорита общим тоном, характерною удлинённостью фигур, сложной обработкой плащами лиц, особой «разделкой колерами» одежд, наконец, сложностью композиции. В конце XVIII в. особенно хороши были иконы «акафистов» Спасителю, Божией Матери, свят. Николаю. Написанная в 1813 г. икона «Суббота всех святых» выявляет новый стиль. Икона очень сложная, без центральной фигуры, объединяющей все впечатление, главная композиция организована строго симметрически. Усилилась связь со строгановским ювелирным письмом. Колорит еще светлее и нежнее. Икона подписана палехским мастером Василием Ивановичем Хохловым. В начале XIX в. в Палехе знаменита была хохловская мастерская. Вообще же до половины XIX в. подписанные иконы очень редки. Палех замечателен фресками своего главного Крестовоздвиженского храма, выполненными в 1807 г. А. В. Бакушинский⁵⁶⁾ пишет: «Эти фрески – явление замечательное. Оне – последняя великая светопись завершающая цикл развития древнерусской религиозной живописной традиции... Фрески Палеха – яркий и

единственный по своей цельности и высокому качеству образец живописного фундаментального стиля, в котором сохранилась полная преемственность его от формы древне-русской традиции и вместе с тем появилась органическая связь с формами нового русского искусства конца XVIII и начала XIX века – формами классически-ампирными». Стенопись возобновлена была с 1902 по 1907 г. стараниями местного иконописца Николая Мих. Софонова. Работали лучшие мастера по стенописи во главе с И. М. Бакановым. Во второй половине XIX в. иконописное дело всего Владимирского района, по отзыву Бакушинского, переживало стилистическое вырождение, утрачивая свою своеобразность. Тамошние иконописцы все более принимали манеру иконописной петербургской мастерской М. С. Пешехонова, на которую многие из них работали. Там же мастерство превращалось в ремесло. С 80-х годов большое значение начало приобретать предприятие Софоновых – палеховцев, но имевших лавку в Петербурге. Софоновские мастера реставрировали фрески в новгородском Софиевском соборе (1898–99 гг.), в Владимирском Успенском соборе, в костромском Ипатьевском мон. (1911–12 гг.).

Знаменский пишет: «В 1858 г. в Академии художеств положено было учредить для образования иконописцев особый класс. Около того же времени у нас начал вырабатываться особый стиль иконописи по византийским и древнерусским образцам с приемами живописи и отличающийся большею правильностью рисунка и колорита.»

Император Николай II ценил иконы древнего письма. Государь и имп. Александра Феодоровна дарили друг другу древняя иконы, приобретение которых обычно поручали большому знатоку церковного искусства кн. А. А. Ширинскому-Шихматову. Последний, состоя с 1894 по 1903 г. прокурором московской синодальной конторы, собирал по всей России старые иконы древнего письма и лично их сортировал. Все, имевшее научную и художественную ценность и хорошо сохранившееся, он отдавал в патриаршую ризницу, в библиотеки патриаршую и синодального училища, или же размещал в витринах вдоль стен Мироваренной Палаты. Все

обветшавшее отдавалось в починку, реставрировалось и посылалось бедным церквам.

В 1901 г. был Высочайше учрежден Комитет попечительства о русской иконописи, под председательством гр. С. Д. Шереметева. Целью его было изыскание мер к обеспечению развития русской иконописи; сохранение в ней плодотворного влияния художественных образцов русской старины и византийской древности; содействие иконописи в достижении ею художественного совершенства. Комитету предоставлялось право открывать иконописные школы, содействовать устройству при школах и вне их артелей иконописцев; издавать руководства для иконописцев; открывать иконные лавки, организовывать выставки, устраивать музеи и т. д. («Прав. Бог. Энц.»).

В 1905 г. Комитетом издан был первый том «Лицевого Иконописного Подлинника», содержащего в себе иконографию Спасителя; в 1909 г. приступлено было к изданию второго тома, долженствовавшего состоять из снимков наиболее чтимых чудотворных и древних икон Богоматери, в пределах России, а равно и на православном Востоке. Работа эта была поручена известному русскому археологу Н. П. Кондакову, академику, доктору теории и истории искусств. Комитетом изданы были и два тома «Иконописного Сборника». По ходатайству Комитета Св. Синод образовал в 1908 г., под председательством епископа орловского Серафима (Чичагова), комиссию по изысканию мер для улучшения иконописания. В ведении Комитета состояли учебные иконописные мастерские в Мстере, Холуе, Палехе и в слободе Борпсовке, Курской губ. Комитет с 1903 г. начал борьбу с машинным производством икон, все более расширявшимся. В большом количестве печатались иконы литографией Фесенко в Одессе. В Москве фирма Жако и Бонакер стала изготовлять печатные иконы на жести и бумаге. Тяжело отразилось печатное дело на иконописцах Владимирской губ. Н. П. Кондаков представил Комитету докладную записку, характеризую растущее засилие машины в производстве икон. В 1909 г. о том же писал гр. С. Д. Шереметеву художник В. М. Васнецов. Выступления Комитета,

встретив возражения со стороны министерства финансов и в 1905 г. обер-прокурора Свят. Синода кн. А. Д. Оболенского, успеха не имели.

В 1913 г. в Москве на Варварке в т. н. Деловом Дворе устроена была выставка древних икон, приуроченная к 300-летию Дома Романовых. Один из крупнейших знатоков иконописи, П. П. Муратов, писал: «Казалось, этот интерес достиг своего «апогея» весной 1914 года. Ведь не было никаких сомнений, что при религиозности Государя и Государыни и при большом их внимании к русской старине, особенно пробужденном юбилейным 1913-м годом, древняя русская религиозная живопись заинтересует их и найдет в них своих покровителей. Отчасти это и случилось, и для украшения Феодоровского собора в Царском Селе уже было приобретено несколько превосходных древних икон, которые могли бы составить гордость и московского собирателя». («Возрождение», 9 фев. 1933 г.).

С. С. Ольденбург пишет: «Организованная в 1913 г. в Москве Романовская церковно-археологическая выставка, устроенная в Чудовом монастыре, и выставка древне-русского искусства Императорского Археологического Института дали возможность широким русским кругам познакомиться с русским искусством XIV-XVIII веков, которое так ценил Государь. Художественное значение русской иконописи впервые получило должную оценку. «Эти выставки (отмечал кадетский «Ежегодник Речи») – самое крупное событие в русской художественной жизни за последние годы». («Царствование Императора Николая II», т. II. Мюнхен 1949 г.).

Церковное пение

В первые десятилетия XIX в. выдающееся значение приобрел уроженец г. Глухова, *Дмитрий Степанович Бортнянский* (1752–1825), о котором, до назначения его в 1796 г. директором Придворной Певческой Капеллы, упоминалось в пятой части (стр. 719)⁵⁷). Занимая эту должность он главное внимание обратил на ту распушенность, которая установилась в церквях. Нередко исполнялись в них произведения невежественных композиторов, носившие названия, напр., херувимских, в самом же деле рядом с мелодиями умильного распева, выводившими разные веселые напевы. *В церковное пение вводились арии из итальянских опер.* И хорошия произведения писались неудобно для голосов. Все это побудило Синод, по представлению Бортнянского, постановить: 1) петь в церквях партесное пение только по печатным нотам; 2) печатать партесные сочинения Бортнянского⁵⁸), а также других известных сочинителей, но только с одобрения Бортнянского. Последний обратил внимание на мелодию. По его просьбе были напечатаны распевы, написанные крюками⁵⁹). Он сделал попытку разработать древние напевы церковного песнопения, но труды его не достигли полного успеха. Под влиянием духа времени, Бортнянский, желая придать старинным русским мелодиям вполне определенную ритмическую стройность, иногда видоизменял эти мелодии, удаляясь от истинного духа. Из старинной церковной мелодии, служившей ему как бы канвою, он создавал нередко почти новую мелодию. Чувствовалось влияние на него итальянской школы. Но, конечно, Бортнянский сделал много для церковного пения.

Велико значение протоиерея *Петра Ивановича Турчанинова* (1779–1856), одного из самых видных духовных композиторов. Дворянин Киевской губ., он был полковым певчим, потом учился у Сарти и Веделя, руководил хорами в Киеве и в Севске. В 1803 г. он принял сан священника, а в 1809 г. был вызван в Петербург и назначен регентом митрополичьего хора. Позже он был учителем пения в школе Придворной Певческой Капеллы;

участвовал в разных комиссиях по разработке и изданию духовных музыкальных сочинений. Панихидное пение, употребляемое повсеместно, написано почти все о. Турчаниновым. Духовно-музыкальные сочинения его строгого чистого стиля, певучия и задушевные, сделались достоянием всего православного мира и считаются образцами духовной музыки. Все сделанные им переложения, при сохранении основной мелодии, в гармоническом отношении отличаются величественностью и простотой. Самые выдающиеся переложения прот. Турчанинова – «Тебе одеющегося», «Да молчит всякая плоть», ирмосы великого четверга и великой субботы.

Известный знаток русской духовной музыки, *Иван Алексеевич Гарднер*, ныне профессор мюнхенского университета по курсу русского литургического пения, пишет в брюссельском журнале «Русские Перезвоны» (июль 1962 г.): «В начале XIX-го века мы имеем совершенно иную картину русского церковного пения, чем то было в XVII веке. Столповое пение осталось только у дьячков (не считая старообрядцев, свято хранивших древнее пение во всей его полноте), да в Московском Успенском Соборе, где в уставе еще остались следы соборно-кафедрального («Великой Церкви») богослужения. Партесное пение польского образца продолжало еще жить, но стремительно уступало место итальянскому стилю. Все же, песнопения кантового склада оставались прочно на клиросе особенно в монастырях. Демественное и путное пение окончательно забылись и наряду с знаменным распевом (в квадратном изложении) получил право гражданства киевский и греческий воспев, понемногу вытесняя знаменный воспев, как более удобные для пения в два (параллельными терциями), или в три и даже четыре голоса. Место, принадлежавшее прежде демественному пению, заняли эффектные произведения в итальянском стиле, в которых подчас невозможно провести границу между церковным и светским.

«Крупнейший духовный композитор той эпохи, Д. С. Бортнянский, ученик Галуппи, своим творчеством с одной стороны принадлежит к итальянцам, с другой же стороны дал

новое направление русскому церковному и именно хоровому пению. Это новое направление сказывается в некоторых его великопостных песнопениях, тесно примыкающих к кантовому стилю, и в большей согласованности музыки с текстом, чем это наблюдается у его предшественников, не говоря об итальянцах. Бортнянский признавал величайшую ценность русских древних распевов и их значение для развития национальной духовной музыки, а также понимал, что точно передают характер этих напевов только свойственные им безлинейные нотации. Поэтому он подал проект о необходимости напечатания наших распевов – знаменного и, вероятно, путного и демества, в подлинной безлинейной нотации, что, по его словам, должно послужить «развитию контрапункта отечественного». К сожалению, линейная нотация и «партесное» (теперь стали его больше называть «нотное») пение слишком укоренилось в практике церковных певцов и проект этот не был осуществлен.

«В качестве Директора Придворной Певческой Капеллы, Бортнянский получил право цензурировать духовно-музыкальные произведения, предназначенные для исполнения за богослужением. Ни одно новое произведение не должно было исполняться без предварительного одобрения Бортнянского. Однако, указ был составлен так, что можно было понять его двояко: или что право это дается только Бортнянскому лично, или же, что оно дается всем последующим директорам Капеллы. Так, преемники Бортнянского по директорству и поняли этот указ. В то время подобная строгая мера была необходима. В разных местах, в частных хорах, появились доморощенные, невежественные композиторы, которые стали сочинять музыку для богослужебных текстов, и не стеснялись при этом просто подтекстовывать арии из итальянских и французских опер.

«Бортнянский известен больше всего как автор многочисленных концертов, которым он дал стройную трехчастную форму, беря как текст отдельные стихи из псалмов. Концерты заняли в богослужении место причастных стихов, вытеснив собою уставный причастный стих, сведшийся к короткому речитативу вместо того, как прежде, петься широкой,

развитой (путевой) мелодией. До такой степени вытеснил уставный причастный стих концерт, что эту часть литургии многие стали попросту называть «концертом», и лишь на рубеже нашего столетия стало понемногу входить в обычай название «запри- частного» для тех песнопений, которые было принято петь для заполнения времени во время причащения священнослужителей в алтаре. В своих переложениях древних напевов Бортнянский очень свободно распоряжался обиходной мелодией, изменяя ее иногда до неузнаваемости.

«Второй после Бортнянского директор Капеллы А. Ф. Львов (1799–1870), автор гимна «Боже, Царя храни», большой друг и поклонник Рихарда Вагнера, явился проводником немецкого влияния на русское церковное пение. Ему принадлежит заслуга (довольно спорного, впрочем, свойства) издания полного круга богослужебных песнопений по придворному напеву, для смешанного хора. Придворный напев образовался в Придворной Капелле из киевского, греческого распева, и обрывков знаменного распева, в сильно сокращенном, приновленном для коротких служб в придворных церквах, виде. Эту работу выполнил Львов не один, он только редактировал работу, которую по его поручению выполнили его сотрудники – Воротников, Турчанинов, Ломакин и другие. В придворном распеве, кроме того, что мелодии сильно сокращены, многие песнопения, которые положено петь на известный глас, изложены читком на одной ноте, многие голосовые мелодии изменены, чтобы получить возможность гармонизировать их в обычном мажоре или миноре (вместо свойственных им ладов), некоторые песнопения, для простоты изложены в другом гласе, чем предписывается уставом, и т. д. С точки зрения музыкальной «обиход» Львова безупречен, с точки же зрения стиля русского церковного пения – не выдерживает критики. Он отнимает у русского церковного пения последнее, что еще оставалось после натиска польской, итальянской и – после Львова – немецкой музыки.

«Как директор Придворной Капеллы, получивший надзор над церковным пением всей России, Львов старался принудительными мерами (лишение регентского диплома и т. п.)

ввести свой обиход в обязательное употребление во всей России, не взирая на местные обычаи и веками укоренившиеся напевы. В защиту последних выступил тогда всесильный Митрополит Московский Филарет, решительно высказавшийся против введения придворного пения в своей епархии и тем спасший древнюю московскую традицию. Тем не менее, чрез регентов, получивших образование в Придворной Капелле и разошедшихся по всей России, придворный обиход Львова весьма быстро получил распространение и вытеснил местные напевы даже в дьячковской практике. В 70-х годах прошлого столетия этот обиход был переработан (не в лучшую с стилистической точки зрения сторону) преемником Львова (с 1861 г.) по директорству, Н. Бахметевым (1807–1891) и известен больше под именем «бахметевского обихода». Отсутствие научного интереса к церковному пению, которое рассматривалось теперь лишь с чисто музыкальной точки зрения, отсутствие знаний в этой области даже у ответственных за церковное пение лиц, не давали возможности достаточно критически отнестись к «обиходу» Львова-Бахметева, а авторитет Капеллы и пения «при Высочайшем Дворе употребляемого» гарантировало, в глазах только музыкально образованных регентов «доброкачественность» обихода...

«Все же древним напевам надлежало возродиться в новой, им подходящей многоголосной одежде. Начало этому положил протоиерей П. Турчанинов, деятельность которого выпадает на последние годы жизни Бортнянского († 1825) и на большую часть директорства Львова. Переложения знаменного и киевского распева, сделанные Турчаниновым, до сих пор не сходят с клироса. Малоросс, как и Бортнянский, Турчанинов в своих переложениях следует тому методу, который употребляли дьячки при пении на несколько голосов, и который так характерен для кантов: параллельное сопровождение основной мелодии терциями. Основную древнюю мелодию, большей частью согласно с квадратнонотными синодальными изданиями, Турчанинов все же иногда упрощает местами. Но простота и благозвучность его голосоведения, выбор гармонических сочетаний для данного места текста делают его

переложения классическими. Можно сказать, что он положил начало возвращения к древним русским мелодиям после безудержного увлечения иноземными стилями. Однако, нужно заметить, что все эти стили перерабатывались в русской певческой практике и так усвоились, что считаются теперь характерным русским стилем. Крайности, например – эксцеллентирование, разрыв слов, излишняя напыщенная бравурность, плагиат из оперных арий, и т. д. были отброшены или отпали сами собой и осталось то, что было приемлемо для благоговейного молящегося слушателя, и что соответствовало и смыслу текста, и характеру богослужения.

«Композиторская деятельность для церкви, отчасти благодаря строгой (стилистически, правда, слишком односторонней) цензуре Капеллы, отчасти же благодаря общему повышению музыкальной культурности в русском обществе во второй половине прошлого века, входит в определенную колею. Духовно-музыкальные сочинения второй половины прошлого столетия отличаются от произведений композиторов итальянской школы, главным образом, спокойной мелодией, преобладанием гармонического элемента над мелодическим, отсутствием дешевых эффектов, стремлением согласовать текст с музыкой и подчинить его симметрическому ритму. Протестантский хорал, с его плавным движением мелодии, безупречной гармонией, оказал на творчество композиторов этой эпохи весьма сильное влияние, но преобразовался под влиянием русского музыкального гения и литургических требований православной церкви. В результате получился тот русский церковно-певческий стиль, который характеризует произведения прежде всего Львова – главного проводника немецкого влияния на русский хоровой клирос, и его современников и последователей: Ломакина, Воротникова, Лирина, отчасти Львовского, Соколова, прот. Виноградова и др. – вплоть до, уже принадлежащего нашему столетию († 1924) Архангельского и ныне благоденствующего в США Рудикова. Это направление, исходившее от Придворной Певческой Капеллы, можно охарактеризовать как петербургскую школу духовных композиторов.

«Вторая половина прошлого столетия знаменательна еще тем, что в это время пробудился интерес к изучению церковного пения не только с практической стороны, как отдела общей музыки, но и со стороны теоретической и археологической. Еще в начале прошлого столетия появились ученые статьи о церковном пении митрополита Евгения (Болховитинова). Однако, автор, не обладая с одной стороны достаточными музыкально-теоретическими знаниями, с другой же стороны, недостаточно критически относившийся к обрабатываемому им материалу, высказал много положений, которые оказались впоследствии ошибочными. Около середины XIX века появились статьи о древнем церковном пении Сахарова, Ундольского, Бессонова, князя В. Одоевского и, наконец, В. Стасова. По инициативе кн. Одоевского в Московской Консерватории была учреждена кафедра истории русского церковного пения, занять которую был приглашен протоиерей Д. В. Разумовский.

«В 1869 г. прот. Разумовский выпустил первую часть своего капитального труда «Церковное пение в России». Последователями Разумовского явились – С. Смоленский, А. Преображенский, и крупнейший археолог и палеограф церковного пения – прот. Металлов, занявший после смерти Разумовского его место в Консерватории. Исследование Металлова о богослужебном пении русской церкви в период домонгольский является первым действительно научным трудом в этой области; за этот труд прот. Металлов получил от Московской Духовной Академии ученую степень магистра. Работы ученых были посвящены не только общему обзору истории церковного пения. Они были направлены также и на исследование знаменной нотации (совершенно забытой к этому времени) и форм наших основных церковных роспевов. В последней области нужно отметить труды протоиерея И. Вознесенского.

«Вместе с развитием хода исследований археологии нашего пения, пробудился интерес к древним напевам и у некоторых композиторов. Правда, композиторы петербургской школы не отказывались от обработки наших древних мелодий

для хора. Но они обращали свое внимание, главным образом, на те распевы, которые легче всего поддавались гармонизации по правилам и в стиле учения о гармонии по западным, главным образом, немецким учебникам. Протестантский хорал для них оставался исходной гармонической схемой для переложений древних мелодий. Поэтому они обрабатывали, главным образом, мелодии греческого и киевского распева, как напевы с наименее выраженной ладовой основой, и потому легко втискиваемые в мажорно-минорную схему, и гораздо легче поддающиеся гармонизации, нежели мелодии знаменного распева с их явно выраженной ладовой основой и совершенно своеобразной, прихотливой ритмикой. Для них еще не было найдено им свойственного способа облечения древней мелодии в многоголосную одежду.

«Кроме того, среди русских деятелей по церковному пению возникло тогда, отчасти под влиянием археологических изысканий, направившихся в ложную сторону, увлечение теорией, что русское церковное пение, и в частности знаменный распев, основано всецело на теории древне-эллинических ладов, и что церковное пение должно быть весьма простым. Исходя из этого, в 70-х гг. прошлого столетия Н. Потулов положил на четыре голоса для мужского хора весь круг песнопений, изложенный в квадратной ноте, причем, в основу своей гармонизации он положил строгий стиль протестантского хорала, т. е. применив почти к каждой ноте мелодии основное трезвучие или, в крайнем случае, секстаккорд преимущественно I, IV, V, и изредка VI и II ступеней, не допуская никаких диссонирующих сочетаний. В такой обработке мелодии знаменного распева, весьма подвижного по своей природе, потеряли свой характер; гармония получилась теоретически безупречно правильная, но настолько тяжеловесная и скучная, что обработка Потулова не получила распространения, как не получили распространения сделанные в том же духе и на тех же принципах переложения знаменного распева, сделанные Д. Соловьевым, В. Бирюковым и некоторыми другими. Мало того, такие обработки, скрывавшие совершенно мелодическое богатство и ладовый характер мелодий знаменного распева, как

бы отпугнули от них слушателей, и регентов, вследствие чего на клиросе почти пол столетия держался прочно с одной стороны обиход Бахметева, с другой стороны – композиции в духе петербургской школы, по стилю и фактуре весьма напоминающая так называемый «лидертафель- стиль» немецких хоровых фереинов (содружеств) того времени. Даже редакторы церковно-певческого сборника, изданного на рубеже нашего столетия Святейшим Синодом, не могли отделаться от обаяния этого чуждого стиля, а также от гармонизаторских приемов петербургской школы, равнявшейся не на основы народного русского природного многоголосия, а на композиторские приемы немецкой и чешской песни. Распространению и укоренению этого псевдо-русского церковного стиля способствовало также и одностороннее (только музыкальное) образование регентов высшего разряда, при слишком поверхностном музыкальном образовании главной массы провинциальных приходских регентов, большей частью не имевших для оценки поемых произведений никакого иного критерия, кроме своего личного вкуса, воспитанного на композициях, производящих на невзыскательного слушателя впечатление или ложного пафоса, или слащавой чувствительности, принимаемой за «молитвенность», но не имеющих никаких ни музыкальных, ни литургических достоинств.

«Резкий поворот в сторону восстановления древних распевов, и именно знаменного по преимуществу, произошел к самому концу прошлого столетия и им мы обязаны выдающемуся, но до сих пор еще не всеми по достоинству оцененному композитору А. Д. Кастальскому (1864–1926), ставшему во главе московской школы духовных композиторов. Выдающийся знаток русской народной песни, автор двух научных трудов по русскому народному многоголосию, знаток древних нотаций, Кастальский применил совершенно новый способ обработки знаменных мелодий, в основе которого лежит не немецкий протестантский хорал, а система подголосков, которыми сопровождает неумудренный музыкальной наукой и нотной грамотой деревенский певец основную мелодию своей

ноты. Одновременно с Кастальским, или даже несколько ранее, петербургский композитор Н. А. Компанейский тоже обратился к такому методу обработки знаменного распева. Однако, Компанейский все же ориентировался в известной степени на западную теорию музыки, и потому его обработки уступают в оригинальности и подлинности стиля обработкам Кастальского, хотя они и представляют собой гигантский шаг вперед, по сравнению с прежде делавшимися переложениями.

«Из композиторов светской музыки, с мировым именем, Чайковский еще раньше обратился к древним распевам. В то время как его «Литургия» была сочинена им свободно, но в духе господствовавшего тогда церковно-музыкального стиля, в своей «Всенощной» Чайковский дает уже обработки древних распевов, преимущественно киевского и греческого. Но опять таки, он или обрабатывает строго эти мелодии на основании господствующего западного учения о гармонии (Кастальский иногда отступает от него), или же дает волю своему, воспитанному на светской музыке, музыкальному чувству. В сущности, Чайковский дал мастерские произведения, однако не указал новых путей. Этим и объясняется то, что он сравнительно мало уделил внимания знаменному распеву. «Литургия» Чайковского получила особое значение для русских духовных композиторов: она сломала монополию цензуры духовно-музыкальных произведений, которую со времен Бортнянского имела Придворная Капелла. Крупнейшее в России нотное издательство П. Юргенсона, в Москве, издало написанную Чайковским «Литургию», не испросив предварительно разрешения на то Придворной Капеллы, директором которой был тогда Бахметев, удовольствовавшись только разрешением духовной цензуры. Капелла возбудила против издательства Юргенсона судебный процесс за нарушение права цензурировать духовно-музыкальные издания. Однако процесс был Капеллой проигран: суд выяснил, что по смыслу указа о подобной цензуре, право это было дано в свое время только Бортнянскому и не переходило ни на Капеллу, ни на последующих директоров, а потому одной духовной цензуры было вполне достаточно для законного опубликования

«Литургии» Чайковского и ее исполнения за богослужением. Тем не менее Бахметев запретил исполнение этой «Литургии». Часть регентов, находившихся под обаянием Капеллы и ее распоряжений, последовала этому распоряжению; часть же, ссылаясь на разрешение духовной цензуры, запрещение не принимала во внимание.

«Судебное решение по вопросу о цензуре духовно-музыкальных произведений имело громадное принципиальное значение. Как духовные композиторы, так и регенты освобождались им от надобности следовать и строго придерживаться стилистически крайне одностороннего стиля Капеллы и бахметевского обихода. Юргенсон широко открыл двери своего издательства духовным композиторам и тем дал возможность опубликовать свои произведения, написанные не в романтическом итальяно-немецком стиле, который исключительно культивировался в Капелле, согласно не русскому певческому преданию и особенностям русского музыкального гения, а согласно требованиям личного вкуса особ Императорской Фамилии. Несмотря на это, многие композиторы продолжали еще представлять на цензуру Капеллы свои произведения; одобрение Капеллы успокаивало совесть очень многих регентов.»

Церковного пения коснулись в частной переписке известный епископ Одесский и Херсонский Никанор (Бровкович) и К. П. Победоносцев. Владыка, скорбя о том, как совершаются богослужения в одесском кафедральном соборе, в числе прочего, писал 12 марта 1884 г.: «Прокимны все поют на одной ноте. Старые, многосодержательные напевы на глас забыты. Вообще эти обиходы Придворной Капеллы действуют на всероссийское древнее пение губительно ... Сведущий, но легкомысленный до дерзости регент нанес мне несколько даже оскорблений, выезжая на утрированной итальянщине, против которой я восстал...». Победоносцев, отвечая ему 16 марта, писал, что и в Петербурге в церквах о стихирах «и думать забыли, да певческие хоры не умеют и петь их.» – «Много бед», продолжал он, «нам наделали ученые, легкомысленные священники, в академиях отвыкшие от красоты церковной и от

богослужения. Великое дело – пение. Необходимо выводить безобразие певческих хоров и сводить пение к обиходу. Привычка петь все на один глас ужасная, и разведена придворным пением. Регента вашего приструните; эту язву выводить надо. Надеюсь выслать вскоре из Синода строгий указ о пении...» «Отрезок времени, примерно от 1885 г. до 1918 г.», пишет известный регент П. А. Александров, окончивший в 1912 г. по первому разряду Московское Синодальное Училище, «можно назвать последним этапом извилистого пути русского церковного пения; этот этап характерен сильным развитием художественной церковной музыки, становлением ее на свой собственный национальный путь. Для своего роста и положительных сдвигов, как в области песнотворчества, так и в области исполнительского мастерства, духовная музыка получила ряд новых импульсов. Прежде всего большую роль в общем подъеме интереса к церковному пению у правящих церковных кругов, у церковной общественности, у крупных музыкантов и в высших сферах сыграли два специальных духовно-музыкальных учебных заведения – Придворно-певческая капелла в Петербурге и Синодальное училище в Москве. В 1883 г. директором Придворной Капеллы был назначен граф С. Д. Шереметев; он привлекает в качестве управляющего Капеллой М. А. Балакирева, а последний приглашает своим помощником Н. А. Римского-Корсакова. Ощутительные результаты от руководства Капеллой двумя знаменитыми композиторами и выдающимися педагогами не замедлили сказаться. Регентский класс был поставлен на серьезные профессиональные рельсы. Песнотворчество ближайших сотрудников Н. А. Римского-Корсакова и М. А. Балакирева стало ближе по духу русскому стилю. Учителя пения и талантливые регенты – Смирнов, Азеев, Копылов – исполнительское мастерство придворного хора довели до высокого уровня; он по праву считался первым образцовым хором в России и заслужил отличную оценку слушавших его крупных западных музыкантов.

«В Московском Синодальном училище еще лучше сложились обстоятельства. По счастливой случайности в стенах

училища оказались три виднейших деятеля в сфере духовной музыки. Образовался, так сказать, «исторический» триумvirат: С. В. Смоленский – директор училища, В. С. Орлов – талантливейший регент хора и А. Д. Кастальский – исключительной силы духовный композитор. К этому еще надо прибавить удачное назначение в 1894 году на должность прокурора Московской Синодальной конторы князя А. А. Ширинского-Шихматова, который одновременно стал Управляющим Синодальным училищем и главным начальником Синодального хора. Как глубоко русский человек, князь хорошо понимал, что задачи Синодального училища и его хора не исчерпываются только обслуживанием большого Успенского собора в Москве. Он считал, что это учреждение должно давать надлежащий тон повсеместно в России, пропагандируя национальные начала в церковном пении и борясь с иноземным итапо-немецким духом.» («Церковная музыка в России в конце XIX и в первой четверти XX века». – «Православная Жизнь». 1962 г. №№ 8–10).

Подтверждает сказанное И. А. Гарднер. Отмечая значение в этом вопросе царствований императоров Александра III и Николая II, он пишет: «В прежния царствования царило немецкое влияние, выработавшее тот, с одной стороны мертвящий стиль обиходов Львова-Бахметева, с другой стороны – «молитвенную» (но отнюдь не благоговейную) немецкую лирику, которая стала искренне считаться «истинно-русским церковным пением». Крутой поворот к национальному наступил в царствование Александра III. Директор капеллы Бахметев (заморозивший русское церковное пение в школе Львова) был заменен Балакиревым, который вместе с Римским-Корсаковым расширил рамки духовно-музыкальной цензуры Капеллы в смысле одобрения опытов применения новой композиторской техники к церковному пению. Только в атмосфере покровительства русскому искусству со стороны Царя-Миротворца возможно было возникновение и расцвет московской школы. Прекращение преследования старообрядцев в царствование императора Николая II расширило возможность изучения древнего русского церковного

пения и его памятников – крюковых рукописей, ставших теперь доступными более широкому кругу ученых. Сам покойный Государь предпочитал традицию Капеллы, особенно любил Бортнянского, Львова, но не препятствовал и развитию направления московской школы свнодального хора, исполнение которого он ценил очень высоко. Прот. В. М. Металлов приводит слова Государя, сказанные им после одного духовного концерта в Москве в Высочайшем присутствии. Государь изволил сказать, что хор достиг самой высшей степени совершенства, дальше которой трудно себе представить, что можно пойти» (Металлов: «Свнодальное Училище в его прошлом и настоящем»).

Директор Московского Свнодального Училища, Степан Васильевич Смоленский, юрист по образованию, посвятил себя в молодые годы педагогической деятельности. Потом он увлекся изучением старинных распевов церковного пения. Побудило его к этому знакомство с старообрядцами и разбор рукописей библиотеки Соловецкого мон., находившейся в библиотеке Казанской Дух. Академии.

«Эта археологически-научная работа, в поисках замечательных памятников церковного пения седой старины», пишет П. А. Александров, «поглотила С. В. Смоленского. При дружной поддержке таких выдающихся личностей, как проф. истории церковного пения прот. Д. В. Разумовский, свящ. Н. И. Ильинский и С. А. Рачинский, он из скромного учителя семинарии вырос в выдающегося русского ученого и педагога. Его неоднократно приглашали в Петербург для участия в комиссиях, созывавшихся Св. Свнодом и Министерством Народного Просвещения. С его мнением считался обер-прокурор Св. Свнода К. П. Победоносцев. В 1888 г. С. В. Смоленский напечатал свой замечательный труд: «Азбука знаменного пения» (Извещение о согласнейших пометах) старца Александра Мезенца. Старец Александр Мезенец был председателем Комиссии, возникшей после Московского собора в 1667 г. для исправления текста богослужебных книг. С. В. Смоленский тщательно проверил текст «Певчей азбуки» и заново отредактировал его. «Этот труд (по отзыву исследователя церковного пения протоиерея В. М. Металлова)

расширил круг существовавших познаний в области крюков и углубил взгляд исследователя в самую сущность крюковой системы нотописания».

«Став директором Московского Синодального училища и одновременно заняв кафедру истории церковного пения в Московской консерватории, С. В. Смоленский с неустанной энергией и упорством принялся за проведение в жизнь своих заветных и давно обдуманных планов. Его созидательная работа в Синодальном училище дала серьезные результаты. Церковный хор, под талантливым управлением В. С. Орлова, о котором еще будет речь впереди, стал первоклассным художественным ансамблем. Само училище из заурядной певческой школы превратилось в серьезный музыкально-педагогический институт, с 9-ти классным курсом и подготовительным классом. Объем программ по ряду дисциплин сравнялся с консерваторским. Подбор преподавателей был серьезный. В числе педагогов были: В. В. Калинин, М. М. Ипполитов-Иванов, Н. Д. Кашкин, А. Д. Кастальский, В. С. Орлов, А. А. Эрарский и др. Энергия и трудолюбие Смоленского особенно сказались в устройстве при училище богатейшей библиотеки церковных рукописей; он собирал ее в течение ряда лет на свой личный страх и риск, не имея на это официального поручения и не получая никаких на то субсидий. Ценные памятники музыкальной старины приходилось разыскивать не только в Москве, но и в различных провинциальных монастырях, молельнях и даже за границей. «Вообразите», писал он, «что я достал из Ярославля не более как 12-хорную (48-голосную) обедню и к ней 2 концерта конца XVII или начала XVIII века. Вот каковы были русские-то!» Много преуспел С. В. Смоленский в деле привлечения к духовно-музыкальному творчеству не только своих ближайших помощников (А. Д. Кастальский, П. Г. Чесноков), но и других видных музыкантов, как например, А. Н. Корещенко, М. М. Ипполитова-Иванова, Ильинского, А. Т. Гречанинова. Смоленскому же принадлежит мысль об устройстве превосходных по замыслу и исполнению исторических концертов Синодального хора в 1895 году.»

Василий Сергеевич Орлов, сын дьячка, мальчиком был принят в сѣнодальный хор, окончил духовное училище для малолетних певчих и московскую консерваторию, будучи в ней учеником П. И. Чайковского. По рекомендации директора консерватории Н. Г. Рубинштейна, он был в Москве регентом хора из рабочих типографии А. И. Мамонтова, с каковым с успехом исполнил в 1880 г. впервые только-что написанную литургию Чайковского. По рекомендательному письму последнего К. П. Победоносцеву и прокурору Сѣнодальной Конторы А. Н. Шишкову, Орлов был назначен в 1886 г. регентом сѣнодального хора. «Последний», пишет Александров, «до Орлова страдал особенным сентиментально-драматическим стилем исполнения церковных композиций. Этот стиль держался во всех хорах до конца XIX века и поддерживался таким авторитетным учреждением, как Придворная Певческая Капелла. Орлов был достаточно подготовлен к тому, чтобы обновить и, главное, *облагородить* стиль исполнения. Ломку Орлов доводил осторожно и при поддержке таких сведущих лиц, как П. И. Чайковский и С. И. Танеев. При настойчивой, неутомимой работе Орлова Сѣнодальный хор достиг высокой степени совершенства исполнения в смысле безупречной интонации и выдержанности стиля... Его ученик, теперь профессор Московской консерватории В. П. Степанов, так говорит о В. С. Орлове: «Мягкий в жизни он делался стальным на эстраде. В момент творческого вдохновения он положительно преображался и стоял перед хором весь – власть, сила, огонь. Дирижер-вождь».

В 1899 г. хор, под управлением Орлова, выступал в славившейся своей музыкальностью Вене. П. А. Александров пишет: «За неделю до выступления хора в той же Вене состоялся концерт хора в 120 человек с первоклассными солистами в сопровождении оркестра и органа под управлением прославленного итальянского композитора церковной музыки Лоренцо Перози. «Успех этого концерта», писал Н. Д. Камкин, «не только не повредил успеху Московского хора, но даже способствовал ему, возбуждив желание сравнить исполнение итальянцев и русских. Аудитория слушателей

состояла из представителей родовой и финансовой аристократии, католической знати Вены и выдающихся музыкантов. Отборные голоса Синодального хора звучали превосходно и с первых аккордов можно было почувствовать, что ему не опасно сравнение. В обширную программу входили произведения Бортнянского, Львова, Турчанинова и сочинения А. Т. Гречанинова, А. Д. Кастальского, написанные в национально-самобытном стиле. Они-то и обратили на себя внимание иностранцев. Успех исполнения достиг своего апогея после виртуозного, в смысле динамических оттенков исполнения 40-ка кратного «Господи помилуй» Львовского, возбудившего восторг, доходивший до энтузиазма». А музыкальные критики Вены писали: «Ансамбль хора, от первых сопрано до низких, глубоких, как пропасть, настоящих русских богатырей-басов, так хорош, что кажется, будто слушаешь великолепный, замечательно чисто настроенный, орган». «У нас нет ничего равного этому Синодальному хору, – писала другая газета, – и полезно было бы задуматься, отчего же у нас этого нет, и как бы создать нечто такое же». Этот концерт просто утвердил репутацию хора, как лучшего и образцового хора в России.»

В 1901 г. Орлов был назначен директором училища, вместо Смоленского, поставленного во главе Придворной Певческой Капеллы. Им завершено было преобразование училища в высшую школу церковного пения, чему весьма содействовал прокурор синодальной канцелярии Ф. П. Степанов. Объединенные хоры Москвы (в 500, 600, 1000 участников) предоставляли Орлову дирижировать их концертами. Скончался он в 1908 г., в 51-летнем возрасте.

Регентом синодального хора с 1901 г. был Александр Дмитриевич Кастальский (1856–1926), окончивший московскую консерваторию, с 1887 г. преподаватель синодального училища, и помощник регента. «Кастальским издано 44 № № духовно-музыкальных сочинений, которые при своем появлении обратили на себя внимание всех, интересующихся судьбами русской церковной музыки, – удачным разрешением трудной задачи соединять в одном музыкальном произведении с одной

стороны характерную мелодию древних церковных напевов, с другой – требуемую современной техникой художественную обработку их». (А. Преображенский, кандидат богословия, библиотекарь Придворной Певческой Капеллы. «Прав. Бог. Энц.» 1908 г.).

«Творчество А. Д. Кастальского», пишет Александров, «полностью служило созданию национальной музыки в церкви. Его многоголосие народно и полно удивительно тонкого голосоведения. Он наглядно показал глубокую разницу между двумя системами – западно-европейской и российской народной системой многоголосия. В сочинениях А. Д. Кастальского это многоголосие засверкало яркой самобытностью и художественной ценностью, что сразу было отмечено нашей отечественной музыкальной критикой (прот. Лисицын, Н. Д. Кашкин, Сабанеев, С. Н. Кругликов, Ю. Сосновский) и музыкальными авторитетами Запада. Ряд композиций Кастальского, как-то: икос «Сам един еси бессмертный», «Свете тихий» № 1, № 2, особенно № 3, «Ныне от- пускаеши» демественного напева, «Милость мира» знаменного и сербского распева, «Достойно» царя Феодора, «Достойно» сербское, – остались по своему стилю и художественным достоинствам непревзойденными. Рассказывают, что С. В. Рахманинов, работая над «Всенощной» в 40 случаях обращался за советом к Кастальскому и 28 его замечаний принял во внимание. Синодальное училище и его хор, благодаря упорной и настойчивой работе С. В. Смоленского, В. С. Орлова и А. Д. Кастальского воскресили старинный знаменный распев, свободный от итальянских и других западных влияний, сообщили церковному пению свойственный ему стиль и оценили по достоинству музыкальные сокровища оставленные нам в древне-русских распевках. Следует упомянуть о Наблюдательном Совете при Синодальном училище. В его компетенцию входило проведение экзаменов для экстернов, просмотр и утверждение репертуара для Синодального хора, просмотр новых сочинений духовной музыки и обсуждение учебных дел училища. Это был авторитетнейший орган, о чем говорит его состав. В разное

время в нем заседали, наряду с администрацией Синодального училища, такие лица, как П. И. Чайковский, С. И. Танеев, В. И. Сафонов, А. С. Аренский, М. И. Иполитов-Иванов, Вик. Калинников, С. В. Василенко и другие.»

В Придворной Певческой Капелле и после улучшений, произведенных М. А. Балакиревым, продолжалась, по отзыву И. А. Гарднера, традиция Львова – хор понимался, как один инструмент, мелодия подчинялась гармонии. С. В. Смоленский, который, по словам П. А. Александрова, пытался произвести решительный поворот в сторону развития национальных распевов, не нашел сочувствия и через два года покинул пост директора. До него во главе Капеллы были гр. С. Д. Шереметев (с 1883 г.), имевший свою собственную капеллу, певшую в его домово́й церкви, и его брат гр. А. Д. Шереметев. С. В. Смоленского заменили композиторы Н. С. Кленовский и С. Ф. Соловьев, известный музыкальный критик.

Наряду с упоминавшимися выше композиторами, И. А. Гарднер указывает на Фатоева, Азеева, Аллеманова, П. Г. Чеснокова, А. Никольского. Отмечает он «Всенощную» С. В. Рахманинова, в которой последним дан «гениальный синтез церковной канонической мелодии с общей музыкой». По его словам, глубокие церковные корни имеет А. Т. Гречанинов. Но он держится за предписания общей музыкальной науки, что мешает ему в поисках своих, новых путей.

«Ростки собственного монастырского творчества, более близкого по духу к национально-самобытному стилю, без присутствия иноземного духа», пишет П. А. Александров, «стали проявляться ярко и вылились в самостоятельные распевы Киево-Печерской Лавры, Почаевской, Валаамского и Старо-Симоновского монастырей».

В 1910–1917 годы синодальный хор, под управлением Н. М. Данилина, достиг, по отзыву П. А. Александрова, совершенства времен В. С. Орлова. Выступления хора в Италии, Австрии, Германии и в Варшаве имели огромный успех. «В начале XX в.», пишет Александров, «количество церковных хоров, отличавшихся высоким качеством исполнения более возросло. Лучшими из них в Москве были хор Ф. А. Иванова, хор

Васильева, Чудовский хор, хор Храма Спасителя, хор талантливого регента-самородка И. И. Юхова. В Петербурге большой известностью пользовался хор, руководимый А. А. Архангельским. Отличительной чертой этого хора являлось участие в нем женских голосов. Церковно-певческая практика длительное время признавала только мальчиков для исполнения сопрановой и альтовой партий. Хор Архангельского отличался гибкостью в темпе, динамике и продуманной нюансировкой ... Славился хор Александро-Невской лавры под управлением регента самородка Тернова, хороши были хоры Исаакиевского собора, Казанского собора, Почтамтский хор. В Киеве – хоры Калишевского, Надеждина, Кошица, в Нижнем-Новгороде – хор Рукавишникова, в Пензе – Касторского. Все архиерейские хоры по епархиям также отличались стройностью исполнения и хорошим подбором голосов.»

Владыкой Амвросием (Ключаревым), в бытность его епископом дмитровским, викарием московской епархии (1877–82), основано было «Общество любителей церковного пения». Последним в конце XIX в. издан был квадратною нотой московский обычный напев. Владыка Амвросий возглавил с 1882 г. харьковскую епархию.

Исключительно потрудился знаток и любитель церковного пения архиеп. новгородский Арсений (Стадницкий), впоследствии митрополит. Им в 1911 и 1913 годах созваны были в Новгороде съезды учителей пения духовно-учебных заведений епархии. Итогом работ съезда было напечатание, под руководством владыки Арсения, «Спутник псаломщика. Песнопения годичного круга богослужений с требоисправлениями», выдержавшего три издания⁶⁰). Большим знатоком церковного пения был в начале XX в. владыка Гавриил (Ченур), викарий кишиневской епархии (с 1910 г.), с 1919 епископ челябинский, скончавшийся в Югославии в 1933 г.

Главу о церковном пении закончим выдержкой из слова, обращенного архиеп. Арсением к участникам первого новгородского съезда: «Вы, конечно, знаете, почему так нужно дорожить нашим древним церковным пением. Оно есть выражение духа нашего народа, воспитавшегося и возросшего

под влиянием Церкви, которая была пестуном его, чадолюбивою матерью. Но если Церковь оказывала религиозно-нравственное влияние на народ, то и народ вносил многое от своего природного богатства и дарования в недра Православной Церкви, в виде мелодий, в которых отражаются глубина и сила его религиозного чувства и вообще его душевные качества. Эти мелодии, то возвышенно-простые, строгия и важные, то нежные, трогательные и умилительные, народ, как лучшее достояние свое, от чистого сердца отдает своей матери – Церкви. Вот почему эти родные звуки дороги ему как передуманные, пережитые, перечувствованные им. О многом они говорят русскому человеку: и о былом, и о настоящем, и об ожидаемом в будущем; будят в нем лучшие, благороднейшие порывы, святые чувства любви к вере, Царю-Отцу и родному Отечеству. Вот почему нужно дорожить этими родными мелодиями, как памятниками религиозно-народного песенного творчества. К сожалению, мы не дорожим им. Отсюда истинное церковное пение забывается, измышляется новое, чуждое духу нашего народа. Забота о сохранении и восстановлении древнего церковного пения является одною из главных забот тех, кому дороги интересы Церкви и народа...»

Церковное управление до восстановления патриаршества

К началу XX столетия при Св. Синоде существовали следующие, подчиненные ему учреждения: 1) Синодальные Конторы Московская и Грузино-Имеретинская. Первая управляла ставропигиальными монастырями, за исключением Соловецкого, Успенским собором в Москве и московским синодальным домом с его церковной библиотекой и ризницей; она же снабжала епархии св. Мгром. В 1892 г. при ней учреждено было Училище церковного пения. Вторая – управляла церковными делами в Закавказском крае и заведывала там церковными имуществами; представляла Св. Синоду кандидатов на архиерейские кафедры. Председателем первой конторы был митрополит московский, второй – экзарх Грузии. Членами первой – один или два настоятеля московских ставропигиальных монастырей, второй – четверо настоятелей и протоиереев. При обеих конторах состояли прокуроры. 2) Канцелярия. 3) Хозяйственное управление (с 1839 г.). 4) Контроль. 5) Духовно-Учебный Комитет (с 1867 г.). 6) Училищный Совет (с 1885 г.). Все эти вспомогательные учреждения находились в ведении Обер-Прокурора. В 1865 г. учреждена была должность Товарища Обер-Прокурора. Избрание архиереев принадлежало Св. Синоду, который выбирал трех кандидатов. Государь утверждал одного из них. Прежнего разделения епархий на классы с 1867 г. не существовало. Архиереи считались равными, исключая митрополитов Киевского и Галицкого, Московского и Коломенского, С.-Петербургского и Ладожского и Экзарха Грузии, архиепископа Карталинского и Кахетинского. В некоторых епархиях устанавливались викариатства. Получив титул епископа одного из уездных городов епархии, викарии не обладали правом на самостоятельное управление в этом уезде (обыкновенно им давалось право поставлять в уезде причетников и смещать их). (Заслуженный профессор прот. В. Г. Певцов «Лекции по церковному праву». СПб. 1914).

Из учреждений подчиненных епархиальному архиерею (стр. 758) – *консистории*, действовавшая согласно уставу 1841 года, получили в 1883 г. новый устав. Согласно таковому, «духовная консистория есть присутственное место, через которое, под непосредственным начальством епархиального архиерея, производится управление и духовный суд в поместном пределе православной российской церкви, именуемом епархией». При образовании консисторий членами их могли быть только монашествующие, позднее получили доступ и представители белого духовенства. Консистории находились в ведении Синода. Делилась консистория на присутствие и канцелярию. Число членов присутствия определялось штатами. Начальник канцелярии назначался и увольнялся Синодом.

Успешному усовершенствованию епархиальной администрации долгое время мешало крайне бедное обеспечение ее органов материальными средствами. Нищенские оклады ее штатных служащих, начиная с ответственных за ход работы секретарей консисторий, и существование ряда должностей, остававшихся совсем без вознаграждения, неизбежно вызывало взяточничество и разные поборы. Зло это стало ослабевать с конца шестидесятых годов, когда были увеличены консисторские оклады. Тогдашнее царствование имп. Александра II, даровавшего широкие права самоуправления всем сословиям, отразилось и на духовенстве.

Важное значение в епархиальной жизни получили *съезды духовенства* – епархиальные и окружные – для совещания по сословным и епархиальным делам, оказывавшие благотворное влияние на все отрасли этой жизни, особенно в отношении изыскания материальных средств.

По Высочайше утвержденному положению 12 июня 1890 г. протопресвитер военного и морского духовенства (стр. 759) *канонически* зависит от епархиальной власти, как, равным образом, и духовенство придворное, управляемое особым протопресвитером, состоящим и духовником Их Величеств. Причты заграничных церквей, получая содержание от министерства иностранных дел, управлялись С.-Петербургским епархиальным начальством, кроме иерусалимской, пекинской,

японской и др. миссий, состоявших в непосредственном ведении Синода.

Выше (стр. 759) отмечалось улучшение материального положения духовенства. К концу царствования имп. Николая I получали казенное жалование 55163 священно-церковно служащего, при 13214 церквях в 32 епархиях.

С 1860 г. вопрос об обеспечении духовенства подвергся особенно тщательному обсуждению и в правительственных сферах, и в литературе, и среди самого духовенства. В 1862 г. образовано было особое присутствие по делам духовенства из членов Синода, обер-прокурора, министров внутренних дел и государственных имуществ и др. лиц (действовало до 1885 года). В 1863 г. открылись в губерниях особые присутствия из представителей местной администрации, духовенства и общества, под председательством архиереев. В том же году уже наметился основной план последующих работ – расчет строился не столько на правительственные, сколько на общественные и, в частности, на приходские средства. Имелось в виду вызвать *самодеятельность приходских обществ*. Последнее проявилось в создании по приходам с 1864 г. приходских попечительств, восстановлении и открытии при церквях братств, в пожертвованиях на причты, в назначении им (напр. в Таврической г.) годового приходского жалования, в разных в пользу их постановлениях земств и пр. Духовенство, с своей стороны, предпринимало разные меры самопомощи, изыскивая средства для образования своих детей, заводя свечные заводы (епархиальные), учреждая эмеритальные кассы. Правительственные мероприятия состояли в новых нормальных штатах для соборных и приходских причтов и возвышении им окладов жалования (с 1864 г.), особенно в западном и прибалтийском крае, в распоряжениях об отводе им земель, постройке домов, отпуске леса, возвышении пенсионных окладов и т. д. (Знаменский).

В церковной жизни, как уже отмечалось, ознаменовано существенными мероприятиями царствование императора *Александра III Миротворца*. Положено, на этот раз, уже твердое основание обеспечению всего духовенства жалованием. На

докладе об этом обер-прокурора Победоносцева, государь высказал желание восстановить порядок, начатый в 1842 г., но подвергавшийся потом изменениям. 28 окт. 1892 г. было Высочайше утверждено мнение Государственного Совета об отпуске в 1893 г. на обеспечение духовенства жалованием 250000 руб. и в каждый последующий год вновь по такой же сумме к отпуску предшествовавшего года до назначения всем без исключения причтам жалования. 24 дек. 1892 г. имп. Александр III писал Победоносцеву: "Давно это была моя мечта, мое глубокое убеждение, что необходимо придти на помощь и обезпечить сельское духовенство, и теперь, слава Богу, мне это наконец удалось. Дед мой Николай Павлович начал это дело в сороковых годах, а я его только продолжаю». Значительно улучшено было положение *военного духовенства*. В 1887 г. упорядочено назначение пенсий военному духовенству. В 1883 г. утвержден новый устав духовных консисторий. В 1884 г. издан новый устав *духовных академий и семинарий*. Профессорам и учителям увеличено содержание, применительно к ведомству народного просвещения.

По всеподданнейшему отчету обер-прокурора Св. Синода за 1900 г. число протоиереев доходило до – 2230, священников – 43784, диаконов – 14945, причетников – 43857. По тому же отчету, кроме заграничного, придворного и военно-морского духовенства, причты 24660 церквей получали казенное содержание. Средством содержания были и земельные наделы – от 33 до 99 десятин на причт, кроме усадеб, каковые земли никаким налогам не подлежали и могли быть отчуждаемы только с Высочайшего соизволения.

Монастыри. Подвижники

Император *Александр I*, как и его отец, относился к монашеству благосклонно, в особенности в последние годы своего царствования, когда он посещал монастыри и схимников. Особенно известно посещение имп. Александром Валаамской обители в августе 1819 г. Государь редко отказывал монастырям в просьбе о пособиях. Многие обители успели при нем поправиться после разгрома их во второй половине XVIII в. и обстроиться почти заново. Весьма важное значение для материального обеспечения монастырей имело дозволение им – в 1805 и 1810 годах – приобретать с Высочайшего разрешения в собственность незаселенные земли.

В царствование имп. *Николая I* положение монастырей еще улучшилось. В 1835 и 1838 гг. обителям на содержание их положено было отвести земельные и лесные участки от 50 до 150 десятин из казенных земель и дач. Вследствие этих отводов, а также покупок и пожертвований многие монастыри успели обзавестись довольно значительными земельными владениями. В 1842 г. графиня Анна Орлова, почитательница архим. Фотия, пожертвовала по 5000 р. на 340 монастырей. Кроме того она особо обогащала монастыри Юрьевский, Соловецкий и Почаевский. Были и другие крупные благотворители. С 1859 г., как указывалось, помогало монастырям особое общество.

В 1802 г. был восстановлен по просьбе вологодских граждан древний Спасо-Каменный мон., закрытый в 1775 г. после сильного пожара. В 1803 г. в Черниговской епархии открыт Максаковский мон., упраздненный в 1788 г.; он передан был единоверцам. Как упоминалось (стр. 623) восстановлены были и другая обители.

В 1828 г. был восстановлен Успенский Дивногорский мон. в Воронежской епархии, закрытый в 1786 г. В 1844 г. был восстановлен, по просьбе благочестивой Т. Б. Потемкиной, Успенский Святогорский мон. в Харьковской епархии, основанный в XV в. и упраздненный в 1787 г. В 1850 г.

восстановлена была древняя Нило-Сорская пустынь в новгородской епархии, едва не закрытая в 1786 г. и остававшаяся приписной к кирилла-Белоезерскому мон. В 1884 г. был восстановлен древний Межигорский мон., обращенный в 1894 г. в женский.

Имп. Николай I в 1833 г. вызвал к себе игумена *Игнатия*, пользовавшегося его покровительством во время обучения в Николаевском инженерном училище. «Ты мне нравишься, как и прежде» сказал он ему «ты у меня в долгу за воспитание, которое я тебе дал, и за мою любовь к тебе; ты не хотел служить мне там, где я предполагал тебя поставить, а избрал путь по своему произволу; уплати же мне на нем долг твой. Я тебе даю *Сергиеву пустынь*, хочу, чтобы ты жил в ней и сделал из нея монастырь, который в глазах столицы был бы образцом монастырей». Пустынь была основана в 1734 г. в 17 верстах от Петербурга. В ней находилась чудотворная икона преп. Сергия Радонежского.

Дворянин вологодской губ., Димитрий Брянчанинов, род. в 1807 г.; он, по окончании училища, три года прослужил офицером и по болезни вышел в отставку. С детства глубоко религиозный, он давно стремился к иночеству. Первыми местами его подвигов были Александро-Свирский мон., Пощанская и Оптиная пустыни. В 1831 г. Димитрий принял постриг с именем Игнатия и рукоположен в иеромонахи. В 1832 г. он был назначен строителем Пелыпемского Лопотова мон. в вологодской епархии, где, за возобновление и благоустройство его, возведен вскоре в сан игумена. Государь не ошибся в своем выборе. Архим. Игнатий, управляя почти 24 года Сергиевой пустыню, много потрудился для устройства обители, возведенной потом в первоклассную. Им воздвигнуты три храма и несколько строений. По его же почину, по обеим сторонам строившегося при нем Троицкого собора, на так называемом поясе, изображены все святые, прославленные Российской Церковью, начиная с княгини Ольги и кончая святителями Иннокентием, Митрофаном и Тихоном. С 1838 г. архим. Игнатий состоял благочинным всех монастырей С.-Петербургской епархии. В 1857 г. он был хиротонисан во епископа кавкасского

и черноморского. С большим вниманием относился епископ Игнатий к духовенству и особенно к нравственному воспитанию духовного юношества в училище и семинарии. В 1861 г. он, по расстроенному здоровью, уволен на покой и до кончины своей в 1867 г. жил в Николо- Бабаевском мон., Костромской епархии.

«Краса русского православного иночества, он был деятельным учителем монахов не только в своих аскетически-богословских сочинениях», пишет К. Здравомыслов, «но и во всей жизни своей представлял дивную картину самоотвержения, борьбы человека со страстями, скорбями, болезнями, картину жизни строго иноческой, аскетической. Живя на покое, преосвященный Игнатий, занимался составлением аскетических сочинений, пересмотром и приготовлением к печати статей, писанных им в разное время. Сочинения его: «Аскетические опыты», «Аскетическая проповедь», «Приношение современному монашеству – правила наружного поведения для новоначальных иноков и советы относительно иноческого душевного делания», «Отечник», «Слово о смерти» и др. выдержали несколько изданий» («Прав. Бог. Энц.»).

Преемником еп. Игнатия в Сергиевой пустыни был архим. *Игнатий*. Он родился в 1811 г. в деревне Шишкине, ярославской губ., служил у купцов в С-Петербурге. Встреча с архим. Игнатием побудила Ивана Малышева уйти в 1833 г. в его обитель. Архим. Игнатий, обнаружив у него выдающийся художественный талант, отправил юного послушника учиться живописи в Академии Художеств. Впоследствии им был расписан почти весь иконостас и написаны другие образа в монастырском Троицком соборе, сооружение которого происходило под его непосредственным наблюдением. В 1858 г. он был посвящен в архимандриты и назначен настоятелем пустыни. В 1859 г. состоялось освящение собора. Был он некоторое время благочинным монастырей петербургской епархии. Архим. Игнатий пользовался исключительным уважением и расположением имп. Александра III, императриц Александры Феодоровны и Марии Александровны. Помощниками в духовном окормлении братии были родные его братья, отцы Платон и Макарий. Архим. Игнатий вел

подвижническую жизнь, обладал даром прозорливости; духовно близок был с о. Иоанном Кронштадтским, напутствовавшим его при переходе в 1898 г. в вечность. При рассмотрении проектов построения храма Воскресения на крови в Петербурге был одобрен Академией и утвержден имп. Александром III проект архим. Игнатия.

Современником владыки Игнатия был *епископ Феофан*, из своего позднейшего затвора в Вышенской обители поддерживавший тысячи людей в их духовной жизни, обличавший пороки и предвещавший опасности, грозящая России. Сын сельского священника Орловской епархии. Георгий Говоров, родился в 1815 г. Обучался он в киевской академии, приняв постриг еще до окончания курса. Окончив курс магистром, он последовательно был исп. должность ректора киево-софийских дух. училищ, ректором новгородской семинарии, профессором и помощником инспектора петербургской академии. Был он затем членом духовной миссии в Иерусалиме, ректором олонецкой семинарии, настоятелем посольской церкви в Константинополе, ректором петербургской академии, с поручением наблюдать за преподаванием Закона Божия в светских учебных заведениях столицы. В 1859 г. архим. Феофан был поставлен епископом тамбовским, в 1863 г. переведен во Владимир. Владыка много ездил по епархии, всем сердцем жил с пасомыми, был замечательным проповедником. С детства его более всего привлекал Святитель Тихон, пример которого и побудил его оставить епархию и стать духовным кормильцем всего русского народа. В 1866 г. он удалился в Успенскую Вышенскую пустынь, тамбовской епархии. С 1872 г. до самой кончины его в 1894 г. он пребывал в полном затворе.

«В свободное от молитвы время святитель-подвижник предавался богомыслию, и плодом его вдохновенных созерцаний явились его духовно-литературные труды... Все, что писал Вышенский затворник, извлечено было из пережитого им духовного подвига и запечатлено самобытною свежестю и глубокой жизненностью. Полные духовно-благодатного помазания, писания святителя Феофана не только побуждают

христианина грешника к покаянию, исправлению и благодатному обновлению жизни во Христе, но и ведут к действительному примирению с Богом, с людьми и с своею совестью, указывая самые надежные, Богом дарованные, средства к достижению всего этого. Считая необходимым на ряду с духовным занятием иметь «какое-либо нехлопотливое рукоделье», святитель Феофан в короткие промежутки между молитвой и умственными трудами занимался иконописью, резьбой по дереву, токарным, столярным и переплетным мастерствами. Иногда он летом, в ясную погоду по вечерам, любил производить наблюдения над небесными светилами посредством телескопа. Глубоко сострада неимущим, Святитель Феофан всю свою архиерейскую пенсию рассылал вдовам, сиротам, и прочим нуждающимся (оставляя себе лишь небольшую часть для покупки любимых книг); особенно много благотворений делалось им пред праздниками Рождества Христова и Пасхи. Еще обширнее были его дела милости духовной, состоявшей в его громадной переписке, которой он посвящал немало времени. Ежедневно со всех концов России поступали к нему, иногда сразу в количестве нескольких десятков, письма с выражением духовных и телесных скорбей, и ни одно из них не оставлялось им без ответа. Из тиши своего затвора, всегда зорко следя за всеми явлениями церковной и общественной жизни, он горячо вооружался по поводу уклонений ея от истинного пути, а в своих письмах ревностно изобличал заблуждения современных ему пашковцев, ирвингиан и толстовцев, побуждая и других противопоставлять им «духовное воинство». Всего в настоящее время имеется в печати десять книг собрания писем святителя Феофана, представляющих истинное духовное сокровище. Вообще в лице святителя Феофана, посвятившего всю свою жизнь на служение спасению ближних, мы имеем, как писал о нем Высокопреосвященный Никандр, архиеп. Виленский⁶¹) общего христианского учителя при его безмолвии, общественного деятеля – в затворе, церковного проповедника, всюду слышимого, хотя и не являвшегося в последнее время на церковной кафедре; миссионера – обличителя сектантских

заблуждений, хотя и не вступавшего на поприще открытой миссионерской деятельности; яркого светильника учения Христова для народа православного, хотя и укрывшегося от взоров народных; никакого почти достатка материального не имевшего, но всех богатившего и богатящего духовным достоянием учения своего; не искавшего временной земной славы, но прославленного теперь и людьми, и наукою, и целыми учреждениями. И русский православный народ глубоко почитает память святителя-затворника, молясь об упокоении его души и возжигая свечи у его гробницы с молитвенными прошениями к нему о помощи в своих нуждах». (С. В. Булгаков. Настольная книга для священно-церковно-служителей. Изд. III. Киев. 1913).

В царствование имп. Александра II, при освобождении в 1861 г. крестьян от крепостной зависимости, монастырям, в замен прежней казенной прислуги, было ассигновано до 168200 руб. на наем таковой. Постепенно увеличивались штатные суммы на содержание обителей; к 1890 г. оне возросли до 425.000 р.

В 1876 г. братство афонского Пантелеймонова (Руссика) мон. задумало устроить обитель на Кавказе на месте погребения Ап. Симона Кананита и послало туда иноков, которым удалось для этого получить в дар монастырю 427 десятин земли в Абхазии, в 25 в. от Сухума, на берегу Черного моря. В 1876 г. для руководства работами был послан иером. *Иерон* (Васильев). Крестьянин костромской губ., род. ок. 1830 г., образования домашнего, он с 1862 г. был послушником Пантелеймонова мон. Наделенный от природы большими способностями, сильным умом, неутомимою энергией и великими силами души, будучи иноком-подвижником, о. Иерон выработал из себя опытного архитектора и художника-инженера. Он решительно занялся постройкой зданий. Вспыхнувшая вскоре война с Турцией повлекла разграбление и сожжение устроенного им. По окончании войны иг. Иерон вскоре восстановил монастырь. В 1879 году освящена была новая церковь. В 1889 г. он поставлен был архимандритом. Им восстановлен древний храм во имя св. Ап. Симона Кананита.

Архим. Иерон создал большое монастырское хозяйство – фруктовые сады, виноградники, водопровод, электрическое освещение и пр.

В XIX в. штатных монастырей (с определенным содержанием от казны) учреждалось немного, но общее число их сильно возросло. Имело в этом отношении значение присоединение Грузии и Бессарабии и обращение униатских монастырей – в православные. Всего более содействовало увеличению монастырей учреждение т. н. *женских общин*. Последние начали создаваться с издания штатов 1764 г. и состояли из сестер, исполнявших монастырские правила, но без пострижения, в роде послушниц и белиц. В эту страшную эпоху для монастырей многие послушницы и белицы остались на произвол судьбы, после закрытия невошедших в штаты женских обителей и перевода их монахинь в штатные монастыри. Оне оставались жить на прежних местах или селились при церквях, содержались милостынею от окрестных жителей. Последним оне служили уходом за больными, обучением детей и пр. Постепенно в разных местах стали возникать и другия общины с целью давать приют женщинам, посвящающим себя Богу без пострижения, для служения ближним при общинных больницах, приютах, училищах и пр. Многие общины потом сделались настоящими женскими монастырями. Из 127 общин, возникших до 1890 г., до 78 преобразованы в общежительные обители. Число их потом все возрастало. Некоторые из них, образовавшиеся в раскольничьих местностях или среди инородцев и иноверцев *Западного* края, имели особенно важное значение, быв благотворными источниками просветительного и нравственного влияния на обширные округа. Таковым был напр., известный *Богородицкий Леснинский мон.*, основанный в 1889 г. из существовавшей с 1884 г. женской общины. Находился он в посаде Лесно в 12 в. от г. Янова и состоял сначала в Холмско-Варшавской епархии, а затем самостоятельной Холмской. Община создавалась для ограждения местного православного населения от латино-польской пропаганды. При монастыре имелась школа с большим интернатом для детей, в котором их обучали разным

прикладным знаниям. Настоятельницей монастыря состояла матушка Екатерина (гр. Ефимовская)⁶²).

В 1881 г. право открытия новых обителей и общин предоставлено было Свят. Синоду, без испрашивания на то Высочайшего разрешения, если при этом не встречалось надобности в назначении казенных средств. В 1893 г. К. П. Победоносцев испросил Высочайшее повеление о предоставлении обер-прокурору права увеличивать, сверх существующих штатов, число монашествующих в таких монастырях, где на это имелись местные монастырские средства.

Всех монастырей, пустыней, скитов и женских общин (не считая немногочисленных приписных монастырей, в которых жили несколько монахов для отправления богослужений) существовало к 1 июля 1896 г. 789 (в число это входили 15 единоверческих), из них 495 мужских, в том числе лавры: Успенская Киевская, Троицкая Сергиева Московская, Александро-Невская Петербургская и Успенская Почаевская, 64 архиерейских дома, 7 ставропигиальных. За всю историю России наибольшее число монастырей основано в XIX столетии – 241. Ранее более всего основано было в XVII столетии – 145. (Энцикл. Словарь. Монашество).

Ставропигиальные монастыри, состоявшие в непосредственном ведомстве Св. Синода: Новоспасский, Симонов, Донской и Заиконоспасский в Москве, Вознесенский (Новый Иерусалим), Спасо-Яковлевский в Ростове и Соловецкий.

По данным всеподданнейшего доклада обер-прокурора Св. Синода к началу 1908 г. состояло: в мужских монастырях – 9317 монашествующих и 8266 послушников, в женских монастырях и общинах – 12625 монашествующих и 40275 белиц. (С. В. Булгаков. 1913).

Как и конец XVIII в. (стр. 627–34), начало XIX в. было временем *возрождения и нравственного подъема русского монашества*. Входили добрые семена, посеянные архим. Паисием (Величковским). Проявлялось все больше то, что порождено было монахолобивой деятельностью митрополитов новгородского и петербургского *Гавриила* и московского

Платона. В 1802 г. скончался игумен *Феодосий* (Маслов), ученик Паисиев, управлявший с 1779 г. древней (начало XV в.) Молченской Софрониевой Рождество-Богородицкой Печерской пустынью в курской еп. Им введен был в ней устав по чиноположению св. Афона. В Сарове закончил в 1809 г. свою подвижническую жизнь игумен валаамский *Назарий* (Кондратьев), вернувшийся за пять лет до преставления в родную обитель. Под его руководством в тамбовской и нижегородской губерниях образовался ряд женских обителей. После него осталось «Старческое наставление» для монашествующих.

Известными учениками Паисиевыми были: старец Адриан, вызванный митр. Гавриилом из Брынских лесов для настоятельства в Коневецком мон. († 1812 г.); Клеопа, строитель Введенской Островской пуст. владимирской еп.; схимонах Афанасий (Захаров) б. гусарский ротмистр, в пустынях Успенской Флорищевой Владимирской еп. и Богородицкой Площанской орловской еп. († 1823 г.); схимонах Феодор, помогавший некогда Паисию в его переводах в Нямецкой обители, проживший около 20 лет в молдавских монастырях, в России же живший в разных монастырях и везде претерпевавший гонения за то, что принимал других монахов «на откровение помыслов», т. е. за старчество, которое еще неизвестно было даже на Валааме († 1822 г. в Свирской обители); строитель Иоанно-Предтеченской Белобережской пуст. орловской еп. Василий, умерший в 1831 г. в Площанской пуст.; архим. Феофан (Соколов), управлявший 36 лет древним Кирилловым Новоозерским мон., скончавшийся в 1832 г. благочинным нескольких монастырей. Он особенно заботился о Горицкой обители, во главе которой была благочестивая и опытная игуменья Маврикия. Все они заботились исполнять заветы своего великого учителя, кто же из них стоял во главе обителей, вводить в оных духовное подвижничество архим. Паисия.

Духовною дочерью архим. Феофана была будущая игуменья Феофания (Готовцева), урожденная Шулепникова, дворянка костромской губ. (1787–1866). Воспитанница

Екатерининского института в С-Петербурге, любимица имп. Марии Феодоровны, она потеряла мужа, выступившего в 1809 г. в поход через шесть недель после брака и вскоре убитого в сражении со шведами. Духовную поддержку оказал ей о. Феофан. В 1818 г. она приняла постриг в Горицком мон., где проходила послушания под руководством игумении Маврикии. Примеру ее последовали сестра и три родственницы. С 1845 г. мать Феофания была назначена игуменией восстановленной имп. Николаем I обители, основанной имп. Елисаветой в столице и обращенной имп. Екатериной в общество благородных девиц (Смольный монастырь). Выбрана она была митр. Антонием, который хорошо знал ее. В 1849 г., по воле государя, началось сооружение в С-Петербурге Воскресенского Новодевичьего мон. Имп. Николай I говорил иг. Феофании: «Я сам буду вашим архитектором». К 1861 г. монастырь был сооружен; через пять лет иг. Феофания скончалась.

Крепко держалось в *Валаамском мон.* истинное монашество, укрепленное игуменом Назарием. Особым благочестием выделились в XIX столетии строитель Иоанафан, строитель и благоустроитель обители, игумен Дамаскин († 1881 г.), схимонах Иоанн (1810–94), рясофорный монах Феодор († 1838), монах Вениамин и схимонах Агапий, скончавшийся в 1905 г. Недалеко от Коневского скита, с церковью во имя иконы Коневской Божией Матери, находилась пустынька иг. Дамаскина. Она была местом обитания подвижника; в ней находились четыре маленькие кельи, в одной из которых стоял деревянный некрашеный гроб, в котором строгий пустынножитель, для памяти смертной, полагал на краткие отдохновения многотрудное тело свое (С. В. Булгаков).

Инок валаамский *Герман* прославил себя подвижничеством и миссионерством. Происходя из серпуховских купцов, он 16 лет вступил в Сергиеву пустынь (под Петербургом); через пять лет, получив чудесное исцеление от Пресвятой Богородицы, перешел на Валаам. Там он привязался душой к иг. Назарию, благословившему его жить в глухом лесу, дозволив по праздникам петь на клиросе. Он был выбран мудрым игуменом в числе нескольких иноков, отправленных в 1793 г.

митр. Гавриилом на Аляску (см. стр. 648). Более сорока лет подвизался он близ о-ва Кадьяка на небольшом и живописном острове Еловом, названном им «Новым Валааом». Сурова была его жизнь. «Он таскал для топлива большие деревья, которые могли-бы снести только четверо, возделывал огород, принося для удобрения его в громадном коробе морскую капусту; на зиму делал запасы грибов и соли, добывая ее из морской воды. Все добытое он употреблял на пищу, одежду и книги для своих воспитанников-сирот», пишет Е. Поселянин. Скучно было его питание. Постель состояла из узкой доски с изголовьем из кирпичей; одеяла не было. Тело свое, изнуренное бдением, сокрушал он 15-фунтовыми веригами, найденными после его преставления в 1837 г., на 81 году жизни. Алеуты часто приходили к нему. Он помогал им, разбирал их неприятности, мирил. Особенное самоотвержение проявил он во время повальной язвы в тех местах. Для просвещения алеутов о. Герман устроил жилище для сирот и учил их Закону Божию и церковному пению. Увлекательны были беседы, которые он вел после богослужений. При жизни и после кончины он проявил себя чудесами. («Русские подвижники XIX века».)

Справедливо наименование *монахолобцем* благочестивого митрополита киевского *Филарета* (Амфитеатрова). Столь многим обязана ему Оптиная пустынь, в бытность его епископом калужским (1819–25). В Киеве, в течение 30 лет, он чувствовал себя, как в родной стихии, среди братии Печерской Лавры, Выдубецкого мон., Голосеевской и Китаевской пустынь. Древняя обитель достигла при нем высшей степени благоустройства. Митрополит сам стал в ряды иноков, как простой, только старший, брат, называя себя «непотребным служкой Пресвятой Владычицы и св. Первоначальников обители сия». Другом его и духовным отцом был лаврский духовник иеросхимонах *Парфений* (1790–1855), которого он немногим пережил. Парфений, в миру Петр Краснопевцев, сын причетника тульской еп., еще в юношеские годы имел необыкновенные видения. Не кончив семинарию он ушел в Лавру, где первыми наставниками его были наместник Антоний (Смирницкий), будущий праведный архиепископ воронежский, прозорливые старцы Вассиан слепец

и Михаил схимник. Парфений всецело предан был молитве, «которая», по словам Е. Поселянина, «вросла в сердце и действовала даже во сне». Необыкновенно было его усердие к Матери Божией. Величайшей отрадой Парфения было ежедневное служение литургии в домовой церкви митрополита. Весну и лето он проводил с владыкой Филаретом в Голосеевской пустыни. Там, в чаще леса, была его келья. Многочисленны были посетители, искавшие его наставлений. Был он наставником отрока, исцеленного митр. Филаретом от немоты, оставшегося в Лавре, будущего старца *Алексея Голосеевского*, преставившегося перед самой революцией, предсказывавшего в январе 1917 года, что в России будут закрываться монастыри и храмы. Составитель жизнеописания митр. Филарета писал: «Велика была любовь святителя к старцу, но безпредельна и преданность старца святителю; и этот духовный союз, только на время прерванный смертью Парфения, составлял для обоих утешение в их подвижническом странствии в житии сем. Душа архипастыря, утомлявшаяся нередко многотрудными занятиями своего сана, отдыхала в беседе просвещенного духом, но младенствующего понятиями о всем земном, старца; а душа старца с безусловным доверием опиралась о мудрость архипастыря». Преставился Парфений в день Благовещения, совпадавший в 1855 г. со Страстной пятницей. Владыка Филарет на своих руках выносил его гроб и схоронил его в Голосеевской пустыни в храме Пресвятой Девы во имя Ея Живоносного Источника. Современником старца Парфения был иеросхимонах *Феофил* (Горенковский), сын священника киевской епархии (1788–1853). Страшно было его детство. Возненавидевшая ребенка Фому мать несколько раз пыталась его утопить. Мальчика сначала воспитывали сердобольные люди; потом он был отдан дяде, иноку Братского мон. в Киеве; там учился в академической школе, не кончив ее стал послушником. Будучи иеромонахом, он пострижен был в 1834 г. в схиму и принял на себя подвиг юродства. Проживал он в Голосеевской и Китаевской пустынях⁶³); больше в последней, где, предвидя время своей кончины, преставился 28 окт., в день памяти великомуч. Параскевы, им особенно чтимой.

Монахолюбие митр. Филарета отразилось и на киевской академии, которая никогда еще не выпускала из своих стен столько монахов, как при нем. В это же время в академию поступали и иностранцы православные, иногда оставляя для этого парижский и германские университеты. Большинство из них были уроженцы балканских стран. Среди них прославились в будущем митр. сербский *Михаил*, а также видные молдавские митрополиты Вениамин и Филарет (Попеску-Скибан).

Митр. Филарет преподавал братству Лавры пространные *наставления*. Он внимательно следил за монашескою жизнью и отдавал распоряжения о послушаниях и по другим предметам; требовал он сохранения во всей полноте и точности древнего лаврского благоговейного пения. Особые чин священнодействия в Лавре и пение произвели в 1816 г. такое огромное впечатление на имп. Александра I, присутствовавшего на литургии, совершавшейся митр. Серапионом (Александровским), что он заповедал сохранять на веки чин и пение. Митр. Филарет в своих наставлениях строго запрещал клирошанам разговоры, безчинные взирания назад и по сторонам, запрещал допускать на клиросы петь кого бы то ни было, кроме клирошан и канонархов.

В XIX столетии особенное значение приобрели Оптиная пустынь, Саровский и Дивеевский монастыри. *Оптина Введенская пустынь* расположена на левом берегу р. Жиздры в огромном сосновом лесу, в 4-х верстах от г. Козельска, калужской губ. Основание ее относят к XVI в. Предание приписывает название обители легендарному предводителю разбойников Опте, потом раскаявшемуся и сделавшемуся отшельником. Вернее же предположение, высказанное Е. В., составителем книги: «Историческое описание Козельской Оптиной пустыни и Предтечева скита (калужской губернии). 1902.» Он полагает, что монастырь сначала был общим для старцев и стариц, имевших свои половины, и управлялся одним духовным лицом, что раньше допускалось. Московским собором 1499 г. общие монастыри были запрещены. По академическому словарю церковнославянского и русского языка (1847 г.), слово «обт» употребляется в творительном падеже, обозначая целое

количество. К этому добавим свидетельство Даля, что слова обт, опт обозначают общий.

Известно, что царь Михаил Феодорович пожертвовал землю, ладан и свечи обители, разоренной в смутное время XVII века и восстановленной в 1629 г. Упразднена она была в 1724 г., восстановлена в 1726 г. До конца XVIII в. обитель существовала скудно, главным образом, милостынями отдельных благотворителей; настоятелями ее были престарелые монахи. Решительный поворот в судьбе обители произошел благодаря владыке Платону (Левшину), митр. московскому и калужскому. Он посетил монастырь, нашел его местоположение очень удобным для пустынножительства, на подобие Песношского мон. Он вызвал в Москву настоятеля последнего, архим. Макария, состоявшего в переписке с архим. Паисием (Величковским). Владыка просил его дать из своего монастыря способного и вполне благонадежного инока. Макарий, с обычной простотой, ответил: «да у меня нет таких, владыко святой; а вот разве дать тебе огородника Авраамия?» При личном свидании, последний понравился митрополиту и, вопреки своему желанию, был послан устроить обитель, которую нашел в очень запущенном состоянии, имевшей трех монахов глубокой старости. Архим. Макарий убедил нескольких иноков Песношского мон. перейти в Оптину. Руководствуясь заветами старца Паисия, он наставлял о. Авраамия, который очень много сделал для обители. Много забот в отношении ее проявлял первый епископ самостоятельной калужской епархии, владыка Феофилакт (Русанов), правивший с 1799 по 1809 г.г. Много потрудившийся, построивший два храма, иг. Авраамий скончался в 1817 г.

Владыка *Филарет* (Амфитеатров), свое епископское служение начал в калужской епархии. Со старчеством он ознакомился в бытность свою инспектором и ректором Орловско-Севской семинарии. Будучи одновременно настоятелем Брянского Свенского мон., он установил духовную связь с проживавшими в соседнем Челнском мон. схимонахом Феодором, учеником Паисиевым и настоятелем сей обители о. Леонидом (Наголкиным), духовным сыном Феодора. Епископ

Филарет, при первом обзоре епархии, нашел месторасположение Опти- ной пустыни весьма удобным для уединенной монашеской жизни и решил ввести там более благоустроенное общежитие со скитом для иноков-аскетов, способных к созерцательной жизни. Взор его обратился на известных по духовным подвигам старцев: Досифея, Варнаву, Никиту, Иакова, Василиска, Зосиму, Адриана, Афанасия и, присоединившихся к ним в 1811 г., Моисея и Антония, проживавших в Рославльских лесах смоленской губ., на земле помещика Броневского. Еп. Филарета осведомил о них оптинский схимонах Вассиан. Лично владыка познакомился с о. Моисеем, представленным ему настоятелем Оптиной пуст. иг. Даниилом. 15 дек. 1820 г. еп. Филарет предложил начальнику Рославльских старцев, Афанасию, переселить часть их в Оптину пустынь «для безмолвного и отшельнического жития, по примеру св. отцев пустынножителей». Владыка дозволил им выбрать там подходящее для себя место. Дружина первых Рославльских отшельников, под водительством о. Моисея, 6 июня 1821 г. прибыла в Оптину пуст. и водворена была на монастырской пасеке. Старцы Афанасий и Досифей остались на своих местах. Для пустыни и скита введен был еп. Филаретом устав Коневского мон.

Архимандрит *Моисей* (Путилов), род. в 1782 г., сын серпуховского купца, начал свою службу в Москве у откупщика. С детства он и его два младших брата отличались религиозною настроенностью. Находились они под духовным влиянием старцев московского Новоспасского мон. Филарета и Александра. Большое влияние на юношей имела также и старица московского Иоанновского мон., монахиня Досифея (по общему мнению княжна Тараканова), направившая их к сим старцам. Моисей (тогда Тимофей) и брат его Антоний (тогда Александр) поселились в Рославльских лесах. Брат Иона ушел в Саров, где впоследствии был настоятелем. Под руководством старцев, вышедших из обители Паисия, они опытным путем учились «умному деланию», т. е. внутреннему вниманию, искусству разбираться в своих помыслах, бороться со своими страстями, и преодолевать их непрестанною Иисусовою

молитвою. В свободное от занятий время Моисей читал и переписывал святоотеческие книги. Он был первым устройтелем скита. В 1825 г. иг. Даниила перевели настоятелем в Добринский мон., рязанской епархии. 12 сент. 1826 г. новый владыка Григорий (Постников) утвердил о. Моисея в управлении и настоятельстве пустынь. Тридцать шесть лет стоял он во главе пустыни и скончался в 1862 г. Годы эти были временем наибольшего ее развития, как в духовном, так и в хозяйственном отношении. Желание владыки Филарета об установлении в пустыни благоустроенного общежития с высшими аскетическими подвигами вполне осуществилось. Понес архим. Моисей на себе и всю тягость забот об обеспечении братства пустыни и скита жизненными потребностями. В душеспасительном делании его помощниками были привлеченные им в обитель старцы: сперва – Леонид, потом – Макарий. Ближайшим же его сотрудником в последние годы был брат, игумен Антоний, поселившийся в пустыни и скончавшийся через три года после него. Прот. С. Четвериков ⁶⁴⁾ писал: «Если о. Моисею преимущественно был присущ дар мудрости, то о. Антонию было более свойственно нежное, любящее сердце, о чем свидетельствуют и его записки, и его письма, напечатанные после его смерти».

Преемник о. Моисея, архим. *Исаакий* (Антимонов), сын богатого курского купца, с детства, под влиянием деда, был верующим. Глубокое религиозное чувство жило в нем и влекло его в иной мир. Выехав однажды на ярмарку, он, будучи 38-летним, свернул в пути в Оптину пустынь. После беседы с старцем Леонидом, который, не зная его, назвал по имени, он навсегда остался в обители. В скиту Исаакий прожил 16 лет. Прот. С. Четвериков пишет о нем: «Это был удивительный человек, олицетворение простоты, естественности, скромности и глубокой молитвенной собранности. Он не мог без слез совершать литургию. Его преданность и послушание старцу было всецелым». Отсутствие школьного образования он восполнил внутренним духовным опытом жизни и чтением святоотеческих книг, преимущественно Аввы Дорофея и Иоанна Лествичника. Приходя на церковные службы по первому удару

колокола, он требовал того же от братии. Продолжал он хозяйственное устройство обители. Скончался архим. Исаакий в 1894 г., 85 лет от роду.

Первым, установившим особенности подвижничества Оптиной пуст., был иеросхимонах *Леонид* (Наголкин), в схиме Лев, ученик учеников Паисиевых. В мире Лев, он род. в 1768 г., был мещанином г. Карачева, орловской губ.; в молодости занимался торговлей. В 1797 г. он ушел в Оптину пуст. и, прожив там два года, перешел в Белобережскую пуст., где сблизился со своим земляком Феодором, учеником Паисия. Братия избрала Леонида настоятелем. Таковым он пробыл недолго и поселился в соседнем лесу, в уединенной келлии, вместе с единоклубными старцами Феодором и Клеопой. Потом он подвизался в Валаамском и Александро-Свирском монастырях. По смерти в 1822 г. Феодора, он перешел в Челнский мон. орловской еп., а затем в Оптину пустынь. Поселившись в 1829 г. в скиту Оптиной пустыни, о. Леонид сделался средоточием духовной жизни обители, ее первым старцем. Он отличался необычайной живостью и яркостью внутренней жизни, но старался прикрывать свои дарования некоторым видом юродства. В нем не было ничего напускного, заученного, формального. Народ любил его и теснился к нему. Епархиальное начальство относилось к нему недоброжелательно, налагало на него разные ограничения, запретило даже носить схимническое одеяние. Но защитниками его являлись игумен Моисей и оба митрополита Филарета. Старец Лев скончался в 1841 г., 72 лет от роду.

Известны ученицы старца Льва, благодаря которым обычай руководства старцами перешел в начале сороковых годов в Крестовоздвиженский Белевский женский мон. Тульской еп. Ученицами его там были: Павлина – настоятельница, Магдалина – казначея и Анфия.

За семь лет до кончины старца Леонида в скит прибыл иеромонах *Макарий* (Иванов). Дворянин орловской г., он родился в 1788 г.; обучался в приходском училище, дополнив свое образование в семействе своих родных Предельских; занимался потом хозяйством. В 1810 г. он, по склонности к

монашеской жизни, удалился в Площанскую пуст., где подвизался десять лет под руководством старца Афанасия (Захарова), по смерти которого установил переписку с старцем Леонидом. В 1817 г. он был рукоположен в иеромонаха. По прибытии в скит, он сделался ближайшим помощником старца Леонида. Прот. С. Четвериков пишет: «Семь лет продолжалась совместная жизнь и деятельность старцев Леонида и Макария. Тесная духовная дружба связывала их. Нередко они Даже писали общия письма своим духовным детям за своею общею подписью. Между тем они были совершенно не похожи друг на друга ни по внешности, ни по характеру. Отец Лев, из купцов, крупный и представительный, был прям, грубоват и резок и отличался не столько начитанностью в духовных писаниях, сколько духовно-практическою мудростью. Отец Макарий, из дворян, был слабого сложения, некрасив, с неправильностью в устройстве глаз и в речи, обладал мягким и кротким характером, эстетическими наклонностями, в молодости даже играл на скрипке, знал и любил церковное пение, любил цветы, был очень начитан в церковной литературе, имел склонность к ученым, кабинетным занятиям. Оба старца как бы дополняли друг друга. Со смертью о. Леонида (Льва) бремя старчества легло всецело на одного о. Макария и он нес это бремя в течение 19 лет до самой своей кончины, последовавшей 7 сент. 1860 г. При нем деятельность Оптинского старчества получила новое направление. Отец Леонид являлся по преимуществу руководителем душ, прибегавших к нему за помощью, и целителем их немощей и болезней. Он имел дело большею частью с иноками и крестьянами. При о. Макарии впервые началось сближение с Оптиной пустынью представителей русской науки и литературы. Произошло это, главным образом, на почве издательства Оптиной пустынью *рукописей старца Паисия Величковского*, хранившихся в скитской библиотеке и занесенных туда в разное время разными лицами.» Почин в этом деле проявили супруги Иван Васильевич и Наталия Петровна *Киреевские*, жившие в своем имении Долбино, Бельского уезда, в 40 в. от пустыни. Они были духовными детьми старца Новоспасского м. Филарета, от которого много

слышали о старце Паисии и его творениях. Они сблизились с отцами Моисеем и особенно с Макарием, бывавшим и в их имении. У них трех и возникла мысль напечатать драгоценные, в духовно-подвижническом отношении, писания. На это они получили благословение митр. Филарета (Дроздова). Старец Макарий написал первые страницы предисловия к изданию. В деле издательства принимали участие профессора Московского университета *Ст. Петр. Шевырев* и Московской духовной академии *прот. Феодор Голубинский*, который был и цензором издания. Во всех затруднительных случаях обращались за указаниями к митр. Филарету, который даже вызывал к себе старца Макария. В январе 1847 г. была напечатана первая книга: «Житие и писания Молдавского старца Паисия Величковского». Потом последовало издание переводов старца Паисия святоотеческих книг. Издательская деятельность о. Макария с Киреевскими продолжалась до самой кончины Ивана Вас., последовавшей в 1856 г. В пятидесятых годах близкое участие в издательской деятельности о. Макария принимал Третий Ив. Филиппов, впоследствии государственный контролер. В эти же годы посетил Оптину пустынь и старца Макария *Н. В. Гоголь*.

Около о. Макария составила группа помощников, обладавших богословским и высшим образованием, в которую входили: о. Амвросий (Гренков), вполн. старец Оптинский; о. Леонид (Кавелин), вполн. наместник Троице-Сергиевой Лавры; о. Климент (Зедергольм), магистр филологии Московского университета; о. Ювеналий (Половцев), впоследствии епископ курский (с 1893 г.) и архиеп. литовский и др. После кончины о. Макария, заботами Н. П. Киреевской, были напечатаны его письма к монашествующим в 4 т. и к мирским особам в I томе, заключающие в себе драгоценные уроки христианской жизни, основанные на писаниях отцов-подвижников и собственном огромном опыте, чуткости и проницательности смиренного и любящего сердца, изложенные с удивительной простотой, напоминающею творения этого рода св. Тихона Задонского.

С 1853 г. о. Макарий посвятил себя старчеству, сложив обязанности скитоначальника и братского духовника и передав

эти обязанности старшему иеромонаху Пафнутию. Только некоторых монахинь и мирских особ продолжал он еще принимать к себе на исповедь до конца жизни, уступая усиленным желаниям их и просьбам. Когда некоторые из духовных дочерей его спрашивали, к кому благословит он обращаться после его кончины, он одним указывал на о. Амвросия, другим на своего иеромонаха Илариона. Первый долго болел и сначала об его духовных дарованиях знали немногие посторонние лица. Посетители же о. Макария, встречая постоянно, около 20 лет, келейником при нем о. Илариона, по большей части, стали, по кончине о. Макария, относиться к о. Илариону, как к старцу. («Историческое описание Козельской Оптиной пустыни и Предтечева скита».)

О позднейшем скитоначальнике *иеромонахе Иларионе* известно, как о верном и опытном в духовной жизни ученике старца Макария. По кончине последнего он был духовным отцом Киреевской и был ею очень почитаем. Когда в 1874 г. о. Иларион скончался, начальником скита стал молодой еще иеромонах *Анатолий (Зерцалов)*, учившийся в калужской духовной семинарии, ученик старцев Макария и Амвросия. Он – по словам прот. Четверикова – говорил о себе, что двадцать лет молил Бога дать ему простоту, и, наконец, вымолил ее. «Его», пишет о. Четвериков, «считают опытным делателем Иисусовой молитвы. Когда впоследствии старцем Амвросием была устроена *Казанская Шамординская женская община*, о. Анатолий стал ближайшим помощником старца в деле устройства этой обители и в духовном руководстве сестер. Имеются в печати его письма к монахиням, проникнутые особенным, восторженным, каким-то «пасхальным» одушевлением, и в этих письмах он постоянно напоминает о необходимости неустанной внутренней Иисусовой молитвы и указывает, как можно научиться и преуспеть в этой молитве. Будучи весьма скромным, он обладал чувством высокого личного достоинства и во всяком обществе умел быть одинаково общительным, занимательным и учительным. Шамординские сестры сохранили о нем самое светлое воспоминание, как о своем мудром и любвеобильном старце.

Со старцем Амвросием у него всегда были самые искренние и близкие сыновние духовные отношения.» Отец Анатолий скончался в январе 1894 г.

Старец *иеросхимонах Амвросий* (Гренков) был сыном причетника тамбовской епархии; род. в 1812 г. Он окончил духовную семинарию, был преподавателем Липецкого духовного училища. Дав еще в семинарии, во время опасной болезни, обет постричься в монахи, он не сразу выполнил его. Посетил он подвижника *Илариона Троекуровского* и выслушал от старца указание: «Иди в Оптину пустынь – и будешь опытен. Можно бы пойти и в Саров, но там уже нет таких опытных старцев, как прежде» (преп. Серафим преставился незадолго перед этим). Он так и поступил в 1840 г. Старец Леонид с любовью принял его под свое ближайшее руководство и, умирая, передал Амвросия о. Макарию, сказав при этом: «Передаю его тебе из полы в полу. Уж больно он ютится к нам, старцам». Отец Амвросий помогал о. Макарию в его издательской деятельности, продолжая заниматься этим и после его кончины. Но вообще то у него не было склонности к книжным и кабинетным занятиям. «Его душа», пишет прот. Четвериков «искала живого, личного общения с людьми, и он скоро стал приобретать славу опытного наставника и руководителя в делах не только духовной, но и практической жизни. Он обладал необыкновенно живым, острым, наблюдательным и проницательным умом, просветленным и углубленным постоянно сосредоточенною молитвою, вниманием к себе и знанием подвижнической литературы. По благодати Божией его проницательность переходила в прозорливость. Он глубоко проникал в душу своего собеседника и читал в ней, как в раскрытой книге, не нуждаясь в его признаниях. Легким, никому незаметным намеком, он указывал людям их слабости и заставлял их серьезно подумать о них».

Е. Поселянин в брошюре: «Детская вера и Оптинский старец Амвросий» (Петерб. 1901 г.), пишет: «Меня покорила его святость, которую я чувствовал, не разбирая в чем она, и та непостижимая бездна любви, которая, как следствие его святости, была в нем. Я теперь стал понимать, что назначение

старцев благословлять и одобрять жизнь и посылаемые Богом радости, учить людей жить счастливо и помогать им нести выпадающие на их доли тягости, в чем бы они ни состояли».

К о. Амвросию прибегали за советами и помощью православные и иноверцы, простые люди и ученые. В числе его ближайших пасомых состоял иером. *Климент* (Зедергольм), в мире Константин, бывший реформат, окончивший историко-филологический факультет Московского университета, принявший в 1853 г. в скиту православие, служивший некоторое время в Св. Синоде, с 1862 г. поступивший в скит. Он помогал болезненному о. Амвросию в обширной переписке с духовными чадами и принимал деятельное участие в изданиях Оптиной пустыни. Превосходное знание им древних и новых языков делало его незаменимым сотрудником по переводам святоотеческих трудов. Известны и его самостоятельные труды.

Скончался он в 1878 г. Духовным сыном о. Амвросия был известный писатель и философ, бывший русский консул в Турции, знаток православного Востока, *Константин Ник. Леонтьев* (1831–91). Он поселился в 1887 г. в Оптиной пустыни, в которой бывал и ранее. Через четыре года Леонтьев принял там тайный постриг, с именем Климента, и, по указанию о. Амвросия, переехал в Черниговский скит Троице-Сергиевой Лавры. Скончался он в Сергиевом посаде. Имеется его брошюра: «Православный немец Климент Зедергольм» (1880). В 1878 г. приезжали к о. Амвросию Ф. М. Достоевский и философ В. С. Соловьев. Три раза был у него гр. Л. Н. Толстой. После последнего его посещения в 1890 г., о. Амвросий сказал про него: «Горд очень».

С. В. Булгаков в своей «Настольной книге» пишет о старце Амвросии: «Толпы народа со всей России, изо дня в день и с утра до вечера, осаждали его пустынную келлию, ища его благословения, помощи, утешения, совета и разрешения сомнений, а за народом пошли к нему великие и ученые мира сего. Старец встречал и провожал всех с отеческою любовью и лаской, и всякий, приходивший к нему, выносил от него неизгладимое впечатление. Обладая даром прозорливости и исцеления, он весьма многих отпускал с умиротворенною

душою, с облегченным сердцем и с зачатками лучшей жизни, и в его келлии, под его влиянием, произошло не одно духовное возрождение. Его советы и наставления отличались необычайною жизненностию, его прозорливость поражала всех своею широтою и глубиною, теплота его любви ко всем притекающим к нему, была неисощима. Несмотря на слабость своего здоровья, он до последних минут своей жизни никому не отказывал в совете, наставлении и помощи. Стекавшиеся к нему от его почитателей значительные пожертвования он обыкновенно делил на три части, употребляя одну часть на нужды скита и на помин жертвователей, малую часть на лампадное масло и восковые свечи, самую же большую на бедных. В последние годы своей жизни он много также жертвовал на женскую Казанскую общину в Шамордине. Подобно другим русским подвижникам последнего времени, старец Амвросий признавал великую нужду в женских обителях и старался об их умножении, склоняя преданных ему состоятельных людей к устройению женских общин (обращенных впоследствии в монастыри) и способствуя сам этому. Его заботами была устроена община в г. Кромах, Орловской еп.; много сил положено им на устройство Гусевской общины в Саратовской еп.; по его благословению возникли Козельцанская община в Полтавской еп. и Пятницкая община в Воронежской еп. Но главное его творение, его кровное и любимое детище была Шамординская община».

В 1884 г. о. Амвросий основал в Шамордине, в усадьбе, пожертвованной его духовной дочерью, орловской помещицей Ключаревой, в иночестве Амвросией († 1881 г.), Казанскую женскую общину, с 1901 г. наименованную *Казанской Амвросиевской пустыней*. Обитель расположена в 12 вер. от Оптиной пуст. Начальницей обители старец выбрал свою духовную дочь, богатую и родовитую помещицу Софию Мих. Астафьеву, урожд. Болотову, скончавшуюся схимонахиней Софией. Прот. С. Четвериков пишет: «Имя старца Амвросия привлекло в обитель сестер со всех концов России, из всех классов общества. Пришли сюда и молодые курсистки, искавшие и находившие у старца указание смысла жизни;

пришли богатые и знатные помещицы, вкладывавшие свои материальные средства на созидание обители. Были здесь и любительницы благочестия из купеческого звания, принимавшие иногда тайный постриг еще до поступления своего в монастырь. И особенно много было простых крестьянок. Все они составили одну тесную семью, объединенную безграничной любовью к собравшему их старцу, который со своей стороны любил их также искреннею отеческою любовью. С особенною любовью принимал он в свою обитель всех обездоленных, несчастных, безприютных: «Таких-то, говорил он, нам и нужно». «Внимательно следил старец за благоговейным и уставным выполнением церковных служб. По благословению о. Амвросия сестры, во всех своих монастырских нуждах, старались сами себя обслуживать. Заботился старец и о том, чтобы в его обители процветали не только молитва и труд, но и дела милосердия и помощи нуждающимся. В Шамордине был открыт детский приют, была устроена богадельня для неспособных к труду старух, не только монахинь, но и мирских, открыта школа для приходящих крестьянских детей. Неутомимыми и постоянными помощниками старца в Шамордине были скитоначальник о. Анатолий, иеромонах о. Иосиф, буд. преемник старца, о. Венедикт, буд. заместитель о. Анатолия, о. Пиор, буд. духовник обители и др. братья из Оптиной пустыни. Усердной исполнительницей воли старца была первая настоятельница обители, *схимонахиня София*, память которой чтится, как истинной праведницы. Преемницей ее была слепая игумения Евфросиния, после нея мать Екатерина, а затем игумения Валентина, при которой большевики произвели разгром монастыря. Она происходила из купеческого звания. Еще до поступления в монастырь, куда она не могла сразу прийти по семейным обстоятельствам, она приняла тайный постриг. В *Шамордине* и скончался *старец Амвросий 10 окт. 1891 г.* Погребен он был в Оптиной пустыни.

После кончины о. Амвросия старчество сперва распределилось между двумя его ближайшими учениками и помощниками – скитоначальником о. *Анатолием* и иером. о. *Иосифом*. По смерти же в янв. 1894 г. о. Анатолия, главным

старцем стал о. *Иосиф*. Он жил в келье о. Амвросия, и, своею кротостью, смирением и преданностью памяти своего наставника, приобрел общую любовь. Про него о. Амвросий говорил своим духовным чадам: «Я поил вас вином с водой, а Иосиф будет поить вас цельным вином». Преемником о. Анатолия по старчеству был для многих его преемник по должности скитоначальника, о. *Венедикт*. Он был воспитанником смоленской духовной семинарии и некоторое время священником в своей родной епархии. Отличаясь благоговейной жизнью, он, овдовев, пришел в Оптину пустынь, где исполнял обязанности письмоводителя при о. Амвросии. Под руководством отцов Амвросия и Анатолия он приобрел духовную опытность. Окончил он свою жизнь, в сане архимандрита, настоятелем Боровского Пафнутиева монастыря.

Другим учеником скитоначальника о. Анатолия был иеромонах о. *Нектарий*, опытный делатель умной Иисусовой молитвы. Он поступил в скит еще мальчиком, и большую часть своей жизни, провел в глубоком уединении, под руководством о. Анатолия. По кончине о. Иосифа, скончавшегося в 1911 г., о. Нектарий, с благословения настоятеля пустыни, поселился в келье о. Амвросия и стал принимать посетителей. Скончался о. Нектарий в 1926 г.

Среди бывших учеников о. Амвросия особенно выделился иеромонах о. *Анатолий младший*, который, после смерти о. Иосифа, стал главным старцем Оптиной пустыни. «О. Анатолий», пишет прот. Четвериков, «и по своему внешнему согбенному виду, и по своей манере выходить к народу в черной полумантии, и по своему стремительному, радостно-любовному и смиренному обращению с людьми, напоминал преп. Серафима Саровского». Скончался он, повидимому, в 1922 г.

Привлекала многих богомольцев *Глинская Рождество-Богородицкая пустынь*, в курской еп., находившаяся в 40 в. от г. Путивля. Основана она была в 1557 г. на р. Обесте, на месте явления в «глинском урочище» (в нем горшечники добывали глину) иконы Рождества Богородицы, на одной из сосен, из под которой истекал источник чистой воды. Здесь в сооруженной часовне поставлена была икона, перенесенная в собор,

заложенный в 1770 г. Обитель прославилась своими духоносными мужами при возобновителе ея, игумене Филарете (1773–1841), видевшем у себя в пустыни душу преп. Серафима, уносящуюся 2 янв. 1833 г. в селения райские. Известны составленные Филаретом четыре устава для женских монастырей разных епархий. Устав, введенный им в пустыни, привлек в нее иноков, стремившихся к аскетической жизни. Известны монах Досифей († 1874), лицезревший в алтаре Божию Матерь; о. Лаврентий, предвидевший свою кончину в 1881 г.; келейник о. Филарета о. Евфимий, тело которого благоухало после кончины его в 1866 г.; инок Евгений († 1894); замечательный подвижник схимонах Архипп († 1896). В четверти версты от пустыни находился Ближний скит, где, около храма свв. Иоакима и Анны, под скромной чугунной плитой покоился иеросхимонах Макарий, 36 лет подвизавшийся в пустыни и преставившийся на 63-м году жизни в 1864 г.

В Саровской обители продолжал сиять старец *Серафим*, о котором писалось в части пятой (стр. 628). Когда он подвизался в т. н. «Дальней пустыньке» в глухом лесу, в 1804 г. на него напали, с целью ограбления, три крестьянина, нанеся ему тяжкие повреждения. Связанным бросили они его в сенях келлии, которую перевернули вверх дном в поисках денег. Нашли же разбойники только икону и немного картофеля. С трудом добрался потом старец до обители. Никто не надеялся, что он выживет, но исцеление последовало от, посетившей его в тонком сне, Божией Матери. Преступниками оказались окрестные крестьяне. Благостный старец настоял на ненаказании их, заявляя, что в противном случае покинет обитель. На всю жизнь о. Серафим остался согбенным; ходил опираясь на топорик, мотыку или палку. По выздоровлении, он снова удалился в свою пустыньку. Там посетил старца незадолго до своей кончины настоятель обители, о. Исаия, очень его почитавший. Когда о. Исаия ушел на покой, то братия выбрала настоятелем о. Серафима, но не получила его согласия. Новый настоятель о. Нифонт, достойнейший инок, очень любил старца. После смерти в 1807 г. о. Исаии, старец принял на себя подвиг молчаливчества, который продолжал и

вернувшись в 1810 г. в монастырь. «В 1815 г. Господь, по новому явлению о. Серафиму Пречистой Матери Своей», пишет архим. Серафим (Чичагов)⁶⁵, «повелел ему не скрывать своего светильника под спудом и, отворив двери затвора, быть доступным и видимым для каждого. Поставя себе в пример великого Илариона, он стал принимать всех без исключения, беседуя и поучая спасению». 25 ноября 1825 г. Мать Божия, явившись в сопровождении святителей Климента, папы римского, и Петра Александрийского, память коих празднуется в сей день, разрешила о. Серафиму выйти из затвора и посещать обитель. С этого года началось попечение его о Дивеевской женской общине. Многочисленны были проявления старцем прозорливости и исцелений больных по его молитвам. Переписывался он с благочестивым архиепископом воронежским Антонием. Почитал о. Серафим духовника Саровской обители иером. Илариона, ученика игумена Назария, о котором не раз упоминалось. Старец Серафим направлял к нему приходивших дивеевских послушниц для исповеди и пострижения им их в рясофор. Посещал о. Серафима его давнишний духовный сын, старец Тимон, подвизавшийся в Надевской пуст., костромской еп., и устроявший ее. Известно одно из наставлений, данных им ему: «Сей, отец Тимон, сей, всюду сей данную тебе пшеницу. Сей на благой земле, сей и на песке, сей на камени, сей при пути, сей и в тернии: все где-нибудь да прозябнет и возрастет, и плод принесет, хотя и не скоро. И данный тебе талант не скрывай в земле, да не истязан будешь от своего господина; но отдавай его торжникам: пусть куплю делают ...». Близкими старцу Серафиму духовными людьми были, исцеленные им Михаил Вас. Мантуров и Николай Александрович Мотовилов. Последний опубликовал потом многое из сказанного ему святым старцем. Время кончины его, как видно из ряда слов и действий старца, было ведомо ему. Преставление его 2 января 1833 г. узвано было иноком, соседом старца по келлии, вышедшим к ранней литургии. Он почувствовал сильный запах дыма, как оказалось от тлевших вещей и книг. Старец Серафим найден был скончавшимся на

коленях, со сложенными крестообразно руками, перед образом Божией Матери Умиления.

С именем преп. Серафима неразрывно связана дальнейшая судьба *Дивеевской* обители, о которой упоминалось выше (стр. 625–6). С 1815 г. старец начал посылать туда сестер и поручил М. В. Мантурову купить в с. Дивееве землю; позднее же научил его как надо размерить поле. В 1826 г. на этом месте сооружена была мельница, питательница Дивеевских «сирот» – сестер. В 1825 г. о. Серафим решает создать вблизи старой обители свою собственную, в которую принимает одних девиц, почему она и называлась «Девичьею». Архим. Серафим пишет: «До сих пор духовно работая над собою, он только готовился выйти на поле общественного служения. Теперь настало такое время, с которого о. Серафим, ставши в духовной жизни выше множества христиан и чувствуя подкрепление со стороны благодати Божией, посвятил себя подвигу веры и душеспасительного назидания и руководства ближних...

Он мог, по заповеди матушки Александры, обратить все свое внимание на устройство Дивеевской обители, обетованной Божией Матерью». Место для новой обители ему указала Сама Богородица, Которая обошла пределы будущего монастыря Своими стопами. Здесь преп. Серафим велел вырыть «канавку». В 1827 г. создалась «Мельничная» община, в 1829 г. в ней выстроен был каменный храм во имя Рождества Христова. В 1842 г. общины соединены были в одну, с наименованием Серафимо-Дивеевской. В 1861 г. община возведена в Серафимо-Дивеевский Троицкий монастырь. В соборном храме во имя Живоначальные Троицы, оконченом сооружением в 1875 г., пребывала драгоценная святыня – икона Божией Матери «Умиления», перед которой молился и скончался святой старец. В обители имелось многое, связанное с его памятью. В деревянном домике, как бы в футляре, находилась ближняя пустынька преп. Серафима. К началу XX столетия в монастыре было более 950 сестер. Обитель имела пять храмов, богадельню, больницу, училище для девочек, две гостиницы и много различных мастерских, мельницу, угодия.

В Дивеевской обители подвизалась блаженная старица, Христа ради юродивая, *Пелагея Ивановна* (Серебренникова), которой преп. Серафим, при первой встрече с ней, заповедал поселиться в сем святом месте. «Иди, матушка, иди немедленно в мою обитель», сказал ей старец, «побереги моих сирот-то, и будешь свет миру и многия тобою спасутся». Она прибыла в обитель в 1837 г. и преставилась в 1884 г. По указанию Пелагеи Ивановны, после ее кончины, поселилась в Дивееве, приходившая туда иногда и ранее, юродивая Прасковья Ивановна, крестьянка тамбовской губ., называвшаяся *Паша Саровская*, как спасавшаяся почти 30 лет, в вырытой ей пещере, в трудно проходимом тогда Саровском лесу. Архим. Серафим, отмечая, что она бывала то чрезмерно строгой, сердитой, грозной, то ласковой и доброй, то горько-горько грустной, пишет: «Детские добрые, светлые, глубокие и ясные глаза ее поражают настолько, что исчезает всякое сомнение в ее чистоте, праведности и высоком подвиге. Они свидетельствуют, что все эти странности ее, иносказательный разговор, строгие выговоры и выходки – лишь наружная оболочка, преднамеренно скрывающая величайшее смирение, кротость, любовь и сострадание». Во время открытия мощей преп. Серафима, ее посетила имп. Александра Феодоровна.

В 1812 г. в г. Мещовске, калужской губ., скончался юродивый *Андрей*, родившийся в 1744 г. в благочестивой деревенской семье. Придя в возраст, он много молился, особенно ночью. Поселившись в городе, Андрей ходил почти голым с топориком; одежду и все ему даваемое раздавал нищим. Одарен был он даром прозорливости. Погребен он был в выбранном им месте в Георгиевском Мещовском мон., где чтим был панихидами над его гробом. В Ростове почитался *иером. Амфилохий* (1748–1824), долгое число лет, стоявший у раки Свят. Димитрия. Он был духовником в Спасо-Яковлевском Дмитриевом мон. Советы и наставления о. Амфилохий предлагал тоном скорее друга, чем наставника, отличаясь большой проницательностью. Митрополит С.-Петербургский Серафим писал о нем настоятелю обители: «Сие светило, столько лет озарявшее святую обитель вашу и окрестные грады

и веси, склоняется уже к западу. А посему я долгом своим считаю молить купно с вами Отца небесного, дабы Он долее и долее продлил тихое сиянье его к сердечной радости сынов Церкви и к нашему утешению». Погребен о. Амфилохий в притворе соборного храма. Впоследствии рядом с ним был погребен его племянник, архим. Иннокентий, тоже прославившийся строгою жизнью. В Старо-Ладожском Успенском мон., петербургской еп., известна была игуменья старица *Евпраксия*. Происходя из купеческого звания, она с детства имела склонность к иноческой жизни. Десять лет она провела в монастырях г. Арзамаса, нижегородской еп.; пострижение приняла в 1777 г. в Старо-Ладожском мон., где через два года, была поставлена игуменьею. Повышен был ею нравственный уровень обители; предметом особых забот ея было церковное благолепие. Управление монастырем лишило ее прежнего безмолвия; для уединенной молитвы она во все времена года уходила в глубину густого леса. Когда состоялось увольнение иг. Евпраксии, по старости, на покой, она перешла в тесную келью, в которой и скончалась в 1828 г., прожив 91 год.

Богородицкий мон. в г. Задонске, воронежской еп., в котором с 1769 г. подвизался, ушедший на покой, Святитель Тихон, там и преставившийся в 1783 г., был средоточием подвижников. Дворянин вологодской губ. *Георгий Машурин* с детства любил уединение и чтение священных книг. Таким остался он и будучи корнетом Казанского драгунского полка. В 1818 г., имея 29 лет, Георгий поступил послушником в Задонскую обитель. Через год после вступления в монастырь, он затворился в самой худшей, тесной келье. Позднее, не оставляя затвора, Георгий начал принимать приходивших к нему за наставлениями, проявляя большую прозорливость. Намеревался он перейти в другой монастырь, т. к. письма и посетители развлекали его. В это время прибыл к нему странник из Сарова, сказав от имени старца Серафима, которого он не осведомлял о своем предположении: "Стыдно, столько лет сидевши в затворе, побеждаться такими вражескими помыслами, чтобы оставить свое место. Никуда не ходи. Пресвятая Богородица велит тебе здесь оставаться". Георгий

был тайно пострижен в монашество с именем Стратоника. Преставился он в 1836 г. В г. Ельце, орловской губ., в семье дьячка, родилась в 1769 г. *Матрона Наумовна Попова*, рано осиротевшая. С юных лет она стремилась поступить в монастырь, но старица Мелания, жившая в затворе в Знаменском мон., направила ее в Задонск, заповедав принимать там странников и питать сирот. Матрона, в начале сама во всем нуждаясь, начала в Задонске помогать другим. Доброе дело встречено было некоторыми сочувственно, ей стали жертвовать, что давало ей возможность все больше помогать бедным. Богомольцы именовали ее "матушка кормилица". Удалось ей позднее обзавестись домом, который полон был бедными, убогими, больными. В 1844 г. приняла она тайный постриг с именем Марии. Вела она подвижническую жизнь; духовность ее и опытность развили в ней прозорливость. Скончалась она в 1851 г. Дом свой отдала она перед смертью монастырю, завещав и другой дом и землю для устройства там общины сестер милосердия. В 1869 г. тело ее перенесено было в создавшуюся общину и погребено в Скорбященской церкви. В Задонске подвизался *юродивый Антоний Алексеевич*, родившийся в семье крепостных в бедном селении задонского у. Пользовался он большим почитанием многочисленных богомольцев, стекавшихся в монастырь. Был Антоний прозорливцем, обладал даром исцеления. Юродство проявилось в нем в семилетнем возрасте; почил он в 1851 г. на 120-м году. В Задонске жила *Евфимия Григорьевна Попова*, родившаяся в тамбовской губ. в набожной семье однодворца. С четырнадцатого года жизни она проводила ночное время в молитве на церковной паперти, посещала все церковные службы, держала строгий пост. В зрелом возрасте она ушла в затвор, поселившись в небольшой хижине около сельской церкви. Через несколько лет Евфимия приняла на себя подвиг юродства Христа ради, проявляя дар прозорливости. В Задонске, в котором она поселилась в 1808 г., уважавшие ее лица выстроили ей дом, в котором создавалась женская община, посвятившая себя странноприимству. Евфимия была в ней старицей. Она обращалась за советами к Илариону

Троекуровскому, сама же наставляла будущего затворника Георгия. Чтил ее юродивый Антоний Алексеевич. Она скончалась в 1860 г., имев извещение о близкой смерти. Прожила она 110 лет. Тело ее погребено было, при огромном стечении народа, в часовне Задонского Богородице-Тихонова Тюнинского женского мон. (в 1 в. от Задонска), рядом с затворником Георгием, в ряду других Задонских подвижников.

В Задонске жил некоторое время *Иоанн затворник Сезеновский* (1791–1839), сын крепостного бедного помещика тамбовской губ. Было что-то жалостное в его детском лепете; с десяти лет он стал искать уединения. Много тяжелого, безропотно им переносимого, пришлось ему пережить в молодые годы. Он в Киеве, Воронеже, Задонске прибегал к советам выдающихся по духовности лиц, потом стал юродствовать. В 1817 г. князь Несвицкий дал ему землю и лес для постройки келлии в своем селе Сезенове. Там и пребывал Иоанн в затворе, нося тяжелые вериги. Стекались к нему толпы народа. С приходившими он беседовал через запертую дверь приветливо и убедительно, проявляя прозорливость. Много говорил он о будущем монастыре в Сезенове. Вокруг него селились вдовы и девы, которые должны были стать, по его желанию, первым звеном обители. Погребен Иоанн в храме воздвигнутом на месте его келлии. В 1840 г. община была утверждена, в 1853 г. возведена в Иоанно-Казанский мон., тамбовской еп. Старец о. *Исаия, в схиме Игнатий* (1780–1852), был сыном набожного крестьянина новгородской губ. С 18 лет почувствовал он влечение всего себя отдать Богу. Поселился он в своем же саду в уединенной келлии; ходил на богомолье в Киев и в Соловки; жил с братом отшельником в дремучих лесах псковской губ.; уходил на Афон, где принял монашество с именем Исаии. По возвращении на родину он поступил в затерявшуюся среди густых лесов Задне-Никифоровскую пустынь олонечкой епархии, где почивали мощи преп. Никифора и Геннадия Важеозерских. Установил он в пустыни общежитие, со всеми иноками исполнял монастырские послушания. Поучал Исаия всех любви и смирению. Стал он известен в С-Петербурге; был вызван туда обер-прокурором Св. Синода;

беседовали с ним многие высокопоставленные лица, которых он поражал смиренным и доброжелательным простосердечием. Возобновленная им обитель в 1846 г. сделана была самостоятельной (до этого была приписана к Александро-Свирскому мон.); в 1909 г. переименована в Важеозерско-Никифорово-Геннадиевскую. В 1849 г. он принял схиму с именем Игнатия; задолго знал о времени своей кончины. Подвижнической была жизнь *Илариона* (Фокина), затворника Троекуровского (1774–1853), крестьянина рязанской губ. С раннего детства он полюбил церковь и в своей религиозности был утвержден дедом, с которым ходил на поклонение к святым местам в Киев, к Троице. На 20-м году, оставив жену, он тайно удалился в лесное уединение, где принял на себя самые тяжкие аскетические подвиги. Затем, после многих испытаний и странствований, приняв тайно постриг, он в 1824 г. поселился в келлии, построенной для него благочестивым помещиком И. И. Раевским в своем тамбовском имении Троекурово. Здесь Иларион, в течение 29 лет, обладая великими дарами, принимал во множестве стекавшийся к нему народ. Им дан был совет А. М. Гренкову, будущему старцу Амвросию, идти в Оптину пустынь. Им создана была в Троекурове женская община, чего желал и посещавший его преосвященный тамбовский Арсений, буд. митрополит киевский. В 1857 году Троекуровская община была утверждена духовною властью, в 1871 г. переименована в Дмитриевский жен. мон. Над могилой старца Илариона выстроен был в 1893 г. новый храм.

В Смоленске и Москве пользовался почитанием сын священника *Иван Яковлевич Корейш*, окончивший Духовную Академию, учительствовавший, позднее же принявший на себя подвиг юродства. По злобе влиятельного лица он был помещен в московскую Преображенскую больницу для умалишенных. Там три года его держали в одиночном подвальном помещении, прикованным к углу. Освобожденный новым старшим врачом, он помещен был последним в простую комнату, в которой, тесня себя во всем, прожил сорок лет. Имел он высокие духовные дары, был прозорливцем, исцелял больных. Скончался Корейш в 1861 г.

Пятьдесят лет подвизался в реконских лесах в тихвинском у., новгородской губ. схимонах *Амфилохий (Шапошников)*, восстановитель древней Реконской пустыни. Е. Поселянин пишет о нем: «Смирняя тело свое, старец надевал на голову железный обруч, или в горечи сознания греховности своей привешивал к шее большой камень, носил железные вериги или проволочную рубашку, а в руки часто брал железный посох ... Он питался гнилыми корками хлеба или овсяным толокном, смешанным с золою или песком, древесной корой, мхом и кореньями.» Верующие добирались до его менявшихся убежищ по жердям, положенным на топкой почве, иногда идя по пояс в воде. Когда, отстаивая права пустыни на лесную дачу, он присужден был к ссылке в Сибирь, спасло его заступничество Т. Б. Потемкиной и обер-прокурора гр. Протасова, доложившего о нем имп. Николаю I. Почитал Амфилохия митр. Филарет московский. Скончался схимонах Амфилохий в 1865 г., на 125-м году жизни.

В Сибири известен был своею подвижнической жизнью старец *Даниил (Делие) Ачинский* (1784–1843) С 1807 г. по 1822 г. он был на военной службе, участвовал в Бородинском сражении, был в Париже. Много тяжелого пришлось ему претерпеть, когда созрело у него желание предаться уединению и молитве. За оставление военной службы был он сослан в Сибирь, где исполнял тяжелые работы. По получении свободы, Даниил поселился в г. Ачинске, последние же годы жизни провел в деревне Зерцалы, вблизи Ачинска. Там келлия его была в размер гроба; ограничивал он себя во всем. Народ шел к нему за благословением. Духовною силою, любовью и умилением были исполнены беседы Даниила. Местные архиереи очень почитали Даниила и бывали у него. Скончался он в женском мон. в Енисейске, в котором провел последние три месяца жизни. В Томске почиталась *юродивая Домна Карповна (Слепченко)*. Она помогала, как выражалась, "слепеньким» – прохожим и проезжим, любила животных. Была большой молитвенницей. Почитал ее владыка Порфирий (Соколовский), еп. томский (1860–64).

Светильниками веры были пастыри: священник *Иоанн (Борисович)* и протоиерей *Матфей (Константинович)*, известный под именем Ржевского. Первый из них родился около 1750 г. в семье воронежского священника и священствовал в г. Ельце, орловской губ. Сохранились наставления, данные юному иерею Святителем Тихоном Задонским. Ежедневно совершал о. Иоанн литургии и акафисты, особенно заботился о благочинии в храме, был крайне воздержан в пище и щедрым милостивцем. Посещал он, главным образом, прихожан, замеченных им в дурном поведении и нередко склонял к покаянию. Был он прозорливцем. Скончался о. Иоанн в 1824 г. Прот. Матфей (1791–1857) был настоятелем кафедрального собора в г. Ржеве, тверской губ. Сын диакона тверской еп., он с юных лет прилежал к церкви; любимым его чтением были творения Свв. Василия Великого и Иоанна Златоуста. Был он строгим постником, проявлял великую ревность о храме, совершая ежедневно литургию. Был он удивительным проповедником, сиял милосердием. В пасомых искал добрые качества и избегал осуждения, обращал раскольников. Почитала его Т. Б. Потемкина. Вызванный в Петербург для совещания о воздействии на раскольников, он стал известен в столице по строгости жизни и мудрости. Под большим его влиянием был Н. В. Гоголь, написавший в 1845 г. замечательное «Размышление о божественной литургии». Почитался как прозорливец в Угличе священник *Петр (Томаницкий)*, живший с 1782 г. по 1866 г.

Приведены выше краткие сведения лишь о некоторых подвижниках, упомянутых в труде Е. Поселянина «Русские подвижники 19 века». Данные о благочестивых русских людях, преисполненных неослабевающим всю жизнь порывом ко Христу, можно почерпнуть и в замечательных «Жизнеописаниях отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков», составленных владыкой Никодимом (Кононовым), епископом Рыльским, викарием курской епархии. А. В. Карташев в сочинении своем «Очерки по истории Русской Церкви», пишет, что «частные опыты собирания сведений (напр. Е. Поселянина) и данные церковных журналов выявляют более ста новых кандидатов для канонизации».

Подвижничество, так ярко и множественно проявившее себя с конца XVIII в., и происходившее с того же времени, по словам Карташева, «широкое разлитие по лицу земли русской монашества и монастырей» побудило его, видного либерала, поместить, в своем труде, выше упомянутом, следующие справедливые строки: «Словом, по всем внешним и внутренним признакам, следует дать отставку устаревшей односторонне-пессимистической оценке синодального периода и увидеть в нем высшее, исторически восходящее выявление духовных сил и достижений русской церкви» (том II, стр. 320).

Ярко выявлены эти духовные силы у всероссийского батюшки, протоиерея отца *Иоанна Сергиева Кронштадтского* (1829–1908), великого светоча Православия, сиявшего еще в начале нынешнего века.

«В отце Иоанне», пишет прот. Сергий Четвериков⁶⁶), «особенно поразительна цельность и жизненность его пастырского служения. Он не выделяется ученостью, не является суровым подвижником-аскетом, но он весь горит духом пламенной ревности и самоотверженной любви к Богу, действенной, сострадательной любви ко всем труждающимся и обремененным людям, в служении которым он не знает ни отдыха ни утомления... Как воспитался в нем этот пастырский дух? И если он был свойствен ему по природе, то как он мог в себе сохранить, углубить, довести до высокой степени напряжения, не охладить и не растерять его в житейской, суетливой повседневности и деловитости, как это нередко бывает с другими пастырями?

«На все эти вопросы он сам дает ответ, ясный и определенный в своей знаменитой книге «Моя жизнь во Христе» и в других своих писаниях, беседах и книгах. Из этой его исповеди, мы узнаем, что уже с самого раннего детства он не жил обычными житейскими интересами, но всею душой уходил в мир небесных созерцаний, и этому очень содействовала окружавшая его обстановка. Родившись в бедном селе Архангельской епархии, в семье бедного псаломщика, хилым и болезненным мальчиком, он впервые в своей деревенской убогой церкви познал красоту православия и всею душой

полюбил эту красоту. Он горячо отдавался молитве и уже в это время удостоился небесных явлений. «Когда ему было 6 лет», рассказывает его жизнеописатель, «он однажды увидел в комнате ангела, блиставшего небесным светом, и очень смутился, но ангел сказал ему, что он его Ангел-Хранитель, соблюдающий, охраняющий и спасающий его от всякой опасности».

«Идя в школу, мальчик никогда не проходил мимо своей приходской церкви, не остановившись перед нею для молитвы. Он сопровождал своего отца в церковь и знакомился там с содержанием богослужебных книг и на всю жизнь полюбил чтение этих книг. Впоследствии он не раз говорил, что все свое духовное содержание он почерпнул из этих книг. Это его признание имеет чрезвычайно важное значение: на богослужебных книгах воспитывалось его православное, пастырское самосознание.

«В своем дневнике он пишет: «Если вы хотите видеть во всем небесном свете образ православия нашей Церкви, прочитайте весь круг наших богослужебных книг, и вы увидите, какое это чудное учреждение на земле, не человеческое, а божественное. В каком сиянии, в каком величии, в какой божественной красоте, представляются тут (в этой книге) благостные образы Иисуса Христа, Его Пречистой Матери, Святых Ангелов и всех Святых! В каком свете изображено все бедствие, все растление погибающего в грехах человечества, вся немощь и греховность наша, а с другой стороны – вся вера, упование, подвиги, и любовь к Богу и ближним всех святых, их совершенства, при помощи благодати Божией, подаваемой Церковью, приобретенные ими; их спасение, их победы над миром и диаволом, их действенные молитвы за нас» (Мысли о Церкви, стр. 180).

«Когда вы входите в храм, вы входите в иной мир: время исчезает, и начинается вечность».

«В годичном круге богослужения изображена вся история, вся судьба прошедшая, вся жизнь нашей Церкви православной, все ее учение и нравоучение, все догматы, все жития, все подвиги, все страдания как Самого Господа Иисуса Христа,

Божией Матери, так и всех апостолов, пророков, мучеников, преподобных, бессребренников и праведных; своим богослужением она поучает всех христиан молитве, славословию и благодарению Бога; сама молится за всех, всех утешает, располагает к покаянию во грехах, к умилению, к исправлению, к добродетельной жизни, требует плодов покаяния, напоминает о смерти, о Страшном Суде, изображая грозное судилище Господа над всем миром; представляет наше страшное греховное растление, от которого невозможно избавиться без Спасителя, без врачества веры, без Таинств, без поста, без подвигов умерщвления плоти, без милостыни».

«Богослужение научает, утешает, и питает, и врачует и укрепляет души; оно возвышает и радует без числа дух христианина. Это – небесное сокровище на земле, данное нам милосердным Господом и Искупителем нашим; это – сокровищница всех благ, всех даров Св. Духа, сокровищница всех сил к животу и благочестию, всех добродетелей – в лицах, в примерах, достойных подражания» (Мысли о Церкви, стр. 230).

«Семенем и корнем этих позднейших размышлений о. Иоанна были несомненно впечатления, полученные им в родном деревенском храме.

«В духовном училище о. Иоанн учился на первых порах плохо. У него была слабая память. Этот свой недостаток он преодолел усилием веры и горячей молитвы. Он сам об этом рассказывал так: «Ночью я любил вставать на молитву. Все спят. Тихо. Не страшно молиться. И я молился чаще всего о том, чтобы Бог дал мне свет разума, на утешение родителям. И вот, как сейчас помню, однажды, был уже вечер, все улеглись спать. Не спалось только мне. Я по-прежнему не мог ничего уразуметь из пройденного, по-прежнему плохо читал, не понимал и не запоминал ничего из рассказанного. Такая тоска на меня напала. Я упал на колени и стал горячо молиться.

«Не знаю, долго ли я пробыл в таком положении, но вдруг точно завеса спала с глаз; как будто раскрылся ум в голове, и мне ясно представился учитель того дня, его урок, и я вспомнил, о чем и что он говорил. И легко, радостно так стало

на душе. Никогда не спал я так спокойно, как в ту ночь. Чуть светало, я вскочил с постели, схватил книги и – о, счастье! – читаю гораздо легче, понимаю все, а то, что прочитал, не только все понял, но хоть сейчас и рассказать могу. В классе мне сиделось уже не так как раньше, все понимаю, все остается в памяти. Дал учитель задачу по арифметике – решил, учитель похвалил даже. Словом, в короткое время я подвинулся настолько, что перестал уже быть последним учеником. Чем дальше, тем лучше и лучше успевал, и в конце курса одним из первых был переведен в семинарию».

«Я привожу эти случаи из его детства, чтобы отметить, что уже тогда в нем обнаружился облик будущего о. Иоанна с его горячей верой и пламенной молитвой, с его молитвенной настойчивостью, которыми он преодолевает человеческие немощи.»

«Когда о. Иоанн, в 26-летнем возрасте», продолжает на дальнейших страницах о. Сергей, «сделался священником, он с первого же дня своего священства, твердо и определенно наметил линию своего пастырского служения – всецелой, самоотверженной верности Богу, и такого-же самоотверженного служения людям, нуждающимся в его пастырской помощи.

«К прежним средствам своего духовного укрепления, теперь у него прибавилось еще одно, самое могущественное: ежедневное служение Божественной Литургии и соединенное с этим ежедневное Причащение Св. Христовых Таин. Это новое благодатное средство сделалось отныне для о. Иоанна основанием и корнем его духовной и пастырской жизни, источником его духовной силы, бодрости и крепости, его животворной духовной пищей, его пастырской опорой.

«С этих пор он уже окончательно не принадлежал себе. В его жизни начался пастырский подвиг, требовавший чрезвычайной решимости и осуществимый только при том всецелом предании себя Богу, какое было свойственно о. Иоанну.»

«... В то время, как началась пастырская деятельность о. Иоанна, Кронштадт был местом административной высылки из столицы всякого рода бродяг, непомнящих родства и т. п.

людей. Люди эти ютились на окраинах города в землянках и лачугах, шатались по улицам, попрошайничали, пьянствовали.

«О. Иоанн принял их под свое покровительство, заботился о них, раздавал милостыню. Кроме такой голытьбы в Кронштадте было много чернорабочего люда, работавшего в порту. Мужья – пьянствовали, жены с детьми жили в безпросветной нужде, в голоде и холоде. Среди этого безпросветного мрака, как яркий луч Божий, явился молодой, вновь назначенный священник Кронштадтского Андреевского собора, о. Иоанн Сергиев. Он стал посещать эти лачуги и землянки, утешал матерей, ласкал детей, делился с бедными своими собственными средствами, и иногда возвращался домой даже без сапог, отдав их неимущим.

«С течением времени, о. Иоанн увидел, что одной бессистемной помощи бедным и раздачи денег нищим – недостаточно. И тогда по его инициативе, при помощи благотворителей, возникло в Кронштадте учреждение Трудовой Помощи – так называемый «Дом Трудолюбия» и при нем «Ночлежный Дом».

«Но эта материальная забота о бедняках и безработных Кронштадта была только началом, первой ступенью в деле помощи о. Иоанна ближним. Главная его помощь людям заключалась не в материальных пособиях, а в молитвенной помощи страждущим и болящим. Этот последний вид пастырского служения о. Иоанна и прославил его и сделал имя его известным по всей России и обратил его во всероссийского пастыря, молитвенника.

«На этом именно пути и излились через о. Иоанна многократные милости Божии людям скорбящим и страждущим от телесных и душевных недугов.»

«Это был великий подвижник Божий во всей своей жизни», пишет архим. Димитрий (Вознесенский), впоследствии епископ Хайларский⁶⁷), «но подвижник – в мире; это была праведная и чистая в Боге душа, но вся проникнутая идеальным Христовым пастырством, вся вылившаяся в форму деятельной, до конца самоотверженной, любви, безраздельного на весь мир – открытого служения ближнему, особенно всем изнемогающим

под тем или иным давящим бременем жизни. Это был подлинно – отец духовный, всякому к нему приходившему, становившийся сердечно близким, более, чем родным; который всему многомиллионному народу русскому мог сказать, как апостол Павел Коринфянам: «сердце наше открыто к вам, соотечественники, и вам в нас не тесно» (2Кор. VI, 11–12).» «Пламенной верой своей, которая подлинно могла двигать горами, огненной молитвенностью, уподобившей его древним отцам-молитвенникам и подвижникам, поразительной прозорливостью, безчисленными чудотворениями, исцелениями неизлечимых больных, чудесной помощью и явлениями на расстоянии о. Иоанн на себе самом неопровержимо доказал и показал, что и в наш мнимо-просвещенный век все прогрессирующего отступления от веры возможно появление святых, возможны чудеса. Ни у кого из близко знавших о. Иоанна и испытавших на себе силу его пламенной веры, силу его огненной молитвы, нет никаких сомнений в его святости, хотя формально он до сих пор еще не причислен нашей Церковью к лику святых», – пишет владыка Аверкий (Таушев) епископ Сиракуско-Троицкий ⁶⁸), с архипастырского благословения которого начат был сей труд, по милости Божией, ныне законченный.

13/26 августа 1962 г.

День памяти Святителя Тихона,
епископа Воронежского, Задонского
и всея России чудотворца.

Примечания

¹ - Зап. половина европейской России по реку Дон на востоке известна была у греков под именем Скифии, у римлян – Сарматии.

² - Голубинский считает ее варяжкой, на что указывает и ее имя.

³ - Патерик, по русски отечник, отечная книга, т. е. книга отцов или об отцах, у греков назывались так повести о подвижниках.

⁴ - У греков обозначал вообще духовенство; в техническом смысле назывались так архиерейские чиновники. По летописям – старейшие по положению священники (Голубинский).

⁵ - Ятвяги, согласно Соловьеву, особый народ неясного происхождения, языком, религией и нравами схожий с Литвой, Пруссией, самогитами.

⁶ - Митрополита Кирилла обычно именуют вторым. Малоизвестен митр. Кирилл I (между 1040 и 1050 годами), не упоминаемый летописями, но стоящий в Киево-Софийском помяннике и в списке митрополитов Никоновской летописи, (Голубинский).

⁷ - В 1229 г. Киев подвергся такому разграблению татар, что бежали все его жители; отбыл и митр. Максим. (Голубинский).

⁸ - Соловьев отмечает, что в послании патр. Антония и в «Просветителе» пр. Иосифа Волоцкого начало ереси приписывается одному Карпу. В послании он именуется дьяконом, отлученным от службы, стригольником (расстриженным). Пр. Иосиф пишет, что Карп был художеством стригольник.

⁹ - Отзыв сей взят архиеп. Макарием из послания Епифания к преп. Кириллу.

¹⁰ - Указывается в этом случае и в дальнейшем годы смерти.

¹¹ - Мыт, мыто – пошлина за проезд в заставу, через мост; провоз товара, припасов; вообще пошлина за товар (Владимир

Даль. «Толковый словарь»).

¹² - Собственное имя ея было Зоя; Софией она стала именоваться в России. Сестра ея Елена была супругой последнего сербского деспота Лазаря Бранковича (Голубинский). Соловьев пишет, что начальное имя Софии было Зинаида.

¹³ - На месте, где бывала эта встреча, во время Иоанна III, создана была церковь, именуемая Спасом на Болвановке.

¹⁴ - Он родился 25 марта, в день Благовещения, и получил имя Гавриила, память которого празднуется на следующий день; потом дано ему и имя Василия. Отец его, родившийся 22 янв. в день памяти св. Ап. Тимофея, получил это имя, на шестой же день, когда празднуется перенесение мощей Св. Иоанна Златоустого, наименован Иоанном.

¹⁵ - В изложении положения духовенства использованы, главным образом, данные проф. П. Знаменского.

¹⁶ - Голубинский называет его – Николай Немчин. Дает он сведения об авторах сочинений. Николай Де-Ли́ра (1340), уроженец городка Ли́ры в сев. Франции был, как полагают, по происхождению евреем, по званию – фрацисканским монахом. Состоял он профессором парижского университета и прославился своими толкованиями Ветхого Завета, изложенными в виде бесед. Самуил был мароккский еврей, обратившийся в христианство в 1085 г. Его сочинение, написанное им на арабском языке, переведено было на латинский в 1339 году.

¹⁷ - Социн Лелий и его племянник Фавст, антитринитари, способствовали в XVI в. развитию этой ереси в Польше.

¹⁸ - После сожжения на костре в Констанце в 1415 г. Иоанна Гусса и смертей его последователей Жижки и Прокопа, остатки гусситов ок. 1450 г. образовали общину, под именем богемских и моравских братьев. Рокита был сеньором (пастором) общины в Голухове, Калишской г. В Москву прибыл с послами польского короля Сигизмунда II Августа.

¹⁹ - В книге «о Российских святых» царь Феодор поставлен в лике Московских чудотворцев. Повествуют, что в предсмертном

томлении он беседовал с кем-то незримым для других, именую его великим святителем, и что в час кончины его ощущалось благоухание в палатах Кремлевских. (Гр. Мих. Вл. Толстой «Рассказы из истории Русской Церкви»).

²⁰ - Хохол – чуб, клок волос на голове; прическа хохлом – долгих волос на темени, малороссийский оселец (Даль). Это было принадлежностью людей, пришедших с «вором» с запада.

²¹ - Панталеон Лигарид учился в греческой коллегии в Риме. Его современник, Лев Алаций, писал в 1645 г. своему другу Нигузию: «Панталеон Лигарид, три года назад, удалился из Рима в Константинополь, для посещения своего отечества Хиоса и для распространения в той стороне римской веры». Еще прежде он издал «Апологию Петра Аркудия», известного своими ревностными трудами на пользу унии в югозападной России и между греками. В таком же духе писаны и другие сочинения Лигарида. Будучи потом учителем в Угро-Валахии сумел расположить к себе, пребывавшего там, патриарха иерусалимского Паисия. Последовав за ним в Иерусалим, он принял пострижение с именем Паисия, был потом митрополитом гасским. Преемники патр. Паисия, Досифей и Хрисанф, подвергли его осуждению за прежние неправославные сочинения. Старец Арсений Суханов, находившийся в Иерусалиме, был восприемным отцем Лигарида. Он и рекомендовал его Никону, который в 1657 г. приглашал его приехать в Москву. (Гр. М. Толстой).

²² - Царь, по поводу этого заявления, сказал на соборе: «Никон о том мне не писывал, а Семен Лукьянович поклялся предо мною, что того вовсе не бывало».

²³ - Об этом намерении говорится, под 1685 г., и в «Летописи церковных событий» архим. Арсения (1880).

²⁴ - Седмиезерская икона Божией Матери дана была в благословение Седмиезерской пустыни иноком Евфимием, прибывшим в 1615 г. в Казань и основавшим монастырь.

²⁵ - Длина храма внутри 50 сажен, ширина 20, окружность 173 сажени. В храме 29 приделов. В приделе всех Святых погребен патр. Никон. Внутри гроб Господень точная копия

Иерусалимского. Зимний храм в честь Рождества Христова с Вифлеемской пещерой. Под Голгофской горой устроена церковь, в которую ведет ход в 33 ступени – число земных лет Спасителя.

²⁶ - Постановление Собора 1666 года.

²⁷ - Вал или укрепление города.

²⁸ - При патр. Иове: 1) в 1591 г. написан канон и исправлена им служба пр. Иосифу волоколамскому, память которого собор положил праздновать во всех церквях; 2) в 1600 г. установлено праздновать везде преп. Корнилию комельскому.

²⁹ - Рафли – гадательная книга, чернокнижие.

³⁰ - В 1450 г. Марфа Борецкая подарила Соловецкому монастырю землю на обоих берегах р. Сумы. Там в 1586 г., в 3,5 верстах от Сумского залива, для отражения нападений шведов и финляндцев, сооружен был Сумский острог. Позднее он значился посадом в Кемском у. Архангельской губернии

³¹ - Полное название: «Мечец духовный, или разговор с иезуитом Руткою в польской земле». Переведен на славянский язык в 1690 г.

³² - В некоторых источниках пишется Болобан, Рогоза.

³³ - Хмельницкий у Соловьева, Хмельницкий у митр. Макария, архиеп. Филарета.

³⁴ - Императорским Русским Историческим Обществом.

³⁵ - Пожня – луг, сенокос; пожня бывает и по суходолу, в лесу, между пашнями (Даль).

³⁶ - Сохранена орфография имп. Екатерины II.

³⁷ - Когда наследники или наследницы данного места были еще несовершеннолетними, права их соблюдались епархиальной властью. Наследники подыскивали подвижного иерея-заместителя, называвшегося «викарием», и он, по исследовании положения консисторией и архиереем, получал на условленный срок это место.

³⁸ - Санаксарской же обитель зовется в просторечии (Е. Поселянин. «Русская Церковь и русские подвижники XVIII века». СПб. 1905.).

³⁹ - Жофрэн Мария Тереза (1699–1777), хозяйка известного литературного салона в Париже, существовавшего 25 лет. Она оказала много услуг молодому Понятовскому, называвшему ее потом матерью (Энцикл. Сл.).

⁴⁰ - М. Коялович. История воссоединения Западно-русских униатов старых времен. СПб. 1873.

⁴¹ - Секта квакеров возникла в Англии в XVII в. Они считали, что истинное христианство состоит не в догматах, обрядах и т. п., а в непосредственном озарении человека от Св. Духа, Который просвещает его и нравственно усовершенствует. (Е. Смирнов. «История христ. Церкви»).

⁴² - Булгаков приводит еще ряд других толков раскольников.

⁴³ - Ирмологий или Ирмологион – богослужебная книга, содержащая в себе для Богослужения те молитвословия, которые назначены Церковью для пения (а не для чтения) при Богослужении.

⁴⁴ - Т. е. первое обстоятельство, с которым они встретились – нарушение постов.

⁴⁵ - Ф. В. Благовидов. Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII в. и в первой половине XIX столетия. Казань. 1899. Феодор Вас. Благовидов, доктор церковного права, профессор академии по кафедре русской гражданской истории.

⁴⁶ - «Русская Старина» 1884 г. т. 41. Рассказы Голицына.

⁴⁷ - Благовидов ссылается на Архив св. Синода 1836 №744.

⁴⁸ - Попечительства о бедных духовного звания учреждены в 1823 г. при консисториях.

⁴⁹ - оштол – кривая, к концу окованная палка, шестик, с побрякушками наверху; ею погоняют собак к езде, правят ими и останавливают или тормозят нарты (сани).

⁵⁰ - юкола – вяленая, провесная и немного квашенная рунная рыба, сиг, лосось, кета, горбуша; юколой кормятся люди и собаки (Даль).

⁵¹ - Заслуженный профессор д-р богосл. Н. Н. Глубоковский: «Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии». Варшава. 1928 г.

⁵² - В Англии ок. 1698 г. возникло «общество для распространения христианского знания», в 1701 г. – «общество для распространения Евангелия для американских колоний».

⁵³ - «Рачянский, С. А. Замечательный педагог и выдающийся церковно-школьный деятель, работавший в Смоленской губ., но сделавшийся известным по всей России» («Полный прав. богослов. энцикл. словарь»).

⁵⁴ - Использованы данные, помещенные епископом Никоном (Рклицким) в его книге «Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого» т. III. 1957.

⁵⁵ - Владыка Серафим (Чичагов), архиеп. кишиневский, потом тверской, род. в 1856 г., окончивший пажеский корпус, служивший в гвардейской артиллерии, участник войны 1877–78 гг., с 1893 г. священствовал, в 1898 г. принял монашество; в сане архимандрита, благочинного монастырей Владимирской епархии, участвовал в работах к торжеству прославления пр. Серафима, составил летопись Серафимо-Дивеевского монастыря.

⁵⁶ - А. Бакушинский. «Искусство Палеха». Москва. 1934. Широко использованы его данные.

⁵⁷ - «С XV в. при дворах царей были церковные хоры, называвшиеся «государевыми певчими» или дьяками. В XVIII в. придворный хор стал именоваться Капеллой... Цвет одеяния дьяков – вишневый с золотом – сохранился и по настоящее время» («Энци. Сл.» 1895).

⁵⁸ - «В последнее время уточнен термин «партесные сочинения». Партесными называются теперь не все хоровые произведения, а только те, которые написаны типичной польско-малороссийской техникой XVII – начала XVIII вв. (канты и псалмы). Крупнейшие представители: Николай Дилецкий и его ученик, московский диакон Иоанникий Коренев, как теоретики, дьяк Василий Титов, как композитор. Все – второй половины XVII в. Партес, как композиторская техника, задушил демество, а с ним и самостоятельное национальное развитие русского многогласия. Этим партес начинает эпоху подражания,

ученичества Западу, продолжавшуюся до начала XX столетия, и отчасти до сего дня, несмотря на то, что к исходу XVIII в. партес был заменен итальянской композиционной техникой, а с 1837 г. – немецкой» (И. А. Гарднер).

⁵⁹ - «В 1772 г. были отпечатаны Свном распевы в квадратной ноте. Первые печатные распевы в крюках были изданы в 1884 г. Императорским Обществом любителей древней письменности, под редакцией прот. Д. Разумовского» (И. А. Гарднер).

⁶⁰ - Книга сия воспроизведена в 1959 г. фотографически с благословения Архиерейского Свнода Русской Православной Церкви Заграницей типографией преп. Иова Почаевского в Св.-Троицком монастыре (Джорданвилль. США).

⁶¹ - Владыка Никандр (Молчанов), архиеп. Литовский и Виленский (1852– 1910) магистр богословия, быв. ректором петербургской дух. академии.

⁶² - Во время первой мировой войны монастырь эвакуирован был в Шабский Вознесенский м. в Бессарабии, оттуда в Хоповский мон. в Югославии, позже в Фуркэ, вблизи Парижа.

⁶³ - Обе пустыни были приписаны к Лавре. Китаевская, в 9 в. от Киева, основана была, по преданию, в XII в. кн. Андреем Боголюбским; Голосеевская, в 8 вер. от Киева, основана в 1631 г. митр. Петром Могилою.

⁶⁴ - «Оптина пустынь. Исторический очерк и личные воспоминания». Париж. 1926.

⁶⁵ - Архим. Серафим (Чичагов), впоследствии архиепископ, написал большой труд «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря» (С-Петербург. 1903 г.), данные которого здесь использованы.

⁶⁶ - «Духовный облик о. Иоанна Кронштадтского и его пастырские заветы». 1939.

⁶⁷ - «Приснопамятный протоиерей о. Иоанн Ильич Сергиев Кронштадтский». Издание Казанско-Богородицкого мужск. монастыря, г. Харбин. 1933 г.

⁶⁸ - «Светлый образ Православия». («Православный Путь»).
Св. Троицкий монастырь. 1958 г.